Максим
ВОЛОСАТЫЙ

МАГИ
КЛЕВЕРА

ВОИНЫ
КЛЕВЕРА

Максим ВОЛОСАТЫЙ

МАГИ
КЛЕВЕРА

ВОИНЫ
КЛЕВЕРА

МАКСИМ
ВОЛОСАТЫЙ

Маги Клевера
Воины Клевера

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В68

Серия «Новая коллекция фантастики»

Серийное оформление: *Ю. С. Межова*
Художники обложки: *В. Гурков, И. Руднев*

Волосатый, М.

В68 Маги Клевера. Воины Клевера / М. Волосатый. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2011. — 760, [1] с. — (Новая коллекция фантастики).

ISBN 978-5-17-072904-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1995-8 (ООО «Астрель-СПб»)

МАГИ КЛЕВЕРА

Эта история начинается с того, что некие креативные парни на планете Земля открывают магические врата в чужой мир. Превосходный мир с восхитительной экологией. Правда там уже обитают разумные существа — аталь, маги, немного похожие на эльфов. И им очень не нравится, что какие-то посторонние недочеловеки используют их мир как базу для пикников. И они наказывают туристов. По собственным законам и с изощренной жестокостью. Людям это не нравится. И начинается война. На территории аталь. Магия против современной военной техники. Сначала побеждают люди, а потом... Потом магия. И спастись удается только очень маленькой группе землян. Тоже магов. Слабеньких магов, но есть в Мире Клевера место, где их слабость может обернуться настоящим могуществом...

ВОИНЫ КЛЕВЕРА

Кто сказал, что нет Миров, кроме Земли?

Группе землян довелось убедиться в обратном.

Попав в Мир Клевера, где магия убивает не хуже пули, а меч на поясе немыслим без амулета на груди, бывшие ученые и военные очень быстро поверили в его реальность.

Конечно, им помогли. Если считать помощью искреннюю ненависть трех Старших Рас, странно похожих на эльфов, гномов и орков из земных преданий.

Если принимать как дружескую услугу стрелы и мечи Старших, атаки их боевых магов и вылазки жутких Тварей, обитающих в Территориях.

Маги Земли научились жить в Мире Клевера.

Но победить здесь могут только Воины.

Подписано в печать 14.10.2010.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,32.
Тираж 3000 экз. Заказ 1041.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

ISBN 978-985-16-9757-7
(ООО «Харвест»)

© Волосатый М., 2011
© ООО «Астрель-СПб», 2011

МАГИ КЛЕВЕРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Экспедиционный Корпус погибал. Объединенные силы нелюдей прорывали линию фронта где хотели и как хотели. Без огнестрельного оружия, блокированного невиданным заклинанием, войска не могли оказывать достойного сопротивления, и сверкающие броней ряды глеммов, равно как и беспорядочные с виду орды торков, свободно перекатывались через оборонительные порядки людей, создавая бесчисленное множество больших и малых котлов, в которых тысячами гибли солдаты Земли. Сверху непрерывным дождем сыпались стрелы. Аталь, бесподобные лучники, теперь могли занимать какие угодно позиции и от души оттягивались, затевая между собой соревнования, кто быстрее выбьет оговоренное количество людей.

Но смерть несли не только нелюди — вовсю работали и заклинания. Воплощенные монстры утоляли магический голод. Молнии били практически не переставая: ученики до-халь спешили использовать возможность попрактиковаться, мстя за пережитый страх. Ядовитые облака полуразумного газа целенаправленно искали людей, куда бы те ни спрятались. Одно из таких облаков неспешно подплыло к группе, затаившейся в кустах на выходе из небольшого оврага, и как бы в нерешительности остановилось.

— Иди себе с Богом, эльфы мы, эльфы,— Семен Точилинов, командир спецгруппы Управления Практической Магии Министерства Обороны РФ, махнул рукой облаку, и то, приняв, наконец, решение, поплыло себе мимо, надумав-таки поискать именно людей, а не непонятных существ, чья принадлежность к аталь хоть и вызывала со-

мнения, но была довольно явной. Семен оглядел напряженные лица соратников, вымазанные эльфийской кровью, и невесело хохотнул:

— Боря, расслабься, я же не дергаюсь, когда ты молнии отводишь, это ты умеешь, я знаю. А полуразумные сущности — моя специализация.

Его спокойный ироничный тон несколько смягчил напряжение, которое владело всеми. Борис, эксперт по энергетическим воздействиям, вяло отмахнулся, неуклюже пытаясь пошутить:

— Это ты знаешь, что они неопасны, а им забыли сообщить.

Шутка не прошла. Тяжесть, висевшая над группой, никуда не исчезла. День клонился к вечеру, но казалось, он длится уже целое столетие. Того, что людям пришлось пережить за этот день, каждому хватило бы на десяток жизней. Группа находилась практически на линии фронта, с тем чтобы быть как можно ближе к источникам боевых заклинаний, и приняла на себя — вместе с передовыми частями — удар торжествующих нелюдей. Если бы не некоторые познания в хальер, которые успели накопить разведки и исследовательские центры людей, никто из группы не выжил бы, как не выжил практически никто из личного состава частей, стоявших на линии фронта. Но специалисты по раннему предупреждению магических ударов прибыли из Франции как раз для проверки своих способностей в этой области. Они подвесили на ночь несколько следящих заклинаний — арканов, как они их называли. Поэтому, когда утренняя тишина внезапно взорвалась диким звоном и звуками «Марсельезы» (шутники решили, что такой сигнал оповещения вполне подходит для аркана французской работы), группа ученых успела хотя бы проснуться. Навыка подъема по боевой тревоге, естественно, ни у кого не было, и пропали бы научные мужи ни за понюшку табака, но усиленное изучение неизвестной науки сделало свое дело. Чтобы создать теорию магии, чуждой людям, надо было для начала накрепко затвердить азбучные истины и исходные данные. Поэтому, выйдя из палатки и увидев несущуюся на них стену огня, Борис, сотни раз моделировавший эту ситуацию, выжимавший досуха всех халь, доставляемых в лабораторию в качестве пленных, неожиданно даже для самого себя вдруг замахал руками и заверещал что-то на непонятном языке. Огонь не отреагировал никак. Но когда ревущее пламя пронеслось через них, оставив за собой людей с остекленевшими глазами и картинно стоящими дыбом волосами, выяснилось: везде, куда доставал взгляд, выживших не осталось. Никого. Кроме них самих и взвода дивизионной разведки, при первых же признаках опасности примчавшегося спасать ученых. Никого.

Осознав, что чудом остались в живых, люди как по команде уставились на Бориса. Смотрели, может, не как на мессию, но уж как на живого апостола — точно. Борис, как мог, сбивчиво объяснил: дело, собственно, в заученном заклинании, вон, у французов тоже работает. И на ученых снизошло отчетливое понимание: то, что они изучали в теории, уже подтверждено страшной практикой. Они бы, наверное, так и остались там, на выжженном поле, так как нелюди начали атаку сразу после нанесения магических ударов, но тут уж всех выручили разведчики.

Повидав за время этой шизофреничной войны еще и не такое, они не стали предаваться отчаянию, но отнеслись к происходящему философски. И — по-военному. Ну выжгли передовые части, ну перешли в контрнаступление. Ничего страшного, потом вернем, еще и с процентами. И даже потом, осознав всю трагичность и безнадежность ситуации, они так же спокойно и доходчиво объяснили ученым: как бы ни повернулась ситуация, думать будут те, у кого соответствующие головы на погонах есть, а их дело — вернуться, принеся с собой максимум информации, и, если получится, постараться перед уходом как можно сильнее напакостить. Но всё это было потом, а тогда, стоя на дымящейся земле, разведчики похватали ученых, впавших в прострацию от осознания многих истин, и быстро-быстро потащили их в тыл, так как в пределах видимости уже сотрясали землю первые ряды хорда глеммов, а оказаться мишенью для стрелков аталь, поддерживающих хорд, не улыбалось никому. Уж они-то знали, как аталь обращаются с луками и пращами. Да и глеммы могли чрезвычайно заинтересоваться: что это за группа маячит там, где, по идее, никого в живых быть не должно. Мгновенная реакция разведчиков спасла всех, однако научная группа при этом потеряла все записи и наработки. Бойцы даже квакнуть не дали слабо трепыхающимся ученым, похватав их в охапку и буквально на руках утащив назад. А когда итальянец Джузеппе Строцци решил все-таки объяснить непонятливым солдафонам ценность оставляемого, молчаливый разведчик просто ткнул его лицом в обожженный труп какого-то бедолаги, а потом развернул в сторону неумолимо приближающихся шеренг, ощетинившихся всеми видами колющего и рубящего оружия. Вопрос был исчерпан. И черт бы да с ними, с этими записями, но вот воспроизвести по памяти рунное заклинание портала не мог ни один из двух имеющихся в составе группы телепортистов. Формулу портала с Земли к аталь знали все. А вот формула перехода из Зеленого Лепестка в Огненный, домой то есть, была только-только открыта. И теперь группа пребывала в глубочайшем унынии, раз-

мышляя, сколько еще времени им отпущено, прежде чем нелюди найдут их в этом овражке. До сих пор разведчики достаточно успешно обезвреживали всех случайных солдат противника, оказывавшихся поблизости. Но ведь среди них не было ни одного халь. Между тем ученым представилась прекрасная возможность попрактиковаться в магии, так как после ограничений, наложенных снайперами и артиллерией, практически все халь, находящиеся в зоне боевых действий, стремились продемонстрировать свое искусство. И огромным везением было то, что группу собирала и направляла ООН, которая решила провести совместные консультации на местности в расширенном составе, а значит, привлекла представителей всех изучаемых на практике направлений магии. Накопленные ими знания пока что позволяли выживать и эффективно противостоять заклинаниям общей направленности, но никто не брался предположить, что будет, если на группу набредет настоящий халь. А что рано или поздно это случится, никто не сомневался — изменение линий хальер не почувствовать невозможно.

Последний час, по рекомендации военных, заставивших дать отдых кипящим мозгам, провели в безделье, поедая сухой паек, раздобытый где-то разведчиками, и заново переживая произошедшее. Несчастные телепортисты так и не смирились с отсутствием записей и продолжали с маниакальным упорством чертить на земле различные варианты формулы построения портала, пытаясь заново изобрести ее. Процесс начертания каждого нового варианта проходил по одной и той же схеме: при первых штрихах с их стороны слышались нежные уговоры и приглушенные мольбы, а по завершении раздавался с каждым разом все более и более громкий и изощренный мат.

— Опять молнии,— в овраг откуда-то сверху свалился дозорный.

Отдых кончился. Борис вздохнул и начал карабкаться повыше, чтобы обозреть происходящее и прикрыть в случае надобности группу. Ничего особенного. Опять какой-то до-халь напутал с расстоянием и пустил линию молний за несколько километров от уходящего фронта, а может, и местность зачищали. И все же, хоть молнии — одно из самых простых заклинаний, Бориса все равно ощутимо потряхивало.

— Ничего, Борь, мы в тебя верим,— Семен расслабленно полулежал на груде листьев и, казалось, совершенно не интересовался происходящим. Однако при этом он умудрялся видеть всё, что творилось с людьми. Он единственный из всех поддерживал шутливо расслабленную манеру разговора, и остальные, видя постоянно перед собой такой пример беспечности и уверенности, тоже понемно-

гу оттаивали. Все-таки, когда начальник говорит, что ничего страшного не происходит, становится легче. Когда есть на кого переложить решение проблемы, а этот кто-то уверен, что всё под контролем, надежда появляется сама собой. Так уж люди устроены. Сам-то Семен дергался ничуть не меньше, а то и больше подчиненных, но при этом он четко осознавал, что сейчас все смотрят именно на него, и, пока он делает вид, что все идет как задумано, люди будут работать. Покажи, что ты боишься тоже,— получишь неуправляемое, обезумевшее от страха стадо. А так командир группы являл собой единственную связь с привычным миром, незыблемое свидетельство понятной структуры жизни. Земля по-прежнему была здесь. И страхами своими Точилинов не стал делиться ни с кем. Даже с командиром разведчиков. Когда капитан сунулся было к нему с приватным разговором, мол, что делать будем, шеф, беда, Семен, вспомнив, что он значительно старше по званию, построил бедолагу по всей форме: «Вы, товарищ капитан, ничего не забыли? Ничего, что к целому полковнику на „ты“ обращаетесь? Конечно, виноваты. У вас приказ есть? Отлично. Повторить! Вот и выполняйте. Физическая безопасность группы должна быть обеспечена, остальное — наши проблемы». И понял, что угадал. В затравленном взгляде капитана начало проступать осмысленное выражение. Мир становился на свои места, и капитан, козырнув, пошел распространять обретенную уверенность на подчиненных. Через пару минут все бегали как положено, абсолютно уверенные, что всё идет в соответствии с планами командования.

«Хорошо с военными,— вздохнул про себя Семен.— Сказано, бурундук — птичка, значит, будет чирикать». Научные люди — существа с более тонкой душевной организацией и, соответственно, более подвижной психикой. Каждый час до кого-то доходило истинное положение вещей — и людей вскидывало. Приходилось вмешиваться. Кого-то надо было уговорить, на кого-то прикрикнуть, а кого-то и высмеять. У Бориса, например, внутренний голос вовсю орал про катастрофу, а глаза, наблюдающие иронично усмехающегося Точилинова, успокаивали разбушевавшийся мозг — и Борис включался и делал что требовалось.

Вот и сейчас он беззлобно ругнулся и подобрался, готовясь отводить идущий на них фронт молний. Эти заклинания не были чем-то особенным, и Борис, пробормотав положенные формулы изменения линий (он уже понял, что орать совершенно необязательно), начал натягивать линию, ответственную за энергетические разряды, чтобы создать необходимое напряжение. Молнии не будут бить по участку, где уже есть необходимая концентрация хальер.

Семен тем временем, убедившись, что все идет как надо, решил приподнять боевой дух телепортистов:

— Что, балбесы, опять буковки не складываются?

«Балбесы» хмуро оглядели подошедшего полковника, и только врожденная скромность и тактичность не позволили китайцу Се Ляо Юй обматерить старшего по должности. Строцци же, даром что майор, подобной сдержанностью не страдал. Минуты две он очень эмоционально рассказывал Точилинову, что он думает про рунную магию, недалеких солдафонов, которые не дают забрать записи, про нелюдей, про эту дурацкую жизнь вообще и про лезущих с указаниями начальников в частности. Монолог был выдан на итальянском, но Семен общую канву уловил, хотя честно продолжал слушать с глуповатой улыбкой на лице. Китаец помалкивал, но во взгляде чувствовалось если не одобрение мыслей коллеги, то, как минимум, уважение к ним. Дав Джузеппе выпустить пар, Точилинов заглянул в глаза уже вошедшему в раж итальянцу и задушевным голосом тихо спросил:

— Ты что, майор, совсем страх потерял?

И, уже не сдерживаясь, выплеснул на несчастного ученого всё напряжение, копившееся с самого утра:

— Вы тут что, совсем охренели? Вы, б...дь, офицеры или где? Смир-р-на!

Телепортистов подбросило. Вытянувшись по струнке, они ели глазами внезапно рассвирепевшее начальство. Всё-таки Семен не всегда ученым был. В магию он пришел из строевых частей. И строить подчиненных, соответственно, умел.

— Ничего, что тут целый полковник перед вами находится? Или Устав и принцип единоначалия в армии уже отменили? Про ответственность за невыполнение приказа в зоне боевых действий все помним, а, майор?

Уже осознавший всю пагубность выбранной тактики общения с начальством, Строцци судорожно закивал, не сводя взгляда с пистолета, который Точилинов непонятно когда достал. Семен сам посмотрел на пистолет, как будто в первый раз его увидел, недоверчиво хмыкнул и убрал. Потом перевел мутный взгляд на ученых. Те только немалым усилием воли не отшатнулись.

— У вас есть определенный участок работ?

Два кивка.

— Формулы все написаны?

Еще два кивка.

— Не слышу, написаны или нет?

— Так точно! — Оба вспомнили, как по Уставу положено отвечать.

— Где они?

Итальянец несколько оторопело махнул рукой:

— Там.

— Где? — Ничего не понимающий в рунах Точилинов, тем не менее, пристально вглядывался в формулы, написанные на земле. Может, они действительно делали всё возможное и невозможное, но уж больно вид у обоих был удрученный. Следовало взбодрить. И Семен опять подпустил зверя в голос:

— Это? Это что, б...дь? Это не формулы, а каракули обоссавшегося енота. Что вы мне тут, на хер, пишете? Базовую формулу перехода в разных позах я могу и бойцов заставить написать. Вы ученые или что?

Вытаращенные глаза телепортационного интернационала ясно свидетельствовали, что они, конечно, ученые, но — а дальше-то что? Срочно требовалась умная мысль. Только откуда ж ей взяться. Была бы, давно бы использовали. Ну а раз нет у самого, надо напрячь подчиненных. Свистящим театральным шепотом, слышным на другом конце оврага, приблизившись практически нос к носу, полковник начал накачку:

— Всё, что знаете! Сейчас! Здесь! Написать! Скомбинировать во всех возможных вариантах! Дать результат! Про магию крови слышали? Говорят, на крови переходы сами строятся. Если к вечеру отсюда не выберемся, будем проверять гипотезу на практике. С тебя начнем.

Семен резко ткнулся в обалдевшего от такого поворота китайца.

— Всё ясно?

Се Ляо Юй, к слову сказать такой же полковник, судорожно кивнул.

— Вы-пол-нять!

Итальянец, понявший, что сейчас вроде бы пронесло, и китаец, осознавший, что мимо него как раз может и не пронести, кто их знает, этих русских, рванулись к формулам.

Пару минут постояв в стороне и понаблюдав за разворачивающейся дискуссией, Семен тихонько отошел. Вроде мысли у них какие-то появились. На ходу доставая сигареты — слава богу, они хоть в рюкзаке оказались,— Точилинов подошел к наблюдавшему за экзекуцией капитану разведчиков:

— Вот так-то, главное вовремя пнуть.

— Сильно вы их, Семен Алексеевич.

— Учись, капитан, полковником станешь. Когда выберемся.

— Ага, когда выберемся. А пока, может, мне моим тоже боевой дух приподнять?

Однако идея не прошла. Разведчики, с интересом прислушивавшиеся к воспитанию телепортистов, правильно поняли, что теми дело не ограничится, и, как только завязался разговор, мгновенно начали заниматься вдруг появившимися делами, развивая бурную деятельность. Кто оружие чистил, кто снаряжение подтягивал, кто в вещмешке порядок наводил.

— Ха, наивные, они что, думают, мне докопаться не до чего? Щас найдем.

Капитан, придумав себе полезное занятие, резко повеселел.

— Погоди-ка,— остановил его боевой задор Семен,— пойдем лучше посмотрим, как там дела у Бориса, что-то перестала нравиться мне его ситуация.

Борису ситуация престала нравиться гораздо раньше. Проходящий практически мимо фронт молний, вместо того чтобы окончательно начать уходить, повернул прямо на них. Через несколько минут он накроет весь овраг.

— Что случилось, Боря?

— Сам не пойму, Семен Алексеевич. Он уходить должен, а вместо этого на нас разворачивается. Я всё по правилам делал, в прошлые разы работало.

— Значит, с чем-то новым столкнулись. Капитан, поднимай людей. Тревога. Телепортисты пусть работают. Ты передай им, что до сеанса магии крови они могут и не дожить.

Капитан кивнул и исчез. Из оврага послышались команды и лязг оружия. К магам поближе подтянулись дозорные, сидевшие в секретах.

Молнии меж тем дошли до края оврага. Борис все-таки сделал все правильно. Часть оврага, где находились люди, накрыло защитным куполом. Там ничего не происходило. Вот только легче от этого не стало. Фронт превратился в кольцо, окружившее группу. Стена молний отрезала людей от остального мира. Гром оглушал. Семен добрался до капитана.

— Что с переходом? — Орать приходилось прямо в ухо, но и так почти ничего не было слышно.

Капитан махнул рукой в сторону телепортистов. Ребята, надо отдать им должное, не запаниковали, не ударились в истерику. Обмениваясь краткими репликами, почти не слышными из-за грома, помогая себе жестами, они в бешеном темпе чертили что-то на земле. Трогать их сейчас было бессмысленно.

— Боря, сколько такое может продолжаться? — Точилинов знаком подозвал к себе мастера энергий.

— Зависит от силы халь. В принципе, долго. Здесь, я так понимаю, работал на-халь, причем не один.

— Скажи,— Семен пристально глянул в глаза ученого,— а случайно это могло произойти? Ну, неадекватно отреагировал фронт, нашел на ком энергию сбросить, или еще что?

Борис внезапно отвердел лицом и очень спокойно ответил:

— Очень и очень вряд ли.

— Значит, все-таки нарвались, и это кольцо просто маркер для на-халь. Нас таки нашли.

И поднял голову, ощутив напряжение линий хальер. Высоко-высоко над группой кружилась красная точка. Плохо дело, понял Точилинов. Летучий Зверь. Звери четко делились по цвету. Про Красных Зверей полковник и слышал-то всего лишь однажды, случайно. На-халь редко попадали в лаборатории Земли. Но вся информация, которая у него была, говорила об одном — это заклинание одно из самых сильных. «Здравствуйте,— зло подумал Точилинов.— Добро, значит, пожаловать. Наслышаны, наслышаны. Вот только счастья от визита, извините, не испытываем, уж лучше бы мы к вам». Уверенности, что он сможет противостоять Красному Зверю, не было, скорее, наоборот. Это ловушка. И в подтверждение догадки по краям оврага выросли насмешливые в своей молчаливости и неподвижности фигуры аталь с натянутыми луками. Зверь начал снижаться.

Семен рванулся к телепортистам.

— Джузеппе!..

Итальянец, не отрываясь от бешеного начертания рун, молча махнул головой — не мешай, вижу. Маги, приготовив весь свой невеликий арсенал, замерли вокруг последней своей надежды. Эти двое должны умереть последними. Между магами стояли разведчики, сжимая бесполезные на расстоянии ножи. Красный Зверь выписывал круги прямо над молниями, издавая пронзительный вой, пробирающий до ногтей. В центр рун вдруг воткнулась стрела, виртуозно пущенная в промежуток между молний. Аталь решили поговорить. Редким животным, знающим магию, предлагали сдаться.

«Всё,— мелькнуло в голове Точилинова.— Не уйти». В конце концов, любое везение заканчивается. И то сказать, не должны они были выжить, не должны. Слишком хорошо аталь подготовились. И в свою игру играют. Магия на магию. Куда уж им против гвардии. А то, что это гвардия, видно сразу. Изумрудные одежды стрелков-листьев и боевые султаны халь со свисающими амулетами, шлемом покрывающие головы, говорили сами за себя. «За нами шли,— отрешенно подумалось Семену.— Такой набор наверняка только для нас собран. Для регулярных частей столько элиты не

нужно. Поймали, твари». Верхняя губа сама собой поднялась в волчьем оскале. Он медленно оглядел неподвижные ряды. Застывшие нечеловеческие лица, напряженные взгляды, готовые сорваться стрелы и заклинания. Узковатые, удлиненные глаза внимательно смотрели на кучку людей. Семен скользил взглядом по шеренгам, сам не зная для чего, вглядываясь в лица. Вот какой-то начальник стрелков, зеленая повязка на лбу. Стрелки на себе носят только амулеты, больше ничего вообще, это особый шик воинов-листьев, так что любая деталь в одежде — отличительный знак. Хищное тонкое лицо, острый подбородок, узкие плечи, зеленоватые волосы, стянутые назад, взгляд как прицел. Листья сами напоминали стрелы, готовые в любой момент бесшумно принести смерть любому, кто осмелился пойти против непобедимой Старшей Расы Клевера. Несмотря на внешнюю субтильность, силой они обладали немалой, Семен это хорошо помнил, хоть и общался в основном с халь.

А вот и они. Такие же тонкие лица, но почему-то чуть шире, кормят их, что ли, лучше? Раньше у Точилинова не было возможности сравнивать их вот так, стоящих рядом с воинами. «И лучше бы и дальше не было»,— с грустной усмешкой подумал он. А стоят красиво, величаво. Высокие лбы почти полностью прикрыты свисающими с султанов амулетами. Сплошь высшие маги, на-халь,— по две серьги у каждого в удлиненных острых ушах. Та же хищная красота готовой ударить стрелы. И — презрение. Чем отличались халь, так это презрением. Даже на допросах. Воины, они проще. Вот ты, вот я. Кто сильнее, тот и победил. А халь презирали. Всех. Как же, высшая ступень развития живого существа. И таки победили они.

«Хрен вам»,— зло и упрямо выдохнул Семен. Пока гвоздик не заколотили и земелькой сверху не присыпали, ничего еще не кончено. Хотя шансов, конечно, всего ничего. Тут не только аталь. Даже глеммов притащили, вон топчутся возле начальства. Квадратные невысокие фигуры, напоминающие каменные валуны, придавали монументальность группе, стоящей особняком. От души готовились, чтобы совсем без шансов. Боятся. И правильно делают, не один халь лег в этой войне. И не один еще ляжет, хоть и громят сейчас людей. «Еще не всё»,— упрямо твердил себе Точилинов. Вот только возвращать долги, судя по всему, будут уже не они.

«И черт с вами». Семен последним усилием расправил плечи и так же презрительно глянул на главного халь, молча стоящего на краю оврага, впереди всей своей свиты.

И встретился с ним взглядом. И вздрогнул, узнавая под свисающими на самые глаза амулетами, того самого пацаненка...

— А ведь я тебя пожалел, поганца.— От бессильной злости Семен не удержался и прошипел вслух. Но никто не услышал. А если бы и услышал, то не понял. А Семен смотрел, и внутри закипала яростная обида непонятно на кого. Нет, конечно, он знал, что, жалея врага, он давал тому шанс встретиться с ним в бою. Всё он понимал, всё... Но вот такого презрения, которое просто рвалось из глаз тен-таля Каллимо, как теперь уже понятно, советника самого Принца Лианы зол-италь Санделя, он не ждал. Все что угодно — злость, ненависть, ярость... Но не презрение. Презрение к человеку, который дал тебе жизнь, считай. Презрение к воину, проявившему уважение к врагу. Плевок в лицо в ответ на протянутую руку. «И ведь ты, собака, принял мою помощь. Не плюнул в ответ, презирая тогда. Принял, а вот теперь плюешь, превращая благородный порыв в несусветную дурость»,— кипел Точилинов. Ведь он тогда в благородство сыграл, чистеньким перед собой вышел, наплевав на всех: мол, вы мясники, а я... А теперь... Ощущение собственной глупости, прикрытой налетом дешевой романтики, оказалось непереносимым. Вот за это Семен был готов сейчас щенка (хотя какой уж он теперь щенок) удавить голыми руками. Так, чтобы треснула гортань под судорожно сведенными пальцами, чтобы руки ощутили кости, чтобы плоть рвалась и трещала, чтобы кровь, такая же красная, как у всех, залила безупречно презрительное лицо. Ай, как стыдно-то, как плохо-то перед собой оправдываться. Другому можно объяснить, доказать, убедить. Себе не докажешь... И черт его тогда дернул...

Глава 2

— Разрешите, товарищ генерал-майор? Полковник Точилинов по вашему приказанию прибыл,— доложился Семен, входя в кабинет.

— Садитесь, товарищ полковник,— генерал-майор Каретников, целый замначальника Главного Управления Кадров, по чьему прямому приказу Семена выдернули со службы и отправили в Москву, указал на кресло перед столом,— представляю вам начальника Управления Практической Магии Генерального Штаба генерал-майора Йенсена, Торвальда Эриковича. Вы переходите в его Управление на должность первого заместителя.

Семен присмотрелся к новому начальнику. Видел он его впервые. Высокий, даже сидя видно. Судя по имени — корни шведские. Хотя от шведа у него была только шевелюра пшеничного цвета. Все остальное скорее откуда-то из Древнего Рима утащено. Четкий профиль, волевой подбородок, глаза чуть навыкате, жесткая линия рта. В общем, достаточно аристократичный красавец в самом соку. Дорогой костюм на нем смотрелся бы лучше, но генерал-майорская форма тоже сидела очень и очень ничего. «Вот вокруг него, наверное, бабы-то в штабели складываются»,— не к месту мелькнуло в голове. Точилинов помотал головой, отгоняя неуставные глупости.

Нет, конечно, он всё уже заранее знал и все предписания на руки получил. Нынешняя встреча — всего лишь дань штабной культуре,— первого зама управления, пусть нового, не перебрасывают письмом, как лейтенанта какого-нибудь. И всё же — до чего по-дурацки звучит. Семен едва сдерживал хохот, получив предписание, хихикал, ходя по коридорам ГУКа, посмеивался, готовясь к представлению. Сейчас смешки кончились, хотя внешне ситуация выглядела абсурдно донельзя: Управление Практической *Магии* при Генштабе! Торвальд Эрикович Йенсен, генерал-майор, его начальник. Уписаться можно. Но это внешне. А на деле, в ГУКе плохо понимают шутки, тем более такие, как создание нового Управления. И заниматься *Практической Магией* ему придется на самом деле. И-и-хе-хе-хе! У-у-ха-ха-ха! Замечательно, а чего делать-то? Сушеных летучих мышей по стенкам развешивать? Или на метле летать по ночам? Изделие ПЛМ-19М — Помело Летучее Магическое, версия 19, модернизированное? Свиток Заклинательный, допуск секретности по форме №2? Семен, конечно же, заполнял тесты, в обязательном порядке разосланные в войсках. Поговаривали, что они как раз для этих целей и составлялись, но что они могли там у него найти экстрасенсорного, Точилинов ума не мог приложить. Но вот нашли ведь.

— В общем, удачи, товарищ полковник, на новом месте службы,— закончил выступление Каретников.

Семен моргнул — он, оказывается, всё прослушал. Ну да ничего. Все равно всё нужное ему сейчас Йенсен будет рассказывать, а до этого лирика напыщенная была.

— Ну, позвольте откланяться,— поднялся Йенсен совершенно не по-военному.

— Разрешите идти, товарищ генерал-майор? — по Уставу встал Точилинов.

— Идите,— благосклонно кивнул из-за массивного стола Каретников,— и удачи вам в вашем нелегком труде.

Пока дверь закрывалась, Семен все пытался понять: он поиздевался или как?

— Пошли,— когда дверь закрылась, Йенсен простецки подтолкнул Точилинова в спину,— получим проездные и двинемся, машина ждет. У тебя вещей много?

— Нет,— Точилинов, даром что до полковника дослужился, жил бобылем, семьи не было, вещей, соответственно, тоже кот наплакал.— А зачем двигаться? Куда? Не здесь мы разве?

— Нет,— Йенсен улыбнулся,— я из Питера, вот и выбил себе дислокацию дома. Тем более что народу надо много с водой работать, с камнями, природа нужна. И спокойствие. А Москва уж больно суетная. Ломиться вперед за достижениями — места лучше не придумаешь, а вот мыслью растечься или помедитировать спокойно, творить — это не здесь.

Подборка всех документов заняла час, еще час они постояли в пробках, добираясь до гостиницы. Всё это время о делах не было сказано ни слова, и только когда автомобиль с Йенсеном и Точилиновым, ведомый вглухую тонированной машиной сопровождения с двумя мигалками, тронулся и Йенсен поднял перегородку, отделяющую их от водителя, и что-то там у себя переключил на подлокотном пульте, Точилинов не выдержал:

— Шикарно живем, товарищ генерал-майор.

— А то,— Йенсен достал сигареты,— мы теперь фигуры о-очень значимые. Что дома, что по всему миру. Привыкай. Куришь?

Семен кивнул и тоже достал пачку:

— А с чего нам такой почет, товарищ генерал-майор? — Приятно, конечно, но лучше всё до конца выяснить.

Йенсен покривился:

— Давай без званий. Я, если ты еще не понял, человек не очень военный, несмотря на то что погоны кинули, мне проще, когда по-человечески.

Точилинов пожал плечами, по-человечески так по-человечески, еще и лучше.

— Зовут меня Торвальд, псевдоним Гермес, внутренний код — 7. Обращаться лучше по псевдониму, тебе тоже что-нибудь придумаем.

Тут покривился Семен. С детства он не имел ни одного прозвища, не липли они к нему.

— Ну, как хочешь,— развел руками Гермес.

— Так что насчет всего этого? — повертел пальцем в воздухе Семен.

— Все просто. Ты про операцию «Конкистадор» слышал?

— Краем уха,— хмыкнул Точилинов.

Не слышать про «Конкистадор» было невозможно. Параллельные миры, разумные расы. Магические штучки, открытые группой ученых-фанатиков. Существа, похожие на эльфов, гномов и орков из сказок. Точилинов всех деталей, естественно, не знал, но подозревал, что ребята были малость того, этого... В общем, открыли они это все самостоятельно, без ведома какого-либо правительства. Еще бы, кто на такую белиберду денег даст? Ну открыли и открыли, а потом «магическую» формулу перехода закинули в Интернет. Ой, что началось! Космический туризм в планетарном масштабе, автостопом по Галактике. А эльфы (аталь, как они себя называли) никакой радости не испытали. Мало того, ограждали они себя от любопытных очень и очень жестко. С убитыми и ранеными. Тут уж и правительства подключились. Защита сограждан и всё такое. Тем более что война — такой замечательный повод решить пару-тройку проблем внутри страны. В общем, слово за слово, пришлось начинать вторжение. Ничего умнее не придумали, как дать название «Конкистадор». Как-то благополучно забыли, что испанцы-то в итоге цивилизацию порушили. А аталь вовсе и не индейцами оказались. В ответ так врезали, что мало, судя по всему, не показалось. Конечно, официально ничего не сообщалось, но военные кухню-то свою знают и выводы делать умеют. Когда дивизия за дивизией снимается и куда-то уходит, да не заштатные части, а настоящие боевые, то картина потихоньку вырисовывается. И снабжение молотит как оглашенное. Слухов было достаточно, а вот очевидцев пока не было, всё только-только началось, еще никто и не вернулся, чтобы сплетни принести. Только «двухсотые» да раненые, но на этих такой режим секретности повесили — не подходи. Однако слухи про какую-то магию (хи-хи) ходили, а потом в частях распространили и заставили заполнять какие-то странные тесты. Поговаривали, по этой части. Вот, в принципе, и всё.

— Тесты, говоришь? — довольно ухмыльнулся Йенсен и шутливо постучал себя по груди.— Я придумал. Хорошая вещь оказалась.

— Меня из-за них к тебе направили? — Сам просил на «ты» обращаться.

Йенсен и ухом не повел.

— Именно,— покопался в портфеле и достал два листка, один из которых Семен уже видел, заполняя тесты. На нем был нарисован цветок клевера. На втором красовался дворец в окружении зелени.— Что видишь?

— Цветок клевера и дворец с деревьями.

— Ага,— удовлетворенно выдохнул Гермес,— а вот остальные ничего не видят. Тот же Каретников просто чистый лист наблюдает, я ему тоже подсовывал. Почему? Да потому что эти рисунки мне настоящий халь рисовал, по всем правилам. И весь тест составлен на чувствительность к магии, хальер на аталите.

И рассмеялся, глядя на ничего не понимающего Семена.

— Аталит — это язык аталь,— пояснил он.

— А хальер? — Точилинов поудобнее устроился на мягком сиденье.

Глава 3

Тишина Карельского перешейка по вечерам просто поражала. База УПМ, расположенная прямо в лесу, позволяла насладиться прелестями северной природы в полной мере. Даже не верилось, что огромный мегаполис, Северная Столица, находится всего в каких-то семидесяти-восьмидесяти километрах. Казалось, нога человека вообще никогда не ступала ни по этому сосновому лесу, ни по берегу озера, вокруг которого располагалась база. Вечером, при тихой погоде, казалось, что ты просто попал в фотографию: все вокруг застыло в непередаваемой красоте и тишине, и только ты один двигаешься на этом фоне.

Территория базы когда-то уже принадлежала военным, но с наступлением лихих годов, когда хватали всё, что можно ухватить, а армия потихоньку сокращалась (читай — разваливалась), лакомый кусочек красоты у армейских быстренько отобрали и благоустроили для отдыха всяких очень хороших и нужных людей. Но под дудку войны и необходимости создания принципиально нового направления базу быстренько забрали обратно. Ну, на самом деле не так уж быстренько. При первом обращении генералам порекомендовали отдохнуть от этой мысли, уж больно красивое и уютное местечко. Но еще даже не испеченный тогда генерал-майор Йенсен оказался не только чрезвычайно сильным магом, но еще и крепким хозяйственником, к тому же — с немалыми задатками лидера. Он просто встал в позу и заявил, что наверняка найдутся одаренные люди, которые смогут помочь родной стране в этой фантасмагорической проблеме под названием «магия». Но не он.

А время и обстоятельства жали так, что сил терпеть не было вообще никаких. Войска, развертывавшиеся для наступления, неожиданно столкнулись с ожившей сказкой. С летающими нематериальными драконами, с живыми деревьями, со стенами огня, с клубами разумного тумана и вообще со всем тем, что раньше только в книжках и присутствовало. Если бы не война, так и замечательно, но когда все эти сказки оборачиваются реальными потерями, то тут уж становится не до шуток. Поэтому, когда дело дошло до Москвы, там даже читать не стали никакие обоснования. Жесточайший приказ «отдать и не морочить голову» прилетел практически мгновенно. И Йенсен стал обладателем райского уголка, одного из немногих на Земле, где люди начали изучать совершенно иное видение жизни.

— Еще что-нибудь осталось? — Точилинов плюхнулся на землю возле костра.

— Так, только настроение испортить,— Борис Уваров, энергетик, как его называли, протянул почти пустую бутылку.— Будешь?

— Пить — буду, настроение портить — нет. Чего такие потухшие? Опять не получается?

Борис, лежащий на спине возле вечернего костра, где собралась вся невеликая магическая рать, вздохнул и перевернулся на живот:

— А оно и не может получиться, как будто сам не знаешь.

Бориса, который разве что не зажигал спички взглядом, откопал где-то на Урале Йенсен. Пирокинетические задатки у него были налицо, и, естественно, определили его заниматься энергетическими воздействиями: отчеты, поступавшие из войск, описывали и стены пламени, и ураганные ветры, и направленные молнии, косившие беззащитных солдат.

Вообще, все восемь человек, подобранные Йенсеном для участия в проекте, включая Семена, обладали экстрасенсорными способностями в той или иной мере. Но от того, что их собрали вместе, повесили погоны и дали отеческое напутствие, ни качество, ни количество этих способностей не увеличилось. После активного изучения статистики, накопленной за два месяца боевых действий, стало ясно, что в ближайшее время они вперед не продвинутся. А потом выяснилось и почему.

Неделю назад на Озеро, как начали называть базу ее обитатели, привезли первых пленных. Пятеро магов, халь, были доставлены на базу как ценнейший и неимоверно бьющийся груз. Разве что ватой не переложили. Все пятеро было совершенно обездвижены.

Зафиксировали их, конечно, в удобных позах, но так, чтобы и пальцем не могли шевельнуть. В войсках уже насмотрелись, что могут вытворять маги, поэтому при захвате их вырубали мгновенно и поддерживали в бессознательном состоянии всю дорогу. Наверное, ребятам было очень больно.

А самое обидное, что всё зря.

— Роммо ихаэ эс, коссоль?

— Вроде ругается. Говорит: чего, мол, надо, животные? — пробубнил переводчик.

Откуда они накопали этого молодого пацана, который фактически за три месяца смог более-менее сносно выучить аталит, Семен себе даже близко не представлял. Хотя, чего там, есть Военный Университет, там таких пацанят пруд пруди. Сколько ему? Лет девятнадцать? Этим курсантам вообще фиолетово, что учить: китайский, пушту, язык индейцев майя или какой-то аталит. Родина сказала: «Надо!» — и вперед. Чего там, по молодости-то. А если еще и командировок пару-тройку сообразить — языковое погружение, так сказать,— так вообще хорошо. И романтика, и от военной жизни откосить. Достает, знаете ли. Понятно, еще и способности нужны, и недюжинные, но тут уж, судя по всему, без внимательного взгляда Гермеса не обошлось. Так что Денис теперь являлся непременным участником всех «бесед» с пленными, которых начали поставлять войска Экскора, как стали называть Экспедиционный Корпус.

— Ты ему объясни, что мячик-то не на его стороне сейчас,— вздохнул изрядно уставший к этому времени Семен, это была уже третья встреча за сегодня.— Будет выделываться — обидим, и сильно.

Денису можно такие вещи говорить. Он парнишка с головой, сам сообразит, как сформулировать. И действительно, поняв все, младший сержант тут же что-то защебетал на их птичьем языке. Правильно переводил, с душой, судя по всему,— аталь начал медленно багроветь. Ничего, пусть поймет, кто здесь главный. Тем временем Дениска, похоже, зацепил за живое. Не отрывая взгляда от Точилинова, аталь начал что-то говорить. Мягкие звуки мелодичного языка превратились в злобное змеиное шипение. Жилы на пунцовой шее пленника превратились в канаты. Изо всех сил он начал тянуть на себя прикованные к ручкам стального кресла руки. Семен не отрывал взгляда. Воля на волю. Один на один.

И вдруг в кресле что-то хрустнуло...

Если честно, Семен даже испугался немного, о силе тщедушных с виду халь ходили легенды: один этот пленник при случае мог

уделать их всех. Но тут сзади выдвинулась могучая фигура. Василий Теткин (Теркин, как его тут же прозвали остряки), сержант роты охраны, обеспечивающей непосредственную безопасность ученых, был фигурой выдающейся. Во всех смыслах.

Страшный удар по лицу сорвал прикрепленное к полу кресло. Халь тряпичной куклой покатился по полу. Вася медленно подошел, поднял хрупкую фигуру вместе с креслом, легко хлопнул по лицу, концентрируя внимание, поставил на пол и угрожающе медленно приблизил свое лицо к лицу аталь. Так, что едва не коснулся пленника лбом, глядя прямо в глаза, ломая волю. Резко выдохнул что-то зверское. И тут же — еще один страшный удар.

Третьего не потребовалось. Поднятый с пола халь уже не пытался отстаивать родовую честь или что там еще. Страх бился в его глазах. Семен его понимал, ему и самому стало не по себе.

— Вася, я говорил тебе, что ты не тем занимаешься? — не поворачивая головы, поинтересовался Точилинов.

— А по-моему, именно тем,— прогудел сзади сержант.— Готов, красавец.

Красавец действительно был готов.

— И правда,— Семен начал конструктивную на сей раз беседу: — Ваше имя, звание, род занятий...

Ну вот не было на Земле магии. У всех была: у аталь — В Зеленом Лепестке, у глеммов — в Сером, у торков — в Желтом, а на Земле — не было. Четвертый Лепесток пространства, объединяющего четыре мира, названный с подачи аталь Огненным, что являлось в их классификации наиболее негативной оценкой, оказался обделенным. Магические линии, линии хальер, не текли свободно, пронзая мир, давая возможность с их помощью менять саму его структуру, как во всех Лепестках, а по какому-то капризу мироздания создавали вокруг Земли контур, внутри которого была пустота. Может, это было обусловлено тем, что только с Земли открывался выход во Вселенную, остальные Лепестки представляли собой замкнутые миры, может, еще чем-нибудь, но факт оставался фактом — на Земле нельзя было заниматься магией. Вернее, можно, но с таким маленьким КПД, что лучше и не начинать. Маг, халь, мог принести на Землю с собой немного хальер в качестве своей жизненной силы либо в запечатанных магиприпасах или амулетах, но вся высвобожденная хальер тут же стремилась в контур линий вокруг Земли. Магам на Земле было не место.

Глава 4

— Судя по твоему лицу, про результаты можно и не спрашивать,— Гермес поднял голову от бумаг, глядя на входящего в кабинет Точилинова.— Кофе будешь?

— Буду, хоть уже и тошнит от него,— Семен тяжело плюхнулся в кресло перед столом начальника и достал сигарету.— Почему не спрашивать, спрашивать можно, и результаты есть, на сей раз нам на-халь достался, высший маг, Ветвь Речного Берега, если тебе это что-то говорит.

Гермес помотал головой.

— Не суть,— продолжил Семен,— систему халь мы уже почти выстроили, через пару дней представим. В теории мы уже подкованы дальше некуда, но вот с практикой я даже не знаю что и делать. Узоров у нас уже море, но как их опробовать, не знаю.

— Узоров? — хмыкнул Гермес.— Художники.

— Ну не ложится мне на язык «заклинание». Сказками попахивает. А «узор» — это просто перевод с аталит. Кстати, очень подходит, судя по описаниям.

— Узор так узор, хоть горшком назовите, только результат дайте.

— Как? Чертова безмагия.

— А в поля не хочешь съездить?

— А что, можно? — удивился Точилинов.

— Ты что, с луны свалился? — Гермес, казалось, удивился еще больше.— Почему нельзя? Или ты собрался здесь до старости сидеть?

— Да нет, я как-то и не задумывался.

На Семене, помимо занятий магией, еще лежало общение с родным министерством. Все остальные были, как Гермес,— люди сугубо невоенные, поэтому вся отчетность и жизненное взаимодействие с людьми в погонах, начиная от непосредственных начальников и заканчивая ротой охраны, были его задачей. В таких условиях некоторая узость мышления прощалась — штабная культура отнимала колоссальное количество времени и сил.

— Задумайся,— широко улыбнулся Йенсен,— я уже всё подготовил. Заодно Галина попрактикуется в построении порталов.

— Галина? Галина, да, попрактикуется,— протянул Точилинов.

Гермес ухмыльнулся. Неприязнь, возникшая между Точилиновым и Галиной Ганц (внутреннее неофициальное прозвище — ГГ),

специалистом по рунной магии, никакой тайной не являлась. Невысокую, крепкую, с густыми каштановыми волосами Галину красивой назвать было нельзя. Никак, хоть убейся. Так, обыкновенная полусмазливая мордашка. Крепко сбитая, как топориком вытесанная. Плотные ноги с толстыми лодыжками, короткие пальцы, значимый голос. В общем, достаточно серая бабенка в возрасте от тридцати до сорока, бывает такой возраст. Однако сама она полагала себя абсолютно неотразимой. Реально неотразимость заключалась в основном в жлобском панибратстве со всеми мужчинами, оказывавшимися в поле ее зрения. Женщин она просто не замечала — за исключением тех, кто стоял значительно выше по социальной лестнице либо находился при интересующих ее мужчинах. Хлопнуть по плечу проходящего мужика, громко спросить: «Как дела, Лёха?» — напутствовать: «Ну-ну, давай-давай»,— это было в порядке вещей.

И еще она никогда не выходила на люди ненакрашенная и с неуложенными волосами. Что вы, как можно, что она, пэтэушница какая? В общем, все мужики в округе должны были ею восхищаться, и никак иначе. Для начала она положила глаз, естественно, на Йенсена, но тут он полностью оправдал свой псевдоним — о чем можно говорить с богом?.. Даже не думай, девочка. И она переключилась на номера второго.

Точилинов с детства терпеть не мог панибратства, а уж от наглых хабалок — тем более. В этом плане очень выручала военная форма. Погоны — они для того и придуманы, чтобы все всё понимали. Вот ты, вот я, и ни-ни. Но Галина была слишком уверена в своей привлекательности. В общем, пришлось послать почти прямым текстом. Обиженная, самоуверенная, хамоватая и не очень умная женщина — что еще надо для доброй склоки? Слово за слово, день за днем — вот и выросла неприязнь, грозившая перерасти в нечто большее. Гермес не раз предупреждал, чтобы они заканчивали эту свару,— им вместе, может, придется в бой идти, но куда там... Семену-то всё это было, как говорится, по фигу: подумаешь, сложная подчиненная, мало ли их было, а вот у Галины не так просто оказалось. Тем более что все остальные в команде, включая роту охраны, со стервозной бабой предпочитали не связываться и молча терпели ее выходки, еще более укрепляя Галину в понимании собственной значимости.

— Еще не наигрался? — вздохнул Гермес.— Что ты на нее так взъелся? Ну стерва и стерва, с такими еще и проще работать: пни в нужное место — сама побежит. У нее ж комплекс на комплексе, выбирай, какой пригодится для дела. Тем более что руны она неплохо знает.

— Неплохо — это по сравнению с нами: мы с тобой вообще ничего в них не понимаем. Да и никто другой.

— Полно, полно, ты уж слишком пристрастен.

— Может быть.— Семен потер лицо руками. Если бы он так не устал, не стал бы говорить дальше, но день и правда выдался очень трудным. Прорывало.

— Да понимаешь, есть люди, при первой встрече с которыми проскакивает искра. С одними искра хорошая — видишь и понимаешь, что человек замечательный,— и хочется общаться. А с другими... Не нравится мне ее искра.

— Ну уж, знаете ли, товарищ полковник, если с каждым сложным специалистом искру рассматривать...

— А убило меня, когда я увидел, как она с пленными обращается,— Точилинов не услышал замечания.— Очень это нехорошо, издеваться над связанными. Плохо это пахнет. Воняет просто. И хочется вымыть руки.

— А вы с Васей, значит, ангелы небесные,— сварливо проявил информированность Гермес.

— Мы тоже бьем. Даже пытать будем, если надо. Но получать информацию — это одно, а унижать, когда всё уже ясно и известно,— совершенно другое. Лежачего или добивают, или прощают. Ты видел, с каким удовольствием она их лупит? Просто так, ничего уже не спрашивая.

— И что? — Гермес посуровел.— Ты у нас чистоплюем заделался? Рыцарем в белой броне захотелось выступить? Все вокруг в грязи замазались, а он такой вежливый и благородный. Ах, простите, ваше сиятельство! Удобно ли вам у нас в плену? Шампанское достаточно охлажденное?.. Как прикажешь с ними обращаться?

— Не знаю. Но не так. Они достойны хоть минимума уважения. Ты видел, как они держатся? Они, между прочим, за свой дом сражаются. Это мы к ним вторглись, если помнишь. Так что не такие уж мы и справедливые.

— Уважения? — Гермес неожиданно яростно зашипел. Точилинов впервые видел такое яркое проявление чувств со стороны начальника. В больное место, что ли, попал? Надо будет заметку себе сделать.— Уважения? К кому? Ты видел, что они с нашими делают. Кого уважать? Они нас вообще за разумных не считают. Держат за взбесившихся собак. Поедешь в войска — я тебе покажу, что там творится. Какими нам наши пленные достаются. Таких, как они, живыми варить мало. Ни разу не видел, когда зубы по одному раскаленной иголочкой расковыриваются, когда все внутренние органы на столе перед тобой, еще живым, расклады-

ваются, когда одного заставляют над другим такое же проделывать? В говне сутками не лежал с насекомыми, которые тебя заживо жрут?

— Вот ты такую же пену и видишь,— подался вперед Семен.— Уроды — они везде уроды, что у них, что у нас. Нормальные-то люди сидят себе спокойно, делают свое дело, а таким — неймется. Вот после них и остаются разорванные трупы. И ненависть. Нельзя так.

— Пусть,— Гермес успокоился так же мгновенно, как и взорвался,— и ты прав, и я. И каждый будет жить дальше. Нечего нам между собой еще рубиться. Пусть так. Но я думаю, что у тебя еще будет шанс поменять свое мнение. Ты действительно рыцарь. Хочешь окружить себя только приятными людьми. Чтобы всем хорошо было, и внутри, и снаружи, так? Чтобы всё по совести, и тогда с тобой тоже будут по-человечески поступать, так?

— Ну, так,— Точилинова неожиданный поворот несколько сбил с толку.

— Так не бывает,— устало вздохнул Гермес.— К сожалению. Та самая пена всё и портит. Но без нее никак. Зачастую именно она и двигает всё вперед. Своими амбициями, нахрапом, иногда глупостью. Они нужны. И с ними надо работать. Нравится тебе это или нет, но — надо.

— А я что, отказываюсь?

— Нет, но ты, например, Галину осаживаешь, а надо отпустить. Смириться и отпустить. Пусть развлекается. Кто знает, чего она накопает там, где ты останавливаешься.

— Ну уж нет,— остановиться было выше сил Точилинова.— Не буду я с такими дружить. Без меня, пожалуйста. Всю жизнь я таких гасил, и сейчас не вижу причин менять что-то. Нельзя с самого начала с такими людьми идти рука об руку. Неправильно это. На кривом фундаменте не построишь хорошего дома. Куда в итоге мы придем?

— Ладно,— поднялся Гермес, завершая разговор,— делай как знаешь. Единственно, прошу тебя за рамки приличий не выходить. Будь уж любезен в моей команде,— он выделил голосом «моей»,— работать со всеми ровно.

— Есть, товарищ генерал-майор,— улыбнулся Семен, показывая, что наставление принято.— Разрешите идти?

— Иди,— махнул рукой Гермес,— и не забудь, что ты через два дня обещал систематизацию по структуре халиона.

Глава 5

Зеленый Лепесток открылся в свое время ученым-фанатикам, уфологам в смысле, вовсе не как рой сверкающих искр, перенесший их в райские кущи, а как простая дырка в стене, возникшей на месте написанной на обыкновенной школьной доске тарабарщины, составленной из дикой мешанины формул и псевдомагических символов. Сейчас-то уже стало понятно, что формула построения портала почти идентична рунным узорам торков. Не совпадает, но очень похожа. А тогда это было откровение.

Но все имеет свои границы, даже магия. Дело в том, что рунная магия чрезвычайно неудобна в быту. Написанное заклинание является одноразовым, и перемещать в пространстве его нельзя. Действие заклинания прекращается. Таким образом, применение рунной магии сводится к использованию ее на стационарных объектах. Охранные системы, системы информационных каналов, климатические установки и так далее. Строительство порталов тоже, кстати, входит в этот список, но руны надо писать на чем-то более устойчивом, нежели школьная доска. Потому что, когда доску задели, портал закрылся. Предусмотрительно оставив формулу на доске в неприкосновенности в качестве образца, ее тут же воспроизвели вновь. На стене. Так как один из гениев связал исчезновение портала с изменением положения доски. Но рунная магия требует безупречной каллиграфии и четкого написания, а уж другим-то почерком...

Следующий портал открылся в глухом лесу. Хорошо, что не посередине океана. Вдоволь побродив между чужими деревьями и налюбовавшись незнакомыми цветами, первооткрыватели вернулись домой. Как и большинство людей, погруженных в науку целиком, все они были немного не от мира сего. Просчитать последствия широкой информированности масс о данном открытии они были не в состоянии. Главное — облагодетельствовать человечество, которое так долго страдало в одиночестве. И информацию закинули в Интернет. Последствия оказались катастрофическими. В течение нескольких дней в Зеленый Лепесток открылись миллионы порталов. Еще бы, безо всяких умений и совершенно бесплатно, всего лишь написав на листке бумаги формулу, ты можешь отправиться в другой, неведомый мир. Столько раз, сколько захочешь. Спецслужбы отреагировали мгновенно, формулу выковыряли отовсюду. Но дело было сделано. Миллионы жителей Зем-

ли хлынули в только что отрытый мир. Тем более что цивилизация аборигенов, обнаруженная там, находилась на стадии развития мечей и луков со стрелами.

Аталь были в шоке. Им, старейшей расе Клевера, утонченным и изысканным существам, пришлось пережить колоссальное потрясение. Представьте себе, вы сидите у себя дома и занимаетесь какими-то своими делами, имея определенные планы на проведение времени. Вдруг изо всех щелей начинают выползать в неимоверных количествах полуразумные муравьи. Помимо чувства естественной брезгливости, которую они вызывают, вы вынуждены смотреть, как они развлекаются, едят, пьют на пикниках, дружески похлопывают тебя по плечу, пытаются взять образцы твоей крови и тканей, навязчиво учат говорить вас на муравьином языке и потрясают какими-то побрякушками, стараясь всучить их вам в обмен на ваши вещи. Про банальное воровство уже и не упоминается. Табор цыган в коммунальной квартире — самое точное сравнение.

Аталь проводили карательные акции и за меньшее, а убивать они умели очень хорошо.

События покатились лавиной с горы. На Земле пошла волна возмущения, когда тысячи людей стали возвращаться покалеченными или не возвращаться вообще. Земные правительства не справлялись с ситуацией. Люди неожиданно столкнулись с перспективой межпланетной войны, и она их напугала. Во вновь открытый мир был отправлен Экспедиционный Корпус. Естественно, для защиты жителей Земли. Аталь немедленно ответили.

Операцию назвали «Конкистадор».

— Не подходи.

— Да я ничего, просто рядом проходил,— кругленький Андрей с говорящей фамилией Колобкин, мастер коммуникационных узоров, дурашливо шарахнулся в сторону.

— Вот и проходи себе,— о лицо Галины можно было спички зажигать.

Колобок скорчил невозмутимую рожу и демонстративно отошел.

Назначенное время выхода в полевую командировку всем составом прошло где-то час назад. Полностью готовая к выходу команда сидела и ждала, пока Галина выпишет на бетонной плите формулу выхода в Зеленый Лепесток. Проблема заключалась в том, что конечная точка была известна, а вот исходную приходилось выписывать с нуля. Задача была поставлена месяц назад, вро-

де должны были все подготовить. Но вот не выписывалась она, и всё тут. Точилинов стоял с каменным лицом, остальные потихоньку хихикали. Галина кипела. Но гнев — плохой советчик, и формула упорно не получалась.

Конец страданиям положил Гермес. Появившись в точке сбора, он понаблюдал минут десять за страданиями Кобры, как упорно просила называть себя Галина, подозвал Точилинова и отдал приказ.

— Группа, внимание! — Командный голос Семена заставил всех оторваться от чуть не плачущей Галины.— Р-разойдись. Сбор через два часа, готовность номер один. Спать не раздеваясь, пищу принимать только в столовой. Свободны.

Народ испарился. Гермес кивнул Семену, и он ушел тоже.

Через два часа группа собралась у готового портала, мягко мерцающего в вечерних сумерках.

— Все? — Гермес оглядел собравшихся.

— Так точно,— доложился Точилинов.

— Вперед.

Семен первым скрылся в портале, остальные — за ним. Гермес замыкал процессию.

— Здравия желаю, товарищ полковник! — бодро приветствовал Точилинова радостно улыбающийся капитан, встречавший их на выходе. Семен проморгался,— здесь вовсю светило зеленоватое солнце,— и пожал протянутую руку:

— Приветствую.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор! — Капитан уже приветствовал выходящего из портала Йенсена.— Первая разведрота отдельного...

— Вольно, капитан. Давайте без лишнего официоза,— Гермес был верен себе.— Всё готово?

— Так точно.

— Тогда грузимся.

По дороге к лагерю Точилинов активно вертел головой, пытаясь узреть местный колорит. Как же... другой мир. И ничего особенного так и не увидел. Деревья, кусты, пыльная дорога. Всё это, конечно, отличалось от привычного, земного, но чего-то особенного, режущего глаз, он так и не нашел. Лагерь тоже не блистал оригинальностью — обыкновенное место дислокации. Палатки, мотоциклы, легкие домики из сборных конструкций. Что удивило, так это реакция окружающих. Все, кого они встречали на пути, изображали бурную радость от встречи. В лагере повторилась та

же картина. Сбежаться не сбежались, все-таки армия, но возбуждение волнами начало прокатываться по палаткам. Радостные возгласы: «Маги, наши маги приехали!» — звучали всё громче и громче. Семену аж неудобно стало. Чего это они? Ситуацию прояснил встречающий их на пороге штаба командир полка, невысокий плотный полковник с роскошными усами и сильными залысинами на крупной голове.

— Здравствуйте, здравствуйте,— радушно приветствовал он выходящих магов.— Наконец-то дождались. Теперь уж и мы в долгу не останемся. Покажем гадам, что к чему.

Радушие объяснилось очень просто. Легко ли постоянно получать оплеухи, на которые не можешь ответить? Это как с авиацией: ты сидишь в окопе, а тебя сверху утюжат вражеские бомбардировщики. Головы не поднять. Ждешь, ждешь — и тут появляются наши штурмовики. Ура-а-а-а! Так и здесь. Все поголовно смотрели на магов открыв рот и бросались исполнять любую просьбу еще до того, как те заканчивали говорить. Точилинов периодически с неприязнью косился на Галину: вот уж кому счастье привалило. Сам он испытывал только неловкость. Ну какие они маги, одно название. А как до дела дойдет?..

Тем временем группа расположилась в кабинете полковника, ожидая информации. Еще на Земле все инструкции были получены и проработаны. Каждый из магов отправлялся в свое подразделение, где ему оказывалась любая помощь, которую он мог пожелать. Плюс к этому разведчики прибавили активности — и магов уже ожидали два захваченных на-халь и четыре младших до-халь в качестве комплимента и десерта.

— Командиры подразделений ждут. Все оповещены, прикрытие обеспечивается,— докладывал полковник,— приступать можете хоть сегодня.

— Очень магической поддержки хочется? — хитро улыбнулся Гермес.

— Очень,— неожиданно серьезно ответил полковник.— Вы не представляете, что творится. За каждый сантиметр деремся. Противопоставить, конечно, есть чего, но силы равны. А с вами-то уж...

— Вы себе сладких сказок не рисуйте,— Гермес тоже посерьезнел.— Никто, к сожалению, ковров-самолетов не производит, и мечей-кладенцов у нас тоже нет. Я смотрю, тут с нашим появлением все решили, что война выиграна. Это не так. Один я могу с трудом выдать пару детских заклинаний — и всё. Остальные только-только азы начинают изучать. Да и мало нас. Так что вы без магической поддержки еще долго будете воевать.

Полковник грустнел на глазах, но расстроиться как следует не успел.

Карандашница на его столе неожиданно запылала ярким чадящим пламенем. Пф-ф-фух — занялся аппарат внутренней связи.

— Стоп! — заорал Гермес.— Отставить. Линии отпустить. Никому не двигаться. К линиям не прикасаться. Способности не применять. Всем замереть. Огнетушитель где? — повернулся он к остолбеневшему полковнику.

Поняв, что от того помощи ждать не приходится, он сорвал с вешалки висящую шинель и накинул ее на полыхающий стол. Кое-как пламя потушили, кабинет наполнился вонью сгоревшего пластика, но никто и не подумал пожаловаться на неудобство.

Полковник воочию увидел магию, и теперь ему было море по колено — он уверил себя, что Гермес всего лишь не хочет разглашать секретную информацию.

Остальные, во главе с Борисом, устроившим эту катавасию, пребывали в счастливом шоке: магия существует, и они могут ею управлять.

Единственным, кто расстроился, был сам Гермес.

— Так, товарищ полковник, нам сейчас надо где-то полчаса для оперативного совещания, а потом мы ждем ваших бойцов.

Полковник мелко закивал, с его лица не сходило восхищение, он сейчас был готов Луну с неба для них достать. Гермес внимательно посмотрел на него, вздохнул и, направляясь к выходу, демонстративно аккуратно повесил обгорелую шинель обратно на вешалку:

— Вы ее сохраните. Потом детям будете показывать. Первый официально известный случай использования магии в войсках. Раритет, так сказать,— он задержался в дверях: — А вот интересно, как вы будете причину списания указывать?

Глава 6

— А что, знатная зверушка,— усатый старшина широко улыбнулся Точилинову.

Тот только щекой дернул в ответ. Это солдатам было интересно смотреть, как маг из воздуха создает разных забавных уродцев, а сам Семен ничего интересного тут не находил — колченогий уродец, смесь карликового бегемота с кузнечиком, передвигался с большим трудом, заваливаясь при каждом движении.

Буквально в первые же дни пребывания в Зеленом Лепестке каждый из восьми магов определился, в каком направлении он является специалистом. Почти все подтвердили первоначально заданные Гермесом параметры. Колобок щупал свои информационные каналы, коих оказалось превеликое множество. Борис попеременно то вымачивал окружающих под дождем, то поджаривал в огненных шарах, то валял по земле порывами ураганного ветра. Галина выучила-таки формулу перехода и теперь шла дальше — торков к ней свозили пачками отовсюду. Остальные тоже двигались потихоньку. И только Семен два дня ходил сам не свой. Он чувствовал линии хальер, он почти видел их, он знал, что может их использовать. Но как это сделать, понимания не было. Жуткое ощущение, на самом деле. Гонка за кошкой в полной темноте. И ведь точно знаешь, что она там есть.

Откровение снизошло на третий день.

— Воздух! — В окоп, где сидели Семен с приданными бойцами, наблюдая за передним краем аталь, готовивших очередную атаку, третью за этот день, свалился солдат.

— Сейчас пойдут,— комвзвода подхватил автомат и подался к брустверу.

И в самом деле: у аталь зашевелились, подлесок у переднего края начал заполняться неясными фигурами. Атака начиналась.

— Под щиты! — скомандовал комвзвода.

Свистнули первые стрелы. Дальность стрельбы у лучников была поразительная. Огнестрельному оружию они, конечно, уступали, но лишь ненамного. Подавляющего преимущества не было. А если учесть, что били они навесом, то в окопах становилось не очень уютно. По щиту, под которым укрылся Семен, прошел короткий град. Тра-та-та.

— Вот собаки,— выругался кто-то.

— А вот и наша птичка,— донеслось справа.

Далекий вой начал влезать в уши, заполняя все вокруг.

— Что это? — поинтересовался Семен у бойцов.

— Змей летучий,— один из солдат коротко высунулся из-под щита, глянул в небо и спрятался обратно.— Желтый. Хреново, братцы.

Бойцы вокруг угрюмо зашевелились, проверяя оружие.

— Они у них, у паразитов, заместо боевых вертолетов,— пояснил пожилой усатый старшина, передергивая затвор автомата.— Сколько они, гады, крови нам попортили — не рассказать. И этот, зараза еще... если бы Зеленый был, то куда ни шло. А этот-то Желтый, а не приведи Бог Красный — тогда вообще конец, их и взять-то никак, почитай. Товарищ полковник, вы чего?

Семен замер. Пронзительный вой становился ближе и ближе, заполнял всю голову, не давал думать. Кто-то схватился за уши в безнадежной попытке спрятаться. Бесполезно. От него не укрыться. А Семен сидел недвижимый. Он видел каждую мелочь. Выщербленные щиты, под которыми скорчились беззащитные тварюшки, ниточки выкопанных канав, какие-то железяки, разбросанные там и тут. И кровь, теплую кровь чужаков, прячущуюся внизу. Кровь, которую Хозяин приказал забрать, выжечь, разбрызгать вокруг, не давая ей больше быть теплой, живой.

Семен сидел в голове Зверя.

«Стой! — закричал он себе.— Стой! Нельзя, назад!» Земля перестала приближаться.

«Вперед! — Другой, властный голос швырнул землю навстречу.— Убить! Сжечь!» И опять теплая кровь запульсировала внизу, маня, призывая.

«Нет!» — Семен сопротивлялся изо всех сил.

«Вниз!» — Во властном голосе почувствовалось удивление.

Земля еще приблизилась. Точилинов попытался собрать все силы, чтобы остановить Змея, развернуть его обратно, найти Хозяина, но вдруг понял, что не может. Вся его воля, все силы, которые он направлял и вливал в свои приказы, вдруг оказались маленькой мошкой, бьющейся о бетонную стену. Зверь замер на месте, готовясь рухнуть вниз. Никаким сомнениям места уже не осталось. Всю его сущность заполнило сладкое предвкушение грядущих смертей.

И тут снизу, от одной из тварюшек, вылезших из своих жалких убежищ, к нему потянулась дымная полоса. Железка, мелкая муха, летящая снизу. Не о чем думать. Зверь-Семен задрал крыло, чтобы упасть, набирая скорость, и тут черная мушка превратилась в огненный шар, горячий и родной. Шар поплыл к нему, и Семен-Зверь обрадовался знакомцу. А потом пришла чернота. Последнее, что Семен услышал, были ярость и разочарование Хозяина: «Не получилось».

— Товарищ полковник, товарищ полковник! — Семен попытался сфокусировать зрение, но получалось плохо. Голова моталась из стороны в сторону. Оказалось, его кто-то сильно тряс.

— Отставить,— клацнул зубами Семен,— отставить трясти полковника.

— Фух,— выдохнул старшина, это он приводил его в чувство.— Мы уж перепугались, что вы того...— Он смущенно замолчал.

— Не того...— отстраненно пробормотал Точилинов, опускаясь до шепота.— Я просто Змея вашего почувствовал. Я у него в голове сидел. Он вниз хотел, сюда, к нам, а я не давал. А потом...

— Мужики-и-и! — хрипло, надсаживаясь, заорал старшина.— Мужики! Это наш маг его тормознул, Желтого! Это он! Ура-а-а!!!

— Ура-а-а!!! — донеслось со всех сторон.— Ура! Так их! Мочи козлов!

— К бою! — Команда пришлась как нельзя вовремя. Все бросились к брустверам.

Комвзвода жестом остановил старшину, приказав присматривать за плохо соображающим Семеном.

— Огонь! — разнеслось над окопами.

Слаженный залп вымел наступающих аталь, остановив атаку в самом начале. Не получилось у них — в чем в чем, а в скорострельности оружие людей явно превосходило боевую технику противника. А когда аталь, пятная трупами поле перед окопами людей, убрались обратно в свой лесок, к окопу Точилинова начали сбегаться солдаты.

— Это он, он Змея остановил! — Старшина, захлебываясь от восторга, все повторял и повторял свою скороговорку, а от него волнами она расходилась дальше. «Маг Змея сбил. Сам. Р-раз, и все».— «Да нет, не сбил, просто поставил прямо под ракету».— «Да какая разница. Главное, живем, мужики. Теперь мы им покажем».— «Качать его».— «Ура!!!»

Вот от последнего заявления Семена замутило. Он как представил, что его сейчас подбрасывать будут, аж зажмурился.

— Товарищ полковник,— комроты очень вовремя продрался сквозь восхищенную толпу,— все в порядке?

— Нет,— Точилинов помотал головой,— мне бы полежать где.

— Понял,— капитан поднял голову.— Р-разойдись! Чего уставились? Филармония у нас по воскресеньям. По местам, мать вашу. Я кому сказал? Командиры подразделений, обеспечить выполнение! Группа обеспечения — ко мне!

Семена уложили на носилки и с превеликим тщанием, прикрывая от всех возможных опасностей,— как же, маг, который Змея сбил,— понесли подальше от переднего края, отлеживаться.

Семен лежал на носилках, смотрел в колышущееся зеленоватое небо, а внутри ворочался комок противоречивых мыслей. Он нашел свой дар, свое призвание. Понял, что он может и должен делать. Звери, магические создания, всё, что можно создать с помощью магии. Это для него, это он сможет. Но в то же время он понял, насколько велика пропасть между ним и теми магами, которые стояли против него. Он ничего не смог сделать против загадочного Хозяина Желтого Змея. Ни-че-го. Зубочистка против танка. И вот тут начинались вопросы. Сотни вопросов. Как, что,

почему, откуда? И главное: а сможет ли он противостоять? Линии хальер на глазах оживали, складываясь, наконец, в понятные узоры, манили к себе. Мир, как оказалось, полон мириадами магических связей. От такого обилия информации голова просто переставала думать. Иногда он просто проваливался в какое-то забытье. Ему требовалось время. Он даже не заметил, как оказался в своей палатке. К счастью, командир группы был достаточно сообразителен, чтобы не приставать к нему ни с какими вопросами. Он только поинтересовался, не надо ли доктора, и, получив отрицательный ответ, выставил охрану и оставил Семена в покое. Мозг у Точилинова работал явно с перегрузкой. Теория, полученная на Земле и подтвержденная здесь, начинала проситься наружу, но с жизнью пока не увязывалась.

Легкий звон на грани слышимости все-таки вырвал Семена из прострации и заставил оглядеться. Никого. Он улегся обратно, но звон не уходил. Семен взялся руками за голову и легонько потряс ее, засомневавшись — а вдруг это у него от перенапряга. Нет, звон продолжал отвлекать от мыслей о вечном. Да что ж такое? Он сосредоточился на обретенных линиях хальер, может, там? И вдруг прямо у себя перед носом обнаружил мелкую мошку. Маленький шарик, у которого, кроме крыльев, ничего и не было, висел под потолком. Точилинов моргнул, шарик исчез. Он опять начал разглядывать линии — шарик обрел очертания.

Оп-паньки, Семен сел на кровати, а кто это у нас тут? Он протянул руку: а давай-ка мы с тобой познакомимся. И, как только он коснулся шарика, маленькая злая молния взорвалась у него между пальцами. Боль была такая, что Семен онемел. Разноцветные круги разлетелись по всей палатке, заполнив глаза и голову Семена. Руку он перестал чувствовать практически мгновенно, но боль не ушла, она начала разливаться по всему телу, парализуя органы один за другим. Уже на грани гаснущего сознания, каким-то непонятным чувством он вспомнил. Формула блока. Первое, чему научил их всех Гермес, был узор, отрезающий мага от собственного магического воздействия. Тогда всем было смешно, зачем Гермес гонял их до седьмого пота, заставляя задалбливать формулу прямо в подкорку. Все психологические разработки, помогающие помнить формулу в любых, самых критических ситуациях, были пущены в дело. Теперь Семен понял, зачем.

Боль ушла. Она оставила за собой достаточный шлейф, чтобы Семен мог только лежать на полу, судорожно глотая воздух пересохшим ртом, однако — ушла. Рука по-прежнему ничего не чувствовала, но маленькие иголочки, рассказывающие о том, что жизнь

продолжается, взялись за работу, заставляя Семена морщиться. И это было уже почти удовольствием. Точилинов поднял глаза, рассматривая место, где висел шарик. И вдруг заметил. Линия. Даже не линия, а тонкая ниточка, вплетающаяся в естественный рисунок линий природных. Исчезающая, утягивающаяся в никуда. Но — она была. Точилинов, ковыляя на неверных ногах, морщась от боли, подтянул к себе стул и постарался рассмотреть ее. Вот она: маленькая, тоненькая, по-прежнему живая, она старалась затеряться среди остальных, постепенно истончаясь и пропадая. Он протянул руку, стараясь остановить ее, но тут же отдернул. Нет, только не это. Только что ушедшая боль опять встала перед глазами.

«Нет уж,— решил Семен,— один я в этот блуд больше не полезу». С трудом сползши со стула, он уселся и попробовал придумать, что делать. Ответ оказался на удивление простым.

Караульный перепугался до полусмерти, увидев, как полог палатки медленно отодвинулся. Бледный хрипящий маг посмотрел на него безумными глазами, прохрипел: «Солдат, Гермеса мне сюда...» — и рухнул, перестав подавать признаки жизни.

Йенсен примчался через несколько часов. К этому времени Семен уже вполне очухался, выпил чаю и успел поперемигиваться с симпатичной медсестрой.

— Живой?! — генерал-майор влетел в палату, даже не удостоив взглядом вытянувшийся по струнке персонал.— Твою в душу ни маму налево двадцать. Нельзя же так пугать. Фу ты черт...

Он упал на стоящий рядом с кроватью стул.

— Рассказывай, что приключилось.

Следующие две недели были посвящены стандартной земной работе. То есть потрошению пленных. С контрразведчиками, когда они осознали, что всё вокруг них пропитано такими вот мизерными тварюшками, качающими информацию противнику, случились форменные конвульсии. Все оперативные и стратегические разработки были остановлены. Любые наступательные действия — прекращены. Войска перешли к стратегической обороне.

А маги забросили все свои дела, вернулись на базу и занялись исключительно выработкой противоядия. Причем далеко не в одиночку. Проблема касалась всех, и только теперь Семен впервые понял, что войну ведет отнюдь не одна Россия. Согнали народ со всего света. Он, кажется, видел даже шамана из Сьерра-Леоне. Про ямайских вудуистов и упоминать нечего. Пленных разве что на куски не резали.

И вдруг оказалось, что если задаешь правильные вопросы, то получаешь правильные ответы. Заклинание оказалось дешевкой, которую под силу соорудить любому начинающему магу. Защититься от него — тоже. А для защиты не-магов достаточно создать несложный амулет. Единственное, в чем Семену «повезло», так это в том, что его мизерный визитер оказался произведением нахаля,— обычно поражающий эффект в узор не закладывают. Но тут уж нет худа без добра: теперь все знали, что они и это могут. А то вдруг да забыли бы спросить...

Производство амулетов наладили в кратчайшие сроки, войска прикрыли. А Семен приобрел мировую известность в узких кругах, получил кучу орденов от разных правительств и обещание, что если он еще хоть чихнет в пользу Родины, то генерал-майорские погоны ему обеспечены. Ну вот не было в штатном расписании УПМ предусмотрено такое звание для зама. «Зажали, подонки»,— высказался по этому поводу сам Гермес.

Точилинов же не расстроился совершенно. Вся эта мышиная возня с погонами теперь представлялась ему теперь такой смешной — его звал мир магии.

Глава 7

Все люди разные. Пока человека не узнаешь, никогда нельзя сказать, что он из себя представляет. Иногда замухрышистый задохлик являет такие примеры мужества, что хочется встать и поклониться. Даже если это твой заклятый враг. Даже если он ненавидит тебя до дрожи в руках и готов рвать тебя зубами, пока хватит сил.

А лощеные красавцы, правящие миром, превосходящие всех и вся уже одним только видом, готовые отдать жизнь ради святого дела, после двух-трех часов, так сказать, приватной беседы принимаются валяться в ногах и лизать сапоги, умоляя о пощаде.

Впрочем, бывает и наоборот.

Парнишка, сидящий перед Точилиновым, как раз и был «наоборот».

Невеликого умения — всего лишь до-халь, одна серьга в ухе, тем не менее, держался он как Зеленый Принц, не меньше. То ли поколения предков давили (как же, прямой наследник Ветви Луговой Травы), то ли сам такой уродился, но ломаться он отказывал-

ся категорически, на сотрудничество не шел и вообще делал вид, что его происходящее не касается. И было в нем что-то такое мальчишески отчаянное, перемешанное с патриотическими бреднями, что Семен не мог отдать его в «глубокую проработку». Хотя Гермес уже в третий раз прямо выражал недовольство. Точилинов отчаянно сопротивлялся, каждый раз выдумывая новые отговорки, хотя делать это становилось всё сложнее. Но парня от себя не отпускал.

— Ты знаешь, что существует негласная договоренность о выдаче, скажем так, социально значимых персон в обмен на равноценные личности?

— Вождей на вождей? — пренебрежительно фыркнул Каллимо.— Это вы придумали?

— Может, и мы,— Семена не так легко было сбить с толку,— только конкретно для тебя это шанс остаться в живых и вернуться домой.

Психологи рекомендовали именно это: давить на конкретную личность, на исполнение желаний здесь и сейчас. Но парнишка, как и предполагал Семен, плохо брался на «слабо».

— А зачем мне тогда что-то вам рассказывать? Если я все равно домой попаду?

Денис, непременный участник всех допросов, давно уже понял, что Точилинов к этому пацану относится по-особенному, поэтому переводил всё слово в слово, сохраняя интонации.

— Так ведь в том-то всё и дело. До обмена ты запросто можешь и не дотянуть. По официальной версии. Заболел, что делать? И всё, не будет больше Каллимо. Другой будет правитель у вашей Ветви.

Проблема на самом деле стояла остро. Из-за разницы в биохимии лекарства людей далеко не всегда подходили аталь. Часто случалось, что пустяковая болячка сводила в могилу практически здорового пленного.

— А ты подумал, человек, как я смогу править Ветвью, будучи предателем? — Аталь расправил узкие плечи, из его глаз глянул вождь. Тот самый, за которым идут на верную смерть.— Правитель должен знать, что он прав всегда. Только тогда он сможет вести своих воинов.— Его голос упал до шепота, но горящие ненавистью глаза говорили сами за себя.— Только тогда мы сможем раздавить вас.

— Да не раздавите вы никого. Неужели ты не понял, что вы проигрываете войну? Вы и при нынешнем соотношении сил уже не

справляетесь. А как только мы расширим транспортные порталы (а мы их расширим, не сомневайся) — вы обречены. Как вы будете жить дальше? Ведь если не будет тех, с кем мы сможем вести переговоры после победы, нам ничего не останется, кроме как уничтожить вас.

Мальчишка расхохотался. Глупо, демонстративно, скрывая боль и страх, пытаясь выплеснуть всё свое презрение.

— Ты, червяк, жалкий человечишка, решивший править мирами. Неужели ты думаешь, что вы — это самое страшное, что может случиться с нашей расой? За все время существования аталь мы сталкивались с такими врагами, перед которыми вы — не более чем сухая ветка в буреломе. И мы выстояли. И мы здесь.

— С какими врагами? — абсолютно нейтрально поинтересовался Семен.

— С разными, человек, с разными,— высокомерно поднял губу аталь.— Все ваши успехи — не более чем маленький шажок вперед. Очень скоро вы остановитесь. Вернее, вас остановят. А потом придем мы,— он подался вперед, заставив охрану нервно дернуться.

Это был уже седьмой допрос, и на этот раз Семен пришел сюда с совершенно конкретной целью. Пугать подопечного в его планы не входило. Он сделал знак охране. Спокойнее, спокойнее.

— Каллимо,— Семен старался говорить как можно более ровно, не хватало еще сорваться,— заметь, вопреки вашей пропаганде мы вовсе не такие звери, как нас рисуют. Тебя что, здесь били? Хоть раз? Ты видел хоть один труп аталь? Сам, своими глазами? Ты видел сам хоть одного замученного? Ответь, пожалуйста.

Аталь с натугой помотал головой.

— Вот именно,— удовлетворенно откинулся на спинку стула Точилинов,— вот именно. Мы не звери, мы не отвечаем ударом на удар. Мы не издеваемся над пленными, как это делаете вы. Мы не считаем вас бешеными собаками, достойными лишь позорной смерти. Мы не унижаем вас.

Это была ложь. Ложь от первого до последнего слова. Наглая и беспардонная. Рассчитанная лишь на то, что у мальчишки нет всей информации. А у него ее действительно не было. Это войска людей развивали наступление, захватывали объекты — и получали вещественные доказательства пыток пленных. У аталь такой возможности не было.

— Всё, что я прошу,— Семен был сама проникновенность и участие,— это выслушать меня. Согласись, лично я ничем не заслужил твое презрение.

Каллимо медленно склонил голову. Семен мысленно вытер пот и вдруг поймал себя на крамольной мысли, что радуется. На самом деле радуется, что этот парнишка не видит в нем мерзавца.

— Так вот,— внешне все его мысли не проявились никак.— У меня есть одна просьба. Заметь, не предложение, не сделка — именно просьба,— он замолчал, вглядываясь в лицо аталь.— Две недели назад к вам попали трое наших. Сказать, что они стратегически важны для нас — соврать. Действительно ничего особенного. Но нам надо их получить обратно.

— Ты непоследователен, человек,— аталь победно ухмыльнулся,— только что ты намекал мне, что шансов выбраться у меня мало.

— С тобой на пару хорошо дерьмо кушать,— снисходительно улыбнулся Семен. И пояснил, глядя на угрюмо сдвинувшего брови пацана: — Вечно вперед забегаешь.

Дождался, пока на холеном лице проступит недоумение, и продолжил:

— Обменять мы их можем, но не хотим. Не те фигуры. А ваши никогда не поверят, что эти трое — не лидеры мирового масштаба, и запросят непомерную цену. А мы не согласимся. Пат. Но вытащить их надо. Можешь считать это личным делом.

— Ветви не будут с вами иметь никаких дел,— Каллимо спрятался за маской высокомерия,— все эти обмены — сказка.

— Малыш,— покровительственно сказал Семен существу, которое было старше его раза в два (аталь живут ого-го сколько).— Твоя искренняя вера в справедливость иногда просто умиляет. Уже имеют и имели. И не раз, и не два. Жить-то всем хочется. А правителям еще и больше — им терять есть что. Так что меняемся мы за милую душу.

— Теперь вам есть с кем разговаривать, когда вы победите? — оскалился парень.— И сколько же предателей вы уже подготовили для грядущей «светлой жизни»?

— Достаточно,— посуровел Семен.— Когда приедешь, можешь поинтересоваться. Там известных личностей-то много, шелупонь всякую не меняют. Такие имена как насини Уратон или зол-италь Динор тебе что-нибудь говорят?

— Нет! Это неправда!

— Правда, сынок, правда. Когда вернешься, можешь с ними пообщаться, они тебе свои соображения по этому поводу расскажут.

— Вернешься?

«Ну, наконец-то,— вздохнул Семен,— сколько можно уже было тебя цеплять?»

— Именно. Я прошу помощи. И в качестве ответного жеста готов помочь тебе вернуться к своим.

— А твое начальство в курсе? — поинтересовался Каллимо.

— Мое — в курсе. А вот выше — не уверен,— обезоруживающе улыбнулся Точилинов и развел руками.

— И что ты скажешь им, когда «поможешь» мне уйти? — Подозрительности в голосе парня хватило бы на троих.

— Пусть это будут мои проблемы, ладно?

— А почему я должен тебе верить?

— А нипочему,— Семен пожал плечами,— мое слово против твоего. Просто, да?

— Не очень похоже на честную сделку.

— А в противном случае,— вот тут можно и агрессии добавить,— ты останешься здесь навсегда. Твой папа что-то не торопится присылать запрос. Подумай.

Каллимо закрылся, ушел в себя. Обиделся. Ничего, тебе сейчас полезно. Задумайся о будущем. Не хочется молодость-то губить.

— Подумай,— вслух произнес Семен,— я тебя не тороплю.

Молчание в ответ. Точилинов подождал немного и сделал жест охране:

— Уведите.

На входе из крыла, где содержались пленные аталь, Семен нос к носу столкнулся с Гермесом.

— Ну что? — недоверчиво поинтересовался он.

— Ждем,— доложил Точилинов.— Пошел думать.

— И долго он собирается думать?

Понять Гермеса было можно. Проблема стояла остро, и в этой проблеме крайним оказывался именно он, Гермес.

Если смотреть со стороны, ничего особенного не происходило. Ну попали три француза в плен. Ну маги. Так аталь за них запросили ни много ни мало Второго Главу Совета Ветвей, которого каким-то чудом удалось добыть экскоровским разведчикам. Считай, седьмого по значимости человека в Зеленом Лепестке. Ну, то есть, конечно, не человека, а аталь. На такой размен наверху пойти были никак не готовы. И как ни убеждал Гермес, как ни упрашивал и ни доказывал, ответ был один: «Нет!» Маги, конечно, редкие звери, но такую птицу за них отдавать — извините.

Однако и своих бросать — последнее дело. Так что Гермес начал принимать во всем этом более чем деятельное участие. Дело было в том, что Жан-Пьер Февалле, один из пропавших, работал над теорией самого Гермеса, в которую, правда, никто не верил.

Согласно этой теории, совмещение двоичного компьютерного кода и рунной магии способно генерировать принципиально новые магические узоры. Фактически, Йенсен предлагал открыть новое направление в магии, и без того почти не изученной. Наверху эта идея одобрения не получила, но группе французов, возглавляемой Мари Сорен, как-то удалось получить разрешение на факультативное развитие. Февалле как раз работал в этой группе и, по слухам, начал получать кое-какие результаты. В свете всего этого Гермес, курировавший группу Сорен, был более чем заинтересован в возвращении магов домой.

А два дня назад Колобок под страшным секретом поведал и еще одну причину, по которой Йенсен, в обход всех указаний, организовывал спасение французов. Как шепотом, поминутно оглядываясь, рассказал Колобок, пропавшую троицу возглавляла сама Мари Сорен, общение Гермеса с которой давно перешагнуло рамки обыкновенного кураторства проекта. Семен даже не стал спрашивать, откуда тот знает такие подробности. Мастер коммуникационных узоров — он и в Африке Мастер. Кто как не он должен уметь собирать информацию.

И вот теперь, глядя на кипятящегося Гермеса, Точилинов испытывал что-то вроде неловкости.

— День-два, не больше. Психологи говорят, что созреет.

— Много они понимают, твои психологи,— все-таки Гермесу не удалось справиться с эмоциями,— а если он нас кинет?

— Не должен. Парень-то хороший, правильный. С понятиями о чести у него все в порядке.

— О какой чести ты говоришь? Они нелюди. И мы для них нелюди. Не существует у них понятия чести, применимые к нам.

— Ты опять? — не выдержал Семен.— Зачем тогда я всё это затевал? Мы уже двадцать раз все обсуждали. Ты как будто меня и не слышал. Я веду эту операцию — с меня и весь спрос.

— А если всё сорвется? — вкрадчиво, в своей манере мгновенно успокоившись, спросил Гермес.— Толку-то нам от спроса с тебя, если ничего не получится!

— А ты предлагаешь что-то другое? Где примерно находятся ребята, мы и так знаем. Он добавить к этому ничего не может, хоть на куски мы его разрежем,— он все это время здесь сидел. Что дальше?

Гермес молчал. Молчал и дышал, дышал и смотрел.

— Ничего,— после минутной паузы произнес он.— Я просто готовлю группу на послезавтра.

Развернулся и ушел. Точилинов смотрел ему вслед, и в голове вертелся только один вопрос: «Как *мне* выполнять взятое на себя обязательство после того, как парнишка всё сделает?» Указания самого Гермеса на этот счет были более чем конкретными. В этой войне не только у аталь были проблемы с честью.

Глава 8

Беда всегда приходит неожиданно. Даже если ты ждешь ее со всех сторон и готов встретить. Все равно, первый колокольчик, рассказывающий о том, что беда уже здесь, гремит как гром среди ясного неба. Подготовиться к этому совершенно невозможно. Но можно быстро понять, что именно случилось. А дальше — не зевай...

Беда свалилась в 16.00 по местному времени Зеленого Лепестка, когда до выхода оставалось меньше суток. Да что там суток — выходить группе утром. Привез беду маленький симпатичный колокольчик — девчонка-почтальонша, стойку на которую делали все оголодавшие по женскому вниманию кобели под погонами. Помимо просто почты, она привозила сплетни, слухи и байки. В этот раз к ним добавились фотографии.

— Командир, не нравится мне всё это,— Вася, заполнивший собой весь проход, держал в руках несколько снимков.

— Что случилось? — Семен поднял голову от распечаток и карт, над которыми они с командиром группы спецназа, готовившейся к выходу, корпели уже третий час.

— Там аталь наших пленных вывесили.

— В смысле «вывесили»? — переспросил командир спецназа.

— Где — там? — Это уже Точилинов.

— Вот,— Вася положил на стол фотографии.— Что смог — забрал, но остальное у ребят. И это им очень не нравится. Мне, если честно, тоже.

Семен взял снимки в руки — и его замутило. Остальные тоже в восторге не пребывали. Не может одно разумное существо так издеваться над другим. Больше сотни солдат, захваченных в плен, висели на деревьях, судя по всему, перед передним краем войск Экскора. Вид их был ужасен. Даже на расстоянии (снимок был сделан из окопов) видно было, как страшно людей пытали перед смертью. А двое солдат вообще были еще живы. Растерзанные трупы, вырванные внутренности, отрезанные конечности. Пере-

плетенные друг с другом органами тела. Жуть, мало в каком музее пыток такое увидишь, фильмы ужасов отдыхают — фантазия людей редко так далеко заходит.

— Ублюдки,— задыхаясь от бешенства, прошептал кто-то.

— А вот тут начинаются наши проблемы,— угрюмо продолжил Вася.— Это снимки с линии сорок третьей дивизии.

— И что с того? — подал голос командир спецназа.

— Они стоят против ополчения Луговой Травы.

— Нет! — Семен все понял мгновенно.— Что с Каллимо?

— Все туда собирались,— пожал плечами сержант.

— За мной.— Точилинов вылетел из палатки.

Вовремя. Перед палаткой, где держали Каллимо, уже собралась довольно внушительная толпа. Перепуганный караульный судорожно тыкал стволом автомата в разные стороны, пока не подпуская разъяренных солдат близко к палатке:

— Стой, стрелять буду! Назад, я кому сказал!

При виде Точилинова на лице караульного появилось такое облегчение, что Семен понял — дело худо.

— Разойдись!

Спецназ клином прорезал толпу и выстроился перед палаткой.

— Что здесь происходит?!

— Давить тварей! — Здоровенный круглолицый старшина из первых рядов с перекошенным лицом заорал прямо в редкую цепочку спецназовцев.— Давай сюда этого щенка из Луговых. Мы его папе вернем, как они наших. Гнусь зеленая, мать его... через колесо два раза... и в дыхло...

— На куски, ..., порвем и сожрать заставим,— вылез кто-то мелкий и вертлявый.

Толпа зашумела и придвинулась.

— Как безоружных резать, так они первые...

— Че он там отсиживается? Папы небось нету?

— Давай его сюда.

— Дава-а-ай, пса трусливого...

И когда ты думаешь, что проблема уже выросла дальше некуда, она всегда, *всегда*, становится гораздо больше. Полог палатки отодвинулся — и перед бушующей толпой предстал тен-таль Каллимо собственной персоной. С яростно горящими глазами, готовый отстаивать родовую честь до конца:

— Я здесь. Вы звать меня, люди?

Несмотря на серьезность ситуации, Точилинов чуть не выпучил глаза: он и предположить не мог, что Каллимо хоть слово понимает по-русски.

Сзади маячили два растерянных солдата из роты охраны, сжимающие в руках бесполезные гранаты.

Шум за парусиновой стенкой придвинулся. Отчетливо стали слышны яростные крики и обещания расправы.

— Серега, посмотри, что там происходит,— обеспокоенный старший сержант роты охраны УПМ, мотнул головой в сторону выхода.

Второй солдат, находившийся рядом с аталь, высунул голову, выясняя у караульного причину происходящего.

По инструкции, пленного аталь, находящегося в Зеленом Лепестке, перемещали либо в бессознательном состоянии, либо увешанного ограничительными амулетами и в сопровождении двух охранников. Каждый из них держал в руке гранату с выдернутой чекой. Ничего умнее принципа «мертвой руки» придумать не получалось — аталь на три головы превосходили людей в магии. Вот и сейчас два охранника сопровождали Каллимо, и не столько охраняли его, сколько следили, чтобы он не начал плести магические узоры.

— Хрень какая-то,— Серега влез обратно.— Толпа сюда бежит, все руками машут. Чего случилось?

— Сидим,— определил старший.

Крики за стенкой палатки тем временем становились всё громче. Отчетливо стало слышно, как кто-то требует от караульного выдать им пленного аталь, чтобы разорвать его. Старший покосился на пленника. Тот не сдвинулся ни на сантиметр, но побледневшее лицо ясно показывало, что он что-то слышит и понимает. Это было странно, до этого аталь никак не выказывал своих способностей к языку людей. Но осмысление требовало хоть какого-то времени, а сейчас явно было не до этого.

— ...его, как они наших порезали...— донеслось снаружи.— Гниль зеленая, тварь трусливая.

Каллимо дернулся вперед.

— Сидеть,— старший выставил вперед руку с гранатой.— Не двигаться. Дернешься — взорву.

Каллимо посмотрел на него безумным взглядом:

— Ты думать, человек, я не знаю своя честь?

Охранники вздрогнули. Понимающий с пятого на десятое Каллимо еще как-то соотносился с реальностью, но говорящий мелодичным голосом, он оказался полной неожиданностью, до этого он не произнес на русском ни звука.

— Ты думать, я боются? Кого? Тех людей, меня резать? Я, тенталь Каллимо? Тен-таль Фириен Заль? Я говорить с них. Ты, не боются. Не будет хальер, говорить.

Он поднялся. Верхняя губа приподнялась, выражая крайнюю степень презрения к червякам, осмелившимся угрожать аталь.

— Сядь,— железным голосом произнес старший.— Тебя там не хватало. Так управимся. Вон и командир пришел, щас разберутся.

— Что здесь происходит?! — донесся снаружи знакомый голос Точилинова.

— Давить тварей! — Истеричный крик резанул по ушам.— Давай сюда этого щенка из Луговых. Мы его папе вернем, как он наших. Гнусь зеленая, мать его... через колесо два раза... и в дыхло...

— На куски, ..., порвем и сожрать заставим! — тонкий голос вторил ему.

Каллимо побледнел еще больше и подался вперед.

— Сидеть,— уже не церемонясь, толкнул его в грудь старший. Но с таким же успехом он мог разговаривать с палаткой, аталь продолжал подниматься.

— Взорву, на хрен,— второй охранник схватил аталь за руку и сунул в лицо гранату.

— Если ты показать это,— Каллимо усмехнулся железному шарику,— то взрывать. Не говорить — делать.

И неожиданно легко поднялся, потащив за собой обоих охранников.

— Мое слово честь. Нет хальер, только говорить,— Каллимо было не остановить, аталь действительно физически были намного сильнее.

— Как безоружных резать, так они первые...— надрывались голоса снаружи.

— Че он там отсиживается? Папы небось нету?

— Давай его сюда.

— Дава-а-ай, пса трусливого...

Каллимо откинул полог палатки:

— Я здесь, вы звали меня, люди?

С таким подарком судьбы Семен не знал что и делать. От неожиданности он просто растерялся. А толпа напирала. Злые глаза впились в дурачка, решившего сыграть в благородство.

— А-а-а! — заверещал вертлявый.— Вот он, сучий потрох. Давай сюда, к нам, мы тебя оприходуем.

— Мужики, вы чего? — Один из спецназовцев вспомнил сам и решил напомнить другим, что они вместе.— Чего делим-то? Он свое получит. Не сейчас, так потом. Задание у нас, не понимаете?

— Вот ваше задание,— мелкий поднял над головой фотографию.— На деревьях висит. Так, мужики? — Он повернулся к остальным, и толпа дружно заревела.

Краем сознания Семен отметил, что толпа становится всё больше. Люди подбегали со всех сторон. «Да где же командиры-то?» — мелькнуло в голове у Точилинова. И не у него одного.

— Никто про субординацию не забыл? — возвысил голос командир спецназа.— Где командиры?

Мелкий заводила толкнул в бок круглолицего старшину, тот заревел обиженным быком:

— Мы со своими командирами сами разберемся, щенка сюда давай.

Дышащий ненавистью строй придвинулся ближе. И не лавочники какие-то — воины. Не один раз смерти в глаза заглядывавшие. Спецназ, на что ребята тертые, и те назад немного подались. Один Каллимо остался стоять, где стоял. Один. Против толпы.

«Да какой толпы? Это же свои. Наши ребята. Что с ними? Как их остановить?» Пока это всё мелькало в голове у Семена, тело сделало все само. Шаг вперед, и он встал вровень с пленником. Еще полшага — и он впереди. Теперь он один на один с толпой. Нет, не с толпой уже: если они еще не вспомнили, что они солдаты, то скоро вспомнят. И только эти двое... Нет, не двое, старшина тоже валенок тот еще. Воду мутит только мелкий. Кто ж тебя обидел, родной? Чего ж ты так подпрыгиваешь? Семен присмотрелся. Парень как парень, ничего особенного. Ну, жилистый, верткий, невысокий. Маленькие, близко посаженные глаза, горящие лютой ненавистью. Обидели тебя аталь? Так они всех обидели. А мне этот пацаненок очень нужен — нет, не отдам. Извини, брат. Калечить тебя я не буду, не заслужил ты, а вот проучить, чтобы впредь на рожон сам не лез и других не подбивал, нужно.

Если бы этот вертлявый отсиживался сзади, толкая под раздачу других, Семен бы и не задумался ему чего сломать, но раз сам впереди идет, то не заслужил он, нет, не заслужил.

— Назад, товарищ солдат. Или присягу забыли? — раздельно и четко, с явной угрозой произнес Точилинов, глядя прямо в глаза вертлявому.— Приказ слышали? Выполнять.

Так, и только так. На ничего не соображающую толпу только и действует спокойный уверенный тон. Или не действует.

— Да пошел ты, полковник,— разухабисто выкрикнул мелкий.

Все, точка фокуса. Если сейчас не отреагировать, они бросятся, Семен остался один перед последним рубежом. Так, где линия? Черт, и ведь попрактиковаться-то толком не получилось ни разу. Ну что ж теперь делать? Вот заодно и попрактикуешься.

— У-а-а, ай-я-й-я-й!!! — Мелкий завертелся волчком, пытаясь сбросить с головы залепившую лицо тварь, похожую на паука. Семен смотрел — и сам не верил. Получилось, в первый раз получилось! «Ага,— раздался в голове противный смешок,— на своем. С почином вас, Семен Алексеевич, так сказать. Что дальше?»

— Все назад! — Пока Точилинов копался в себе, спецназ не дремал.— Кто подойдет, то же самое будет. Командиры где?

— Рота, стой! Внимание! — наконец-то. Какой-то ротный все-таки добрался до заварушки.— Всем разойтись по палаткам. Командиры взводов, какого... вы тут сидите, как в цирке? Петров, я не понял, что твои люди тут делают. Р-р-разойдись!

И обыденная командирская речь сделала свое дело. Потихоньку, по одному, люди начали сбрасывать мутную одурь. Начали оглядываться по сторонам, с удивлением обнаруживая себя совсем не там, где должны быть. И толпы не стало. Осталось просто много людей, стоящих перед палаткой с аталь. И только мелкий заводила все еще продолжал кататься по земле — тварь не хотела отлепляться.

— Все, Семен Алексеевич, снимайте. С этим мы сами разберемся,— тронул за плечо Точилинова командир спецназа.

Семен выдохнул — оказывается, все это время он не дышал — и потянулся к линии хальер, чтобы убрать тварюшку.

А линии не было. Точнее, она была, но вот отделяться от основного узора не хотела. Семен потянул — никак. Соскальзывает петля. Да как же ее взять-то? Парень уже хрипел — тварь перекрывала горло. Нет, только не это. Да нет же. Узор не отделялся. Он врос в несчастного бойца намертво. Силы у парня заканчивались, он уже и хрипеть переставал. «Все, конец,— обреченно промелькнуло в голове у Точилинова,— прости, братишка». Мелко затряслись руки, и ледяная волна побежала по позвоночнику. Убил, своего убил!

Каллимо едва заметно пошевелился — и тварь исчезла, как не бывало. Узор расплелся, линия ушла. Семен поднял глаза на аталь. Тот чуть поднял бровь, повернулся и пошел назад в палатку, по пути небрежно раздвинув совершенно обалдевших охранников. Полог палатки закрылся.

— Командира мне сюда,— хриплым голосом приказал Точилинов и побрел к валявшемуся неподалеку стволу срубленного дерева. Что-то ему нехорошо стало.

Для всех эпизод с тварью от начала и до конца остался заслугой Семена. Полковник, прибежавший через несколько минут, откро-

венно вибрировал, стоя перед Точилиновым по стойке смирно. Похоже, ждал себе на голову такую же тварь. Кто ж их, магов, знает?

— Что происходит, товарищ полковник? — сварливо поинтересовался Точилинов.— Откуда такой бардак?

— Да в сорок третьей сейчас половина наших,— нервно сглотнул комполка.— Ее аталь почти всю в прошлую кампанию выбили, вот костяк решили из наших сделать. Так что, получается, все прибежали за корешей своих мстить.

— Корешей? — поперхнулся Точилинов.— Значит, корешей... Вы в своем уме, товарищ полковник? Полк плюет на субординацию и Устав только потому, что в соседней дивизии есть какие-то кореша, и вы так спокойно об этом мне заявляете? У вас тут что, сорок разбойников, от Али-Бабы сбежавшие, или воинское формирование?

Выволочка эта, честно говоря, смысла не имела никакого. Не Семену делать выводы и проводить разбор полетов. Все равно, что случилось, то случилось. (Хотя, кто и виноват, как не командир?) Но очень хотелось выплеснуть прошедший страх на кого-нибудь, да и про безопасность в ближайшие сутки следовало подумать: группе выходить только завтра.

— Никак нет,— не очень бодро доложился полковник.

— Никак нет — что? — поинтересовался Точилинов.

— Никак нет, не сорок разбойников,— упавшим голосом пояснил тот.

Он уже все давно понял и теперь даже оправдываться не пытался. Семен аж расстроился: ну как можно злость срывать на человеке, который даже и трепыхаться не пытается. Точилинов потер лицо. Усталость от пережитого потихоньку брала за горло. Черт с ним, с этим полковником. Он вздохнул:

— Можете идти. Потрудитесь донести до своих людей, что они все-таки военные и приказы старших по званию надо исполнять.

— Есть,— побагровевший полковник отдал честь, деревянно повернулся и направился к группе ожидающих его офицеров. Семен понадеялся, что он достаточно зол на подчиненных, чтобы всем на ближайшую ночь нашлось занятие, которое их отвлечет от мести...

Глава 9

Надеялся он зря. Как ни дико это звучало, но из полка пришлось уйти в полночь, на шесть часов раньше запланированного. Полк кипел и бурлил, и успокоить его командиру так и не удалось.

Снимут ли его с должности и пойдет ли под трибунал счастливо спасенный вертлявый боец, Семена, конечно, волновало. Весьма. Минут двадцать. Пока пробирались через передний край аталь.

А потом он догнал поспешающего за сопровождающими Каллимо и молча пошел рядом. Говорить ничего не надо было. Да и не получалось. Парень спас. Спас и мелкого вертлявого наглеца, и Семена. И не посмотрел на то, что подарил жизнь врагу, который, быть может, до последнего вздоха будет убивать таких, как он. А еще он подарил честь куда более значимому и могущественному врагу, который тоже не собирался оставлять в покое Зеленый Лепесток. Всё уже сделано, и говорить здесь — только воздух трясти. А парню еще предстоит довести группу спецназа до места, где его соплеменники держат магов. И это, притом что он фанатично, до одури предан своей расе.

Поэтому Семен только прошел с ним немного, вздохнул, несильно хлопнул его по плечу и отстал — группа подходила к точке разделения. Точилинов с двумя спецназовцами оставался ждать группу обратно и готовить проход — можно было с уверенностью предположить, что на обратном пути их ждет более чем теплый прием. И маг, остающийся обеспечивать выход к своим, должен быть готов ко всему. Семен и был готов ко всему. Вернее, четко знал, что сделать он ничегошеньки не сможет. Но выпускать спецназ одних, без магов, вообще было бы чистым самоубийством. В конце концов, все под богом ходят, и погоны тоже не для красоты носят. Когда-то да придется умирать — так почему не сейчас?

Но вот только почему, когда чужой лес съел щуплую спину уходящего пацана, на душе у полковника Точилинова стало так погано?

Осторожное прикосновение к щеке вырвало Семена из неглубокого сна, в который он провалился к вечеру:

— Кто?..

Крепкая рука зажала ему рот и придавила, не давая подняться. Он моргнул и узнал. Разрисованное лесной краской лицо одного из двух спецназовцев, оставленных с ним, нависало над Точилиновым.

— Тсс,— боец прижал палец к губам и указал себе за спину.

Семен посмотрел — и не поверил своим глазам. Из леса, один за другим, неслышно выходила группа. Один, два, три... семь. Почти все! И еще. Три силуэта, размытые в вечерних зеленоватых сумерках. Два мужчины и одна женщина.

«Добро пожаловать, мадмуазель Сорен, мы уж заждались»,— усмехнулся про себя Семен.

И тишина. Ни криков, ни узоров хальер, ни погони. Профессионалы. Пришли, забрали, ушли. Ай да ребята! Ай да Каллимо, не подвел пацан. Так, а это что? Последний, восьмой член группы, выходящий из уже почти черной лесной тени, нес на плече сверток. Длинный и, судя по всему, тяжелый.

— Да вы, я посмотрю, еще и моральный ущерб отжали,— широко улыбаясь, Семен пожал руку командиру.

— Никак нет,— так же широко улыбаясь, в тон ему ответил тот.— Вернули казенное имущество, согласно распоряжению.

— То есть? — не понял Точилинов, присаживаясь на корточки над чьим-то телом, завернутым в маскировочную плащ-палатку.

Все еще радостно улыбаясь, он отогнул край... И вздрогнул — мертвенно бледный Каллимо выглядел гораздо хуже, чем утром.

— Что это? — Точилинов перевел взгляд на командира спецназа.— Зачем вы его сюда принесли?

— А что? — встревожился майор.— Надо было там убрать? Сказано было — живым.

— Чего — «живым»? — Семену захотелось потрясти головой, чтобы уложить разбегающиеся с истошными воплями мысли. Разговор начинал напоминать диалог между глухим и слепым.

— Доставить живым,— пояснил майор.— У меня приказ от моего начальства доставить аталь Каллимо по завершении операции обратно в распоряжение УПМ. Живым.

— Что?! — раненой белугой заревел Точилинов и тут же осекся, шуметь в лесу не следовало.

— Какой приказ? — зверским шепотом заорал Семен.— А мы с тобой в полку о чем говорили? Ты меня слушал или где?

— Так точно, слушал,— сдвинул брови майор.— Но на этот счет у меня есть четкие инструкции от генерал-майора Йенсена. Игнорировать ваши приказания в части, касающейся возвращения пленного.

— Гермес тебе приказал херить мои приказы? — не поверил своим ушам Семен.

— Не приказал,— уточнил спецназовец,— рекомендовал. И только в части, касающейся невозвращения пленного.

— А я приказываю. Приказываю, а не рекомендую, майор. Отпустить его обратно. Это было условие сделки,— Семен сказал — и понял, что ошибся. Лоб в лоб — приказ на приказ — он проиграет.

— Никак нет,— деревянным голосом откликнулся на его мысли майор.— Пленника приказано доставить обратно.

Точилинов открыл было рот, но, столкнувшись с обреченно упрямым взглядом майора, медленно закрыл его. Спецназовец перевел дух.

— Спасибо, товарищ полковник. Никак нам нельзя его оставить — голову снимут, у нас с этим строго.— Примирительно произнес он.

«Строго? — обозлился Семен.— Да я вас...» И понял, что ничего сделать не сможет. Последнее дело — устраивать склоку на вражеской территории. Да и против спецназа он не потянет — дадут по голове и доставят вместе с Каллимо в плащ-палатке. Разбирайся потом. Хитер Гермес. Что он с ними сделать сможет? Только убить. Ну не та у него квалификация магическая, чтобы управлять людьми. Вот Каллимо, например, тот да. О...

Семен схватился за мысль, как за спасательный круг. Опять спасать. И опять свою честь. Только теперь самому придется, никого рядом. Так, где линия? Вот она. Хорошо в Зеленом Лепестке, никаких проблем с магией — раз, и все. Семен лекарь был умения совсем уж невеликого, но на то, чтобы подергать несильно за жизненный контур хальер, его хватило. Майор так и не понял, что же он делает, пока Каллимо не зашевелился и не открыл глаза.

— Ты что?! — Он бросился к аталь.

— Назад! — хоккейным толчком отбросил его Точилинов.— Все назад! Или паука в глотку захотели?!

Сработало. Бойцы на секунду замешкались, и за это время Каллимо, молодец какой, успел встать на ноги. Мгновенно оценил ситуацию — и вокруг спецназа выросла невидимая стена. Даже проклятия перестали быть слышными. Остались двое. И только теперь Семен понял, что он наделал. Привыкнув за все их встречи, что Каллимо не может пользоваться магией, он привычно поставил его ниже себя. И вот пришла расплата.

Они стояли молча. Долго. Не моргая, смотрели друг другу в глаза. Как в детской игре: кто кого переглядит.

— Что они хотел? — медленно и как-то величаво даже спросил Каллимо.

— Вернуть тебя обратно,— не отводя глаз, ответил Семен.

— А ты, человек?

— Я выполняю наш договор. Ты свободен. И я приношу свои извинения.

Аталь перевел взгляд на бьющихся за невидимой преградой спецназовцев и безуспешно пытающихся что-нибудь предпринять магов. Под его взглядом каждый останавливался и замолкал.

— Я могу убить вас. Всех.

— Это будет не так просто,— все-таки нашел в себе силы ответить Семен.

Аталь усмехнулся. Посмотрел вдаль, словно ища что-то. Потом перевел взгляд на Точилинова, и тот едва сдержался, чтобы не отшатнуться,— такая сила светилась в его глазах.

— У вас десять ваших минут,— твердо выговорил Каллимо.— Ты выполняешь договор, поэтому я не убью тебя сейчас. И их. Но договор не полный. Уходи. Через десять минут буду убивать.

Точилинов оценил жест. Аталь на самом деле ничего не стоило убить их всех прямо сейчас. Но он чтил договор, хотя потерял он гораздо больше, чем приобрел. Медленно-медленно, все так же, не отводя взгляда, он поднял руку к виску, отдавая честь врагу.

Каллимо склонил голову:

— Ты странный человек,— тяжело проговорил он,— тебе будет тяжело со своими. Я видеть. И с чужими нелегко. Я думал. Ты говорить про будущее. Когда вы победа давать.

Взгляд его сделался задумчивым. Он как будто принимал решение. И решился:

— Я скажу, ты слушай. Все хотят после победы говорить с нормальными врагами. Я бы тоже хотел говорить с тобой. Три ваших месяца не ходи сюда. К нам. Не ходи. Тебе будет плохо.

— Что ты имеешь в виду?

Но взгляд аталь опять приобрел былую твердость:

— Я все сказал, человек. Время идет.

И отошел на несколько шагов, отгородившись той же невидимой стеной.

Точилинов, к счастью, не стал переваривать его слова. Спиной почувствовав смертельное дыхание, он бросился к освобожденным бойцам.

— Уходим! Бегом, бегом, все, что не собрано, бросаем. Он дал нам десять минут. Потом пойдет охота.

К непередаваемой радости Семена, они всё поняли. Не стали задавать дурацких вопросов, не стали трясти бесполезно воздух, выкрикивая оскорбления, хотя видно было, что очень хотелось. Только майор просвистел сквозь сжатые зубы: «Ну, тов-в-варищ полковник, мм... ...» И все. Подхватились и побежали.

Деревья замелькали навстречу. Сколько они сюда шли? Минут двадцать? Вприпрыжку, но должно хватить. Вперед, вперед. Семен на ходу за каким-то чертом как будто это кого-нибудь остановит, бросил назад пару узоров, создающих тварей. Что получилось, даже смотреть не стал. И еще повесил себе на спину воздушный щит — всё, чему Борис по своей теме смог научить. А потом пошел последним. Он эту кашу заварил — ему и расхлебывать.

Д-р-р-р, дум. Несколько стрел, скользнув по только что созданному щиту, выбили стаккато на соседних деревьях. Лес огла-

сил переливчатый крик. Погоня началась. Майор на бегу бешено оглянулся на Точилинова. Десять минут еще не прошло. Каллимо не сдержал слова.

До переднего края оставались считаные метры. Шквальный огонь не жалеющих патронов спецназовцев (чего уж теперь) выметал всех перед ними. Но они не успевали. Семен почти физически чувствовал, как трясется щит от постоянных попаданий. В лесу, где деревья мешали точно стрелять, он закрывал всех. На открытой местности ему просто не хватит умения держать щит над всеми. А впереди было пятьсот метров поля. Поля, за которым сидели свои. Поля длиной в целую жизнь. Поля, которого им не перейти никогда. Они перелетали через передний край.

— Третий, третий! Поезд идет, поезд идет! Давай, б...ь! — командир выдернул из нагрудного кармана рацию и, уже не скрываясь, орал на всю округу.

И поле ожило. Темная полоса на дальнем краю одновременно полыхнула огнем. От грохота рвущихся снарядов уши сразу перестали что-либо слышать. Вспышки впереди превратились в постоянный свет. Впереди велся огонь, похоже, из всего, чего только можно. Каждый сантиметр сзади них поливался шквальным огнем. «Кого же Гермес сюда притащил?» — промелькнуло в голове у Семена. А потом мысли кончились. Остался только бег по неровному полю. Бег вперед, к ярким огонькам выстрелов, к своим, домой. Ничего больше, только бежать. Бежать и держать щит. Хотя, кому он нужен теперь? Всё равно держать. И молиться.

Да сколько же еще можно, когда оно кончится, это поле? Цепочка огней впереди медленно приближалась. И вдруг в ней появился разрыв. Туда, понял Семен, там вход. Шаг, два, десять. Дыхание рвется из разрывающейся груди. Где свои, где чужие? Куда они бегут? Земля ушла из-под ног. Раз — и нету. И к огням выстрелов в вечерней темноте прибавились яркие звезды из глаз.

— А-а-а-а! — Семен, барахтающийся в какой-то яме, судорожно, рывками, начал оглядываться по сторонам, пытаясь понять, кто орет. Оказалось, он сам. Темные тени выросли по сторонам. Он едва сдержал удар, скорее почувствовав, чем увидев. Свои! Каски, автоматы, полевая форма. Дошли! Мама родная, дошли! Полковник Точилинов обессиленно сполз по стенке траншеи.

Глава 10

— Рассказывай,— Гермес тяжело уселся в кресло и посмотрел на Точилинова. Взгляд его не предвещал ничего хорошего, но и у Семена за душой тоже была парочка камней.

Вымотанных освобожденных магов вместе со спецназовцами и Семеном Гермес мгновенно выдернул на Землю. Ни секунды не дал лишней провести в Зеленом Лепестке. Ну, оно и правильно. Хватит. Риска в этой авантюрной операции и так было выше крыши. Фактически она вся и была построена на одном лишь везении. Так что не стоит усугублять. Впечатление при этом, правда, получилось совершенно фантасмагорическим. Полчаса назад они убегали от смерти по простреливаемому полю, а тут — раз, оглушающая тишина Карельского перешейка, умиротворение, благолепие и покой. И тихий кабинет начальника УПМ, вознамерившегося как следует отделать самовольщика. Крыша у Точилинова порядком съезжала. Слишком уж много пришлось на этот день. Но Гермеса это не волновало ни в малейшей степени.

— Рассказывай, что произошло и какое ты имел право отменять мой приказ.

За что Семен был в своей жизни бит — не раз, не два и даже не двадцать,— так это за то, что в такие моменты молчать он не умел категорически. Знал он, всё знал. И что от прямого столкновения с начальником никогда ничего хорошего не получается. И что, скорее всего, Гермес абсолютно прав: информации-то у него значительно больше. Всё он знал. Но маленький демонёнок, сидящий внутри, точнее, один из них, тот, который всю его жизнь дергал его за язык и активно портил эту самую жизнь, неизменно оказывался сильнее. Вот и сейчас он разжал судорожно сведенные челюсти.

— Приказ? — Сумасшедший день тоже немало способствовал «раскрепощению» в разговоре.— У меня был приказ, товарищ генерал-майор? Где?

— Не пори чушь,— Гермес прекрасно понимал, что, если брать официальную версию, то к Семену не придерешься, но никаким образом не собирался это учитывать,— майор тебе все озвучил. Каллимо должен был быть доставлен обратно. И всё ты понял.

— Ни черта я не понял,— Точилинова несло, но сделать он уже ничего не мог.— Ничего, что я ему слово дал? Как и он мне.

Он свой договор выполнил,— Семен понимал, что сейчас скажет неимоверную гадость, но все равно не удержался: — Мадмуазель Сорен, как я вижу, уже в безопасности. Что я должен был после этого сделать? На чай ему дать за хорошо выполненную работу?

Лицо Йенсена окаменело. Если Точилинов хоть что-то понимал в его мимике, то Гермесу очень хотелось его убить. Прямо сейчас. Семену аж страшновато стало. Все-таки пред ним сидел один из самых сильных магов Земли. Но Гермес сдержался.

— Вы, товарищ полковник,— Йенсен чуть ли не по слогам произнес его звание,— должны были всего лишь обеспечить безопасность группы. Никакие взаимоотношения с пленными вас не касаются. Так?

Семен молчал. Чего уж там. Так. Гермес прав. Старший группы — майор спецназа, все приказы у него. Ему действительно вменялось всего лишь прикрыть группу от магического воздействия.

Гермес тем временем в своей манере резко сменил интонацию. Вот ни у кого так больше не получалось, только у него. Только что он метал громы и молнии, и хотелось спрятаться под стол, щелк — нормальный человек. Абсолютно нейтральным тоном, как будто обсуждая прогноз погоды, Йенсен поинтересовался:

— А ты знаешь, кто такой на самом деле тен-таль Каллимо?

В нормальной обстановке Семену бы напрячься — уж больно неожиданный вопрос,— но этот день вычерпал все силы до дна, хотелось только, чтобы это все закончилось как можно скорее. Уже любой ценой.

— Нет, а что?

— Да, собственно, ничего,— Гермес закурил.— Наш друг трудится ни много ни мало личным секретарем Принца Лианы золиталь Санделя.

А вот тут Семену стало по-настоящему нехорошо.

— Твою в душу ни маму... Так что ж ты молчал?! — Он забыл и что Йенсен генерал-майор, и что встреча эта является взбучкой,— вообще все забыл. Такие новости кого угодно ошарашат.— И как давно ты это знаешь?

— Информация пришла за два дня до вашего выхода.

— И ты молчал?

— А что прикажешь делать? Сообщить тебе? Так ты вот уж точно бы его отпустил. Гарантированно. Соглашения с лицами такого ранга ты бы уж не нарушил никак.

— А рядовым я, значит, могу и соврать? Только боссам задницу лижу? Ну спасибо,— вскипел Семен.

— Нет,— Гермес, не глядя на Семена, стряхнул пепел в пепельницу,— я имел в виду совсем не то. Просто ты решил, что ты рыцарь и все вокруг тоже будут с тобой обращаться по-рыцарски. И потом будут поступать так же и со всеми остальными. Ты пытаешься воспитать весь мир. Относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе, и все такое.

— Вот только не надо сейчас лекций о нравственности и сопряженных явлениях, ладно? Не говори, что все это не работает.

— Работает,— Гермес раздавил сигарету и тяжело посмотрел прямо в глаза Точилинову.— Работает, и еще как. Вот только одна проблема есть. Она работает исключительно на тебя. Понимаешь? Ты выходишь чистым и честным перед всеми. Но при этом принимаешь на себя обязательства поступать так же и впредь. И это гарантирует тебе рыцарское отношение с противоположной стороны.

— А что здесь плохого? — не понял Семен.

— А то,— Гермес устало провел по лицу рукой, видно, ему этот день тоже дался непросто,— то, что тебя совершенно не волнует, что будет с теми, кто не выполняет рыцарский кодекс. А таких большинство. И я вынужден лавировать между вашими разнообразными моральными устоями, чтобы вы все смогли вечером прийти домой и лечь спокойно спать. Чтобы и ты, и французы, и спецназ вернулись домой живыми. И чтобы еще тысяч сто или двести человек (заметь, человек — таких же, как мы с тобой, людей, а не нелюдей) смогли точно так же вернуться домой и жить дальше. И информация в голове у этого пацана немало этому способствует. Ты хоть на секунду можешь представить, что может рассказать секретарь самого зол-итана Санделя, второго лица в ополчении Листьев?

Семен дрогнул, отпускать такого пленного действительно было нельзя. Но разговор уже зашел слишком далеко, день был слишком тяжелым, и он не смог остановиться:

— Значит, давай теперь уродами будем, да?

Йенсен замолчал. Молчал он долго и смотрел на Семена с каким-то странным выражением.

— «Я его оскорбил, я сказал: капитан, никогда ты не будешь майором!» — помнишь такую песенку? — тихо спросил он наконец и выпрямился в кресле.— Иди, не будет тебе разноса. Живи как знаешь. А я уж тут сам. Как-нибудь в говне покопаюсь.

Если б не этот проклятый день, Семен, может, и нашел бы что сказать, а так он просто молча встал и пошел к двери. Хотел на выходе садануть дверью, но передумал.

Глава 11

— Танков бы нам парочку,— молодой капитан заговорщицки повернулся к Точилинову,— а может, вы чего сообразите, товарищ полковник, а?

— Нет уж,— ухмыльнулся Семен,— без меня. Я огненные шары метать не умею. Да и без толку всё это. Там тоже не дети сидят. А если совсем честно, то не тянем мы против них.

Наплевав на предупреждение Каллимо, последние два месяца Точилинов пропадал в Зеленом Лепестке. Уж больно унизительной оказалась немощь, которую он испытал. Он не хотел больше оставаться магом только по названию. Первичной теоретической базы было уже завались, а в высокие материи ему пока было не с руки лезть, сначала надо в первых ступенях разобраться. Вот он и разбирался, не вылезая с переднего края, вникая в особенности магических боев и накапливая информацию. И информация его переставала радовать. Она, собственно, и раньше не особо обнадеживала, а теперь совсем уж непонятное начинало твориться.

Вот и сейчас, сидя в окопе перед небольшим холмом, удерживаемым аталь, он пытался разобраться во внезапно отказавшем гранатомете. С виду ничего особенного, АГС-17. Станковый гранатомет — он и в Африке станковый гранатомет,— ствол на треноге с коробом обоймы. Ничего неизвестного там отродясь не водилось, все насквозь изучено и разобрано. А вот поди ж ты, не работает — и всё тут. Семен шипел и плевался, в четвертый раз разбирая оружие до винтика, и жутко злился на капитана, который пребывал в совершенной уверенности, что это — дело рук магов. Казалось бы, это ему полагается валить всё на магию, ан нет, Семен завелся. Ну в самом-то деле, как может не работать набор железяк, каждая из которых в отдельности пребывает в полном порядке. Гранатомет исправно щелкал, боеприпас досылался — а выстрела не происходило. Они уже пятый раз меняли боекомплект, проверяли, доходил ли боек до патрона, и все в подобном же духе. Но — никак.

— Я ж говорю,— капитан демонстративно лениво оперся на стенку траншеи,— это не он, это оттуда,— он мотнул головой в сторону холма,— пришло. Там эти, здоровые, торки появились — и сразу началось. Мне и приятель один рассказывал: как они появляются, сразу техника начинает глючить. Вот они некстати договорились-то между собой. Как в книжках, эльфы с орками. Х-ха, я

и говорю, танков бы сюда, накрыли бы его, засранца. И все дела. Сразу бы всё заработало.

— Они могут между собой договариваться о чем угодно, твои эльфы с орками, а железо должно работать,— Семен зло дернул застрявшую деталь.— Если пружина сжимается и разжимается, то все должно работать. Законы физики никто не отменял.

И вдруг рассмеялся:

— Эльфы с орками, говоришь? Похоже.

И действительно похоже было. В войсках давным-давно уже окрестили все три расы нелюдей Клевера на земной лад. Изящные аталь с их острыми ушами и феноменальной способностью стрельбы из луков превратились в эльфов. Коренастые мощные глеммы, живущие в подземных городах и как никто разбирающиеся во всём, что связано с землей и всем, что из нее добывается, стали гномами. А высоких воинов-кочевников с их зверским оскалом заостренных зубов и неизбывной страстью к разрушению, немедленно окрестили орками. Чего зря земному фольклору пропадать.

— Конечно, похоже,— капитан, роту которого выделили Семену в помощь, снял полевую форменную кепку, подложил ее под голову и поудобнее устроился в траншее.— Вы, товарищ полковник, совершенно напрасно мучаете прибор. Тут надо снайпера вызывать. Пока он этого паразита зубастого не выцелит и не грохнет, эта штука работать не будет. Проверено. У них же магия как работает: они суть и дух предмета видят. Или с духами какими общаются. Они хоть гранатомет, хоть мотоцикл, хоть карандаш зачаруют. Умеют, гады, договариваться как-то. Вот случай был..

— Да ты, я смотрю, готовый маг,— прервал готовящегося рассказчика Точилинов. Он про такие «случаи» за последние два часа наслушался уже выше головы. Починить гранатомет это не помогало.— Чего ты здесь-то делаешь, давай к нам.

— Да вы не обижайтесь, товарищ полковник. У вас мне делать нечего. Я понимать что происходит, понимаю, а вот сделать — никак.

— Да я и не обижаюсь,— Семену стало стыдно за свою вспышку, тоже нашелся великий маг и волшебник.— Просто я тоже сделать ничего не могу. А вдобавок я еще ничего и не понимаю. Все линии я просмотрел: чисто. Если бы маг работал, так хоть что-то бы да было заметно, а здесь — ничего.

— Так я ж говорю, у них магия другая. Они не так, как эльфы с гномами, работают. С духами предметов говорят.

— Да ты-то откуда это знаешь? — удивился Семен.

— С людьми говорю. Слушаю, чего и где случается. Интересно мне.

— Интересно ему,— проворчал Семен.— И чего наслушал?

— Орков этих эльфы сами не любят. Когда у них между собой драчки случаются, они первым делом орочьих магов выбивают. А то эти ребята много чего учудить могут.

С одной стороны, весь рассказ капитана звучал как байка или сказка, а с другой — разве сама эта война двух, нет, уже четырех, миров — не сказка? С появлением на этой войне орков и гномов, то бишь торков и глеммов, ситуация неприятно изменилась. Такой пакости никто не ожидал. Если к тому моменту тактика и стратегия аталь были просчитаны и освоены вдоль и поперек, то воевать еще с двумя расами пришлось учиться заново. Победное шествие людей было остановлено. Хальер глеммов активнее всего проявлялась во всем, что связано с землей, и передвижение войск стало очень проблемным делом. Возникающие из ниоткуда противотанковые рвы и надолбы были способны остановить любой наступательный порыв. Глубокие ямы под артиллерийскими батареями, зыбучие пески на путях подвоза боеприпасов и продовольствия, непроходимые скалы и камнепады на путях прохождения войсковых колонн — вот далеко не полный список неприятностей, которые халь глеммов доставляли людям. В довершение всего, доспехи тяжелой пехоты глеммов, над которыми поначалу потешались «цивилизованные» военные, оказались пуленепробиваемыми. Теперь, чтобы остановить хорд глеммов, требовались как минимум крупнокалиберные пулеметы.

А торки оказались неимоверно быстрыми, и их мобильность порой просто поражала. Основой их шаманства являлось общение с духами, которых они могли найти где угодно, хоть действительно в карандаше. Для людей оказалось неприятным сюрпризом, что дух того же гранатомета при должном обращении (что, к счастью, случалось весьма редко) может если не открыть огонь по своим, то как минимум вывести оружие из строя.

— А что же ты тогда молчишь? — Семен внимательно выслушал капитана.

— А я и не молчу,— пожал плечами тот,— только что я могу по сути доложить-то? У меня пара случаев всего было. Да и то, когда, видно, маг ихний уходил, все опять работать начинало. Я сунулся было к командиру, тот пальцем повертел и выслал меня подальше: за оружием следить надо, говорит. Может, он и прав.

— А может, и правда прав? — поинтересовался Точилинов.

— Может, и так,— согласился капитан,— только вот за последние месяца два, таких случаев все больше и больше становится. Вы бы присмотрелись, товарищ полковник, может, вам поверят.

Семен внимательнее глянул на упорно не желающий работать гранатомет.

— Присмотрюсь,— пообещал он.— Может, и поверят.

— Можно? — Точилинов приоткрыл дверь кабинета.

— Можно знаешь чего и где? — добродушно отозвался откуда-то из угла кабинета Гермес.— Ты ж военный человек. «Разрешите». Давай, заходи. Что, перестал дуться?

— Да я, собственно, и не дулся,— теплый прием Гермеса как-то неожиданно погрел душу, и Семен вдруг решился: — Просто ты ж сам знаешь, когда не прав, так еще тяжелее сознаваться. Ну балбес, ну бывает. Но не мог я вот так слово свое бросить.

— Да я все понимаю,— Йенсен подошел к столу.— Я тоже не совсем прав был. И вправду, нельзя было тебя так подставлять. Да и никого нельзя. Надо было по-другому решать. Сейчас я уже понял. А тогда я как представил, какой вопль поднимется, что мы его отпустили... У-йо. В общем, прости, неправ был.

Он протянул руку, и Семен с непередаваемым облегчением за нее схватился. Как оказалось, камень этой ссоры был слишком уж тяжелым.

— И ты. Я тоже ерунды всякой наговорил.

Оба счастливо улыбнулись. Пробежавшая между ними кошка благополучно сдохла.

— Так ты чего хотел? — Гермес плюхнулся в кресло и потянулся за сигаретой.

— А, да, собственно... Я на радостях и забыл,— они оба рассмеялись.— Слушай. Не нравится мне, что творится в Экскоре. Я тут полазил по войскам, понюхал. Неладное что-то происходит.

Рассказ занял полчаса. Поначалу все шло само собой, но к концу рассказа Точилинов начал мрачнеть на глазах. Случаи, о которых Семен смог узнать и рассказать, все до одного отдавали нехорошим душком обыкновенных баек. Кроме гранатомета, который он лично не смог починить, ничего более конкретного попросту не было. Семен и сам начал удивляться, чего это его вдруг понесло к Гермесу с таким докладом. Оставалось надеяться, что Гермес не сочтет его полным дураком.

Повезло, не счел. Но радости это не прибавило. Йенсен помрачнел.

— Ты понимаешь, Сема,— терпеливо выслушав весь доклад, протянул он,— тут такая штука получается. Ты и сам к концу рассказа понял, наверное, что очень уж это на обыкновенные армейские байки похоже. В руки взять нечего. Подумаешь, техника от-

казывает. Да сплошь и рядом это случается. Я-то понимаю, что не просто так ты ко мне с этим заявился, но вот тут два момента есть. Первое. После Каллимо,— он поморщился,— выйти с таким рассказом наверх, это будет как-то... неправильно, что ли. Я и так горя хлебнул. Мне и самоуправство припомнили, и Сорен, и все остальное. Еле отплевался, если честно, да и то, похоже, просто потому, что заменить каждого из нас некем. И тебя вытащила только та история с жучками для контрразведки, не рискнули они совсем уж шашкой махать на тебя. Кстати, ты все свои плюсы оттуда растерял, имей в виду. Так что если я заявлюсь на ковер с рассказом, что полковник Точилинов вот такую штуку тут накопал... Ну ясно, да?

— Да уж,— покряхтел Семен,— некрасиво выйдет.

— Я рад, что ты понимаешь,— наклонил породистую голову Йенсен.— И второе. Вот ты мне все это рассказал. А дальше что? Что конкретно ты хочешь?

— А? — растерянно спросил Точилинов.

Вот где крылась нестыковка. Он чувствовал, что что-то не до конца он проработал, но никак не мог понять, что. Теперь понял.

— Да я и не знаю толком,— почесал он затылок,— я просто накопал вот такое — и пришел к тебе посоветоваться. Может, с остальными поговорить. Или ты по своим каналам забросишь информацию.

— Я заброшу,— пообещал Гермес,— и к твоему рассказу я отнесусь серьезнее, чем показываю. Ты про Каллимо тоже не забывай. Люблю я аталь или не люблю — это мое дело, но то, что он вас отпустил,— это факт. И то, что он тебя предупредил,— это тоже факт. Не похож он на болтуна. А то, что это все начало случаться в последние два месяца, наводит на размышления. Вот только про два моих момента не забывай, ладно?

— Ладно,— согласился Семен.— Так что делаем?

— Делаем вот что. Ты давай обратно в войска двигай, возьми с собой кого-нибудь, Колобка, что ли, чтобы попытаться перехватить хоть какую информацию. А еще лучше, и Галину. Не кривись, все равно другого телепортиста сейчас нет. А она хоть сможет проследить, не увеличилась ли активность по перемещению между Лепестками. Возьми,— с нажимом повторил он, глядя на брезгливую гримасу Точилинова.— Хоть топорно, но сделает, нам сейчас любое лыко в строку. И — рой. Все, что сможешь по этой теме. Если хоть что-то сможем в руки взять, сразу наверх выйдем. А я оповещу всех по своим каналам, как ты говоришь. Посмотрим, что получится. Давай, двигай.

— Я еще Борю прихвачу? — попросил Семен.

— Идет,— согласился Гермес.— Но учти, если Каллимо был честен, то у тебя недели две, не больше. Нам еще и реагировать надо.

Глава 12

— Галь, а поуютнее места не могла бы ты выбрать для высадки? — перепачканный землей Колобок сел и начал остервенело отплевываться.

— Пошел ты, скажи спасибо, что сюда доставила,— Галина, как всегда, в ответ на претензию пошла в атаку.— Или ты всё разведал и всем рассказал, где хорошо, а где нет?

Как ни крути, а — один-ноль. Колобок на самом деле уверял их, что здесь всё тихо. Ан нет. Первое, что они увидели, выйдя из портала, был атакующий Зверь. Желтый. Хорошо, Борис, мгновенно среагировавший, сжег зверюгу прямо в пике, заработав восторженные вопли окружающих бойцов. Боевой дух при виде такого фокуса сразу взлетел на неимоверную высоту, и первая волна аталь откатилась обратно. Но останавливаться они сегодня не собирались. Порыв ураганного ветра с той стороны принес не только пыль и ветки, а еще и тучу стрел. Этот фокус аталь освоили сравнительно недавно, и до сих пор он считался самым опасным из арсенала халь. Ветер, который способен вызывать любой ученик, подхватывает стрелы и несет их так далеко, как может. А может он очень и очень далеко. Аталь, как правило, стреляли тремя рядами, каждый из которых выпускал за секунду три стрелы. И вот этот рой стальной смерти, усиленный ураганным ветром, выкашивал солдат так, как не смог бы ни один летучий Зверь. Так что передышка у магов вышла совсем короткая. Не успели толком порадоваться над сожженным Зверем, как пришлось буквально нырять в землю, чтобы спрятаться от Пчелиного Ветра, как называли свой прием аталь. Борис и здесь помог: растянул воздушный щит, насколько получилось. Но в третий раз, похоже, его умение уже не спасало.

— Смотрите, это что? — прервал начинающуюся свару возглас кого-то из бойцов, благоразумно переместившихся поближе к магам.

Все подняли головы. По небу величаво плыл с десяток грязно-зеленых шаров. Они медленно снижались, и становилось понятно, что точка приземления будет где-то в окопах.

— Сема, это тебе,— прищурился Борис.

Он попытался было всё это сжечь — не вышло. Влажно поблескивая боками, шары и не подумали гореть, продолжая свой неторопливый полет. Семен присмотрелся: да, это и впрямь по его части. Хвостики линий, связывающие псевдожизнь с подпитывающими каналами, просматривались достаточно ясно. Вот только что это? Ни ртов, ни лап — ничего. Чем они воевать собрались? Ответ пришел быстро. Первый же шар, ударившись о землю, рассыпался такими же грязно-зелеными брызгами мерзкого вида тварюшек. В полном молчании они брызнули в стороны, и тут же раздались вопли бойцов. Тварюшки, состоящие, похоже, из одних зубов и шипов, цеплялись за тело там, где могли, и начинали бешено вгрызаться. Отчаянная пальба, открытая тут же, видимого эффекта не принесла. Поди-ка попади в тварь размером с кошку. Точилинов прищурился. «Нет уж,— промелькнуло в голове,— не ваш сегодня день!» Спасибо Каллимо, после того случая с бойцом Семен остервенело начал учиться контролировать созданные им объекты, чтобы больше они не жили своей собственной жизнью. И первое, чему он научился, было умение отрывать от каналов эти самые подпитывающие хвостики, без которых объекты продолжали некоторое время существовать, но полностью лишались возможности двигаться. Вот и сейчас Семен схватился за тонкую, слегка пульсирующую ниточку. «Вот вам!» — злорадно подумал он. И — ничего. Тонкая ниточка обладала прочностью стального троса, Точилинову ее даже сдвинуть в сторону не удалось. Как будто за дерево схватился и пытаешься его вырвать из земли. Шары тем временем начали снижение. Твари из первого лопнувшего шара и не думали останавливаться, продолжая свое кровавое дело. Что, что делать?.. Не взять их никак. Шары всё приближались и приближались.

— Командир! — заорал Точилинов.— Кто здесь старший?

— Майор Зырянов, товарищ полковник,— откуда-то из-под локтя вынырнул молодой парень с погонами майора.

— ПЗРК, гранатометы, что молчите? Огонь по этим...

— Не работают,— упавшим голосом доложился майор.— За час перед атакой как раз и обрубило. Ничего не работает. Не можем понять, что случилось. Уж который раз.

Все правильно. Семена потому сюда и направили, что именно здесь в последнее время все чаще отмечались случаи отказа оружия. А чего он ждал? Второй шар уже почти коснулся земли. Бока его ходили ходуном, новая волна тварей рвалась наружу, к теплой крови. И — не сделать ничего. Ну же, хоть за что-нибудь зацепиться. Подпитка не рвется, а что у них еще есть?

— Колобок,— резко повернулся Точилинов,— у них связь с халь поддерживается?

— Чего? — моргнул Колобок.

— Того,— раздраженно рубанул воздух ладонью Точилинов.— Почему они именно сюда летят? Их же не из пушки выстрелили. Кто-то ведь направил. Посмотри — кто. И как.

Колобок осознанно моргнул, принимая информацию, повернулся на каблуках и тут же сосредоточенно запыхтел, рассматривая создания.

Шар тем временем коснулся земли. Но в этот раз его уже ждали. Как только первые твари брызнули наружу, раздался слаженный залп из всего стрелкового оружия, которое работало. Место посадки накрыло стальной тучей. Полетели ошметки, комья земли.

— Есть,— развернулся Колобок.— Их ведут как на поводках. Поводки тонкие, перед посадкой практически неразличимые. Оборвать, наверное, смогу.

— И чего будет? — поинтересовался до этого момента стоявший недвижимо майор.

— Не знаю,— честно развел руками Колобок,— но чего-нибудь да будет. Всё не так, как с этими.

Тварей из второго шара уцелело значительно меньше, но оставшиеся точно так же начали свое пиршество.

— Давай,— приказал Точилинов.— По моей команде рви, сколько сможешь. Три, два, один — давай!

Колобок напрягся и вдруг радостно воспрянул:

— Есть, оборвал. Все оборвал.

— Смотрим,— прищурился Семен.

Полет шаров вдруг стал хаотичным. Ближайшие две штуки перестали снижаться и на той же высоте поплыли куда-то дальше, в тыл людям. Остальные, поколебавшись, отправились за ними.

— Майор,— скомандовал Точилинов,— хватай всё, что у тебя не работает, и — за ними. Старайся стрелять. Чует моё сердце, где-нибудь подальше всё заработает. Давай, двигай людей. И оповещай всех, кого встретишь, что это не со дня рождения подарки сбежали.

— Уж постараюсь. Есть, товарищ полковник,— повеселевший майор отдал честь и убежал.

— Дела-а,— Точилинов повернулся к бойцам.

Там всё уже заканчивалось. Разными способами, кто как мог, но тварюшек добивали. Раненых оттаскивали в сторону, высунувшихся было из своих окопов аталь загнали обратно — внезапности у них не получилось. Можно было перевести дух.

— Дела-а,— Семен достал сигарету, поднес зажигалку Борису и Колобку, Галина помотала головой: мол, не буду,— вот так, на хрен, сходили за хлебушком. Опоздай мы на полчаса, как раз в гости и приехали бы. Повеселились бы заодно.

— Не приехали бы,— неожиданно робко подала голос сидящая на земле Галина,— у нас везде стоят предохранители. Если стакиваемся с хальер чужой, то рисунок не срабатывает.

— И то хлеб,— тихо вздохнул Борис,— а ты молодец, Колобок. Поклон тебе до земли. Я уж думал, и нас накроет.

— Это не мне,— выдохнул дым Колобок,— это к Семену. Если б он не сказал, куда смотреть, я б и не увидел.

— Короче, всем по поклону,— Галина немного отсиделась, и к ней начала возвращаться ее обычная хамоватость,— че делаем-то? Или так и будем сидеть, языками болтать?

— Надо будет — и поболтаем.— нахмурился Семен. Галина поморщилась, но, против обыкновения, смолчала.— Сидим, ждем майора. Если это то, что я думаю, то шары он пожжет. Дождемся, послушаем.

— И?..— поинтересовался Борис.

— Дождемся,— отрубил Семен.

Майор появился через час.

— Разрешите доложить, товарищ полковник,— лицо его светилось радостью: явно выполнил приказ. Шары он пожег, оружие, как маг и предсказывал, заработало. Жизнь возвращалась в привычную колею, спина начала опять чувствовать защищенность. Мол, вот вам, паразитам, у нас тоже маги есть,— как вы и сказали, пробовали, пробовали, где-то километров через...

— Шесть,— оглянулся назад Точилинов.

— Так точно,— удивленно восхитился майор.— Как раз через шесть километров, там склады стоят, и сработало. Сначала РПГ заработал, а через пару минут — и ПЗРК. Всё пожгли. Замечательно, надо сказать, горели. Как в тире отстрелялись.

— Угу,— проворчал Семен, совершенно не разделивший майорской радости,— всё ясно. Спасибо, товарищ майор, возвращайтесь к своим обязанностям.

— Как же...— растерялся тот,— может, товарищ полковник... Может, расскажете, что это? А то у нас так постоянно, делать-то чего в следующий раз?

— Не расскажу,— расстроил его Семен,— потому как сам еще не знаю. Так, общие мысли. Нет пока против этого ничего. Потому и приехали к вам. Вечером подойдите, расскажете, чего тут у вас постоянно происходит. Там посмотрим.

Когда обиженный, поминутно оглядывающийся майор ушел, к Семену повернулся Борис:

— Ты чего? Понял, что происходит?

— Если я не ошибаюсь, жопа происходит,— Семен мрачнел на глазах,— почему через шесть километров начало оружие работать, понятно?

— Радиус действия узора,— догадался Колобок.

— Именно.

— И — выводы?

— Какие тут выводы. Статистики кот наплакал. Смотреть надо, считать. Ой-е, как мне всё это не нравится,— Точилинов поднялся и начал разминать затекшие ноги,— ладно, пошли устраиваться, вечером еще с майором поговорим. А завтра дальше двинемся.

Три дня прошли в напряженной работе. Точилинов вызывал к себе всех, кто мог хоть что-то сказать по теме. Пришлось просить приехать и соседей — у них такая же история началась. Вообще, Семен понял, что подобного рода случаи начали происходить уже довольно давно, просто никто не удосужился посмотреть на это попристальней, да и командиры не горели желанием каждый раз докладывать о неисправном оружии, чай, по головке-то не погладят за бардак. Вот и крутился дальше порочный круг. Настроение у Семена портилось прямо на глазах, поэтому, когда вечером к нему, вышедшему покурить, подсел Борис, явно озадаченный чем-то, он даже не стал вникать глубоко в проблему.

— Слушай,— озабоченно почесал кончик носа Борис,— это, может, и глупость, но что-то мне Галина перестала нравиться.

— А ты до этого ее нежно любил, что ли? — коротко хохотнул Семен.

— Души не чаял,— поморщился Борис.— Нет, ты знаешь, она молчит.

— И правда беда случилась,— проворчал Точилинов.— Галина — и молчит. Хотя лично я совершенно не против, мне еще ее комментариев не хватало.

— Да я не про это. Она все время молчит, записывает каждый случай, и вообще, как-то отстраненно ко всему относится. Если б над нами не Гермес стоял, я б посчитал, что она стучать готовится.

— Кому? — отмахнулся Семен.— Ты правильно сказал: кому она, кроме Гермеса, может настучать? Не пори ерунду. Да и что она может доложить, о чем стучать-то? Проблема? Так мы и так над ней работаем. Да и не сформулировать ее пока никак. Брось, не забивай себе голову. Ты лучше посмотри, что получается. Карту смотрел?

— Не смотрел, позже,— Борис потянулся,— а Галину я бы рекомендовал оставить на базе, когда вернемся.

— Да она и сама останется. Применения ей здесь никакого, толку, соответственно, тоже. Уймись. Пошли,— Семен поднялся,— покажу, что получается, если на карту нанести все случаи отказов и систематизировать их по категориям оружия.

Глава 13

Галина и вправду легко согласилась остаться на базе. Занятый неожиданно открывшейся картиной Семен даже не стал тратить время на недовольное ворчание Бориса. Он коротко связался с Гермесом, которого унесло во Францию, изложил предварительные выводы — и умчался опять в войска. Вернулся он через неделю, переполненный информацией. Общая картина вырисовывалась достаточно четко. И картина эта могла расстроить любого. Точилинова, во всяком случае, она расстроила. Гермес немедленно вызвал его к себе, и, судя по его лицу, его новости были ничуть не радужнее.

— Ты, часом, ничего по моей тематике от смежников не притащил? — настороженно поинтересовался Семен.— А то у тебя лицо как у меня. Но я то хоть понимаю, в какую задницу мы идем, а ты-то чего?

— Я-то? — Йенсен хмуро посмотрел на Точилинова.— Я-то тоже понимаю, но вот проблема, которая свалилась, она и тебе «оптимизма» может прибавить. Рассказывай сначала ты.

— Куда уж дальше? — вздохнул Точилинов.— А накопал я вот чего...

Больше всего это смахивало на отработку нового оружия. В данном случае — магического. По всей линии фронта (русского, понятно,— дальше Семен не забирался) имели место подобные случаи. Несколько месяцев назад то там то здесь начало отказывать оружие. По разным причинам наверх об этом не докладывалось, и если бы Точилинов тогда сам с этим гранатометом не завязался, то и дальше бы все молчали. Ну подумаешь, случилось — так потом же опять заработало. И только в последние дней двадцать отказы оружия начали сопровождаться массированными атаками с применением ранее неизвестных магических узоров. Сами по себе эти узоры серьезной опасности не представляли, но

вкупе с временным отсутствием адекватного оружия они заставляли посмотреть на происходящее иначе. Как с теми же шарами. Если бы ПЗРК работали, так грош им была бы цена: пожгли бы еще над позициями аталь. Но вот не пожгли же...

— И еще смотри, что получается. Они как умно делают: прошла атака, народ они покрошили. И всё. Дальше не идут. Если бы они наступление начали, то тут уж все бы зашевелились. Применение новой тактики, проигрываем и так далее. А они останавливаются — и проблема становится локальной. Конечно, долго бы они так не смогли развлекаться, кто-нибудь в итоге доложился бы куда следует — и до нас бы дошло. Но если вспомнить Каллимо, то очень начинает хотеться попу свою куда-нибудь в безопасное место засунуть. Если они наработали узор, который блокирует наше оружие, то это, ммм, как бы это поточнее сказать. Во, «катастрофа» — самое точное слово.

— Шутник ты, я посмотрю,— Гермес не повелся на псевдоигривый тон.— А теперь меня послушай. Мадмуазель Сорен сотоварищи,— он сидя отвесил поклон отсутствующим,— под моим чутким руководством все-таки добили тему.

Он поднял голову, и в его глазах засветилась гордость:

— Мы сделали портал на полкилометра.

— Ух ты! — подпрыгнул Семен.— Так это же победа.

— И да и нет,— гордость погасла, уступив место горечи.— Теперь осталось, чтобы он заработал.

Семен не зря подпрыгнул. Это на самом деле была самая настоящая победа.

Война в Зеленом Лепестке с самого начала велась только стрелковым оружием. В порталы, создаваемые по образу того самого, первого, могли пройти только два солдата — тесно в ряд. И всё. Телепортисты головы сломали, пытаясь расширить портал. Никак. Ни миллиметра больше, вот уж удружили первооткрыватели. Открыть двадцать штук один рядом с другим — пожалуйста, а один большой — ни-ни. Ни о какой артиллерии, авиации — вообще о более или менее крупной технике речь не шла. Минометы и безоткатки — максимум. Из механизации — только мотоциклы. Собственно, поэтому только аталь до сих пор и держались. Сколько молитв в войсках произносилось хотя бы об одном вертолете. А тут такой подарок.

— Да вы... Даже не знаю как вас назвать! Вы ж гении! Кранты теперь аталь. Торвальд, это же победа! Самая настоящая победа! Подожди, а что значит «осталось, чтобы он заработал»? Вы его сделали или нет?

— Сделали,— закряхтел Йенсен,— сделали. И сразу туда пару танков засунули.

— И-и что?

— И ничего. Не работают они. Первый поехал и заглох. А второй прямо в портале накрылся,— он с силой провел руками по волосам.

— Это всё? — осторожно спросил Семен. Что-то ему подсказывало, что проблема гораздо глубже.

— Нет,— Гермес нервно выдернул сигарету из пачки. Видно было, что до этого он держался при подчиненных, а с Семеном его отпустило — и очень хотелось выговориться.— Это не всё. Портал мы не удержали.

— Оп-па,— тихо произнес Точилинов.— И что?

— Танк напополам. Передняя часть там осталась, а задняя, где бензобаки,— у нас.

— Сколько пострадавших? — мгновенно все понял Семен.

— Двое обожженных, тяжело. Еще восемь контужены.

— Торвальд,— Точилинов попытался заглянуть Гермесу в глаза,— это эксперимент. Это неизбежно. Сколько таких случаев. Все знают, на что идут. И наверху все должны понимать. Плохо, конечно, но это война. Или,— он споткнулся,— что с Сорен?

— С ней все в порядке, слава богу,— Йенсен сломал так и не зажженную сигарету.— Черт бы побрал этого Каллимо, аталь и всех их вместе взятых.

Видеть ироничного, аристократичного, всегда уверенного в себе Гермеса в таком состоянии было очень непривычно. И неуютно.

— Да что случилось-то, ты скажешь или нет?

— Сегодня утром меня вызвали на ковер,— Гермес справился с собой и стал говорить четко, сухо и по делу,— и показали докладную записку, в которой описываются многочисленные случаи отказа вооружений в частях. И твоя командировка, целью которой являлся сбор информации по этой теме,— он помолчал,— и отсутствие выводов и предупреждений.

— И чего? — не понял Семен. Тут его вдруг переклинило почему-то.

— Того. Имеющие уже три месяца место случаи отказа оружия. Наши разработки этой темы. И открытый портал, в котором отказывают двигатели у танков. Двое тяжелораненых и восемь контузий среди приемной комиссии. Дальше продолжать?

— Твою мать...— выругался Семен.— Подожди. Ты ж сам говорил, что докладывать-то? Байки и сплетни? Более или менее внятная информация только сейчас появилась.

— Как видишь,— Гермес прищурился,— не сейчас, а несколько дней назад.

— И чего? — Точилинов в упор не понимал логики обвинения.— Всего две недели работы. Всё сыро как не знаю что. Сплошные гипотезы и попытки систематизировать географические данные. Мы, конечно, маги, но не волшебники из сказок. Вот так быстро все понять и проработать — это задача для сказочных персонажей, с жизнью, извините, не стыкуется. Это даже человек не связанный с нашей тематикой за три минуты поймет. Только перемещения по войскам дней десять заняли. Две недели,— фыркнул он,— где это видано?!

— А разведданные, полученные в ходе допроса пленного аталь Каллимо, были представлены начальнику УПМ МО РФ генерал-майору Йенсену еще три месяца назад. Упомянутый Каллимо, кстати, каким-то образом во время проведения спецоперации в Зеленом Лепестке скрылся. Предположительно, с помощью одного из сотрудников УПМ,— вкрадчиво пропел Йенсен.— Теперь яснее становится?

— Ма-ма,— по слогам прошептал Семен, обмякнув в кресле.— Ой, мамочка. Контрразведка, как минимум. Подожди... Но это же... Слушай, это же бред какой-то.

Его сбивчивое бормотание практически сразу заглохло. Ошеломленный, он уставился на Гермеса.

— Понял теперь? — Гермес уже не дурачился.— Если смотреть только на документ, то нас с тобой прямо сейчас можно брать и к стенке ставить.

— Слушай, а откуда они узнали-то про Каллимо и его предупреждение. Я ж никому не говорил. Знают только ты, Сорен, Борис, Колобок и...— он запнулся.

— И? — подтолкнул его Гермес.— Продолжай, продолжай.

— Только не это! — вытаращил глаза Семен.— Нет! Это ты всё придумал! Я говорил тебе, что ее нельзя было брать! Тварь! Гнида паршивая!

— Я придумал, я,— устало подтвердил Гермес.— Сейчас-то уже нет разницы, кто и в чем виноват.

Он закрыл лицо руками. Но буквально на полсекунды. В обычной своей манере, он тут же отнял их, взялся за ручки кресла, и перед Точилиновым опять оказался уверенный в себе, чуть иронический командир.

— Ладно, это всё лирика. Если наша уважаемая Галина думает, что одним письмом, хоть и очень грамотно написанным и очень вовремя поданным, она может вот так запросто избавиться от всего

своего руководства, то она глубоко заблуждается. Тем более что не очень понятно, чего она добивается,— после тебя и меня идет по должности и званию Борис, но никак не она. Ей пол-управления выгнать надо, чтобы наверх забраться. Кем она командовать будет?

— Я так думаю, она найдет,— утешил Семен,— чтобы такую кашу заварить, это очень хорошо подумать прежде надо. Я, конечно, весьма невысокого мнения о ее интеллекте, но на откровенную идиотку она не похожа, чтобы запросто эдакую волну поднимать. Что-то да придумала. Ты, кстати, придумал, что с ней делать после всего этого?

Он повертел пальцем в воздухе.

— Придумал,— зло оскалился Гермес,— только это отдельный разговор, к тебе никакого отношения не имеющий.

— А напрасно,— Точилинов зеркально вернул оскал Йенсену,— я бы с удовольствием поучаствовал...

— Остынь,— посоветовал Гермес,— с самой Галиной воевать не придется. Вот еще, руки пачкать. Мне интересны те, кто ее в зад подталкивает. Непохоже, все-таки, что она сама это все придумала. Так что мне будет чем заняться в ближайшее время.

Он встал, прошелся по кабинету и остановился возле окна, невидящим взглядом рассматривая что-то за стеклом. Карандаш, который он захватил со стола, порхал между пальцами. Гермес, похоже, его не замечал.

— Ну почему люди не могут жить спокойно? — негромко спросил он.

Семен промолчал — вопрос не подразумевал ответа. Йенсен молча крутил карандаш.

— А?..— Семен вопросительно поднял брови.

— Потому что все они...— одновременно с ним начал Гермес.— Извини, что ты хотел сказать?

— Да нет, ничего.

— Нет-нет, продолжай.

Период горечи, как обычно у Гермеса, промелькнул и исчез. Йенсен опять стал генерал-майором.

— Я просто хотел предложить все же провести пару проверок ее деятельности. Мало ли что сможем накопать.

— Не надо. Галина мелкая сошка, разговаривать нужно с другими. И искать других,— он хищно прищурился и сжал кулак, карандаш треснул.— А тебе, повторяю, этим голову забивать незачем.

— Мелкая мошка может очень больно укусить,— пробормотал Точилинов,— особенно если она ядовитая.

— Не надо,— с нажимом повторил Гермес,— извини, но личные счеты придется отложить на потом.

Семен поднял раскрытые ладони, капитулируя:

— Согласен. Черт да с ней. Так какой у нас план?

— План? — переспросил Йенсен.

— Ну да, план. Ты хотел что-то рассказать.

— Хотел? А-а, да, хотел. А хотел я вот что... Ты чего смеешься? — недоуменно посмотрел он на улыбающегося во весь рот Семена.

А тому вдруг стало весело. Совершенно неоправданно и абсолютно безответственно весело:

— Да просто приятно смотреть на человека, у которого всё продумано и план есть. А то — «беда, беда». Что, первый раз, что ли?

— Да иди ты...— выругался Йенсен.— Тут восемь топоров над головой висит, а ему весело, посмотрите на него.

И сам расхохотался:

— Вот паразит, нет чтобы дельного чего предложить, он ржет как лошадь.

Точилинов вытер навернувшиеся слезы.

— Когда висишь над вонючей задницей, лучше посмеяться — на выдохе вонь не чувствуется,— наставительно произнес он.— Давай излагай, что делаем?

— Делаешь,— уточнил Гермес.— Задача следующая...

Глава 14

«Интернационал, блин»,— выругался про себя Семен, наблюдая за копошащимися вокруг походных костров магами. Магами, учеными, военными — кто их разберет? Все смешалось в этой дурацкой войне. Назвать магами этих людей, каждый из которых обладал каждый какими-то экстраспособностями, можно было без сомнений. Тем более, здесь, в Зеленом Лепестке, где магия как явление присутствовала. Учеными? Не очень похоже, хотя тоже можно, наверное,— все-таки всем им пришлось строить с нуля какую-то теорию. Военными? Вот это — не смешите. Как раз военных-то тут было кот наплакал. Реально — двое: сам Точилинов да Борис. Остальные, хоть и числились в распоряжении Вооруженных Сил разных стран и носили какие-то звания, но понятие о воинской службе имели весьма отдаленное. Военные же своих кадровых сотрудников по какому-то там запросу ООН, пусть и

срочному, не отдали. Хотя Гермесу и так можно поаплодировать. За сутки, пока сверху не успели спустить никакого ограничивающего приказа, собрать такую кодлу из почти сорока магов разных стран по каналам ООН — это, знаете ли, под силу далеко не каждому. Семен себе вообще слабо представлял, кому это под силу. А вот Гермес — смог. При этом магов он получил далеко не последнего разбора. Пусть не кадровых военных, как они с Борисом, но никак не из второй половины списка. Нормальных магов, занимающихся каждый своим направлением.

Главная прелесть заключалась в формулировке этого выездного симпозиума. «Исследование новых магических формул, применяемых противником в отношении вооружения». Основанием для «командировки» указали доклад самого Гермеса, в котором он указывал на необычную активность халь в отношении предмета исследования. А за дату, указанную на докладе, Гермесу хотелось поаплодировать еще раз. Три дня после «бегства» Каллимо. Как он умудрился это сварганить, уму непостижимо.

Теперь Точилинову оставалось всего лишь еще раз (теперь уже совершенно официально, по завершении командировки) представить свои выводы относительно всех случаев немотивированного отказа оружия. А пока всем тридцати восьми магам, представляющим двадцать одну страну мира, представилась редкая возможность попрактиковаться в своем умении — просто так, без конкретной цели. Да и просто пообщаться с коллегами по цеху. Когда еще удастся. Вроде все хорошо, но царапали душу Семену два момента.

Во-первых, армейскую составляющую полковника Точилинова просто коробило при взгляде на тот бардак, который устроили маги-ученые. Ни охранения, ни маскировки, ни элементарного порядка — ничего. Вспышки от магических узоров видны за несколько километров. Шум невообразимый — как они втридцатером умудряются так орать? Система оповещения и близко не запущена. Жуть, в общем.

Благо Гермес подсуетился — и Точилинова назначили в этом курятнике старшим. Формально-то тема исследования его. А те, кто решил, что это формальностью и останется, глубоко ошиблись. Семен развернулся во всю ширь истосковавшейся по Уставу души. Французам, специалистам по раннему предупреждению магических ударов, он навтыкал так, что те за час соорудили более чем приличную сигнализацию. Медиков — немцев с датчанами и одного американца — он отправил в полевой госпиталь, пользовать раненых. Фортификаторы занялись передним краем как своим — на предмет укрепить, так и чужим — на предмет чего испор-

тить. Остальных тоже не обошел вниманием. В итоге каждый был засунут по принадлежности, включая телепортистов, к которым после Галины Семен испытывал особую «любовь». И только Борис с коллегой из Греции остались сидеть с обескураженным и расстроенным видом — их применить оказалось некуда. Но все это на самом деле было второй проблемой. А о первой ему пришел рассказывать аж целый командир дивизии.

— Стена появилась три дня назад,— высокий, грузный генерал-майор с благородной проседью в темных волосах вколачивал слова как гвозди — громко и резко.— Выяснить, что происходит, не удалось. Разведка попыталась пробраться — не получилось. Не пропускает она никого и ничего. Ни камень забросить, ни мыши проскочить. Три дня подряд ходят — без толку. У противника — тишина. Перемещений минимум, что происходит — не посмотреть, как через дым все видится. Раньше с таким не сталкивались.

Стена действительно имелась. Борис (практики ради, все равно же видно, что маги здесь) решил отправить к аталь пару боевых узоров — поглядеть, что будет. Где-то посередине между позициями людей и аталь узоры на нее и наткнулись. И исчезли. Как не было. Борис завелся, но так ничего и не смог добиться. А вот теперь, после долгих бесплодных попыток, они слушали комдива.

— Если честно, мне это вообще не нравится. Вы приехали про оружие узнать? Доложу, что в последнее время оно вообще как с ума сошло. Одно за одним отказывает. Без системы и логики абсолютно. То пистолеты заклинит, то винтовки у снайперов откажут. То один пулемет сломается, а то вдруг вообще все автоматы умрут. Если б они в атаку пошли, не знаю, удержались бы мы тут или нет. Вряд ли. Так что, товарищи маги, очень вы вовремя появились.

Семен слушал, а в душе у него все переворачивалось. Любой на его месте сделал бы однозначный вывод.

— А сами вы, товарищ генерал-майор, извините, что перебиваю,— бесцеремонно вклинился в повествование комдива Точилинов,— сами вы что думаете по поводу всего этого?

Комдив нахмурился:

— Тут и думать нечего. Готовят они что-то, как пить дать. Там, за стеной, идет передислокация. Я доложил наверх, пока ничего мне не сказали. У соседей ничего подобного, хотя оружие так же отказывает, хоть и не с той интенсивностью. И тоже в последние несколько дней ситуация ухудшилась. По всем видам проходятся. Что у союзников — даже не представляю, с ними контакт сами знаете какой.

— А кто ближайший по расстоянию? — подал голос Борис.

— Сто километров — французский контингент. Только связываться с ними приходится аж через Землю, да и запросы иногда по месяцу ходят. Пока они там через генштабы свяжутся... На бумаге всё здорово нарисовали — военные атташе, офицеры связи и все такое, коммуникация на счет «раз». А на деле...— он махнул рукой.— Короче, без толку всё это.

— Я подергаю коммуникаторов,— поднялся Борис,— они как раз французы. Может, у них побыстрее получится?

— Сядь,— остановил его Семен.— Успеешь. Спешить и правда без толку. Если у них то же самое, то они, как и мы, ничего не понимают. А если бы чего раскопали, Гермес бы давно все знал и сообщил. Тем более, от французов-то...— он невесело ухмыльнулся.— Потом подергаешь. Сейчас понять надо: что будем делать мы.

Обсуждение плана предстоящих мероприятий заняло два часа. Когда же комдив отбыл, растворившись в вечерних сумерках, Точилинов не стал торопиться в лагерь, а уселся в сторонке и стал наблюдать за веселым мельтешением, царящим вокруг костров. Дневные дела закончились, и маги-ученые, естественно, начали веселую подготовку к предстоящему вечеру. Почти сорок человек, вырвавшиеся из скуки монотонной работы. Начальства, считай, никакого, ну чего там Семен, кроме повседневных задач, проконтролирует? Горящих проблем — тоже. Отпуск! Вот народ и начал демонстрировать национальный колорит. А чего? Весело. «Хорошо хоть одни мужики подобрались,— порадовался про себя Семен.— Если б им еще и пару баб сюда...» Точилинов аж зажмурился:

— Ой, караул!

— Чего случилось? Где караул? — Рядом на землю плюхнулся Борис. Неподалеку обретался его греческий коллега. (Семен никак не мог запомнить, как его зовут. Лупа... Липус... Короче, «лопусосос» какой-то)

— Да ничего,— отмахнулся он,— я просто наблюдаю, как народ развлекается, вон смотри, уже где-то бухла накопали,— два мага тащили через лагерь большой, подозрительно позвякивающий ящик.— И на секунду представил, что с этим бардаком случилось бы, если б сюда еще парочку дам прибавить. У чехов, я помню, парочка хохотушек была, итальянки вроде. И мадмуазель Сорен до кучи.

— Ну, насчет мадмуазель Сорен можно не беспокоиться. Про Гермеса уже практически все в курсе. С ним-то шутки плохи: враз превратит в какую-нибудь лягушку.

— Не переживай,— ухмыльнулся Семен.— Насчет превратить — это больше ко мне, Гермес по другой части.

— А можешь? — в притворном ужасе отодвинулся Борис.

— Не-а,— разочаровал его Точилинов,— про превращения ты, это, лучше русские народные сказки почитай, там методические рекомендации все даны, а я еще не волшебник, так, учусь просто.

— Э-эх,— так же притворно расстроился Борис,— а я то уж думал... Да, а про девушек, кстати, очень неплохая идея, надо покумекать.

— Я вот те покумекаю. И так головной боли выше крыши. Нет, я балдею, вот у народа голова ни о чем не болит. У них перед носом висит большая задница,— он указал в сторону аталь,— а никто и в ус не дует. Вечеринку им подавай, девушек. Все им смехреновочки да псевдохаханьки. Ничего, что тут беда со дня на день начнется, а мы и близко не представляем, что делать?

— А чего ты сейчас можешь сделать? — резонно заметил Борис.— Всё проговорено, планы намечены, завтра займемся. Чего еще? Ты предлагаешь сидеть с постными мордами и всю ночь на аталь любоваться? Тем более что и не видно ни черта. Дай людям отдохнуть. Они и так весь день честно пахали с твоей подачи.

Точилинов открыл рот, подумал — и закрыл его. Борис был прав. Но сдаваться без боя не хотелось:

— Физическую безопасность кто обеспечивает?

— Уймись,— рассмеялся Борис.— Я только от них, вон идет капитан, тебя ищет. Заодно всё и расскажет. И давай, пообщайся и присоединяйся. А то когда еще получится в следующий-то раз. Случаи разные бывают.

Он поднялся и пошел, поманив с собой грека. Тот поплелся как привязанный. Точилинов только поморщился им вслед. Не то чтобы он был очень суеверным, но вот такие объявления насчет «мало ли что может случиться», да еще перед такими проблемами, как у них, он активно не любил.

— Разрешите, товарищ полковник? — Подошедший здоровяк с симпатичным открытым лицом, украшенным, правда, небольшим шрамом через скулу, отдал честь.— Капитан Агатьев, дивизионная разведка. Товарищ генерал-майор передал в ваше распоряжение два взвода. Я старший. Один взвод тут, неподалеку. Второй еще утром ушел туда, к стене, завтра вернется и, если ничего не произойдет, присоединится.

— Еще один,— покривился Семен.

— Виноват, товарищ полковник? — не понял капитан.

— Да не люблю я эти карканья. Только что один тут перед тобой тоже... «Случаи разные бывают». Теперь вот ты еще: «Если ничего не произойдет». Лишнее это.

— Виноват, товарищ полковник,— повторил капитан, уже с утвердительной интонацией.

— Да ни в чем ты не виноват,— вздохнул Семен.— Просто не нравится мне это все, что тут у вас происходит. Ладно, и вправду завтра начнем разбираться,— согласился он с ушедшим Борисом. И вернулся к капитану: — Я тебя вот о чем попрошу. Случаи на самом деле бывают разные, так что вы далеко от нас не уходите. Спать в снаряжении, готовность номер один. Все ясно?

— Так точно,— бодро откозырял капитан.— Разрешите вопрос. А вы ждете чего-нибудь?

Он мотнул головой в сторону аталь.

— Ничего конкретного, к сожалению,— развел руками Семен.— Считай, предчувствие и перестраховка. Но, сам знаешь, в нашем деле лучше перебдеть. Завтра в десять ноль-ноль ко мне. Будем общаться.

— Есть,— вытянулся во фрунт капитан.— Разрешите идти?

— Идите,— отпустил его Точилинов. А сам покряхтел-покряхтел, потом встал и, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, пошел в сторону набирающего обороты веселья в лагере. «И правда,— решил он,— чего сейчас нервы зря тратить. Завтра и начнем разбираться»

Но жизнь действительно оказалась штукой сложной.

Когда в серебьких утренних сумерках полог палатки отлетел в сторону, и на Семена глянули два безумных глаза Бориса: «Семен, тревога!!! Аталь идут!!!» — первое, что промелькнуло у него в голове: «Все-таки сглазили, паразиты».

Глава 15

Красный Зверь вырисовывал петли в воздухе. Держать таким образом эту зверюгу — это дорогого стоило. Гораздо проще отпустить его: пусть сам со всем справляется. Но аталь показывали совсем другое. Теперь-то уж Точилинов это понимал. Людям наглядно демонстрировали превосходство. Хотя чего там демонстрировать? Трех на-халь за глаза и за уши на всех хватит, а тут их вон сколько. Но кольцо аталь недвижимо стояло по краям оврага. Чего они ждут?

Да ладно, чего бы ни ждали, нам сейчас каждое лыко в строку пойдет. Семен опять глянул на телепортистов. Всё понятно: их сейчас ну никак нельзя трогать. Не мешать ни в коем случае. Но Точилинов физически не мог стоять и просто смотреть, как презрительно улыбаются эти «высшие».

— Джузеппе.

Ноль реакции, итальянец смотрел прямо перед собой, что-то соображая. Ну, дай бог, чтобы сообразил.

— Ляо Юй.

С китайцем было сложнее. Он держался руками за голову, и казалось, уже ничто его не волновало.

— Делайте что-нибудь. Черт вас побери,— впервые у Точилинова прорезались панические нотки.

— Нечего,— китаец вынырнул из прострации, найдя кому слить кипящее внутри.— И мы не вспоминаем, и они,— кивок в сторону аталь,— всё блокировали. Всё. Нам не уйти.

— Ничего не всё! — Ничто так не раздражает, как опускание рук. Всё можно переделать и исправить, но когда сам себе сказал «всё», тут уж точно конец.— Как нам отсюда можно выбраться?

— Я же сказал — никак,— голос китайца упал до шепота.— Только разве что нас кто-нибудь или что-нибудь вытянет.

— Да! — Джузеппе что-то все-таки сообразил.— Помнишь, тот разрисованный говорил? Третье соцветие на диагональном смещении? Помнишь? Подсос энергии?

— Нет! — Китаец отпрыгнул.— Нельзя. Все, кто был, говорили — нельзя. Мы пробовали, группа исчезла, нет никого...

Семен решил было направить мышление китайца в правильное русло, но нужды не оказалось. Строцци схватил щуплого азиата за грудки и начал что-то настолько экспрессивно доказывать, что голова на тонкой шее замоталась в стороны, как воздушный шарик на веревочке. Точилинов секунд тридцать вслушивался, потом все-таки вмешался:

— Полковник Се Ляо Юй. Выбора все равно нет. Здесь мы уже трупы, причем трупы — это еще не самый плохой выход. Они нас на куски порежут. А что нас там, не знаю уж где, ждет — еще неизвестно. Хуже точно не будет.

Он заглянул в раскосые черные глаза:

— Ляо Юй, давай, нам все равно конец. Вперед.

Китаец, как во сне, медленно пошел к рунам. Семен поднял глаза наверх. Туда, где в окружении многочисленной свиты стоял Каллимо. Он встретился глазами с бывшим пленником. Аталь улыбался. Странно, но теперь в его улыбке не было презрения. Ни кап-

ли. Он просто стоял и улыбался, как улыбаются старому знакомому, случайно встреченному на улице. Семен так ждал вот такой улыбки, и так разочаровался, не увидев ее, что сейчас она вдруг вызвала прилив просто неимоверной злости. «Не дождетесь, суки. Живым не дамся»,— прошептал он. И, вытянув вперед и вверх правую руку, левой отмерил бесстрастно смотрящим аталь, сколько им причитается от будущего облома. Получилось по плечо.

А Каллимо вдруг перестал улыбаться. Медленно-медленно, чужим движением, он потянул правую ладонь к виску, отдавая честь на манер людей. И Семен понял. Он возвращал людям те самые четыре минуты, которые у них забрал кто-то из передовых частей там, после освобождения французов, начав погоню раньше. Тенталь Каллимо держал слово.

Красный Зверь, развернувшись в нижней точке, снова начал набор высоты, изматывая душу режущим воем. Но это было последними мгновениями. Четыре минуты давнего договора истекали. Точилинов развернулся:

— Джузеппе!

— Нет,— итальянец сидел на земле, сгребая горстями землю в кучки. Он отдал всё что мог. На большее сил не осталось.— Я уже не могу. Его спрашивайте.

Семен перевел взгляд на китайца. Тот танцевал какой-то ритуальный танец. Черкнул на земле пару линий, отпрыгнул и присмотрелся. Еще черкнул, еще отпрыгнул.

— Ну?!

Ляо Юй повернул к Точилинову мертвенно-бледное лицо, Семен и предположить не мог, что желтоватая кожа может приобрести такой оттенок.

— Я не могу,— драматичным шепотом начал китаец.— Я боюсь. Я не знаю, что там, как там. Я не знаю, есть ли там вообще что-то. Я не могу.

— Нам все равно не жить! — сорвался наконец Точилинов.— Ты понимаешь?! Все равно смерть! Нам туда надо!

— Нет,— мотал головой китаец.— Я не могу. Я боюсь.

— Рисуй!

— Нет!

— Да, дьявол тебя раздери, да! — раздался с земли вопль Строцци.— Сколько можно уже? Я тоже боюсь. Все боятся. Но нельзя им так нас отдавать. Посмотри, все тебя ждут.

Китаец оглянулся. Вся группа, не мигая и не дыша, стояла и смотрела, чем кончится разговор. Се Ляо Юй всмотрелся в глаза людей. Никто не хотел к аталь.

Ш-штух. Ш-штух. Ш-штух. Три стрелы воткнулись в землю рядом с первой. Последнее предупреждение. Красный Зверь в небе развернулся на боевой заход. Время кончилось.

И вот тут нервы у китайца все-таки не выдержали. Проорав тонким голосом что-то про «цзибадань», он выскочил прямо на написанные руны, схватил стрелу и прямо ею начал дописывать формулу.

Звонкий крик «Ютo-о-онь» разнесся над оврагом. Аталь, и стрелки, и халь, замерли. Стихло всё. Ни звука не нарушало торжественную тишину. Только Ляо Юй пыхтел, дописывая формулу. Семен, оторвавшись от магнетизма ситуации, выставил воздушный щит. Единственное, что умел. И сам устыдился. Настолько немощно и жалко смотрелся он на фоне той мощи, которая ждала приказа, чтобы обрушиться на них.

И посреди предапокалиптической тишины вдруг раздался хриплый голос:

— Цзо ла,— китаец повернулся к остальным: — Сделал, я сделал.

Руны ожили. Полыхнув светом, открылся портал, правда, совсем не такой, какой все привыкли видеть, переходя с Земли в Зеленый Лепесток. Прямо на земле образовался круг мутно-зеленого цвета, из этого круга поднялась студенистая масса, формой напоминающая медузу. Уже ничему не удивляющиеся и приготовившиеся к самому худшему люди молча наблюдали за происходящим. А масса меж тем начала слегка поворачиваться вокруг своей оси, как бы принюхиваясь. Неожиданно она поднялась на несколько метров вверх и, не обращая никакого внимания на людей, начала втягивать в себя молнии, бьющие вокруг. Количество молний резко сократилось. Красный Зверь, пронзительно закричав, свечой рванул вверх, набирая высоту. Аталь заверещали что-то на своем птичьем языке и тоже порскнули прочь от обрыва.

Семен, очнувшись от созерцания грядущей кончины, со всей силы двинул локтем в бок капитана.

— Туда! — показывая на круг, крикнул он. Капитан все понял. И в два голоса, не сговариваясь, но, непроизвольно подбирая одни и те же выражения, они заорали:

— Вперед, мать вашу, вперед, в круг, бегом, бегом, БЕГОМ!!!

Группа рванула к мерцающему кругу. Задумываться о том, куда он ведет, даже не стали. Всяко лучше, чем здесь. Здесь всё равно найдут, даже если от погони и от новой твари удастся уйти сейчас. А когда найдут, то, скорее всего, выяснится, что лучше бы они тут и остались. Поэтому выбора нет.

Выпрыгнув по ту сторону прохода на какой-то болотистой местности, ученые оторопело наблюдали сквозь открытый портал, как «медуза» играючи расправляется со всеми арканами, наведенными вокруг прежнего места их дислокации. И пришла мысль: «А ведь она потом сюда вернется». Семен долго не раздумывал:

— Капитан, портал уничтожь!

Находясь в здравом уме, тот, наверное, поинтересовался бы, как это сделать не оставшись там самому. Но, пребывая в состоянии близком к шоку, он, услышав приказ, просто сдернул с плеча неработающий автомат и рефлекторно дал длинную очередь по написанным формулам. Ага, а здесь магия аталь не работала. Пули вспороли черную вязь, нарушая структуру, поддерживавшую портал. Круг погас и захлопнулся. «Медуза» осталась в подарок аталь.

Глава 16

Ноги вязли в жидкой болотной грязи по щиколотку. Вокруг, сколько хватало глаз, простирался одинаковый пейзаж. Болота, болота и болота. Легкий туман и полное безветрие.

— А мы где? — умно спросил Гюнтер Гельц, немецкий специалист по фортификации.

— В жопе, Гюги, в жопе,— американец Гарри Паркер и в нормальной-то жизни не страдал избытком воспитания, а уж в стрессовой ситуации его просто понесло. Весело похихикивая, он нагнулся, зачерпнул грязи и, демонстрируя всем вокруг на вытянутой руке, заявил:

— Не очень-то похоже на матушку-Землю. Да, не похоже.— И вдруг заорал: — Мы все здесь в жопе.

Капитан разведчиков Саша Агатьев посмотрел на одного из бойцов, мотнул головой в сторону американца:

— Вася, вразуми.

Огромный, как медведь, Вася подошел к бьющемуся в истерике Гарри и, недолго думая, залепил ему по уху. Янки отлетел метра на полтора и приземлился лицом в грязь. Вася обвел взглядом оставшихся ученых, пребывавших в состоянии весьма близком к американскому, и поинтересовался:

— Может, еще кому не по себе? Так сейчас успокоимся.

Всем резко стало по себе.

Точилинов, в который раз порадовавшийся присутствию военных с их пофигистическим взглядом на жизнь, похлюпал к американцу, по пути заметив:

— Очень приятно, Вася, работать с настоящим мастером психологии,— и весело подмигнул.

Вася в ответ так же весело прищурился и молча повел могучими плечами, мол, всегда пожалуйста.

— Поднимайся, Гарри,— Точилинов протянул руку.

Немаленький американец принял помощь, поднялся, вытер грязь с лица и неожиданно широко улыбнулся:

— Спасибо, и вправду стало лучше.

Вася добродушно осклабился:

— Да не за что, чуть что, приходите, у меня еще много.

— Нет уж,— Гарри потер ухо,— как вы, русские, говорите, уж лучше вы к нам. У меня тоже имеется.

— Как получится.

Эта нехитрая сценка разрядила царившее напряжение, и люди разом загомонили, пытаясь рассказать друг другу о событии, в котором только что все принимали участие.

Семена наконец отпустило, причем за всё разом. Он поискал взглядом, куда бы сесть, не нашел, плюнул и сел прямо в грязь, нашаривая сигареты. Говорить ему совершенно не хотелось. Хотелось есть, спать и домой. Этот геморрой явно не по нем. Рядом так же устало опустился Агатьев. Помолчали, смоля сигареты. Вокруг устало рассаживались люди. Пора было организовывать хоть что-то, пока они все не позасыпали тут в лужах грязи, как бегемоты.

— Это всё замечательно, господа,— Точилинов старался говорить громко, чтобы все слышали и проникались,— но кто-нибудь может высказать хотя бы предположение, где мы есть?

Кто-нибудь молчал.

— Телепортисты!

Джузеппе Строцци лежал крестом в грязи и смотрел в серое небо. Интереса к общению не проявлял никакого. Китаец выглядел более свежим. Он просто сидел, скрестя ноги, и аутично раскачивался.

— Полковник Ляо Юй!

Нет ответа.

— Друг мой, Се!

Никакой реакции.

— Понятно,— вздохнул Семен.— Вася!

— Не надо Вася,— мгновенно подобрался Ляо Юй,— я просто задумался. Пока идей нет.

— Понял,— Семен иронично посмотрел на Строцци,— Джузи, а вам как, психологическая помощь не требуется?

— Не называйте меня Джузи,— итальянец, вяло побарахтавшись в грязи, медленно сел.— Не требуется. Всё что мне сейчас требуется — это пистолет с одним патроном — застрелиться.

Агатьев покопался в сбившейся портупее и протянул Строцци пистолет.

— Потом вернете,— строго наказал он.

— Непременно,— телепортист автоматически взял оружие, пару секунд смотрел на него, потом перевел взгляд на капитана, видимо соображая, кто из них идиот. Решил, что все-таки он, и со вздохом вернул пистолет:

— Не подойдет, я стреляюсь только из фамильного оружия.

— А есть оно, фамильное оружие?

— Нету,— поник головой Строцци.

— Джузеппе, Ляо Юй,— Семен решил больше не испытывать людей на прочность,— мы понимаем, что вам досталось больше, чем кому бы то ни было, но просим вас продержаться еще чуть-чуть. Нужно срочно понять, куда нас занесло, чтобы, к примеру, не нарваться на еще один дозор нелюдей. Где мы можем быть?

— Полковник, вы видели как был создан телепорт? — поинтересовался китаец.— Совпадение случайностей. Благодаря солянке, которую мы нарисовали, мы можем оказаться где угодно, хоть в Валхалле. После эльфов и орков я готов смириться и с материализацией скандинавских богов.

— Семен Алексеевич,— Агатьев наклонился к Точилинову,— после всех событий, наверное, будет разумным дать людям хоть пару часов на отдых.

— Да-да, ты прав, организуй дозор, посидим хоть немного, а то я всё еще сражаюсь. Боря,— позвал он,— ты не мог бы подсушить нам какой-нибудь пятачок, а то в этой грязи мы долго не просидим.

Борис повернулся, определяя, где будет лучше, и напрягся, готовясь пламенем подсушить хоть немного места. Вдруг нахмурился, недоверчиво хмыкнул и сделал пасс рукой. Струя ревущего пламени из его рукава пропахала колею глубиной в метр и длинной метров пятьдесят. Он оторопело уставился на спекшиеся от жара стенки канавы.

— Боря,— вкрадчиво начал Семен,— а какого хрена с такими способностями мы топтались у каждого укрепления, вместо того чтобы сразу угробить всех халь скопом?

— Семен, ты поверишь, что я понятия не имею, что произошло? Посмотри сам. Смотри, какие тут линии хальер и как они реагируют на воздействие.

Все причастные к магии тут же начали всматриваться в суть мироздания, и тут же послышались удивленные возгласы и замерцали вспышки, сопровождающие заклинания. Пространство наполнилось странными образами и фигурами.

— Действительно,— Точилинов задумчиво рассматривал созданного муравья размером с корову,— размеры были заданы другие. Надо же! Это что? Энергетическое хранилище? Аккумуляторный отсек эльфов? Всё работает как надо. Но размеры, но скорость и сила реакции линий?..

Додумать не получилось.

— Тревога! Тревога!

Первыми *ее* заметили, естественно, разведчики. Им-то было не до магии, по сторонам смотреть за них никто не будет.

Точилинов, услышав вопль, повертел головой, нашел что хотел и вздрогнул. В конце канавы, проделанной Борисом, висела такая же штука, которую они оставили в подарок нелюдям. И, что хуже всего, она медленно приближалась.

— Огонь! — Сначала прозвучал приказ, а уж потом все поняли, почему там, в овраге, эльфы бросились врассыпную.

Ободренные возросшей магической силой, люди от души врезали по непонятной твари всей энергией, накопленной за этот день, который никак не хотел заканчиваться. Посмотреть там было на что. Заклинания всех мастей ударили по твари. И — ничего. Всё исчезло в ней, как в черной дыре, только вздрогнули края с бахромой и проявился слабый рисунок. Еще удар. Тот же эффект. А тварь приближалась. На пути ей попался давешний семеновский фантом муравья. Нечто переменило курс и прошло по нему, съедая, как в мультфильме, кусок за куском. Семена осенило:

— Маги, отставить! Прекратить огонь! Она же магию жрет! Капитан, давай!

Агатьев все понял правильно. Автоматные очереди прошили существо без всякого видимого эффекта.

— Гранаты!

Взрыв, еще, еще. И вдруг — как будто в цистерну с бензином бросили спичку. Рвануло как хорошая авиационная бомба. На несколько секунд воцарилась полная тишина. Затем бугры грязи, в которые превратились разбросанные люди, начали шевелиться и издавать сдавленные звуки, очень напоминающие расхожие ругательства. На месте взрыва зияла воронка диаметром в несколько метров.

— Повезло,— прокомментировал капитан, заглядывая в воронку,— канава ударную волну вверх направила. Была бы эта за-

раза на открытой местности, мы бы сейчас не разговаривали. Что это было, бойцы?

— Зажигалка, командир. Из последних, что привезли. Бетонную стену, говорят, прожигает.

— Начет бетонных стен не знаю, а вот этих тварей, если, не дай бог, появятся, будем жечь именно ими. Сколько у кого есть?

Набралось пятнадцать штук.

— Это хорошо, что вы у меня такие запасливые,— Агатьев ухмыльнулся,— я не думаю, что эти штуки, с их-то аппетитом, стадами здесь бродят.

— Это почему же? — встрял ван дер Хорн, голландец, как и Семен, специализирующийся на магических созданиях.

— А потому,— отрезал капитан,— что если это не так, то смысла отсюда уходить нет. Спокойно дождемся, пока за нами придут. Гранат-то всего пятнадцать.

— А-а-а,— голландец умолк, переваривая такое логичное объяснение.

— Тревога!

«Нет,— простонал про себя Точилинов,— только не это. Хрен с ними со всеми, жрите, сволочи». Для одного дня все-таки это перебор. Ученые, уже вообще никак не реагируя, со спокойствием смертников начали осматриваться. Даже академический интерес в глазах появился, мол, ну чего там еще? От чего на сей раз помирать будем?

— Эльфы! Гномы! Орки!

«Нет, разведчики все-таки не люди,— с умилением задумался Точилинов,— это терминаторы какие-то». На очередную пакость судьбы они отреагировали как на новую вводную. Мгновенно заняли круговую оборону. Только на сей раз еще и облегчение с задором в глазах — оружие-то стреляет.

— Зажигательные беречь!

«Памятник мужику поставить»,— пропыхтел про себя Семен. Умница капитан еще и надежду людям дает. Раз зажигательные беречь, значит, еще не конец, еще будет «потом», для которого зажигательные беречь надо.

Автоматные очереди вспороли воздух.

— Не стреляйте,— над одной из кочек появилась палка, раскачивающаяся из стороны в сторону,— не стреляйте, мы не враги вам.

— Прекратить огонь,— скомандовал Агатьев и выразительно посмотрел на Точилинова, мол, ваша очередь.

Гротеск какой-то. Нелюдь, незаметно подобравшаяся к человеческим магам и военным, которые только что в нее стреляли, кричит, что она — «не враги». А кто?

— Кто вы такие и что вам надо?

— Вы можете звать нас «вольды», а надо, судя по всему не нам, а вам. Мы мимо шли — и решили, что вам будет нужна помощь. Не стреляйте в меня, пожалуйста.

Нет, не гротеск. Обычный горячечный бред. Мозг отказывался адекватно воспринимать происходящее. За день произошло столько, что Семен просто лежал на земле и тупо смотрел пред собой. Надо было принимать решение, а голова не работала совершенно. Хорошо разведчикам, они поймали в прицел кого-то и лежат, ждут приказа — того-с или не того-с. А ты тут думай.

— Я встаю.

Кочка медленно распрямилась, превратившись в странно одетого глемма. С виду глемм и глемм, невысокий, как вся их раса. Мощный. Короткая шея скрыта густой бородой. Широкий нос. Большие глаза, не подходящие размером к лицу. Двигается только непривычно мягко. Наверное, из-за отсутствия доспехов. Точилинов привык видеть глеммов в основном закованными в броню. Страшные противники в рукопашной, из-за неё они передвигались не очень быстро. Не ползли как черепахи, но и не носились молниями, как те же торки, к примеру. Этот двигался явно по-другому: мягче, быстрее, как будто перетекал с одного места на другое.

Нет, ну не будет же противник, окруживший группу, так подставляться под пули. Семен еще успел мельком (времени качественно изумляться не было) удивиться. Раскатистый язык глеммов, ясно слышимый на таком расстоянии, воспринимался как абсолютно родная речь, понятная и простая. Неужели это магия тут сама так работает? Позже. Это ждет, сейчас горит другое.

— Я встаю,— повторил глемм.

«Черт с ним,— решился наконец Точилинов,— пусть идет сюда». В конце концов, если Господь Бог решил их вывести, то так и будет, а для того, чтобы сдохнуть сегодня, и так была такая масса возможностей, что весь лимит везения выбран на десять лет вперед.

— Подойдите, мы не будем стрелять.

Почти квадратный глемм так же неспешно побрел в их сторону. Все молча смотрели на мощную фигуру приближающегося нелюдя, не в силах вот так сразу уложить в голове, что это не диверсант и не парламентер победившей стороны. Так просто, шел себе мимо... Тот тем временем подошел и, спокойно глядя на ощетинившуюся группу, представился:

— Теренсмарант-идалил, к вашим услугам,— снизу вверх посмотрел на впавшего в некоторое замешательство Семена глемм и с легкой улыбкой поправился: — Вы можете звать меня Теренс.

И умолк.

— Семен Алексеевич Точилинов,— полковник тоже замолчал.

Глемм неожиданно улыбнулся:

— Вы, судя по некоторой нервозности, прямиком из Зеленого Лепестка? Из этой заварушки, да?

Точилинов поднял бровь. Издевается он, что ли? Откуда они еще могли свалиться, как не с фронта? Или тут людей каждый день видят?

Глемм правильно истолковал его недоумение и поспешил прокомментировать:

— Мы здесь абсолютно нейтрально относимся к процессам, происходящим в Клевере. Хотите друг друга резать — ваше дело.

Вот теперь Семен точно уверился, что это горячечный бред. Совсем белый и совсем горячий. Он не только смотрит его, он еще в нем и участвует. Всё правильно, все условия кошмара соблюдены. Ты где-то ходишь, что-то делаешь, с кем-то общаешься, но ничего не добиваешься и ничего не понимаешь. Беспрестанно двигаешься, двигаешься, двигаешься, а всё равно остаешься на одном месте.

— А «здесь», это где?

Теренс посмотрел на Точилинова с некоторой неуверенностью и немного напрягся. Оно и понятно: шел разговаривать с нормальными людьми, а оказался в компании нестабильных умалишенных. Вооруженных. Осторожно ответил:

— «Здесь» — это в Пестике,— он повел рукой, охватывая пространство вокруг.

«Пестик»,— взорвалось в голове. Крайне редко у пленных проскакивало это понятие, но...

— Но здесь же невозможно жить.

— Ха,— Теренс с иронией глянул на полковника,— небось пленных халь потрошили? Так?

— Ну-у,— поколебавшись, Семен решил, что шило в мешке прятать бессмысленно,— так.

— Понятно, что еще они могли вам сказать. Межлепестковая прослойка, непригодная для жизни. Правильно?

— Да,— согласился Семен. Примерно такая информация и имелась.

— На деле несколько иначе. Жить здесь можно,— он выразительно провел рукой вдоль тела,— но здесь нельзя жить с точки зрения халь. Здесь нет хальер.

Точилинов молча раскрыл ладонь и создал на ней уже опробованный фантом муравья, только на пару порядков поменьше размерами.

— Здорово,— нейтрально отреагировал глемм,— я тоже так умею. Но дело в том, что здесь нет хальер в том понимании, что закладывают в него халь. Но, может быть, мы продолжим нашу беседу несколько позже и в другом месте? — Он резко сменил тему разговора: — Поверьте, если бы мы хотели причинить вам вред, мы бы уже начали это делать. Вы, судя по всему, тоже не горите желанием воевать. Я убедительно прошу вас прислушаться к моему мнению и изменить место нашей дислокации. Уверяю вас, здесь не самое лучшее место для долгого пребывания. Я, например, не хотел бы здесь задерживаться ни одной лишней минуты. Тем более, у вас раненые.

— Где? — Семен резко развернулся.

Двое разведчиков, ближе всех находившиеся к месту взрыва твари, приподняли руки.

— Ну, это мы поправим. Гарри!

Американец, обретя уверенность в собственных силах, в связи с резко возросшими возможностями, бодро направился к пострадавшим.

— Не надо,— поспешил вмешаться глемм,— вы тут не пробыли и двух часов и понятия не имеете о том, что и как здесь работает. Такого наворотите... Позвольте нам заняться вашими ранеными и, хм, проводить вас в более безопасное место,— он огляделся: — И занесло же вас.

Точилинов задумался. Выбора всё равно не было. Сидеть здесь дальше не имело смысла. А эти и вправду на врагов не очень похожи. Хотели бы убить, прошли бы мимо, а потом навели бы основные силы, если бы решили, что сами не справятся. И что они здесь будут делать без воды, еды и с полной дезориентацией в пространстве. Еще и твари эти... Надо идти.

— Хорошо, мы полагаемся на ваше слово.

Здорово звучит. Человек, только что вывалившийся из глобального вооруженного конфликта с нелюдями, дает согласие одному из них на то, чтобы тот позаботился о здоровье и безопасности людей. Да еще и полагается на его честное слово.

— Не знаю, насколько вас устроит мое слово чести, но я гарантирую вам безопасность,— несколько чопорно произнес Теренс.— При условии отсутствия агрессии с вашей стороны,— поправился он, глядя на далеко не дружелюбно выглядящих разведчиков.

— Да, конечно,— поспешил согласиться Точилинов.— Опустить оружие.

Бойцы с определенной долей неуверенности опустили автоматы и отошли на несколько шагов, всем своим видом демонстрируя готовность начать стрельбу в любой момент.

Глемм хмыкнул и, развернувшись в сторону болота, поднял руки домиком над головой, показав затем два пальца. Еще две болотные кочки превратились в фигуры и подошли к группе. При виде огромного, головы на две выше среднего человека, торка все несколько напряглись, но широкая улыбка и явно демонстрируемое дружелюбие несколько сбили напряжение, хоть и выглядело это все донельзя странно и непривычно. Все-таки слишком долго нелюди считались врагами.

А вот при виде второго у всех невольно распахнулись рты. Вторым был человек. Высокий русоволосый парень в одежде, смахивающей на одежду трапперов из рассказов про индейцев. Отчетливо читая замешательство на лицах ученых и разведчиков, он слегка насмешливо оглядел всех, словно говоря: «Ну что, не ожидали? Всё не так уж плохо».

— Вы позволите? — Торк склонился к одному из бойцов.— Ничего страшного,— через пару минут распрямился он,— перелом руки, ноги и пары ребер.

— У меня примерно то же самое,— отозвался человек, осмотревший второго раненого.— Стояли неудачно.

— Ничего себе «ничего страшного»,— возмутился Семен.— А вы чего молчали? — напустился он на раненых.

— Ну не орать же во всю глотку,— один из бойцов сморщился, сдерживая явно нешуточную боль,— еще не хватало жалостливых воплей перед атакой.

— Ладно, герой,— Точилинов посмотрел на Теренса,— что делать?

— Здесь, действительно всё совсем не страшно, посмотрите сами,— глемм указал на напарников.

Те, вытащив из сумок какие-то предметы, приложили их к поврежденным конечностям разведчиков и произвели какие-то пассы руками. Предметы на мгновение вспыхнули светом, люди, как по команде, дернулись, будто от разряда тока, и в недоумении уставились на внезапно выздоровевшие части тела.

— Вот это да! — Семен неверяще смотрел на Теренса.— Вот так просто взяли и вылечили переломы?

— Ну, это не совсем лечение — кости не срослись, но места переломов зафиксированы в нормальном положении достаточно жестко и обезболены. Двигаться люди могут безболезненно и без последствий. Но не более недели — затем все-таки придется ле-

читься традиционным способом. Но в Территориях, знаете ли, помогает.

Точилинов не стал немедленно хвататься за незнакомое слово, решив отложить любопытство до лучших времен:

— Что дальше?

— Дальше начинаем выдвигаться,— Теренс озабоченно оглядел ся,— здесь становится неуютно.

— Что, опять кто-то по нашу душу собрался? — Сражаться с очередной тварью Точилинову очень не хотелось.

— И по вашу, и по нашу,— неопределенно пояснил глемм,— мы тут тоже не цветочки собирали, вернее, не только цветочки. Всё потом,— прервал он зарождающийся вопрос,— на стоянке я отвечу на все вопросы, а сейчас давайте действительно уходить. Нам идти где-то часов восемь. Вам повезло, граница Территорий совсем рядом. Пошли.

Когда небольшой костер был разведен, люди устроены, а пара вольдов принесла что-то похожее на оленя и пообещала через час накормить всех страждущих, Семен решил, что пришло, наконец, время вопросов и ответов. Тех самых ответов, которые обещал ему Теренс. Болота остались позади, и в этом лесочке, где вольды разрешили привал, группе, похоже, ничто не угрожало. Теренс выглядел расслабленным и готовым к диалогу. Он посмотрел на подошедшего Точилинова и похлопал рукой по земле рядом с собой, приглашая садиться:

— Мне, признаться, было интересно, сколько времени вы выдержите, прежде чем решите, что пора заняться расспросами.

Семен посмотрел на добродушно усмехающегося нелюдя и понял, что совсем не испытывает к нему той ненависти и неприязни, которую, по идее, должен был бы испытывать. Не было в глемме той тупой и ожесточенной ненависти, с которой шли в бой закованные в броню армии в Зеленом Лепестке.

— И как, уложился я в норматив? — принял он правила игры.

— Всё в пределах разумного и в ту и в другую сторону. Располагайтесь, сейчас у нас есть время.

Семен уселся на землю и достал сигареты.

— Не желаете попробовать табак глеммов? — протянул ему странного вида пачку Теренс.

Семен чисто из любопытства взял сигарету.

— Необычно,— резюмировал он после пары затяжек,— хотя, откровенно говоря, я не думал, что у глеммов есть табак как явление.

— А вы полагали курение прерогативой человечества? Ну что вы, у глеммов курят практически все, это почти особенность расы. У торков курение трубки — привилегия сараси. И только аталь, чокнутые на своих «чистоте и естественности», предпочитают «не уничтожать собственное я, подчиняя его какой-то траве». Ну да это их дело. Мне, к примеру, очень нравится земной табак. Знаете, когда вся эта заварушка кончится, это может оказаться очень выгодным предприятием. Я имею в виду торговлю земным табаком. Есть в нем что-то эдакое...

— Не исключено,— Семен помолчал,— простите, но вы сказали, «когда кончится», вы что, полагаете, что по завершении ммм... это...— Точилинов помолчал не в силах подобрать слова. Слишком сильно было чувство войны, он никогда не задумывался, что дальше.

Теренс снисходительно усмехнулся:

— Конечно, закончится, и, конечно, всё нормализуется. Вы на самом деле считаете, что в этой войне кто-то может убедительно победить? Бросьте. Допустим, вы захватили Зеленый Лепесток. Что вы будете с ним делать? Без инфраструктуры, без социальной системы, без всего вообще, что присуще вашему миру? Вы просто не в состоянии справиться с еще одной планетой, сколько бы вас ни было. Да еще населенной враждебными вам существами. Устроить геноцид и вырезать всех вам не позволят другие Лепестки. А без этого вам рано или поздно придется уйти восвояси. Получив какие-либо преференции или поджав хвост. Вы полагаете, что можно выиграть партизанскую войну в масштабе планеты? Такая же ситуация и с аталь. Их еще меньше, чем вас. А, учитывая отсутствие хальер на Земле, им там и вовсе нечего делать. Так что рано или поздно всё закончится и вам придется договориться и как-то жить в этом мире. Вы уж поверьте. Я живу не первый год,— Теренс хитро прищурился,— и даже не первый век. Вы не являетесь чем-то уникальным, умерьте свою манию величия. Такие вещи происходили и с нами, и с торками, и с кем только не происходили. И будут происходить. Стремление разумных существ уничтожать непохожих, искренне считая, что именно их образ мысли и жизни единственно верен, неизбывно. Это одно из свойств разума. Тот самый противовес, который компенсирует избыток положительных моментов развития цивилизации.

— Постойте,— Семен привстал,— что значит «с кем только не происходили», что, есть еще кто-то?

— Есть, есть еще кто-то. Еще много «кто-то». Вы, люди, напоминаете всему Клеверу детей. Подростков, если точнее. Подростков, которые уже достаточно выросли и набрали сил, чтобы при-

чинять вред взрослым, но недостаточно развились, чтобы принимать ответственность за свои поступки, а потому страдают всем комплексом психологических проблем, присущих детям. Вы с вашим детским максимализмом считаете себя пупом мироздания, а всех остальных — недоделками, пытающимися оспорить ваше первенство. А это далеко не так. История Старших Рас начинается в такой дали, что и вообразить трудно. За это время случалось всякое, включая и такое, что эта заварушка кажется не более чем дракой в песочнице. Вы-то искренне верите, что повергнете врага во прах, а потом будете доминировать. Простите, я не хочу обидеть лично вас, но это просто смешно. Во-первых, аталь прекрасно могут справиться и сами. Если их прижать, они такое устроят — весь Клевер вздрогнет. Просто они еще недостаточно злы. Во-вторых, еще не все полностью подключились. Одно дело потрепать этих зануд, а другое — стать на путь тотального уничтожения расы. Три Лепестка вас просто раздавят. А в-третьих — пройдет время, может, много, может, нет, и вы повзрослеете. И в Клевере, наконец, появится четвертый Лепесток. Поверьте, в итоге всё как-нибудь утрясется, как вы, люди, говорите. Оно всегда утрясается, по-другому не бывает. Вопрос в том, увидите ли это вы, ваши дети, внуки или отдаленные потомки. Вот и всё.

Семен покосился на столбик пепла, оставшийся от сигареты, к которой он почти не притронулся, промычал нечто неопределенное и потянулся еще за одной.

— Ладно, с вашего позволения, мы еще вернемся к этой теме. Сейчас у меня другой вопрос. Скажите, э-э-э... как принято уважительно обращаться к представителям вашей расы?

Теренс одобрительно глянул на Семена:

— Мы предпочитаем обращение «гла», но здесь это практически не имеет значения.— Он улыбнулся чему-то своему.

— Скажите, гла-Теренсмара...

— Я уже говорил,— мягко поправил его глемм,— обращение «Теренс» меня полностью устраивает. Даже в официальном варианте.

— Хорошо,— не стал упираться Семен.— Скажите, гла-Теренс, у меня складывается впечатление, что здесь далеко не все ваши люди, если так можно выразиться. Часть где-то вокруг. Это как-то связано со всем, о чем вы говорили, или есть другая причина?

— Видите ли, уважаемый Семен... Или у вас принято другое обращение?

— Если быть более официальным, то принято говорить «господин» и упоминать фамилию или звание. Обращение по имени бо-

лее личное. Хотя вы правы, здесь это почти не имеет значения,— Семен улыбнулся уже своему.

— Хм, ладно,— Теренс вспомнил что-то,— учту в дальнейшем. Так вот, видите ли, господин Точилинов, вы действительно правы. Здесь не все. Дело в том, что, на мой взгляд, вы еще не решили, как относиться к сложившейся ситуации вообще и к нам в частности. Не имея никакой информации, вы по-прежнему остаетесь напряженными и готовыми к бою. Не могу сказать, что здесь, в Территориях, это излишне, но вот противники у вас другие.

При этих словах Теренс выразительно покосился в сторону. Там сидел давешний «психолог» Вася, который аккуратно пристроил на земле автомат и пистолет стволами к Теренсу и в лес соответственно. Точилинов покраснел.

— Вася,— обратился он к бойцу,— как практикующему психотерапевту тебе цены нет, но как теоретик ты, извини, дятел. Ты правда считаешь себя самым умным?

Вася несколько смутился, подобрал оружие и отошел, правда, всего на несколько шагов, всем видом показывая: «Я все равно здесь рядом. Знаем мы вас, стреляли».

— Именно про это я и говорил,— Теренс вздохнул,— и это совершенно нормально. Всё, что я вам скажу, будет лишь информацией, поданной мной. Пока вы не доберетесь до баронств и не убедитесь, что всё обстоит так, как я говорю, вы не будете нам доверять. А положиться на вашу кротость я не могу. Я, помнится, упоминал о детях и их психике, да?

— Мы верим вам.

— «Мы» — это лично вы. Вы еще не поняли, что всё изменилось? Вы все еще группа лишь по инерции. Когда вы попадете в баронства, всё изменится и внешне. Такое количество халь не может жить вместе. Поэтому я все-таки буду подстраховываться. Извините. Вы, халь, уж очень непредсказуемый народ.

— Мы маги, если вам так уж хочется подчеркивать наше умение. Я не очень готов, если честно,— Семен поежился,— называться именем, придуманным аталь. Это у них маги — «халь», я предпочитаю все же другое название. Извините,— смущенно добавил он, пытаясь сгладить резкость.

— Маги так маги,— не стал спорить глемм.— Только такое количество магов, держащихся вместе, всегда будет привлекать ненужное внимание. Здесь это товар штучный.

— А почему так? Здешние линии хальер на удивление сильны и четки. По идее, здесь халь должны кишмя кишеть.

— Я не очень глубоко разбираюсь в хальер, или магии, как вы ее называете, но, насколько я знаю, в этом всё и дело. Простите, но я опять вернусь к сравнению с детьми. Вы даже близко не представляете, что такое в понимании Старших Рас халь, хальер и каковы их взаимоотношения. Вы считаете себя магами-халь, а на деле, по их меркам, вы даже не балаганные фокусники. В Огненном Лепестке, в силу отсутствия хальер, рождаются очень и очень слабые халь, простите, маги. То, что вам представляется сильными линиями, широкой спокойной рекой, для аталь или глеммов, не говоря уже о чрезвычайно чувствительных торках, является водопадом, ураганом или другим стихийным бедствием. То, что для вас — сыплющийся песок, для любого халь Старших Рас — горный обвал. А халь живут линиями. У них от живых людей только дыхание и ток крови, всё остальное — хальер. Сравнение, конечно, несколько поэтическое, но верное. Реакцию здешних линий вы уже успели заметить. И там, где вы своими небольшими силенками заставляете линии вибрировать, создавая ройбы невиданной мощи, халь Старших Рас легким движением может вызвать глобальную катастрофу. Любое неосторожное или неконтролируемое движение — и халь гибнет. А они живут в хальер, я уже говорил. Не пользоваться хальер они не могут — это смысл жизни. Попробуйте ходить, делая шаги в полступни. Долго вы так проходите? Рано или поздно, по своему желанию или без, но вы сделаете полный шаг. И он станет для вас последним. Примеров масса. Поэтому-то в Пестике использовать хальер могут только люди.

— А они есть? — подался вперед Семен.

— Есть, правда, не очень много. И не очень сильных. У вас у самих их единицы. Я вообще поражен, как вы собрали вместе столько магов.

Семен вспомнил, с каким трудом отбирались люди для работы с магией, и вынужден был согласиться с глеммом:

— Здесь, действительно, одни из самых лучших.

— Ну что ж, тогда, если вы не перенесете сюда вашу традиционную ксенофобию, вам будут здесь очень рады. Халь, простите, маги здесь иногда нужны больше, чем воздух.

— Извините, но боюсь, что нам очень надо домой. Там и так всё не здорово, а без нас так и вообще...

— Ну, во-первых, как я уже говорил, глядя со стороны, что бы там ни случилось — это не беда, а лишь изменение обстановки. Во-вторых, вдумайтесь, ваш статус здесь будет несоизмеримо выше, чем дома. Кто вы там? Один из многих и многих. В вашем мире знание хальер не в цене. А здесь вы — фигура мирового масштаба.

И даже если вы такой патриот, задумайтесь, многие ли из ваших коллег разделят вашу точку зрения? И, в-третьих, Территории обладают некоторыми странными свойствами. Я вовсе не уверен, что к моменту вашего появления в баронствах на Земле пройдет всего лишь тот день, который вы провели здесь. Вы можете вернуться через месяц, год или через пять минут после ухода из Зеленого Лепестка. И не исключено, что по возвращении домой (куда, к слову, вам придется искать дорогу самим; мы, например, ее не знаем) вам придется общаться с вашими внуками.

— У меня там нет никого,— Семен невидяще смотрел куда-то внутрь себя.— Так это темпоральные сдвиги?

— Можете называть это как вам угодно, суть не меняется. Так что я бы вам рекомендовал всерьез задуматься о жизни в Пестике. Вольды будут вам очень рады.

— Угу — Точилинов все еще пребывал в задумчивости.— А через сто лет можем дома оказаться?

— Можете. Редко, но и такое случается. Был случай, когда из Территорий вылез боец, прикрывавший группу халь, создававших Дверь. Как его через такую толщу лет пронесло, уму непостижимо.

— Дверь?

— Дверь, Раздел, Пятно. Разные обозначения есть.

— Стоп, стоп, стоп,— Семен уже насмотрелся внутрь себя и теперь схватился за голову, чтобы она никуда не укатилась. Ощущения абсолютной самостоятельности головы были полнейшими.— Я так не могу. Подождите, как так — домой нельзя? Нам домой надо, понимаете, срочно.

— Я и не говорил, что нельзя. Пожалуйста. Дойдете до баронств, дальше — воля ваша. Я пытался донести до вас главное: путь этот весьма и весьма непрост, и, если вы выясните, что дальше идти нет смысла, может, стоит задуматься о жизни в Пестике.

— А нельзя не ждать прихода в эти ваши баронства, а начать искать переход прямо сейчас?

— Увы,— глемм серьезно посмотрел на Семена.— Мы в любом случае не можем здесь задерживаться. Ваши поиски могут продлиться неопределенное время, а проводить его в компании, которая очень скоро сюда пожалует, я бы категорически не рекомендовал. Кордигай, которого вы весьма эффектно и эффективно уничтожили, далеко не единственный представитель местных жителей. А на тот фейерверк хальер, который вы устроили, уже начинают стекаться многие и многие. Территории, знаете ли, довольно густо населены, и зачастую совсем не теми, кого мы бы хотели здесь видеть. Здесь Тварей — море. Вольды до сих пор спорят, от-

куда они и зачем. То ли защита от тех, кто сдуру или со зла захочет открыть Дверь, то ли это порождения Их, которые никому не дают удержать Дверь, которую они ломают, то ли что-то третье. А может, это просто мох на двери каземата, а за Дверью уже вечный холод и мрак, порожденный их магией. Когда-нибудь мы это узнаем, но, если честно, я не хотел бы, чтобы это пришлось узнавать мне.

— А чья это «их» магия?

Но удовлетворить свое любопытство на сей раз Семену было не суждено.

— Коссади идут, Теренс,— из-за ближайшего дерева, как из двери в соседнюю комнату, вышел эльф.

Семен вздрогнул и напрягся. А злейший враг человечества никак не отреагировал на взъерошившегося человека и продолжил: — Большая Стая. Совсем большая. Идут полукругом, отрезают от тропы.

Точилинов, уже привыкший к тому, что Теренса он понимает без проблем, подивился еще раз: понять чирикающего аталь тоже не составило труда. И снова не оказалось времени разобраться с этим.

— Одни? — Теренс уже не напоминал благодушного философа.

— Не увидели. Плотно идут. Не спеша. У нас час.

— Подъем,— глемм принял решение.— Раз плотно и не спеша, значит, прикрывают кого-то. Значит, нам смысла нет принимать бой здесь. Будем прорываться, благо у нас тут халь немерено. Семен,— Теренс повернулся к Точилинову,— поодиночке нам не уйти. В смысле, у нас-то все шансы, а у вас — никаких. Но я очень не хочу бездарно терять такое количество халь. Поэтому вам придется использовать все ваши наработки и при этом очень быстро двигаться. И выполнять все мои распоряжения. Мы договорились? — Глемм внимательно посмотрел на Семена.

— Да, конечно. Приказывайте.

— Отлично, поднимайте людей. Объясните задачу. Она проста: идем вперед, уничтожаем все живое, что встречаем. Огонь по всему, что шевелится. За нас не беспокойтесь. Попасть в вольда вам еще не дано. Мы прикрываем.— И отведя Точилинова в сторону, добавил: — Когда обживетесь и поймёте, что почем, я надеюсь, вы вспомните старину Теренса и оцените этот рейд. Ну, это так, на будущее. А сейчас — бегом. Времени у нас просто нет.

И Точилинов действительно побежал, на ходу поднимая людей. Закончив постановку задачи, он нашел глазами глемма, и тот махнул рукой, показывая направление.

Марш-бросок. Кто его не бегал, тому не объяснить. А для неподготовленного — вообще песня. Мир сужается до размеров до-

роги и спины впереди бегущего. Дыхание вроде уже и не твое. Если поначалу еще осмысливаешь и осматриваешься вокруг, смотришь, куда наступаешь, то потом из горла рвется только мат на всё вокруг. Затем заканчивается и он. Слишком много сил отнимает. А дальше ты останавливаешься и говоришь себе: «Все, б...ь, здесь я сдохну». Мышцы груди уже не могут двигаться. В глазах звездочки, мушки и еще черт знает что, но только не то, что вокруг. А вот тогда начинается самое интересное. Для тех, у кого это впервые (а из группы это процентов восемьдесят), это было похоже на кару и манну небесную одновременно. Откуда-то из параллельного небытия возникает некто, который тебя хватает и тащит вперед. Это те, что лучше подготовлены, ускоряют отставших. Пока мозг может еще мысли гонять по нейронам, ты осознаешь, что здесь не сдохнешь. Идти еще можно. А потом голова говорит: «Извините, дальше без меня»,— и перспектива остаться в оскаленных пастях Тварей, мечущихся вокруг, уже совершенно не пугает. Мало того, это кажется избавлением от адских мук, терзающих кричащее от боли тело. И тут возникает совершенно непередаваемое чувство где-то сзади, и взрыв боли, который мозг воспринимает с бо-ольшим опозданием, доказывает, что пинок по копчику еще вполне может конкурировать со всеми ощущениями, гасящими плывущее сознание. Когда же перестает действовать и это, происходящее утрачивается напрочь, и только безумный взгляд, бегающий сам по себе, периодически зацепляется за кого-то, кто двигает декорации вокруг, перемещая тебя в пространстве.

Осмысливая всё это потом, Семен четко понял, что без вольдов остались бы они все в болотах как пить дать. И разведчики, которые вполне способны были уйти сами, невзирая на незнание Территорий, легли бы рядом, до конца прикрывая и поддерживая падающих ученых. А у вольдов подобного пиетета не было. Точилинов поначалу даже развлекался, наблюдая, как появляющиеся из ниоткуда вольды подпихивают, поддерживают и уговаривают людей. Потом силы кончились у всех. И Семен просто фиксировал сценки из жизни убегающих, а вольды перешли к сильнодействующим средствам. Торк, неизменно прикрывавший правый фланг арьергарда, раз шесть кротко подталкивал отстающих, что-то доказывая. На седьмой раз терпение ему изменило. Покрытый грязью и кровью, не поймешь чьей, торк, как обычно появившись чуть не из-под земли, глотнул воздуха, переводя дыхание, и с очередным бедолагой, бормочущим традиционное «бросьте меня, спасайтесь сами», церемониться не стал. Что он там сделал, Семен толком не разглядел, но эффективность метода

была налицо — бедняга ускорился процентов на пятьдесят. И еще потом минут двадцать страдалец вполне осмысленно бежал вперед и разбрасывал боевые заклинания вокруг, как вертолет тепловые ловушки, не в силах впасть обратно в спасительное отупение из-за жуткой боли, свербящей в каком-то, наверное, правильном месте. Затем, правда, сломался. Но когда торк появился вновь, возмущенное тело не стало даже оповещать голову и само рвануло вперед, не желая повторения.

«Бедняга Гарри,— присмотрелся Семен,— ну не его сегодня день». Точилинов поискал глазами Васю и присвистнул про себя. Вася танком пер вперед, таща за руки, как детей, аж трех ученых. Агатьев, сосредоточенно озирающийся по сторонам, короткими сильными тычками гнал перед собой двоих. Двое разведчиков тащили невменяемое тело француза и диким матом подгоняли еще одного. Тот пока слушался. Вести бой могли от силы десять магов. Однако и этого хватало. Вначале, когда силы еще были, ураган заклинаний смел всех появившихся Тварей и расчистил отряду дорогу. А потом начался страшный в своей бесконечности бег по пересеченной местности, сопровождаемый жутким рыком атакующих и мерным гулом шагов кого-то огромного и, судя по напряженной спине Теренса, страшного. Сам глемм возглавил группу и шел, шел и шел вперед, расчищая дорогу своим совершенно несоизмеримым с невысокой фигурой огромным топором-франческой.

А потом лес начал редеть и Семен остановился, дико радуясь, что можно уже и не бежать, так как Теренс отстал и знаками вызвал из леса всех своих бойцов. Двое тут же продолжили движение, овчарками погнав человеческое стадо вперед — туда, где виднелись земли, явно измененные разумными существами. Вот и баронства, понял Точилинов.

Но рев Тварей и гул шагов и не думали стихать. Мало того, они уже были в двух сотнях метров от них. Уходящих нужно было прикрыть. Семен, Борис и японец Хитамаро остались с вольдами.

— Семен,— голос Теренса звучал хрипло: сказывался безумный бег с человеческими камнями на шее,— Семен, убейте их, задержите их. Кого сможете.

Точилинов махнул рукой. Японец, мастер погоды, отправил навстречу катящемуся валу стаю торнадо. Несколько смерчей бесновались на одной линии, удерживая выходцев из кошмарных снов.

— Давно я не видел, чтобы коссади шли вместе с терматами,— певучий голос эльфа сдвинул что-то в голове Семена, и он судорожно начал формировать заклинание.

— Вы оказались неожиданно ценным призом для Тварей,— Теренс обращался ко всем людям сразу.— Поэтому вы уж постарайтесь победить, а то я так вижу, что нам не только выстоять, а и уйти не удастся. В обычной ситуации они уже отстали бы, а вот поди ж ты...

Оглушительная стена пламени пошла вслед за торнадо, и Борис без сил опустился на землю. Так, всё, Борис — пас. Семен зачем-то двинул вперед обе ладони картинным жестом, и перед ними возник шевелящийся вал муравьев. Небольших, с ладонь размером. «И что меня сегодня на муравьев тянет? — Взмахом руки Точилинов отправил свою армию в бой.— Убейте их, убейте их всех!» Семен отдал приказ и тоже сел на землю, поняв, что сил не осталось. «Потому как если вы их не убьете, то они нас сожрут»,— отстраненно подумал он.

Небольшие муравьишки оказались неожиданно прекрасными бойцами. Уцелевшие Твари рвались вперед, но пройти им не дали. Волна муравьев вцепилась в них мертвой хваткой. И остановила. Создания магии землянина гибли и гибли, но и число атакующих неуклонно таяло. И когда стало понятно, что коссади и оставшиеся кошмарики-терматы не пройдут, между погибающими Тварями медленно поднялся темный силуэт.

Обессиленный Точилинов с ужасом увидел, как разогнулись согнутые им линии хальер, а муравьи, победоносно догрызающие Тварей, исчезли как и не было.

— Да это маг покруче любого халь,— оторопелый хрип Бориса заставил Семена обернуться. По обреченным лицам Теренса и своих соратников он понял: выхода нет. С *этим* они не справятся. Рядом орал что-то шепотом японец. Матерился, наверное. Почему, Семен и сам понял, едва попробовав изменить линии хальер. Они стали похожи на стальные пруты, переплетенные в немыслимый узор. Дышать становилось все труднее и труднее. Полковник схватился за эти пруты в безнадежной попытке изменить смертельный рисунок.

«Вот он, настоящий поединок халь»,— понял он. Никаких эффектных заклинаний для профанов. Никаких вспышек, молний и прочей ерунды. Ты просто берешься за линии и начинаешь их гнуть, а противник делает то же самое, только в другую сторону.

Всё свое угасающее сознание, всё желание жить, всё, что есть у человека, Точилинов вложил в эти линии. И — они поддались. Совсем чуть-чуть, на миллиметр. Но поддались. Оказалось, что бороться не невозможно. И он начал давить. Часы, дни, годы, столетия. Казалось, они все проходят мимо человека, тянущего

непосильную ношу, ношу, которая остается прекрасной в своей изящной смертоносности. А потом за линии взялись еще руки. Встал Борис, встал японец, так и не переставший сыпать японским матом, откуда-то из грязи доковылял до них Гюнтер, добрел бедолага Гарри. Французы, австрийцы. И бешено обреченный напор одиннадцати магов сделал свое дело. Безупречный узор хальер вывернулся наизнанку и с силой упал на нечто, которое совсем недавно почти уже победило. И ничего не было. Ни визга умирающей Твари, ни звука уничтожаемой плоти. Ни-че-го. Темный силуэт просто потерял свои очертания и как-то сложился, превратившись в бесформенную горку на земле...

Пришло облегчение.

Потом Семен не помнил уже ничего. Ни как вольды добивали уцелевших коссади, ни как собирали измученных людей. В следующий раз он очнулся в мерном, успокаивающем покачивании. Правда, перед пробуждением ему приснился какой-то бред. Как будто он, как ребенок, лежал на руках у торка, и тот укачивал его, довольно мурлыча что-то на своем языке. Немного оклемавшись, Точилинов понял, что бред и не думал заканчиваться. Он действительно лежал на руках у огромного торка, который, склонив к нему свою физиономию, перекошенную оскалом, по идее означающим улыбку, что-то умильно сюсюкал Семену. От такого подарка судьбы Точилинов вздрогнул и окончательно проснулся.

— Ой, крокодил,— вяло пробормотал он и попытался махнуть рукой. Вышло плохо.

Зато торк, поняв, что Семен уже вменяем, радостно осклабился еще шире, создав тем самым яркое впечатление: он искренне рад, что новое блюдо в меню пребывает в добром здравии и ему не придется кушать протухшее. Он аккуратно поставил Точилинова на землю, убедился, что тот может стоять без поддержки за шиворот, и радостным ревом оповестил округу:

— Теренс, твой ацекато (ацекато — птенчик, торкван) проснулся!

Со всех сторон к стоящим Семену и торку начали стягиваться люди и вольды. На их лицах явственно читались радость и восхищение. Семен честно поискал в памяти, за что им могли восхищаться, не нашел и решил подождать комментариев от подходящего Теренса. У того на лице наличествовала та же радость, перемешанная с восхищением.

— Рад приветствовать вас в мире живых,— глемм церемонно поклонился.

— Спасибо,— Семен попытался ответить тем же, покачнулся и схватился за вовремя подставленную лапищу торка. Тот для верности его еще и за плечи придержал.— Я, признаться, не понимаю причины столь бурной радости, но все равно приятно.

— Радость-то как раз вполне обоснованна. Уделать лапинаэира на моей памяти не удавалось еще никому. Обычно встреча с ним — это похоронная сага. А память у меня хорошая и очень длинная. Так что теперь про вас легенды будут рассказывать. А вот чего я никак не понимаю, так это как вы умудрились выжить, удерживая точку фокуса возвратного заклинания такого уровня. Пожалуй, мне стоит взять обратно свои слова о слабых халь Огненного Лепестка. Ладно, с этим потом. Баронства совсем рядом. Сейчас облобызаетесь со всеми, и двинемся дальше. Муритай, проследи, чтобы его сильно не тормошили.

Теренс, еще раз уважительно поклонившись, ушел в авангард отряда. Торк же, по-видимому теперь телохранитель и нянька Точилинова одновременно, решил вопрос очень радикально. Подняв огромный кулак, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его правоте, он зычным голосом возвестил:

— Радоваться с двух шагов. Всем понятно?

Всем стало понятно. По правде говоря, Точилинов был благодарен торку, поскольку в таком состоянии не был готов ни к каким проявлениям радости соратников. Несколько скованные комментарием Муритая, люди и вольды все же смогли донести до Семена свое восхищение. Ему аж неудобно стало. Борис на правах старого друга сунулся было поближе, но все тот же внушительный кулак торка, продемонстрированный уже под самым носом, остановил его порыв. Когда все закончилось, Муритай скептически оглядел Семена с ног до головы и неуверенно предложил:

— Ну что, ацекато, пойдем, что ли?

Семен честно попытался, но на втором шаге понял, что долго идти не придется. Ноги не слушались.

— Понятно,— пробурчал торк и опять подхватил Точилинова на руки.— В баронства войдешь как надо, на руках восхищенных поклонников, благо здесь недалеко, за тем холмом граница.

И они вошли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Заслышав негромкий лязг и шум, Семен выскочил на улицу.

— С прибытием,— поприветствовал он входящую во двор дома Команду.

— Как ходилось?

— Гарро,— отозвался за всех Теренс.— Неплохо.

Возглас «гарро» у вольдов означал много чего. От приветствия и одобрения до боевого клича. В данном случае глемм просто здоровался, подтверждая хорошее настроение от удачного выхода.

— Гарро,— в тон ему улыбнулся Семен. Вольдовские словечки прилипли к нему мгновенно, и он с удовольствием ими пользовался.

Проблема языка вообще решилась в Пестике элементарно. Здесь все всех понимали. Поначалу Точилинов недоумевал, это началось еще там, на болотах, а потом привык и разобрался. Всё оказалось до изумления просто. Причина, как и во всем Клевере, была одна: хальер. Еще в Экскоре проскакивала информация, что в Зеленом Лепестке переводчикам работать проще. Семен вспомнил, что это еще Денис ему говорил. Тогда никто не придал этому значения. Легче, тяжелее, какая разница? Все равно без переводчиков было не обойтись. А вот здесь, в Пестике, когда Точилинов начал всматриваться в линии и целенаправленно искать причину такого лингвистического счастья, выяснилась интересная штука. Денис оказался прав. Это на Земле, где нет и никогда не было магии, речь — это колебание воздуха. А в остальном Клевере к нему примешивается хальер, несущая не только звук, но и смысл, который существо вкладывает в свои слова. В Зеленом Лепестке, где линии

не так сильны, понимание просто облегчается. А в Пестике, с его неимоверно сильными линиями, хальер просто-напросто доносит смысл сказанного до собеседника, независимо от того, на каком языке тот говорит. Когда Семен это понял, то тут же остро пожалел и себя, и Землю. Теперь становилось понятно, почему Старшие Расы едины в своих мирах, вольды вообще представляются эдаким монолитом, несмотря на расовые различия, а люди настолько разобщены. Язык — великая вещь. А еще Точилинов мог поспорить на всё что угодно, что великие ораторы и вожди Земли, зажигавшие миллионы своими речами, это всё были люди с магическими способностями. То-то даже среди магов, выбравшихся в Пестик, оказалось столько харизматичных личностей.

— Всё в порядке? — поинтересовался Семен, с интересом приглядываясь к Теренсу.

Усталым тот не выглядел, хотя, по идее, должен был: выход плюс раннее утро — пора бы. Семен попытался прикинуть, сколько сейчас времени, но получилось плохо. За все четыре месяца, что он жил у Теренса, проблема ориентации по времени суток все еще не была до конца решена. В местных сутках было двадцать семь часов, и восход зеленоватого солнца Пестика вовсе не означал наступление полноценного утра. До активной жизни, похоже, еще пара часов.

— Устали? — посочувствовал Семен.— Дош сварить?

Дош был местным аналогом кофе, и Семен, привыкший к этому допингу еще на Земле (чем еще ночью-то на дежурствах спасаться), был несказанно рад, найдя его и в Пестике.

— Э-э-э...— замялся Теренс.— Да, наверное.

За прошедшие месяцы Семен уже достаточно прочно врос в Команду, но всё же процесс некоего принюхивания у них с Теренсом еще не закончился. Они достаточно аккуратно относились друг к другу: как же, с одной стороны Старший одной из самых уважаемых Команд вольдов, а с другой — хоть и новичок, но достаточно сильный и редкий в этом мире маг. Поэтому что Теренс, что Семен, оба старались как можно мягче проходить острые углы в общении, чтобы ненароком другого не обидеть.

— Семен Алексеевич,— заговорщицки высунулся из-за спины Теренса Григор, тот самый человек, что лечил переломы у разведчиков.— Может, лучше я? Чего вам напрягаться? А я сварю по-вольдовски, как вы любите.

Семен ухмыльнулся. В переводе с вежливого на нормальный язык это означало: «не можешь — не берись». Тут да, что есть, то

есть. До растворимого доша в Пестике не додумались, а с заварным, что с кофе, что с дошем, у Семена никогда не ладилось.

— Я всё понял,— он поднял руки вверх, сдаваясь.— Тогда пойду, просто всё подготовлю.

Команда одобрительно зашумела. Обижать мага не хотел никто, но и пить бурду в исполнении Точилинова — радости мало. Семен и не подумал расстроиться. Похихикивая, он пришел на кухню и начал доставать и раскладывать всё необходимое для приготовления доша.

Открыв кран с водой, Точилинов еще раз подивился схожести коммунального хозяйства двух миров. Что водоснабжение, что канализация практически повторяли знакомые с земли принципы. За всё время пребывания здесь Семен не раз и не два задавал себе вопрос: это два (вернее, четыре) мира параллельно пришли к одному и тому же, или кто-то у кого-то подсмотрел и скопировал?

Для него в свое время было совершеннейшим шоком узнать, что Старшие Расы Клевера были прекрасно осведомлены о наличии четвертого Лепестка и активно не проявлялись на Земле только из-за абсолютной непригодности последней для занятий хальер, магией то есть. Хотя периодически отдельные представители Старших Рас на Земле появлялись. А что? Все расы Клевера по обводам друг на друга похожи. Все человекоподобные (если можно так сказать). Подумаешь, глеммы в среднем сантиметров на двадцать ниже людей, а торки — на те же двадцать сантиметров выше. Зато с аталь люди практически одного роста. Да, люди физически слабее любого из нелюдей, но так, на взгляд-то, не определишь. Глеммы вообще с людьми на одно лицо. Правда, гротескные немного, но что, на Земле все поголовно красавцы? Если глеммов толпой не собирать, так и ничего. А некоторые особенности физиологического строения типа звериного оскала торков и острых ушей аталь и замаскировать можно. Так что Семен с огромным удовольствием слушал байки о том, как глеммы искали на Земле редкие минералы, аталь вывозили ценные (для них) породы деревьев и других растений, а торки организовывали полудикие племена в мощные армии и ходили друг на друга походами.

Тут для историков такие просторы для работы открывались, и столько загадок древности можно было на это списать... И фантастика заодно...

Короче, если у Семена и было когда-то детское желание оказаться в сказке, то теперь, можно считать, оно исполнилось. Попасть в другой мир, мир магии. Мир, где запросто так по улицам ходят эльфы, гномы, орки. Где все желания исполняются по мановению руки... Что еще можно пожелать?

Оказалось, что желать можно ещё много чего, и в первую очередь, чтобы не сталкиваться в сказке с бытовой стороной жизни. Осторожнее надо быть в желаниях — можно запросто получить просимое.

Пестик и был этой сказкой. Той самой, в которой теперь пришлось жить. Нет, ничего драматичного на самом-то деле в нём не было. Всё оказалось совсем неплохо, даже учитывая, что полковник Точилинов из двадцать первого века Земли рухнул куда-то в межвременье. Человеческий мозг всегда пытается подстроить окружающее под имеющиеся представления. Вот и Семен первым делом, придя в себя после сумасшедшего боя, поспешил определиться, что же его окружает. Средневековье? Не Средневековье. Римская империя? Да нет, тоже вроде не то. Жизнь-то ближе к нашей, сегодняшней. В смысле тамошней тогдашней. Всего и отличий, что связь плохая (так она особо и не нужна), да все вокруг вооружены мечами, луками и другим холодным оружием. И что с того? Можно, конечно, ухмыльнуться, но после фиаско Экскора что-то не хочется. Магия с успехом заменяет многое и многое из привычных достижений цивилизации. И не только в части вооружения. Семен в итоге на это всё плюнул и не стал себе забивать голову, удовлетворившись общим сходством двух (или четырех) цивилизаций. А детали? Что ж, детали разберем по ходу.

— Я уже здесь,— на кухню вошел Григор и деликатно оттер Семена от плиты. За его спиной маячил сам Теренс. Видно, тоже пришел проверить, как тут дела у Семена, не взялся ли он сам за приготовление.

Пока они возились с дошем, Точилинов пристроился на подоконнике и закурил, глядя на вольдов.

— Когда меня на выход еще возьмете? — поинтересовался он у спины Теренса, склонившегося над плитой.

— Когда готов будешь,— ответила спина.

— А сейчас что?

— А сейчас — не готов,— Теренс распрямился и прищурился на Семена: — Что, уже всё зажило?

— Ну, в общем-то, да,— покряхтел Точилинов.

В Территории его брали через два раза на пятый из-за неподготовленности, а в последний раз и вовсе нехорошо получилось.

Хаис был Тварью не то чтобы очень опасной, но пугающей точно. Почему-то так получается, что когда Тварь выглядит как дракон, змей или грифон какой-нибудь мифологический, это не пугает. Пусть он уродливым будет донельзя, но всё равно — за душу не

хватает. Наверное, оттого, что мозг знает: он и должен быть уродливым. А вот когда на человеческое тело надевают гротескную морду кошки, украшенную нашлёпками, наростами, рогами и еще бог знает чем, то это зрелище повергает в шок.

В общем, долго ли коротко, а перепугался Семен до дрожи, когда хаис, отпрыгнув от идущего в головном дозоре глемма Тронда, вылетел прямо на него. Точилинов и шарахнул с перепугу от всей души. Причем почему-то не своим узором, а подсмотренным у Бориса — струей пламени. От хаиса и пепла не осталось, а вот струя прошла дальше и ударила в так называемое «гнездо» — круговое переплетение веток, висящее между деревьями. В Территориях ничего просто так не висит, любое препятствие — это либо ловушка, либо сигнализация. Все это знают и ничего без надобности не трогают. Это «гнездо» было ловушкой. Из центра прыгнуло что-то длинное и острое, но пламя, в свою очередь, тоже оказалось с хитринкой. Семен давно заметил, что все его узоры, выученные или подсмотренные у кого-то, работают всегда с какой-то особенностью, автором не предусмотренной. Вот и сейчас... Обыкновенное магическое пламя тут бы не помогло, Тварь бы запросто до него добралась, пробившись через узор. Может, и погибла бы, приняв на себя всю энергию узора, но хоть мертвое тело, но до Точилинова бы долетело. А вместо этого получился у Семена какой-то автоген. Длинную тварюгу спалило мгновенно, как хаиса. И всё бы ничего, но, ударившись о «гнездо», пламя показало еще один фортель и повернуло обратно, как струя воды. Под удар попали Семен и Григор. Семен — больше... Если бы не волшебные (в прямом смысле) снадобья вольдов, ковылять бы сейчас полковнику Точилинову на обожженных до костей ногах и ни о каких выходах не мечтать.

— Ну, раз всё зажило, тогда тебя точно нельзя в Территории брать,— хмыкнул Теренс, берясь за кружку с дымящимся дошем. Дождался, пока на лице Семена возмущение сменит недоумение, и добавил: — Пока не оденешься нормально.

— Только не это,— закатил глаза Точилинов.— Ведь двадцать раз говорено же. Что-что, а одежда у нас лучше. Где ваши чудо-контрабандисты? Пусть и найдут мне то, что я заказывал. Только в точности. Мне тогда вообще в Территориях ничего не страшно будет.

Тема контрабанды была отдельной, обширной и... больной. Ведь что означает термин «контрабанда»? Смотри толковый словарь: «Незаконный ввоз, вывоз и транзит через границы государства каких-либо предметов с сокрытием от таможенного конт-

роля, а также хранение и сбыт этих грузов внутри государства». Или «военная контрабанда»: «Провоз в одно из воюющих государств товаров, запрещенных другой воюющей стороной».

Местные ребята попадали в точку. В обоих случаях. Основой власти баронов, как и всей жизни в Пестике, была торговля. Из Пестика — Твари и их производные, обратно — всё остальное, нужное для жизни. Никаких полезных ископаемых и ресурсов Пестик не имел. Лес, вода и Твари. А раз есть люди (в смысле, нелюди), которые возят все что можно, наживаясь на этом, а другим запрещают... Значит, тут же появляются другие люди (в смысле, опять нелюди), которые возводят в абсолют принцип: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».

В общем, всё, что хочешь, тебе привезут. Не даром, понятно. И даже не за деньги. А за большие деньги. Бароны свое благосостояние и положение очень любили и к тем, кто его подрывает, относились плохо.

— Даже не думай,— хмыкнул Теренс.— То, что ты заказал, в Территории брать нельзя никак.

— Это почему? — возмутился Точилинов.— У нас все всю жизнь ходят и хвалят, а здесь вдруг нельзя.

— Потому,— Теренс невозмутимо прихлебывал дош из огромной, совершенно ему не по размеру, кружки. Глеммы вообще любили, чтобы всё вокруг них было на пару размеров больше, чем надо. Семен сколько раз дивился: у людей такие вещи смотрелись бы убого, а глеммы — ничего, справлялись. Теренс сделал еще глоток: — Потому что там у вас Тварей нет. И хальер нет. А здесь есть. А еще потому, что Земля с Клевером воюет.

— И что? — нарочито фальшиво удивился Точилинов.— Для ваших «кудесников» это проблема?

С термином «военная контрабанда» глеммы тоже справлялись. Не без отдельных проблем, но в целом успешно. Ностальгические подарки с Земли не раз и не два согревали души мятущихся в Пестике магов. Но была, правда, у этого термина одна загвоздка...

— А вы себе представляете, сколько будет стоить комплект земного спецобмундирования точно по вашему размеру, товарищ полковник Семен Алексеевич Точилинов? — таким же фальшивым тоном поинтересовался Теренс, разведя руками. Дош при этом чуть не вылился, и глемм смешно затанцевал вокруг расплёскивающейся кружки.— Не то чтобы я вас не любил, уважаемый, но по мне так лучше заплатить сумасшедшие деньги, но настоящему местному мастеру, чем такие же, но непонятно кому и непонятно зачем.

— Как это непонятно зачем...— начал Семен, но Теренс не дал договорить:

— Всё, разговор закончен,— он выставил вперед побежденную кружку, отгораживаясь от болтливого мага.— Приказ Старшего: выход в Территории для Семена Алексеевича Точилинова разрешается только после переобмундирования у предложенного мной мастера. Просто, да?

Семен открыл уже рот для ответа, но тут на кухню ввалилась вся голодная Команда, и слушать стало интереснее, чем спорить.

Глава 2

— Простите, пожалуйста,— в сотый уже раз извинился Семен перед очередным бедолагой, которому крепко досталось ножнами меча. С сим предметом туалета (а меч до сих пор так и не стал для него оружием в полном смысле этого слова) Точилинов регулярно испытывал серьезные трудности. Неширокий изогнутый клинок, одолженный, как и половина экипировки, Муритаем, никак не хотел признавать в Семене хозяина. Он натирал бедро при ходьбе, врезался в пах при поворотах, цеплялся за всё вокруг. В общем, вёл себя как абсолютно чужеродное тело. Хотя в последнее время Точилинов вроде бы как начал привыкать к неудобной железяке. Вольды, у которых мечи, луки, глиссы, топоры и прочая режущая утварь казались продолжением рук, деликатно похихикивали над неумехой, но вслух громогласно заявляли о невероятном прогрессе в обращении с оружием. Конечно, Семен предпочел бы родной «калаш», но, увы, от него пришлось отказаться. Вольды на боевых выходах носятся по Территориям как сумасшедшие. И когда Семен однажды решил «помочь» своим и запулил в лес полрожка последних патронов (показалось ему, что у Тронда положение безнадежное), то выяснилось, что он чуть пятерых членов Команды не положил, которые, как и положено, отрабатывали заранее подготовленную схему. В общем, Точилинову категорически не рекомендовали больше брать на выходы эту «железяку бестолковую». А уж когда Теренс узнал, сколько просят за обойму патронов контрабандисты... Пришлось, короче, убирать родной автомат в дальний сундук. Вместо этого ему торжественно вручили выбранный Муритаем меч, похлопали по плечу и указали пальцем все на того же Муритая. Торки считались

лучшими мечниками Клевера, поэтому почетная обязанность преподавания была, естественно, закреплена за ним. Семен посмотрел в спину прорезающему суетящуюся городскую толпу торку и ухмыльнулся. Учителем Муритай оказался никаким. Правильно говорят, лучшие тренеры выходят из плохих игроков, но обратное зачастую тоже верно. Муритай был тот самый случай. Но, в принципе, это не имело никакого значения...

Огромного торка Теренс приставил ухаживать за Семеном на время, пока тот не освоится в Пестике. Шаг за шагом, обучая и направляя, рассказывая об особенностях жизни и местном колорите, Муритай незаметно превратился из няньки в товарища. На боевых выходах Команды Теренса, непременным участником которых стал Семен, они даже стали боевой двойкой. Теренс, которому льстило присутствие в Команде такого сильного мага, каким неожиданно оказался Семен, был в полном восторге и поощрял эту спаянность. А, может, Семен ему просто нравился? Точилинов и сам был откровенно рад, влившись в ряды Команды, тем более что Теренс оказался далеко не рядовым Старшим, как назывались лидеры вольдовских Команд, занимавшихся промыслом в Территориях. Совсем не рядовым — член первой пятерки Совета Старших, единственного органа управления, третейского суда, и прочая и прочая, существовавшего в разрозненном и пестром калгане, именуемом «вольды». Начинать жизнь не в одиночку, а с кем-то, кто по-настоящему о тебе заботится (мушкетерский принцип «один за всех, и все за одного» вольды блюли свято), было очень неплохо. Чего уж там, просто хорошо. Вот Семен незаметно и прижился у Теренса.

— Нам не туда? — Семен указал в проход между домами, где виднелись красивые, со знанием дела выполненные вывески, показывающие принадлежность хозяев к славной гильдии оружейников.

— Нет.— Муритай даже не остановился. Как шел, так и продолжал идти, раздвигая толпу, огромный и массивный, как ожившее дерево.

— Там, где вывески, там покупают обыкновенное железо. Хорошо сделанное, но железо. Нам в другое место.

Он не сказал в какое, а Семен решил не спрашивать. Что толку? Все равно никакое имя ему сейчас ничего не скажет. Стоит ли забивать себе голову? Нет, не стоит.

На самом деле Точилинов чуть ли не впервые со времени беззаботного курсантства был абсолютно счастлив. Перед ним лежал целый мир, новый, интересный. И в этом мире, благодаря Теренсу, он оказался полностью встроенным в очень неплохую жизнь. Пря-

мо со старта он имел огромную фору перед всеми остальными — в виде магии. Боевые выходы Команды в Территории не только не воспринимались как расплата за все это великолепие, напротив, привносили в и без того интересную жизнь некий смысл. Вольды жили Территориями, это был их хлеб, суть и образ действия.

— Ага,— оживился Муритай.— Нашли. Каждый раз здесь плутаю,— пожаловался он.

Аккуратный дом в конце извилистой улочки ничем особенным из ряда других таких же домов не выделялся. Двери, окна, крыша — все одинаковое. И лишь одна деталь, которую видно было только вблизи, сразу превращала его из строения в предмет искусства. Каждая металлическая деталь, из тех, что видны снаружи, была выполнена в виде диковинного животного.

— Это Твари.— Муритай проследил за взглядом Семена.— Точные копии. Ни одна из них не повторяется. И каждая для чего-нибудь да нужна.

— Вот это здорово,— восхитился Точилинов и протянул руку к стене.— Смотри, даже заклепки включены в рисунок.

— А вот этого не надо.— Торк перехватил руку Семена.— Тут простых железяк нет, в каждую что-то подмешано, так что лучше не трогай, мало ли что может случиться.— Он подошел к двери и громко прокричал: — Утабай!

— А постучать не пробовал? — ехидно поинтересовался Точилинов.

— Пробовал,— в тон ему отозвался торк.— Больше не хочется. Сам не желаешь?

— Нет, спасибо,— Семен спрятал руки за спину,— у меня здесь другие цели. Хотя убей не могу понять, чем вот это,— он поддел пальцами свою куртку,— плохо-то? А уже тем более то, что я с Земли притащу.

Торк закатил глаза. Этот разговор в той или иной форме продолжался уже второй день, с того самого момента, как Теренс после того разговора вызвал их обоих, достал откуда-то прожженную куртку Точилинова (зачем хранил?) и, недовольно поморщившись, велел Муритаю срочно переодеть мага.

— В Территориях поймешь, в чем разница,— торк уже устал в сотый раз повторять одно и то же. Чтобы не лезть в перепалку, он задрал голову и заорал еще громче, перепугав каких-то мелких птах, пытавшихся неподалеку поделить кусок хлеба.— Утаба-ай!

— Я все еще неплохо слышу,— в кованых воротах, с которых скалились угрожающего вида Твари, открылась небольшая дверь. Из нее сначала показалась огромная черная борода, а потом вы-

глянула голова глемма, прикрепленная к этой бороде. Именно прикрепленная, потому что, увидев бороду, Семен ожидал, что ее обладатель должен быть ростом как минимум с Муритая. Ничего подобного: в отличие от всех виденных Семеном глеммов, массивных, даже с виду обладающих невероятной силой, Утабай как к другой расе принадлежал. Его фигуру можно было сравнить с треугольником. Мощные плечи, развитые руки — и тонкие ноги, абсолютно не вяжущиеся с его образом.

— Воин Темноты Муритай-он почтил меня своим присутствием,— голос глемма никак не отвечал ни его бороде, ни его росту. Голос как голос.

Муритай поморщился:

— Имя Муритай меня тоже полностью устраивает.

Глемм не заметил этой реплики.

— Теренс просил помочь одеть нашего нового бойца,— торк отодвинулся, представляя Семена.

— Проходите,— Утабай развернулся и пошел внутрь дома.— Раз сам Теренсмарант-идалил просил меня о помощи, то кто я такой, чтобы отказывать.

— Он обожает собирать слухи, сплетни и тому подобное,— негромко поведал Муритай Семену, пока они шли через внутренний двор.— Все истории появления здесь, настоящие имена, привычки, байки о подвигах. Не удивляйся. Говорит, что это помогает в работе.

— Это не помогает,— со слухом у Утабая на самом деле все было в порядке, Семен сам едва слышал Муритая.— Это и есть работа. Как я могу посоветовать вам что-то, если не знаю, кто вы есть?

Они вошли в небольшую гостиную, глемм уселся на небольшой табурет, стоящий посередине комнаты, и указал на два кресла напротив:

— Присаживайтесь,— Семен с Муритаем послушно уселись.

— Итак? — Утабай сложил руки на коленях.— Я вас слушаю.

— Семен,— начал Муритай.— Маг, из тех, которые вышли из Зеленого Лепестка. Он в нашей Команде, и Теренс попросил его переодеть.

— Маг,— прищурился глемм, обегая взглядом Семена.— Семен. Полковник Точилинов?

— Именно так,— подтвердил Семен, ничуть не удивившись. Его звание и фамилия, в принципе, секретом не являлись, все-таки в Пестик пришли почти сорок человек. А маг, да еще вошедший в Команду, да еще в Команду самого Теренса, уж конечно должен быть узнаваем.

— Угу, ага,— взгляд Утабая стал отсутствующим. Он задумался, полностью спрятавшись в своей бороде.

Повисло молчание. Семен с Муритаем терпеливо ждали.

— Так,— вынырнул из своих раздумий глемм.— Полностью одевать не буду. Нужна только куртка. С головой и ногами в этом смысле у вас все в порядке. Я только помешаю, а вот куртку дам. Мало того, она у меня есть сейчас.

Глемм поднялся со своего табурета и направился куда-то в дом.

— И оружие надо будет поменять. Меч не подходит,— бросил он через плечо.— Я скажу, куда пойти и что взять.

— Зачем? — удивился Семен.— Чем плох мой?

Ответа он не дождался. Муритай в ответ на немой вопрос только пожал плечами:

— Раз сказал, значит, надо. Лучшего оружейника я не знаю.

— Я не оружейник,— глемм вернулся на удивление быстро.— Я только вижу соответствие или несоответствие. У вас, уважаемый, тело не прикрыто. Голову вы защищаете всегда в первую очередь сами, ногам ничего не угрожает, они сами по себе живут, вспомните, много вы спотыкаетесь в жизни? Наверняка чрезвычайно редко, даже в Территориях.

Семен с удивлением кивнул головой, соглашаясь.

— Именно. А тело страдает. Сигареты эти ваши, магиприпасы на себе храните, амулеты. Нет, ничего страшного нет, кроме этих ваших вонючек дымящихся, но тут уж сами разбирайтесь, а тело от окружающего мира закрыть надо. Железо вам без надобности. От меча вас и так берегут,— он многозначительно глянул на Муритая,— а от хальер железо не спасет. Вот.

Он встряхнул перед собой уютной на вид плотной курткой из кожи какого-то зверя.

— И всё?

— Да.

Семен не покосился на Муритая только из элементарного человеческого уважения. Весь этот сыр-бор из-за какой-то куртки? Что-то, видимо, отразилось все-таки на его лице, потому что торк незаметно двинул его ногой.

— Больше ничем помочь не могу,— Утабай хмуро посмотрел на Точилинова. По его лицу ясно читалось, что помогает он этому недоверчивому человечишке только из-за Теренса.— У мастеров-оружейников найдете лавку Катараса. Он недавно сделал меч по имени Шалун.

Семен не хихикнул, только вспомнив, что глемм и так раздражен. Но актерское мастерство никогда не было его сильной стороной, Утабай заметил и помрачнел еще больше:

— Вам нужен именно этот меч,— припечатал он и повернулся, давая понять, что разговор окончен.— На этом всё, об оплате я договорюсь с Теренсом лично.

— А теперь расскажи мне, в чем здесь соль,— поинтересовался Семен, когда они вышли от Утабая,— ерунда какая-то. И оружие я менять не буду, меня мой меч вполне устраивает.

— Не говори глупости,— вздохнул Муритай.— У нас вся Команда одевается у Утабая. Ты еще не понял, что он делает? Он не халь, но по уровню мастерства стоит где-то между торкским шаманом и халь Зеленого Лепестка, даром что глемм. Он же тебе сказал: он видит несоответствия. Если тебе судьбой положено быстро бегать, то тяжелые доспехи тебя в итоге убьют. И наоборот. Вот такая логика.

— Я сомневаюсь, что курьер напялит на себя полный боевой доспех, а в хорде глеммов в первый ряд встанет человек в одной рубашке. С такой логикой мы с тобой тоже можем работать,— Семен почесал переносицу.

— *Так* не сможем,— возразил торк.— Тут еще смотреть надо, что сделано. Он и не просит никого верить ему на слово. Не хочешь — не надевай, но потом пеняй на себя. У Теренса в Командах (а у него еще до нас три Команды было) за все это время ни один не погиб. Он всех насильно заставляет у Утабая покупать все, хоть это и стоит совершенно безумных денег. Ни один! — со значимостью повторил Муритай.— Так что если Утабай дал куртку, то носи не снимая. От смерти навсегда не спасет, но про все случайные дырки можешь забыть. Оружие сейчас тоже пойдем менять. И не закатывай глаза. Утабай сказал тебе найти меч по имени Шалун? Значит, другого для тебя в Пестике не существует. Всё, иди.

Он подтолкнул фыркающего Семена в поворот на давешнюю улочку с вывесками.

— Ты топор Теренса видел? — Семен кивнул. Не обратить внимания на огромный, почти в рост самого Теренса, топор-франческу было невозможно.— Это было условие Утабая. Теренс тоже поначалу плевался, всем хочется с чем-нибудь полегче ходить. А теперь спроси его, сколько раз он без топора этого пропал бы? Спроси, он тебе расскажет. Так что вот наша мастерская, заходим, и ни слова. Если уж взялся со мной ходить, так не мешай хотя бы.

Перед тем как зайти в мастерскую, Семен осмотрелся. Узкая улочка, извиваясь, уходила вниз и терялась у подножия холма, на котором заканчивался Такатак, город, носящий имя баронства и самого барона. Приграничная территория, где вольды готовились

к выходам и куда стекались желающие прикупить редкие магические ингредиенты, так ценимые во всем Клевере. Собственно, на этих ингредиентах, которые добывались из Тварей, и держалась шумная вольница, именуемая вольдами. Правда, как объяснил Теренс, с ростом населения Пестика вольды начали находить себе и другие занятия — мало ли где могут пригодиться спаянные бойцы, никогда не расстающиеся с оружием и готовые в любую секунду ответить ударом на удар.

Улица была пуста, Семен ничего, кроме художественно выполненных вывесок, не увидел и, вздохнув, направился внутрь, за Муритаем.

Сама оружейная лавочка, наверное, была бы большой, если бы большую ее часть не занимал невероятных пропорций глемм. Больше всего он походил на сундук, к крышке которого приклеили голову. Заслышав шаги, сундук повернул голову — и Семен увидел, что одного глаза у него не хватает, а в пустой глазнице посверкивал какой-то кристалл.

— Мое почтение Кривому Саю,— поприветствовал его торк.

— Здравствуйте,— поздоровался из-за спины Муритая Семен.— Мы хотим купить у вас оружие.

— Да уж я догадался, что вы не за булочками пришли,— гулко расхохотался глемм. Сундук закачался из стороны в сторону.— И ты здравствуй, Муритай.

— Гла-Сай здесь затем же,— пояснил покрасневшему Семену Муритай и поинтересовался у глемма.— Катарас здесь?

— Конечно, здесь,— из подсобки вышел торк, вполне способный померяться размерами с Муритаем. Он, как и многие торки, был весь покрыт татуировками, но, в отличие от остальных представителей этой расы, его татуировки не сбегали причудливой вязью, а спускались со лба и плеч широкими черными мазками. Получалась эдакая клыкастая зебра. На самом Муритае, кстати, татуировок практически не было.

— Разрешите представить вам Семена, халь Огненного Лепестка, почтившего нашу Команду своим участием,— Муритая все-таки задело веселье глемма, а, может, впечатление решил произвести, обычно он так не выражался.

Или как раз на людях он именно так и выражается, гордо и уважительно,— пришло в голову Семену,— а все колкости и подначки достаются ему одному?

— Я рад приветствовать уважаемого халь в моей скромной лачуге,— попытался согнуться в поклоне торк, что, впрочем, у него получилось плохо. В отличие от аталь или глеммов, у торков в понятие «этикет» излишнее расшаркивание не входило.

«Ну, про лачугу — это он зря»,— подумал Семен, осматривая внутренность лавочки. Внутри она смотрелась точно так же, как обещала вывеска снаружи. То есть художественно, дорого и надежно. А развешанное по всем стенам разнокалиберное оружие только усиливало этот эффект.

— Я попрошу вас подождать немного, пока я закончу с сараси Сай,— попросил Катарас.— Вы можете пока выбрать интересующий вас образец.

— Конечно,— согласился Семен, которому не терпелось поближе рассмотреть все это великолепие.

— Нас, собственно, интересует только одна вещь,— Муритай не очень хотел задерживаться, это Семену, новичку, все еще интересны колюще-режущие предметы, торк здесь ничего нового не найдет,— которую вы недавно произвели. Шалун, если точнее.

Улыбка Катараса стала напряженной, а глемм развернулся, показывая прямой короткий меч, который он держал в руках.

— Этот, что ли?

— Если это Шалун, то да,— невесело подтвердил Муритай.

— Не повезло,— пожал огромными плечами Сай.— Я только что его выбрал.

— Себе? — нахмурился Муритай. Неширокий, короткий меч в руках глемма выглядел сущей зубочисткой.

— Какая разница,— глемм повернулся к Катарасу: — Я беру.

— Прошу простить мою настойчивость, гла-Сай, но, если он вам не жизненно необходим, я попросил бы вас оставить его,— Муритай, видно, чересчур серьезно отнесся к словам Утабая. Семен поморщился. Вежливости в интонациях торка не было и в помине. Если бы он так к нему обратился, Семен точно бы уперся рогом. Хотя, кто его знает. Закипающий Муритай — то еще зрелище, может, и не стал бы связываться. Но точка зрения Семена — это точка зрения человекановичка, который и в подметки не годится такому бойцу, как Муритай, а у этого глемма проблем с рукопашной явно не возникало.

— Для чего он мне нужен, я сам решу,— Сай явно не собирался уступать.— И не тебе, Муритай, мне указывать, что брать, а что нет.

А вот это уже конфликт. Глемм сделал полшага вперед, Муритай тоже. Теперь они стояли практически друг напротив друга. Высоченный торк нависал над Саем, как... Тираннозавр против носорога, пришла Семену в голову аналогия. Спешите видеть, только один раз сегодня вечером. Билеты в кассах гильдии оружейников.

Семен поспешил вмешаться. Будет драка или нет, еще неизвестно, но то, что противостоянием Шалуна они точно не получат, это очевидно.

— Уважаемый Сай,— Семен вклинился между огромными стенами. Чувствовал себя он при этом до крайности неуютно: одно неверное движение, и его просто-напросто расплющит.— Мы никоим образом не хотим обидеть...

— Мальчик, это не твой разговор,— перебил его глемм. Носорог навис над человеком. Единственный его глаз недобро буравил Семена.

Вот тут надо было уже реагировать. Насколько Точилинов успел понять отношения между вольдами, при возникновении таких ситуаций, когда выяснение отношений еще не перешло в стадию рукоприкладства, тактика мелкого фола срабатывала как нельзя лучше.

Большой краб грязно-желтого цвета прыгнул с плеча Точилинова на ухоженную бороду глемма. В конце концов, он специалист по магическим созданиям или где? «Сундук» отскочил на пару шагов.

— Прошу простить несдержанность моих зверушек,— фальшиво извинился Семен. Краб прыгнул обратно на плечо и раскрылся как раковина, продемонстрировав внушительный набор зубов. Глемм несколько замешкался, не зная, как реагировать. Именно этого Точилинов и добивался. Наступательный порыв сбит, теперь пришла очередь «хорошего полицейского». Семен повернулся к торку:

— Муритай, мы неправы. Гла-Сай уже приобрел этот меч, и теперь мы можем только *просить* уступить его нам.

Точилинов повернулся обратно к глемму:

— Уважаемый Сай. Видите ли, приобрести этот меч нам настоятельно рекомендовал гла-Утабай, для того чтобы дополнить комплект вооружения. Остановиться на другом образце мы не можем, так как указания гла-Утабая априори не подвергаются изменениям. Мы со всем уважением просим вас уступить нам право приобрести этот меч, если, конечно, он на самом деле не жизненно необходим лично вам. В этом случае, конечно же, мы будем просить гла-Утабая изменить свои рекомендации.

Кривой Сай несколько раз моргнул, видимо пытаясь уложить в голове витиеватое послание Семена, а потом подозрительно уставился на него, пытаясь понять, правду ли тот говорит. Точилинов широко открытыми глазами честно смотрел на глемма.

Тот вдруг широко усмехнулся:

— Да-а уж. Утабай мне голову оторвет, если я влезу в его систему.

Вот-вот, именно для этого Семен и приплел оружейника. Одно дело уступить простому вольду Муритаю, и совсем другое — магу, которого экипирует сам Утабай.

— Но отдать его вам я не отдам,— Сай насладился вытянувшимися лицами.— Я могу продать его.

— И какую же цену вы хотите за этот меч? — Семен уже был наслышан о торгашеских пристрастиях глеммов. И начисто проигнорировал тычок в спину, которым наградил его Муритай.

— Не деньги,— успокоил его глемм.— Я попрошу магическую услугу, которую при необходимости вы мне окажете.

— Прошу меня правильно понять, но маги как сами по себе не всемогущи, так и я не причисляю себя к разряду высших существ,— развел руками Семен.

— Это не проблема,— жестом отмел возражения Сай.— Мне достаточно будет вашего слова, и, если просьба будет из разряда невыполнимых, я буду ждать другого момента. В жизни простых вольдов часто случаются ситуации, когда может помочь только магия.

Глемм выжидательно и с полным уважением воззрился на Семена. Точилинов так старательно пытался вытащить из неловкой ситуации Муритая и так хорошо, как ему казалось, всё придумал, что даже не стал обращать внимания на град тычков, которыми осыпал его торк.

— Подожди,— жестом руки остановил он пытающегося влезть Муритая.— Я принимаю ваши условия, гла-Сай.

— В таком случае не смею задерживать вас, мастер. Я услышал вас.

Сай с неожиданно изящным для эдакой тумбы поклоном протянул ему меч на вытянутых руках.

— Ты в своем уме?! — Муритай накинулся на Семена как только они вышли на улицу и отошли на несколько шагов от лавочки.

— А что? — не понял Семен, вытаскивая меч. Утабай оказался прав. Меч лег в руку как влитой. Он казался продолжением кисти. Семен даже удивился, как это он так долго жил без такого меча. Он поймал блик зеленоватого солнца на полированной поверхности и счастливо улыбнулся.

Муритай его радость разделять отказался:

— Чего ради ты влез торговаться с глеммом? Меня защищать? Спасибо тебе большое. Ты что думаешь, мы вот так бы и сцепились? Что я, дурак — со Старшим Команды связываться? Да и он не умалишенный. Кто я такой, чтобы со мной из-за какого-то меча драться? Да и меч-то так себе,— торк пренебрежительно глянул на клинок в руке Семена.— Только и радости, что Утабай сказал взять.

— Да? — Семену стало немного обидно за оружие.— А, по-моему, очень даже ничего.

— Совсем ничего,— кипел Муритай.— Ты от темы не уходи. Что ты себе вообразил — что мы чуть что, сразу драку затеваем? Ты хоть одну драку за все это время видел? Как ребенок, честное слово. Хоть бы поинтересовался. Жизнь вольда неприкосновенна. Условия Чести послушай для начала. И потом, если бы мы друг друга хоть как-то обидели, завтра Старшие бы поснимали такие штрафы, что мало никому бы не показалось. Защитник.

Как ни переполняло Муритая негодование, но последнее слово он все же произнес совсем не с той интонацией, как остальные. Семен про себя улыбнулся. «Ты за меня, я за тебя, хоть и по-глупому, а все равно приятно, нет?»

— Подумаешь,— постарался сгладить проблему он.— Мы ж договорились. Ну помогу я ему. Вдруг и правда помощь нужна будет, отчего не помочь?

— Ага, поможешь,— хмыкнул Муритай.— С Теренсом поговори, он тебе объяснит, что тебе могут подсунуть. Ты ж чужой.

— Да брось ты,— отмахнулся Семен.— Что этот Сай, идиот? Не понимает, что гадость он мне сделает, а потом-то нам с ним еще жить и жить. А вдруг я злопамятный?

— Будем надеяться,— вздохнул торк.— А для начала давай-ка Теренсу расскажем, во всяком случае знать он должен обо всем.

Вопреки всем и всяческим опасениям Теренс отреагировал достаточно сдержанно.

— Ну что ж,— пожал он плечами, выслушав рассказ об их похождениях.— Сейчас говорить что-либо все равно бесполезно, а жизнь покажет. Сай в самом деле не дурак, вряд ли он влезет в откровенную авантюру. А там посмотрим. Заодно, может, чему научитесь на пару. Только прежде, чем на что-то соглашаться, поговорите со мной. Ясно?

— Конечно, ясно,— заверил его Семен.

— Нет. Вы не поняли меня, Семен Алексеевич.— Глемм пристально посмотрел на Точилинова.— Если вы по-прежнему считаете меня Старшим Команды, имеющим право вами командовать, то расценивайте это как приказ. Теперь ясно?

Семен не то чтобы сжался под взглядом Теренса, но задумался. С одной стороны, он не вольд и приказам Теренса подчиняться не обязан, а с другой... Если в Команде есть Старший, то или слушайся его — или уходи. Полковник Точилинов очень хорошо помнил необходимость принципа единоначалия.

— Ясно,— твердо проговорил он.

— Ну и отлично.— Теренс хитро улыбнулся и откинулся на спинку своего кресла.— Сегодня Ихайлинь с Командой празднуют

возвращение, они в Территориях последний раз чуть не угробились. И Ихайлинь мне сказал, что пообещал всех напоить, если выберется, так что приглашает сегодня. Все остальные готовы. Идете?

Семен с Муритаем переглянулись:

— Хоть раз отказывались?

— Тогда вперед.

Глава 3

Огромный зал таверны, где аталь Ихайлинь праздновал с Командой свое возвращение из тяжелого похода, был почти полон. Вольды бродили по залу, сидели за столами, переговаривались, смеялись. В углу несколько аталь наигрывали какую-то мелодию на инструментах, похожих на земные гитары. Дарящая надежду музыка, зовущая куда-то вдаль, как нельзя лучше вплеталась в атмосферу беззаботного веселья и всеобщего отдыха. Постоянная жизнь с оглядкой на атакующих Тварей приучила вольдов радоваться каждой минуте, когда можно расслабить голову. Сейчас была одна из таких возможностей, и зал просто искрился хорошим настроением. Тем более что повод как нельзя лучше этому способствовал. Не чествование героев, когда над тобой довлеет значимость содеянного, а просто щенячье-веселое настроение от того, что кто-то не стал раскисшей лужей крови где-то меж мрачных деревьев Территорий, а вернулся и веселится вместе с тобой. Признанный ловелас Ихайлинь даже залучил к себе на огонек пару женских Команд, которые с удовольствием бродили по залу, с достоинством принимая сыплющиеся со всех сторон приглашения посидеть-поговорить.

Теренс с Семеном заглянули в зал первыми.

— О,— обрадовался глемм.— уже всё в разгаре. Заходим.

Вольды с улыбками до ушей вошли в зал и выстроились перед входом. Зал встретил их приветственным ревом.

— Друзья мои.— Перед Командой как из-под земли вырос небольшого роста аталь с кучей кружек в руках.— Я очень рад вас видеть, но, поскольку вы опоздали, общее настроение нужно поддерживать.— Он раздал кружки и повернулся к залу.— Тихо! — неожиданно громким голосом перекрыл он гул зала.— Гости пьют.

Шум стих, все посмотрели на вошедших. Под этими взглядами Семену стало неуютно, он искоса глянул на остальных, вольды улыбались.

— Начали,— скомандовал аталь.

В кружке оказалось местное не очень крепкое пиво, что Семена лично порадовало: он совершенно не горел желанием выпасть в осадок с первых же минут.

— Гарро, Ихайлинь! — Теренс перевернул кружку, показывая пустое дно. Все последовали его примеру.

— Гарро! — нестройно грянул зал.

— Прошу.— Аталь, оказавшийся тем самым Ихайлинь, сделал приглашающий жест.

Вольды разбрелись по залу, выискивая знакомых, Семен старался держаться рядом с Муритаем.

— Семен Алексеевич,— вдруг окликнул его знакомый голос.

Точилинов обернулся и расплылся в улыбке:

— Вася! Вот сюрприз, откуда ты здесь?

Василий Тетраков, разведчик-психотерапевт, одетый как рядовой вольд, спокойно попивал пиво в компании таких же вольдов.

— А я теперь с ними.— Вася показал на соседей.— Команда Мигура. Присаживайтесь.

Семен присел, ему тут же сунули в руку кружку. Чуть притихшие вольды снова загомонили.

— Кого еще видишь? — Чтобы перекричать ровный гул, покрывающий весь зал, приходилось серьезно напрягать голос.— Саша Агатьев где?

— Агатьев? Он куда-то в баронства подался. Сказал, что его война достала дальше некуда, хочет просто пожить.

— Ну что ж, тоже верно,— пожал плечами Семен.— А еще кто где? Я только про Бориса знаю, он раз в месяц появляется, материалы для исследований закупает. Он у барона Даслоя осел.

— А, так это про него говорили, что у д'Осла маг появился, а я-то думал...— хохотнул Вася.

Как и все рядовые вольды, он быстро перенял не очень уважительное отношение к баронам. Мол, чего там, сидят себе царьки, деньги стригут со всех, а сами ничего не делают. Ну, иногда оказываются полезными, дают где пожить, продать-купить, опять же, в баронствах можно, еда еще... Короче, цивилизация — на них. Но вообще, бесполезные твари. Семен укоризненно покачал головой:

— Вася, Вася, и ты туда же. Я считал тебя умнее.

— Да нет,— Вася смутился ненадолго,— я к баронам отлично отношусь, я ж понимаю, что без них ничего бы не было. Войну-то выиграть — это просто, с миром посложнее будет. Это я просто д'Осла конкретно не люблю. Был у нас тут один случай...— Он замялся.

— Ну слава богу, а то я уж переживать начал,— рассмеялся Семен. Ему вдруг действительно стало легко и весело.— Так давай Боре скажем, он ему чо-как шепнет на ушко, мол, неправильно себя ведешь, товарищ барон.

— Да плюньте, товарищ полковник. Давно уже забыли. Где он — где мы? Он и не появляется в Трех Баронствах.

Понятие «Три Баронства» уже стало почти географическим. Такатак, Ташина и Сусси — те три баронства, из которых можно войти в Территории. Все остальные границы отделены либо непроходимыми топями, либо горами. Все остальные баронства располагались либо вдоль этих гор, либо в глубь единственного континента Пестика, дальше, за приграничными. Рядом с болотами жить было опасно — среди Тварей полным-полно способных перебраться через хлябь, а вольдам, способным им противостоять, там делать абсолютно нечего: денег не заработаешь.

— Плюнул. А остальные-то как и где?

— Остальные? — Вася хитро прищурился. И через секунду Семен понял, чего это он такой загадочный.

— Семен Алексеевич...

— Товарищ полковник...

На плечи обрушилась какая-то тяжесть, Точилинова начали тормошить, орать в ухо и делать тому подобные глупости. Он завертел головой, высматривая.

Бог ты мой,— Клаус ван Брюккен, голландский медик. Оба телепортиста — Джузеппе Строцци и Се Ляо Юй. Бенциан Бергман — израильский спецназ, воякой был — боевым магом и остался. И до кучи — Антонио Сибейра, специализация — иллюзии. Семен сильно подозревал, что синьор Сибейра имел непосредственное отношение к какой-то разведке, но сейчас до этого никому дела не было.

— Раздавите, черти,— расхохотался Семен, погребенный под кучей тел. И пошло веселье...

— ...а мы потеряли...

— Да ладно, потеряли, десять минут ходу...

— ...из Территорий не вылезает...

— Товарищ полковник, выпьем.

— ...если кто еще куда-нибудь свалит не сказавши...

— ...друг за друга держаться.

— Семену Алексеевичу Точилинову — ура!

Сквозь веселящихся магов протолкался какой-то торк с огромной кружкой в руках:

— Слушай, а ты правда тот самый маг, который лапинаэира сделал?

— Как к магу обращаешься, солдат? — надул губы хорошо подгатый Сибейра.— Ваше Магичество Семен Алексеевич Точилинов. Повторить.

Семен не успел даже рассмеяться немудреной казарменной шутке, как торк тут же исправился:

— Простите, Ваше Магичество, так это правда вы?

— Ну я,— пожал плечами Семен.

— Тихо! — заорал торк, он тоже явно не принадлежал к обществу трезвенников.— Здесь сидит тот самый маг, из Огненного Лепестка, который сделал лапинаэира. И мы ни разу не воздали должное его мастерству. Выпьем!

— Гарро! — грянул зал. Множество кружек взметнулось вверх.

Семен, обведя взглядом зал, столкнулся глазами с Муритаем. Тот улыбнулся и пожал плечами.

— Семен Алексеевич,— наклонился к нему Вася,— надо ответить. Здесь понятие подвига свято. Сделать то, что никто не мог,— это высшее достижение, никакие деньги не сравнятся. Пожизненное признание гарантировано.

Точилинов поднялся с места — зал сразу притих. Глядя на смотрящих на него восторженными глазами вольдов, Семен вдруг ощутил, что и его подхватывает эта волна. «Так, а почему бы я и не молодец?» Он выставил вперед свою кружку:

— Я благодарен вам. Честь биться рядом с вами.— Бред полный, но по пьяни можно — что с пьяного возьмешь? Оказалось, он угадал.

— Гарро!!! — От восторженного рева вольдов, казалось, рухнет потолок.

Краем глаза Семен заметил одобрительно улыбающегося Теренса. Похоже, и правда угадал.

Семен сел, веселье пошло своим чередом. Семен наслаждался общением с магами, вечер потихоньку перетекал в уютное застолье. Гул голосов уже не оглушал, потихоньку превращаясь в мерное гудение. Они уже почти всё обсудили, договорились, как будут встречаться, придумали, как искать потерявшихся коллег, и прочее, прочее, когда, легко раздвигая толпу, к их столу важно подплыл огромный сундук с нелепо приставленной сверху головой. Густая рыжая борода гордо топорщилась. Глемм казался абсолютно трезвым.

— Добрый вечер, Ваше Магичество,— прогудел сундук. Похоже, пьяная шутка Сибейры попала на удобренную почву.— Прошу прощения, что не узнал вас там, у Катараса. Если б знал, то я, конечно, уж...

Глемм демонстративно стушевался.

— Да ладно.— В таком состоянии Семен был не способен ходить вокруг да около, соблюдая все приличия.— Вы, гла-Сай, к нам выпить или по делу?

— Выпить с вами честь для меня.— Глемм уважительно поднял кружку.— А про дело я уж и не знаю теперь-то уж...

— Да вы меня обидеть хотите? — Семен качнулся на стуле.— Интересуетесь, не отказываюсь ли от своего слова?

— Что вы, Ваше Магичество.— Сай, похоже, всерьез испугался, не нанес ли он оскорбление.— Просто у меня тут интересное дело наклевывается, а тянуть нельзя. Я хотел узнать, не заинтересует ли оно вас?

— Меня? — умно спросил Семен.— Я готов обсуждать с вами любые и-ни-ци-ати-вы,— он все-таки справился с трудным словом,— но только завтра, и только при возможности консультации с Теренсом.

— Ха.— Хищный блеск зажегся в глазах глемма.— Я так и знал, что эта лиса своего не упустит. Так когда будет уместно вас побеспокоить?

— Завтра,— твердо испугался Семен,— после обеда, и никак не раньше. А лучше к вечеру. Я ответил на ваш вопрос?

— Более чем, приношу свои извинения, что побеспокоил.

Глемм, кланяясь,— уникальное зрелище, учитывая его пропорции,— растворился в толпе.

— А какие у тебя дела с Кривым Саем? — поинтересовался ван Брюккен.

— Пока никаких, завтра посмотрим.— Семен взялся за новую кружку.— Ну их, эти дела. Сегодня не до них. Выпьем?

— Выпьем! — С разных сторон всунулись несколько кружек.

Семен рассмеялся. Мерный гул расслабляющейся толпы накрыл магов, и вечер потек, как ему и положено. Пиво было не очень крепкое, но количество выпитого потихоньку брало свое. Вечеринка начала распадаться на эпизоды. Вот Вася, обнявшись с каким-то торком, во всё горло распевает чей-то гимн. Высоченный ван Брюккен склонился над Трондом, что-то тому доказывая. Вот Сибейра, пылая взором, усадил на колени пробегающую служанку, примял пышную юбку и показывает глазами, где он будет её ждать. Бергман, тяготеющий к валькириям, выспренно производит впечатление на женщину-торквани из чьей-то Команды. Интересно, даст — не даст? Торквани не очень благосклонно относятся к другим расам, но тут дело другое. Эта торквани — вольд. Или как там её называть, вольдиха? Семен хихикнул. Может, у Бергмана и получится чего. Надо будет потом поинтересоваться.

— Вы позволите, Ваше Магичество?

Точилинов повернулся и обалдел. Костюм вольда настолько контрастировал с хрупкостью образа стоящей перед ним атали, что Семену пришлось себе напомнить: нелюди не всегда такие, какими выглядят. Эта женщина-аталь при желании его пополам переломает. Правда, не очень было похоже, что атали собирается его переламывать. Во всяком случае сейчас.

— К-хм, кхе, да, пожалуйста,— Точилинов прочистил некстати пересохшее горло и подвинулся на скамье, давая место нежданной гостье, спихнув при этом с другого конца скамьи пристроившегося хлебнуть пива Муритая.

Тот развернулся было рассказать всё, что он думает про разных магов, но вдруг остановился. Семен спиной не видел выражение его лица, но ехидный возглас, с которым он аккуратно ретировался, можно было перевести как: «Всяческих вам успехов, уважаемый».

— А вы, оказывается, довольно популярная личность, Ваше Магичество,— атали с интересом посмотрела на Точилинова.

«...Ему сказала: все вас знают, а я вот вижу в первый раз»,— промелькнуло в голове у Семена. Он смутился. Ловеласом он себя не считал, хотя проблем с женщинами у него никогда не было, но тут вопрос был вовсе не в отношениях полов: полковник Точилинов до сих пор чувствовал некоторую неуютность при общении с аталь. Наследие Экскора не отпускало. Впрочем, сидящую перед ним незнакомку трудно было назвать врагом.

Высокий лоб, большие глаза, на удивление мягкая линия подбородка, зеленоватые волосы, заплетенные в длинную косу, кожаная куртка плотно облегает тело, подчеркивая высокую грудь. Ног не видно, но Точилинов не сомневался — там тоже всё в порядке. Красота атали восхищала людей с момента первых встреч. Еще там, в Зеленом Лепестке. А попав в Пестик, в первые месяцы люди не раз и не два влетали в прохожих на улицах, засматриваясь на проходящих атали. В таком количестве в Зеленом Лепестке их видеть не приходилось: ну еще бы, война — не женское дело. А отступающие войска аталь не оставляли ненавистным животным-людям никого, уходили все.

И так близко, в разговоре, за одним столом, Семену еще не приходилось общаться с атали. Да еще с такой...

— А-а... извините, не имею чести знать... как вас, кхм, зовут,— проблеял никак не могущий справиться с собой Точилинов.

— Лаяла,— мило улыбнувшись, представилась атали.— Вот уж не думала, что человеческий маг может быть таким застенчивым.

Семен залпом выпил всю кружку и со стуком поставил на стол:

— Кто застенчивый? Я? Да я, если хотите знать, самый смелый человеческий маг в округе. Спросите кого хотите,— он дурашливо выпятил грудь и широко улыбнулся в ответ.

Внутри начал разгораться огонек. В конце концов, сколько времени у него уже не было женщины? Семен вспомнил — и присвистнул про себя. Ничего себе! С Земли! А тут тебе вон чего... Так чего мы сидим? Вперед! Он поднял голову и столкнулся с лукавым взглядом Лаялы. Точилинову давно говорили, что у него на лице все его мысли написаны. А может, это и хорошо? Всё уже сказано, добавить нечего. Он, как мог, изобразил самую казано́вскую, по его мнению, улыбку, правда, при этом чуть не зажмурившись от собственной наглости. Ну, что скажешь, девочка?

Атали приподняла бровь, отчего Семен чуть не взорвался:

— Вы что-то хотели сказать, Ваше Магичество?

— Э-э,— вся решимость Семена вдруг куда-то делась,— вы танцуете?

Лаяла страдальчески возвела глаза:

— О, Несуществующие! — Она в упор посмотрела на Точилинова, и тому вдруг припомнился анекдот про чудище, страшное для забав постельных: «Хорошо, пойдем по длинному пути,— привези мне, батюшка, цветочек аленький»...— Да, я танцую.

Кривой Сай разумно пришел под вечер. Раньше Точилинов, заявившийся домой под утро («ночевать» его не оставили), решать какие-либо вопросы был просто не в состоянии. Когда Семен, всё ещё позевывая, спустился в зал, где гостя перехватил Теренс, гламмы уже успели повыяснять отношения. Покрасневшие лица и воинственно встопорщенные бороды явно говорили, что разговор задался.

— Добрый вечер.— Семен бодро присоединился к компании.

Подорванное здоровье к вечеру пришло в норму, и Семен был готов обсуждать новые задачи.

— Мое почтение, мастер,— приподнялся со своего места Сай.

— Добрый,— хмуро отозвался Теренс.

Точилинов с интересом оглядел Старших. Сай откашлялся:

— Как мы вчера договаривались, я пришел предложить вам, Мастер, новую идею. Мы тут с гла-Теренсом,— он еще раз прочистил горло,— обсудили предстоящий проект...

— Он никуда не пойдет,— отрезал Теренс.

— Может, предоставим решать Мастеру? — Сай агрессивно вобрал голову в плечи, отчего сходство с сундуком усилилось многократно. С агрессивным сундуком.

— Самоубийство человека, который не знает, во что его пытаются втравить, я обсуждать не буду.

— Я тоже участвую в выходе,— выпятил вперед челюсть Сай.— Это если кто забыл.

Теренс набрал в грудь воздуха, прикидывая, как получше ответить, не нанеся при этом оскорбления.

— А в чем, собственно, заключается идея? — вставил слово Семен, пока Теренс не успел разразиться тирадой.

— Именно,— поддакнул Сай.— Может, Мастеру будет интересно. Решение все равно за ним.

Семен отметил, что Сай всеми силами старается избежать прямого упоминания о данном ему обещании. Ну да, положение у него не из простых. Накинул уздечку из обещания на кошку, а выяснилось, что на тигра. Держи его теперь. Принуждать мага — себе дороже, а отпустить тоже никак — лицо потеряешь.

— Можно я хотя бы послушаю? — Семен посмотрел на Теренса.

— Пожалуйста,— сварливо разрешил тот.

— Итак,— приосанился Кривой Сай,— идея выхода проста как палка.

Он расстелил на столе карту Территорий. Семену уже доводилось видеть такие. Все Территории не знал никто, поэтому карты, которые использовали вольды, напоминали больше разбросанную мозаику. Участок леса, белое пятно, маршрут выхода, белое пятно — и так далее. Эта карта, на взгляд Семена, ничем не отличалась от остальных. Те же пятна. Но Сай почему-то надувался от гордости при виде нее, так что можно было предположить, что в ней есть нечто, недоступное остальным. Меж тем глемм не стал долго ходить вокруг да около, он ткнул пальцем, больше похожим на металлическую болванку, в самый близкий к центру карты рисунок.

— Вот здесь нашли гнезда вельянов. Это точно,— сказал он и гордо посмотрел на Семена с Теренсом. Теренс только скривился, Семен же состроил непонимающую мину:

— И что?

Сай сделал приглашающий жест, вовлекая в разговор Теренса.

— Вельяны...— вздохнув, начал тот.

— Я знаю, что такое вельяны,— многозначительно улыбнулся Семен: в последних выходах они с ними сталкивались не раз. На редкость неприятные противники оказались.— А чем так ценны их гнезда?

Теренс еще раз вздохнул. Ему явно не хотелось рассказывать преимущества новой идеи, но против правды не пойдешь:

— Вельяны размножаются откладывая яйца. Кладки вельянов находили много раз. Это сложно и опасно — они всегда находят-

ся в глубине Территорий, и, чтобы до них добраться, надо пройти через места обитания многих Тварей. Забрать их еще не получалось ни у кого, вокруг кладок всегда очень много Тварей, да и толку от этого не будет никакого — ты просто не донесешь яйца живыми: они умрут. А толку от умерших яиц практически нет, всего удовольствия, что похвастаться. Но гла-Сай,— Теренс поморщился,— утверждает, что с помощью хальер...

— Магии,— рассеянно поправил его Семен.

— Магии,— покорно согласился Теренс,— что с помощью магии можно донести яйца живыми, и, соответственно...

— Мы сможем вывести вельянов здесь, в баронствах,— перебил Теренса Сай, наплевав на все приличия. Глаза у него горели.— Мы сможем начать выводить их постоянно. Домашние вельяны, ха! Все что нужно — всего лишь донести их до баронств, чтобы они не умерли.

— Всё что нужно — это сначала их забрать,— сурово вернул себе слово Теренс.

— Пройти — пройдем,— уверенно сказал Сай.— Только что оттуда вернулась Команда. Говорят, пока тихо и не ожидается никто.

— А там что, яйца посреди поля лежат и ждут, пока мы за ними придем? — прищурился Теренс.— Там вельянов как мух. Они только обрадуются новой закуске.

— А вот тут опять может пригодиться уважаемый маг.— Глаза Сая масляно заблестели.— Почему никто не мог взять яйца? А вот как раз потому, что вельянов много. А если их отсечь, ну, там, огнем или еще чем, я не знаю, что может уважаемый маг.— Сай, явно заискивая, сидя изобразил полупоклон.— Не много, нам одна только кладка и нужна, так что есть шанс уйти. Они ж толпой вдогонку не бросятся, остальные кладки тоже надо охранять.

Сай вдруг подпрыгнул на кресле:

— А что значит «придем»? Идет только моя Команда.

— И не думай,— угрожающе хохотнул Теренс.— Чтобы я своего мага отпустил с чужой Командой в этом идиотизме участвовать? Не дождешься.

Семен, все это время размышлявший над словами Сая, улыбнулся:

— Вот это здорово. С вами-то уж точно все получится. Послушайте,— обратился он к Саю,— а кто-нибудь сможет нарисовать мне схему их кладок? Ну, там, где лежат, сколько, как подойти, с какой стороны?

Сай задумался.

— Сделаем,— наконец кивнул он.

— Отлично,— удовлетворенно откинулся на спинку стула Семен и посмотрел на Теренса.— Ты прав, наверное. Вот в таком ви-

де это самоубийство чистой воды. Но если я еще наших подтяну, то шансы увеличиваются.

Глаза Теренса превратились в две щели. На расстоянии было слышно, как усиленно работают его мозги. Наконец он расслабился.

— Что ж, вот в таком виде это может сработать. Две Команды и два мага. Один несет, другой прикрывает. Мы вокруг. Да, сработает.

Сай победно улыбнулся.

Глава 4

Вся Команда уже была в сборе. Посреди комнаты возвышался огромным столбом Муритай. Остальные пятеро расположились с максимально возможным комфортом на мебели, расставленной по всей гостиной. Именно «на», потому что только глемм смотрелся уместно в интерьере, который он подбирал исключительно под свои привычки и вкусы: всё здесь было массивным, надежным и неподъемным. По идее, на таких огромных предметах невысокий глемм не должен был смотреться. Но почему-то смотрелся. А вот все остальные, включая огромного Муритая, как-то не вписывались. Впрочем, никого это не беспокоило.

— Все? — Вошедший Теренс оглядел комнату.— Давайте поближе.

— Куда идем? — изящно спрыгнув с массивной кушетки, поинтересовался Ольми.

Хотя Ольми и Сонди были соратниками, проверенными ребятами и всё такое, Семен всё равно напрягался, встречая их — как и при виде любого аталь. Наследие Экскора не отпускало.

— Тебе не всё равно? — бодро отозвался Тор, слезая со стола. Торруслав-он, сородич Муритая, хоть и назывался торком, но отличался от соплеменников, как шпага от секиры. В то время, как Муритай напоминал ожившее огромное дерево (правда, очень быстрое), Тор больше походил на куницу. Невысокий, жилистый с маленьким острым личиком, Тор всегда был главным заводилой в Команде, энергия из него всегда била ключом.

— А вот сейчас Старший возьмет да и расскажет. А мы возьмем да и послушаем. Всем всё станет ясно, и никто никому мешать не будет. Правда? — Второй глемм в Команде, Тронд, через плечо Муритая подмигнул Тору. Правда, для этого ему пришлось встать на цыпочки. Совершенно квадратный Тронд являлся чем-то вроде

старшины в Команде и замещал Теренса, когда тот отсутствовал. Он имел право утихомиривать.

Когда Тор улыбнулся и пошел к столу, Тронд повернулся к последнему члену Команды, который, сидя в огромном кресле, что-то дожевывал.

— Григ, ждем только тебя.

Григор Сиргайский, высокий молодой человек с приятным, открытым лицом, был единственным представителем людей в Команде. Что, в принципе, не вызывало ни у него, ни у кого-либо другого никаких неудобств.

— Уже, уже,— демонстративно заторопился Григор, сглатывая на ходу.

— Теперь все? Можно? — немного язвительно поинтересовался Теренс и оглядел Команду, собравшуюся вокруг стола.— А теперь, дети мои, слушайте меня внимательно. Случай у нас трудный, но интересный.

Он расстелил на столе с чрезвычайным тщанием выписанную карту Территорий:

— Да, совсем забыл, у предстоящего контракта есть один момент...

— Всем привет.— Точилинов вошел в комнату.

Собравшиеся маги, шумно обсуждавшие что-то, все как один заулыбались, приветствуя Семена. Пирушка, на которой так неожиданно Семен встретился со своими бывшими соратниками, сослужила добрую службу. Ему стоило только заикнуться, что есть какая-то идея, как все, кто находился в Трех Баронствах, тут же собрались вместе. Приехал даже Борис (и Вася ему немедленно пожаловался на его барона). Борис похихикал, услышав новое прозвище барона Даслоя, и пообещал немного обидеть упрямца. Теперь все сплетни были пересказаны, и маги приготовились слушать командира. Это, кстати, явилось для Семена неожиданностью. Привыкший уже, что каждый здесь сам за себя, Точилинов с удивлением обнаружил, что он по-прежнему имеет немалый вес среди людей.

— Клаус тут спрашивал недавно, какие у меня дела с Кривым Саем,— начал Семен,— теперь можно и рассказать. Сай предложил одно дело, которое без магов не получится...

Как можно более емко, коротко и понятно Точилинов рассказал суть предложения глемма. Когда он закончил, на лицах магов можно было прочесть абсолютно различные эмоции.

— Я с тобой,— бодро доложился Борис Уваров.

Ну, с ним и так все было понятно. Боря засиделся в глубине баронств, ему хотелось подвигаться.

— Мне, как ты понимаешь, боевые действия не очень интересны, я вас приму тут.— Ван Брюккен развел руками.— Для медика у вас работы в выходе не будет, я надеюсь.

— Ну тебя,— испуганно замахал руками Точилинов,— после возвращения давай просто пива попьем, без профессиональной необходимости.

Ван Брюккен усмехнулся.

— Я бы с вами хоть куда,— помялся Вася.— Но у меня тоже выход запланирован, а своих бросать не могу, они тоже без мага не справятся.

На лицах Строцци и Се Ляо Юя было написано похожее выражение.

— Вы, я так понимаю, тоже пас? — чтобы облегчить им отказ поинтересовался Семен.

— Если мы вам не очень нужны,— осторожно начал китаец,— то мы бы хотели остаться. Мы тут начали одну теорию прорабатывать, не знаю, получится или нет, но бросать не хочется.

— Не домой ли, часом, путь ищете? — прищурился Точилинов.

Остальные маги тут же замолчали. Несмотря на то что люди в Пестике заняли более чем достойное положение, мысль о доме не отпускала никого. Теренс был прав тогда, в болотах, сказав, что путь домой может затянуться. Так и произошло. В первые месяцы каждый из магов не раз и не два безуспешно пытался пробиться обратно на Землю, но, увы, все эти попытки оказались бесплодными. Как удалось узнать у контрабандистов-глеммов, войти в Пестик всегда было гораздо проще, чем выйти из него. Раз за разом маги наталкивались на стену — Пестик не хотел отпускать их. Но огонек все равно тлел в каждом, не затухая ни на минуту. Еще бы, это у Семена не осталось на Земле никого, и видит Бог, сейчас он был этому несказанно рад, а у некоторых осталось. И еще как осталось. Таких одиночек, как Точилинов, набралось штук пять, а остальные рвались на Землю каждую минуту. Рвались, придумывали новые пути, разрабатывали новые идеи, хватались за каждую бредовую мысль. Сколько линий было завязано в неимоверные, и зачастую опасные, узоры. Сколько магов валялись потом с травмами. Ничего. Стенка. Бетон, гранит и вакуум. Нет выхода. Семену было до изнеможения стыдно, но он ничего не мог с собой поделать, когда раз за разом маги начинали безнадежные и безутешные разговоры о доме. Он просто убегал. Уходил, находил себе срочные дела, придумывал неожиданные занятия, но не сидел с ними, не плёл безнадежных узоров. Он просто не верил, что выход можно найти. Где-то в глубине души он был уверен, что путь

все равно найдется. Но не сейчас. Нужно было ждать. Ждать и готовиться использовать любой открывшийся шанс. Хотя объяснить это тем, у кого дома остались семьи, было выше его сил.

Но постепенно люди перестали уделять такое уж сильное внимание возвращению домой. Навалились текущие проблемы, удавались какие-то дела, приходил некий статус. В общем, рутина. И Земля потихоньку переставала быть самоцелью. Но все равно, как только кто-то упоминал о доме, остальное отходило на второй план.

— Домой,— подтвердил Ляо Юй.— Только у нас всего лишь теория. И сама по себе она шаткая, и с практикой пока,— он помялся,— так скажем, не очень. Но бросать жалко, тем более что из этой теории и для Пестика кое-что выжать можно. Там посмотрим.

— Нет вопросов,— поднял руки Семен.— Мне и одного человека хватит. Но лучше бы, конечно, двоих.

Он шутливо прицелился в необычно молчаливого сегодня Сибейру.

— Дон Антонио, ты как — насчет с нами прогуляться?

— «Дон»? — усмехнулся испанец, выныривая из своих мыслей.— А что? Хорошая идея. Я давно раздумывал, как бы мне обозваться позвучнее. Очень неплохо.

— Отлично, кабальеро,— улыбнулся Семен.— Так что, почему бы трем благородным донам не прогуляться за яйцами?

Испанец расхохотался, к нему присоединились остальные.

— Боюсь, не смогу составить вам компанию,— отсмеявшись, вздохнул Сибейра.— Тут возникает какая-то странная проблема, в которой я пытаюсь разобраться. Я недавно нашел Штефана Пшзецкого, помните, он помогал с системой оповещения Жану Офшо? Так вот, мы с ним немного пообщались, ну, все как обычно, и он уехал куда-то во внутренние баронства. Исследовать какие-то явления, не знаю.— Испанец махнул рукой над головой, показывая незначимость явлений.— И стали мы с ним переписываться. Вы, кстати, в курсе, что здесь есть почта?

— В курсе,— ответил ван Брюккен.— Только она работает как всё у вольдов, что не касается Тварей: через пять раз на двенадцатый.

— Не суть,— отмахнулся испанец.— Поначалу мы с ним переписывались, чтобы просто связь поддерживать, а не так давно от него начали какие-то странные послания приходить. С чего-то вдруг он начал за свою жизнь опасаться.

— За жизнь? — удивленно переспросил Борис.— Во внутренних баронствах? Там вообще все чуть не на ходу спят. Самого слова «преступность» не знают. Им еще разжевывать приходится.

И здесь-то они понятия не имеют, что такое воры и бандиты, а там и вовсе сонное царство.

— Не в курсе я про внутренние баронства.— Продолжил Антонио.— А мне очень не понравилось последнее его письмо. Ему чего-то вдруг аталь начали мерещиться.

— С чего вдруг? — насторожился Семен. Он по-прежнему острее других магов воспринимал необходимость общения с аталь, и все, что касалось этой темы, тут же привлекало его внимание.— Он что-то увидел?

— Не знаю,— пожал плечами Сибейра.— Больше писем от него не было. Я вот подумываю съездить к нему. Если вы, командир, считаете, что на этом выходе я нужнее...

— Ничего подобного,— выставил вперед раскрытую ладонь Семен.— Важнее помощи одному из нас никакой выход быть не может. Езжай туда, а как вернемся — расскажешь, что да как. Только обязательно.

— Конечно,— кивнул испанец.

— Ну что? — Точилинов обвел глазами магов.— Раз всё ясно, мы тогда пойдем, а то время поджимает. Сай говорит, что вельяны каждый день могут начать вылупляться, тогда смысла в походе не будет никакого. Поэтому он и гонит всех.

Он поднялся, за ним встали остальные.

— Удачи, командир,— поднял руку ван Брюккен. За ним нестройным хором попрощались все маги.

— Ну что? — Точилинов хлопнул по плечу Бориса.— Прогуляемся по Территориям?

— А то,— подмигнул тот.— Когда выходим?

— Послезавтра. Два дня на введение тебя в курс дела и экипировку.— Он оглядел Уварова с ног до головы взглядом опытного вольда.— Чего-нибудь обязательно подберем.

Семен всегда любил смотреть, как вольды собираются к выходу, и этот раз не был исключением. Под разными предлогами напрашиваясь в гости, Точилинов с Борисом, им же и подначенным, совали свой нос к каждому. Семена всегда восхищала неимоверная рациональность подготовки вольдов. Территории не прощают небрежности вообще никогда. Плохо пригнанное снаряжение, неудобно подвешенное оружие, натирающая ногу обувь — и лучше даже не соваться. Выход в Территории — это напряжение от первой до последней секунды. И даже если ты идешь по сто раз хоженому безопасному участку, всё равно расслабляться нельзя. Тварям никто не сообщал, где проходят безопасные маршруты

вольдов, поэтому они появляются там, где хотят, совершенно не считаясь с удобством путешественников.

Так в свое время Муритай инструктировал Семена. Теперь пришло его время рассказывать. Точилинов водил Уварова от вольда к вольду, в каждом случае обращая внимание на что-то новое. Необходимость таких визитов была очевидна: маг должен знать, кого и в какой ситуации можно оставить в покое — сам справится, а кому нужна срочная помощь.

Закончилась вводная часть, естественно, на Муритае.

— Привет. Готовишься? — поздоровался Точилинов.

— Нет,— хмыкнул в ответ Муритай.— В комнате убираюсь. Дай, думаю, позапихиваю в мешок что не надо. А вы, Ваше Магичество, уже собрались?

— Как всегда,— доложил Семен.

— Ну, твое «всегда» — это никак,— заметил торк.

Муритай каждый раз перед выходом лично осматривал сложенный Семеном мешок и каждый раз находил в нем кучу недоработок. Правда, перебирать мешок он Точилинова не заставлял, сам все исправлял. Наверное, поэтому Семен так и не научился собираться.

— Чего хотели? — поинтересовался торк, аккуратно притораживая лесной нож к краю рюкзака. Он поднял рюкзак на уровень глаз, приложил к плечу и проверил, легко ли дотягивается рука до ножен. Что-то его, однако, не устроило — пришлось переделывать.

— У Бориса оружия нет,— пожаловался Семен.— Он у нас человек гражданский, а голыми руками идти, сам знаешь...

— Ага, знаю.— Торк оглядел Уварова.— Вы, Ваше Магичество, в чем специализируетесь?

Определенно, шутка Сибейры мгновенно вошла в обиход. Четырех дней не прошло с вечеринки, а уже все вольды по-другому к магам и не обращались.

— Энергетическое воздействие,— сказал Борис.

— Молнии всякие, смерчи там...— пояснил Семен.

— Да что ты,— ухмыльнулся Муритай,— а я думал, про любовь чего.

Он открыл какой-то ящик, поискал и протянул Уварову короткий неширокий меч, нечто среднее между кухонным тесаком и древнеримским гладиусом:

— Возьмите. От мелочи отмахнуться хватит, пока мы не перехватим, а если большого кого к себе подпустите на близкое расстояние, то уж никакой меч не спасет.

— Спасибо.— Борис с сомнением посмотрел на меч, прикидывая, а сможет ли он отмахнуться хотя бы от мелочи.— Я знаю, вы

консультируете Семена, как правильно укладывать мешок перед походом, я хотел бы попросить вас, если это, конечно, не сложно, помочь и мне.

— Консультирую.— Торк исподлобья посмотрел на Точилинова.— И, конечно же, помогу.

Точилинов с улыбкой развел руками:

— Вот видишь, я же говорил, что он согласится.

Муритай со стуком уронил мешок на пол.

Сонные деревья роняли капли прозрачной росы. Капли падали, и казалось, что звук их падения отдается по всему лесу. Вольды шли по утреннему лесу, стелясь по траве, не нарушая покой спящей чащобы. Сколько раз Семен ни выходил с Командой в Территории, а все равно каждый раз восхищался способностью вольдов передвигаться по лесу. Ни один листик не шелохнулся там, где проходила Команда. Ни с одного листика не упала лишняя капля росы. Команда просто протекла между деревьев, оставив за собой только легкий след на примятой траве, который скоро исчезнет. Семен сам себе казался толстым и неуклюжим, хотя его движения все же не нарушали общей гармонии. С Борисом было сложнее, но и он в конечном итоге справлялся. Две Команды шли по Территориям, а где-то далеко впереди ленивые с виду скользкие Твари уже начинали пробуждаться, лелея своих малышей, мирно спящих в своей скорлупе. По расчетам Сая, до вылупления маленьких вельянов оставалось дней пять. Позже выходить было бы уже бессмысленно.

Утреннее зеленоватое солнце Пестика пробивалось сквозь дымку, струящуюся между огромными деревьями, обещая жаркий день. Впрочем, в Территориях все равно, какая снаружи погода. Здесь всегда одинаковый климат. Где-то посуше, где-то повлажнее, но всегда один и тот же. Грохот падающих капель среди абсолютной тишины оглушал.

Шорох. Два шороха. Тихий посвист клинка. В-ж-жить, шлеп. Команда проходит мимо двух кусков чего-то осклизлого, что только что попыталось съесть головной дозор. Или не съесть, а просто отравить, чтобы съел кто-то другой, а потом спокойно переварить этого другого, который отравится съеденным. Тварей много, и понять логику питания каждой из них — задача для фундаментального исследования. Вольдам не до этого.

Семен с Борисом шли в середине строя. Магами вольды рисковать готовы не были. Собственно, строя как такового не было, по лесной тропе впереди шел Кривой Сай с одним бойцом из своей Команды, за ним Семен с Борисом, а сзади их прикрывали Теренс

с Муритаем. Остальные вольды шли в дозорах, головном и хвостовом, и во фланговом охранении. Такой строй у вольдов назывался «куколка» или «лодочка». Откуда у вольдов, которые в жизни ни разу не добирались до моря, отрезанного от Территорий непроходимыми горами и пустынями, взялось название «лодочка», Точилинов так и не понял. Хотя интересовался не раз.

— Мы так и будем молчать всю дорогу? — наклонился Уваров к уху Семена.

— Мы работать пошли, а не болтать,— углом рта прошипел Семен.— У некоторых Тварей уши размером больше, чем мы с тобой вместе взятые. И не для красоты.

— О,— задумался Борис.

Семен получил тычок сзади и заткнулся. Внезапно Сай, который шел первым, остановился как вкопанный. Впереди на тропе стоял вольд из головного дозора. Обе руки с лесными ножами были подняты на уровень головы. «Трезубец», фигура, означающая «внимание, замри». Вольды замерли в позах, в которых их застал сигнал. Несомненно, кто-то из охранения уже двинулся вперед, посмотреть, что происходит. Дозорный скрестил над головой ножи. Один раз... Два. Сзади раздалось недовольное шипение Теренса. Что-то нехорошее ждало их впереди. Сай обернулся, посмотрел на магов и отрицательно пошевелил пальцем. Сейчас обойдемся без магии. Потекли минуты. Впереди вдруг раздался визг. Громкое шипение, хруст — и визг оборвался. «Не дошел кто-то»,— отстраненно подумал Семен. Все стихло. Семену внезапно стало страшно. Ощущение — будто кто-то указывает прямо на него и чьи-то руки тянутся к горлу. Он зажмурился, это единственное, что он мог себе позволить. Пока дозорный стоит в «трезубце», двигаться даже не думай. Семен скосил глаза, пытаясь проникнуть взглядом за стену деревьев. Ничего. Чувство не отпускало. И когда ощущение беды сползло из горла куда-то вниз, а руки затряслись, не желая больше терпеть непонятливую голову, стена высокого кустарника справа от дороги рухнула вся, целиком и сразу, подкошенная чем-то острым.

Визжащая Тварь с длинным бритвенно острым хвостом вылетела из-за упавших деревьев, словно арбалетный болт. Она была быстра, очень быстра, но вольды оказались быстрее. Семен иногда гадал: кто быстрее двигается — вольды или Твари? Четыре вольда правого фланга вылетели из кустов на полсекунды раньше Твари. В руках они сжимали невесть когда выломанные палки. Да, в этих двух Командах не было сработанности, но ни Сай, ни Теренс новичками не были. Да что там, какие новички, обе команды — из лучших во всем Пестике, как успел узнать Семен.

Четыре палки воткнулись в землю перед самым носом Твари, а вольды уже кубарем летели к основному строю. Даже простую палку, воткнутую под сорок пять градусов в землю, просто так не сломаешь. Тварь на долю секунды замешкалась, решая, что делать дальше, а потом неимоверно высоко взвилась в воздух. Но было поздно. Вольды раздались в стороны. Точилинов успел отпрыгнуть сам, Бориса отшвырнули в сторону, как котенка. Еще вися воздухе, Тварь уже огребла по полной. Знаменитый топор Теренса, абсолютно неудобная в лесу огромная франческа, начала чертить полукруг, пересекаясь с летящей вниз Тварью. Та увидела, попыталась извернуться, но не успела. Топор завершил свое путешествие, вылетев из рук глемма. Он был больше не нужен. На раненую Тварь, брызжущую кровью из распоротого живота и подволакивающую ногу, обрушился град ударов. Тварь припала к земле, завершая прыжок, и больше уже не поднималась.

Не теряя ни секунды, Команды обогнули еще шевелящееся тело и двинулись вперед, все так же не произнося ни звука. Борис оглянулся на Семена, глаза у того были огромные от пережитого страха, в каждом плескалось по ведру эмоций. Точилинов покачал головой, нет, не сейчас, жди...

Вольды растворились в лесу.

А через несколько минут на тропу, где только-только затихла бьющаяся в конвульсиях Тварь, выползло нечто бесформенное и мутное. Мелкие Тварюшки, вернувшиеся было обратно после шумной драки, в ужасе бросились врассыпную. Мягкий полог обволок неподвижное тело мертвой Твари и заходил ходуном. Потом всё кончилось. Из полога высунулась ложноножка, другая, третья. Они затряслись, прощупывая землю. Нечто замерло на секунду, а потом неспешно двинулось в сторону, куда ушли обе Команды.

— Мы так всю дорогу будем молчать? — шумно выдохнул Борис, когда Теренс объявил полуденный привал, и Команды попадали на землю в ложбине, поросшей странного вида кустами.

— Ага,— злорадно обрадовался Точилинов.— В Территориях не принято долго болтать. Только на привалах.

— Теперь я понимаю, почему вольды так орут после походов, в таверну не войти. Еще бы, столько молчать, взорваться можно.

Семен развел руками:

— Бывает.

— Его Магичество шутить изволит.— Муритай опустился на землю рядом с магами. За ним стоял Теренс.

Борис подозрительно посмотрел на Семена:

— Правда?

— И да, и нет.— Теренс достал трубку.— На самом деле, хоть и вправду в Территориях лучше вести себя потише, но говорить на выходах совершенно не запрещается. Но не утром, когда все еще спят, и не на нашем маршруте.

— А что с ним не так? — поинтересовался Борис.

— Он короткий,— объяснил Муритай, пока Теренс раскуривал трубку.— Завтра уже будем на месте.

— И что? — не понял Борис.— Так это нам повезло. Некоторые по месяцу отсюда не вылезают.

— Короткий путь в Территориях — не всегда самый быстрый,— пояснил Семен, уже как бывалый вольд.

— Он прав.— Теренс пыхнул раскуренной трубкой.— По-доброму, нам до гнезда идти дней десять. Мы же прём напрямик, пересекая все мыслимые и немыслимые охотничьи угодья. Туда мы еще проскочим, Твари могут и не успеть среагировать, а то и стравим кого-нибудь между собой, если повезет, а вот обратно, если захотим так же вернуться, будут проблемы. Нас уже будут ждать.

— А сейчас нас кто-нибудь пасет, ну, в смысле, мы на чьей-то территории? — спросил Уваров не очень уверенно.

— А как же,— пожал плечами глемм.— Поэтому долго отдыхать не дадим. Ни сейчас, ни ночью.

Теренс свою угрозу выполнил. Когда Команды на следующий день подошли к месту, отмеченному на карте Сая, по идее, все должны были валиться с ног от усталости. И Борис с Семеном в первую очередь. Но не валились. Может, дело было в количестве Тварей, кишащих вокруг?

Про Бориса и говорить нечего, но Семен и сам впервые попал в котел, где кишело столько Тварей. Ему пришло в голову, что Теренс был не так уж и неправ, отказываясь идти на этот выход. Командам везло, та стычка с разрубленной Тварью осталась единственной. Больше никто вольдам на пути не попадался. Теренс кривился, говоря, что, чем легче в начале, тем хуже оборачивается на отходе, но пока никто не жаловался. Судя по лицам вольдов, даже они, бывалые бойцы, чувствовали себя здесь не очень уютно.

Но вот, наконец, Сай обернулся, показывая, что они пришли. Вольды замерли на краю неглубокой котловины. А внизу...

— Мама моя,— прошептал кто-то.— Сколько же их тут?

Все пространство внизу было занято копошащимися Тварями. Они ползали, лежали, что-то делили между собой, ежесекундно затевая драки. Птичий базар где-нибудь на юге. Вот только вмес-

то птиц здесь высиживали потомство двухметровые создания. Они напоминали бы мокриц, если бы у мокриц были зубастые пасти, глаза, щупальца по бокам головы и короткие хвосты, которые в драках были далеко не последним оружием.

— Это и есть твое гнездо? — прошипел Теренс Саю, забывая обо всех правилах приличия. Не годилось так: подчиненные вокруг, но глемму было уже наплевать.— Какое из них?! Ты куда нас привел?! Если нас хоть кто-нибудь заметит...

Замечание было далеко не праздным. Вольды всю свою жизнь имели дело с Тварями, гуляющими поодиночке. На худой конец, парами — как вельяны. Но вид сотен свободно разгуливающих Тварей в одном месте мог вызвать шок даже у бывалых вояк.

— Да-а...— Сай не выглядел расстроенным, скорее прикидывающим варианты.— Как-то действительно много их. Ну да ладно. Нам все не нужны. Вон, с краю есть пара гнезд. Тяганем оттуда — и ноги в руки.

Теренса хватило только на злобное шипение.

— А если они все за нами рванут? — поинтересовался за него Тронд.— То-то они обрадуются, что закуска пришла. А я удивляюсь, и почему это вокруг, кроме нас, нет никого?

Действительно, соседство с таким количеством одних из самых агрессивных Тварей Территорий не вдохновляло никого. Вокруг не было ни души. Все остальные Твари, вне зависимости от силы и размеров, постарались убраться как можно дальше.

— Так что, разворачиваемся и уходим? — ядовито поинтересовался Сай.— Нет? Тогда давайте готовиться, зря, что ли, голову дома ломали?

Как добраться до охраняемых яиц, придумали еще в баронствах. Менять что-либо сейчас смысла не было. Отличие первоначального плана от текущей ситуации заключалось лишь в количестве Тварей. Хотя...

— Мы и планировали, что они не одни будут. Вся разница, что дальше их еще много есть, больше, чем ждали,— убеждал Сай.— Долго здесь сидеть не будем. Прямо сейчас начинаем. Хватаем — и домой.

Теренс задумчиво огляделся. На самом деле Сай был прав. Проводить здесь даже лишнюю минуту было очень рискованно. А домой идти, просто полюбовавшись на толпу вельянов,— глупость несусветная. В конце концов, не каждый ли день они рискуют навсегда остаться в Территориях? Так чем отличается именно этот день?

Если у кого и были возражения на этот счет, они оставили их при себе. А раз так...

— Семен,— повернулся к Точилинову Теренс.— Мы сейчас осмотримся. Прикинем, как лучше убегать будем, и по твоему сигналу начнём. Сидеть нам здесь совсем ни к чему, сам понимаешь. Ты как?

— Как-как? — Семен пожал плечами.— Не за этим ли шли? Скажите, когда готовы будете.

Теренс кивнул, принимая ответ, и повернулся к Саю. Минута на согласование — и две Команды рассыпались вокруг, осматривая местность, пути отхода, укрытия, препятствия и вообще всё, что может помочь или помешать в предстоящем бою.

Учитывая ситуацию, бегали быстро. Всего минут десять ушло у вольдов на то, чтобы быть полностью готовыми к отступлению. Бегству без оглядки, если быть точным. А, как бы ни называлось, теперь переигрывать поздно. Семен за это время чудом не сгрыз ногти до основания, мучаясь ожиданием. Но вот, наконец, все на своих местах. Вольды замерли. Сай осмотрелся, вдохнул поглубже и махнул рукой. Представление началось.

Точилинов не зря так долго выспрашивал, кто является наиболее раздражающим противником для вельянов. Что может сильнее всего разозлить живое существо? Унижение, угроза жизни? Нет,— угроза жизни близкому человеку. А ребенку? Если тебе дадут по морде, что ты сделаешь? А если ударят твоего ребенка? Вот то-то. Развивая дальше подобную логику, Семен едва не почувствовал себя подонком, воюющим с детьми, но вовремя вспомнил, что вельяны — Твари, для которых само понятие «ребенок» недоступно. Пока инстинкт заставлял их высиживать яйца, они их высиживали, но, как только потомство появлялось на свет, оно тут же становилось объектом охоты. Не многие из тех, кто появится на свет в этой котловине, будут смотреть на этот самый свет долго.

На краю котловины, не очень далеко от прячущихся вольдов, появились три огромных силуэта. Сотт-топтун. Тварь, достаточно большая, чтобы победить вельяна. Достаточно хорошо защищенная, чтобы не бояться его клыков и щупалец. И достаточно сообразительная, чтобы уразуметь, где можно найти любимое лакомство. Чем-то они походили на земных слонов, но вместо ушей у них по бокам головы располагались острые наросты — рога не рога, не разберешь. Две пары глаз, сверху и снизу головы, обеспечивали прекрасный обзор. А хобот представлял собой вынесенную на мышечном каркасе пасть, полную зубов-крючьев. При случае сотт мог укусить противника хоть в брюхо. На слоновьих ногах красовались внушительные когти. Что удивительно, при таком вооружении и размерах сотты были на удивление подвижны и смышлёны. В нормальной жизни к такому количеству вельянов ни один сотт и близко не подошел бы.

К сожалению, на другой конец котловины их отправить не удалось, изменение расстояний сыграло со всеми злую шутку — Семен не мог так далеко держать узор. По той же причине вместо действующих моделей пришлось отправлять фантомы. Фантомы Точилинов отправил так далеко, как только мог удержать узор, а про физическую модель и говорить не приходилось. Пятьсот метров — это его потолок. Если бы тут был десяток вельянов, тогда, наверно, можно было бы попытаться: сотт плюс вольды — может, и справились бы. Но с таким количеством нечего было и пробовать.

В котловине на секунду наступила тишина. А потом вельяны ответили.

Оглушительный визг на грани слышимости заставил вольдов схватиться за головы, пытаясь избавиться от дикой боли, разрывающей мозг. Семен чуть не отпустил узор от неожиданности. Вал мокриц качнулся в сторону фантомов, оставляя за собой белесые пятна гнезд.

— Вперед! Вперед! Бегом!!! — Сай не для того срывал с места магов и еще одну Команду, чтобы лишиться всего из-за какого-то визга.— Быстрее, тварьи дети.

Два вольда, Тор и один от Сая, выбранные за быстроту бега, что было сил рванули к ближайшему оставленному гнезду. Остальным приходилось только готовить весь немудреный арсенал да молиться всем богам, чтобы всё прошло так, как задумано.

«Никакой жадности»,— вдалбливали Старшие, инструктируя перед выходом: «подбежали, схватили, сколько смогли за одно движение, и назад».

Вал вельянов подкатился к краю котловины.

Вольды пробежали половину дистанции.

Вельяны, ослепленные ненавистью, начали строить из собственных тел лестницу.

Сотты стояли неподвижно.

Две трети пути.

Лестница из огромных мокриц доросла до края.

Три четверти.

— Не-е-ет!!! — Вопль вырвался одновременно из всех глоток.— Не-е-е-ет!!!

Пять вельянов, шлейфом катившихся за основной группой, боковым зрением заметили движение.

Тор с напарником накрыли мешками ближайшую кладку и замерли, подняв головы. Не уйти. Пять бронированных чудовищ набирали скорость.

— Куда?! Назад! — Семен сначала не понял, кого зовет Теренс, а когда понял, содрогнулся.

Борис, спрыгнув в котловину, бежал, увязая в мягкой земле, на помощь погибающим вольдам. «Все правильно,— промелькнуло в голове у Семена,— те самые пятьсот метров, чтобы одним узором накрыть всех пятерых».

Три смерча столкнулись с мокрицами. И ничего. Вельяны сбились с курса, покружились, наталкиваясь друг на друга, а потом выровнялись и опять начали свое скользящее движение.

— Тор, Гашин! Бегом назад, ...вас... Я сказал...— Сай мгновенно оценил ситуацию. Если Бориса все равно уже не вернуть, то нужно попробовать спасти хоть что-нибудь.

Рев глемма, казалось, перекрыл все звуки котловины. Вельяны услышали. Нижние твари бестолково заметались, выискивая нового противника. Нет, не услышали. Просто те, кто вылез первым, уже добежали до фантомов. Работа Семена кончилась. А внизу бежал навстречу своей смерти Борис. Несчастные пятьсот метров. И ненужные фантомы...

— Мастер! — Такого отчаяния, перемешанного с растерянностью, бегущий по злосчастной котловине Семен еще не слышал.

Шаг, еще, еще. Ну, теперь можно? Можно?

Перед пятеркой несущихся вельянов возник их извечный враг. Сотт-топтун. Не фантом — настоящий. Ну, почти. Огромная, даже больше оригинала, слоноподобная зверюга плохо могла бегать, это требовало от мага отдельного умения, но драться-то она могла по-настоящему. Первый же вельян попал под удар огромной лапы и отлетел в сторону. Остальные закружились вокруг неповоротливого противника. Сколько им отпущено теперь? Минута, две? А сколько бы ни было, теперь бегом. Слава Богу, Борис понял. Три перекошенных лица приближались. Но медленно, как же медленно. Ближе, ближе. Ну!

Семен медленно отступал, сотт, привязанный поводком узора, пятился тоже. Вельяны рвали его на куски. Настоящий бы давно уже свалился, но Семен держал свое творение вопреки всем законам физики и биологии. Осталось сто метров, Точилинов обернулся. А ему сколько до края, откуда свешивались спасительные веревки и виднелись белые от напряжения лица вольдов? Больше. Эк он бегает-то хорошо...

Дружный вопль ужаса раздался сверху. Семен обернулся. Черт!.. Один из вельянов все-таки вспомнил, что они еще кого-то видели. Мгновенное движение — и огромная бронированная капля рванулась к ним. Всё. Семен смотрел прямо на несущуюся Тварь и отчетливо понимал, что выхода больше нет. Отпустить узор? Невозможно. Тогда их станет пять.

— Держись! — Два шлепка раздались рядом. Два вольда спрыгнули с обрыва. Когда это он успел дойти до края?

Зеленоватое солнце Пестика весело пробежалось по двум изогнутым лезвиям топора. Теренс не стал отсиживаться наверху.

— Гарррро! — Рык атакующего Муритая вполне мог соперничать с ревом какой-нибудь Твари.

Ту-дух. Третий. Глухо рычащий сундук начал набирать скорость. Семен улыбнулся, несмотря на всю ситуацию. Конечно, и Сай не будет отсиживаться. Поздно уже.

Тройка, идущая на помощь, поравнялась с убегающими. Гашин и Тор, мгновенно сориентировавшись, сунули Борису два свертка со злополучными яйцами и развернулись обратно. Пятеро против одного вельяна. Хватит?

Матово посверкивающая на солнце капля прибавила еще. Вольды — тоже. Между ними осталось двадцать метров.

Небольшая молния среди ясного неба ударила прямо в хвост вельяна, заставив того остановиться и завертеться на месте. И тут же пятерка вольдов стальными пчелами забарабанила по броне огромной мокрицы. С первой же атакой вельян лишился щупалец, глаз и одной ноги. Ослепшая Тварь завертелась на месте еще быстрее. Теренс, надсаживаясь, свистнул. Всё правильно: они сюда не за победой шли. Бегом назад!

Но вельян не зря был похож на мокрицу. Даже ослепший, он все равно уловил направление движения добычи. Тварь развернулась и бросилась в погоню. Пусть не так быстро, но и у вольдов не оставалось места для маневра. Всё, стена, о которой все так мечтали, вот она. И что с ней делать? Точилинов намотал на руку какую-то веревку.

Рывок! Семен чуть не оставил руку на веревке. Секунда — и он наверху. Тронду с Ольми грузчиками бы работать. А что внизу? Пятерка вольдов расходилась веером, растягивая внимание вельяна и, увы, удаляясь от веревок. А дальше? Семен поднял взгляд — и вздрогнул. На них катилась волна Тварей. Тех самых, которые вкусили уже оставленных фантомов. Еще несколько минут — и всё. Поодаль четверо вельянов добивали упрямо стоящего на ногах сотта. А еще одного хотите? Хоп! Маленький, вполовину меньше предыдущего, соттёнок вцепился в кружащегося на месте вельяна. Вольды бросились к веревкам. Еще одна молния ударила в Тварь. Борис. Он что, еще не поднялся? Оставшиеся наверху вольды схватились за веревки. Муритай, Тор, Гашин.

Визг Твари раздался одновременно с человеческим воплем. Все бросились к краю. Соттёнок не удержал вельяна. Озверевшая Тварь, уже совершено не разбирая где что, замолотила хвостом направо и

налево. Сай тащил попавшего под удар Теренса. Веревка, рывок — и глемм, растирая бок, свесился с обрыва, наблюдая за схваткой. Две фигуры вжались в стенку обрыва перед бешено вертящейся Тварью. Борис прижимал к груди два свертка, он их так и не отдал.

А соттёнок никуда не делся. Доковыляв до вельяна (с движением у него были такие же проблемы, как и у «старшего брата»), тварёнок опять вцепился в мокрицу. Одним неуловимым движением, изогнувшись, вельян сбросил его прямо в стену обрыва.

Раздавшийся «хек» и одновременный с ним вопль Сая «Не-е-е-ет!» толковались однозначно. Семен свесился с края. Полупридавленный Борис размазывал что-то по груди, хватая воздух широко открытым ртом. Соттенок выкарабкивался из вмятины в стене, Борис хрипел, Сай прыгал вокруг. Выражение его лица с трудом поддавалось описанию. Наконец, творение Семена твердо встало на ноги и опять бросилось на врага. На сей раз вцепиться получилось. Кошмарная парочка закружилась в безумном танце, а Сай, схватив Бориса, ухватился за веревку. В восемь рук их выдернули наверх.

Вовремя. Вал вельянов, бросивших атаковать бесполезных фантомов, хлестнул по стене котловины, где только что стояли вольды. Соттёнка просто размазали по земле. Треск, писк и шуршание сообщили о том, что твари опять начали строить свою адскую лестницу.

— Бегом! — взял на себя командование Теренс. Больше командовать было некому — на Сая было больно смотреть.

Двое вольдов подхватили шатающегося Бориса под руки, времени на что-либо другое просто не осталось, и две Команды изо всех сил припустили по лесу, призывая все силы небесные хоть немного задержать хитиновое цунами, захлестывающее берег.

Впереди была неделя пути домой.

Глава 5

Над всеми участниками неудачного похода вот уже третий день висела депрессия. Вернулись все, потерь не было, серьезных ранений — тоже, но настроение у двух Команд было хуже некуда. Все всё понимали, никто никого не винил, но избавиться от чувства, что все они сотворили огромную глупость, не получалось.

Точилинов как раз собирался выйти из дома, попытаться хоть как-то развеяться, когда в дверь его комнаты постучали.

— Войдите.— Семен даже обрадовался возможности скрасить серый день.

Как оказалось, радовался он рано.

— День добрый, Ваше Магичество.— Несмотря на игривое обращение, выражение лица дона Антонио веселым назвать было трудно. Хотя приличия он постарался соблюсти.— Как прошел выход?

— Хреново.— Семен нахмурился. Лицо испанца полностью соответствовало его настроению.— Борис по яйцам получил.

— Ох ты,— скривился Сибейра.— Больно?

— Грудь поболела недельку, а так ничего.

— Грудь? — неуверенно переспросил Антонио. Он приложил руку к своей груди, посмотрел на нее, потом перевел взгляд ниже.

— По вельяновским,— терпеливо пояснил Семен.— Ты не забыл, зачем мы ходили?

— Да как-то не отложилось,— честно признался испанец.— Не до того было. А потом так и осталось.

— Что случилось? — спросил Семен, потянувшись за курткой.

— Пшзецкий умер,— ровно ответил Сибейра.

— Как?! — Точилинов так и замер с вытянутой рукой.

— Утонул.

— Как? — повторил Семен.

— Я не знаю.— Голос Антонио не выражал ничего.— Когда я приехал, мне только показали его могилу. Вытащили его из озера местные вольды. Они же и похоронили. Убивались сильно, он им нравился.

— А что он в озере делал? Купался?

— Может быть.— Антонио пожал плечами.— Они сказали, он был голый, одежда лежала на берегу.

— Да-а,— протянул Семен.— Дела. А он умел плавать?

— Умел,— односложно ответил испанец.

— Да что ты как в армии рапортуешь? «Так точно, никак нет, умел, купался, не могу знать»,— взвился Семен.

И вдруг замолчал, приглядевшись к Сибейре.

— Это не всё?

— Не всё,— кивнул Сибейра, сохраняя тот же телеграфный стиль. Он помолчал немного.— Пока тебя не было, пришло еще два таких же письма.

— От кого? — настороженно поинтересовался Точилинов.

— Франсуа Дюпен, тот самый, который в Экскоре нам систему оповещения ставил.

— Эта которая нас всех тогда разбудила?

— Именно,— подтвердил Антонио.— Это раз. А второе от Демудеса.

— А у Изи не очередной приступ паранойи? — подозрительно поинтересовался Семен.

Иезекийя Демудес слыл отъявленным неврастеником и ипохондриком. Никто вообще не понимал, как он оказался в погонах. Особых магических талантов за ним не водилось, так, на троечку, а несоответствие армейской службе, пусть и такой суррогатной, как у них, из него лезло как сбегающее молоко из кастрюли. Демудес олицетворял тип людей, с которыми общаться можно было только одним способом — молча выслушивать его бесконечные жалобы. Мужику лет тридцать... Семен с ужасом представлял, что с ним будет к пятидесяти. Единственным, кто неизменно находил с ним общий язык, был Сибейра.

— Изя, конечно, параноик и шизофреник,— согласился испанец,— и я бы тоже вместе с тобой с удовольствием посмеялся.— Он сделал паузу.— Но были Штефан и Франсуа.

— Был только Штефан,— агрессивно перебил его Точилинов, он очень не любил никого хоронить заранее.— Изя с Дюпеном всё еще есть. И останутся, я надеюсь. Ты хочешь к ним съездить?

— Я хочу, чтобы мы к ним съездили,— выделил голосом «мы» Антонио.

— Вдвоем?

— По одному,— пояснил Сибейра.— Тональность у обоих писем такая же, что и у Штефана в начале. До его смерти прошел с того момента месяц. Так что, я думаю, мы еще успеваем, но — впритык.

Точилинов задумался. Шли минуты, испанец терпеливо ждал. Наконец Семен повернулся к нему:

— Ты думаешь, им точно так же угрожает опасность?

Антонио Сибейра подошел вплотную к Точилинову, заглянул в глаза и тихо, но очень уверенно произнес:

— Штефан мог не рассчитать силы, Демудесу могло что-то присниться, а Франсуа действительно может жить в неблагополучном месте, он все-таки далеко забрался.— Он еще больше приблизил свое лицо к лицу Точилинова.— Но я читал все эти письма сам. Они дышат одним и тем же страхом. Я думаю, что кто-то начал охоту на нас. И чем быстрее мы поймем кто, тем будет лучше для всех нас.

— Я собираюсь,— выдохнул Семен.

Глава 6

— Франсуа, открывай. Медведь пришел.— Семен улыбнулся и постучал в дверь дома, где, как им показали, жил Франсуа Дюпен. Кстати, по дороге они не увидели ни одного маячка, показывающего, что здесь живет специалист по раннему обнаружению. То ли Франсуа резко рванул в развитии, и его сигнализацию уже не разглядишь просто так, то ли вообще не озаботился охраной. Окрестные вольды сказали, что его уже с неделю не видно и не слышно. Может, его вообще дома нет? Тогда что означало то послание, переданное Сибейре? Два дня они летели бегом-бегом, и на тебе — свалил куда-то... Ну хоть кто-нибудь дома-то есть?

— Открывай, жертва угроз!

С веселой злостью Семен пнул дверь. И схватился за ногу. Как по камню саданул. Дверь отозвалась еле слышным глухим звуком. Так стена каменная должна отзываться, а не дверь.

— Да что такое? — Точилинов взялся за ручку и тут же отдернул руку. Ручка обжигала холодом, разве что инея не было. Он развернулся назад.— Ты понимаешь хоть что-нибудь?

Муритай неопределенно пожал плечами:

— Не очень. Может, в окно? — И неслышной походкой двинулся вдоль стены.

Земные маги по-разному вписывались в Пестик. Кто, как и Точилинов, влился в вольдовские Команды. Это, как правило, были боевые маги. Они с огромным удовольствием применяли свои возросшие способности на благо соратников. Кто (чаще представители мирных профессий — фортификаторы, медики) осел в баронствах и довольно быстро стал уважаемым специалистом, значимой фигурой, обзавелся семьей или просто подругой, начал строить заново свой мир. А кто-то просто-напросто начал прожигать жизнь, стараясь взять от нее всё, что можно, благо можно оказалось много. Заработать денег маг может особо не напрягаясь, а уж потратить их в любом обитаемом мире проблемой не являлось. Выпивка, девочки и тому подобные земные радости всегда в разгульных баронствах были под рукой. Этим, кстати, не брезговали вообще все земные маги. Тот же Сибейра, по слухам, принялся организовывать гарем. А что? Красота женщин аталь давным-давно вошла во все поговорки, а уж горячему южному кабальеро пройти мимо такого соблазна ну совсем никак... Так что жизнь кипела во-

всю, и то, что кипела она в совершенно непривычной оболочке, ровным счетом ничего не меняло.

Франсуа, судя по всему, являл собой типичного представителя приверженцев аскезы, появляющихся в любом обществе. Он и еще пара магов совершенно ушли из общества, выбрав для жизни самые удаленные от суеты места. Семен полагал, что тут больше играют роль черты характера, до поры, за неимением возможности для самореализации, скрывавшиеся внутри. А с попаданием в Пестик, где способности каждого получили совершенно сказочные перспективы, все скрытые пристрастия расцвели.

Дюпену явно была в тягость социальная жизнь. Это ж надо забраться в такую глушь. Вообще, удивительно, что здесь поблизости хоть кто-то есть. Да что он там, заснул, что ли? И к чему весь этот холод посреди лета? Треск дерева прозвучал неожиданно громко посреди окружающей тишины. Что-то там торк сломал.

— Мастер, идите сюда.— Это обращение Муритай, как он заявлял, присвоил Семену лично (а вовсе не скопировал идею Кривого Сая, вот) и по-другому его называл очень редко. Мотивировал он все очень просто. А как еще можно обращаться к уникальному специалисту, в чьих руках зачастую оказываются жизни всей команды? С его подачи и все остальные начали обращаться к нему именно так.

— Лучше бы вы сами на это посмотрели.

Семен напрягся. Такие нотки в голосе Муритая появлялись только на боевых выходах. Когда он говорит что-то, а сам уже готов к прыжку и глазами по сторонам водит, ищет, где противник.

— Что там? — понизив голос, поинтересовался Семен, подходя к окну, от которого Муритай только что отодрал ставню.

— Смотрите,— подвинулся торк.

Точилинов заглянул в окно, приблизив лицо к мутноватому стеклу, и отпрянул. Это оказалось не стекло. Весь дом внутри представлял собой один большой кусок льда.

— Что это? — непонимающе повернулся к Муритаю Семен.

— Это у вас надо спросить, Мастер.— Муритай уже развернулся и осматривал окрестности. Повернуться он и не подумал.

При всей уважительной форме, с которой Муритай титуловал Точилинова, преклонением и раболепством тут и не пахло. Это была своего рода игра. Огромный торк почтительно обращается к уважаемому магу, но в любой момент готов отмочить какую-нибудь шутку или отпустить язвительное замечание. Семен отвечал тем же, но при всем при этом такие отношения никогда не мешали им оставаться друзьями. Всех всё устраивало.

— Так, вроде всё на месте.— Семен вгляделся в лед. В доме смутно просматривались все детали интерьера. Вот шкаф, вот кресло, вот стол. Вот... Стоп, а это что такое? Посреди комнаты замерло пятно, напоминающее раскинувшего руки человека.

— Похоже, мы опоздали, Мастер.— Торку с его ростом не составило труда, не мешая Семену, заглянуть в комнату.— Это он и есть. Не повезло.

— Как это? — непонимающе спросил воздух Семен.— Это кто же такое сотворил?

— Маги,— коротко и емко удовлетворил его любопытство Муритай.

— Спасибо,— скривился Точилинов,— а я уж думал, он с холодильником не справился.

— С чем? — не понял Муритай, в Пестике проблема хранения продуктов решалось просто — магически.

— Неважно,— отмахнулся Точилинов.— Не может этого быть.

— Да? — выгнул бровь Муритай и демонстративно постучал по льду.

— Да ничего ты не понимаешь,— разозлился Семен.— Это кто-то из наших сделал. Не потянет такой узор заезжий халь. Как тебе еще объяснить? По той же самой причине, по которой в Пестике маги только люди. Если бы кто из аталь, например, такое учудил, здесь была бы дырка, за день не обойти. Ты прикинь, какой силы узор-то нужен, чтобы вот так, в одну секунду залить водой и заморозить всё внутренности дома, не тронув ничего вокруг, даже стены. Это наши. Черт, да как же это? Я не верю.

— И правильно делаете.— Муритай резко подобрался и потянул из ножен свой меч, с которым не расставался, наверное, даже лежа в постели с женщиной. Хоть люди и принесли в обитаемый Клевер огнестрельное оружие, но в Пестике оно пока не прижилось. А, учитывая последние события в Зелёном Лепестке, то, судя по всему, и не приживется.— Правильно делаете, что не верите, и не надо так плохо о своих думать. Эк вы легко их продали-то.

— А что еще прикажешь думать? — сварливо поинтересовался Точилинов, задетый за живое. И удивился: — Чего ты?

Торк одним движением задвинул Семена за выступающий угол, а сам пружинящим лесным шагом, держа меч наперевес, двинулся к опушке леса, обрамляющего дом с трех сторон.

— Магиприпас,— коротко бросил он через плечо.— Это не узор, это магиприпас. А магиприпас означает в нашей ситуации только одно — бойцы.

Он присел возле кустов на самом краю леса, приложил ладонь к земле, потом поднял ее к лицу, зачем-то дунул на нее и огляделся. Сломал пару веток, подбросил их в воздух, внимательно проналюдал за их падением. Понюхал кору ближайшего дерева и повернулся к Семену, завороженно наблюдавшему за этим камланием.

— Аталь,— сообщил он.— Воины-листья. Похоже, боевая пятерка. Желтые Стрелки, не меньше. И опоздали мы ненамного. Несколько часов всего прошло.

Семен оцепенел. Страшные предположения Сибейры начали сбываться.

Торк тем временем внимательно осмотрелся, прислушался — и решительно двинулся по дороге, которой они только что пришли, сдернув Семена с места и потащив его за собой.

— Не стоит здесь задерживаться. Если они умные, а они, похоже, умные, то они оставили контрольки. Можем нарваться на неприятные сюрпризы.

— Стой,— уперся Семен.— Никуда я не пойду. Надо сначала здесь разобраться.

— Не с чем разбираться.— Муритай и не заметил попытки Точилинова остановиться, как шел, так и продолжал идти, таща за собой Семена. Еще бы, с такой-то массой.— Всё, что можно было увидеть, мы увидели. Стандартный магиприпас — закрытый в оболочку узор. Тронда поспрашивайте, он вам все подробно расскажет. Ничего особенного, а вот если они за нами вернутся, то тут еще один кубик появится. С двумя жуками внутри.

— Да что мы, вдвоем не справимся с какими-то бойцами? — затрепыхался Семен, безуспешно пытаясь вырваться из железной хватки.— Я маг или кто?

Муритай остановился и совершенно непочтительно повернул Семена лицом к домику.

— Вам, Ваше Магичество, от самоуверенности лечиться надо.— Он ткнул пальцем в то, во что превратился дом Дюпена.— Там тоже маг был. Ага? Ты и понять ничего не успеешь: прилетит в лоб колбочка — и до свидания. Не с кем даже поединок устроить. А в то, что аталь попадут тебе в лоб со ста шагов, я думаю, ты веришь. Как и в то, что в рукопашной против Листьев я стою двоих, ну троих, но никак не пятерых, а ты не стоишь вообще ничего.

В острые моменты с Муритая слетала его псевдовежливая дурашливость и доводы его начинали звучать очень убедительно. Точилинов вспыхнул было, но Муритай и не подумал выслушивать ответ, он просто двинулся дальше.

— Куда мы теперь? — поинтересовался Семен, когда они отошли на достаточное расстояние, чтобы Муритай перестал ежесекундно осматриваться.

— Я бы предпочел оказаться в Команде как можно быстрее.— К торку постепенно возвращалась его всегдашняя ироничная манера общения.— Рассказать все Теренсу, пусть у него голова болит о ваших проблемах. Я, что мог, сделал.

— И что это ты сделал? — удивился Семен.

— Утащил вас, Мастер, оттуда.— Муритай показал пальцем назад.— По мне так это вовсе и неплохо.

— А вот теперь меня послушай,— решил показать зубы и Семен.— Теренс — это хорошо, но прежде надо появиться у местного барона, узнать, что происходило. Не может же боевая пятерка аталь из Зеленого Лепестка — я правильно понимаю, что кроме как оттуда они появиться не могли? — Торк кивнул.— Так вот, не могли они просто так пройти по баронствам мимо всех вольдов — и чтобы никто ничего не заметил.

— Почему же не могли? — пробормотал Муритай.— Очень даже могли.

— Точно? — с нажимом спросил Точилинов.

— Ну хорошо, хорошо,— сдался торк.— Вряд ли. Скорее всего, кто-нибудь что-нибудь да заметил. И что это нам даст? Ну выясним, что вчера-позавчера кто-то заметил странных аталь. И что? Гоняться за ними? Вот, мол, мы вам сейчас зададим...

— А ничего,— улыбнулся Точилинов.— Просто если Такатаку рассказать про всё это, то в будущем, если кто-нибудь из его ребят что-то подобное увидит, нам это может сильно помочь. Нет?

— Ну, это аргумент,— соглашаясь, протянул торк.

— Именно. Просто головой надо думать. Иногда.

Муритай ухмыльнулся. Такие шутливые стычки стали уже обыкновенным делом. Муритай постоянно подшучивал над Точилиновым на предмет излишней учености в ущерб боевой подготовке, а тот, в свою очередь, не забывал регулярно, когда получалось, указывать торку на превосходство интеллекта над грубой силой. Никто не обижался, поскольку и Семен постепенно выходил на уровень серьезного бойца (с такими-то учителями — Теренс абы кого в Команду не брал), и Муритай при всей своей внешности громилы был кем угодно, только не тупой машиной для убийства. Семен сам иногда поражался, открывая по одному многочисленные сильные стороны своего нового друга. В Пестике вообще не принято было распространяться о своем прошлом, а расспрашивать так и вовсе считалось дурным тоном. Но Точилинов полагал, что

Муритай был вовсе не таким веселым ухарем-самородком с некоторыми задатками, каким выставлялся. Впрочем, это его дело.

Так что замечание насчет барона Такатака, в чьих владениях устроили свою базу вольды Теренса, торк воспринял адекватно.

— Пошли.— Решения у вольдов принимались быстро, жизнь научила. Муритай развернулся и решительно зашагал в сторону, не обращая внимания на окружающий лес. И правда, что для вольда какой-то там бурелом?

Семен вздохнул и поплелся за ним. Ходить по лесу и делать вид, что это наезженная дорога, он уже почти умел, но вот получать от этого удовольствие так и не научился.

Глава 7

— Ходу, ходу, ходу! Быстрее, сотт беременный! — Рык Муритая мог испугать кого угодно. Семена подбросило и понесло быстрее, хотя только что он не мог себе представить, как это возможно.

— Бегу, да бегу я.— Дыхания не хватало. Этот бег, казалось, не кончится никогда.

— Дыхание береги.— Раздался над ухом еще один рык.— Нажми. Немного осталось.

Длительный бег Семен ненавидел всю свою жизнь. Что угодно — тяжести, полоса препятствий, рукопашная, наконец,— но только не бег. Особенно же — на длинные дистанции. Нет, бегать он умел и при необходимости мог выдержать не один марш-бросок, но любить — увольте. Он всегда считал себя спринтером, а не стайером, но Господь Бог всегда хочет, чтобы мы стали лучше, чем мы есть, поэтому для смирения гордыни заставляет нас делать именно то, чего всегда хочется избежать. Знал бы Сёма Точилинов, что в армии придется столько бегать — по необходимости и без,— никогда бы военным не стал. А после разгрома Экскора и попадания в Пестик бегать ему приходилось постоянно. И каждый раз это было нужно для спасения жизни. Своей ли, чужой — неважно. Вот и сейчас...

Однако у любой монеты две стороны, и визит к местному барону с непроизносимым именем Люильбарандин оказался очень продуктивным. Во всех смыслах.

Вольды и вправду заметили Листьев. Да те не очень и прятались. Но значения появлению пятерки воинов аталь никто не придал. Действительно, ну ходят вместе пять аталь. И что? Никому по Пестику ходить не запрещено. Пять их там или сто, какая разница? И что, что только аталь? Нравится им.

Люильбарандин не то чтобы оказался вредным или, скажем, магов с вольдами не любил, нет. Ему просто по фиг все было. Его не трогают — и ладно. А на возмущения Семена, что мага убили, он просто плечами пожал. Дюпона, конечно, было жалко — как живое существо, но как мага или подданного — нет. Франсуа жил себе и жил. Никуда не выходил, ничего полезного не делал. Есть в баронстве маг, нету его — Люильбарандин и не чувствовал. А что убили?.. Ну плохо, ну — поймаем, накажем. Чего вы от меня-то хотите?

Толку от общения с бароном не было никакого, и Муритай чуть не силой утащил кипящего Семена, вежливо раскланявшись за его спиной: все-таки неправильно уходить с руганью. Люильбарандин только губы скривил.

Общение с гертадинами, местным аналогом милиции, дало значительно больше. Им по должности положено видеть больше, они и видели. Невысокий изящный начальник гертадинов, гертадон, внимательно выслушал успокоившегося к тому времени Точилинова. Увидев, что разговор придется вести с аталь, Семен было занервничал, но Муритай отмел всякие ксенофобные размышления на корню. Он вообще не понимал, чего Семен боится. А Точилинов до сих пор не мог избавиться от нервной дрожи при виде аталь. Даже в Команде он очень осторожно общался с Ольми и Сонди, двумя представителями аталь, хотя таких душек, как они, и среди людей еще поискать. Муритай на этот вздор только фыркнул. Подумаешь, и что с того, что люди с аталь заварушку устроили? Торки, вон, регулярно с кем-то задираются. Да и у глеммов не всё ладно с внешним миром. Что теперь, не разговаривать ни с кем? Да еще и в Пестике. Бред.

Семен вздохнул — и послушно побрел к гертадону. А тот и вправду оказался абсолютно нормальным.

— Пять аталь. Теперь, после вашего рассказа, я понимаю, что это были воины-листья. А так мы просто отметили, что пришли новички. У нас тут тихо, знаете ли. Захолустье. В следующий раз будем внимательнее. Хотя, если честно, вряд ли мы сможем что-либо сделать. По баронству ходить не запрещено, а сейчас они, скорее всего, уже далеко.

Вообще, разговор получился более чем содержательный. Несмотря на постоянные упоминания о захолустье и удаленности от

бурно кипящих приграничных районов, компетентность гертадона поражала. Описание всей пятерки было настолько полным, что Семен с Муритаем, пожалуй, смогли бы опознать всех пятерых, даже просто увидев их на улице. Перемещения, произношение, вооружение, места ночевок — гертадон знал всё. Но все же одну неточность он допустил...

— Нажми, немного осталось.

Муритай, кажется, из железа сделан. Пробежать такой кросс, и даже дыхание не сбить. Точилинов двигался уже практически на последнем издыхании, но все же нашел силы пожаловаться.

— «Далеко отсюда, далеко отсюда»,— скопировал он, насколько смог, интонации гертадона,— знал бы...

— То что? — поинтересовался бегущий рядом торк.— Пошел бы на них войной?

Сверкающая полоса стали прочертила перед носом у Семена свистящий круг, и вокруг что-то со звоном посыпалось на землю. Аталь были хороши, очень хороши, но не им тягаться с вольдом, привычным к молниеносным прыжкам тварей, часть из которых Семен даже углядеть не успевал, прежде чем их разрубали на части.

— Замри! Щит! — проорал торк, появляясь то спереди, то сзади, то справа, то слева. Он танцевал какой-то безумный танец, Семен не успевал даже голову поворачивать, чтобы держать его в поле зрения. Три шага против часовой стрелки вокруг Точилинова. Казалось, Муритай топчется на месте, но он каким-то непостижимым образом все время оказывался вокруг и все отбивал и отбивал летящую в Семена смерть.

Шаг левой вперед — меч отбивает летящую стрелу справа. Шаг правой назад, в обход Семена, Муритай оказывается лицом к нему — меч, пролетая за спиной торка, отшвыривает в сторону какую-то колбочку (не ту ли, про которую говорили?). Опять шаг левой, ему за спину — звон стали о сталь.

Листья никуда не девались, и не думали. Муритай оказался прав. То ли те самые «контрольки» сработали, то ли аталь с самого начала планировали дождаться того, кто придет на помощь, но на засаду Семен и Муритай нарвались практически сразу, как только вышли из города. Участок лесной дороги, выбранный атакующими, подходил для внезапного нападения как нельзя лучше. Семен бы там и остался, даже не увидев своей смерти, но аталь не учли Муритая.

— Щит, твою мать! — Надо же, как быстро перенимаются чужие ругательства.— Не удержим!

Семен соображал долго, по вольдовским меркам — вечность. Целых три секунды потребовалось ему, чтобы разобраться в происходящем, но уж потом Его Магичество Мастер Ацекато, как в шутку они с Муритаем его называли, оторвался в полную силу. Воздушный щит, любимый еще с Земли и чуть ли не единственный в его арсенале оборонительный узор, в свое время перенятый у Бориса, Семен дополнил и развил в соответствии со своими новыми способностями и потребностями.

Упала тишина. Невидимая стена отгородила вольдов от внешнего мира, за которым бесновалась метательная смерть. Торк, разобрав, что можно больше не напрягаться, остановился и внимательно осмотрелся. Несколько стрел и ножей стукнулись о воздушную стену и бессильно отлетели. Вообще-то, в классическом исполнении самих аталь, да и глеммов с торками, воздушный щит всего лишь замедляет полет объекта, лишая его скорости. Действует он как обыкновенный ветер, сила которого напрямую зависит от способностей мага. Но русскому человеку только дай неограниченный ресурс и свободное время... Модернизированный щит не только останавливал объект — в момент соприкосновения узор точечно включал усиление сопротивления поверхности — и объект отлетал обратно. Единственное, чего Семен так и не смог добиться, хотя оч-чень хотел, так это чтобы прилетевшее отправлялось именно в ту точку, откуда пришло, и с таким же усилием. Ну не энергетик он. А поучиться было не у кого. Магов в Пестике — раз, два и обчелся, а за его пределами любой маг, халь то есть, первым делом Семена постарается угробить, а уж никак не научить. Хотя это, может, и к лучшему — земные маги оказались полностью свободными от стереотипов, накопленных халь веками и веками магической практики. Они не знали, что можно делать, а чего нельзя.

В общем, Муритай понаблюдал немного за тем, как от щита отскакивают разные острые предметы, а потом повернулся к Семену:

— Уф, я уж думал — конец. Ничего, немного отдохнем, а потом будем думать, как отсюда выбираться, не сидеть же здесь вечно.

— Надо как-то оповестить, что ли,— почесал мочку уха Семен.

— Кого оповестить? — поинтересовался торк.— Люильбарандина? Чтобы его ребят тут же и положили? И как ты собираешься это сделать?

— Э-э, не знаю,— честно признался Точилинов.

— Не продумано это у вас,— попенял Муритай.

— У нас, в смысле,— поправил его Семен.— Ты что-то тоже не фонтанируешь идеями.

— Идея одна,— нахмурился торк.— Бежать отсюда как можно быстрее. Вот только с этой полянки нам не вырваться, они не зря ее облюбовали — все простреливается. Как только нос из-за щита высунем — нашпигуют стрелами.

— Вырваться? Не нашпигуют,— невпопад прищурился Семен.— Готовься бегать, вольд.

— А чего?..

Вопрос остался без ответа. Семен зажмурился и закрыл лицо руками. Вообще-то можно было обойтись и без этого фокусничанья, но ему так было легче. Все-таки хоть что-то показывает, что ты творишь узор. А то как-то неинтересно. Бац — и всё появилось само собой...

Когда он отнял руки, перед щитом сидели три небольших существа, напоминающие земных обезьян.

— Готов? — Семен повернулся к торку: — Сейчас будем быстро бегать.

— Это чего? — поинтересовался Муритай.— Что они будут делать? Внимание отвлекать?

— Немного,— улыбнулся Точилинов.

Одна из «обезьян» открыла пасть, продемонстрировав внушительный набор клыков, другая растопырила пятерню с пальцами, заканчивающимися острыми даже на вид когтями. Семен протянул руку:

— Фас! — и еле успел перехватить рванувшегося вперед Муритая: — Стоп, это не тебе. Подожди немного.

«Обезьяны» преодолели открытое пространство практически в два прыжка, но, как ни быстры они были, по три стрелы все же воткнулись в каждую. Голова, грудь, спина.

— Ай, молодцы! — слегка разочарованно восхитился Муритай.

— Тихо,— напрягся Семен.— Ничего страшного, там умирать-то нечему, ничего они им не сделают.

Три звенящих крика раздались в тишине. Щит гасит почти все звуки, так что Семен мог только представить, как громко орали его творения. Муритай, судя по лицу, тоже.

— Ребята будут очень расстроены,— ухмыльнулся он.

— Они еще больше будут расстроены вместе с нами, когда выяснится, что ничего мои зверушки сделать им не могут,— добавил ясности в происходящее Семен.

— Да? — удивился торк.— А чего ж мы сидим?

И они побежали. Нет, сначала Семен снял свой щит, который перемещать он так и не научился, поставил другой, поплоше, а потом они побежали.

Зверушки дали им фору: немного, от силы полчаса,— пока разъяренные аталь не расправились с магическими творениями. Семен даже удивился, что удалось выиграть так много. Он надеялся только выскочить с полянки, где их заперли, но, похоже, мастерство его заметно выросло. Бег длился уже около часа. Щит периодически принимал на себя какие-то несильные удары. Воины-листья все же не из дерева сделаны, тоже уставать могут, но и отставать они не собирались.

— Слушай,— дыхания оставалось совсем чуть-чуть, но Семен уже потихоньку подходил к состоянию, в котором все равно: убьют так убьют,— а куда мы бежим? Докуда немного осталось?

— Дыхание, я сказал, береги.— Муритай не переставал вертеть головой по сторонам.— Еще придется драться, ничего не кончилось.

«Да что ты? А я уж думал всё, приехали»,— фыркнул про себя Семен. И пожалел: даже такой смех сбивал дыхание.

— Когда сюда шли, я тут недалеко стоянку одного моего знакомого видел. Команда на отдыхе. Чего их сюда занесло, не знаю, но видел. Нам-то безразлично... О, вон они.

Торк наддал. Впереди виднелась группа каких-то кустиков посреди поля — и всё. Где Муритай увидел своего приятеля, Семен не мог и предположить, но торк уверенно пер вперед, и Точилинову оставалось лишь стараться успеть за ним. Он обернулся на бегу. Три тонких фигуры стелились над землей где-то на горизонте. Не догоняли, но и не отставали. «А почему только три?» — мелькнуло в голове у Семена, но додумать он не успел, Муритай вломился в кусты с совершенно неразборчивым воплем.

«Станорисаделасиратона»,— по крайней мере, Точилинов услышал именно так. Что это означало, естественно, он не понял, зато поняли те, к кому торк, собственно, обращался. Семена на ходу схватили железные клещи, свалили на землю и потащили по царапающей земле, сменившейся колючими ветками. Щит он, естественно, не удержал. Попытался дернуться — куда там. Он уже приготовился бить всем своим магическим арсеналом, но тут над ним склонилось знакомое лицо:

— Тихо, сиди тут, ничего не делай. С магией тут непонятно, можешь и нас зацепить. На вот, держи, на всякий случай. Но не вздумай вмешиваться, мы пошли.— Муритай выдал короткую инструкцию и пропал где-то среди веток неожиданно густого кустарника.

Железные клещи исчезли, Семен смог, наконец, оглядеться. И ничего не увидел. Резкая дробь где-то у него над головой заста-

вила его пригнуться. На уровне земли он вдруг заметил какую-то полоску света. Наклонившись, он обнаружил, что на самом деле внутри кустов сооружено нечто вроде деревянных щитов, прикрывающих его от стрел. Но через обнаруженную щель, можно было видеть, что происходит на поле. Дробь над головой не прекращалась, но теперь Семен уже знал, что это такое. Листья на ходу выхватили луки и теперь вели непрерывный огонь по укрытию, где спряталась добыча. Руки их только мелькали, доставая стрелы одну за другой. Стук над головой походил на град. Семену оставалось только ежиться, представляя, что бы с ним было бы, попади он под эту раздачу.

Аталь приближались к кустам, остававшимся недвижимыми. Судя по их поведению, именно этого они и ожидали. Но не они одни умели охотиться.

Недалеко от Семена в кустах раздалось шуршание — и навстречу аталь полетели такие же стрелы. Одновременно с этим шесть фигур, рассыпавшись по полю, неясными тенями заскользили наперехват. Семен наблюдал, завороженно открыв рот. В Территориях, преимущественно покрытых лесом, за деревьями невозможно увидеть вот так, во всей красе, атаку Команды, а здесь, в поле, картина открывалась великолепная. Движения вольдов нисколько не уступали движениям аталь. Двигаясь на встречных курсах, противники сблизились практически мгновенно. Листья попытались перенести огонь на новых врагов, но не успели. Да и оставшиеся в укрытии лучники вольдов времени зря не теряли — аталь приходилось не только переосмысливать ситуацию, но еще и уворачиваться от стрел. Шесть на три. Карусель боя вспыхнула в один момент, продлилась несколько минут — и остановилась так же, как и началась,— мгновенно. Только что девять бойцов кружились в смертоносном танце, высекая искры из оружия,— и всё. Муритай не хвастался, говоря, что стоит двоих или троих в рукопашной. В боевых искусствах расы Клевера различались чётко: аталь — стрелки, соревноваться с которыми и думать нечего. Глеммам не было равных в боевых построениях. Остановить хорд глеммов — это задача из задач. А за торками заслуженно оставалась слава рукопашников. Вечно враждующие со всем миром воины ценили личную доблесть превыше всего. У аталь на мечах практически не было шансов и при равном-то соотношении сил (это еще надо учесть, что постоянная боевая практика вольдов позволяла им приблизиться к уровню подготовки Желтых Стрелков). А при таком перевесе...

Шестеро вольдов проверили лежащих на земле аталь и помахали руками, показывая, что бой закончен. Во всяком случае, этот бой.

Глава 8

— Да уж, заварили вы кашу,— Теренс озадаченно откинулся на спинку своего монументального кресла. Глеммы, как уже упоминалось, вообще любили все массивное, величественное и надежное. Такое, что не получится сломать, как ни старайся. Теренс исключением не был. Его огромное кресло, несоразмерное с невысокой фигурой, как-то успокаивало. Придавало уверенности. Он и смотрелся в нем абсолютно органично. Впрочем, он везде смотрелся органично: Старший Команды, что тут скажешь.

— Двое ещё где-то ходят,— заметил Муритай, закончивший повествование. Семен пока помалкивал, время его комментариев придет позже.

— Ушли они, скорее всего. Листья в пятерках работают. Иногда — в тройках. А по двое они рисковать не станут. Тем более, в таком случае, как ваш. Ушли домой, потом вернутся. Да-а, давно у нас не было представлений типа «вольды против армии»,— Теренс пожевал губами, потер лоб — в общем, изобразил задумчивость.

— Я что-то вообще про такое не слышал. А что, бывало? — осторожно поинтересовался Муритай.

— Бывало, бывало,— вздохнул Теренс.— Ты и не мог слышать. Ты в Пестике-то всего ничего. А поначалу тут о-го-го чего бывало...

Точилинов навострил уши. Про становление Пестика он слышал впервые. В его понятии, он существовал как данность, всегда. Вот Земля, вот мир аталь, вот глеммы, вот торки. Вольды представлялись как некая народность, жившая отдельно от всех чуть ли не с самого появления Пестика. А тут вот чего... Но Теренс не стал продолжать. Он выглядел очень озадаченным.

Команда вольдов, спасшая их с Муритаем от аталь, помогла добраться до баронства Такатак, где, к счастью, обнаружилась родная Команда в сборе. Старший команды спасителей, торк Рискай, который и оказался давним знакомым Муритая, довел их до дверей гостиницы «Плачущий Вельян», где остановилась Команда. Вольды Риская вознамерились было уйти сразу — мол, сами разбирайтесь, но Муритай пригрозил смертельно обидеться, если они вот так запросто уйдут, не получив причитающегося «спасибо». «Спасибо» мгновенно вылилось в подготовку к грандиозной пирушке. И то правда, а почему бы четырнадцати благородным донам не отметить чудесное спасение? Однако просто так нырнуть в расслабленное состояние не получилось. Теренс, едва услышав

вступление, тут же утащил к себе Муритая с Семеном для конкретики. Риская тоже пригласили.

— По поводу этих двоих я не переживаю,— Теренс, выслушав все версии произошедшего, резюмировал: — От четырнадцати вольдов им не уйти даже впятером, они бы и на Команду в сборе не пошли, вы их просто поймали,— он кивнул Рискаю,— так что, я полагаю, можно немного расслабиться. Тем более что в Такатак они в здравом уме вообще не сунутся. С бароном мы завтра переговорим, гертадинов оповестим, хотя я, опять же, предполагаю, что подобных происшествий в Такатаке не будет: слишком для них опасно. Что с этим делать дальше, пока не очень понятно. Вот если бы вы догадались хоть одного оставить в живых, тогда легче бы было.

— В живых? — саркастически поинтересовался Муритай.— Воинов-листьев?

— А что тут такого? — демонстративно удивился Теренс.— Или не было?

— Хм,— откашлялся Муритай,— лучше бы не было. Да и не Желтого Стрелка. Я, конечно, про себя очень хорошо думаю, но всё ж таки не настолько.

Семен навострил уши: ещё бы, краешком глаза заглянуть в историю, но, к его сожалению, Муритай не стал продолжать. Выспрашивать сейчас было не время, и Точилинову ничего не оставалось, как поставить себе зарубочку на память. Позже разберемся.

— Да, гла-Теренс,— вступил Рискай,— это было бы уж очень хорошо.

— Уж вы мне расскажите,— отмахнулся Теренс.— Я что, первый день на свете живу?..

Семен слушал, слушал этот разговор и где-то посередине поймал себя на мысли, что ничего дельного здесь нет. Переливание из пустого в порожнее. Теренс косится как-то странно. То ли не понимает сам ничего, делая хорошую мину от нежелания терять лицо, то ли наоборот — знает больше, чем хочет показать. Второе вероятнее. Подавив зевок, все-таки день не самый простой выдался, он аккуратно, чтобы никого не обидеть, постарался всунуться:

— Мне кажется, господа, сегодня мы слишком сильно зависим от пережитых эмоций. Поскольку сараси Рискай,— он вежливо кивнул торку,— всё равно остается с нами вместе со своей Командой, я предложил бы перенести обсуждение на завтра, если вопрос всё еще будет стоять остро.

Ему показалось, или в глазах Теренса промелькнуло одобрение?

На удивление, все решительно поддержали идею отложить обсуждение на другой раз. И тут, как по заказу, в дверь осторожно постучали.

— Можно? — В небольшую щель просунулась голова, обрамленная роскошной бородой. Тронд решил выяснить кратковременные планы командира: — Прошу прощения, что прерываю, но нам как, начинать или вас подождать? Всё готово.

— Идём,— поднялся Теренс.— Ты вовремя. Как раз закончили.

— Ага,— обрадовался тот.— Я ж говорил...

Компания из десяти вольдов, собравшихся прохладным вечером пропустить в приятной компании парочку-другую кружек, встретила их радостным воплем. Остальные посетители «Плачущего Вельяна» одобрительно зашумели. Вечер обещал быть продуктивным.

Веселье было в самом разгаре, когда дверь гостиницы открылась, и в прозрачную осеннюю ночь вышел человек. Звёздное осеннее небо уже не накрывало, как летом, спящую землю, а просто рисовало над ней тихую благодать, украшенную сверкающими точками звезд. Семен присел на скамейку перед входом, закурил, выпуская плотную в прохладном ночном воздухе струю дыма. Подняв голову, он на минуту замер, рассматривая причудливые узоры звёзд, так одновременно похожие и непохожие на земные созвездия.

— Грустно стало?

Семен вздрогнул. Теренс, при всей его массивности и величавости, ходил абсолютно бесшумно, и единственный из всей Команды мог незаметно подобраться даже к Сонди, признанному локатору и сторожевику.

— Да,— честно ответил он.— Причем непонятно почему. Вроде всё в порядке. Чего меня прихватило? Вот, смотрю на звёзды, и дом вспомнился.

— Тебя там кто-нибудь ждёт? — осторожно поинтересовался Теренс, стараясь не слишком нарушать неписаное правило не лезть в душу.

— Нет,— посетовал Семен.— Всегда казалось — успею, успею... Ан нет, не успел. Даже не знаю сейчас, хорошо это или плохо.

— Наверное, скорее хорошо,— слегка нахмурился Теренс.— Когда ты за кого-то ответственен, то быть вот так, как мы,— хуже некуда. В любой другой ситуации ты что-нибудь да можешь сделать. Пусть надрываясь и прыгая выше головы, пусть идя против всего мира. Пусть ты не умеешь — научишься. Но ты там. Ты можешь хотя бы объяснить, что ты стараешься. И пусть у тебя даже не получится, но ты будешь рядом. А так... Что с ними, как они там? Ты ничего не можешь сделать. Ни-че-го. Это... это разъедает душу.

Семён затаил дыхание. Он даже не стал спрашивать, про кого Теренс это говорит. На секунду представив ситуацию: на Земле его кто-то ждет,— он аж зажмурился.

Но Теренс продолжил:

— А твоя тоска вполне объяснима. Тебя сейчас только-только отпускает после всего сегодняшнего — это раз. Не каждый день, согласись, на волосок от смерти ходишь. Территории не в счёт. Тварям всё равно, жив ты или мёртв. Прошел — повезло, не прошел, ну так съели — и все дела. Ничего личного. А тут именно тебя хотели убить. Разные вещи. Друга твоего убили — это два.

Семён пожал плечами:

— Да не особенно и друга. Мы и знакомы-то были всего ничего — до той заварушки. А здесь он как ушел от всех, о нём никто и не слышал. Так, проявлялся изредка.

— Всё равно,— не согласился глемм.— Не то чтобы друга, но часть тебя, прежнего, того, который у него хранился,— эту часть и убили. По частям умирать ещё хуже. По себе знаю,— он поёжился. Похоже, не у одного Семена в этот вечер проблемы с памятью. Теренс достал трубку.— Дай огня. А третье... А на третье ты просто вспомнил, как мало вас осталось, как редко вы все видитесь и как хрупка человеческая жизнь. А связи у вас между собой нет, как и у всех нас. Вот тебя и прихватило. А ещё ты просто устал. Как последняя Тварь в Территориях. Не спорь. Если уж Муритай носом в тарелке лежит после трех кружек, то как ты, вообще, держишься, я плохо представляю.

Семен хотел было возразить, но уложил в голове всё, что сказал Теренс,— и передумал. Некоторое время они молча курили. Два столбика дыма бесшумно растворялись в темноте, куда не дотягивались гостиничные фонари.

— Ты понял, что я сознательно не стал продолжать тот разговор, да? — поинтересовался Теренс.

— Понял. А почему?

— Да без толку все это. Муритай тебе не подсказчик. Он, при всем его опыте, всё-таки честный воин. Торки никогда не умели убивать из-за угла. И не научатся. Рискай такой же. Как выследить этих зеленых, как подготовить засаду, поймать их и покрошить в капусту — это к ним. Но тебе-то требуется другое. Кто они, зачем убили твоего друга, зачем стерегли и кого стерегли? Вот такие вопросы надо задавать. И ответить тебе на них должен тот, кто знает эту кухню изнутри. Не верю я, что твой приятель просто поссорился с заезжими аталь, и в ответ они его убили. Не носят простые воины таких магиприпасов.

— Вот и я не верю,— вздохнул Семен и тут же немного оживился: — А, кстати, что такое эти магиприпасы? Муритай сказал, ты объяснишь.

— Ну ты даешь,— от души развеселился Теренс.— Это я у тебя должен спрашивать, что такое магиприпасы, а не ты у меня. Ты что, столько времени у нас прожил — и только в первый раз с ними столкнулся?

— Ну, в общем, да,— поёжился Точилинов.— А что?

— Нет, ничего,— тихонько рассмеялся глемм.— Все просто, как палка. Магиприпас придуман специально для таких чайников, как мы, вольды. И для всех тех, кто не халь, а хочется. Собственно, магиприпас — это узор, спрятанный в какую-то емкость. Каждый как хочет, так и развлекается. Могут в бутылку засунуть, могут — в специальный контейнер. Зависит от мастерства халь и от сложности узора. И всё. Ходишь и носишь с собой немного хальер. Если приперло, достаешь, и бац — готовый узор.

— А самому не проще? — не понял вконец отупевший к ночи Семен.

— Как — самому? — терпеливо переспросил Теренс.— Ну подумай сам, как Муритай, например, сможет создать узор хальер. Он же не халь и не будет никогда.

— Ага,— очень умно согласился Семен.— А почему я их у вас ни у кого не видел до сих пор?

— Тут тоже ничего сложного. Я, например, как и многие Старшие, просто-напросто запрещаю иметь при себе магиприпасы, равно как и ваше новомодное изобретение. Оружие ваше огнеплевальное.

То ли выпитое сказалось, то ли усталость, но Точилинов никак не мог собрать воедино всё то, о чем толковал Теренс. Он помотал головой, разгоняя накопившуюся муть, серьезно мешающую думать.

— Стоп,— выставил он ладонь перед потешающимся глеммом.— Давай по порядку. При чем здесь наше оружие? Кстати, а что, его можно здесь достать? В смысле, и патроны тоже? И при чем тут магиприпасы?

— Всё можно,— Теренс поднялся, насмешливо посмотрел на растекающегося в лужицу Семена: того, наконец, достало,— и указал на дверь: — Так, сейчас спать, а не то я тебя сам отнесу. А завтра с утра — сразу ко мне, будем думать, как с твоей бедой разбираться. Заодно и про магиприпасы просветим.

Семен послушно встал, приказы Старшего надо исполнять, на то он и Старший. Земля тут же решила прогуляться в сторону.

— Да, Тронда я зря послушался,— пробормотал Точилинов, вспоминая, как глемм уговаривал его выпить еще.

Последнее, что он слышал перед тем, как увидел яркий утренний свет, бьющий в глаза, был насмешливый голос Теренса: «Да уж, расстроили тебя аталь!»

Глава 9

Дома, как и люди, бывают разные. В одних легко, в других душно, в третьих хорошо спится, в четвертые хочется возвращаться снова и снова. А еще они преданно и верно несут в себе отпечаток того, кто их создал. Не построил, нет, а именно создал. Отпечаток того, самого первого Хозяина, единственного, благодаря которому дом появился и ради кого, собственно, он и стоит. И если хозяин не менялся с самой постройки, то дом превращается в продолжение его и становится именно тем, чем он и должен всегда быть.

В этом доме было спокойно. Не уютно, тихо и мирно, а именно *спокойно*. Он весь дышал уверенным в себе покоем, который ничто не может поколебать. Даже странно было, как такой небольшой хозяин может придавать дому такое настроение. Хотя чего здесь странного — глеммы, всю жизнь работавшие и жившие в горах, перенесли свое ощущение мира и на этот дом. И то, что он был сделан из дерева, ничего не меняло. Всё здесь — окна, двери, мебель — настолько сильно излучали обычные для глеммов силу и уверенность, что состояние покоя приходило против воли. Ну не получалось здесь нервничать. Хотя это кому как. Сидящий в своем огромном кресле Теренс, полностью соответствующий облику гномов, как их представляли себе люди — с окладистой бородой и хитроватым прищуром маленьких глаз,— действительно был абсолютно спокоен, чего никак нельзя сказать о его собеседнике.

— Я устал, ты понимаешь, устал отвечать за них за всех. И добро бы меня кто слушал. Ничего подобного. Каждый у нас сам себе голова, самый умный и красивый. Как же, ведь он целое «Ваше Магичество» и никак по-другому. И ведь не учатся ничему. Ну раз пронесло, ну два, так сколько это может продолжаться?

Разговор в этом ключе шел уже давно, и поэтому даже легендарное спокойствие глеммов подходило к концу. Теренс тяжело посмотрел на собеседника:

— Уймись, Семен. Ели ты помнишь, я тебе давным-давно говорил, что так и будет. Ты им не папа и не мама. Каждый из них большой мальчик и сам отвечает за себя. И платит за свои ошибки тоже сам.

— А я не могу просто наблюдать, как они сами себя гробят. Кто-то же должен вернуть их обратно в голову.

Возмущение Точилинова объяснялось очень просто: попав в Пестик, где невеликие умения каждого из начинающих земных магов усилились стократно, люди вкусили могущества и, по мере возрастания магической мощи, начали активно и с удовольствием им пользоваться. При этом далеко не все из них занимались полезной или хотя бы благопристойной деятельностью. И ладно бы все ограничивалось шумными пьянками и обширными коллекциями любовниц, как же... Обмен информацией между магами, который, по идее, должен помогать осваивать мир, на самом деле только распалял воображение особо пылких личностей. При этом вольды, у которых возможность похвастаться личными подвигами стояла чуть не на первом месте в реестре жизненных ценностей, всегда были готовы поддержать любого сорвиголову. А уж мага-то...

Последней каплей, переполнившей терпение Точилинова, стал поход Джузеппе Строцци, который, наслушавшись хвастливых рассказов Сая, наплевал на все рекомендации, собрал группу таких же наплевателей из неприкаянных вольдов и отправился в Территории добывать ни много ни мало *багирана*. Кто же еще может переплюнуть вельяна? Понятно, такой приз, как багиран, стоил совершенно безумных денег, на которые группа балбесов могла прожить ну о-очень долго, ни в чем себе не отказывая. Но вот только обитали багираны слишком глубоко в Территориях, по которым нужно было еще пройти, отбиваясь от различных Тварей, их населяющих, да и противниками они являлись из разряда тех, с которыми лучше вообще никогда не связываться. В итоге вернулась половина, вернулась чудом. Тут да, чудо это сотворил сам Строцци, но... Они не только вернулись, но еще и принесли на плечах волну Тварей, которые очень хотели пообедать толпой любопытных. Отбивались долго и с потерями. Теперь Строцци отсиживался где-то в своей норке, его Команда тихонько разбрелась, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. А рассерженные вольды, к которым на сей раз примкнули и пограничные бароны, чье торговое благосостояние напрямую зависело от успешности таких походов, ходили и обсуждали вопросы типа: «А зачем нам вообще эти маги? Одно беспокойство от них». Территории гудели, как рассерженный улей, Твари стали активнее и злее, походы

вольдов, из которых приносилось то, что пользовалось бешеным спросом во всем Пестике — магически концентрированные ингредиенты для изготовления амулетов и магиприпасов,— стали на некоторое время невозможными. Бароны терпели убытки. Вольды выражали возмущение грубым нарушением всех писаных и неписаных правил, припоминая, что это далеко не первый случай... А отдуваться за всех приходилось Точилинову, к которому и шли все возмущенные делегации, хотя де-факто он давным-давно уже не являлся никаким Старшим. Каждый из магов жил своей жизнью.

Очередная такая делегация только что покинула дом. Впрочем, тут больше подходит слово «поместье» — поместье Теренса, где и жил Точилинов всё время, когда Команда не готовилась к выходу в Территории.

Ла Варил, мелкий баронишко, живущий только за счет вольдов, останавливающихся в его тавернах перед выходом в Территории, явился высказывать свои претензии. В обычной-то жизни Семен бы его прихлопнул и не заметил: авторитет Точилинова среди вольдов рос неуклонно и доходил уже до весьма серьезных размеров, но сейчас было не то время. Ла Варил шел в общей массе, и дать ему в голову означало проявить неуважение ко всем. Это было не совсем то, к чему стремился Точилинов в данный момент. Он все еще считал себя ответственным за людей, которых выводил и вывел из безнадежного боя, и потому теперь старался погасить конфликт. Ла Варил всё это прекрасно понимал и пользовался ситуацией как мог: когда еще придется на равных с магом поговорить, да к тому же и отжать чего-нибудь. Так что к концу разговора Семен едва сдерживался. Теренс, с хитрой усмешкой наблюдавший представление, дождался конца, холодно проводил раздувшихся от собственной значимости «гостей» и пошел успокаивать Точилинова, который к этому моменту уже был готов кого-нибудь убить. Крайне желательно — Строцци. Но Джузеппе уже совершенно четко представлял ситуацию и потому прятался как мог. Слушать громкое шипение выпускаемого пара приходилось Теренсу.

Однако разговор и вправду шел уже давно и начал глемму явно надоедать.

— Я тебе уже говорил, уймись, ты не можешь контролировать всех и вся. Для этого тебе надо стать как минимум здешним правителем.

— И стану,— буркнул в ответ Семен. Он тоже начал уставать. Да и Теренс ни в чем не виноват.

— Вот когда станешь, тогда и поговорим, а пока давай о деле. Я тут новую сделку интересную нашел.

В области поиска новых выгодных контрактов соперничать с Теренсом было очень тяжело, это признавали все. Он их чуял нюхом, глемм все-таки, а потом добивался с виртуозной изобретательностью. Приносит, к примеру, независимый вольд или даже Команда какому-нибудь барону информацию: что-то они там в Территориях нашли. И обсуждают они контракт по добыче день, два, три... Обсуждают и обсуждают, обсуждают и обсуждают... А исполнять в итоге Теренс идет. Сколько раз уже ему претензии предъявляли, но в открытую связываться не решались. Бойцы в Команде у Теренса подобрались один к одному, а перебивал сделки хитрый глемм только у тех, кто заведомо слабее.

А еще Теренс за всю свою историю не потерял в Территориях ни одного бойца. Ни одного! Это стоило очень дорого. Репутация.

— Не до сделок мне сейчас,— помотал головой Точилинов,— голова другим забита.

А вот такие слова говорить глемму не стоило ни при каких обстоятельствах. Обитаемый Клевер четко делился по пристрастиям. Аталь — это Художники, Творцы. Им ничего в жизни не надо, дай только чего-нибудь придумать и сотворить. Большинство известных заклинаний — узоров хальер — придуманы аталь. Им нет равных по изяществу, по форме, по сути придуманных и воплощенных идей. И то сказать, история аталь уходит в такие глубины времен, что они уже всё в жизни перепробовали и только процесс творчества, бесконечный, как само время, неизменно их привлекает. Поэтому Зеленый Лепесток всегда был прекрасен, как ни один из Лепестков Клевера. И таковым пребудет.

Люди, конечно, в эту войну много чего поломали, но что это в сравнении с вечностью. Первый раз, что ли?

С торками тоже все понятно. Эти всю свою жизнь воевали и воевать будут. Когда не с кем подраться, между собой разбираются. По части чего сломать или там узор разрушить — это к торкам, не зря при каждой заварушке, периодически вспыхивающей в Клевере, первым делом ставится задача выбить торкских шаманов: уж больно тяжело воевать, когда они в строю. В общем, воинственные кочевники. Много они где побывать успели, прежде чем в Клевере осели. И много кого обидеть. Потому и прячутся здесь.

А глеммы славились искусством коммерции. Бывшие вассалы аталь, в Клевере они смогли получить-таки независимость. И развернулись они здесь в полную силу. Хотя, говорят, они и раньше не бедствовали. В отношении получить, сохранить, преумножить, спрятать и огородить забором (а лучше монолитной стеной) с глеммами соревноваться бессмысленно. Они и живут в скалах,

чтобы покрепче. И во всех мирах, куда их заносило, так жили. В неприступных крепостях, спрятанных под многометровой толщей камня. Только у аталь получалось выковыривать их из раковинки. Ну а с торками глеммам и делить нечего — гордые воины по подвалам не ползают.

Так что заявить глемму, что сейчас не время заниматься добычей денег, со стороны Точилинова было очень опрометчиво. Хотя, пожив в Пестике, Теренс и сумел перенять многое от широкой и беззаботной жизни вольдов, но вытравить из костей и крови страсть к зарабатыванию денег у него не получилось. Да он и не старался, в общем-то. Скорее, использовал новые способности для увеличения заработка.

— Другим? — Теренс набрал в грудь воздуха.— А ничего, что финансовая стабильность обеспечивает вам, да и тебе в частности, возможность претворять в жизнь все твои идеи?

— Всё, всё, я понял,— выставил перед собой раскрытые ладони Точилинов.— Я просто о Джузеппе беспокоюсь.

Но останавливать пышущего праведным гневом глемма — это то же самое, что ловить падающую скалу.

— Никто твоего Джузеппе не тронет. Ты еще не понял? Хотели бы — давно добрались. Это у вас только друг от друга секреты, а кому надо, давно уже всё знает. Где ваш Джузеппе, что он такое и куда завтра пойдет. Это всё,— он мотнул головой в сторону закрывшейся за Ла Варилом двери,— только для того, чтобы с вас как можно больше поиметь. Подумаешь, Твари навалились, так они и без вас набеги делали. И ничего, все живы.

— Так что получается? — Точилинов аж привстал.— Это всё была сплошная комедия?

— Ну почему же всё...— Теренс почесал бровь.— Бароны и вправду возмущены. Только их возмущение — вещь совершенно обыденная, никто их вопли всерьез не воспринимает.

— Так что ж ты молчал?

— А я и не молчал. Если бы не я, ты бы эти вопли в два раза больше слушал. Я с основными уже переговорил. До тебя так, мелочь добирается. Между прочим, ты мне всю коммерцию портишь. Если б ты не носился так со своей опекой над «неразумными детьми», то и контракт этот,— он постучал пальцем по своей груди,— был бы гораздо выгоднее. Так-то.

Семен плохо себе представлял, как можно сделать еще более выгодным контракт, добытый Теренсом, но смолчал.

— Пошли,— сменил гнев на милость глемм,— там уже наши должны были собраться. Подерешься всласть, будет куда пар выпустить.

Глава 10

Дождь лил с самого утра. Всё вокруг было серым, неприветливым и мокрым. И даже дом, казалось, решил немного похандрить. Точилинов лежал на неимоверно широком диване и ничего не делал. Вообще. Мыслей не было никаких. Пар, обещанный Теренсом, вышел, но вышел он как-то боком. Вылазка получилась не совсем удачной, если не сказать хуже. Твари действительно как с цепи сорвались. В итоге Тор с Трондом валялись с переломами, Григор попал под ядовитый плевок и теперь надсадно кашлял при любом движении. Муритай с Сонди, повалявшись по хищным кустам, щеголяли набором ссадин, больше напоминающих ножевые порезы. И только Теренс с Ольми вышли из приключения без потерь. Ну и еще Точилинов. Принести-то они вроде кое-что принесли, но, похоже, не совсем то, что хотел заказчик, так что Теренс ходил мрачнее тучи, и соваться к нему не следовало категорически.

А тут еще этот дождь... Семен лениво перебирал в голове возникающие образы, придумывая, чем бы заняться, и постепенно набрел на мысль, что неплохо было бы пообщаться с источником давешних неприятностей, из-за которого Твари и ведут себя так агрессивно. То бишь со Строцци. Дойти до принятия конкретного решения не получилось — в дверь тихонько поскреблись.

— Если за состраданием, то это не ко мне,— недовольно отреагировал Семен.

— А к кому еще? — В приоткрывшуюся дверь всунулся именно тот, кого Семен и запрашивал.— Мне бы пообщаться.

— О, нет,— Точилинов закатил глаза.— Я, конечно, уже про тебя думал, но не так же быстро, Джузи.

— Не называйте меня Джузи,— виноватый Строцци с несчастным видом попытался обидеться.

— А как еще тебя называть? — Дурное настроение дождя нашло куда вылиться.— Или прикажешь тебе ковровую дорожку постелить?

— Дорожку не надо. Можно я присяду? — Строцци покосился на стул и уселся без приглашения.— То, что я виноват, я и сам знаю, но сему была причина.

Проклятый дождь все-таки вытянул все силы, и Точилинов не стал дальше развивать обиду, а только натянул плед, которым укрывался, повыше и неодобрительно уставился на итальянца.

Поначалу он лениво зевал, демонстрируя недовольство, но к концу разговора пришлось подняться.

История оказалась простой: Строцци просто сбежал в Территории, схватившись за первый подвернувшийся контракт. Предложение было весьма сомнительным, но выбора ему не оставили — две недели подряд за ним гонялась тройка ассасинов Зеленого Лепестка. Как Джузеппе умудрялся от них так долго бегать — загадка. Впрочем, Строцци всегда умел выделяться. Обычно ведь с аталь как: или они тебя, или ты их. Но если смотреть в целом, то эти ребята стали появляться уже с пугающей регулярностью.

Аталь, вырезав Экспедиционный Корпус Земли, на саму Землю, или, как они ее предпочитали называть, Огненный Лепесток, пробиться все-таки не смогли. Поскольку линии хальер, то есть магии, на Земле практически отсутствовали, то в этих условиях технологическое оружие людей опять стало преимуществом. Сунувшиеся было передовые части нелюдей просто разнесли на молекулы дальнобойной артиллерией и ракетами. В итоге ни нелюдям на Землю, ни людям с нее. Технологии против магии. Пат. И на этом фоне, как гвоздь в стуле, торчала в Пестике группа Точилинова. Вот магов людям аталь ни в какую не хотели отдавать. Еще не хватало. Поэтому группы ассасинов, имеющие целью умерщвление кого-нибудь из Магов Земли, как они сами себя окрестили, появлялись все чаще и чаще. Вплоть до того, что, если месяц ни одного покушения не случалось, народ уже начинал беспокоиться: может, с ними случилось чего? С одной стороны, это держало в тонусе и позволяло постоянно развиваться, а с другой...

Тут шутить уже не хотелось. Франсуа Дюпен, равно как и Демудес с Пшезецким были только первыми ласточками. Дальше стало совсем плохо. На сегодняшний день земляне потеряли пятерых. Зарезаны, удушены, утоплены, заморожены. С этим давно уже надо было что-то решать, но придумать ничего не получалось. Страдания Строцци не были чем-то оригинальным — Семен постоянно выслушивал похожие страсти. Но одна мысль все-таки зацепила. То ли одиночество достало, то ли дождь, но Точилинов схватился за слова несчастного итальянца:

— Слушай, а хорошая идея.

— Какая? — округлил глаза Джузеппе.— Баронов послать?

— Да нет,— Семен за раздумьями несколько потерял нить разговора,— до этого ты о чем говорил?

— Как прятался.

— Еще раньше.

— Что бросили меня все.

— Вот это я и хотел сказать.

— В смысле, вычеркиваете? — опешил Строцци.

— Кто куда, а голый — в баню. Тебе лишь бы задницу прикрыть. Я про другое говорил. Вот именно потому они и развлекаются у нас, что мы все поодиночке сидим. Надо вместе опять собираться. Скажешь, нет?

Строцци неопределенно пожал плечами. К выволочке он был готов, а вот к глобальному переосмыслению бытия — никак.

— Я понял. Дош пить будешь? — Точилинов вздохнул обреченно, поднялся, скривился, глянув в окно, но все-таки натянул какую-то куртку и побрел в сторону двери.

— Вот так, как ты, все и сидят, плечами пожимают, а как спасаться — так каждый поодиночке. Много мы так навоюем? — Он взялся за ручку двери.— А вот, к примеру, я сейчас дверь открою, а там твои «приятели» — и что тогда делать? То-то.

Он открыл дверь.

Банг! Банг, банг!!!

Точилинов еле успел захлопнуть дверь, на которую внезапно обрушился град ударов. В доме, который построил глемм, даже двери усилены металлом — именно это и спасло Семена.

— Чего стоишь?! — заорал он на остолбеневшего итальянца.— Там твои ... ... что я говорил?!

Дверь дёргалась не переставая. Единственным, до чего додумался Точилинов, оказалось самое простое: схватиться за меч, который не так давно ему сосватал Утабай.

«Вот и пригодилось»,— промелькнуло у него в голове, когда рука сжала успокаивающе тяжелую рукоять. И тут же бросила. Строцци стоял возле своего стула и плёл какой-то узор — боевой, надо думать.

«Переобщался с вольдами»,— пожалел себя Семен. И в самом деле, ну зачем магу какой-то меч? Магия Семену давалась легко, еще с того, первого боя, когда Теренс вытаскивал их из болот после бегства. Точилинову не было нужды плести узор, как Строцци, он просто сдвинул вперед все линии хальер, которые присутствовали вокруг. И наступила тишина. Сейчас за дверью должно было стать очень грязно. Кровавый фарш из мяса и костей.

— Только бы из наших никого там не оказалось,— запоздало испугался Семен, не подумав даже, что при живых вольдах атака бы вряд ли состоялась.

А потом дверь слетела с петель с оглушающим грохотом. В проеме стоял аталь, переливающийся всеми цветами радуги. Весь пе-

рёд доспехов искрился, но сам ассасин казался невредимым, по крайней мере на первый взгляд.

— Й-й-е-е! — фальцетом взвизгнул Строцци, выставив вперед дрожащие от напряжения руки, но добился лишь того, что аталь перестал искриться.

— Амулеты! Он на амулетах,— выдавил из легких последний воздух Точилинов, кувырком летя через диван. Меч, переуступленный Саем, все-таки остался последней надеждой.

Торкские амулеты, блокирующие магию, до сих пор оставались непревзойденным средством против халь, шаманов и магов всех мастей, обитающих в Клевере. Что-что, а ломать торки умели, и магия, естественно, было первым, от чего они научились спасаться. Аталь, не глядя, махнул своим мечом, и итальянец улетел в угол.

«Джузеппе!» — простонал сквозь зубы Точилинов, поднимаясь с пола и переполняясь бездумной и безнадежной яростью. Тут у него никаких шансов. Хоть аталь и уступали в искусстве рукопашного боя всем Старшим Расам Клевера, но при схватке один на один с подготовленным ассасином у Семена, который никогда толком драться и не учился, а теперь это и вовсе было без надобности, шансов нет. Хоть Муритай и пытался его натаскивать, но этим надо было жить, а не разминаться по утрам перед основной работой.

«К нему,— звенело в голове у Точилинова,— ближе, ближе!» Но аталь дураком не был. Он бы все равно Семена убил, но в ближнем бою даже у неумехи есть возможность хоть как-то проявиться, а на расстоянии... Ну что Семен сможет сделать с этой тяжеленной железной палкой, пусть и лежащей в руке, будто она ее продолжение? Аталь даже презрительно ухмыльнулся под своим легким шлемом, глядя, как Точилинов держит меч. Семену еще повезло, что его магический удар сорвал с убийцы всё навешанное оружие: амулет тот надел под доспехи, чтобы не потерять в драке, вот он и защитил только тело. Всё, что не соприкасалось непосредственно с телом, было сметено и сплющено. Если бы не это, Семен бы никого просто не увидел: взмах руки — и по ножу в каждый глаз. В искусстве убийства на расстоянии аталь равных не было и не будет.

Презрительная смерть глянула в глаза человеческому магу.

Именно это презрение Семена и спасло. Аталь презирал человеческого недоучку, осмелившегося бросить вызов старейшей расе Клевера, презирал, несмотря на все успехи, продемонстрированные людьми. А противника, которого ты собрался убить, надо уважать. Ассасин не стал сразу, одним движением меча, обрывать никчемную человеческую жизнь, он захотел еще немного, всего пару секунд, насладиться своим презрением. Удовлетворением превосход-

ства высшего существа, подтверждением своей состоятельности как воина и профессионала. Изящным движением он выбил меч из руки Точилинова, заставив его скривиться от боли, и замер на мгновение, провожая человечишку в небытие... И — рухнул с развалившейся на две половины головой. Огромный топор-франческу Теренса, торчащую из разрубленного черепа, не узнать было невозможно.

Семен тихо вздохнул и медленно опустился на пол — к продолжающейся жизни еще надо было привыкнуть.

Теренс молча вошел в комнату и осмотрелся. Подошел к лежащему итальянцу, потрогал его голову, сделал кому-то знак. Перемазанный кровью, хромающий Муритай и дергающийся от непрерывного кашля Григор подхватили Строцци и куда-то понесли.

«Живой»,— отрешенно обрадовался Семен.

— На-ка, выпей,— Теренс присел перед Точилиновым.— Посиди немного — и давай, двигай ко мне, я как-то уже боюсь вас одних оставлять. Еще где-то друзья-приятели этого,— он кивнул в сторону, куда унесли Джузеппе,— бродят.

— Так это за мной? — вяло удивился Семен. Призрак старушки в сером платке и с косой все еще помахивал издалека. Это несколько отвлекало.

— За тобой, за тобой,— «успокоил» Теренс, присмотрелся и позвал.— Муритай, помоги.

Всё ещё перемазанный кровью, непонятно чьей, Муритай заполнил собой комнату, легко поднял Точилинова и повел на выход, по пути демонстративно споткнувшись о труп.

— Опять тебя таскать,— осуждающе высказал он Семену.

— Мне тоже не нравится эта тенденция, хотя я вряд ли смогу тебе ответить тем же,— Семен оживал на глазах: Теренс, судя по всему, напоил его глемм-дошем, легендарным напитком глеммов, секрет которого они берегли как одну из самых страшных тайн. Каких только чудесных свойств ему ни приписывали... Во всяком случае, Семену явно легчало.

В комнате Теренса уже лежал порозовевший Строцци, вокруг которого хлопотал Тронд. Глеммы заслуженно считались великолепными лекарями, так что за итальянца можно было не беспокоиться — раз взялись лечить, значит, еще есть кого.

— Полежите здесь пока,— Теренс появился в дверях.— Разберемся, потом поболтаем.

Когда они остались одни с окончательно пришедшим в себя Джузеппе, Семен несколько минут просто сидел молча. Первым не выдержал итальянец.

— Это не мои. Мои где-то еще ходят,— еще раз обрадовал он.

— Да я уж понял,— Семен сел на кровати.— Вот именно про это я и говорил. Объединяться нам надо. Как, пока не очень понятно, но надо. Ясно, Джузи?

Строцци забарахтался в ворохе накрывающих его одежд:

— Не называйте меня Джузи!

Глава 11

Яркое солнце заливало светом все вокруг. День с утра выдался такой, что хотелось прыгать, дурачиться, спасать мир, любить всех женщин вокруг, каких поймаешь (включая глеммиди и торквани), и творить всякие разные чудеса. *Сахаш* и предваряющая его осень кончились — и пестиковский аналог весны вовсю вступал в свои права.

В Пестике вообще на удивление мягкий климат, смены сезонов как таковой не существует. Всё ровно. Может, потому, что обжитые территории расположены удачно, а может, просто так получилось — схема весна-лето-осень-зима и на Земле-то разнится: от версии «один день и одна ночь за год» в пиковом заполярье — до межтропического внесезонья круглый год, а уж другой-то мир и вовсе не обязан копировать Землю.

Но, как бы то ни было, жить здесь было одно удовольствие. Единственное, чем приходилось платить за эту приятность,— это сахаш. Полтора месяца непрерывно дующего сильного ветра вкупе с непрекращающейся моросью. Не дождем, а именно моросью, висящей в воздухе. Это может свести с ума кого угодно. От влаги не спасало ничто. Как ни закрывай двери и окна, но если сам воздух представляет собой воздушную пыль, то колдуй не колдуй, а дышать ты будешь именно водой. Семен как только не изворачивался, да и не он один, все маги мучались этим... Но — никак. Поначалу, когда казалось, что в руках волшебная палочка, каждый из магов громогласно заявлял, что у него, мол, проблем с сахашем не будет. Ошиблись все. Против законов природы не попрешь. Чтобы не сталкиваться с водой во время сахаша, нужно было полностью огородить себя и место, где собираешься жить, от внешнего мира. Это как раз получалось неплохо: капсулы личной безопасности были одним из первых узоров, которые маги начинали плести. А вот перемещать капсулы вместе с собой получалось отврати-

тельно. Магия — это не волшебство из сказок, как саркастически выражались новоявленные маги еще на Земле, начиная разбираться в хитросплетениях хальер. Ограничения тут присутствовали так же, как и в любой другой науке. И, как и любой другой наукой, магией тоже нужно было очень упорно заниматься, чтобы получать хоть какие-нибудь приличные результаты. Нет, первичный набор узоров, необходимый для беспечной жизни, получался сразу, а вот за следующий узор, выводящий на новый уровень, приходилось платить неимоверными усилиями. Каждый из магов подходил к этому по-своему. Кто-то корпел в выстроенных поместьях, занимаясь фундаментальными исследованиями, кто-то просто плюнул на всё и наслаждался жизнью, а кто-то шел экспериментальным путем, на своей шкуре пробуя разные узоры в разных ситуациях. Хотя в итоге все приходили к одному и тому же. Нужна и теоретическая подготовка, и, конечно же, практика.

Семен решил начать с практики, тем более что жизнь Команды сама подталкивала к этому. Но сейчас он постепенно пришел к пониманию, что без серьезных научных (как ни странно звучал этот термин по отношению к магии) наработок двигаться дальше нельзя.

Он уже никак не напоминал того полковника Точилинова, волею судьбы выброшенного в Пестик, который прибился к Команде Теренса несколько лет назад. Сейчас к нему иначе, как «Мастер Ацекато», никто и не обращался. «Мастер» остался от того самого шутливого обращения Муритая, а вот «Ацекато» Семён выбрал сам. Муритай разве что кипятком не писал, умоляя Семена придумать что-нибудь другое, но Точилинов уперся. «Ацекато» — на торкване, языке торков, означало всего лишь «птенчик». Все бы ничего, подумаешь, как себя хочет человек, так и называет, но именно Муритаю это прозвище доставляло немалые страдания. «Ацекато» было одно время его любимым обращением к Семену. Вот Семен в назидание ему и обозвался. А учитывая, что Муритай с каждым годом все больше превращался в некую смесь компаньона, мажордома, телохранителя, да и, наверное, слуги при постоянно набирающем вес и известность Семене, то ему это прозвище царапало слух больше всего. Еще бы. Вот, скажем, подчиняться человеку по прозвищу «дурачок», легко ли? Но Точилинов был непреклонен. Мастер Ацекато — и все тут.

— Можно, Мастер? — Легок на помине, Муритай заполнил собой дверной проем.

После нескольких покушений торк категорически запретил Семену лично встречать гостей, не входящих в состав Команды, взяв

эту опасную долю на себя. На самом-то деле для такого бойца, как Муритай, опасности особой здесь не было — ассасины, регулярно наведывающиеся в Пестик, вовсе не жаждали ополчать против себя всех вольдов. Поэтому такой фильтр оказался очень полезным.

— К вам Его Магичество Борис Огнетворец,— Муритай склонился до земли в шутовском поклоне.

Маги набрали в Пестике уже достаточно большой вес, чтобы встречали их как важных персон. Еще не хозяева жизни, но уже далеко даже не бароны. Маги начинали потихоньку переплевывать в популярности даже признанных Старших Команд. Чем это все кончится, пока не понимал никто, но как отдельное и весьма значимое явление институт магов Пестика уже сложился.

Вольды, правда, не желали просто так мириться с новоявленной аристократией, иногда требующей открытого чинопочитания, и морально боролись, как могли, стараясь сохранить свои прежние вольные лица. Муритай, к примеру, пошел путем шутовства.

— Огнетворец Чудодейственный,— весело поправил его Борис, выглядывающий из-за могучего плеча.— Тут меня давеча один красавец лизоблюдствующий обозвал. Придурок.

Он шутливо отпихнул все еще стоящего в проеме Муритая:

— Подвинься, кабан здоровый.

Муритай, ухмыляясь во весь свой звериный оскал, которым славятся торки, отошел.

— Привет,— улыбнулся Семен,— как добрался?

— Отлично. Два дня — и готово.

Сахаш кончился как раз два дня назад, поэтому Семен, отправивший приглашение как раз перед ним, злорадно ухмыльнулся:

— Ага, зацепило.

— А то,— Борис радостно обнял Точилинова.— Покажешь, расскажешь, но только потом. Есть хочу — не могу. А Муритай, кстати, проболтался, что у тебя пиво с Земли есть. Врет? Или правда?

— Мур, зараза! — расстроенно возопил Семен.— Это же сюрприз!

Торк невозмутимо пожал огромными плечами.

— Ну что ты с ним будешь делать! — посетовал в воздух Точилинов.— Ничего нельзя в тайне сохранить. Как дети, честное слово.

— Так есть или нет?

— Да есть, есть. Догадаешься, откуда?

— А тут и догадываться нечего. Если б ты канал домой пробил, хрен бы Муритай мне чего сказал. Гленны, так?

— Они,— вздохнул Семен. Гленны действительно творили чудеса контрабанды, доставая (правда, за безумные деньги) всё, что

могла пожелать страждущая душа. Перебои у них, конечно, бывали, точнее, были регулярно, но иногда они умудрялись доставать невероятные вещи.— Как я на них ни давил, не колются, паразиты.

Глеммы, занимающиеся поставками разных диковин из Клевера, уже потихоньку начали прятаться от земных магов, так как практически каждый землянин начинал с ними разговор с попытки вытрясти формулу перехода в Огненный Лепесток, то есть на Землю. Но то ли ее и вправду не существовало, то ли по каким-то причинам глеммы не хотели делиться с магами, но факт оставался фактом — никто из магов Пестика так и не смог вернуться домой. Уже и вопрос «зачем» отошел на второй план — это стало делом принципа. Но — увы и ах, не делились они, и все тут.

— Не ты один,— успокоил Борис.— Забей. Давай лучше решай, что сначала: покормишь или будешь хвастаться? Не удержишься ведь.

— Нетушки,— Семен скорчил зверскую рожу.— Буду тебя мучить до последнего. Пошли есть.

«Есть» затянулось до темноты. Как обычно в жизни бывает меж занятыми людьми, виделись маги редко. А если еще учитывать и проблемы с безопасностью, которые благодаря аталь становились все острее и острее, картина и вовсе удручала. Соответственно, что рассказать накопилось, и запаса драгоценного пива, за безумные деньги собранного Семеном с бору по сосенке, хватило всего на один вечер. А утром...

— Где-то я такую штуку уже видел,— завороженным тоном протянул Борис, как кот вокруг сметаны прохаживаясь вокруг стола, на котором матово поблескивали свежим маслом две до боли знакомые каждому военному железяки.— Два вопроса: где ты умудрился найти два «калаша»? Насколько я помню, наши их все повыбрасывали за ненадобностью.

Он замолчал.

— А второй? — поинтересовался Семен.

— А про второй ты мне и сам расскажешь. Если б ты с ними ничего не сделал, то вряд ли бы просто так таскал меня за тридевять баронств.

— Ты мне иногда Муритая напоминаешь,— пожаловался Точилинов.— Абсолютно никакой романтики. Нет чтоб удивиться. Поохать там или поахать.

— Да не тяни ты,— рассмеялся Борис.— Давай, рассказывай, во что несчастное железо превратил. Потому как если ты решил

просто так показать мне, что ты у глеммов патронов и стволов прикупил, то лучше бы я дома сидел.

Правда в его словах была, и немалая. Память о разгроме Экскора еще не выветрилась, да и остальные вольды вполне прохладно отнеслись к идее огнестрельного оружия. Теренс, к примеру, не любил его еще больше, чем магипрепасы. Если магипрепасы просто-напросто забирают у тебя драгоценные секунды в бою, заставляя делать выбор между разными видами оружия, да еще и действуют сугубо избирательно (один и тот же узор на разных Тварей действует совершенно по-разному), то оружие людей оказалось вообще неэффективным. Большинству Тварей одни только размеры позволяли даже не смотреть в сторону огнестрелов. А остальные, частично являясь магическими созданиями, попросту не реагировали на какие-то там кусочки железа. Внутренние органы у них запрятаны хорошо. Двигаются они очень быстро. Автомат — тяжелый и неудобный в переноске, это не меч, который под тебя лично подгоняется. В кустах мгновенно не выхватишь. Патронов к нему не найдешь. А найдешь — замучаешься таскать по лесу. Скорострельность той же группы лучников аталь в лесу автомат даже превосходит. Он только и хорош, что пробивать преграды. Так по правилам Территорий преграды пробивать и нельзя — они почти все как ловушки поставлены. Если брать Паука, к примеру, Тварь хоть и редкую, но магически оснащенную дальше некуда, так вообще самоубийство. В общем, убери и не позорься. Поэтому Борис, отнюдь не считая Семена дураком, здраво рассудил, что конкретно эти автоматы претерпели какие-то фундаментальные изменения.

— Ни во что я его не превратил. Что с «калашом» можно сделать? Его улучшить просто невозможно,— Точилинов несколько секунд наслаждался гримасой непонимания, перераставшей в недоумение, потом смилостивился: — Автоматы те же. Штука в другом.

Он театральным жестом сдернул платок, покрывавший дальний край стола.

— Патроны,— нейтрально прокомментировал Борис и перевел взгляд на Муритая.

Тот не менее театрально (большой талант пропадает) закатил глаза. Мол, я к этому отношения никакого не имею.

— Ладно,— кашлянул Семен.— Актера из меня не выйдет.

Он взял один патрон и протянул Борису:

— Посмотри внимательно. Да не на сам патрон, с ним тоже ничего не произошло. На узор посмотри.

— А-а-а,— догадался наконец Уваров, прищуриваясь и всматриваясь в вязь линий, окружающую патрон.— Вон оно чего. Ну ты навернул.

— Еще бы,— задрал нос Семен.— Я над ними почти полгода работал. Весь сахаш Муритая гонял как проклятого.

Торк демонстративно вздохнул.

— А я-то думаю...

Последние слова Борис произнес уже тихо-тихо, полностью погружаясь в невиданный доселе узор.

Но его уже никто не слушал.

Глава 12

— Тихо ты, сотт беременный,— шикнул Семен на Уварова, наверное, уже в восьмидесятый раз.— Под ноги смотри. Еще не все ветки собрал?

— Да хрен его знает, не видно ж ничего...— таким же шепотом начал оправдываться Борис.

Шедший впереди Теренс остановился — как в стену воткнулся. Звук, который он издал, больше походил на шипение рассерженной гадюки, нежели на команду Старшего. Выпустив лишний воздух из легких, глемм подождал секунду, а потом медленно, очень медленно, развел в сторону руки, указывая на землю. Привал.

— Ой,— заерзал Семен,— сейчас нам будет.

Теренс неслышно переместился к магам.

— Ваше Магичество, Мастер Ацекато. Ваше Магичество, Борис Огнетворец,— Борис поморщился, не любил он свое прозвище, но от молвы никуда не денешься, как прозвали, так и ходи.— Я прекрасно понимаю все сложности, сопряженные с переходом по труднодоступным местам...

Тон глемма можно было назвать каким угодно, только не вежливым. Идея этого похода не нравилась Теренсу с самого начала. Тут всё в кучу смешалось — и то, что основной целью выхода было опробовать новое оружие Ацекато, которое глемм не одобрял априори. И то, что на выходе присутствовал посторонний, сбивающий налаженные годами принципы взаимодействия. И то, что достаточно долгий выход по накатанному многими Командами нудному маршруту не оплачивался никак,— желание самого Мастера Ацекато, по-прежнему остающегося членом Команды, игно-

рировать уже не получалось. А самое главное, как полагал Семен, о чем Теренс благородно молчал,— ради выхода ему пришлось отказаться от какого-то мифически выгодного контракта. В посулы Точилинова добыть в этом походе как минимум вельяна Теренс не верил ни на грош. Поэтому все нестыковки и огрехи новичка, а также все попытки Точилинова как-то прикрыть его неумение ходить по лесу (Борис изначально тяготел к фундаментальной науке в ущерб беготне по Территориям) воспринимались Старшим гораздо острее, чем в обычном режиме.

— ...не пропустили ни одной сухой ветки по дороге,— разорялся Теренс. Он повернулся к Точилинову с его порцией нравоучений.— А ваши пожелания, Мастер, разве что в Зеленом Лепестке не слышат. Если вы хотите найти в Территориях хоть кого-нибудь до того, как нас попытаются съесть, то лучше бы вам...

Все высказать не получилось. Сонди, ни на секунду не прекращавший слушать окрестности, махнул рукой, привлекая внимание.

— Что там? — Одарив напоследок парочку неумех злобным взглядом, Теренс повернулся к аталь.

Сонди поднял вверх кулак, сжатый, как будто он держал в нем шарик.

— Замри и не дыши,— перевел Борису Семен, заработав еще один угрожающий взгляд от Теренса.

В наступившей тишине явственно послышалось приближающееся тихое потрескивание, как будто кто-то водил рукой по пушистому одеялу, добывая электрические искры. Если он все правильно помнил, то это...

Семен повернул голову, встретился с расширившимися глазами Муритая, и ему стало нехорошо. *Тиххин.* Огромный лесной змей, сотканный из энергетических узоров, надетых на непробиваемую броню чешуи. Живого тиххина никто никогда не брал — у вольдов попросту не было технических возможностей для поражения такого зверя. А вот у него они были, да еще и какие! Как он хватает свои жертвы, и что он с ними делает, никто не знал. Единственная тактика при встрече с ним — «ноги в руки». Хуже, чем с ним, встретиться только с Пауком.

— Они никогда здесь не ходили,— внезапно осипшим горлом прохрипел Тронд, судорожно копаясь в мешке.— Что ему здесь понадобилось? У нас же нет ничего для него.

Меж дальними деревьями из мутного лесного воздуха соткалась невероятных размеров голова змеи. Редкие искры, пробегающие по голове Твари то там то тут, выдавали его присутствие, но в маскировке уже необходимости не было. Взгляд грязно-желтых

глаз приковывал к себе, не давая вздохнуть, заставляя безвольно опустить руки.

— Теперь появилось,— голос Теренса стал таким же хриплым, как у Тронда. Говорил он с трудом, выталкивая воздух сдавленными неведомой силой легкими.— Что вы тащите с собой, маги? Он не ест живое. Ему хальер нужен.

Головы он не повернул, уже не мог. Семен и сам почти потерял способность соображать, но слова Теренса на секунду выдернули его из состояния магического транса. «Патроны,— промелькнуло в голове,— мои узоры. Там есть против...»

— Семен,— хрип справа никак не походил на глубокий голос Бориса, но он хотя бы мог двигаться.— У тебя в патронах была антимагия.

Умные мысли в умные головы приходят в одно и то же время. Точилинов тоже вспомнил, что в обойме, которая как раз в автомате, есть такие патроны. Обойти вниманием торкские узоры-блокираторы он никак не мог. Тем более, собираясь в Территории, где почти все Твари используют хальер.

Но вот как добраться до автомата? Вот он, на плече висит. А поди-ка достань... Глаза скосить, и то уже почти невозможно.

Время замерло. Тварюга молча ждала меж деревьев, когда все эти живые тепленькие зверьки попáдают на землю. Вольды замерли. Они все-таки были крепкими ребятами — никто еще не упал, но это уже были последние секунды, которые только и могли, что потешить самолюбие.

Семен скользнул взглядом по линиям хальер. Нет, не схватить. Столбы, даже на вид. Куда ему. И тут вдруг вспомнился тот черный лапинаэир, который пытался их угробить тогда, перед самыми баронствами, когда они только-только попали в Пестик. Те линии тоже не двигались. Последними, испаряющимися как вода на сковородке, каплями воли Точилинов ухватился за накрывший их узор. Не сдвинуть. Из чего он их делает, зараза? Семен ещё не сталкивался вот так, один на один, с халь остального Клевера. Животная сила, чистая энергия. Цунами, ураган, землетрясение и горный обвал — что ты им противопоставишь?

Но иногда мозги все же спасают. Равно как и друзья.

— Еще чуть-чуть,— хрипящий шепот Бориса чуть не заставил Точилинова отпустить узор. Он и забыл про остальных. А Борис не забыл.— Чуть-чуть приподними, я до ствола дотянусь.

Когда Магомет, огорченный отказом, сам пошел к горе, ему, наверное, было легче. По крайней мере ему не приходилось тащить эту гору на себе. Семен смотрел внутрь сущего, которое для

него сейчас составлял этот узор, и понимал, что даже миллиметр не отыграть. Не двигается эта зараза. Но давил. Давил. И давил. Как обычно. Все повторяется.

— Держи-и-и!!!

Тра-та-та!!! Тадах! Тах! Тта-да-да-да!!!

Звук рвущего на части бытия развалил удушающий узор. Семен грохнулся на землю, сжимая руками рвущуюся на мелкие кусочки голову. Вокруг стоял такой же вой, больно было всем.

Неужели получилось? Точилинов поднял чугунную голову посмотреть, что же там со зверюгой. И увидел...

Он посмотрел в тот самый момент, когда тиххин, отойдя от шока, вызванного жалящими кусочками свинца, упакованными в смертельные и не очень узоры хальер, озверев от того, что какие-то козявки осмеливаются нападать на него, рванулся вперед. На них. Нет, не на них. Серая смазанная полоса закружилась вокруг валяющегося на земле отряда, отрезая от остального мира. Маленькие фигурки, неимоверно жалкие на фоне беснующейся мощи, скорчились на весенней яркой траве, пытаясь отвернуться, не видеть лезущей в глаза силы, подавляющей, расплющивающей сознание. Но одна фигурка все же осталась на ногах.

Борис, не бросивший автомат, остался стоять. А может, просто не смог упасть? Судорожными движениями он пытался переставить рожок, прихваченный валетом к первому. Семен не растерял навыков, всё сделал как давным-давно на Земле. Чтобы перезаряжать можно было быстро.

Уваров справился с магазином и поднял глаза, ища цель. Она была везде, смываясь в одну сплошную стену удушающего морока. И Борис не стал заморачиваться. В гуле летящего вокруг тиххина его крик был совершенно не слышен, и только перекошенное лицо показывало, что если и придется сейчас умирать, то Борис Уваров сделает это никак не молча. Семен даже нашел силы ухмыльнуться, разобрав по губам, что именно Борис адресует Твари. Борис поливал от пуза, абсолютно не заботясь, попадет ли он хоть куданибудь. Не та ситуация, да и тиххин уже был практически везде, заменяя собой весь остальной мир.

Тух-тух. Ту-ту-ду. Тух. Выстрелы были практически не слышны. Гул атакующего змея смывал все звуки. Попал ли Борис куда или нет, понять не было никакой возможности. Кольцо не меняло своего движения. Нет, оно начало сжиматься. Хоть чем-то помочь! Семен создал и бросил вперед какую-то зверюшку. Ж-жух — нету. Соприкоснувшись с кольцом, зверюшка исчезла, как на точильном

камне. Все, больше нечего делать. Семен опустил голову. Кольцо подошло практически вплотную. Ну вот и все.

Б-бух. Яркая вспышка резанула по глазам. Мир замер. Моргая полуослепшими глазами, Точилинов поднял уже ничего не соображающую голову. Серая стена, дергаясь как-то рывками, накрыла куполом Команду. Та-дах. Выстрел. Еще одна вспышка. Что ж там такое было, в этих патронах? И тут стена упала.

Глава 13

— Не надо,— предостерег Ольми.

— Э-э-эх! — Разогнавшихся Тронда с Муритаем уже было не остановить.

Глухой стук и раздавшийся мат на глеммендиле и торкване ясно показали, что Ольми был прав.

Торк с глеммом, откинув не сработавшее оружие, которым они пытались пробить стенку, кряхтя и охая, с трудом поднимались.

— Никогда не говори под руку,— Тронд недовольно уставился на Ольми.

— Можно подумать, если бы я не сказал, вы бы что-то смогли с ней сделать. Я просто предупредил.

Ольми с великолепным спокойствием продолжил свое занятие. Как он умудрялся сохранять присутствие духа настолько, что не переставал думать о чистоте ногтей, которые он как раз и чистил метательным ножом, Семен не представлял.

— Может, ты умное чего скажешь, вместо того чтобы хаять? — включился Муритай, которому тоже стало обидно за ушибленный бок.

— Тихо там,— негромко подал голос Теренс, гася начинающуюся свару.— Еще не хватало нам тут передраться.

Команда сидела тут относительно недавно. По физиологическому подсчету Тора (он просто-напросто подсчитал, кто и сколько раз облегчался, отравляя и без того спертый воздух) они провели тут не больше трех часов. И то половину времени вольды провалялись в отключке.

Когда после атаки тиххина вольды зашевелились, с трудом отходя от пережитого, выяснилось, что они оказались в каком-то огромном кожистом мешке. Тридцать шагов в любую сторону. Неяркий флюоресцирующий свет, воздух, которым с трудом, но можно

дышать. И всё. Никакие усилия, никакие телодвижения и никакое напряжение извилин ничего не дали. Мешок — и всё. Где они, что они тут делают, как они сюда попали, что дальше? Семен даже немного порадовался: удивить видавших виды вольдов — это дорогого стоит. А уж Теренса-то... Радовался он, правда, глубоко в душе и недолго. Проблема все равно оставалась. А к ней добавилась еще одна. Здесь не было магии. Никакой. Семен не мог найти ни одной линии хальер. Вот тут-то он и прочувствовал всю глубину проблемы. Вольдам что, они как не были магами, так и сейчас ничего не потеряли, а Семен чувствовал себя голым. С содранной кожей. Ничего решить было нельзя.

А решать надо. Борис, так и не выпустивший из рук автомат, лежал в коме. Ну, то есть это Семен так решил. Тронд, считавшийся в Команде за доктора, осмотрел недвижимого Бориса. Послушал пульс, заглянул в закатившиеся глаза, посгибал руки и ноги, зачем-то залез в уши — и вынес авторитетное заключение:

— Он внутри сидит. Его *ариль* не справилось, и другой «он» утащил его внутрь, чтобы спасти. Он теперь там будет сидеть, пока со страхом не справится. Испугал его сильно кто-то.

Точилинов хотел было оспорить откровенно шарлатанский бред, даже рот раскрыл. А потом передумал и тихо закрыл. Если он чего-то не знает, то это не означает, что этого не может быть. А то, что Тронд очень хороший лекарь, Семен уже убедился.

В Клевере вообще очень много чего списывали на *ариль*. Так называлась духовная составляющая живого существа по классификации аталь, которые первые ввели этот термин в обиход. И требовал ариль к себе исключительно бережного отношения. Когда Семен сунулся к Борису — посмотреть, работают ли его узоры на патронах, Тронд остановил его железной рукой:

— Не вздумай, Ваше Магичество. Его вообще нельзя перемещать и вещи его трогать. Кто знает, чего он испугался. Пусть привыкнет, успокоится, тогда его второй «он» сам отпустит. А до того не трогай его, пожалуйста.

Точилинов подчинился — рекомендации специалистов надо выполнять. Но с того времени всё не переставал вспоминать, чего же он навернул в те узоры, чтобы добиться этакого результата. И ничего не вспомнил.

А вольды тем временем своими силами пытались понять природу мешка. Теренс лично несколько раз махнул своей франческой. Без какого-нибудь видимого эффекта. Остальные тоже не отставали. Колоть, рубить, стрелять из лука — всё пытались. Без толку. Взяв небольшую передышку, Тронд с Муритаем пошли, пошушу-

кались — и явили вытащенную из сумки торка колбочку. Теренс при виде нее нахмурился, Муритай потупился, прямо как нашкодивший первоклашка, и застенчиво покосился на Точилинова. Теренс пождал губы. Магиприпасы он, как уже говорилось, не одобрял категорически, но Семену вроде сошло.

— Паразит ты,— напустился Точилинов на Муритая, когда они отошли.— Чего это ты мной прикрываться вздумал?

— Ваше Магичество,— раскаяние Муритая было почти искренним, вот-вот слезу пустит,— вам, Мастер, ничего и не будет, а меня Теренс в землю вгонит. Это ж магиприпас.

— А то я не видел,— сварливо отозвался Семен. Но раздувать не стал.— И что ты собираешься с ним делать? Да это хоть что за узор? И жив ли он?

— Есть одна мысль,— не стал распространяться торк.— Сейчас всё увидим, а заодно и проверим.

В итоге всё свелось к банальному удару по стене одновременно оружием с разгону и магиприпасом. Теренс только пожал плечами, мол, хотите — пожалуйста. И два вольда начали готовиться. Со стороны это все выглядело бы очень комично, если бы не было так драматично. Огромный торк и низенький, по пояс ему, глемм. И это при том, что кто кого нёс при разбеге — непонятно.

Кончилось все пшиком.

— Ну, что получилось? — Теренс пришел инспектировать сладкую парочку.

— Непонятно,— Тронд уже стоял на ногах.— Рубануть не получилось, а магиприпас вроде сработал, но как-то странно. Он всосался в стену — и всё, никакого результата.

Он только-только успел договорить, как мешок вздрогнул. По стенам пошла рябь, они запульсировали и начали рывками сжиматься. Вольды мячиками запрыгали по всему мешку. Это выглядело как...

— Желудок! — заорал не своим голосом Семен.— Это его желудок, мы внутри у этой Твари.

— И, судя по всему,— сквозь клацающие зубы вытолкнул Муритай,— ей сейчас очень хреново.

— Как бы не блеванул, бедный,— истерически хохотнул кто-то рядом, Григор, что ли?

— Как бы она нас переварить не решила,— Тронд всегда исходил из возможности поворчать.

— Борис просыпается,— голос Сонди оторвал всех от увлекательного спора о перспективах пищеварения.

Вольды, кто как смог, подобрались поближе к Уварову. Толчки и рывки не прекращались, наоборот, становились все сильнее и

сильнее. Стоять на ногах уже не получалось никак. Борис, открывший глаза, обводил всех безумным взглядом.

— Мы в животе у тиххина,— Семен попытался как смог коротко обрисовать ситуацию.— Три часа. Только что Тронд шарахнул его магиприпасом, так тиххина ломать начало.

— Еще магиприпасы, у тебя в сумке,— Теренс небольшим, но увесистым снарядом врезался в группу вокруг Бориса, раскидав всех в стороны.— Доставай. Один раз получилось.

Но Борис был явно вне жизни. Взгляд его осмысленнее не стал. И тогда Семен сам схватил мешок. Его автомат куда-то сгинул перед путешествием в желудок тиххина, поэтому он взял автомат Бориса. Пришлось отдирать силой, Уваров не желал расставаться со своей собственностью. Тронд что-то попытался квакнуть, мол, нельзя отбирать, еще сильнее бояться будет, но тут уж было не до медицинских показаний. Семен сунул руку в мешок за другими рожками, также перевязанными изолентой крест-накрест.

— А-а-а! — выдернул он руку.

Патроны раскалились, как будто их в печку бросили. Нашарив в мешке какую-то тряпку, Семен все же вытащил рожки. Они пульсировали ровным жемчужным светом, завораживающим взгляд. Черт с ними, с руками, потом вылечим.

Клац — встала на место обойма. Щелк — опустить предохранитель. Лязг-лязг — передернуть затвор. Ну держись, тварь. А все-таки, какие же у меня там узоры?!

— Ложи-и-ись!!! — заорал Точилинов, валясь на спину. Прицел автомата уперся в дергающийся «потолок», постоянно меняющийся местами с «полом».

Дружный хохот был ему ответом. Резиновыми мячиками летающие по мешку вольды не удержались. Истерика оказалась заразной, и Семен нажал на курок, так же неудержимо хохоча.

Глава 14

Тиххин ушел. Ушел, невзирая на все выдранные с корнем волосы Теренса. Глемм порывался его догнать, удерживать пришлось всей Командой. Конечно, принести *такой* трофей означало приобрести неимоверный авторитет, но всему есть край. Команда не могла больше эффективно работать. Да чего уж там — еле на ногах все держались, а Борис так и не отошел до конца от пережитого, все-

таки Тронд оказался прав. Ходить Уваров ходил, говорил нормально, но периодически его пробивало, и Борис пытался куда-нибудь забиться и спрятаться. Тронд говорил, это скоро пройдет.

В этих условиях пытаться догнать тиххина, пусть и раненого, было откровенным безумием. Хотя каждого, кто задумывался об этом, скручивала неимоверная жаба. Тиххина *никто и никогда* не добывал. Но — нет, не потянуть.

Тварь и вправду вырвало. Вырвало Командой. Все вылетели из желудка, как из катапульты. Приложило об землю знатно. Непонятным осталось, почему он их отпустил. Может быть, они несъедобными оказались, и он их отрыгнул, но все сходились на мнении, что вряд ли. Будучи здоровой, Тварь не отпустила бы их живыми, не ушла бы. Значит, ранен. Значит, можно попытаться... Тьфу, тьфу, тьфу, чур меня. На этом моменте все начинали хлопать себя по рукам. Нельзя.

А кто его ранил? Выходило, что они. Чем?

Когда Теренс подошел к Семену, тот просто сидел на земле без сил и прикидывал, не получится ли уговорить всех лечь немножко поспать. Двигаться не хотелось ну вот никак.

— Мастер, я хотел бы попросить вас об одной услуге,— начал Теренс. Семен поморгал немного, пытаясь понять, что случилось со Старшим, чего это он вдруг... а глемм тем временем продолжил: — Когда вернемся в баронства, не соблаговолите ли вы оснастить команду такими же магиприпасами, которые использовались в вашем оружии? Оружие мы сами достанем. Об оплате договоримся.

Теренс весело сощурился, наблюдая за ступором, в который впал Точилинов, и добавил:

— Считайте, Ваше Магичество, что это первый заказ. И признание вашего мастерства. Честь имею.

И отошел, похихикивая, оставив Семена сидеть с открытым ртом. А потом все двинулись в обратный путь.

— А все-таки жалко, что не получилось тиххина добыть,— Тор, прихрамывая, занимал место впереди цепочки вольдов — его очередь вести Команду.

— Уймись ты, а? — посоветовал Муритай, который несколько минут назад сам двигал точно такую же идею.— Ведь двести раз уже проговорено. Территории жадных не любят. Давай до дома дойдем, там подумаем что да как.

— Да ты представь только,— не успокаивался Тор,— представляешь, выходим мы в Такатак и говорим: вот, мол, тиххина тут добыли, никто не интересуется? А? Каково?

— Заткнись! — Теренса трудно было вывести из себя, но тут приперло.— Если еще раз кто-нибудь хоть слово скажет про тиххина...

— Коссади, Теренс,— вынырнувший из леса Ольми, неизменно несущий походный дозор, был единственным, кроме магов, кто абсолютно философски отнесся к потере трофея.— Малая стая. Идут по четкому следу. Если не свернут, как раз в них и упремся.

— Только коссади или еще кто-нибудь?

Коссади, небольшие Твари, охотящиеся стаями, полусобаки-полуящерицы, покрытые шерстью, не считались сильными противниками. Они больше работали как сигнальщики для более крупных представителей Территорий да еще как санитары, добывая всех, кто не мог за себя постоять. Не брезговали и падалью.

— Пока никого, но напряжение какое-то есть,— Ольми повертел в воздухе пальцем.— Что-то случилось.

— А я знаю, что,— подал голос Григор. Человек в Команде был самым молодым, ему разрешалось вслух высказывать вещи, про которые все думали, но молчали.

— Ну? — подтолкнул его Теренс.

— Тиххин сдох.

Молчание, повисшее над Командой, яснее ясного говорило, о чем все подумали.

— Старший,— подал голос за всех Тронд,— если он и вправду сдох, то нам такое пропускать никак нельзя. Потом себе все локти отгрызем.

Теренс на секунду задумался, просчитывая варианты.

— Идем,— решился он.— Смотрим, что там у нас с коссади, и если тиххин и вправду сдох, то брать его надо обязательно. Второй раз такой трофей не добудем. Так что собрались, работаем.

Команда оживилась. Мгновенно исчезли все недомогания, ранения, усталость. Глаза вольдов заблестели хищным блеском. Не за деньгами шли (хотя деньги в случае удачи будут, притом неимоверные) — за именем шли. Каждый проверил снаряжение, оружие, приготовился. Семен еще раз убедился, что линии хальер на месте, после желудка он очень болезненно относился к наличию или отсутствию магии. Потом еще раз перезарядил автомат: теперь он без него не собирался даже в туалет ходить. Проверил, как висит воздушный щит, и обернулся на Бориса. В глазах Уварова плескался ужас, но, к чести своей, он даже не заикнулся о том, чтобы остаться. И правильно, все равно никто бы не послушался. Его ни в коем случае бы не бросили, просто бы спрятали где-нибудь на время, а потом вернулись. Но это никого не устраивало, мало ли что может случиться. И Борис пошел вместе со всеми.

Им повезло. Во всех смыслах. Тиххин и правда сдох — огромная туша лесного змея, наводившего ужас на всех окружающих, лежала между деревьями, даже после смерти показывая, насколько велика и сильна была эта Тварь.

— Мамочка моя,— прокомментировал Тор.— А как же мы его потащим?

Теренс шикнул, приказывая заткнуться. До «дотащим» еще придется постараться. Лес вокруг кишел мелкими и не очень Тварями, уже оценившими неожиданный подарок судьбы. Отдать такую добычу без боя? Да никогда! Коссади уже прибыли, сразу же затеяв свару с какими-то мелкими грызунами. Коссади были крупнее, но грызунов было больше. Кто победит, сказать было сложно.

— Ольми, Сонди, Григор,— начал раздавать указания Теренс,— стрельба. Муритай, Тор, Тронд — со мной. Ваши Магичества,— обратился он к магам,— вы не могли бы придумать что-нибудь выжигающее?

Семен молча поднял автомат — патронов еще было шесть рожков. Борис с натугой кивнул. Видно было, что эта драка дается ему с огромным трудом, но он справляется. Теренс это понял и склонил голову в уважительном поклоне:

— Хорошо. Все всё поняли? Начинаем по моей команде.

И придержал Семена:

— Не торопись, Семен, оставь припасы на потом. Разогнать эту мелочь — это полдела. А вот когда мы начнем его разделывать и уносить, вот тогда твое оружие может понадобиться. Побереги. Если можешь, лучше просто хальер используй.

Семен внял.

Момент Теренс выбрал просто изумительный. К разворачивающейся драке коссади с грызунами подключилось большинство пытающихся пообедать Тварей. Вся пищащая и скрежещущая куча сгрудилась на небольшой полянке между деревьями, недалеко от головы лежащего монстра, когда глемм дал отмашку.

Струя пламени, которым так славился Борис и из-за которого он получил свое звучное прозвище, выжгла полянку напрочь, превратив всех тварей в бестолково мечущиеся факелы. Стрелки аталь и Григор очень быстро выбили всех Тварей размером больше кошки, которые остались вне драки. А торки и глеммы, двигаясь после волны муравьев, остающихся любимыми произведениями Семена, зачистили оставшихся в считаные мгновения. Первая часть боя закончилась.

— М-м-да. Бойся осуществления своих желаний, ты можешь получить просимое,— Семен стоял, задрав голову перед мордой тиххина, той самой, которая их сначала съела, а потом выплюнула, и пытался понять, что же им с ней делать.

Этот момент они как-то не продумали. И даже Теренс не сообразил, ослепленный жадностью. Они ничего не могли поделать и с желудком-то Твари, мягким внутренним органом, а тут предстояло резать чешую...

— Ольми,— кивнул Теренс, и аталь растворился в лесу. Глемм повернулся к Команде: — Так, что делаем? Мысли есть?

Мыслей было не счесть, но они все относились к разряду сказок. На откровенный бред ушло минут пять, после чего все как-то разом замолчали. Кончились предложения. Теренс озадаченно почесал под бородой:

— Это всё? Н-да, негусто. Вот же, зараза здоровая,— Старший обернулся и осмотрел неимоверную тушу Твари.

— Сами мы с ней ничего не сделаем,— прокомментировал Тронд.— Тут только у Мастера если что выйдет. Не донесем иначе никак.

Вся Команда разом развернулась в сторону магов. Точнее, в сторону Семена. От Бориса толку не было. Он стоял перед тушей тиххина, упершись в нее руками, и предавался бог знает каким мыслям. На происходящее не реагировал никак. Семен попытался было его растормошить, но Тронд категорически запретил, мол, пусть постоит. Ему полезно. Точилинову оставалось только вздохнуть.

— Пока мыслей нет. Поднять я его не могу, это только в сказках халь как перышко горы переворачивают. Или я еще не дорос, или это вообще невозможно, но только донести его не получится.

— Так,— к Теренсу начал возвращаться обычный прагматизм.— Он целиком нам и не нужен. Есть мы его собрались, что ли? Нам нужно хоть что-то от него принести, чтобы показать. Крайне желательно голову.

Все повернулись в сторону головы. В полуоткрытую пасть мертвого чудовища могли пройти трое в ряд. Они все вместе, если сложить, не были и вполовину такими как голова. Нести даже этот кусок — нереально.

— Тихо,— прикрикнул Теренс.— Страдать — это позже. Сейчас два вопроса всего. Как отрезать и как донести. Сначала решаем, как несем, а потом уже прикидываем, как отрезать кусок, который нужен.

Вольды дружно потупились. Ни на первый, ни на второй вопрос ответов даже близко не было.

— Я донесу,— от туши донесся голос Бориса.— Есть одна идея.

— Боря,— обрадовался Точилинов.— Ожил.

— Есть немного,— смущенно кашлянул Борис.— Вроде полегчало. Спасибо, гла-Тронд.

Глемм склонил голову:

— Все в порядке. Если уже сейчас ушло, то уже не вернется. Вам, Мастер, надо было почувствовать, что он на самом деле умер. Чувствуете?

— Да,— кивнул Уваров,— вроде бы. Так вот про перемещение.

— Ну,— оживился Теренс. Остальные вольды обрадованно зашумели, глемм обернулся: — Тихо там. Да, Ваше Магичество.

— Донести я, конечно, не смогу, Семен прав, но если вы мне что-нибудь отпилите, то я думаю, его просто докатить будет можно.

— Докатить? — Интонация Тора, первого, кто оправился от разочарования, ясно показывала степень расстройства.— Мы ж его с места не сдвинем.

— Да вам и не надо двигать,— поморщился Борис.— Я его воздушным кулаком подталкивать буду. Здесь вроде ровная поверхность. А к баронствам — так вообще уклон. Глядишь, что-нибудь да получится.

— Гарр-ро!!! — завопили вольды.

— Ну,— Теренс потер руки,— одну задачу решили, теперь осталось понять, как резать будем.

Все как по команде уставились на Семена. О том, чтобы резать мечами, речь даже не шла, эту чешую не взять ничем из имеющегося арсенала. А если честно, то вообще слабо представлялось, что тут может помочь. Так что дело было за малым... Ну, Семен Алексеевич...

— А я что? — оторопело распахнул глаза Семен. Он никак не был готов к тому, что все теперь зависело только от него.— Я вот так сразу не могу. Мне подумать надо.

— Я боюсь, что у нас, Мастер, нет времени подумать,— подал голос Муритай.— Делать надо очень быстро. Не ровён час сюда толпа пожалует. Как десерт к тиххину, я думаю, мы замечательно подойдем.

— Ваше Магичество,— вступил Теренс,— это будет более чем логичным завершением данного выхода. Вы его начали, вы Тварь победили. Не спорьте, именно ваши магиприпасы его убили,— остановил он самоуничижительную попытку Семена откреститься,— так что если вы еще и придумаете, как голову отделить, то трофей будет практически ваш полностью. Ну же, Мастер.

— Да что вы меня как дитя малое уговариваете! — взорвался Семен. Когда ничего не можешь сделать, а от тебя ждут победы,

это раздражает, мягко говоря. Весьма и весьма. В этой ситуации поорать — самое милое дело. Вот только не помогает это...

— Сёма,— позвал Борис,— ты попробуй что-нибудь по профилю придумать. Я тоже крутил, крутил, а оказалось, что энергетика — самое близкое. Может, тебе из Тварей кого сообразить?

— Из Тварей? Это мысль,— Семен сейчас был готов схватиться за любую идею, так как своих мыслей в пустой голове не наблюдалось. Он повернулся к вожделенно смотрящей на него аудитории.— Мужики, кто может что из опыта припомнить? Твари, которые рубят или пилят? Для примера.

Вольды задумались.

— Омбис,— осенило Григора.

— Точно,— зашумели все, загомонили разом,— омбис — это такие тварюшки маленькие, как раз падаль жрут, они сначала дырки прогрызают, а потом жало разворачивают и пилят.

— Смотрите, мастер,— Сонди, как главный художник (это умение признавалось, естественно, за аталь), начал набрасывать на земле эскиз.— Сам омбис, я так понимаю, неважен, а жало у него вот такое...

Семену потребовалось двадцать минут, чтобы разобраться в устройстве хитрого механизма омбиса, а потом создать хоть что-то похожее. Оставалось решить: двадцать минут — это подвиг или даже на ученика не тянет? Но выяснять это было явно недосуг. Команда все это время просидела не шевелясь, сжимая оружие в руках и вслушиваясь в окружающие звуки. Какая-то мелочь постоянно пыталась пробиться к туше. Все эти попытки немедленно пресекались с помощью мечей. Сейчас тушу контролировали более сильные. Но все понимали, что это ненадолго.

— Ты уверен, что это сработает? — Скептицизма в голосе Тронда хватило бы на троих глеммов.

— Тшть. Умолкни,— подошедший Теренс отогнал любопытствующих одним взмахом руки.— Начинаем, Мастер?

— Да,— кивнул Семен. Судорожно сжал кулаки. Уверенности, что его создания хоть что-то смогут, не было никакой.

— А можно я ему на острие еще и огонька навешу? — поинтересовался Борис. Он уже закончил готовиться к «транспортировке» и теперь очень хотел отсюда побыстрее смыться. Как и все остальные.

— Попробуй,— согласился Семен. Он оставил возможность добавить к своему узору еще чего-нибудь — вот и пригодилось.

— Ну, с богом,— Борис отошел в сторону через пару минут.— Давай.

Семен дал.

А его тварюшки — нет...

Псевдоомбисы честно бились в чешую поверженного змея, разбрасывая искры огоньков, навешенных Борисом, и — ничего.

— Что-то мы недодумали,— Борис терзал подбородок, пытаясь найти хоть какое-нибудь решение.— Может, жвала все-таки немного не те?

Вольды разочарованно молчали, стоя вокруг. Все уже приготовились к победе, а тут на тебе...

— Те,— вздохнул Семен.— Те самые. За всей этой гонкой я сразу не разобрал, а в голове сидело ведь... Всё просто: тут мы имеем очень сильный логический прокол, или даже два. Первый. Никакие рисунки «пилящих» тварей мне не помогут. Они никак не меняют главного: чтобы распилить нечто твердое, требуется ещё более твердое. Если надо резать хрусталь, нужен алмаз. Понятно? Неважно, присобачен он к стеклорезу, лобзику, сверлу или пилке для ногтей. Это дело десятое. Главное — твердость. Без неё никакая форма не поможет — даже царапины не будет.

Точилинов указал себе за спину, где омбисы всё ещё пытались пробиться сквозь броню тиххина.

— А второй? — Борис всё-таки был учёным: ответ на вопрос «почему?» был для него важнее ответа на «что дальше?».

— А на второй, я думаю, нам ответят они,— Семен повернулся и широким жестом обвел рукой поляну с остатками уничтоженных Тварей.

— В смысле? — нахмурился Борис.

— Как вы думаете, что надо было этим ребятам? — Точилинов еще раз указал на останки.— Этим, которых мы покрошили, и тем, которые вскорости прибудут, а?

Вольды как по команде пожали плечами. Ответ очевиден, чего уж тут...

— Кушать,— терпеливо ответил за всех Теренс. Он уже понял, что, если хочешь, чтобы Семен добрался до конца, лучше отвечать на его загадочные вопросы.— Они все хотят кушать.

— Именно,— Точилинов торжествующе поднял палец.— А как они будут кушать?

— Да пошел ты со своими шарадами,— не выдержал Борис.— Тебя про дело спрашивают, а он тут загадки загадыва...

Он резко замолчал.

— Ага,— уже без задора сказал Семен.— Понял теперь? Они все на тушу претендуют. Все. А как они собираются её есть? Мы даже желудок у него поцарапать не смогли, а вся эта орда собирается качественно пообедать.

— Ну, положим, желудок вы, Мастер, не смогли пробить потому, что там хальер внутри не было,— поправил его Теренс.— А так всё правильно: твердое режут твердым. И что? Вы можете им жала еще тверже сделать?

— Э-э... могу, наверное,— озадачился Семен. Так быстро он до этого вывода не добрался, еще пострадать хотелось немного.— А эти?

Он неопределенно махнул рукой в сторону уничтоженных Тварей.

— А эти, я думаю, как раз хальер и хотят использовать,— подхватил его мысль Борис.— Первые, кто умеет, дырки проделывают, ну а дальше традиционно: кто кого. Я, кстати, тоже готов подключиться.

— К кому? — не понял Точилинов.— К Тварям?

— К тебе. Я его воздухом накачаю,— начал объяснять Уваров.— Чтобы давление создать. А потом где-нибудь в районе шеи,— он не очень уверенно оглянулся на тело лежащего змея,— рвану что-нибудь типа файер-бола. Что получится, не знаю, но вдруг...

— Н-н-ну давай,— с сомнением протянул Точилинов. А потом опомнился: — Конечно. Делаем. Бегом надувай свой воздушный шарик, а я пошел своим буратинам носы затачивать.

Дальше развивать дискуссию не стали. Время болтать придет позже, сейчас время делать. Прошло несколько минут. Вольды затаились, стараясь ни звуком не помешать работающим магам. Все физически ощущали, как заканчивается отведенное им время.

Борис закончил первым. Поток воздуха зародился у приоткрытой пасти и начал пробиваться внутрь Твари. Тиххин вздрогнул от головы до кончика хвоста и немного пошевелился. Вольды инстинктивно похватались за оружие. Бронированное тело чуть увеличилось, надуваясь. А перед мордой, как раз там, откуда и дул этот ветер, появился небольшой огненный мячик. Уваров, красный как вареный рак от напряжения, сделал слабое движение рукой. И мячик вплыл в пасть змея.

Про инструктаж по технике безопасности Борис забыл, но вольды сами сообразили, что стоять и глазеть сейчас не совсем правильно. Все попрятались кто куда. Уваров выставил вперед сжатые кулаки и резко, одним движением, как будто выбрасывал что-то, растопырил пальцы.

Тиххин вздохнул. Огромное тело вздрогнуло. По всей длине Твари пробежала рябь, вздыбив каждую чешуйку. За головой, как

раз там, где она переходила в туловище, вздулось несколько пузырей. Вздулись и опали, оставив за собой рваные дыры, через которые виднелось белесоватое мясо.

А потом тиххин открыл пасть и повернулся в сторону Бориса. Мертвые глаза уставились на мага.

Вылетевший из своего укрытия Тронд сбил Бориса с ног, и они вместе влетели в густой кустарник, обрамлявший поляну с другой стороны. Пасть змея открылась, и огненная струя из остатков фаер-бола и воздуха, закачанного Борисом, прорубила небольшую просеку в окружающем их лесу. Пасть закрылась. Тиххин умер во второй раз.

Мешая все известные ему ругательства в одну кучу, Тронд вылез из кустов, отряхиваясь и потирая плечо. Борис выбрался за ним.

— Спасибо,— тихо поблагодарил он глемма, рассматривая выжженную полосу земли, начинающуюся как раз в том месте, где он стоял.

— Не за что,— кивнул в ответ немного успокоившийся Тронд.— Я всех спасал. Что бы мы без мага делали?

— Да уж,— задумчиво проговорил Борис.— И в самом деле, что?

Он повернулся к Точилинову.

— Ваш выход, маэстро,— и опешил: — Ой, что случилось?

Семен стоял, не в силах пошевелиться. Если Борис перед созданием узора от напряжения был красным, то цвет лица Точилинова описанию не поддавался. Все оттенки чрезмерного напряжения сменяли друг друга на его лице. Уваров присмотрелся к линиям хальер: что там Семен придумал, было не ясно, но все линии вблизи него были напряжены до предела. Штук двадцать псевдоомбисов копошилось у его ног, готовые броситься в бой. Видимых изменений они не претерпели, но, судя по виду Семена и напряжению линий, в этот раз дела должны пойти лучше.

Мастер Ацекато двинул головой, и тварюшки бросились в бой.

Было ли это везением, или все-таки Семен оказался достаточно умелым магом, сказать теперь уж было трудно. Вольды затаили дыхание, когда первые жала коснулись дырок, проделанных Борисом в чешуе недвижимой Твари. Но — получилось. Зверюшки исчезли внутри практически сразу, а через небольшой промежуток времени послышался скрежет распиливаемой чешуи. На шкуре тиххина начали появляться дырки.

— Гарро! — Лес опять огласил ликующий вопль.

Семен стоял мокрый как мышь, контролируя и направляя свои создания. Вольды заботливо толпились рядом, вытирая струящий-

ся пот, обмахивая его ветками и, вообще, демонстрируя всяческую готовность выполнить любое желание мага. Очень уж всем хотелось домой. Но вот, наконец, огромная голова медленно и величаво отделилась от туловища и немного откатилась, показывая внутренности Твари.

— Вот там где-то мы и сидели,— поежился Борис, заглядывая внутрь. Но его воспоминания никто не разделил.

— Е-есть! — Ликованию вольдов не было пределов.— Получилось! Гар...

— Чего вы орете? — Спокойный голос Ольми, вынырнувшего из-под большой ветки, обрезал начинающееся всеобщее веселье.— Тут сейчас к вам такая группа поддержки присоединится, мало никому не покажется.

Он увидел отпиленную голову.

— А, уже готово? Это хорошо. Самое время двигаться,— он повернулся к Теренсу: — Уходим, Старший, там такое идет... Беда.

— Подъем! Двигаем! Чего расселись? — Теренс даже не стал вдаваться в детали — по лицу и тону Ольми и так было понятно, что медлить нельзя. А комментарии и на ходу послушать можно.— Ваше Магичество...

Это относилось к Борису, и тот не подвел. Уваров показал направление движения, жестами заставил вольдов отойти с вектора — и зажмурился. Порыв ураганного ветра швырнул огромную голову, как резиновый мячик. Она прорубила ровную просеку в лесу и становилась далеко-далеко. Тора, не воспринявшего, судя по всему, всерьез невнятные жесты мага и не отошедшего достаточно далеко, задело краешком урагана, подняло в воздух и запулило в кустарник, на его счастье достаточно густой. Когда он оттуда выбрался, на его лице явственно читалось уважение, медленно переходящее в благоговение. Он повернулся в сторону улетевшей головы с ровной просекой, и к нему тут же вернулась всегдашняя живость характера:

— Ух ты, здорово. Так нам теперь до самых баронств прямая дорога обеспечена.

Однако оказалось, что оптимизм его был мало оправдан.

Просека смотрелась ровной только на первый взгляд. Того, кто попытался бы по ней пройти, ожидало множество сюрпризов. Свежесваленные деревья вовсе не были оптимальным покрытием для дороги. Оставалось надеяться, что Теренс окажется прав, предположив, что и преследователям придется нелегко.

— Твари, они тупые, хоть и сильные. Они же не задумываются, что удобно, а что — нет, пойдут по четкому следу, то есть прямо

по этому бурелому. Так что нам небольшой подарок. В Территориях надо иногда и головой думать.

— Во-во. И я про то же,— нашел в себе силы съехидничать Семен, перед тем как начать опять, в который раз, заниматься своим «любимым» делом. Бег по пересеченной местности, что может быть лучше для усталого мага? Только такой же бег, но на длинные дистанции. Высказывание относилось к Муритаю, который трусил рядом. Но оно осталось последним развлечением в этом походе. Дальше было то, что Семен потом в рассказах характеризовал емким словом «жопа».

Кончилось все традиционно: Муритай скинул свои вещи кому-то из вольдов, кажется, Сонди, а сам привычно перехватил Семена поудобнее и взвалил на плечи. Сам Точилинов к тому времени мог только хрипеть и несистемно плеваться. Борис уже давно висел на Тронде и, судя по всему, слезать не собирался, управляя полетом головы прямо не сходя с глемма. Они вынуждены были передвигаться первыми, так как попадать под ветер, как недавно Тор, желания не было ни у кого. Так что скорость движения Команды определялась исключительно выносливостью Тронда.

А дела потихоньку становились все хуже, и вскоре вперед продвигались только Муритай с Семеном и Тронд с Борисом на плечах. Остальным пришлось отстать, чтобы удерживать наседающих Тварей. К сожалению, надежды на то, что основная масса останется пообедать покинутой тушей, не оправдались. То ли голова тиххина была самой ценной его частью, то ли Тварей собралось и вовсе невиданное количество, но оценки ситуации Ольми и Теренса колебались в пределах от «очень много» до «караул!».

— Дохлые Твари! — выругался вынырнувший из леса Теренс. С головы до ног он был перемазан грязью и кровью, не поймешь чьей.— Мы в часе от Такатака. Чуть-чуть осталось. Но — не удержимся. Либо бросаем голову, либо...

— Либо? — хором проскрипели Семен с Муритаем, Борису было не до того, он только что отправил многострадальную голову в очередной полет. Тронд вообще еле держался на ногах.

Теренс огляделся. По одному к ним начали присоединяться остальные.

— Муритай, Тронд, стой,— скомандовал глемм.— По общему мнению и моему приказу, определяю: трофей не бросаем, пытаемся отбиться. Еще предложения?

Предложений не было.

— Так,— Теренс привычно спокойно, как будто и не было этого сумасшедшего похода за плечами, начал раздавать указа-

ния: — Тронд, Борис, вы двое двигаетесь вперед. Голову донести по-любому. Тор бежит вперед. Изо всех сил, понял? — Торк кивнул.— Задача — привести подмогу. Не приведешь, мы все здесь останемся, ясно? — Торк кивнул еще раз, уже с ожесточением.— Пошел.

Торруслав-он исчез как не было. Семен искренне понадеялся, что у него получится. Борис затравленно оглянулся, он бы остался, но, кроме него, голову катить некому, а без этого всё, что было пережито,— зря. Тронд, шипя сквозь зубы изощренные ругательства глеммов, потащил его дальше. Если они здесь останутся, он себе не простит. Теренс продолжил:

— Остальные — по расписанию. Идем вон туда,— он указал на проход между двумя холмами, будто специально приспособленный для обороны.— Семен, стоишь в центре, сзади всех.

Время политесов кончилось, вот если выберутся, тогда он опять станет Вашим Магичеством со всеми полагающимися почестями. Нет, гораздо, гораздо больше. Но это — если выберутся. А пока он опять просто Семен, и это его, почему-то, несказанно обрадовало. Теренс меж тем заканчивал постановку задач, увлекая всех к намеченной точке.

— Автомат свой береги,— порекомендовал Теренс, заставив Семена устыдиться: он про него совсем забыл в этой круговерти.— На этих магиприпасы тратить незачем, и мы справимся, и хальер обычная пригодится. А вот когда увидишь этакого низкого, приземистого, широкого, с такими большими ушами и гребнем наверху — тут уж не жалей. Его так просто не возьмешь.

— Понял,— кивнул Точилинов.

Теренс оглядел оставшихся:

— Ольми, Сонди,— наверх. Муритай,— перед Семеном, прикрываешь и держишь центр. Григор, мы с тобой по краям.

Григор сосредоточенно кивнул. Щуплый и невзрачный на фоне огромного торка и монументально неколебимого глемма, он, тем не менее, занял свое место безо всякого видимого напряжения. Семен нечасто видел Григора в деле, в походах он обычно обеспечивал центр, требующий больше внимания и умения, нежели физической силы, но в Команде случайных бойцов не было, и, если уж Теренс доверил человеку сражаться вместе с остальными, значит, этот человек того стоил. Григор поймал взгляд Семена и неожиданно озорно улыбнулся:

— Прорвемся, и не такое бывало. Тут хоть есть где постоять.

— Разговорчики,— добродушно проворчал занявший свое место слева Теренс. Его, похоже, тоже устраивала позиция.

— Да,— Муритай виртуозно почесал затылок острием меча,— помощь бы нам не помешала. И долго мы тут будем стоять?

— Пока помощь не придет,— нейтрально ответил глемм. Все замолчали. А чего говорить, и так всё ясно. Если Тор и Тронд с Борисом до баронств вовремя не доберутся или не доберутся вообще, то эти холмы для них могилой станут.

— Жалко — не оповестить никак,— посетовал Муритай.— То-то хорошо было бы: свистнул еще от туши тиххина: помогите, мол,— и пожалуйста, группа ликования готова. И этим бы,— он мотнул головой в сторону уже видимых Тварей,— несладко пришлось.

— А и правда, Ваше Магичество,— Теренс отдышался, всех расставил по местам, и к нему возвращалось его обычное уравновешенное состояние.— Вы бы на досуге занялись как-нибудь. Чтобы можно было оповещать на расстоянии. В Лепестках это всё на хальер держится, так почему бы и нам не сделать?

— Займусь,— мрачно пообещал Семен, вглядываясь в приближающийся вал Тварей.— Если отсюда выберемся, обязательно займусь.

Он повернулся в сторону, откуда они только что пришли. Просека потихоньку заполнялась стелящимися по земле, прыгающими по поваленным стволам, голенасто шагающими и перемалывающими всё на своем пути Тварями. Ольми был прав. Драка их ждала нешуточная.

Долго переводить дух не получилось. Твари шли ходко. Первые уже приблизились настолько, что Семен смог различить глаза. Пустые и ничего на выражающие, отслеживающие только движение. Они рвались вперед. Туда, где чувствовали свежую и теплую кровь. И тиххина, всё больше отдаляющегося от них. Мерное движение Тварей завораживало.

— Семен,— позвал Теренс.— Пусти им кого-нибудь навстречу.

Точилинов встрепенулся. Голос глемма разрушил обволакивающий морок, и Семену стало стыдно.

— Перед самым ударом пущу,— оповестил он Муритая. Судя по всему, первый придется на него.

Торк молча кивнул, понял, мол. Вал атакующих приближался, постепенно оглушая какофонией звуков. Вот и первая Тварь. Длинное «бревно», шустро перебирающее множеством маленьких ног. Пасти не видно, зато на голове внушительных размеров рога. Спросить бы, кто это. Да ладно, не всё ли равно. Давай, приходи. С тебя и начнем. «Бревно» разогналось перед броском. Вот она, добыча. Стоит в прогалине и ждет, пока за ней придут. И в самый

последний момент, когда до Муритая остались считаные метры, навстречу «бревну» рванулась бронированная капля. Вельян точно такого же размера лоб в лоб врезался в разогнавшуюся Тварь. «Бревно» покатилось по земле. Сзади навалились остальные. Вельян исчез — Семен не стал тратить силы на поддержание узора. В такой сутолоке он все равно толком ничего сделать не сможет, а главное получилось: «бревно» затоптали свои же, а перед Муритаем возникло естественное препятствие. Атаки с налету не получилось. Умирающее «бревно» ворочалось прямо перед кромсающим воздух мечами Муритаем, не давая толком никому развернуться. Кто-то голенастый перешагнул через него. Зеленоватый росчерк двух мечей, поймавших солнце — и «кто-то» потерял ногу, неуклюже завалившись на бок. Тело еще не успело долететь до земли, как сверкающее стальное полукружие довершило работу торка. Теренс тоже устроил перед собой бруствер.

Куча-мала из Тварей пищала, скрежетала и ворочалась, исторгая по очереди (о, счастье) жаждущих добычи «счастливцев».

Почти квадратная голова на длинной шее поднимается над свалкой. Муритай занят, не успевает. Короткий посвист, и в правом глазу Твари расцветает белый цветок: Ольми всегда красит оперение стрел в цвет своего покинутого клана. Голова опадает, и тут же из кучи вылетает небольшой черный мячик, выкидывающий на лету веер когтей. Два посвиста, и стрелы Сонди сбивают выверенный прыжок. Григор, в которого летел этот «мячик», грациозно уклоняется, совмещая движение с ударом. Одной ноги у сухопутного осьминога, стоящего перед ним, уже недостает. Этим ударом он отрубает вторую. Осьминог коротко взрёвывает и вскидывает пару оставшихся конечностей для атаки. Четыре стрелы в открытое брюхо, и аталь переносят огонь на следующие цели. Осьминог падает и больше не шевелится. Но вот Твари разобрались с препятствиями и на лежащих телах поднимаются новые атакующие. Сейчас они разом рванутся вниз.

«Э-э-э, не-ет — мы еще не всё показали»,— злорадно щурится Точилинов. Автомат дергается, выдавая длинную очередь. Вдоль всей прогалины, так, чтобы зацепить всех. Семен дает очередь. Та-да-да-да-дада-да-да. Какие-то пули взрываются, как снаряды, какие-то нет. Линии хальер твердеют, это видно и не приглядываясь. Атака захлебнулась. Твари валятся назад, короткая передышка.

Семен оглянулся назад. «Сколько мы здесь уже?» — промелькнуло у него в голове. «Помощь. Будет она или нет? Однозначно, если вырвусь, систему оповещения сделаю...»

В следующие два часа он повторил это обещание, наверное, раз сто, не меньше. Схватка никак не походила на обычный выход Команды. Там как? Вышел, взял что надо, и — ноги в руки, бегом домой. В прямой бой с Тварями ввязываться никакого резона нет. А здесь всё наоборот. Твари перли и перли. Муритай как скала стоял в центре, отбрасывая тех, кому повезло прорваться через мельницу Теренса и Григора, и тех, кто смог увернуться от аталь, поливающих сверху дождем из стрел. Стреляли они и вправду изумительно. Ни одна стрела даром не пропала. Глаза, ноздри, ушные раковины. Раненые Твари, пораженные в самые болезненные участки, вертелись волчками, мешая остальным, а иногда и круша их. Теренс с Григором, встав небольшим уступом в самом узком месте, перекрывали проход, не давая Тварям развернуться всем вместе. Наблюдая за Григором, Семен даже изумился, с какой скоростью человек может работать мечами. Скупые точные жесты заставляли Семена бледнеть от зависти, напоминая, что он-то как раз и пренебрегал занятиями с холодным оружием. Но в этот раз у него было оправдание. Шесть рожков оправданий. Хотя и без них он себя бесполезным никак не чувствовал. Его создания хоть и не всегда могли вести бой с атакующими их Тварями на равных, но свое дело делали исправно, путаясь под ногами, закрывая проход, да и просто отвлекая от неутомимо свистящих мечей вольдов.

Хотя «неутомимо» — это еще как сказать. Пока скорость боя не падала, но видно было, что силы даже у железных вольдов на исходе. Сам Семен едва стоял на ногах. Из шести рожков осталось два. Даже просто обернуться, чтобы посмотреть, не идет ли помощь, времени не было.

Короткий свист — и сверху падает что-то тяжелое. Тварь? Нет! Сонди, сжимая в руках обломки лука, зажимая бок, пытается отползти назад, чтобы хотя бы не мешать. А вот это конец. На откос тут же бросился кто-то многоногий, и Теренс, чтобы не поймать удар сверху, вынужден был отступить на два шага. Всё, конец обороне. Позиция проиграна. А дальше... Дальше всё. Впятером на открытом пространстве они против волны Тварей не продержатся и десяти минут. Да где же помощь? «Ой, что ж я раньше системой оповещения не занялся?»

А Григору с Муритаем не отойти. Справа Теренса нет, он сдерживает многоногого. В дырке появляется какой-то богомол. Быстрый, зараза.

— Ма-а-ать! — заорал Семен, поднимая над головой автомат.

Предпоследний рожок. Веером поверх голов вольдов. Богомола снесло. Да что ж там за узоры были? Григор с Муритаем дела-

ют два шага назад. Сонди сзади поднимает руку с метательным ножом. Вал Тварей отвоевывает еще пару шагов. А Ольми? Он что же, один там остался? Нет, вот он. Встал рядом с Семеном, поддерживая Сонди и одновременно пытаясь отстреливать тех, кто забрался наверх. Всё. Верх проигран, отходим, пока кто-нибудь не решил заняться самопожертвованием и не спрыгнул на головы обороняющихся. Да где же подмога? «И чего я раньше не занялся системой оповещения?»

Назад. Шаг, другой. Они почти бегут. Дорога начала расширяться, холмы кончились, а с ними и жизнь. Открытое поле. Ну, где помощь? Теперь или никогда?! Дикий вой Тварей. Похоже, никогда. Теренс получил удар огромным, как бревно, хвостом. Нет! Держись! Григор, вытянувшись в броске, не дал добить. Ф-фух, встал, кажется. Морщится, но стоит. Да где же эта подмога? И не уйти уже. Догонят враз, да и Сонди... У Муритая повисла рука. Одной он тоже неплохо справлялся, но не со столькими же противниками. Последний рожок.

Ту-ду-ду, ду-дух. Бабах!!!

Что бы Семен изначально ни закладывал в свои патроны, но такого эффекта он не планировал, это точно. Проход между холмами накрыло как артиллерийскими снарядами. Череда непрерывных взрывов и вспышек мгновенно превратила наступающий вал кошмаров в непередаваемое месиво из мяса, крови, костей, клыков, щедро перемежающееся обрывками разрушенных узоров. Вольдов отшвырнуло, протащив по земле несколько метров. Удар был силен. К счастью, сознания Семен сразу не потерял, поэтому он еще смог порадоваться, когда по ушам резанул такой родной вопль, раздающийся из многих глоток:

— Гар-р-ро!!!

Последнее, что он успел подумать, перед тем как счастливо провалиться в заслуженное небытие, было: «Б...дь буду, если систему оповещения не сделаю!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

— Ну? — Семен повернулся к открывшейся двери.— Получилось?

— И да, и нет,— Се Ляо Юй, почти насильно утащенный Семеном от своей Команды, где он точно так же познавал мир, болтаясь с вольдами по Территориям, вошел в дом, держа в руках несколько кристаллов.— Первое: пакет дошел.

— Гарро! — подпрыгнул Семен, изобразив в прыжке апперкот.— Получилось. Мы сделали это!

— Подожди,— охладил его радость китаец.— Пакет пришел только на первый и второй кристаллы. Сделать-то мы сделали, только толку нам от этого чуть.

— Как это — чуть? — не согласился Точилинов.— Сам факт важен. Мы смогли передать информацию на расстояние по линиям хальер. Всё. Получилось. Дальше уже расширим и углубим.

— Не все просто,— Ляо Юй никак не желал разделять радостное возбуждение Семена.— Все прошло именно так, как я и рассчитывал. Второй кристалл стоял на восьмистах метрах. До него дошло все правильно, про первый на пятистах я не говорю. А вот дальше все пошло по расчетам. На третий пришла перемешанная в кашу половина, четвертый зафиксировал только сам факт передачи, а пятый,— он с сожалением поднял вверх один из кристаллов,— показал только общий стандартный шум. Всё, дальше двух километров не идем.

— Ну и что? — отмахнулся Семен.— Я помню твои расстройства. Размазывание сигнала, и все такое. Подумаешь. Всего-то и осталось — закрепить его получше.

— Нет, ты дохлого достанешь,— зашипел Се Ляо Юй, явно разозлившись не на шутку.— Двести раз тебе талдычил, никакое это не размазывание. Ты что, меня вообще не слушал?

Очнувшись от контузии в холмах, Семен с удивлением обнаружил, что его статус «немного» изменился. Никто из вольдов, как оказалось, нисколько не преувеличивал значение победы над тиххином. В принципе не побеждаемый змей принес Команде неимоверную популярность. Теренс сиял, как начищенная новенькая монета, стоимость его контрактов выросла до невероятных высот, и отбоя от клиентов не предвиделось. Остальные вольды ходили героями, рассказывая на каждом углу и в каждой таверне свои приключения. Уважение, оказываемое им, начинало переходить всяческие границы.

А Семен просто-напросто перешел в разряд полубогов. Так бывает. Сознание теряешь — просто уважаемый маг, очнешься ...даже и не скажешь кто. После случая с лапинаэиром Семен приобрел немалую популярность, со временем переросшую в неподдельное уважение, постоянно подкрепляемое его участием в делах Команды. Но сейчас всё было куда серьезней. Эпос вольдов сохранил немало историй, связанных с попытками добыть тиххина. Все эти истории были грустными и неточными — очевидцев и участников не осталось. А тут — на тебе... Принести голову лесного змея, да еще и добытого не просто на меч — на магию... Самим лично Мастером Ацекато изготовленными невиданными магиприпасами... Команда постаралась от души, до небес превознося магические таланты Семена. Ему стало на определенном этапе даже както неудобно выходить из дома, настолько непросто было переносить открытое восхищение поклонников. А если эти поклонники еще и огромные суровые бойцы, по самую макушку увешанные оружием, то и вовсе тяжко. С ними же еще и пить иногда приходится. Как обидеть-то? Никак. Про растекающихся в лужицу женщин всех рас, которые по одному только его взгляду готовы были на всё, упоминать не приходится. Поначалу это развлекало и доставляло даже некоторое удовольствие, особенно в той части, что касалась женского внимания, но постепенно Точилинов начал банально прятаться от всех.

Новыми магиприпасами Семен обеспечил Теренса и на этом остановился. Заказов было — огромная куча, Семена отлавливали в любых местах, хватали за рукав, предлагали немыслимые деньги, но он был непреклонен. Во-первых, в деньгах он уже не нуждался. Теренс продал эту клятую голову за совершенно немыслимую

сумму куда-то в Желтый Лепесток. Торки давали такую цену, что Теренс плюнул на расовую привязанность, послал подальше сородичей, чем немало их обидел, и отдал торкам добычу не глядя. Те утащили её, кажется, чуть не впереди своего визга. Когда Теренс объявил Семену его долю, Точилинов чуть не упал. О существовании таких денег он даже подозревать не мог. Теперь становилось понятно то маниакальное упорство, с каким Команда рисковала, отбивая тиххина у Тварей. Так что теперь деньги Семена не волновали ни в малейшей степени, и он с легкой душой отсылал всех визитеров подальше, ещё больше укрепляя свой авторитет. Никто ведь не хотел выглядеть полным дураком, которого просто послали, вот и выдумывали истории одна другой занимательнее, в которых Семен представал то чрезмерно озабоченным всемирными проблемами магом, то настолько важной персоной, что просить его заниматься такими глупостями даже как-то неудобно.

Короче, Семен наконец-то обнаружил, что счастье есть. И только одна проблема не давала ему покоя. Он больше никогда не хотел оказываться в ситуации, когда не можешь позвать на помощь. И дело даже не в том, что умирать страшно. Как ни парадоксально это звучит, умереть самому — не всегда самое неприятное, что может приключиться. Он неожиданно открыл для себя простую истину. Оказывается, наблюдать, как умирают те, кто пошел за тобой, кто тебе поверил, твои друзья наконец,— это может оказаться гораздо ужаснее. Семен Алексеевич Точилинов, Мастер Ацекато, больше не хотел попадать в такие ситуации. Поэтому первое, что он сделал, когда вал восхищений и «заманчивых» предложений немного схлынул,— попытался связаться со всеми магами, которые не ушли от мира и хоть немного, но практиковали среди вольдов. К его немалому удивлению, он не смог найти практически никого. Борис, Строцци, Се Ляо Юй и Гюнтер Гельц — вот и все маги, кого Семен смог обнаружить, не пускаясь при этом в путешествие длиной в год. Борис выпал. По крайней мере на начальном этапе. Пребывание в желудке, а вернее, удар точки фокуса, после того как он развалил удушающий узор тиххина, подействовал на него гораздо сильнее, чем могло показаться. Ему требовалось время. Гельц оказался, как говорится, не в теме. Он стал заядлым строителем и архитектором и всё свободное время посвящал возведению всевозможных зданий. Ну вот нравилось ему. И в теме связи он не понимал вообще ничего, да и проблема отсутствия боевого оповещения ему, представителю сугубо мирной профессии, как он сказал, была абсолютно не близка. Иногда жизнь в отрыве от всего мира затягивает. Гельц, погрузившийся в

своё подобие нирваны, которой ему, судя по всему, на Земле не хватало, совершенно не горел желанием ломать понравившийся ему образ жизни. Они пытались его убедить, но доводы Ляо Юя, что они способны создать всеобщую систему связи, не то чтобы совсем пустым звуком для Гюнтера оказались, но прозвучали както неубедительно, что ли. А у Точилинова то ли запала не хватило, то ли еще чего... Одним словом — минус.

На Строцци надежды было тоже как на синий лед. Он два дня поработает, а потом у него гонады переклинит, увидит какую-нибудь атали, воспылает взором — и нет его месяц. Горячий южный парень, что взять. А вот Ляо Юй оказался подарком, да еще каким. Мало того, что ход его мыслей полностью совпадал с ходом мыслей Семена, так еще он с восточной неторопливостью и дотошностью поддерживал связь почти со всеми магами. С кем-то переписывался по неверной почте вольдов, кому-то передавал приветы, а к кому-то и ездил в гости. Именно то, что Семен и заказывал.

И работа закипела. Месяцы ушли у них только на то, чтобы научиться сводить в пакет определенный объем информации и прицеплять его к линиям хальер так, чтобы можно было перенаправить куда-нибудь. Поначалу хотели скопировать какой-нибудь земной образец, но столкнулись с двумя фундаментальными проблемами: законами физики и энергетикой. Что касалось законов физики, то они, как и хальер, работали в Пестике очень своеобразно. Те же полевые рации, к примеру, в Зеленом Лепестке исправно служили, а в Пестике начинали безбожно глючить и ломаться. Энергетики, в частности тот же Уваров, объясняли это чрезмерным напряжением магнитных полей, коррелирующих с линиями хальер. Объяснение было не очень внятным, но никаких исследований провести не удалось, так как все электронные приборы, включая наручные часы и электронный градусник, невесть как завалявшийся в рюкзаке у Строцци, благополучно сдохли в первый же месяц пребывания в Пестике. А реанимировать их не получилось из-за второй проблемы — энергетики. Тут никаких объяснений придумывать было не надо: всё описание укладывалось в три слова и один предлог: «В Пестике электричества нет». Просто и ясно. Пытались покупать аккумуляторы через контрабандистов, но за каждую единицу пришлось заплатить столько, что идея более или менее массового использования их в жизни умерла не родившись. Да и приходили они полуразряженными. В итоге вернулись к тому, с чего начинали: идти своим путем. «Изобретать велосипед заново»,— вздыхал Точилинов.

Ляо Юй разослал письма с просьбами о помощи и консультации. Откликнулись почти все, и постепенно упаднические настроения Семена, уже решившего было, что единство людей-магов невозможно, сошли на нет. Мало того, вскорости они ждали в гости человек десять, которые, как оказалось, просто ждали весточки хоть от кого-нибудь. Все это наводило на определенные размышления, но Семен решил отложить их на потом. Сейчас горело другое.

— Я тебя слушал,— хорошее настроение Семена испортить было невозможно.— Но, извини, это ты не понимаешь. Дело в самом принципе. Если мы хоть что-то сделали, то улучшить это возможно, что бы там ни казалось поначалу. Ты помнишь Экскор? На каком расстоянии действовали узоры аталь? Правильно,— не стал он дожидаться ответа,— шесть километров. Так почему у нас с нашими линиями не будет больше?

Ляо Юй закатил глаза. Этот разговор повторялся в разных вариантах раз уже двадцатый, и китайцу каждый раз очень хотелось убить упрямого Точилинова.

— Да потому, что как раз из-за силы наших линий они не способны поддерживать передаваемый пакет на дальних расстояниях. Это я тебе как телепортист говорю. Если бы все было так просто, мы бы уже простым перебором местоположения нашли выход на Землю.

— Нет, не так,— Семен лучился довольством, что еще больше бесило китайца.— Это не они не могут поддерживать, а мы пока не научились передавать. Разницу чувствуешь?

— Пошел ты со своей разницей,— обычно вывести из себя уравновешенного Мастера Се не получалось ни у кого, но Семен не был обычным вольдом.— Я тебе про законы мироздания, выше которых не прыгнешь, а ты мне — про стремление духа.

— Мы научились ходить, значит, научимся и бегать,— разговор начал приобретать пулеметный темп.

— Ты можешь научиться и прыгать, но никогда не сможешь бегать быстрее собаки, например.

— Не смогу, но я могу придумать автомобиль, чтобы ездить быстрее всех. Кстати,— споткнулся Точилинов,— а почему у нас до сих пор ничего похожего нет?

— Стоп,— китаец выставил обе руки вперед.— Только не это, не начинай. Мы еще со связью не разобрались. Не надо, Семен.

— Ладно, с этим позже,— успокоил Ляо Юя Точилинов.— Перед нами теперь задача стоит не меньше чем на шесть километров научиться пакет передавать.

— А потом? — обреченно поинтересовался китаец.

— Потом? — Семен даже не задумался.— Потом я тебе объясню. Давай, собирай народ, сказки ему будем рассказывать.

— ...станции каждые шесть километров. Принцип сотовой связи на Земле все помнят?

Все помнили.

— Неудобно, конечно, но что поделаешь, на большее наших мозгов не хватило. Может, кто умный появится, лучше сделает, а пока так. Нам не шашечки, нам ехать. Связь позарез нужна.

— Да никто и не спорит.— Дон Антонио всегда был приверженцем эмоционального стиля общения.— Кто мы такие, чтобы спорить с людьми, которые дело делают. Ты нас пригласил, показал, что сделали, так мы тебе поклониться должны, а не хаять. А кто со мной не согласен — готов обсудить. Есть такие?

Он грозно оглядел столпившихся вокруг стола магов. Ответом ему был дружный смех.

— Антонио, в принципе, всё уже сказал,— вступил в разговор все еще улыбающийся Клаус ван Брюккен.

— Дон Антонию, попрошу вас, коллега.

— Дон Антонио,— с улыбкой поправился ван Брюккен.— Поэтому давайте, Мастер, опустим вступление. Очень интересно узнать, что нам нужно сделать, чтобы это все заработало.

Семен открыл было рот, чтобы опротестовать обращение «Мастер», но не стал. Пустая трата времени. Как оказалось, связи в Пестике нет, а слухи всё равно распространяются быстрее лесного пожара. Все присутствующие уже были наслышаны об их с Борисом подвигах, о новом статусе Семена и обо всём к сему прилагающемся. В среде вольдов Точилинов иначе как «Мастер Ацекато» уже и не упоминался. Теперь Семену пришлось смириться и с магами.

— Так,— Семен откинулся на спинку кресла, блаженно вытянувшись и закинув руки за голову.— Со связью разобрались, теперь что у нас там дальше?

Се Ляо Юй только обреченно вздохнул. На самом деле со связью не разобрались на данный момент никак. Всего лишь ван Брюккен взял на себя обязанности координатора проекта. Но Точилинов был абсолютно уверен, что проблема решена, несмотря на весь скептицизм Се Ляо Юя, под давлением согласившегося продолжить исследования. Не то чтобы Точилинов был благодушным мечтателем, пребывающим вне связи с реальностью,— он просто свято верил в педантичность и аккуратность ван Брюккена. На что

и указал Се Ляо Юю, который далеко не так радужно оценивал перспективы.

— Не вздыхай, ты же уже согласился со мной, обратного хода нет. Вот увидишь, Клаус справится. Ему натура не позволит просто так забить на работу. Тем более что у него, как и у меня, есть очень существенный повод эту идею реализовать.

Это было правдой. Одной из причин, по которым ван Брюккен согласился заниматься этой темой, да еще и практически взять ее на себя, была его собственная потеря. Медик, он начинал свою деятельность в Пестике так же, как и Семен,— ходил с Командой вольдов и изучал как типичные проблемы, с которыми сталкиваются вольды, так и механизмы поражения у разных Тварей. Не так давно, возвращаясь из очередного рейда, они попали под убегающего сотта-топтуна. Раненая зверюга выскочила настолько неожиданно, что трое из Команды не успели отскочить и были буквально расплющены. Мастерство Клауса смогло сохранить им жизнь, но проблемы на этом не закончились. Дело в том, что такого размера Твари исключительно редко ходят в одиночку. Как правило, их сопровождает целая свита из чистильщиков, падальщиков и тому подобных прихлебателей, которые кормятся за счет своего «сюзерена». Вот эта-то свита и увидела прекрасную возможность восполнить несбывшиеся мечты об обеде за счет вольдов. До ближайшего баронства было рукой подать — оттуда сотт и улепётывал, получив отпор,— но вызвать подкрепление не получилось. В итоге все трое раненых и еще один из Команды остались в Территориях, а ван Брюккен, вернувшись на базу, два месяца провалялся в депрессии. Удар действительно был силен, Семен его прекрасно понимал. Но, как бы цинично это ни звучало, жертва пришлась кстати. Услышав про систему оповещения, ван Брюккен чуть ли не первым прибежал на зов и выказал горячее желание поучаствовать в проекте. В техническом плане толку от него было чуть, но Точилинову и не требовался уже ученый в помощь китайцу, эту функцию взял на себя давний приятель незабвенной мадмуазель Софи, участник еще первого французского проекта Гермеса Жан Офшо. Он как раз специализировался на передаче пакетированных данных, правда телепортических, но это было неважно. Кстати, его нашел и вспомнил именно Ляо Юй. А для реализации проекта в целом Точилинову требовался горящий душой администратор, которого он и нашел в лице ван Брюккена. Так что Мастер Ацекато нисколько не лукавил, говоря, что проект системы связи можно считать реализованным.

— Я так понимаю, тебе скучно стало,— китаец, внимательно наблюдавший за развитием творческой мысли Точилинова, сделал нехитрое предположение.

— И да, и нет,— Точилинов сел, подпер подбородок руками и посмотрел на Ляо Юя.— По полям скакать уже надоело. Чего я там не видел? Деньги есть. Боевой опыт — тоже. Хочется чего-нибудь для души. Столько ж идей пропадает.— Взгляд его стал мечтательным.— А сколько мы еще не видели? Ты вот, например, что можешь рассказать о Пестике, кроме баронств и Территорий?

— Я? — Китаец явно не ожидал такого вопроса и немного растерялся.— Ну, не знаю. А что? Тут еще что-то есть, кроме Территорий?

— Вот,— торжествующе поднял палец Семен.— А ведь есть. Пестик практически не обжит. Тут и горы есть, и море. Ты был когда-нибудь в горах? Не на экскурсии, а по-настоящему. Так, чтобы жить там.

Се Ляо Юй неожиданно потускнел и поежился:

— Был. Не могу сказать, что мне там понравилось.

— Что-то не так? — насторожился Семен.

— Да нет, все нормально. Просто мой опыт ограничивается служебными командировками в Тибет. По армейской части. Я не очень люблю это вспоминать. Ну, ты понимаешь.

— Бог с ними, с горами,— Точилинов решил не заостряться на негативе.— Тут еще поле непаханое в плане исследования. Чего ни коснись — везде можно руки приложить.

— Да что тебя на стратегию потянуло? Тут ещё дел — начать и кончить.

— Не,— ухмыльнулся Точилинов,— здесь моей работы — только по Такатаку опорные станции расставить. Дальше сами разбирайтесь.

Праздник запуска системы затянулся на несколько дней. Все станции с ком-кристаллами, как их окрестили маги, были установлены, коды прописаны, узоры привязаны к местам. Посмотреть на невиданные чудеса, которые в мире магии по понятным причинам случаются редко, собралось огромное количество народа. Вольды, стараясь не выказывать своего интереса, величаво стояли в отдалении. Старики недовольно качали головами, объясняя всем и каждому, что эти выкрутасы до добра не доведут. Женщины решали, можно ли будет при помощи этой системы общаться с родственниками (Мастер Ацекато вроде говорил, что разрешит). А дети носились кругами, все время пытаясь что-нибудь потрогать, пошатать, а то и оторвать на память. В итоге Семен пригрозил по-

навешать на все приборы сторожевых узоров, чтоб не в меру любопытных наказывать. Мастера Ацекато в Такатаке уже уважали, поэтому сработало мгновенно. Настолько мгновенно, что, посмотрев на испуганные мордашки, Семен заподозрил, что им уже начали пугать маленьких детей. Но вот, наконец, настал торжественный момент.

Клаус ван Брюккен на правах руководителя проекта, заметно волнуясь, хотя всё двести раз уже прогнали и отработали, наговорил на кристалл приветственное сообщение, вставил его в магиприпас (систему на самом деле делали так, чтобы ей могли пользоваться все, кто захочет, а не только маги) и отправил письмо в путь. Три минуты напряженного ожидания — и кристалл озарился неярким светом, сигнализируя о полученном сообщении. В наступившей тишине — все затаили дыхание — раздалось шипение. Ван Брюккен отрегулировал громкость, чтобы всем было слышно,— и сочный баритон дона Антонио Сибейры, принимавшего послание на границе Такатака, отчетливо произнес:

— За...сь, Клаус. И вам не кашлять. Всё работает. Скажи Ацекато, что оставляем дежурного и отправляемся по бабам. Ха-ха-ха.

Вольды легли от хохота. Вся поляна содрогалась, вытирая слезы и валяясь на траве. Сам барон Такатак висел на плече у Теренса, по такому случаю стоящего в группе наблюдателей, и даже дышать не мог нормально, задыхаясь от смеха.

Семен, отсмеявшись, вытер слезы и повернулся к красному от уже и не сдерживаемого хохота Борису:

— Телеграф.

— Чего? — не понял тот.

— Телеграф, говорю, получился. А надо телефон сделать,— он внимательно посмотрел на ком-конструкцию и почесал в затылке.

— Нет! — в притворном ужасе отшатнулся Уваров.— Только не это.

Поначалу над китайцем, шарахавшимся от Точилинова, посмеивались, но по мере завершения проекта Семен все больше и больше искрился новыми идеями, и народ потихоньку начал понимать: они, что называется, попали. Се Ляо Юй, вовремя и незаметно отползший в сторону от начальственного энтузиазма, потихоньку дистанцировался от новых направлений, найдя себе достаточно трудоемкую на вид работу, и теперь все мысли, обуревавшие старого-нового лидера магов, доставались Борису. Так что к моменту завершения работ по проекту он, как и в свое время Ляо Юй, тоже потихоньку начал подумывать о бегстве.

Через два дня после завершения всех работ и торжеств Мастер Ацекато собрал семерых магов, уже практически осевших в Такатаке.

— Спасибо, что пришли,— Семен оглядел собравшихся.

Семь магов. Семь человек, которые оживляют для него его прошлое. Тот мир, к которому возврата уже нет, да и будет ли, неизвестно. Даже найдись выход обратно на Землю, вернутся ли они туда? Теренс потихоньку оказывался прав в своих предположениях, сделанных еще тогда, в их первую встречу на болотах. И теперь эти семеро магов — всё, что осталось у мага по имени Ацекато. Нет, не все. Еще оставались двадцать шесть магов где-то в Пестике и семь живых существ, с которым связано никак не меньше, чем со всеми землянами. Команда Теренса. С ней он уже попрощался.

Прощание получилось на удивление легким. Мудрый глемм давным-давно предвидел такое развитие событий, поэтому Семену даже не пришлось долго что-либо объяснять. А кочевой, по сути своей, народ, вольды, и подавно привыкли философски смотреть на расставания и прощания. Всё просто. Уходишь — счастливо, приходишь — привет. Тем более что Семен пообещал вернуться. Единственное, что по-настоящему его царапнуло (он даже не ожидал), так это прощание с Муритаем. Что сказать, не знал ни один, ни второй. Так, постояли, пожали друг другу руки на прощание и пошли, сгорбившись, каждый по своим делам.

Но осадок остался, и этот осадок даже сейчас, перед магами, все равно не давал Семену покоя.

— Я попросил вас всех прийти сюда, чтобы сообщить о том, что я ухожу.

Драматичного эффекта не получилось. Не то чтобы Семен ожидал рыданий на груди и клятв в вечной дружбе, но реакция магов его как-то... обескуражила, что ли.

— Ухожу,— немного настороженно повторил он.— Из Такатака. Надолго.

Молчание. Маги бесстрастно смотрели на него, никто не проронил ни слова.

— Если кто со мной...— Семен запутался, сбился.— Ну, в общем, вот. Приглашаю.

То же молчание. Семен не знал, что и думать, и тут вдруг он зацепился взглядом за пунцовое от сдерживаемого смеха лицо Бориса, старательно прячущегося в углу комнаты за спинами остальных.

— Не понял? — Недоумение начало перерастать в раздражение.

Борис не удержался и прыснул. И тут всех прорвало. Семь человек от души хохотали, глядя на ничего не понимающего Семена.

— Что ж вы, Мастер, нас совсем за дураков, что ли, держите? — Тембр дона Антонио пробивался через любую какофонию.

— Прости, Сема,— Борис пробился через веселящихся людей и подошел к Точилинову,— но ты не самый лучший конспиратор. Давным-давно все уже поняли, что ты куда-то собираешься.

— А что ж вы молчали? — Семен не знал, злиться ему или смеяться со всеми вместе.

— А зачем тебе удовольствие портить? — вытерев слезы поинтересовался Се Ляо Юй.— Ты собрался, подготовился. Здóрово. Мы тоже подготовились.

Маги расступились, и изумленному взору Точилинова предстали несколько ящиков с до боли знакомыми этикетками.

— Что это? — Точилинов демонстративно протер глаза.

— Водка русская,— тоном заправского зазывалы провозгласил Борис,— виски американское, вино французское. И пиво,— он осмотрел ящики со всех сторон,— со всей родной планеты, короче. И, по-моему, даже торкское завалялось. Подходи, налетай, не зевай, хватай. Вот!

— Нет,— замотал головой Семен.— Мне уже завтра выходить.

— А вот уж и нет! — Медведеобразный ван Брюккен, к слову сказать, за два метра ростом, просто положил обе руки на плечи Точилинова и несильно нажал. Семен как подрубленный плюхнулся на стул, услужливо подставленный Офшо.— Никуда ты сейчас не пойдешь. Есть у тебя там дела, нету — это твои проблемы. А вот если ты сейчас с нами не выпьешь, в Такатак можешь не возвращаться.

— Да подождите... мне же рассказать надо,— Точилинов все уже понял, но все-таки попробовал предпринять последнюю отчаянную попытку. Хотя...

— Вот по ходу и расскажешь,— дон Антонио держал в каждой руке по бутылке и щедро разливал в подставленные бокалы.

— А мы очень внимательно послушаем и, может быть, даже что-нибудь посоветуем,— Борис с бутылками пива не отставал от испанца.— Пей давай.

Семену в руку всунули огромную кружку, и он решился. Веселиться так веселиться.

Все работало как положено. Семен проверял все станции, попадавшиеся по дороге, как и обещал оставшимся магам, так что к моменту выхода из Такатака он мог с уверенностью сказать, что проект с системой оповещения действительно удался. Ничего не сбоило, ничего не падало и не ломалось. Шестьдесят три станции

работали как одна. Оставалось еще пять — и Такатак закончится. Первый барон, основатель династии Такатак, вовремя отхватил узкую полосу возле Территорий, и теперь его последователи пожинали плоды. Семен не был ещё силен в истории Пестика и не мог с уверенностью сказать, родственник ли нынешний барон отцу-основателю, но вот то, что он, как и все его предшественники, правильно распоряжался полученным имуществом, сомнений не вызывало. Такатак, узкой полосой протянувшийся вдоль северного края Территорий, был постоянной базой, удобным плацдармом, тихой гаванью и еще кучей чего для всех вольдов, собиравшихся пройти в Территории с этого края. Если бы не вольды, Твари Такатак давно бы с землей сровняли, но за долгое время существования баронства вольды сумели донести даже до самых безмозглых Тварей, что здесь им ловить нечего. Вот и держался остров бесшабашности, веселья и разгуляя, оставляя в местных тавернах и гостиницах бóльшую часть заработанных денег и поддерживая благосостояние семьи Такатак. Семен, впрочем, нисколько не возражал. Нынешний барон был ему глубоко симпатичен, тем более что он как-то сразу уверовал в земных магов и активно поддерживал все их начинания. То ли провидя будущее, то ли еще из-за чего, но, к примеру, систему поставить он согласился без колебаний. Такие же предложения Семен сделал и двум его соседям, Ташине и Сусси, но те сомневались. Семен, четко себе представлявший, какие выгоды может сулить устойчивая связь, и насколько прибыльным может быть это предприятие, только хмыкнул и пожал плечами. Сливки достанутся Такатаку.

Следующие шесть километров Семен проделал не спеша, наслаждаясь видами природы. Все-таки жить стабильно, не затрагивая разные стороны бытия, означает в чем-то себя обделять. Вокруг бушевало лето. Яркое солнце, зеленоватое, как и во всём Клевере, кроме Земли, поглаживало уходящую вдаль дорогу. Запах цветущих растений одурял. Птицы решили приветствовать редкого путника всем своим репертуаром. Не жизнь, а мультфильм какой-то нарисованный.

И все-таки чего-то Семену не хватало. Настолько, что он даже несколько раз обернулся посмотреть: ничего не потерял? Да нет вроде.

Справа хрустнула ветка. Точилинов дернулся. Фу ты, зараза. Крупная птица, размером с хорошего индюка, неторопливо высунулась из кустов, высокомерно осмотрела дорогу, самого Семена — и спряталась обратно. И Семен вдруг понял, чего ему не хватает. Команды. Ощущения, что со всех сторон ты прикрыт. И если ты даже

прохлопал чего, то Тварь, высунувшуюся из кустов, тут же накроют как минимум двое. Точилинов поежился. Ей-богу, как голый.

— Домой хочу,— проворчал Семен, осматриваясь из-под бровей. День внезапно перестал казаться таким уж ярким, птицы стали петь пронзительнее и мешали сосредоточиться, да и вообще...— И чего я здесь забыл?

Семен сказал, и сам удивился перепаду своего настроения. Нет, по Команде он действительно соскучился, но не так ведь, чтобы полностью испортить себе настроение. А что случилось-то вдруг? Оставшиеся четыре километра до следующей станции Точилинов проделал поминутно озираясь и ощущая себя полным дураком. Но ничего поделать с этим не мог. И дело было уже не в том, что Команда там, а он здесь. Нет. Постепенно пришло ощущение взгляда в спину. Оно с каждым шагом становилось все материальнее и материальнее. Как будто палку к спине приставили. Не будучи по природе ипохондриком, привыкшим трепетно относиться к каждому своему постукиванию или покалыванию, Семен, тем не менее, за время своей недолгой жизни понял одну вещь. Если тебе долго кажется, что за углом твоего дома тебя ждет убийца, то лучше либо сменить маршрут, которым ходишь к дому, либо чем-то вооружиться. Убийцу ты, конечно, вряд ли встретишь, но вот вероятность за этим углом быть укушенным соседской собакой, которой именно сегодня кто-то испортил день, весьма и весьма велика. А Теренс еще больше углубил эту теорию, всячески поощряя своих бойцов в их стремлении шарахаться от любой тени. Это осталось бы словесным оборотом, если бы одна из Тварей не носила название *«шшачи»* — как раз «тень» на глеммдале. Она и выглядела именно как тень. Так что детская примета — «не становиться на тень» — в Территориях блюлась свято. Хорошо еще, что шшачи дальше Территорий не выходили, вот «смеху»-то было бы...

Шестьдесят четвертая станция тоже работала в дежурном режиме, исправно посылая и принимая информацию. «Надо же,— хмыкнул Точилинов,— быстро к хорошему привыкают». Ком-кристалл станции, расположенный на ее вершине, почти не переставая светился, показывая активный обмен. Общение шло вовсю. Не прошло и недели, как система оповещения, превратившись в систему связи, прочно вросла в жизнь баронства. Семен тронул передающий кристалл (каждая станция имела стационарный) — и замер. Взгляд в спину исчез. Точилинов медленно, не поднимая головы огляделся — и понял, почему. Всё-таки кто-то испортил этой собаке настроение.

Пять аталь, стоящие кругом. Пять воинов-листьев. Зеленые одежды. Повязки на лбу у всех — только старшие пятерок. Изум-

рудные Стрелки. Гвардия Зеленого Принца. Здесь, в Пестике. Что им здесь нужно? «Погулять вышли. Дома скучно...» — сам себе ответил Семен. За ним? Вряд ли, не так-то просто его выследить.

— Мастер Ацекато?

Оказывается, все-таки просто.

Так, а это еще кто?

Высокая фигура, целиком затянутая в светло-серую кожу, выступила из-за неподвижных Стрелков. Абсолютно лысый череп украшала замысловатая вязь татуировок. Заострённые зубы скалились в жутковатом оскале. Жёлтый Лепесток? Торк? С пятеркой Изумрудных Стрелков? А-а, вот оно в чем дело. Заглядевшись на величественную фигуру, Семен совершенно выпустил из виду украшения на одежде торка. А тут было на что посмотреть. Разноцветные бусы широкой волной спускались на грудь шамана. Именно шамана, потому что никем иным он быть не мог. Браслеты на руках и ногах, серьги, кольца и другая бижутерия. Он бы выглядел полным папуасом, собравшимся на свадьбу, если не знать, что ничто из надетого не является украшением. Амулеты, магиприпасы и еще черт знает что. «В бою первым делом выбиваются торкские шаманы,— всплыл в голове у Семена один из рассказов Теренса.— Они способны разрушить любой узор, блокировать любой механизм. Если они в строю — жди проблем!»

Мысли понеслись вскачь. «За мной? Торк? Почему именно торк? Что, аталь не справятся? А потому что уже не справились. И почему только начальники Стрелков? Я такой сильный?»

— Мастер Ацекато? — ухмыльнулся торк.

У Точилинова в голове что-то щелкнуло. Щит! Тишина. Стрелки вскинули луки, но торк предупреждающе поднял руку. Семен даже движения не уловил, ноги предательски задрожали. Куда ему против бойцов аталь. Правильно Муритай говорил. Муритай. Вот когда Семен пожалел об отсутствии Команды. Эх, вот бы сюда... Стоп, а зачем он полтора года всю эту хреновину городил? Мастер Ацекато с торжествующей улыбкой повернулся к станции. А вот мы сейчас вам и устроим...

Удар по воздушному щиту отдался такой болью во всем теле, как будто это по нему самому ударили. О станции пришлось забыть. Семен повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть летящие в него стрелы. Он даже моргнуть не успел, но щит сработал за него. Все вернулось. Аталь стояли так близко, что стрелы, отброшенные щитом, прилетели почти к ним. Убить или ранить они, конечно, не могли, но Стрелки, ничего подобного не ожидавшие, были неприятно поражены. Вид надменных воинов, пусть и грациозно, но уво-

рачивающихся от собственных стрел, вызвал у Точилинова короткий смешок. Короткий, потому что шаман не дремал. Ещё один удар. Семена сбило с ног. Ещё. Семен влетел в станцию, которая отозвалась недовольным гулом. Подумаешь, станция — металлический стержень, опутанный узорами, как коконом. Шаман нахмурился. Удары посыпались один за другим. Одновременно с ними в плотном узоре щита появилась маленькая дырочка, которая начала потихоньку расти. Вот оно. Торкские узоры в действии. Рефлекторно Семен схватился за расходящиеся линии узора и захлопнул их. Узор стал прежним. Оскал шамана перестал быть торжествующим и снисходительным. Похоже, такой реакции он не ожидал. Торк напрягся. Семен почувствовал давление и ответил тем же. Давление исчезло. Шаман уважительно посмотрел на Семена через прозрачную преграду, склонил голову и демонстративно поднял и опустил плечи во вздохе. Мол, ну ты сам напросился.

Аталь подошли вплотную. Пять фигур угрожающе замерли на границе щита. Так близко, что казалось, они вот-вот дотронутся до него. Умом Семен понимал, что им до него не добраться, но подсознанию было не объяснить. Обнаженные мечи неспешно покачивались в опущенных руках. Нервировало это неимоверно...

Но ему было чем ответить на сей раз. Не отводя взгляда от замерших фигур, готовых принести смерть в любой момент — как только он ослабит защиту, Семен потянулся к ком-кристаллу. Вот когда проверяется жизнеспособность системы. И всплывают все недостатки. Только на практике. И крайне желательно, чтобы это не оказалось оплачено чьими-нибудь жизнями. Тут же всплыла первая проблема. До телефона скорой помощи Семен добрался, вот только линия оказалась занятой. Ком-кристалл светился ровным светом, ясно показывая, что желающих пообщаться набралось уже более чем достаточно. Еще одного тут не ждали.

— Б...дь твою в душу ни маму через дышло и коромысло!!! — Точилинов уже не сдерживался. Да какое тут сдерживаться, когда жизнь висит на волоске, а какой-то сраный перец из баронств демонстрирует очередной подружке свое немереное магическое умение. Как же, добрался до шайтан-камня, падла. Да включайся же ты! — Семен чуть не раздавил ни в чем не повинный кристалл. О! Промежуток! Ну наконец-то!

Семен включил кристалл на запись:

— Борис, Ляо Юй, Теренс, Муритай, Такатак! Всем, кто меня слышит! Говорит Мастер Ацекато. Я на шестьдесят четвертой марке. Здесь пятерка Изумрудных Стрелков и торкский шаман. Мужики, выручайте. Стою под щитом, двинуться не могу. Кто слы-

шит, передайте по адресу. Жду ответа, прием,— он очень старался, чтобы в голосе не было дрожи.

Вставил кристалл в крепление, активировал пуск и, довольно осклабившись, повернулся к аталь.

— Что, красавцы? Теперь ждите гостей,— задушевно поведал он одному из Стрелков.

Тот секунду задумчиво смотрел на человека сквозь воздушное стекло, соображая. А потом резко дернулся вперед, показывая удар. Как ни уверен был в своем узоре Семен, все же инстинктивно отшатнулся. Улыбку стерло с его лица. Аталь раздвинул губы в угрожающей усмешке и медленно показал своим мечом, как он будет отрезать Семену голову. Точилинова затрясло.

После всего пережитого, когда сигнал о помощи уже отправлен, щит поставлен, и ничего больше сделать нельзя, Точилинова начало потихоньку отпускать. Очень хотелось лечь на землю, закрыть голову руками, и — гори всё синим пламенем.

За этой психической атакой Семен абсолютно забыл о шамане. А оказалось — зря. Когда Точилинов, наконец, перевел взгляд на торка, то не обрадовался совершенно. Шаман сидел, скрестив ноги, перед ним возвышалась небольшая горка из амулетов и прочей белиберды, которую он поснимал с себя. Раскачиваясь из стороны в сторону, он, как и положено шаману, что-то негромко напевал, периодически делая руками пассы над этой горкой. Радовать это не могло.

— Семен,— кристалл ожил, заставив Точилинова подпрыгнуть,— это ван Брюккен. Помощь пошла. Но если ты шутишь, то лучше бы тебе уже сейчас об этом сказать. Какие аталь? Прием.

Если бы это был не голландец, а тот же Сибейра, например, Точилинов бы отматерил дурака почем зря. Но с ван Брюккеном такие вещи не проходят.

— Клаус, ты меня за кого держишь, как такими вещами шутить? Пятерка Изумрудных Стрелков плюс шаман. Он сейчас какую-то пакость готовит. Будет мой щит, я так думаю, пробивать. Я понимаю, что чудес не бывает, но постарайтесь побыстрее. Очень мне страшно. Прием.

Семен отправил сообщение и задумчиво поглядел на ком-станцию.

— Нет, точно. Если выберусь, однозначно из него телефон сделаю.

Его внимание вдруг привлекло какое-то движение за щитом. Он поднял голову — и вздрогнул от неожиданности. Аталь исчезли. Только шаман сидел в прежней позе. Глаза его туманились, он пребывал в трансе. Семен завертел головой, пытаясь понять, что произошло. И увидел. Из-за поворота дороги походным шагом

вышла группа. Вольды? Нет. Шесть гертадинов в форменных цветах Такатака, осматриваясь по сторонам, двигались к нему. Гертадины! На Изумрудных Стрелков! Что они, его совсем не слушали?!

— Назад! — закричал Семен, даже не сообразив сразу, что щит не пропускает звуки.— Назад, тут засада!

Да что же это?! Их же перещелкают, как в тире.

— Уходите! — замахал он руками.

Нет, не слышат. Видеть видят, но не понимают. Щит снять надо! А...

Еле уловимое движение слева. Семен повернул голову. Изумрудный Стрелок, прикрытый от гертадинов широкой веткой, стоял нацелив стрелу прямо в лицо Точилинову. Ну, маг, что выберешь? Снять щит не получится ни на секунду. Стреляют они быстрее, чем ты дышишь. Только убери защиту — тут же получишь стрелу в голову. Острый наконечник глядел прямо в глаза Точилинову, предрекая мгновенную смерть.

Гертадины приближались. И ничего сделать нельзя. Если его убьют, то уж гертадинов точно не пожалеют. Или это он пытается оправдать свою трусость? Размен?

Аталь издевательски качнул головой в сторону идущих, предлагая... Что?

Мгновения текли и текли, Точилинов не мог заставить себя сделать ни одного движения. А потом все кончилось в одно мгновение. Ну что муниципальная милиция может сделать профессиональным воинам? Стрелы с зеленым оперением мгновенно выросли из уже мертвых тел гертадинов. Кто там был? Люди? Глеммы, торки? Или даже аталь?..

Неверным движением Семен поднял руку к лицу. По нему текли слезы.

Когда кристалл ожил опять, сколько прошло времени, Точилинов сказать не мог. Его душило... Что? Ненависть, страх, стыд, бессильная злость?..

— Семен, как ты? Живой? Прием.

— Живой,— сдавленным голосом начал наговаривать сообщение Точилинов.— Они убили шесть гертадинов, посланных ко мне. Какой идиот додумался их отправить? Я же сказал про Изумрудных Стрелков. У меня всё то же самое. Жду вас. Прием.

Эмоции у него перехлёстывали через край. Когда ничего не можешь сделать, то все переживания превращаются в пар, кипящий в котле под крышкой. Иногда этот котел может взорваться.

— Терпите, Мастер,— ван Брюккена сменил дон Антонио.— Вольды с Кривым Саем вышли сразу же, но им время требуется, а

тут Ляо Юй чего-то новенькое придумал, ваши с ним собираются. Может, быстрее получится. Прием.

Семен даже не успел удивиться. За щитом произошло много чего.

Шаман, одним движением поднявшийся с земли, протянул руки вперед, и кучка артефактов перед ним начала дымиться. От нее в сторону щита потянулась над землей струйка дыма, становящаяся все гуще и гуще. Вот она коснулась преграды, и щит начал расходиться в стороны, как застежка-молния на палатке. Семен попытался схватиться за края... Ничего не вышло. Хвататься было не за что. Узора, которым торк вскрывал его защиту, просто не существовало. По крайней мере для Семена.

Сантиметр, два, три. Щит раздвигался, а Семен беспомощно стоял и смотрел, как исчезает последняя возможность выжить. Стрелки бесшумно выстроились по краям разреза. Соваться в струю дыма они не решались. И правильно, чего им спешить. Пять минут подождать — добыча сама в руки упадет. Тепленькая и беззащитная. Беззащитная?! Точилинов схватился за меч, как тогда, в доме у Теренса, и так же, как тогда, с проклятием его отбросил. Идиот, кретин, придурок конченый! Какой меч?! У него же...

Судорожно дернув завязки мешка, Семен принялся копаться в нем, остервенело выбрасывая лишнее. Вот он. Ну держись, родной, сам напросился.

Точилинов встал прямо перед торком, поддерживающим свой невиданный узор, посмотрел в раскосые глаза, где к удовлетворению начало примешиваться беспокойство, и поднял пистолет.

После автоматных патронов, которые себя более чем оправдали, Точилинов решил приготовить новое блюдо, специально для путешественников. Вот и пригодилось. Кто же знал, что так скоро придется воспользоваться?

Семен оскалился:

— Беретта, мой злобный друг, беретта.

С первой же пули голова торка лопнула, как арбуз, забрызгав кровью всё вокруг. В принципе, хватит. Но Семен для страховки сделал еще два выстрела по недвижимому телу. Вот теперь всё. Он опустил пистолет.

Узор, однако, и не думал исчезать или хоть как-то замедлять свое продвижение. Щит продолжал расходиться. Вот она, магия торков. Узоры завязываются не на человека, а на предметы. Поздно он это вспомнил. Ну, что делать будешь, Мастер Ацекато? Аталь за стеной хищно осклабились.

Но под давящим ощущением приближающейся смерти Семен все же вспомнил. Трудно сказать, что тут сработало: прежний опыт или

жизнь с вольдами, но Его Магичество Мастер Ацекато не всегда был магом, когда-то он был и полковником российской армии. И выводил людей из Зеленого Лепестка. Как там Саша Агатьев делал? Тогда, с медузой? Кстати, а где он, осенило Семена, про разведчиков он и забыл как-то. А?.. Потом. Всё потом. Сейчас задача — выжить.

Точилинов поднял пистолет, очень тщательно прицелился и аккуратно, как в тире, выпустил оставшиеся шесть патронов в исходящую дымом кучку артефактов, оставшуюся в наследство от валяющегося рядом торка.

Шарахнуло так, что многострадальный щит заходил ходуном, еле удержавшись на месте. Рванули не только бусы, разложенные шаманом на земле, рванул неизвестный узор, намертво прилепленный к месту. Как Семен удержал щит в этом магическом шторме, он и сам не понял. «Что ж я такое туда мешаю? — потряс гудящей головой Семен.— Ведь в который раз уже...»

Аталь тоже пришлось несладко. Один из Стрелков лежал без движения сломанной куклой, второй баюкал переломанную руку. Остальные трое выглядели... помятыми.

— Что, взяли, суки? — Тяжело опираясь на станцию, Семен встал и торжествующе посмотрел в глаза одному из аталь. Тому самому, кажется, который обещал ему отрезать голову.— А вот теперь точно ждите гостей.

Стрелок выдержал взгляд. Не моргая, он смотрел в глаза Семену. Потом медленно поднял меч, указал им на Семена и повторил тот же жест, отрезающий голову. Кивнул, соглашаясь, мол, живи пока, и, уже не тратя время на Точилинова, повернулся к остальным и начал отдавать приказы.

Прихрамывающие Стрелки, двое оставшихся на ногах, подошли к своему лежащему товарищу, подняли его и понесли куда-то в лес, откуда они и появились. К порталу, надо думать. Стрелок подошел к раненому, помог ему подняться. И они тоже направились вслед за уходящими. Семен провожал их, не отрывая взгляда, не веря своему спасению. За несколько шагов до деревьев, обрамлявших поляну, аталь еще раз обернулся и поднес меч к горлу. «Тебе конец, человечек, я еще вернусь».

Семен поднял согнутую в локте руку и похлопал другой по сгибу локтя. «Да пошел ты...» Аталь сверкнул глазами и скрылся в лесу.

А Семен уселся на землю и шумно выдохнул. «Смелый, да? Из-за закрытой двери плеваться. А встретишься с ним на узкой дорожке, что делать будешь?» — вылез откуда-то изнутри противный человечек, который всем периодически умудряется портить жизнь. Против правды-то не попрешь.

«Никакая это не правда! — Точилинов категорически не хотел соглашаться.— Впятером на одного, какая уж тут правда. А насчет узкой тропинки, это мы еще посмотрим, кто кого!» Спорить тут можно было долго, но одно было ясно как белый день — он только что приобрел, похоже, смертельного врага. «Ха,— для разнообразия маленький человечек решил сыграть за него,— а до этого он, можно подумать, твоим лучшим другом был. Он так и так будет пытаться тебя убить, пусть при этом еще и попсихует».

— И то правда,— вслух вздохнул Семен.— Но как же не хочется всю жизнь прятаться.

Какая-то мысль в связи с этим мелькнула в голове. Настолько очевидная и простая, что Семен даже остановился, пораженный. Но обдумывание пришлось отложить.

С треском, слышным даже из-за щита, который Семен и не подумал снимать (еще не хватало), на поляне возникли три больших, в рост человека, ярких пятна — и мгновенно раскрылись, как бутоны.

— Это что еще за хрень? — оторопело выдавил Точилинов. По его мнению, на сегодня подарков и так выше крыши было. Еще одну «бригаду поддержки» он не выдержит.

Но это оказались, ни много ни мало, внутренние порталы переходов, из которых, словно атакующие Твари, посыпались вольды. Спасатели прибыли. Первыми из ближайшего «бутона» вылетели три фигуры: мощный куб, остервенело размахивающий огромным топором; высоченное дерево, готовое смести с дороги всё, что попадется, оскалившееся в самой злобной из набора улыбок; и гибкая молния, первой оказавшаяся у стенки щита.

Ольми мгновенно развернулся, оценивая ситуацию, и медленно выпрямился, обводя взглядом окрестности в поисках врагов. Остальные вольды также вылетели из порталов, полностью готовые к смертоубийству. Если честно, зрелище открывалось феерическое. Вольды атаковали очень красиво. Не прошло и нескольких секунд, как вся поляна была под контролем. Если бы Изумрудные Стрелки задержались хоть на полминуты, они бы не ушли. Муритай, вихрем пройдясь по поляне, уже не скрываясь, подошел к щиту, распластался на нем, как огромная лягушка — сходство подчеркивала фирменная улыбка от уха до уха,— и с удовольствием хлопнул рукой по невидимой тугой поверхности, приветствуя Семена в мире живых.

— Замечательно,— проворчал себе под нос Точилинов.— Самое время. Что бы я без вас делал, просто не знаю.

Но проворчал он это очень тихо, только для того, чтобы выпустить немного пара, которого, как оказалось, накопилось более

чем достаточно. Он был несправедлив. Эти порталы вообще бог знает что такое, Семен и не видел никогда, чтобы перемещались на такие расстояния. Это как же рассчитать и построить узор надо было? Вольдов, вообще, здесь дня два не должно было быть. Так что Точилинов свое ворчание быстренько свернул.

Теренс не спеша подошел к щиту, дождался доклада от кого-то из леса и кивнул Семену: узор можно было снимать. Семен шевельнул пальцами, расплетая узор, и на него обрушилась волна звуков вместе с Муритаем, причем последний — в буквальном смысле.

— Вот отпусти тебя одного,— возмущался торк.— Недели не прошло, чтобы в какую-то гадость он не вляпался. Как ребенок, честное слово. Далеко собрался? Всё, больше без охраны ни шагу. Хватит.

— И правда, Мастер,— Теренс аккуратно упаковывал свою франческу, стоя рядом.— Вы бы не рисковали больше в одиночку-то перемещаться. Не ровен час какой-нибудь удалой молодец все же придумает, как до вас добраться. Нам будет вас не хватать.

— Здравствуйте, Мастер,— Ольми в своей аристократичной манере внимательно оглядел его с ног до головы.— Рад видеть вас в добром здравии. Я тоже надеюсь, что в будущем мы сможем избежать подобных проблем.

— Ваше Магичество,— Тор, весь в паутине и листьях, протиснулся между вольдами,— все в порядке? Уф, а мы уж перепугались.

— Жаль, подраться не получилось. Головы бы поотрывал, паразитам,— Тронд, как танк, легко раздвинул стоящих и поздоровался с Семеном.— Мое почтение, Мастер. Вы бы поаккуратнее, что ли?

— Ушли. Портал закрыли. Двое раненых, я правильно понял, Ваше Магичество? — Сонди прошел через вольдов, как привык ходить по лесу. Вроде шел как шел, а никого даже не задел.

— Здравствуйте, Семен Алексеевич,— протянул руку Григор.— Вы не пострадали?

Свои. Семен даже не слушал, что там ему говорили. Он просто смотрел на вольдов, бросившихся его спасать, искренне и сильно переживавших за него, как бы ни прятали они свое беспокойство за разными масками, и понимал, что вот это, наверное, и есть его дом. Дом — это не стены, это люди. Точилинову от избытка чувств отказали ноги. Только сейчас он понял, насколько близок был к смерти и как много значит для него вот такая поддержка. Семен опустился на землю.

— Нет, только не это,— возопил Муритай.— Опять тебя на горбу таскать?!

Вольды захохотали. Смеялись они долго, выплескивая напряжение, накопившееся за все время. Остальные вольды, бродящие

по поляне — а Теренс сдернул с собой без малого три Команды,— начали оборачиваться. Поначалу смотрели с недоумением, но постепенно (смех — штука заразная) смеялась уже вся поляна.

Резкий треск разрываемого воздуха заставил всех обернуться. Почти все тут же схватились за оружие. Ну еще бы, это Семен уже видел, как выглядит со стороны открывающийся портал, а вольды из него пришли, у них не было возможности понаблюдать со стороны.

Бутон портала раскрылся, и из него выскочили две фигурки.

— Свои,— подняв руки, закричала одна из них тонким голосом. Се Ляо Юй высмотрел Семена и бросился к нему. За ним поспешал не кто иной, как Джузеппе Строцци, не так давно присоединившийся к Комитету по Связи, как стали называть себя участники проекта.

— Живой?! Ну слава богу,— китаец осмотрелся.— Всё в порядке? Что здесь было?

В пять голосов ему немедленно рассказали пять взаимоисключающих версий.

— Всё,— Ляо Юй поднял вверх руку.— Я всё понял, а чего не знаю, потом расскажете. Семен, чего мы учудили, ты видел?

Лицо китайца сияло, даже глаза, казалось, стали пошире от избытка чувств.

— Если порталы твоих рук дело, то видел. Что это было?

— Не моих,— Ляо Юй чуть не подпрыгивал на месте. Видеть человека его возраста и положения пританцовывающим на месте от нетерпения было странно.— Это Джузи постарался.

— Сколько раз я просил, не называйте меня Джузи,— вступил Строцци.— Здравствуйте, Семен Алексеевич, рад вас видеть. Надо сказать, это вы очень удачно попали в переделку.

— Да? — поднял брови Семен.— Я бы так не сказал. Сам не хочешь попробовать? Ты с ними дело-то уже имел.

— Нет, спасибо,— открестился итальянец.— Я как-нибудь потихоньку без них справлюсь. Я про другое говорил. От вас как сообщение пришло, так все на уши встали. Теренс, тот вообще такое там устр... хм...— осекся вдруг он.

Семен только краем глаза успел увидеть огромный кулак глемма, показанный Джузеппе. На душе потеплело.

— Короче, все перепугались,— справился с собой Строцци.— Я вообще в ступоре был. А потом меня как осенило: вольдам до вас несколько дней идти, а координаты ваши известны до миллиметра, станцию-то размещали точно по месту. Так я и подумал, а чего бы и не попробовать портал построить? Мастер Се...— Строцци замялся.

— Я поначалу не соображал вообще ничего. Как представил, что тебя тут уже того, так руки опустились. Я его выслал подальше с этими идеями, но меня, гм, переубедили,— с трудно определяемой гримасой закончил Ляо Юй.

— Клаус с Муритаем его подняли и сказали, чтоб через пять минут портал был готов,— хихикнул Строцци.— Картина была та еще. Представь, ван Брюккен с Муритаем убеждают Мастера Се согласиться.

Семен представил — и чуть снова не расхохотался. Да, выглядело, наверное, знатно. Букетик фиалок меж двух агрессивных дубов.

— Ну, как бы то ни было,— смущенно почесал кончик носа Ляо Юй,— но вдвоем с Джузеппе мы формулу нарисовали где-то за полчаса. Я и не ожидал, что будет так просто. Оказывается, всего-то надо знать исходники и топопривязку, причем даже необязательно по четкому месту, тут такие идеи появляются...

— Стоп! — остановил хлещущую через край творческую мысль Точилинов.— Давай позже и не здесь, а то мне не очень по себе тут дальше сидеть, ладно?

Праздновать «чудесное» возвращение Мастера Ацекато собралось неожиданно много народа. Семен и не ожидал, что к нему так хорошо относятся. В Такатаке его чуть ли не с цветами встретили. Почти каждый вольд, попадавшийся на пути, хотел выразить свою радость по поводу его спасения. Барон Такатак устроил грандиозный прием, как обычно это бывает у вольдов, затянувшийся на несколько дней. Радующиеся менялись, а Семен оставался в одном лице. В итоге ему это все надоело, и он сбежал, прихватив с собой Сибейру и Бориса. Что интересно, праздник продолжился без видимых изменений.

Отоспавшись и успокоившись, Точилинов пригласил на отдельный приватный ужин Команду и всех магов, находившихся в баронстве. За столько дней нервов и празднований все устали от шумных застолий, поэтому ужин, как Семен и рассчитывал, практически сразу превратился в приятные посиделки с поболталками. Обсудили всё: и новые возможности порталов, и недостатки системы оповещения, коснулись даже вопроса создания вооруженной сервисной службы для системы. Семен во всеуслышание пообещал сделать телефон вместо телеграфа. Народ посмеялся. А когда все вопросы были проговорены, байки и шутки стали реже и тише, Точилинов осторожно поднял вопрос, который не давал ему покоя с самой схватки. Та мысль, которая пришла к нему, когда Изумрудный Стрелок, уходя, пообещал вернуться, наконец получила продолжение.

— Господа,— Семен поднял руку, привлекая внимание,— я хотел бы вот еще о чем поговорить.

Тишина, конечно, не наступила, в одной комнате — шестнадцать человек как-никак. Ну, почти человек. Ладно, неважно. Семен продолжил:

— Я когда под щитом сидел и со Стрелком перемигивался, вот о чем подумал,— Семен сделал паузу, привлекая внимание,— а ведь они вернутся.

— Да ты что? — Дон Антонио поперхнулся вином от смеха.— А мы думали, это последние аталь были. Всех остальных под корень вывели. О, простите,— он виновато улыбнулся Сонди и Ольми,— ну, я имел в виду Зеленый Лепесток.

Ольми в ответ шевельнул пальцами: ничего, продолжай.

— Да нет, я не то имел в виду. Это мне повезло, что я попал в засаду возле станции, подал сигнал — и вы знали, где меня искать. А если бы нет? И это еще учесть надо, что, если бы не Строцци, я бы там до сахаша просидел, пока еще до меня доберутся. Из-под щита не выйти, а есть-то хочется. В туалет опять же... Так вот, а сколько наших вот так могут попасть под раздачу, и никто и не поможет, это хорошо, что вы у меня есть,— Семен поклонился, сидя.

— Вы, случайно, не опять ли в путешествие собрались, Мастер? — Теренс, как всегда, понял раньше всех.— В этом случае я вас расстрою. Путешествовать придется с эскортом.

— Каким эскортом? — не понял Точилинов.

— О, совсем небольшим, всего семь бойцов,— глемм прищурился и с удовольствием пыхнул своей трубкой, задорно торчащей из густой бороды.

— Подожди,— опешил Семен.— Это что же? Вы все — со мной? Так это же...

— А что здесь такого? — Теренс помахал трубкой в воздухе.— Мне, знаете ли, не очень понравилось подскакивать посреди сна, лететь куда-то, драться, тратить нервы. Я привык контролировать ситуацию. А это гораздо легче сделать, если мы будем находиться рядом с вами, Мастер.

— И на руках таскать опять же не придется,— встрял улыбающийся до ушей Муритай.— Даже не думай сбежать.

— Да вы что,— возмутился Семен.— Просто я не ожидал. И вообще... Нет, здорово. Я... Я просто не знаю, что сказать.

— Скажите «да», Мастер,— посоветовал из своего угла Ольми.— И мы с удовольствием составим вам компанию. Мне, например, будет очень интересно проехаться по Пестику. К стыду мое-

му, я, кроме баронств и Территорий, нигде не был. Вы тогда правильно сказали, Мастер. Надо расширять кругозор.

— Я вообще-то не тебе говорил,— пробормотал ошарашенный Точилинов.— Но... Да, конечно же да. Я буду просто счастлив путешествовать в вашей компании.

— Гарро! — подняли бокалы вольды.

— Когда выступаем? — прогудел из глубокого кресла Тронд.

— Стоп,— ван Брюккен решительно не понимал, что происходит, но, как главный в отсутствие Семена (а Мастер Ацекато, похоже, опять уже отсутствует), решительно не любил ситуации, когда он ничего не понимает. Теренс не один предпочитал контролировать ситуацию.— Мне, пожалуйста, расскажите, кто, когда и куда выступает.

— Выступаю я, если можно так выразиться,— пояснил Семен.— А уважаемые вольды только что изъявили желание составить мне компанию в моем путешествии. Здесь всё понятно?

— Здесь — всё,— кивнул большой головой ван Брюккен.— Не очень понятно, куда ты идешь, зачем, когда планируешь вернуться и, самое главное, не придется ли тебя еще раз откуда-нибудь вытаскивать? Я и в первый раз не очень понял, куда ты собрался, и теперь яснее не стало.

— Ну, про «вытаскивать» я тебе так скажу. Поскольку я иду не один, то, если получится ситуация, когда нас придется вытаскивать, скорее всего, мы уже и не вернемся. Ты можешь представить себе противника вне Территорий, с которым не справится Команда, усиленная магом?

Голландец склонил голову, соглашаясь. Семен продолжал:

— С «куда и зачем» тоже всё просто,— он обвел взглядом притихших магов.— Сколько на сегодняшний день мы потеряли людей, кто-нибудь знает?

Маги молчали.

— Я скажу. Семерых. Были ли за это время покушения на магов вне Такатака? Как вы думаете?

— Конечно, были,— дон Антонио коротко хохотнул.— Вот одна жертва у нас тут уже сидит.

— Ну, это не совсем вне баронства, формально-то говоря,— поправил его Семен,— но, в общем, ты прав. И я переведался с ассасинами, и другие наверняка. Я очень боюсь узнать еще про потери.

Люди продолжали хранить молчание, не очень понимая, к чему он клонит.

— А сколько покушений было в Такатаке за время нашего здесь пребывания?

— А-а,— дошло до кого-то в углу.— Ты хочешь собрать всех магов здесь?

Люди загомонили разом, высказывая свою точку зрения на проблему.

— Вот именно этого я хотел избежать, оправляясь в путь инкогнито,— прокомментировал, повернувшись к ван Брюккену, Семен.— Теперь понял?

Он послушал какофонию пару минут, потом поднял руку вверх:

— Так, все посмотрели сюда.

Мгновенно воцарилась тишина. Семен усмехнулся:

— Интересно? Так вот. Да, я хочу собрать всех, кого смогу, в одном месте. Не именно в Такатаке, и не именно в одном городе, а в зоне, куда мы очень быстро сможем при получении сигнала выслать, скажем так, группу поддержки. Для этого мне всего-то и надо убедить всех присоединиться к нам и покрыть связью определенную часть баронств. Всё. Просто и безыскусно.

— А можно вопрос? — как на уроке в школе поднял руку Борис.

— А можно не надо? — сварливо поинтересовался Семен.

— Нет, я все-таки хотел бы узнать...

— Боря,— вздохнул Семен.— Все уже решено, я все равно пойду, и вы все равно отсюда никуда не собираетесь, хотя бы потому, что дел тут, и интересных дел, прошу заметить, выше всяких крыш. Что еще мы можем обсуждать?

— Нет,— Борис не собирался отступать,— можно я спрошу?

— Можно,— обреченно вздохнул Семен и уронил на стол руки.

Обсуждение затянулось до самого утра. Когда все вопросы были заданы, ответы получены и роли распределены, Точилинов лично проводил гостей до выхода. Закрыв дверь за последним, Семен выдохнул, повернулся и удивленно воззрился на Муритая, бродящего по комнате в поисках чего-то.

— Что еще мы не обсудили?

— Все в порядке,— бодро доложился торк, пытаясь открыть один из ящиков комода.— Все ясно, иди спать.

— Не понял,— помотал головой Семен. К утру его способность анализировать происходящее несколько потрепалась.— Я-то пойду, а ты чего тут делаешь?

— Бельё ищу,— деловито пояснил торк.— Не хочется на голом диване спать. Есть у тебя?

— Зачем? — Ничего умнее Точилинову в голову не пришло.

— Спать,— терпеливо повторил торк. Посмотрел на звереющего от непонимания Семена и снизошел до объяснения: — Я у тебя ночевать буду.

— Ага,— озадачился Точилинов. Сил оставалось не очень много, поэтому он уже был готов принять любую версию и действительно отправиться спать. А Муритай, если нужно, конечно, пусть остается.— А у тебя что, проблемы дома?

— Нет,— пояснил торк.— У меня как раз всё хорошо. Проблемы у тебя.

— У меня? — изумился Семен.

Разговор все-таки перешел в разряд общения глухого с немым, поэтому Муритай решил расставить все точки над «ё»:

— Поскольку ты вечно во что-то вляпываешься, а мы взялись обеспечивать твою безопасность, то мы решили, что тебе нужна постоянная охрана.

— Кто это — «мы»? — упер руки в бока Семен. Сон с него слетел в одно мгновение.— И за каким хреном мне постоянная охрана?

— Мы — это Команда. И я тоже,— Муритай и не собирался уступать.— Я решил, Теренс приказал, Команда одобрила. Чего еще? И вообще, ты что, не рад меня видеть?

— Рад,— немного сбился Семен.— Но одно дело, когда тебе жить негде, а другое...

— Так считай, что негде, и дело с концом,— обрадовался логичной отмазке торк.— Где у тебя белье-то лежит, никак найти не могу?

— Нигде не лежит,— Точилинов разозлился.— Не нужна мне охрана. Если тебе переночевать негде, пожалуйста, оставайся. Но если ты решил в няньки записаться, то уволь меня от этого.

— Нужна! — Муритай тоже не выдержал.— Если бы не мы, тебя бы еще там, у Теренса положили. И у станции. В одиночку никто не справится. А насчет няньки, ничего, что я с тобой как с дитем три года носился, пока ты не начал понимать, что где в Пестике лежит?

Дверь приоткрылась, в небольшую щель просунулась голова Строцци:

— Мужики, я тут у вас где-то забыл...

— Уйди отсюда! — в два голоса рявкнули Семен с Муритаем, одновременно развернувшись к двери.

Строцци сдуло. Некоторое время, посверлив дверь недовольными взглядами, они повернулись друг к другу, помолчали и вдруг синхронно расхохотались.

— Ты чего завелся? — отсмеявшись, спросил Муритай.— Подумаешь, охрана. Так сколько ты у меня жил? Это то же самое получается. Мы покумекали, ну как тебя одного оставлять? Если придет кто, мы и прибежать не успеем, а так всё тебе несколько минут будет. Плохо ли?

— Хорошо,— не стал спорить Семен,— только чего вдруг именно сегодня?

— Ну когда-то надо было начинать,— философски заметил Муритай.— А вообще-то, это идея Теренса. Он старый и мудрый. Он всех на десять лет вперед видит. И то, что ты не просто так задумал всех здесь собрать, он тоже понял. Ты ведь с каким-то умыслом в поход выходишь, правильно?

— Во дела,— восхитился Точилинов.— Я еще ничего не задумал, а Теренс уже всё знает. Нет, понятное дело, в голове столько мыслей, что она того и гляди взорвется, но я еще, вообще-то, ничего не решил.

— Решишь,— Муритай, наконец, нашел какую-то тряпку и начал застилать диван.— Я не зря сказал про Теренса, что он мудрый. Ты не гляди, что он как мальчик по полям скачет, ему столько лет, ты и представить не можешь. Он разные ситуации в жизни видел, и что и когда из них получается, тоже знает. Так что он почти всегда может сказать заранее, что из чего выйдет. Это опыт называется. И если он решил, что тебе нужна охрана, то так оно и есть. А вот то, что он решил всей Командой под тебя пойти, вот это и для меня сюрпризом было.

— А ты можешь хоть предположить, зачем он это сделал? — осторожно поинтересовался Семен.

Муритай, к тому времени уже закончивший раздеваться, блаженно вытянулся на диване во весь рост.

— Единственное, что мне приходит на ум,— он зевнул,— так это забота об общем благе.

— То есть? — не понял Точилинов.

— Теренс Пестик любит. Это его дом. Что-то у него там, в Сером Лепестке, в свое время крепко не заладилось, потому и пришел сюда. И вольдов любит. И жизнь нашу. Так что, если он решил, что ты в будущем можешь что-то очень хорошее для Пестика сделать, то он вполне только из-за этого мог взяться тебя охранять. Давай спать,— попросил он, натягивая одеяло.

— Давай,— озадаченный дальше некуда Семен, задержался на выходе, чтобы погасить свет. Из темноты донесся уже сонный голос Муритая:

— А может, это ты просто ему нравишься. Не знаю.

Глава 2

— Вот это сильно,— Семен такого не ожидал.

Нет, конечно, ему все рассказывали. Слухи о том, как обустроился Капитан Америка, ходили по всему Пестику. Но чтоб такое...

Зубчатые стены подпирали голубое небо. Увенчанные звездно-полосатыми флагами башни соперничали с ними в стремлении поймать как можно больше облаков. Массивная каменная кладка. Тяжелые ворота. Узкие высокие окна. И ров, наполненный водой цвета неба, опоясывающий весь замок. Семен присмотрелся: в голубой воде мелькали какие-то неясные тени. Средневековая сказка — да и только.

Замок стоял посреди огромного поля, заросшего высокой травой. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась все та же трава. Единственная дорога, ведущая к замковым воротам, желтой полосой перечеркивающая это изумрудное великолепие, лишь подчеркивала царящие вокруг соразмерность, аккуратность и единообразие.

Семен стоял перед воротами, в которые могли бы легко пройти пятеро таких как он, став друг другу на плечи.

— Да уж,— Точилинов почесал затылок,— крепко бедолагу в детстве обижали.

И постучал в ворота. На фоне монументально-огромных створок его стук превратился в жалкое поскребывание прячущейся мыши. Однако его услышали. Даже ждать не пришлось долго. На уровне глаз открылась небольшая дверца, и на Семена глянули два глаза:

— Чего?

Уже успевшие заматереть за время недолгого пребывания в Пестике человеческие маги обычно на такое обращение обижались. Тот же Гарри, который теперь себя иначе, как Капитан Америка, и не называл, за такое обращение устроил бы наглецу отменную головомойку. Но Точилинову все эти самоутверждения были до лампочки. Негласный лидер человеческих магов, осевших в Пестике, да еще и постоянно обретающийся в одной из самых известных вольдовских Команд мог себе позволить не обращать внимания на внешние признаки значимости.

— В гости пришел. Передай хозяину, Ацекато прибыл по его приглашению.

Приглашение было просрочено давным-давно, но кому это интересно.

— Ацекато? — сощурились глаза за дверцей.

— Мастер Ацекато,— вздохнул Семен.

— Да? — недоверчиво произнесли за дверью. Прищуренные глаза быстро обежали запыленную одежду. Удобную, но не помпезную. Мягкую шляпу, какую обычно носят простые вольды. Стоптанные дорожные сапоги. Нет, не так должен выглядеть легендарный Мастер Ацекато.— А еще чего скажешь? Зеленого Принца в компании нет случайно?

За дверью хохотнули немудреной шутке.

— Мне вашу фанерку снести, что ли? — Точилинов добавил в голос командирские нотки и несильно пнул ногой створку. Она, конечно, большая была, но, если знать, какую линию хальер при этом подергать, результат может порадовать. Семен знал. Ворота загудели, будто по ним тараном врезали. Хохоток за стеной перешел в сдавленный вопль ужаса. Поверили.

Огромные ворота медленно начали открываться. Не дожидаясь, пока парадный вход будет полностью готов, Семен прошел через небольшую щель, чтобы столкнуться с четырьмя торками, стоящими навытяжку перед дверью.

— Ваше Магичество,— один из торков, видимо старший, не отрывая взгляда от Семена, начал рапортовать: — Гарнизон замка Чикаго рад приветствовать столь значимую фигуру в наших стенах. Его Магичество Капитан Америка уже извещен. Он будет ожидать вас...

— Вольно,— поморщился Точилинов.— А нельзя без этих всяких вылизываний и расшаркиваний? Покажите куда идти — и всё.

— Нельзя,— сбавил восхищенные обороты торк.— Уложение есть уложение. Его Магичество требует, чтобы этот, как его... этикет соблюдали.

Семен начал открывать было рот, чтобы рассказать, как он относится ко всем этим этикетам, но передумал. В чужой монастырь со своим уставом... Раз Гарри так уж хочет, чтобы все было взаправду, пусть его. В конце концов, каждый устраивается как может. Поэтому Семен только рукой махнул — и пошел себе дальше, в город, не обращая внимания на охающих торков, которые уговаривали его остаться, подождать почетный эскорт.

Внутри замок оказался вполне даже ничего. Никаких тебе маленьких кривых улочек. Никакой толпы. Широко, просторно. Места много. По улицам свободно могли бы передвигаться автомобили, если бы они здесь были. Лавочки, магазинчики... Покупатели бродят. Дети затеяли какую-то игру посреди дороги. К ближайше-

му кафе подлетела воздушная стайка девчонок. Город как город. Чистый, ухоженный. Пастораль.

Добравшись до главной улицы, Семен пошел в общем потоке, который становился все гуще и гуще. Вдруг впереди наметилось какое-то движение. Раздвигая поток людей, навстречу ему двигался небольшой отряд вооруженных людей, контрастирующий с окружающими яркостью одежды и количеством сверкающего, явно парадного, оружия. Вместе со всеми Точилинов подался в сторону, давая дорогу. Оказалось — зря. Как они в толпе вычислили среди множества таких же запыленных вольдов именно его, для Семена осталось загадкой. Однако командир отряда уверенно остановился рядом с ним, повернулся и отдал честь на американский манер. Поднял руку ко лбу и бросил ее вперед. «Гарри и здесь постарался»,— ухмыльнулся про себя Семен.

— Ваше Магичество Мастер Ацекато! — При этих словах вокруг Семена мгновенно образовалась пустота.— Его Магичество Капитан Америка рад приветствовать вас в стенах замка Чикаго. Он ожидает вас в своей резиденции. Мы будем счастливы указать вам дорогу. Прошу следовать за мной.

Семену оставалось только вздохнуть и последовать за гостеприимными хозяевами. Чего уж теперь, спалился так спалился.

Выстроившись каплей, в центре которой поместили Семена, отряд довольно быстро выбрался из толпы, в которой уже чуть ли билеты на Мастера Ацекато продавать не начали. Путь до резиденции оказался приятно коротким. Через несколько минут они подошли к стене, окружающей внутренний город. Те же башни, тот же ров, те же подъемные решетки.

«И не лень ему было? — удивился про себя Семен.— Кто тут на него нападать-то будет?» И прикусил язык. Нападать было кому. Осада или штурм замку вряд ли грозили, но вот всё остальное... Так что Гарри мог оказаться и не таким уж чокнутым на детских комплексах чудаком. Точилинов, объезжающий всех, кто вышел с ним из Зеленого Лепестка, к Паркеру приехал почти в последнюю очередь. Оставались только Юнг Чи Фа и Гюнтер Гельц. Впрочем, как поживает бывший коллега по французскому проекту, Семен и так знал, а на Юнг Чи Фа надежды особо никто и не возлагал: кореец давным-давно ушел от вольдов, завел семью, к общению с бывшими соратниками не тяготел, и ожидать, что он именно сейчас что-то захочет поменять, не приходилось. У человека всё хорошо. Таких было еще двое, а вот все остальные еще не до конца определились со своим статусом в новом мире. В принципе, каждый из них неплохо устроился, но Гарри, судя по увиденному, явно лидировал.

К счастью, помпезно-торжественной церемонии, которой так опасался Точилинов, не случилось. Просто из больших дверей при входе в главное здание выскочила высокая фигура и, растопырив руки, с радостным ревом бросилась к нему:

— Семен Алексеевич! — Громкостью голоса Паркер легко мог посоревноваться с боевой трубой.— Ты не представляешь, как я рад тебя видеть!

— Гарри, дружище,— Семен тоже был искренне рад: как-никак, почти родная кровь теперь,— я тоже очень рад тебя видеть.

Они обнялись. Без притворного дружелюбия, а просто как старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки.

— Замечательно ты тут устроился,— Точилинов обвел рукой окружающий монументализм.

— Это? А, ерунда,— отмахнулся Паркер.— Поначалу нравилось, теперь надоело, но не сносить же. Жалко. Да и народу нравится. Опять же, и кто чужой если наведается...

Он многозначительно посмотрел на Точилинова.

— Слышал я, слышал,— вздохнул тот.— И про это тоже поболтаем.

— И чудненько,— американец не дал неприятной нотке испортить встречу.— Пошли — чего покажу. У меня тут знаешь чего наворочено?

И остановился, хлопнув себя по лбу.

— Да ты с дороги, наверное, с ног валишься, а я тут тебе хвастаться надумал. Хозяин называется. Извини. Пойдем, кормить буду.

— Пошли,— не стал спорить Семен.— Есть и вправду хочется.

Встреча за обедом чем хороша — дает возможность настроиться на нужный лад. Всё равно какое-то время ты вынужден находится рядом со своим визави. Есть время успокоиться, сбросить ненужные мысли, позволить лишним словам протечь через неспешный разговор. А вот потом, когда вся шелуха уже сказана, все восхищения излиты и нет необходимости демонстрировать радость, тогда и наступает время настоящей беседы. Той самой, неспешной и рассудительной, когда ты говоришь о том, о чем собирался, не разменяваясь на ремарки и отступления.

Паркер, как и все маги, курящий, удивил и порадовал:

— Угощайся,— почти театральным жестом он поставил на стол пачку сигар.— Узнаешь?

— Да ты что? — подался вперед Семен.— С Земли?

— Так точно,— как воздушный шарик, надулся от гордости Гарри.— С Земли. Гавана. Говорят, настоящая.

— Редкость,— повертел сигару Точилинов. И прищурился: — А может, ты еще и выход нашел?

Выход на Землю, несмотря на все титанические усилия новообразованного Комитета, так и не находился. Очень хорошо Пестик оказался запрятан в Клевере. Или это люди оказались слабыми магами? Тем не менее поиски продолжались.

— Нет, к сожалению,— Гарри потушил секундно вспыхнувшую надежду.— Глеммы. Они ж чего хочешь достанут.

— А-а-а,— разочарованно откинулся на подушки Семен. И спохватился: — А все равно спасибо. Сто лет не курил наших. Глеммовский табак, конечно, хорош, но хочется-то все равно своего, а у моих ребят почему-то только пиво наше всегда в наличии. А табак редко бывает.

— Ностальгия? — понимающе протянул Паркер.

— Она, родная. Ты, я вижу, тоже не страдаешь особой индифферентностью.— Точилинов обвел рукой комнату.

— А то! — Гарри подбоченился.— Я врач или кто? Врачу положено иметь клинику.

Семен от хохота подавился напитком:

— Ни хрена себе у тебя клиника.

— А чего? Не так уж это все и сложно. Глеммы же мастера строить. Это всё,— он повертел пальцем над головой,— за полгода построили. Просто начали уже делать, так я подумал — а почему бы и не развернуться. Чего сидеть-то в каморке. Не так уж и дорого встало. Тем более, с моими-то способностями.

Он осклабился в тридцатидвухзубной рекламной улыбке.

— Здорово,— искренне порадовался Семен.— Слушай, а ты как, семьей еще не обзавелся?

Паркер помялся:

— Да нет. Как-то не вышло.

— А что так? — Не то чтобы Точилинову хотелось лезть в душу, но надо было выяснить, как с Гарри разговаривать.

— Да понимаешь, с селянками неинтересно, а с не-селянками мы почему-то характерами не сходимся.

Это было понятно. Не-селянки — это родственницы либо баронов, либо еще каких-либо значимых фигур. Еще один вариант — женщины-вольды. И в первом, и во втором случаях семья будет строиться на *взаимном* уважении. Еще не хватало поссориться с бароном, например. А с женщиной из вольдов и вовсе просто — она с тобой, пока ей этого хочется, а не понравилось — фр-р-р, ищи её. И вот тут появлялся один фактор: у каждого из магов с самооценкой было всё хорошо. Ну еще бы, почти сразу стать ключе-

выми фигурами Пестика. Тут поневоле загордишься. И далеко не все справлялись с этим. Медные трубы — вещь коварная. Ведь для создания семьи, помимо страсти, томления плоти и восхищения, нужно уважение. А кого может уважать маг Пестика? Где взять фигуру, равную ему не только по положению, но еще и по строению головы? Если спросить самого Точилинова, то он, например, был не в курсе. А ведь еще же дети... Расы Клевера между собой похожи и биохимически, и анатомически, но похожи — не значит идентичны. Появление полукровок — редкость и большой риск. Так что, или ищи себе человеческую женщину, или...

В общем, проблема создания семьи среди человеческих магов решалась непросто. Единицы смогли жениться и осесть. А остальные либо оказались законченными одиночками, либо отложили этот вопрос в да-альний-дальний ящик. И то сказать: ну куда им сейчас семью заводить, когда за каждым по убивцу (и не по одному) гоняется.

Паркер, судя по всему, о таких материях не сильно задумывался, ну и бог с ним, Точилинов к нему не за этим приехал. Раз Гарри тема не нравится, значит, надо переводить разговор в другое русло:

— Слушай,— Семен обвел рукой комнату.— Тебе это всё никогда не надоедает?

Гарри почесал кончик носа:

— Если честно, то уже надоело. Знал бы, никогда бы в это не вписался. А теперь — чего уж. Люди живут, не гнать же их. Хотя иногда хочется все бросить к чертовой матери и податься куда-нибудь за приключениями.

— Кстати, о приключениях,— Семен почесал бровь.— Ты с кем из наших общаешься?

— А ни с кем,— Гарри пожал плечами.— Времени всё как-то не хватает, а что?

— Да так. Ты в курсе, что за нами охотятся?

— Уже в курсе,— поёжился Паркер.

— Да? — вопросительно поднял бровь Семен.

— Сначала ты. Что там случилось?

— Случилось? — вздохнул Точилинов.— Что случилось, то случилось...

Рассказывать пришлось долго, с самого начала. И про победы, и про потери. И достижениями тоже похвастался, как не похвастаться.

— Здорово,— Гарри захлопнул рот, который открыл где-то посередине рассказа, да так и оставил. Пистолет с магипрепасами,

вытащенный Семеном, он из рук не выпускал.— Вот где жизнь настоящая, а я тут сижу как сыч, один, ничего не знаю, ничего толком не делаю. Так ты порталом сюда пришел?

— Нет, что ты,— развел руками Точилинов.— Порталы еще прорабатывать и прорабатывать. Там настроек еще высчитывать надо тучу. Это мне с ребятами повезло, что координаты станции известны были, а так прыгнули бы они куда-нибудь в дерево — и привет горячий. Там работы еще столько, о-го-го. Только успевай поворачиваться.

— Поделишься? — Паркер с надеждой посмотрел на Семена.

— Конечно поделимся, что нам эти узоры, солить, что ли? Не для своих, что ли, делаем?

— А Команда твоя где? — поинтересовался Гарри.— Снаружи ждет?

— Да нет,— усмехнулся Семен.— Теренс вспомнил какого-то там приятеля неподалеку, а здесь, он сказал, безопасно, вот они и отчалили ненадолго.

— Не очень-то и безопасно,— нахмурился Паркер.— Теперь моя очередь страшные сказки рассказывать.

— Стандартная история,— прокомментировал Семен, когда Гарри закончил.— Тебе еще повезло, что за тобой тройка пришла. Видно, они тебя за серьезного противника не посчитали. У нас они все больше пятерками ходят. Да еще моду взяли и другие Старшие Расы использовать. На последней станции передали, пятерка торков за Строцци гонялась. Чем он им всем досадил? Ведь восьмая попытка на нем.

— Ну не знаю, как стандартная,— оскорбился Гарри,— по мне так вовсе и уникальная. Я, знаешь ли, не привык, чтобы на меня охотились.

— Не обижайся,— примирительно сказал Семен.— Я не то имел в виду. Просто мы уже накопили много статистики по этому вопросу, так что нам некоторые вещи и не кажутся уникальными. Если хочешь, я тебя проконсультирую. Есть пара превентивных мероприятий, если сделаешь, полегче будет.

— А связь до меня когда дотянешь? — вспомнил Капитан Америка.

— Вот про связь я и хотел еще поговорить,— Точилинов помолчал. Наступал самый ответственный момент, на котором всех начинало коробить.— Ты понимаешь, теоретически, мы можем до тебя дотянуть станции, но это работа колоссальная. Я всем, с кем общался, а ты остался почти последним, только Гельца и

Юнг Чи Фа я ещё не видел, всем предлагаю перебраться поближе к Такатаку. Покрыть несколько баронств системой — это задача на ближайший год, тем более что практически все уже согласились приехать. А вот тянуть сюда линию только для тебя...— Он помялся: — Извини, Гарри, я думаю, в ближайшее время мы не сможем.

— Так, ага,— Паркер замялся.— Тут надо подумать.

— Подумай,— воодушевился Семен.— Тем более, ты сам говорил, что тебя на приключения потянуло.

— На приключения,— повторил Гарри. Он задумчиво повертел пистолет, который все это время не выпускал из рук, и положил его на стол.

«Не получится,— отчетливо понял Семен,— а жаль».

Команда ждала его, как договорились, в небольшом городке под названием Тунса, приютившемся в излучине реки.

— О, Мастер приехал,— обрадовался Григор, сидящий на террасе, пристроенной к самой большой местной таверне.

— Тронд,— позвал он,— Мастер приехал.

— Гарро,— пророкотал из дома знакомый бас.— Здравствуйте, Мастер. Как поездка?

Глемм вышел на веранду и сощурился от яркого солнца.

— Не очень,— признался Семен, поднимаясь по ступеням.— Гарри — минус. Не поедет он, слишком хорошо устроился.

— Да уж,— фыркнул Тронд.— Мы тут наслушались про него всякого. Теренс сразу сказал — не поедет.

— А чего наслушались? И где Теренс? Поесть будет чего? — Встретив родную Команду, Точилинов почувствовал себя дома.— И комнату мне, если можно.

— Всё есть. Комнату заказали. Обед сейчас будет готов, я сказал хозяину, для кого старается. Он уже шуршит,— сверкнул звериным оскалом высунувшийся из-за спины глемма Тор.— Здравствуйте, Мастер.

Тронд одобрительно поглядел на торка, подвинулся и перевел взгляд на Семена.

— Теренс с Муритаем пошли побродить по городу, они сказали, что здесь каких-то мастеров знают особенных. Ну не знаю уж, чего тут найти можно...

Тронд категорически не признавал никаких авторитетов, кроме Серого Лепестка, поэтому идея покупать что-либо в городе, где преобладают аталь и торки, разбавленные людьми, ничего, кроме скептицизма, у него не вызывала.

Теренс с Муритаем вернулись через несколько часов, когда Семен, уже пообедавший, отдохнувший и примирившийся с жизнью, сидел на террасе и прихлебывал неплохо сваренный дош, наслаждаясь сиестой и периодически подмигивая симпатичной служанке, прелестно розовеющей от каждого его взгляда. Может, пообщаться? Семен глеммиди не очень любил, уж очень они серьезные, даже в постели, но с другой стороны, а почему бы и нет? Ладно, вечером посмотрим.

— Гарро, Мастер,— поднял руку в боевом салюте Муритай, увидевший его через ограду. Теренс, который не обладал таким ростом, поздоровался чуть позднее.

— Мое почтение, Ваше Магичество. Как встретились?

— Ничего не вышло,— признался Семен.— То ли я что-то не так рассказал, то ли Гарри слишком хорошо устроился, но — нет.

— Я так и предполагал,— глемм уселся на кресло рядом с Точилиновым. Муритай заполнил третье кресло.

— Я с вами, можно? — высунулся из двери Сонди.— Добрый день, Мастер.

Теренс поглядел на Семена, тот похлопал рукой по четвертому свободному креслу:

— Садись. Так что ты предполагал? — вернулся Точилинов к Теренсу.

— Я с самого начала сказал, что он не пойдет,— Теренс обвел рукой городок.— Все это уже совсем не похоже на жизнь мага, которую вы все ведете. А вот на новое баронство — вполне. А кто же оставит свои владения?

На начинающийся разговор потянулась остальная Команда. Григор уселся за соседний столик, тут же примостился Тор, неспешно устроился Ольми. Последним вплыл Тронд с огромной кружкой пива. Теренс покосился, но ничего не сказал, имеет право.

— Да рассказывать особо и нечего,— Семен с улыбкой оглядел любопытные лица.— Замок только у него интересный. Похоже на средневековые замки на Земле. Оттуда, наверное, и скопировал. По мне, так очень красиво.

— А местные жалуются, что уродство,— сообщил Тор.— Я тут поболтал немного... кхм.

Он запнулся.

— Уже успел? Красавец! — улыбнулся Семен.— На твоем месте, я бы этой информации не очень доверял,— он хитро прищурился,— там тебе много чего скажут. А на самом деле Теренс, скорее всего, прав. Я как-то не посмотрел в эту сторону. Действительно, сделано как баронство. Ну что ж, я думаю, вскорости он научит

местных парочке новых фокусов. Я имею в виду организацию пафоса для себя любимого. Раз уж он такой замок отгрохал и личную гвардию в свои цвета разодел, то дальше, я так думаю, будет еще интересней.

— А зачем в свои цвета? — не понял Тор.

— Для того, чтобы над ними простиралась власть барона,— негромко пояснил Ольми.— Воин, одетый в цвета сюзерена, несет на себе отпечаток его воли. Соответственно, действия воина являются действиями барона.

— Ничего не понимаю,— дурашливо потряс головой торк.— Зачем какую-то власть над кем-то простирать? Дал в лоб — вот и вся власть.

Вольды засмеялись.

— К сожалению, не у всех получается создать такое простое и понятное всем общество, как на Торквинии,— развел руками Ольми, чем вызвал еще одну волну смешков.

Семен слушал вполуха. Где-то на соседних улицах слышался какой-то шум, и почему-то Семену показалось, что это может иметь отношение к ним. Да, скорее всего, и имеет. Кому еще в полусонном городишке шуметь в сиесту. Шум приближался. Теренс, посмотрев на Точилинова, тоже напрягся.

Из-за угла внезапно вывалилась небольшая толпа. Впереди, естественно, летели вездесущие мальчишки. Именно они и создавали весь этот шум. За мальчишками спешил запыленный человек, одетый как раз в цвета новоявленного баронства.

— Мастер Ацекато, Мастер Ацекато! — вопил он. Вольды повскакали с мест. Семен вышел вперед.

— Я Ацекато, что случилось?

— Напали,— человек остановился, схватившись за грудь, пытаясь отдышаться.— На замок напали, на Его Магичество Капитана Америку.

— Выход! — мгновенно отреагировал Теренс, и вольды исчезли в доме.— Наши вещи захватите! — прокричал глемм в закрывающуюся дверь.

— Толком говори,— Семен подался вперед.

— Бой в замке. В резиденции Его Магичества,— человек все никак не мог отдышаться.

— Да говори ты дело,— не выдержал Теренс.— Кто, сколько, когда?

Из распахнувшейся двери с лязгом и грохотом вывалилась готовая к бою Команда.

Две пятерки ассасинов — это серьезно. Тем более, когда одна из них аталь, простреливающая все открытое пространство, а вторая — глеммы, как никто умеющие вести бой в ограниченных пространствах. Насколько Семен смог понять, Гарри с остатками своей гвардии держался исключительно за счет толстых стен и крепких дверей.

— Сколько внутри народа? — перехватил Точилинов суматошно пробегающего мимо глемма-гертадина.

Тот вытаращил глаза, явно не понимая, чего от него хотят.

— Старший кто? — Семен понял, что от этого толку не будет.— Ну?!

— Так это,— наконец-то разродился глемм,— гертадон Ихаиж. Вон он стоит.

Точилинов с не отстающим ни на шаг Муритаем двинулся к высокой фигуре аталь, из-за импровизированного укрытия осматривающего подход к стене внутреннего замка — резиденции Паркера. О том, что попытки проникнуть внутрь захваченного замка потерпели фиаско, явственно говорили несколько утыканных стрелами трупов, валяющихся по периметру.

— Ваше Магичество, Мастер Ацекато,— гертадону можно было не представляться, он по роду службы всех и так знал.— Рад приветствовать. Боюсь, без вашего участия мы не справимся. Его Магичество слишком хорошо укрепил замок.

Действительно, для штурма такой крепости требовалась небольшая армия. Гарри, судя по всему, не принимал в расчет возможности захвата резиденции изнутри, поэтому на первый взгляд дело представлялось безнадежным.

— Сколько человек внутри? — Уж гертадон-то должен знать такие вещи.

— Трудно сказать, всё произошло слишком быстро. Но должно было быть около тридцати. Двенадцать — постоянный караул, столько же следующая смена, пятеро — личная охрана. Ну и еще кто-нибудь обязательно болтается.

— А сколько составляет штатное расписание гарнизона в случае обороны?

— Пятьдесят,— Ихаиж понял, куда клонит Семен.— Но пять Желтых Стрелков вполне справляются.— Он кивнул в сторону трупов.

— Кто внутри?

— Пятерка Серого Лепестка. Пришли порознь, собрались непосредственно перед атакой, поэтому наши отреагировали поздно. Внешний караул они сняли сразу, потом Стрелки поднялись на

стену, а гленммы пошли внутрь. Сопротивления практически никакого не было.— Он вздохнул: — Теперь их оттуда не выковырять.

— Посмотрим,— Семен принял решение и начал раздавать указания: — Теренс, можешь нейтрализовать Стрелков?

— Сделаем.

— Хорошо. Муритай, ты со мной. Нам главное до дверей дойти. Как внутрь войдем — потребуется помощь. Вы,— он повернулся к остальным,— догоняете нас, а вы,— взгляд на гертадона,— не даете им и носа высунуть. Что хотите делайте, но чтоб стрелки рукой не могли шевельнуть, понятно? Я им еще подбавлю, чтобы жизнь медом не казалась. Ну, по моей команде. Раз, два — пошли.

Они рванули вперед, даже не смотря, прикрывает их кто-то или нет. Судя по тому, что вертящий головой Муритай так ни разу и не махнул мечом, Теренс с гертадоном свою задачу выполнили.

— Слушай, а куда мы так несемся? Ведь не подготовили же ничего,— Муритай врезался в стену рядом с дверью. Семен прилепился к стене с другой стороны.

— А что готовить? Ты гертадона видел? — Семен внимательно рассматривал дверь, примеряясь, как бы ее поудачнее снести.— Всё, что он знал, сказал, больше ничего не узнаем. Значит, варианта два: либо идем на помощь Гарри, либо не идем. «Не идем» даже не рассматривается, а раз идем, то что изменится, если мы там топтаться будем, кроме того, что шансы Гарри уменьшаются с каждой минутой?

— Аккуратнее прошли бы.

— Мы уже здесь,— многозначительно поднял палец Семен и посмотрел наверх, высматривая аталь.— Ладно, сейчас дверь снесу — и входим, твоя задача вверх смотреть, у второй двери ждем наших, меня прикрой, я гадости делать буду.

— Угу,— напрягся Муритай.

— Поехали.

Еще год назад Семен ничего не смог бы поделать в этой ситуации, но постоянная практика Старших Рас, держащая в напряжении всех магов, сделала свое дело. Теперь у каждого земного мага имелся свой набор боевых узоров на особый случай. Сейчас как раз он и был.

Удар — дверь слетает с петель вместе с куском стены, чего уж тут мелочиться. Семен рванулся вперед, даже не проверяя, идет ли за ним Муритай. Чего смотреть, если все равно идет. Град стрел забарабанил по стенам — это гертадины начали отрабатывать задание. Бесшумно, как тени, в пролом влетели остальные вольды. Семен даже сейчас нашел время восхититься: вроде железа на каждом понавешено немерено, а как идут! Ни звука.

— Пошли,— Тронд, нашедший где-то большую деревянную дверь, больше похожую на щит, встал впереди. Вся Команда навалилась сзади, и эдакий поршень начал путешествие по коридорам внутреннего замка. Семен двигался предпоследним, сзади — только неизменный Муритай. Нечего магу впереди делать, его задача всё видеть и вовремя реагировать, подраться и так есть кому.

— Давай, давай,— пыхтел впереди Тронд, массивной фигурой, как пробкой, запечатывая коридор за коридором.

— Наверх, направо, направо,— направлял поршень Семен. Вот и апартаменты, где они с Гарри обедали.— Внимание.

— Стоп,— резко остановился Тронд, что-то увидев.— Назад, быстро.

Два раза никому повторять не пришлось. Поршень так же быстро утянулся обратно за угол.

— Что там? — Это Теренс.

— Скальный ёж,— Тронд вытянул голову, выглядывая Старшего.— Нам не взять. Нечем. Шабук серый с черным.

— Ага,— Теренс выглядел очень озадаченным.— Мастер, вы не знаете, чем этот Гарри так насолил в масштабах Клевера, если за ним ривальяд посылают?

— Э-э, еж? Ириваль... что? Теренс, ты с кем сейчас говоришь? — попытался пошутить Семен. Получилось плохо, глемм остался убийственно серьезен.

— Ривальяд — личная гвардия Танатоглемма, правителя Серого Лепестка,— объяснил Теренс — Без веских, *очень* веских причин они из Лепестка никогда не выбираются, поверьте уж мне на слово. Ваш Капитан Америка должен был очень сильно разозлить лично Танатоглемма, чтобы сюда отправили кого-то из ривальяда. А скальный ёж — это боевой порядок для войны в штольнях. Периодически приходится вычищать узкие ходы и коридоры, так вот именно для них ежа и придумали. Построить его может много кто, даже мы с Трондом, например, но серо-черный шабук наносить на доспехи просто так никто не будет. Это, помимо всего прочего, просто опасно — ривальяд может обидеться.

— Ничего не знаю про Танатоглемма с Гарри,— пожал плечами Семен.— Они мне не сообщили. А что плохого в этом еже сейчас?

— Ничего,— Теренс выглянул за угол и тут же спрятался обратно.— Кроме того, что мы не сможем его пройти. Ни оружия у нас соответствующего, ни, если честно, умения. Посмотрите, Мастер, сами. Только коротко.

Семен выглянул за угол. Да, действительно, непросто будет. Коридор перекрывала стена щитов, из-за выставленных копий и

вправду напоминающая ежа. Точно такой же поршень, каким они только что шли. Только если Тронд шел один и в легких доспехах, которые подходили для Территорий, то там стояли закованные в броню бойцы, полностью экипированные именно для схваток в помещениях. А Семен еще по Экскору помнил, что броня у глеммов может выдерживать выстрел из автомата, ни больше ни меньше. Да-а, задача. А время уходит, они там не на пикнике расположились.

Глухой удар подтвердил его опасения. За дверью находились уже комнаты самого Паркера.

— Что же делать? — Семен повернулся к Команде.

— Ломать построение,— пожал плечами Теренс.— Я, правда, не представляю, как. Мы даже подойти не сможем, скальный еж как раз для таких случаев и придуман.

— А если сломаем строй? — Семен прищурился.

— Ну, тогда шансы есть, но это будет непросто. Куда?! — вскинулся он.

Ольми одним неуловимым движением выскользнул из-за угла и вскинул лук. Банг, банг, банг... Три стрелы ушли в «ежа», Точилинов очень понадеялся на точность аталь.

Ольми метнулся назад. Вовремя. Тух, тух, тух... Три арбалетных болта вернулись практически сразу.

— Не по-доброму они,— протянул Тор, рассматривая воткнувшиеся в каменную стену болты.

— Ну? — нахмурился Теренс на Ольми.

— Попал, но доспехи хорошие,— покачал головой тот.

Семен дотронулся до рукава Теренса, привлекая внимание:

— Я туда пару зверушек запущу.

— Попробуйте, Мастер, но, я боюсь, толку не будет,— пожал плечами тот.

— У нас в горах такие твари водятся, приснятся — заикой останешься,— подал голос Тронд.— Еж и против них задумывался. Не все же только между собой драться.

— Но попробовать-то стоит.

— Пробуйте,— согласился Теренс.

Три скользкие даже на вид безглазые мокрицы выросли в коридоре, соткавшись из воздуха. Вольды как по команде отшатнулись.

— Предупреждайте хоть, Мастер,— Муритай первым опомнился.— Сдается мне, вельян — это не та штука, с которой дело можно иметь, пусть и маленький.

— Это мои вельяны,— Семен не удостоил переполошившихся вольдов даже взгляда.— Ну, вперед.

Три тени скользнули вперед.

На секунду стало тихо, Семен обрадовался. Ну!

В гортанных возгласах, раздавшихся практически сразу, не было и намека на панику. Они больше напоминали команды и боевые кличи. Потом всё стихло.

Точилинов коротко выглянул посмотреть.

— Чудес не бывает,— повернулся он и пожаловался смотрящей Команде: — Ну почему узор не может оставаться узором и чтобы при этом еще убивать мог? Не-ет. Если надо материально грызть, так и он материален.

— Не дошли? — вытянул шею Тор.

— Нет. Как Тронд и говорил, на подходе положили.

Удары начали раздаваться чаще.

— Торопятся,— прокомментировал Григор.

— Так,— подал голос Точилинов.— Раз аккуратно не получилось, будем лупить дубиной. Готовимся. Я их снесу, правда, вместе с дверью получится. Смотрите, чтобы те, кто в комнате, и вас под горячую руку рубить не начали. Готовы? Три, два, один — начали.

Тугой клубок ревущего ветра запечатал коридор и понесся на ощетинившийся строй. За ним рванули вольды.

«Нет, какие молодцы!» — успел восхититься Семен профессионализмом глеммов. Мгновенно оценив ситуацию, бойцы ивриальяда решили получить максимум выгоды даже из проблемы. Перестроившись клином, так, чтобы острие упиралось в дверь, которую они так и не смогли сломать, глеммы приготовились использовать усилие ветра, чтобы с его помощью сломать неподатливую дверь. Перекрывающий коридор ряд бойцов со своими щитами превратился в шляпку гвоздя, пробивающего препятствие. Бабах!

Звон доспехов смешался с грохотом разбитой двери и криками людей. «Еж» влетел в комнату, даже не встретив сопротивления. Как будто и не было массивной двери. Вольды наддали. Успели они как раз вовремя. Каков бы ни был удар, но в ивриальяд, похоже, отбирали исключительно каменных големов. Глеммы уже были на ногах, и Команде с ходу пришлось начинать рубку. Семен влетел в комнату последним.

— Гарри! Свои! — изо всех сил заорал Точилинов.— Чужие тут — только пятеро, которые серые с черным!

К счастью разобрались быстро — Паркер и три оставшихся в живых гвардейца прянули в сторону. Но на этом плюсы и закончились. Стальной клубок качнулся вперед. Вольды, как собаки вокруг медведя, вертелись вокруг очередного «ежа», но сделать ничего не могли. Глеммы отбивались, казалось, даже не глядя. Все удары, сыпавшиеся на стену щитов, пропадали втуне. Вольдов спа-

сала только скорость и размеры помещения, хорошо, что Гарри любил простор, и в комнате можно было не одну такую драчку устроить — места бы хватило.

Точилинов хлопнул себя по лбу и запустил руку в мешок.

— Назад, все назад,— перекрывая звон оружия, крикнул он.

Вольдам два раза говорить было не надо, а гвардейцы замешкались, и одному это чуть не стоило жизни — из «ежа», освободившегося от непрерывных атак, мгновенно высунулось копейное жало (где они там прятали древко такой длины?) и вошло в ногу человека. Он пошатнулся, но Сонди, стоящий ближе всех, молниеносным движением отбросил раненого к стене. Вокруг глеммов образовалось пустое пространство.

Семен не стал ничего говорить. Глупо тратить время на разговоры, когда у тебя такой противник. Он просто поднял пистолет, благо патронов в запасе оставалось еще много, и просто начал палить. Промахнуться с нескольких шагов в цель такого размера было невозможно.

Бах! Бах! Бабах! В замкнутом помещении выстрелы оглушали. От щитов летели щепки, пули плющили доспехи, пробивали дырки в шлемах. Обычный пистолет ничего бы здесь не сделал, но у Семена пистолет был далеко не обычный.

И все же выучка глеммов взяла свое. Двое бойцов оставались невредимыми. Прикрываясь телами погибших товарищей, как щитом, они сообразили... Откуда-то из-под груды железа вытянулась рука, сжимающая матово поблескивающую колбочку магипрепаса. Хрусть. Колбочка брызнула желтым — и пистолет умер.

Щелк, щелк, щелк. Точилинов недоуменно смотрел на переставший стрелять пистолет, ничего не понимая. А из груды доспехов и тел на него вдруг глянуло острое жало арбалетной стрелы. Время вдруг потекло как застывающая смола. Точилинов видел каждое движение готовой к выстрелу смерти. Стрела вздрагивала, поворачиваясь в лотке, и Семен с отчетливой тоской понял, что не успевает. Поймали. Тело еще только-только захотело двигаться, а железо оказалось быстрее.

Упавшая стена накрыла собой Семена. Остро глядящая смерть исчезла. Лежа под чем-то огромным, тяжелым, постоянно ворочающимся и ругающимся, только через несколько секунд Семен смог сфокусировать сознание.

— ...тупой, трухлявый пень...— Интонации Муритая не узнать было невозможно. Откуда-то из-за него раздавался лязг оружия, шум схватки.

Семен попытался выбраться, но его только сильнее прижали к полу.

— Лежи,— прогудел сверху голос торка.

Через пару минут шум стих и Муритай слез с Семена, дав ему, наконец, вздохнуть.

— Вот именно за это я и не люблю все эти новомодные штуки,— Теренс подал руку Семену, помогая подняться.— Вы поняли, что произошло, Мастер?

— Да,— Семен, кряхтя, потирал ушибленный бок, Муритай оказался гораздо более тяжелым, чем показалось вначале, в горячке боя.— Блокирующий узор. Таким нас накрыло в Зеленом Лепестке.

— Именно,— подтвердил глемм.— А не люблю я это всё за то, что перестраиваться с оружия на оружие в бою не получается. Любой выбор забирает у вас время. И вот сейчас-то его могло не хватить.

Семен посмотрел на отряхивающегося Муритая. Говорить было нечего. Он просто подошел и молча пожал руку.

В комнате тем временем начало появляться некое подобие порядка. Ольми и Сонди заняли место у двери, просматривая коридор — внизу еще оставались Желтые Стрелки. Паркер склонился над раненым гвардейцем, остальные начали потихоньку растаскивать кучку из тел глеммов, рассматривая противников.

— Все целы? — тихо поинтересовался Семен у Теренса. Тот кивнул.

В коридоре раздался шум.

— Свои,— гертадон Ихаиж осторожно высунулся из-за угла. Аталь опустили луки.— Внизу все в порядке. Спасибо, Мастер! — поблагодарил он Семена непонятно за что.

— Ваше Магичество, с вами все в порядке? — углядел он Паркера.

— Да,— махнул рукой Гарри, выпрямляясь.— Что внизу?

Ихаиж развел руками, явно не зная, как отвечать на такой вопрос.

— Ладно, иду, сам посмотрю,— Паркер повернулся к Семену: — Спасибо вам большое.

Он облапил сначала Точилинова, потом Теренса.

— Никуда не уходите, пожалуйста. Я распоряжусь, посмотрю внизу что да как и обязательно приду. Подождете?

— Нет,— хмыкнул Семен.— Мы тут уже сбежать собрались. Иди, давай. Потом поговорим.— Он повернулся к вольдам: — Ну и что мы получили в итоге?

Когда через пару часов Паркер добрался до вольдов, удобно расположившихся в одной из гостевых комнат, Команда уже успе-

ла отдохнуть. Кто-то прикорнул на часик, кто-то рассматривал добытые трофеи. Семен с Теренсом прихлебывали дош, принесенный с другими закусками. Гарри не забыл, позаботился. Дош, правда, был так себе, не умели его тут варить, но сейчас Семену было не до привередничанья.

— Здорово ты со своими зверушками придумал,— выпалил появившийся в дверях Гарри вместо приветствия.

— Да ничего особенного,— отмахнулся Семен.— Они безвредные были, на что-то серьезное времени не было. Но Стрелков, судя по всему, отвлекли. Так?

— Еще как отвлекли,— хохотнул Гарри.— Те вообще стрелять перестали. Практически голыми руками взяли.

— Я перед тем, как внутрь пойти, пять зверушек пустил на Стрелков,— пояснил ничего не понимающему Теренсу Семен.— Чтобы они их отвлекли и гертадины смогли к стене подобраться.

— А-а,— понимающе протянул глемм. И поинтересовался у Гарри: — Всё в порядке, Ваше Магичество?

— Более чем,— Паркер плюхнулся в свободное кресло и налил себе доша.— Ну и дела. Не могу представить, откуда они взялись. И чего вдруг мне такой почет? Один раз они до этого тройкой только приходили, а тут на́ тебе. Аж десять.

— И не просто десять,— Точилинов перестал улыбаться и внимательно посмотрел на Паркера.— Ты нам скажи, Гарри, ты в последнее время Танатоглемма на хер, случаем, не посылал?

— Кого? — вылупил глаза Гарри.

— Танатоглемма,— пояснил Теренс.— Правителя Серого Лепестка.

— Да нет,— Капитан Америка недоверчиво переводил взгляд с глемма на Точилинова.— Шутите, да?

— Ни в коей мере,— покачал головой Теренс.— Видите ли, Ваше Магичество, все убитые глеммы принадлежат к так называемому ирвальяду, личной гвардии Танатоглемма. Некоторые считают его альтернативным магическим правительством Серого Лепестка. Его члены покидают Глеммендил только в исключительных случаях. А бойцы — вообще только тогда, когда Танатоглемму нанесено личное оскорбление либо если персона, за головой которой выслан отряд, является официально объявленным личным врагом Танатоглемма. То, что бойцы принадлежат к ирвальяду, у меня лично сомнений нет. Есть некоторый опыт,— он задумчиво потер скулу.— Так что выводы напрашиваются однозначные.

Он вопросительно посмотрел на Паркера. Тот заерзал в кресле:

— Да говорю же вам, никого я не оскорблял — что я, ненормальный? Смотался в Серый Лепесток перед обедом, дал перчаткой по морде Танатоглемму и назад? И при этом не помню ничего? Да вы что?

— Какие общие дела есть у вас с глеммами? Торговля, оружие, контрабанда? Женщинами-глеммиди не интересуетесь?

Гарри отчаянно замотал головой.

— Лечение,— вспомнил Семен.— По профилю ни с кем в последние полгода не общался оттуда?

— Оттуда — нет,— медленнее, чем обычно, ответил Паркер.

— А не оттуда? — Семен почувствовал что-то.— Давай, колись.

Гарри задумался.

— Приезжал тут один,— нехотя начал он.— Где-то с полгода назад. Сказал, что нужна конфиденциальная помощь. Его босс попал под какой-то магический узор. Переломало всего знатно. Но он как-то выжил. Я сказал, чтобы привозили. Я же врач,— вскинул он голову.— Я клятву Гиппократа давал.

— Угу,— согласился Семен,— на Земле. А здесь вы, наверное, сначала обсудили гонорар за срочность, качество и конфиденциальность, так?

— И что с того? — пошел в атаку Гарри.— Я работаю за деньги, для тебя это новость? А ты думаешь, откуда это всё,— он обвел рукой комнату,— взялось?

— Я ничего вообще не думаю,— Семен остановил порыв Паркера.— Я совершенно ничего не имею против оплачиваемой работы, но очень бы хотел понимать всю картину происходящего. Если ты, конечно, не считаешь это сугубо личным делом.

Капитан Америка помялся.

— Не считаю,— тоном ниже ответил он.— Так вот, привезли мне глемма. Переломанный весь, как в мясорубку попал. Раны колотые, рваные и резаные. После вельяна так обычно бывает. Но не вольд, это точно. Как правило, с таким ранами не живут. И уж тем более, не перемещаются. А этот — ничего, даже говорить мог. Три дня с ним возился, не отрываясь. Вытащил. Денег отвалили неимоверное количество,— он покосился на Точилинова,— и главным условием была секретность. Он здесь не был, я никого не видел. Вы думаете, это из-за него?

— Мы пока ничего не думаем,— Теренс сел попрямее в кресле.— А как звали раненого?

Паркер замялся.

— Гарри,— Семен начал заводиться,— мы тебя из задницы пытаемся вытащить, а ты тут в тайны играешь. Ты что, еще не понял,

что это проблема может тебя вообще угробить? Тебе аталь мало? Ты хочешь еще и глеммов в кровники заиметь?

— Дил Имарута. Они его называли так.

— Имарута, Имарута,— Теренс побарабанил пальцами по креслу.— Что-то вертится, а что, не вспомнить. Дил — это понятно, дил — это «ушедший из клана». Мы с Трондом тоже «дил». А вот Имарута... Еще что-нибудь? Приметы там, шрамы?

— Да он весь один шрам был. Всё покорежено. Узор, видно, серьезный попался. Кисти одной у него не было,— сообщил Гарри.— Левой. Вместо нее такой протез металлический, матовый.

— Вот такого цвета? — показал трофейный кинжал Теренс.— И черная полоса по всему протезу, на пальце переходит в узор?

Теренс задал вопрос тихо, очень тихо и очень мягко, но от его тона все вздрогнули.

— Да,— не отрывая взгляда от Теренса, кивнул Паркер.

— То-то я смотрю, знакомое имя. Ха, Имарута,— Теренс расслабился и откинулся на спинку.— Знакомое. Конечно, знакомое. Только наоборот. Дил Атурами. Ваше Магичество, Мастер Ацекато, вы готовы к дороге?

— Чего? — моргнул Семен. Как-то неожиданно прошел переход от одного к другому.

— Ничего,— Теренс больше не расслаблялся. Если когда Семен и видел Теренса по-настоящему обеспокоенным, так это сейчас.— Собираемся. Нам домой надо, в Территории. И как можно скорее, и как можно глубже. Соболезную, Ваше Магичество,— он повернулся к Паркеру.— Нам вас будет очень не хватать.

— То есть? — Семен, как и Гарри, пребывал в полной дезориентации.— Что все это значит?

— Атурами, тогда еще не «дил», был главой как раз иривальяда. Но прежнего Танатоглемма. Нынешний получил власть, скажем так, не совсем по наследству. Переворотом. Атурами остался верен прежнему Танато. Три покушения на жизнь нынешнего Танатоглемма. Два убитых советника. Убийство старшего сына Танатоглемма в результате четвертого неудачного покушения. Дальше продолжать?

— ...его душу, ...-... в колоду и... через пять углов в чистое небо,— Семен не сдержался.— Гарри, ты что, не мог поаккуратнее пациентов выбирать?

— Он не виноват,— остановил его Теренс.— Откуда он мог это знать? А Атурами срочно нужна была помощь. В этой ситуации Его Магичество Капитан Америка подходил как нельзя лучше. Никакой другой маг не взялся бы лечить его.

— Что, кх-к...а,— Гарри не мог справиться со внезапно пересохшим горлом.— Что мне теперь делать?

— Не знаю,— с обескураживающей честностью ответил Теренс.— Нам точно надо уходить отсюда. Чем быстрее мы окажемся в баронствах и среди ваших магов, тем лучше будет всем. Танатоглемм послал за головой своего личного врага. Послал иривальяд. А мы их убили. Всех.

— И что, как ты думаешь, мы теперь тоже личные враги Танатоглемма? — поинтересовался Семен.

— Не знаю,— пожал плечами Теренс.— Кто может сказать, как отнесется к этому Танато? А вот иривальяд обидится, это точно.

— Ну, если верить твоим словам, то этого можно не очень бояться. Они ведь выбираются только за врагами Танатоглемма, правильно я понял?

— Случаи разные бывают,— уклонился от прямого ответа глемм.— Танато не будет очень сильно ругаться, если кто-нибудь из его гвардии решит в свободное время восстановить честь мундира.

— Подождите,— Гарри переводил потерянный взгляд с одного на другого.— Стойте, это же бред. Ну за что на меня охотиться-то? Я же ничего не знал. Надо как-то донести это до вашего Танатоглемма, и дело с концом. Я скажу, что теперь я все знаю, приношу извинения и так далее.

— Дяденька, прости засранца, я больше так не буду,— невесело хохотнул Семен.— Ты в уме? Кому, как и что ты хочешь говорить? Где ты — и где Танатоглемм?

— Я согласен с Мастером Ацекато,— глемм постарался как можно проникновеннее донести до Паркера нехитрую истину.— Дело в том, что вы, Ваше Магичество, являетесь на сегодня очень удобным случаем для выказывания монаршей воли. Вы не принадлежите ни к одному государству, соответственно, за вас никто не вступится...

И опять у Семена, как в случае со Строцци, что-то ворохнулось в душе, какая-то мысль пыталась достучаться, но... нет, ушла. Ладно, если второй раз приходит, значит, всплывет и еще.

— ...не будет осложнений с тем, что личная гвардия правителя Серого Лепестка угробила одного из уважаемых халь. А в случае с повреждениями Атурами, насколько я понял, халь средней руки бы не справился, так что убивать пришлось бы мастера своего дела. А мастера ценятся везде. Тем более, врачи. И с другой стороны, всему Клеверу преподан отличный урок. Незнание законов не освобождает от ответственности. Знали вы там или не знали, это дело десятое. Вы помогли Атурами, значит, расплата одна —

смерть. Именно для того, чтобы никому из знающих в будущем даже в голову не могло прийти помочь ему. Так что, я повторюсь, вы просто идеальная жертва в данной ситуации. И чем дольше вы будете отбиваться, тем больше раздражения вы будете вызывать у всех, включая остальные расы. Танато не захочет терять лицо, а Старшие Расы не захотят, чтобы необходимой мишенью выбирался кто-то из них. Этим, кстати, может объясняться и участие Желтых Стрелков. Как раз в стиле Зеленого Принца. Не слишком внимательно, не Изумрудных Стрелков послали,— Семен вздрогнул,— но и не Красных. Желтые — самое то — удачное сочетание официоза и профессионализма.

Гарри, по мере рассказа все шире и шире открывавший рот, со стуком его захлопнул.

— Так что же мне делать?

Теренс замялся:

— Идти с нами, конечно,— Семен прекрасно понимал ход мысли глемма. Тащить с собой такую мину замедленного действия Теренсу совершенно не улыбалось. В этот раз иривальяд не знал, с кем придется иметь дело. В следующий они придут за головами Команды вольдов и двух магов. И подготовятся соответственно. Да и привлекать лишнее внимание к своей персоне Теренсу тоже не хотелось. Мало ли, вдруг за дальностью расстояния и за отсутствием явной связи, угробив Гарри, иривальяд успокоится. Ну мало ли профессионалов гибнет на спецзаданиях. За всех мстить, так спецслужбы только этим и будут заниматься. Может, и обойдется. А вот если вытащить Паркера в баронства, прикрывая его по пути, то уж точно все будут знать, какие герои Команда Теренса, что не испугались целого иривальяда с Танатоглеммом во главе.

Но понимать — не значит одобрять. Терзания Теренса в данном случае не волновали Семена совершенно.

— Идти с нами, однозначно. Здесь ты не протянешь и месяца.

— Трех дней, если точнее,— к чести Теренса, его нежелание подставляться так и осталось нежеланием.— Завтра новая пятерка будет готова идти на поиски или отправится мстить, по обстоятельствам. Так что выходить надо немедленно. Я не шутил.

— Подождите,— Гарри растерянно вертел головой, переводя взгляд с одного готового к выходу вольда на другого.— Но я не могу здесь всё бросить.

— Почему? — не согласился Семен.— Если здесь всё держится только на тебе, то грош цена такому хозяйству. Рано или поздно тебе придется отвлечься. И все рухнет. Оно тебя всё равно угробит

в итоге. А если это не так, то почему нельзя уйти? Тебе что, кого-то надо взять с собой? Давай возьмем.

Краем глаза Семен увидел страдальчески возведенные горе́ глаза Теренса и усмехнулся про себя.

— Нет, не надо брать,— замотал головой Паркер.— Но я просто не готов. Так всё это неожиданно.

— Смерть тоже, как правило, приходит неожиданно,— это потерял терпение Тронд.— А дождемся мы её здесь — и провидца не вызывай. Я тоже немного знаком с иривальядом, поэтому полностью разделяю позицию Старшего и Мастера. Уходить надо прямо сейчас.

— В общем, так, Гарри,— Точилинов встал, тяжело опершись на стол.— Мы уходим. Не верить Теренсу и Тронду у меня оснований никаких нет. Поэтому мы уходим и предлагаем тебе отправиться вместе с нами. Мы гарантируем тебе защиту, ты уже убедился, что мы можем тебе ее предоставить. А в Такатаке нас уже ждут. Черт, Гарри, там же все наши. Там интересно. Там столько дел, что только успевай поворачиваться. А уж полечить там сколько народу нужно... Без дела точно не останешься. Ну же, соглашайся, Капитан Америка. Что ты здесь оставляешь?

Гарри долгим, очень долгим взглядом посмотрел в глаза Точилинову. Перевел взгляд на Теренса, Тронда. Посмотрел на Григора. Задержал взгляд на улыбающемся самой плотоядной из своих улыбок Муритае. И, широко улыбнувшись, со всей силы треснул кулаком по столу:

— Поехали. И правда, что мне здесь жалеть? Все равно никуда ничего не денется, а покойникам деньги без надобности. Только заскочим, магиприпасы заберем, пригодятся.

Глава 3

Звезд высыпало столько, что они, казалось, заменяли собой само небо. Точилинов лежал на земле, закинув руки за голову, и любовался. Его всегда завораживали звезды, а в Пестике этого добра было в избытке.

— Меня вот что интересует,— Гарри Паркер сидел рядом — темный силуэт на фоне костра, который развели вольды, устраиваясь на ночлег посреди поля.— Вот мы идем себе, идем, Команда нас прикрывает, и вдруг появляются глеммы.

После выхода из замка Чикаго прошло уже пять дней. Первые два дня Гарри был сплошной проблемой. Отвыкший много ходить,

в первый же переход Гарри немилосердно стер себе ноги. На второй день он пожаловался на сердце. К вечеру его начало тошнить от немного подтухших на солнце продуктов. В общем, через два дня Семен был единственным, кто не жалел о том, что они спасли Паркера.

— Ну и? — Семену не хотелось разговаривать. Хотелось просто лежать и смотреть на небо, высматривая там неизвестно что.

— Как «ну и?» — возмутился Паркер.— А мы готовы к драке?

Гарри продолжал бы жаловаться и дальше, но тут вмешался Тронд. Он очень быстро, разговаривая как со своими, привел Паркера в чувство. Для начала он предложил ему вернуться обратно, напомнив, что его с собой никто силком не тащил, а потом резонно обратил внимание мага, что стертые ноги, стучащее невпопад сердце и не справляющийся с пищей желудок — это, конечно, серьезные проблемы, но не для мага, чьей основной специализацией является медицина. Гарри заткнулся. Семен вообще заметил за ним такую особенность. Высоченный Гарри, белокурый красавчик с ослепительной улыбкой, иногда начинал вести себя как маленький ребенок. Он ныл и хныкал, страдал и стенал, жаловался и требовал к себе внимания. Это продолжалось до тех пор, пока у кого-нибудь не сдавали нервы и Паркер не получал резкую отповедь. После этого он преображался мгновенно. Первый такой случай был еще в Территориях, на выходе из Экскора, когда Гарри получил затрещину от Васи. Тогда он тоже мгновенно переключился.

— Слушай,— Семен перевернулся на живот, щуря глаза от света костра, который после темного неба казался нестерпимо ярким.— Ты что, хочешь проверить боеготовность подразделения? Можешь попробовать. Но не рекомендую.

Так случилось и на этот раз. После того как Тронд отошел, Гарри подменили. Он вспомнил, кто тут врач. Двадцать минут и один магиприпас ушли у него на то, чтобы полностью поправить пошатнувшееся здоровье. Еще через час он проверил всю Команду, попутно избавив бойцов от мелких неприятностей вроде вросших ногтей, мозолей и некстати разболевшихся суставов. После этого, на радостях, что головная боль у всей Команды закончилась, Гарри стал всеобщим любимцем. Но у любого явления есть и обратная сторона. Веселость, гиперактивность и брызжущее хорошее настроение надо было куда-то девать, и они нашли себе выход. Любопытство. Оторванный от простой жизни последние несколько лет, Паркер резко захотел знать всё. И источником этого всего единодушным мнением Команды был выбран Семен. Два дня он стоически рассказывал Паркеру все особенности жизни воль-

дов. На третий день вопросов не осталось, и Семен наивно понадеялся, что пытка кончилась. Не тут-то было. Гарри потянуло на философию:

— Я не о том,— Гарри подвинулся поближе.— Ты никогда не задумывался о том, что во всех этих стычках вольды выступают на нашей стороне?

— А на чьей стороне они должны выступать? — развеселился Семен.— Сидеть как зрители в театре или помочь аталь нас упаковать? Зачем им с нами таскаться-то тогда? Или у тебя там вольды выступали в роли врагов?

— Нет,— помотал головой Гарри,— опять ты не понял. Я не это хотел сказать. Ведь кто такие вольды?

— Самая близкая аналогия — казаки, ушедшие в свободный мир. Те, кого не устраивало что-то дома. Энергии много, магии нет, а делать что-то хочется. У себя они не пригодились, но это не значит, что они пропащие. Или, если поближе к тебе,— первопроходцы, заселяющие Америку. Авантюристы в массе своей, короче.

— Опять не с той стороны,— Гарри понизил голос: — Они — глеммы, или аталь, или торки.

— В наблюдательности тебе не откажешь,— иронично улыбнулся Семен, никак не могущий взять в толк, куда клонит Гарри.— Только не забудь — еще и люди.

— Именно,— оживился Паркер.— Вот представь себе ситуацию: завтра появляется взвод земного спецназа здесь. Будешь ты с ним воевать?

— Ну,— озадачился Точилинов, эту проблему он действительно не рассматривал,— если они придут меня убивать, то, наверное, буду. Хотя я не могу пока представить, что меня придут убивать с Земли.

— И не надо,— Паркер заговорщицки наклонился к Семену.— Представь, что с Земли придут, к примеру, за Муритаем. Обидит он там кого-нибудь. Что делать будешь?

— А...— Семена вдруг заклинило. Гарри неожиданно набрел на проблему, о которой никто из землян не задумывался.

— Не дай бог,— через несколько минут напряженного раздумья выдавил он.

— А если даст? — не отставал Паркер.— Жизнь штука длинная и интересная. Завтра не знаешь, что будет.

— Да что ты ко мне привязался? — Точилинов сорвался — и тут же понял, что неправ. Это он убегал от проблемы, а Гарри всего лишь задал вопрос.— Извини. Сложно сказать. То, что жизнь любого из Команды важнее всего,— это факт. И защищать я их буду

до последнего — это тоже факт. Но вот убивать своих при этом — тут надо крепко подумать.

— А они,— не отставал Капитан Америка,— не думают. Сколько соплеменников они уже положили — и ничего.

— Так ты к чему клонишь? — Семен окончательно запутался и озверел от свалившейся проблемы... И вообще — тут жизнь проста и понятна, а к нему пристают со всякими сложностями.

— Да ни к чему,— отодвинулся Гарри.— Я просто пытаюсь понять, а не надоест ли нашим друзьям в один прекрасный момент присматривать за нами. Не договорятся ли они со своим домом, вернее, не решит ли дом с ними договориться, и не останемся ли мы одни против всей этой кодлы.

— Да пошел ты со своими проблемными ситуациями,— вот тут Семен обиделся.— Каждый из них, между прочим, уже не раз и не два рисковал жизнью, чтобы меня спасти. И жить в ожидании, когда они меня кинут, я не собираюсь. И тебе не советую. Это,— он вспомнил Теренса,— разъедает душу. Если ты будешь ждать каждую секунду, что тебя бросят и подставят, так ты и сам будешь с людьми обращаться соответственно. А это видно сразу, и поэтому тебя точно подставят. Чего жалеть того, кто и так тебя за разменную монету держит. Ну и так далее. Логика подонка, на самом деле. Заканчивай ты это. Вольды за нас, поскольку они считают нас своими, такими же, как они. И защищают точно так же, как любого своего. А если свой при этом еще умеет что-то особенное, так и вообще беречь будут как зеницу ока. И ничего здесь странного нет.

— Тихо, тихо,— выставил вперед раскрытые ладони Гарри.— Никто ни на кого не нападает. Вы только что меня от смерти спасли. Я вам по самую крышку благодарен. И когда я говорил про вольдов, я имел в виду, что одной твоей Командой они не ограничиваются. Они тоже, знаешь ли, разные бывают. Мне другая мысль в голову пришла. Если уж ты собрал всех в одном баронстве и заставил... хорошо,— поправился он,— уговорил работать вместе, то почему бы и нам не объединиться? Хотя бы и формально.

— Так мы...— Семен остановился на ходу. Гарри прав. Хотя они и так объединены. Но...

— А что нам это даст? Я имею в виду, по сравнению с текущей ситуацией? — Сказал, и вдруг сам понял, что́. Цвета одежды гвардии баронов. Гарри все-таки принес новые идеи в Пестик, как Семен и предсказывал.

Вот оно, то, что настойчиво стучалось в голову Точилинову. Та самая недодуманная мысль. Семен аж сел.

— Общую идею,— значимо поднял палец Паркер.— Смотри, что получается. Ириваль яд обидели, я про Танатоглемма молчу,— мы бежим как оглашенные. Любую из Команд вольдов завтра угробят, и что будет? На любого барона нападут, и что? Сколько наших уже убили? Кто-нибудь хоть пальцем пошевелил? Пестик разобщен дальше некуда. Каждый сам за себя, потому что необходимости не возникало. А тут еще мы со своими проблемами. И оказывается, что никто ничего сделать не может.

— А мы сможем,— полуутвердительно, полувопросительно произнес Семен.— Ты прав. Именно этого и не хватало. И чтобы с баронами договариваться про связь, и про магипрепасы, и про защиту, и тут еще надо построить...

Мысль ветвилась и развивалась. Перспективы открывались такие, что голова отказывалась вот так, в один момент, справиться со всем потоком информации. Идея лежала под спудом, но зрела так давно, что теперь Точилинов просто не справлялся с количеством охвативших его мыслей

— Тут не всё так просто,— Гарри никак не ожидал, что его желание поболтать и посплетничать вызовет подобную реакцию.

— И просто, и нет,— Семена уже понесло, остановить его сейчас могла только пятерка ассасинов.— Смотри, что можно сделать...

Они проговорили два часа, пока у Паркера не начали слипаться глаза. Предложений и проектов вывалилось столько, что Семен еще минут двадцать лежал с открытыми глазами, жутко жалея, что впереди несколько дней пути. А, кстати, почему весь Пестик до сих пор ногами ходит? Что, придумать ничего нельзя? Нет, не сегодня. Хватит.

И уже проваливаясь в сон, где-то на краю угасающего сознания Точилинов зацепился за какое-то несоответствие. Что-то они принципиально недодумали, не дошли до чего-то. Но дойти до конца так и не получилось — Точилинов заснул.

Глава 4

Первым из магов, кого увидел Семен на входе в Такатак, неожиданно оказался...

— Смотри,— Семен ткнул локтем в бок Паркера.— Там Гюнтер. А мы-то с тобой, два дурака... Может, и Юнг Чи Фа с семьей здесь?

Они оба очень переживали, что не смогли заехать ни к одному из двух оставшихся магов. Теренс отказывался даже от обсуждения возможности посетить хоть кого-то. Он гнал Команду, не жалея. Переход за переходом. Остановки — только чтобы поесть и поспать. Бегом, бегом, бегом. Никто особенно не возражал, сражаться против элиты одного из Лепестков никому не хотелось. И Семен с каждым днем все больше и больше убеждался в необходимости создания организации магов. Чем острее становилась проблема с «гостями» из Зеленого Лепестка, а теперь еще и с глеммами, тем явственнее приходило понимание, что вот так, поодиночке, они не справятся.

— Привет,— Гюнтер Гельц, невысокий худощавый немец с вечно озабоченным лицом, был, помимо специализации «фортификатор», еще и лучшим земным специалистом по направлению «магическая механика». Движение с помощью хальер, перемещение предметов — это все к нему. Поговаривали, что его группа работала над созданием стрелкового оружия, где пуля выстреливалась с помощью магии. Они с Семеном познакомились во французском проекте Софи, когда она только-только убедила Гермеса поддержать ее идею. Что-то он там для них конструировал.

Но все это рухнуло в один миг, когда Экспедиционный Корпус перестал существовать.

В последнее время Гельц, после возведения всяких там защитных сооружений, которыми он сначала увлекся, прекрасно устроился в одном из баронств, занимаясь созданием разных нужных механизмов.

— Какими судьбами, Гюнтер? — распахнул объятия Паркер.— Мы уж думали, что тебя... того... наши зеленые друзья оприходовали.

— Я вообще плохо понимал до прихода сюда, о чем мне все говорили,— неторопливо поведал Гельц, его размеренность уже входила в пословицы.— У меня всё было тихо и мирно. Да и кому нужен простой ремесленник?

— Простой врач тоже не должен быть никому нужен.— Проворчал Капитан Америка.— А вот поди ж ты.

— А тогда зачем ты здесь? — удивился Точилинов.

— А что? — не понял Гельц.— Сюда только за охраной бегут? Мне казалось, ты приглашал всех просто собраться вместе.

— Хм, да,— Семен немного смутился.— Ты прав. Просто за последнее время столько к нам уже убивцев понабежало, что безопасность стала чуть ли не единственной задачей.

— Да, у вас здесь беспокойно, я заметил,— улыбнулся немец.

— Что, стреляли? — влез Гарри.— Все живы?

— Всё в порядке. Привет, Семен. О, какие люди! Гарри! А я думал, тебя из дома не вытащишь,— ван Брюккен долго себя ждать не заставил.— Хотя поволноваться пришлось. Времечко выдалось беспокойное.

— Будет еще хуже,— пообещал Точилинов.— Гарри умудрился обидеть лично Танатоглемма. Тот обещался не тянуть с ответом.

— Неплохо,— ван Брюккен явно был лучше осведомлен о жизни в Клевере.— Я и не знал, Гарри, что ты такой склочник. И чего нам теперь ждать?

— Дальше будет только хуже,— повторился Семен.— Ну что, где наши?

— Кто где. Кто на работах, кто в Территориях. Я уже всех оповестил, к вечеру должны собраться, кто сможет.

— И хорошо,— согласился Семен, поднимая мешок.— Как раз к вечеру и мы приготовимся. Ну пойдем, что ли, Гарри, покажу, где жить пока будем. Клаус, Гюнтер, вы с нами? Пару сплетен по пути расскажете.

— Братство, говоришь? А что? Хорошо звучит — Братство Магов Земли,— Борис закатил глаза.— А членские взносы будем платить?

— Вот это как-то пропустили,— озадачился Семен.— Не знаю, а надо?

— Да нет, вроде не очень. Не бедные все, сами справимся.

Идею создания организации, которую подкинул Семену Гарри, Точилинов обсасывал всю дорогу домой, и к моменту прибытия она был практически готова. И вот, на первой встрече, где собрались послушать Мастера Ацекато маги, обретающиеся в Такатаке, Семен наконец смог высказать вслух то, что его мучило последние несколько дней.

К его удивлению, все восприняли идею более чем позитивно. Собственно, через несколько часов практически все уже считали себя членами Братства. Людям до смерти надоело оставаться одним перед лицом всех и всяческих опасностей, так что идея Точилинова упала на хорошо подготовленную почву. Неожиданно оказалось, что все так или иначе, но строили схожие планы, поэтому, поняв, что предлагается некая система жизни, все начали сыпать предложениями.

— Связь надо растянуть не на три баронства, а подальше. Чего мы тут на одном пятачке толкаться будем.

— А добираться друг до друга как будем, если что?

— ...склады надо поставить, чтобы все под рукой было...

— ...Ляо Юй чего-то там с порталами мудрил. Дотянем до точек-то, я надеюсь.

— Гюнтер, ты там что-то про механизацию говорил. Поделишься?

— Ацекато, я думаю, договорится с Сусси, тот не сумасшедший с Мастером ругаться!

— ...сколько уже говорили, что службу связи надо налаживать, как раз она оперативным реагированием и займется...

— Ну что? — хлопнул Семена по плечу ван Брюккен, как обычно взваливший на свои плечи административную часть очередного виртуального проекта Точилинова.— Поздравляю вас, Старший Брат. Идея оказалась более чем удачной. Добро пожаловать в новый мир.

— Как ты меня назвал? — распахнул глаза Семен.

— А что? По-моему, очень правильно,— подал голос выбирающийся из кресла дон Антонио.

Импровизированное собрание закончилось, маги почти все разошлись, и только Семен ещё оставался, обсуждая с интересующимися детали своего проекта.

— Да ну вас,— Семен отмахнулся.— Ещё чего придумали.

— Ну уж нет,— ван Брюккен усмехнулся.— Если ты думаешь, что для тебя всё закончилось, а мы, как обычно, в твое отсутствие займёмся организационными проблемами, то ошибаешься. Ты всё это заварил, тебе и расхлебывать. Я всю техническую работу сделаю, тут вопросов нет, но первоначальные договоренности, извини, будут только твоими. Да и не станут ни вольды, ни бароны никого, кроме тебя, слушать.

— Да? — искренне удивился Семен, как-то упустивший этот момент из виду.

— Именно,— подтвердил ван Брюккен.— А теперь давай-ка, иди спать, а то на ходу уже носом клюешь.

Семен поискал в себе силы не согласиться, не нашел — и поплелся вместе с Гарри, решившим немного пожить у него, искать свою гостиницу. Домом он так и не обзавёлся за все это время. Может, теперь пришло время об этом подумать?

Разбудил Семена негромкий лязг, раздающийся по всему этажу, где расположилась Команда. Складывалось впечатление, что все вольды одновременно решили проверить свое оружие. Позёвывая (вчерашнее собрание закончилось под утро), Семен вышел в коридор, прислушался к звукам, доносящимся из комнат, хмыкнул и побрел вниз, в надежде найти пару чашек доша.

Когда он, осчастливленный, вышел в зал, чтобы насладиться утренней сигаретой, внизу его встретил один Тронд, рассматривающий свое отражение в начищенном до блеска мече.

— Гарро, Мастер,— оторвался от себя любимого глемм.— Доброе утро.

— Доброе утро. Что у нас с утра происходит? Смотр строя и песни? С чего это все за железо схватились?

Он развалился в кресле, с наслаждением раскурил сигарету и глотнул доша. Жизнь начала приобретать краски.

— Ну надо же подготовиться к выходу,— Тронд убрал меч в ножны.

— К какому выходу? — не понял Семен.

— В Территории, Старший сказал.

— Подожди. Куда мне сейчас в Территории идти? Тут дел невпроворот.

— А вам, Мастер, никуда идти и не надо,— в зал неслышно, в своей манере, вошел Теренс.— Вы правильно сказали. Дел у вас здесь невпроворот. Мы ненадолго сходим — и обратно.

— Бросаете? — Вот такого поворота Семен никак не ожидал.— Что случилось?

— Что вы, Мастер. И в мыслях не было,— Теренс постарался объяснить.— Просто у вас сейчас такой график будет — не всякий барон справится. А мы что будем делать? За вами ходить или в «Вельяне» животы наедать?

— Ну почему? — попробовал не согласиться Семен.— Вы будете... э...

— Вот и я об этом,— Теренс поднял брови.— Так что лучше мы во время всей этой неразберихи, которая всегда происходит вначале, тихонько по Территориям прогуляемся.

Он раскурил свою трубку и, хитро прищурясь, добавил:

— Пусть лучше в самые известные моменты становления имена Теренс, Тронд и другие останутся где-нибудь далеко. Вы-то нас, я надеюсь, все равно не забудете при случае, так что нам не придется беспокоиться о связях в Братстве, которые мы можем не успеть приобрести, а все остальные,— он повертел пальцем в воздухе,— лучше чтобы вообще о нас не вспоминали. У иривальяда память хорошая.

— Хм,— Семен немного успокоился.— Ну, это многое объясняет. А если гости нагрянут? Я без вас уже как голый. Непривычно все это.

Он поежился. Теренс усмехнулся, глядя на него:

— Ну, во-первых, я не очень верю, что сейчас кто-нибудь сунется. Слишком много вокруг магов, вольдов и прочего-прочего.

Во-вторых, зная, что нас нет, вам все равно охрану-то выделят, и не из последних. А в-третьих,— глемм широко улыбнулся,— совсем без охраны вы не останетесь.

— Поясни,— Семен непонимающе нахмурился.

В зал вошли остальные члены Команды. Все, пожелав доброго утра, расселись вокруг, и только Муритай остался стоять перед столом, где сидел Семен с глеммами.

— Выгнали меня, Мастер,— пожаловался он.— Старший сказал, что я уже старый и ни на что не гожусь. Не берут меня.

— То есть? — Точилинов переводил непонимающий взгляд с торка на Теренса и обратно. Потом он сообразил, что все присутствующие весело улыбаются.— А, разыгрываете, да?

— Не-а,— помотал головой Муритай.— Старший сказал, что я теперь буду вам, типа, дош варить по утрам, белье там стирать, ну и все остальное по мелочи.

— Вот паразит,— восхищенно пожаловался Семену Теренс.— Из Команды не успел уйти, уже пытается наглеть. В общем, так, Команда приняла решение оставить Муритая с вами, Мастер, в качестве личного телохранителя. Все равно он от вас не отходит, а в Территориях мне делать больше нечего, как любоваться на его морду, на которой только и написано: «Как же там мой Мастер?» Он, кстати, очень рад был такому решению. Наверное, и правда постарел.

— Ага, тут ему как раз что угодно будет, но не спокойная жизнь. Мне ж мотаться придется по всему Пестику.

— Вот-вот, мы как раз об этом и говорили,— поддакнул Тронд.

— Ты правда обрадовался? — Семен посмотрел на Муритая.

К огромному удовольствию всех зрителей, Муритай немного покраснел. На продубленной всеми ветрами Территорий зверской физиономии это смотрелось непередаваемо.

— Ну, в общем, да,— он вскинул голову.— Кто-то же должен о вас позаботиться. Вы ж как дитё неразумное, вечно во что-нибудь вляпаетесь. То шамана торкского не увидите, то с иривальядом сцепитесь. Мало ли что случиться может.

Вольды рассмеялись.

— Спасибо,— Семен не нашелся, что еще сказать, но все всё поняли.

— Это вам спасибо, Мастер,— Теренс откашлялся.— Мы тоже без вас как голые. За столько-то времени привыкли, что в Команде свой маг есть. А теперь что? Только вы теперь в совсем других делах вариться будете. У вас теперь своя дорога. Мальчик уже вырос. Скоро вы больше не будете выходить в Территории, а может, и во-

обще из баронств уйдете. Отсюда вы съедете — тесно здесь, да и людей принимать негде. За вами, вон, уже скоро придут, дела, мол.

В зале воцарилась тишина. Ни звука. Все слушали Теренса. Команда прощалась со своим магом.

Семен хотел ответить, но горло вдруг пересохло. С чего бы это?

Во входную дверь вдруг постучали, Муритай неслышно сдвинулся вбок и исчез.

— Спасибо,— Семен, наконец, справился со своим горлом.— Вы не представляете, сколько вы для меня значите...

— Мастер Ацекато занят,— донесся рык Муритая, встретившего гостей.— Придется подождать... Нет, не знаю... Вам сообщат, ждите.

Теренс грустно улыбнулся и сделал жест рукой: вот оно и началось, до свиданья, Мастер. У Семена вдруг странно защипало в глазах.

— Я кому сказал? — продолжал разоряться вдалеке Муритай, начисто смазывая патетику момента.— Ждать здесь.

Семен улыбнулся:

— О! А у него получается. Вылитая секретарша, не находите?

Вольды расхохотались.

Глава 5

Велосипед выглядел как... велосипед. А каким его еще можно сделать? Тем не менее Гюнтер Гельц с Фредерико д'Эрмени, соотечественником Строцци, ходили довольные, как коты, как будто они лично его придумали. Хотя здесь, в Пестике, выглядел он довольно сюрреалистично, надо признать.

Импровизированная мастерская, куда два «изобретателя» пригласили всех для показа, четко делилась на две половины. Первая, надо думать Гюнтера, сверкала чистотой и порядком. Все инструменты висели на своих крючках, ветошь лежала аккуратно сложенная, баночки с маслами, красками и еще бог знает с чем, выстроились в идеальном строю. Вторая отличалась... И сильно. Перемешанные в кучу ключи, ровным слоем покрывавшие верстаки, были измазаны чем-то черным. Грязные тряпки пытались впитать в себя разлитые там и тут лужи, но не справлялись.

Изделие, как громко его называли два конструктора, стояло, естественно, на чистой стороне.

— Хо-хо! — Дон Антонио, как самый экспрессивный, не стал утруждать себя положенными восхищениями, а просто забрался в седло и, оттолкнувшись, поехал.

— Осторожнее,— Фредерико бросился за ним.

— А что? — озабоченно обернулся Сибейра, чуть не навернувшись при этом в пыль.— Не работает?

— Работает,— остановился д'Эрмени.

— Тогда в чем проблема?

— Ну, как-то... не знаю.

— Жалко, да? — Дон Антонио подкатился обратно к стоящей группе, затормозил с фонтанчиком пыли и лихо спрыгнул.— Замечательно. Как в детстве. Сто лет не ездил.

— Я так понимаю, вы готовы поставить его на поток? — Точилинов не особо удивился. Он и предполагал нечто похожее, уж больно много туманных намеков в последнее время делали два неожиданно тепло сошедшихся приятеля.

— Практически да,— Фредерико сиял улыбкой, уже, видимо, тренируясь перед рекламной кампанией.

— Не совсем так,— осторожно оттормозил коллегу Гельц.— Комплектующие мы заказываем у местных оружейников-глеммов, а у них стандарты не всегда выдерживаются. Мы пока заказали на всех по комплекту, сделаем — раздадим.

— И будем как дураки на велосипедах кататься, а вольды — сзади бегать, во картинка! — Капитан Америка как раньше не утруждал себя этикетом, так и сейчас не сильно изменился.— Плащи развеваются, пыль столбом.

— Так не фиг в мантию наряжаться, Ваше Медичество.— Борис, шутя, толкнул в бок Паркера.— Ты б еще колпак со звездами нацепил и посох резной в руки, тогда точно только по ступеням замка вышагивать.

Вокруг засмеялись. Маги, как правило, в одежде предпочитали вольдовский стиль, удобный и практичный, и только Гарри с двумя собратьями по ремеслу — иранцем Адевальжадом Идирани и англичанином Томасом Эйзенвальдом — старались подчеркнуть значимость фигуры мага. Над их длинными одеяниями подшучивали все кому не лень, но троица не сдавалась.

— Ничего,— Гарри уже так натренировался в отбивании насмешек, что смутить его было трудно.— Время покажет, кто больше уважения добьется.

— По делам их узнаете их,— вздохнул Точилинов.— Кстати, о делах. Фредерико, а что это у тебя там валяется?

Глаз Семена зацепился за какой-то очень знакомый предмет, на захламленной половине. Полускрытый замасленными тряпками, на верстаке лежал...

— Я ошибаюсь, или это задний мост? Вы что, собираетесь осчастливить нас автомобилем?

— Где? — присмотрелся д'Эрмени.— А-а, это. Это не у меня, это у Гюнтера.

Точилинов мысленно попросил прощения у итальянца. Вот не ожидал от него такой упорядоченности. А от Гюнтера — наоборот.

— У какого Гюнтера? — возмущению Гельца не было предела.

— А что? Мост твой. То, что лежит у меня, так и пусть лежит, толку-то от него.

Семен перепопросил всё обратно.

— Нет, к сожалению,— вздохнул Гюнтер, поворачиваясь к Семену.— Пока вообще ничего не получается. Думать в этом направлении, мы думаем. Но, увы... Слишком большое производство надо разворачивать. А еще и вопрос топлива стоит острее некуда.

— А почему бы вам это всё просто не заказать на Земле? — поинтересовался вдруг Эйзенвальд, картинно придерживающий свою мантию. Он обвёл рукой мастерскую: — Зачем всё это городить? С Земли-то можно много чего натащить: хоть велосипеды, хоть дельтапланы. Да чего хочешь. Хоть портативные рации, кстати. Чем трудовые подвиги тут устраивать, лучше глеммам заплатить — и всё.

Сибейра, как признанный специалист по контрабанде, сдавленно хрюкнул, сдерживая смех:

— Томас, ты правда себя считаешь самым умным?

— А что? — оскорбленно поднял голову Эйзенвальд.

— Да ничего. Как ты думаешь, почему за всё это время никому в голову такая светлая идея не пришла?

— Не знаю,— пожал плечами британец.

— А почему ты, например, вместо магии не натащишь себе лекарств с Земли — и не будешь себе голову забивать в половине случаев, корячась над каким-нибудь хитровывернутым узором?

— Ну-у...— задумался Эйзенвальд.— Магия дешевле, под рукой всегда.

— А оптом? — прищурился Сибейра.— Глеммы берут за факт доставки. Им объём груза не так принципиален. Анальгетики какие-нибудь. Или антисептики, например. Всяко дешевле, чем магиприпасы, будет.

— Они не всегда подходят по биохимии. Да и вообще...— Он нахмурился.— К чему ты клонишь? У меня дома достаточно много вещей с Земли.

— У меня тоже,— дон Антонио погладил блестящий руль велосипеда.— Как и у каждого из нас. Но это всё сувениры, тешащие душу. Ты же замахиваешься, ни много ни мало, на глобальное жизнеобеспечение. Дельтапланы, рации... Заряжать, кстати, ты их где будешь, если они вдруг заработают? Электростанцию тоже закажем? Пестик — это мир магии, и всё, что ты видишь вокруг, только благодаря ей и существует. И, пытаясь всунуть нечто, чуждое этому миру, ты создаешь противоречие. Конфликт, так сказать. А конфликтовать с целым миром — это задача, конечно, амбициозная и смелая, но...— он смешно сморщил нос,— я думаю, не совсем выполнимая.

— Ну знаешь...— начал Эйзенвальд, но его перебил бесцеремонно втиснувшийся в кружок спорящих ван Брюккен, до этого сосредоточенно раскуривавший трубку:

— А можно, я тоже слово вставлю как администратор? — Он обдал стоящих клубом ароматного дыма.— Томас, ты себе представляешь, что такое велосипед?

— Нет, конечно,— невозмутимо парировал англичанин, разгоняя дым перед собой.— Вот смотрю на него и думаю: а что же это такое?

— Хорошо,— терпеливо согласился ван Брюккен.— Как явление — что это такое?

— Ну, если вдуматься...— На лице Сибейры явственно читалась вертящаяся на языке хохма.

— Это механизм,— голландец поднял палец, предупреждая язвительные комментарии.— А механизм состоит из деталей.

— И что? — не понял Эйзенвальд.

— А то, что, чем больше деталей, тем больше вероятность поломки каждой из них. Ты про усталость материалов когда-нибудь слышал? Соответственно, придется этот велосипед когда-нибудь ремонтировать. А ремонт под собой подразумевает две вещи: запчасти и инструменты. А теперь представь: натащил ты сюда с Земли кучу всяких нужных штук механических (про электроприборы все помним, да?), и начали они у тебя ломаться. Производства тут у тебя никакого нет. Значит, опять тащи всё это с Земли. И запчасти, и инструменты. Сколько тебе всего этого добра надо? Да на Земле еще и каждый год обновление модельного ряда происходит. А еще это всё надо где-то хранить и учитывать, чтобы знать, что у тебя есть и что надо.

Судя по виду англичанина, про материальное обеспечение, логистику и складское хранение он до этого не задумывался ни разу.

— А после того, как ты всё это организовал, ты берешь бумажку и считаешь, сколько это всё стоит,— добил его ван Брюккен.— И понимаешь, что мир магии и впрямь на сказку похож. В финансовом-то смысле — точно.

— Учитесь мыслить глобально, друг мой,— Сибейра похлопал по плечу остолбеневшего англичанина, который, судя по его виду, только что осознал, что булки растут не на деревьях.

— А чтобы больше к этому вопросу не возвращаться,— присоединился к избиению младенца Точилинов,— я немного про стратегию расскажу. Вы что думаете, про контрабандистов никто, кроме нас, не знает? Если мы можем в любой момент так запросто пойти и заказать у них всё что нужно, значит, и любой может. Ну почти любой. Так?

— Так,— Эйзенвальд уже не хорохорился, он просто констатировал факт.

— Так вот. Естественно, все соответствующие службы (что внутренние, что внешние) прекрасно знают, кто и чем занимается. И пока наши друзья-глеммы таскают сувениры по мелочи и денежку зарабатывают себе и другим, бароны и Старшие Расы смотрят на них сквозь пальцы. А вот как только кто-то захочет устроить массовый импорт, который может изменить ситуацию в целой отрасли, тут-то им жареный петух козью морду и покажет. А уж про Землю, с которой весь Клевер воюет, и говорить не приходится. Шутка ли — земным магам поставить систему связи, например! Тот, кто захочет сделать ставку на импорт, совершит огромную ошибку. Его прикормят поначалу, а в критический момент — хоп, и обрежут поставки. Нет уж, братцы-кролики, всё, что нам необходимо, надо производить здесь, как бы ни хотелось пойти по лёгкому пути. Сыр халявный, он где?

— Именно там,— доложился за всех Сибейра.— И достается он обычно мышке, которая приходит второй.

Он приобнял англичанина за плечи:

— Вот так, Ваше Медичество.

— Это ты кого имел в виду? — подозрительно отстранился Эйзенвальд.

— Мышку,— успокоил его дон Антонио и повернулся к Точилинову: — Мастер, а насчет топлива я вот что подумал: а может, нам магию куда-нибудь приспособить?

— Позже пообщаемся,— пообещал Точилинов и повернулся к остальным магам, веселой толпой сгрудившимся вокруг велосипе-

да: — Мужики, раз уж здесь все собрались, редкий случай, у меня пара вопросов есть по связи перед пуском системы.

— Ну? Раз, два, три. Работай! — Се Ляо Юй жестом циркового иллюзиониста вытянул руки к станции связи. Одной из двух последних, оставшейся для того, чтобы можно было сказать: система, над которой все так долго бились, работает на полную мощность. Кристалл мягко засветился.

— Ура-а! — Приемная комиссия из Точилинова, ван Брюккена и Бориса Уварова дружно захлопала в ладоши. Веселье было неподдельным — неимоверная работа, масштабы которой никто не мог себе представить перед началом,— закончена. Семену, вопреки всем его клятвам, не удалось сделать из упрямой железяки дуплекс, но радости это не омрачало никак.

— Слушайте,— спросил Точилинов,— а мы последние или ещё что-то есть?

— Надо думать, последние. То есть крайние,— поправился Борис,— Строцци должен был еще утром запустить свою.

— Тогда в-веселуха,— Семен, как мальчишка, подпрыгнул в воздух и двинул кулаками несколько раз.— Мы сделали это. Се, солнце наше, отправляй.

Китаец настроил ком-кристалл на запись, все четверо дружно проорали приветствие, и Се Ляо Юй торжественно отправил сообщение. Не прошло и десяти секунд, как кристалл засветился, приняв ответ.

— Во как,— восхитился Точилинов.— Так быстро?

— А то,— китаец улыбался как довольный кот.— Станции друг друга поддерживают, и если система полностью укомплектована и завязана, то тут много можно чего сделать. Теперь уж точно можно сказать, что у нас связь есть. Я еще подумываю, как сделать, чтобы картинки можно было пересылать.

— Ух ты, а можно разве? — удивился Уваров.

— Пока нет, но кто знает. Подсказал бы кто,— посетовал Ляо Юй.

— Ну что, двинулись? — Семен развернулся.— Дорога-то неблизкая. Ты когда запустишь порталы? — в шутку напустился он на китайца.

Ляо Юй только покривился. Привязка порталов к каждой станции уже стала его идеей фикс. После сидения Семена под щитом решено было оснастить каждую станцию своим порталом, чтобы мгновенно перебрасывать помощь в любое место. Но то, что хочется, не всегда с жизнью коррелирует.

— Сколько раз говорить, не будет вам порталов на каждой станции. Хальер здесь — это не белый лист бумаги, рисуй что хочешь. Не везде можно портал привесить. Это тебе повезло, что получилось.

— Так сколько их в итоге будет? Новый никакой здесь поблизости не поставил? — тоскливо вопросил Борис, которому очень не хотелось шагать весь день.

— Сколько есть,— раздраженно развел руками китаец.— Еще два пустим, и всё. А в эту сторону вообще ничего не строится, здесь такой бурелом из линий — только сунься, из портала фарш выйдет.

— В общем, нет в жизни счастья,— вздохнул Семен.

Четыре мага, вздыхая и сокрушаясь, двинулись пешком в обратный путь.

Неспешно пыля по дороге — спешить сегодня уже некуда,— Точилинов посетовал:

— Компьютерщика бы нам сюда. И специалиста по сотовой связи. Вот кто накидал бы идей.

— Не трави душу,— поморщился Ляо Юй.— Как жалею, что не учился в свое время. Что-то осталось в голове, до чего-то сами дошли плюс от халь набрались — а все равно не хватает. Да и откуда бы взять их? До Земли-то не добраться.

— Да-а,— протянул ван Брюккен.— С Земли много чего можно сюда натащить. Жалко только, что всё по мелочи.

— Да зачем оно всё? — Китаец запулил в лес шишкой, подобранной под ногами.— Электроприборы — до свидания, а механику, помнишь, как сам Томаса учил, лучше здесь делать.

— Кстати, о механике,— вспомнил Семен.— А что мы сейчас то велосипед не взяли, все быстрее было бы?

— Ага, один на всех. По очереди круги бы нарезали,— хохотнул Борис и остановился.— Слушайте, а я вот о чем подумал: почему бы нам сюда автомобиль не притащить? Если глеммы что хочешь притаскивают, то давайте попросим Сибейру, он у нас большой специалист по контрабанде, пусть достанет. Хотя бы и в разобранном состоянии — соберем.

— Теперь ты начинаешь,— Ляо Юй упёр руки в боки.— Только об этом говорили. Ну зачем тебе один-единственный автомобиль. Очередная игрушка?

— А может, литературы натащить Гюнтеру в помощь? — предложил ван Брюккен.— Хотя у него есть, наверное.

— Нет у него. Про книги вообще забудь,— охладил его пыл Точилинов.— Ты что, не в курсе? Их кто только на это ни склонял,

всё без толку. На перемещение информации и технологий с Земли в Клевере страшный запрет. Вещь притащат, а инструкцию к ней или техническую документацию — никак.

— Жалко,— вздохнул Борис.— А я всё-таки попробую. Пусть хоть один у нас будет. Бензина для него много не надо, будем таскать по мере необходимости.

— Попробовать можно,— пожал плечами Точилинов.— Почему нет? Если бензин будет постоянно поставляться, то давайте спросим.

— Вряд ли,— подал голос китаец.— Слишком кузов большой.

— А что, есть ограничения по размеру?

— Есть, как не быть. Помните Экскор? Размер портала не только у нас не позволял крупногабаритные грузы перевозить. Халь тоже не волшебники.

— Ага, тривиальные маги,— невесело хохотнул Борис.

— Ладно. Не спросим, так и не узнаем,— Семен ускорил шаг.— Давайте по пути еще что-нибудь проверим.

— Да тут упроверяешься,— остановил его ван Брюккен.— Если по пути всё захватывать, так нам и до завтра не управиться. Количество-то какое, да и незачем, они сами рапортуют на центральную.

После создания Братства за связь взялись всерьез. Расстояние между станциями решено было сократить с шести километров до трех. Работы прибавилось, зато на порядок возросли возможности. Сеть начала работать как мощный компьютер. Маги поставили тревожную сигнализацию, и теперь при появлении любой угрозы оповещение практически мгновенно доходило до всех, у кого стояли приемники. Постепенно система связи начала превращаться в основное занятие Братства. Тем более что денег она приносила достаточно — три баронства, которые покрыли маги, активно начали пользоваться благами, приносимыми системой, остальные, глядя на них, тоже начали осторожно интересоваться возможностью установки подобного у себя. Но такой объем работы требовал всё больше и больше людей. А людей не хватало.

— Если бы не это, совсем бы зашились. Людей не хватает. Может, вольдов привлечь?

— К чему? — спросил Семен.— Что они делать будут? А вот про людей я давно думаю. Вы вот о личных благах всё мечтаете, автомобиль вам, вертолет еще попросите. Группу поддержки баскетбольной команды, такие девчонки там с ленточками, знаете? А никто не думал, может, глеммы нам портал для людей сообразят с Земли. Чего мы сами-то лбом в стену бьемся?

— Теперь ты забудь,— расстроил его ван Брюккен.— Сибейра ещё когда эту идею хотел опробовать. Всех своих контрабандистов чуть на дыбу не подвесил.

— И что? — с надеждой развернулся к нему Точилинов.

— Ему объяснили, что лес — это вон там, по нему и гуляй,— подал голос китаец.— Ты далеко не первый, кому это в голову приходит. Не получится. Тут как с твоими рассказами про массовый импорт. Пока контрабандисты с Земли таскают всякие штуки интересные, деньги зарабатывают, на это смотрят сквозь пальцы. Но как только они начнут людей перемещать, тут их сразу за горло возьмут, мгновенно. Земля всё еще воюет со всем Клевером, не забыл? За такие вещи убивают не глядя.

Н-да, действительно. Огненный Лепесток Клевера оставался в блокаде, и перспектив не предвиделось. Хотя тут не знаешь, радоваться или огорчаться, снятие блокады, скорее всего, означало бы поражение Земли.

— Ты чего? — Борис ткнул в бок Семена.— Система зависла?

Точилинов вдруг задумался. Глаза остекленели, он шел не разбирая дороги.

— Если гора не идет к Магомету, то, может, Магомета подвинуть?.. Дать им... И если... ого-го! Идея одна появилась. Сейчас не расскажу, сначала поговорить надо. Пошли быстрее, где у нас тут портал ближайший? Ляо Юй,— улыбнулся он,— разгильдяй эдакий, где портал? Показывай. Сибейру хочу...

Но поговорить не получилось.

Сначала все рванулись готовиться к празднику: чай, не каждый день такую работу заканчивают. Потом вернулся Строцци — и веселье разгорелось с новой силой. Как только все немного успокоилось, притащился Офшо с известием, что на севере заметили очередную группу Желтых Стрелков, не жалеет их Зеленый Принц. Все тут же бросились моделировать, как с помощью завершенной системы организовать противодействие. Точилинов высматривал дона Антонио, но того почему-то все не было.

Появился он под самый вечер, мрачный, как день перед сахашем.

— Антонио, иди к нам,— махнул кружкой Борис.

— Дон Антонио, с вашего позволения,— Сибейра уселся в кресло.

— О-о, у кабальеро плохое настроение,— Бориса было не сбить с веселья.

— Рассказывай,— Точилинов отставил лишнюю посуду.

— Непонятное что-то творится,— Сибейра достал трубку.— Третий день не могу от глеммов ничего получить. Как вымерли все.

Дон Антонио считался признанным специалистом по сбору слухов, сплетен и мог достать практически всё, благодаря широчайшим связям с глеммами, которые являлись основными поставщиками всякой всячины из-за пределов Пестика. Если уж он говорил, что не может связаться с контрабандистами, то к этому известию стоило прислушаться.

— И что ты думаешь?

— Думаю, нам стоит ждать какую-то гадость. С ними самими ничего не случилось, но один кадр (есть тут отчаянный, которому море по колено) сегодня намекнул мне, что всем рекомендовали держаться подальше от Пестика. Вы глеммов знаете, они за лишнюю денежку мать родную не пожалеют. И уж если они пошли на потерю прибыли — у меня пара заказов с Земли срывается, я с них за это по полной сниму — значит, дело туго.

Он набил трубку и сердито начал раскуривать.

— Самое поганое, что никто ничего не знает. Случай не то чтобы редкий — небывалый. И ведь не прячут они ничего, я всё равно бы узнал — на самом деле никто ничего не понимает.

— А кто рекомендовал? — Семен сузил глаза.

— Ну ты спросил,— испанец пыхнул трубкой.— Кто ж такое скажет. Не рекомендовали. Те, к чьему мнению прислушиваются. Этого достаточно.

Он умолк и все услышали, как тихо стало вокруг. Все присутствующие внимательно его слушали. Сибейра обернулся и помахал в воздухе трубкой, выписывая ароматные кольца:

— Да, да, да. Всё плохо. У кого-нибудь есть мысли, что произошло?

Обсуждение затянулось на три часа. Мыслей было много, но все бестолковые. Так ни к чему и не придя, маги разошлись, решив напоследок объявить между собой повышенную готовность и не отпускать в Территории приданные Команды вольдов.

На выходе Точилинов придержал дона Антонио за рукав:

— Антонио, я понимаю, что сейчас о серьезных вещах говорить бесполезно, но ты мне скажи вот что, принципиально возможно сделать не импорт, а экспорт?

— Не понял? — Испанец помотал перегруженной за последние три часа головой.— Что значит «экспорт»?

— Информацию нужно на Землю передать. Книгу или там просто рассказать кому. Как думаешь, можно?

— Не знаю,— протянул Сибейра.— Не спрашивал. Про то, что сюда ничего этого нельзя таскать,— это факт, ни за какие деньги, голова дороже. А про «отсюда» я даже и не спрашивал. Спросить надо, вдруг про это ничего не говорили.

— Подумай, ладно? — попросил Семен.— Это не горит, но не забудь, пожалуйста. Без сроков, мне просто понимание нужно. Там посмотрим, в зависимости от ответа, что я захочу. Ты вводные понял?

— Понял, понял,— закивал Антонио.— Информацию в любом виде на Землю. Хорошо. Если ничего не случится, то прямо завтра с утра и поспрашиваю, что время тянуть?

Вот чего Точилинов никогда не любил, так это вот такие высказывания. Что значит «если ничего не случится»? Аккуратнее надо, ведь сглазить можно...

Глава 6

— Поганый день,— Муритай как был, промокший насквозь, во всей оружейной сбруе, плюхнулся в чистое кресло и начал стягивать сапоги.

— Да уж,— у Семена не было сил даже на это, он просто сидел, прикрыв глаза, и не двигался. Встать и пройти до кухни, найти что-нибудь съесть казалось невыполнимой задачей. Интересно, а если Муритая туда отправить, он сразу пошлет или чуть погодя? — Надо бы хуже, да мало куда. Единственное, что утешает, так это то, что потеряли только двоих. Вот уж не думал, что когда-нибудь этому обрадуюсь.

— Ага,— согласился торк,— всё надо смотреть в сравнении. Скольких бы мы потеряли, если б систему не ввели вовремя?

— Всех,— Семена передернуло.— Поганый день.

День действительно выдался хуже некуда. А уж как начинался...

Тирли-тирли-тирли-тирли-тирли-тирли!!!!

Точилинов скатился с кровати. Ничего не соображая со сна, тем не менее, первым, за что он схватился, был мешок с пистолетом и меч, которым он так толком и не научился владеть. Под оставленным одеялом тихо пискнули.

— Сейчас, крошка,— Семен развернулся к постели.— Я сейчас разберусь, ты меня подожди пока.

— Красная, Мастер! — влетел в комнату Муритай, на ходу набрасывая на себя оружейную сбрую, на которой помещался арсенал на все случаи жизни.— Это атака!

Семен сделал страшное лицо и жестами начал выгонять торка из комнаты. Несмотря на серьезность ситуации, Муритай ехидно оскалился:

— Вот вся жизнь такая. Никогда... поспать... по-человечески не дадут.

— Выйди отсюда,— обозлился Семен.

Выпроводив Муритая, он повернулся к кровати и стащил одеяло. Из-под него показалась симпатичная мордашка человеческой (для разнообразия) девушки. Как её там — Гая, Ганья, Гайка? Не вспомнить...

Тирли-тирли-тирли-тирли-тирли-тирли!!!!

Он поморщился, звук сигнального звонка разъедал голову.

— Милая, у нас серьезная проблема,— он торопливо чмокнул девчонку в припухшие со сна губки (выспаться с ней совсем не получилось, на что Семен вовсе и не был в обиде).— Я убегаю, могу до ночи не появиться. Не обижайся на меня, ладно?

Она кивнула.

— Умница, сама найдешь как выбраться, ладно? Завтрак на кухне.

Выглядело это донельзя по-свински, но красная тревога — это очень серьезно. Путаясь в одежде и мешке, Точилинов вылетел в коридор и столкнулся с морщащимся Муритаем:

— Выключите, Мастер.

Точилинов перепробовал несколько мелодий, прежде чем остановился на этом звонке. Однообразный повторяющийся перелив мог вытащить даже из магически наведенного транса, как утверждал Жан Офшо, специалист по охранным сигнализациям, устанавливавший это орудие пытки. Семен ему верил. Жуткий звон, слышный в любом конце новенького дома, построенного специально для главы новоявленного Братства Мастера Ацекато, вызывал только одно желание — как можно быстрее до него добраться и выключить любой ценой.

— Уже,— Семен, путаясь в одежде, доковылял до стойки с пульсирующим красным светом ком-кристаллом, поднял его и поставил на место. Тревожная сигнализация отключалась только так, на этом настаивали создатели.

— Пошли,— Точилинов справился с одеждой, подхватил мешок с магиприпасами и оружием и сбежал по лестнице, ведущей к входной двери. По пути, глядя через окно, он увидел несущихся к дому вольдов из приданной взамен Теренса Команды. По сигналу тревоги они обязаны были первым делом прибыть к дому Мастера Ацекато.

— Я первый,— протиснулся мимо него Муритай.

— Тирли-тирли-тирли-тирли-тирли-тирли!!!!

Точилинов недоуменно посмотрел на торка.

— Я что, его плохо поставил?

— Не думаю,— Муритай мрачнел на глазах.

Семен бросился наверх, морщась от свербящего звона.

— Достал ты,— он поднял-опустил кристалл и развернулся, чтобы бежать.

— Тирли-тирли-тирли-тирли-тирли-тирли!!!!

— Да что с тобой случилось?!

Звонок надрывался, сверля голову.

— Да сколько уже можно?! — Точилинов снял кристалл и бросил на кровать.

Потом передумал и осторожно водрузил его на место.

— Тирли-тирли-тирли-тирли-тирли-тирли!!!!

Семен вылетел из комнаты.

— Что там, Мастер? — Муритай стоял возле входной двери, держась за ручку, но не открывал ее.

— Ничего понять не могу. Орет не переставая. Заглючил он, что ли?

— А если не заглючил? — опасно вкрадчивым тоном поинтересовался торк.— Тогда что это может быть?

Семен споткнулся, глядя прямо перед собой.

— Тогда это всё атаки. Черт, Сибейра был прав. Вот почему глеммов нет.

— Пошли,— Точилинов двинулся вперед.

— Стоять,— огромная рука торка отодвинула Семена как куклу.— Я первый выхожу.

Он вытащил меч и рывком распахнул дверь. Стоящие на крыльце вольды отшатнулись, лязгнув вытащенным оружием.

— Свои, Мастер,— выкрикнул Старший Команды глемм Йуль и укоризненно посмотрел на торка.— Муритай, ты бы так не выпрыгивал, поранить ведь можем.

— Я и сам могу,— Муритай обежал взглядом окрестности.— Значит, так, у нас множественные атаки. Двигаемся к Братьям,— так вольды прозвали штаб-квартиру Братства.— Трое впереди, ты, ты и ты,— он ткнул мечом в вольдов с оружием покороче.— По одному с флангов, трое сзади. Я с Мастером. Все поняли? Пошли, вопросы потом. Выходите, Мастер.

Когда Муритай начинал вот так распоряжаться, кратко, ёмко, четко, у Семена каждый раз возникало подозрение, уже не раз подкрепленное разными случаями, что торк не так прост, как ри-

суется. Уж больно властно у него получалось командовать. Вот и в этот раз никто даже не подумал поставить под сомнение приказы, отданные им.

Семен вышел в утреннюю темную хмарь и поёжился — день обещал быть дождливым. Вольды рысцой припустили по улице, Точилинов выступал в центре. Вот так, с эскортом вокруг, ему еще не приходилось перемещаться, и он, наверное, повеселился бы, если бы не звон, все еще стоящий в ушах.

По мере приближения к штаб-квартире суета на пустынных улицах стала заметнее. Возле самого здания уже клубилась небольшая толпа вольдов, оживленно обсуждающая утреннюю пробежку. Семен протолкался в дом.

— О, пришел,— оживился при виде Точилинова ван Брюккен.— Иди сюда. Смотри, что получается.

Получалась какая-то чушь. Карта трех баронств, где стояли станции, была утыкана красными и зелеными флажками. Их как раз недавно изготовили для такого случая, как этот. Семен уже пугаться начал: только подготовишься к какой-нибудь гадости, так она тут как тут.

Если смотреть на карту, выходило, что практически по всему периметру трех баронств появились боевые группы Старших Рас.

— Что это? — Семен посмотрел на ван Брюккена.

— Если ничего не случилось с системой, то это атаки,— голландец нахмурился.

— Хоть одно подтверждение есть? Не сигнал, а именно подтверждение?

— Не уверен...— начал ван Брюккен.

— Сибейра бой ведет,— влетел в комнату Офшо.— Аталь, Желтые Стрелки, как раз те, про которых говорили вчера.

— Группу ему туда, портал как раз есть, стационарный,— развернулся голландец.

— Подожди,— схватил его за рукав Семен.— Если это всё правда,— он кивнул на карту,— то нам еще много куда группы бросать надо. Сколько их у нас? И что с Антонио? Сам не справится? Он наверняка не один. Если там одна пятерка, а с ним Команда, то, может, и подождать? Что с остальными? Кто сигнал передавал?

— Вольды. Как просили, так они и делают.

— То есть прямых атак, кроме как на Сибейру, нет?

— Нет.

— Тогда группу к Антонио, быстрее разберитесь там и немедленно его сюда. Борис где?

— Тут,— Уваров высунулся из соседней комнаты.

— Давай туда со своими,— Точилинов развернулся к ван Брюккену.— Клаус, быстро пересчитать наличные силы, выяснить, кто где находится, и список сюда, прямо на стену. Кто на карте остается — отслеживать ситуацию?

Точилинов начал распоряжаться. Дом загудел. Ван Брюккен, с видимым облегчением воспринявший идею единого командования, начал выполнять распоряжения. Через полчаса нерадостная картина прояснилась.

— У нас здесь двенадцать человек, плюс Борис с Антонио сейчас будут. Они доложились, все в порядке. Одного вольда потеряли, Стрелки все готовы. Проблема в остальных. Двадцать два человека разбросаны по всем трем баронствам,— докладывал голландец.— Возле шестерых порталы есть, с остальными хуже. Дальше всех забрались Гюнтер с Фредерико, черт их дернул в Сусси залезть, на самый край,— он ткнул в карту, где одиноко торчали две станции на отдалении,— их перекрыли вот здесь, видите узкое место? А эти балбесы как назло одни двинулись. Одна надежда, что мастера тамошние, к которым они поехали, их в обиду не дадут.

— Ляо Юй,— Семен высмотрел маленького китайца между рослыми магами.— Поднимай своих. Клаус, найди ему еще Команду, свободную. Две Команды тебе хватит, вытаскивай Гюнтера с Фредерико и бегом сюда. До победы не драться, ваша задача найти портал и — в него. Драться потом будем.— Он повернулся к магам: — Кто на карте сидит? На ком координация?

— Офшо.

Француз, легок на помине, вбежал в комнату:

— Мастер, беда.

— Кого убили?

— Никого.

— Запомните, пока никого не убили — никакая не беда,— Точилинов начал накачку, агрессивно вколачивая слова. Нельзя дать расслабиться. Только покажи слабость или неуверенность, получишь воющее от страха стадо. А так, пока все при деле, люди будут стараться.— Беда, это когда гвоздики забили и землекой присыпали. А пока все живы, это не беда и не проблема — это задача. Что у тебя?

— Пятеро наших дерутся.

По залу пролетел гулкий говорок. Пятеро одновременно — это действительно страшно.

— Кто?! Где?!

— Америка, Строцци, Бергман, Идирани и Вася. От всех сообщения.

— Ну, с Васей — это они поторопились,— несмотря на всю тяжесть ситуации, Семен не сдержал улыбки. Остальные тоже заулыбались.

Василий Тетраков, разведчик-«психолог», после того как в Пестике неожиданно открыл в себе способности к магии, с каждым проведенным здесь годом их преумножал и преумножал. Что интересно, свои воинские таланты он при этом сохранил и преумножил тоже, став в итоге одним из самых сильных боевых магов Пестика. Передвигаться он с некоторых пор стал только в составе своей мини-Команды из трех таких же отчаянных сорвиголов, так что нелюди, решившие закусить этим магом, очень рисковали. Вряд ли Вася даже заметит их атаку. Она, скорее, у него вызовет полное недоумение. Оскорбится ещё, что мало послали.

— Жан, теперь, когда приходят сообщения, сразу спрашивай, помощь нужна или нет? Спроси сейчас всех.

Француз исчез.

— Клаус, троих с Командами к Гарри, Идирани и Бергману. Вася сам справится, а у Джузи и так большой опыт по убеганию от разных там подонков.

— Офшо говорит,— крикнули от двери,— что Васе помощь не нужна, Строцци сказал, что сам убежит, остальные просят.

Зал грянул хохотом.

— Так,— пряча улыбку, Семен повернулся к карте,— что у нас тут? Сколько в наличии осталось?

— Семеро,— ван Брюккен оглядел пустеющий зал.— Офшо на карте, и мы с тобой — минус. Остается четверо.

— Вольдов?

— Не знаю,— пожал плечами голландец.

— Выяснить. И собери мне Старших, кого сможешь найти. Побольше. Надо понять, что они по поводу этого всего,— он махнул рукой в сторону карты,— думают.

Конференц-зал, как громко обозвали ностальгирующие маги большую комнату на первом этаже штаб-квартиры, заполнили почти наполовину.

«Негусто,— подумал Семен, оглядывая собравшихся,— хотя могло быть и хуже». Тридцать Старших Команд. Даже если удастся уговорить половину, это уже победа. В командах, как правило, по пять-семь бойцов, соответственно, от ста пятидесяти до двухсот бойцов, произвел нехитрый подсчет Точилинов. Даже если со-

гласится только половина. Плюс девять Команд на выходе, вот-вот подтянутся, плюс личная охрана отсутствующих магов. Ну что ж, триста вольдов — это совсем неплохо. Кто-то подкинул идею подключить баронов, но Семен отказался. Гертадины против боевых пятерок Старших Рас не потянут, только зря народ переводить. И хотя противник, судя по всему, располагал большими силами — система выдала около ста сигналов,— все равно соотношение можно было считать практически равным. А если с магами, так и вообще выходило хорошо. «Это если Старшие Расы ничего нового не придумали по случаю такого массированного штурма»,— вылез маленький человечек откуда-то изнутри. «Заткнись!» — посоветовал ему Семен и вышел вперед.

— Здравствуйте, уважаемые. Мы благодарны вам за то, что вы откликнулись на наше приглашение.

Точилинов говорил, а сам скользил взглядом по лицам. Торки, аталь, глеммы. Невозмутимые нечеловеческие лица. Настороженные взгляды. Все уже прослышали о том, с чем столкнулось Братство Магов Земли, так что долго распинаться не надо. Как они отреагируют на его просьбу?

Муритай молча возвышался за его плечом, олицетворяя ту самую просьбу, которую Семен собирался озвучить.

«Теренса бы сюда,— запоздало подосадовал Точилинов.— Вот бы кто зараз со всеми этими договорился». Теренс входил в состав Пяти Старших, к голосам которых прислушивался весь собирающийся время от времени Совет, и одно его присутствие могло обеспечить Братству положительное решение. Но Теренса не было, и приходилось играть с теми картами, которые раздали.

— Я не буду отнимать у вас время, рассказывая, что произошло, вы наверняка уже знаете в общих чертах, я перейду к главному,— он откашлялся.— Сегодня утром Лепестки начали массированную атаку на Братство. Я подчеркиваю — на Братство. Ни один вольд или житель баронства, который не принимал участия в активных действиях, не пострадал.

Это был самый тонкий момент. Далеко не все вольды единодушно приняли Братство как явление. Магов как помощников и поставщиков новых возможностей они полностью одобряли, но с появлением Братства в дружном голосе вольдов начали появляться сомневающиеся, а то и вовсе недовольные нотки.

— Количество бойцов, направленных в Пестик для участия в операции, на данный момент значительно превосходит наши силы. Фактически, мы располагаем только самими магами и Командами, взявшимися обеспечить их безопасность. По имеющимся данным,

сейчас мы потеряли четырех вольдов убитыми и двоих ранеными. Среди магов потерь нет. Благодаря полностью действующей системе связи мы контролируем все перемещения и готовы направлять ударные группы в любую точку, где они потребуются.

Зал хранил полное молчание. Всё правильно. Это только общая картина, осталось сказать, что, собственно, нужно. Хотя и так понятно, но вольды ждут приглашения. Точилинов обвел взглядом зал. От того, что они скажут, зависит почти всё. Сколько магов останется в живых после сегодняшнего? Семен, оставаясь внешне полностью невозмутимым, набрал в грудь воздуха. Муритай за спиной превратился в каменную скульптуру. Может, хоть он напомнит всем об отсутствующем Теренсе?

— Мы просим помощи. Для отражения атак нам нужны бойцы. Чем больше, тем лучше.

Вот и всё. Слово сказано.

Вольды молчали. Минута, другая... Семен почувствовал, как по спине пробежала струйка пота. Но вот в зале поднялась высокая тонкая фигура. Семен чуть не зажмурился. Терианкей. Зор-итан Терианкей. Внебрачный сын главы одной из Ветвей Зеленого Лепестка. Он не делал тайны из своего появления в Пестике. Не обладающий практически никакими способностями к хальер, бастард в мире, где сила крови ценилась неимоверно, он сбежал в Пестик, наплевав на все мыслимые и немыслимые приличия. Что он нашел здесь? Что он оставил там? Люди пришли сюда, оставив за спиной кровь и дым его дома, проиграв ими же самими начатую войну. Один из Совета Пяти, по весу практически равный Теренсу, что думает он про наглых людишек, осмелившихся бросить вызов Зеленому Лепестку, Старшей Расе Клевера? А теперь и всему Клеверу.

— Мастер Ацекато,— слова падали в звенящей тишине, все слушали,— мы все знаем вас как очень сильного мага и как сильного руководителя,— он сделал паузу, и Семен затаил дыхание.— Но что у вас всегда плохо получалось, так это прятать эмоции.

По залу прокатились смешки, Семен почувствовал, что уши у него начинают гореть. Терианкей понял руку, смешки стихли.

— Мы не видели зла от магов. Вы лечили нас, когда мы болели, вы спасали нас, когда мы попадали в беду, так же как мы, рискуя своими жизнями,— он усмехнулся,— Муритай вон готов хоть сейчас всех вокруг порубить за вас.

Сзади раздалось не то шипение, не то скрежет.

— Я не буду долго говорить,— продолжил аталь.— Вы пришли в Пестик, приняли его как свой дом и живете в нем, уважая все на-

ши законы и обычаи. То, что я аталь, ничего не меняет. Пестик — самостоятельный мир, мы давно доказали это всем, и у Лепестков здесь нет власти. Войска Лепестков пришли убивать кого-то из нас, и это мной лично расценивается однозначно — как вторжение. Моя Команда и я готовы поддержать уважаемых магов. Я сказал.

Терианкей сел на место и позволил себе ухмыльнуться, подмигнув Семену. Только тогда Точилинов обнаружил, что челюсти свело намертво, губа прокушена, а рука судорожно сжата в кулак.

Вольды разом загомонили. Что именно они говорят, разобрать было невозможно, но возбужденные лица, на которых явственно читалась воинственность и предвкушение драки, говорили сами за себя.

— У меня вопрос,— густой бас перекрыл нарастающий шум.

Из первого ряда чуть приподнялась голова, блестящая совершенно потрясающей лысиной. Все остальное было скрыто бородищей, начинающейся, похоже, прямо от бровей. Сквозь эту бороду на Точилинова сверкнули два глаза. Семен не помнил точно, кто это. Шаттра, так кажется звали этого глемма.

— Я, как и уважаемый Терианкей, поддерживаю уважаемых магов,— он гулко откашлялся.— Но хотел бы уточнить один момент. На завтра у меня был запланирован выход. Теперь, понятное дело, выхода не будет. Кто компенсирует упущенную выгоду?

Глемм не был бы глеммом, если бы не вспомнил о деньгах. Вольды зашумели. Деньги, понятно, любили все, но воинская чéсть ценилась все-таки выше. Если решили помогать, то какие уж тут гонорары?

— А что? — развернулся к недовольному залу глемм.— Когда меня маги лечат — деньги берут. А сейчас чего? Подумаешь, убивцы набежали, так их, вон, полные Территории носятся. Какая разница, куда выходить, в Территории или в баронства?

Семен, пряча улыбку облегчения, поинтересовался:

— Конечно, гла-Шаттра, мы готовы обсудить финансовую сторону предстоящих взаимоотношений. Какой размер гонорара вы хотите получить, исходя из данных условий?

Муритай чувствительно ткнул его в спину. Нечего, мол, разбрасываться деньгами. Но Семен не обратил на это никакого внимания. Формально Шаттра прав. Если кто хочет помогать бескорыстно — низкий поклон, а если ты хочешь получать за это деньги, то кто может тебя упрекнуть?

Гул в зале из недовольного начал перерастать в агрессивный. Шаттра стоял как скала. Только склонил голову, принимая слова Точилинова.

— Сейчас не время, я думаю, обсуждать деньги,— все-таки насмешки и выкрики из зала возымели свое действие. Глемм понял, что ситуация складывается не в его пользу, но вот так, на глазах у всех, терять лицо он тоже не хотел.

— Я готов принять вас в любое удобное время,— чопорно заявил Семен.— Гарантирую, что ваши интересы не будут ущемлены. Это все?

Шаттра важно кивнул и сел, по-прежнему не обращая внимания на выкрики, раздающиеся вокруг.

— Итак,— Семен поднял руку.— Братство Магов Земли благодарит уважаемых вольдов за помощь. Я заранее прошу прощения, если покажется, что я слишком резок, но время не терпит. Представляю вам начальника штаба,— Точилинов усмехнулся,— Клауса ван Брюккена. Все распоряжения, касающиеся вашего перемещения и участия в боевых действиях, будет отдавать именно он.

Муритай еще раз ткнул его в спину, привлекая внимание. Точилинов обернулся. В дверях стоял Офшо, лицо его трудно было назвать радостным.

— Прошу прощения, я вынужден вас покинуть. Клаус,— приглашающе выставил руку Семен.

— Еще раз добрый день, уважаемые. Для начала я попрошу вас сосредоточить свои Команды в непосредственной близости от штаб-квартиры...

Ван Брюккен начал обсуждать организационные моменты, но Семен уже перестал слушать. Он взял Офшо за руку и вывел в коридор:

— Что?

— Беда, Мастер,— Жан посмотрел в лицо Семену и поправился: — В смысле, задача, но такая, которая очень смахивает на беду. Пойдемте, это лучше видеть.

Значков на карте сильно прибавилось. Зеленых значков.

— Это,— Офшо ткнул в зеленые флажки,— это нелюди. Красные — мы.

— Старшие Расы,— рассеянно поправил его Семен.— Я ошибаюсь, или зеленого тут прибавилось?

— Вы не ошибаетесь, Мастер,— Офшо поджал губы.— Их стало больше. В два раза.

— Дела-а,— протянул Точилинов.

— Никто из наших не возвращается. Все живы, но уйти никто не может. Все ведут бой. Только Вася сказал: еще пара групп — и он появится.

— Ну хоть что-то незыблемое есть в этом мире,— невесело улыбнулся Семен.— Так, пока Клаус наводит порядок, давай отсортируем стычки по проблемности, потребностям и возможности выдернуть наших.

— Все готово, Мастер,— ван Брюккен появился в дверях.— Все ждут приказаний. Зададим жару зеленым?

— Как бы нам не задали,— не отрываясь от карты, ответил Семен.— Жан, введи его в курс дела, пока я соображаю. У меня уже почти готово.

— Старшие Расы увеличили присутствие вдвое. Наших блокировали здесь, здесь и здесь,— начал рассказывать француз.— Никто не может вернуться. Мастер сейчас сортирует, кому первому помощь отправлять, а кто еще продержится.

— Так что всем четверым дело уже есть. И вольдов заодно озадачим. Первым отправь туда этого, который гонорар просил, Шаттру. И Терианкея не забудь. Пусть вдвоем повоюют.

Где-то внизу раздался лязг, стук открываемой двери, послышались голоса.

— О,— оживился Точилинов.— Кто-то вырвался.

Стационарный портал, ведущий в штаб-квартиру и из нее, решено было сделать в подвале. Оказалось, что ниже уровня земли порталы строить гораздо проще, поэтому теперь любой, кто приходил и уходил из Братства, имел удовольствие полюбоваться роскошным подвалом штаб-квартиры, выполненным в стиле средневекового замка. Руководил строительством Строцци, он и постарался обустроить все на свой вкус. Точилинов подозревал, что тут не обошлось без Паркера, с которым у Джузеппе сложились дружеские отношения.

— Вот уроды, и откуда их столько набежало? Здравия желаю, товарищ полковник,— Вася, полностью адаптировавшийся в Пестике, вросший в него всей душой и телом, тем не менее, с огромным удовольствием демонстративно сохранял земные привычки. С автоматом он не расставался, и магиприпасы Семена стали для него настоящим подарком. Камуфляж носил не снимая, благо, глеммы, если речь шла о небольших количествах, исправно таскали все, что попросишь. А уж про уставное обращение и говорить не приходилось.

— Откуда их столько по нашу душу, Семен Алексеевич?

— Из Лепестков, вестимо. Здравствуй, Вася, рад видеть тебя в добром здравии.

— А чего со мной будет? — удивился Тетраков.— Если б они все сразу прибежали, тогда б, наверное, тяжело бы пришлось. А так, чего там... Три вшивые пятерки.

Ван Брюккен хрюкнул за спиной Точилинова, Офшо уважительно поднял брови. Уделать три боевые пятерки — и так спокойно об этом говорить...

— Они что, по расписанию работали? — съехидничал Семен.

— Ну да,— Вася снял автомат, вещмешок и постарался заглянуть себе за спину: там красовалась огромная обгорелая дырка.— Сначала три и потом три. Дети наивные. Всё, конец камуфляжу, ладно, завтра еще найдем.

Голландец подавился дошем.

— Ну и отлично,— потер руки Точилинов.— Раз уж ты у нас такой молодец, а мы-то и забыли, то для тебя есть дельце небольшое. Сгоняешь?

— Куда? — Подраться Вася был готов в любое время.

— Во,— Семен широким жестом отправил Тетракова к карте,— выбирай, всё твое.

— Расскажите,— прищурился Вася, мгновенно начав оценивать обстановку.— Ага, вот тут и тут жопа, тут продержатся. А здесь-то чего? У-у... Кто у нас там?

Семен умилился, Вася, как и прежде, одним своим присутствием умел привнести неколебимое спокойствие и уверенность. Мол, чего там, подумаешь. Семи смертям не бывать, а одной не миновать. Прорвемся. И прорывался, вытягивая всех за собой.

— Правильно мыслишь,— ван Брюккен склонился над картой рядом.— Там Идирани остался, к нему Чемплтон полетел, но там они и застряли. Им не видно, что их отрезали, а спасать надо.

— Ладненько,— Вася поднялся.— Полетел я. Что сделать там?

— Если по-скотски,— почесал нос Семен,— то взять бы их, да сюда, а вольды потом сами там всё почистят. А если по-честному, то, конечно, порвать бы там всех, как Тузик грелку. Посмотри сам, ладно? Если чего — не геройствуй. В портал — и сюда. Тут посмотрим, кто где нужнее.

— Есть,— Вася с видимым удовольствием отдал честь, четко повернулся через левое плечо и, печатая шаг, вышел из комнаты.

Точилинов открыл было рот, чтобы попросить его быть поаккуратнее, но тут же закрыл его. Суеверным он стал в последнее время, просто ужас.

— Клаус.

— Я,— вытянулся во фрунт ван Брюккен.

— Насмотрелся,— проворчал Семен.— Смотри. Спасибо Васе, самую главную... э-э-э... жопу закрыли, теперь решить надо, кого послать вот сюда, сюда и сюда...

— Пошли,— ван Брюккен появился на пороге комнаты, в которой Семен решил хоть немного отдохнуть. Пятнадцать минут в темноте, о большем он не просил. Фигушки.— Расстраивать тебя буду.

— Иду,— свет, окружающий голландца золотым ореолом, казался нестерпимо ярким. Глаза уже не справлялись.— Что еще?

День клонился к вечеру. Безумный день безумной драки. С самого утра Семен только и делал, что пялился в карту, пытаясь понять, где сейчас помощь нужнее всего. Потом принимал вываливающихся из порталов магов и вольдов, рассказывал им ситуацию и тут же отправлял их обратно в мясорубку. За этот день драться научились все. И пацифист Гарри, и трус Идирани, и незлобивый Гюнтер. Честное слово, Точилинов раз двадцать сам бы подхватил мешок с магиприпасами и рванул туда. Но — нельзя. Никто уже не в состоянии адекватно оценивать обстановку. Даже ван Брюккен плывет, а если остановиться, то сомнут в момент. Натиск не ослабевал.

— Опять, Мастер,— обреченно привалился к косяку голландец.

И он ломается. Безнадега. Каждый раз, когда казалось: всё, перехватили, добиваем последних,— карта, как куст весной, расцветала новой зеленью. Старшие Расы на полном серьезе решили избавиться от занозы магов. Сколько можно? Ещё, ещё, ещё и ещё. Снова круг.

— Давай глянем,— в обязанности Семена в этот жуткий день входило еще и вливать в каждого измотанного мага и вольда уверенность в том, что все хорошо. Хорошо, хорошо, хорошо, а будет ещё лучше. Ещё чуть-чуть... Уверенность, которой у самого Мастера Ацекато не было и в помине.

Теперь ещё и Клаус. А силы-то где брать на всех?

— Что у нас тут?

— Похоже, Мастер, на этот раз не сдюжим,— на ван Брюккена было больно смотреть. Он тоже отдал всё, что мог.— Три новые высадки. Одна прямо рядом с нами.

— Так её и глушим,— Семен ещё не отошел от сонной одури.

— Не получится. Вот эти заходят на Сибейру, а вот эта пятерка отрезает Фредерико. Никак ему бедолаге до нас не добраться. Как он держится, не представляю. Не вытягиваем мы. Как в шах-

матах. Все связаны, и вот эти проходят сюда. И всё. Конец.— Голландец тяжело опёрся на стол.

— Какой конец?! Какой тебе, б...дь, конец?! — Если что и могло Семена вырвать из отупляющей измотанности, так это вот такие сопли. Как глемму про убытки, так Семену ни в коем случае нельзя было говорить про безысходность. Он с детства ненавидел эти фразы. Всё, мол, не получилось, заканчиваем, кранты. Точилинов зверел в такие моменты мгновенно.

— Нам осталось чуть-чуть! Смотри, никто больше не появился за последний час. Никого! Это последняя пятерка, они тоже небеспредельные. Сколько их сегодня покрошили? Кто свободен? Туда его! — Еще немного, и он начал бы драться.

— Нет никого,— Клаус уже не собирался биться в истерике, но и на живущего надеждой тоже пока не походил.— Мы последние.

— Офшо?

— Ушел.

— Ты!

— Ухожу вот сюда,— ван Брюккен ткнул в тех, кто пытался зайти в тыл дону Антонио.

— Вот и уходи. У тебя своя задача. Принеси мне их головы — в футбол играть буду. А с остальными я разберусь. Я остаюсь, мои и проблемы.

— Как?

— Пошел в жопу,— очень четко произнес Семен.— Твоя задача — чтобы кабальеро вернулся. Убьют его — домой не приходи. Эта парочка на мне. Все, вали отсюда. Йуль!

— Здесь,— вырос в двери Старший его Команды.

— Родной,— Семен подошел вплотную к аталь.— Мне больше некого послать. Только вы, мне не отойти отсюда. Видишь прорывы?

Аталь скосил глаза на карту и кивнул:

— Вижу.

— Убей их. Всех. Ладно? Никто пройти не должен, иначе это всё зря, нас в спину перебьют.

— Сделаем, Мастер,— Йуль с Командой целый день сидели как на иголках и рвались в бой. Теперь пришло их время. Если они не справятся, тогда действительно всё.— Не сомневайтесь. На куски порвем. А вы как же без охраны?

— Теренс прислал сообщение,— откуда-то сзади раздался гулкий голос. Муритай. Семен почти забыл про него.— Говорит, что летит. Вот-вот будет.

— Видишь? Справимся. До нас еще добраться надо. Идите, пусть Клаус вас отправит.

Глемм исчез, за дверью раздался рявк, лязг, топот, и всё стихло. Семен тяжело оперся руками на карту и уставился на последнее зелёное пятно. Больше посылать некого. Они рядом, рукой подать. Вот-вот объявятся. Ну что, поиграем?

— Мур, ты правду про Теренса сказал? Или так, чтобы Йуль не дергался?

— Правду. Они летят как могут. Даже по голосу слышно, как они несутся,— торк усмехнулся.— Я, выходит, не один, кто за вас переживает.

Муритай целый день усердно изображал из себя тень и помощника. Он приносил дош, осторожно указывал на новые прорывы, рявкал на вольдов, чтобы быстрее двигались, да много чего ещё делал. Теперь его очередь поработать по-настоящему.

— Ну и отлично. Потому что встречать их будешь ты.

— Я? — не понял Муритай.— Один?

— Один. Потому что я буду ждать вас там,— он ткнул в ненавистное пятно.— И попробуйте опоздать, головы поотрываю.

— Это шутка такая, да? — криво улыбнулся Муритай.

— Ага, смеяться будем вместе,— Точилинов, наконец, взял в руки свой мешок, о котором мечтал весь этот день.

— Через мой труп,— торк встал в дверях, всем видом показывая безнадежность попыток выйти.— Одного я тебя не пущу.

— Тогда точно без шансов, погибнем,— Точилинов глянул прямо в хищные глаза торка.— Ждать нельзя. Смотри, если эти ребята выйдут вот сюда, то любой, кто прорвется, неизбежно попадает на них. И всё. А если выйдет кто из зеленых, то их становится сразу больше. Разделяются, и что дальше? Сам скажи.

— Удар по троим сразу и выход сюда. Штаб-квартира у них — и на выходе из портала наши тут же ловят по ножу в горло,— в упрямом голосе торка послышалась обреченность.

— Я всегда говорил, что ты умный,— Семен подвинул Муритая.— А никого не оставить тут нельзя. Придет Теренс, кто его проведет, кто расскажет, что делать? Опять же, если кто вернется, кто расскажет, куда бежать? А ты там против пятерки не выстоишь. Остаюсь я. Не переживай,— фальшиво рассмеялся он,— мне только до вашего прихода продержаться, дальше легче. Пошли, покажу, как портал активировать.

Перед тем как войти в портал, Семен обернулся. Торк стоял в дверях, олицетворяя собой брошенное одиночество. Точилинов посмотрел на расстроенного телохранителя — на душе выли и бились в истерике все кошки округи,— встал по стойке «смирно» и отдал честь.

На Муритая больно было смотреть.

— Никуда вы не денетесь.

Семен все-таки успел выйти раньше аталь. Дорога одна, деваться им некуда. Немного времени он выиграл. Так, теперь магиприпасы — поперек дороги и в карманы, поближе. Пистолет под руку. Проверенный щит вокруг. Добро пожаловать. Вас здесь не ждали.

Потекли минуты. Одна, другая, третья. Он их так и не заметил. А они не заметили щит. Смазанное серое облако выбило дробь на щите, чтобы отлететь бессильными брызгами сломанных стрел. Кусты вдоль дороги зашевелились. Зелёное на зелёном. Изумрудные Стрелки. Даже так! Не те ли самые?.. Одна из выступивших на дорогу фигур знакомым жестом подняла меч, отрезая голову старому знакомцу.

«Да пошел ты!» Семен поднял согнутую в локте руку. Вот и поздоровались.

Пять фигур, как тогда, возле станции, молча выстроились поперек дороги, перекрывая путь. Хотя это откуда посмотреть. Они считают, что поймали его, но это он пришел остановить их. Вот такая шарада. Ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь, что я знаю. Или наоборот. Подождём, время работает на нас. Аталь медленно начали расходиться. «Нет уж, ребята, рано вам ещё развлекаться». Семен шевельнул пальцами. На дороге забили несколько фонтанов огня. Сработали магиприпасы. Аталь вынырнули из огня как саламандры. Видимых повреждений не было. Ну, их никто, собственно, и не ждал. Само собой, они на амулетах. Глупо было надеяться, что такие бойцы запросто попадутся. Ага, один потерял свой лук, рассыпавшийся пеплом в магическом пламени. Уже хорошо. Что ж, сам виноват, надо было лучше закрывать. Стрелки продолжали расходиться. Ещё! Два вихря рванулись к пятерке с разных сторон. Тот же эффект. Аталь помотало по дороге, но и только. Стрелки замкнули кольцо. «Давайте-давайте,— позлорадствовал про себя Семен.— Кто кого поймал, позже разберемся».

Следующие двадцать минут прошли в бесплодных попытках аталь пробиться через щит. Конечно, без шамана ничего не получится. Что это? Один из Стрелков начал копаться в своем мешке. Магиприпас? Да. Ну что ж, посмотрим. Семен сжал в кармане рукоять пистолета. Яркая вспышка заставила Точилинова зажмуриться, щит тряхнуло. Но на этом всё и кончилось. Ещё пару раз Стрелки попытались пробиться — и остановились, о чем-то переговариваясь. Пат. Однако импровизированное совещание быстро закончилось. Не взять, значит, не взять. Сегодня они пришли не

только за ним. От группы отделилась одна фигура. Давешний «приятель»? Стрелок подошел вплотную к невидимой стене щита. Взгляд нечеловеческих глаз буравил Семена. Воля на волю. Детская перегляделка. Вот только цели у всех тут недетские. Аталь опять, как тогда, медленно поднял меч. Ну уж нет, старый фокус. Надоело. Точилинов, не отрывая взгляда, так же медленно вытащил пистолет. Черный зрачок ствола добавился к двум глазам мага. Аталь скривил губы в усмешке. Семен ответил тем же. Взгляд аталь из угрожающего стал ненавидящим. Ой-ой-ой, страшно-то как. Оп, а куда это вы? Стрелок бросил последний многообещающий взгляд, развернулся и, не оглядываясь, пошел к своим. Пятерка явно собралась наплевать на неберущегося мага и продолжить свой путь. Уходят.

Нет. К сожалению, Мастер Ацекато пришел сюда не за этим. Нельзя дать им уйти. Значит — последнее средство. Значит — долой щит.

Свежий ветер взъерошил волосы Семену. Без щита Точилинов почувствовал себя голым. Страшно-то как. Один поворот головы — и он ничего не успеет сделать. Но другого выхода нет. Узор внутри щита не нарисуешь. Быстрее, быстрее, пока аталь не развернулись. Волна его любимых муравьев рванулась к Стрелкам. Семен долго думал, выбирая узор. Отдельные Твари не годились. Твари могут убить одного, двоих, да даже всех в итоге. Но — по очереди. А каждая секунда свободы для аталь — это смерть для него. Муравьи же подходили идеально.

Аталь развернулись, когда первые муравьишки уже почти добрались до них. Но «почти» не значит добрались. Сверкнули блестящей сталью мечи, и аталь закружились волчками, не давая множеству маленьких монстров вцепиться, облепить, свалить с ног. Веер разрубленных муравьев отлетал от каждого Стрелка, как пух от вентилятора. А вот теперь всё. Без вариантов. Либо муравьи свалят всех, либо первый же освободившийся Стрелок угостит Семена сталью. Расстояние-то тут...

Один из аталь решил рискнуть, остановив бешеное вращение, он попытался махнуть рукой с зажатым в ней ножом. У Семена ёкнуло сердце. Но на руке Стрелка тут же повисло несколько муравьев. Ещё столько же вцепилось в подмышку. Рука так и не закончила свое движение. Стрелок скрылся под валом хитиновых тел. Минус один.

Время остановилось, никто не знал, сколько они уже стояли вот так, в ожидании маленькой ошибки. Семен давил, аталь отбивались. Один раз сквозь бешеное вращение Точилинов увидел гла-

за Стрелка. Того самого. Они сверкнули и пропали. Аталь крутились и крутились. Они пытались подойти хоть немного поближе, но вал муравьев не позволял. Сила на силу.

Линии хальер наливались тяжестью. Кто сказал, что магия — это легко? Плюньте ему в лицо. Пот заливал глаза, ноги дрожали и подгибались. В глазах поплыли разноцветные фигуры. Но останавливаться нельзя. А потом, вдобавок ко всему, пошел дождь. Нет, не дождь — ливень. Семен даже расстроиться не смог. Он просто фиксировал, как лицо заливает вода, как упал один из аталь, поскользнувшись на мокрой траве, как оставшиеся трое начали расходиться в разные стороны, заставляя его растягивать и без того заканчивающиеся силы.

Гром. Раскаты грома прозвучали как артиллерийская канонада. А молнии где? А молний не было. И грома не было. Это открылись три портала, один за другим.

Дико орущий вихрь, сверкающий всеми красками начищенного железа, поглотил оставшихся аталь в одно мгновение. Только что они вертелись в своем танце, отбиваясь от муравьев,— и нет их. Вольды, казалось, и не заметили их танца. И только тогда Семен отпустил намертво зажатые линии, прощаясь с муравьями.

— Живой? — Струи дождя сложились в зверский оскал охотящегося тигра. Муритай поднял голову и заорал во всю глотку.— Живой! Теренс, живой, успели!

— Не на...— Семен не успел договорить, пышущая счастьем толпа налетела и сжала его как в тисках.

— Вы что, Мастер...

— Живой, живой, успели...

— Никогда больше...

— ...вы их здорово...

— От-пус-тить!

Тиски разжались, Семен чуть не упал от неожиданности.

— Хреново выглядите, товарищ полковник,— вот кого Семен никак не ждал, так это Васю.

— А ты что здесь делаешь? — пытаясь отдышаться, выдавил Точилинов.— Что, всех уже победили, что ли?

— Так точно,— бодро доложился Тетраков.— Никто помощи не просит, все говорят, что уже заканчивают. Вон Клаус идет, он всё расскажет.

— Гарро, Мастер,— ван Брюккен очень правдоподобно изобразил приветствие вольдов.— Очень ты вовремя этих остановил. Пройди они немного, и Васю бы порвали. В километре отсюда он дрался. Там бойня получилась. Им на помощь пришли еще три пя-

терки, Теренсу пришлось сначала к ним идти. Ух, как он на них обиделся, что не может сразу к тебе рвануть. Поэтому тебе и пришлось столько держаться. Извини.

Вокруг раздались понимающие возгласы, место боя заполнили вылетевшие из портала маги и вольды.

— Что происходит в?..— объяснять было тяжело, и Семен просто повертел пальцем в воздухе.

Ван Брюккен понял.

— Всё заканчивается. Вася правду сказал. Мы продержались. Мы выжили, Семен! — неожиданно почти прокричал он.

Семен Точилинов, Мастер Ацекато, поднял голову, рассматривая падающие на него струи дождя. Наверху тучи редели. Зеленоватое солнце Пестика прорывалось сквозь темную завесу, показывая вечереющее небо. Дождь кончался, день кончался, его бой закончился. Семен достал сигарету. Она тут же размокла. Несколько секунд посмотрев на неё, Точилинов разжал пальцы:

— Пошли? — Он обернулся и посмотрел на Муритая: — Я знаю, что это свинство, но, если я больше не нужен, забери меня домой, а?

Глава 7

Зеленоватый закат заливал вечерним светом всю террасу. Точилинов лично попросил пристроить ее. Нравилось ему сидеть на третьем этаже и смотреть на Такатак. В баронствах мудрствовать не принято, поэтому практически все столицы носили название баронств. Такатак не был исключением. Широко раскинувшийся город утопал в зелени. Деревья, деревья, деревья... Крыши домов, проглядывающие через густые кроны. Умиротворение тихого вечера.

— Хочешь сплетню? — прищурился Сибейра, всматривающийся в вечернюю тишь.— Вася влюбился.

— Да? И что? Кто избранница? — лениво поинтересовался развалившийся в легком кресле Точилинов.

Собственно, это Сибейра затащил его на террасу. Семен собирался заскочить в штаб-квартиру только на одну секунду, завтра предстоял очередной выход, и он хотел отоспаться. Но испанец, завидев редкого в последнее время гостя, вцепился в него как клещ:

— О, это отдельная история,— признанный ловелас-контрабандист Братства расплылся в улыбке.— Пару месяцев назад я

имел неосторожность познакомить его с гла-Тапандом. Тебе что-нибудь говорит это имя?

— Не-а,— помотал головой Семен, доставая из сумки, которую он носил вместо портфеля, трубку и табак. Процесс набивания и раскуривания трубки в такие вечера превращался в священнодействие. Под него как раз подходил неспешный легкий разговор, начатый доном Антонио.

— Ты больше его знаешь как Бездонную Бочку.

— А-а,— протянул Точилинов,— Бочка. Конечно, знаю. А у него что, и дети есть? Я всегда думал, что зеркальная болезнь родилась значительно раньше него.

— Есть, конечно. Ты что, он же глемм. У них с этим строго, не забалуешь. Мужик без детей не может считаться мужиком. Его и уважать никто не будет. Три дочери и два сына. А Бочкой его прозвали вовсе не за пузо, а за состояние кошелька. Это, знаешь ли, внушает уважение.

Сибейра, благодаря тесным связям с контрабандистами, практически полностью состоящими из глеммов, изучил мир Серого Лепестка досконально. На его слово можно было положиться.

— Сильно,— Семен пыхнул трубкой. Трубку он курил редко, под настроение. Сейчас был именно тот случай. В тихом вечере кольца ароматного дыма неспешно улетали вдаль, подчеркивая неподвижность окружающего мира.— Вот уж никогда бы не подумал, что Вася прельстится деньгами. Да еще и глеммовскими.

— Да бог с тобой,— Сибейра откупорил бутылку вина, достал бокал: — Будешь?

Точилинов помотал головой. Пить не хотелось совершенно. Хотелось отключить голову и помедитировать, сливаясь с подкрадывающимися сумерками. Муритай как-то пытался научить его входить в боевой транс, но это не то. Испанец наполнил бокал, посмотрел сквозь него на заходящее солнце и повернулся к Точилинову:

— Васе деньги как не были нужны, так и не будут. Он вообще как птичка Божия живет. Художник боя. Я поначалу тоже подшучивал, а потом понял: у него и правда любовь.

Последнюю фразу Антонио произнес несколько удивлённо. Ну еще бы, сам Сибейра и не думал останавливаться на какой-то конкретной кандидатуре в спутницы жизни. Количество его женщин всех мастей и рас уже давным-давно вошло в присказки магов. И потихоньку входило в фольклор вольдов.

— И что *тебе* сказал Бочка? — со смешком поинтересовался Точилинов.

— Очень правильный вопрос,— Сибейра пригубил вино.— Он пообещал никогда в жизни больше мне ничего не таскать. И другим запретить.

— Что он сказал Васе, я даже и не спрашиваю.

— Правильно делаешь. Разговор был без свидетелей, но Васю, я так понимаю, спасло только то, что он был гостем. Сам знаешь, в доме у глеммов даже магия иногда не спасает.

— И чего? — Семену стало интересно.

— Что характерно, Ситала, это средняя дочь Бочки, папе весь мозг уже вынула на тему: «Папа, хочу Васю». Взаимное чувство оказалось. Хотя парочка получается гротескная. Я их видел. Она Васе реально в солнечное сплетение дышит, когда рядом стоят.

— Ну-ну,— потянулся в кресле Точилинов.— Совет им да любовь. Будем надеяться, что у Бочки голову всё же не снесет окончательно.

— Трудно сказать,— пожал плечами испанец,— всё же дочка. Хотя у Бочки голову редко сносит. Я не видел, во всяком случае. А потом, если у них и правда любовь, то чего уж тут сделаешь? Это подарить счастье — никак, а вот забрать — запросто.

— Угу,— согласился Семен.

Они помолчали, думая каждый о своем. Точилинов посасывал трубку, дон Антонио смаковал букет.

— Так о чём ты меня хотел попросить? — Сибейра поставил на перила бокал с вином. Каждый сходил с ума по Земле по-своему. Дон Антонио решил, что лучше всего о доме напоминает вино. Он таскал его ящиками, но все равно не хватало.

— Когда?

— Ты говорил перед вторжением, что попросишь устроить экспорт,— напомнил Сибейра.

— А, это,— Семен выдохнул клуб дыма и прищурился сквозь него: — Ты не находишь, что нас слишком мало?

— Нахожу, черт побери,— хмыкнул испанец.— Особенно я это находил, когда на меня третий раз за четыре часа атака шла. Я как этого вашего скального ежа увидел, так чуть не обделался. Сижу один. Как дурак. Дьявол, думаю, как же нас мало!

— Вот об этом я и говорю,— Семен не поддержал шутки.— Что такое Братство в масштабах Пестика? Ерунда. Расти нам надо. Заниматься этим.

— Ага,— преувеличенно согласно кивнул Сибейра.— Поэтому ты через два дня после вторжения свалил в Территории.

— Мне отдохнуть надо было.

— Самое место. Нигде больше расслабиться-то нельзя,— сострил испанец.— И до сих пор расслабляешься.

— Кто на что учился,— пожал плечами Точилинов.— Я так отдыхаю.

— Но не два месяца,— Антонио обвиняюще уставился на Семена.

— И что? — Точилинов невинно поднял брови.— Что-нибудь изменилось?

— Изменилось,— испанец развернулся спиной к Семену.— Ещё как изменилось. Вторжение отбито, вольды — друзья, жизнь прекрасна. Но вот только почему все до сих пор оглядываются перед выходом из дома? Половина наших, как ты,— бегают по Территориям, вторая сидит в трёх баронствах и боится выйти за зону системы связи, меняя баб, как носовые платки, и выхлёбывая все запасы спиртного. Я дурею, таская от глеммов всякую белиберду, и только Клаус сидит здесь и пытается думать за всех. Но он один, а ты прячешься от всех, включая его. Вот что изменилось.

— Что ты хочешь? — Семен отвернулся от Антонио, уставясь на причудливую крышу дворца барона, обрамленную густым кольцом деревьев. Он пытался успокоиться, но не получилось. Испанец был прав, но, что делать с его правотой, Точилинов не мог представить.— Ты прав. После вторжения у меня внутри как выгорело что-то. Сломался я. Испугался. Не хочу больше биться насмерть.

— А придется. Атаки-то не прекратились.

И это было правдой. Совет Старших и Конгресс баронов направили правителям Лепестков послание, в котором выражалось резкое недовольство вторжением. Ничего. Как в Территории выкинули. Ни звука в ответ, ни слова. Только боевые пятерки и тройки начали опять появляться в Пестике, всё так же пытаясь убить кого-нибудь из магов. И снова вольдов не трогали. Лепестки явно давали понять, что отношение к Пестику не поменялось, а магов они по-прежнему считают чужеродным телом, которое надо вырезать как можно раньше, невзирая на все протесты больного.

— Не знаю,— Семен, не отрываясь, смотрел на деревья.— Я уже ничего не знаю. Зря всё это.

— А зачем ты тогда всех с мест сорвал? Зачем Братство организовывал?

— И что? Всё впустую. Нет у нас Братства,— сорвался Семен.— Не получается. Я боюсь, ты боишься, все боятся. Дальше что? Куда идём?

— Почему все? Вася не боится,— пробормотал Антонио, просто для того, чтобы не молчать.

— Именно что Вася не боится,— горько усмехнулся Точилинов.— Он уже плоть от плоти вольд. Он часть этого мира. На него и покушений практически нет. И не потому, что он силен, мы все теперь уже неслабые ребята, а потому, что если завтра Братство исчезнет, то Вася только погорюет. И все. Будет жить как жил. Простой вольд со способностями мага. А мы?

— А что — мы? — вскинулся Сибейра.

— А то. То, что мы потерялись. Мы не знаем, куда идти. Все так легко ко мне пришли, потому что уже начали это понимать. Хотели найти здесь дом. А нету его.— Семен развел в стороны руки: — Вот и сидим тут, правильно ты сказал, дуреем от безделья. И ладно бы аккуратно дурели, так нет. Каждый еще и выпендриться пытается.

— Это как раз понятно,— Антонио пригубил забытый бокал.— Вроде всё как прежде, мы могучие и непобедимые.

— Ага, только вольдов при этом обижать не надо. Без них нас давно бы уже закопали.

— А что такого происходит? — пожал плечами Сибейра.

— Ты только не начинай, ладно? — Семен раздраженно выпустил облако дыма.— По Территориям ходить можно и нужно, но нарушать общепринятые правила при этом — моветон. Если за тобой идет другая Команда, то не надо начинать будить кого ни попадя. Ты-то уйдешь, а другим как? И сколько таких случаев? Нас скоро на Совет Старших вызовут за такие проделки.— Он пососал погасшую трубку, недоуменно заглянул в неё — и полез за спичками.— Ладно. Это всё у нас болтовня за бокалом вина. Никуда мы не придем. Ты меня звал зачем?

— За этим и звал. Давай рассказывай, что ты там придумал про свой экспорт.

— Да ну,— отмахнулся Семен,— ерунда все это. Я думал, как бы нам людей ещё найти. Мало нас. Если глеммы не будут нам помогать отправлять сюда землян, то можно попробовать обойтись и без них. Я думал написать формулу перехода с Земли сюда, зашифровать её как-нибудь в виде... легенды, что ли, или там байки, анекдота наконец,— и забросить на Землю. Пусть те, кто смогут, сами сюда приходят. Сколько потенциальных магов пропадает? Вон, Васю возьми.

— А что? Слушай, здорово. А, черт...— испанец настолько заслушался, что не заметил, как из наклонившегося бокала выливается вино.— Я думаю, это можно сделать. Напряжем Ляо Юя со Строцци, пусть вспоминают, как рисовали. Глеммов потрясем. Чуть там, чуть сям, глядишь — получится. Давай.

Дон Антонио возбужденно спрыгнул с перил, на которых сидел. И споткнулся об усталый голос Точилинова.

— Зачем? — Семен сидел глядя в пол. Трубка опять погасла, но он этого не замечал.— Опять привести сюда людей, которые нам поверят, чтобы подставить их под ассасинов? Куда привести? В три баронства? В Территории? Придут, мы им скажем «здрассьте», и что? Добавить вольдам еще балбесов, бессистемно и бестолково мечущихся по Территориям и прожигающих жизнь в Трёх Баронствах?

— А ты за них не решай,— одной из сильнейших черт характера Сибейры было отсутствие рефлексий. Если он загорался каким-то делом, то сомнения типа «а что из этого получится?» или «а может, ничего и не выйдет» — это было уже не про него. Семен ему иногда жутко завидовал. Вот сейчас, например. Идея легла на подготовленную почву, испанец поверил в нее мгновенно, и с этой секунды слово «невозможно» для него не существовало.— Не много ты на себя берешь? Ты ведь хорошо придумал. Дай людям выбор.

— Какой выбор, Антонио? Они придут (это если ещё придут) в абсолютно неизвестный мир, из которого обратно уже не вернуться никак. Придут не просто обустраиваться, а драться — драться не на жизнь, а на смерть. Их каждый день кто-то будет хотеть убить.

— Ой, не надо,— покривился испанец.— Нас тоже каждый день кто-нибудь да хочет убить. Ничего, все живы. Почти. Тут вероятность погибнуть не выше, чем на Земле под машину попасть. Зато, подумай, кто сюда придет?

— Еще один Вася,— хмыкнул Семен.

— Вряд ли нам так повезет. Придет совершенно другой тип людей. Ну напряги мозг, кто поверит в какую-то легенду настолько, что в нормальной земной жизни — ты уже, наверное, и забыл, какая она, Земля,— сможет построить портал в другой мир?

— Еще шизофреников нам тут не хватало,— испугался Семен.— Ты прав, об этом я не подумал.

— Дятел ты, с красным клювом,— обозлился Сибейра.— Романтики придут. Мятущиеся души. Люди, способные влюбиться в чужой мир даже на расстоянии. Те, кого не испугать какими-то там ассасинами. Им еще и понравится. Как же, опасности, приключения. И это наша будет задача их сберечь, научить и всё объяснить.

— Ты теперь мне предлагаешь взять ответственность ещё и за них? — набычился Семен.

— Нет, тебя аталь точно крепко приложили,— вздохнул дон Антонио.— Снаружи не видно, а внутри беда. А что ты тут сейчас делаешь? Не то же самое? То, что ты сбежал в Территории, ничего не значит. Все равно все к тебе бегут чуть что.

— Что ты, в итоге, хочешь? — У Точилинова совершенно не осталось сил идти против бешеного напора испанца.— Чтобы я на себя всё это взвалил? Увольте. Как-нибудь позже. Вот разберусь с головой, тогда и попробуем.

— Не надо на себя всё брать. Я уже вижу, что толку от тебя не будет. Мы с Клаусом сами, как обычно, всё сделаем, я ему объясню. Ты формулу только сочини. Тебе как раз под настроение будет. Душа на перепутье миров, смятение духа и все такое. Мы, как ты, не сможем сделать.

— Это почему это? — удивился Семен.

— А потому, что это ты у нас главный. Харизма, друг мой. Это не измерить и не посчитать. Мы с Клаусом — исполнители. Мы всё правильно сделаем, не сомневайся, но зажечь людей — это к тебе. Ни он, ни я сюда никого бы не привели и Братство бы не придумали. Так что пиши формулу, а я буду Клауса соблазнять и придумывать, как половчее твое творение на Землю забросить, чтобы все увидели. Ты, кстати, в программировании не силен? А то было бы здорово написать какую-нибудь программку и в Интернет выложить. Что-нибудь по теме. Наша целевая аудитория частенько по разным сайтам лазит. Фантастика там или игрушки, а?

— Не силен,— вздохнул Точилинов.— Сколько раз уже сокрушался, что у нас компьютерщика нет. Придется, как обычно, на коленке делать. Э-э, стоп,— спохватился он.— Какая формула? Ты знаешь, сколько времени на это потребуется? Не-ет, не годится. У меня выход на носу. Завтра двигаемся. Подожди немного, вернусь, тогда подумаем, что да как.

— Никаких «подумаем». В задницу твой выход. Сначала делай, а потом иди. Только так.

— А еще чего Ваше Магичество изволит? Всенепременно-с. Бегу, спешу и падаю.— С Семеном не следовало так говорить — упрется он мгновенно. И если бы его собеседником был кто-то другой, то на этом бы все и кончилось, но перед ним сидел дон Антонио.

— Бежишь? — Таким, наверное, видит бык матадора. Сибейре очень шло.— А с Клаусом поговорить не хочешь? Как ты думаешь, что он по этому поводу скажет?

— Мне по фигу, что там Клаус скажет,— Точилинов сунул в карман непотушенную трубку и пошел к выходу. Чуть быстрее, чем следовало. Он что, и правда бежит?

— Куда? — в спину ему крикнул Сибейра, но дверь уже закрылась.

Ввалившись в дом, Точилинов все еще крутил в голове разговор с доном Антонио. Что-то было в словах испанца. Что-то дергало за душу. Но нет,— страшно, не буду, пошло оно всё...

Отмахнувшись от встревоженных расспросов Муритая, который явно озадачился видом Мастера, Семен пошел в свою комнату, закрылся и свалился на кровать, едва успев снять одежду. Благо время было далеко за полночь, можно было не беспокоиться об оправданиях.

Стук в дверь вырвал Семена из неглубокого сна.

— Что там? — сварливо поинтересовался Точилинов.

— Дело есть, Мастер,— донесся из-за двери голос Муритая.— Теренс просит спуститься. Без вас не решим.

— Иду,— Семен, кряхтя, спустил ноги на пол. Серенький рассвет заливал комнату сонным прозрачным светом, говоря о том, что поспать получилось всего ничего.— Не рано?

— Не знаю,— пожал плечами вошедший в комнату торк.— Теренсу виднее.

— Совести у вас нет,— пожаловался Семен, натягивая штаны.— Только лег.

— Как это нет? — удивился Муритай.— Есть, в надежном месте хранится. А ты что, с собой её таскаешь? Не дело, потеряешь ещё. Давай мне, я спрячу.

— Не дам,— сонно ухмыльнулся Точилинов,— сломаешь.

Он встал, подтянул штаны, сунул ноги в сапоги, накинул куртку. Поёжился — утренняя свежесть пробиралась сквозь одежду — и повернулся к торку:

— Ну пошли. Чего там случилось?

В зале оказалось на удивление много народу. Теренс сидел спиной к лестнице и с кем-то разговаривал. Угол скрывал его собеседника, по голосу не разобрать кто. Через несколько ступеней Точилинов увидел:

— Какого черта вы тут делаете?

Сибейра с ван Брюккеном, уютно устроившиеся напротив глемма, приветливо улыбнулись.

— Доброе утро, Мастер,— поздоровался Теренс.— Присоединяйтесь.

Безмятежный вид всех троих явственно показывал, что единодушие меж ними уже достигнуто.

— Без меня меня женили? Так? — По идее, вопрос должен был звучать язвительно и ядовито, показывая всю безнадежность и тщетность жалких попыток склонить его к очередной авантюре, но невыспатость взяла свое. Голос прозвучал как-то неуверенно.

— Никак нет,— бодро отрапортовал Теренс, явно переобщавшийся с Васей.— Их Магичества убедили меня отложить выход Команды до решения насущного вопроса Братства. А если честно, то я считаю, что они правы. Лучше вас никто не справится.

— Ты нужен нам всем,— дон Антонио Сибейра развел руками и робко улыбнулся.

— Давай, Семен. Ты не представляешь, как нам всем это надо. Я тут пару человек разбудил посреди ночи — подпрыгнули как миленькие. Ни один не закапризничал. Полнейшая поддержка тебе обеспечена,— ван Брюккен бодро улыбался, демонстрируя всяческую готовность к любым действиям. Аж противно — в такую-то рань.

Точилинов перевел взгляд на Муритая. Тот поощряюще улыбнулся, в утренних сумерках это выглядело ужасающе, и поднял вверх большой палец:

— Отличная идея, Мастер.

Семен закатил глаза и потребовал горячего доша.

«...призрачный город, стоящий на скалах, соперничающий с хрустальными вершинами в красоте своих зданий... — ...мир неведомых сил, захватывающий тебя и не отпускающий никогда, требующий от тебя всего и возносящий тебя...»

— А ты уверен, что именно такая форма должна быть у послания? — с сомнением протянул ван Брюккен.

— Да, по двум причинам,— Семен лежал в кресле, вытянув ноги чуть не на середину комнаты. В правой руке он держал сигарету, в левой — чашку с дошем. Месяц напряженнейшей работы по ювелирной подгонке разрозненных деталей головоломки друг к другу кончился. Можно было расслабиться.— Во-первых, я хочу, чтобы к нам пришли романтики, мечтатели. Упертых бойцов здесь и так хватит, а ребята со временем вырастут. Прочитать и вдохновиться таким посланием может только поэт в душе. Я не желаю иметь дела с людьми, не поднимающими взгляд выше пояса.

— А работать кто будет? — подал голос Гельц, принимавший участие в поиске формулы портала.— Если одних романтиков собрать, то вся основная тяжесть опять ляжет на нас. Не то чтобы я боялся работы, просто при возрастании объема хочется, чтобы кто-то хоть немного помогал.

— Романтики могут работать ничуть не хуже остальных,— возразил Семен.— Просто у них мотивация должна отличаться от обычной, а так они очень и очень ничего. Тем более, учти,— человек, который сможет построить портал сюда, к нам, должен будет очень сильно потрудиться и иметь определенный склад ума. Отнюдь не расслабленный, прошу заметить.

— Ну принимается,— согласился Гельц.— А во-вторых?

— А во-вторых, все банально. Для создания письменной формулы, которую вы накопали,— он сидя отвесил два поклона в сторону Гельца с Сибейрой и Ляо Юя со Строцци, устроившихся на диване,— наш друг Се выдал мне список ключевых слов, которые непременно должны были присутствовать в послании. Причем расположены они должны были быть в определенном порядке. Так что в выборе стиля я был ограничен с самого начала.

Ван Брюккен развел руками:

— Ну что? Принимаем?

— Попробуйте не принять,— хмыкнул Семен.— Самих заставлю писать. Я месяц не разгибался. Второй такой работы у меня точно не будет. Так что я думаю, что обсуждение стиля оставим. Телепортисты подтвердили эффективность узора,— Се Ля Юй и Строцци усиленно закивали,— так что теперь осталось его только запустить, а это уже ваше дело, кабальеро мне клятвенно обещал. Моя очередь отпускать язвительные замечания.

— А вот не получится,— дон Антонио улыбнулся во весь рот.— Всё уже давно готово. Прямо завтра и понесем. Гарантировать, что через день вся Земля будет читать твое послание, не может никто, но то, что оно будет запущено,— это точно. Глеммы мне должны за срыв доставки тогда, перед вторжением, так что я отжал еще и небольшое распространение. Через четыре дня начинаем ждать.

На третью неделю Семен начал звереть.

— Что ты дергаешься? — Муритай закрыл дверь за ушедшим китайцем и вернулся к столу.— Ты же первый кричал, что тебе всё равно, идея недоработанная и в этой затее ты разочаровался.

— Конечно,— Точилинов раздраженно оттолкнул от себя чашку с дошем. Темная жидкость выплеснулась на скатерть, нарисовав причудливый узор.— Конечно, мне всё равно, что пополнения не будет, что идея дерьмо, исполнение дрянь, а мы опять возвращаемся к бардаку и раздраю. Пусть его Твари утащат, это Братство, я и пальцем не пошевелю.

Ядовитости его тона мог позавидовать чемпион среди гадюк, но Муритая этим было не смутить, он последние десять дней только и делал, что выслушивал подобные сентенции. Поначалу каждый день кто-то из магов являлся доложить Семену о результатах проекта, вернее, об отсутствии таковых. Мировой эфир молчал. С течением времени визиты становились реже, докладчики всё чаще повторялись, и теперь только ван Брюккен, Се Ляо Юй и Сибейра навещали все сильнее впадающего в депрессию Мастера Адекато. Остальные потихоньку возвращались к обычным занятиям.

— Это называется «завышенные ожидания», Мастер. Зря вы сразу всех накачали, что это какое-то счастье. Теперь все перегорели.

— А что делать надо было? — зашипел Семен.— Или ты не помнишь, в каком состоянии все находилось? Я им дал свет, смысл. Ты видел, как они за работу схватились? Мне всего-то нужна была одна маленькая победа. Я не просил вал переселенцев — одного человека, чтобы задать вектор.

Он хлопнул рукой по столу, попал в разлитый дош — и завелся ещё больше.

— А теперь что делать? Опять начинается все то же самое. Идирани поругался с Сусси, Бергман надавал по морде Кривому Саю за то, что он, видите ли, неуважительно отозвался о магах. А за что нас уважать? — Семен раздраженно вертел головой, выискивая, обо что бы вытереть руку. Не нашел, вытер о штаны и озверел окончательно.

— По-моему, Мастер,— Муритай оперся на стол и посмотрел в глаза кипящему Семену,— вам просто надо отпустить ситуацию. Пусть каждый живет так, как хочет. Каждому нянькой быть вы не нанимались, только еще большее напряжение вызовете, ещё не хватало вам между собой ругаться. Все большие мальчики, пусть сами живут. Как-то ведь они до Братства находили общий язык с баронами. Я не думаю, что, собравшись здесь, маги как-то сильно поменялись. Идирани всегда был склочником. А Бергман — боец, ему лишь бы повод подраться найти. Что вы подпрыгиваете? Я думаю, что вам просто заняться нечем, вот и цепляетесь ко всему. Пусть жизнь идёт как идёт, не пинайте ее. Она ведь и обидеться может. То что должно — обязательно случится, не раньше и не позже, а если вы за судьбу думать или делать начнете, так ничего хорошего не выйдет. Наши подделки потом дорого обходятся. Так что давайте-ка собирайтесь, прогуляемся по Территориям. Тварей нам не надо, зато я пару мест интересных покажу. А без нас, гля-

дишь, чего и получится, жизнь, она штука хитрая, пока в упор на неё смотришь, она делает вид, что ничего не происходит, а только отвернешься — тут тебе и на... Короче, собирайтесь.

Глава 8

— На кой черт ты его тащишь? — в сотый раз впустую сотряс воздух Точилинов. Семен в упор не понимал, зачем Муритаю эта игрушка, но торк не сдавался.

Тяжеленная мохнатая лапа, с огромным трудом отрубленная от недвижимого тела Паука, тормозила передвижение неимоверно, но Муритай начинал форменно биться в конвульсиях каждый раз, когда Семен только начинал заводить разговор о том, чтобы её бросить.

— Ты что, кто нам поверит, что ты Паука уделал?

— Да зачем мне кто-то должен верить? Настоящее мастерство не требует подтверждения. Я никому ничего не собираюсь доказывать. И тебе не рекомендую. Ближним хватит нашего слова, а что до остальных, так и пусть их. Нам с тобой лишней славы и так девать некуда. Пауком больше, багираном меньше — какая разница?

— Тебе, может, и нет разницы, а общественное мнение всегда учитывать нужно. Вспомни тиххина. Сколько вещей сразу стало гораздо легче, согласен? А тут целый Паук. Да ты его ещё и в одиночку взял.

Семен вздрогнул. Он очень хорошо помнил свой животный ужас, когда этот здоровый балбес, пренебрежительно отмахнувшись от предупреждений, рубанул мечом по паутине, доказывая, что Пауки сидят в глубине Территорий, а возле баронств не опасно — это только сигнализация. А Паук оказался на месте. Если б Точилинов не был Мастером Тварей, то сам бы он, может, и ушел, а вот от Муритая даже ауры бы не осталось: Пауки всё с собой утаскивают, даже линии вычищают. Семен четыре часа ломал эту зверюгу и победил только слепой удачей, совпавшей с неопытностью молодого Паука. У торка глаза были размером с суповые тарелки, когда он очнулся и понял, что лежащий без сил Семен уделал эту Тварь в одиночку. А Точилинов, не помнящий себя от облегчения, выдавал «тупому придурку» все лингвистические изыски на всех языках Клевера, которые знал.

Тащить на себе отрубленную лапу он отказался категорически, но Муритай чувствовал свой прокол и теперь жаждал его загладить, соорудив ещё одну легенду, которая будет бродить по Пестику, заставляя слушателей благоговеть при имени Мастера Ацекато.

Семен закатил глаза:

— Ну куда тебе больше-то? Кто ещё в Пестике не знает Страшного и Ужасного Ацекато?

— Ацекато-то знают. И ему доверяют,— Муритаю было тяжело, но он скорее упал бы от усталости, чем признался.— А вот про остальных ваших разговор отдельный. Надолго ли хватит твоего авторитета прикрывать разных разгильдяев?

Точилинов поморщился. Два месяца они с Муритаем провели в Территориях, заходя в баронства только для того, чтобы сдать добычу и выслушать очередную историю про похождения дуреющих от фрустрации магов.

Чего стоил один только Гарри, заявивший Такатаку, что он-де подчиняется лишь самому себе и уложения баронства, касающиеся обеспечения тишины и спокойствия в ночное время, его не касаются. Барона чуть удар не хватил. Семен его еле успокоил.

— Не знаю,— вздохнул Точилинов.— Может, надолго, а может, и нет. Там посмотрим.

— Чего смотреть? — Муритай украдкой вытер пот. Когда он уговаривал Точилинова прогуляться по Территориям, ему и в голову не могло прийти, что вояж затянется настолько.— Пока ты Братство делал и сам систему свою налаживал, то все было путем. Все слушались и были довольны. Когда ты послание писал и ждал результатов, тоже терпимо было. Хоть и с трудом, но держались твои в рамках. А как начали мы с тобой по Территориям лазить, так совсем раздрай пошел. Может, хватит? Не мальчики уже. Неплохо бы и домом заняться. Стоп.

Он внезапно замер.

— Что? — поинтересовался Семен, вертя головой.

— Замри,— тихо прошипел Муритай.— Хотя уже поздно. Вот никогда нельзя болтать на ходу. Попали. Ну кто там?

Торк сбросил на тропу перед собой лапу — какое-никакое, а препятствие — и потянул меч.

— А мы на кого-то нарвались? — Как ни старался Семен стать полноценным вольдом, ничего из него так и не получилось. Тварей он замечал только после того, как они замечали его.

— Нарвались,— мрачно отозвался Муритай.— Вот он, родной. Ну?

Впереди кусты зашевелились, и на тропу... вышла большая полусобака с длинным, почти крысиным, гибким хвостом.

— Тьфу ты,— ругнулся Семен,— коссади. Вот зараза, я уж перепугался.

— Подожди еще,— углом рта прошипел торк.— Коссади поодиночке не ходят.

И правда, на тропе выросло еще несколько Тварей. Семен обернулся. По краям дороги прошла рябь. Твари брали их в кольцо. На самом деле ничего особенно страшного не происходило — коссади не считались сильными противниками, все их преимущество заключалось в количестве. Но была у них одна гадостная особенность — они почти всегда шли или перед кем-то, или за кем-то. Ну и кого они ведут на этот раз?

Первый коссади, вышедший «поздороваться», неожиданно замер, вытянув вперед морду. Принюхался — настоящая собака — и вдруг начал пятиться назад, издавая явственное шипение. Если бы он действительно был собакой, Точилинов бы сказал, что тот унюхал что-то опасное. Все остальные тоже начали пятиться назад, не сводя взгляда с...

— Да они Паука боятся! — Муритай чуть не подпрыгнул на месте.— Смотри, уходят.

Коссади по одному скрывались в лесу. Последний повернулся, фыркнув, и бросил на вольдов такой взгляд, полный злобного разочарования, что сомнений не оставалось — он бы с удовольствием прикончил этих двуногих, но уж больно страшно пахнет от этой штуки, лежащей на земле. Их опередили — добыча уже чужая, а связываться с настоящим хозяином никакого желания нет.

Глаза у Муритая снова стали как тарелки:

— Слушай, приду домой — сделаю себе куртку из нее,— торк с уважением посмотрел на валяющуюся ногу.— По Территориям буду ходить, все сами разбегутся.

— Ага,— покивал головой Точилинов.— До первого Паука. Как думаешь, что с тобой будет, если тебя кто из его сородичей унюхает?

— Н-да,— Муритай переосмыслил желание. Покряхтел немного и вздохнул: — Нет в жизни счастья.

— Пошли,— Семен засунул обратно пистолет (когда только успел достать) и подхватил мешок.

— Куда торопиться? — Муритай беззаботно потянулся.— Кто в Территориях рискнет связываться с Пауком? Вполне можем немного отдохнуть.

— Тезис додумай,— посоветовал Точилинов.

— Какой?

— Про куртку и про связываться.

— И что? — не понял Муритай.

— Проговори вслух, ну. Так кто рискнет связываться в Территориях с торком, носящим в данный момент куртку из Паука? А?

— А,— утвердительно и твердо высказался Муритай.— Понятно. Может, мне ее прямо сейчас бросить?

Семен вздохнул. Последние несколько часов он только это и предлагал.

— Нет уж,— уперся Муритай, возражая сам себе.— Я донесу. Тем более что идти осталось всего ничего.

Он взвалил на плечи многострадальную ногу и бодро потрусил вперед, как будто идти и вправду оставалось немного. Семен только вздохнул — до баронств было еще полдня ходу.

Однако через двадцать минут Муритай обрадованно развернулся:

— О, пришли. Смотри, вот он, родной.

Справа от тропы выделялся мутноватый прямоугольник, висящий над землей.

— Слушай, как вам всем не страшно ими пользоваться? — поднял брови домиком Семен, состроив непонимающую гримасу.— Или не знаешь, что они могут быть опасны?

— Могут не могут, а еще полдня идти по Территориям мне както не улыбается.— Муритай явно был рад сбросить с себя эту мохнатую неуютность.

— Не знаю,— с сомнением протянул Семен.— Если ты помнишь, то Строцци их объявил экспериментальными образцами и категорически не рекомендовал пользоваться. А что, ими активно ходят?

— А как же. Его Магичество Офшо замечательно придумал.

Офшо был чуть ли не единственным, не считая ван Брюккена, кто сублимировал свою депрессию в дело. Вместо того чтобы предаваться различным расстройствам и деструкциям, он решил работать. Результатом этого решения стала сеть порталов, расположенных в Территориях на основных путях за день-полдня до баронств. Идея оказалась настолько жизненной, что вольды мгновенно схватились за нее, несмотря на грозные предупреждения как самого Офшо, так и других участников, включая вездесущего Строцци, который подвизался пару месяцев на проекте в качестве консультанта.

— Стой, Мур,— Точилинов придержал торка за рукав.— Если я правильно понял, никто из создателей этих порталов,— он ука-

зал рукой на свечение,— не гарантировал, что ты выйдешь оттуда живым, так?

— Э-э, так,— согласился торк.

Проблема заключалась в том, что Территории не давали стационарно закрепить узор. Привязка по месту постоянно плавала. Сама станция оставалась на месте, а вот узор запросто мог переехать на несколько сантиметров вбок. Для рунной телепортической магии, где каждый миллиметр был жизненно важен, это было проблемой.

— Тогда объясни мне, пожалуйста, зачем нам без острой необходимости соваться в эту мясорубку? Если даже Строцци, горячо любимый мною рас...дяй Строцци, заявил, что они опасны.

— Строцци сказал, что они *могут быть* опасны,— резонно заметил Муритай.— До сего дня ни с кем ничего не случилось. Один только раз кого-то из Ташины выкинуло не туда, но потом выяснили, что там рисунок узора покорежили.

— Опасны они или могут быть опасны, нам много-то не надо,— Семен многозначительно поднял палец.— Одного сбоя вполне хватит. Ладно, если не туда выкинет, а если портал на тебе закроется? Нет уж, без нужды туда соваться не надо, ничего, потащишь еще немного свидетельство своего триумфа.

Он горько вздохнул про себя, вспомнив Гермеса с его взорвавшимися танками. Где-то он сейчас?

— А нужда уже, похоже, есть, Мастер.

Семен обернулся. Вдоль тропы, на значительном расстоянии выстроились пять или шесть коссади.

— Чего это они? — Точилинов повернулся к торку.

— Пропускают кого-то, вот гады, терпеть их за это не могу. Двигаем, Мастер, встречать не будем.

Он дернул за висящую возле портала веревочку, срывающую крышку с магиприпаса. Маг и так портал запустит, но эти, новые, делались не только для магов, а у убегающего от погони вольда каждая секунда на счету. Портал засветился ярче. Торк заменил магиприпас, достав следующий из запасника, висящего рядом, аккуратно расправил веревочку, заботясь о том, кто придет следом, и повернулся к Семену:

— Пойдем, не надо ждать гостей.

Сзади зашевелились кусты. Муритай, одной рукой подхватив многострадальную ногу под мышку, другой ухватился за Точилинова и, как хороший трактор, попер в портал. Смысла удовлетворять любопытство действительно не было, некоторые Твари двигались гораздо быстрее, чем Семен мог уследить глазами.

Мерцающая пелена портала поглотила сначала ногу. Показалось, или свет на самом деле моргнул? Затем скрылся Муритай, и очередь дошла до Семена.

«Только бы Строцци оказался неправ, а Офшо ничего не напутал»,— мелькнула мысль у проваливающегося в портал Точилинова.

— Напутал,— сам себе расстроенно ответил Семен несколькими секундами позже.

— Что напутал? — не понял озирающийся по сторонам Муритай.— И где это мы?

— Вот это Офшо и напутал, Строцци не зря предупреждал, нельзя ими пользоваться.

Точилинов с Муритаем стояли посреди плоской, как стол, равнины. Чахлые кустики зелени, сухая земля, далекие контуры гор на горизонте.

— Интересно, куда это мы попали? — Семен поднял голову.— Солнце вроде наше. Дышится так же. Похоже, мы все еще в Пестике.

— И то хлеб, как ты говоришь,— Муритай присутствия духа не терял.— Главное, что живы, а то могли из портала и не выйти. Или в Территориях остаться, уж больно рожи у коссади были злорадствующие.

— Я не такой физиономист, как ты, про коссади ничего сказать не могу,— язвительно отреагировал Семен.— Меня другое интересует: где мы, что делать и куда теперь идти?

— А вот сейчас и спросим,— напрягся торк.— Смотри.

Из какой-то впадины в земле медленно поднялась фигура и упругим вольдовским шагом направилась к ним.

— Свои. Уже веселее,— сообщил Муритай Семену и приветственно помахал рукой приближающейся фигуре: — Привет, Гельби.

— Гельбирай-он,— поправил его подошедший торк.— Хотя Гельби привычнее. Здравствуйте, Ваше Магичество,— вежливо поздоровался он. В глазах читалась откровенная радость. Как же, целый Мастер Ацекато здесь. Жизнь становится легче.

— Добрый день,— нейтрально поздоровался Семен.— Не подскажете, где мы?

— Старший говорит, предгорья Хаждилы,— пожал плечами Гельби.— Вон он сам, поговорите, он больше расскажет.

Еще шесть фигур поднялись с пустой земли — Семен лишний раз поразился способностям вольдов прятаться — и направились к ним. Впереди шел невысокий глемм, пропорциями очень смахивающий на кирпич, притом положенный горизонтально —

в ширину больше, чем в высоту. Одного глаза у него не было. Точилинов улыбнулся. Сая он не видел с того самого момента, как тот бросился бежать к нему на выручку, когда он сидел под щитом и боролся с шаманом, но приязнь от этого не уменьшилась.

— О-о, Великий Мастер! — Глемм сложил ладони над головой и отбил три дурашливых поклона на ходу.— Неизмеримое счастье видеть вас с нами.

— О-о, Гроза Территорий и Подземелий! — Семен в точности скопировал движение глемма.— Ну здравствуй, дорогой.

Они обнялись, вольды вокруг заулыбались.

— Какими судьбами? — поинтересовался Семен.

— Я так понимаю, такими же, как и вы,— пожал плечами Сай.— Вошли в портал, и — тут.

— Убегали?

— Нет, просто решили срезать дорогу.

— Срезали,— покривился Семен.— Строцци же предупреждал.

— Предупреждал,— Сай не выглядел ни расстроенным, ни смущенным.— Все живы, с остальным разберемся. А что это? — Он вдруг указал на валяющуюся ногу Паука.

— Пока я отвлекся, Мастер Паука в одиночку добыл,— настал звездный час Муритая. Именно ради этого момента он и тащил эту тяжесть,— всего не дотащить было, а кусок решили прихватить. Оказалось, очень полезная вещь.

— Паука?!

Упала оглушающая тишина. Вольды подались назад, даже кусок мертвой Твари внушал страх. Если Семен хоть что-нибудь понимал в жизни вольдов, то счетчик, отмеривающий степень уважения к нему, сейчас завертелся как сумасшедший. Судя по лицам стоящих вольдов, им очень хотелось как минимум упасть на колени.

— Кхм, Мастер,— откашлялся Сай.— Тиххин, Паук, чего еще изволите добыть?

Он склонил голову в легком поклоне, в который умудрился вложить всё свое уважение.

Резкий треск разрываемого пространства заставил всех подпрыгнуть и схватиться за оружие. Бутон выходного портала открылся метрах в двухстах от них. Из светящегося пятна один за одним начали выпрыгивать вольды.

— Атояжи,— узнал Сай последнюю фигуру аталь, появившуюся из портала.— И этого принесло.

— Свои! — Он замахал руками, привлекая внимание оглядывающихся новичков. Те пригляделись, спрятали оружие и направились к ним.

— Еще одни? Офшо, что, все порталы сюда настроил? Это шутка такая? — Точилинов пожевал губами.— Не смешно.

Когда приветствия были произнесены, очередная порция восхищения от добычи Паука получена, Семен поинтересовался у вольдов:

— Итак, кто-нибудь понимает, где мы сейчас и как отсюда выбираться?

— Дом там,— уверенно указал направление Сай. Атояжи кивнул, соглашаясь.— Идти пешком, ну, скажем, недели две.

Глемм вздохнул:

— Н-да, попали.

Новый бутон перехода объявил о себе громким треском.

— Опять?! — Семен вытаращил глаза.— Это уже система.

— Урраса,— подал голос Муритай.— Веселая компания подбирается. Ну хоть не скучно будет.

Новая Команда, для разнообразия женская, подошла, чтобы задать те же вопросы. Семен открыл было рот, чтобы поприветствовать новичков...

Земля содрогнулась. Ярко-красное пятно возникло в воздухе в метре от земли. Даже не будучи телепортистом, Семен ощутил неимоверное напряжение всех линий хальер.

— Что это, Мастер? — Муритай мгновенно переместился поближе к Семену.

— Не знаю,— Точилинов продолжал завороженно наблюдать.

Вольды взялись за оружие и рассыпались по сторонам, присматривая укрытия.

— Присядь,— Муритай потянул Семена вниз.— Мало ли что. Не похоже это на наши порталы.

Гулкий звук, больше похожий на звук горного обвала, раскатился вокруг. Ярко-красное пятно превратилось в такой же красный тоннель, на выходе из которого появились три до боли знакомые фигуры, держащие наперевес автоматы.

— Мужики-и! — Точилинов бросился вперед, забыв обо всем на свете.

— Стой, куда?! — Муритай рванулся за ним, Сай отстал ненамного, но они не успевали. Остальные вольды, глядя на Старших, тоже начали подтягиваться к новому порталу.

— Мужики!!! — Семен рвался вперед.— С Земли! Свои! Нашли все-таки.

Три фигуры заметили бегущих к ним вольдов. Заученным жестом вскинув автоматы...

Семен получил подножку и полетел лицом в пыль. Жесткая, сухая земля больно ударила по щеке.

Ту-дух. Ту-дух. Та-да-да-дах. Автоматные очереди вспороли воздух. Вокруг лежащих вольдов поднялись фонтанчики пыли.

— Назад,— это Муритай.— Ползем назад.

— Нет, это свои,— Семен отчаянно сопротивлялся.— Им объяснить надо. Мужики, мы свои, не стреляйте.

Та-да-да-да-дах. За дальностью расстояния и звуками выстрелов Семен плохо слышал команды, раздающиеся из портала, но по тону однозначно было понятно, что передовая группа ведет бой с нелюдями.

— Да... вашу мать,— Точилинов наконец освободился от захвата торка и поднялся во весь рост.— Прекратить огонь! Здесь полковник Точилинов. Управление Практической Ма...

Черный зрачок автомата, смотрящий на Семена, расцвел огненным цветком. Вот оно каково, когда в тебя стреляют. Точилинов видел много атак, но все они шли от нелюдей, а вот направленное на него и стреляющее огнестрельное оружие он видел все-таки впервые — ну не было в его жизни земной войны, к счастью. До этого момента.

Муритай опять вышиб землю у него из-под ног. Фонтанчики пыли подбирались всё ближе к лежащим вольдам. Семена осыпало крошкой. Дернулся Атояжи: пуля попала в ногу. И тут вольды не выдержали. Там впереди погибали двое Старших и Мастер Ацекато. У них не было точилиновских иллюзий по поводу «соплеменников». И аталь в трех командах было более чем достаточно. Три фигуры завалились назад, перестав стрелять. У каждого из головы торчало по стреле. Их тут же утащили невидимые руки, а из портала показались еще автоматы. Слаженный залп заставил вольдов опять уткнуться в землю, но две фигуры упали не по своей воле.

— Не-е-е-т!!! — Семен забился в истерике. Глупо, как глупо, здесь никто ни с кем не воюет. Зачем, зачем эти смерти?!

— Уходим, Мастер! — заорал в ухо Точилинову Кривой Сай.— Мы перебьем друг друга.

Легко сказать, уходим. Как? Они лежат, им не двинуться. Земляне, судя по всему, уходить тоже не собираются. Еще немного — и точно все всех перебьют. В подтверждение его слов свистнула стрела — один ствол исчез. Чтобы тут же высунуться снова. И не сделать же ничего... Семен скрюченными пальцами сгреб сухую землю.

— Мастер! — Муритай рядом. Если потребуется, он собой его закроет, но кому нужна эта цена. Не объяснить уже ничего.

Ладно... Точилинов решился. Три скользкие твари, те же, что и в замке у Гарри, только больше, значительно больше, стелясь над землей, рванулись вперед. Огонь тут же перевелся на них. Не тутто было. Вольды умели поддерживать атакующих. Дождь стрел не позволил остановить псевдовельянов. Только один из них остался лежать, медленно истаивая на жесткой земле. Две Твари добрались — и тут же из портала раздались крики и беспорядочная стрельба. Семен зажмурился.

— Уходим, Мастер. Не лежать! Подъем!

Точилинова поднял башенный кран и попытался повести вперед. Ноги не слушались.

Муритай ругнулся на торкване и потащил Семена за собой. Остаться на месте не получилось никак, но Семену было все равно. Они почти успели добежать до распластавшихся на земле вольдов, когда земной портал исчез. На секунду стало тихо, а потом оглушающий треск ударил по ушам, заставляя пригнуться от боли. И всё кончилось. Всё про всё заняло не больше пяти минут. И только теперь Семен запоздало схватился за голову.

— Идио-от,— простонал он.

Щит. Ну что стоило просто прикрыться щитом? Под ним можно было безопасно подойти и все объяснить. И всё. А теперь?

Точилинов обессиленно сел на землю.

— Все в порядке, Мастер? — тут же участливо поинтересовался Сай.

— Сигарету? — Муритай лучше знал, что требуется Семену.

— Нет,— помотал головой Точилинов,— да. Да,— сигарету, нет,— ничего не в порядке.

— Что такое? — Морщащийся от боли Атояжи, как и Сай, не мог, естественно, знать, что разрывает голову Мастеру Ацекато.

— У нас двоих убили, а я убил в ответ,— Семену хотелось плакать.

— Да, и очень удачно убили, Мастер,— Атояжи судил со своей колокольни.— Если б не ваши Твари, мы бы отсюда не ушли.

— Кто это был? Привет всем. Здравствуйте, Мастер. И где это мы? — К ним подошла Урраса, вывалившаяся из портала перед самыми землянами. Команда торквани приняла бой, вообще ничего не понимая, и она, конечно же, хотела комментариев.

— Это были люди,— потухшим голосом сказал Семен.

— Из Огненного Лепестка? — уточнила Уррас.— А я думала, за вашими магами только Старшие Расы гоняются. Еще и эти вздумали?

— Они не за мной пришли,— у Точилинова совершенно не было сил ничего объяснять. Ему хотелось сесть и поплакать, но выбора не было.— Они просто портал пробили сюда, в Пестик. А на выходе увидели нас. Это Братство знает, что вольды друзья, а они увидели только врагов. Ну и врезали сразу, чтобы их самих не покрошили. А мы — в них...

— И правильно,— Атояжи закончил перетягивать раненую ногу.— Нечего сразу стрелять. Если ты в кого-нибудь палишь, будь готов, что тебя тоже могут обидеть. В другой раз подумают сначала.

— Я боюсь, что ничего они не подумают,— обреченно сказал Точилинов.— Они просто решат для себя, что тут безусловно враждебный мир, и начнут сразу при высадке зачищать местность. А вольды в ответ их зачистят. Так и началась война в Зеленом Лепестке.

Его внезапно затрясло. Десанты землян встретят здесь только вольдов, воюющих холодным оружием. Узор, блокирующий действие оружия, конечно же, известен, но вольды — не маги, они могут использовать только магиприпасы. А магиприпасов таких мало. Кому они нужны в Пестике? Люди будут побеждать. А дальше?..

А дальше — конец. Придется просить помощи у Старших Рас. Сюда придут аталь. Которые немедленно потребуют головы Братства. А если не просить Лепестки? Семена затрясло еще сильнее.

Вольды не пойдут на поклон к Лепесткам. Они пойдут к своим магам. Для них это всего лишь еще одно вторжение. Одно отбили, надавали по ушам аталь с торками и глеммами, теперь очередь людей. Какая разница, какого цвета Лепесток? Пестик неприкосновенен. И перед штаб-квартирой Братства разобьют лагерь Команды вольдов, готовые и дальше защищать своих магов и свой дом. И если Старшие Расы берегли своих блудных сыновей — масштабного вторжения не было, воевали не регулярные части, а боевые пятерки, берегущие жизни простых вольдов,— то Земле здесь беречь некого. Подумаешь, люди. Если они своих соплеменников убивают (а поди — сохрани переговорами лезущих на рожон вольдов), то и жалеть их нечего. Кроши всех, в аду разберутся, где свои. Ой, мамочки...

Два треска, слившихся в один, не дали Точилинову окончательно забраться в состояние безысходной паники. Вольды тут же по-

падали на землю, приготовившись драться. Но драться не пришлось.

— А вот кто нам сейчас все и объяснит,— обрадовал Уррасу Кривой Сай.

Семен проследил взглядом за глеммом. От одного из открывшихся порталов к группе Старших бодро направлялся не кто иной, как Джузеппе Строцци.

— Да, действительно,— пробормотал Семен.— Очень удачно он к нам зашёл.

Строцци подошел ближе.

— Здравствуйте все,— поздоровался он, поклонившись Уррасе, и огорошил собравшихся совершенно неуместным вопросом: — А куда это нас занесло?

Ответом ему был дружный, но несколько нервный смех.

— Прости, Джузи, но это мы хотели тебя спросить,— Семен вытер навернувшиеся слезы.

— Не называйте меня Джузи,— набычился Строцци.— И почему это я должен знать, куда нас занесло?

— Потому, что это вы с Офшо придумали эти порталы.

Семен вкратце поведал итальянцу историю их прибытия и то, как они проводили тут время, ожидая его.

— Я честно всех предупредил,— открестился Джузеппе, уразумев, наконец, что от него хотят.

— Тебе никто ничего и не говорит,— поднял ладонь Точилинов.— Все понимают. Только, пожалуйста, давай разберемся побыстрому, что произошло, почему мы оказались здесь,— и двинемся домой. А то, если наши опять соберутся высаживаться, то первое, что они сделают, это выжгут местность перед высадкой, к чертовой матери. И нас вместе с местностью. Нам на сегодня войны хватит.

Строцци убрел рассматривать линии, а вольды расположились на отдых, не убирая, впрочем, оружие, и упросили Точилинова поведать страшную историю о бое с Пауком. Когда рассказ подошел к концу, появился итальянец.

— Я опять всё самое интересное пропустил? — поинтересовался он, плюхаясь на землю рядом с Семеном и доставая сигареты.

— Я тебе потом отдельно расскажу,— пообещал Точилинов.— Давай, не томи душу, рассказывай, что случилось и чего нам ждать.

— Да ничего особенного,— Джузеппе прикурил и устроился поудобнее.— Ничего дома не поменялось. Как топором работали, так и работают. Они портал не строили, а продавливали, на-

тянув на него все линии, мало-мальски с ним связанные. Поэтому и наши порталы сюда перебросились. Стационарные выходы построены точно по месту, их трудно сдернуть, временных порталов здесь никто не строит, магов-то, кроме нас, нет. А порталы, которые в Территориях,— они плавают. Вот и потянул этот проход за собой все, если так можно выразиться, плохо прикрученные, порталы. Все, кто в этот период проходят через них, попадут сюда.

— И долго так будет? — поинтересовался Сай.

— Не-а,— беззаботно ответил Строцци.— Еще пару часов — и всё. Линии вернутся, напряжение спадет, опять можно будет ходить без проблем. Но я всё равно предупреждаю: порталы в Территориях — штука недоделанная. Без крайней необходимости соваться в них не рекомендуется. Если что случится — пеняйте на себя.

— Будем,— прервал итальянца Семен.— Ты домой нас сможешь отправить? Сейчас или потом?

— Смогу,— кивнул Джузеппе.— Только все пойдут к нам, в штаб-квартиру. Точные координаты я только нашего портала знаю, с них не собьешься.

— Годится. Давай, строй! — одобрил Точилинов.— А подождать никого не надо? Ты говорил, что еще пару часов сюда будет народ заносить.

— Так мне пару часов и надо, чтобы узор нарисовать. Как раз и подождем.

Если ван Брюккен и удивился, увидев небольшую орду, выбирающуюся из подвала штаб-квартиры Братства, то внешне это никак не проявилось. Он только поднял брови, увидев два свертка с телами, но промолчал, решив подождать комментариев. Проводив вольдов на выход, голландец вернулся в дом, где в креслах устроились Точилинов со Строцци. Муритай забрался в угол и вытянулся на диване, собираясь отдохнуть: ему делать было совершенно нечего.

— Что случилось? — поинтересовался ван Брюккен, спокойно усевшись в кресло напротив Семена.

Пришлось рассказать всё с самого начала, тем более что Строцци не слышал историю полностью.

— Да-а, дела,— с ван Брюккена слетела его обычная невозмутимость. Он вскочил с кресла и зашагал по комнате, задевая мебель, но ничуть этим не беспокоясь.— Надо всем нашим сказать. Надо подготовиться. Надо встретить как-то. Надо...

— Да подожди ты,— остановил его Строцци.— Если я правильно всё понял, то прежде всего надо озаботиться, чтобы никто никого не убил больше. И подумать, что мы Земле скажем.

— А что тут думать? — не понял Семен.

— Да ты знаешь,— озадаченно почесал затылок итальянец,— чем больше я над этим размышляю, тем больше проблем вижу. Ну представь. Приезжает сюда представитель Земли. Вот сюда, в штаб-квартиру. И что мы ему говорим?

— Как что? — удивился Семен.— «Здравствуйте. Добро пожаловать к нам!»

— Два вопроса,— Строцци высоко поднял вверх руку с выставленными двумя пальцами, символизирующими эти самые вопросы.— Первое: куда это «к нам»? И второе: а что дальше?

— К нам — это в Пестик. А дальше, дальше...— Семен запнулся.

— Я, кажется, понимаю, о чем он говорит,— задумчиво протянул ван Брюккен.— И боюсь, он прав. Что сделает Земля, появившись здесь и обнаружив, что тут санаторий для земных магов?

— Начнет открывать здесь базу за базой,— тихим голосом проговорил Семен.

— Видишь, ты тоже осознал,— голландец посмотрел на Точилинова с каким-то странным выражением.— И кто мы такие здесь? Для вольдов мы свои, нас уже практически можно называть теми же вольдами. А в каком качестве мы предстанем перед Землей? Если мы по-прежнему подданные Земли, тогда Братство — это плацдарм вооруженных сил земных правительств. Филиал наших департаментов. Если нет, то кто мы? Как с нами обращаться? И дальше — никто из Старших Рас не позволит Земле здесь закрепиться. Пестик нейтрален, и только поэтому он существует. Если Земля захочет доминировать здесь, то это будет означать только одно — войну. Старшие Расы никак не хотят смириться с нашим-то существованием, а тут на́ тебе...

Ван Брюккен тяжело оперся на стол:

— Нельзя ставить вольдов перед выбором, за кого воевать. Потому что следующий выбор будет прост: а за кого будет воевать Братство?

Точилинов содрогнулся:

— Я не представляю, как я буду убивать людей.

— А сегодня ты что делал? — ядовито поинтересовался Строцци.

— Всё слишком быстро получилось. Я ничего понять не успел. Вы что?! — сорвался вдруг он.— Там же наши!

— Тут тоже наши,— Строцци подался вперед.— И двое наших там и легли. Теми «нашими» убитые. Ты тут рефлектируешь, а, между прочим, ты Атояжи с Саем спасал. Не забыл? А при вторжении эти наши — которые местные, и не задумались покрошить в капусту своих соплеменников. Так что хочешь ты или не хочешь, а придется выбирать, какие «наши» тебе ближе.

— Муритай,— позвал вдруг ван Брюккен.— Что лично ты будешь делать, если начнется противостояние Земли и Лепестков?

Семен повернулся. Торк сидел на диване и внимательно смотрел на магов. Он не выглядел ни расслабленным, ни усталым.

— Пестик не будет рад войне,— Муритай в очередной раз преобразился. Вместо бойца в комнате сидел кто-то другой.— Не все пришли сюда от хорошей жизни, кто-то оставил там врагов, так что решать, кто за кого, будут на месте. Но, скорее всего, останутся третьей силой. Опять нейтральные.

Повисло молчание. Муритай ответил совсем на другой вопрос. На тот, который маги не очень хотели задавать.

— А для Земли вольды — нелюди,— задумчиво проговорил ван Брюккен.— Значит — враги.

— Нельзя допустить этой войны,— твердо произнес Строцци.— Пестик — наш дом, и мы должны сделать так, чтобы этот дом остался цел и невредим.

Точилинов с удивлением посмотрел на итальянца. Обычно легкий в общении, дурашливый Джузеппе стал как будто шире в плечах. Непривычно твердый взгляд, напористая речь... Что это с ним? Итальянец поднялся и встал рядом со столом, глядя на Семена. Подошел Муритай, рядом с ним остановился ван Брюккен.

— Да что вы на меня ополчились?! — Семен переводил взгляд с одного на другого, с другого на третьего. На его лице через недоумение начало проступать отчаяние.— Я что, предлагаю сдаться Земле, что ли?

— Ты виляешь, Сема,— мягко проговорил ван Брюккен.— И ты — единственный из всех нас, кто не может себе этого позволить. Сибейра, Ляо Юй, Джузеппе, кто угодно, даже Муритай,— все могут себе позволить роскошь не определиться с позицией. Но не ты. Именно тебе придется объяснять Земле, что здесь и как. И именно тебе придется принимать все удары. Мы будем рядом, мы даже закроем тебя собой, если потребуется. Но решение всё равно придется принимать тебе.

Точилинов закрыл лицо руками.

— На самом деле ты давно уже всё решил.

Семен, не отнимая рук от лица, пожал плечами.

— Почему ты отправил на Землю легенду? — вкрадчиво спросил ван Брюккен.— Ты не попросил глеммов доставить послание ни в ООН, ни своему командованию, ни своим друзьям. Ты пригласил в Пестик магов. Новых магов. Не правительства. И не письмом, а сказкой. Сказкой, в которую ещё надо поверить.

Точилинов еще больше согнулся в кресле.

— Мы с вами, Мастер,— Муритай дотронулся до его плеча.— И не только мы. Вольды верят вам. И бароны верят. Все поступят так, как вы скажете. И если случится беда, все первым делом прибегут к вам. Ван Брюккен правильно сказал: решать будем все, но без вас ничего не получится.

Нет ответа. Потекли мгновения. Джузеппе хотел что-то сказать, но Точилинов сам его опередил:

— Собирайте людей.— Из-под ладоней голос звучал глухо, но с каждой секундой Семен все больше распрямлялся в кресле. Наконец, он отнял ладони. Глаза покраснели, но на магов глядел уже совершенно другой человек. Мастер Ацекато принял решение.— Завтра с утра будем обсуждать. Клаус, найди мне быстро Сибейру.

Глава 9

— Вам лично, барон, я ничего не предлагаю делать. Всё, что нужно будет делать, сделают вольды. К чему может привести излишняя нервозность, я уже объяснил. Братство не хочет такого развития событий. Всё, что мне нужно,— это распоряжение гертадинам оповещать представителей Братства о необычной активности. И — никаких боевых действий. Безопасность при соблюдении этих правил мы гарантируем.

— Мне достаточно было вашего слова, Мастер,— барон Ташина, принимавший Точилинова, расплылся в приятнейшей из улыбок.

Ну ещё бы, система связи, фактически навязанная барону в свое время Семеном, начала приносить баснословные прибыли, так что милейший Ташина и должен всем сердцем любить Мастера Ацекато. «Вольды верят вам. И бароны верят»,— вспомнились слова Муритая. «Когда так получилось?» — недоумевал Семен. Но как бы то ни было, а грех не воспользоваться таким преимуществом.

Мастер Ацекато третью неделю мотался по баронствам и проводил переговоры за переговорами. Старшие Команд, бароны, гертадоны — все кто угодно, но решение должно быть претворено в жизнь. За всё это время ни одного нового портала с Земли построено не было. К сожалению, это не означало практически ничего.

— Всё в порядке? Я видел, гертадон промчался,— Муритай ждал его на выходе резиденции барона.

— Если ты про барона, то да,— Семен потер лицо.— Полное содействие нам обеспечено, они сами с Клаусом свяжутся.

— А что не в порядке? — поинтересовался торк.

— Всё остальное. Ничего у нас нет,— сообщил Семен Муритаю, на лице которого явственно проступало недоумение.— Да не смотри ты так. Не стыкуется у нас в нашем плане ничего, понимаешь?

За эти три недели Муритай стал для Точилинова чем-то вроде отдушины. Он слушал всё, что говорил Семен, и... да просто слушал и старался понять. Маги же как один ни в какую не хотели слышать сомнения, обуревавшие Семена с момента появления людей в Пестике. Они просто не понимали, чего он от них хочет. А Семен ходил, в сотый раз объяснял всем ситуацию и медленно зверел, именно потому, что сам плохо представлял, чего ему надо.

— Не понимаю,— помотал головой Муритай.— Чего нам еще надо? Вся подготовка проведена, людей встретят. Никто ни с кем воевать не будет. Полная идиллия. Чего вдруг ты начал переживать?

— Не вдруг,— поморщился Точилинов.— Переживать я начал с самого начала. А то, что мы сейчас делаем,— это просто для того, чтобы быть хоть к чему-нибудь готовыми. Перед десантом с Земли мы голые, ну как тебе еще объяснить?

— Ничего себе голые,— не согласился торк.— Кто вторжение-то отбил? А сейчас мы ещё больше готовы.

— Ничего подобного. Вторжение мы отбили только по двум причинам: боевые действия велись только в трех баронствах, и Лепесткам нужны были только мы, маги. И только в пределах трех баронств мы можем обеспечить себе безопасность, потому что это...

Он внезапно замолчал, ухватившись за какую-то мысль.

— Что? — подался вперед Муритай.

— Ничего,— покачал головой Семен.— Так, подумал кое о чем. Да... о чем говорили? Про вторжение? Так вот, Земле на фиг не нужны ни вольды, ни мы, ни вообще кто-либо. Им нужен мир, в котором можно заниматься магией и готовить своих специалистов.

И здесь мы не можем им помешать никак. Нас просто-напросто слишком мало.

— А зачем им мешать? — удивился Муритай.— Пусть себе живут где-нибудь подальше, Пестик большой. Нам что, жалко, что ли?

Они подошли к станции, возле которой располагался портал внутреннего перемещения. Семен включил активацию, прямоугольник мягкого света приглашающе засветился.

— Если они смогут ограничиться каким-нибудь одним местом, то это может частично решить проблему,— задумчиво проговорил Точилинов, входя в портал.

— Тебя ждет Сибейра,— ван Брюккен встретил его на пороге подвала кислой миной.— Не расскажешь, чего это он такой загадочный?

— Не расскажу,— мстительно расплылся в улыбке Точилинов.— Вы меня высадили единолично решения принимать, вот я и принимаю. Пока рано,— подсластил он пилюлю.— Придет время, всё расскажу, а пока давай, покажи мне кабальеро.

— А я уже здесь,— раздался с лестницы голос испанца.— Все сделано, как ты просил. Подтверждения, извини, не будет.

— И не надо,— известие привело Точилинова в прекрасное расположение духа.— Главное, что отправлено. Я со своей стороны тоже все закончил. Мне осталось теперь только переговорить с двумя баронствами — и всё.

За эти три недели Братство встало на уши, перевернулось обратно и вывернулось наизнанку. Если бы о том пресловутом вторжении было известно заранее, то подготовка, наверное, была бы очень похожей. Задача каждого вольда заключалась в одном: как можно быстрее оповестить Братство об открытии нового портала и как можно быстрее оттуда убежать. А о чем говорить с Землей, Семен уже знал. Теперь осталось только без приключений дождаться гостей.

— Так, на сегодня у меня всё. Может, кто нальет доша усталому путнику? — Он ойкнул, получив тычок в спину, и поправился: — Двум усталым путникам.

Ван Брюккен внимательно посмотрел на Точилинова, недоверчиво покачал головой, но все же сделал приглашающий жест:

— Если я не ошибаюсь, дон Антонио уже обо всем позаботился. Что будем делать дальше?

— Ждать, ждать и ждать,— Мастер Ацекато уверенно начал подниматься по лестнице.

— Семен! Семен! Семе-е-ен!!! — Голос на улице звучал так, как будто человека резали на куски.

— Куда?! — Точилинов отшатнулся от несущегося вверх по лестнице Муритая с арбалетом в руках.

— Не открывать,— торк скрылся в двери, ведущей на террасу.

— Что там? — влетев на террасу вслед за ним, поинтересовался Точилинов у объемистой задницы. Муритай перегнулся через перила, выцеливая кого-то внизу.

— Скарасси-зан!

Точилинов не знал, что именно это означает на торкване, но что это ругательство, было очевидно. Муритай развернулся, ослабляя тетиву.— Нельзя же так орать. Я уж невесть что подумал.

— Семе-е-н! — надрывался внизу голос.

— Кто там?

— Борис,— раздраженно ответил торк.— Чего он орет как резаный? Опять вторжение?

— Что случилось? — Точилинов открыл дверь, за которой, похоже, уже кончался Уваров.

— Семен, скорее, там... в штабе,— он перевел дух.— Тебе лучше на это посмотреть.

— Что происходит, почему такой пожар? — громко поинтересовался Точилинов, влетев в подвал, где находился центральный портал Братства. Маги, стоящие кругом, расступились, давая возможность рассмотреть происходящее.

Дорога до штаб-квартиры заняла три минуты бегом. Борис категорически мотал головой на все расспросы. Уже по его лицу можно было понять, что ничего хорошего Точилинова там не ждало, но такого он не ожидал...

— Что это? — повторил вопрос Семен, подходя поближе.

— Труп,— коротко ответил ван Брюккен.

Молодой парень, почти мальчишка, лежал на спине в подвале Братства, в двух шагах от выхода из портала. Можно было и не проверять, и так видно было, что он мертв, но Семен нагнулся и потрогал вену на шее. Кожа отозвалась холодом.

— Кто это? — Глупее вопроса придумать было сложно, но и ситуация была из ряда вон выходящая.

— Кто ж его знает,— пожал плечами Гарри, как доктор стоящий ближе всех к трупу.— Мертв уже часа два.

— Когда нашли?

— Минут десять назад, и сразу за тобой Борис и побежал.

Маги столпились в подвале. На лицах Семен увидел целую гамму чувств от совершенно идиотского любопытства до брезгливости и страха.

— Кто и когда заходил сюда последним?

В страшные моменты нельзя давать людям возможность самим переваривать увиденное, они себе напридумывают черт-те что. Пусть пройдет время, накопится информация, мозг разложит по полочкам увиденное, сравнит с имеющимся опытом. Глядишь, всё окажется не таким уж и страшным. И Семен по старой привычке начал переключать внимание и раздавать приказы.

— Я,— Сибейра поднял руку.— Часа четыре назад прошел сюда из Сусси. Все чисто было.

— Значит, пришел сам, тихо умер, информации ноль. Ну, это мы еще посмотрим,— главное, темп не терять.— Так, Клаус, двоих — проверить линии вокруг, может, осталось чего. Четверо — тело убрать. Гюнтер, сначала срисуй здесь всё и запомни, Антонио тебе в помощь. Джузеппе, Ляо Юй, проверить портал, всё ли с ним в порядке. Гарри, надо понять, отчего он умер. Потому что если это из-за портала, то...

Воздух резко кончился в схваченных спазмом легких. Ноги отнялись. Лоб покрылся испариной. По спине побежали ледяные мурашки.

— Если это из-за портала...

Больше перехваченным горлом Семен не смог выдавить ни звука. Потому что это конец. Неправильно настроенный узор перехода, убивающий на выходе... Сотни тысяч психологически правильно составленных ловушек, бродящих по Земле... Поколение редких по природе своей магов, исчезающее в мерцающем небытии межлепестковых переходов... Они сами сделали так, чтобы послание было чрезвычайно трудно перехватить и практически невозможно искоренить... Нет, не они — он, и только он... Не-е-ет...

— Семен, глянь-ка сюда,— Гарри, как настоящий профессиональный судмедэксперт, уже натянул невесть откуда взявшиеся здесь резиновые перчатки, перевернул тело и что-то внимательно рассматривал на спине.

— Мастер, с вами все в порядке? — Кто-то участливо взял его под локоть.

Точилинов с трудом сфокусировал плывущее зрение.

— Да,— откашлялся он, подходя к Паркеру на негнущихся ногах.— Всё нормально.

— Смотри,— немного отодвинулся тот.

Из спины трупа торчала рукоять ножа.

— Его убили? — Так это не магия?! Мастер Ацекато в дополнение к приступу слабости чуть не грохнулся в обморок прямо рядом с телом незадачливого путешественника. Теперь уже от облегчения.— Ножом?

— Скорее всего, да,— Гарри тронул пальцем рукоять, помял тело возле раны, аккуратно повернул парня, прикидывая, куда вошел нож.— Сейчас не скажу точно, но очень вероятно, что удар пришелся прямо в сердце, так что парень умер сразу. Крови мало, так что смерть наступила не от кровопотери. Да, определенно, это — орудие убийства.

— Твою в душу ни маму,— одним звуком выдохнул Семен.— Ты бы это, поаккуратнее, что ли.

Он зажмурился, пережидая головокружение, нельзя же так пугать... Это не он, не он, не его узор... Парня убили ножом. Их узор тут ни при чём. Ф-фух.

— Так,— поднял он голову.— Задание получили? Исполняем. Муритай, со мной. Клаус, закончите здесь всё — и поднимайся, поболтаем. Незадействованные, нечего здесь делать, давайте, освободите место. Или сейчас придумаем, чем вас занять.

Подвал быстренько рассосался — никто не хотел возиться с трупом.

Точилинов поднялся наверх, в одну из комнат, и плюхнулся в кресло, пытаясь успокоиться. Через некоторое время в комнату вошел ван Брюккен.

— Что? — резко развернулся Семен, углядев напряженное лицо голландца.

Клаус молча поднял руку, показывая нож.

— Это тот самый, которым парня убили? — поинтересовался Точилинов.

— Именно,— мрачно подтвердил ван Брюккен.— Ничего не напоминает?

— Нет,— ответил Семен.— А должен?

— Это нож аталь,— прокомментировал сбоку Муритай.— Стрелки с такими ходят. Метательный.

Семен замолчал. Молчал он долго. Ван Брюккен прошел в комнату, положил нож на стол, так, чтобы всем было хорошо видно, и устроился в кресле напротив Точилинова.

— Мысли? — поинтересовался он.

— Никаких пока,— Семен сидел погруженный в себя.— Что телепортисты?

— Первичный осмотр закончен. Все собрались, ждут нас.

— Пошли,— Точилинов тяжело выбрался из кресла.

— Парень однозначно пришел с Земли,— докладывал Се Ляо Юй.— Портал четко выстроен из линий Огненного Лепестка. Вошел в портал он тоже сам, его не вбрасывали — закрытие линий идентично открытию. Это всё, что удалось узнать. При общей плохой картине, хочу отметить безусловный плюс: портал построен на принципах, изложенных в послании, которое мы отправляли на Землю через дона Антонио. Всё работает.

Он отвесил по легкому поклону Семену, Строцци, Сибейре и еще нескольким магам. Собравшиеся маги негромко загудели. Ещё бы, получить подтверждение состоятельности своих идей всегда дорогого стоит.

— Ещё минуту, пожалуйста. Непонятно, является это следствием нашей формулы или нет, но узор портала был закреплен на одном человеке — на нём. Поэтому после его смерти узор исчез,— поднял руку вверх китаец,— переход построен на других принципах, нежели портал, с которым столкнулся Мастер Ацекато. Этот не натягивает на себя незакрепленные порталы, как земной, так что еще гостей ждать не приходится. Это так, к слову, дальше расскажет Капитан Америка.

Гарри поднялся и оглядел весь зал:

— Рассказывать, собственно, нечего. Парень погиб от удара ножом в спину. Не очень понятно, бросили нож или воткнули рукой, но удар был достаточно силён. Смерть наступила мгновенно. То есть парень находился в этот момент в створе портала, иначе он не смог бы попасть внутрь, Ляо Юй сказал, почему. Нож, предположительно, является метательным ножом Стрелков аталь. При себе у парня не было ни документов, ни денег — вообще практически ничего. Одежда и крест на шее. Крест — католический. Как он строил портал и пускался в путь, не имея практически ничего при себе,— непонятно. У меня всё, спасибо.

Паркер сел.

— Какие идеи появились...— Семен начал говорить, но закончить ему не удалось.

— Офшо передает. Сообщение из Сусси. Есть открытие портала из Огненного Лепестка,— крикнули от двери.

Зал мгновенно зашумел, наполнился возгласами, маги вскочили со своих мест.

— Сидеть! — перекрикивая гам, повысил голос Точилинов.— Никто никуда не идёт. К ним выхожу я, со мной Борис, Ляо Юй. Вася, ты здесь? — Он кивнул, увидев поднятую руку.— И Бергман. Клаус на координации, остальным ждать.

И начал пробираться на выход, совершенно не обращая внимания на возмущенные возгласы, просьбы и пожелания.

Глава 10

Яркая огненная дырка портала, как и в прошлый раз, висела в метре от земли. Оружия и людей видно не было, но никто не сомневался, что стоит только сунуться, как тут же огребешь по полной программе.

«Ничего,— усмехнулся Семен,— теперь нас так просто не возьмешь». Привычный и надежный воздушный щит закрывал группу магов, медленно приближавшихся к порталу. Четыре мага, не скрываясь, во весь рост, двигались по полю. Сзади, в неприметной складке остались Муритай с Васей. Семен настоял на этом, чтобы точно знать, что тыл у него прикрыт. Те попытались было возмутиться, но Точилинов логично объяснил, что из боевых магов есть Бергман, а махать кулаками вряд ли придется — в случае проблем Ляо Юй просто выдернет их порталом прямо из-под щита.

Горловина входа приближалась. Семен достал белую тряпку, в спешке найденную в штаб-квартире, и замахал ею над головой.

— Свои! — прокричал он.

Узор щита держал Уваров, поэтому, в отличие от щита Семена, через этот звуки проходили свободно.

— Свои,— повторил Семен, добродушно улыбаясь.— Мужики, мы с миром. Здесь полковник Точилинов, Управление Практической Магии Генштаба. Прошу генерал-майора Йенсена.

— Стоять! — Металлический голос, усиленный мегафоном, пролаял команду.

Маги остановились.

— Кто такие?

— Полковник Точилинов, Управление Практической Магии Генштаба,— терпеливо повторил Семен.— Мы не вооружены. Представьтесь, пожалуйста.

Фигура в камуфляже выросла в проеме портала, ствол автомата смотрел на магов.

— Какой полковник? Откуда вы здесь взялись и что это такое вокруг? — Интонации человека больше напоминали допрос.

— Представьтесь, пожалуйста,— снизу Семену не видно было знаков различия, но инициативу он терять не хотел.

— Повторяю вопрос, дальше церемониться не будем. Неверное движение — и открываем огонь,— камуфляж и оружие, судя по всему, придавали фигуре уверенности в своих силах. Тон человека вежливее не стал.— Откуда вы здесь взялись?

— Ты что, военный,— не выдержал Семен, все-таки Клаус был прав: статус Мастера Ацекато сильно изменил его представление о мире,— глухой? Сколько раз тебе повторять? Сначала представься, а потом Гермеса мне сюда. Все равно ты не слышишь, что я тебе говорю.

Фигура замешкалась — такого наглого аборигена ей явно не доводилось еще встречать.

— Генерал-майор Йенсен был снят с должности начальника Управления четыре года назад,— из-за спины камуфляжной фигуры выдвинулась другая, более тонкая и, кажется, более соображалистая.

Пришел черед Семена открыть рот. Гермеса нет? Гермеса?! Человека, поставившего всю школу магии в России и консультировавшего половину Европы?

— А где он? И кто вы такой? Может, все-таки представитесь?

— Капитан Шишов.— Фигура вышла вперед и превратилась в молодого парнишку. Он посмотрел на стоящих магов сверху вниз и ухмыльнулся.— Как раз Управление Практической Магии при Генштабе РФ. Теперь, может быть, вы мне расскажете, кто вы такие?

Семен набрал в грудь воздуха и медленно сосчитал до десяти:

— Полковник Точилинов. Первый заместитель начальника УПМ генерал-майора Йенсена. Сколько еще раз повторять?

— Сколько надо, столько и будете повторять,— встрял камуфляж.

Мальчишка молчал. Что, поддерживает выбранный тон разговора? Ну помолчим. Пауза затянулась, капитан не выдержал первым:

— Что ж, если вы действительно занимали должность первого заместителя начальника Управления, то по возвращении вам наверняка что-нибудь подыщут.

Бергман прыснул сзади. Борис сохранил каменное лицо, по китайцу вообще невозможно было хоть что-то сказать. А вот Семену смешно не было. Никак. Начинал сбываться проклятый выбор, предсказанный еще Теренсом при первой встрече и совсем недавно озвученный ван Брюккеном. Ну, Мастер Ацекато, что выберем? Глубоко внутри расстроенно вздохнул Семен Точилинов. Что тут выбирать? И дело даже не в изменении статуса, хотя как привыкать здесь, дома, к роли подчиненного, Семен себе плохо представлял. Его выбор сдерживал смех сзади, его выбор прятался неподалеку в неприметной складке, его выбор ждал известий в штаб-квартире, Трех Баронствах и всем Пестике. И этот выбор да-

же представить себе не мог, что Мастер Ацекато ответит как-нибудь по-другому.

— Про возвращение мы будем говорить отдельно. Не здесь и не в этой компании,— пора все-таки вспомнить, что он глава Братства. Да и понять, что на Земле-то происходит, тоже вовсе не плохо.— Кто сегодня является начальником Управления?

На лицо мальчишки наползла маска особенной значимости. Как же, секретные данные выспрашивают. Но Семен не дал ему сказать уставную глупость:

— Ты что, парень, вообще обо мне ничего не слышал?

Не то чтобы Семен Точилинов мнил о себе как о великой фигуре, но все-таки маг-то он был не совсем рядовой.

— Нет,— значимость временно ушла.— А должен был?

— Как тебе сказать,— Семен коротко задумался, а что он оставил значимого? А, точно. Ну-ка посмотрим линии, ага, вот оно.

— У тебя в правом нагрудном кармане сейчас лежит красный ромбик. Антипрослушка. Знаешь, откуда этот амулет взялся?

Парень помялся:

— Разработка УПМ.

— Чья именно разработка, знаешь? — наседал Семен.— Ты когда в Управление пришел?

— Два года назад,— автоматически ответил капитан и спохватился: — Это не имеет значения.

— Имеет,— Семен включил в голос и полковника, и мага, и Мастера Ацекато.— Что ты знаешь про Гермеса? Про Колобка? Дениса-переводчика?

На лице капитана явно отражалось непонимание.

— Сеньков, Тапин,— продолжал перечислять Семен,— Борис Уваров, Ганц, наконец.

Парнишка напрягся.

— Ганц,— Семен подхватил узнавание.— Галину Ганц знаешь?

Парень вновь замкнулся, но Точилинов седьмым чувством нашел единственно верный ответ:

— Ганц и есть начальник?! — На Точилинова вылили ушат холодной воды. Фотовспышкой сверкнуло понимание.— ГГ рулит Управлением? Эта тварь поперла Гермеса?

Ошеломленный таким напором капитан кивнул. Семен разъяренным тигром рванулся вперед.

— Стоять!!! — Камуфляж не дремал. Автоматная очередь далеко разнеслась по равнине. Пули бессильно скользнули по щиту. Камуфляж заорал: — Магия, они применяют магию!

Отверстие портала мгновенно вспыхнуло автоматными очередями. Грохот выстрелов заполнил все пространство. Но что могут сделать щиту летящие кусочки железа? Ничего. А если к ним добавить узор?

Воздушный щит, удерживаемый Борисом, содрогнулся от мощного удара. Мальчик спешил использовать открывшиеся возможности. Шутки кончились. Поединок магов в Пестике — случай из ряда вон выходящий: кому здесь воевать? Но люди, как обычно, нашли себе врага.

Семен обернулся. Так, Борис занят:

— Беня, заткни их.

Бенциану Бергману два раза повторять не надо было. Налетевший шквал вмял солдат обратно в портал. Прошло несколько секунд, и в красном жерле зародился глухой рев, заставивший вздрагивать землю. Мальчик схватился за что-то серьезное. Точилинов развернулся в другую сторону:

— Ляо Юй, там сейчас будет беда, этот балбес сам не понимает, что творит. Готовься нас выдернуть.

Китаец кивнул. Рев становился сильнее, Семен огорченно вздохнул:

— Ляо Юй, уходим.

Ничего не изменилось. Семен опять повернулся и напрягся. На китайце не было лица.

— Что?! — Видеть Ляо Юя в таком виде ему не приходилось с Зеленого Лепестка. Он почти был готов испугаться.

— Не открывается,— тихо проговорил китаец, глядя куда-то сквозь линии хальер остановившимся взглядом.— Я не могу открыть портал. Всё блокировано.

— Кем? — поразился Семен и тут понял, кем.

Рев земного портала умер, так и не выйдя никуда. Справа и слева от противостоящих магов выросли два зеленоватых столба струящегося пламени.

— Порталы,— выдохнул рядом Бергман.— Смотри.

Просьба была лишней. Точилинов и так не отрывал взгляда от светящихся колонн. Поэтому, как только внутри них обозначилось движение, он первым заметил появляющиеся фигуры. Первым, потому что знал, кого он увидит. Высокие гибкие фигуры в зеленых одеждах выскочили из открывшихся порталов, а за ними... Пышные султаны всех цветов, налобные повязки с искрящейся бахромой, скрывающие лбы. Серьги в обоих заостренных ушах. Аталь решили не оставлять людям магию: на-халь ступили на тонкий лед магической мощи Пестика.

Но выход не закончился. Квадратные фигуры глеммов, также увешанные амулетами, на мгновение закрыли светящийся проход. И торки... Ожившие деревья, покрытые вязью замысловатых татуировок, присоединились к коллегам, молча выстроившимся на траве поля, принадлежащего барону Сусси. Старшие Расы вышли на тропу войны.

Повисла оглушающая тишина. Даже птицы и насекомые, казалось, поспешили убраться с места, на котором расы Клевера собрались выяснить свои отношения. Никто не двигался.

— Мастер,— хриплый шепот Бергмана прозвучал как выстрел.— Если начнется, вы сразу на землю ложитесь, попробуем прикрыть. Может, и выйдет чего.

— Если начнется, то ни у кого ничего не выйдет,— голос Точилинова звучал так же хрипло.— Ты что, не видишь, здесь одни нахаль. Если они решат, что мы не договорились, рванет так, что атомная бомба детским пистоном покажется.

Он помолчал:

— Но все равно спасибо.

— Ничего личного, Мастер,— Бергман нашел в себе силы криво ухмыльнуться.— Должен же кто-то им потом должок вернуть. У вас лучше всех получится.

Из земного портала, зависшего между небом и землей, раздалась отборная ругань. Камуфляжная голова высунулась посмотреть что происходит, зафиксировала ситуацию и проворно юркнула обратно. Ругань стихла. Вместо камуфляжа появилось бледное лицо капитана. Семену даже стало его немного жалко: мальчишке только-только до лейтенанта дотянуть, а ему четыре звезды всунули. Хотя, если ГГ и вправду рулит в Управлении, то ничего удивительного: у нее и будут расти только такие. Забитые и пребывающие в полном и беспрекословном восхищении. Хотя, может, он и несправедлив в отношении мальчишки, перенося на него свою «любовь» к ГГ. Тут любой испугается. Шутка ли — открыл портал в новый мир и тут же нарвался на такое количество халь. Ни хрена себе сходил за хлебушком! Это ж верная смерть. В лучшем случае.

Из портала раздались щелчки неработающих затворов. Конечно, уж кто-то, а аталь хорошо усвоили необходимость блокировки огнестрельного оружия. Преимущества у ребят кончились. Все, что им осталось,— это неработающий портал и слабенький магнедоучка. Не позавидуешь. А у самих? Щит Бориса, еще недавно казавшийся таким надежным, внезапно превратился в карточный домик.

Справа наметилось движение, и всё остальное вылетело из головы мгновенно. Семен развернулся. От группы нелюдей отделился на-халь и величавым шагом направился к порталу. Следом двинулись разрисованный до самых бровей торк и пожилой глемм, так же, как и на-халь, увешанный амулетами. «Только бы Вася с Муритаем не высунулись,— не к месту промелькнула мысль,— покрошат ведь».

На-халь остановился, за его спиной замерли остальные. Мальчишка в портале сделался мертвенно-зеленым и исчез. Ну что ж, придется отвечать за всех людей одному, тем более что именно это Мастер Ацекато и делал последние несколько лет. Семен не без труда развернул плечи, поднял голову и прямо посмотрел в раскосые глаза аталь. Щит — ерунда, он не выдержит ни одного удара, но если придется умирать, то они заберут с собой всех. Во всяком случае, постараются. Чтобы убить четырех магов, одного оружия недостаточно. Придется устраивать поединок, а он не пройдет даром для халь Клевера. Их удар сметет магов Братства в один момент, но и уничтожит их самих. Семен почти видел, как плещущаяся мощь переполняет нелюдей и как они сдерживаются, чтобы не сделать ни одного неверного движения.

«Сдохнем — так вместе». И от этой мысли на душе у Семена вдруг стало так легко, что вся напряженность, охватившая его при появлении нелюдей, испарилась в один миг. Нищему пожар не страшен. «Поиграем?» Точилинов ощерился.

— Я зол-итан Исииль,— глубокий голос аталь разнесся далеко вокруг.

Ничего себе!.. Семен чуть не присвистнул. Зол-итан, наследник Ветви,— это далеко не рядовой халь. Ну что же, шансы на выживание увеличиваются. Для уничтожения наглых людишек достаточно выслать обыкновенного сильного мага, а наследник одного из правящих домов Зеленого Лепестка вряд ли прибыл сюда просто подраться.

— Со мной ириглемм Таrаррит и цзе-шаман Сухака,— Семен был не силен в иерархии торкской Шаманерии или иритана глеммов, но можно было представить, что названные чины и звания вряд ли сильно отличаются от аталь. На-халь продолжал: — Мы будем говорить с халь Огненного Лепестка.

Понимай как знаешь. Кто здесь халь Огненного Лепестка? Серо-зеленый капитан, не могущий вымолвить ни слова трясущимися губами? Семен поморщился. Право, нельзя же выказывать свой страх настолько явно. Или Мастер Ацекато, за спиной которого

явственно проступает Братство, вольдовский Совет Старших и бароны?

— Я Мастер Ацекато, глава Братства Магов Земли.

Аталь перевел взгляд на портал. Оттуда не доносилось ни звука. Молчание висело долго, очень долго. Нелюди ждали, Семен — тоже, а что оставалось?

— Капитан Шишов,— донесся, наконец, из глубины неработающего портала писк мальчишки, уразумевшего-таки, чего от него хотят.— Я не уполномочен говорить от имени правительства.

— Тебе не надо говорить, человечек,— голос аталь был ровным и величавым.— Ты будешь слушать и расскажешь своим, что ты услышал. Сегодня ты уйдешь отсюда живым.

Молчание портала казалось согласием, а с другой стороны — у них что, выбор есть?

— Пестик неприкосновенен,— на-халь немного возвысил голос, и все остальные звуки умерли.— Пестик не будет принадлежать ни Старшим Расам, ни людям. Если Огненный Лепесток откроет здесь свои базы, будет война. Мы выжжем Пестик до последнего камня. Что будет с Огненным Лепестком в этом случае — вы знаете.

Семен сделал стойку. Вряд ли мальчишка это знает. Вряд ли Земля это знает. Если уж он сам впервые об этом слышит... Для Земли эта угроза — ничто. Он демонстративно откашлялся. Пора переключать внимание на себя. Тем более что говорить с этим перепуганным цыпленком совершенно незачем. Он и половины не поймет. А вторую половину — не запомнит. И вообще, а не много ли чести для какого-то вшивого капитанишки? Шесть на-халь из разных Лепестков? Ему и одного за глаза хватит. Да и кто он такой, чтобы на Земле к его словам отнеслись серьезно? Семен замер, охваченный внезапной догадкой, а потом еще выше задрал голову и иронично посмотрел на аталь:

— Я готов выслушать ваше предложение, зол-итан Исииль. Раз уж вы все равно приехали, чтобы повидаться со мной.

Если Семен хоть что-то понимал в мимике аталь, то на-халь сейчас стало весело. Аталь чуть наклонил голову:

— Вы всё правильно поняли, Ацекато. Компетентные лица Огненного Лепестка получат предупреждение.

— Мастер Ацекато, с вашего позволения, итан,— Семен задрал голову еще выше, хотя, казалось, уже некуда, выждал небольшую паузу и поправился: — Зол-итан.

У Исииль дернулся уголок рта. «Ибо не хер»,— про себя ухмыльнулся Семен. Эта граната с выдернутой чекой у нас с тобой одна на двоих. Либо оба уйдем, либо никто. А Клаус при случае и без него справится.

— Получат? — неожиданно осознал сказанное он.— То есть это первичные переговоры?

Точилинов перевел взгляд на портал с прячущимися землянами.

— Это свидетели,— невозмутимо подтвердил на-халь.— Подтверждение вашей компетентности.

Семена подхватила горячая волна радости. Вот оно, признание Лепестков. Он ожидал его, конечно, но не таким. «А каким?» Да не все ли равно. Оно есть, и оно означает... нет, проговорить все равно надо.

— Означает ли это, что Братство Магов Земли является признанным в пределах Клевера и попытки уничтожить Братство прекращаются?

Если бы не официоз, аталь, наверное, издевательски хмыкнул бы, а так он просто проговорил ровным тоном:

— Это означает, что Лепестки рассматривают Братство как наличие людей в Пестике. Более чем достаточное наличие.

— Люди не согласятся с этой формулировкой.

Зол-итан Исииль удовлетворенно прикрыл глаза, отмечая это дистанцированное «люди»:

— Увеличение числа халь Огненного Лепестка повлечет за собой указанные последствия,— тон аталь явно показывал, что переговоры заканчиваются. Он сделал движение, чтобы повернуться и уйти.

— Стоять,— наверное, не следовало так разговаривать с на-халь, зол-итан и прочее-прочее, но Семен не мог позволить ему уйти. Земля не воспримет это предложение всерьез. Высадка будет — вне зависимости от предупреждений каких-то аталь, и тогда здесь начнется ад. А аталь уж больно уверенно говорил про связь Пестика с Землей. Что произойдет?

Зол-итан Исииль останóвился, наверное, от изумления. Пользуясь минутным замешательством, Точилинов заговорил:

— Земля не имеет представления о том, что есть Пестик. Высадка людей здесь неизбежна. Вне зависимости от вашего предупреждения и моего желания.

— Тогда готовься к войне, человечек,— угроза, прозвучавшая в голосе аталь, могла ввести в дрожь кого угодно. Из портала донесся сдавленный всхлип, хотя им-то как раз нечего сейчас бояться.

— Тогда готовься выжечь тридцать человек и всех своих соплеменников Пестика, итан,— Семену уже нечего было терять.— Вольды и бароны пойдут за мной. Пестик не твой, халь.

Точилинов сказал — и сам испугался. Вот так, в одночасье, объявить себя правителем Пестика — это, знаете ли... Это обязывает. «Значит, я им стану!» Потому что в противном случае... Нет, этого нельзя допустить. Что ж, придется взять на себя еще и эту ответственность.

— Вы загоняете крысу в угол,— Точилинов смотрел в упор в глубокие раскосые глаза. Никого больше для него не существовало. Мир сузился до размеров двух точек, от которых, может быть, зависит всё.— Не дав сохранить лицо людям, вы провоцируете их. Даже если здесь ничего ценного для них нет, то просто для того, чтобы не подчиниться вам, правительства пойдут на интервенцию. Ультиматум — это билет в один конец.

Аталь хотя бы слушал, не перебивая. Но лицо Старших Рас тоже надо сохранять. Зол-итан не может вернуться обратно с отказом — неважно, мягким или нет. Нужен компромисс, иначе всё это зря. Образ горящего Пестика опять встал у него перед глазами. И Семена осенило:

— Одна база. Люди должны иметь право открыть здесь одну базу, ограниченную по территории.

И ещё одно озарение. Право же, какая живость ума обнаруживается перед лицом неминуемой смерти.

— Братство Магов Земли выступит гарантом.

Повисла тишина. Семен сам до конца не понял, что он ляпнул, но для аталь, кажется, этого оказалось достаточно. Зол-итан Исиль повернулся, прямой как стрела:

— Я передам предложение.

Семен незаметно перевел дух. Это было больше, чем он рассчитывал. Аталь повернулся к порталу, откуда за всё это время не раздалось ни звука:

— Ты слышал нас, человечек?

Молчание.

— Капитан,— позвал Точилинов.— Объявись.

— Слышал,— хрипящий фальцет никак не походил на командирско-покровительственные нотки, звучавшие при встрече.

— Отлично,— на-халь повернулся к Точилинову: — Вас известят о принятом решении. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Он развернулся и, не дожидаясь ответа, двинулся к своему порталу.

— И я вас тоже очень люблю,— оскалился в уходящую спину Семен.

Нелюди величаво скрылись в порталах, Стрелки скользнули за ними. Зеленоватое пламя взметнулось и опало. Порталы исчезли.

— Ляо Юй,— Семен выдернул китайца из оцепенения.— Наши порталы работают?

Тот потряс головой, стряхивая с себя остатки паралича:

— Да, работают.

— Капитан,— Точилинов подошел практически вплотную к порталу землян.— Слышишь меня? Покажись.

Из портала появился Шишов. На него было больно смотреть. Тонкая шея торчала из враз обмякшего воротника, мокрые от пота волосы, бледное лицо. Интересно, а остальные так же выглядят? Если да, то измельчал УПМ, измельчал.

Точилинов вышел из-под щита, в портале никто даже не ворохнулся.

— Ты всё понял, о чем мы говорили?

— Да,— закивал головой парнишка.

— Повторить,— в Семене проснулся полковник.

— Если люди входят в Пестик, то начинается какая-то война, в результате чего Пестик будет уничтожен. Это как-то плохо повлияет на Землю. Чтобы этого не случилось, Братство Магов разрешает Земле открыть одну базу в Пестике и гарантирует нелюдям, что больше баз не будет. В этом случае нелюди не начнут войну. А что такое Пестик? — Робко поинтересовался он.

— Пестик — это вот здесь,— Точилинов обвел рукой окружающее пространство.

— А Братство?

— Братство — это мы,— очень понятно объяснил Точилинов.— Маги, оказавшиеся здесь после разгрома Экскора.

— Отступления? — вопросительно поправил его Шишов.

— Ну, можно, конечно, назвать его и так, но по мне так отступление пяти процентов личного состава при потерях остальных девяносто пяти — это разгром.

— А-а... А Мастер Ацекато — это кто?

— А это я,— жизнерадостно прочирикал Точилинов.— Глава Братства.

— Понятно,— захлопал глазами капитан.

— Ничего тебе не понятно,— вздохнул Семен.— Но это и не требуется. Старшие Расы сами донесут до кого надо. Ты тут толь-

ко так, для лишней подстраховки. Так что давай, отправляйся назад, доложись ГГ и скажи, что я жду гостей. Найти меня просто. Линии посильней скрути: мы это сразу увидим — или, если в обитаемой местности выйдете, просто попроси кого-нибудь оповестить Братство. Только не вздумайте стрелять. Здесь у вас врагов нет. Понял?

— Так точно,— вытянулся в струнку капитан, начисто забыв свои бредни о превосходстве.

— И еще одно,— остановил его Семен.— Самое важное. Передай слово в слово. Я. Буду. Говорить. Только. С Гермесом. Ни ГГ, ни правительственная комиссия пусть даже не думают здесь появляться. Всё равно никто ничего не поймет. И последнее. Крепко запомни, мальчик.

Семен глубоко вдохнул. Чтобы продолжить, ему потребовалось всё его мужество. Он бы зажмурился, но это смажет весь эффект.

— Если мы не договоримся с Землей,— Семен вдохнул ещё глубже,— я сохраню нейтралитет. А при плохом раскладе — выступлю на стороне Старших Рас. Рисковать Пестиком я не буду.

Вот и всё. Слово сказано, назад уже не отыграть. Теперь даже если тут же откреститься, то всё равно все запомнят, что ты не свой. Ну, мальчик, покажи свое презрение.

Против ожиданий, капитан не отреагировал никак. Мало того, он стал по стойке «смирно» и отдал честь.

— Есть, товарищ полковник. Разрешите идти?

— Идите,— Семена разобрал вдруг смех.— И передайте там, чтобы долго не тянули с ответом.

Шишов повернулся кругом и чуть ли не строевым шагом отправился в портал. Глухой рёв раздался практически сразу, земля задрожала. С оглушительным треском, как и в прошлый раз, портал исчез. И наступила тишина. Ничего не осталось вокруг, и только примятая трава еще говорила о том, что на этом поле чуть было не повернулась судьба всего Клевера. Или, наоборот, повернулась?

— Круто, Мастер,— Бергман, как и положено боевому магу, первым отошел от шока.

— Да уж, Сема,— Борис выглядел слегка потрясенным.— Если кто чего и ожидал, то уж точно не такого, но ты молодец. Сильно ты их всех.

— Мастер! — Муритай летел по полю, не разбирая дороги.— Мастер, что это было?

— Ваще, обалдеть,— Вася не сильно от него отставал.

Маги окружили Семена, что-то говоря, поздравляя, доказывая. Семен вертелся в этом круговороте, как щепка, автоматически отвечал на вопросы, смущенно отшучивался в ответ на поздравления, а у самого в голове крутилась только одна мысль.

Никто даже не заикнулся о том, что Семен взял на себя смелость говорить от имени Пестика, фактически присвоив себе статус правителя. «Для них это очевидно,— озарило Семена.— Кто еще мне не намекнул, что я тут и так почти главный?» Открытие это его поразило. Но у правителя должно быть хоть что-то, чем он правит. Весь Пестик — это очень... обтекаемо. Значит... Значит, надо это «что-то» создать. Точилинов чуть не расхохотался. Сначала обозвал себя царем, а теперь придумываешь себе царство? И тут вдруг как молния ударила. Нет, не придумываешь и не делаешь. Его нужно просто упорядочить!

Глава 11

— А с чего это вы решили, что я буду подчиняться кому бы то ни было? — Дон Антонио подскочил со своего места, пылая праведным негодованием.— В гробу я видел всю нашу организацию, на самый-то край. Я сам себе голова и вполне могу позаботиться о своей, и вашей кстати, безопасности. А Земле я ничего не должен. Пусть сами расхлебывают ту кашу, которую заварили. Братство — это одно, а вассалитет — это другое.

Точилинов, как медведь, развернулся в сторону испанца, готовый прибить склочного коллегу. Какая муха укусила Сибейру, Семен в упор не понимал. Дон Антонио ни с того ни с сего уже час сеял смуту и выискивал слабые места в идее организации, предложенной Семеном. А поскольку идея была лишь проектом, то слабых мест там было не счесть, и горячему кабальеро было где развернуться. Семен уже открыл рот для отповеди, но его опередил Бергман, после встречи с землянами почти влюбившийся в Семена.

— Уважаемый дон Антонио, хочу напомнить, что Мастер Ацекато предложил вовсе не вассальную присягу и средневековую монархию. Идея Директории заключается именно в доброй воле. Это

государство, создаваемое единомышленниками. Никого насильно туда не гонят. Мало того, на этой встрече тоже совершенно необязательно присутствовать. Нас всех сюда пригласили, и у каждого было право отказаться. Но если ты уж пришел, то, как минимум, нужно уважать хозяина. А по сути вопроса ясно следующее: если маги решат создать Директорию, то она будет создана. В неё войдут только те, кто захочет согласиться с её устройством. Все остальные вольны поступать по собственному усмотрению. Мало того, если впоследствии кто-либо из тех, кто не захотел присоединиться, всё же решит составить нам компанию, он будет принят с распростёртыми объятиями. Мы свободные люди, живущие в свободном мире. Каждый сам решает, что для него лучше. Идея Мастера — это всего лишь предложение. Ты просто можешь его не принимать.

— Но вы собираетесь закрыть свою территорию для посторонних.

— Не вы, а мы, и не закрыть, а всего лишь обозначить границы суверенного государства, внутри которых будут действовать законы, принятые нами сообща.

— А с чего вы взяли, что я буду им подчиняться?

— А с того,— вступил Точилинов,— что это законы, действующие на территории суверенного государства, как я уже говорил. Ты ведь в своём Даране, например, не пытаешься идти против оглашённых правил? Нет. Потому что баронство Даран — суверенное государство.

— Пример, положим, неудачный, потому что в Даране мне никто не указ, да и в любом другом баронстве тоже.

— А вот тут два момента: первый — это лишь потому, что милейший Марисси не может обеспечить должного уважения к своим правилам, а мы сможем, ты ведь в этом не сомневаешься, так? — Дон Антонио с натугой кивнул.— И второй: друг мой, а тебе не кажется, что ты немного перебираешь со своей магической вольницей? Пока еще твоя молодецкая удаль вызывает интерес как экзотика, но не исключено, что со временем твои магические эксперименты и твой образ жизни начнут вызывать раздражение. А там и до противостояния недалеко. А мы в баронствах всего лишь гости, и, помимо чисто морального аспекта — нехорошо ставить вольдов ниже себя,— есть еще другое соображение. Это просто небезопасно. Вольды смогли доказать всему Клеверу свое право на независимость. И вести себя в баронствах как твоя левая пятка пожелает нельзя. В моем же предложении как раз и содержится идея создания такого места,

где ты можешь вести себя как пожелаешь. Хоть я и руководствовался другими мотивами.

— То есть если я захочу завести себе гарем из атали, то я буду иметь право это сделать? — Сибейра прищурился. Видно, слухи о его пристрастиях оказались не совсем слухами.

— То есть если ты сможешь уговорить атали жить у тебя в гареме, то у тебя будет гарем. Никакого крепостного права и рабовладения.

— А чем тогда Директория будет отличаться от баронств?

— А ты попробуй завести себе хотя бы добровольный гарем в баронствах. Кто к тебе завтра придет?

Вопрос был действительно не в бровь, а в глаз. Отношения полов у вольдов строились на принципах полнейшего равноправия. Вольд есть вольд, вне зависимости от того, что у него в штанах. И те же гаремы, являющиеся нормой у торков, в Пестике были не приняты. К владельцу такого гарема вполне могли заявиться пара десятков женщин-вольдов, чтобы объяснить ему пагубность выбранного порочного пути. Конечно, магу ничего не стоит разобраться с ними, но это уже война. Жизнь вольда неприкосновенна. Убить вольда можно только по решению Суда Команды или в поединке в соответствии со строгими правилами Условий Чести. Война не в счет. Применение боевых заклинаний против вольдов в Условиях Чести не значилось.

— А в Директории, законы которой будут оглашены по всему Пестику, ты можешь поступать как захочешь в рамках Конституции. В этом отличие Директории от баронств. Там — неписаные правила вольдов, здесь — писаные законы магов. Законы, которые мы сами установим.

— Подождите, так мы можем прописать, что за пьянство положена смертная казнь. Гюнтер вон очень это дело не одобряет.

— Надо будет — и пропишем. Другое дело, что при составлении законов надо будет учитывать пожелания вольдов: мы не можем оскорблять соседей. Но наши жизненные принципы будут доминировать в любом случае. Мы затем государство и строим. Ты подумай, Антонио, тебя силком никто никуда не тянет.

— Я подумаю,— пообещал испанец.— А на черта я вам вообще сдался? Сами бы собрались, порешали — да и живите как хотите. Мне Братства вполне достаточно.

Точилинов, если честно, совершенно не ожидал такой реакции. И уж от кого, от кого, но от Сибейры он точно отповеди не ждал.

Он что, просто оппонентом выступает, чтобы не было навязанного единогласия? Да, некоторая часть магов, очень небольшая, оказалась не совсем готовой переходить на новую форму жизненного порядка. Семен про себя даже хихикнул, очень это походило на флирт: в постели покувыркаться, в смысле в Братстве,— это пожалуйста, даже драться за всех готовы, а как пришло время оформлять взаимоотношения на бумаге — тут уж извините. Но это касалось всего-то трех-четырех человек, и то, как подозревал Точилинов, выделывались они больше для порядка. Но Антонио-то здесь каким боком?

Почему-то на выходе мысль про флирт оказалась очень обидной — как будто это его лично замуж не брали. Семен даже потряс немного головой, отгоняя этот бред, а потом собрался и очень серьезным взглядом обвел всех собравшихся.

— Нам сдался каждый из нас. Я предлагаю создать государство человеческих магов. Место, где люди всегда найдут поддержку и опору, вне зависимости от ситуации в Пестике. Нас и так всего тридцать, и мне дорог каждый из вас, пришедших со мной сюда, каким бы склочником он ни был,— Точилинов дружески улыбнулся Антонио.— И при формировании идеи государства я хочу учитывать интересы всех. А то мы тут соберемся, скажем, впятером, придумаем что-либо, а потом ты решишь присоединиться. И что? Либо ломать под тебя систему, либо тебя под нее затягивать. В любом случае кто-то да останется обиженным. А так будем жить по тем законам, с которыми каждый согласился.

— А если мы договоримся об этих пресловутых гаремах, например, а мне у себя это совершенно не нужно? — поинтересовался ван Брюккен.

Семен неодобрительно покосился на него: тебе-то что эта гаремная тематика? Еще не хватало...

— Клаус, ты вроде взрослый человек... Право не есть обязанность. Нет желания вешать на себя эту обузу — сиди себе спокойненько, препарируй Тварей, которые тебе вольды за деньги таскать будут, но твои подданные, если захотят, будут иметь возможность завести себе что угодно, хоть гарем, хоть футбольную команду, если это разрешено.

— А вот насчет «совершенно не нужно», это ты поторопился, Клаус,— подал голос дон Антонио.— Ты раньше времени не открещивайся, это, знаешь ли, очень специфическая вещь, я тебе скажу. Попробуй — глядишь, втянешься.

— Так ты что, все-таки свою идею в жизнь претворил? Ну ты красавец!..— Капитан Америка не преминул прокомментировать любимую тему.

— Уважаемый дон Антонио, а у вас там только аталь или торквани тоже есть? — Муритай, до этого молчавший как рыба, неожиданно проявил неподдельный интерес.— Я из чисто практических соображений спрашиваю,— пояснил он, ловя недоуменные и настороженные взгляды.— Я, помнится, пытался проделать нечто подобное. Не получилось.

Торк погладил скулу. Маги понимающе заулыбались.

— После встречи задержись, я дам все необходимые комментарии,— дон Антонио явно обрадовался появлению единомышленника среди вольдов.

Люди оживились, посыпались игривые предложения и предположения.

— Кончай базар,— Точилинов звучно хлопнул в ладоши,— свое либидо можете чесать в другом месте. Здесь мы собрались совершенно не за этим. И клянусь, если еще кто-нибудь устроит развлекушку на половую тему, я вместо Конституции пропишу устав мужского монастыря.

Народ попритих. Се Ляо Юй довольно улыбнулся сам себе, вспоминая недавно состоявшийся разговор между ним, ван Брюкеном и самим Семеном: «Какой я старший, какой я старший?» А вот какой. Из всех собравшихся никто, кроме уже упоминавшихся трех-четырех человек, не усомнился в праве Точилинова главенствовать. После той встречи с землянами и халь Семен очень долго переживал, как отнесутся к его заявлению вольды, бароны и, главное, маги. У него чуть комплекс вины на этой почве не развился. А оказалось все до неприличия просто. Все, *все*, кому объявляли результаты «переговоров», как один поддерживали позицию Мастера Ацекато. Мало того, половина тут же вызвалась помочь. Колеблющиеся не в счет, все равно они все здесь — сидят, слушают. Бароны, правда, осторожно отнеслись к идее уйти под чью-то руку, но Семен клятвенно пообещал оставить их в покое. По мнению Ляо Юя, он просто не захотел вешать себе на шею ещё и баронства. И теперь очень удачно претворял в жизнь своё обещание. «Ну и кто тут говорил, что он не правитель? Вот вам и Директор готовый»,— удовлетворенно подумал китаец. Но Семен удивил всех:

— Итак, далее по сути государственного устройства. Братство Магов не будет управлять Директорией. Формально, я

имею в виду,— пояснил он, глядя на ошарашенные лица собравшихся.

— Это как? — непонимающе выдохнул дон Антонио, только что внутренне смирившийся с идеей государственного насилия.

— Это так,— Семен прищурился,— ты, может, хочешь лично заниматься сбором налогов или ведать вопросами сельского хозяйства? Я, например, нет. Председательствовать на наших собраниях — еще куда ни шло, но от управления государственной машиной меня увольте. Впрочем, если кто-нибудь желает — пожалуйста.

Желающих не нашлось.

— Так я продолжу? Спасибо,— дожидаться реакции окружающих Точилинов даже не стал.— Директорией будет управлять, естественно, Директор. Это будет именно управленец, менеджер, если хотите. Вся административная власть будет у него. Но назначаться он будет всеми нами вместе. Наместники ваших провинций будут назначаться им же по согласованию с магом — хозяином провинции. Ваши пожелания, естественно, будут приоритетными. И вообще, в своих провинциях делайте что хотите в рамках Конституции.

— Конфедерация, короче,— встрял Капитан Америка, довольно улыбаясь.

— Хрен тебе, а не конфедерация, ты уж извини,— Семен не сдержался.— Приказам из прим-провинции будешь подчиняться как миленький. Не устраивает — добро пожаловать в баронства.

— Это я буду подчиняться приказам какого-то менеджера? — Возмущению американца не было предела.

— Это ты будешь подчиняться приказам за моей подписью, а я, в свою очередь, буду решать, что и как делать, по согласованию с вами. А распоряжения Директора будут касаться только Наместников в части, не относящейся к магической деятельности. Деятельность Братства — вещь сама в себе. Это мы келейно будем решать, что и как. Всё понятно?

Гарри кивнул.

— А как территориально ты планируешь устроить это равноправие? — подал голос Борис.

— Тут всё просто,— Семен развернул схематический рисунок.— От баронств стрежнем отходит прим-провинция. Перпендикулярно ей присоединяются в равных долях все остальные провинции, по пятнадцать штук с каждой стороны. Таким образом,

буде у кого возникнет желание расширяться — всегда будет куда расти. А если появится новый член Братства, просто удлиняется прим-провинция и нарезается новая доля — с той стороны ведь ничего нет. Иди куда хочешь.

— Ты рассматриваешь возможность расширения Братства? И кто же на примете?

— Нет никого на примете, но жизнь штука длинная и непредсказуемая. Может, мы и останемся в прежнем составе, а может, появится маг, достойный принятия в Братство. Так что лучше иметь запасной вариант.

— Семен,— подал голос Джузеппе,— слушай, а ты ведь уже присмотрел кандидатуру Директора, так? Уважаемый Муритай здесь присутствует не просто как наблюдатель?

— Спасите, Несуществующие! — Муритай вздрогнул и с подозрением посмотрел на Точилинова: — Мастер, вы ведь не хотите сделать мне такую гадость, правда, Мастер?

— Нет, конечно,— успокоил торка Семен.— Не дождетесь, Муритая я вам не отдам, ещё чего захотели. Он здесь присутствует как представитель и консультант от вольдов. Если у кого-нибудь возникнут вопросы по тому, как соотносится моя идея государственности с правилами жизни вольдов, то это к нему. А что касается кандидатуры Директора, то вы и сами бы додумались, будь у вас время. Попробуем. Ну же, Джузи, твои предположения.

— Я двести раз просил,— завелся итальянец,— не называйте меня Джузи.

— Извини, но ты так забавно каждый раз кипятишься. Легче, приятель, легче. Какая разница, как тебя называют, главное, что ты из себя представляешь. Муритай вон до сих пор кривится, когда мой «псевдоним» слышит.

— Ты можешь себя хоть Королем Педерастов называть, твое дело, а меня зови, пожалуйста, моим нормальным именем. Я, знаешь ли, им очень дорожу.

— Джузеппе, ты поменьше выставляй свои пристрастия на всеобщее обозрение,— заметил Борис.— Люди — они жестокие, обязательно ударят туда, где больнее. Какой-нибудь баран да найдется. А вольды вообще большие проказники. Ты, кстати, знаешь, как они тебя зовут?

— Вряд ли кто-нибудь из них осмелится сказать мне...

— Слушай, Чиполлино,— дону Антонио до далекой звезды все церемонии,— сядь, пожалуйста, и давай про Директора все-таки поговорим. Вдруг чего интересного еще услышим.

Семен подавился раскуриваемой сигаретой, сдерживая рвущийся хохот. Судя по эпидемии кашля вокруг, этим занимались практически все маги.

Пунцовый итальянец медленно поднимался со своего места, соображая, что сначала сделать — удавить поганца Антонио или сразу идти с вольдами разбираться.

— Сядь, Джузеппе,— Точилинов справился-таки с хохотом. И только подозрительно блестящие глаза выдавали внутренний настрой.— Если прозвали — так уже всё. И чем больше будешь бегать с воплями: «Я Джузеппе, Джузеппе, а никакой не Чиполлино»,— тем больше будут убеждаться, что прозвище настоящее.

— И действительно, дотторе,— дон Антонио все же решил не доводить до края,— тебе не все равно, как тебя вольды будут называть? По мне так это еще не самый плохой вариант. Меня вон «Дон Пенис» прозвали, и ничего, жив, как видишь.

По собранию прокатились смешки.

— Я еще выясню, кто это умный познакомил их с этой сказочкой,— Строцци внимательно посмотрел на испанца, не издевается ли, и медленно сел, уйдя в себя для обдумывания ситуации. Правда, качественно пострадать ему не дали.

— Так вот, о кандидатуре Директора,— Семен повысил голос, и смешки утихли.— Не буду заставлять вас ждать, а то еще до чего-нибудь столь же веселого, но бесполезного додумаетесь. Сядь, Джузеппе, достал уже, правда. Я предлагаю, естественно, Агатьева. Во-первых, наш человек, во-вторых, он так и не нашел себя у вольдов, остальные давно по Командам разбежались, трудятся; и в-третьих — для становления Директории лучше всего подойдет военный человек. Структуру надо будет выставлять очень и очень жёстко. Есть у кого возражения?

— А он уже в курсе, куда его прочат? — спросил китаец.

— В общих чертах. Я его просветил про Директорию, но без задач и полномочий.

— И как?

— Естественно, он не против. С чего бы? Правитель государства, часто вы такие предложения слышите?

— Подарок-то ведьмин,— задумчиво протянул Капитан Америка,— тут работы всего ничего — начать и кончить. Про создание государства мы все знаем, что у него есть флаг, герб, гимн и бюджет, а как оно на практике получится, это ещё вопро-о-с.

— Заодно и поучимся,— Семен был непреклонен.— Под лежачим камнем пива не очень много. Если ничего не делать, то ничего

и не будет. Я потому и говорю, что нужен военный. Это мы озадачимся проблемой — и давай сомневаться и контрдоводы приводить. А он получил приказ — и вперед, выполнять. Директор наш будущий уже голову ломает, как контрразведку налаживать, где людей брать, деньги и т. д. и т. п.

— А кстати,— поинтересовался Джузеппе,— а где, правда, людей брать знающих?

Семен большим пальцем показал за спину:

— Земля-матушка, там талантов немерено. Выбирай и предлагай. Раз они теперь у нас будут пастись, то, я думаю, вопрос путей перехода на Землю снимется сам собой. Я полагаю, многие согласятся. Это раз. Еще баронства. Там же не все вольды, по лесам скачущие, и вопрос перенаселения кое-где стоит очень остро. Я вообще полагаю, что вопрос кадров больше технический, нежели принципиальный.

— А как будем решать, кого и как приглашать? И самое главное — кто будет решать?

— Я предполагал, что для прим-провинции и для госаппарата людей будет утверждать Директор. Для провинций — Наместники. В свои личные службы набирайте кого хотите. А основные должности будем все вместе прописывать. А насчет «как», отвечаю — сами взяли и подумали, как с Земли народ переманивать. Кроме нас, некому. Но там не много работы. Только основные посты занять. Потому что если мы устроим массовую иммиграцию, то столько получим нелегалов от всех разведок — подумать страшно. И помимо этого надо учитывать, что брать мы будем далеко не последних: можем столкнуться с активным противодействием правительств. Не в нашем теперешнем состоянии затевать противостояние с системой или с системами. Каждый ответственный за свое направление будет искать соответствующих специалистов.

— А нелюди? — поинтересовался Гюнтер.

— Старшие Расы,— поправил Семен.

— Извини, Муритай.

Торк махнул рукой: ничего, мол, всё нормально.

— А что Старшие Расы? Страна открыта, жить в ней может каждый, вольд ты — не вольд, пожалуйста. Но занимать руководящие посты выше определенного уровня могут только люди. И Магами провинций могут быть только они. Это не дискриминация, это основная идея Директории. В противном случае, как я уже говорил, смысла затевать отдельное государство нет.

— А как на это отреагируют вольды?

Все посмотрели на Муритая. Точилинов кивком дал слово торку.

— Я полагаю, что вольды не отреагируют никак. Ну еще одно баронство из тридцати частей. Ну хочет хозяин иметь в управляющих только людей. Так это любой барон может делать. Одному нравятся торки, другому — глеммы, третьему — аталь. Их право. Только не надо об этом кричать на каждом углу и тыкать всем в нос, чтобы все сохранили лицо. Вот и всё.

— Ещё вопросы? — Семен оглядел собравшихся.— Что ж, приступим к распределению сфер ответственности?

И внутренне облегченно вздохнул. Работы еще непочатый край и много-много маленьких тележек, но главное сделано. ДИРЕКТОРИЯ СУЩЕСТВУЕТ.

Эпилог

— Слушай, а здесь всегда будет так холодно? — Агатьев поплотнее запахнул меховую парку, которой его снабдили перед переходом. Прыжок *под-путями* — штука очень полезная, но вот так запросто попасть из теплого лета в лютую зиму — это все-таки непросто пережить.

— Здесь — да, а там — нет. Что ж ты думаешь, я совсем с ума сошел, в таком месте город закладывать? Нам во-он туда,— Мастер Ацекато указал пальцем вниз, в долину, которую было прекрасно видно со скалы, куда их вынесло после прыжка.

— А почему нам было сразу туда и не прыгнуть?

Ацекато усмехнулся:

— Так мы туда и прыгнули,— и рассмеялся, глядя на ничего не понимающего Агатьева.— Не смотри на меня так, это не ребята напутали, просто Улитарт к себе через под-пути никого не пускает. Я знал, где строиться будем. Абы что не предложил бы.

Долина Тысячи Радуг, как называли ее местные, привлекла к себе внимание Мастера Ацекато практически сразу, как только он её увидел. А посмотреть было на что. Такое скопище поверий, феноменов, аномалий и суеверий в одном месте было чересчур даже для щедрого на магию Пестика. Начиная с того, что, как уже говорилось, в Долину невозможно было попасть обычными для магов под-путями, продолжая неимоверным переплетением линий хальер и заканчивая абсолютно диким нагромождением параллельных пространств, которые лепились к Долине как шарики раскрошенного пенопласта к ладони. Эти пространства то появлялись, то ис-

чезали, с тем чтобы появиться вновь в совершенно ином виде, то сливались друг с другом, периодически рождая новые микровселенные. Ацекато был очарован с первых же секунд. Местные долго отговаривали непонятливого мага от попыток наведаться в Долину, но кто ему, главе Братства Магов Земли, в Пестике, да и во всем Клевере, указ? А когда он, восхищенный и очарованный, замер посереди неописуемо прекрасного уголка гор, внутри мага проснулся прагматик и администратор, железной рукой ведущий новое государство к процветанию.

— Какая разница,— Агатьеву категорически не нравилась идея культурного центра в эдакой глуши, и он продолжал ворчать, несмотря на практически единодушную поддержку идеи всеми членами Братства,— какая разница, где организовывать Университет? Что, поближе не сделать было? Чем плох Ацет, к примеру?

— Саша,— Точилинову до смерти надоело уговаривать строптивого Директора, но он продолжал считать, что такое дело надо делать исключительно горя душой. Поэтому и продолжал уговаривать: — Ты не понимаешь, о чем говоришь. Ты не маг, и не можешь чувствовать, что это за место. Оно живое, понимаешь, живое. Ты ж не просто так не можешь туда попасть под-путями. А хочешь, я тебе скажу, что некоторых оно к себе пропускает?

— И чего? — искренне не понял Агатьев. Он работал с цифрами, таблицами, графиками и госаппаратом, ему все эти магические фанаберии были где-то далеко-далеко.

— Да ничего. Оно пропускает только тех, кто ему понравится, понимаешь?

— Нет,— искренне округлил глаза Агатьев.

— Только чистый душой человек, маг с эдакой сумасшедшинкой внутри, может сам попасть сюда. Попасть для того, чтобы творить здесь. Творить, понимаешь, парить душой и придумывать то, от чего весь мир будет заходиться в восторге. Ну где я ещё возьму такой фильтр и парник одновременно? Где я буду учеников себе искать, наконец?

А вопрос с учениками, да и просто с новыми магами, стоял очень остро. Если инженеров, военных, управленцев, и прочих, и прочих на Земле было пруд пруди — тут идея Ацекато сработала на все сто процентов,— то с магами было значительно труднее. Учебных заведений, выпускающих магов, на Земле, естественно, не водилось, а тех немногих, кто смог проявить себя, тут же забирали под крыло спецслужбы и армия — противостояние Лепестков становилось всё острее и острее. Как искать скрытые таланты фактически на другой планете — это была задача из задач. Да, вре-

мя от времени находились самородки, которые каким-то непостижимым образом узнавали о существовании Братства. Послание Мастера Ацекато всё ещё бродило по Земле, хотя информация о нем секретилась по определению — еще не хватало делиться с какими-то отщепенцами. И вот этим самородкам приходилось сначала понимать, с чем придется иметь дело, а потом ещё и самим пробираться в Пестик. Послание, составленное Братством, еще нужно было найти, в него еще нужно было поверить. В общем, магов катастрофически не хватало. Хотя во всем этом был один несомненный плюс: если уж такой кадр добирался до Братства, то его практически сразу можно было записывать в мастера и пускать в дело — человек, прошедший подобный путь, гарантированно был способен на многое. Если только его к тебе не подослали. Но это уж был совершенно другой разговор и абсолютно чужие проблемы, никаким боком Мастера Ацекато не касающиеся.

Одна их таких жемчужин как раз и поджидала Мастера с Директором на перевале, ведущем в долину. Высокий, нескладно худой человек сидел на камне и любовался видом, открывающимся сверху. Долина действительно была прекрасна. Не только как оазис среди вечных снегов и ветров. Было в ней нечто, заставляющее остановиться и попробовать понять: что же тут такое? Что заставило меня приглядываться, ловя вдали смутные очертания чего-то далекого и прекрасного? Интересно: каждый видел что-то свое, такое, о чём не хотелось даже рассказывать. Вид внизу не портила даже грандиозная стройка, развернутая прямо на скальных уступах, спускающихся с гор.

— Познакомься,— Мастер Ацекато не стал дожидаться приветствия, он просто подвел Агатьева к сидящему и начал говорить тому в спину.— Тот самый Шаман, о котором столько сплетничали. Единственный на моей практике человек, который сумел пробиться к нам, используя узор, написанный в виде компьютерной программы. Чего он туда намешал ещё, сам толком объяснить не может, да это, собственно, и не важно.

— Как это не важно? — Шаман развернулся и с улыбкой протянул руку для приветствия.— Я уже его обратно воссоздал, узор этот. Всё как было сделал. Вот только он не работает ни хрена. Одноразовый оказался.

Бывают люди, похожие на каких то животных. К одному присмотришься — ну вылитый баран, другая — ну обезьяна обезьяной... Пудели, орлы... Свиньи, наконец. Шаман производил полное впечатление внебрачного сына какого-нибудь сенбернара. И так нелепо смотрелось это лицо с грустными глазами под нави-

сающими веками в сочетании с длинной палкой, по недосмотру называющейся телом, что Агатьев аж растерялся. Шаман, видно, давно привык к такой реакции, потому что даже глазом не моргнул на растерянного Директора, а продолжал рассказывать:

— Как только я ни бился, не работает — и всё тут. Не хочет он меня отпускать,— он кивнул головой в сторону стройки.

— А почему именно на скалах строите? Ближе к центру не удобнее ли было? — поинтересовался опомнившийся Агатьев.— А то он как-то на притычине получается, город этот.

— Улитарт,— взгляд Шамана ушел куда-то вовне, а голос странно зазвенел.— Он называется Улитарт. Он сам так решил.

Маг моргнул, возвращаясь к нормальной жизни, и опять ехидно улыбнулся, видно было, что ехидство — это его обычное состояние.

— Хотя имен уже появилось много. Последняя версия — Город Безумных Магов, местные дали,— он хихикнул.— Что-то умное в копчике мне подсказывает, что так и останется. Вы, Мастер, не смейтесь, лучше гляньте, кого вынесло на этот раз,— мигом согласитесь.

— Ну, если уж *ты* говоришь про сумасшедших, тогда я действительно поверю. Хотя воображение мне отказывает.

Агатьев с некоторым удивлением взглянул на Ацекато. Властный и прагматичный лидер куда-то делся, оставив того самого Точилинова, образца выхода из Зеленого Лепестка. Нравилось ему тут.

«Может, правда, волшебное место?» — заинтересованно подумал Агатьев, наблюдая за превращением Мастера Ацекато в шкодливого мальчишку, радующегося каждой минуте.

— Ну пошли, расскажешь нам, как успехи, а заодно доложишься пану Директору,— улыбающийся Семен подтолкнул обоих к дороге вниз, в долину,— как у тебя с материальным аспектом тут обстоит. Зуб даю, про доставку кофе, например, ты ни разу не подумал.

— Э-э-э,— дурашливый сенбернар закатил глаза и задумчиво взлохматил волосы: — А надо было?

— А вот скажи-ка мне, солнце мое,— Семен удобно развалился в хлипком кресле, стоящем посреди захламленной донельзя штаб-квартире Шамана,— как ты собираешься здесь порядок поддерживать?

Все вопросы были заданы, ответы получены, и даже Агатьев подружился с Улитартом. Была здесь такая штука, как ему объяснили.

Идешь по городу, и вдруг тебе попадается дерево в цвету. Красотища! А потом дворик какой-то уютный, и дорожка между деревьев как в детстве, и ещё чего-нибудь, и ещё.

Агатьев увидел облако. А потом — приоткрытые ворота. А потом — скамейку на краю обрыва. А в конце прогулки он вышел на перекресток пяти дорог, повернулся лицом к улице, уходящей вверх,— да и застыл. Долго он так стоял — полчаса, не меньше. Точилинов дёрнулся было потормошить, но его чуть ли не за руки оттащили: не мешай, мол.

Когда же Агатьев повернулся, очнувшись, то все увидели лишь счастливую улыбку до ушей да залитое слезами лицо. Директор сделал два не очень уверенных шага, и тут к нему протолкался Шаман, на ходу доставая подозрительно булькающую флягу.

— Всё, кранты, наш теперь,— констатировал он.— До конца жизни не отпустит. На-ка, выпей.

Семен позавидовал. Он чувствовал себя здесь очень уютно, так, как давным-давно нигде не отдыхал, но вот такого безбрежного счастья Улитарт ему не дал. Может, пока?

— А чего его поддерживать? — Шаман примостился на трехногом табурете, стоящем в углу. Как и всё в его «резиденции», табурет дышал на ладан, скрипел и, если вдуматься, представлял серьезную угрозу для жизни. Но руководитель проекта был выше этого. Вот ещё глупости, о комфорте заботиться. Он здесь бывает по пять минут в день, да и не надо ему это.

Мастер Ацекато его прекрасно понимал и спокойно относился к бардаку, царящему вокруг Шамана,— гениям прощается многое. А вот Агатьев в последнее время стал очень ценить уют, покой, упорядоченность и расписание. Творческий порыв и наскок хороши только вначале, когда в пустом поле нужно собрать людей и заставить их загореться и начать сооружать что-то. А потом приходит занудство, размеренность и расписание. И тот, кто не может этого выдержать, уходит. Поэтому все великие свершения продолжают вовсе не те люди, которые их начинали. А куда деваются те? Агатьев задумался, почесал лоб — и с новым уважением посмотрел на Мастера Ацекато. А вот сюда-то они и деваются — в детский сад для гениев, тихую пристань для сумасшедших и грандиозный полигон для безответственных изобретателей. Вот что задумал здесь Мастер. И вот почему рулит здесь всем не администратор типа самого Агатьева, а вечно ехидный человек не от мира сего, пробившийся в Пестик, к Мастеру, вопреки всем законам физики, магии и здравого смысла.

— Откуда здесь беспорядку-то взяться? — Шаман раскурил сигарету.

— Действительно,— пробормотал, осматриваясь, Директор.— Беспорядку здесь взяться неоткуда.

— Да я не про то,— махнул рукой Ацекато.

— Да и я не про то,— объяснил Шаман.

— А я про что? — удивился Агатьев.

Все тихонько рассмеялись, а потом Ацекато пояснил:

— Я, конечно же, рад, что моя идея поиска кадров начала работать, но со временем, я боюсь, ты не справишься с таким потоком. Им всем где-то есть, пить, пи́сать, извините, надо. Много молодых. У них энергия через край хлещет. Пока их не хватает, все при деле. А когда пойдет избыток, то что ты с ними делать будешь? А сколько к тебе уже девчонок пришло? Прикинь ситуацию: два мага из-за женщины подрались.

Судя по лицу Шамана, об этой стороне жизни он как-то не задумывался:

— А какие проблемы? К нам же кто идет? Те, кому интересно мечтать, творить, учиться. Им всегда дело есть, они друг друга не трогают.

— Это пока не трогают,— вступил Агатьев.— А когда один случайно сотворит что-нибудь зубодробительное и зацепит другого, вот тут они и вспомнят, что боевая магия тоже существует. И про женщин Мастер правильно сказал. Самые серьезные проблемы обычно именно из-за них и случаются. И не отмахивайся,— Шаман попробовал скорчить кислую мину, но Директор не дал.— Раз-два, и будет у тебя тут не свободный университет под открытым небом, а пограничная таверна. Добро, оно редко без кулаков случается.

— Поэтому обсуди, пожалуйста, с Сашей, кого он тебе пришлет, чтобы за порядком начал следить,— определил суть разговора Мастер Ацекато и потер лоб, досадуя.— И ещё одно. Братья наши старшие,— жест за спину,— никак нас в покое оставлять не хотят. Они и с нашим-то существованием никак не смирятся, а тут мы еще и кузницу кадров затеяли. Это им вообще поперек горла.

— У меня всё тихо,— вскинулся Шаман.— Да и Улитарт никого не пустит.

Он довольно осклабился.

— Уже пустил,— опять потер лоб Ацекато.— Улитарт, конечно, силён, но он далеко не всемогущ.

За окном что-то звякнуло, звук получился каким-то обиженным.

— Тут по твою душу уже приходили. Две тройки дон Антонио перехватил. И не делай недоверчивое лицо. Если бы он не сработал, никакой Улитарт тебя бы не спас.

За окном звякнуло уже сильнее, и интонации стали недовольными. Мастер Ацекато повернулся к окну и, глядя в не очень чистое стекло, совершенно серьёзным тоном сообщил:

— Это не проявление неуважения, я обо всех беспокоюсь, а помощь ещё никому не мешала.

Раздавшийся за окном бряк можно было определить как примирительное ворчание. Агатьев в полнейшем недоумении переводил взгляд с окна на Ацекато, а с него на Шамана. Тот с довольной улыбкой пожал плечами:

— Беспокоится.

Ацекато повернулся к нему:

— Так что завтра жди Антонио в гости, посадит он у тебя Находящих и Ищущих.

— Да...

— И охрану выделит,— железным тоном закончил Ацекато.— Магия магией, а мечами тоже кто-то должен махать.

И многозначительно потер бок.

Когда все указания были даны, все сложности оговорены, пожелания высказаны — ну, в общем, визит завершен, Мастер Ацекато вышел из душной комнаты, чтобы попить свежего горного воздуха, посмотреть на звезды, которые здесь казались ближе, чем где-либо, ну и покурить заодно. Голубой дым, яркий на темном вечернем небе, медленно уплывал вверх, растворяясь в тихом вечере. Звездам он ничуть не мешал, да и что им могло помешать? Тихонько скрипнула дверь, выпуская кого-то. Шаман. Агатьев еще с разведки сохранил привычку ходить аккуратно и тихо, а этому — этому море по колено. В своем мире живет, имеет право шаркать на всю округу. Подошел, встал рядом. Помолчали, задрав головы.

— Мастер, а вы никогда не хотели узнать, что там? — загадочным тоном спросил Шаман.

— Нет,— пожаловался тихому вечеру Ацекато,— только не это.

— Я ничего,— Шаман вжал голову в плечи и выставил вперед раскрытые ладони.— Я просто спросил.

— Не ври,— нахмурился Ацекато.— Ничего ты не просто спросил. Во-первых, вопрос «одни ли мы во вселенной?» уже неактуален. Так? Соответственно, ничего принципиально нового ты на своих звездах не найдешь. А во-вторых, звездами и тем, что там есть, интересуются два типа людей: те, у кого здесь всё хреново, и

те, у кого здесь всё совсем хорошо. Ты — третий тип. У тебя здесь дел до дури. И дела эти ты любишь. Так что не морочь мне голову, выкладывай, что ты еще там напридумывал?

— Да...— Шаман замялся.— Я тут решил прокачать ситуацию с Пестиком и Клевером вообще. Интересно стало, чего это вдруг нам такой подарок от Старших Рас достался.— Он обвел взглядом горы вокруг: — И не случится ли в один прекрасный день со всем этим великолепием ситуация под названием: «оп-па»? Раз — и нету ничегошеньки. А мы тут одни стоим и на «благодетелей» смотрим.

— По сути,— посуровел Ацекато.

— По сути: возникли у меня серьезные сомнения в естественности происхождения Пестика. Ничего сверхъестественного, обычный двоичный код.

Ацекато поежился:

— Этот двоичный код тебя сначала с Земли вывел, в глюк, который ты сам себе придумал, а теперь этот код мне ещё и вот это всё,— жест на долину,— подсовывает. И если честно, то я до конца не уверен, что поступаю правильно.

Шаман набычился:

— Там, в промежутке, ещё несколько таких же «глюков» было, если помните. Их-то трудно неправильными назвать.

— Именно поэтому я и продолжаю тебя слушать,— вздохнул Ацекато.— Давай, подготовь мне все свои вычисления в каком-нибудь удобоваримом виде — и неси. Только не сейчас.

— Я знал, что вам понравится,— подпрыгнул Шаман и помчался обратно.

— Я не сказал «да»,— в убегающую спину крикнул Ацекато.

Но его уже никто не слушал.

ВОИНЫ КЛЕВЕРА

Пролог первый

Кто сказал, что беду рисуют темным?

Небо полыхало непередаваемо прекрасным изумрудным светом. Уходящая за горизонт равнина мягко мерцала всеми оттенками бирюзы. Даже сильный и ровный ветер, обычный для Хатала, казалось, состоит из одного лишь света. Чистого, переливающегося всеми оттенками белого света.

Таит подставил этому свету грудь, попробовал на вкус тревожный, чуть горьковатый ветер и грустно улыбнулся. Небо должно быть желтым, равнина — зеленой, а ветер вообще должен дуть в другую сторону, неся влагу и отдохновение, а не смерть и небытие, скрытые в прекрасном свете.

Но и так красиво, очень красиво. И всю эту красоту сделал он. Один. Для себя и остальных. В час своего горя и своей беды.

— Величие Сущего, ничтожный слуга просит разрешения доложить,— краем глаза Таит отметил преклонившую колено фигуру. Ну вот и кончилась красота. Осталась смерть. И немного жизни. Для тех, кто сумеет уйти, и тех, кому он, Таит, сумеет ее подарить. Пора. Таит повернулся к коленопреклоненному воину:

— Встань, Силаин зол-италь Исииль. Встань и говори.

Воин поднялся, посмотрев в глаза Таиту. «Силаин зол-италь Исииль». Никакой он не Силаин — Лан, просто Лан, старый друг, друг детства, юности, да и всей остальной жизни тоже. Зеленоватые волосы выбиваются из-под боевого шлема. По две серьги в каждом ухе — на-халь, первый ряд халиона. Амулеты сплошным нагрудником спускаются с шеи. Каждый — произведение искус-

ства. Халь, каких сейчас остались единицы. В том, что они дошли досюда, в Хатал, и его личная заслуга тоже. И без него Таит никогда не зажег бы ни небо, ни ветер. Старый верный друг.

Как жаль, что теперь уже ненадолго. Теперь всё ненадолго. И потому «зол-италь Исииль». Потому что в спину им смотрят все, кто остался в живых. Все, кто выжил в исходе расы аталь. Все, кто прошел насквозь свою империю, повелевавшую многими мирами, в надежде спастись. Их было много. Если бы Таит поднял взгляд, он бы не смог увидеть края безбрежного живого моря, заполнившего некогда окраинный и тихий мир Хатал. И всё же это до боли мало. Ататоны, империи расы аталь, больше не существовало. И здесь, под полыхающим небом, собралась лишь жалкая часть расы, некогда одним своим именем наводившей ужас на любое мыслящее существо. Самые сильные — они смогли дойти. Самые умелые — они смогли защититься. Самые умные — они смогли заранее всё понять и подготовиться. Самые достойные — их защищали до последнего. Все они теперь молча стояли и ждали, пока лучшие из лучших халь откроют последний проход, уводящий обреченную расу из привычных обитаемых миров в жуткую неизвестность, где им придется начинать всё заново.

А чтобы бурая мгла, накрывшая Ататону, не смогла добраться до них в этой неизвестности, Дверь, которую они откроют, потом запечатают. Всеми умениями, которые накопили аталь за бесчисленные века. А замком на этой Двери станет то, что долгое-долгое время, уходящее в немыслимые дали, оставалось под запретом. Кровь. Кровь халь. Кровь на-халь. Первого из на-халь. Их король не оставит свою империю. Бурая мгла может убить его, но не победить. И через узор, скрепленный кровью последнего из Ататидов, не сможет пройти никто.

Так сказал он сам. Их король. Итаиталь зол Ататид Насини Ататона.

Последний король империи аталь повернулся к своему другу:

— Встань, Силаин зол-италь Исииль. Встань и говори.

— Мой король,— Лан поднялся. Он был чуть выше Таита, но казалось, все равно смотрит снизу вверх.

Нет, не так. Это Таит сейчас смотрит сверху вниз. На все и на всех. На Лана, на этот мир, на оставшихся в живых подданных, на тугой узел линий хальер, закрутившийся над обреченным миром. Обреченным, потому что после их ухода на месте Хатала останется только черная дыра в мироздании. На темную полосу на горизонте, которую всё еще сдерживают его узоры, заставляющие по капле иссыхать обреченный мир. Она скоро придет. Прорвет их защиту и придет. Но ему не страшно. Он встретит ее. Один. Не боясь никого

и ничего, потому что тогда ему впервые в жизни не надо будет думать ни о чем, кроме боя. Он станет яростью. Чистой яростью и болью погибшей империи, вобравшей в себя всё, что некогда было расой аталь. Он уже почти умер, ему не страшно. И это «почти» сейчас исчезнет. Лану осталось только доложить. Говори, мой друг...

— Мой король, проход открыт. Глеммы прошли первыми. Два хорда ушли, один вернулся. Там есть жизнь. Там есть лес...

Голос Лана сорвался. Не от страха — от радости. Аталь будут жить, они смогут уйти. А Лану все равно. Он остается со своим королем.

Хрустальный невидимый полог с тихим звоном сомкнулся над головой Таита. Все! Он сделал. Он не смог победить своих врагов (видят Несуществующие: кто бы смог?), но он спас свою расу. Аталь будут жить. Все, кто верил ему и шел за ним, будут жить.

А он продержится. Теперь это легко. Теперь ему не надо оставаться в живых. Да он и не живой. Вся его кровь по капле осталась там, в бесчисленных мирах империи, которые они оставляли один за другим. Неведомый враг, так до сих пор и непознанные «Они», ненадолго останавливались только тогда, когда защищать очередной обреченный мир оставался кто-то из Ататидов. Сколько жизней спасли эти передышки, сказать не мог никто, но с каждой жертвой аталь всё с большим обожанием смотрели на своих вождей.

Ататиды правили расой аталь давно. Так давно, что никто уже не помнил, был ли у аталь хоть когда-нибудь правитель, не носящий приставку «зол Ататид». И вот теперь их нет. Никого. Все они остались со своей империей.

Кому мог рассказать Итаиталь зол Ататид, как больно отправлять на смерть своих братьев, сестер? Никому. Он только крепче сжимал зубы, и каменело на лице извечное презрение аталь к своим врагам. Он думал, что это было больно — смотреть, как один за одним уходили Ататиды. Как пусто становилось за семейным столом. Как тяжело было терпеть сочувствие оставшихся. Он ошибался. Что такое боль, он узнал только тогда, когда два мира... Две жизни... Две вселенной назад ушла Лавана. Его Лавана. Так и не успевшая подарить ему наследника. Она просто посмотрела в его глаза, легко коснулась губ своими губами. Улыбнулась. И ушла. Защищать мир, который закрывал последний путь отхода. И «Они» стянулись туда все. Все. Оставив почти закрытый проход свободным. Почуяв кровь Ататидов. Оставив последнего из них выть в душе от безумной боли, которая и стала жизнью на всё оставшееся время.

И вот теперь все кончилось. Нет больше изматывающего бега. Некуда торопиться. Он продержится, это видно уже сейчас. Осталась только малая малость.

— Подойди ко мне, мой друг,— голос последнего короля зазвенел.

Лан переменился в лице. Еще бы, ты всегда был умен. Ты все уже понял.

— Нет, Таит, нет! Я остаюсь. Мы же договорились.

— Подойди,— Итаиталь зол Ататид был уже не здесь. Этому голосу нельзя было не повиноваться.

Две фигуры на высоком холме говорили долго. Живое море молчало, отдавая последние почести уходящему королю. И никто не мог знать, что рассказывал последний Ататид своему другу. Но если бы кто-нибудь всё же увидел Силаина зол-италь Исииль, то он поразился бы, с какой скоростью раздражение и обреченность на его лице уступили место сначала изумлению, потом радости, а затем тихой торжественности.

Но вот последний разговор короля закончился. Жестом, видимым всем, он отправил Силаина зол-италь Исииль вниз. Герольды огласили последнюю волю Ататида. Силаин зол-италь Исииль становился местоблюстителем Ататидов на троне аталь. Новый вождь начал уводить отхлынувшее живое море в новый мир. И на его месте, как камни после отлива, осталась небольшая кучка. Те, кто решил разделить со своим королем его участь. Поленья в разгорающемся костре.

Аталь уходили. Их новый вождь — тоже. Но перед тем, как войти в переход, поддерживаемый самыми сильными из известных на-халь, Лан обернулся. Его голос разнесся над живым морем, сделавшись слышным каждому. Он был сильным халь, и готовящийся к последнему бою король услышал его точно так же, как и любой аталь.

— Клянусь, мой король и мой друг, клянусь, не будет у аталь королей, в которых не течет кровь Ататидов. Силаин зол-италь Исииль принимает на себя титул Зеленого Принца. Аталь ждут тебя, мой король.

Отдав последний торжественный салют, Силаин зол-италь Исииль исчез в проходе. Все. Вот теперь в самом деле все.

И когда последний узор, намертво запечатывающий закрытый переход, по которому ушли остатки расы аталь, принимал в себя последнего Ататида, глядя в бессильно заволакивающую исчезающий мир ненавистную бурую мглу, Итаиталь зол Ататид Насини Ататона счастливо улыбался. Он все-таки победил...

Пролог второй

— Хей, Джонни,— усталый пожарный, вытирая перемазанное сажей лицо, уселся на невесть как уцелевшую скамейку перед сгоревшим зданием.— Закончили?

— Вроде да,— белозубо сверкнул улыбкой Джонни.— Теперь помыться — и на боковую. Ну и устал же я.

— Да уж, работенка сегодня выдалась та еще,— пожарный обернулся к дымящемуся остову дома.— Хорошо еще, что он невысокий, а то представь, каково было бы карабкаться этаж на пятидесятый, а?

— Да уж,— Джонни честно сделал сегодня свою работу и теперь имел полное право почесать в охотку языком,— считай, повезло нам. Не то что бригаде Салливана на той неделе, слышал?

— Как не слышать, у них там целый квартал полыхал. Сколько они там потеряли, троих?

— Четверых.

— Во-во, и я про то же. А все эти аталь проклятые. Сколько можно? Чего-то они к нам зачастили.

— Это еще не зачастили. Ты новости послушай. Говорят, в Европе они вообще чуть не каждый день чего-то устраивают. И у русских тоже. И в Китае. То монстра какого-нибудь сбросят, то болезнь какую. Или как у нас — выскочат из своего портала, бросят свою бомбу — и бежать. Куда только власти смотрят? А еще республиканцы. А я ведь за них голосовал.

— И зря голосовал,— пожарный понизил голос и, воровато оглянувшись, наклонился к Джонни: — Точно тебе говорю, нам не

всё рассказывают. Ты глянь новости. Раз в неделю по всей Америке где-то что-то поджигают, чего-то взрывают. Так?

— Ну, так,— неуверенно согласился Джонни, пытающийся понять, к чему клонит собеседник.

— А я тут со своими приятелями по колледжу созваниваюсь регулярно, они в управлении работают, так их послушать, посчитать, и получается, что не по разу в неделю, а чуть ли не каждый день что-то происходит. И не по одному случаю. Точно тебе говорю, неладное что-то творится. Как наших оттуда, из этого, Зеленого Лепестка, вышибли, так с каждым годом все хуже и хуже. Эти аталь так просто не успокоятся. Чует мое сердце, мы еще с ними горя хлебнем.

— Да ну тебя, Джеймсон, скажешь тоже,— Джонни после такой работенки никак не был готов к переосмыслению мира.— Ну поимели они нас там, так мы им должок-то с процентами вернули, когда они сюда сунулись. Ты себе голову не забивай, пусть думают те, кому за это деньги платят. А наше дело — чтобы ни одной искорки после нас не осталось.

Залихватски улыбнувшись, он вытащил изо рта у Джеймсона сигарету и демонстративно затушил ее о скамейку.

— Пошли, после смены надо будет обязательно в бар заскочить. Так, минут на двадцать. Не составишь компанию? Угощаю.

— О чем разговор.

— То-то.

— Сынки, что, всё? Убили змея?

— Убили, бабусь,— здоровенный спецназовец в полной боевой выкладке аккуратно поправил ленточку заграждения.— Только ты туда все равно не ходи, мало ли что.

За ленточкой виднелась туша огромного чудовища, похожего на Змея Горыныча из детских сказок, разорванного взрывом чуть ли не пополам.

— Вот еще, страсть-то какая, и не надо мне,— замахала руками любопытная старушка.— А что, много народу-то пропало-то, когда он того, тут явился-то?

— Сколько надо, столько и пропало,— посмурнел спецназовец.— Проходи, бабусь, а то мало ли что. Они разные бывают, оживет еще.

— Уже, уже, сынок,— засуетилась старушенция и припустила мелкой рысью вниз по улице. Но одним глазом все равно, даже на бегу, умудрялась косить в сторону уже начинающей истаивать невесомым дымом туши.

— Вот народ,— пожаловался спецназовец подошедшему товарищу,— тут такое творится, а им хоть бы хны. Только и интереса, что «сколько народу пропало?». Тьфу.

— Так уже привыкать начали,— второй боец достал сигарету.— Считай, каждую неделю такая херня происходит. Не нравится мне все это,— он мотнул головой в сторону монстра.— Нелюди совсем обнаглели, мало мы их крошили.

Он был одним из тех немногих, кто вырвался из мясорубки в Зеленом Лепестке и имел право на пренебрежительный тон.

— И что самое поганое, они-то сюда засылают свои магические штуки, вроде этой зверюги, а у нас-то живые люди гибнут.

— А что ж наши-то молчат? — поинтересовался первый.— Неужели ответить нечем?

— Да они вроде и не молчат. Тоже чем-то отвечают. Но ты сам посмотри, что получается. Если бы мы что-то серьезное показывали, давно на каждом углу звонили бы. Вот, мол, мы какие, доблестно всех имеем, а то, что монстры да взрывы, ну так уж потерпите, дело житейское. Ан нет, у нас все хреново, по всему миру сплошные теракты, аталь давят, а от нас ничего. Молчок.

— И что будет?

— А хрен его знает, что будет. Но я тебе одно скажу: не дай бог тут начнется то же самое, что в Зеленом Лепестке.

— Добрый вечер, Торвальд Эрикович,— невысокий мужчина в дорогом сером костюме поднялся из-за стола, приветствуя гостя.— Прошу вас, садитесь. Кофе?

— Да, спасибо,— Торвальд Эрикович Йенсен, генерал-лейтенант в отставке, бывший глава Управления Практической Магии ВС РФ, в узких кругах больше известный как Гермес, сел в предложенное кресло.— Добрый вечер.

Когда секретарь, принеся кофе, удалился, хозяин кабинета резко свернул предваряющий основную беседу разговор о погоде.

— Вас уже ввели в курс дела? — поинтересовался он.

— Да,— Йенсен кивнул,— но я не очень понимаю, зачем вам понадобился старый конь вроде меня. Да еще и опальный.

Старая обида никуда не делась. Потускнела, потеряла остроту, но не исчезла. И как Гермес ни пытался выглядеть отстраненным профессионалом, эмоции ему не были чужды. Слишком глубокий след оставила в его душе давняя история.

Хозяин кабинета взял паузу. Выждав пару секунд, он сцепил пальцы рук и оперся на них подбородком. Довольно неожиданный жест, учитывая его статус. Йенсен даже немного удивился.

— А всё просто, Торвальд Эрикович, всё просто. Мы не можем без вас обойтись.

Пару секунд он наблюдал за поползшими вверх бровями Гермеса, затем пояснил:

— Без вас и вообще без любого специалиста в области магии, Лепестков, аталь и прочих вещей, связанных с деятельностью нелюдей. Сейчас нам нужны все и не время вспоминать былое и считаться старыми обидами.

Он жестом остановил открывшего было рот Гермеса и продолжил будничным тоном:

— Мы проигрываем войну порталов. На сегодняшний день соотношение успешных акций на территории противника у нас с аталь составляет,— он чуть замешкался, глядя в бумаги,— один к тридцати. Эффективность терактов у аталь значительно выше. И, самое главное, меры противодействия, предпринимаемые аталь, на порядок эффективнее аналогичных мер, предпринимаемых нами. Другими словами, они отбиваются лучше, чем мы.

— Н-ну,— Гермеса было сложно смутить, но хозяину кабинета это удалось.— Я даже не знаю...

— Но главное не это,— мужчина как не заметил реплики,— а то, что выводы наших аналитиков, равно как и их коллег в других государствах, однозначны: в течение нескольких лет — от пяти до семи — вероятность успешного вторжения нелюдей на Землю составляет девяносто процентов.

Глава 1

— Б-бах!
— Ирил!
— Бабах!
— Ирил!!!
— Ба-бах, ба-бах!
— ИРИЛ!!!!!
— Ба-бах, ба-бах, ба-бах!

Горшки лопались один за одним. Во все стороны летели куски глины, пыль потихоньку покрывала место «битвы».

— Ирил, ты опять?! — Вбежавшая в сарай женщина огорченно всплеснула руками, увидев стоящего посреди всего этого безобразия мальчишку. Тот повернул к ней перекошенное лицо, еще не плачет, но — вот-вот, и, узнав мать, наконец сорвался. Испуганный жалостливый детский плач показал матери все, что до поры скрывала поднятая пыль.

— Опять?

— Да-а-а... — размазывая сопли и слезы, мальчишка безуспешно начал оправдываться: — Я зашел, а он как глянет, я его... а он... Я по нему... А он за горшком...

— Это был кот, сынок,— мать устало опустилась на пол. Спасти горшки уже не получится, так что нет смысла кричать, топать ногами, пугать ребенка. Тем более что он и не виноват ни в чём,— это был просто кот, как и в прошлый раз: искал, что поесть. Ну, иди сюда, не бойся.

Мальчишка осторожно подошел, позволил себя обнять и уткнулся в мамино плечо, поняв, что выволочка отменяется. По крайней мере сейчас.

— А потом ты начала кричать, и я испугался еще больше,— шмыгнув носом для храбрости, тихо поведал он.

— Понятно,— мать грустно улыбнулась,— и ты со страху бабахнул еще один.

— Ага.

— А потом я крикнула сильнее...

— Ага.

— В общем, никто ни в чем не виноват.— Она погладила светлую вихрастую головку.— Ладно, иди уже, только обещай...

— Ладно-ладно,— мальчишка мгновенно прочувствовал ситуацию, вывернулся из рук матери и пулей вылетел в дверь,— я аккуратно, мы в вольдов пойдем игра-ать.

— Ирил! — запоздало всплеснула руками мать, но того уже и след простыл.

Подметя черепки и пыль, женщина аккуратно прикрыла за собой рассохшуюся дверь перекошенного сарайчика, присела отдохнуть на колоду, стоящую у стены, да и задумалась, глядя перед собой остановившимся взглядом.

Из мыслей ее выдернул громкий скрипучий голос:

— Здорова будь, Таная. Опять твой набедокурил?

— Са-Сефара, здравствуйте,— встрепенулась женщина от своих невеселых, судя по выражению лица, мыслей и посмотрела на гостью.

Перед ней стояла старая торквани, опираясь на палку. Торки, в большинстве (кроме некоторых горных племен), очень высокорослы, Са-Сефара исключением не была. Даже согбенная годами, она все равно была выше человеческой женщины. Приходилось поднимать голову. Фирменный оскал торков, потерявший с годами свою пугающе острую зверскость, тем не менее, по-прежнему вызывал уважение. Всё еще густые, краснеющие к старости волосы, Са-Сефара подвязывала на боевой манер воинов-торков — пучок ровно посередине темени. Слухи про нее ходили разные, но откуда она пришла в самое дальнее поселение обитаемого Пестика, чем занималась до этого и настоящее ли это ее имя, точно не знал никто. Одно можно было сказать определенно: ни один вольд, торговец или ремесленник Хайара никогда не пытался с ней спорить, потому что старая торквани неизменно оказывалась права. Если она не знала, что сказать, то просто молча стояла, посверкивая своими не утратившими зоркость темными глазами. Но если уж она открывала рот, то лучше было бы ее послушать, а потом сделать так, как она сказала.

— Опять, спрашиваю, побил чего?

— Опять,— вздохнула Таная.— Он испугался чего-то, горшок и разбился, а тут я давай кричать, он еще больше перепугался — ну и так далее.

— Ясно,— взгляд тёмных глаз, глядящих из-под нахмуренный бровей, не обещал ничего хорошего.— Это у тебя ведь уже третий раз, а?

— Четвертый,— расстроенно ответила Таная.

— Еще хуже. Плохо это,— проскрежетала торквани.

— Да что вы, Са-Сефара,— перепугалась женщина,— он же мальчик еще, не понимает ничего, он же никому ничего плохого не сделал, а горшки — так что горшки, да пусть хоть все переколотит. Вон у соседки свой-то палками перебил тоже... Так и ничего, что с них взять-то...

— Да ты никак решила, что я его съесть собираюсь, как у вас там в ваших сказках человеческих понаписано? — Торквани недовольно пристукнула своей палкой.— Я о нём беспокоюсь. Ты знаешь, почему у нас, в Пестике, халь, то есть магов по-вашему, практически нет?

Широко распахнув глаза, Таная робко покачала головой.

— А что вообще такое «Пестик», знаешь? — прищурилась торквани.— Что такое «Клевер»?

— Да, конечно, то есть нет,— всё так же робко кивнула, а потом помотала головой Таная.

— Понятно, да и зачем тебе,— вздохнула торквани. Она аккуратно присела на край той же колоды — годы не щадят ни людей, ни торков, да и ни одну другую расу Клевера, разве что спрашивать с нелюдей они приходят гораздо позже.

— Слушай внимательно,— проворчала она,— повторять не буду.

Таная замерла́, внимательно прислушиваясь к словам торквани: Са-Сефара заслужила уважительное отношение.

— Обитаемый Клевер — это четыре мира, четыре Лепестка: Желтый — мы, Зеленый — аталь, Серый — глеммы и Огненный,— скривилась торквани,— вы, люди. Посередине — Пестик. Магия, хальер, есть везде, кроме Огненного. Не досталось вам. А в Пестике этой хальер — вдесятеро. Понятно?

— Нет,— тихо произнесла Таная, словно извиняясь за непонятливость.

— О духи! — закатила глаза Са-Сефара.— В Желтом Лепестке шаман возьмет и срубит дерево, а тут — так же — лес снесет и не заметит. Силушки-то на десятерых. Теперь понятно?

— Понятно,— закивала женщина,— понятно, только...

— Твой парень — халь,— пояснила торквани,— только беда в том, что халь у нас жить не могут. Сейчас он горшок разбил, а подрастет... А ну как не понравится ему кто?

— Ох,— схватилась за голову Таная,— убьет не ровен час кого.

— Убьет — полбеды,— прищурилась торквани,— иного и убить не зазорно, воин крови не должен бояться. А вот сотворит чего такое, что и себя, и тебя, и весь наш Хайар снесет, вот тут ты чего будешь делать?

Танае, судя по лицу, как и любой матери, было наплевать и на себя, и на Хайар. Дитятку угрожает невесть что, какой уж тут Хайар?

— Сараси Са-Сефара,— невесть откуда вспомнила приличествующее обращение Таная,— что ж делать-то теперь?

— Сараси? — прищурилась торквани.— Нет, дочка, я не сараси.

Она замолчала, старые, но еще зоркие глаза остановились на какой-то точке над горизонтом, высматривая видимое им одним. Медленно-медленно торквани перевела взгляд на человеческую женщину:

— Сараси — это воины, это шаманы, сараси — это жизнь, дочка.— Она вздохнула.— А я не сараси, я просто старая Са-Сефара, которая скоро помрет тут, на окраине Пестика. Молчи,— оборвала она вскинувшуюся было Танаю,— просто так не помру. Перед смертью тебе еще помогу. Одна ты со своим сорванцом не справишься, мужик тебе нужен. И не красней, не девка.

Таная резко выпрямилась:

— Спасибо, Са-Сефара, но тут я сама разберусь.— Куда только девалась усталая перепуганная женщина? — За науку благодарю, а со своим ребенком попробую управиться одна.

— Не перечь,— сдвинула брови старуха,— твоего-то уже сколько лет как Твари забрали? Пацан — байстрюк байстрюком растет, ни вежества, ни силы своей не знает. Койку свою как хочешь огораживай — твое дело, а халь в Пестике воспитывать — это уметь надо.

Она поднялась. Резко, сильно, несоразмерно со старым, ветшающим телом. Темные глаза впились в лицо женщины:

— Ты что думаешь, кто-нибудь из Лепестков пропустит появление в Пестике халь? Никто. Как только парень выкинет чего значимого — тут же придут,— она сжала посох так, что и без того бледные старческие пальцы белыми полосами перечеркнули темное дерево,— и не могу тебе обещать, что с добром придут.

Торквани повернулась и, не дожидаясь ответа, молча двинулась вниз с холма.

— Днями пришлю, жди,— бросила она через плечо.

И ушла, медленно растворяясь на уходящей вверх по холмам дороге, накрытой зеленоватым покрывалом вечернего неба. Ушла, оставив человеческую женщину одиноко стоять возле старенького покосившегося сарая на вершине холма, за которым начиналось безбрежное море Пестика. Неизведанное и страшное, каждый год требующее и требующее новых жертв.

Маленькая фигурка Танаи с развевающимися волосами долго оставалась неподвижной. До тех пор, пока сумерки не закрыли гладь моря, разрешая закончить еще один день, а снизу не раздался беззаботный мальчишеский крик, зовущий и напоминающий матери, что жизнь все так же идет своим чередом.

Глава 2

— Ирил, положи гарпун и иди сюда.— Тахор говорил негромко, но юноша мгновенно отложил непослушный наконечник гарпуна, который пытался приладить к древку.

Что-что, а послушание и мгновенное выполнение приказов Тахор вбил в Ирила намертво. Когда Са-Сефара в первый раз привела невысокого торка из горных кланов познакомиться с семьей Ланья, и у матери, и у тогда еще мальчишки Ирила чуть не случилась истерика. Торки и так красотой не блещут, но Тахор выделялся даже тут. Больше всего он походил на сбежавшую из Территорий Тварь. Невысокую, быструю и злобную. Взрослые потом закрылись в доме и долго, очень долго обсуждали что-то, а Ирил ходил кругами и молил непонятно кого, но всех вместе и каждого в отдельности, чтобы злобный торк никогда больше не появлялся у них дома. Его молитвы услышаны не были. Появившаяся мать с покрасневшими глазами тихим голосом, но очень твердо объявила ему, что с этого момента ужасный незнакомец по имени Тахор будет его воспитателем. Мальчишка хотел было возмутиться, пожаловаться. Ведь мама должна же понять, что это чудище ну никак не может быть его воспитателем, а вдруг оно его просто съест. Точно, для этого его Са-Сефара и привела. И никакая она не старуха, а вовсе даже и грялла из той страшной сказки, которую вчера рассказывали...

За спиной матери неслышно открылась дверь, в проеме вырос торк, злобно щерящийся своим клыкастым оскалом,— и все слова умерли. Ирил не мог сказать ни слова. И даже слезы, которые его

всегда выручали, сейчас куда-то делись. Мать подвела мальчишку к торку, молча вложила детскую ручонку в корявую лапу и отвернулась, тихо всхлипнув. Старая торквани обняла ее за плечи, прижала к себе и что-то тихо начала говорить. Но Ирил всего это не видел. Он понимал только одно: вот теперь ему конец. Торк внимательно посмотрел в перепуганное мальчишечье лицо и на миг погасил свой оскал. Ирилу показалось, что в лице Тахора промелькнуло что-то вроде сочувствия, но уже в следующую минуту торк развернулся и решительно зашагал прочь, ведя за собой Ирила. Тогда Ирил этого еще знал, но именно в этот момент кончилось его детство.

Следующие месяцы Ирил плакал каждую ночь. Мама тоже плакала, он иногда слышал. Он думал, что что-то изменится, что однажды они проснутся, а Тахора нет. И снова будет все по-прежнему. Но дни шли, а торк все так же по утрам жестоко поднимал мальчишку до рассвета, не давая тому ни на секунду задержаться в теплой постели. Выгоняя в ледяную утреннюю хмарь и заставляя целый день с утра до вечера выполнять его безумные требования. Надо отдать торку должное — он учил. Учил всему: от боя со странным торкским мечом в руках до перевязывания ран. От умения поймать в мутной прибрежной воде зазевавшуюся мелкую Тварь до искусства прятаться на голой земле. Найти еду в пустынных холмах, без ушибов упасть с дерева, согреться ночью маленьким куском тряпки. И так — до бесконечности. Но первое, чего он требовал, было выполнение приказов. Если Тахор пролаивал «стой», останавливаться нужно было тут же. Если он бросал «замри», то, что бы ты ни делал — в носу ковырялся или суп глотал,— замри и не дыши. Непослушание торк карал. Жестоко. Сколько раз мать в слезах убегала в другую комнату, когда Ирил выл от боли, держась за горящую огнем руку или ногу, пострадавшую от разъяренного Тахора. Мать плакала, но каждый раз после разговора с торком всё возвращалось на круги своя. Ирил злился и страдал — мама, оказывается, тоже хочет ему зла. И ведь не похвалит никто никогда...

И только через пару лет вымуштрованный Ирил, с вечно сведенными злой судорогой скулами, начал потихоньку видеть пряники между нескончаемых кнутов. Он, наконец, начал видеть разницу между «ладно», «неплохо» и «хорошо». Он даже смог один раз оцарапать мечом руку Тахора, за что был удостоен отдельной трепки (не за то, что достал, а за то, что открылся при этом). А еще через полгода он начал понимать, для чего Тахор издевался над ним, требуя беспрекословного подчинения.

Тогда, на берегу, он только хотел аккуратно достать из воды плавающую касанию — красивого водяного зверька, похожего на цветок. Эти тварюшки жили дома в горшках с водой достаточно долго, радуя своей красотой. Ирил уже начал тянуть руку, как сзади Тахор резко каркнул: «Замри!» Тело само работало, годы безжалостного учения даром не прошли — Ирил замер, как двигался, чуть не падая от неудобства. Он вцепился в край берега, вися из последних сил, и, стискивая зубы, ждал разрешения на что-нибудь. Хоть в воду, что ли, упасть.

Серебристая тень, невесомая и невидимая в воде, прочертила дугу, каким-то чудом не достав до его вытянутой руки. Руку обдало дуновением воздуха и брызгами. Абарат, убийца-невидимка, беззвучно разинул пасть с ядовитыми присосками, плеснул хвостом и ушел в глубину. Обычно они так близко к берегу не подплывают, а вот поди ж ты... Тахор молча подошел к все еще замершему Ирилу (шевелиться никто не разрешал) и отдернул его назад. Ирил завалился на спину, ожидая трёпки. Всё еще пребывая в той же неудобной позе: Тахор по-прежнему не давал команды отмереть,— он зажмурился.

— Можно,— Ирил открыл глаза и увидел удаляющуюся спину торка.

Тот так ничего и не сказал больше, но Ирил и так всё понял. Умному достаточно, как любил цитировать кого-то сам Тахор. Все годы неимоверного напряжения, издевательств и слез сложились в один короткий всплеск хвоста. Стоило ли оно того? Ирил подумал — и решил, что стоило. А еще он подумал, что никто из его друзей ничего не смог бы сделать. И лежали бы они сейчас на дне, холодные и недвижимые, а абарат вился бы вокруг, высасывая потихоньку кровь.

Вот для чего он всё это терпел.

Оказалось, не только для этого.

Однажды вечером, когда Ирил сидел на берегу, любуясь солнцем, уходящим в море и заполняющим всё вокруг зыбким призрачным светом, тихий шорох за спиной выдернул его из блаженного безделья. Тахор. Обычно он ходит неслышно, а раз дал себя услышать, значит, не по делу пришел.

— Учитель,— не поворачивая головы, поздоровался Ирил.

— Сиди, сиди,— Тахор устроился рядом.

Торк сел и замолчал. Минуты текли, зеленоватое марево обволакивало мир. Но всё ж таки Тахор не был тем, с кем Ирилу комфортно было молчать. Он оставался высшим существом, учителем,

наставником, командиром. Он был из мира работы, тренировок, жизни и смерти. Из материального мира. Ему не было места в этом закате. Не то чтобы Ирил переживал, что торк сидит рядом, но молчание тяготило, и Ирил не выдержал. Маленький камешек сам по себе поднялся с края обрыва и, прочертив замысловатую дугу, без всплеска вошел в воду. Круги побежал в разные стороны, нарушая недвижимую гармонию.

Свои способности, позволяющие ему играть с предметами, подбрасывая их, разламывая и трансформируя, Ирил давным-давно спрятал глубоко внутрь: Тахор категорически запрещал заниматься этим без него, а лично возвращался к занятиям очень и очень редко. Он говорил, что с хальер нельзя играть, как с куклами. Еще в самом начале, каждый раз, когда у Ирила получалось что-то против его воли, как тогда, с горшками, Тахор свирепел. Наказание за хальер было не в пример тяжелее, чем за всё остальное. Вот и пришлось забыть о своих способностях. Но только не сейчас. Сегодня другой случай. Это его закат, и торку нечего здесь делать.

Смотря на разбегающиеся по воде круги, Ирил инстинктивно сжался. Вот сейчас ему прилетит... Но Тахор, как ни странно, заговорил по-другому. Мягко и негромко. Ирил напрягся, не в стиле учителя было так разговаривать.

— Ты знаешь, мальчик, почему я не учил тебя никогда вот таким вещам? — Тахор не повернул головы. Так и остался сидеть — уродливый профиль на фоне волшебного зеленого заката.

— Нет,— Ирил затаил дыхание. Никогда раньше торк не поднимал тему хальер. Запрещал — и всё. Без объяснений.— Вы не говорили об этом, учитель.

— Правильно,— Тахор неспешно достал из кармана трубку и начал набивать её табаком. Ирил уже знал, что у торков курение трубки считалось принадлежностью к сословию сараси («уважаемый» на торкване), боевому дворянству торков. Тахор никогда не рассказывал про Желтый Лепесток, но по многим и многим мелочам Ирил давно понял, что в своё время торк занимал там далеко не последнее место.— Правильно. Потому что я не шаман, а учить тебя чему-то, не будучи в этом мастером, неправильно. Вобью тебе не те рефлексы, а они потом тебе жизни будут стоить.

Он помолчал, раскуривая трубку. Закат умирал, оставляя за собой тихую дымку чего-то рвущего сердце. Неяркие звезды Севера потихоньку отвоевывали у уходящего солнца темнеющее небо.

— И еще одно обстоятельство есть,— торк вроде негромко сказал, выдыхая дым, но Ирил подпрыгнул. Слишком резко хри-

плый каркающий голос прорезал тишину вечера.— Тебе не место здесь, мальчик.

Ирил открыл было рот...

— Молчи,— остановил его Тахор.— Не тебе — рыбаку Ирилу, а тебе — халь Ланья. Сколько халь ты видел за свою жизнь?

Ирил задумался:

— Ни одного.

— Именно,— торк опять недвижимо всматривался в скрывающееся за горизонтом солнце.— И не потому, что здесь их нет.

Он опять замолчал. Ирил затаил дыхание. Тахор никогда с ним не разговаривал так. Все эти годы торк просто говорил, что делать, а что — нет. Указывал на ошибки, заставлял тренироваться и исправляться. Приказывал, ругал, хвалил. Но никогда не разговаривал как с равным. Пусть младшим и менее опытным, но равным. Сейчас что-то изменилось. Ирил столько ждал этого момента — и вот он пришел. По идее, его должна сейчас переполнять гордость: заслужил, смог, добился. Но радости не было. Ланья поискал внутри причину, не нашел и задумался, глядя на неподвижного Тахора: этот откровенный разговор, это хорошо или плохо? Вечер перестал казаться таким чарующим.

— Давным-давно,— торк перевел взгляд на Ирила,— Старшие Расы пришли в Клевер именно через Пестик. Откуда они пришли, почему не вернулись обратно и что они оставили за спиной, сейчас не скажет, наверное, никто. Может, правители и знают, но я тебе не скажу — это точно. Суть в том, что в Пестике хальер столько, что силы любого мага увеличиваются неимоверно. С одной стороны, вроде бы счастье. Плохо ли иметь много силы? А с другой... — он усмехнулся, глядя на недоверчивое лицо Ирила.— Не веришь?

Ланья помотал головой. Он себе плохо представлял, где тут зло. Да если бы он имел хоть вполовину столько сил, сколько легендарные халь Клевера... Тот же Зеленый Принц или Принц Лианы зол-италь Сандель, например. Сидел бы он тут...

— Всё хорошо в меру,— Тахор опять посерьезнел.— Когда ты поднимаешь чашку с водой, ты не задумываешься о силе, которую нужно на это потратить. Ты знаешь, сколько она весит, и тело делает всё само. А теперь представь: ты берешь огромную кружку, полную воды, и несешь ко рту. А она пустая, да еще и сама невесомая... В лучшем случае ты смешно махнешь ею, а в худшем — получишь по зубам. Больно. Так же и с хальер. Каждому халь здесь нужно сдерживаться постоянно. Ежеминутно. Чтобы не допустить катастрофы. И Старшие Расы ушли отсюда. В Лепестки. А Пестик остался. Для тех, кто не умеет работать с хальер. Для го-

рячих голов, не нашедших себе места в обычной жизни Лепестков. Они назвали себя вольдами.

— А?..— вскинул голову Ирил.

— И для людей,— почти обвиняюще ткнул в него пальцем Тахор.— Вам в Огненном Лепестке не досталось вообще ничего, поэтому те крохи хальер, которые ты выцарапываешь из себя, здесь превращаются в то, что вы называете магией.

Он опять замолчал, вглядываясь в отсвет утонувшего солнца. Молчал он долго, но Ирил не решился поторопить наставника. Наконец торк очнулся. Он пососал погасшую трубку, сплюнул и задумчиво потеребил боевой султан из волос, неизменно затянутый на темени.

— И все-таки что-то они здесь оставили,— задумчиво протянул он.— Территории что-то хранят. И океан хранит. А Твари охраняют.

Молчание.

— А халь здесь нет. И Старшие Расы договорились, что их здесь и не будет. Я не знаю, почему так произошло, мальчик,— он пристально взглянул на Ирила.— Но знаю, что Лепестки проверяют Пестик регулярно. И забирают отсюда всех халь.

— Куда? — вырвалось у Ирила.

— Куда-то,— пожал плечами торк.— К себе, наверное, куда еще.

— А людей?

Тахор нахмурился:

— Про людей ничего не знаю. У меня не было знакомых халь из ваших. И не слышал я ничего про вас. Так что про людей — это ты сам выяснишь.

— Они придут за мной? — тихо спросил Ирил.

— Раньше я бы сказал, что мы еще глянем, кто кого... — он тяжело вздохнул.

Положительно, расстроенный Тахор — зрелище то еще. Можно сказать, забавное даже. Только не для Ирила. И не сейчас.

— Что-то случилось? — догадался наконец Ланья.

Торк искоса посмотрел на него. Ирилу даже показалось, что в глазах Тахора мелькнула отеческая усмешка, ему никак не свойственная, но она тут же и пропала.

— Случилось,— он сосредоточенно, даже слишком сосредоточенно, начал опять раскуривать трубку.

Ланья смотрел на него во все глаза, но Тахор не спешил продолжать. Подталкивать же наставника было несколько... неправильно. Этому Ирил выучился хорошо. «Вообще, удобная вещь, эта трубка,— подосадовал изнывающий Ланья.— Когда на воен-

ном совете, например, сказать нечего, хватаешься за нее — и давай раскуривать. Глядишь, чего и придумается или другой кто-то выступит. То-то торки чуть что — сразу за курево хватаются». Тахор, наконец, справился со своей трубкой. Но когда он поднял глаза, Ирилу вдруг непонятно почему захотелось, чтобы он покурил еще немного. Или много. Что-то странное глянуло на него из глаз торка. Странное и страшное.

— Случилось, сынок,— Ирил вздрогнул. Никогда раньше Тахор не называл его «сынок». Как угодно ласково или одобрительно, но не «сынок».— Война случилась. Люди с аталь сцепились.

Ланья нахмурился, не понимая. Война. В Клевере. Ну и что? А они-то тут при чем?

— Что самое интересное,— невольно хмыкнул не увидевший его гримасы торк,— люди аталь-то давят. По всему Зеленому Лепестку проходятся.

Он повертел недоверчиво головой и тут увидел сведенные брови Ирила.

— Что непонятно?

— А мы-то при чем? — высказал свои сомнения вслух Ланья.— Кто-то где-то в Клевере воюет, нам-то до этого какое дело?

— Люди воюют с аталь,— терпеливо, как ребенку, начал объяснять Тахор. Ирил уже знал эту манеру учителя: теперь надо очень внимательно слушать и лучше сразу всё понимать, Тахор плохо относился к дополнительным вопросам.— У аталь магия, у людей — нет. Но зато у них много-много всяких штук интересных, для смертоубийства предназначенных.

Взгляд торка загорелся. Ирил ни секунды не сомневался, что Тахору глубоко наплевать, кто там в Зеленом Лепестке победит. Его, как и любого торка, занимал сам процесс.

— На мой взгляд, силы равны,— продолжал Тахор.— Но тут, как раз в самый разгар заварушки, выясняется, что есть Пестик, где люди тоже могут использовать хальер. Причем гораздо эффективнее, чем сами аталь. И они тут есть.

— Кто «они»? — не понял Ирил.

— Люди,— Тахор все еще говорил тихо, но чувствовалось, что это край. С уточняющими вопросами пора заканчивать.

— Ага,— глубокомысленно согласился с ним Ирил.— А я тут при чем?

— Ты — человек,— очень медленно и очень ровно проговорил торк.

Ланья сжался — сейчас рванет. Но не задать следующий вопрос он не мог:

— А при чем я к Огненному Лепестку? Что аталь могут хотеть от меня?

Против обыкновения Тахор не сорвался:

— Ты — человек, и ты — халь, хоть и слабый. А значит, существует вероятность, что выступишь на стороне своих сородичей.

— Зачем? — изумился Ланья.— Зачем мне воевать с Зеленым Лепестком? Что плохого мне сделали аталь?

— У войны свои законы, мальчик,— немного грустно сказал Тахор,— вопросы «зачем» и «почему» хороши, когда вокруг мир и всё хорошо. А когда случается такое, как сейчас, никто не станет разбираться, как ты относишься к аталь. Жизнь штука длинная и непредсказуемая — завтра не знаешь, что будет. Так что проще с самого начала убрать всё, что мешает, и жить спокойно. А в таких игрушках, как война «раса на расу»,— тут вообще все правила побоку. Ты уж поверь старому воину.

Он поежился, словно вспомнив что-то неприятное, и замолчал.

Ночь уже давно победила слабый отсвет уснувшего солнца, и в наступившей темноте контур сидящего торка угадывался еле-еле. Вместе с ним потихоньку пропадала и надежда Ирила.

— И что же мне теперь делать? — обреченно спросил он темноту.

— Нам,— поправила его темнота хриплым голосом наставника.

У Ланьи потеплело на душе. Тахор неожиданно поднялся на ноги одним движением. Легким и быстрым.

— Еще сильнее тренироваться,— каркнул он.— Готовься, сынок, дальше будет только хуже. Но одно тебе скажу: Тахора Гумануч-он никто до сих пор так и не смог закопать. И я планирую сохранить эту традицию. Ну и тебя немного научить тому же. А пока готовься много работать. И поменьше напоминай окружающим, что ты халь.

«Куда уж больше-то?» — простонал про себя Ирил. Но вслух этого не сказал, да и некому уже было. Учитель растворился в ночной темноте.

Глава 3

— Что видишь? — Сова ловким движением перевернула чашку с остатками доша на тарелку, подержала немного и подняла.

— Клякса? — с сомнением протянул Ирил.

Они сидели в небольшой таверне почти в самом центре Хайара. Старик Ррадушит держал эту таверну уже невесть сколько лет, но

дош в ней варили все так же вкусно. Вкуснее всех в Хайаре. То ли потому, что Ррадушит был глеммом, а глеммы всегда отличались способностями к варке разных зелий, то ли дош он знал где покупать. А может, и потому, что все давным-давно знали, что самый вкусный дош — у Ррадушита. Знали — и всё тут. Они с Совой всегда ходили сюда, чтобы посидеть, поболтать, когда Ирил выбирался в Хайар.

— Может, и клякса,— лукаво улыбнулась Сова.— Но хоть что-то она тебе напоминает?

Вообще-то её звали не Сова, а Тилуи Неказке, обычное для Пестика человеческое имя, но еще в самом детстве её отец всем и каждому рассказал, что его очаровательная дочка ну никак не желает спать по ночам, а днем ее не разбудишь. Дочку он любил без ума и придумывал ей кучу ласковых прозвищ, но запомнилось всем почему-то только одно. И уже давным-давно Тилуи никак по-другому не называли. Она не возражала. Ирил тоже. Тем более что она по-прежнему предпочитала дню ночь. Все их безумные прогулки и самые интересные приключения приходились именно на ночи. Ирил уже перешагнул подростковый период (и то сказать, не мальчик уже — восемнадцать месяцев дождей, сахашей, встретил), но определить свое отношение к Сове он до сих пор так и не мог. В отличие от большинства простых и податливых девчонок Хайара (в самом северном поселении, как и во всем остальном Пестике, консервативные взгляды Лепестков приживались с трудом), высокая статная Сова всяких там вольностей никому не позволяла. Не то чтобы она прилагала много усилий, чтобы отшивать воздыхателей, нет. Просто одного ее взгляда обычно хватало, чтобы любой подвыпивший (про трезвых и говорить не приходится) рыбак или вольд тут же понимал: тут ловить нечего. Ирил иногда даже завидовал: надо же так уметь. Хотя именно эта ее способность и заставляла его держаться на расстоянии. Иногда он об этом жалел. Улыбчивая большеглазая девчонка не раз и не два приходила к нему во сне, окутывая его облаком светлых волос, но наяву Ланья слишком дорожил отношениями со своим, чего уж там, единственным, другом, чтобы проверять, не изменится ли что-то между ними, если...

Занятия с Тахором, темп жизни, да и удаленность их дома от Хайара никак не способствовали большому количеству друзей. В город Ирил выбирался редко, дома дел хватало, а мать с наставником и не старались найти ему друзей. Не потому, что не любили или им было наплевать на мальчишку, а потому, что, в дополнение к способностям к хальер, которые они старались прятать как мо-

гли, еще по совету Са-Сефары, с годами у Ирила появилась еще одна новая не радующая черта. Вспышки неконтролируемого гнева приходили внезапно и мгновенно. Ирил и сам не мог сказать, что́ в следующий раз вызовет его неудовольствие, но, когда это случалось, рядом было лучше не находиться. Единственным человеком, на которого он и помыслить не мог поднять руку, была мать. Всем остальным лучше было прятаться. Ланья бросался даже на Тахора. На того, к счастью, бросаться было бессмысленно — как водой из чашки на гранитную скалу плескать, но всё равно... Хорошо еще, что торк никогда не расставался со своими амулетами, блокирующими хальер, торки мастера на такие штуки: Ланья и магию пускал в дело, не задумываясь.

Ирил был бит наставником не раз и не два. Без толку. Тахор пытался научить его боевому самоконтролю, как принято у торков. Бесполезно. Вбивал сдержанность на уровне рефлексов — не работало. Упрямый торк попыток не бросил, но добился лишь того, что Ирил стал внешне похож на типичного представителя высшего дворянства аталь — халиона. Бесстрастный презрительный правитель Ветви, не больше и не меньше. Тем страшнее на фоне его бесстрастия смотрелись вспышки ярости.

А вторым человеком в жизни Ирила, на которого его вспышки не распространялись никак и никогда, стала именно Сова. Нельзя сказать, что в ее присутствии он становился спокоен, как дас, морской моллюск, живущий всю жизнь на одном месте. Срывался он еще как, но Сова могла совершенно спокойно ходить перед его носом и указывать ему, что делать. И Ирил слушался. Сам изумлялся, но слушался. Для его гнева Совы не существовало.

Ирил запутался взглядом в облаке волос Совы, поддавшись воспоминаниям, и пропустил очередной вопрос.

— Ты что, меня не слушаешь? — Маленький кулачок больно врезался в бок.

— Ох,— вернулся на землю Ланья,— слушаю, конечно.

— Если медленно поворачивать, что видишь?

Ирил поднял брови домиком и виновато сдался:

— Дош разлитый.

— Эх ты, приземленная твоя душа,— махнула рукой Сова.

Она озорно улыбнулась, воровато оглянулась по сторонам и поманила Ланью пальцем:

— А теперь смотри...

Ирил честно уставился на блюдце. Разлитые остатки доша (Сова уверяла, что этот ритуал до сих пор используется в Огненном Лепестке) честно покоились на белой поверхности. И вдруг...

— Ты что делаешь?

Капельки темной жидкости начали сползаться друг к другу, превращаясь в морду абарата-невидимки. Круглый глаз уставился на Ирила. Потом моргнул. Раз, другой.

— Стой,— Ирил схватил девушку за руку.— Не делай этого! Это же хальер!

— И что? Что я такого сделала? — Недоумения в огромных глазах Совы хватило бы на троих.

— Ты что, не знаешь, что аталь воюют с людьми? — Ирил не выпускал руку.

Сова оглянулась по сторонам с извиняющимся выражением лица. Мол, извините, не переживайте, ничего страшного, этот дурачок со мной.

— Знаю, Ирил,— преувеличенно спокойно проговорила она.— Это все знают. Они уже год воюют. Ты не переживай только так сильно.

Действительно, с момента того разговора с Тахором на берегу моря прошел почти год. Только-только закончился сводящий с ума своим мелким дождем очередной сахаш. Жизнь потихоньку входила в привычную колею, и Ирил бы успокоился, если бы не наставник. Тахор весь этот год не переставал твердить о нависшей над Ланьей угрозой. Пугал, упрашивал, убеждал, заставлял, ограничивал и всё такое... И Ланья поверил. Он и сам теперь всё реже и реже трогал линии хальер, даже находясь в одиночестве.

— Ты что, не понимаешь, что, пока идет война, такие, как ты и я,— в опасности? — Не выпуская руки девушки, он наклонился над столом, поближе к розовому уху, полускрытому светлыми локонами. Это отвлекало, но Ирил держался — вопрос был серьезным.

— А что я делаю-то? — Сова приняла правила игры и тоже почти шептала.— Я же не такой сильный халь, как ты. Про хальер знает только отец и вот теперь ты. Хотела похвастаться. Я же ничего не меняю. Смотри, дош-то не двигается — это только ты видишь.

Она выпрямилась и гордо тряхнула волосами:

— Я называю это «хальéр разума».

Хоть Ланье и стало тепло на душе от такого доверия, но наставления Тахора засели все-таки очень глубоко. Ирил тут же притянул ее обратно.

— Глупенькая,— зашептал он ей на ухо, впервые позволив себе такое обращение,— как говорит Тахор, нельзя быть чуть-чуть беременным. Или ты трогаешь линии хальер, когда делаешь вот эту свою штучку, или нет. А настоящий халь такое сразу почувствует. И тогда — конец.

— Да ну тебя с твоими предостережениями,— Сова высвободила руку.— Ты уж не перебирай с этими страхами. Кому я тут нужна...

— Кому нужна? — зашипел Ирил.— Да знаешь, сколько вокруг может ушей лишних виться?

Он хотел было объяснить ей все ясно и просто, как ему самому объяснял Тахор, но слова не складывались. У учителя всё понятно выходило как-то само собой, а у Ирила почему-то получался скомканный бред. Выражение лица Совы яснее ясного говорило, что с риторикой у Ланьи проблемы. Она терпеливо слушала, готовясь вставить хоть слово, когда получится, но неожиданно в ее лице появилось еще что-то.

Ирил, уловив перемену, замолчал.

— О, голубки воркуют. Какая сцена,— раздался вдруг за спиной Ирила мелодичный голос.

Ланья скривился. Вот уж кого он сейчас никак не хотел видеть, так это Дамадика. Высокий изящный аталь, сын одного из Старших рыбачьих Команд, ремесло отца откровенно презирал, равно как и всех тех, кто им занимается. Он грезил Зеленым Лепестком, величием халь Ветвей и к вольдам относился как к неизбежному злу, с которым пока приходится мириться. Ходили слухи, что у него есть способности к хальер, но, в отличие от самого Ирила, его никто за этим занятием не видел. Что не мешало, впрочем, Дамадику вести себя как какому-нибудь зол-итану, внебрачному сыну правителя Ветви. Он преклонялся перед халь Зеленого Лепестка, подражая им во всём: в одежде, обуви, манерах. Он даже прическу носил, как настоящий халь (во всяком случае, так, как их описывали в Хайаре): длинные прямые волосы до лопаток. Это, по его мнению, должно было показывать его непричастность к простонародью. Плюс серьги в ушах — знак халь (то, что по серьге в каждом ухе — отличительный знак на-халь, высшего сословия магов Зеленого Лепестка, Дамадика не смущало нисколько). Для вольдов, ежедневно скачущих по Территориям и океану, такая красота — роскошь непозволительная, и Ирил откровенно сторонился бездельничающего балбеса. Тот платил ему тем же.

И всё бы ничего, но все свое свободное время Дамадик посвящал если не следованию путем предков (читай: прихорашиванию и чтению якобы книг по хальер), то воинскому искусству. Во всяком случае, так, как он его понимал. В итоге получилась довольно агрессивная и презирающая всех и вся личность, остро нуждающаяся в общественном признании. К вольдам постарше он соваться не рисковал — тем и Твари из Территорий нипочем, куда уж там ка-

кому-то самоучке, а вот молодняку от него доставалось. Иногда сильно. Ланья до сих пор удавалось благополучно избегать конфликтов с ним. И во многом благодаря наставлениям Тахора. «Лучшая драка, мальчик, это та, которая не состоялась»,— не уставал твердить тот. Вот и старался Ирил по мере сил не связываться с раздувающимся от собственной значимости аталь. Но сейчас, похоже, был не тот случай.

— Обсуждаете высший смысл хальер? — хихикнул за спиной Ланьи Дамадик.— Или придумываете, где бы совокупиться? Как думаешь, найдут местечко?

Судя по интонации, последний вопрос он задал своему вечному спутнику, Тунне, дубликату самого Дамадика. Только дубликату явно неудавшемуся и какому-то... бледному, что ли. Тот хрюкнул в ответ что-то неразборчивое. Обычно Дамадик не начинал беседу настолько по-хамски, но в этот раз его, видимо, кто-то сильно разозлил. Судя по всему, парочка искала, куда бы слить раздражение.

И тут до Ирила дошел смысл сказанного. Про него. И... Сову!!!

— Что?! Да я теб...

— Сидеть,— узкая рука легла на плечо и прижала Ланью к стулу.

При всей внешней хрупкости, в противостоянии «сила на силу» человеку против аталь ловить нечего. Любой представитель Старших Рас сильнее человека. Неведомый Творец при создании Клевера не только лишил людей магии, но и явно обделил физической силой. Так что в представлении Дамадика любой человек являл собой идеальную мишень. К молодецким забавам вольды относились терпимо, мол, пусть дети учатся постоять за себя. Так что, зная эту парочку, можно было не сомневаться, что трепка Ирилу обеспечена. Сову, скорее всего, не тронут, это тебе не Территории. За насилие над женщиной голову оторвут на счет «раз», а вот парню может не поздороваться. Но это только если парня зовут не Ирил Ланья.

Мутная пелена начал заволакивать глаза Ирила, предрекая слепящую белизну той самой неконтролируемой ярости.

— Ирил, не надо, пожалуйста,— просящий голос Совы пробился через пелену.

Ирил моргнул. Не надо так не надо. Сова имела право просить.

— Че, обоссался? — Рука, лежащая на плече несильно (пока несильно) тряхнула его.

Ланья чуть улыбнулся. Действительно, ярость здесь не нужна. Дамадик никогда не слышал наставления Тахора. А Ирил слышал. «Чем больше шкаф, тем громче падает,— говорил тот.— Запомни,

мальчик, на любую силу всегда найдется другая сила, только действующая в несколько ином, правильном, направлении. Иначе давным бы давно все мы перебили бы друг друга, а оставшихся доели бы Твари». Тахор знал, о чем говорил. Невысокое племя горных торков просто обязано было научиться противостоять более рослым и сильным равнинным соседям, чтобы не быть уничтоженным. Хрупкий мир Торквинии, Желтого Лепестка, держался и держится исключительно на равенстве сил. Торки воевали на протяжении всей своей истории. Когда не находилось внешнего врага, искали кого поближе, среди своих. И это продолжается до сих пор. Замкнутость Клевера ничему торков не научила. Так что любой торк, остающийся в живых, имеет полное право преподавать воинскую науку, он это заработал. Теперь пришло время проверить идеи Тахора в жизни.

Ирил мягко стёк со стула набок. Дамадик, естественно, попытался его удержать и немного наклонился вперед, за что немедленно и поплатился. Ирил вскочил.

Мгновенно подниматься из любого положения — это было одним из двух действий, которые первыми вбил в непослушное детское тело Ирила жестокий Тахор. Другим действием было падение. Падать — подниматься, падать — подниматься, падать — подниматься... И так до бесконечности, до одури, до отупения и бесчувственности. Сколько раз Ирил катался по полу, земле, скалам, мелководью, он даже приблизительно сказать не мог, но раз Тахор перестал над ним издеваться — значит, научил.

Одним движением Ланья оказался на ногах. Руку аталь, которую тот так и не успел отпустить, он еще немного сам придержал, поэтому, когда Ирил оказался стоящим за спиной Дамадика, тому ничего не оставалось, как только послушно согнуться, подставляя беззащитное брюшко под летящее колено.

«А пресса-то у тебя никакого»,— позлорадствовал Ирил, вспоминая свои отбитые о каменные мышцы учителя ноги. Горячий поклонник легендарных на-халь грузно рухнул на пол. Ирил поднял голову и залихватски подмигнул Сове... И полетел вперед, получив страшный удар в голову.

«Тахор меня убьет»,— сквозь отупляющую боль пробилась досада. Падать, вставать и бить наставник научил хорошо. Так, что голова в процессе даже не участвовала. А зря, как оказалось. Тахор еще учил, что в драке стоять на месте можно только в одном случае: когда тебя уже убили, и ты теперь решаешь, в какую бы сторону покрасивей упасть. И никак иначе. А он раззявил пасть, щенок глупый...

Когда марево боли немного отступило, Ирил понял, что он опять не может нормально двигаться. Жаждущий реванша Дамадик припер его стулом к стене, чтобы исключить ноги, и взял за горло. Руки у аталь оказались немного длиннее.

— Убью, грязь! — Красивое лицо аталь перекосила гримаса ненависти. Его напарник стоял рядом, контролируя ситуацию. Мало ли еще раз придется по голове бить.

— Оставьте его! — Сова бросилась на помощь.

— Погибни,— Тунна махнул рукой, и Сова покатилась по полу, зажимая лицо руками.

Белый слепящий полог упал внезапно. Не было даже обычной предваряющей его мутной пелены. Мир превратился в один режущий глаза белый свет, через который неясными контурами проступали фигуры противников. Н-на — правая фигура покатилась в сторону и замерла. Теперь ты, второй, кто бы ты ни был. Н-на... Н-на... Н-на... Ничего. Всё осталось на своих местах. Белый мир начал качаться, это оставшаяся фигура начала отвечать. Ах так! Где же оно? В потоке белого света появились белые же трубы, трубки и трубочки. Линии хальер. Какая удобней? Эта. Получи! И — ничего. Только на груди силуэта появилась красная точка, становящаяся больше и больше. Где-то такое уже было. Ах да, амулет, блокирующий хальер, у Тахора был такой же. И что? Свет начал тускнеть. Он никуда не делся, но стал менее режущим. Через него начали проступать черты искаженного лица аталь и доноситься какие-то звуки.

— ...ить меня. Меня са... .... ка! Убью тебя... Я и твою ссачи греб...

Откуда-то сбоку донесся женский всхлип.

Этого хватило. Свет стал нестерпимым. Но Ирила это уже не волновало. Все бытие сосредоточилось на одной красной точке, пульсирующей на груди стоящей перед ним фигуры. Свет превратился в тоннель, затем в трубу, затем в копье и в итоге стал такой же точкой бушующей белизны. И эта белая буря понеслась вперед. Туда, где красным светом пульсировал тот, кто жить не должен. Удар! Мир зазвенел, но устоял. Удар! Удар! Еще! Еще! Еще! Пф-ф-ах-х-х.

Красно-белое конфетти рассыпалось вокруг, и Ирил медленно сполз по стене. Он опять был у Ррадушита. Со смятой скатерти капал разлитый дош, переломанный стул валялся рядом, а перед ним на корточках сидела Сова и, заливаясь слезами, всё гладила и гладила его по голове. Ирил посмотрел в ее глаза, полные заботы и переживания, умилился, преисполнился счастья — и с чувством выполненного долга решил немного полежать в обмороке.

И, уже закатывая глаза, он зацепился взглядом за какой-то чужеродный предмет. Доля секунды ушла на осмысление, и блаженный обморок, сокрушенно вздохнув, убрался в сторону. Отдохнуть не получится.

У противоположной стены сломанной куклой валялся человек. Окровавленного лица не разобрать. Нет, не человек. Длинные волосы, зеленые одежды, высокие каблуки вычурных сапог. И по серьге в каждом ухе. Ирил не так много трупов видел в своей жизни, чтобы говорить определенно, но Дамадик явно вставать не собирался.

— Что с ним? — хрипло спросил он.

В ответ Сова только всхлипнула.

Глава 4

— Балбес,— бросил через плечо Тахор, стоящий у окна и смотрящий, как несущая ливень туча накрывает океан.— Кроме как балбесом и дураком, я тебя назвать никак не могу. Хотя — нет, ты даже не дурак. Недотянул. Ты — придурок.

Учитель разорялся уже давно, и к этому моменту накал его высказываний несколько спал. Гертадон, начальник городской стражи, гертадинов, ушел где-то час назад. Он доставил Ирила домой после того, как все детали произошедшего были разъяснены, свидетели опрошены, тела унесены. Всё это время Ирил сидел в погребе у Ррадушита (тюрьмы в Хайаре отродясь не было). Теперь пришло время отправить его домой. Если честно, то Ирил предпочел бы еще немного посидеть в подвале — объясняться с Тахором по поводу произошедшего желания не было никакого. Но тут выбирал не он. Охающую и всплескивающую руками мать Тахор почему-то отправил немного пожить к подруге, пообещав, что теперь он не отпустит Ирила ни на шаг. Ланья был даже немного рад такому развитию событий. Сидеть дома ему теперь предстояло долго, пока совет Старших города не определит, каким будет наказание. Таков закон. Так что у Тахора будет возможность еще не раз и не два объяснить ему, кто он на самом деле, а Ирил не хотел, чтобы мама слышала, как его тут костерят. Хорошо еще, что во всей этой суматохе никто даже не упомянул о том, что до драки Сова баловалась магией.

— Я не хотел,— Ирил попытался вставить слово в непрекращающийся монолог наставника, но только подлил масла в огонь.

— Он еще и не хотел,— воздев руки, возопил Тахор.— Я же и говорю — придурок. Недоделок, если точнее.

— А что такого?..— не понял Ирил.

— Ничего,— торк одним движением оказался рядом, его палец уперся Ланье в нос.— Ты бы уж молчал, что ли. Не хотел он... Придурок,— определение Тахору явно пришлось по душе,— если ты решил кого-то убить, то надо убивать. Врага, которого ты так бьешь, оставлять в живых нельзя.

— А Дамадик что, выжил? — оторопел Ирил. Все это время он старательно привыкал к мысли, что теперь он — убийца.

— Ты что, и этого не знаешь? — изумлению торка не было предела.

— Э-э-э... нет,— осторожно ответил Ланья.

— Дважды придурок,— выдохнул Тахор.— Как же ты ситуацию контролировал, что ничего не знаешь, ничего поделать не мог?

Ирил вздохнул:

— Я ее не совсем... э-э-э, несильно... ну, в общем, никак ее не контролировал.

Тахор замолчал и долгим взглядом начал буровить дырку где-то в районе переносицы Ланьи. Потом повернулся и горестно пожаловался одиноко стоящему посреди комнаты стулу:

— Вот так живешь и не знаешь, что труды последних десяти лет разом пошли прахом.

Стул промолчал. Наверное, в отместку за это Тахор с силой пнул его ногой и резко развернулся к Ирилу:

— Ничего не знаю, ничего не контролировал, ничего толком не сделал,— передразнил он Ланью.— А как ты вообще влез в эту драку?

— Они оскорбили и ударили Сову,— вскинул голову Ирил. В его глазах зажегся огонек былой ярости. Эту почву он чувствовал, и здесь его было не сбить.

— Ударили Сову... — эхом отозвался торк. Вопреки ожиданиям он не принялся снова прохаживаться по поводу умственных способностей Ирила, а всего лишь задумчиво пожевал губами.— Ну что ж, это оправдание для воина.

И резко глянул в глаза Ланьи:

— Так почему же ты его не убил тогда?

— Не знаю,— Ирил отвел глаза.— Я не помню ничего. Бил сильно. Убить хотел. Почему не получилось — не знаю.

— Давай подытожим,— обманчиво мягко проговорил Тахор.— Сначала — с моей точки зрения: ты был с женщиной, твоей женщиной, её ударили, и ты не убил урода.

— Я думал, что убил,— вскинулся Ирил.

— Думал и сделал — разные вещи,— прищурился торк.— Разницу чувствуешь? Ты не проверил. На будущее урок: всегда убедись, что добил. И не думай, как при этом будешь выглядеть со стороны. В таких вопросах благородство — для идиотов. Или слабаков, которые оправдывают свое бессилие.

Ланья нахмурился, но промолчал. Крыть было нечем. Осталось определиться: он кто, идиот или слабак?

— Вижу, уловил,— удовлетворенно кивнул Тахор.— Теперь с твоей стороны посмотрим. Для начала ты на весь город крикнул: «Я — халь». Очень умно.

Ирил неопределенно пожал плечами. Ну да.

— Потом,— продолжал торк,— ты нанес тяжелые увечья одному из жителей города, и теперь твои все действия будет пристально рассматривать совет Старших. То есть ты становишься центральной фигурой для сплетен и слухов. Причем ты — человек, а тот, кого ты покалечил,— аталь. Как тебе картинка со стороны?

Ланья опять пожал плечами. На сей раз обреченно.

— И на десерт — ты оставил в живых злобного и сильного врага, у которого теперь есть очень большое желание тебе как минимум отомстить.

Тахор приглашающе поднял брови, но Ирил промолчал: комментарии тут были излишни.

— Ну и кто ты после всего этого? — Торк, в отличие от Ланьи, противников всегда добивал.

— Придурок,— искренне согласился с ним Ирил.

Наставник внимательно посмотрел на него, пытаясь понять глубину искренности. Убедился, что Ланья честен, и махнул рукой:

— Ладно, считай головомойку законченной.

Он вытащил из ножен лесной нож, зачем-то проверил бритвенную остроту клинка и начал поигрывать им, подбрасывая и ловя за лезвие.

— А расскажи-ка мне,— нож летит вверх,— как ты умудрился,— торк ловит его за лезвие и мгновенно перехватывает за рукоять,— пробить амулет у Дамадика?

Тахор резко повернулся, и нож, вылетев из-под руки, с глухим стуком вошел в дверной косяк. Торк неспешно направился за ним.

— Ведь не безделушка на нем была. Наш амулет, торкский. Жутко дорогой. Я даже мастера знаю, который его делал.

Он выдернул нож из косяка и повернулся к Ирилу.

— Ты с него и пылинку не должен был сбить при помощи хальер. Ан нет — поломал, как куклу. Чего молчишь? Рассказывай.

Ирил задумался:

— Да нечего особо рассказывать. Я его начал бить, а потом смотрю — на нем точка какая-то красная. Я ж не соображал ничего. Ну и начал долбить по этой точке. Долбил, долбил — и пробил. Жутко я злой на него был. Тем более,— неожиданно он решился рассказать Тахору всю правду,— что я еще перепугался, что кто-нибудь про Сову узнает.

— Да? — поощрительно подтолкнул его торк.

— Да нет,— покривился Ланья,— я не про то. Тут-то как раз ничего и не было... А жаль... Дело в том, что до прихода этих уродов она мне фокусы разные показывала. Оказывается, она тоже халь. «Халь разума», как она себя называет.

Тахор резко остановился, как в стенку воткнулся:

— Кто тебе сказал, что она — «халь разума»?

— Никто,— Ирил даже испугался тона, каким был задан вопрос.— Она сама себя так назвала. А что?

— Да так, ничего,— взгляд Тахора остановился. В задумчивости он начал тянуть свой султан на макушке, как будто хотел его оторвать.— Ничего, кроме... — он поднял глаза; — Что за фокусы она тебе показывала?

— Дош на блюдце начал менять форму, перетекал как бы,— осторожно сказал Ирил.— Превратился в морду абарата, глазом мне подмигнул. Я испугался, что кто-нибудь увидит, но Сова сказала, чтобы я не переживал. Для всех этого нет, вижу только я.

Он замолчал и выжидательно посмотрел на торка. Тахор опять впал в несвойственную ему задумчивость. Даже губы вытянул трубочкой, почти превратившись в сотта-топтуна, Тварь из Территорий, массивную, с огромными ушами-наростами, когтями на колоннообразных ногах и длинным гибким хоботом, усеянным зубами. Ирил как-то видел такого в книжке. Тахор стал очень на него похож. Только размером не вышел, ну еще и морда, пожалуй, поуродливей. От такого сравнения Ланья даже хихикнул.

— Весело? — поинтересовался оторвавшийся от раздумий наставник.— Ну-ну, самое время веселиться.

Ирил стер с лица ухмылку. Судя по лицу Тахора, веселого было действительно мало.

— Что-то серьезное случилось? — спросил он.

— Как тебе сказать,— пожал плечами торк.— Я все-таки не специалист в хальер. Я — воин. Мне про хальер надо знать только то, как от узоров защищаться. Все что я тебе рассказываю, это я так, по верхам нахватался. А сейчас, я так думаю, тебе настоящий совет нужен.

— Неплохо бы,— хмыкнул Ирил.— Только кто мне его даст?

— Попробую что-нибудь придумать.— Тахор накинул куртку и обернулся в дверях: — Я думаю, тебе не надо напоминать, что из дома — ни шагу?

— Куда я денусь,— развел руками Ланья.— Я ж преступник.

Торк удовлетворенно кивнул, и дверь за ним закрылась. Ирил начал расхаживать по комнате. Дел, которыми можно было заняться дома, не придумывалось, а на улицу действительно было нельзя. Тюрьмы в Хайаре, как и в большинстве баронств Пестика, не было, но это не означало, что тут рай для преступников. Еще с самого основания Пестика первые бароны, определяя будущий уклад жизни, ввели жесточайшие рамки для преступивших закон. Дела рассматривались либо бароном лично, либо советом Старших вольдовских Команд. Иногда всеми вместе. Решения принимались очень быстро. Нельзя сказать, что всё было всегда справедливо, но и бароны, и вольды мирились с неизбежными единичными погрешностями. Тем более, если выяснялось, что кого-то осудили ошибочно, пострадавший получал такую компенсацию, что жаловаться даже не приходило в голову. Процедура следствия была максимально проста: подозреваешься — марш домой, сиди, жди решения. Решение вынесли — вперед, исполнять. Самым распространенным приговором было исправление содеянного. А для особо тяжких преступлений предусматривалось всего два варианта наказания. Либо смерть, либо — пошел вон из Пестика обратно в свой Лепесток. Что хочешь там, то и делай. Вздумаешь вернуться — точно прикончат. Нарушить процедуру, скажем, сбежать из-под домашнего ареста или не выполнить решение суда, было нереально. Во-первых, любой вольд, который тебя увидит, первым делом попытается убить нарушителя закона. В Пестике это даже не обсуждалось. Сбежал — смерть. А во-вторых, как раз для таких любителей прятаться, из Клевера привозили судебные узоры-заклинания либо в виде амулетов, либо в магиприпасах. Разница в том, что магиприпас высвобождает заряженный в него узор один раз, а амулет действует очень долгое время. Которое зависит от мастерства изготовителя. Бывает, одного амулета хватает на всю жизнь нарушителя. Магиприпасы использовались для поиска и, иногда, немедленного исполнения приговора в отношении нарушителей судебной процедуры. А амулеты применяли тогда, когда нужно было гарантировать, что преступник не уйдет от возмездия. Тот, кто захотел бы нарушить приговор о выдворении из Пестика и вернуться, прямо на входе рисковал получить молнию в глаз или какую-нибудь Тварь, материализующуюся в ожидании именно

его. Конечно, случаи бывают разные и амулеты бывают разные. Те же торки, к примеру, могут изготовить и защищающий от подобных узоров амулет. Однако жить в постоянном ожидании меча, которым первый же опознавший постарается смахнуть тебе голову, то еще удовольствие.

Такие же магиприпасы использовались и для допросов. История Старших Рас уходила в неимоверные глубины, так что за это время, имея в распоряжении хальер, разработать эффективные способы узнать правду труда не составляло. А продавать узоры, служащие благим целям, в отличие от боевых узоров например, Лепестки не отказывались никогда.

Так что Ирилу ничего не оставалось, как метаться от стены к стене в надежде, что наставник что-нибудь да придумает, что совет Старших оправдает его и что никто не донесет никаким аталь о том, что он тут устроил хальер-представление.

Темнело. Ланья уже пересчитал все бревна в стенах, просмотрел весь дождливый пейзаж за окном и лично перезнакомился со всеми мухами в доме, когда наконец дверь скрипнула и, стряхивая воду, вошел Тахор. За его спиной в проеме двери виднелась высокая фигура. Ирил встрепенулся, узнавая:

— Са-Сефара?!

— Здравствуй, мальчик,— старая торквани ничуть не изменилась с того последнего раза, когда оставила в его доме и жизни злобное уродливое чудовище по имени Тахор.— Рано или поздно это должно было случиться с тобой, и я, если честно, даже немного рада, что ты сейчас уже хоть что-то умеешь. Хотя я предпочла бы подождать еще несколько сахашей.

— Так вы — халь? — Ирил переводил непонимающий взгляд с торквани на Тахора.

— У нас это называется — шаман,— напомнила торквани. Она сняла длинную накидку, закрывающую всё тело от дождя, повесила ее на стул и повернулась к Ланье: — Да, сынок, я самый маленький и слабый шаман-утэ в нашей Шаманерии, которой повезло почувствовать мощь Пестика.

— Так вы... — Ирил вжался в стену. Неужели все эти рассказы про аталь — вранье, прикрытие, а бояться надо было вовсе не их?

— Нет,— усмехнулась Са-Сефара.— Ты всё неправильно понял. Ни у Шаманерии, ни у Желтого Лепестка надо мной власти нет. И точно так же, как ты, я не желаю, чтобы хоть кто-нибудь там узнал о моем существовании. Именно поэтому я так хорошо разбираюсь в перспективах халь в Пестике.

— А почему?..— Ирил сначала ляпнул, а потом сообразил и стушевался.

— Потому,— спокойно ответила торквани.— У каждого из нас есть свои Твари в походной сумке. Сейчас не место и не время их доставать. Просто прими на веру, что мне, как и тебе, придется очень и очень хорошо и долго прятаться. Хотя у тебя с твоей подружкой, кажется, появился шанс.

— Да? — распахнул глаза Ланья.

— Да,— Са-Сефара уселась за стол и улыбнулась.— Но сначала я бы предпочла что-нибудь выпить. Спешить нам пока некуда, до совета время еще есть, а пока тебе все равно здесь сидеть. Дош у вас есть?

— Конечно,— кивнул Ирил и сорвался с места. Дош и табак дома были всегда. Тахор без этих вещей жить не мог, и мальчишкой Ирилу частенько доставалось, если что-то кончалось. Теперь помнить о запасах доша и табака в доме стало у него уже рефлексом. К дымящемуся зелью торка Ирил так и не привык, а вот дош полюбил, и даже, по словам Тахора, почти научился его готовить.

Когда дош был сварен, а трубки торков раскурены, за окном уже стемнело. Ароматный дым (Ирил всегда удивлялся: почему он так вкусно пахнет со стороны и такой гадостный, когда сам пробуешь) висел над столом, окутывая таинственной завесой горящую лампу. За окном бесновался принесенный ветром шторм, но в доме было тихо и тепло. Полутени мягко устраивались на ночь по углам. Теплые шкуры, лежащие на креслах, придвинутых к столу, обещали приятные посиделки. Вечер можно было бы назвать уютным, если бы не два переломанных тела, над которыми колдовали сейчас врачи, не воюющие с Огненным Лепестком аталь, и не напряженное лицо Тахора, старательно прячущего беспокойство.

Са-Сефара выпустила клуб дыма и взялась за чашку. Тахор и перенявший добрую половину его привычек Ирил предпочитали огромные кружки со средней крепости дошем, чтобы надолго хватало и не приходилось бегать туда-сюда по двадцать раз. Торвани же попросила неимоверной крепости дош в ма-а-аленькой чашечке. Ирил замучился выпаривать воду, чтобы получалось так, как она хотела. Но его старания были вознаграждены. Сделав глоток, Са-Сефара в восхищении подняла брови:

— Мальчик, да ты мастер доша. Что ж, по крайней мере чему-то одному Тахор тебя научил как следует.

— Ну, иногда у него получается,— скрипуче выдавил из себя наставник.

Ирил подавил улыбку.

— Итак,— Са-Сефара откинулась на спинку кресла.— Что произошло, я знаю, так что нет нужды повторяться. А вот чего я не знаю во всей этой истории — так это двух вещей: то, как ты разбил амулет, и то, что делала твоя подружка. Не можешь рассказать поподробнее?

Ланья вздохнул. Повторяться не хотелось совершенно, но не откажешь же Са-Сефаре. Весь рассказ занял несколько минут, за которые Ирил еще раз увидел все свои глупости, которые он умудрился наделать. Стыдно стало неимоверно. Закончив рассказ, он съежился в своем кресле, вцепившись в чашку с дошем, как в спасательный круг. И даже немного пожалел, что не курит. То-то удобно было бы сейчас начать раскуривать трубку. И заниматься этим часа эдак два.

— Интересно,— задумчиво повертела в руках чашку торквани, выслушав рассказ.— Даже очень.

Ирил выдохнул. Кажется, очередной головомойки не будет. Са-Сефара смотрела на произошедшее с другой стороны.

— Ну, что я тебе скажу,— торквани вынырнула из своей задумчивости.— За Сову ты можешь одновременно и беспокоиться, и нет. За то, что ее могут определить как халь разума, ты можешь не беспокоиться. Это направление как раз и отличается тем, что его невозможно увидеть со стороны. Их узоры чувствуют только те, на кого они направлены. Да и то еще далеко не каждый сможет распознать, что его накрыли узором разума. Очень хитрая школа и очень специфичная. И вот как раз тут и можно начинать паниковать. Халь разума по сути своей редки. Их и так мало, и живут они, как правило, очень и очень недолго. Трудно всё время ходить по краю реальности. И очень трудно всегда знать, когда и где эта реальность заканчивается. Быть уверенным, что то, что ты видишь,— не твой узор, а настоящая жизнь. И наоборот. Они почти все заканчивают одинаково — сходят с ума. И в лучшем случае умирают тихо и сами. А в худшем... — она сделала глоток доша.— Воевать с сошедшим с ума халь разума — то еще занятие.

— То есть Сова... — Ирил не смог договорить.

— Не факт,— помотала головой Са-Сефара.— Про людей — халь разума я никогда ничего не слышала. У вас интенсивность связи узоров с ариль, по-вашему душой, может быть значительно ниже.

Она выдохнула перед собой клуб дыма и загадочно посмотрела сквозь него на Ланью.

— И тогда открываются очень интересные варианты. Тем более что в свете последних событий...

Заинтригованный Ирил подался вперед, но торквани резко поменяла тему:

— Теперь про тебя. Тут всё просто. То, что ты — халь, с сегодняшнего дня не в курсе только младенцы. Разбить торкский амулет-блокиратор — это представление, которое пропустить невозможно. Время, когда тобой заинтересуются Старшие Расы,— вопрос нескольких дней. В лучшем случае — недель.

— Аталь? — уточнил Ирил.

— Все Старшие Расы,— покачала головой торквани.— Халь, могущий пробить наш амулет,— это интересно всем. С той разницей, что наши постараются сначала понять, как ты это делаешь, а потом побыстрее тебя убить — еще не хватало, чтобы ты тут учеников наплодил. Глеммы утянут тебя к себе — они любят, чтобы все происходило неторопливо, размеренно, в их лабораториях. Но они тебя насухо выжмут. А аталь? — Она слегка улыбнулась.— Ну, реакцию аталь нетрудно представить. Стрела в глаз, прежде чем ты сможешь это понять. И только в самом крайнем случае они могут захотеть тебя препарировать. Если что-то глобально изменится. Как сейчас, например.

— Са-Сефара, извините,— Ирил постарался, чтобы вопрос звучал как можно мягче,— но вы уже в третий раз намекаете на что-то. Что случилось?

— Что случилось? — подал голос Тахор.— Что случилось, это я тебе расскажу.

Он встал, не выпуская из рук кружку с дошем и трубку, и подошел к окну.

— День сегодня странный какой-то,— поделился он, присматриваясь к непогоде, бушующей за окном.— То шторм упадет, когда его не ждут. То халь доморощенный со щенком каким-то подерется. То люди эти...

— Что — люди? — вообще ничего не понял Ланья. Голова потихоньку начала идти кругом.

Видно, это отразилось как-то на его лице. Са-Сефара увидела.

— Не надо, Тахо,— попросила она из своего кресла.— Не долби его больше. Ему уже хватит. С тем что он сегодня пережил, ему и так много.

— И чего это ему сегодня много? — сварливо поинтересовался от окна Тахор.— Подумаешь, подрался один раз. Делов-то.

Он презрительно фыркнул, но смилостивился:

— Ладно. Слушай. Всё произошло вчера, но узнали мы сегодня утром. Аталь устроили контрнаступление и в один день вышибли людей из всего Зеленого Лепестка. Что уж там они сделали и как

это у них получилось — пока неизвестно. Но факт тот, что люди все убрались обратно в Огненный Лепесток. Всё опять стало как до войны. Аталь сунулись было сами в Огненный, но тут уж люди не сплоховали — вышибли зеленых как миленьких.

— И что это значит? Для нас, я имею в виду? — Ирил ровным счетом ничегошеньки не понял из сказанного.

— А это еще и не всё,— ухмыльнулся Тахор.— Вчера вечером из Территорий с жутким каким-то боем вырвалась Команда глемма Теренса, слышал про такого?

— Один из пяти членов Совета Старших Команд в баронствах, правильно? — уточнил Ирил.

— Угу,— подтвердил Теренс.— Выходили они отбиваясь чуть ли не от лапинаэира, помнишь что такое?

— Да,— коротко кивнул Ланья. Твари такого калибра запоминаются и против воли.

— А самое интересное, что они вытащили из Территорий штук тридцать халь Огненного Лепестка, которые не смогли почему-то вернуться к себе. К нам провалились. Придется им теперь задержаться. Всё понятно?

— Да,— глядя бараньими глазами на Тахора, подтвердил Ирил.— То есть нет.

Са-Сефара была права. Ирил потихоньку начинал переставать воспринимать происходящее. Безумный день брал свое. К чему тут какие-то халь? Да еще из Огненного Лепестка. Ему от этого ни холодно ни жарко.

— Если ты помнишь,— подала голос из своего кресла торквани,— то из Пестика ты можешь отправиться в любой Лепесток, кроме Огненного. Тут людям не свезло. Как обычно. А перемещаться им домой через Старшие Расы после всего, что случилось,— не самая лучшая идея. Или ты про другое спрашивал?

— Про другое,— благодарно подтвердил Ирил.

— А вот тут и начинается самое интересное, сынок,— Са-Сефара отложила в сторону трубку, отодвинула чашки и оперлась на стол.— Боевые халь Огненного Лепестка в Пестике (а никем другим они быть не могут) — это удар по всем халь Клевера. Если эти халь смогут тут прижиться, то у людей появляется масса возможностей для совершенствования в хальер, что раньше для них было недоступно. Как думаешь, рады будут этому остальные Лепестки? Я думаю, что нет.

Ланья замотал головой, показывая, что он тоже так думает.

— И вывод из всего этого,— продолжила торквани,— я полагаю, будет таким: Лепестки устроят в Пестике охоту на любого, у

кого есть хоть капля способностей к хальер. И уже неважно, человек это или кто другой. Тут уж принцип простой: вали всех, Несуществующие разберутся, кого простить.

— И тут я, такой красивый, посреди всего этого,— упавшим голосом проговорил Ланья.

— Ты, конечно, помнишь, как я тебя назвал? — делая глоток дошa, полуутвердительно-полувопросительно пробурчал от окна Тахор.

— Придурок и есть,— сокрушенно согласился Ирил.

— Не кори себя,— заступилась за него Са-Сефара.— Помнишь, что я сказала, когда пришла? Рано или поздно это должно было случиться. Ты все равно бы себя выдал. А с приходом этих халь у вас, вернее у нас у всех,— поправилась она,— появляются некоторые шансы.

— Какие шансы? — немного воспрял Ирил.

— Существует вероятность, что основные усилия Лепестки сосредоточат все-таки на этих людях. А остальных будут искать так, спустя рукава. А вот если у этих халь получится еще и отвоевать себе право на жизнь, то тут и у нас появляется возможность носто высунуть. Понимаешь?

— Не очень,— признался Ирил.— Но это неважно. А сейчас-то мне что делать?

— Сейчас? — присмотрелась к нему Са-Сефара.— Сейчас тебе надо идти поспать, а то ты уже меня от Тахора не отличаешь.

Это была почти правда. Ирил держался только на вбитом годами тренировок рефлексе, не позволяющем «отрубиться» без разрешения наставника.

— Давай-ка,— торквани неспешно поднялась из-за стола,— отправляйся ты спать. Всё равно тебе раньше, чем Совет приговор вынесет, из дома выходить нельзя. Мы постараемся, конечно, чтобы они побыстрее решали, но два-три дня по-любому это займет. Так что — спать немедленно, а утром продолжим разговор. Тем более что нам еще эту твою Сову надо просветить и проинструктировать.

Ирил выбрался из кресла. Его немного шатнуло. Спать хотелось неимоверно, даже дош уже не действовал. Но Ланья все же нашел в себе силы задать вопрос, на который за все это время так никто и не ответил:

— Са-Сефара.

— Ну,— повернулась к нему торквани,— чего еще мы не выяснили?

— Ну вот вынесет Совет решение, я его выполню, а дальше-то что? Что мы будем делать, пока халь из Огненного не объяснят Лепесткам, что нас трогать нельзя?

— Ах это,— улыбнулась Са-Сефара,— тут тоже всё просто.

Она неспешно подошла и с высоты своего роста ласково потрепала Ирила по голове:

— Мы будем прятаться, малыш. Долго-долго прятаться. Я тебя научу,— в ее глазах промелькнула и исчезла грусть.— А теперь иди спать. Нам еще завтра много придется разговаривать.

И Ирил пошел. И уже в дверях комнаты его настиг голос наставника:

— Спокойной ночи, халь. С днем рождения.

Голос Тахора звучал странно торжественно, и Ланья обернулся посмотреть, что же такое случилось. Торк встретился с ним глазами, выдернул из ножен лесной нож и медленно приложил его ко лбу, приветствуя уже признанного халь воинским салютом торков. Где-то внутри у Ирила зажегся горячий огонек восторга. Тем же движением он выдернул свой нож и повторил салют. Как равный с равным. Тахор криво ухмыльнулся. Ланья, как на крыльях, печатая шаг, вышел из комнаты...

И надо же было этому дурацкому ведру стоять прямо под ногами... И тут же, в ответ на жестяной грохот, из комнаты донесся сварливый голос наставника:

— Но это абсолютно не означает, что ты теперь можешь ходить не глядя под ноги.

Ирил расхохотался. Жизнь продолжалась.

Глава 5

— Они меня не видели! Ты представляешь, не видели! — Сова от восторга приплясывала на месте.— Все пятеро стоят, с отцом разговаривают, а меня не видят.

— Ты ненормальная,— у Ирила вдруг перехватило горло.— Ты глупая сумасшедшая дур...очка!

В последний момент он все же смог справиться с собой. Обижать Сову было не за что, но все равно Ланье очень хотелось взять ее за плечи и как следует потрясти, чтобы все эти дурацкие идеи... Вышибить всё это из головы. Дурь эту... Видимо, со стороны это тоже было заметно: Сова беспокойно посмотрела на него и аккуратно отодвинулась.

— У тебя часом не очередной приступ начинается? — немного обиженно поинтересовалась она.

Понять ее, в принципе, было можно: она на крыльях летела похвастаться своей победой к единственному человеку, который мог это оценить, а тут на тебе...

— Ты в своем уме?! Пятерка воинов-листьев. Желтые стрелки,— Ирил все же решил объяснить.— Нельзя так рисковать. Они же амулетами увешаны как не знаю кто.

— На школу разума амулеты не распространяются,— лукаво улыбнулась Сова.— Да будет тебе известно. Я же тебе говорю, они ничего не заметили. Поговорили с отцом — и ушли. А раз так, значит, все сработало. Нет? И вообще, ты чего завелся?

Ирил покраснел. Как ей объяснить, что от одной мысли о том, что с ней может что-то случиться, у него внутри всё переворачивается раз пять? Если только... Да он этих Стрелков... О!

— А что они делали у вас? — Ланья нахмурился. Когда Сова прибежала рассказывать про визит боевой пятерки аталь, он ни о чем другом и думать не мог, кроме как об опасности, грозящей Сове. А они ведь по делу пришли. Сова тем временем немного убавила радость в голосе:

— Они меня искали. И тебя. Всё отца спрашивали, что да как было. Ну, тогда, с Дамадиком.

Ирил скривился. С момента памятной стычки прошло уже полтора года, но Са-Сефара с Тахором всё никак не разрешали Ирилу появляться в городе. Да и вообще где-либо.

Мыс Хакони, где стояла одинокая избушка, в которой «коротала клонящиеся к закату дни немощная старушка» по имени Са-Сефара, расположен был так, что захочешь выбрать место хуже — не получится. Продуваемый всеми ветрами треугольник огромной скалы нависал над морем, выступая прямо из болотистого берега. Чтобы сюда добраться, надо было преодолеть такое количество препятствий, что где-то на середине пути отчетливая мысль: «А зачем мне все это путешествие?» — становилась единственной. Тем более что идти сюда было в самом деле незачем. Не замерзающие даже в самые лютые зимы болота летом становились прибежищем наигнуснейших представителей рода насекомых, которые отбивали охоту идти дальше даже у матерых вольдов. А как раз матерые вольды и знали лучше всех, что делать в окрестностях Хакони нечего. Дно океана там представляло собой далеко тянущееся мелководье, усеянное острыми клыками скальных обломков. И ходить по дну — никак, и на лодке не поплаваешь толком. Рыба там была, но немного, на постоянную продажу не хватит. Океанские Твари здесь близко к берегу не подходили — мелко. В боло-

тах, кроме мошки и пиявок, тоже никого. Идти далеко и неудобно. Роза ветров — отвратительная. В общем, гиблое место.

Когда старая торквани перебралась сюда жить, все в Хайаре решили, что Са-Сефара уже к Несуществующим собралась. У торков в каждом клане свои верования. Кто ее, старую, знает, может, ей по вере положено перед смертью ото всех уходить. Годы шли, торквани все шлепала и шлепала по своим болотам, изредка появляясь в Хайаре,— и все потихоньку привыкли, что далеко-далеко на севере стоит маленькая избушка на продуваемом всеми ветрами мысе. Сама Са-Сефара и не старалась никому напоминать о себе. Словом, место для жизни опального Ирила Ланьи подходило как нельзя лучше. Всё равно в маленьком городке не спрячешься, все про всех знают. Так что самое надежное — просто уйти из города и не появляться. Глядишь — забудут. И правда, вроде бы и забыли. К матери он регулярно выбирался, благо она жила на отшибе, а больше в Хайаре делать нечего.

Это он так себя поначалу успокаивал.

Вопреки всем ожиданиям, жизнь Ирила на Хакони скучной не была. Когда Тахор приветствовал Ирила салютом, как равного, Ланья самонадеянно решил: всё, обучение закончилось, он теперь уже большой и умный. Ничего подобного. Оказалось, что все только начиналось. Здесь, на Хакони, вдали от чужих глаз и ушей, наставник развернулся во всю мощь. Походы за Тварями (теперь Тахор начал учить Ирила добывать тех, что водятся на суше) становились все продолжительнее и опаснее. Ежедневные бои — всё жестче. Признание Ирила равным означало только то, что оружие теперь использовалось только боевое. Бесконечные тренировки и пробежки. Переходы через болота, бег по неровному мелководью, карабканье по отвесным скалам — вот и близко не полный список мучений Ирила, придумываемых жестокосердным торком. Видят Несуществующие, Ланья уже давным-давно был готов отказаться и от хальер, и от жизни вольда, и вообще от всей своей прошлой жизни. Вот чего он никак не мог представить, так того, что будет скучать по прежним временам. К которым, правда, возврата уже не будет. Никогда.

Стараниями лекарей поставленный на ноги Дамадик не раз и не два собирался добраться до Ирила. Весь Хайар уже слышал его страш-ш-шную клятву отомстить «трусливому человечишке». Но то ли из-за дальности, то ли стараниями Тахора (он как-то говорил, что провел воспитательную беседу), а может, и просто из-за обыкновенной трусости парочка оскорбленных вояк так и не добралась до Хакони. Все-таки Ирил их тогда хорошо приложил —

лекари еле вытащили Дамадика. Штраф он заплатил, из города ушел — не из-за чего было переживать. Самих аталь Ланья не очень боялся — один раз отделал, значит, получится и второй. Да и мастерство его в обращении с хальер росло неуклонно. Са-Сефара взялась за его обучение всерьез, не хуже Тахора. Овладеть полностью хальер торков у Ирила не получалось — чтобы стать шаманом, надо учиться с детства, а Са-Сефара была далеко не магистром. Но базовые принципы работы Шаманерии Желтого Лепестка Ланья усвоил. Теперь он гораздо лучше понимал, как именно пробил тот амулет. Видел скрученные в тугие узоры линии на других амулетах (у старой торквани оказалась весьма приличная коллекция), старался сам сплетать и расплетать их. Иногда даже получалось. Но вот еще раз пробить амулет так, как он сделал тогда, у Ррадушита, не вышло ни разу. Впрочем, ни Тахор, ни Са-Сефара по этому поводу не переживали: лишнее внимание им попрежнему было ни к чему.

Человеческие маги, свалившиеся в Пестик из Зеленого Лепестка, приживались не сказать чтобы тяжело, но без ярких побед. Только один из них периодически привлекал внимание Пестика, то отправившись к гнездам вельянов, то громко победив тиххина, Тварь и вправду страшенную. Правда, звали его как-то не очень серьезно — Ацекато, над чем Тахор неизменно хихикал: «Ацекато» на торкване означал «птенчик». Но этот маг так и оставался исключением, подтверждающим правило. Остальные жили тихотихо. Правда, в последнее время поговаривали о создании магами какого-то своего братства, но Ирил, со слов Са-Сефары и Тахора, понял, что это несерьезно. Маги потихоньку растворялись в массе вольдов, а вместе с ними потихоньку растворялась и надежда Ирила когда-нибудь вернуться в город и зажить обыкновенной жизнью северного вольда. Собственно, к самой этой жизни Ирил не очень стремился. Привыкший за годы вынужденного уединения довольствоваться малым кругом общения, еще одним видом одиночества втроем он не очень тяготился. Тем более что пара торков времени на это почти не оставляла. Но в один прекрасный момент Ланья вдруг остро осознал, что в Хайаре он оставил не только старый дом и ждущую его мать.

Момент наступил, когда пребывающий в боевом трансе Ирил носился по краю болота, прыгая туда-обратно. Задача, поставленная Тахором, заключалась в том, чтобы пройти весь доступный берег, передвигаясь прыжками. В болото, желательно поглубже,— на берег, в болото — на берег. Если при этом начинаешь тонуть, то еще и лучше. Так говорил Тахор. Перед пропрыжкой крайне реко-

мендовалось войти в боевой транс — иначе шансы выскочить из очередного прыжка в болото становились призрачными. Ирил уже отпрыгал где-то половину, когда его обострившийся взгляд зацепился за темную точку на дальнем конце болота, медленно ползущую в их сторону.

— Х-хгы! — Разговаривать, пребывая в трансе, не получалось, и Ирил просто ткнул мечом (какой же боевой транс без оружия) в сторону точки.

Тахор от незваных гостей ничего хорошего не ждал.

— Взять! — вытянул он руку, и Ланья спущенной с цепи собакой рванулся к дальнему краю болота.

Когда Ирил пропахал где-то две трети болота, Тахор разглядел наконец (зрение у него было получше), кто именно пожаловал в гости.

— Тази-и-и-и... — тянущий душу крик разнесся над гнилой равниной.

Ирил резко остановился и заморгал, осматриваясь безумными глазами. Куда его занесло, еще предстояло осознать. Это для того, чтобы войти в боевой транс, требуется время, а для моментального выхода из него существует специальная команда, которую только что прокричал торк. Руки немного тряслись — с них стекало напряжение. Ирил глубоко вздохнул и вдруг понял, что тонет. Ноги по колено увязли в болотной жиже. И как выбираться? В любую сторону — грязь и вода.

Как-как? Как учили. Ирил плюхнулся в жижу, раскинув руки и стараясь стать как можно более плоским. Извиваясь и помогая себе руками, как плавниками, Ланья начал медленно вытаскивать ноги, прикидывая, в какой стороне может быть твердая кочка. Жадная грязь начала понемногу отпускать. Но проблемы на этом не кончились.

— Ири-ил! — Девичий крик разнесся над болотом, и черный силуэт внезапно обрел очертания, превратившись в Сову, бросившуюся на выручку «тонущему» Ланье, поднимая фонтаны брызг.

— Назад! Замри! — Вот чего сейчас Ирилу не хватало, так это девчонки, котрая летела к нему по неверной тропе и в любой момент могла ухнуть в ... Плюх.

— Ири-ил! — А вот теперь в голосе отчетливо звенел страх.

Тудыть её Тварей через гнилое бревно... Ланья в отчаянии повернулся в сторону, где остался Тахор. Наставник неспешно устраивался на поваленном дереве, доставая трубку: большому мальчику предлагалось справляться самому. Твоя гостья — твои

проблемы. Ланья сжал зубы — Тахор прав. Что торк, находясь на расстоянии, может сделать такого, чего не может он сам?

— Руки раскинь,— закричал он в зеленоватое небо,— я иду.

Сил прибавилось неимоверно. Ноги выскочили из засасывающей грязи, как пробка из бутылки. Ланья пер вперед, как вельян. Вот она. Сова безумным взглядом выхватила его из окружающего марева. Ирил схватил тонкое запястье.

— Всё, всё в порядке, я держу,— прохрипел он — и вдруг перестал барахтаться.

Кто просил твердую поверхность?

— Вставай, путешественница,— Ланья немного неуклюже поднялся на ноги. Что там вокруг, неизвестно, но тут — всего полметра жидкой грязи, а под ним — твердая земля.

Больше всего Сова сейчас походила на обиженного ребенка.

— Я испугалась,— она тоже встала на ноги (по колено в грязи, конечно, неприятно, но не смертельно) и попыталась отряхнуться. Ирил иронично поднял бровь: тут и баня не сразу поможет.— За тебя, между прочим.

Она обвиняюще уставилась на него, как будто это лично он облил ее грязью. А вот тут Ланья расхохотался. Секундой позже залилась смехом и Сова.

— Ну ладно, детки,— Тахор, когда хотел, умел говорить очень громко. Его голос разнесся далеко над болотом.— Выбираемся. Пора мыться и чистить зубы.

— Пошли,— Ирил по-прежнему держал Сову за руку. Трудно было сказать, что преобладало у него сейчас в душе, он и сам не смог бы сказать, но руку ее он бы не выпустил ни за какие коврижки.— Покажу, как по болотам ходить надо.

Плюх — и уже по пояс в жиже. А Тахор, оказывается, умеет не только громко говорить, но и хохотать на всё болото...

Тогда они с Совой проговорили весь вечер. Торки не мешали. Собственно, они вообще не появлялись на глаза. Только каким-то образом на столе появилась еда да кровать в одной из пустующих комнат оказалась застеленной. Вечер длился и длился. А когда звезды на небе уже начали бледнеть, обещая погожее утро, Сова, улыбнувшись, пошла спать. Ирил еще долго потом стоял, привалившись к косяку двери в коридор, но постучаться в гостевую комнату так и не решился.

Три дня промелькнули, как взмах длинных ресниц Совы. Да, конечно, она обещала вернуться, а Ирил обещал наплевать на все запреты и появляться в городе чуть ли не каждую неделю. И они

сдержали свое обещание. Но с каждым разом Тахору все труднее и труднее становилось поворачивать голову Ланьи в сторону обучения. Хотя торк не жаловался.

И все бы было хорошо, но в последнее время всё чаще Тахор мрачнел от известий, которые приносили его неведомые друзья. Лепестки всё активнее интересовались жизнью магов Пестика. Как магов Огненного Лепестка, так и местных, недоучек вроде Ланьи. Последние дни торк вообще ходил мрачнее тучи. «Что-то готовится»,— бурчал он в ответ на все вопросы, с которыми к нему аккуратно приставал Ирил. И тут, как гром среди ясного неба, появилась Сова со своим рассказом о том, как ловко она обманула пятерку аталь. Желтых стрелков. Вторых по значимости бойцов Зеленого Лепестка после Изумрудных, гвардии Зеленого Принца. Что они забыли в Хайаре, забытом Несуществующими месте, куда даже торговцы-глеммы, известные своей страстью к деньгам, забирались только по острой необходимости, было совершенно непонятно. А тут на тебе, пожаловали. И не просто так, а «тебя искали». Ну, Ирила — это ладно, это понятно, а вот... «И меня». Её?! Зачем? Кто мог узнать, что она — халь разума?

— С чего я завелся? — нахмурился Ирил, хмуро глядя на Сову.— Неужели ты не понимаешь: если они спрашивали о тебе, то они либо знают, либо предполагают, что ты — халь. Ты понимаешь, что это значит?

— Ничего это, может, и не значит,— Сова поправила юбку.— Они вспомнили ту драку с Дамадиком и пришли выяснить, что произошло. Тобой они, понятно, будут интересоваться. Такие вещи не спрячешь. А до меня им и дела нет. А я, раз получилось их обмануть, быстренько к тебе подалась. Предупредить. Так что ты не спеши хмуриться. Всё не так уж и плохо.

— Ага, замечательно,— она, может, и права, но Ирил из принципа уперся.— А ты не подумала, что они сюда по твоим следам могут прийти? Надо Тахора предупредить.

— По каким следам? — рассмеялась девушка.— Ты что? Если они меня вообще не увидели, как они могут за мной идти. Они даже не знают, где я есть.

— Я вынужден согласиться с молодым человеком,— раздался в дверях негромкий голос Тахора. В присутствии Совы он всегда начинал выражаться высоким стилем.— Я не готов подвергать сомнению ваши слова насчет удачного узора хальер разума, уважаемая, но Желтым Стрелкам вовсе не обязательно знать, где вы есть. Достаточно знать, куда вы пойдете.

— То есть? — повернулась к нему Сова. Потом вспомнила: — Здравствуйте.

— Здравствуйте, учитель,— эхом повторил за ней Ирил.

— Здравствуйте,— кивнул торк. В одной руке он держал мешок, в другой — меч Ирила.— Этим я хочу сказать, что они уже здесь.

Он по очереди бросил Ирилу мешок и меч:

— Готовься, будет драка.

— Что? — Ланья подхватил мешок, в котором оказалась его экипировка, пристроил за спиной меч. В развернутом вопросе смысла не было — Тахор и так все понял.

— Все пятеро перед мысом. Идут молча, скрытно. Может, конечно, они просто доша попить зайдут, но я в это как-то не верю. Боевым порядком в гости не ходят.

— Это я их привела? — упавшим голосом спросила Сова.

Тахор кивнул.

— Но как?

— Очень просто. Где живет Ирил Ланья, знают все. Им всего-то и надо было, что сесть где-нибудь по дороге и дождаться тебя. А увидеть хвост из Желтых Стрелков ты не сможешь никогда.

— Но зачем? — изумилась девушка.

— Ты тоже не понимаешь? — Тахор перевел взгляд на Ирила.

Тот скорчил обиженную физиономию, мол, что вы, учитель.

— Если они сами по болотам пойдут, то мы их за пять минут вычислим,— объяснил он Сове.— Пока они тропу будут искать, двадцать раз подготовиться успеем — или сбежать, на худой конец. А может, даже там их и оставим. Это ж наши места. А ты им весь проход показала. Они за этим к тебе и пришли, чтобы ты сразу ко мне побежала,— осенило его под конец.

На Сову было больно смотреть.

— Это я сама, своими руками... — у нее задрожали губы.

— Давай-ка, девочка, отложим страдания на потом,— Тахор если и был расположен рассматривать девичьи слезы, то никак не сейчас. Ты забирайся наверх, там всё спокойнее будет, а мы тут их встретим. Са-Сефара уже готовит им «угощение».

— А может, они все-таки с миром идут? — сделал последнюю попытку Ирил.

— Не с таким,— и без того уродливое лицо торка сморщилось, превратившись в какую-то морду из кошмарных снов.— Неделю назад я бы с ними поговорил сначала, но не сегодня.

— А что случилось?

— Три дня назад,— Тахор вытащил из стенного шкафа арбалет и начал его снаряжать,— из Пестика ушли все глеммы-контрабан-

дисты за исключением самых отпетых. Все, понимаешь? Про тех, кто остался, я не говорю, они такой грязью занимаются... Этим всё равно, что вокруг будет. А будет только одно — вторжение. Эти, из Огненного Лепестка, маги которые, недавно запустили свою систему связи. Теперь центральные баронства у них под контролем. Я так думаю, что Лепестки этого не допустят. Чтобы люди начали в Пестике себя хозяевами чувствовать? Никогда. Так что эта пятерка к нам с конкретной целью пришла.

Он закончил с арбалетом и покачал его в руке, привыкая к весу. И именно арбалет убедил Ирила: всё всерьез. Тахор, как и любой торк, стрелковое оружие недолюбливал. Честный воин издалека убивать не будет, говорил он. Так что, если уж торк сам взялся за него (да не за благородный лук, а за «оружие лентяев» — арбалет), значит, дело дрянь. Проводив Сову в комнату наверху, торк вернулся.

— Держи,— резким жестом бросил он Ирилу какой-то предмет.

— Что это? — Ланья поймал торкский амулет, украшенный причудливой вязью рун, и вопросительно посмотрел на Тахора.

— Са-Сефара позаботилась,— объяснил тот.— Прицел сбивает. Совсем от аталь, конечно, не закроет, но хоть немного жизнь им осложнит. Надень.

Ирил послушно просунул голову в костяное ожерелье, проверил, как ходит меч в ножнах за спиной, похлопал себя по рукам и ногам, проверяя метательные ножи, и пару раз подпрыгнул, прислушиваясь, не брякнет ли где-нибудь плохо подогнанное снаряжение. Снаряжение не брякнуло, и Ирил вытянулся перед наставником. Готов.

— Хорошо,— торк критически оглядел его с ног до головы.— Твоя сторона — юг.

Ланья двинулся было на выход, но Тахор неожиданно поймал его за рукав, притянул к себе и пристально глянул в глаза:

— И запомни, малыш,— зрачки торка кололи, как иголки,— противник — хуже мало куда. На тебе двое, на мне — трое. Са-Сефара рядом, но это и всё. Кроме тебя, больше нас отсюда прикрыть некому. Проколешься — все ляжем. Осознал?

После секундной паузы Ирил с ожесточением кивнул.

— Нет,— ухмыльнулся вдруг Тахор.— Ты не осознал. Я от тебя не истерики жду. Наоборот. Все эмоции выключай. Ни страха, ни ненависти. Они просто не должны пройти. Смотри на мир, не смотри на врагов. Вспомни всё, чему я тебя учил.

Он замолчал на секунду и вдруг мягко улыбнулся:

— Ты справишься, сынок. Я в тебя верю.

Мир за дверью приобрел вдруг странную резкость. Тахор скрылся за домом, взяв на себя самое сложное — изрезанный скалистый северный участок, оставив Ирилу равнинный выход из болот с редкими кустами, разбросанными тут и там. Если всё, что Ирил до сих пор слышал про Желтых Стрелков, правда — то счастья и тут ждать трудно. Но это не имело никакого значения. За спиной у Ланьи росли крылья. Два огромных крыла, поднимающие его над землей и показывающие ему всю картину сущего — наставник похвалил его. Нет, не просто похвалил. Так Тахор никогда с ним не разговаривал.

Ноги сами начали странный диковатый танец, вводящий тело в боевой транс. Мир застывал, каждое движение вокруг замедлялось. И когда он уже готов был соскользнуть в безвременье, когда вот-вот должна была остаться только жажда боя, затмевающая собой все остальное, Ирил остановился. Не движение остановил, нет,— тело продолжало двигаться, меч чертил смертоносные круги вокруг головы,— Ланья остановил сознание. Тахор его этому никогда не учил. Мало того, он категорически запрещал любые изменения в ритуале вхождения в транс. Каждое несоответствие веками выверенного танца могло если не убить, то серьезно повредить психику. Тахор говорил, что иные нерадивые ученики так навсегда и оставались там, внутри боевого безумия. Их «навсегда» заканчивалось очень быстро. Но Ирил его не послушался. Вернее, не так. Не то чтобы он сознательно ослушался, просто во время одной тренировки он остановился на какой-то невидимой грани и сам удивился невероятному ощущению, заполнившему всю его сущность. Всё тело наполнилось изумительной легкостью. Не той смертоносной стремительностью, которая подхватывает тебя в боевом трансе, ведя от одного врага к другому, когда ты не чувствуешь своего тела, а видишь только очередной труп, уходящий в небытие на радость духам войны. Некто другой, сохраняющий для тебя контуры твоего «я», но в то же время позволяющий вести бой точно так же, как это было бы при классическом трансе. И вся разница была бы только в необычности ощущений, если бы не одно «но»: в своем трансе Ирил мог плести узоры хальер. Его голова по-прежнему оставалась при хозяине. И вот тут-то и начиналось все самое интересное.

Ланья и сам не мог сказать, почему он не рассказал об этом учителю. Поначалу всё откладывал, пытаясь разобраться, не напортачил ли где и не грянет ли вслед за признанием очередная взбучка. Потом он на самом деле чуть не остался в трансе — и взбучка грянула. Но Тахор списал все на нерадивость, а Ирил

опять промолчал. А еще потом он просто решил, что эта вещь останется его маленькой тайной. Вдруг да придется когда удивить учителя. Мало ли, случаи разные бывают... Тем более что сам Тахор именно так его и учил. В «свой» транс Ирил входил редко, но регулярно. С каждым разом руки все сильнее чесались проверить себя в настоящем деле, например на охоте на Тварей, куда торк затаскивал его с неизменным постоянством. Но Ланья держался.

А тут такое дело... Если и начинать, то когда, как не сейчас? Тем более что для Ирила существа, пришедшие за его Совой, были абсолютно в одну цену с Тварями.

Мысль о Сове заставила вскипеть кровь, руки сами судорожно стиснули рукоять меча, ну!.. И Ирил остановился. Прямо внутри транса. Стоп, никакой ненависти. Ничего. Нет ничего. Только мир вокруг, застывший резкими красками солнечной картины. Аккуратно вернув меч в ножны, Ирил освободил руки. Они ему нужны. Для чего, он и сам не знал, но чувствовал, что нужны. А меч он успеет достать, обязательно успеет.

Солнечная дымка застывала на каждом предмете вокруг, приклеивая любую деталь к прозрачному холсту мироздания. Всякое движение мгновенно замечалось и отдавалось чуть ли не физической болью, настолько резко оно контрастировало с окружающей неподвижностью. Так, что это? Нет. Не то. Это ветка сломалась. Сама? Сама. Нет, не сама. Сама она бы упала — и всё, а ее потом еще и отодвинули. Совсем немного, на миллиметры. В жизни Ирил никогда бы не заметил. Но то — в жизни. Где же ты? Вот. Вот он. Зеленоватая капля прозрачно переплыла от одного дерева к другому. И почему аталь даже под хальер все равно кажутся зелеными? Вперед? Нет. Стоять. Где второй? Должен быть с другого края. По идее. По чьей? Желтые Стрелки потому и считаются одними из лучших, что их схемы, убивая, остаются непредсказуемыми. Второй шел шагах в десяти позади первого и чуть правее. Все правильно, мелькнуло в сознании. Аталь знают, что Тахора с Ланьей всего двое. Пока первый Стрелок прыгает вперед, забирая на себя все внимание обоих, второй либо страхует его, либо бьет в спину. А вот допустить, что прячущиеся в захолустном поселении людишки, ну ладно, человек и торк, могут превзойти Желтых Стрелков и в одиночку держать — один двоих, другой троих,— аталь не допускали и на секунду. Презрение к врагам было в крови у аталь. Иногда это помогало, чаще нет. Сколько раз они были биты именно за неуважение к упавшему, но живому врагу, и пересчитать сложно. Били их и армиями, и в одиночку. Ничему не учатся. И Твари с ними. Ирил отбросил лишние мысли перед боем. В кон-

це концов, чей путь правильнее, будут разбираться Несуществующие. Всё равно все им достанутся в итоге. Когда-нибудь. А у Ланьи сейчас задача, чтобы первыми на разбор отправились эти зеленые капли.

Так, бежать нельзя, слишком далеко. Транс трансом, но он не всемогущ. Презирают там аталь врагов или нет, но стрелками они остаются бесподобными. Стрелу он получит на таком расстоянии точно. Значит, ждем. Потекли бесконечные секунды, неимоверно тягостные для бойца в трансе. Вообще, это опасно. Транс нужен для боя, для постоянного движения, когда тебя невозможно увидеть, до тебя нельзя дотянуться. Ждать в нем нельзя, а то запросто можно вывалиться из этого состояния в самый неподходящий момент. Но это — в обычном трансе. Ланье было легче, в его трансе ждать было можно. Два узора, смертоносных узора, ждали своего момента. Только высуньтесь. Попробуйте. Вот и попробовали. Две зеленоватые капли одна за другой выскользнули из-за чахлых деревьев и текуче рванулись через открытое пространство. Навстречу им рванулся Ланья. Фр-р-р, фр-р-р. Два узора хальер ушли вперед, встречая незваных гостей. В трансе они выглядели как кометы, рассыпающие с хвостов снопы искр. Яркие красные кометы. Вот первая из них врезалась в зеленоватую каплю. Вспышка. Ослепляющая, оглушающая, неимоверная. Вторая. Получите!

Ирил был уже в нескольких шагах от первого Стрелка, когда тот вспыхнул. Весь. Ярким веселым пламенем, раздвигающим неподвижную картину, вырывающим его из схемы транса. Ага-а-а-а! Ирил проскакивал мимо полыхающего аталь, готовясь наотмашь рубануть его и лететь дальше, ко второму. Этот уже готов. Прощай, зеленый... Стрелок вывалился из полыхающего шара, переливаясь всеми цветами радуги. Яркий, цветной. Невредимый!

Летящий меч Ирила отлетел в сторону, отбитый. И только из-за скорости, наведенной трансом, Ланья ушел от ответного удара. Он видел летящий в него меч. Видел, как Стрелок, завершая движение, медленно чертит полосу, которая должна закончиться в груди человека. Ирил рванулся изо всех сил, стараясь уйти. Они разминулись миллиметрами. Амулеты. Яркие пятна, проступающие сквозь радужное сияние. Да он весь в них. Вот так-то, не только аталь недооценивают врагов.

Мама! Засмотревшись на увешанного амулетами Стрелка, с которым теперь непонятно что делать, Ирил совершенно позабыл о его напарнике. Набрав ускорение, Ланья врезался в другой плюющийся огненными искрами шар. А там — второй Стрелок. И тоже невредимый. И тоже на амулетах. К счастью, второй аталь, как и

сам Ланья, никак не предвидел такого развития событий. Сбитый с толку полыхающим вокруг него пламенем, он только и смог, что, охнув, принять на себя летящего с неимоверной скоростью Ирила. Да, у него, как и у первого, среди амулетов был и ускоритель. Иначе бы Ланья уже праздновал победу. Искусством боевого транса владели лишь торки: аталь и глеммам приходилось использовать амулеты или магиприпасы. Транс чуть быстрее, но аталь выбирать не приходилось. Частично этот минус компенсировался легкостью использования: вхождение в транс требовало большего времени, чем активация амулета, но сейчас выигрывала именно скорость. Ирил первым осознал, что происходит.

Он лежал на чем-то мягком. Зеленоватое солнце Пестика, в трансе приобретающее золотистый оттенок, слепило глаза. «Что-то мягкое» под Ланьей зашевелилось. Рывком осмыслив ситуацию, Ирил вздернул руку, перехватил рукоять меча обратным хватом и с силой воткнул его в это мягкое — себе под мышку. «Мягкое» конвульсивно задергалось, но Ланья хватился второй рукой за меч и, используя его как упор, резко вскинул себя на ноги, еще глубже вонзая меч. Вскочив на ноги, он обернулся. Готов. Зеленоватый силуэт лежал неподвижно, из того места, где у него должна была быть грудь, торчал меч. Забрать! Краем глаза Ирил уловил движение справа. Первый Стрелок никуда не делся. Ну, один на один уже легче, сейчас ты получишь. Ланья схватился за рукоять, готовясь встретить надвигающегося врага.

Й-й-ех... Нет, только не это! Меч поднимался только вместе с нанизанным на него телом. Если бы было время, Ирил бы покраснел от стыда. Вторая ошибка за несколько секунд. Опять. Сколько раз Тахор твердил ему, что живое тело — это не висящая тряпка. Войди клинок в кость — и вытащить его разом будет невозможно. А тот вошел. Вернее, Ланья его сам туда загнал. Но стыдно не за это. В конце концов, всё предусмотреть невозможно. А вот за то, что он об этом не подумал вообще и начал атакующее движение, в котором изначально было заложено, что меч свободен, вот за это учитель ему точно голову оторвет. И будет прав. Если только это раньше не сделает Стрелок. В бою времени на выбор позы нет. Аталь уже рядом. Поздно перенастраиваться. Что делать?! Тахо-о-ор!!!

В трансе время летит быстро. Эмоции переживаются уже потом, запоздало. Но сейчас, не успев оформиться во что-то конкретное, Ирила все же обожгла глубокая благодарность учителю. За все издевательства, за все побои, которыми злобный торк безжалостно вколачивал в непослушное человеческое тело незыблемые рефлексы, позволяющие выжить в любой ситуации.

«Никогда не беги от опасности,— еще в самом начале обучения вдалбливал человеческому щенёнку матерый боец.— Если уж тебе пришлось драться, то уклоняться от ударов можно только тогда, когда ты решил убежать. И понял, что ты на самом деле сможешь это сделать,— с ехидной усмешкой цедил торк, методично отвешивая ярящемуся мальчишке увесистые подзатыльники, доводя Ирила до бешенства и заставляя его вновь и вновь бросаться в безнадежные атаки. Все эти уходы и блоки — лишь пустая потеря времени. Ничего ты за это время не сделаешь и не решишь. Тебе все равно придется его побеждать. Так почему не сделать это сразу?» Ирил тогда злился долго. Потом привык. Потом научился делать то, что хотел Тахор. А потом это просто вошло в базовые рефлексы.

И сейчас его спас именно рефлекс. Раз уж меч не вытащить, то ничего тут не поделаешь. Играем с теми картами, которые розданы. Ирил кувырнулся вперед, в ноги набегающему Стрелку. Над головой свистнул меч. Аталь споткнулся, но удержался. Вот и всё немногое, что Ланья выиграл. Сейчас меч в руке Стрелка перевернется и...

«Если ты стоишь вплотную, даже не вздумай махать руками. Локоть и колено. Рычаг короткий, мышцы сильные, времени и места на удар нужно мало». Наставления Тахора даже не всплывали в голове — они сидели в костях и мышцах Ирила. Как только в спарринге становилось тесно для замаха, торк, не задумываясь, двигал локтем, и Ланья, воя от боли, летел кубарем. Потом Ирил и сам так научился.

Тело все сделало само. Скорчившийся у ног Желтого Стрелка Ланья вывернул локоть, кожей чувствуя, как разворачивается над его головой узкий меч аталь. А потом со всей силы, добавив рывок распрямляющегося тела, двинул вверх. Туда, куда любому мужику всегда очень больно.

Дикий вой прорвался даже через вату транса, возвещая победу. Занесенный меч вывалился из руки Стрелка, всего лишь оцарапав плечо Ирила. Прощай, Стрелок. Транс и амулеты ускоряют движения, но не делают тело тверже. Они хороши, когда надо сверкать мечами или молнией метаться от противника к противнику, не давая себя зацепить. Но практически любой точный удар в трансе становился последним. Если тебя достали, ты зачастую и понять не можешь, отчего умер. Потому и меч Ирила застрял в теле первого аталь. С такой силой воткнутый клинок просто так не вытащишь. А уж локтем-то, да по причинному месту... Взмах подобранного Ланьей меча, оборвавший жизнь судорожно глотающего воздух Желтого Стрелка, превратился почти в акт милосердия.

Всё? Ирил крутанулся на месте, осматриваясь. Две зеленоватые капли неподвижно лежали на земле, и Ланью начала охватывать нешуточная гордость. Он их сделал!

А вот и не всё. Третью щенячью ошибку за этот день он совершать не собирается. Хватит. Мерной рысцой Ирил начал отбегать в сторону, широкой петлей пытаясь охватить оставленный дом. Пока он Тахора не увидит, ни о каком расслаблении речи нет. Осматривая окрестности, Ланья ни на секунду не выпускал из виду вход. Не зря, как оказалось. Еще одна зеленоватая капля, практически незаметная в режущем глаза солнечном свете, смазанной тенью скользнула вдоль стены к двери. Если бы Ирил не держал это место постоянно в поле зрения, он бы его пропустил. А так... Ну уж извини, приятель. Кто не успел, тот опоздал. Ланья, не скрываясь, рванулся к дому. Там же...

И вдруг дикая мысль, ужасная в своей логичности, молнией прорезала скованное трансом сознание. Они обошли Тахора. Нет, не обошли. Тахор не дал бы. Тахора... убили! Учитель! У капли неожиданно проявилось лицо. Контуры тела как были смазанными, так и остались. А вот лицо проявилось. Спокойное, сосредоточенное лицо. Высокий лоб, резкие скулы, острый подбородок, собранные на затылке в тугой узел волосы. И сосредоточенное выражение миндалевидных глаз. Аталь не замедлил движения, даже увидев летящего к нему Ирила. Он шел делать дело.

«Куда ты собрался, тварь гнойная? — выдохнул на ходу Ирил.— Стоять! Да я... тебя... за учителя...» Аталь, всё так же не обращая внимания на Ланью, взялся за ручку двери. «Там же...— взорвалось в голове у Ирила.— СОВА!!!»

Сгусток чего-то иссиня-черного с тихим ненавидящим шелестом ушел вперед от него к почти открывшему дверь Стрелку. Ланья и сам не понял, что он сотворил, но, что это что-то очень неприятное, чувствовалось при одном взгляде на сгусток. Удар. Аталь пошатнулся, но устоял. На его груди начала нестерпимым светом разгораться точка заработавшего амулета. Черный сгусток облепил Стрелка с ног до головы. Черные щупальца хватались за тело, но бессильно опадали, не в состоянии преодолеть защиту все ярче разгорающегося огонька. Стрелок тем временем почти открыл дверь.

— Нее-е-т!!! — Ирил ускорился еще, хотя это казалось невозможным.

Аталь наконец удостоил его вниманием. И только для того, чтобы показать человеческому детенышу, что третья ошибка за этот день все-таки совершена. Третья, и последняя. Нельзя было

бежать по прямой. Тем более на Стрелка. На аталь. Неуловимый взмах руки — и Ирил увидел свою смерть. Свою, а еще Совы и Са-Сефары, оставшихся без защиты.

Маленький, остро заточенный и радостно посверкивающий в лучах солнца кусочек металла начал свое путешествие в голову глупому мальчишке, решившему, что ему теперь все по плечу. Ирил все еще бежал вперед — остановиться было невозможно. Все, что он смог предпринять,— это начать на бегу немного раскачивать голову из стороны в сторону, как будто это могло что-то изменить. Мозг, чего уж там, откровенно провалившийся эту схватку, уже прощался с хозяином.

Проблеск все приближался, подмигивая блестящим глазом. Перед Ланьей начала ткаться серая пелена узора хальер, но всему есть предел. Он просто не успевал его отправить. Ближе, ближе, ближе. И вот, когда нож, брошенный аталь, приблизился настолько, что заполнил собой весь мир, Ирил сдался. Узор продолжал ткаться, тело двигалось вперед с той же скоростью, аталь, так и не открывший входную дверь, приближался. А Ланья сдался. Он уже умер. Умер и остановился, обреченно глядя на приближающуюся смерть.

И вдруг нож исчез. Вот только что летел в глаз — и исчез. Только что-то больно рванило голову над ухом слева — и всё. Ирил пытался проморгаться — не получалось. Жизнь продолжалась, но как-то странно. На приближающемся лице Стрелка появилось выражение крайнего недоумения. Такое же, наверное, нарисовалось и на лице Ланьи. Как так? Ведь у аталь с такого расстояния не промахиваются даже дети. На груди что-то ворохнулось. Амулет, вспомнил Ирил. Тахор дал ему амулет. «Са-Сефара позаботилась,— всплыли в голове слова Тахора.— Прицел сбивает. Совсем от аталь, конечно, не закроет, но хоть немного жизнь им осложнит. Надень». Амулет сбил прицел.

Са-Сефара, вспомнил Ирил. И дальше цепочкой вспышек: Тахор, амулет, Сова. Сова! Ланья резко нырнул обратно в мир и ощерился в самом злобном из своих оскалов. «Ты не пройдешь, тварь». Узор хальер с опозданием, но сформировался. Ирил бросил его вперед. Не навредить, так хоть отвлечь немного, чтобы не осталось времени опять кидаться всякими железками. Получилось. Аталь замахал руками, пытаясь выбраться из серой паутины, окутывающей его с головы до ног. Вот паутина треснула, начала сползать, исчезла совсем. Аталь потянул одну руку за ножом. Поздно, слишком поздно. Ирил уже подлетал к двери, выставив перед собой меч. Оскал на его лице сменился злорадной улыбкой.

Что, не сложилось? Бывает. Давай, посмотрим теперь, каков ты в рукопашной.

Амулет на груди Стрелка полыхнул яркой вспышкой — и паутина исчезла. Второй свободной рукой аталь уже выдернул меч, и теперь Ирила встречала такая же полоса стали, какая покачивалась в его руке. Удар. Нет, Ирил и не надеялся с первого же выпада достать его. Все-таки не мальчик перед ним. Противника надо уважать. Первым ударом Ланья просто влупил от души своим мечом по клинку аталь, разворачивая его в сторону от двери: пропустить Стрелка в дом было нельзя. Получилось. На полшага, но тот сдвинулся в сторону. Уже хорошо. Теперь попрыгаем, посмотрим, у кого скорость выше,— а там и решим, что делать дальше.

Вихрь ударов, которыми начали обмениваться бойцы, закружился на пятачке перед дверью. Аталь был хорош. Или это амулет у него хорош? Как бы то ни было, но все усилия Ирила раз за разом пропадали втуне. Стрелок оказался еще и мечником. Атаки Ланьи не проходили. А кто-то ведь еще и сзади. Тахор перед смертью остальных положил или надо ждать стрелу в спину?

При воспоминании о Тахоре у Ирила скулы свело от ненависти. «Что вам здесь надо было, уроды? — прошипел он про себя, ни на секунду не останавливая стальную круговерть боя.— Что мы вам сделали? Территорию зачистить пришли? Щас я тебе зачищу». Ненависть придала сил. Ланья ускорился еще, хотя это казалось невозможным. И Стрелок начал проваливаться. Сначала перестал успевать отвечать на удары, а потом стал открываться. Раз, другой... Получи! Ирил достал-таки его в руку. Несильно. Но рука перестала работать. А на таких скоростях больше и не надо. Аталь не успел даже переложить меч из руки в руку...

Ирил вывалился из транса прямо возле обезглавленного тела третьего Стрелка. На пороге. Всё. Он не волшебник. Дальше держать транс сил нет. И так, похоже, перебрал. В одиночку положить троих Желтых Стрелков — это очень много. А уж для такого сопляка, как он, вообще запредельно. Ноги не держали, и Ланья неэстетично плюхнулся на пол, блаженно приваливаясь к стене. И тут же выпрямился. Подождите. Троих? А было-то всего пять. Это что же такое с Тахором могло случиться, что он с троими не справился? Если сам Ирил уделал троих, то сколько мог на себя отвлечь Учитель? Что-то тут не стыкуется. Ирил, кряхтя и проклиная всех аталь Клевера, поднялся на дрожащие ноги и схватился за ручку двери.

— Сова-а-а,— открыв дверь, крикнул он в темный проем.— Са-Сефара. Вы где?

И осекся. Кричать не следовало. До тех пор, пока он собственными глазами не увидит тела остальных Стрелков и Тахора, бой нельзя считать законченным. И орать, выдавая свое местоположение, тоже неправильно. Ирил прислушался. В доме не раздавалось ни звука. Это, собственно, ни о чем не говорило, там и не должно ничего раздаваться, но почему-то сейчас тишина его напугала. Было в ней нечто... зловещее, что ли. «Ага, или это у меня в голове нечто зловещее»,— хмыкнул про себя Ирил. Он медленно обвел взглядом поляну перед домом. Ничего. Но беспокойство не отпускало. Что-то всё равно не стыковалось.

Что именно не стыковалось, он понял несколькими секундами позже, когда из-за угла дома медленно, подволакивая ногу и прижимая правую руку к кровоточащему боку, неуклюже вывалился Тахор. Именно вывалился, как будто его кто-то толкнул. Посмотрел на Ланью безумным взглядом, неуверенно помотал головой, не раскрывая рта, и попытался завалиться обратно за угол. Тело торка слушалось плохо, с прицелом он не угадал и, подвернув ногу, Тахор грузно впечатался в стену. Да что ж такое? Что, море твердым стало? Ирил никогда не видел торка в таком состоянии. Отлепившись от двери, Ланья двинулся было к Учителю, по привычке осматривая окрестности.

И резко прянул вбок, в который раз поблагодарив Тахора за вбитые в него навыки. В стене на том месте, где он только что стоял, выросла стрела, подрагивающая от бессильной злости. Не попала. А Ирил уже кубарем летел с террасы, судорожно соображая, с какой стороны у него меч. Тахор, такое впечатление, не положил вообще никого, раз тут такие страсти творятся.

— Стой, человек.

Ирил остановился на мгновение, будто влетев в невидимую сеть.

Из-за угла дома, откуда вытолкнули Тахора, выскользнул аталь, еще один Желтый Стрелок. На рукаве у него красовалась узкая повязка — старший группы. Приставив меч к горлу торка, он посмотрел в глаза бегущему Ланье:

— Остановись, или я убью его.

На короткое мгновение Ирил замер, а потом опять сработали вбитые Тахором наставления. Нелогичным движением он прянул вбок и закружился в нелепом танце посреди двора перед замершим аталь. Танец транса так и задумывался, чтобы никто в тебя попасть не мог, пока не будешь готов к бою. «Ага, щас вам, остановлюсь»,— промелькнуло у него в голове. Уж на

что на что, а на такую глупую подначку он не клюнет. Тахора, конечно, жалко, только вот с чего это вдруг с Ирилом-то аталь решили говорить? Только что ему в голову стрела летела, и тут — на тебе, «остановись, человек». Ищите дурака. Попробуй он только остановиться еще хоть на секунду — тут же подстрелят.

Аталь тем временем не двигался. Молча смотрел, как Ланья с нелепыми ужимками прыгает вокруг, и чего-то ждал. Дождался. В проеме двери показался еще один аталь. Да сколько же их тут? Перед собой он держал...

— Ирил!

Голос Совы подействовал на Ланью как ушат холодной воды. Вот сейчас он остановился. Почти. В голове. Если Тахором он был готов пожертвовать, тот сам его так учил, то за жизнь Совы Ирил с легкостью был готов отдать свою. Вот только вопрос: когда у Совы больше шансов выжить, когда его убьют или когда он все еще будет прыгать, представляя хоть какую-то угрозу для Стрелков? Ведь еще где-то Са-Сефара прячется.

— Кх-ха-га, зеленая жаба, еще раз меня тронешь... — а вот и она. К сожалению, не одна.

Старая торквани в отличие от Совы подчиняться не собиралась, поэтому Стрелок гнал ее вперед болезненными тычками.

— Кого еще ты ждешь, человек? — вновь раздался голос первого аталь.— Видишь, все живы. Остановись.

«Ага,— пропыхтел про себя Ирил, ни на секунду не останавливая безумного танца (да где же этот транс?!),— именно потому и живы, что я до сих пор прыгаю».

Нет, долго так он не протянет. Ну кто мог предположить, что аталь ходят не только пятерками? Надо что-то придумывать, причем срочно. А что тут придумаешь? Три Стрелка вокруг держат твоих самых близких людей, четвертый — его самого на прицеле. Есть умные мысли? То-то. Ланье ничего не оставалось, кроме как бездумно продолжать танец, надеясь, что что-нибудь да произойдет. Именно так. Только вся проблема в том, что если ты ждешь, что враг что-нибудь сделает, то будь готов, что тебе это не понравится. Хотя, в конце концов, он имеет на это право. Враг все-таки.

Коротко, стараясь сделать это как можно тише, хекнул Тахор, получив рукоятью меча в челюсть. Злобно рявкнула Са-Сефара, куда-то ее там тоже стукнули. Ланья сжал зубы, стараясь не видеть этого.

— Ирии-и-л!!!

И взгляд выхватывает из вертящейся вокруг картины третьего Стрелка. Прижимая к себе бьющуюся Сову, он подносит бритвенно острый меч к ее лицу. Наискосок. Через лоб, бровь и глаз к щеке и рту. Прижимает лезвие, которому осталось совсем чуть-чуть, чтобы лопнула тонкая кожа, чтобы остался уродливый шрам, пересекающий нежное девичье лицо. Не смертельно. Но для молодой девчонки... Тут же главное, чтобы истерики в голосе побольше. А Ирилу как раз самое то анализировать ситуацию. Да хоть бы и было оно, время, то как тут поступать?

Аталь для пущего эффекта, чтоб пострашнее было, коротко, не отпуская от себя девушку, лбом ударил ее по макушке, добавляя ужаса в ее голос.

— Ирии-и-ил!!!

Транс так и не пришел. Вместо него упал белый полог ярости. Режущая глаза белизна упала на дом, деревья, замерших аталь и их заложников. Внутри Ланьи зародился звериный рык. «Убью! Всех. Сразу». «А как?» — пришел откуда-то слабый отклик. Ярость не транс, не боевое забвение. Во время своих припадков Ирил способности соображать не терял. Жаждал убить всех, до кого доберется,— это да. Но соображал. И анализировать тоже умел. Хотя что тут анализировать? Разом до всех не дотянуться. Если честно, даже до одного не дотянуться. Но что-то же делать надо. Белый огонь начинает выжигать голову, заливает все вокруг. Убить, разорвать. Ненавижу! Что?

Хальер. Мысль пришла сама. Тут же услужливая ярость подсунула ему четкое изображение трех, нет, четырех (а-а, вот ты где прячешься) красных пульсирующих точек. Амулеты. Ланья пристальнее всмотрелся в один из них. Естественно, торкский. Да еще какой торкский. Не чета дамадиковской дешевке. А не всё ли равно? Сквозь белую пелену пробился девичий крик. Зря это они... И так всем хватит. Не надо дальше подстегивать.

Раскинув руки, Ирил хватил в каждую по два амулета. Как он это сделал, сам не понял, но схватил. Сжал, выдавливая всю силу, оставляя расплющенные бесформенные комки чего-то странного. Нет, комки все еще светятся. Да еще как.

Руки до плеч обожгла дикая боль. Не трогай. Амулеты Желтого Лепестка умели себя защищать. Был бы он в трансе, вылетел бы мгновенно. Вот только из белого безумия так просто не выкинешь. А боль лишь добавляет масла в огонь. Не хочешь дóхнуть?! А так? А вот так? А еще вот так и так?

Ланья перестал чувствовать руки. Боль оглушала, разрывала на части, сворачивала в трубочки и разбивала о землю. Но она же и спасала. Пока боль тянула жизнь из тела, это тело продолжало жить. Силы только прибавлялись. И уже неважно было, выживет ли кто-нибудь их заложников. Боль становилась смыслом жизни. Целью и дорогой, по которой можно идти. Сколько он тянул, Ирил так и не понял, но вдруг вокруг точек начали появляться маленькие ореолы. Поначалу незаметные, с каждой секундой они росли, меняли цвет с алого на серый, потом на черный, а потом начали заполнять собой амулеты. Белые контуры, на которых держались алые точки, начали клониться вниз. Головы у них задергались, как у деревянных кукол, которых Ланья видел в бродячем театре, приезжавшем к ним в Хайар. Влево-вправо, вверх-вниз. Быстрее, быстрее, быстрее. И вдруг — БАХ!

Черные точки вдруг разрослись, заполнили собой белое покрывало мира, и наступила тишина. ТИШИНА. Не та, белая, режущая голову напополам, а другая, мягкая и ватная. В которой все звуки, мысли и движения умирали, даже не успев родиться. И Ирилу стало хорошо. Только сейчас он понял, до какой же степени устал. И как же тяжело было жить в том белом мареве. А здесь хорошо. Здесь можно отдохнуть.

Где-то далеко-далеко зазвенел девичий голос. Он звал его. Но — нет, не дойти. Слишком он устал. Он тут полежит немного... А раз она кричит — значит, всё в порядке. Перед тем как черное ничто прогнало белое что-то, Ланья успел порадоваться, увидев, как те контуры, на которых амулеты висели, оседают, раскинув руки. Раз их нет, а она есть — значит...

Черное покрывало уютно заворачивало его, гасило мысли, чувства. Хорошо, до чего же хорошо и спокойно. Ланья устало опустил голову. Девичий голосок где-то далеко-далеко не умолкал, но это только успокаивало. И в то самое мгновение, когда, кроме черноты, уже ничего не осталось, где-то высоко-высоко, в черном небе (о, это, оказывается, небо) зажглась маленькая звезда. Она не светила, нет. Ее света не хватало на то, чтобы вырвать из черноты хоть что-то. Но она показывала. Просто показывала, где небо. Где верх, где низ. Где жизнь, а где просто покой и уют.

И устраивающийся отдохнуть Ирил добро улыбнулся этой звездочке, как старой знакомой. Теперь на самом деле можно было отдохнуть.

Глава 6

Большое помещение, странно тихое в этот, в общем, рабочий час, овевало прохладой двух магов, стоящих навытяжку перед «Великим и Ужасным, Могучим и Непобедимым» доном Антонио Сибейрой, «Великим Инквизитором» и «Торквемадой», главой обоих служб Братства: Братьев Ищущих и Братьев Находящих, который только что закончил, судя по выражению лиц присутствующих, очередную выволочку и наконец-то смог дать волю физиологии.

— Дедавижу,— дон Антонио оглушительно чихнул, отвернувшись от подчиненных.

— Все в порядке, Мастер? — осторожно отодвинулся от него Степашка, молодой маг, в недавнем прошлом торговый менеджер, выдернутый программой порталов с Земли.

— Раздражает? — сочувственно поинтересовался более опытный Айонки, бывший вольд, примкнувший к Братству после объявления о создании Директории и строительстве Улитарта.

— Дедавижу этих удодов,— прорычал дон Антонио, еще раз сопроводив заявление громким чихом.— И я де Масдер. Масдер — эдо Ацекато. Я — Ваше Магичество, если дебе дак уж хочедзя жопу мне полизадь.

Степашка обиженно замолк. Айонки скорчил ему рожу. Мол, потом объясню, и потихоньку начал выползать из приемной, подталкивая перед собой непонятливого коллегу.

Сиятельный гнев «Великого и Ужасного» дона Антонио объяснялся на самом деле до неприличия просто: грипп.

Вышедшие из мясорубки в Зеленом Лепестке земные маги сделали за время, проведенное в Пестике, много, очень много. Они создали Братство Магов Земли. Они основали государство людей в Пестике — Директорию. Они заложили Улитарт — Город Безумных Магов, Странный Город, Город Надежд, Город Тысячи Радуг, где любой мог начать учиться магии и мог почувствовать себя счастливым. Они, наконец, отбили вторжение Старших Рас Клевера, решивших выжечь каленым железом из Пестика человеческую заразу, возомнившую себя сборищем великих магов. И еще бессчетное количество побед и свершений они смогли совершить.

И вот только с одной ма-а-аленькой проблемой они никак не могли справиться. Вернее — проблемами. И на самом деле очень

маленькими. Вирусы. Ну не брались они магическими узорами, хоть ты тресни. А с традиционными земными лекарствами болезни и проходили традиционно: нелеченые за неделю, а леченые — за семь дней.

Вот и бродит по коридорам призрак прежнего дона Антонио Сибейры, пугая покрасневшими глазами и носом встречных и поперечных. В шаркающем ногами и непрестанно сморкающемся теле с трудом угадывался прежний элегантный красавец Сибейра, первым из людей заимевший (если верить слухам) гарем из прекрасных представительниц Старших Рас.

А с утра в кабинете дона Антонио обретается ни много ни мало как Шаман, руководитель безумного проекта, затеянного Мастером Ацекато, под скромным названием «Улитарт».

— Давдо ждешь? — поинтересовался Сибейра, входя в свой кабинет. Просто так поинтересовался. О том, что Шаман нахальнейшим образом с утра занял его кабинет, ему доложили еще часа три назад. Дон Антонио сразу же к нему и направился, но в бардаке, именуемом Братьями Ищущими и Находящими, добраться до кабинета руководителю не так-то просто.

— Здравствуй, рад тебя видеть в добром здравии,— телом длинный и нескладный, лицом — внебрачный сын сенбернара, Шаман поднялся из-за стола, разложившись во весь немаленький рост.— Не очень.

Он распахнул объятия, смахнув при этом со стола недопитую чашку. С дошем, как отметил страдающий по чашке этого самого доша Сибейра. И раздраженно хмыкнул про себя: «Судя по всему, не очень долго. Конечно, что для философа три часа созерцания? Пустяк». Но улыбнулся в ответ абсолютно искренне. Шаману прощалось многое. Фактически всё. Нескладный изобретатель, так и не признанный на Земле, в Пестике он развернулся в полную силу, выдавая такие нестандартные работающие решения, что даже у магов, никак не страдающих от отсутствия креатива, глаза лезли на лоб.

— Пдо доброе здравие здо ды со зла,— прочихался Сибейра.— Дедавижу эдих удодов.

Ненавидел он уродов уже давно, но помогало это мало.

— Ходь бы ды пдидумал чего,— пожаловался испанец Шаману.— Говодяд, у тебя чудодеи всякие есть. Дак неужеди пдодив насмодка ничего пдидумать не можете? А-а-апчхи! — сотряс кабинет он и с чувством выругался: — Зад-даза!

— Сейчас посмотрим, что можно сделать,— прищурился Шаман.— А к моим лучше не суйся. В плане придумать чего — им рав-

ных нет. А вот в плане на самом деле вылечить или что-то сделать, так это тебе в другое место. Хоп!

Он хлопнул в ладоши, и в кабинете явственно запахло какими-то цветами.

— Ну-ка, попробуй подыши.

Сибейра с готовностью высунул язык и задышал, как собака.

— Носом,— укоризненно поправил его Шаман.

— Ой,— удивился Антонио.— Дышит. Так чего ж ты раньше-то молчал? Чего ж я мучился?

— Не,— прищурился потомок сенбернаров,— это работает только в моем присутствии. Как уйду, придется дальше страдать.

— А я тебя арестую,— широко осклабился Сибейра.— Прикую к себе — и дело с концом. То-то счастья будет.

— Ну не знаю. Ты точно уверен — насчет счастья?

Сибейра огляделся. Пятна доша на столе, открытое окно, в которое радостно слетает ветерок, шевелящий беспорядочную кучу бумаг на столе...

— Да уж, про счастье — это я погорячился.

— Во-во, и я про то же. Тем более что Улитарт надолго оставлять нельзя. Ты представляешь, что там без меня может случиться?

Дон Антонио представил — и содрогнулся.

— Да уж, езжай-ка ты домой. У меня и без твоих красавцев забот полон рот.

Шаман довольно осклабился, хотя, с точки зрения Сибейры, ему следовало бы зарыдать. И рыдать, не переставая, часа три. «Творческие поиски» детей Улитарта могли довести до белого каления кого угодно.

— И правда,— Шаман с удовольствием потянулся,— поеду я.

— Так ты просто доша заехал попить? — Сибейра оглядел царящий вокруг бардак.

— А, точно,— Шаман хлопнул себя по лбу,— я ж по делу приехал.

— Издеваешься? — прищурился испанец.

— Немного,— признался Шаман и выставил вперед ладони, защищаясь от свирепеющего Сибейры.— Но согласись, это ведь небольшая плата за вылеченный нос.

— Зараза ты,— расхохотался вдруг Антонио, злости как не бывало. Ну решительно, на Шамана невозможно было сердиться.— Выкладывай, с чем приехал?

Дверь открылась, и на пороге выросла фигура Айонки, держащая в руках поднос с двумя чашками дымящегося доша. Вольд знал, что шефу сейчас надо.

— Спасибо,— с чувством поблагодарил его Сибейра.— Именно то, что сейчас надо.

— На здоровье, Ваше Магичество,— слегка поклонился Айонки и повернулся к Шаману: — Не желаете?

— Не откажусь,— тот ухватился за предложенную чашку.— А что, надо и мне привычку в Улитарте завести, чтобы титуловали как положено. Очень это правильно. А то прямо как некультурные у меня: Шаман да Шаман.

Он подмигнул Айонки и отвернулся, пряча улыбку.

— Рассказывай, за какими Тварями приперся,— прорычал Сибейра, делая огромный глоток горячего дошa. Обжегся, поперхнулся и разозлился еще больше.

— Так я пойду? — Айонки начал пятиться к двери.

— Свободен.— Когда за вольдом закрылась дверь, Сибейра развернулся к Шаману: — Ну и зачем тебе потребовался этот спектакль?

— Не злись,— Шаман с хлюпаньем потянул горячий дош,— я просто пошутил.

— Ты пошутил, он пошутил, в итоге я тут языком болтаю, а дела стоят. Ты знаешь, сколько народу у меня на прием сейчас?

— Нисколько,— улыбнулся Шаман.— Ты же всех расчихал, не забыл? Айонки просто под танки лег, чтобы ты доша попил и на человека стал похож.

— Да иди ты,— буркнул дон Антонио, остывая.— Давай выкладывай, что тебя с твоих гор сюда занесло.

— Ты понимаешь,— Шаман отставил кружку, посерьезнел лицом и внезапно перестал быть похож на дурашливого сенбернара. Сейчас эта собака была очень серьезна. Сибейра улыбнулся про себя. Вот такой Шаман как раз и мог держать под собой Улитарт. Он таким бывал редко, но те, кто его таким видел, больше не обманывались насчет мечтательного неуклюжего увальня.— Не нравится мне, что в Пестике творится. Нелюди начали преследование магов.

— И ты заметил, да? — Сибейра не удержался и фыркнул в кружку, брызги залили и без того забардаченный стол.— Совершеннейшие подонки. Житья от них никакого не стало, то ли дело раньше, когда мы только в Пестик пришли. Вот как сейчас помню...

— Очень смешно,— кисло заметил Шаман,— я не про это.

— Да и я не про это,— ухмыльнулся Великий Инквизитор.— Что ты имеешь в виду под этим «начали преследование»?

— Я про ребят говорю, местных, у которых способности к магии были. Раньше как-то спокойно к ним относились. Имели их в

виду, но не больше, а в последнее время ко мне всё чаще и чаще сообщения приходят, что то тут, то там парня или девчонку нелюди убили. Боевая пятерка прошла — и все, нету человека.

Он замолчал.

— Ну? — не понял Сибейра.— Что здесь необычного? Они зачищают наш потенциал. Чтобы нам неоткуда было брать резервы. Ты же сам ратовал за то, чтобы мы активнее привлекали местных. Ну вот и естественная реакция последовала. Я так даже плюсы в этом вижу. Нелюди тут ошибку сделали. Теперь, у кого хоть немного способностей есть, все к нам рванут. Выбора не осталось. Либо в Директорию, либо на тот свет. И чего страшного?

— Ты всегда таким злым и циничным был? — поинтересовался Шаман.— Или тебя работа испортила?

— Жизнь тяжелая,— желчно отрезал Сибейра.— Там, где ты ничего не можешь, там ты ничего не должен хотеть. Слышал такое высказывание? Я не могу контролировать каждого потенциального мага в Пестике, тем более что они и так достаточно хорошо прятались до этого. Поэтому я радуюсь тому, что достается лично мне. Или у тебя другое мнение на этот счет? Есть идеи, как всех от нелюдей оградить? Так не держи в себе, поделись.

— Есть немного,— почесал нос Шаман.— За этим к тебе и пришел.

— Да? — приглашающе поднял тонкую бровь дон Антонио.

— В чем основная проблема латентных магов, за которыми нелюди пришли? — Шаман вопросительно посмотрел на Сибейру.

Тот не повелся на интерактивную беседу, лишь наклонил голову: продолжай.

— Им деваться уже некуда. От боевой пятерки не уйдешь.— Он замолчал, ожидая реакции. Не дождался.— Все знают, что мы принимаем человеческих магов, но для этого надо идти в Директорию. А еще лучше — сразу в Улитарт. Так?

— К чему ты клонишь? — нарушил молчание Сибейра.

— Надо дать им возможность добраться до нас. Вовремя. Помочь им,— Шаман попытался развернуть мысль в ответ на озадаченный взгляд дона Антонио.— Короче, мои умельцы разработали амулет, который настроен будет на конкретную точку выхода в Директории. Я предлагаю разбросать их по баронствам и оповестить всех, что и как работает. В этом случае очередному бедолаге не придется делать марш-бросок до границ Директории, а всего лишь добраться до амулета. Их можно много наделать.

— И как быстро нелюди научатся их блокировать? — поинтересовался Сибейра.

— Месяца через четыре, я думаю.

— И всё? Ты предлагаешь устроить массовую акцию ради четырех месяцев работы? Кто этим будет заниматься? Ты часом не за Господа Бога меня принимаешь: пальцами щелкнул — и все? У меня и половины необходимого количества людей нет. Текущие проблемы не решаются, а ты хочешь втянуть нас в какую-то бредовую затею, которая кончится через четыре месяца, когда Старшие Расы расшифруют твой узор и заблокируют его?

— Да я от тебя ничего и не хочу,— Шаман развел руками.— Мы с этим в состоянии сами справиться. Тем более что Мастер не против.

Сибейра споткнулся об это заявление. Мастер Ацекато был не из тех, кого легко было подбить на откровенные авантюры. Раз он согласился, значит, что-то в этом есть.

— Как это — не против?

— Он, в принципе, одобрил идею. Из тех, кого сможем вытащить, много можно хороших ребят набрать. Осталось с тобой договориться.

— Договориться о чем? — прищурился Сибейра.

— О точке выхода. Я предлагаю её здесь сделать.

— Здесь?!

— Ну да,— Шаман жестом остановил испанца, поднимающегося из кресла разъяренным быком.— Ты не кипятись только сразу. Точку выхода надо делать здесь, потому что больше негде.

— Да что ты? — язвительно начал Сибейра и осекся.

— Вот,— назидательно поднял палец Шаман.— Ты тоже понял. Представь, что будет, если мы выход сделаем в Улитарте, например. Мои-то, конечно, не против будут. Еще бы, братья по разуму...

— Ага,— мрачно согласился дон Антонио.— А мои повесятся вылавливать разных там Стрелков посередь Улитарта. Сколько их набежит, представляешь?

— Вот и я о том же,— закивал большой лохматой головой Шаман.— А так любой, кто захочет попользоваться халявой от Братства, тут же к тебе тепленьким попадет. Надо только место огородить, чтобы они там до времени сидели и выйти не могли.

— Поучи еще,— ворчливо ответил Сибейра.

— Не буду,— покладистости Шамана сейчас мог позавидовать хорошо вышколенный мажордом.— Как скажете, Ваше Магичество.

— И это всё ради каких-то трех-четырех месяцев,— горестно вздохнул Сибейра, закатывая глаза.— Ладно, я поговорю с Мастером.

— Да тебе и делать-то всего ничего придется.— Шаман умильно улыбнулся, опять превращаясь в несуразного милого сенбернара.— Только разбросать по баронствам.

— Уйди с глаз моих,— замотал головой Сибейра.— Мне к моим проблемам только тебя не хватало.

— Всё-всё,— улыбнулся Шаман.— А чтобы легче работалось, я тебе тут цветник устрою.

Он еще раз звучно хлопнул в ладоши — и в комнате опять установился свежий запах цветов.

— Это мои на основе гомеопатии придумали,— пояснил он.— Теперь, пока в кабинете будешь сидеть, насморка не будет. Больше пока не могу ничего, извини.

— Я же сказал, что поговорю с Ацекато,— нахмурился дон Антонио.

— Ты часом не решил, что я тебя покупаю? — ухмыльнулся Шаман.— Могу я просто так хорошему человеку приятное сделать?

— Иди уже,— рассмеялся Сибейра.— Айонки тебя проводит. А то я уже боюсь представить, что еще ты выдумаешь, если тебя без надзора хотя бы на полчаса здесь оставить.

Шаман сделал «уголок», опершись на ручки кресла, и дурашливо подпрыгнул:

— Я тебя тоже очень люблю.

Глава 7

Маленькая звезда, не дающая света, всё так же висела высоко-высоко, показывая, где небо. Ирил не знал, сколько он здесь пробыл, вроде не очень много, но вставать по-прежнему не хотелось. Свинцовая усталость не усиливалась, но и не отпускала. Всё оставалось как было. Только девичий голос иногда прорезал ватную темень. Ланья улыбался ему, как старому знакомому, но с места не двигался. С этим голосом было связано что-то очень хорошее, но нет, не вспомнить. Да и незачем. Тут хорошо, спокойно.

— Ты кто?

В нормальной бы жизни Ирил подпрыгнул как ужаленный, но сейчас просто чуть скосил глаза. В тяжелой черноте вышло в ту же цену.

Один кусок черноты был как будто бы чернее остального.

— Ты кто? — настаивал голос.

— И-и-р-и-и-л,— а говорить-то, оказывается, еще труднее, чем двигаться.

— Чего орешь? — Черный кусок темноты придвинулся ближе.— В голове не можешь, что ли, разговаривать?

— Мо-о-гу,— думать получалось быстрее, чем говорить, но тоже не шибко.— А ты кто?

— Я-то мох, а ты что за «ирил»?

— Ка-кой мо-ох?

— Обыкновенный, а ты-то кто?

Ирил задумался. Задача оказалась непосильной. Мысли ворочались в голове, как огромные валуны, чернота начала двигаться из стороны в сторону. Мох? Разговаривает? Это что ж такое?

Непонятное пятно услышало его мысли.

— Сам ты мох. Не мох, а мох, понятно?

— Не-е-а,— Реальность, если это можно так назвать, с трудом поддавалась осмыслению.

— Живу я тут.

Понятнее не стало.

— Ирии-и-ил! — Далекий девичий голос опять прорезал черную вату.

— Скажи ей, чтобы замолчала,— потребовал кусок черноты.

— Са-а-м ска-а-ажи-и.

— Я не могу, я раньше.

— Что-о ра-аньше?

— Раньше, чем она,— пояснил голос.

Ланья почувствовал, что удушающая чернота — это еще не предел. Оказывается, отсутствие осмысления черноты, это еще хуже. Разговаривающий мох, который не может говорить с девичьим голосом, потому что он раньше. Бррр. Если бы Ирил мог, он бы замотал головой. Но сейчас получилось только тихо застонать.

— Э-эй, не уплывай.— Ланья вдруг почувствовал тычок в бок. Пятно приобрело смутные очертания небольшого зверька.— Ой, ты жжешься. А-а, вот почему ты тут. И как это ты смог такое натворить?

Всё, голова остановилась. Черная вата вокруг стала вдруг спасительной. Уставившись в темноту, Ирил отключил всё, что мог, и замер, умиротворенный и довольный. Больше ему ничего не надо. И даже далекий девичий голос стал отдаляться и стихать. Но отдохнуть ему не дали.

— Эге-гей, ты только не засыпай,— настырный голос выдернул его из блаженного состояния.— Тебе нельзя здесь спать. Давай, расшевеливайся. Смотри, там к тебе еще кто-то рвется.

Ланья с трудом открыл слипающиеся глаза. Далекая звездочка стала как будто бы ярче. Вокруг нее появился слабо мерцающий ореол. Еще одна точка начала моргать рядом, но погасла. Ирил отстраненно наблюдал все это.

— Не дотянутся,— прокомментировал голос.— Они ж не знают, что мы тут.

— Зна-ают,— сонно отозвался Ланья.

— Не-а,— не согласился разговаривающий мох.— Они знают где, но не знают когда.

— Иди ты,— вот послать получилось четко и членораздельно. Почему-то послать всегда лучше получается.— Где-е, ко-огда-а... Бе-ез тебя-а то-ошно.

— Вот без меня тебе бы точно тошно было,— продолжал зудеть голос.— А со мной, глядишь, и ничего получится.

— О-отва-а-ли,— выдохнул Ирил и постарался все-таки заснуть.

Никак. Голос перестал выдавать комментарии, зато начал что-то бубнить. Но не монотонным успокаивающим звуком, а раздраженным зудом потерявшейся мухи.

— Ну-у, че-его-о, те-ебе-е, еще-е? — Ланью начало доставать это соседство. Мало того что ни руки ни ноги не поднять, так еще и забыться не дают.

— ...попомнишь меня, когда узнаешь, так поздно будет,— голос стал отчетливей, но бубнящие интонации остались.— Ни «спасибо» тебе, ни «пожалуйста». Держи его тут, спасай. Одно извинение, что ничего ты не соображаешь и серёдкой придавленный.

— Что-о ты-ы хо-оче-ешь? — сдался Ирил.

— Сиди, жди, пока твои там придумают, как тебя вытащить,— отчеканил мох.— А до этого спать не моги. А то не проснешься. И голос твой слушай, он тебя тоже вытаскивает.— Он помолчал немного (о, блаженство) и абсолютно алогично добавил: — Только скажи ей, чтоб не орала.

— Ка-ак? — поинтересовался Ланья. Он очень сильно надеялся, что сарказма в его голосе достаточно. Оказалось, нет. По крайней мере для моха.

— Как хочешь. Тянись к ней.

Ирил послушался зачем-то. Из последних сил он потянулся к далекой звездочке. Она стала ближе или это ему только кажется?

— Ну, еще, еще, сильнее,— откуда-то сзади начал подстегивать его мох.— Давай, тянись. Ну! Ну же!

Звездочка стала ярче, к ней добавилась еще одна, еще. Замерцали сполохи... Нет, сил не хватало, и Ирил начал медленно падать обратно, в спасительную темноту.

— А... э-эх, ты,— разочарованно протянул сбоку голос моха.

Не получилось. Совершенно обессиленный Ланья блаженно вытянулся на... полу, короче. Еще не хватало сейчас начать разбираться как тут что называется.

— Да уж, ты безнадежен,— прокомментировал мох.— Сиди теперь, жди.

— За-ткнись! — На этот всплеск ушли последние силы, и Ланья почти отключился.

— Не могу,— жизнерадостно чирикнул голос.— Ты без меня заснешь — и всё.

Вот это было верно. Только проснувшаяся почти звериная ненависть к мешающему спать моху поддерживала Ирила хоть в каком-то подобии сознания. А тому хоть бы что.

— О, гляди, тебя понесли куда-то.

И правда, звездочка сместилась вправо. Вернулась. Влево. Вернулась.

— А мне интересно вдруг стало,— почти пропел рядом мох.— Куда это тебя потащили и чего делать будут? Я, пожалуй, посижу тут, с тобой. А то вдруг ты без меня того...

Если бы у Ирила оставались силы, он бы застонал, а так...

— Ваше Магичество,— Степашка просунул голову в приоткрытую дверь кабинета Сибейры.— Можно?

Щуплый белесый Степашка с честными, вечно удивленными глазами особыми магическими талантами не обладал. Так, на троечку. Но дон Антонио держал его вовсе не за это. У парня был уникальный талант влезать без мыла в любую задницу и договариваться с кем угодно о чем угодно, включая вечно недовольных мастеров-оружейников из числа глеммов. Один раз он совершенно бесплатно выцыганил комплект боевой одежды у самого Утабая, признанного мэтра-оружейника всего Пестика и по совместительству редкостной сволочи. Злые языки поговаривали, что Степашка банально махнулся с Утабаем на что-то, но Сибейра точно знал, что это не так. И всё было бы ничего, но, будучи абсолютно компанейским парнем, Степашка совершенно не желал признавать никакой воинской дисциплины. А в свое время силком назначенный на должность Торквемада, наоборот, эту самую дис-

циплину с некоторых пор возлюбил безмерно. Но поскольку все свои многочисленные таланты в области разгильдяйства Степашка активно применял направо и налево, невзирая на чины, то и к самому Сибейре он вламывался точно так же, как к любому другому магу Директории. То есть как к себе домой. Раздражало это весьма, но дон Антонио, памятуя о многочисленных заслугах молодого нахала, терпел. До поры.

— Можно козу на плацу,— с удовольствием ввернул Сибейра фразу, подхваченную у Мастера Ацекато, то бишь Семена Алексеевича Точилинова, в прошлом (уже далеком) полковника российской армии.— Ты ж, балбес, почти военный человек: — «разрешите».

— Разрешите? — Степашка, ничуть не смутившись, втек в кабинет вслед за головой.— Там...

— Не разрешаю,— мстительно отчеканил дон Антонио.— Выйди и жди, пока позову.

— Так там... — Степашка искренне не догонял, чего это вдруг два слова нельзя сказать в пустом кабинете.

— Крру-гом! Ша-гом марш! — правдоподобно закипел Сибейра, напомнив, что прозвище Великий Инквизитор, может быть, не так уж и далеко от истины.

Степашку вымело. Дон Антонио поправил безукоризненно белый манжет и довольно ухмыльнулся. Общение с Точилиновым давало результаты. Мастера Ацекато не так давно пробил очередной приступ ностальгии по матушке-Земле, и он начал активно вспоминать былое. Большей частью «былое» заключалось во введении в обиход земных армейских правил и привычек. К данному моменту приступ ностальгии у Точилинова уже прошел, но Сибейра, которому систему под себя еще предстояло строить и строить, почерпнул много нового. И кое-что из этого нового — вот, пожалуйста, работает.

— Ну, где ты там? Заходи,— выждав паузу, позвал Сибейра.

Дверь открылась, и в кабинет строевым шагом (это он так думал), звучно шлепая по полу подошвами, вошел Степашка. Замер перед столом, преданно глядя в глаза.

— Ваше Магичество, честь имею доложить, к вам посетитель.

И замолчал, выпучив глаза от демонстративного усердия.

— Кто? — поинтересовался Сибейра.

— Не могу знать,— все так же выпучивая глаза, выпалил Степашка.

— То есть? — не понял дон Антонио.— Ты привел сюда непонятно кого? К моему кабинету?

— Никак нет,— доложился изо всех сил дурачащийся парень.— Не сюда. Он, она то есть, внизу.

— «Он», «она»? В каком низу? Посетитель ко мне? Ты что, съел не то что-то? Что ты несешь?

— Да нет, дон Антонио,— говорить о серьезных вещах и держать маску дурачка Степашка больше не мог.— Там внизу, в карантине, какая-то старая торквани. Говорит, что ей нужны именно вы. Пойдете? Или Ищущим оставить?

После визита Шамана и продвижения им идеи разбросать по Пестику амулеты доступа в Директорию прошло почти четыре месяца, отпущенных нелюдям Сибейрой на расшифровку и блокировку узора. Надо отдать должное Шаману с Мастером Ацекато, идея себя оправдала на все сто процентов. И даже больше. Неофитов набрали выше крыши. Шаман был счастлив. А в качестве пряника сверху Братьям Ищущим достались три боевые пятерки Желтых Стрелков, захвативших амулеты и сунувшихся в открытые порталы. Так что, пока можно — пусть работают. А тут еще и какая-то старая торквани. Скорее интересно, чем нет.

— А зачем ей именно я? — поинтересовался Сибейра.

Степашка пожал плечами, дурашливо разведя руки.

— Ладно, пойдем посмотрим,— дон Антонио выбрался из кресла.

В подвале было на удивление темно. Сибейра тут был только один раз — при запуске портала, принимающего тех, кто воспользовался амулетами Братства. С тех пор тут мало что изменилось, разве что света убавилось. Ярким пятном выделялась только приемная камера — просторная клетка, усиленная магическим узором. В остальном помещении царил полумрак.

— А почему тут так темно? — через плечо поинтересовался Сибейра у Находящего, невысокого паренька со скучающим лицом, который их сопровождал (Степашка, естественно, увязался с шефом).

— Так удобнее,— прокомментировал тот,— мы их видим, они нас — нет.

Логично, согласился про себя Сибейра. И на самом деле удобно. Сейчас они могли без помех рассмотреть необычного гостя, пожаловавшего к ним. Гость действительно был очень необычный. Точнее, гостья.

Высокая фигура неподвижно стояла посередине клетки, опираясь на посох. Или просто держа его в руках. Непохоже было, чтобы посох ей хоть сколько-нибудь был нужен. Подернутые красно-

той волосы, боевой султан торков на макушке, изрезанное морщинами старое лицо. Она была одновременно и похожа и не похожа на всех старых торквани, которых Сибейре доводилось до этого видеть. На первый взгляд, совершено обычная, она приковывала к себе внимание горделивой осанкой и монументальной неподвижностью. Так выглядел Муритай, правая рука Мастера Ацекато, когда хотел казаться значимым. Тогда с него слетала показная дурашливость, и перед всеми представал вождь и потомок вождей.

— Сараси Са-Сефара? — полувопросительно позвал Сибейра.

Торквани неспешно повернула голову:

— Я не сараси. Просто Са-Сефара.

Еще одна необычность. Это в Желтом Лепестке назваться «сараси», не имея на то права, означает нарваться на серьезные неприятности, а в Пестике торки совершенно спокойно воспринимали это обращение как уважительное. Блюстительница традиций? Торквани тем временем разглядела пришедших в полумраке.

— Ты тот, кого называют Торквада? — Она посмотрела на Сибейру — и тот поежился. Взгляд старых глаз очень напоминал прицел. Да уж, действительно необычный экземпляр занесло в приемник.

— Торквемада,— криво усмехнулся Сибейра, Муритай ему уже объяснил, что «торквада» на торкване значит «людоед».— Это одно из моих имен.

— Это правильно,— чуть наклонила голову Са-Сефара.— У воина должно быть много имен, чтобы никто не смог объять их все.

Дон Антонио прищурился: эта торквани явно понимала, о чем говорит.

— Вы шаман? — Он хотел добавить «сараси», но удержался.

— Была,— невозмутимо согласилась торквани.— Теперь я никто.

Сзади за спиной тихонько присвистнул Степашка. С сопровождающего их Находящего слетела зевотная скука. Еще бы, привести самого Торквемаду под шамана. Если она сейчас бросит боевой узор, как раз для таких самоубийц и придуманный, то спасти их сможет только небольшое чудо. Она сама, конечно, погибнет, но если это подстава, то ей все равно. Минус Сибейра — что еще надо?

Дон Антонио как не заметил признания.

— Что привело вас к нам?

— Мне говорили, что вы принимаете людей-магов и помогаете им?

— Кто говорил? — уточнил дон Антонио.

— Ваш амулет,— Са-Сефара показала амулет Братства, который она так и держала в руке.

— Принимаем и помогаем,— подтвердил Сибейра.— И не только людям. В Улитарте рады всем.

Действительно Улитарт принимал всех. В Городе Безумных Магов было полным-полно нелюдей. Значительно меньше, чем людей, но все равно достаточно. Кстати, об этом все прекрасно осведомлены. Откуда она свалилась?

— Мне не нужен Улитарт. Мне там не помогут.

— Так кому нужна помощь? — не понял дон Антонио.— Вам конкретно или какому-то человеку?

— Человеку,— наконец-то разродилась торквани.— Вашему человеческому щененку. Слишком много на себя взял, теперь не может справиться.

Она замолчала. Сибейра молчал тоже, она пришла — пусть высказывается. Пауза затягивалась.

— Чем мы можем вам помочь, уважаемая? — ни с того ни с сего влез Степашка.

Сибейра ему чуть подзатыльник не влепил. Еле удержался, чтобы не устраивать свару на глазах у посетительницы. Нет, ну это надо, а? О какой дисциплине и о каком порядке в Службе может идти речь, если ближайший помощник на субординацию плюет не глядя?

— Ваш мальчишка — халь,— пояснила Са-Сефара.— Слишком много на себя взял, теперь не может справиться. Четыре наших амулета завернуть вокруг себя, это даже для шамана много. Меня не хватает, чтобы его вытащить.

— Что значит «четыре амулета завернуть»? — Сибейра подался немного вперед.— Каких амулетов?

— Наших, человек, наших,— понимающе усмехнулась торквани.— Стандартные амулеты, закрывающие от хальер. Он попытался их развалить, но на четыре сразу сил не хватило.

— А не на четыре? — прищурился дон Антонио.— Хватило бы?

— Хватит,— пристукнула посохом Са-Сефара.— Давайте не будем в загадки и отгадки играть. Да, мальчишка может ломать торкские амулеты-блокираторы. Конкретно эти четыре висели на Желтых Стрелках, которые за нами пришли. А сейчас он лежит, и тронуть его никак. Что-то серьезное он сплел из этих амулетов.

— Это были штатные амулеты Желтых Стрелков? — мягко, обманчиво мягко, спросил Сибейра.

— Да,— Са-Сефара посмотрела прямо в глаза испанцу. Тот еще раз поежился.— Может, теперь вы решите помочь парню? Хотя бы ради этой его способности.

Великий Инквизитор дон Антонио Сибейра выпрямился. Сарказма на сегодня было более чем достаточно.

— Мы в любом случае помогаем всем, кто обращается к нам. Никто в пределах Пестика или всего Клевера не может сказать, что, обратившись к Братству Магов Земли, он не получил помощи, о которой просил. Мои вопросы были заданы лишь для того, чтобы понять, с чем мы столкнулись.

Прозвучало несколько напыщенно, но Сибейре надоело выслушивать упреки в корысти. И без этой торквани дел по горло, убеждай еще её.

— Что нужно сделать, чья конкретно помощь вам нужна и куда надо попасть? — Дон Антонио перешел на деловой тон.

— В Хайар,— Са-Сефара твердо смотрела сквозь прутья решетки.

Сзади тихонько присвистнул Степашка: да, далековато забрались ребята. А потом из торквани как будто выдернули стержень. Рука, держащая посох, соскользнула вниз, торквани опустила горящие глаза, и даже гордый голос стал тише.

— Я не знаю,— теперь перед Сибейрой был не торкский шаман, блюдущий родовую честь, а просто усталая пожилая женщина, которая очень нуждалась в помощи.— Я даже не знаю, что он сделал. Он лежит там, перед домом, а я даже дотронуться до него не могу. Он как здесь и не здесь. Иногда начинает пропадать куда-то, но Сова его зовет, и он возвращается.

Ее голос упал до шепота, но магам было не до сострадания сейчас. Скорая помощь не всегда имеет право на ситуативное сострадание. Как бы ни было больно или невежливо, но сначала надо спасти, а уж потом разбираться с тонкими материями.

— Сова — это кто? — подал голос из-за спины Сибейры Находящий. Все правильно. Она просила Торквемаду, она его получила. Первичное требование выполнено, теперь за дело берутся те, кому положено. И кто, если честно, сделает это лучше.

— Сова — это девушка, его девушка,— все так же тихо ответила торквани.— Она тоже халь. Может вам пригодиться. Правда, не знаю для чего. Хальер разума никогда не была сильной стороной людей.

Сибейра, пока суд да дело решивший закурить, подавился сигаретой.

— Халь разума?! — отплевываясь, перебил он уже начавшего говорить Находящего.— Правильно ли я вас понял, сараси Са-Сефара? — На сей раз торквани не отреагировала на обращение никак.— У вас там, в Хайаре, сейчас собрались человеческая девушка, халь разума; парень, который в одиночку справился как минимум с четырьмя Желтыми Стрелками, нейтрализовав при этом их штатные амулеты-блокираторы, с которыми, скажем так, очень трудно что-либо сделать, правильно? И еще до кучи полноценный шаман-торквани в вашем лице. У вас там не филиал Улитарта часом? Или Шаманерия выездные курсы открыла? А Мастера Состояний случайно нет там в окрестностях?

— Я не знаю, о чем вы говорите,— к торквани начала возвращаться былая невозмутимость. Момент слабости миновал.— Никаких мастеров состояний там нет. Есть только торк-воин.

— Ваш воин? — небрежно, как бы между делом, уточнил Сибейра.

— Мой,— автоматически кивнула торквани и вдруг вскинула голову: — Нет, он не может быть моим. Он просто воин. Сам по себе.

— Понятно,— покладисто согласился дон Антонио.— Просто воин. Сам по себе.

— Ничего тебе, человек, не понятно,— ни с того ни с сего взвилась Са-Сефара.— Тиира, гда вион. Теннака, бусиро шеен изен да тон. Тиира, гда саррис. Оденно, сараси изен даял диис.

Степашка с Находящим дружно дернулись, прикидывая, не узор ли бросает торквани? Уж больно торжественность и ритмичность произносимого смахивали на плетение заклинания. Кто их, торков, знает, как они узоры рисуют, тем более что не понять было ни слова. Это в Пестике-то, где понимание разных языков забито прямо в линии хальер. И только Сибейра остался абсолютно спокоен.

— Как вам будет угодно,— немного склонил голову он.— С вашего позволения, я приглашу вас на чашку доша,— он выразительно посмотрел на Находящего,— пока мы будем собирать необходимых специалистов.

Степашка покосился на шефа, но ничего не сказал. Находящий же, правильно истолковав начальственный взгляд, подошел к столику с разложенными амулетами и немного повозился с ними, снимая ограничивающий узор.

Безапелляционно указав Степашке на выходящую из приемника торквани (вот тебе за нарушение субординации и излишнее любопытство), дон Антонио откланялся.

Проследовав в свой кабинет, Великий Торквемада аккуратно закрыл дверь, настроил два амулета и аккуратно положил их перед собой. На его лице и следа не осталось от начальственной значимости.

— Семен, Шаман, мужики, какой экземпляр мне сейчас в приемник свалился, это что-то. Датой-шаман с личным воином. Ума не приложу, что она тут делает и как прячется, но факт. За помощью пришла, представляете? Выручать надо девчонку, мага разума, и парня, который умеет ломать торкские амулеты. Как вам, а? Шаман, давай собирайся. Мне от тебя надо будет...

Закончив разговор, дон Антонио развалился в кресле, повернулся лицом к вечереющему окну, закинув руки за голову, и задорно подмигнул зеленоватому солнцу Пестика, неспешно собирающемуся баиньки. А все-таки здорово иногда самому в поля выбираться. Тускло все время в кабинете сидеть. Немного полюбовавшись на тихое умиротворение заката, Сибейра еще раз подмигнул солнцу, уже другим глазом, упруго подпрыгнул и пошел выбирать экипировку.

Глава 8

Хайар встретил их совершенно неожиданным ледяным ветром.

— Ни хрена себе «здравствуйте»,— прокомментировал Шаман порыв обжигающе холодного ветра.— Тут и оценишь Улитарт с Ацетом.

И правда, Улитарт, где обретался Шаман, и Ацет, столица Директории, сильно отличались от местного климатического «гостеприимства». В лучшую, естественно, сторону. Ацет, единогласно прозванный так вопреки бешеному сопротивлению Точилинова, усмотревшего в названии зарождающийся культ личности, стоял на равнине с замечательным мягким и теплым климатом. Еще бы, места — море, государство новое, выбирай, чего душа пожелает. Так где же было магам выбирать резиденцию для себя любимых, как не в самом уютном месте? А с Улитартом вообще разговор отдельный. Он мог стоять хоть на вершине самой высокой горы, все равно там было бы замечательно. Город Тысячи Радуг сам о себе заботился, хоть это в голове поначалу и не укладывалось.

Ничего подобного про Хайар сказать было нельзя. Ледяной ветер гнал по небу серые клочковатые облака, набегающие одно на другое. Серая морось наводила на мысли о том, что ежегодное проклятие Пестика длиною в месяц — сахаш, выматывающий душу моросью и безнадежностью, не наступает и заканчивается, а просто проходится по миру, а потом возвращается домой. Сюда, в смысле. Безрадостная полоса свинцового моря вдалеке тоже не добавляла никаких положительных эмоций.

Десять человек (говоря более точно, восемь людей и два торка) замерли на скале, которой начинался (или заканчивался, как посмотреть) город. Слева лежал Хайар, но цель экспедиции, как объяснила Са-Сефара, располагалась несколько правее. Сибейра прикинул расстояние до темнеющего на горизонте леса, за которым, по словам торквани, только начинались болота, предваряющие путь к мысу Хакони, и подумал, что его понимание слова «несколько» сильно отличается от значения этого слова на торкване. Но делать было нечего, все равно на вершине этой скалы долго не простоишь, и дон Антонио начал спускаться. За ним потянулись остальные.

Вообще, состав экспедиции получился потрясающий, хоть картину пиши. Каждый из трех участвующих в ней членов Братства Магов выбрал попутчиков себе под стать. Сам Сибейра взял Айонки, он все-таки зрелый человек — в отличие от разных там балбесов. Кряжистый Айонки отличался той основательной неторопливостью, которая подкупает с самого начала. Эдакий грибборовик с добродушными глазами, хитро щурящимися с продубленного всеми ветрами лица. Он и по Территориям полазил, и океан неплохо изучил, пока не забрел из любопытства в Улитарт. Так что и нравы местные он знает, и как маг посильнее многих будет. Не сравнить с тем же Степашкой, который всю душу вынул, просясь с ними. Его для другого держат. А вторым, на боевое усиление, дон Антонио пригласил молодого гемара Находящих, Тоорандо, который, несмотря на свою молодость, звание гемара носил заслуженно. За парнем уже числилось четыре пятерки Стрелков, пытавшихся попасть в Улитарт. Среднего роста худощавый Тоорандо порывистостью движений напоминал мальчишку. И лицом был под стать подростку: падающая на глаза челка, серые смеющиеся глаза, открытая улыбка. Это — если не знать, что парень — один из лучших мечников Находящих и со стрелковым оружием у него тоже все в порядке. Не аталь, конечно, но очень неплох. И при всем при этом Тор, как его звали все вокруг, про магию и не думал забывать. Учился он самозабвенно. Практи-

чески всё свободное время пропадал в Улитарте. Что он там делал и у кого учился, Сибейра толком не вызнавал, но то, что парень прогрессировал не по годам, а по неделям, это было очевидно. С таким набором Тооргандо сильно выделялся в и без того не скучной орде под названием «Находящие». Подчиненные, кстати, его боготворили.

Проводив взглядом своих подчиненных, дон Антонио перевел взгляд на улитартских и чуть не прыснул. Вот уж где паноптикум с кунсткамерой. Даже не беря самого Шамана, личность, выдающуюся во всех смыслах, в этой троице было на что посмотреть. Один Кощей Бессмертный чего стоил. Испанец по происхождению, Сибейра от русского эпоса был далек, но его просветили. Просветясь, Сибейра долго смеялся. А что? Похож. Кощун Ягович Бессмертных (он утверждал, что это настоящее имя) на самом деле был одно лицо с уродцем, которого попытался изобразить на листе бумаги Борис Уваров, просвещающий дона Антонио. Хотя, может, он с натуры рисовал? Но как бы то ни было, а смотреть без слез на этот ходячий скелет было трудно. Кощей, казалось, досыта не ел никогда в жизни. Костлявые руки выглядывали из рукавов, штанины свободно болтались вокруг тонких длинных ходулей, прозываемых ногами. Венчала это все овальная, абсолютно лысая голова с большими костистыми ушами. При всем при этом лицо Кощея было абсолютно нормальным, даже где-то аристократичным. Тонкий нос с горбинкой, умные глаза прячутся под стеклами очков в тонкой оправе, четко очерченный рот и волевой подбородок. Если рассматривать лицо отдельно от комичного тела, Кощей запросто мог сойти за крупного ученого мирового масштаба. Впрочем, почему «сойти»... В эту экспедицию его взяли не за аристократичное лицо. Кощун Бессмертных был мастером Разума. Действительно очень редким специалистом среди людей. Сибейра лично его не тестировал, но, судя по докладам, специалистом он был очень серьезным.

Третьим в их компании был Андрей Колобкин. Коллега Мастера Ацекато, вернее, тогда еще полковника Точилинова, по службе в Управлении Практической Магии Генштаба РФ. Он одним из первых на Земле признал в изобретенная Сибейрой легенде руку Точилинова и одним из первых же рванул в Пестик, поближе к приятелю. В том, что розовая мечта Мастера Ацекато — система связи, изобретенная в свое время Братством, из хрипящего аппарата Эдисона превратилась в нормально работающий дуплекс, была исключительно заслуга Колобка. Имея его в команде, можно было не беспокоиться о коммуникациях вообще. В данном случае,

учитывая месторасположение мыса Хакони, в его привлечении смысл был. Дон Антонио даже одобрительно поджал губы. Как раз о связи ни он, ни Ацекато не подумали. Взяли стандартные коммуникаторы-амулеты, и все. Ну что ж, потому Шаман и первый в Улитарте, что может не только разных странных личностей привечать.

Ну а с группой руководства всё было предельно прозрачно. Мастера Ацекато сопровождали торк Муритай и энергетик Борис Уваров. Муритай был напарником Мастера Ацекато еще со времени его первого появления в Пестике, когда тот еще не был ни Мастером, ни Ацекато. Напарник, телохранитель, нянька, прислуга за всё, личный друг и доверенное лицо. Все ипостаси огромный торк сочетал в себе совершенно естественно, и представить эту парочку по раздельности в Братстве, да и в Пестике вообще не мог уже никто. Так что тут все было понятно.

С Уваровым тоже всё просто. Старый, еще земной друг Точилинова, прошел с ним все перипетии становления Братства и Директории. Спокойный, надежный, он и выглядел так же. Высокорослый, темные волосы, приятное лицо без резких черт. Борис никогда не отличался любовью к авантюрам. И сейчас занимался именно спокойным, надежным делом: отвечал за энергетику и стратегические запасы магиприпасов и амулетов Братства. Сам специалист по энергетическим воздействиям, он прекрасно разбирался в том, как и где могут пригодиться те или иные амулеты. А в Пестике, где практически всё держалось на амулетах и магиприпасах, от медицины до холодильников, этот пост приобретал немалый вес. Маги, конечно, могут себя сами обеспечить всем необходимым, но Директория — это не только маги. Да и вообще — если всё время заниматься только собственным жизнеобеспечением, много не наработаешь, а покупать всё это у Старших Рас уж больно накладно. Да и не продадут они Братству. Так что снабжение в Пестике было так же значимо, как и в любом другом мире. Правда, Бориса, как, впрочем, и любого другого мага Братства, собственная значимость волновала́ мало. Других дел было полно. Единственно, не до конца оставалось понятным, зачем Борис нужен именно в этой экспедиции.

Хотя такой вопрос мог возникнуть не только у дона Антонио. Сторонний наблюдатель вообще впал бы в шок. Состав экспедиции вышел более чем звездный. Нормально, да: глава собственно Братства, глава служб Находящих и Ищущих, распорядитель Улитарта и начальник тыла. Остальные на их фоне смотрелись слабее, но это — только на фоне. А по отдельности — о-го-го. Любой, кто со

стороны посмотрит, скажет: парень какой-то бриллиантовый попался, раз за ним столько тузов собралось. А на деле?

А на деле Антонио Сибейра запрокинул голову, подставляя лицо под непрестанно моросящий дождик, и весело улыбнулся непонятно чему. На деле всё просто: да надоело мужикам в кабинетах сидеть. Посты, значимость, ответственность, слава — это всё здорово, и никто ни от чего не отказывается (вот еще), но иногда хочется почувствовать себя простым вольдом, по полям скачущим, отвечать только за себя и только здесь и сейчас. Потом все вернутся в кабинеты и будут заниматься рутиной, но это потом. А сейчас-то можно кровь разогнать? Тем более что случай и вправду интересный.

— Тут всегда так? — поинтересовался Мастер Ацекато, ловко спрыгнув с последнего камня.

— Нет,— не поворачивая головы, отозвалась Са-Сефара. Получив то, что хотела, она уже не отвлекалась на мелочи, просто шла вперед, не заботясь об удобстве остальных. А локальный статус каких-то человечишек, которые себе сами игрушек понапридумывали, ее волновал мало. Ей сказали, что тут одни из лучших,— достаточно.— Океан с севера шторм гонит, поэтому так холодно. Обычно здесь гораздо теплее.

— А что, отсюда есть еще и север? — недовольно пробурчал Кащей, пытаясь поплотней запахнуть куртку. Торквани его проигнорировала, но отозвался Айонки:

— Есть. Туда, правда, не дойти, да и незачем, но есть. Вот там как раз и холодно.

— Не верю,— повертел головой Кащей.— Страшнее кошки зверя нет.

— Еще как есть,— хохотнул Мастер Ацекато. Он шел полурасстегнутым, и ветер с дождем, казалось, не доставляют ему каких-либо неудобств.— Все то же самое, только при температуре минус три. И так — пару месяцев подряд. Да вперемешку с мокрым снегом. Вот где весело.

— Не дай бог,— Кащей демонстративно напялил капюшон.

— Мастер, а где такое бывает? — поинтересовался Айонки.

— Бывает,— рассеянно отозвался Ацекато.— В Питере еще и не такое бывает.

Он задумался и замолчал, а Сибейра вспомнил, что база Управления Практической Магии в России располагалась как раз где-то под Петербургом.

— А потом приходит лето,— подхватил Борис,— и начинается совсем другая история. Э-эх,— он мечтательно покрутил головой,— белые ночи в Питере — это что-то.

— Кстати,— вспомнил мерно переставляющий длинные ноги Шаман,— синьор Торквемада, а что у нас происходит с Землей?

— Что с ней может происходить? — делано удивился Сибейра.— Воюет со всем Клевером, как обычно. Если что интересное случится, не переживай, я доведу.

— Спасибо,— саркастично поклонился Шаман на ходу.— Про то, что она воюет, я где-то уже слышал. Я про другое спрашиваю.

— Если это самое «другое» заявится к нам в Пестик, а паче того в Директорию,— дурачась, надулся как индюк дон Антонио,— будьте уверены, Ваше Магичество, Служба Находящих его поймает, спеленает и на препарирование в Улитарт доставит.

— Слов нет, чтобы выразить мое глубочайшее удовлетворение и восхищение,— отвесил еще один поклон Шаман и посмотрел за спину испанцу: — Тор, выдохни, а то лопнешь.

Сибейра обернулся. За его спиной шагал вытянувшийся в струнку Тооргандо, всячески изображающий бравого вояку в тон словам шефа. Бравым-то воякой он был, а вот внешность немного подкачала. Надувшийся Тооргандо напоминал молодого петушка. Не цыпленок, но еще и не петух. С тонкой шеей и костлявыми ключицами. Глазами Тор буквально ел начальство.

— Можно,— барственно махнул рукой Сибейра.

— В смысле «вольно»,— тихонько вставил Точилинов.— Ты ж военный. Был, во всяком случае.

— Не военный. Контрразведчик,— поправил дон Антонио.— И это было давно. И — на Земле.

— Да ты что? — восхитился Уваров.— А здесь у нас ты этот, как его, сифилитик, да?

— Филателист,— опять поправил Точилинов.

— Я в курсе,— углом рта прошипел Борис.

— Да ну вас,— не выдержал и рассмеялся Сибейра.— Гемар Тооргандо, вольно.

— От это я понимаю...— начал Мастер Ацекато, но не успел больше ничего добавить.

Тооргандо обвел идущих магов глазами. Не раскрывая рта, носом, сделал еще один вдох. Открыл рот... И резко выдохнул длинную струю пламени. Ф-фух.

Маги порскнули в стороны, как будто и не было ни у кого за плечами многих месяцев кабинетной работы. Мгновенно.

— Здорово? — поинтересовался Тооргандо, обводя взглядом прячущихся магов.— Две недели тренировался.

— Идиот! — возопил Сибейра, поднимаясь с земли и пытаясь оттереть с руки какую-то липкую гадость, в которую вляпался.— Нашел время и место способности демонстрировать.

— Я думал, вам понравится,— в голосе Тооргандо не было и тени виноватости.

— Нам понравилось,— заверил его отряхивающийся Мастер Ацекато,— и в самом деле необычный трюк. Мои поздравления. Только, пожалуйста, молодой человек, в следующий раз предупреждайте, ага? А то тут очень мокро, и мне не хотелось бы...

Тут через его академический тон прорвался смешок, потом другой, и Мастер Ацекато расхохотался в голос. Чуть погодя к нему присоединились остальные.

— Я смотрю, погода плохая, идти далеко, надо что-то веселое сделать,— Тооргандо, наконец, виновато посмотрел на Сибейру.— Шутка-то безобидная.

— Шутка ему,— проворчал дон Антонио. Он уже и не знал, смеяться ему или сердиться, как вдруг заметил лицо Шамана. Тот запихнул в рот чуть не половину капюшона, и только слезящиеся от смеха глаза выдавали рвущийся хохот.

— Так это ты ребенка всяким пакостям учишь?! — нашел на ком оторваться Сибейра.

Шаман выплюнул капюшон и все-таки захохотал.

— Да ты что? Нет, конечно. Это ж чистая энергетика, куда мне,— отсмеявшись, ответил он.— Но я точно знаю, кто.

— Кто? — Дон Антонио перевел взгляд на Уварова. Тот замотал головой, мол, что ты, нет, не я.

— И не проси, не расскажу,— замотал головой блюститель Улитарта.— Пусть сам колется. Правильно я говорю, а, гемар?

Он весело прищурился в сторону Тооргандо.

— Ничего там такого не было,— неожиданно покраснел тот.— Интересная же штука, просто захотелось попробовать.

— Ну-ка, ну-ка, расскажите мне, что Служба пропустила? — по-инквизиторски улыбнулся Сибейра, но договорить ему не дали.

Возле Точилинова неожиданно появилась Са-Сефара, которая, по идее, должна была идти метрах в ста впереди.

— Ты главный в Братстве, а тут все первые, я правильно поняла? — обратилась она к Ацекато.

— Обычно ко мне обращаются на «вы»,— чуть сдвинул брови тот.— Но в целом всё правильно. Мы и есть Братство. Вот такие, каких видите. Остальные тоже далеко не ушли, а в Улитарте еще хуже.— Он чуть дернул уголком рта в сторону Шамана, обозначив улыбку.— Уж извините,— он чуть повел рукой,— других нет.

— Наоборот,— взгляд торквани потеплел.— Теперь я верю, что вы его вытащите. И что в Пестике останетесь.— Она перевела взгляд на стоящего за спиной Точилинова Муритая.— Ты давал слово, идал?

Муритай вздрогнул. Чуть-чуть, незаметно.

— Я не идал, сараси.

— Так и я не сараси,— усмехнулась торквани.— Так давал или нет?

— Нет,— спокойно ответил Муритай.— Я просто живу здесь.

— Понятно,— кивнула торквани. Развернулась и бросила через плечо в своей, уже узнаваемой, манере: — Идем, стоять здесь незачем. Путь долгий, и кто знает, что нас там ждет.

Маги потянулись за ней.

Небольшой дом, стоящий на скале возле моря, показался както неожиданно. Вроде и пространства перед ним было много, издалека можно разглядеть, ан нет. Он открылся только тогда, когда до него осталось минут десять ходу. Может, дом и был когда-то аккуратным и ухоженным. Но — не сейчас. Чем ближе спасательная экспедиция подходила к дому, тем виднее становилась разруха, царящая вокруг. Даже нет, не разруха, всё было цело и невредимо, а какая-то неухоженность, что ли, витала в воздухе. Видно было, что люди тут есть, но не видно, чтобы за домом хоть кто-то следил. Хлопающие на холодном ветру окна, перевернутое кресло на террасе, куча каких-то тряпок возле крыльца... Множество мелочей. Неуютность и безысходность. И было еще что-то непонятное, что заставляло ежиться и озираться по сторонам. Странность какая-то.

Сибейра оглянулся. Остальные, судя по лицам, тоже чувствовали нечто подобное. И только Кащей щерился довольной улыбкой забравшегося в погреб кота. И еще Муритай шел спокойно, выпрямившись во весь рост, ничуть не стараясь скрыть свое присутствие. Выражение его лица дон Антонио никак не мог классифицировать. Что же, становится всё интереснее, промелькнуло у него в голове. Посмотрим, что будет дальше. Он выпрямился, стараясь сбросить безысходную одурь, все больше им овладевающую. Ничего не получилось, но он вдруг почувствовал какое-то сопротивление. Не атаку, нет. Просто чье-то неуловимое присутствие и легчайшее прикосновение узора. Он бы, наверное, ничего и не понял, и плюнул бы — очень уж невесомо было это прикосновение, если бы не улыбка Кащея. Два и два сложилось легко. Потому и Кащей улыбается, потому и Муритай спокоен. А то, что эти, в до-

ме, защищаются, даже видя Са-Сефару,— что ж тут плохого? Сразу ведь не разберешь, подмогу она ведет или ее под «подмогой» ведут. Дон Антонио выпрямился, успокаиваясь. Всё ясно.

И ничего ясно не стало. Безысходность начала превращаться в депрессию. И почти сразу — в панику. Захотелось убежать, накрыться чем-нибудь. Спрятаться у кого-то сильного под крылом. Очертания дома вдруг поплыли, сделались размытыми. Тучи над головой, бегущие по небу, сделались гуще, темнее. Ветер стал пронизывающим. От него перестала спасать одежда. Сибейра ощупал своё прячущееся все глубже и глубже «я» — и вдруг разозлился. Да что такое? Что происходит? Он маг или где? Дон Антонио постарался нащупать линии хальер. Вот они, но какие-то странные. Колючие и скользкие. Атака! Сибейра схватился за них, краем глаза отметив, что остальные сделали то же самое.

— Хватит, девочка,— хрипло каркнула Са-Сефара.— Тахор, остановись. Две Твари обошли вокруг четырех деревьев.

И всё пропало. Абракадабра торквани сработала. В смысле всё осталось, но пропало чувство страха. Вокруг сделалось светлее, ветер перестал быть ледяным, тучи полетели медленнее, и даже куча тряпья около крыльца перестала вызывать безотчетное чувство брезгливости. Дом стал нормальным. Дом себе и дом. Что это было? Так работают мастера разума? Ну-ну, надо будет внимательнее к этим ребятам в Улитарте присмотреться, сделал себе пометку Сибейра.

А уж Кащей-то доволен. Ага, будет ему пара. И если еще эта девчонка выглядит так же, как он...

Заплаканная перепуганная девушка, сидящая в комнате на первом этаже возле чего-то, напоминающего очертаниями человеческое тело, на Кащея похожа не была, и Сибейра незаметно перевел дух. Очень уж ярко готовил он себя к появлению Кащеихи. Торквани была далеко не красавица, так что, перенеся восприятие с неё на всё, что она рассказывает, Сибейра ожидал как минимум еще одну торквани по виду. Ну, на край, глеммиди. Тем радостнее оказалась реальность.

Большеглазая девушка с копной светлых волос меньше всего походила на истощенного мастера Разума, на которого, в понимании Сибейры, должны были быть похожими все такие мастера. Она, должно быть, довольно красива, когда не плачет и не вымотана многодневным уходом за непонятно кем и чем. Это промелькнуло в голове у дона Антонио и тут же исчезло — вперед сунулся Кащей. Сибейра не был охотником на Земле, поэтому представления

об охотничьих собаках в действии был лишен, но сейчас вид Кащея мог запросто иллюстрировать собаку, взявшую след. Глаза горят, ноздри раздуваются, улыбка до ушей, сам довольный дальше некуда. Называется, нашел собрата по несчастью.

— Стоять,— Кащей, как об стенку, споткнулся о голос торквани.— Что-то случилось, девочка, пока меня не было?

— Да,— девушка сдерживалась, но видно было, что из последних сил.— Он уплывает куда-то. Я его зову, он возвращается, но ненадолго. И опять уплывает. А недавно там появился еще кто-то.

Тут силы ее кончилось, и слезы хлынули ручьем. Са-Сефара обняла рыдающую девушку, маги понимающе молчали вокруг. Еще бы, попробуй просиди несколько дней рядом с непонятно чем, каждую минуту ожидая визита аталь или смерти подопечного. Который к тому же твой парень, как Сибейра понял из скупых намеков торквани. А тут еще появление непонятно кого, который тоже страшный. И сама еще толком не маг, и опыта никакого, и подсказать некому, и девушка, и страшно, и холодно... В общем, додумывая за нее, дон Антонио чуть сам не разрыдался, благо вспомнил, что люди вокруг.

Ладно, оставим кесарю его долю, Сибейра все-таки не маг разума, пусть улитартские колдуют, а он займется другим. Так-с, а это кто? Пара Кащею? Антипод-перевертыш? Невысокий торк неподвижно стоял в углу комнаты, наблюдая за ввалившимися магами. Его действительно можно было назвать противоположностью Кащея, но не в плане красоты, а в плане перемены местами отрицательных и положительных сторон внешности. Там, где Кащей был болезненно худым и высоким, торк был невысоким и крепким. На несуразном теле Кащея сидела абсолютно нормальная голова с приятным лицом, тут же наоборот. Неимоверно уродливое лицо и большая голова создавали образ какой-то Твари, сбежавшей из Территорий. Твари злобной, быстрой и смертельно опасной. Непостижимым образом, но они с Кащеем были похожи. Дон Антонио удивился этому наблюдению, а потом внимательнее присмотрелся к незнакомцу — и все прочие мысли вылетели у него из головы. Торк был воин. Нет, не так. Он был Воин. Только по одному положению рук, которые торк демонстративно держал на виду, Сибейра, уже насмотревшийся всякого, мог определить, что торк непрост, ох как непрост. Вон Муритай как к нему подходит. Аккуратно, чуть не бочком. Ни дать ни взять молодой щенок представляется матерому волку. Это Муритай-то! Ну-ну, посмотрим. Оставив в покое магов, сгрудившихся вокруг торквани с девушкой (это никуда не уйдет, пусть Шаман сам раз-

бирается), испанец сосредоточил все внимание на торке. Тооргандо с Айонки, уловив перемену, аккуратно переместились поближе к шефу. Тут было на что посмотреть. Муритай остановился в паре шагов от незнакомца — и замер. С минуту они стояли неподвижно, оценивая друг друга. Торк был невысок, где-то по грудь Муритаю, и, по идее, Муритай должен был нависать над ним, хотя бы зрительно подавляя его размерами. Ничего подобного. Они смотрелись как минимум на равных, а если пристально наблюдать, то становилось заметно, что Муритай старается держать дистанцию. Да уж, действительно, компания тут, на мысе Хакони, подобралась незаурядная. Тем временем первичный осмотр закончился.

— Муритай-он,— склонил голову в уважительном поклоне Муритай.

— Только «Муритай-он»? — поднял бровь торк.

— Да,— поднял голову Муритай. И прямо посмотрел на незнакомца. Пора представляться в ответ.

— Тахор Гумануч-он,— чуть наклонил голову тот.

Судя по реакции Муритая, имя ему ничего не говорило, но положения дел это не поменяло.

— Здесь Глава Братства Магов Земли, Мастер Ацекато,— начал представлять присутствующих Муритай,— блюститель Улитарта, Шаман...

Все правильно, подумал Сибейра. Отвечающему за безопасность необходимо знать, кто пожаловал в гости. Он сам бы первым делом такую информацию затребовал. А раз Муритай признал в торке достойного уважения, то и нечего ждать, пока тот сам начнет интересоваться.

— ...служб Ищущих и Находящих, дон Антонио Сибейра.

Муритай в представлении добрался до него, и тут на лице Тахора появилось одобрение. До этого он вроде и не смотрел на Сибейру, а вдруг уважительно склонил голову, и получилось, как будто они поздоровались. Что ж, надо подойти.

— Дон Антонио Сибейра,— коротко представился испанец, подходя к все еще неподвижно стоящему Тахору. Надо же, успел мельком удивиться Сибейра, пяти минут не прошло, торк с места не сдвинулся, а вокруг него все уже прыгают. Это уметь надо.

— Тахор Гумануч-он.

— Гемар Находящих Тооргандо, Айонки,— представил последовавших за ним подчиненных дон Антонио.

Тахор чуть улыбнулся. Его лицо, и без того уродливое, пошло морщинами, как печёное яблоко. Получилось ужасающе.

— Не тот Айонки, который с Атаром в Раздел ходил? — поинтересовался он, глядя на вольда.

— Это было очень давно,— добродушно осклабился Айонки.

— Но было,— кивнул торк и перевел взгляд на Тооргандо: — А ты тот Старший, который Желтых Стрелков с Красными перепутал?

— В общем, да,— немного стушевался Тооргандо, но быстро справился.

Сибейра же немедленно насторожился. Случай Тора, когда он, только назначенный гемар, столкнулся с пятеркой Желтых Стрелков в окрестностях Улитарта, принял их за неподготовленных Красных и рванулся в бой, из которого не иначе как промыслом Божьим, но вышел победителем, был достаточно хорошо известен. Но. В очень узких кругах. Сидящему на окраине мира, держащему оборону и изолированному от всех торку о нем знать не полагалось. И вопрос даже не в том, кто он такой, а в том, откуда утечка. Неужели их информация так легко расходится по Пестику? Еще одна головная боль, отметил про себя дон Антонио. Тахор заметил его гримасу, но проигнорировал. Не его проблемы.

— Пока ваши товарищи изучают кокон,— начал он без дальнейших расшаркиваний,— я расскажу, что было до этого. Может, это вам поможет. Итак, парень, который в коконе,— халь. Зовут Ирил Ланья. Мой воспитанник. Полтора года назад он поссорился с одним аталь, вообразившим, будто он наследник великих халь Зеленого Лепестка. Разбил его амулет. Амулет торкский, да еще и лично под него был подстроен. Не знаю как, но подстроен. Изготовитель, скорее всего, Та-риваки, если вам это имя что-нибудь говорит,— Сибейра кивнул.

Торк продолжал рассказ, скупыми точными фразами описывая происходящее. Маги слушали, стараясь запомнить каждое слово. Каждый отмечал что-то свое. Потом они обсудят, расскажут свои наблюдения и мысли. Но это — потом. А сейчас нужно как можно больше запомнить и понять. Тахор тем временем добрался до последнего боя:

— ...основная ошибка была моя. Слишком я поверил в то, что они девчонку запросто обманули. Они ей показались — и стали смотреть, куда она побежит. Показались пятеркой. Я и поверил, что они против девчонки настроились. Начал ждать пятерку. А пришли на самом деле пятерка и тройка. Ирила я отправил против двоих, а сам начал ждать тройку. Он двоих-то положил, парень способный, а я не угадал. Двоих убрал и пошел ловить последнего. На нем меня и взяли...

В целом ситуация была ясна. Не очень понятно было, почему после потери аж восьмерых Стрелков сюда никто не заявился проверить, что случилось, но теперь это уже неважно. Охрану все равно придется выставлять, а против такого сборища, какое заявилось сюда, надо посылать небольшую армию, не меньше. Так что с безопасностью более или менее ясно. Надо смотреть тело.

— Антонио,— как по заказу позвал Шаман.— Подойди посмотри, может, увидишь что знакомое.

Сибейра протолкался поближе к лежащему на кушетке Ланье. Всё тело парня обволакивала какая-то дымка, размывающая очертания и не позволяющая толком разглядеть ни лицо, ни позу, ни детали одежды. Определение «кокон», данное Тахором, казалось наиболее верным.

— Что тут у нас? — поинтересовался дон Антонио, вглядываясь в неясные очертания лица.

— И в самом деле странно,— отозвался Шаман, стоящий на коленях возле кушетки.— Что с парнем происходит, неясно совершенно. Дотронуться до него я не могу, рука вязнет. Переместить его с кушетки на пол можно, но это и все. Линии хальер как обрываются здесь. Амулеты мне показали — штатные игрушки Желтых Стрелков. Не усиленные. Все четыре — как наизнанку вывернуты. Ты слышал что-нибудь про уничтожение подобных амулетов?

— Кроме тех баек, которые я уже рассказал, ничего,— помотал головой Сибейра.

Перед выходом он просмотрел всю информацию, которую можно было собрать про уничтожение амулетов. Ничего конкретного, ни одного очевидца или участника. Сплошные сказки да байки. Да, ломать амулеты можно. Да, владелец при этом, скорее всего, погибает. Да, были мастера, которые это делали. Имен нет. Конкретики никакой. Именно это Сибейра и поведал всем по пути сюда.

— А как умерли Стрелки? — поинтересовался он.

— Как будто начали вытягивать наизнанку их самих. Точка фокуса начиналась где-то в грудных клетках. Через амулеты ее только протягивали.

— Амулеты доступны?

— Теперь это просто деревяшки и камни,— Шаман протянул на раскрытой ладони горку каких-то ошметков: — Хальер — ноль, делай с ними все что хочешь. Вся хальер ушла туда,— он кивнул головой на неподвижное тело.

— Интересно,— бездумно протянул Сибейра, вглядываясь в изменчивую дымку.— А дотронуться можно?

— Только аккуратно,— разрешил Шаман.— Я потянулся, до сих пор рука ноет. Ничего страшного, но ощущение какое-то необычное.

— Угу,— согласился дон Антонио и протянул руку.

Дымка приняла кисть. Вначале ничего необычного не происходило, но по мере того, как рука уходила дальше, начинались странности. Очертания руки размывались, пропадала чувствительность. Не онемение, а нечто непонятное: будто рука начинает растворяться. В каком-то месте Сибейра почувствовал, что уперся. И — всё. На следующем миллиметре ощущение растворения усилилось настолько, что дон Антонио выдернул ее, даже не успев задуматься почему.

— Твою мать,— ошарашенно выдохнул он.

— На что похоже? — влез Шаман.

— Да хрен его знает,— Сибейра тряс рукой, к которой мгновенно вернулась чувствительность, как только прервался контакт с дымкой.— Ты прав, ломит сильно. Такое ощущение, будто ее разобрали и тут же обратно собрали.

— О, точно,— поднял палец Шаман.— А то я никак не мог сформулировать. Мысли есть?

— Пока никаких. А что с разумом? — Он поднял глаза на девушку (его уже оповестили, что ее зовут Сова), которая ни на шаг не отошла от лежащего Ланьи, не обращая внимания ни на толкучку вокруг, ни на странные явления и ощущения. В больших заплаканных глазах плескалась такая надежда, что Сибейра перевел взгляд на Кащея. Он терпеть не мог огорчать красивых девушек. Однако ответила именно она.

— Он там есть,— Сова указала рукой на дымку.— Если просто голосом звать, то он не слышит, но если добавить туда хальер, тогда как-то реагирует. Иногда он начинает пропадать, размываться, я его сильнее звать начинаю, и он опять появляется. Я его вижу как темное пятно. А недавно там еще кто-то появился. Кружит вокруг него. Правда, с этим «чем-то» его стало легче звать.

— А как это проявляется, ну что он слышит? — поинтересовался Сибейра.

— Он четче становится. Если вы спрашиваете, появлялся ли он, то — да. Один раз я его как-то очень сильно позвала,— она немного смутилась,— он почти появился, я лицо увидела. А потом — всё. Больше так не получалось.

— А давай, девочка, попробуем вместе позвать,— предложил из-за плеча Сибейры Кащей.— Я тоже немного смыслю в том, что ты делаешь. Ты мне расскажешь, чтобы я подстроился, и попробуем.

— Вы Мастер Разума? — вскинула глаза на Кащея девушка.

— Ну не знаю насчет мастера,— пожал плечами Кащей.— Но я в любом случае больше многих в Братстве понимаю, о чем ты говоришь. А уж тут-то точно. Попробуем?

— Давайте,— Сова свела брови, явно готовясь что-то сделать.

— Тшть, тихо,— остановил ее Кащей.— Не так быстро. Я еще не до конца вижу, как ты это делаешь. Давай посидим вон там,— он кивнул на диван в углу комнаты,— поговорим. Ты мне всё покажешь, а потом попробуем.

— А как же... — девушка беспокойно оглянулась на лежащего Ланью.

— Не переживай,— успокоил ее уже Шаман.— Во-первых, мы здесь. Без присмотра его не оставим. Если что будет происходить, мы тебя позовем. А во-вторых, нам всем всё равно надо подготовиться. Либо мы тут начинаем сеанс хальер, устраивая светопреставление на всю округу, либо, если ничего не получится, перебазируемся в Улитарт и уже там попытаемся что-нибудь придумать. Не переживай. Раз уж мы здесь, то просто так не уйдем. Мы своих не бросаем.

— А мы свои? — робко спросила Сова.

— Он, по крайней мере, точно,— из-за спин сгрудившихся магов донесся голос Мастера Ацекато.— Сараси Са-Сефара пришла к нам от его имени, поэтому Ирил Ланья сейчас считается подданным Братства. До тех пор, пока сам не опровергнет заявление Са-Сефары.

— А я?

— А ты сама должна решить. Хочешь ты в Братство или нет. В выборе ты свободна. Насильно в Братство мы никого не тянем.

— Вы погодите человека грузить,— вступился за совершенно сбитую с толку Сову Кащей, оттирая от нее тощим плечом всех магов, на лицах которых явно читалось желание начать просвещать неофита.— Дайте сначала разобраться и переместиться в безопасное место, а потом уже будете спрашивать. Помните, как в сказках? Молодца сначала накормить, напоить и в баньке помыть надо, а потом и грузить всякими глупостями.

— А потом этот молодец начинает Кащея Бессмертного по частям разделывать,— захлебываясь от рвущегося хохота, срывающимся голосом на грани фальцета выдал Колобок, до поры прячущийся за спинами остальных магов.

От хохота магов чуть не повылетали оконные стекла. В приоткрытую дверь всунулась куда-то подевавшаяся до этого Са-Сефара. Осмотрела хохочущих магов, осуждающе покачала голо-

вой и спряталась обратно. Сова сначала переводила непонимающий взгляд с одного человека на другого, но веселье оказалось заразительным, и вскоре она тоже начала тихонько хихикать, глядя на пунцового от злости Кащея. Даже Тахор, шушукавшийся в своем углу о чем-то с Муритаем, криво ухмыльнулся, поддавшись общему настроению. Правда, лучше бы он этого не делал, так как стало совершенно непонятно, кого должен будет впоследствии рубить чисто вымытый и накормленный молодец. Кащея, то есть Кощуна Яговича Бессмертных, или это уродливое пугало?

Когда смех утих, Кащей, бросив напоследок пару многообещающих взглядов, утащил Сову в угол, чтобы обсудить предстоящий узор, который они будут строить. Неподалеку от них с нейтральным лицом пристроился Тооргандо, выполняющий функции личной охраны. Это выглядело бы естественным, если бы Сибейра не знал, что маску безразличия тот натягивает только тогда, когда внутри у него все кипит и клокочет. «Что, мальчик, запал на большие глаза?» — ухмыльнулся про себя дон Антонио. Фигушки, в этом задании у нас другие задачи. Ты у нас боец, вот иди прямыми обязанностями заниматься.

— Тор,— негромко позвал он.

Гемар тут же повернулся. Сибейра медленно повертел головой и глазами указал на угол, где продолжали что-то обсуждать Тахор с Муритаем. Покрасневший Тооргандо тут же переместился в угол. Торки, оценив нового собеседника, немного подвинулись, и гемар с ходу включился в разговор.

«Так-то лучше»,— удовлетворился Сибейра и начал осматриваться, придумывая, чем бы заняться.

— Антонио,— позвал поймавший его ищущий взгляд Точилинов.

— Тут, Мастер,— Сибейра подошел к стоящему возле окна и что-то пристально рассматривающему Семену.

— Ты доша не хочешь? — не отрываясь от окна, поинтересовался Точилинов.

— Доша? Чего, а?..— Сбитый с толку дон Антонио не сразу поймал смысл вопроса. Уж больно лицо было задумчивое у Мастера Ацекато.

— Дош, спрашиваю, будешь? — рассмеялся Точилинов, довольный, что подколка удалась.

— Буду,— моргнул сообразивший, наконец, Сибейра и уже ожидаемо услышал продолжение.

— Когда будешь, меня позовешь, ладно?

— Да идите вы, Ваше Магичество, с вашими шутками,— беззлобно ругнулся Антонио.

— Да ладно,— ухмыльнулся Точилинов.— Нам с тобой всё равно нечего делать, так хоть дош приготовим. Где там эта старушка?

— Ты потише,— порекомендовал Сибейра.— Эта «старушка» — датой-шаман с личным воином. Ты что, меня совсем не слушал, когда я про это рассказывал? Очень непростая дамочка.

— И что с того? — пожал плечами Мастер Ацекато.— Мы с тобой тоже очень непростые ребята. И Шаман парень не промах. Да и остальные...

— Обидела она тебя? — усмехнулся дон Антонио.

— Да не то чтобы обидела,— пояснил Точилинов,— но как-то стал я, понимаешь, к чинопочитанию привыкать в последнее время. Да и непонятно пока кто они такие, к какому Лепестку относятся. Все-таки, когда в чужой дом приходишь, надо уважение к хозяевам иметь.

— Если перед вами не бьют земные поклоны и не стоят на коленях, это не означает, что вам не оказывают уважения.

Раздавшийся за спинами магов голос заставил Сибейру подпрыгнуть на месте. Он издал нечто вроде шипения, адресуемого Мастеру Ацекато: «Я же говорил». Но Точилинова смутить было не так просто.

— Меня абсолютно не интересуют выражения внешнего преклонения, уважаемая,— Мастер Ацекато повернулся к неслышно подошедшей торквани. Он больше не походил на вырвавшегося в отпуск курсанта. Сейчас с торквани говорил истинный Глава Братства. На Сибейру явственно повеяло холодом и властью.— Но за моей спиной сейчас стоят десятки тысяч людей, за благополучие и безопасность которых я отвечаю. И именно от того, насколько велик будет мой авторитет в Пестике и насколько значимо будет моё слово, зависит, придут ли сюда войска Земли, воюющей со всеми Старшими Расами, и войска трех Лепестков, которые захотят выжечь человеческую заразу из этого мира, или нет. Вы что-нибудь слышали о соглашении, заключенном между Братством и Старшими Расами?

Торквани кивнула.

— Вот именно поэтому я и не могу себе позволить даже самое незначительное проявление неуважения ко мне и, соответственно, ко всему Братству.— Он замолчал на секунду, а потом развел руками и добавил абсолютно нейтральным голосом, показывая уважение к возрасту собеседницы: — Извините.

Некоторое время старая торквани молчала, осмысливая услышанное, а потом медленно наклонила голову:

— Ваши доводы достаточны, Ваше Магичество. Прошу принять мои извинения.

Тон Са-Сефары с трудом поддавался классификации, но неприязни в нем не было, это точно.

— Нет нужды титуловать меня каждый раз,— Точилинов чуть добавил мягкости в голос.— Вы можете обращаться ко мне как вам будет угодно. Но я хочу объяснить вам, что если вы обратились за помощью к Братству, то мы автоматически рассматриваем вас как нашу часть. Это уже традиция. И мы, соответственно, ждем от наших братьев такого же отношения, которое мы оказываем им. Вот это все,— он обвел рукой комнату, полную магов,— вовсе не оплачиваемая медицинская или военная операция. Мы пришли сюда спасать одного из нас. И если Ирил Ланья впоследствии решит не присоединяться к нам, то это ничего на сегодняшний день не изменит. То же самое относится и к девушке по имени Сова. И то же самое относится к датой-шаману Са-Сефаре,— торквани ощутимо вздрогнула,— и ее личному воину Тахору Гуманучон. Вы попросили помощи в рамках вступления в Братство (вспомните, что говорилось в описании к амулету) — и вы ее получаете. Это не налагает на вас никаких обязательств. Их на себя принимаем только мы. Мы помогаем вам как уже действующим членам Братства. А вы вольны в любой момент нас покинуть. Мы будем биться за вас, поскольку считаем, что вы наши, а уже вам решать, будете ли вы нас за это уважать или нет. Я сказал.

Пробрало даже Сибейру, который всё это и так знал. Глядя на Мастера Ацекато, было невозможно представить, что где-то в мире есть еще что-то, кроме Братства, куда можно отправиться жить. Только сюда, только с ними.

Судя по изумленному лицу торквани, нечто похожее пришло на ум и ей. Она постояла несколько мгновений, потом еще раз склонила увенчанную боевым султаном волос голову и молча удалилась. Не ушла, а именно удалилась, унося с собой какое-то новое восприятие этого мира.

— Сильно,— откашлялся Сибейра.— Давно я твоих выступлений не слушал.

— Тренируюсь,— хмыкнул Точилинов.— Думаешь, легко всю эту братию,— он кивнул в сторону начинающих осваиваться в доме магов,— держать в узде? Хочешь не хочешь, а приходится харизму выращивать. Оп-па.

Он вдруг сделал резкое движение и поймал за рукав спешащего куда-то Колобкина.

— Колобок-колобок, я тебя съем. Стоять, раз, два!

— Не ешьте меня, Мастер, отравитесь,— осклабился тот.— Вчера Шаман уверял, что нашел рецепт глемм-доша, поил всех, кого поймал. А сегодня посмотрел на всех, кого угощал, и решил сюда сбежать, чтоб не достали. Так что недели две я еще буду невкусным. Жуткая гадость.

Колобкин передернулся всем объемистым телом.

— Договорились,— кивнул Точилинов.— А вот тогда скажи мне: ты не пробовал прощупать этот кокон на предмет нашей банальной связи?

— Обижаете, Мастер,— скорчил оскорбленную мину Колобок.— Первым делом попробовал после Кащея.

— И?..

— Ничего,— ожидаемо разочаровал Колобок.— Только эхо какое-то странное. Никогда такого не видел. Как будто в сторону всё уходит. Причем в одну. Как в реке течением сносит.

— Интересно,— задумался Точилинов, но сказать ничего не успел.

Дверь в соседнюю комнату открылась, и перед магами предстала Са-Сефара, держащая огромный поднос, уставленный разнокалиберными кружками с дошем и заваленный всякой съедобной всячиной.

Маги, не осведомленные о душевных терзаниях старой торквани, с радостным гамом обступили Са-Сефару, нахваливая гостеприимную хозяйку и ее нехитрое угощение. На лице торквани застыло выражение, как будто она открыла для себя нечто новое и неожиданно приятное. Поглощенная делами экспедиция не обратила на это никого внимания, и только Мастер Ацекато с Сибейрой усмотрели изменения в поведении старухи. Ну еще и Тахор. Судя по его удивленному лицу, такое радушие датой-шаману доселе свойственно не было. «Привыкайте... братья»,— усмехнулся про себя Сибейра и пошел за своей порцией доша с бутербродами. Есть и вправду хотелось зверски.

Глава 9

— Ирил! Ирил!

— Ну еще немного! Давай, тянись, тянись!

— Колобок, что видишь?

— Эхо короче стало. Он выходит.

— Выходит?!

— Выходит!!!

— Вышел почти. Ну, родной, давай! К нам! Еще! Еще!

— Нет, стой! Куда?! Мужики, держим! Держим, держим!

— Уходит, уходит! Ушел, уше-е-л! Ушел, падла. Да что ж такое ты на себя навернул, зараза, что не взять тебя никак? — Расстроенный Кащей вытер рукавом залитое потом лицо и, не заботясь о приличиях, выдал длинную матерную тираду.

Его никто не одернул. За прошедшие сутки это была четвертая попытка вытащить Ланью из проклятого кокона. Во время первых трех Ирил откликался, но как-то вяло, с каждым разом все слабее и слабее отвечая на зов Совы, которая, заливаясь слезами, всё звала и звала его, останавливаясь только тогда, когда ее силой уводили от слабо мерцающего кокона. И тут нá тебе — такой шанс. Впустую. Обидно.

— Ну что? — поинтересовался Точилинов у Шамана, который был руководителем эксперимента. Смысла в вопросе не было никакого, все и так ясно, но молчать было чересчур тяжело.

— Да ничего,— Шаман достал очередную сигарету. В доме и так уже невозможно было дышать от табачного дыма, но никто этого не замечал. У магов дрожали руки от количества выпитого доша и полубессонной ночи. Еды в доме практически не осталось: никто не рассчитывал на такое количество здоровых мужиков. Вымотались все. И эта четвертая попытка добила усталых магов окончательно.

— Да ничего. Всё что мы могли сделать, сделали. Ничего принципиально нового тут мы придумать не можем. Надо останавливаться...

Договорить он не успел. Из-за спин магов вылетела Сова и вцепилась в Шамана.

— Вы же обещали, обещали! — Отчаяния в голосе девушки было на четверых.— Вы не можете его бросить. Вы говорили, что вы Братство. Что вы своих не бросаете никогда. Вы нам врали, врали!

— Тихо, тихо, девочка,— Шаман, не ожидавший ничего подобного, несколько опешил. Он попытался отстранить ее, чтобы попробовать хоть что-то объяснить, но куда там... Опыта в успокоении бьющихся в истерике женщин у него явно не хватало.

— Спокойно,— Сибейра, у которого как раз такого опыта было завались, аккуратно перехватил Сову, вознамерившуюся перейти от слов к делу. То бишь наказать подлого обманщика чем-нибудь твердым. А не хватит, так магии добавить. Учитывая, что специалистов по разуму и так кот наплакал, да и недоделанные

они все, типа Кащея, то допускать этого было нельзя. Одного кокона в комнате вполне достаточно.

— Тихо! — прикрикнул он на девушку, одновременно перехватив обе ее руки.— Смотри, твой Ирил уже почти поправился.

Сова оглянулась на кокон и перевела непонимающий взгляд обратно. Быстро, пока в этом взгляде не появилась агрессия от очередного обмана, дон Антонио продолжил ровным успокаивающим голосом:

— Всё. Всё в порядке. Всё закончилось. Эксперимент удался. Теперь его осталось только распеленать. А ты чего в Шамана вцепилась, а? Ду-урочка. Ну, посмотри сама. Никто никуда не собирается. Все на месте. Сейчас отдыхать будем. Вон, Кащей смотри что готовит. Новый амулет. И Мастер Ацекато тут...

Он журчал и журчал. В таких делах главное сбить самый первый, неконтролируемый порыв, который как раз и сносит все на своем пути. А когда запал кончится, вот тогда можно будет и нормально поговорить. Следующим шагом главное не пропустить момент, когда она опять станет адекватной, чтобы твое бормотание не выглядело пустыми отговорками взрослого дяди, успокаивающего ребенка. У Сибейры, благодаря его обширным связям с женским полом всех рас, такой навык имелся. Как только во взгляде брыкающейся Совы начало появляться подобие осмысленности, дон Антонио отпустил ее.

— Сядь,— указал он на стоящее рядом кресло.— Если хочешь узнать, что мы там нашли в этом коконе, то сядь. Я не буду разговаривать с плюющейся истеричкой.

Сова попыталась испепелить его взглядом, но запал и вправду уже кончился. Сил на качественное проклятие не было. Она заметалась, но под непреклонным взглядом Сибейры все-таки рухнула в кресло, всем видом показывая, что поступает так только в силу непреодолимых обстоятельств. Дон Антонио ухмыльнулся про себя. Вот так, как в шахматах — «вилка». Либо ты продолжаешь истерить (но в этом случае ты лишаешься любой информации и выглядишь полной дурой), либо успокаиваешься и слушаешь (но для этого придется на самом деле успокоиться и стать нормальным человеком, до которого дойдут логически обоснованные аргументы). Отдавая должное генетическому женскому любопытству, дон Антонио ставил на второй вариант. Не ошибся. Сова замолчала, повинуясь его жесту. Вообще-то Сибейра не ожидал, что она так быстро упокоится. Он отводил еще минут пять на активные всхлипывания и минут десять на уговоры под чашку доша. Не потребовалось. Что ж, честь и хвала. Такие мастера разума нам нужны.

— Теперь слушай,— Сибейра достал сигарету, пыхнул дымом, прикуривая, и осуждающе нахмурился в сторону девушки.— Никто никого не бросает. Откуда ты эти глупости взяла?

— Так он же сам сказал,— Сова обернулась в сторону съежившегося под ее взглядом Шамана. В ее голосе опять начали проскакивать истеричные нотки.

— Что он сказал? — Сибейра чуть подался вперед.— Что конкретно он сказал?

— Ничего больше придумать никто не может, надо останавливаться,— Сова не знала, как еще объяснить.

— Ну и?..— подался вперед испанец.

— Что «и»? — Истерика почти вернулась, но Сибейру не прозвали бы в свое время «доном Пенисом», если бы он не умел общаться с женщинами.

— А то,— неожиданно добродушно улыбнулся он и протянул девушке невесть откуда взявшуюся чашку с дошем.— Попей.

— Спасибо,— совершенно сбитая с толку Сова машинально взяла кружку и сделал глоток, не отрывая взгляда от испанца.

Все. Дело сделано. Истерики не будет. За спиной Совы Точилинов завистливо поджал губы и показал большой палец. Сам он не мог похвастаться таким умением. Откровенно говоря, среди магов Братства вообще мало кто мог таким похвастаться, но на то уж и «дон Пенис». Хотя, по признанию самого Сибейры, в последнее время этот его талант становился все менее и менее востребованным. Дела, заботы... Но лишний раз попрактиковаться дон Антонио никогда не был против.

— Дядя Шаман сказал, что ничего нового мы не можем придумать тут. И останавливаться надо сейчас. Ты бы хоть дослушала,— он сокрушенно развел руками.— Все что можно было сделать в режиме скорой помощи, мы сделали. Теперь требуется стационарное лечение. Понятно?

Сова захлопала пушистыми ресницами, и стало понятно, что ничего ей не понятно.

— Сама посуди,— усмехнулся Сибейра.— Что еще мы можем сейчас сделать? Амулетов минимум, только те, что в сумках. Спать негде, есть нечего. Холодно и промозгло,— он глянул в окно и зябко передернул плечами,— вокруг непонятно кто бродить может. И вдобавок даже посоветоваться не с кем.

— Но вы же сказали,— Сова оглянулась, ища взглядом Са-Сефару,— что здесь лучшие.

— Лучшие,— кивнул Сибейра.— Во всяком случае, мы так думаем.

Сова хихикнула, и дон Антонио мягко улыбнулся ей в ответ. Точилинов подавил смешок: добрая половина романов Сибейры начиналась именно с таких улыбок.

— Но «лучшие» не значит «всезнающие»,— продолжил испанец.— Десять голов хорошо, а пара-тройка тысяч — значительно лучше. Город Безумных Магов — вещь интересная и непредсказуемая. Там коллективный разум. Мне иногда страшно становится, как посмотрю, что бывает, если им на всеобщее обсуждение тему подбросить. Такие перлы выдают — только держись. Так что, раз на месте разобраться не получилось, давай-ка мы переберемся туда, где потеплее,— он опять демонстративно поежился,— и народу умного побольше. Я тебя уверяю, никто не собирается никого бросать. Наоборот, ты еще увидишь: этим сумасшедшим только дай задачу посложнее, они еще сами никому ее не отдадут, пока не решат. Еще и драка будет — кому задачка достанется.

— Никакой драки не будет,— вступил Шаман, осознавший, что истерика отменяется, и по этому поводу преисполнившийся энтузиазма.— Вот еще. Будет нормальная работа. Ты не переживай так,— он аккуратно подсел на ручку кресла к Сове.— Как говорит Мастер Ацекато, пока гвоздики не забили и земелькой сверху не присыпали, ничего еще не потеряно. А в случае с нашей магической братией и тогда рано паниковать. Раз он отзывается, значит, жив. Ну а если жив, то мы по-любому его оттуда выковыряем. Мне самому уже интересно стало.

Он лукаво улыбнулся, став до невозможности похожим на огромного сенбернара.

— Ну что, собираемся?

— Да,— Сова переводила взгляд с одного на другого.— А мне можно с вами?

— Не то что можно,— взял управление на себя Точилинов,— а однозначно с нами. Ты что, собираешься одна здесь оставаться?

— Как — одна? — непонимающе заморгала Сова.— А Са-Сефара разве...

— Сараси Са-Сефара изъявила желание сопровождать вас в Улитарт,— сообщил Мастер Ацекато. Он посмотрел на сидящего Шамана: — Тебе датой-шаман в Городе пригодится?

— Пригодится? — возмутился тот.— Да он как воздух нужен.

Шаман подпрыгнул со своего места, подбежал к стоящей у дальней стены торквани и церемонно поклонился:

— Город Тысячи Радуг будет счастлив видеть вас своей гостьей. Вы не соблаговолите дать нам несколько консультаций? У нас сложилось несколько трудноразрешимых ситуаций, в част-

ности, в вопросах плетения диагональных направляющих стационарных рунных узоров...

Судя по немного ошарашенному лицу торквани, та никак не ожидала, что ее так быстро включат в деятельность Улитарта, да еще с таким энтузиазмом. Но, судя по тому же лицу... она не имела ничего против.

Точилинов улыбнулся. Не сделать то, чего просит Шаман Обходительный, это под силу... даже непонятно кому. Так, с этим порядок, о торках можно не беспокоиться, Шаман их и самому Зеленому Принцу не отдаст. Пора собираться в дорогу. Мастер Ацекато повернулся к разложившимся на отдых магам:

— Ну что, собираемся? Муритай, Тооргандо, посмотрите вокруг, можно без помех выйти? Я так думаю, из дома портал не построить. Колобок, оповести в Городе кого следует, что мы идем. Борис, Антонио, можем точно по месту дырку сделать? Да, кстати, а куда мы его определим?

— Ко мне, без вариантов,— взъерошенный Кащей, дожевывая бутерброд, бросился на защиту материала для исследования.— Кому еще доверить можно?

У Точилинова была пара идей на этот счет, но он воздержался от комментариев. Переглянувшись с Шаманом и получив утвердительный кивок, Мастер Ацекато согласился:

— Хорошо, к тебе так к тебе.

— И девушку тоже,— торопясь отжать по максимуму, вытянул палец Кащей.

Маги грохнули хохотом.

— И шампанского, да побольше,— выдавил утирающий слезы Сибейра.— Ай да Кащей, ай да молодец!

Пунцовый от смущения Бессмертных, озираясь, попытался объяснить:

— Да к кому еще можно определить мастера разума? Там балбесов море, девушка одна, раздергают туда-сюда, что ей останется...

Хохот магов начал переходить в истеричный хрип. Тооргандо, суча ногами, сполз под стол, за которым сидел. Сибейра хватал воздух, не в состоянии вдохнуть. Мастер Ацекато отвернулся к стене, чтобы не было видно, и только содрогающаяся спина выдавала рвущийся хохот. Даже великие и невозмутимые воины, Муритай с Тахором, которые все это время не разлучались ни на минуту, обсуждая какие-то дела, деликатно сохраняли индифферентные лица, но их цвет ясно выдавал, каких усилий им это стоит.

— Да ну вас всех к чертовой матери,— взорвался озверевший от всего этого представления Кащей. Он повернулся к искрящейся смехом Сове: — Уважаемая Сова, в отличие от всех этих безответственных балбесов,— он гневно фыркнул в сторону веселящихся магов,— я человек серьезный. Поскольку мастеров разума как таковых в Улитарте практически нет, то я предлагаю вам...

— Руку и сердце,— неимоверно счастливым от собственного остроумия хрипом просипел из-под стола Тооргандо.

А вот тут Кащей разозлился по-настоящему... И неизвестно, что мог бы сотворить с боевым магом Мастер Разума и наоборот, но инициативу перехватил Сибейра.

— Замри и даже не думай,— вклинился он между готовым к смертоубийству Кащеем и содрогающимся столом.— Гемар Тооргандо, смирно.

У выползшего на свет божий Тооргандо стоять прямо получалось плохо.

— Ты свой казарменный юмор... — дон Антонио судорожно закашлялся, тщетно пытаясь сдержать смех.— Короче, марш отсюда на улицу. Проверить окрестности — и чтоб ни одна муха мне... — Он погрозил кулаком, и гемар вывалился за дверь.— Продолжайте, Ваше Магичество,— повернулся он к Кащею.

— Спасибо,— преувеличенно вежливо кивнул тот. Немного успокоившись, он посмотрел на Сову: — Прошу вас не обращать внимания на этот балаган. Я предлагаю вам остановиться у меня. Во-первых, мастеров разума... у меня спокойно... и если учиться...

Он сбился, замолчал.

— Я с благодарностью принимаю ваше предложение,— Сова улыбнулась, спасая окончательно запутавшегося мага. Поймав одобрительную улыбку Са-Сефары, она продолжила: — Я полностью доверяю вашим словам. Тем более что ничего другого мне не остается.

Она развела руками, вызвав целую бурю эмоций на лице Кащея.

— Не подумайте ничего плохого... да как вы могли... — Кащею не хватало слов.

— Как раз ничего плохого я и не думала,— Сова успокаивающе положила руку на рукав Бессмертных.— Если Ирил будет у вас, то куда мне деваться, кроме как к нему?

— Конечно же... — расцвел было в улыбке Кащей, найдя удобное объяснение, но договорить ему не дали.

Дверь открылась, и на пороге возник выдворенный Тооргандо.

— Я что сказал?..— начал Сибейра и осекся: веселья на лице гемара не было и в помине.

— Шеф, там три портала на болотах,— сосредоточенно доложил он.— Точных данных пока нет — далеко. Но три выхода — это точно.

Муритай и Тахор неслышными тенями выскользнули за дверь. На лицах у обоих проскользнуло нечто похожее на смущение. Ну еще бы, заигрались бойцы...

— Колобок,— включился Мастер Ацекато.

— Двадцать минут,— мгновенно сориентировался Колобкин, не дожидаясь развернутого вопроса.— И выходить будем створом к ним. В другую сторону портал не построить.

— Сибейра,— повернулся к испанцу Точилинов.

— Удержим,— кивнул тот.— Три портала — это три пятерки как минимум. Меньше после потери восьми Стрелков они не пошлют. Будет непросто, но удержим.

Точилинов задумался. Все понимали, о чем. Первые-то уйдут: Тооргандо, Тахор и Муритай с Сибейрой во главе прикроют без вопросов, но сами-то... Последним придется несладко. В портал с узором не войдешь, придется снимать. А три пятерки Желтых Стрелков (это если еще Желтых и если только одних Стрелков) способны устроить немало пакостей на любом расстоянии. Двоетрое из арьергарда сильно рисковали выйти из портала похожими на ежей. Вот и минус звездного состава. Неведомый Ирил Ланья мог быть хоть бриллиантовым, но терять любого из присутствующих в обыкновенной спасательной операции — роскошь непозволительная. Судя по выражениям лиц магов, мысль эта пришла в голову всем. Не только Тахор с Муритаем тут заигрались. Что ж, на будущее урок. Для выживших, блин...

— Еще варианты? — Мастер Ацекато обвел взглядом магов. Рисковать ему явно не хотелось, а время поджимало. Серьезный портал, да еще для перемещения недвижимого Ланьи, по щелчку пальцев не построишь. С одной стороны, пока аталь дойдут, можно еще и выспаться успеть, но это — если готовиться к бою, а драться им не резон совсем.

— Есть мысли у кого-нибудь? — повторил вопрос Точилинов.

Маги молчали. Только Шаман поднялся, подошел к противоположной от входа стене и выглянул в окно, выходящее на обрыв.

— А если стену вынести и створ туда поставить? — конкретно ни к кому не обращаясь, вопросил он.

— Вот за что я Улитарт люблю,— хмыкнул Точилинов,— так это за нестандартность мышления.— Несмотря на серьезность ситуации, он повернулся к Сове и подмигнул ей: — Вот, сударыня,

маленький пример того сумасшествия, которое вам обещали. Вроде и глупость, но у них,— он ткнул пальцем в Шамана,— почему-то работает.— Он дождался, пока на лице девушки появится слабая улыбка, улыбнулся в ответ, и повернулся к магам: — Работаем, господа.

Са-Сефару как хозяйку дома упрашивать не пришлось. Старая торквани прекрасно понимала, что дому так и так не жить. Если тут развернутся боевые действия, то разрушения будут еще масштабнее. Тем более что спокойно жить тут после всего случившегося не получится уже никак.

Получив согласие, маги принялись за дело. Кусок стены вырезал Борис. Тонкой струей свистящего пламени, как в сказке, он вычертил правильный квадрат — и запустил в комнату ледяной ветер с океана. А потом еще пару минут ругался с Колобком, который требовал дырку побольше. В итоге делать пришлось. Минут пятнадцать прошли в молчании, скрашиваемом лишь сопением Колобка, настраивающего параметры перехода под кокон с Ланьей.

Наконец он выпрямился.

— Пожалте,— с трудом разгибаясь (спина затекла от неподвижного сидения), Колобкин махнул рукой в сторону мягко светящегося портала.

— Андрюш, я всегда ценил твое чувство юмора,— Мастер Ацекато с недоверием рассматривал точку входа, висящую в воздухе над обрывом в полуметре от стены.— Но ты не думаешь, что иногда надо и край знать?

— Ну извините,— сварливо отозвался оскорбленный в лучших чувствах Колобок.— А никто, так на секундочку, не посчитал, какая тут вообще длина створа и какой положено быть, а?

— Нет, Семен,— вступился за Колобка Сибейра,— он очень хорошо все сделал. По правилам еще бы метр прибавился.

Колобок с благодарностью глянул на испанца и гордо выпятил объемистый живот в сторону Точилинова.

— Ладно-ладно,— поднял раскрытые ладони тот.— Я не пытаюсь никого «прихватывать». Мне просто интересно, как мы будем нашего подопечного туда засовывать. Сами-то запрыгнем, проблем нет, а вот «кокон» этот...

Колобок развел руками. Действительно, он что мог — сделал. Дальше не его проблемы.

— Закатим,— Шаман решил не останавливаться в поиске необычных решений.

— В смысле? — не понял Мастер Ацекато.

— В прямом,— Шаман показал только что отломанную круглую ножку стола.— Четыре ролика, и — с разгону... Геть его туда. А там первые принимают. Ножки только у дивана поотшибать, чтобы его катить можно было.

— Ну ты даешь... — Точилинов в изумлении повертел головой.

— А чего? — не понял Шаман.

— Хотя, может, и получится,— неуверенно протянул Точилинов.

— Обязательно получится,— заверил его Шаман и махнул рукой остальным.— Ну, чего? Начали? Только определимся, кто первый пойдет, принимать его. Покрепче бы надо, он туда на скорости влетит плюс высота портала...

Маги засуетились. Пока перетаскивали Ланью, определялись с очередностью выхода и отправляли первых, дон Антонио высунулся за дверь, созывая боевую тройку, патрулирующую двор. Через несколько минут вошли хмурые Тахор и Муритай. Тооргандо задержался, навешивая на дверь какой-то узор-ловушку.

— Побыстрее бы, шеф,— повернулся он в комнату.— Они уже вокруг дома. У нас пара минут, не больше. Потом ломиться начнут. Они ж не знают, кто здесь, напролом пойдут.

— Состав? — коротко поинтересовался Сибейра.

— Три пятерки Желтых, но каждая усилена халь. На-халь или до-халь, не разобрал.

— На-халь,— утвердительно сообщил Муритай,— я видел.

— Серьезно подошли к вопросу,— хмыкнул дон Антонио.— Ну, мы, в принципе, уже всё.

Шум, раздавшийся за его спиной, подтвердил его слова.

— Взяли! — Шаман, Уваров, Кащей и Точилинов, набрав разгон, с грохотом покатили диван с лежащим Ланьей в портал.

Расчет Шамана оказался верным. Диван легко преодолел полметра воздуха и скрылся в мерцании перехода. Следом за ним по инерции нырнули все, кроме Точилинова.

— Всё в порядке? — поинтересовался он, оглядывая оставшихся.

— Лучше и быть не может,— доложился Сибейра и приглашающе указал на пролом в стене.— А вам, Мастер, туда. Здесь уже всё.

Точилинов открыл было рот, потом подумал и закрыл.

— Именно,— резюмировал дон Антонио.— Вперед, Ваше Магичество. Потом Муритай с Тахором, мы с Тором прикрываем.

— Воин уходит тогда... — недовольно сморщил лицо Тахор, но Муритай не дал ему договорить.

Дотронувшись до его рукава, он отрицательно покачал головой и указал на Мастера Ацекато, который без лишних слов скрылся в портале. Сибейра отвечал за безопасность, и указывать ему, как и что делать, было по меньшей мере неразумно. Тахор на мгновение задумался, а затем так же, как и Точилинов, молча нырнул в мерцание перехода. Муритай исчез еще через мгновение.

Сибейра удовлетворенно — приятно иметь дело с не задающими глупых вопросов профессионалами — улыбнулся и повернулся к Тооргандо:

— Ну что...

Дверь с грохотом слетела с петель — узора гемара как и не было. В дверном проеме клубилась темно-красная мгла. Из нее выскочила молния, в мгновение ока превратив остатки валяющегося посреди комнаты стола в невесомый пепел. Следующая уничтожила картину на стене. Третья — стул. Через пару секунд в комнате вообще ничего не останется.

— Хай-я! — Тооргандо среагировал первым: на то он и боевой маг.

Узор он бросить успел, но лучше бы он этого не делал. Багровая туча нашла кого искала.

— Назад!!! — Сибейра дернул гемара за воротник, но это стало его последним осмысленным движением.

Клубящаяся мгла выстрелила десятками молний. Воздух перед магами вспыхнул, столкнувшись с оборонительным узором, брошенным испанцем в последний момент, и двух магов, как два полыхающих бильярдных шара, вышибло во все еще висящий в ледяном воздухе створ портала.

Глава 10

Чистый горный воздух. Оглушающая тишина прозрачного солнечного дня. Белые шапки снегов на горизонте.

По натоптанной тропинке предгорий неспешно идет человек. По виду путник себе и путник. Не молодой не старый, не худой не толстый, не мощный не слабый. Обыкновенный. Да не обыкновенный. Любой встретивший его на горной тропинке в первую очередь поразился бы абсолютному несоответствию облика человека окружающей среде. Нет, с одеждой у него все было в порядке — добротная куртка путешественника, плотные штаны, горные бо-

тинки. Здесь вопросов ни у кого не возникло бы. Интересно становилось дальше.

Предгорья Хаждилы, горной цепи, в самом сердце которой уютно расположился Улитарт, Город Безумных Магов, видели многое. И людей, и нелюдей. Даже Твари Территорий изредка добирались сюда, прорвавшись сквозь заслоны вольдов. Редко, но добирались. Шаманы, на-халь, члены иривальяда,— в надежде разгадать загадку долины Улитарта сюда приходили многие нелюди. И уходили. Остаться получилось лишь у людей. Нелюди здесь бывали всякие: и цвет халиона Зеленого Лепестка, и лучшие специалисты Шаманерии, иривальяд. Заходили и простые воины Старших Рас Клевера. Про вольдов и говорить нечего. Но вот такой человеческий типаж в Хаждиле появился впервые.

Больше всего идущий по тропе человек напоминал какого-нибудь потомственного аристократа. Герцога там или графа в ...надцатом поколении. Причем герцога правящего. Узкое породистое лицо, неожиданно светлые пшеничного цвета волосы, темные брови. Волевой подбородок, жесткая линия рта. Глаза чуть навыкате. Нос с небольшой горбинкой, придающий путнику с непроницаемым лицом схожесть с осматривающим свои владения орлом. Высокий, но не нескладный. Пальцы, сжимающие посох, ухоженны. Похоже, у незнакомца хватает времени и на маникюр, который здесь, в горах, смотрится донельзя странно. Но при этом сказать, что руки изнеженны, нельзя. Ни дать ни взять — принц в изгнании. Эдакий «дездечадо». Рыцарь, лишенный наследства.

Человек совершенно спокойно осматривался по сторонам, как будто прекрасно знал местность вокруг или ждал кого-то знакомого. Поэтому в его лице ничего не изменилось даже тогда, когда на тропу перед ним рухнула ровная, блестящая каменная плита, наглухо перегородившая дорогу.

— Куда идем? — поинтересовался голос откуда-то сверху.

Путник поднял голову. На верхушке плиты, метрах в трех от земли сидел молодой парень, одетый в некое подобие кожаного комбинезона, идеально подходящего для подобных упражнений. На коленях он держал короткий меч.

— Вперед,— коротко и спокойно ответил путник.

— Там Улитарт,— сообщил парень.

— Именно на это я и надеюсь,— слегка улыбнулся незнакомец.

— Ты новенький, только пришел в Пестик? — Парень пытался классифицировать путника, но получалось плохо.

— Можно сказать и так,— кивнул тот.

— А откуда столько охранных узоров?

Человек пожал плечами:

— Поставил на всякий случай,— он выразительно покосился на плиту.

— Но узоры не наши, не Братства,— обвиняюще нахмурился парень.

— Не ваши,— согласился путник.

— Тогда кто ты и зачем идешь в Улитарт?

— Не соблаговолите ли представиться? — несколько церемонно произнес незнакомец.

— Патруль Улитарта. Служба Находящих Братства Магов Земли. Рядовой Спиннахета,— отчеканил парень сверху.

— Рядовой? — усмехнулся незнакомец.— Надо же.

Патрульному Спиннахете усмешка путника не понравилась. Голос зазвучал жестче.

— Назови себя.

— Гермес,— ответил незнакомец.

— Что «Гермес»? — не понял парень.

— Меня зовут Гермес,— спокойно объяснил путник.— Пышными званиями, извините, похвастаться не могу.

— Что тебе нужно в Улитарте? — Парня явно начинали раздражать непробиваемое спокойствие пришельца и его нескрываемая ирония.

— Никак не могу припомнить, где мы пили с вами на брудершафт, молодой человек,— называющий себя Гермесом чуть прищурил глаза.

— Пили на что?..— не понял Спиннахета.

— Я говорю вам «вы», хоть и несколько старше вас, так что извольте обращаться ко мне так же,— в голосе путника на секунду прорезалась сталь. Промелькнула и исчезла.— И еще, вы не могли бы спуститься? Разговаривать в такой позе несколько неудобно.

— Потерпишь,— пропустил мимо ушей последние фразы патрульный.— Если кто не понял, то мы не очень любим существ, увешанных боевыми узорами, которые хотят непременно попасть в Улитарт. Ты еще не заработал уважение.

— И как мне его заработать? — преувеличенно спокойно поинтересовался Гермес.— Снести этот булыжник вместе с тобой?

— Нелучшая идея,— Спиннахета даже не пошевелился.— Только дернись, в пыль размажут. Ты что думаешь, я тут один перед тобой распинаюсь?

— Нет,— с нарастающим раздражением проговорил Гермес.— Вокруг еще четверо. Один прямо за плитой, парализующий узор. Двое по бокам. За тем деревом,— он чуть скосил глаза вправо,— и

в расщелинке слева. Кстати, нелучшая позиция. Завалить ее — пять секунд.— И, не дав патрульному возмутиться, ухмыльнулся: — А мимо четвертого я только что прошел. Прятаться вы, ребята, умеете плохо. Вы же видите, что у меня охранные узоры. Так хоть отражение поставьте. Всё не на виду.

Рядовой Спиннахета явно растерялся. С одной стороны, боец перед ним стоял явно нешуточный. Их группа хоть и не пыталась равняться с пятерками лучших из Находящих, того же Тооргандо например, но и во второй половине списка не значилась. И чтобы вот так запросто вскрыть всю диспозицию, это надо было быть серьезным магом. Все люди, способные на такое, были известны, и назвавшийся Гермесом путник к ним не принадлежал. На пустом месте начинать драку с таким магом не хотелось, да и гость признаков агрессии не выказывал. А с другой стороны, просто так пропускать такую, хоть и неявную, угрозу в Улитарт — неправильно. Что делать? Проблема-то вот она, стоит, ждет.

— Вы, может, посоветуетесь с кем? — предложил как будто прочитавший мысли патрульного Гермес.

— А сам бы я не додумался,— проворчал Спиннахета.

— Я как раз и сказал это, чтобы исключить подобную возможность,— приподнял бровь гость.

Отвечать было нечего, и патрульный одним движением перекинул ноги на другую сторону плиты, готовясь спрыгнуть.

— Лучше всего переговорить с Мастером Ацекато. Я именно к нему и направляюсь.

Комментарий остановил Спиннахету прямо перед прыжком.

— С кем переговорить? — не понял он.

— С Мастером Ацекато, полковником Точилиновым, Семеном Алексеевичем Точилиновым,— терпеливо расшифровал Гермес.— Скажите ему, что в гости просится Гермес Седьмой, он поймет.

— А аудиенцию у Зеленого Принца испросить не желаете? — расхохотался Спиннахета.— Танатоглемм там или Первый Круг Шаманерии вам не нужен случаем? Мастера Ацекато ему... Сиди жди, пока будет решение по тебе. И двинуться с места не моги. Так навернем — мало не покажется.

Он спрыгнул. Гермес вздохнул, скинул с плеча рюкзак, достал оттуда короткую изогнутую трубку и начал ее набивать. Чуть погодя в чистый горный воздух вплелась нота табачного дыма. Гость, удобно опершийся спиной о все еще перегораживающую дорогу плиту, спокойно курил, не выказывая ни малейших признаков нетерпения. Время текло неспешно. Вдруг горную тишину прорезал

звук, как будто кто-то открыл застежку на молнии. Гермес усмехнулся, не меняя положения.

— Здравствуйте. Вы тот, кто называет себя Гермесом? — Из-за плиты вышел еще один парень, одетый так же, как и Спиннахета, но другой. И глаза смотрели по-другому.

— Да,— коротко ответил гость и поднялся на ноги.

— Вас приказано проводить,— сообщил парень и повернулся.— Следуйте за мной.

— Куда проводить, позвольте спросить? — Гермес не сдвинулся с места.— И кто вы такой?

— Я тот, кому поручено проводить вас до места,— патрульный и не подумал останавливаться, почти скрывшись за плитой.— И это вся информация. Вы просили о встрече. Или вы выполняете наши требования — или остаетесь здесь.

— Встреча с Мастером Ацекато? — Но вопрос прозвучал в пустоту, патрульный уже шагал куда-то в сторону.

Гермес негромко чертыхнулся, подхватил свой рюкзак и с легкой улыбкой пошел куда звали. Обойдя плиту, он с интересом начал оглядываться по сторонам. Напрасно. За плитой не было ровным счетом ничего необычного. Та же тропинка, уходящая вдаль, такие же кусты, как и до этого. Всё то же самое. Ни тебе встречающей делегации, ни портала. На тропинке одиноко стоял рядовой Спиннахета.

— Туда,— он коротко указал направление, махнув рукой в сторону нагромождения валунов, возвышающегося метрах в тридцати от тропинки.

Гермес пожал плечами и двинулся в указанном направлении. Вблизи хаотичное нагромождение оказалось не таким уж и беспорядочным. По крайней мере у него имелся вход, совершенно не заметный со стороны, в который мог, не нагибаясь, войти человек. Немного задержавшись на пороге, Гермес вошел. Внутри было совсем немного места. Только для мерцающего прямоугольника портала и для одного человека — давешнего неласкового провожатого.

— Прошу вас,— парень сделал приглашающий жест в сторону портала.

— Что там? — нахмурился Гермес.— Теперь уже я не сдвинусь с места, пока вы мне не объясните, что меня там ждет.

— Там вас ждут те, кто сможет ответить на ваши вопросы,— парень был по-прежнему убийственно краток.

— Не Мастер Ацекато? — Гермес выделил голосом «не».

— Нет,— патрульный позволил себе легкую улыбку.— Мастер Ацекато не может себе позволить срываться с места и бежать к

первому встречному, которому заблагорассудится с ним поговорить. Там вас ждет представитель Братьев Ищущих... — он сделал паузу, вопросительно взглянув на Гермеса, говорит ли ему что-либо эта информация. Не дождался реакции и закончил, предупреждая дальнейшие расспросы: — Он решит, стоит ли передавать вас дальше. Это все распоряжения, которые мне были отданы относительно вас.

Он еще раз указал на мягкое свечение. Гермес пристально взглянул в непроницаемое лицо молодого мага — и шагнул в портал. Обычно после перехода человек испытывает кратковременное чувство дезориентации. Этот раз исключением не стал. Выйдя из створа, Гермес завертел головой, пытаясь сориентироваться в пространстве, и тут же поежился от необычного ощущения. Ничего подобного он раньше не испытывал. Что такое?

Небольшая комната без окон. Стол, стул. За столом сидит плотный мужчина в возрасте. Но не это сбивало с толку. Нечто странное витало в воздухе. Не неприятное, нет. Необычное. Как будто кто-то всматривается в тебя, пытаясь определить: а кто ты, какой ты? Гермес наполовину в шутку мысленно поздоровался и заверил всматривающееся в него нечто в своей полнейшей лояльности. Показалось или нечто вдалеке кивнуло, отвечая на приветствие, но все равно осталось настороженным? Да нет, бред какой-то.

Тем временем встречающий мужчина поднялся из-за стола и подошел:

— Здравствуйте, вы Гермес?

— Да,— странное ощущение не проходило. Мучительно хотелось оглянуться по сторонам, но Гермес сдерживался, понимая, что это будет совершеннейшей глупостью.

— Меня зовут Айонки,— представился мужчина.— Я являюсь советником главы Служб Ищущих и Находящих, нашего Великого и Ужасного Торквемады, дона Антонио Сибейры.

Последние слова он произнес с легкой усмешкой, давая понять, что это шутка. «Странный тут контингент»,— поежился Гермес. С одной стороны, тебя сразу на прицел берут — как бы чего не вышло, а с другой — шутки про свое начальство шутят. И это непонятное ощущение еще... Если Айонки и заметил что-либо на лице гостя, то виду он не подал.

— Я уполномочен выслушать вас и принять решение о необходимости вашей встречи с Мастером Ацекато,— пояснил свою роль он. И, вдруг заметив бегающий взгляд, спросил:

— Вы чувствуете что-то необычное?

— Да,— признался Гермес, все-таки не удержавшись, чтобы не обернуться. Сзади ничего не было. Портал исчез, осталась серая стена.— Как будто кто-то меня изучает. Не вы?

— Нет,— рассмеялся Айонки.— Тут всё просто. Позвольте я вас просвещу. Эта комната,— он обвел рукой помещение,— находится в штаб-квартире Ищущих в Улитарте. У любого, кто приходит в Странный Город порталом, возникает похожее ощущение. Это Улитарт вас изучает. Пытается понять, кто вы такой.

— То есть? — не понял Гермес.

— Улитарт,— пояснил Айонки,— Странный Город, Город Безумных Магов. Он живой, понимаете. И он сам решает, кто и как в нем будет жить. Не рекомендую прятаться. Он все равно поймет рано или поздно. Если вы ему понравитесь, тогда вам будет здесь очень комфортно.

— А если нет? — подозрительно прищурился Гермес. Если честно, то разговор ему начал напоминать диалог двух пациентов психушки. Может, не зря тут про безумных магов упоминали?

Где-то вдалеке, на грани восприятия раздался смешок. Хотя, конечно, это ему показалось.

— А если нет, то вы просто будете ходить по городу, делать свои дела, решать свои проблемы. Ну не понравились, бывает. Вы ж не пряник, чтобы всем нравиться. Всё будет как обычно. Вот только жить вы тут не захотите.

Последнюю фразу Айонки произнес с каким-то непонятным сожалением. Гермес нахмурился — это что, местное поощрение: захотеть жить в странном городе?

«Странном Городе» — всплыла в голове пришедшая извне поправка. Гермес вздрогнул. Присмотрелся. Нет, негатива в изучающем его взгляде не появилось. Скорее прибавилось заинтересованности. Бог с ним, решил Гермес, пусть смотрит кто хочет, у него тут другие задачи.

— Это я позже решу,— он стряхнул неуютность от изучающего взгляда и посмотрел на Айонки.— Что вы хотите узнать?

— Прежде всего я хочу понять, зачем вы просите встречи с Мастером Ацекато лично. Затем интересно будет узнать, кто вы такой. Ну и напоследок неплохо было бы понять, что вы собираетесь делать дальше? Итак... — он приглашающе посмотрел на Гермеса.

— К сожалению,— развел руками тот,— о целях моего визита я могу говорить только с Мастером Ацекато. И только лично. Даже по коммуникатору не получится. Увы. Насчет того, кто я такой, тоже не хотелось бы распространяться. А вы передали Ацекато то, что я просил?

— Передали,— ответил Айонки и пожал плечами.— Но, вы меня извините, при таком отношении к моим вопросам развития событий не будет. Вы настаиваете на личной встрече с Мастером Ацекато, но не хотите сообщать вообще никаких деталей. Я не смогу рекомендовать встречу, не имея возможности оценить степень угрозы, которую вы представляете.

— Я не представляю вообще никакой угрозы ни для Мастера Ацекато, ни для Братства. Все необходимые сведения обо мне содержатся в моем имени. Я потому и просил сообщить лично Мастеру Ацекато, что я прибыл. Он сам просил об этой встрече и, я полагаю, ждет ее. Я готов ждать столько, сколько потребуется, и там, где вы укажете, не предпринимая вообще ничего. Но я настаиваю на том, чтобы полковник Точилинов получил следующее сообщение: «Гермес Седьмой просит о встрече».

— Вы не переживайте так,— Айонки уселся обратно за стол.— Ваше послание передано. Реакция, если вы так в ней уверены, будет обязательно. Ну а то, что Служба Ищущих пытается разобраться, с кем она столкнулась, согласитесь, это в порядке вещей.

— В таком случае, я надеюсь, вы не будете разочарованы, если я откажусь отвечать на ваши вопросы и дождусь все-таки реакции Мастера Ацекато.

Если Айонки и хотел ответить, то не успел. Дверь открылась, и на пороге появился новый персонаж. Смуглый черноволосый мужчина с небольшой бородкой-эспаньолкой, одетый в свободную светлую рубашку навыпуск, просторные светлые же штаны и мягкие туфли (наряд курортника), вошел в комнату. Айонки вскочил из-за стола, но вошедший не обратил на него никого внимания. Он смотрел на Гермеса.

— Генерал-лейтенант Йенсен Торвальд Эрикович? — белозубо улыбнулся мужчина.

Гермес прищурился, узнавая, а затем широко улыбнулся в ответ:

— Антонио Сибейра, если я не ошибаюсь. Контрразведка Испании, полковник?

— Это было давно,— усмехнулся Сибейра,— но отчасти правда до сих пор.

— Великий и Ужасный Торквемада? — поднял брови Гермес.

— Уже просветили,— дон Антонио покосился на Айонки. Тот сидел с бесстрастным лицом.— Тем не менее здравствуйте. Очень рад вас видеть.

Он протянул руку. Гермес пожал ее, а потом, плюнув на приличия, крепко обнял испанца.

— Вот вы где все это время прятались, черти.

Сибейра ответил на объятие с неменьшим энтузиазмом.

— Мы не прятались. Нас просто никто не искал.

— Да,— вздохнул Гермес,— было дело. Там никто никого не искал. Нелучшее время было. Вы знаете, сколько народу осталось из Экскора?

— Знаем,— кивнул Сибейра,— и не в обиде на Землю. У нас теперь тут забот полон рот.

— Я в курсе,— усмехнулся Гермес.

— Так что ж мы стоим? — спохватился дон Антонио.— Семен ждет.— Он повернулся к Айонки: — Я забираю гостя. Пометь в отчете по существующим данным, ага?

Айонки молча отдал честь. На русский манер, отметил Гермес — и довольно улыбнулся.

Глава 11

Мягкий свет не резал глаза. После ватной черноты, спасавшей его все это время, открывая глаза, он ждал невыносимой боли и уже приготовился опять зажмуриться, но, к его удивлению, ничего подобного не случилось. Мягкий свет обволакивал его, даря ощущение покоя и умиротворенности. И настолько это был приятно, что Ирил чуть не поверил, что опять оказался в своей темноте, зачем-то сменившей освещение. Но это было не так. Во-первых, не было моха. Последнее время (Ирил не мог сказать, сколько оно длилось: день, месяц, годы) мох был рядом непрерывно. Его сварливые интонации стали неотъемлемой частью нового мира Ланьи. И — без него он действительно свалился бы в небытие и плюнул бы на всё. Ирил, правда, до сих пор не был уверен, что это так уж неправильно. Но мох неустанно трещал: дескать, нет, нельзя, плохо. Почему, не объяснял, но уверял, что так. А теперь его нет. Ирил перестал слышать его с того самого момента, как темная тишина стала плыть по частям, разрываясь на отдельные клочья. Такие же темные, но отдельные. Потом между ними стали появляться светлые пятна. И девичий голос стал слышнее. А потом Ланья узнал этот голос — Сова. И тишина лопнула. Лопнула, чтобы стать болью. Невыносимой и бесконечной. Перешедшей в итоге в этот мягкий дружелюбный свет. И вот где-то на этом этапе, между клочьями и светом, мох пропал. Просто перестал зудеть и про-

пал совсем. Когда Ирил это понял, он чуть не разрыдался. Правда, долго рыдать ему не дали — началась эта дикая свистопляска боли, но отчаяние от потери друга — мох уже воспринимался почти родным — было непереносимо. Это Ирил хорошо запомнил. Ну, раз остался жив, значит, моха еще найдем. Теперь разобраться бы, где именно жив. Сбоку раздался негромкий скрип. Как будто открыли дверь.

— Ирил! — Вот он, родной, не дававший ему уплыть голос. Сова.— Очнулся!

— Дз...а, аг-ха, С-совфа,— Ирил попытался повернуть голову. Не получилось.

— Лежи, не вставай, ты еще очень слабый,— мягкие руки аккуратно повернули его голову обратно.

Нежное прикосновение доставило столько удовольствия, что Ланья немедленно повернул голову опять. Чтобы его еще раз поправили. Сова поправила еще. Ирил улыбнулся.

— Да ну тебя,— возмутилась девушка.— Сказано же, нельзя тебе двигаться. Каще-е-ей!

Вот этот вопль, явно зовущий кого-то, Ирилу очень не понравился. Какой такой Кащей? Он нахмурился и попытался сесть. Ни черта не получилось. Тело просто отказывалось слушаться. Нет, парализован он не был. Просто все мышцы честно выслушивали приказ от головы — и так честно посылали ее подальше. Сил двигаться не было. Но разобраться с этим Кащеем все же было необходимо, и Ланья задергался, разрываясь между необходимостью и возможностью.

— У него судороги началась,— тревожно сообщила Сова кому-то, кто еще раз скрипнул дверью.

— Судороги? С чего бы? — удивился скрипучий голос с другого бока.— Не должно у него быть судорог. Эй, боец, ты как, жив?

В поле зрения Ирила, контрастируя с нежным, как руки Совы, светом, появился череп, обтянутый небольшим количеством кожи. Ирил вздрогнул. Черепов он навидался достаточно, далеко не все находки океана были радующими и безобидными, но с разговаривающим сталкивался впервые. Он немного подался назад.

— Действительно, судороги,— озадаченно произнес череп.— Счас чего-нибудь придумаем.

Ланья представил, что может придумать это чудище, и решил, что все-таки стоит поискать в себе силы и поговорить.

— Нн-не н-наддо п... пжи... пжи-ду-бывадь. Й-йа ш-шиффф...

— Он говорит!

— Чего ты сказал? — Череп вновь появился в поле зрения.

— Ж-жив-вой я. Ж-живой. Н-нет су-ддорог. Тяж-ж-жело прсто,— слова давались с трудом, но давались. И это радовало.

— Точно, живой,— обрадовался череп, оскалив в улыбке белые зубы. Картина получилась ужасающая.— Тогда мы тебя другим поправим.

Ирил в отчаянии закатил глаза.

— Эгей, не отключаться. Рано еще,— легкая пощечина заставила его резко их открыть. Череп продолжал скалиться, и Ланье очень захотелось его убить. Руки не работали, но оставалось еще одно средство. Он потянулся к линиям хальер. И вспышка боли погасила сознание практически мгновенно.

В себя он пришел от того, что в рот ему лилась какая-то жидкость. Машинально он глотнул и тут же судорожно закашлялся. Глемм-дош так не пьют.

— Ты, сынок, поаккуратнее с магией,— первое, что увидел Ирил, когда сфокусировал зрение, опять был участливо смотрящий на него череп. Он чуть не застонал от разочарования.— Зачем тебе магия-то сейчас?

«Чтобы убить тебя,— зло подумал Ланья.— Сова где?»

— Ирил,— ну наконец-то. Над ним склонилось родное лицо.— С тобой все в порядке?

— Д-да,— выдавил Ланья. Объяснять, что это вовсе не из-за глемм-доша, сил не было. Но череп оказался на удивление наблюдательным.

— Ага,— проскрипел он откуда-то сбоку.— С тобой ему значительно лучше. Мышечная реакция меньше. Ты так встань, чтобы быть в его поле зрения.

«А без тебя бы не разобрались»,— попробовал закипеть Ирил, но не получилось. Сова, как обычно, гасила всю его злость.

— Ты как? — Она склонилась над его кроватью. Ланью чуть не до слез растрогало заботливое выражение ее лица.— Говорить можешь?

— Д-да, к-кажется, м-могу,— он еще раз попытался сесть. Получилось. Ура!

Убедившись, что Сова успокоилась и перестала пытаться уложить его обратно, Ирил захотел рассмотреть и зловредный череп, чем-то неуловимо напоминавший моха, но увидел только закрывающуюся дверь. Скрипучий голос сообщил, что он пошел звать «остальных» (их что, тут много, этих оживших мертвецов?), и исчез за дверью, оставив Сову с Ланьей наедине. Нельзя сказать, что Ирил расстроился.

— Сколько я тут? — поинтересовался Ирил, не сводя глаз с девушки.

— Неделю,— Сова вытерла слезу.— Это я от радости,— пояснила она, чтобы никто ничего не подумал.

— А где мы? — Ланья осмотрелся.

Светлая небольшая комната. Его кровать, рядом тумбочка, уставленная какими-то склянками. Небольшой шкаф в углу. Всё.

— В Улитарте,— пояснила Сова.— Тебя здесь вытаскивали.

— Откуда вытаскивали? И где, еще раз, мы? — Сразу два непонятных сообщения для нынешнего состояния — много. Ирил почувствовал, что голова немного поплыла. Сова это тоже заметила.

— Стой, не уходи опять,— она схватила его за руку.

Ирил блаженно улыбнулся и откинулся на подушку. Ну уж нет, это он не отпустит. Беспамятство подождет до другого раза.

— Мы так за тебя переживали,— сообщила Сова, когда он немного успокоился.

Ирилу активно не понравилось это «мы», но конкретизировать он не успел. Дверь открылась, и в комнату ввалилась небольшая толпа, предводительствуемая старым знакомым — черепом. Следующие минут пятнадцать Ирил помнил плохо. Его начали осматривать, поздравлять, представлять ему пришедших и все в таком роде. От такого напряжения он опять чуть сознание не потерял, но на этот раз череп его спас.

— А ну заткнулись все,— неожиданно громко гаркнул он.— Я сюда всех зачем звал? Контрольный осмотр — и всё. Нечего человека грузить. Он только очнулся. Все всё по своей теме увидели? Ну так до свидания. Надо будет, еще позову. Марш отсюда.

За это выступление Ирил немедленно простил ему половину всех прегрешений. Но когда в комнате опять стало тихо и Ланья вознамерился было опять полюбоваться на Сову, над ним опять навис череп. На сей раз серые, глубоко запавшие глаза в воспаленных глазницах смотрели серьезно и сосредоточенно. Затевалось что-то явно нерадостное, и Ланья опять вернул к максимуму список нехорошестей, за которые череп полагалось немедленно убить. Но не вышло.

— Ты устал, тебе надо отдохнуть, ты сейчас ляжешь и поспишь,— монотонный говорок ввинчивался в голову, вытесняя оттуда все остальные мысли.

Ирил понял: мужик чего-то колдует, но сопротивляться уже не получалось. Оставалось только смотреть в эти серьезные глаза, которые постепенно заполняли собой весь мир.

— Ты устал, ты ложишься и засыпаешь, тебе во сне станет легче... — голос убаюкивал, уносил с собой. Комната плыла. Сова, появившаяся в поле зрения, плыла вместе с ней. Прошла секунда,

другая. Ирил держал веки слипающихся глаз, сколько мог, но всему приходит конец. Силам тоже.

— Крепкий парнишка, доложу я тебе,— Кащей разогнулся от кровати, на которой, счастливо улыбаясь, спал Ирил.

— Он просто испугался, я его знаю.— Сова погладила по голове спящего Ланью.— И сразу принялся всё решать силой.

— Когда проснется,— Кащей открыл дверь комнаты, приглашая девушку выйти,— ты одна к нему иди, введи его в курс дела. А кто сунется — гони в шею. Скажи, я приказал.

— Хорошо,— кивнула Сова.

Дверь за ними закрылась, но Ланью это не волновало ни в малейшей степени. Он спал. И во сне к нему пришел мох, рассказывающий, что теперь, когда он в Улитарте, ему совершенно не о чем волноваться, но если он все же захочет, то мох в его распоряжении... только пусть он не думает, что если он...

Ирил слушал привычное уже брюзжание и знакомые поучения — и довольно улыбался. Сон начинался неплохо.

Второе пришествие в мир живых Ирилу удалось значительно лучше. Во-первых, там была только Сова, что само по себе радовало неимоверно, а во-вторых, он смог встать на ноги, невзирая на все протесты взволнованной подруги. Лежать он не мог категорически, поэтому всю предысторию Сова ему рассказывала ходя за ним следом, поддерживая, когда он нацеливался завалиться, и неустанно умоляя вернуться обратно в кровать. Связно рассказывать в таком состоянии у девушки получалось плохо, но Ирил упорствовал. Таким, бродящим по комнате на дрожащих ногах, его и застал вошедший Кащей.

— Оклемался? — жизнерадостно приветствовал он Ланью.— Ну, здравствуй, пропажа. Задал ты нам задачку, доложу я тебе. Позволь представиться, Кощун Ягович Бессмертных.

Он выжидательно уставился на Ирила. Ланья моргнул пару раз, но говорить было нечего, и он представился в ответ:

— Ирил Ланья. Очень приятно,— а чего это Кощун этот так смотрит на него? Ирил напрягся и поинтересовался: — Что-то не так?

— Да нет,— ухмыльнулся тот.— Всё в порядке. Ты как себя чувствуешь?

Он обошел вокруг Ирила, высматривая что-то видимое ему одному.

— Не очень хорошо,— врать не было никакого смысла.

— Ну, это ожидаемо,— удовлетворенно пробурчал про себя Кощун.— Так, руку подними.

Ланья послушно выполнил требуемое действие.

— Угу,— сгреб подбородок в горсть Кощун.— Наклонись вбок. Повернись.

Издевательство продолжалось минут пять. Ирил послушно делал что просили, понимая, что этот череп пришел сюда не просто полюбоваться его физической формой. Под конец мучитель опять начал смотреть в глаза Ирилу, наводя морок. На сей раз Ланья возмутился сразу, но ничего это не поменяло. Его опять ввели в какой-то транс.

Вынырнув из наведенного морока с сильным желанием разобраться с обидчиком, Ирил первым делом чуть не пролил огромную чашку с дошем, стоящую прямо перед его носом.

— Выпей. Тебе сейчас надо,— раздался сбоку голос Кощуна.— Я уже понял, что ты парень горячий, так что не надо лишний раз свое мастерство мне демонстрировать. На врагов оставь. А нам с тобой надо поговорить. Но сначала выпей.

Нервы — нервами, но Ирил вовсе не был истеричной дамой, оказавшейся в Территориях без охраны. Обиженных на охоту первыми посылают. Так что он потихоньку свою кровожадность затолкал поглубже, взял предложенную кружку и сделал глоток. Дош оказался так себе, чтобы не сказать хуже.

— Не нравится? — поинтересовался Кощун, заметив гримасу Ирила.

— Да нет, всё нормально,— заверил его Ланья. Еще не хватало обижать хозяина из-за такой глупости, как плохо сваренный дош.

— Ну извините,— Ирил, видно, был далеко не первым, кто критиковал сей напиток у Кощуна, поэтому тот завелся с полоборота.— Все претензии к Шаману с Мастером Ацекато. Это они научили варить много доша в большой кружке. Нравится им. И мне понравилось.

Он с вызовом выпятил подбородок. У Ирила имелось свое мнение о связи между количеством и качеством доша, вернее, об отсутствии таковой, но он предпочел оставить его при себе.

— Да нет, правда, вполне приличный дош,— он через силу сделал глоток обжигающего пойла и выдавил улыбку. Раз уж решено хозяина не убивать, то будем хвалить. И посмотрим, от чего он скорее загнется. Так говорил Тахор. ТАХОР! СА-СЕФАРА!

— Тихо, все по порядку,— предупреждающе поднял руку Кощун.

Ирил с уважением посмотрел на него. Череп он там или не череп, хлюпик или не хлюпик, а дело свое знает. Мысли прочитал, как раскрытую книгу. Кощун тем временем продолжил:

— Что тебе Сова рассказала?

Ирил пожал плечами:

— Всё, но так, в общих чертах.

— Угу,— кивнул Кощун.— Ничего, значит. Ну, тогда слушай...

Рассказ занял три часа, по истечении которых Ланья еле держался на ногах. Кощун его жалеть не стал. И правильно сделал, по мнению самого Ирила. Неизвестность была бы значительно хуже. Зато теперь он знал всё, что произошло. За Тахора он порадовался. К жизни в Улитарте, да и в Директории вообще, он готов не был, но по некотором размышлении решил: а почему бы и нет. Тем более что решение Са-Сефары и Тахора остаться само по себе многого стоило. Что ж, посмотрим. Из описания того, как его вытаскивали из «кокона», он не понял ровным счетом ничего, кроме того, что никакие исследования ничего не дали, а решил всё один из учеников, в стиле Улитарта плюнувший на все мнения окружающих и почти физически выдернувший из узора одну из линий амулетов. Ирил принял это как должное и не очень понял возмущение, с которым Кощун с Совой об этом рассказывали. Он бы сам, наверное, на такое не решился, в обход мнения наставника, но главное-то результат. Вот он, Ланья, живой. И что с того, что опасно, больно и умереть мог? Так не умер же. И говорить не о чем. Чего на человека зря нападать?

Ответное повествование Ирила у Кощуна вызвало нездоровое, на взгляд Ланьи, оживление. Он почти пожалел, что рассказал про общение с мохом. Кощун так подпрыгнул, когда это услышал, что Ирил кристально четко понял — с живого с него не слезут. Так и получилось.

— Короче, так,— Кощун потер руки, явно предвкушая интересное занятие. Ирил уже понял и из его рассказов, и из сбивчивых повествований Совы, что тут, в Улитарте, живут не совсем обыкновенные люди. В смысле отношения к жизни. Их хлебом не корми, дай идею новую обкатать и поковырять. Ничего больше в жизни не надо.

— Короче, так. Сегодня ты отлеживаешься, отъедаешься, отсыпаешься — а завтра я тебя попрошу всё, что ты мне сейчас рассказал, повторить перед остальной командой. А то они, наверное, уже все ногти себе сгрызли от нетерпения. Ты ж в последнее время самой интересной новостью стал. Они уже всю землю вокруг дома срыли копытами своими. Хорошо?

Что еще оставалось делать? Ирил согласился. Кощун было открыл рот, еще чем-нибудь обрадовать, но тут уж на полную мощность включилась Сова. Ланья искренне порадовался, увидев, что никаких своих способностей она не растеряла за все это время. Кощун, только-только разогнавшийся в своих идеях, был остановлен на полном ходу. Одним движением брови убедившаяся в относительном здоровье Ирила Сова выпроводила его из комнаты. У того только и получилось выторговать время встречи пораньше. И то без гарантий. Когда Кощун закрывал за собой дверь, в его взгляде светилось искреннее уважение. Ирил ухмыльнулся, «знай наших», лег на постель, уступая настойчивым требованиям Совы, и... окружающий мир неожиданно кончился. На этот раз обошлось без сновидений. Ирил и так улыбался во сне. Надо же... Улитарт, Братство, Директория... Сова.

Глава 12

— Мастер, к вам Се Ляо Юй,— доложился Муритай, входя в кабинет. За его необъятной спиной невысокий китаец был совершенно незаметен.— Клаус с Антонио внизу, поднимаются.

Сидящий в кресле, повернутом к окну, Мастер Ацекато не отреагировал никак.

— Привет,— Се Ляо Юй обогнул огромного торка и подошел к столу.— Ты живой там? Чего молчишь?

Зеленоватое солнце Пестика заливало вечерним светом всю комнату. На его фоне большая спинка кресла, в котором сидел Точилинов, рисовалась как одно темное пятно.

— В Улитарт переберусь,— тоскливо пожаловался откуда-то из этого пятна Ацекато.— Там хорошо, там карнавал непрерывный. Всех проблем — только что узор новый выдумать и какую-нибудь штуку позаковыристей наколдовать, чтобы все ахнули. Ну чем не счастье?

— Ага,— понял что-то для себя китаец.— И то хлеб.

Он уселся прямо на рабочий стол, достал сигареты, неспешно закурил и стал молча наблюдать, как прозрачный дым путешествует по комнате. Из кресла Мастера Ацекато тоже не доносилось ни звука. Муритай немного понаблюдал за двумя молчащими магами и тихонько пристроился на диванчике в углу, разом заполнив его. Прошло некоторое время, дверь кабинета открылась.

— Здрав будь боярин, я правильно все говорю? — В двери появилась еще одна массивная фигура, размерами мало уступающая Муритаю.

Клаус ван Брюккен, бессменный администратор всех безумных и не очень проектов Мастера Ацекато. Огромный, как медведь, голландец, умеющий ходить абсолютно бесшумно. Его простоватое круглое лицо никак не соответствовало педантичному и хваткому характеру менеджера, неизменно доводящего до логического завершения все начинания, которыми искрился Точилинов. Это стало уже традицией. Семен бросал какую-нибудь идею — и шел дальше. А ван Брюккен аккуратно ее поднимал, сортировал, классифицировал, раскладывал по полочкам, искал исполнителей, да и вообще производил все те действия, без которых ни одна идея жить не будет. Неуклюжий с виду, добродушный, с гулким глубоким голосом, копной темно-русых волос и крупным носом, абсолютно органично смотрящемся на загорелом лице, он в самом деле выглядел как огромный плюшевый мишка. Вот только, общаясь с ним, никогда не надо было забывать, что медведь — это один из самых умных и опасных зверей на свете.

Не дождавшись ответа на свое приветствие, ван Брюккен остановился в дверях и посмотрел на задумчиво пускающего колечки дыма Се Ляо Юя.

— Что это с ним?

— Вы позволите? — Из-за спины голландца с некоторым трудом (ван Брюккен оставил не очень много места между собой и косяком) выбрался Сибейра. На фоне ван Брюккена он выглядел как вороненый стилет на фоне подушки, но вопрос задал тот же:

— Что случилось?

— Их Магичество депрессовать изволят,— сидя отвесил легкий поклон Ляо Юй.

— Здра-а-астье на фиг, чего это вдруг? Клаус, подвинься,— в комнату прибыли еще два участника предстоящего совещания. Отреагировал на поклон китайца Борис Уваров, шедший первым.

— И правда, Мастер, не время сейчас, отчество в опасности,— это из-за спины так и не подумавшего подвинуться ван Брюккена вылез Александр Агатьев. Директор. Главный управляющий светской части Братства Магов Земли — Директории. Бывший капитан спецназа, командир взвода, обеспечивавшего безопасность группы магов, он вместе с ними оказался выкинутым в Пестик, да так и прижился в нем, найдя себе занятие по душе. И только уговоры Семена Точилинова, которому позарез требовался грамотный командир и администратор, который мог бы возглавить создающе-

еся государство человеческих магов Директорию, заставили его изменить выбранному образу жизни. В итоге Саша Агатьев взвалил на свои плечи управление пестрым конгломератом полунезависимых вотчин земных магов, и, надо отдать ему должное, до сих пор очень неплохо справлялся с этой работой. Причем, что характерно, выглядеть как капитан спецназа он при этом не перестал. Крепкий, плечистый, с неизменным ежиком темных волос. Нижняя челюсть у него немного выступала вперед, отчего создавалось впечатление, что Агатьев вечно чем-то недоволен. Что, в принципе, при его должности только помогало. И только веселый прищур карих глаз выдавал добродушного весельчака, которым на самом-то деле Саша и являлся. В свободное от работы время. Но его еще нужно было разглядеть. Впрочем, в кругу своих он и не пытался производить ненужное впечатление.

— Мастер, если у вас депрессия не затяжная, то, может, начнем, а? А то у меня слишком до хрена разных встреч. Сейчас только еле-еле от налоговиков вырвался. Они меня всё склоняют разные там поправки вносить.— Он весело оглядел собравшихся магов: — Слушайте, а страшное дело, эти налоги. Никогда бы нее подумал, что такая заковыристая штука. Как хорошо в армии-то жилось без них.

— В армии много кому хорошо жилось,— Мастер Ацекато, наконец, соизволил повернуться к столу и теперь сидел оперев голову на руки.— Там думать не надо. В смысле, вне рамок отданных приказов. Собрались? Давайте рассаживайтесь. Буду вам настроение портить.

— Знал бы,— понимающе протянул Сибейра,— я б этого вашего Гермеса там в горах и оставил. Не иначе оттуда ветер дует.

— Не оставил бы,— покачал головой Точилинов.— Как маг он с любым из нас на равных порубится. Даром что у нас практики немерено.

— По идее,— глубокомысленно поднял палец Борис,— тебе полагается быть благостным и ностальгирующим. Я когда уходил, вы с Гермесом вовсю воспоминаниям предавались. Вы не полаялись на почве этих самых воспоминаний случаем?

— И да и нет,— вздохнул Мастер Ацекато и еще раз обвел взглядом рассевшихся вокруг стола магов.— Я что-то путаю или Шамана нет?

— Должен быть,— подал голос ван Брюккен.— Он со всеми не поехал, сказал, что напрямую к тебе сюда придет.

— Ко мне напрямую не получится прийти, я все установки тут поменял,— устало нахмурился Точилинов.— И я его об этом предупреждал.

— Я ему тоже так сказал,— улыбнулся голландец,— но он заявил: только не для него.

В коридоре раздался жуткий грохот, как будто там рассыпалась огромная стопка жестяных тазов.

— И для него тоже,— Точилинов злорадно ухмыльнулся, несмотря на всю свою меланхолию.

В проеме двери возникла высокая, нескладная фигура, почему-то мокрая до нитки.

— Это что, шутка такая? — возопила фигура, пытаясь отряхнуться по-собачьи.— Я чуть не угробился.

— Нет, это жизня такая,— ядовито ответил Точилинов.— И очень жаль, что не угробился. Я еще выясню, почему. Сколько раз тебе говорить, что моя личная жизнь неприкосновенна и ко мне нельзя вламываться, когда твоя левая немытая пятка пожелает?

— Почему это немытая? — возмутился Шаман.— Я чист как горный воздух. И душой и телом. А доступ к принимающим решение всегда должен быть. Ситуации в жизни бывают разные. Мало ли что и когда может потребоваться.

— Угу,— кивнул Мастер Ацекато.— Например, на совещание прийти не как все нормальные люди, а с помпой и пафосом. Учти, еще раз такое проделаешь, запросто можешь без головы остаться. Я туда очень серьезные узоры вешаю.

— Я уж понял,— Шаман вытер мокрое лицо и, нимало не тяготясь приличиями, плюхнулся на свободное место, пачкая стул. От его одежды начал понемногу идти пар, видимо, запустил какой-нибудь высушивающий узор.— Я ничего не пропустил?

Мастер Ацекато возвел очи горé. Маги захихикали.

— Ладно, посмеялись и будет,— к Точилинову вернулась угрюмость.— У нас небольшие проблемы.

— Небольшие? — уточнил Сибейра.

— Пока небольшие,— подтвердил Точилинов.— Но если ничего не предпринимать, они запросто могут вырасти.

В кабинете воцарилась тишина. Даже Шаман перестал возиться, отряхиваться и вытираться.

— Гермес, он не зря бог торговли или чего там... — покрутил пальцем в воздухе Точилинов.— Бойся осуществления своих желаний, ты можешь получить просимое. За базар надо отвечать... Не в свои сани не садись. Со свиным рылом да в калашный ряд... Что я еще забыл?

— Вроде всё,— почесал бровь ван Брюккен.— Мы уже впечатлились. Можно начинать пугать.

— Пугать здесь особо нечем, но задуматься следует. Особенно над тем, что неплохо иногда думать, что говоришь.

— Это ты про кого? — не понял Шаман.

— К сожалению, про себя,— вздохнул Точилинов.— Так было бы хорошо на кого-нибудь всё свалить, так нет же...

Он медленно сжал и разжал кулаки, потер глаза и, сделав жест, как будто умывает лицо, резко отнял ладони. На собравшихся снова смотрел уверенный в себе, немного ироничный Мастер Ацекато, которого они наблюдали последние несколько лет. Точилинов прищурился:

— В общем, так: если помните, когда мы во второй раз с земными войсками встретились, ну, когда делегация от нелюдей пришла с предупреждением...

Собравшиеся закивали, показывая, что все всё помнят.

— Так вот, мы тогда гарантировали Старшим Расам, что представительство Земли в Пестике будет только одно. Все помнят это?

— Ага,— влез Сибейра,— а Земле на наши гарантии наплевать, так?

Точилинов скривился, как от прожеванного лимона, но кивнул:

— Если грубо, то так. На Земле же за все это время ничего кардинально не поменялось, каждое правительство видит только себя, все остальные — так, недоделки. И естественно, что каждый умный перец хочет сюда влезть.

— Н-да,— почесал затылок ван Брюккен.— Это тут до фига народу будет толкаться. Я помню, и у зулусов там кто-то из шаманов светился. Они тоже хотят?

— Про зулусов не в курсе,— покачал головой Семен,— но вот то, что основные державы уже готовят экспедиции, это точно.

— Вы, Мастер, это имели в виду, когда говорили про «небольшие проблемы»? — поинтересовался Агатьев.— Или есть еще «небольшее»?

— А что, мало? — возмутился Точилинов.

— Да нет,— пожал плечами Агатьев,— хватает. Я просто так, диспозицию уточняю.

— Диспозицию ему,— Мастер Ацекато явно хотел закипеть, но передумал.— Нет, на наше счастье, это все подарки на сегодняшний день.

— А зачем тогда Гермес здесь объявился? — подал голос Уваров.— В качестве кого он выступает?

— Вот,— поднял указательный палец Точилинов.— Наконец-то правильный вопрос. И, самое главное, ответ на него очень простой: а в качестве никого.

— То есть он к тебе так, на чашку доша заскочил? — иронично улыбнулся ван Брюккен.

— Примерно,— кивнул Точилинов.— Рассказываю. Гермес после того, как его поперли из Управления Практической Магии... А его поперли, причем достаточно грязно. Была там одна история... — он почесал бровь.— Так вот, после всего этого, мастерство-то не пропьешь, да и умище-то надо куда-то девать, он, используя все свои связи (а связей у него немерено), организовал на Земле нечто вроде независимого института по исследованию магии. Чем они там занимались — не суть важно, но то, что наше послание, то, которое рекрутов новых призывало, мимо него не прошло, это однозначно. И про ультиматум он тоже сразу узнал, Гермес умный, и ситуацию с предупреждением от Старших Рас просчитал быстро, и так же быстро смоделировал нынешний вариант развития событий.

— Ну, для этого не надо было быть самым умным,— проворчал Сибейра.— Всё на поверхности лежит.

Мастер Ацекато недовольно повел бровью, отметая комментарий:

— А еще он тут же начал готовить свой вариант. В котором не будет новой межлепестковой войны за Пестик. И начал его продавливать через свои связи, а связей, как я уже говорил, у него много. Вы уж мне поверьте. Причем на международном уровне.

— А когда оно всё подошло к финалу, он вывалил весь свой план на стол и убедил всех, что это единственный правильный вариант. В котором он наверняка сидит сверху. Угадал? — Шаман аккуратно разгладил уже совершенно сухой рукав.

— Так вот кто у нас самый умный,— саркастично хмыкнул Точилинов.— Именно так всё и было. Его план предусматривает, что Земля открывает здесь все-таки одно представительство, которому придаются маги всех заинтересованных государств. Их можно ротировать как угодно, но количественно и территориально это представительство останется неизменным. И Гермес, естественно, всю эту камарилью возглавляет. В итоге и Земле хорошо, она свой статус имеет, и Гермес не внакладе, мягко говоря.

— Ага, осталось убедить государства, что им просто жизненно необходимо это ограничение,— негромко произнес Се Ляо Юй. Он немного помедлил и добавил: — А он не за этим сюда приехал?

— Какие вы все у меня догадливые сегодня,— Точилинов сгорбился в своем кресле.— В точку. Именно этого он от нас и хочет.

— От нас? — не понял Агатьев.— А мы-то тут при чем?

— А при том, что государства, естественно, всё выслушают, головами покивают, а потом на любые договоренности начихают и абсолютно точно в ближайшее время начнут тут основывать базу за базой.

— И вот тут, по замыслу всеуважаемого Гермеса, выступаем мы,— желчно прокомментировал Агатьев, у которого на должности Директора появилась стойкая идиосинкразия ко всякого рода подковерным интригам.

— Меня сегодня перестанут перебивать? — поинтересовался Мастер Ацекато. Негромко поинтересовался, но таким тоном, что все присутствующие ощутимо поежились и резко придержали свои готовые к озвучиванию комментарии.

Точилинов обвел глазами притихших магов.

— Вот это правильно,— кивнул он.— Лучше приберегите свои умные мысли для решения, что делать дальше. Вернее даже не «что», а «как».

Он обвел взглядом притихших магов. Ни один из них рта не раскрыл, хотя по лицам видно было, что очень хочется.

— Осознали,— удовлетворенно кивнул Точилинов.— А теперь суть предложения Гермеса: базы земных государств, открытые вне договоренностей, должны быть уничтожены.

Семен взял длинную паузу, но никто так и не решился высказаться. Отчасти потому, что запрет Мастера Ацекато все еще действовал, а отчасти потому, что услышанное не ложилось ни в какие рамки. Тишина в комнате стала какой-то... пришибленной, что ли.

— Базы,— с нажимом повторил Точилинов.— Материальные ценности, имущество, постройки. Улавливаете? Ни один человек при этом пострадать не должен. Уничтожаются только базы.

Одновременный выдох пронесся по комнате. Легкий, почти неслышный, но явственно ощущаемый.

— Вы бы, Мастер, полегче с такими шутками,— выразил общее мнение Агатьев.— Тут у всех сердечно-сосудистые системы слабые, поизносились за последние несколько лет, знаете ли...

— Саша,— Точилинов в упор посмотрел на Агатьева. Тот смешался. Какие бы должности ни занимали присутствующие здесь люди, но Мастер Ацекато оставался единоличным лидером Братства Магов Земли, которое определяло образ жизни всех землян, пришедших в Пестик. И переходить грань, за которой начинается панибратство, Семен не позволял ни при каких обстоятельствах.

— Извините, Мастер.

— Всё в порядке,— Точилинов вздохнул и усталым жестом положил обе руки на стол.— Так что вот такая «диспозиция» у нас получается. Теперь можно задавать вопросы.

Вопреки его ожиданиям хор голосов не раздался.

— Либо всем всё понятно, либо никому ничего,— невесело улыбнулся Мастер Ацекато.— Ладно, пойдем по кругу.

Он посмотрел на ван Брюккена, сидящего первым слева.

— Кто из участников что выигрывает? — нахмурил брови голландец.

— В плане приобретения однозначно тут выигрывает только Гермес,— развел руками Точилинов.— Не вкладывая ничего, он получает многое. Он становится единоличным главой «лицензированных» землян в Пестике. Статус, власть, свобода и возможность изучать магию, оставаясь белым и пушистым для всех вообще.

— А во втором варианте? — недоверчиво поднял брови ван Брюккен.

— А государства в любом случае получают здесь базу. Единственную или нет, но получают. Под единоличным контролем Гермеса представительство все равно не оставят, так что государствам что так, что так, все едино. Хотя, конечно же, множественный вариант предпочтительнее в разы.

— А мы? — подал голос дон Антонио.

Он хоть сидел далеко и до него очередь еще не скоро бы дошла, но, уложив в голове полученную информацию, он быстро сообразил, что физическая часть этой грязненькой операции ляжет на его хрупкие плечи. И, естественно, заволновался.

— А мы в лучшем случае останемся при своих. Это как поломка в машине: головной боли много, затрат куча, а на выходе ты остаешься там, где был. И это — если все хорошо.

— А если мы проигнорируем это предложение? — Дон Антонио не боялся, его трудно было испугать очередной дракой. Он просто рассматривал все варианты.

— Не получится, Антонио,— горестно вздохнул Точилинов.— Первое: наше честное слово...

— Да наплевать на него.

— Спасибо,— желчно скривился Мастер Ацекато,— слово-то мое, поэтому чего там, давай, жги...

— Хм, прошу прощения, не учел как-то,— смутился Сибейра.

— Второе,— не стал заострять проблему Точилинов,— никто из нелюдей не шутил про вторжение в Пестик в случае появления здесь землян.

Уваров, сидящий в конце стола, сделал демонстративный жест, как будто умывает руки.

— Не получится, Боря,— покачал головой Точилинов.— Тут такой карнавал начнется, никто не отсидится в стороне. Сторон не останется.

— Как это? А у меня? — залихватски подмигнул Шаман.

— А у тебя мозгов просто-напросто нет — и все дела,— не менее залихватски передразнил его Семен.— Еще не хватало в Городе Безумных Магов линию фронта проводить. Ты можешь хоть на секунду представить, что твои орлы учудить могут?

Шаман честно постарался представить. Секунды две старался, потом содрогнулся.

— Всё, предложение снимается,— выдавил он из себя и громко захлопнул рот обеими ладонями.

— Клоун! — начал заводиться Точилинов.

— Никак нет, Шаман,— бодро доложился тот.

— Удавлю,— Мастер Ацекато разъяренным буйволом начал подниматься из-за стола.

— Что вы, Мастер, я просто пошутил,— выставил открытые ладони вперед Шаман.— Вы не переживайте так. На самом-то деле у нас тут не собрание, а сеанс психоанализа. Вы ведь уже все давно решили, так? А подготовкой и проведением операции будет заниматься наш Великий Инквизитор,— он сидя отвесил легкий поклон Сибейре.— Мы вам нужны только для поддержки. Хотя когда это вам поддержка требовалась? Так, для успокоения. Выговориться. Скучно вам. Вы нам все рассказали, мы впечатлились. Ждем приказаний. Нужен Улитарт — будет Улитарт. Нужны бойцы — Директор предоставит. Связь, тыл? Да в любое время. Мы с вами, Мастер, как всегда. Ваша личная гвардия. Че делать, кого порвать?

Он заозирался по сторонам. Точилинов несколько секунд пристально смотрел ему в глаза, в которых не плескалось ничего, кроме истового верноподданничества, а потом оглушительно расхохотался.

— Вот паразит,— утирая навернувшиеся слезы, выдавил он.

Борис Уваров за спинами сидящих магов переглянулся с притихшим на своем диванчике Муритаем и незаметно подмигнул ему. Депрессия Мастера Ацекато кончилась. Тем временем, отсмеявшись, Точилинов вернулся в свое кресло, аккуратно поправил рассыпавшиеся от его кульбитов листы бумаги и серьезно посмотрел на все еще улыбающихся магов:

— Ну что, братцы-кролики, будем придумывать, как портить казенное имущество потенциальных союзников?

Глава 13

— Стой, кто идет!

— Свои.

— Какие свои? Стой, стрелять буду!

— Стою.

— Стреляю.

Камуфлированный часовой небрежно вскинул к плечу автомат, прицелился в подходящего человека и нажал на спуск. Щелк! Выстрела не произошло, зато произошло нечто другое.

— Ты, баран по голове стукнутый! — Невысокий худощавый парень с редкими мышастого цвета волосами и очень к ним подходящим крысиным лицом, краснея пятнами от праведного гнева, заорал на незадачливого часового: — Ты что, меня убить захотел?!

— Я же сказал: стой, стрелять буду. А ты чего ждал, роз и поцелуев? — натурально удивился часовой, овальный увалень с круглыми, чуть навыкате глазами.— Стоять, я не разрешал приближаться,— он еще раз прицелился и нажал на спусковой крючок. Щелк.

— Кретин! — заорал мышастый.— Он же заряжен!

— А что? — удивился увалень.— В караул ходят с холостыми патронами?

— Ты, дебил, ты что, не понимаешь, что в людей стрелять нельзя?

— А на хрена я тогда здесь стою? — удивился увалень.— Задача часового не допустить никого на охраняемый объект. А те, кто этого не понимает, получают...

Он в третий раз вскинул автомат, но тут у мышастого кончилось терпение. Он картинным жестом вкинул руку — и вокруг часового сомкнулась мутно-серая сфера. Часовой дернулся, но сфера не поддалась.

— Больно же,— раздался из нее приглушенный голос.

— А если б ты выстрелил, мне что, больно бы не было, а? — злорадно хихикнул мышастый.— Попробуй теперь сам.

— Ну, гадина,— возмутился внутри часовой,— ну, держись.

Сфера надулась, как воздушный шарик, мышастый напрягся. Мутно-серые стенки заходили ходуном, выпирая то с одной, то с другой стороны, но держались. Несколько секунд противостояния — и серый шар сдулся, еще больше облепив находящегося внутри часового. Мышастый довольно осклабился, но триумф его оказался недолговечным. Из сферы протянулась тонкая светлая

нить, упершаяся прямиком в солнечное сплетение мышастого. Тот взвизгнул. Нить превратилась в светлое пятно на его теле, которое начало стремительно расти, и через мгновение мышастый уже был весь залит светлой субстанцией, соединенной со сферой. Получилось два кокона, связанные одной нитью, как пуповиной. Мышастый заверещал как от боли и сильно дернул за «пуповину». Часовой в своем коконе заверещал так же. Два кокона начали ритмично сокращаться.

— Прекратить! — Рядом с дергающимися коконами появилось новое действующее лицо.

Крепкий плечистый мужик, одетый в видавшую виды полевую форму, возник между бьющимся в конвульсиях коконами на лесной поляне, где происходило действо, и одним движением разорвал связывающую их нить. Конвульсии прекратились. Мужик провел руками сначала вдоль тела мышастого, стирая с него светлую субстанцию, а потом повернулся к часовому и, чуть напрягшись, с негромким хлопком изничтожил сферу. Вывалившийся из нее увалень судорожно закашлялся, но все равно выдавил «спасибо». Мышастый до благодарности не снизошел. Напротив, он обвиняюще уставился на своего освободителя и явно собрался что-то сказать. Что-то воинственное.

Но мужик ему такой возможности не дал, развернувшись всем телом к надувающемуся парню. Телосложением мужик отличался неслабым, поэтому движение вышло достаточно убедительным. Мышастый задавил возмущение внутри. Выглядело это несколько комично, но мужик и не подумал улыбнуться. Он отошел на пару шагов назад, чтобы видеть обоих участников представления, и начал накачку:

— Вы что, цирк тут будете устраивать или все-таки боевой тренаж? Это что за перетягивание каната? Что за дебаты? Демчи,— мышастый вытянулся в струнку, видимо мужик имел право так разговаривать,— ты покойник еще до конца первого предложения. На безусловно враждебной территории, если тебя окликнул часовой — значит, в лучшем случае ты уже в могиле по уши. По макушку забьют в контрразведке, когда допрашивать будут. Когда Вася рекомендовал мне вас, он говорил, что у вас есть определенный потенциал и вы большие любители подраться...

— Что есть, то есть,— довольно осклабился увалень.— Это мы любим.

Тот так же, всем телом развернулся к нему и воткнул негодующий взгляд в позволившего себе расслабиться увальня. У того со стуком захлопнулся рот.

— Смирно! — слегка придушенным от ярости голосом скомандовал мужик.— Живот подобрать!

Увалень выпрямился и даже попытался выполнить приказ. Получилось, правда, не очень.

— В тавернах Улитарта будете кружками махать и девок веселить,— заводился мужик.— Мне на хер не нужна вся ваша студенческая вольница. Вас сюда послали приказы выполнять. Шатун, что мы здесь отрабатываем?

Названный Шатуном увалень очень натурально нахмурил лоб, изображая работу мысли.

— Тренируемся, как к часовому подходить... — неуверенно пробормотал он, заискивающе глядя на командира.

Тот взялся руками за голову. Понять его было можно. Тяжело военному со студентами. А на военного мужик смахивал более чем. И даже на действующего. Короткая стрижка, сидящая как влитая подогнанная форма, «офицерский» загар — шея, лицо и руки до локтей. Простоватое круглое лицо не очень подходило к образу бывалого вояки, но серьезный взгляд светло-серых глаз и тяжелый подбородок уравновешивали впечатление. Да и речь выдавала служаку не первого года. Больше всего он походил на какого-нибудь прапорщика или сержанта, натаскивающего молодняк.

— Мы отрабатываем снятие часового и имитируем начало атаки на укрепленную базу в реальном времени. Ты являешься условным противником. В твоем распоряжении только огнестрельное и холодное оружие. Демчи работает за подразделение Находящих, используя весь имеющийся арсенал магических средств. Понятно?

С новобранцами лучше всего говорить именно так. Угловатая армейская лексика действует на неопытных слушателей гипнотически. Шатун, немного «загруженный» непривычными словосочетаниями, кивнул, явно ничего не поняв. Демчи показал ему язык. Шатун покраснел от злости. Мужик обернулся и, зло сощурив глаза, скомандовал:

— Становись.

Оба парня неловко выстроились в линию, образовав некое подобие строя.

— Упор лежа принять,— скомандовал мужик.— Тридцать отжиманий за разговоры.

— Сколько?! — попытался возмутиться Шатун, которому очень не хотелось шлепаться на землю.

— Сорок,— с нажимом приказал мужик.

Ситуация, видимо, повторялась не первый раз, поэтому оба воспитуемых все же улеглись на землю и начали отжиматься. Мы-

шастый Демчи, явно лучше подготовленный физически, обогнал заплывшего Шатуна и громко возвестил:

— Тридцать восемь, тридцать девять, со...

— Двадцать семь,— размеренно произнес стоящий перед ними командир, ориентируясь на пыхтящего от натуги Шатуна.— Двадцать во-осемь. Демчи, вставать никто не разрешал. Продолжаем отжиматься. Разговорчики,— оборвал он раскрывшего рот мышастого,— а то еще добавлю.

Демчи прошипел нечто злобное, но ослушаться не рискнул, продолжил отжимания. Однако теперь уже без энтузиазма.

— Сорок,— выдохнул Шатун, упав грудью на землю.

— Встать,— милостиво разрешил командир.

— Серж, а за что?..— начал было Демчи.

— Не Серж, а Сержант,— оборвал его мужик, имя которого все-таки оказалось соответствующим облику.— А за что — вот как раз ты сейчас и показал.— Он начал ходить перед маленьким строем, размеренно вколачивая слова: — Перед нами поставлена конкретная задача. Не засада и не захват пятерки залетных аталь или торков, а подготовленная по времени войсковая операция. Все существующие и планируемые базы должны быть атакованы одновременно. Схожим способом и абсолютно безопасным для людей, в них находящихся. Это, надеюсь, понятно?

Воспитуемые дружно кивнули.

— Так вот,— удовлетворился Сержант.— Демчи только что наглядно продемонстрировал, что бывает, когда в подразделении кто-либо не выполняет приказ или «слишком сильно» его выполняет.— Он остановился и пристально посмотрел на мышастого Демчи: — Дошло, что я тебе пытался донести?

Тот замялся:

— И да и нет. Про «не высовывайся, а то будешь пахать больше остальных» я понял. А про операцию — не очень.

Сержант полуприкрыл глаза, сдерживая нечто, явно рвущееся изнутри. Что бы это ни было, но он справился, ограничившись лишь долгим выдохом.

— Объясняю,— преувеличенно мягко, почти ласково начал он.— Предположим, что общая атака назначена на час «Х». Предположим, что какому-нибудь кадру,— он выразительно посмотрел на Демчи,— надоело неподвижно сидеть и ждать часа «Х», и он решил, что самый удобный момент для атаки — именно сейчас. Тем более что и часовой, вот он, отлить решил прямо перед носом.

Судя по виду, именно так Демчи и собрался поступить.

— Вы начинаете атаку,— нахмурился Сержант,— и тут же все остальные базы оповещаются и приводятся в боевую готовность. Со связью на Земле все в порядке. Это Клевер на магии живет и в ус не дует, а в Огненном Лепестке изворачиваться приходится. Так что оповестятся остальные мгновенно, будьте уверены. И что?

Крутанувшись на пятках, он оказался нос к носу с Демчи. Тот инстинктивно отшатнулся и пожал плечами:

— А что?

— Да ничего,— напустился на него Сержант.— Штурмовать спящую базу или поднятую по тревоге — две совершенно разные вещи. Знаешь сколько народу положим? И с той и с другой стороны.

— Они, может, не оповестят.

— Давай тебя на передний край во весь рост поставим,— терпение Сержанта явно подошло к концу.— Может, не попадут? И не думай, после войны в Зеленом Лепестке все здорово научились друг друга оповещать. Мгновенно тревогу по всем базам поднимут. Вот тут-то и вспомнятся твои отжимания.

— Так я не понял,— не успокоился Демчи,— а отжимались-то мы зачем?

— А затем,— Сержанта наконец сорвало,— что вы, два дегенерата, должны втемяшить в ваши пустые головы, что приказы отдаются для того, чтобы их исполняли. Причем так, как определено, а не так, как вашему левому яйцу захочется. И вы в этой операции маленькие винтики, а не главные перцы, крутеющие на глазах. Понятно?

— Ну да,— пожал плечами Демчи.

— Не слышу.

— Понятно,— громче повторил Демчи.

— НЕ СЛЫШУ!

— ПОНЯТНО! — проорал Демчи и озадачился выражением лица командира.

Сержант побагровел.

— Так точно,— Шатун понял, что сейчас здесь будет убийство, и решил помочь приятелю.

— Так точно! — Демчи, наконец, осознал, чего от него ждал Сержант, и, осознавши, перепугался.

— Вон там,— Сержант выбросил правую руку, указывая направление, и посмотрел на обоих подчиненных сразу,— стоит часовой с Земли.

Взгляд его был настолько проникновенным, что оба воспитуемых одновременно повернулись в указанную сторону.

— Это пример, придурки,— шипение Сержанта вернуло обоих в исходное положение.— Если он вас увидит первым — вы покойники. Даю вводную: часовой вас заметил, оружие в руках. Ваши действия?

На сей раз оба мага оказались на высоте. Не сговариваясь, они выбрали для показательного выступления какую-то птицу, которой не повезло оказаться рядом с поляной, где проходили занятия. Ей до спасительных деревьев не хватило всего чуть-чуть. Демчи сделал рукой странный, вывернутый жест, и птица замерла в полете. Повисела немного — и начала кувыркаться вниз. Шатун, промедлив полсекунды, выставил руку ладонью вверх, как будто поддерживая, и птица остановила падение, замерев над самой землей.

— Вот примерно так,— осторожно доложился Демчи.

— Вот как раз в этом я не сомневался,— желчно прокомментировал Сержант.— Об этом-то Вася предупреждал. А научиться воевать не в одиночку, а вместе со всеми... Этому я вас и буду учить.

Шатун с Демчи недоуменно переглянулись: всё сделали, чего ему еще?

Сержант вздохнул:

— Если эта птица — часовой, то она должна была замереть на месте. На том месте, где вы ее поймали. Один парализует, другой замораживает. Одновременно, а не через полчаса,— он в упор посмотрел на Шатуна,— и даже не через полсекунды. Действия должны быть согласованными. Понятно?

Шатун нахмурился, но кивнул. Демчи кивнул тоже. Через полсекунды.

Сержант в очередной раз проглотил ругательства, взлохматил короткий ежик волос и распорядился:

— Всё, на сегодня свободны. Завтра в это же время. Здесь же. Будем продолжать из вас нормальных людей делать.

Шатун с Демчи решили не искушать судьбу и испарились. Сержант посмотрел им вслед, тяжело вздохнул и направился к краю поляны, где под нависающими над землей кустами, скрытый зеленоватой полутенью, сидел крупный мужчина, неторопливо раскуривающий короткую прямую трубку.

— Да уж, Вася, удружил, нечего сказать, спасибо,— Сержант тяжело уселся на землю рядом и достал сигареты.

Василий Тетраков, или попросту Вася. Известный всему Братству, да и, пожалуй, всему Пестику боевой маг, в прошлом разведчик-спецназовец, с одинаковой легкостью существующий как в

мире людей, так и в мире нелюдей. Он даже женился на глеммиди, дочке одного из крупнейших контрабандистов Пестика. Злые языки поговаривали о выгодной женитьбе, но на то они и злые языки.

— Не понравилось? — насмешливо пыхнул трубкой Вася.

— Издеваешься? — прищурился Сержант.

— Не-а,— Вася помотал головой.— Интересуюсь.

Сержант вздохнул, но решил не ругаться:

— Бойцы они, может, и вправду хорошие, но вот дисциплины в них ни на грош.

Вася подавился дымом от смеха:

— Серж, кх-кхкха-ха, ты что, из Торквинии свалился? Дисциплина в Улитарте? Откуда в попе взяться изумруду? Бардак, да будет тебе известно,— он наставительно поднял палец,— является основой жизнедеятельности Города Безумных Магов. Убери его — и не будет Улитарта. А ты им — дисциплина.

Он хихикнул. Если бы пред Сержантом не стояла задача в кратчайшие сроки сделать из двух разгильдяев полноценных бойцов, то он бы, наверное, тоже похихикал. Так они бы и сидели вдвоем: два хихикающих здоровяка под сенью дерев. Но предстоящее мероприятие отбивало чувство юмора напрочь.

— Не представляю,— страдальчески поднял брови Сержант,— как Шаман с ними управляется?

— А никак,— безмятежно поведал Вася.— Они с Агатьевым сделали самое умное из всего, что могли: четко прописали, чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Ограничили их какими-то рамками и жестко эти рамки контролируют. Например, убивать нельзя никого. Всё, стенка. А дальше делай что хочешь.

— В каком смысле «что хочешь»? — не понял Сержант.

— В прямом,— пожал плечами Вася.— Ты что, не видел, как Улитарт живет?

— Не видел,— покачал головой Сержант.— Я там не был ни разу.

— Да ты что? — Вася аж выпрямился сидя.— Правда, что ли? Ни разу в Улитарте не был?

— Ну да,— немного смутился Сержант.— А что?

— Да ничего,— осклабился Тетраков.— То-то ты такой нервный. Надо будет тебя туда сводить, чтобы ты сам посмотрел.

— Нет уж,— набычился Сержант.— Бардаку научиться я и сам смогу...

— Так — не сможешь,— убежденно не согласился с ним Вася.

— Не суть. Нам бойцы нужны, а не обкуренные пофигисты. Так что это я их переделывать буду, а не они меня.

— Тоже правильно,— согласился Вася.— А то после этого визита ты можешь серьезно пересмотреть свою систему ценностей.

— Ты мне лучше другое скажи,— Сержант решил свернуть скользкую тему.— Я и эти двое: это единственные маги будут на эту базу?

— Думаешь, мало? — поинтересовался Вася.

— Смотря для чего,— почесал бровь Сержант.— Если просто уделать их, то, скорее всего, уделаем. Там не очень опытные маги сидят. Не успели еще. А вот чисто сработать с этими,— он с трудом удержался, чтобы не фыркнуть вслед ушедшим Шатуну с Демчи,— вряд ли получится. Это мы с тобой и вдвоем бы справились...

— Нет уж,— покачал головой Вася.— При такой нехватке кадров, слишком жирно нам будет вместе ходить. Придется потерпеть. А усиление еще будет. По твоим оценкам, сколько там магов?

Сержанта нацелили на индийскую базу. Не самая сильная магическая школа Земли, но и далеко не последние ребята. Плюс еще наработки, тянущиеся из глубины веков. Как-никак одна из древнейших цивилизаций. Сержант успел уже пару раз сгонять на разведку, так что ситуацию представлял достаточно хорошо.

— Человек двадцать,— неопределенно пожал плечами Сержант.— Твоего уровня там нет. Вот таких,— он небрежно махнул за спину,— половина. Остальные — шлак.

— Что ж,— Вася прикинул что-то для себя,— еще парочку магов ты получишь.

— Таких же? — в притворном ужасе зашелся кашлем Сержант.

— Я думаю, нет,— поджал губы Вася.— Получше. Ненамного, но получше.

— А не мало? — Сержант почесал кончик носа.

— А как с совестью дела обстоят? — в ответ поинтересовался Вася.

— Все в порядке,— уверил его Сержант,— пропил в лучшем виде.

— Вот и ладушки,— Вася упруго поднялся.— Значит, четверых тебе — в самый раз.

И, не обращая внимания на не очень убедительные протесты Сержанта, начал деловито выбивать трубку. Закончив, он поднял голову и посмотрел на развалившегося Сержанта:

— Собственно, всё. Удачи тебе.

Он подхватил с земли свой мешок.

— А когда бойцов представишь? — подал голос смирившийся со своей участью Сержант.— Если они хоть немного на этих кадров будут похожи, то мне пару недель хотя бы надо. Подготовиться.

— Будут. Я поговорю с Сибейрой,— Вася повесил мешок на плечо и, подняв голову, посмотрел в зеленоватое небо.— А в Улитарт ты все-таки езжай,— негромко посоветовал он.— Когда все кончится.

Глава 14

Шаг. Удар. Поворот. Удар. Ногой. Локтем. Разворот. Раскрытой ладонью: Меч Тога.

Воздух невесомо шуршит вокруг летящей руки. Глаза ничего не видят, только мозг точечно фиксирует знакомые силуэты вокруг, не давая врезаться в окружающие предметы.

Замри. Снизу вверх. Удар. Резче, резче. Разрывая мягкую плоть, ломая хрящи и круша ставшими непривычно мягкими кости. Два скользящих шага вперед с разворотом на каждом. И фиксация энергии поворота в последней точке. Две ладони вперед. И опять замри. Резкий хруст разрываемого бытия. И между ладонями мелькает едва заметная молния. Хальер.

Не линии, не хальер Пестика. Не заемная. Своя, родившаяся внутри и вышедшая для того, чтобы покарать... Кого?

— Это правильно.

Каркающий голос выдернул Ирила из транса. Замерший на краю одной из горных площадок недалеко от Улитарта камень, напоминающий уродливую тварь из Территорий, пошевелился, превращаясь в невысокого жилистого торка, наблюдающего за непременными ежедневными тренировками Ланьи. Тахор.

— Учитель! — Ирил, стряхнув боевое напряжение (Тахор сам всегда говорил, что тренировки не должны отличаться от настоящей схватки), бросился к наставнику. Последний раз торк появлялся в Улитарте пару месяцев назад.

После прихода в Город Безумных Магов и сам Тахор, и Са-Сефара нашли в нем что-то важное для себя. И растворились в плещущих здесь через край безмятежности, умиротворении и задоре. И, посчитав, что и Ланье досталось то же, стали появляться все реже и реже. Нет, они не забыли его, как можно, учеников не бросают. Но поверили в то, что Ирил стал здесь счастлив. Как все. Как все...

— Учитель, как я рад вас видеть! — Ланья просто лучился радостью, и не скажешь, что несколько секунд назад на площадке вертелся смертельный для всего живого вихрь.

— Ну-ну,— Тахор заметно смешался, было видно, что его тронула искренняя радость Ирила.— Так уж и соскучился. От безделья небось тухнешь?

Скрипучая угловатость торка могла обмануть кого угодно, но не Ланью. Тахор всегда был скуп на эмоции, так что добиться от него широченной улыбки и распахнутых объятий было не легче, чем добыть пару чашек доша из гранитной глыбы. И для Ирила смущенный взгляд и нарочитая грубость речи яснее ясного показывали насколько сам Тахор рад этой встрече.

— И от безделья тоже немного,— решил поддержать тему Ланья.— В Городе все настолько спокойно и благостно, что недолго и мхом порасти. Вот я иногда и выбираюсь сюда. Поразмяться, чтобы форму не терять.

— Угу,— кивнул торк,— форму, значит.

Ланья поежился. Учитель, как всегда, видел его насквозь. Это вам не погруженные в творческое небытие улитартские щенята всех возрастов. Это их можно провести, улыбаясь и выказывая всяческое удовольствие от жизни. Всех провести. Даже сильных магов. Но не учителя. Тахор смотрит не на тебя самого, а на мир вокруг тебя. И ему твои движения скажут гораздо больше всех линий хальер вместе взятых. Он мгновенно увидел все то, что Ирил старательно прятал под маской довольного жизнью улитартского балбеса. И естественно, тут же решил все выяснить. Торк всегда добивал противников. Хоть лежачих, хоть сидячих, хоть справляющих малую нужду. Для того чтобы они потом не встали и не воткнули нож в спину, объяснял он. Так что надеяться, что Тахор, увидев нечто странное в поведении Ланьи, оставит выяснение всех обстоятельств на мифическое «потом», не приходилось.

— С кем воюешь, сынок?

Ирила опять содрогнуло. Торк всегда смотрел в корень проблемы. И решал ее так же, как и все остальное. Здесь и сейчас. И вот прямо «здесь и сейчас» он как всегда оказался прав. Ланья действительно воевал. Вот только беда в том, что он сам не знал с кем и зачем.

— Ни с кем,— попытался откреститься он.

— Не ври,— слегка нахмурил брови Тахор.— Кого ты обмануть собрался? Таким ударом можно голову сотту разнести. Ты так каждый день тренируешься?

Ирил открыл было рот, чтобы ответить что-нибудь. Необязательно резкое, просто что-нибудь... Да так и не нашелся. Тахор спросил самую суть. Вроде и невинный вопрос, а поди-ка ответь на него. Не каждый? Каждый? Вообще никогда? Тогда что произошло сегодня? А правда, что? Прежде чем отвечать кому-то, надо ответить на все вопросы самому себе, тогда всё и станет ясным и понятным. Ага, итак...

Ирил Ланья не нашел ответа. Даже для себя. Он не смог вспомнить, когда ежедневные упражнения стали для него не просто обязательным элементом поддержания формы, а чем-то бóльшим. Тахор правильно уловил его состояние, которое Ирил и сам не мог классифицировать. Война. Так когда, Ирил Ланья, ты начал воевать? Может, после того как, задав трепку очередному перезрелому «вьюноше», подбивающему клинья к Сове, ты с ней поссорился и вы не разговаривали пару недель? Честно-то говоря, никакой он не вьюноша, и никакой не перезрелый. Обыкновенный мужик, которому Сова в душу запала.

Или, может, тогда, когда отбил небольшую, недавно выловленную в Территориях Тварь у поглощенных процессом изучения нового узора магов-вивисекторов? Ирил, как и любой волъд, Тварей с детства не переносил. Да и все равно им одна дорога — под меч, не то сожрут ведь. А вот на этой его переклинило. Тварь маленькая была, молодая совсем, тваренок. А эти новый узор-ловушку придумали, запустили и сидят, смотрят, как узор её убивает, параметры снимают. Нормальным делом люди занимались. Готовились других людей спасать. Чего его снесло? В общем, отбил он тваренка, нельзя так с детьми. Пусть и злобными, ядовитыми и желающими тебя убить, а все равно — не по-людски как-то... С магами полаялся тогда чуть не до драки. Хорошо еще, бешенство свое сдержал.

Или это началось в таверне, когда студенты, вывалившиеся с лекции самого Мастера Ацекато, который почтил Улитарт очередным визитом, начали выспренно болтать о переустройстве мира? Мол, вот мы какие, целое государство человеческих магов создали, никого не боимся. Они и его пытались втянуть в разговор, но Ирил не пошел. Просто сидел и медленно раздражался на глупых, пускающих слюни над ерундой, щенков.

Вот, нашел. Именно раздражался. Тахор одним вопросом перетряс его голову, и Ланья нашел. Он не мог сказать, когда Улитарт со всеми своими вольностями и фейерверками эмоций на каждом углу начал его раздражать. Было ли это в какой-то конкретный момент? Или началось с самого начала?

Да, наверное, с самого начала. Ирил терпеть не мог, когда его силой принуждали к чему-то. Любое воздействие извне вызывало в нем отторжение самим своим фактом. Тахор тут был единственным исключением. Ланья органически ненавидел, когда кто-то пытался его заставлять. Даже Сова, которая уж как никто имела право на всё что ей угодно, никогда его не подталкивала ни к чему, разобравшись в этой его особенности.

А тут? Его без всякого спроса взяли и засунули в абсолютно чуждый ему мир. Да еще и рассказали, что это рай земной. Да еще и убедили в этом Тахора с Са-Сефарой. И Ланья остался один. Даже Сова полюбила этот город.

А он не смог.

Вот тогда, наверное, и начало копиться раздражение. На всё. На магов, на Улитарт, на бесконечный праздник хальер вокруг, на Директорию, на Старшие Расы, на Сибейру с Шаманом, которые его спасли, на вольдов. Не злость, нет, злости тут не было места. Просто его раздражала каждая деталь его новой жизни. Да, именно так: раздражала. Как будто чешется, а почесать никак. Не получалось у него гармонии с миром, хоть ты тресни.

Но как это все за раз объяснить Тахору?

— В Улитарте набор объявили,— Ирил схватился за последнюю мелочь, которая еще была ярка в памяти.— Земля в Пестике базы открывает, а мы их разносить пойдем. Нельзя им тут быть, так Мастер Ацекато с Лепестками еще в самом начале договорился.

Тахор кивнул, продолжая внимательно смотреть на Ланью. Это известие для него новостью не стало.

— Меня, естественно, подрядили тоже.

Торк усмехнулся. Еще бы Сибейра прошел мимо такого подготовленного кадра. Конечно, подрядили.

— А я не то чтобы против...

Тахор осклабился во весь клыкастый рот. Он в этом и не сомневался ни секунды. В его системе ценностей понятия «отказ от драки» не существовало. Ланья поморщился: в его жизненном укладе очень даже существовало такое понятие; но продолжил:

— Но я видеть не могу, как эти щенки малахольные со своей щенячьей радостью в эту идею вцепились. Повоевать им захотелось.

Ланья презрительно фыркнул, торк в ответ понимающе скривился.

— А самое главное, я не понимаю, откуда у них такая ненависть к Земле? Ведь это их дом, они же почти все оттуда пришли.

— Не скажи,— Тахор поднял палец.— Они не в гости сюда приехали, они все от чего-то да бежали, согласись.

Ирил нехотя кивнул.

— А тут им,— продолжал торк,— предлагают вернуть всё обратно. Все правила, уклад жизни, всё, от чего они и сбежали. Конечно, им очень этого не хочется. Ты только представь: бац — и нет у них Улитарта. Каково, а?

Ланья скривился. Он бы как раз совершенно не расстроился.

— Что тут такого? При чем здесь базы? Да и не дадут Земле здесь развернуться. Старшие Расы на что?

— А я не знаю,— пожал плечами Тахор.— Может, и не получится у них здесь осесть. Но, может, они станут как Мастер Ацекато с остальными. Своими в Пестике станут. А может, и нет...

— Да ну и что? — из чистого принципа (спорить так спорить) уперся Ирил.— Лепесткам страшно — вот пусть они и воюют. Зачем людям-то друг другу горло рвать?

— Ты не путай,— посуровел Тахор,— людей как расу и людей как граждан. Когда Лепестки атаку на Братство начали, вольды не посмотрели, кто там из них торк, кто глемм, а кто аталь. Вломили войскам вторжения по первое число. А Мастер Ацекато, считай, тоже вольд. И против Земли встал не потому, что боится должность свою потерять, а потому, что Пестик защищает. Представь, что будет, если Лепестки с Землей тут войну начнут. Тем более что Земля сама договор нарушила. Он же не предлагает вообще никого сюда не пускать. Пожалуйста: одну базу оставляйте, как договорились. Ну, а уж если против договора пошли, тут уж только на себя пеняйте.

С этой точки зрения Тахора сбить было невозможно. Торки помешаны на понятиях чести, достоинства, честного слова и тому подобном. И договоры они блюдут свято. А тот, кто выходит за рамки, на сочувствие с их стороны права не имеет. Победить в этом споре было невозможно, и Ланья сдал назад:

— Да я, собственно, и не отказываюсь. Мне просто с этими... — он помялся, подыскивая слово,— детьми в бой идти не хочется. Они такого наворочают... Как же, Улитарт идет в атаку.

Он сморщил нос. Тахор усмехнулся.

— Так вот как раз для этого с ними таких как ты и посылают. За штаны хватать.

— А вы? — спохватился Ирил.— Вы тоже с нами?

— Увы,— развел руками торк.— По каким-то соображениям требуются только люди. Ну, это Ацекато виднее.

— А если бы нужно было? — не успокоился Ланья.

— Однозначно пошел бы,— отчеканил Тахор и замолчал, глядя в глаза Ирилу.

Дальше говорить было не о чем, и Ирил повернулся в сторону Улитарта:

— Тогда что, пойдем? Сова тут одну таверну нашла, кормят — пальчики оближешь.

И он преувеличенно бодро затопал вниз по едва заметной тропинке. Тахор несколько мгновений смотрел ему вслед, затем чуть заметно качнул головой, как будто сожалея о чем-то, и двинулся следом.

Глава 15

Таких таверн в Улитарте, наверное, была не одна сотня. Вырубленная в скале, выглядящая маленькой, чуть не крошечной снаружи, внутри стараниями местных умельцев она превращалась в огромный зал, в котором жизнь не замирала ни днем ни ночью. Строители то ли от глеммов набрались искусства работы с пространством, то ли узор какой-нибудь хитрый сюда пристроили, но огромный зал, края которого терялись в полумраке, просто даже по законам геометрии не мог умещаться в этой скале. Она сама таких размеров не была. Однако вот умещался. Впрочем, это занимало входящего только первые несколько минут. Потом становилось не до законов геометрии. Да и не задумывались приходящие сюда о таких мелочах.

В Городе Тысячи Радуг дома готовить было не принято. Ну не то чтобы не принято, просто всем было не до того . Так что таверны в Городе Безумных Магов были не столько помещениями, где принимают пищу, сколько средоточием жизни духа Познания, домами для ничего вокруг не видящих изобретателей, да и просто местами отдохновения, общения и веселого препровождения оставшегося от магических изысканий времени. И поиск новых таверн превратился для молодежи Города Тысячи Радуг в почти культовый спорт. Найти новую таверну было круто. Этим хвастались.

Так что, когда Сова с загадочным лицом сообщила Ланье, что нашла «новое, совершенно потрясающее место», он туда собрался сразу же, без обычных своих капризов. Любовь к вкусной еде — это было единственное, что, по мнению Ланьи, роднило его с «детьми» Улитарта. Таверна называлась «Щит и Меч». Говорят, Мастер Ацекато, когда увидел название, долго смеялся.

Войдя сюда в первый раз, Ланья долго подыскивал себе столик по вкусу. Они тогда с Совой минут пять кружили по залу, выискивая, где бы сесть. Теперь он, уже выступая в роли завсегдатая, уверенно повел Тахора к тому самому столику у дальней стены, за которым они с Совой сидели в тот раз. Полускрытый небольшим выступом, столик был, к счастью, не занят. И Ланья уже решил было приземлиться, как вдруг краем глаза заметил за соседним столиком две знакомые физиономии. Нет, только не это. Уже начав движение, Ирил попытался остановиться, потом решил плюнуть на всё, потом еще решил... В итоге он сумбурно заметался на месте, не зная как поступить. Тахор метаний никогда не одобрял.

— Что случилось? — нахмурился он.

— Да так,— досадливо отмахнулся Ирил, злясь на свою нерешительность.

— Вот эти двое? — Тахор мог угадывать мысли Ланьи хоть по движению лицевых мышц.

— Ну да,— нехотя отозвался Ирил.

— «Приятели»? — поинтересовался торк.

— Почти.

— Случаем не как в Хайаре? — прищурился Тахор.

— Нет, что вы, учитель,— слегка улыбнулся Ирил.

— Кто сильнее? — Тахора, как всегда, в первую очередь волновал физический аспект.

— Да это сейчас вообще неважно,— скривился Ланья. Но, зная, что торк просто так не отстанет — раз задал вопрос, он получит ответ, пояснил: — С теми вообще не сравнить, эти ребята на три головы выше. А в драке, то, вот если прямо тут начать, я, наверное, обоих уделаю. А если дать время подготовиться, они меня.

— Просчитывал? — безмятежно поинтересовался Тахор.

Ирил в душе выругался. Наставник, как всегда, глянул прямо в суть проблемы.

— Да,— признался он.— И если потребуется, то не остановлюсь, хоть тут это категорически запрещено.

— Спасибо,— иронично наклонил голову Тахор.— Я в курсе. И с чего все началось?

— Ариль у нас с ними не совпадает,— хмуро ответил Ланья.

— Понятно,— кротко согласился торк, давая понять, что ни на секунду ему не поверил.

Ирил чуть не зашипел. Он что, стеклянный? Тахор его насквозь видит. Интересно, только он один или еще кто-нибудь? Ланья развил мысль дальше и помрачнел еще больше. Выходило, что вообще все. Он разозлился еще сильнее, а затем еще сильнее, но уже на се-

бя за то, что злится. И еще сильнее, что это всем заметно. И еще... Это могло зайти очень далеко. Ирила спас официант, неслышно материализовавшийся возле их столика. Настолько неслышно, что даже Тахор пропустил его появление и, не привыкший к такому, ощутимо вздрогнул. Смотрелось смешно.

— Чего изволите? — поинтересовался молодой аталь. Явно подмастерье кого-то из грандов, зарабатывающий на учебу. А может, и тренирующийся в каких-то своих узорах, для которых требуется большое скопление народа. Ланья подозрительно покосился на официанта, но решил все-таки не давать воли паранойе.

Делая заказ на двоих, Тахор жестом адресовал официанта к нему, Ирил было отвлекся от темы, но не тут-то было.

— Тебя зовут,— преувеличенно нейтральным тоном сообщил Тахор, когда официант ушел.

— Кто? — не сразу понял Ирил.

— Вон с того столика,— пояснил торк.

Ирил обернулся, уже понимая, кого увидит. Как же, Шатун с Демчи никогда в открытую не демонстрировали свое отношение к нему. А раз так, то при встрече в таверне нет никакой причины не поздороваться. Как это сделал он, например... Р-р-р. Но зарычал Ирил внутри, а снаружи он состроил вежливую полуулыбку и, надеясь, что в полумраке таверны выражения глаз не видно, благо столики стоят довольно далеко друг от друга, вежливо кивнул. И опять повернулся к Тахору, спиной чувствуя сдавленные смешки двух приятелей.

— Не хочешь поделиться? — осторожно спросил Тахор, глазами указывая на соседний столик.

— Да нечем делиться,— зло сорвался Ланья и тут же (Тахор-то здесь ни при чем?) извинился: — Простите, учитель.

— Да пожалуйста,— отмахнулся торк, но выражения лица не изменил. Что на практике означало: давай не тяни, выкладывай.

Ирил вздохнул.

Нет, нельзя сказать, что Улитарт его не принял. Даже наоборот. Все прелести Города Обретенной Надежды Ирил на себе испытал. Он видел ночные фейерверки на улице мастеров Огня. Он гулял по краям обрамляющих Улитарт пропастей, не испытывая ни малейшего страха. Улитарт берег его. Он даже нашел здесь свое Место Памяти, что далеко не всем удавалось сделать.

Гуляя однажды по окраине города, той, что уходит дальше в горы, он наткнулся на обычную горную развилку. Дорога раздваивалась, уводя куда-то вверх и вбок. Прямо на развилке из высочен-

ной скалы, преграждающей путь, росло под углом старое корявое дерево, почему-то все покрытое цветами, хотя цвести ему вроде не полагалось. Ирил замер, хотя сам не понимал почему. Легкий ветер взъершил волосы, принеся с собой океанскую свежесть. Сначала Ирил удивился, откуда бы в горах взяться океанскому бризу, а в следующее мгновение ему стало не до того. Ему говорили, что те, кто понравился Улитарту, иногда могут попадать в какие-то особенные места, где Город Обретенной Надежды воскрешает в памяти разом всё самое замечательное, что у человека когда-либо было. Почему, зачем и для чего это делалось, никто объяснить не мог. Это просто было — и всё. Слушая эти рассказы, Ирил пожимал плечами, не особо прислушиваясь.. А сейчас мир перевернулся.

Вот он ребенком лежит на руках у отца. Мама улыбается. Играют друзья его детства. Сова! Закат на берегу океана... Сотни и тысячи моментов, когда он чувствовал себя счастливым. Запахи, вкусы, чувства, прикосновения, мечты и желания... Все сплеталось в один огромный порыв, подхвативший его и повлекший куда-то. Передать это словами было невозможно.

Когда Ирил проморгался, поняв, что порыв теплого ветра прошел, вокруг нещадно палило полуденное солнце. По идее, ему следовало бы удивиться — секунды назад было утро. Но Ирил не стал удивляться. Бережно лелея внутри отзвук только что пронесшегося счастья, он повернулся в сторону города, низко поклонился, как самому уважаемому человеку, и тихо-тихо прошептал:

— Спасибо.

И легкий-легкий ветерок еще раз коснулся его щеки. Пожалуйста.

Таких моментов в Улитарте у Ланьи было много. Улитарт ему нравился. Нет, не так, он почти полюбил этот город. Но было одно обстоятельство, не позволяющее Ирилу в полной мере насладиться этим чудесным местом. Он тут был не один. Всегда.

Жизнь, которую Ирил вел последний десяток лет, не предполагала наличие вокруг большого количества народа. Ланья привык к тишине, сосредоточенности, самосозерцанию и одиночеству. Тахор с Са-Сефарой были не в счет, они и сами были такими же. С ними можно было просидеть в одной комнате целый день и ни разу не ощутить их присутствия. Ланье это нравилось. Но жизнь — штука длинная и многообразная. Об одиночестве, как физическом, так и духовном, в Городе Безумных Магов можно было только мечтать. Парадокс, но, будучи законченными одиночками по натуре, пришедшие в Улитарт маги всеми силами старались одиночками не остаться. В жизненное пространство Ирила постоянно

вторгались какие-то люди и нелюди. Счастливые или задумчивые, горящие энтузиазмом или озадаченные очередной проблемой, предлагающие куда-то пойти или спрашивающие его мнение по тому или иному вопросу.

Туда. Нет, сюда. Пошли. А что ты думаешь? А знаешь... Там «гавайцы» новый винт придумали, айда. И вся окружающая толпа срывается с места и несется к черту на рога. А потом возвращается и начинает тебя пытать. А ты видел, да? И что? А, так ты не ходил? А почему? Но слышал же, да? Ага, и что думаешь? Были моменты, когда Ланья с трудом удерживался, чтобы не впасть в боевой транс.

И даже встречи с Совой превращались в нескончаемую пытку общения с совершенно незнакомыми людьми. Причем она-то как раз себя чувствовала в этой атмосфере как рыба в воде. А Ирил страдал.

Страдал от того, что приходится общаться с незнакомцами. Страдал от того, что не может вести себя так, как хочется. Страдал от того, что окружающие, привыкшие к такому темпу жизни, соображают гораздо быстрее и эффективнее его. Нет, как боец он мог тут дать фору практически любому. Загвоздка в том, что война здесь не требовалась. Здесь был нужен мир. А вот мир Ланья проигрывал. Этим самым живчикам с горящими глазами, вечно несущимся куда-то обкатывать очередную идею. А еще он потихоньку оставался один. Не тем одиночеством, которого он жаждал, не одиночеством покоя, а тем черным сосущим одиночеством, когда вокруг не остается ни единой живой души, которая тебя может выслушать, понять и остаться рядом, просто помогая идти дальше. Са-Сефара? Тахор? Сова?

Са-Сефара нашла в Братстве нечто, недоступное пониманию Ланьи. Большую часть жизни прожив одиночкой, выкинутой из своего мира, старая торквани неожиданно нашла в Улитарте что-то, что придало ее жизни смысл. Не будучи сильным в теории магии, за время, проведенное в Улитарте, Ирил всё же уразумел, что звание «датой-шаман» означает нечто большее, нежели просто серьезные магические возможности. Датой-шаманы были чем-то средним между теоретиками основ хальер и естествоиспытателями. Они изучали хальер и придумывали новые области ее применения. За какие такие прегрешения Са-Сефару изгнали из Желтого Лепестка, так и осталось тайной, но Ирила как истинного воспитанника Тахора куда больше интересовал другой вопрос: а почему ее не убили? Уж что-что, а основы своей хальер торки охраняли более чем серьезно. Ну, как бы то ни было, а Са-Сефара прижи-

лась в Улитарте и... Не надо было быть предсказателем, чтобы понять, какой прием ожидал теоретика основ магии в средоточии изучения этих самых основ. Количество желающих у нее поучиться превосходило все мыслимые пределы. Времени на спокойную жизнь не оставалось вообще. Но, судя по тому, что видел Ирил, ей оно и не особенно было нужно.

Тахор... Тахор по-прежнему оставался при ней, и этим было все сказано.

Сова? Да, Сова оставалась с ним... Оставалась ли? Ланья всё чаще и чаще задавал себе этот вопрос. Да, они регулярно встречались. Проводили вместе по-прежнему много времени. Большей частью познаний об окружающем его новом мире Ирил был обязан именно ей. Но... Но она все равно уходила. Отдалялась. Она принимала этот новый мир, становилась его частью. И получала от этого огромное удовольствие.

А Ирил не мог. Не вписывался, не успевал, не хотел, не принимал.

И неожиданно обнаружил, что единственным человеком, общение с которым его не обременяет, оказался... гемар Находящих Тооргандо. Такой же молодой боец, как и сам Ланья, Тооргандо, тем не менее, сумел поставить свои навыки на службу этому суматошному городу. Гораздо более легкий в общении, он заводил друзей пачками. Счет безнадежно влюбленных в него девушек шел на десятки. Еще бы, легчайший в общении красавчик, да еще и один из самых известных бойцов Братства. Ирил ему завидовал, но по-бедому. Не «что б ты сдох, зараза удачливая», а «я тоже хочу так уметь». Поучиться — с этим у Ланьи проблем не возникало никогда. Тооргандо, видя натужное стремление Ирила, тут же подхватился помогать, и у Ланьи зарябило в глазах от новых знакомых обоего пола.

Ничего не получилось. Вернее, получилось. Получалось. Но — только физиологически. Изредка. Сова Совой, но он все ж таки живой человек. А в остальном Ирил так и остался бирюк бирюком. Только у Тооргандо и хватало сил на общение с ним, хотя он не оставлял попыток расшевелить все больше замыкающегося в себе Ланью. Шатун с Демчи как раз и были одной из последних попыток.

— Привет,— улыбающийся во весь рот Тооргандо в сопровождении двух приятелей, как чертик из табакерки, выскочил перед прогуливающимися по тенистой вечерней аллее Ирилом и Совой.

— Тор, паразит,— лучезарно улыбнулась Сова.— Вот ты где попался. Кащей тебя уже обыскался.

— Ибо не фиг,— многозначительно поднял вверх палец Тооргандо.— Чтобы целый гемар сломя голову мчался по зову какого-то Кащея? Не бывать этому. Пусть поищет.

— Угу,— кивнула Сова.— Он и ищет. И что-то мне подсказывает, что ваша грядущая встреча не будет легкой. У него весь процесс из-за тебя стоит.

— Ужас,— распахнул глаза Тооргандо.— Но на этот случай у меня найдутся защитники.— Он обернулся через плечо, подмигнул спутникам, потом повернулся к Сове: — Позвольте вам представить надежду Братьев Находящих, восходящих звезд боевой магии Братства,— он широким жестом обвел презентуемых,— Демчи и Шатун.

Оба молодых человека, нимало не смутясь выспренней речью, улыбнулись и поздоровались. Сначала с Совой.

Ланья нахмурился. Он с трудом переваривал горячих парней, которые при виде Совы неизменно делали стойку. Эти двое были явно из таких. Ну что ж, еще одним придется объяснить, чьи в лесу шишки. Не любил он этого... А больше всего его расстроило поведение Совы. Ну ведь ясно же, пытаются заигрывать, распушают хвосты. Подумаешь, редкие в Улитарте боевые маги. Так у нее под боком всегда один из сильнейших бойцов. Нет, Сова поздоровалась как с родными. Путь-то давно пройденный, ничего им не светит, и Ирил и Сова это знали. Тогда к чему эти поощряющие улыбки? Ирила позлить? Настроение Ланьи ухудшалось с каждой секундой.

Тем временем парочка соизволила его заметить. Прежде чем начать вправлять на место мозги, следовало присмотреться, с кем имеешь дело, и Ланья начал присматриваться. Внешне впечатления серьезного бойца не производил ни один, ни второй. Толстенький увалень с аккуратной прической, глазами чуть навыкате, пухлыми ручками. Любая часть его тела спокойно вписывалась в овал. Черты лица исключения не составляли. Нос картошкой, чуть вывернутые губы. Типичное лицо толстячка-добрячка.

И второй к нему в пару. Для контраста. Редкие серые волосы, растущие в разные стороны, близко посаженные остренькие глаза. Узкие плечи, хилые руки и ноги. Если брать облик вообще, как совокупность всех проявлений, то парень, представленный как Демчи, больше всего походил на крысу. Нет, на мышку. Недобрую мышку. И в этом тандеме угроза виделась прежде всего в нем. Но — только «прежде всего». Ланья давным-давно перестал оценивать незнакомцев по первому впечатлению. В отношении мастеров своего дела оно всегда у него оказывалось неправильным. Нет, что

касается личностных отношений, тут первое впечатление работало как часы. Как Ирил человека увидел — так ви́дение и оставалось. А с профессионализмом было сложнее.

— Шатун,— представился толстячок, протягивая руку.

— Ирил,— Ланья охотно за нее схватился. Нет, не обрадовавшись знакомству, а потому, что даже по рукопожатию уже можно много чего сказать о человеке.

Как он и ожидал, уже этот нехитрый тест показал, что парень не такой уж увалень, как представляется. Рукопожатие оказалось крепким и уверенным. Под овальным жирком скрывались тренированные мышцы. Шатун сделал шаг назад, и Ланья поставил себе еще одну заметку: двигался увалень тоже как хороший боец. Плавно и мягко. А если учесть массу тела, то становилось понятно, что в рукопашной легкой победы ждать не стоит. Так, с этим для начала ясно, посмотрим, кто второй.

— Демчи.

А вот тут как раз всё на виду. Ершистый даже на вид, Демчи, похоже, таким и был на самом деле. Вялая рука, в глаза не смотрит, слова цедит нехотя. Мелкий, нетренированный. Значит, с магией всё в порядке. Потому что так демонстрировать свое превосходство, а из мышастого Демчи оно просто сочилось, как сок из перезрелого плода, может либо полный дурак (а Тооргандо не будет таскать за собой подобного кадра), либо на самом деле мастер. В общем, парочка попалась та еще.

«Ну и Твари с ними,— подумал Ланья,— и не таких обламывали». Но снаружи все-таки выдавил улыбку.

— Ирил.

Судя по сузившимся глазам Демчи, улыбка не получилась. Ну извините, чем богаты...

— Прогуляемся? — Тооргандо если чего и понял, то виду не подал.

— С удовольствием,— окончательно испортила вечер Сова.

Вечерние тени Улитарта ложились под ноги, окутывали мягкой успокаивающей дремой. «Все хорошо, все хорошо,— шептали они.— Это ваш вечер, ваш. Завтра будет день, будет новый день. А этот вечер ваш, ваш, ваш...»

— И это все? — недоуменно нахмурился Тахор.

— Это все,— выдавил из себя Ланья. Он так и знал, что Тахор ничего не поймет. Вернее, всё поймет, но истолкует по-своему, вывернет наизнанку, а в итоге выставит его идиотом. Кем, в принципе, он и являлся. И от этого осознания становилось еще горше.

— Ты не кипятись так,— пыхнул трубкой торк.— Я всё понимаю: дальше слово за слово, хвостом вельяна по столу... А в словоблудии ты никогда силен не был. Пара шуточек... И готово. «Лучшие друзья».

У Ирила немного отлегло от сердца. Тахор и вправду понял. Но, как оказалось, рано отлегло.

— И что дальше? — небрежно поинтересовался торк.

Ланья опять подобрался. Небрежно-расслабленный Тахор и пакость — синонимы.

— В смысле — «дальше»?

— В смысле, что ты собираешься с ними делать?

— С ними? Ничего. А что тут можно сделать? — пожал плечами Ирил.

— То есть ты опять собираешься оставить рядом с собой пару недругов? — уточнил наставник.— Я тебе говорил, кстати, что Стрелки нас тогда не только по запаху Совы нашли? Дамадик там рядышком-то постоял, постоял.

— Учитель?..— Ланья ошарашился настолько, что, забыв обо всех своих трениях, развернулся и посмотрел на ненавистный столик. В полумраке сверкнула белозубая улыбка Шатуна.— Вы предлагаете их... Но как же... Ведь Улитарт... Да они ничего такого и не сделали...

— Нет, малыш,— мелко захихикал Тахор.— Ты меня неправильно понял. Я, конечно, торк, и учил тебя драться, но поверь старику: избавляться от недругов можно и никого не убивая.

Ланья перевел дух:

— Хвала Несуществующим. Я было подумал, что всё... А как тогда? — перепрыгнул он со страдания на практический интерес.

— Например, подружиться,— подмигнул наставник.— Не пробовал?

И к ужасу Ирила, он поднялся и направился прямиком к столику, где от души веселились Шатун с Демчи. Оставаться на месте было глупо, и Ланья, повинуясь непреклонному жесту наставника, двинулся следом. День грозил закончиться катастрофой.

— Добрый вечер,— Тахор, как ни в чем не бывало, уселся на свободный стул напротив Демчи.

Ирилу ничего не оставалось, как усесться напротив Шатуна. Чувствовал он себя при этом настолько идиотом, насколько это вообще возможно. Одна рожа Демчи чего стоила. К его удивлению, приятели поднялись и с искренним уважением поприветствовали Тахора. Тот ответил спокойным кивком.

Повисла было пауза, но Тахор пауз не любил. Если уж он шел драться, то дрался.

— Насколько я понимаю,— он попеременно заглянул в глаза обоим,— у вас есть какие-то претензии к моему другу?

Только неимоверным усилием воли Ирил не застонал от унижения. Стыдобища-то какая! Вот хохоту будет: папочка пришел за детку разбираться. Кто погремушку у дитятки отнял? За что, учитель?

Судя по лицу Демчи, именно в таких выражениях всё и будет описано. Причем в ближайшее же время.

— Что вы, уважаемый Тахор,— нейтральным-нейтральным тоном отозвался он.— У нас в принципе не может быть никаких претензий к вашему... подопечному.

Если бы не категорический запрет на убийство в Улитарте и если бы не сам Улитарт, то Демчи прямо тут стал бы покойником. Давно позабытое белое марево замаячило в углах глаз. Как сам-то Тахор это терпит? Торки такого точно не спускают.

Впрочем, Тахор, похоже, и не собирался.

— А мне кажется, что есть,— торк чуть пригнулся и подался вперед, пристально глянув в глаза Демчи.

Получился почти формальный вызов. Столько угрозы оказалось в нехитром движении Тахора. Учитель как всегда одним жестом смог поставить всё на свои места. Ну, парнишка, выбирай. Либо говори, какие претензии, но это чревато: разбираться с таким бойцом — надо посерьезнее подготовку иметь. Либо сдавай назад и убеждай всех (и себя заодно), что все в порядке. Что выберем?

— Да нет, сараси Тахор,— Демчи решил не обострять,— всё на самом деле в порядке. Что мы можем иметь против Ирила?

Демчи оглянулся на Ланью даже с некоторой (диво дивное) неуверенностью. А Тахор молчал. Пауза затягивалась, и Демчи начал даже немного ерзать по стулу. И правда, сидишь себе, хихикаешь с приятелем над тупым букой, который и говорить-то по-человечески не умеет, а тут на тебе... Конфронтация с Тахором Гумануч-он явно в планы вечера не входила. И чего он хочет-то еще?

Секунда, другая, Ирил сам уже начал судорожно стискивать край стола...

— Сараси Тахор,— неожиданно раздался голос Шатуна,— вы одновременно и правы и нет.

Все трое дружно посмотрели на него.

— А что? — широко улыбнулся тот.— Тут и говорить особо не о чем. То, что у нас друг с другом общение не ладится, это и так

видно. А какого-то серьезного конфликта... — он пожал плечами,— так откуда ему взяться? Кто мы такие между собой, чтобы конфликтовать? Я правильно понимаю, ты,— он повернулся к Ирилу,— никак не можешь понять, где мы не сходимся?

Если бы это сказал Демчи, то, наверное, Ирил бы уже полчаса как дрался, а у Шатуна вышло как-то... необидно вовсе, ровно и просто. И вправду, а чего?..

— Ага, и чтобы узнать всё это, одному-то никак не подойти, не спросить,— железом по стеклу вдруг проскрипел обиженный Демчи,— как же...

— Погибни,— жестом осадил нахала Шатун, прежде чем Ланья успел хоть что-то предпринять в отношении здоровья Демчи. И тут же повернулся обратно к Ирилу: — Извини, правда, извини, мы не хотели.— Он смешно сморщился и подергал себя за нос.

— Собственно, вот из-за этого у нас и не складывается контакт. Демчи молчунов терпеть не может, ему они слишком напыщенными кажутся, а ты словами жонглировать не умеешь. Да и не хочешь ломаться под всяких там нахалов. Так?

Ирил открыл рот, посидел немного и закрыл его. А Шатун... прав? Ланья поискал в выражении его лица издевку, не нашел и... расслабился. А правда, чего это он?

— И еще,— Шатун состроил умильную рожу,— ты случайно не подумал, что мы собрались за твоей Совой поухаживать?

Воздух неожиданно камнем встал в горле у Ланьи. Он побагровел.

— Ты это, выдыхай, выдыхай,— замахал руками Шатун.

Ирил от гаммы нахлынувших чувств не знал куда деваться. Ярость, стыд, растерянность...

— Ты правда это подумал? — неожиданно нормальным тоном спросил Демчи. Вся его ершистость куда-то делась.

Шатун развел руками:

— А я тебе говорил.

— Правда? — неверяще повторил Демчи.

— А что тут такого?! — не придумал ничего умнее Ланья.

— Да как тебе сказать,— поскреб затылок Демчи.

Ирил бы давным-давно психанул, но тон и выражение лица Демчи так не соответствовали его всегдашней ернической манере, что невольно задумаешься.

— Да как тебе сказать. В Улитарте разве что Кащей не знает, что к Сове ближе, чем на полметра, не подходи, иначе появится злой Ланья — и вот тогда всем крышка. И то потому, что Кащей, по-моему,— Демчи обменялся с Шатуном мгновенными улыбка-

ми,— вообще плохо представляет, чем женщина от мужчины отличается.

— Физиологически,— хохотнул Шатун.— В плане разума он уже давно всё понял.

Приятели рассмеялись. Секундой позже к ним чуть не против воли присоединился и сам Ирил. У него уже имелся опыт общения с Кащеем. Вернее, его творческой ипостасью, для которой физиологии и вправду не существовало. Тахор ограничился короткой усмешкой.

Жизнь... налаживалась? Откуда-то сбоку вывернулся давешний официант, на подносе которого покачивались четыре кружки пива. Четыре? Ланья покосился на Тахора, тот сделал вид, что ничего не замечает. Тем временем Шатун с благодарным кивком подхватил одну из кружек и поднялся.

— Разрешите представиться,— с улыбкой посмотрел он на Ирила,— Егор Дятьковский, в миру Шатун, Земля, Россия.

— Э-э-э,— только и выдавил Ланья.

— А это,— Шатун повернулся к сидящему приятелю,— Демчи.

Он запнулся:

— Просто Демчи.

— Демчи Сырнава,— набычился тот.

— Вот я и говорю: сыр снова. Пестик, Такатак.

— Ирил Ланья,— принял новые правила игры Ирил. Оказалось, это даже забавно.— Пестик, Хайар.

— Хайар? — удивился Демчи.— Эк тебя занесло.— Он посмотрел на Шатуна и показал тому язык.— А нас теперь больше, вот тебе.

— Зато я умнее,— подбоченился Шатун.

Ирил только и успел подивиться этому «нас», как за столом неожиданно стало тесно.

— Я знал, что вы друг друга полюбите.

Гемар Тоорганд плюхнулся за стол между Шатуном и Демчи, подвинув обоих. Вообще-то, удобнее ему было упасть рядом с Тахором, но он не рискнул.

— Да?

— Да?

Ланья с Демчи отреагировали одновременно. Переглянулись и рассмеялись.

— Вот,— поднял палец Тоорганд,— и я про это. Пива! — громогласно оповестил он окружающих о своих потребностях. Каким-то чудом пиво появилось чуть ли не мгновенно.

— Соратники должны друг друга любить,— возвестил он, поднимая кружку.

— Соратники? — И опять Ирил с Демчи подали голос одновременно.

— Конечно,— Тооргандо поставил ополовиненную кружку на стол и хитро улыбнулся.— Вам ведь вместе драться.

Глава 16

Гулкие шаги постепенно затихали, терялись в сумраке комнаты. Ириглемм Тагаррит обожал это место. Искусство акустиков по мере продвижения превращало звук шагов из гулкого боя колокола в шелест песка. Без единого заклинания, исключительно мастерством рук глеммы создали это помещение. Таких сюрпризов в Резиденции было не счесть. Каждое по праву имело право именоваться чудом всех миров, но Тагаррит любил именно эту комнату. Возможно, потому, что давным-давно именно здесь он получил право именоваться «ири», высшая награда, которую может получить глемм. Сколько времени прошло, а память осталась. Именно здесь под шепот песка шагов торглемма Тагаррита и начался речитатив награждения, превращения, произведения. Триумф гордости. Танатоглемм оповещал весь свой народ, и каждый слышал его, о том, что в Мире Скал появился еще один ири. Но об этом воспоминании Тагаррит и сам думал редко, и другим никогда не говорил. Здесь, в Зале Песка, все чувства и мысли уходили на второй план. Здесь, в Зале Песка принимал подданных Танатоглемм, правитель, которому подвластно всё живое в Мире Скал и Ветра. Этот лепесток Клевера склонялся к его ногам, и во всех Мирах Разумных только двое могли равняться могуществом с ним. Но Владыка Вод и Зелени и Су-Шаман Торквилла почти никогда не выбирались из своих миров, равно как и Танатоглемм. Они и виделись вживую всего три раза. На торжествах вхождения во власть самого Танатоглемма, инициации Су-Шамана и подписании Договора Умиротворения Огненного Лепестка. Владыка Зеленого Лепестка первым из всех взошел на престол и, по протоколу Миров Клевера, считался старшим. Пиетета в отношении к нему это, правда, не добавляло. На всех ментовстречах каждый из владык держался максимально независимо и гордо. Давние обиды не тускнели и через несколько тысяч лет. Аталь не простили глеммам суверенитета, а наглые торки, мечом и кровью (мечом своим, а кровью врагов) доказавшие свою власть над Синим Лепестком, вообще, по мнению

двух Старших Рас, не были достойны уважения как выскочки и варвары. О том, что в мирах Клевера они все, по сути, являлись незваными гостями, как-то не вспоминалось. Еще бы вспоминалось — так можно договориться до того, что гордое звание «Первые», которые аталь использовали почти во всех официальных титулах, придется отдать людям. А какие они «первые» — недоделки, с одним лепестком разобраться не могут. Про Братство Магов Земли в Пестике опять же вспоминать не принято. Тут разговор особый.

— Тано,— называть так повелителя — привилегия ири,— я пришел на зов.

— Еще бы ты не пришел,— хмыкнул Владыка,— я тоже рад тебя видеть.

Со стороны могло показаться, что Владыка пребывает в игривом настроении, но Тагаррит знал, такие прорывы в самообладании Танатоглемм допускает очень редко и только с приближенными ири.

— Садись,— напротив стола появилось кресло. Глеммы, живущие в рукотворных пещерах, чрезвычайно ценят пространство, поэтому даже в Резиденции Танато внутреннее убранство подчиняется общим законам. Хотя в данном случае это было лишь данью традиции и старанию мастеров. Каждый мастер, приглашенный в Резиденцию для выполнения каких-либо работ, считал это приглашение важнейшим событием в жизни и вершиной своей деятельности. Поэтому к своей работе он подходил с максимальным вниманием и старался оставить после себя нечто незабываемое. А поскольку средних мастеров здесь попросту никогда не бывало, то каждая комната, коридор, зал или даже дверь — каждая часть резиденции являлась истинным шедевром и несла в себе помимо отпечатка мастерства еще какие-нибудь штрихи, деланные от души, фирменные знаки. Так, выдвигающиеся из стен и пола предметы мебели были нормой в домах глеммов, но у Танато не может быть рядовой мебели, и вместо механизмов, выдвигающих обычные кресла или столы в определенных местах, мастера обычно сделали нечто особенное. Высочайшее мастерство вкупе с хальер создало шедевр. По мысленному усилию Владыки в любом месте пола создавался любой из предметов мебели. К примеру, Владыка, сидя на табурете (если, конечно, можно представить Танатоглемма на табурете), через мгновение по желанию мог оказаться в роскошном кресле или на скромной кровати. Сейчас Владыка восседал на троне. Трон как предмет интерьера присутствовал во всех наборах мебели во всех помещениях Резиденции. Где бы ни находился пра-

витель, он в любой момент для придания соответствующего оттенка разговору мог сесть на трон. Эти троны везде материализовались, и только в Тронном Зале стоял цельный легендарный Трон Танатоглемма. Он путешествовал с ними везде, во всех временах и измерениях, куда заносило гордых каменщиков. Трон являлся символом глеммов. Если он и был младше самой расы, то ненамного. Во всех помещениях использовались практически точные копии Трона, за исключением одной-двух деталей, чтобы не совершать кощунственных действий над реликвией. Сейчас Танато сидел как раз на одной из копий.

— Садись, разговор будет долгий и не очень приятный,— Владыка потер подбородок.— Ты знаешь, откуда мы пришли, ты знаешь, мой ири, почему мы пришли сюда, в Мир Клевера, ты знаешь, как мы пришли.

Это было констатацией и не требовало подтверждения, но Тагаррит счел необходимым сказать:

— Да, Тано, мне это известно.

— И мы закрыли за собой Дверь, мы очень хорошо ее закрыли. Цену ты тоже помнишь.

Кивок. Ири еще при первых словах не понравился тон, которым начал разговор Владыка. Теперь же его слегка начало потряхивать. Танато заметил это, но не счел нужным успокоить Тагаррита. Это только добавило напряжения.

— Дверь мы закрыли, но не уничтожили. Стебель по-прежнему теоретически проходим.

Потряхивание Тагаррита начало перерастать в отвратительное чувство — не страх, нет, ириглемм по определению не может бояться, все чувства его принадлежат Танатоглемму, и бояться он будет только по приказу, но ощущение приближающегося землетрясения прочно обосновалось в голове у Тагаррита.

— Нет, Таго,— Владыка решил все-таки не испытывать лишний раз своего раба. (При получении титула ири глеммы отказывались от всего, что имели, и добровольно объявляли себя рабами Танато. Теоретически никто этого не требовал, но традиция обязывала, тем более что по сути это ничего не меняло ни в ту ни в другую сторону.)

— Нет, Таго, Дверь не открывается, даже не думает. Замок цел и по-прежнему не работает. Но он всё же называется замком,— Танато сделал паузу.— Этот вопрос никогда не привлекал твоего, да и вообще чьего бы то ни было внимания, просто потому, что он его и не требовал. Ты же не задаешься вопросом, почему день сменяет ночь, почему воздухом дышим, а вода мокрая. Так и здесь.

Дверь и замок есть, и это просто явление. Ты знаешь, что, уходя, мы сделали всё, чтобы Дверь никогда не открылась. Но и превратить ее в Стену мы не можем,— Владыка поднял глаза на ири.— Ты можешь спросить: «А как же торки?».

Тагаррит не очень понимал, зачем Танато повторяет общеизвестные вещи, но не его дело было спорить. Повторяет, значит, надо. Будем слушать и принимать к сведению.

— Торки? — послушно спросил он.

— Торки,— Владыка вспомнил давно минувшие дела и нехорошо ухмыльнулся.— Вот чего ты не знаешь, так это то, что торков мы пустили сами.

— ?!...

Учитывая неприязнь Старших Рас к торкам и количество проблем, возникших с их появлением, заявление о том, что торков добровольно пустили в Миры Клевера, звучало, мягко говоря, странно.

— Ничего странного,— Танато еще раз ухмыльнулся, на этот раз грустно.— Тяжело признаваться, но тогда торки не оставили нам выбора. Они наглядно показали, как можно сломать Дверь, и вежливо, действительно вежливо, попросили впустить их тоже. Создавать Дверь во второй раз, учитывая, что работать пришлось бы изнутри,— нет, это возможно, но обошлось бы так дорого, что торков действительно проще было впустить. Тем более что Желтый Лепесток всё равно пустовал. Предвосхищая твой следующий вопрос, отвечаю: «Нет».

— Что «нет», Тано? — уже спрашивая, ири сформулировал вопрос, на который Владыка дал ответ.

— «Нет» значит: никто более не сможет пройти этим путем. Во-первых, Они все еще за Дверью, а во-вторых, торки заплатили такую цену, которую не в состоянии заплатить больше никто. А сейчас и они не смогут. Больше нечем платить. И в третьих... Это, собственно, и есть суть сегодняшнего разговора. Как тебе известно, после прихода торков мы, как бы это выразить попроще... Э-э-э, сломали замок и уничтожили ключ, так, наверное. Дверь стала неоткрываемой даже в теории. И теперь складывается следующая ситуация: сломать Дверь Они не могут, для того она и существует, а подпустить кого-либо они к ней не подпустят, естественно, проход торков был уникален. Мы, понятное дело, тоже не собираемся открывать или ломать ее. Но... — Владыка сделал паузу и посмотрел на Тагаррита. Тот совершенно не собирался вести себя как юнец и задавать дурацкие вопросы типа «а до конца ли уничтожен ключ», «можно ли его воссоздать» и прочую ерунду.

Он, судя по всему, для того сюда и вызван, чтобы узнать, кто и что в данной ситуации может предпринять. Танатоглемм удовлетворенно кивнул:

— Молодец,— ири при этом пожал плечами,— напрасно ты думаешь, что такая выдержка присуща всем ири. При всей нашей серьезности, мы, глеммы, любопытны как дети. Может, потому мы до сих пор и существуем, занимая то место, которое занимаем. Практически все твои коллеги уже бы обрасспрашивались. Это действительно так.

Тагаррит представил себе ири Саташа или Сираррила, подпрыгивающих на стульях и выспрашивающих у Владыки подробности, и против воли хмыкнул, сумев превратить, правда, хмыканье в кашель. Танато всё понял правильно.

— Я рад, что тебе стало весело.

Тагаррит подобрался.

— Ибо то, что я сейчас сообщу, сможет испортить тебе настроение надолго, может быть на всю жизнь. Мне, например, портит.

Ириглемм Тагаррит любил государственные тайны. Не из извращенного любопытства и не из тщеславия. Знание помогало лучше ориентироваться и давало значительные преимущества. Но эта тайна, чувствовалось, из разряда тех, которые лучше не знать.

— Так вот, возвращаясь к Двери, Замку и Ключу... Я уже говорил, да ты и сам это знаешь, Замок мы запечатали, качественно запечатали, но пока он существует, его можно открыть. В теории,— Танатоглемм положил обе руки на стол и оперся на них,— эту теорию на практике никто не проверял, что очевидно. И не собирался. Однако сейчас происходят странные вещи. Стена Вероятностей выдает нечто невообразимое. Нет, Дверь стоит, Замок по-прежнему запечатан, но аналитики рассчитали, что кто-то начал поиск компонентов, при помощи которых можно его распечатать. Мастера прогнозов называют три компонента: Карта, Малый Ключ и Рычаг. Детали просмотришь в отчете, сейчас не до частностей. Скажу сразу, мы не знаем, что это за компоненты, информацию сняли со Стены, остальные вероятности рассчитаны по легендам, историческим аналогиям и через предсказателей. Точной информацией не обладает никто. Ни мы, ни торки, ни аталь даже гипотетически не способны восстановить замок. С таким расчетом и запечатывали. Что это за Карта, Малый Ключ и Рычаг, никто не представляет. Но что-то происходит. Это точно. Если бы речь шла о чем-нибудь другом, то я бы, наверное, предпочел подождать, а не формулировать тебе задание: «добудь неизвестно что неизвестно у кого», но речь идет о существовании Клевера вообще. Если

идет. На данный момент я нахожусь в самом неприятном состоянии: я не понимаю ни-че-го из происходящего, потому что у меня нет ни-ка-кой информации. И ты мне эту информацию добудешь. Я на тебя очень надеюсь, мой ири. Итак...

«Я, Танатоглемм, жду от тебя, ириглемм Тагаррит Тельташ Гортри, что ты найдешь того, кто ищет компоненты для восстановления заклинания „Замок" на Двери Стебля, воспрепятствуешь ему, захватишь живым или мертвым и доставишь в Мир Скал и Ветра, в Резиденцию Танатоглемма. Сказано 3-го числа месяца Звезд 38342 от Перехода».

На стол невесомо лег появившийся из воздуха тончайший лист, выточенный из куска гранита. Несмотря на новейшие технологии, позволяющие поместить в кристаллических материалах огромное количество информации, все официальные указы Владыки, передаваемые ири, запечатлевались исключительно на подобных листах. И в Кладовых Хранилища Мудрости можно увидеть и потрогать все приказы Танатоглеммов своим ири. Благо их не так много. Как правило, ири справляются с возникающими проблемами самостоятельно, Танатоглеммы же призывают их довольно редко. Сейчас, понятно, был именно такой случай.

— «Я, Танатоглемм, даю Ириглемму Тагарриту Тельташ Гортри полномочия Партанато. Впредь и до указа, отменяющего данный, Ириглемм Тагаррит Тельташ Гортри именуется Партанато Тагаррит. Сказано 3-го числа месяца Звезд 38342 от Перехода».

Еще один лист лег перед Владыкой. Танато сделал разрешающее движение, и листы исчезли. Хранилище Мудрости приняло еще две бесценные мысли Танатоглемма.

Мысли Тагаррита понеслись вскачь. Партанато. Это неограниченные возможности. Единственное, чего не может делать Партанато,— это отменять указы Танатоглемма. Но и тот не может просто так отменить приказы Партанато. Пережив нахлынувшие эмоции, Тагаррит припомнил всё, что сказал Владыка, и крепко задумался. Два указа, два, не один. Танато мудр. Очень стар, очень хитер и очень мудр. Два указа один за другим. Два. Не один.

— Вопросы? — Голос Владыки вырвал Тагаррита из бестолковой круговерти внезапно нахлынувших мыслей.

— Тано, вопросов будет много, очень много, но, с вашего позволения, я задам их чуть позже. Сейчас я просто не готов формулировать правильные вопросы. Но два момента хотелось бы прояснить уже сейчас. Первое — почему два указа? И второе — кто вышел на охоту за артефактами? Против кого будем работать?

— Почему два? Почему два,— задумчиво повторил Владыка.— Да, давно у глемендилов не было Партананто. Ведь уже и не вспомнят, как, кто, когда и на сколько его назначает. Все видят только власть и поставленные задачи, а это не так. Почему два? — в третий раз повторил Танатоглемм.— Да потому, что, если объединить их в один указ, то полномочия Партанато распространятся только на то, что непосредственно связано с поручением. И если ты, к примеру, захочешь в ходе разработки выяснить финансовую состоятельность Гранитной Юнии, то Теугин-сда-Вент как глава дома просто откажет тебе в содействии, так это назовем. Ты, конечно, придешь ко мне, и я его вразумлю, но отношения уже будут безнадежно испорчены, он будет косо смотреть на наглого выскочку, и ты не простишь ему неуважения и попытки поставить тебя на место — это раз. И два: я не хочу каждый раз доказывать, что назначенный мной Партанато — это именно та должность и та персона, которую я хочу видеть в сложившейся ситуации, а не пышный титул порученца по делам, которые я не могу курировать лично. Здесь еще возникнет очень много вопросов, слишком многим придется напомнить, что представляет собой институт партанато и до каких пределов простирается власть Танатоглемма, но об этом позже. Для начала найди мне этих сумасшедших. Доклады — каждые четыре часа. Я допускаю тебя в Резиденцию в любое время, в любое.

Тагаррит мысленно присвистнул: такой привилегии в Мире Скал не было ни у кого. Потом крепко задумался, как отреагируют остальные ири, да и не ири тоже — на такое возвышение его, Тагаррита, и резко поскучнел.

— Я вижу, тебя уже начали занимать вопросы взаимоотношения с иритетом. Это правильно,— Танато пристально смотрел на ири,— тебе придется пройти длинный и непростой путь, Таго. Мне самому очень интересно, что из этого получится.— Владыка помолчал.— А что касается второго вопроса, то ты и сам все понял. Что, хочется, чтобы я это сказал?

Ири кивнул.

— Люди,— взгляд Владыки ушел в никуда, рука стала искать воображаемое горло,— проклятие Клевера, ошибка Несуществующих. Никому, никому из Старших Рас не может даже прийти в голову, что можно производить какие-либо манипуляции с Дверью. И только эти дебилы могли захотеть использовать ТАКУЮ возможность. Иногда я сожалею, что согласился не трогать Огненный Лепесток.

— Братство?

— Недостаточно информации. Не исключено, что Братство, но именно и только не исключено. Хотя мне было бы в десять раз спокойнее, если бы я был уверен, что это они. Эти хотя бы приблизительно знают, что скрывается за Дверью. Но именно поэтому я полагаю, что след поведет на Землю. Люди всё еще дети. Глупые, жестокие, не задумывающиеся о будущем, невежественные дети. Было крайне неосмотрительно оставлять их в покое.

— Мне трудно назвать нынешнее положение вещей «оставить в покое»,— Тагаррит осмелился возразить, а заодно проверить, как далеко на деле простираются его полномочия. Партанато как-никак.

Владыка бросил острый взгляд: он как всегда все понял.

— После очищения Зеленого Лепестка предлагались разные варианты. Да, развитие вторжения тогда обошлось бы намного дороже, но... — он задумчиво нахмурился.— Сколько вопросов сейчас было бы гораздо проще решить.

— Тано, а что аталь и торки?

— Я отправил им официальное предупреждение. Такую информацию, как ты понимаешь, не стоит держать в секрете. Предварительно я переговорил с Зеленым Принцем и Су-Шаманом. Они также создают спецкомиссии. Открытость полнейшая, по этому конкретному вопросу, разумеется. Содействие всестороннее. В общем, любовь и гармония. И только попробуй выказать что-либо неподобающее. Максимальное сотрудничество, ты меня понял? Максимальное!

Тагаррит закашлялся, пытаясь сдержать совершенно не подобающие здесь проклятия.

— Юхнан,— выдохнул он, догадавшись.— Несуществующие, за что мне это? Неколебимейший...

— С чего это ты вдруг ко мне по этикету обращаешься? — Танатоглемм хитро и жестко усмехнулся.— Тебя что-то не устраивает?

— С тех самых пор, как вы решили, что я вам больше не нужен, Мудрейший, и ваш раб Тагаррит достоин худшей участи. Моя жизнь в Вашей ладони, Владыка Скал и Ветра.

Невзирая на раболепный тон, терпение и почтительность Тагаррита улетучивались на глазах.

— Вы всерьез полагаете, что в компании с этим уродом я смогу сделать хоть что-то?

Упала тишина. Только песок продолжал свое шествие по комнате. Тагаррит, как всегда, поздно понял, что его занесло. В очередной раз.

А потом с трона грянуло:

— Всерьез! — Исчез Таго, исчез мудрый, добрый, покровительствующий неугомонному ири дядюшка. На Троне Танатов сидел Танатоглемм в своем истинном обличье. Владыка Серого Лепестка и Предлистий, Горн и Молот, Земной Гром и Сохраняющий Твердь.— Всерьез! Чьему слову ты перечишь, раб?

Ири рухнул на пол. При плохих звездах отсюда вполне можно уйти без головы.

— Всерьез! Здесь только я решаю, кто и чем будет заниматься! И если я решил, что этим делом займется ири, самый неуживчивый, непочтительный ири со склочным характером, осмеливающийся идти против моего слова,— лежащий ничком Тагаррит завертел головой, всячески показывая, что нет, не осмеливающийся,— то он будет этим заниматься. Работая с тем, с кем Я скажу. И так, как Я скажу. Даже если после этого мне придется остаться без одного ири.

Угроза была нешуточная, и Тагаррит еще раз ткнулся лбом в пол, выражая максимальную преданность и готовность ко всему на свете.

— Ты меня понял?

Не отрывая лба от пола, Тагаррит кивнул.

— Встань.

Всё так же лежа ничком, ири завертел головой, мол, нет, не встану.

— Встань,— гнев в голосе Танато еще был, но он уходил на глазах, сменяясь смехом.— Ну почему самый исполнительный и усердный из всего иритета обладает таким сволочным характером?

Вопрос, адресованный в воздух, уже ясно показывал, что всё — пронесло. Опять. Однако ири продолжал лежать и молчать. Владыке нужно дать выговориться.

— Сколько раз ты лежал на этом месте? Ни один ири не пытался пробить здесь дырку в полу так усердно, как ты. Не надоело? Встань.

Вот теперь можно было вставать.

— Ни один ири и не приносил Неколебимейшему столько результатов, сколько его верный раб,— неугомонно-склочная натура не дала Тагарриту промолчать, хотя и пришлось облечь слова в самую почтительную форму.

— Наверно, поэтому ты до сих пор и жив,— ири поежился.— Этим вопросом будут заниматься те, кто гарантированно даст положительный результат. К сожалению, зачастую у таких профессионалов очень скверный характер, ты не находишь, Таго?

Новоиспеченный Партанато кивнул. А что здесь скажешь?

— Так вот, от каждой расы будут именно такие профессионалы, в компании которых мы получим то, что хотим. Тебе всё ясно? — В голосе Танатоглемма лязгнул недавний гнев.

Тагаррит опять кивнул. В течение ближайших пятнадцати минут это будет самое правильное движение.

— Так вот, самые-самые, значит, самые-самые. А Юхнан Непобедимый именно таким и является. Не так ли?

Издевки в голосе Танато хватало. А что тут скажешь? Сказать нечего. За долгую карьеру Тагаррита нечасто сажали в лужу, но Юхнан, когда аталь случалось переведываться с торками, умудрялся делать это чаще других. Причем в последнее время он научился делать это изящно и издевательски. Тагаррит, правда, тоже в долгу не оставался, поэтому отношения двух вельмож были, мягко говоря, прохладными. Но профессионалом Юхнан был действительно высочайшим, это верно. Пришлось снова кивать.

— Я очень надеюсь на вашу тройку, не подведи меня, Таго,— Танато явно заканчивал разговор, но один вопрос, появившийся только что, не дал Тагарриту просто так раскланяться.

— Владыка, а кто будет курировать процесс со стороны аталь?

Задавая вопрос, Тагаррит уже начал чувствовать некоторую неуютность в нижнем отделе позвоночника, где-то в районе копчика.

— А сам ты как думаешь?

Ири вздохнул:

— В качестве Партанато я, конечно, смогу вынести общение с Лесным Зверем, но никак не более трех дней.

— Нет, ну что ты, Таго, такого подвига от тебя никто не потребует.

Ох как не понравился Тагарриту тон Владыки. Такое впечатление, что он пытается взять реванш за все непочтительное поведение, которое позволял себе строптивый ири.

— Халь Ветви Лесных Троп в этом развлечении принимать участие не будут.

Ощущение нехорошести пошло вниз и вглубь, причем теперь к нему добавилось искреннее недоумение.

— А кто же тогда?

— Ну сам подумай, кто может от аталь вести дело, связанное со стратегически опасной деятельностью людей?

Откровенно говоря, богатое воображение и огромный опыт в данном конкретном случае Тагарриту отказывали.

— Не сам же Сандель?

— Именно.

Тагаррит не то чтобы дар речи потерял, просто не мог произнести ни слова. Владыка тоже молчал, но его глаза говорили яснее ясного: «Ни слова, ни звука, не вздумай даже пискнуть неподобающе». Но после свалившейся на него проблемы, да еще с добавлением перспективы работать с Юхнаном как с партнером, Тагарриту любое море было уже где-то по щиколотку. Через пару минут, справившись с горлом, Тагаррит выдавил:

— Мудрейший, простите, но он же умалишенный.

Танатоглемм искренне рассмеялся:

— Не драматизируй, Таго. Принц Лианы не так уж плох. Он настоящий профессионал, а его кликушество не более чем маска.

— Ксенофобия тоже маска? Геноцид людей — это была его идея. А карательные экспедиции в Звездных Горах? А «Бремя Воздаяния» в Торквинии? Да он руководил всеми самыми кровавыми акциями в мирах Клевера. Вы всерьез рассчитываете на успех операции в такой компании?

— Ты уже задавал этот вопрос,— голос Танатоглемма трудно было назвать теплым. Тагаррит поежился.— Мы много думали, рассматривали разные варианты. Очень долго обсуждали возможный состав Координационного Совета. Этот вариант признан оптимальным. Кстати, еще никто официально не назначен. Ты первый. На этом — всё. Постарайся побыстрее пройти официальные церемонии вступления в ранг Партанато — и приступай. В свою команду можешь пригласить любого за исключением тех, кто служит Резиденции.

И, прежде чем Тагаррит успел вставить что-нибудь язвительное, взмахом руки отпустил Партанато.

— Вся аналитическая и справочная информация, необходимая на данный момент,— в Секретариате.

За дверями Зала Песка Партанато Тагаррит запустил руку в идеально уложенную прическу и совершенно не подобающим этикету образом яростно взлохматил волосы. Юхнан и Сандель, Дверь и люди... Всё это очень плохо укладывалось в голове.

Недавно ставший почти вторым лицом в государстве ири мучительно пытался понять: то, что сейчас произошло, — это благословение или проклятие?

— Грязные животные! Зря Зеленый Принц не поддержал меня, когда я предлагал уничтожить эту ошибку природы. Я предупреждал, что этим кончится. Карательный Корпус решил бы этот вопрос раз и навсегда.

Принц Лианы зол-италь Сандель ругался как грузчик. Видеть чопорного аристократичного вельможу в таком состоянии было очень странно, но серкетер Принца Лианы тен-таль Каллимо видел и не такое. Было и безудержное веселье побед, и злые слезы поражений, и молчаливая скорбь потери друзей. Сегодняшнее состояние классифицировалось как: «Опять вытаскивать этих недостойных из ямы для отходов». Это в приличных выражениях. В оригинале звучало несколько иначе, но зол-италь не подобает терять лицо в присутствии посторонних. Каллимо посторонним назвать было трудно, поэтому ему приходилось честно выслушивать шипение спускаемого пара и делать при этом соответствующее лицо.

— Мой принц, осмелюсь напомнить, что Зеленый Принц был склонен согласиться с вашей точкой зрения. К сожалению, мнение Ополчения Листьев было невозможно проигнорировать.

— Люди,— Сандель плюнул бы, но на чистый пол было жалко, а таль всегда очень болезненно относились к вопросам гигиены. Пришлось воздержаться, что не добавило расположения духа.— Я, Каллимо, имел в виду не времена Похода Покорности, а то, что было несколько раньше. Заразу надо было давить в зародыше. Этот их «Рим» должен был стать концом, а не началом.

Серкетер навострил уши. Про позицию Санделя времен кризиса Римской империи он слышал впервые.

— Нечего прислушиваться,— раздраженно махнул рукой Принц,— тогда всё кончилось разговором один на один. Идея не прошла. Я, правда, сейчас напомнил Повелителю... — ехидная усмешка мелькнула и пропала.

Ну, тогда да, тогда понятно. Каллимо понимающе хмыкнул и поудобнее устроился в кресле. Слушать придется еще долго. Еще бы, как мог гордый Принц Лианы не ткнуть носом повелителя Зеленого Лепестка в допущенную ошибку и не напомнить о том, что к его словам нужно прислушиваться. А повелители — они такие, они почему-то не очень любят, когда их носом тыкают. Тем более в ошибки. Что именно высказал Зеленый Принц наглому подданному, по мнению Каллимо, даже загадкой не являлось. Но об этом лучше помолчать. Добрая половина сегодняшнего раздражения — оттуда.

— И меня — меня! — отправляют разгребать это миеле (дерьмо на аталите) в компании с этими животными.

— Ну, это-то как раз обоснованно,— Каллимо позволил себе замечание,— несмотря на, хм, некоторую, скажем так, сложность

вашего характера, мой принц, никто в Ветках и Листьях не сможет это сделать лучше.

Комплимент был сомнительный, но Каллимо мог себе позволить некоторую фривольность в отношении с хаталин (хозяином). Все-таки правая рука, нога, полушарие мозга и т. д. и т. п. имеет право высказывать, что думает. Иногда.

Сандель смягчился:

— Действительно лучше меня не сделает никто,— он покосился на слугу.— Не надо иронизировать, это не мания величия, в данном случае жесткость просто необходима. Слишком серьезен вопрос.— Тут его опять вскинуло: — Но с этими варварами!..

Аталь так и не избавились от старых взглядов на некоторые вещи. Несмотря на то что суверенитет глеммов давным-давно завоеван, оплачен кровью и доказан, а торки — вообще отдельная раса, силой доказавшая свое право на существование, аталь по-прежнему считали себя Старшей Расой, которой положено доминировать в Клевере. Люди же вообще почитались чем-то вроде насекомых. Поэтому любое сравнение халиона с иритетом или сараситом считалось чуть ли не оскорблением.

— Осмелюсь напомнить,— приведение сухих фактов всегда действовало на хаталина успокаивающе, и Каллимо это знал,— Тагаррит возведен в ранг Партанато. Оттуда шаг до Иританато (наследник престола в Глеммдале). Так что глеммы ясно дали понять значимость для них данного вопроса. У торков же вообще, кто сильнее, тот и прав. И прозвище Непобедимый досталось Юхнану не просто так. Он является одной из самых значимых фигур Торквинии. Просто он в политику не лезет, неинтересно ему. Пока. Так что данной проблемой будут заниматься одни из наиболее значимых персон Клевера.

— Избавь меня от лести, Каллимо,— принц раздраженно отмахнулся, но было видно, что с этой точки зрения открывается все же более привлекательный вид. Сандель немного успокоился:

— Итак, что у нас есть по проблеме?

— Установлено,— Каллимо начал излагать исходные данные,— проведение неизвестными особями исследования явления Двери и Замка. Определение ключевых моментов, позволяющих... Вероятнее всего позволяющих,— поправился серкетер,— восстановить механизм действия узора открытия и закрытия Двери. По данным моментам есть только названия и то приблизительные: Карта, Малый Ключ, Рычаг. Данных о том, что это такое, нет. Данных о том, кто исследовал, нет. Данных о принципах восстановления механизма нет. Информация пришла из трех источников: на-

ша группа аналитиков Озерного Берега, операционная команда Стены Вероятностей глеммов и группа обработки Духовной Информации Шаманерии торков. Каждый из источников дает практически идентичную информацию.

— Другими словами, мы знаем, что кто-то что-то делал в направлении изучения механизма Двери, но не знаем больше ничего. Замечательно. Идеи?

— Кто, в принципе, понятно,— Каллимо задумчиво почесал кончик носа,— Старшие Расы не рассматриваются ввиду абсолютного идиотизма предположения. Ни одному представителю рас Пришедших не придет в голову даже подойти к Двери. Я уже не говорю о том, чтобы придумать, как распечатать Замок. Остаются ваши любимые люди.

— Они не мои и не любимые,— скривился Принц Лианы.— И тут как раз ничего не понятно. Этим могут равно заниматься и государства Огненного Лепестка, и Братство, и какой-нибудь тайный орден в Огненном Лепестке. А это — три принципиально разные вещи. Ключевой вопрос здесь — зачем им это надо? Какие дивиденды, как выражаются братья наши меньшие, глеммы, они с этого будут иметь?

— Выгодно это прежде всего земным государствам. Затем идут одиночки. Братство на последнем месте. Если они исследовали Дверь и узнали, как и для чего она создавалась, то они однозначно должны понимать, что будут первыми, по кому этот эксперимент и ударит.

— О-о, вот тут ты не прав, Каллимо, ох как неправ.— Сандель покачал пальцем у себя перед носом.— Заметь, в сообщениях говорится, что кто-то пытается открыть Дверь. Открыть, понимаешь? Не уничтожить, впустив в Клевер ужас Ататидов, а получить контроль над входом. Как думаешь, пригодится Братству такой козырь в общении со Старшими Расами?

Каллимо задумался. Принц Лианы терпеливо ждал, давая возможность помощнику тщательно всё обдумать. Эмоции уже кончились, теперь начиналась работа. Зол-италь Санделя, при всей его нетерпимости никто не мог обвинить в небрежности или лени. Получив задачу, он принимался за ее исполнение в ту же секунду. Тем временем Каллимо обдумал тезис до конца.

— Я думаю, что нет,— покачал головой он.— Это знание, как бы выразиться точнее, слишком тяжело для Братства. Затраты на решение колоссальны, а в итоге они получают всего лишь призрачную надежду умереть вместе со всеми. Мало того, они должны понимать, что обладание такой информацией перемещает их в пер-

вый список персон, которых все три правителя Клевера желали бы видеть мертвыми. Они еле-еле получили разрешение на существование, а тут — опять вступать в противостояние со всем Клевером? Единственным аргументом в пользу вашей позиции может служить чья-то личная ненависть ко всем Старшим Расам, но... — он сморщил нос,— я не очень в это верю. Я общался с тем, кто называет себя Мастером Ацекато, вы помните тот случай, хаталин,— Сандель кивнул, подтверждая.— И я не верю, что он пойдет на этот безумный шаг. А если вернуться к вопросу расходов, необходимых для реализации этой затеи, то кандидатуры одиночек или тайных орденов, действующих на свой страх и риск, тоже не представляются сколько-нибудь реальными.

— То есть ты хочешь сказать, что... — задумчиво протянул Принц Лианы.

— Это только первые мысли,— поспешил поправиться Каллимо.

— Но достаточно здравые,— так же задумчиво кивнул в такт собственным мыслям Сандель.— Действительно, остается Огненный Лепесток. Тем более что их нынешнее положение завидным не назовешь.

— И они в массовом порядке начинают открывать в Пестике свои базы,— уточнил Каллимо.— Несмотря на предупреждение. На мой взгляд, более чем жесткое.

— Входя тем самым в противоречие с обещаниями твоего любимого Братства.

— Моего любимого? — притворно изумился Каллимо.

— Именно,— Принц Лианы принял какое-то решение и вернулся к своему раздражению. Теперь он мог себе его позволить.— Договорись-ка о встрече с этими животными. Лучше прямо на завтра.

— С какими именно? — уточнил Каллимо.

— Очень смешно,— скривился Сандель.— С обоими. Скажи, есть новости.

Глава 17

— Что-то здесь не сходится, Семен.

Дон Антонио, вопреки обыкновению, не зашел к Мастеру Ацекато как положено главе Служб — в рабочее время, заранее договорившись,— а заглянул вечером, в резиденцию. Тихонько так, просто дошла попить со старым приятелем. Огромный парк, распо-

ложенный почти в самом центре Ацета, благоухал ароматами вечерних цветов. Тихий вечер, через который неторопливо шел Сибейра, успокаивал и убаюкивал. Каждый шаг по слегка шуршащему песку приносил отдохновение. Взгляд, скользящий по плавным линиям подстриженных деревьев (Точилинов настоял, чтобы в его парке были только растения с Земли), ничто не раздражало. Ни одного острого угла, никакой несоразмерности. Умиротворение. Любой входящий в парк через несколько минут начинал дышать ровнее, спокойнее. Может, конечно, и дизайнеры постарались, но дон Антонио скорее поставил бы на магию. Так, пара-тройка узорчиков. В любой другой день он и внимания на это не обратил бы, как не обращал до сих пор. Но не сегодня. Предстоящий разговор обещал быть каким угодно, только не приятельским.

Мастер Ацекато принял гостя сидя в кресле. Он как будто ждал этого визита. Как и парк, вечерняя гостиная тоже старалась успокоить, умиротворить, расслабить. По потолку струился закат, переходящий в мерцание звезд, уже занимающих свои места на небосклоне. Стены просторной комнаты терялись в наступающих сумерках. Сибейра против воли присмотрелся: где-то далеко проступали очертания погружающихся в ночь гор. То, что Точилинов любил горы, ни для кого секретом не было. В Улитарте, например, он попросил сделать себе дом на окраине, на вершине одной из гор, обрамлявших Долину Радуг, где расположился сам Город Безумных Магов. Оттуда открывался непередаваемый вид.

Вот и сюда, в равнинный Ацет, он постарался перенести частичку своего любимого места. Дон Антонио присмотрелся еще раз. Да, точно, это Сон Духов, та самая вершина, которая видна из его улитартского окна. Сибейра улыбнулся, оценивая мастерство глеммов, создававших этот дом, а потом замотал головой, отгоняя наваждение. Умиротворение — это не совсем то, что ему сейчас требовалось.

Он не спеша подошел к столику, где выстроились в ряд бутылки с его любимыми винами, взял одну из них, повертел и аккуратно поставил на место.

Мастер Ацекато молча сидел в кресле, наблюдая за его перемещениями. Это в управлении Братством Точилинов отличался напором и решительностью, граничащей с жестокостью, а в свободное от «работы» время он предпочитал другое общение. «Ага,— хмыкнул про себя Сибейра,— по принципу „вот вам веревка, вешайтесь сами“». Впрочем, он прав. Гость пришел, ему и говорить.

— Что-то здесь не сходится, Семен.

— Где не сходится?

— Нигде. Зачем нам нужен весь этот цирк с уничтожением земных баз?

— Вот так вот с ходу да и в лоб? — невесело усмехнулся Семен Точилинов.

— А чего тянуть? — Сибейра остался серьезен.— Твоей аргументации не было достаточно и тогда, а теперь она просто по швам разлезается. Мои аналитики в один голос кричат, что нападение на земные базы — ошибочный шаг. Мы ничего не выиграем в отношениях ни со Старшими Расами, ни с вольдами. А уж про Землю и говорить не приходится. Основное их богатство — магов — мы не трогаем. А доставленное в Пестик имущество — это капля в море, это даже не укус для Земли. Так, плевок в лицо. Так зачем нам нужно демонстративно ссориться с Землей?

Дон Антонио остановился напротив все так же сидящего в кресле Мастера Ацекато и почти обвиняюще посмотрел на него.

— Садись,— махнул рукой тот.

— Постою,— отрезал Сибейра.

— Да ты никак ругаться со мной пришел? — грустно улыбнулся Точилинов.

— Да не совсем,— дон Антонио сбавил обороты.

— Совсем не совсем,— Мастер Ацекато перестал улыбаться.— Ты полгода молчал, готовился выполнять приказ, ни слова не говорил. А сейчас, за неделю до операции, вдруг бабах. С бухты-барахты заявляешься ко мне, и на́ тебе — не сходится, объясняй давай, дорогой Семен. Что у тебя такое случилось, что ты как ошпаренный прибежал?

— Ничего... — начал Сибейра, но Точилинов перебил:

— Не ври,— состроил он серьезную мину.— Я ни в жизнь не поверю, что ты с одних сомнений решил вечерком ко мне заявиться выяснять отношения без всякого предварительного разговора.

Дон Антонио неопределенно закатил глаза.

— Ой, не надо,— скриви́лся Точилинов.— Вот загадочную барышню только передо мной не разыгрывай, ладно?

— Ладно,— решился Сибейра.— Не так я хотел говорить, но раз уж пошла такая пьянка, то слушай. Ты в курсе, что вчера по всем земным базам объявили повышенную боевую готовность?

— Не в курсе,— покачал головой Семен,— но что это меняет? У нас до операции еще неделя, за это время любая готовность потускнеет.

— Не в том дело,— покривился дон Антонио.— Вопрос, с чего вдруг?

— Ты знаешь, с чего? — поинтересовался Точилинов.

Сибейра помолчал, пристально глядя на Мастера Ацекато:

— А ты знаешь?

— Так,— раздраженно пристукнул Семен ладонью по ручке кресла.— Давай-ка ты заканчивай со своими угадайками. Для меня ситуация со времени нашего последнего разговора не поменялась никак. Ты что-то там себе напридумывал, возбудился и прибежал, как мальчик, выяснять отношения. Вот сам и рассказывай, что случилось. А меня уволь, пожалуйста, от обсасывания твоих страхов.

— Мальчик?! — У Сибейры, когда он сюда шел, и в мыслях не было ссориться, но... — Страхи обсасывать?! Мы планируем демонстративно поссориться с Землей, Лепестки в это время готовят второе вторжение, а я — тот, кто отвечает за всю операцию,— ни сном ни духом ни о первом, ни о втором. Если это страхи мальчика, то, пожалуй, я готов их немного пообсасывать, а потом посмеяться над ними в дружной компании. Когда всё кончится. Не присоединишься?

— Стоп,— выставил перед собой раскрытые ладони Точилинов.— Ты, конечно, прекрасен в своем гневе праведном. Потомок конкистадоров и все такое, но с чего ты решил, что будет второе вторжение? Это, знаешь ли, после всего случившегося — непростое решение. Даже для обиженных аталь.

— Вот тут,— дон Антонио показал папку, которую все это время держал в руках,— отчет о фактах и аналитическая справка по текущей ситуации. Если вкратце, есть три основных момента. Первое: из Пестика опять уходят контрабандисты.

— Опять Вася сообщил? — прищурился Точилинов.— Эти контрабандисты уже притча во языцех для всех. Прогноз погоды по ним сверять часом не будем?

— Второе,— Сибейра не удостоил ответом ерничество Мастера Ацекато,— земные базы готовятся отражать агрессию именно со стороны Старших Рас. А у них разведка, к сожалению (или к счастью), гораздо лучше нашей.

— Не аргумент,— отмахнулся Мастер Ацекато.— Из каких соображений они исходят, мы даже прогнозировать не можем. Может, им мышцами поиграть захотелось. Мало ли...

— Третье,— жестом остановил его дон Антонио.— С сегодняшнего дня в Пестик ограничены поставки всех магиприпасов и амулетов, имеющих хоть отдаленно боевое применение.

— С каких хренов?! — изумился Точилинов. От таких новостей он даже забыл о своей усталой невозмутимости.

— Семья Идалил заявила о проблемах с производством партии блокираторов. Принесла официальные извинения и начала выплату неустойки.

— Н-да,— поджал губы Семен.— Если уж глеммы пошли на прямые убытки, то дело и вправду серьезное.— Он задумался.— И ты решил сначала поговорить со мной, посчитав, что я знаю больше, чем говорю.

— И да и нет,— дон Антонио, наконец, увидел кресло, на которое ему указывали, и тяжело опустился в него.— То, что ты знаешь больше,— это не вопрос, но это и не проблема. Понятное дело, у тебя всегда есть высшие идеи, но на то ты и глава Братства. А пришел я еще из тех соображений, что тебе неплохо бы первым узнать то, о чем завтра будет гудеть весь Пестик.

Он замолчал.

— И... — подтолкнул его Точилинов.

— Ну и немного прощупать тебя на предмет второго дна,— слегка смутился Сибейра.— А что? Такую вероятность исключать тоже нельзя.

— Нельзя, ты прав,— вздохнул Семен. Он поднялся из кресла, подошел к столику с напитками. Выбрал одну из бутылок, зачем-то посмотрел ее на свет и с сожалением поставил обратно.— Нам бы выпить сейчас,— пожаловался он Сибейре,— но после твоих новостей только дош и подойдет.— Мастер Ацекато повернулся к двери и звучно хлопнул в ладоши.— Вся беда в том,— развернулся он к испанцу,— что нет у меня никакого второго дна. А жаль, оно бы сейчас было очень кстати. Да что такое? — Он раздраженно сменил тему.

Опять повернулся к двери и еще раз хлопнул в ладоши. Уже сильнее. Видимых изменений в комнате не произошло.

— Я не понял,— безадресно, но достаточно громко поинтересовался он.— У них там что, уже тихий час? Гип-Гоп... Тьфу ты... Арубай! Ты где?

Прошло несколько секунд — и дверь наконец тихо скрипнула, открываясь. В проеме показалось большое темное тело, двигающееся почему-то задом наперед. Точилинов с Сибейрой молча наблюдали. Ближе к середине комнаты тело развернулось, выкатывая накрытый столик на колесиках, и превратилось в высоченного тучного негра, растянувшего пухлые вывернутые губы в улыбке, призванной, судя по всему, выказывать наибольшее уважение.

— Дош, Мастар,— прогудел он.— Муритай сказал, вам сейчас нужно.

Сибейра чуть напрягся. Невысокий худощавый испанец высоких и больших людей не то чтобы недолюбливал, но испытывал в их обществе некоторый... диссонанс с окружающим миром. Его ближайшие помощники все как один ростом не выделялись. Статного же Точилинова природа размерами не обидела, поэтому в его доме общаться с гостями почти всегда приходилось задирая голову. Огромный Муритай, двухметровый ван Брюккен, Агатьев, Тетраков. Субтильный Се Ляо Юй на этом фоне смотрелся как то самое исключение, которое лишь подтверждает правило. С Арубаем, которого никто, кроме Мастера Ацекато, иначе как Гип-Гопом не называл, была та же история.

Когда со временем фигура Мастера Ацекато стала достаточно значимой, Муритай, еще со времени появления Точилинова в Пестике неизменно исполняющий по очереди роли то учителя, то няньки, то телохранителя, то распорядителя, понял, что уже не справляется. Расставаться друг с другом эта парочка, Точилинов и Муритай, не желали категорически, и было принято решение выделить денщика и мажордома в отдельную должность.

Дон Антонио, как остальные, с удовольствием поудивлялся бы диковинному выбору Ацекато, если бы не сам лично выбирал Арубая.

— Ну что, Гип-Гоп, есть что-нибудь в мировом эфире вокруг нас?

— Нет, Ваше Магиставо,— Арубай с готовность развернулся к Сибейре. Дош, который он при этом пытался наливать в чашку, весело расплескался по сторонам. Сибейра с кошачьей грацией увернулся от темной струи, Точилинов еле сдержал улыбку.

Гип-Гоп в жизни мог быть кем угодно, только не денщиком и не мажордомом. Однако дон Антонио всё равно настаивал на неизменном присутствии Арубая неподалеку от Точилинова именно из-за уникальных способностей неуклюжего здоровяка. Гип-Гоп видел чужие узоры. Все. Следящие, атакующие, сторожевые, просто лежащие на черный день. Прятаться от него было бессмысленно. Он видел даже узоры Кащея, направленные на Мастера Ацекато, хотя магия разума в принципе не видна никому, кроме того, на кого она настроена.

— Осторожнее, пожалуйста, Арубай,— попросил Точилинов. Раз не получалось избавиться (Сибейра каждый раз устраивал форменное побоище, отстаивая протеже), приходилось воспитывать.

— Извините, мастар,— Гип-Гоп подал Семену чашку, полную доша. Всего с одним-единственным потеком.

— Спасибо,— Точилинов аккуратно принял плод титанических усилий и попросил: — Арубай, вызови сюда, пожалуйста, Муритая.

— Есть, мастар! — Негр с видимым удовольствием отдал честь и направился к двери, по пути виртуозно избежав столкновения со столиком, который Сибейра уже мысленно похоронил.

— И еще, пожалуй, ван Брюккена и Ляо Юя,— добавил Семен.— Скажи, срочно.

— Хорошо,— донеслось от двери. Секундной позже она захлопнулась с пушечным грохотом.

— Не рассчитал,— прокомментировал Точилинов и повернулся к дону Антонио.— Ну что, давай, двигай кресло. Сейчас они появятся. Будем себе ночь портить.

— Надеюсь, не только себе,— Сибейра взялся за подлокотники.

Глава 18

— Чего? — Сержант от изумления даже головой помотал.— Что ты сказал, солдат?

— Я не солдат, и она с нами не пойдет,— Ланья сделал полшага вперед и в упор посмотрел на закипающего командира.

— Не ссорьтесь, мальчики,— причине всей неразберихи надоело стоять в стороне и хлопать ресницами. Она решила взять всё в свои руки.

— Где тут тебе «мальчики», боец... бойца... бойница? Тьфу ты, пропасть! — Сержант развернулся в другую сторону.— «Товарищ командир» и никак иначе!

— Не смей с ней так разговаривать! — сжал кулаки Ирил.

— Поучи еще меня, солдат.

— Я не...

— Хватит! — резко и громко хлопнул в ладоши Тетраков, с изумлением наблюдавший, как обыкновенное представление нового члена команды превратилось в безобразную склоку.— Всем молчать! Вы что, с ума все посходили? Сова?

Сова сочла за благо промолчать, лишь пару раз хлопнула ресницами, округлив глаза. Мол, а я чего? Я ничего.

— Сержант?..— удивился Вася, развернувшись ко второму участнику ссоры.

Тот смущенно откашлялся. И действительно, чего это он вдруг? С подчиненным не разобраться?

— Ты что, решил, что у тебя тут право решающего голоса? — наконец добрался Вася до Ирила.

— Она с нами не пойдет,— в отличие от остальных, Ланья сдаваться не собирался.

— А давай-ка сначала напомню я тебе три момента,— Вася благоразумно не стал ввязываться в разговор в стиле «сила на силу». Он показал приготовившемуся стоять насмерть Ланье три пальца.— Первое. Ты член Братства Магов Земли. Это не подлежит сомнению?

Ланья с натугой повертел головой.

— И еще какой,— театральным шепотом прокомментировал Шатун из-за спины Тетракова.

— Отлично,— удовлетворенно кивнул Вася, проигнорировав Шатуна.— Второе. Братство что-то решило, потом оно предложило (заметь, предложило) тебе в этом участвовать — и ты согласился. На тех условиях, которые до твоего сведения довели. Здесь тоже нет никаких противоречий, я правильно понимаю?

С еще большей натугой Ирил медленно наклонил голову.

— Замечательно,— Тетраков загнул второй палец и продемонстрировал последний Ланье.— А третье — то, что это вообще не твое дело, кто, куда и с кем идет. Сова — такой же член Братства, как и ты, с такой же свободой выбора.

— Не совсем чтобы член,— подавился смехом сзади Шатун.

— Еще один звук оттуда,— бросил через плечо Вася,— и одного члена Братство точно лишится. Перейдешь в другой разряд.

— Не перейдет,— ледяным тоном прокомментировала Сова.

Шатун испуганно пискнул и замолк.

— А ты,— Вася вернулся к Ирилу,— еще скажи мне «спасибо», что она идет с вами.

— Это за что? — Ланье надо было хоть за что-то зацепиться, чтобы не сдаваться вот так запросто.

— А за то, что она могла отправиться с любой другой командой. С Тооргандо, например. Или другим гемаром. Хочешь?

Удар был ниже пояса, и Ирил на минуту выпал из реальности.

— Никак нет,— наконец выдавил он из себя и развернулся, чтобы отойти.

— В строй встань,— подал голос Сержант.

Ирил вздохнул и присоединился к Демчи с Шатуном, сочувственно принявшим товарища. Субординация была восстановлена, теперь можно было дать и послабление.

— Вольно, разойдись,— скомандовал Сержант, переглянувшись с Васей.— Десять минут перерыва, потом продолжим. Пойдем, покурим,— предложил он, отводя Тетракова в сторону.

Когда они отошли, Сержант хмуро задал ожидаемый вопрос:

— Ну и за что мне это счастье? Думаешь, мне без нее головной боли мало было? Ты обещал еще одного бойца дать, а вместо этого... — он расстроенно мотнул головой назад.

— Так наверху решили,— пожал плечами Вася.— Каждой команде придается один небоевой маг. Те, кого готовили, остаются в резерве. Позавчера распоряжение вышло.

— В принципе правильно,— одобрил Сержант.— Тут никогда не знаешь, что случиться может.

— А вместо них выделили вот этих,— Вася сделал затяжку.— Тебе еще повезло. Девчонка-то далеко не новичок. Мастер Разума. Посадишь ее в резерв — глядишь, пригодится. Да и Ланье спокойнее будет. Он за нее кого хочешь порвет.

— А он на самом деле умеет блокираторы ломать? — поинтересовался Сержант.

— Угу,— подтвердил Вася.— Только ему это потом боком выходит. Приглядывай за ним. Парень горячий.

— Да за кем тут не надо приглядывать? — сплюнул Сержант.— Ввязался, блин...

— Не расстраивайся,— хлопнул его по плечу Тетраков.— Поверь, у тебя еще не самая плохая команда. Есть гораздо хуже.

— Ага, но реже,— съязвил Сержант и поднялся.— Ладно, пошел я. Пять дней у меня есть, чтобы из этих обалдуев команду сделать. Не мог раньше,— укорил он. Вася в ответ только сочувственно развел руками.— Ежели что, не поминай лихом.

— Только попробуй,— пригрозил Тетраков.— Помрешь, обратно не возвращайся.

Глава 19

— Грамотно сели,— прошептал Сержант.— Я когда смотрел в прошлый раз, блокпосты левее, на самой тропе располагались.Теперь лучше.

В прозрачном вечернем воздухе земная база просматривалась как на ладони. Расположенная на берегу неширокой реки, она равномерно оседлала вершину большого холма, спускающегося к са-

мой воде. Предгорья вообще изобиловали возвышенностями, с вершины одной из них, расположенной неподалеку, команда Сержанта и рассматривала «свой» объект. Место индусы выбрали хорошо. Перед их холмом как раз была достаточно большая ложбина, полого переходящая в склон, который ближе к вершине приобретал достаточно серьезную крутизну, чтобы подъем по нему не превращался в приятную прогулку. Почти господствующая возвышенность, вода под боком — что еще надо для безопасности?

Команда вышла на расчетную точку почти в назначенное время. Незамеченной. Судя по сообщениям, принятым Сержантом, у всех остальных дела обстояли примерно так же. Теперь им предстояло (цитата из Сержанта) «тупое выполнение намеченного плана». Действительно, все действия, вплоть до отправления малой нужды, двести раз были отрепетированы и проделаны, а один раз, в конце, они даже разнесли наспех возведенный домик, чтобы убедиться в эффективности подготовленных узоров. Перед выходом сам Сержант, уже не зная, к чему бы еще придраться, плюнул и признался: «Ну, паразиты, если все это сделаете в точности, то у нас все шансы через три дня громко нажраться где-нибудь в Улитарте. Если никто нигде не накосячит — выбирайте таверну». Заявление было встречено с полнейшим восторгом. С похожим чувством они и выступили.

Всё, теперь на месте. Всё по плану. И именно это и напрягало. Нет, наверное, не это. А что? Сержант, стараясь не подать виду, начал аккуратно осматриваться. Что-то царапало то ли глаз, то ли душу, то ли еще что-то... Оказалось, он такой не один.

— Мужики,— тихонько подал голос Демчи,— ничего не чувствуете?

— Что случилось? — посмотрел на него Сержант. Если уже у второго появились схожие ощущения, то это уже система. А перед боем — так и вообще...

— Не могу понять. Вроде как мы не одни, а начинаешь смотреть — никого.

— Не одни? — еще тише прошептал Сержант.— Ищите тогда. По базам объявлена готовность номер один против Старших Рас. Не они тут?

— Они здесь были,— прошептала Сова. Она сидела с закрытыми глазами, вытянув перед собой руки.— Были и что-то тут делали. Но теперь их нет. Никого.

— Что делали? — спросил Шатун.

— Не вижу,— тряхнула головой Сова, открывая глаза.— Не вижу. Боя не было. Если бы они здесь дрались, остались бы отпе-

чатки эмоций. А их нет. Вернее, есть, но странные какие-то. Тихие. Как будто злорадные.

— То есть? — напрягся Сержант.

Сова растерянно улыбнулась.

— Ладно, неважно,— махнул рукой Сержант,— ищите всё необычное. Чего здесь быть не должно.

— Уже,— откуда-то сбоку поднял голову из травы Ирил.

— Нашел?

— Нет. Осмотрел всю верхушку. Сова права — здесь были аталь. Поднимались там же, где и мы, и лежали, судя по всему, там же. Что делали — непонятно.

— Тоже нападение готовят? Странно. А мы тогда зачем? Ладно, оповещу, пусть сами разбираются. Вы пока готовьтесь по основному расписанию.

Он спустился с вершины и занялся связью.

Все приготовления были закончены, когда небо уже было всё усыпано яркими звездами. Тихая ночь опустилась на замершие холмы, и только со стороны земной базы доносилась негромкая музыка, отчетливо слышная в неподвижном воздухе.

— А красивая песня,— негромко заметил Ланья.

— Красивая,— согласилась из темноты Сова.— На аталь похоже.

Тонкий голос певца держал и держал высокую ноту.

— Скорее на торков,— с другой стороны темноты донесся смешок Шатуна.— Вопль погибающего шамана.

— А мне тоже нравится,— безапелляционно заметила темнота голосом Демчи.

— Ну, если уж тебе-е нравится... — протянул Шатун.

— Слушайте, может, хватит вам собачиться? — попыталась остановить перепалку Сова, но только подлила масла в огонь.

— Это мы разве собачимся? — весело поинтересовался Шатун.— Это ты не видела, как мы собачимся.

— В смысле, он собачится,— проскрипел Демчи.— А я человечусь.

— Точно,— с готовностью поддержал приятеля Шатун.— А я всё думаю, на кого это ты пытаешься быть похожим. Оказалось, на человека... Получается, правда, не очень.

Ирил покривился в потемках. Он так и не научился поддерживать бессмысленную беседу в стиле пинг-понга, как ее называл Шатун. Оказалось, кривился не он один.

— Да вы уже устали со своей болтовней,— вступил в беседу сидящий где-то наверху Сержант.— Ирил, ты лучше скажи, ты правда умеешь торкские блокираторы ломать?

Ирил покривился еще раз. Новая тема нравилась ему не больше старой.

— Какие-то умею, какие-то нет,— признался он.— Там всё зависит от того, сколько слоев узоров на него наверчено.

— А тогда, когда ты сразу четыре взял, это правда или нет?

— Правда,— нехотя ответил Ланья. Ворошить тот случай хотелось еще меньше, но Сержант не отставал:

— А ты их сломал? И чего дальше?

— Сломал. А что дальше — не помню.

— Так а в итоге-то что?

— В итоге его в коконе в Улитарт, к Кащею доставили,— выручила Ирила Сова.— Он две недели валялся, и никто ничего сказать не смог. На том всё и кончилось.

— Вы не обижайтесь,— пояснил нависающий в темноте Сержант,— я не из любопытства спросил. Нам скоро в бой идти, а у меня из головы аталь не выходят. Я просто чувствую, как они тут есть. Не могу объяснить, но это так. Повернуться может по-всякому, а я хочу знать, кто у меня чего может.

— Я второй раз такой фокус не покажу,— содрогнулся Ирил.— С меня одного раза хватит.

Сержант хмыкнул:

— Ты, парень, от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Знаешь как жизнь повернуться может? Судьба — она подруга незлобная, но любопытная. И ей всегда интересно, как человек будет справляться с тем, что он либо не умеет, либо не хочет.

— То есть? — поежился Ланья.

— То есть смотри на звезды и радуйся, что ты сидишь под ними и коротаешь ночь в компании людей, с которыми тебе, в принципе, комфортно.

— Ну спасибо,— желчно поблагодарил Сержанта Ланья. Умеет же человек настроение испортить.

— Ну пожалуйста,— не остался в долгу тот.— Это, если кто не помнит, я освежу. Нам скоро начинать, и бессонная ночь вам ничем не поможет. Дошло?

— Дошло,— проворчал Ланья.

— И ладушки,— обрадовался Сержант и по-военному пожелал всем спокойной ночи.— Группа, отбой.

И усмехнулся в темноте, слушая, как они, ворча, устраиваются поудобнее.

— Держим, держим! Шатун, помедленнее. Так, хорошо. Молодцы!

Все шло по плану. Встали вовремя, связь устойчивая, начали дружно. У остальных групп, судя по сообщениям, тоже всё проходит штатно. Сложность была в том, чтобы узоры действовали избирательно, не трогая людей и все, что с ними непосредственно соприкасалось. Одежда, например. И, к сожалению, оружие. Хотя как раз оружие-то обороняющимся оставлять совершенно не хотелось, но на эти издержки решено было пойти — слишком велик был риск повредить кого-то, если начать выборочно поражать всё неживое на таких расстояниях. Это была домашняя заготовка, ее выучили наизусть. Огромные шары катились сквозь разбуженный лагерь, с хрустом уничтожая всё, в чем не было теплой крови. Вот два бойца с автоматами замерли на пути одного из шаров, в ужасе открыв рты. Умирать приготовились, наверное. Шар неспешно прокатился сквозь них, превращая всё вокруг в труху. Прокатился дальше. А бойцы так и остались с разинутыми ртами. С днем рождения вас, ребята. Аккуратнее надо в мирах магии, психику готовить надо.

Вот из одного строения выскочил мужик в исподнем, но в чалме, спит он в ней, что ли? Бестолково замахал руками и заверещал. Да ты не пугайся, ничего страшного. А-а, вот оно что. Шар остановился, в нём начали появляться дырки, как в сыре. Маг? Сейчас проверим. Сержант, до этого не принимавший участия в нападении, прищурился. Держишь? Ну-ну, держи. Никаких спецузоров не планировали сознательно. Голая энергия, так проще. Вот и сейчас Сержант всего лишь всунул чистую плоскость своего узора под тяжелое построение линий, наспех слепленное земным магом. Шар сорвался с места и продолжил движение. Как и планировалось, узор землянина соскочил по плоскости, уйдя в землю и превратив приличный кусок земли в спекшееся стекло. Ничего себе, а если бы в живого? Сержант ухмыльнулся.

И тут же получил плюху. Нельзя относиться к врагам небрежно. Сторожевые узоры ба́зы в массе своей были подавлены, но не все, только атакующие. Со следящими решили не связываться. Больно их много. И вот один из них тут же отследил пришедшую извне энергетическую линию и перебросил контакт магу. Ой! Плотный удар опрокинул Сержанта на спину. Дух вышибло напрочь. Хорошо еще, что на амулеты Братство не поскупилось.

— Командир! — это Демчи.

— Нет! — как мог громко прохрипел Сержант.— Живой я. Никого не трогать.

Еще не хватало, чтобы эти щенки бросились мстить за него

— Держим линию! — это Ирил.— Командир сам справится.

Умница парень. Сержант попытался встать — не тут-то было. Узор держал, как огромная кошачья лапа. Которая медленно сжималась. Пожалуй, тут и амулеты не спасут. А все-таки есть на Земле способные маги. Ну что же, тем интереснее. Сержант завертелся как уж на сковородке, разбрасывая по очереди заготовленные узоры. Блокировка. Не проходит. Подрезать подпитку. Не берется. Обманка, вот же я, занимайся. Не обманешь. Узор сжимался и сжимался. Ух ты, так он еще и автономный. Маг уже другим шаром занимается. Ничего себе, так это он «автомат» обмануть не может. Силен, бродяга.

Воздух кончался, жизненное пространство — тоже. Что делать? Звать на помощь? Сержант никогда излишним геройством не страдал. И позвать на помощь зазорным не считал. Просто надо понимать, когда без этого не обойтись. А-а-хп, а-а-хп, воздух... заканчи-ва-ет...

— Ирил!

— Да, командир. Командир? Сова, взять его. Выруби нежно.

Золото, а не парень. Мгновенно сообразил что к чему и привлек именно того, кого надо. Не сам схватился, разорвав линию, а вспомнил про резерв. Спасибо тебе, Вася, за такого бойца. Воздух! А-а-а-ха, а-а-а-ха. И за... Сову... спасибо...

Маг в чалме бестолково крутился на месте, держась обеими руками за голову. Повреждений у него не наблюдалось. Умница, девочка. Так, прикрыть ее, чтобы такую же плюху не словила. Кто их знает, землян, вдруг они и магию разума могут отследить. Обожженный земным молоком Сержант стал дуть на всё подряд.

— Все, Сова, хватит. Отпускай его — и прячься. Чует мое сердце, еще понадобишься.

Подвесив вокруг Совы несколько фантомов, Сержант начал осматриваться.

В хаосе разрушаемой базы наметился некий порядок. Человек двадцать (вот они, маги) собрались в центре, не без успеха отталкивая катящиеся шары. Что строим? Оп-паньки, а это уже серьезно. Под руководством еще одного чалмоносца маги начали выстраивать коллективный узор. Вдвадцатером? Сильно. Маги Пестика могли работать максимум втроем. И как это вы делаете? Ай! Что, опять сторожевик?

Банг, банг, банг! Если бы Сержант не учел в своей защите только что пропущенный удар, лежать бы ему, расплющенному в тонкий блин. У землян не было такой цели — сберечь противника. Три

мощных узора со всего маха влепились в выставленную Сержантом защиту и, хвала Несуществующим, ушли по касательной куда-то к подножию холма. Его отбросило в сторону, прокатило по траве. Банг, банг! Следующие узоры разнесли в магическую пыль оставленный на месте фантом. Хорошо еще, что фантом сработал. Насчет того, что они вдвоем с Васей уделали бы эту базу, это он поторопился.

Так, пора заканчивать. Строения уничтожены? Сколько? Отлично, в самом деле пора заканчивать. Задача выполнена — и чудненько, за подвиги нам не платили, как говаривал один из знакомых глеммов.

— Внимание всем! До трех стягиваемся, на счет три — подрыв! — пролаял команду Сержант. Шары прикрыты пока. Как раз против таких сторожевиков и ставили, так что ребят пока не видно, а вот после подрыва...

— Сова, внимание! После подрыва могут нас заметить. По необходимости работай по группе в центре.

И дай тебе мозгов Несуществующие, девочка, чтобы понять, когда нужно включаться.

— Только не сразу!

Сова кивнула.

— Раз. Два. Три!

Как и готовились, Демчи, Ланья и Шатун начали стягивать свои шары к центру и на счет «три» активизировали узоры, заставляющие шары взрываться, превращаясь в мелкую шрапнель. Каковая и превращала в решето всё, что до этого не было раздавлено.

Ф-ф-ах! Волна звона и грохота накрыла окрестные холмы. Пыль заволокла уничтоженную базу, скрыв от глаз противников. От глаз, а не от сторожевых узоров и магии.

Б-б-бомм! Прямо из центра клубящейся пылевой тучи вылетел огромный сгусток магии. Чистой энергии. Какое счастье, что земляне еще неопытны. Если бы туда хоть что-то привесить, любой узор,— прощаться было бы уже не с кем. Земляне все-таки составили коллективный узор.

Сержант бросил на защиту всё, что имел. Все амулеты, магиприпасы, заготовленные узоры. Всё! И защита эта еле держалась. Эти ребята, похоже, построили магическую пушку: из оседающих клубов пыли начали один за другим вылетать такие же сгустки. Мир вокруг наполнился непрерывным звоном.

— У-хо-дим,— проскрежетал Сержант, шатаясь под шквалом ударов.

— Держись, командир!

Ланья подхватил защиту, добавил узоров. Стало легче.

— Держим — и валим по-быстрому! — это Демчи. Способный парень. Что он сделал — непонятно, но магические снаряды теперь били не точно в центр защиты, а куда-то вверх, рикошетя в небо и прижимая купол защиты к земле. Хоть двигаться можно. Ладненько, двигаем потихоньку.

— И я с вам...

— Шатун!!!

Четыре крика слились в один. Берясь за защиту, Шатун проявился для магов, и тут же в него ударил заряд. Шатуна впечатало в землю с жутким чмокающим звуком.

— Держите! — Ланья бросился прочь из-под купола. Выскочив из-под защиты, он заискрился узорами, создающими почти видимый рой вокруг него. Банг. Банг. Банг. Три заряда должны были уложить его рядом с Шатуном, но он только закачался как пьяный, добежал до распластанного Шатуна, схватил его и затащил под купол.

С первого же взгляда на истерзанное тело становилось понятно: всё, ловить нечего.

— Шатун! — Демчи чуть не плакал.

— Ирил, держи! Сова, помоги ему! — Сержант перебросил центр защиты на еле поймавшего его Ланью и рванулся к Шатуну, на ходу срывая с себя колбу с торчащей пробкой.

— Ничего-о-о,— прошипел он, срывая пробку непослушными пальцами.— Как там Ацекато говорил? Пока гвоздики не забили и земелькой не присыпали, ничего не кончилось. А в случае с Улитартом — и это не конец. Держи, родной.

И, широко размахнувшись, со всей силы влепил разлетевшуюся вдребезги колбочку в мертвенно-бледный лоб. Все замерли. Секунду ничего не происходило, а потом изломанное тело вздрогнуло, изогнулось дугой и забилось в жесточайших судорогах, возвращавших краски на лицо Шатуна.

Глава 20

— Семен, нелюди! — На плечах безуспешно пытающегося его остановить Арубая Сибейра ворвался в кабинет Мастера Ацекато.

Точилинов сидел зарывшись в бумаги. Рядом стояла огромная кружка доша. Операция началась с первыми лучами солнца, в эту

ночь в Братстве никто не ложился, поэтому дош на столе Мастера Ацекато смотрелся более чем уместно.

— Что нелюди? — поднял голову от бумаг Точилинов.

— Нелюди начали атаку на земные базы,— выпалил дон Антонио.

— Вместе с нами? — не понял Семен.

— После нас.

— То есть?

— Группы выполнили задачу на сто процентов. Все базы уничтожены. Потерь нет ни у них, ни у нас. И в момент, когда группы начали отход, аталь атаковали базы. Желтые Стрелки, усиленные на-халь. Сейчас уточняем, но, по-видимому, они подготовились заранее,— Сибейра в упор посмотрел на Точилинова и с нажимом добавил: — Не зря земляне переполошились.

— Как именно подготовились? — приподнялся из-за стола Точилинов.

— Нет информации,— голос Сибейры упал.— Они каким-то образом перекрыли коммуникационные каналы. Связи с группами нет.

Схватив за ноги бьющегося в судорогах Шатуна, Сержант потащил его по склону.

— Вниз! Вниз!

Купол медленно сдвинулся. Когда вершина холма скрыла команду от земных магов, удары прекратились. «Не по узорам били, по вектору», облегченно вздохнул Сержант. Но веселиться было рано. Хоть земная база и далеко, но после недавнего представления Сержант уже на легкое возвращение домой не рассчитывал. Тем более что Шатуна сейчас в портал не запихнешь. Пока некроматик действует, совмещать его с другими узорами, меняющими магический фон, в том числе с порталами, категорически запрещается. А молодцы улитартские изобретатели, ничего не скажешь. По-хорошему, парень-то уже, считай, удобрением был, не больше. Ан нет, глядишь, выкарабкается. И в самом деле, после всей этой заварушки надо бы побывать в этом Городе Безумных (Сержант покосился на всё еще дергающегося Шатуна) Магов. Так, ладненько, пока суд да дело, надо к отходу готовиться.

— Ирил,— поднял голову Сержант.— Ты старший. Купол держим до последнего. Я готовлю портал. Как только Шатуна перестанет трясти — уходим. В Улитарте разберутся, что с ним делать. Сова, Демчи — к Ирилу в помощь.

Отпустив линии защитного купола, Сержант начал потрошить сумку, вытаскивая всё необходимое для открытия портала, кото-

рый, по идее, должен выкинуть их в Улитарте. Так, привязка по горизонту. Есть. А, черт, нет. Склон — не ровная поверхность, сначала надо выставить горизонтальную площадку. Так, дальше. Теперь по вертикали. Где солнце? Вот оно. А, тварья печенка, опять не то. Купол немного искажает оптику. Поправка. Есть. Твари бы побрали эту рунную магию и торков с ней заодно. Одно расстройство с ней каждый раз. Ну, вроде бы всё. Уф! Ну, как там у нас раненый?

Едва слышимый звон наполнил все пространство вокруг. Купол моргнул — и исчез. Через мгновение появился снова. Маги, едва успевшие подхватить ставшие вдруг непослушными линии, пошатнулись, но на ногах устояли.

— Что это было? — вопрос одновременно вырвался у всех.

— Земляне? — первым опомнился Сержант.

Вопрос остался без ответа. А с другой стороны, и Твари с ними, с землянами. Потом разберемся. Сейчас надо ноги уносить, и побыстрее.

— Командир! — неестественно ровным голосом позвал Демчи.

Сержант обернулся и помертвел. Аталь не только здесь были, они здесь и оставались все это время. Выжидая, пока люди между собой передерутся.

По склону соседнего холма, не спеша, как на параде, выпрямившись во весь рост, спускались шестеро аталь. Пять цепью и шестой сзади. На рукаве одного из пятерки мелькнула желтая повязка. К бабке не ходи — пятерка Желтых Стрелков и на-халь в усиление.

Сержант посмотрел, как неспешно спускаются аталь, и первый шок неожиданно прошел. А чего это вы такие вальяжные? Неприятно, конечно, но не маловато ли вас для одной земной базы и пятерки бойцов Братства? В том, что аталь идут убивать всех, Сержант не сомневался. А еще есть? Сержант посмотрел на соседние холмы. Дохлые Твари, есть. Справа и слева от их холма двигались точно такие же цепочки. Три пятерки. А вот это на самом деле хреново. Хотя, если учесть только что полученные от землян «подарки», аталь тут ждет неприятный сюрприз. И Твари с ними, нам тут делать больше нечего. Нам бы домой. Сержант глянул на Шатуна. Вроде всё в порядке. Порозовевший Шатун лежал, вытянувшись в струнку, но, похоже, по частям больше не разваливался, помирать не собирался и мотаться из стороны в сторону перестал. Пора. Ну, так сказать, пора и честь знать. Всего вам наилучшего. Удачи во всех начинаниях. Будете проходить мимо — проходите. Мы потом сами поузнаём, чем тут все закончилось. Отбываем.

— Внимание! — повысил голос Сержант.— Валим отсюда. Открываю на счет «три». На «два» снимаем купол. Один, два... три. Переход!

Сержант, как чеку на гранате, рванул веревку, распечатывающую магиприпас портала. Раздался характерный треск и... Рамка портала появилась как положено, но так и осталась рамкой. Портал не открылся.

— Что за черт? — оторопело уставился на нее Сержант. Он даже не знал, за что хвататься. Трясти магиприпас бессмысленно — он пустой уже. Стучать по рамке — тоже, она нематериальна. И-и-и чего?.. Он затравленно оглянулся на приближающихся аталь. Показалось или на лице на-халь промелькнула улыбка превосходства?

— Купол! — опомнился Сержант.

— Без меня,— отозвался Демчи. Он съежился, творя какой-то узор.

Сержант с Совой и Ланьей подняли купол, наблюдая за Демчи. Несколько секунд спустя он выпрямился.

— Нет переходов,— глаза у него были круглыми от удивления.— Первый раз такое вижу. Все линии, по которым можно построить переходы, перемешаны. Порваны, перекручены, одна на одну налезает. Полная каша. Вообще ничего не получается.

— В смысле «все»? — поинтересовался Сержант.— А связь?

Демчи опять съежился.

— Связь тоже,— упавшим голосом доложил он через секунду.— Та же картина. Они не реагируют даже. Ни за что не схватиться, не берутся. Сами попробуйте.

— Это тот звон,— осенило Сержанта.— Какой-то магиприпас рванули, чтобы линии зачистить. Но тогда они всё покрыть не могли.

— Линии везде перемешаны или только вокруг нас? — поинтересовался Ланья.

— Сколько я могу видеть. Дальше — неизвестно.

— Вряд ли они во всем Пестике такое устроили,— подала голос Сова.— Надо отойти и еще раз попробовать.

— Отойти? — хмыкнул Сержант.— Может, и попробуем.

Он опять посмотрел на марширующих аталь. Теперь уже с практическим интересом. Все-таки даже и три пятерки на всю орду маловато будет. Что ж, посмотрим.

— Двигаемся,— решил он.— Уходим по склону вон туда.

Он махнул рукой в сторону еще одного холма, стоящего поодаль.

— Про земных магов не забывать. Идем так, чтобы они нас не накрыли. Заодно и посмотрим, по чью душу эти Стрелки тут появились.

Купол начал медленно смещаться вбок, уходя с дороги приближающейся пятерки Стрелков. Аталь не поменяли направления. Сержант медленно выдохнул. Не за ними пришли? И ладненько.

Тихо взвизгнула Сова — и облегчение кончилось. У подножия холма сгустился воздух. Прямо из земли, на пути купола, как будто вытягиваясь из норы, начал материализовываться полупрозрачный силуэт.

— Что это? — вырвалось у Ланьи.

Больше всего объект напоминал барабан. Барабан на ножках, во множестве торчащих снизу. По периметру «барабана» болтались какие-то веревки, свисавшие длинной бахромой. Щупальца?

— И чего? — выразил общее удивление Демчи.— Что он делает? Музыкальное сопровождение?

Как будто в ответ на его слова откуда-то из норы у подножия холма высунулся небольшой зверек. Высунулся, понюхал воздух и рванул куда-то по своим делам. Долго бегать у него не получилось. Полупрозрачный «барабан» немного приподнялся на своих ножках, верхняя часть отделилась от нижней. Бешеная прокрутка, и выпрямившиеся щупальца, удлиняясь, как пилой прошлись по зверьку. Вихрь кровавых брызг — и «барабан» снова замер, перебирая на месте тонкими ножками. Щупальца безвольно повисли.

— Нехило,— прокомментировал Демчи.— И что с ним будем делать?

— Надо посмотреть хотя бы, как он устроен,— отозвался Сержант.— Да и вообще, разобраться, что это за объект.

— Он называется «шаруфа»,— раздался знакомый голос откуда-то снизу.

Все подпрыгнули на месте, а потом дружно уставились на неподвижное тело Шатуна. Голос шел оттуда.

— Шатун,— осторожно позвал Демчи.— Это ты?

— Нет, блин,— опять раздались знакомые язвительные нотки,— это тень отца Гамлета. Я, конечно, кто ж еще?

— Какого отца? — не понял Ирил.

— Бениного,— проскрипел Шатун.— Вернее, не отца, а матери. Незнаком?

— Нет,— удивился Ланья.

— Познакомишься еще,— пообещал Шатун, все так же не шевелясь.

— Так, остряк,— от облегчения к Сержанту вернулись обычные командирские нотки.— Вставай давай. Долго валяться будешь?

— Я так думаю, что да,— не двинулся с места тот.— Помирать вроде не собираюсь, говорить могу, а вот с движением у меня проблемы. Тела не чувствую.

— ...туда тебя через гнилушку,— разочарованно выругался Сержант.— И что нам теперь делать?

— Я так понимаю, мне здесь не рады,— обиженно прокомментировал Шатун.

— Рады, очень рады, ты не переживай так,— успокоила его Сова.— Просто у нас тут наметилась немного сложная ситуация: аталь, земляне, шаруфан этот...

— Задница, короче,— резюмировал Шатун.

— Штук семь, если точнее,— Демчи тоже на свой лад обрадовался возвращению Шатуна.— И твоя неподвижная как раз восьмой будет. Как думаешь, очень мы рады? Я думаю, что очень.

— Ну и хрен с вами,— по-настоящему обиделся Шатун, но добавить ничего не успел.

— Всё, поздоровались? — Всегдашняя манера общения парочки Шатун — Демчи сделала одну очень хорошую вещь. К жизни вернулся обычный Сержант, немного, правда, подпорченный последними событиями.— Теперь быстренько соображаем, как нам этого шаруфа обойти, чтобы не попасть ни под аталь, ни под землян, и найти место, откуда будет можно домой отправиться.

— Ой, смотрите,— это Сова повернулась назад. Все последовали ее примеру и поняли, что лучше бы смотрели вперед. Между ними и вершиной холма красовался еще один «барабан».

— Вот попали,— прошептал Демчи,— и куда теперь?

— Куда попали? — Шатуну с земли видно ничего не было, он ориентировался только по высказываниям.

— Еще в одну задницу,— просветил его Демчи.— Еще один шарафан твой...

— Не шарафан, а шаруфа,— поправил Шатун.

— Кончили базар,— нахмурился Сержант.— Шатун, давай выкладывай, что знаешь про эту дрянь.

— Много не расскажу,— протянул Шатун.— Эта штука похожа на наши шары, только наоборот. Мы строили их, чтобы они ломали все, кроме живого, а эти напротив: крошат все, в чем кровь теплая. В зависимости от силы мага ему можно прописать, чтобы он своих не трогал. Параметры сами определяют, под себя. Но это сложно. Ну а принцип действия вы видели. Длина щупальцев тоже зависит от силы мага.

— Подпитка? — Сержант действовал по классической схеме: сначала определить, откуда узор построен, потом по возможности обрезать основную линию.

— По идее, он должен быть привязан к магу, как и любой узор. В автономном режиме не работает. Но это неточно,— извиняющимся тоном добавил он,— я до конца не знаю, по трактатам учил.

— А в магиприпас его засунуть? — что-то решал для себя Сержант.

— Наверное, можно,— неуверенно отозвался Шатун.

— Вот оно,— выдохнул Сержант,— вот почему аталь чувствовались. Они магиприпасов в землю понатыкали и линии активации проложили. А мы-то, балбесы... А... Э-эх,— разочарованно выдохнул он.

— Смотрите,— опять подала голос Сова.

Все развернулись в разные стороны. К сожалению, посмотреть везде было на что. Оба «барабана» определились с объектом атаки и теперь начали медленно сближаться. Группа Сержанта оказывалась как раз посередине.

Донг, донг, до-оннг. Разнеслось по округе.

«Барабаны» замедлили движение.

— Там! — вытянул руку Демчи.

На соседнем холме сразу два шаруфа одновременно добрались до вершины. Их сопровождал один Стрелок. Шаруфы на него не реагировали.

— Своих не трогают,— отстраненно прокомментировал Ланья.

Добравшись до вершины, оба «барабана» на секунду замерли... И тут их свершения кончились. Еще раз зазвучало: донг, до-н-нг. Два заряда магической пушки землян разнесли в клочья обоих уродцев. Индусы и не думали расслабляться.

— Сильно,— откашлялся Сержант.— Это мы такие классные, что держали эти удары, или они до конца не настроились?

Ответа не последовало, потому что представление было сыграно не до конца. Желтый Стрелок, которого ударом отнесло в сторону, выпрямился, отряхиваясь, и поднял лук. Стрела ушла в сторону землян. Приглушенный вскрик показал, что аталь остаются лучшими лучниками Клевера. И тут же со стороны базы грянул ответный залп из стрелкового оружия. Гордого воина, гнушающегося кланяться каким-то людишкам, просто снесло с вершины, раздирая на части автоматными очередями,— на базе тоже подобрались неплохие стрелки. На секунду всё замерло. Аталь оторопели, не будучи готовыми к тому, что практически уничтоженная база (чем Братство-то занималось все это время?) способна на такие ответы. Менее чем за минуту нападающие лишились одной шестнадцатой атакующего потенциала и двух магических танков.

А потом как будто со всех сторон раздался тянущий крик:

— Юто-о-онь!

И аталь бросились в атаку. Оба шаруфа устремились наверх, явно оставляя в покое купол с магами. Ближняя к команде Сержанта пятерка ускорилась, проскакивая мимо магов Братства. Сержант встретился взглядом с сопровождающим пятерку нахаль, выдержал этот взгляд и не шелохнулся, пока аталь не прошли мимо.

— Мы не играем? — нейтрально поинтересовался Ланья.

— Аталь планом не предусматривались,— хмуро ответил Сержант.

— Но там люди,— вытянул руку Ирил.

— Которым мы только что разнесли всю базу и которые чуть не угробили Шатуна,— Сержант мрачнел на глазах.

— Там человеческие маги,— не опуская руки, нахмурился Ирил.

— И что ты предлагаешь? — ядовито поинтересовался Сержант.— Сцепиться с аталь, чтобы они сначала нас угробили, а уже потом за базу взялись? Или победить эту пятерку вместе с этими «барабанами», чтобы потом нас начали долбить и аталь, и земляне, которых никто о наших добрых намерениях не предупредил?

Ланья не нашелся что ответить.

— У нас на руках раненый,— вколачивал слова, как гвозди, Сержант,— а поставленную задачу мы выполнили. Что еще? Земля воюет с Зеленым Лепестком, при чем тут мы? Тем более что уж если развивать наши действия, то мы скорее должны аталь помогать. Ты не забыл, что формально мы только что выступили против Земли?

— Но не против людей,— нашел, наконец, аргумент Ирил.— Аталь сначала Землю победят, потом за Братство примутся, а мы так и будем в кустиках сидеть.

— Земля, знаешь ли, тоже не будет тебе дош в постель подавать,— заметил Сержант.— Им на фиг конкуренты не нужны. Так что наша позиция как раз сбоку: сидим и смотрим, чем всё кончится.

— А зачем тогда мы уничтожаем земные базы? — подловил Сержанта Ланья.

— Вот именно,— Сержант и не думал подлавливаться.— Никто из нас в политике не разбирается, но приказы надо выполнять. Так что определяю: движемся вниз и открываем портал при первой возможности. В боевые действия не ввязываемся.

За холмом раздалось уже знакомое «донг, донг», автоматные очереди, крики людей и нечеловеческий визг шаруфанов.

— Тем более в такие,— в такт собственный словам кивнул Сержант и скомандовал: — Группа, вперед.

— Неужели мы так и уйдем? — уперся Ланья.— Ничем не поможем?

— Отставить разговоры,— пропыхтел Сержант, волоча Шатуна.— Купол держи, мало ли что.

Они уже подошли практически к подножию, когда Ирил заметил что-то в траве.

— Смотрите,— наклонился он.— Амулет. Тот самый, который «барабан» питает.

— Нет,— взвился Сержант.— Даже не думай.

— Эта тварь сейчас будет косить людей,— Ирил говорил тихо, но отчетливо.— Тех самых, которых мы только что лишили возможности обороняться. Аталь всех вырежут, а скажут, что это сделало Братство. Или аталь и Братство вместе, какая разница. Ты не понимаешь, что ли, что аталь сейчас намертво нас с Землей рассорить хотят? Да и людей жалко.

То самое раздражение, которое не давало Ланье сблизиться с «детьми Улитарта», сейчас гнало его вперед. Оно накатывало, как волна. Остановиться сил не было. Да и желания тоже.

— Не трогай эту штуку,— с ощутимой угрозой произнес Сержант, но эффекта это не произвело. Наоборот.

— Ирил,— Сова хотела сбить его настроение. Сбила.

Злость ушла, осталась только сосредоточенность. Крепкий амулет, добротный. Но ничего, как его ломать, уже видно. Вот он, центральный узор, не зря Са-Сефара гоняла его до седьмого пота, заставляя скрупулезно разбирать каждый виток разных амулетов. А амулеты аталь никогда крепостью не отличались. Изяществом — да, а за невскрываемостью — это к торкам. Даже у глеммов так не получалось. Так что этот зверь, Ирил улыбнулся, долго не протянет. Вот тут пережмем...

— Ирил! — почти взвизгнула Сова.

— Идиот! — Это Сержант.

— Ланья, смотри, сверху! — Демчи был более информативен.

Что такое? Ланья поднял голову и оторопел: с вершины холма, набирая скорость, все быстрее и быстрее, суетно перебирая тонкими ножками, на купол несся «барабан». Спасать гнездо, надо думать. Ирил отпрянул от амулета, как мальчишка, застигнутый за бабушкиным вареньем.

— Добивай, дятел! — заорал Сержант.— Теперь уже добивай его, а то нам крышка!

Ланья покраснел до кончиков волос. Сгорая от стыда, он схватился за амулет, вскрывая опутывавшие его узоры один за другим. Оболочка, тело, защита, направляющие, описание! Так, вот он, центр. Пережатый узор. Теперь его не изменять надо, теперь его

надо рвать, уничтожать, прежде чем эта циркульная пила до них доберется. «Барабан» уже был на полдороге к ним. Щупальца его удлинились, верхняя половина начала медленно вращаться. Интересно, удержит его купол хоть ненадолго?

Проверять не хотелось совершенно.

— Даваа-а-ай,— сквозь зубы прошипел Сержант, неотрывно смотря на приближающуюся смерть.

Ирил схватился за основную подпитку. Вот оно. Теперь только ее порвать — и всё. Ну же! Нет, так просто она не дается. Аталь делали амулет или не аталь, уже неважно, но линия держалась мертво. Никак.

— Ланья, дави его,— голос Демчи прозвучал как-то испуганно.

— А что происходит, а? — Небрежно уроненный на пол Шатун, естественно, за развитием событий никак не успевал.

Линия истончилась, но рваться не собиралась. Ну же, еще немного, да что ж ты, зараза.

— Ирил,— жалобно попросила Сова.— Добей его, он нас всех убьет.

И этот жалобный голос придал сил уже начинающему отчаиваться Ланье. Линия лопнула, осыпав Ирила невидимыми окружающим голубыми искрами. Ланья завалился на спину, краем глаза успев заметить, как Сержант, раскинув руки, принимает летящую на купол тушу.

Бо-мммм. Истаять до конца шаруфа не успел, но и энергии пробить купол у него уже не хватило. Огромная туша тяжело врезалась в стенку прямо перед упершимся Сержантом и отлетела в сторону. Ударом того откинуло чуть не на другую сторону. По пути он врезался в лежащего Шатуна и захватил его с собой. Демчи еле успел увернуться.

— Да, вашу мать, кто-нибудь объяснит мне, что происходит?! — заорал придавленный Шатун.

— Один «барабан» Ланья оприходовал,— прокомментировал происходящее Демчи.

— Вот теперь я верю, что можешь амулеты ломать,— прохрипел Сержант, выбираясь из-под неподвижного Шатуна.— Вот теперь ты честный человек. И я даже тебя поздравлю, наверное. В Улитарте.— Он, наконец, весь выбрался.— После того, как голову тебе собственными руками оторву!!! — вдруг заорал он, надсаживаясь.— Ты что, кретин, человеческого языка не понимаешь?! Сказано барану: «не трогай»,— так за какими Тварями ты туда полез?!

Если Ирил и собирался обидеться, то времени ему не дали.

— Аталь! — не своим голосом заорал вдруг Демчи.

Маги подняли головы. На вершине холма появились шесть фигур. Аталь определили магов Братства как угрозу.

— Твою мать,— упавшим голосом произнес Сержант.

— Портал всё еще не берется,— неестественно ровным тоном доложил Демчи.

— Держим купол,— обреченно взялся за линии защитного узора Ланья.

Неуловимым движением Стрелки вскинули луки, и пять стрел, срикошетив, ушли в стороны. Никто и не подумал расслабляться — это была просто проверка. На-халь, держащийся немного сзади, вобрал в плечи голову, увенчанную боевым султаном, и Ирил чуть не выпустил линии из рук. Край купола перед ним вдруг начал приподниматься. Ланья среагировал только от испуга и неожиданности. Судорожно дернув полог вниз, Ирил удержал узор. И тут же в землю перед куполом воткнулось три стрелы. Еще две ушли в небо, срикошетив от стенки перед его лицом. Он даже испугаться не успел.

— Сова,— позвал Сержант.— Накрой его.

На-халь вдруг наклонился вбок, пригнулся. Выпрямился, невидяще пошел вперед, наткнувшись на одного из Стрелков, и вдруг выставил перед собой руки, рисуя какой-то узор. Воздух перед ним вспыхнул изумрудным пламенем. Стрелки порскнули в разные стороны от вмиг сошедшего с ума мага. Команда получила передышку.

— Делайте что-нибудь,— всхлипнула Сова.— Он сильный, мне его долго не удержать.

Не сговариваясь, Сержант с Демчи посмотрели на Ланью. Он сначала отвел взгляд, а потом, приняв решение, поднял голову. Всё, край. Если Сова так просит, спрятаться уже никак. Если хоть кого-нибудь здесь накроет, Ирилу не жить. Он себе этого не простит. А уж если Сову...

Свет солнца в набирающем силу новом дне стал нестерпимо ярким. Неожиданно вспомнилось, как там, в Хайаре, те же аталь уже пытались добраться до нее. Тогда не получилось.

«И теперь не выйдет»,— отстраненно подумал Ирил, собираясь с силами. Каждый Стрелок, естественно, надел перед боем блокираторы. Ничего нового даже изобретать не пришлось. Он уже делал это однажды. Амулеты Стрелков запылали красным посреди многих и многих магических линий, заполнивших пространство у подножия холма. Пять ярких звезд. Всё как тогда, на мысе Хакони.

Всё, да не всё. Ирил зацепил пять амулетов, потянулся за шестым — и замер. На-халь пылал, как костер. Огромный костер из амулетов. Ланья остановился. За что тут браться?

— Ирил, я больше не могу,— жалобный голос пробился через боевую сосредоточенность, и ответ пришел сам собой.

Больше не раздумывая, Ланья сунул обе руки в этот костер, потянув туда и пять красных звезд от Стрелков. Руки обожгло так, как будто он на самом деле схватился за пылающие головни. Силуэт на-халь дернулся, амулеты чуть не выскользнули из рук. Нет уж. Ланья, наплевав на боль, сжал руки сильнее. Ну, теперь всё. Простите, если кого обидел. Прощай, Сова.

Упершись, что было сил, Ирил потянул на себя полыхающую смесь звезд. На-халь не поддался. Ланья усмехнулся уголками губ и нажал. Аталь сдаваться не собирался. Еще бы, сейчас тут так рванет. Пять Стрелков против воли подтянулись к своему магу. Теперь вся шестерка неистово боролась за жизнь. Простое перетягивание каната. И тут Ирил с ужасом понял, что переоценил собственные силы. Амулеты медленно отдалялись, на-халь оказался сильнее. Миллиметр за миллиметром яркие звезды расходились в стороны от Ланьи. Но он все продолжал тянуть, уже осознавая собственное бессилие.

Две руки вынырнули из солнечного марева, выжигавшего сознание, и взялись за невидимый канат. Стало легче. Кто это? Не до этого, на-халь продолжал перетягивать. Еще две руки появились из ниоткуда. Еще две. «Не надо,— хотел закричать Ирил,— это только мой бой». Но из горла вырвался только хрип. В восемь рук они, наконец, остановили аталь. Но и только. И тут, к непередаваемому ужасу Ланьи, на ненавистный канат легли еще две руки.

— Нее-е-е-ет! — умудрился прохрипеть Ирил, но было уже поздно.

Глава 21

— Найди мне Гермеса,— пролаял Точилинов.— Активизируй резервный канал. Не вызывать, только подготовить. По исполнении доложить. Бегом!

Колобкин вытянулся в струнку и исчез. Семен перевел взгляд на Сибейру:

— Антонио, что с резервами?

— Все готовы. Не зря мы подстраховались. По два боевых мага на каждое направление есть.

— Высылай. Стой,— Сибейра остановился.— Пока только разведка. Сначала они должны рассказать, что происходит, и только потом ввязываться в бой. Понятно?

— Так точно,— Сибейра перешел на военную терминологию.

— Вперед. Как только появляется новая информация — сразу ко мне.

Сибейра скрылся за дверью. Мастер Ацекато посмотрел на Муритая, по привычке тихонько примостившегося на диване в углу.

— Мур...

— Да, Мастер? — привстал торк.

— Ничего,— после паузы задумчиво произнес Точилинов.— Ничего.

— Вольды помогут,— осторожно сообщил Муритай.— Я предварительно поговорил, нам остается только попросить.

— Я знаю,— Семен сгреб рукой подбородок.— Но не будем.

— Почему? — удивился Муритай.— Всё как в тот раз: нам нужна помощь, вольды помогают.

— Не всё,— вздохнул Точилинов.— В тот раз была чистая агрессия против обитателей Пестика, и вольды были в своем праве. А сейчас это наши человеческие игры в политику. И я не имею права втягивать вольдов в эту грязь.

— Им всё равно,— заметил Муритай.— Они помогают Братству.

— Мне не все равно,— Мастер Ацекато тяжело посмотрел на торка.— И, если честно, я до конца не понимаю, во что мы ввязались. Если выяснится, что дело плохо, я кочевряжиться не буду. Попрошу помощи у вольдов, потом извинюсь за то, что пришлось их привлекать из-за наших дрязг. Но сначала я должен понять, во что мы вляпались.

Тооргандо первым вывалился из портала, на лету подвешивая три узора. Два защитных, один — активная оборона. Осмотрелся. Никого. Четыре хруста сзади: Пелоц (его напарник), два немагических бойца (своих Тор отдал на такие же группы) и мальчишка-курьер из улитартских.

— Где это мы? — завертел головой Пелоц.

— Не знаю пока,— медленно ответил Тооргандо, осматриваясь.

И в самом деле — местность вокруг никак не походила на окрестности русской земной базы. Та стояла на острове посреди озера, а тут лес какой-то. Тооргандо запустил координационный узор, привязывающий его к месту относительно кристаллов связи Братства, присмотрелся к полученным данным и присвистнул.

— Ни фига себе,— махнул он рукой, подзывая Пелоца.— Смотри где мы.

— До-о-хлые Твари,— выругался тот,— это нам еще километр до берега переться по лесу.

Где-то за лесом как горох рассыпали по железному листу.

— О,— сделал стойку Тооргандо.— И искать ничего не надо.

— Наших — надо,— поправил его Пелоц.

— Наших потом,— Тооргандо уже начал двигаться в сторону далеких звуков.— Приказ помнишь? Сначала доложить, что происходит, потом уже наших искать. Если до сих пор живы, потерпят еще немного. Или я что-то путаю, или это из земного оружия стреляют. Вряд ли уже по нашим.

Пятерка легкой рысцой припустила между деревьев. Когда впереди блеснула вода, Тооргандо перешел на шаг. Бойцы молча разошлись по сторонам в дозор. Пелоц сзади начал развешивать защитные узоры. Мальчишка молчал, как и было приказано. Его дело — создать портал и донести доклад от Тооргандо. Здесь лес выходил прямо на берег большого озера, поэтому Тор смог как следует осмотреться. Посреди овального озера, берега которого густо заросли таким же светлым лесом, как тот, который окружал пятерку, красовался большой остров. Сейчас на нем вырос небольшой палаточный городок — видимо, русская база. Городок находился, прямо сказать, не в лучшем состоянии. Большая часть палаток опрокинута, некоторые горят. На месте только три. Вокруг одной, стоящей прямо в центре, собралось человек тридцать. Чего стоим?

— Пелоц, глянь, чего это они там делают такой толпой? — через плечо спросил Тооргандо.

— Купол держат,— коротко прокомментировал тот.

Подтверждение последовало тут же. С ближнего к острову берега, там, где опушка леса переходила в небольшой песчаный пляж, в сторону острова полетела белая стрела, ярко искрящаяся даже на солнце. Долетела до людей и ярко вспыхнула. Амулет, висящий на ее острие, на мгновение обрисовал ровную полусферу, накрывающую группу. И тут же с пляжа в полет отправился небольшой рой таких же стрел с амулетами. Большинство бессильно ткнулись о защитный купол и соскользнули вниз, но одна, попав в промежуток между мерцаниями, прорвалась внутрь. Один человек упал, двое рядом схватились за бока. Амулет, судя по всему, был непростой. И тут же одна из лежащих бесформенной грудой палаток ожила. Ярко-красный цветок заплясал между складками. Длинная пулеметная очередь ушла в сторону

аталь. Тооргандо вывернул голову, пытаясь рассмотреть, что происходит на пляже. Увиденное порадовало. Свинцовый шквал разметал кучно стоящих стрелков. Понятно, они все на таких же защитных амулетах, но двое все же не встали, заливая кровью желтый песок. Похоже, защита не выдержала. Не все просто выходило у нападающих.

— Поможем? — ухмыльнулся сзади Пелоц, с тихим шелестом подвытягивая из-за спины меч.

— Сдурел? — не поворачиваясь, поинтересовался Тооргандо.— Ты что, сюда драться пришел? Кто и с кем дерется, уже понятно. Теперь бы выяснить, что тут было. А вот для этого как раз и надо бы наших найти. Совместить, так сказать, приятное с полезным.

— Так, может, наших уже... того? — предположил Пелоц.

— Не думаю,— Тооргандо внимательно осматривал берега озера.— Тут старшим был Реваш, помнишь его? У него в группе еще нахальный такой пацаненок был, Спиннахета, кажется. Ну, щенок такой задиристый.

— А-а-а,— вспомнил Пелоц.— И чего?

— Не верю я, что его так просто уделали. Он еще и не такое видел. Первое вторжение аталь отбивал. Не-ет,— ухмыльнулся Тооргандо,— его голыми руками не возьмешь. Живой, паразит. Вон, смотри, маркер его торчит.

— Где? А, точно,— обрадовался Пелоц.— Он что, в глубь леса пошел?

— Нет,— хохотнул Тооргандо.— Он будет тебе тут сидеть, солнечные ванны принимать на пляже. Пошли потихоньку. Всё что можно, мы уже посмотрели, комментарии лично у Реваша. Пацан,— повернулся он к курьеру,— что у нас со связью и порталами?

— Нет ничего,— парень как-то даже с лица спал.— Линии все перемешаны и порваны. Ни связаться ни с кем, ни портал построить.

— Ага, вот потому нас и выбросило за километр,— подтвердил свою догадку Тооргандо.— Ладно, ищем Реваша, потом — ты домой, а мы по обстоятельствам. Двинулись.

Реваш нашелся не сразу, пришлось поплутать по лесу, следуя за петляющими маркерами. К чему такая секретность, выяснилось сразу. Из пятерки Реваша осталось в сознании двое. С их слов стало понятно, что к появлению аталь никто готов не был. Кроме землян, как ни странно. Сам Реваш валялся тут же. Попав под какой-то узор, он, тем не менее, двоих раненых сюда дотащил, объяснил, как прятаться и ставить маркеры, и только потом свалился.

— Дела-а,— протянул Тооргандо, рассматривая неподвижного Реваша.— Короче, ну их к Тварям, этих землян с аталь, двигаем

отсюда. Пусть сами между собой разбираются. Нам еще не хватало под раздачу попасть.

В подтверждение его слов со стороны острова раздалось какое-то особенно ядовитое шипение. Грохнуло два взрыва.

— Вот и я о том же,— поднял палец Тооргандо.— Собираемся. В Ацете и Улитарте будут разбираться, что почем. А нам своих вытаскивать надо. Пацан,— он выцепил взглядом курьера,— сканируй линии постоянно. Как только сможешь построить портал, тут же говори, будем сматываться. Всё, взяли раненых и двинулись.

— Шесть групп мы потеряли,— между бровей Сибейры залегла горькая складка.— Четыре подтверждены, две считаем пока пропавшими без вести. Остальные вернулись все. Из их числа убитых — двенадцать, раненых — около пятидесяти, в том числе десяток тяжелых. Точная цифра будет позже. Земные базы разрушены полностью. Маги из них ушли, исключение составляет русская база. Тооргандо забирал оттуда группу, говорит, они и не собираются сдаваться. Потери землян неизвестны, подсчитать пока не можем.

— И не надо,— Точилинов медленно сжал и разжал кулаки. Очень хотелось потереть лицо, но такой жест Мастер Ацекато сейчас себе позволить не мог. Сам все это заварил, сам и отвечай, а закатывать истерику — это потом.— Сами расскажут. Нам сейчас надо решать, как мы из этого дерьма будем выбираться. Мысли есть?

Он обвел взглядом собравшихся. Совет Братства в полном составе. Все, кто взял под козырек, когда Мастер Ацекато предложил принять предложение Гермеса.

— А, по-моему, никуда нам и не надо выбираться,— задумчиво прогудел ван Брюккен.— Надо просто отпустить ситуацию, и все. Что мы имеем? Нападение на земные базы, потери с нашей стороны, потери землян.

— Не забудь, что аталь постараются представить всё как нашу инициативу,— подал голос Се Ляо Юй.

— Да и пусть представляют,— невесело хмыкнул голландец.— А мы будем представлять всё как инициативу одних аталь. Кто наших магов видел? Никто. А аталь засветились дальше некуда.

— Гермес знает про нашу роль,— заметил Точилинов.

— А зачем ему кричать об этом? — поинтересовался ван Брюккен.— Сегодня, извини за выражение, обосрались не только мы. Он тоже вместе с нами в этой навозной куче.

— Сейчас я уже не могу с уверенностью говорить о мотивах и целях Гермеса,— тихо, но твердо признался Точилинов.

— И не надо,— вступил в разговор Агатьев.— Что мы имеем в сухом остатке? Отношения с аталь не изменились. Как мы с ними пакостили друг другу, так и будем. С Землей ухудшились, но ненамного. Зато теперь Земля, это если еще Гермес все карты своим откроет, будет знать, что при случае мы им козью морду-то устроим. С какой-то стороны даже неплохо. Потери землян? Так наша совесть тут чиста, а кто что подумает, так на каждый роток не накинешь платок. От ухудшения отношений с земными правительствами нам ни холодно ни жарко. Так что я считаю, что тут и переживать особо не о чем.

Он откинулся на спинку стула, маги переглянулись. Нарисованная Директором перспектива выглядела неплохо.

— Не надо меня жалеть,— брови Точилинова сошлись на переносице.— Внешняя политика Братства не пострадала — и ладно. Но ты забыл о тридцати трупах. А вот это — целиком моя вина.

— Э-э,— подал голос Шаман, до этого момента в разговоре участия не принимавший.— А можно я выскажусь? Как человек, который на первом совещании уверил вас, Мастер, в нашей полной поддержке.

— Выскажись,— мрачно кивнул Точилинов.

— Я считаю,— Шаман поерзал на стуле,— что устраивать тут бенефис Мастера Ацекато в качестве кающегося грешника не очень, э-э-э... правильно. Мы все согласились с проведением операции, все слышали дона Антонио, который предупреждал, что земляне готовятся воевать со Старшими Расами, все разрабатывали план операции. Саша правильно сказал, ничего особенного мы не потеряли. Обидно, конечно, что нас, похоже, Гермес поимел для каких-то своих целей, но тут уж ничего не поделаешь, поезд ушел. Впредь будем умнее. А про тридцать трупов я так скажу. Не сочтите меня циником, но мы столько теряем в среднем каждые три месяца в стычках с теми же Старшими Расами. И никто никого на аркане в эту драку не тянул. Туда пошли только добровольцы. Любое государство ведет свою политику. И платить за эту политику всегда и везде приходится простым солдатам. Я не хочу просто умыть руки и забыть про этих ребят, но от того, что ты сейчас свалишься в затяжную депрессию, точно никто не выиграет. Экий ты у нас ранимый. Если мы так будем переживать каждую неудачу, то лучше прямо сейчас закрывать лавочку и отправляться в изгнание. Если хочешь, я покажу пару пещер, у меня есть в округе.

— Пошел ты,— пробурчал Точилинов, но уже без прежнего накала.

— Никуда я не пойду,— не успокоился Шаман.— Я предлагаю считать операцию завершенной и начинать использовать сложившуюся ситуацию в своих целях. А для начала, ты не мог бы теперь рассказать, что ты планировал получить от сделки с Землей? Теперь-то уж, я полагаю, можно открыть карты. Что получал Гермес и что получали мы?

Мастер Ацекато тяжело вздохнул. Обвел собравшихся взглядом. Сочувствия не нашел и вздохнул еще раз.

— Что получал Гермес, я уже сказал: единственное представительство Земли в Пестике с ним во главе. И это, похоже, будет реализовано,— он вздохнул еще раз.— А мы получали, как я уже говорил, контролируемое присутствие Земли здесь плюс в перспективе признание Землей нас в качестве суверенного государства. А в дальнейшем — союзный договор.

— И это Гермес обещал? — недоверчиво поинтересовался Агатьев.

— Саша,— укоризненно посмотрел на него Точилинов.— Гермес обещал идти в этом направлении в случае реализации его плана.

Наступила тишина. Маги обдумывали полученную информацию.

— Ну, в принципе... — одобрительно протянул ван Брюккен.

— А аталь нам все карты спутали,— подвел черту Се Ляо Юй.— Получается очень логичная картина. Теперь выполнение обещаний господина Йенсена, так, кажется, его зовут, под бо-ольшим вопросом.

— Ты это к чему клонишь? — заинтересовался Сибейра, отвечающий за сохранение информации.

— К многообразию вариантов,— уклонился Ляо Юй.— Что скажешь, Семен?

— Не знаю,— Точилинов остановившимся взглядом смотрел куда-то в центр стола, размышляя.— Надо считать, смотреть, разговаривать. Так в лоб я не могу ответить. С ходу отбрасывать возможность того, что Гермес нас сдал аталь, чтобы не выполнять обещания, нельзя. Но уж больно это как-то... топорно, что ли. Не в стиле Гермеса. В руки взять нечего, но что-то мне подсказывает, что всё не так просто. Есть тут что-то... неправильное в этой картине. Что-то не то. Давайте я сначала с Гермесом пообщаюсь, послушаю, что он скажет, а потом еще раз соберемся — и обсудим. Тем более что Саша и в самом деле прав. Спешить-то некуда. Всё уже закончилось.

Он тяжело поднялся.

— Антонио,— попросил он Сибейру, перед тем как выйти из комнаты,— разберись только до конца с этими двумя группами, которые без вести пропали.

Гермес отложил кристалл и устало потер лицо руками. Тяжело, очень тяжело, но...

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите? — Адъютант приоткрыл дверь.— На связи Третий.

Йенсен выпрямился, отдыха не предвиделось.

— Седьмой? — Молодой женский голос в трубке никак не подходил к этому звонку.— Третий сообщает, что встреча назначена на сегодня на двадцать один тридцать.

— Принято, двадцать один тридцать. Буду.

Короткие гудки. Вот так, коротко и ясно. Что ж, пойдем докладывать об успехах в проделанной работе. Грязно это всё, конечно... Но, черт побери, интересно ведь...

Со времени последней встречи ни кабинет, ни хозяин изменений не претерпели. Тот же кабинет, обставленный со сдержанным достоинством, тот же хозяин — невысокий человек в дорогом сером костюме.

— Здравствуйте, товарищ генерал-лейтенант. Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо,— Гермес опустился в предложенное кресло.

Дверь открылась, секретарь внес поднос, уставленный чашками.

— Кофе?

— Да, спасибо.

— Итак, Торвальд Эрикович,— хозяин кабинета аккуратно взял маленькую чашечку.— Насколько я знаю, все проходит по плану.

— Так точно,— подтвердил Йенсен.— Группа вышла за несколько часов до атаки на базу. По имеющейся информации, до Территорий они дошли в соответствии с графиком. Теперь нам остается только ждать.

— Как вы считаете,— поинтересовался человек,— кто-нибудь мог отследить перемещение группы?

— Прятаться бессмысленно,— пожал плечами Гермес.— По баронствам незамеченным не пройти, но это и не требовалось. Главное — войти в Территории. Точку и время выхода не может спрогнозировать никто.

В принципе, всё это уже имелось в докладе, который лег к нему на стол насколько часов назад, но раз спрашивает, значит, надо. Просто так языком тут трепать никто не будет.

— Территории — это отдельный мир, зачастую живущий по своим законам,— продолжил Гермес.— Оттуда можно выйти как раньше, так и гораздо позже запланированного времени. Наша задача, как я уже докладывал, заключается в том, чтобы к моменту появления группы, если она выполнит задачу, организовать систему, при которой полученная информация будет немедленно передана по назначению.

— Понятно,— кивнул хозяин кабинета.— А в этом направлении тоже всё в порядке?

— Так точно,— еще раз коротко кивнул Йенсен.— Уцелела единственная база, на основе которой и будет строиться представительство Земли в Пестике. Это логично,— пожал плечами он и улыбнулся.— И это полностью соответствует договоренностям, достигнутым между Братством, Землей и нелюдями.

Оба вежливо рассмеялись.

— И все же меня беспокоят нелюди,— покачал головой Третий.— Откуда они могли узнать о готовящейся операции? Ведь ничем иным, кроме превентивного удара, эта атака быть не могла.

— У Старших Рас хорошие прогносты,— поджал губы Гермес.— Объект всегда находился под их пристальным вниманием, поэтому изменение линий вероятности в отношении него пропустить было трудно. С другой стороны, нападение было совершено на все базы, что косвенно подтверждает версию о том, что нелюдям так и не удалось детально разобраться в ситуации. Да, они останутся настороже, но время сгладит все острые углы, и, если наше представительство не будет ломать общепринятые правила Пестика, острота восприятия понемногу сойдет на нет. А к этому времени, повторюсь, наша главная задача — создать эффективную систему, позволяющую оперативно обработать добытую группой информацию.

— Это — если группа выполнит свою задачу,— заметил Третий.

— Не выполнит эта, выполнит следующая,— убежденно сказал Гермес.— Главное — это система. А первый камень в ее основание мы сегодня заложили.

Хозяин кабинета долгим взглядом посмотрел на Йенсена. Тот выдержал взгляд не моргнув.

— Хорошо,— наконец прервал паузу Третий.— Идите, Гермес Седьмой, и выполняйте свою задачу.

— Есть! — поднялся из кресла Йенсен.

— И удачи всем нам... — тихо проговорил невысокий мужчина в дорогом сером костюме, глядя на закрывшуюся за Йенсеном дверь.

Глава 22

Вязкая темнота уже не пугала. Ирил улыбнулся ей как родной. На сей раз он выбрал ее сам. Вот только сейчас не будет зовущей звездочки, как тогда. Теперь это навсегда, это конец. Ребят жалко, видят Несуществующие, он не хотел. Что с ними стало?..

— Где это мы? Эй, есть кто живой? — Резкий голос прорвал ватную тишину.

Сержант?!

— Есть, командир, я тут,— еще один знакомый голос.

— Демчи?

— Так точно.

— И я тоже тут.

— Вот кто бы сомневался, что Шатун и на тот свет халявой пролезет,— Демчи даже тут не успокоился.

— Только не начинайте снова,— простонал откуда-то из черноты Сержант.— Ну за что мне это?

— А что, мы уже того-с, сподобились? — поинтересовался голос Шатуна.— Если да, то по мне не так уж все и плохо, как обещалось. По крайней мере я ходить снова могу.

— Куда? — не очень логично поинтересовался Демчи.

— В смысле «куда»? — не понял Шатун.

— Куда ходить можешь?

— На ...й,— вместо Шатуна в темноте разозлился Сержант.— Вы долго будете языками трепать? Где Ланья, где Сова?

Парочка смущенно притихла. Ирилу очень не хотелось после всего случившегося появляться перед соратниками, но не сидеть же тут молча до тех пор, пока об тебя кто-нибудь не споткнется. Да и неплохо бы понять, куда они на сей раз попали.

— Тут я,— откашлявшись, подал голос Ирил.

— Ха, нашелся! — завопил Демчи.

— Ура! — добавился к нему Шатун.

— Живой, сукин сын! — Сержант не остался в стороне.

Они так обрадовались, что Ланья аж смутился. Чего это вдруг?

— Я уж думал, тебя узором придавило,— немного прояснил общее веселье Демчи.

— Да нет, вроде не придавило,— ощупал себя Ирил.— А куда это мы попали?

— А вот это мы у тебя хотели спросить,— к Сержанту вернулась его обычная желчность.

— Я не хотел,— съежился Ланья.— Так получилось. Я не думал, что вы со мной провалитесь.

— А что ты думал? — В темноте глаз Сержанта было не видно, и это было хорошо.

— Я хотел стянуть их всех на себя, как в тот раз, и одному провалиться.

— Куда провалиться? — уточнил голос Шатуна.

— Не знаю,— еще тише ответил Ирил и вдруг сорвался на крик: — А кто вас просил помогать?! Зачем за узор хватались?!

— А затем,— Сержант остался спокоен,— что халь тот не новичком оказался, ты уже на части расходился. Так что лучше кончай истерику — и давай соображать, куда мы попали и как отсюда выбираться.

Ланья пристыженно замолчал.

— Я не знаю, где мы,— наконец выдавил он.— Тут сразу и похоже и не похоже на то место, где я в прошлый раз был. Со мной тогда совсем плохо было. Если бы не Сова... — он осекся.

— Сова! — заорали все четверо одновременно.— Сова! Ты где? Отзовись! Сова.

Ирил метнулся в сторону. Наткнулся на кого-то, больно ударился рукой об острое железо и отлетел в сторону. Еще кто-то налетел на него самого.

— Сова!

Желтый огонек вспыхнул в темноте, выхватывая руку, держащую его, но не более. Чуть погодя к нему добавились еще два. Ирил чуть ли не впервые в жизни пожалел, что не курит. Видимости огоньки не добавили, но как успокаивающие ориентиры годились вполне. Все-таки страшно вот так, в темноте, бегать.

Огоньки сошлись вместе, теперь стали видны лица магов.

— Ирил,— посмотрел куда-то в сторону Демчи.

— Тут я,— Ланья подошел поближе.

Огоньки начали гаснуть один за одним: зажигалки раскалились. Ирил потянулся к линиям, попробовать подвесить хоть какой-нибудь узор, чтобы посветлее стало. Как ни странно, линии были, только скользкие какие-то. Но узор получился: призрачно-голубое кольцо поднялось над головой Ланьи, осветив сгрудив-

шихся магов. Ирил обежал взглядом освещенное пространство и остановился на Сержанте. Тот вопросительно поднял брови.

— Сова!!! — заорал во всю глотку Ланья, не отводя взгляда от Сержанта. Тот вздрогнул.

— Чего кричишь? — раздался скрипучий, до боли знакомый голос.

Тут уже вздрогнули все: спрашивал не Сержант.

— Кто это? — осторожно поинтересовался Шатун.

— Мох! — обрадовался Ланья.— Это ты?

— Я,— в скрипучем голосе проскользнуло удивление.— А ты кто? А-а-а, опять? Выбрался?

— Выбрался,— обрадованно доложил Ирил.— А ты не знаешь, где Сова?

— Не где, а когда,— поправил его мох.

Ланья почувствовал, что голова опять начинает тихо плыть, как тогда, при первой встрече. К счастью, сейчас он был не один такой, с плывущей головой.

— А «когда» — это где? — с безупречной логикой поинтересовался Демчи.

— «Когда» — это не сейчас,— проскрипел мох.

— А «не сейчас», это когда? — подключился к разговору Шатун.

— Я всё понял,— Сержант сел на пол и закрыл руками голову.— Это мне наказание за грехи мои. Двоих охламонов мне мало было, теперь еще третий добавился. Только он не здесь и не сейчас. А так — всё то же самое.

— Что это с ним? — поинтересовался мох.

— Не обращай внимания,— успокоил его Шатун.— Это он многообразие восприятия отключает для лучшей конгруэнтности и коррелятивности.

Сержант тихо застонал.

— Мох,— в другой ситуации Ирил, может, и сам бы повеселился, но не сейчас.— Ты не знаешь, как нам Сову найти?

— А никак,— исчерпывающе поведал мох.— Она линии не до конца с вами держала, раньше отпустила, поэтому она сейчас позже. Вы до нее не доберетесь. Разве что,— с сомнением протянул он,— вы повернуться сможете. Но тогда придется не до конца идти. Нет,— твердо заключил он,— не найдете.

— Мох,— Ирил судорожно скрючил пальцы и медленно сделал вдох-выдох,— мы не понимаем, как надо поворачиваться и идти не до конца. Мы не знаем, что такое «позже, а не сейчас». И мы не имеем ни малейшего представления, где мы находимся. Пожалуйста, расскажи нам все с самого начала.

— Сначала? — задумался мох.— Ну, вы тут грохнулись. Нет, сначала она грохнулась,— поправился он.— И она... О, посидитека тут.

Он воодушевился и пропал.

— Мох,— позвал Ланья.

Тишина.

— Зар-р-раза,— с чувством прошипел Ирил.

— Кто это? — потребовал информации Демчи.

— Ты же слышал,— пожал плечами Ланья.— Мох.

— Какой мох?

— Обыкновенный. Из тех, которые тут водятся. Которые не сейчас, а потом. И не спрашивай меня подробности. Я и сам ничего не понимаю. Просто когда я примерно в таком же месте в прошлый раз валялся, он мне заснуть не давал. Сова говорила, что он меня спас, а то не вытащили бы. Он меня всю дорогу ерундой такой же грузил. И тоже не сейчас, а раньше. Или позже. Неважно. Но что это значит,— он развел руками,— ума не приложу.

Наступило молчание. Все пытались придумать хоть какое-нибудь объяснение происходящему.

— А вот... — начал Шатун, но его перебил уже знакомый сварливый голос:

— Ну все, нашел я вашу Сову. Ну и запряталась она...

— Жива?! — Ирил завертел головой одновременно во все стороны, пытаясь увидеть моха.

— Да жива, жива.

— Где она?!

— Я уже говорил,— к сварливости в голосе мох прибавил менторские нотки,— она позже. Совсем позже, даже не все видно...

— Так,— Сержант понял, что если не взять управление диалогом на себя, то понимать ситуацию скоро станет некому.— Давай по порядку и с самого начала. Только ты не вещать будешь, а на вопросы отвечать. Ага?

— Ну давай,— не очень уверенно проскрипел мох.

— Так, первый вопрос: мы где?

— Здесь,— твердо отчеканил мох.

Титаническим усилием воли Сержант сохранил деловой тон.

— «Здесь» — это где?

— Э-э, здесь — это здесь,— скрипнул мох.

— Хорошо,— почти по буквам выдохнул сквозь зубы Сержант.— А до этого мы где были?

— До этого вы были позже,— бодро чирикнула темнота.

Шатун сдавленно хрюкнул и согнулся почти пополам. Демчи отвернулся, чтобы Сержант не видел его лица. Ирил тихо отступил в тень, сдерживая рвущийся хохот.

— Позже чего? — Если бы мох стоял перед ними, Сержант, наверное, его уже бы душил.

— Позже того, где вы были.

— А где мы были?! — Сержант, как недавно Ланья, вертел головой в поисках жертвы.

— А откуда я знаю, где вы были? — удивился мох.— Где были, там и остались. Только стали позже.

— Как это позже?..— начал было уже готовый к убийству Сержант, но его перебил вдруг переставший смеяться Шатун:

— Подожди, командир. Слушай,— поднял он голову вверх,— мох, мы стали позже, это понятно. А остальные?

— А остальные ушли дальше,— мох явно обрадовался появлению вменяемого собеседника.— Они сдвинулись, как положено, а вы остались.

— Куда сдвинулись?

— Позже,— объяснил мох.— А вы остались сейчас.— Он помолчал немного и добавил: — А ваша Сова совсем немного осталась, а потом тоже двинулась. Поэтому она позже них, но раньше вас. Понятно?

— Понятно,— кивнул Шатун.— А ты сам когда? Раньше или позже?

— А я везде,— фыркнул мох.— Где хочу, там и хожу. Только у вас неинтересно, я обычно или раньше, или позже.

— Я-асно,— протянул Шатун.— А как мы остановились, ты понял?

— Не-а,— раззадорился мох.— Это он сделал. И в тот раз, и в этот. Я так не умею, мне интересно стало. Но он тогда не мог говорить, он лашу с собой прихватил, его и придавило. А сейчас вы ее обошли, вот и нормальные. Расскажете, как?

— Обязательно,— заверил его Шатун.— Только я объясню всем, где мы, и расскажем. Хорошо?

— Хорошо,— покладисто согласился мох.— И я послушаю, а то я сам не знаю, что это такое — «где».

— Так, мужики,— повернулся к остальным магам Шатун.— Или я что-то путаю, или Ирил умудрился нас во времени задержать. Отсюда и все эти «раньше, позже». А мох тут и живет, во времени.

— Ага,— согласился мох с потолка.

— То есть? — Демчи задал вопрос раньше, чем Сержант успел открыть рот.— Так что, получается, мы теперь можем по времени путешествовать? Вот здорово. Бабушку повидаю.

— На том свете повидаешь,— теперь пришла очередь Сержанта.— Наше путешествие пока только в один конец выходит. Сидим тут теперь, и никуда не двинешься. Как выбираться будем?

— Ирил придумает,— убежденно парировал Демчи.

— Что-то в прошлый раз не больно он и придумал.

— Так в прошлый раз он сам говорил, что пластом лежал, а теперь вон, огурцом скачет.

— Ирил,— в призрачном свете мерцающего узора лицо Сержанта казалось гротескной маской.— Придумаешь?

— Я? — Ланья явно не ожидал такого поворота.— А что я могу придумать?

— Вот про это я и говорил,— Сержант повернулся обратно к Демчи.— Никакого счастья сверху не свалится, самим надо головой думать.

— А я что, против? — удивился Демчи.— Я только за. Давайте думать.

Думать получалось плохо, сказывался недостаток информации. Пришлось накапливать материал для размышлений. При осмотре помещения выяснилось, что темнота имеет свои пределы. Место, где они сидели, оказалось полусферой радиусом метров двадцать. До потолка не достали, но Шатун, на глаз прикинув кривизну стен, определил высоту купола как «до хрена» — тоже метров двадцать. Получилось почти ровное полушарие. Стены мягко пружинили, но сделать с ними хоть что-то не получалось никак. Увидеть, что снаружи,— тоже. Звуков не было, движения воздуха — никакого, хотя дышать труднее не становилось. В итоге — неподвижная клетка, полная черной тишины. Мох поначалу пытался подавать реплики, поясняющие последствия того или иного движения, но разница в терминах сводила все его усилия на нет.

Озверевший Ланья попытался соорудить какой-нибудь таранный узор. Не вышло. Магические линии проходили сквозь накрывавший их купол, появляясь с одной стороны и исчезая с другой, но силы их хватало лишь на слабенькие узоры — вроде осветительного, который гореть-то горел, но света давал, чтобы только-только осветить пятачок на пятерых. Тупик.

— Ирил,— Сержант устало опустился на пол.— А как ты в прошлый раз отсюда выбрался?

— Не я выбрался,— пояснил Ланья,— меня «выбрались». Кто-то из улитартских выдернул кусок узора, и меня отсюда выкинуло. Но лучше так не выходить.

Его передернуло.

— Нет, блин,— завелся Сержант.— Лучше тут сидеть и ждать, пока от голода сдохнем.

— Подожди, командир,— остановил его Шатун.— А давай моха спросим. Может, он чего посоветует. Или расскажет. Мох,— позвал он.

— Не-а,— проскрипел голос моха.— Я такие штуки никогда не видел раньше. Вы линии согнули, уперлись — и остановились. Но ненадолго. Лаша дальше пошла. Она сильная. Немного вас пообтекала, а потом сорвала, и стало все как надо. Только вы чуть позже идете.

— А что такое «лаша»? — поинтересовался Шатун.

— Лаша? — задумался мох.— Ну, это...

Но договорить у него не получилось. Пятно яркого света появилось над головами сидящих магов. Мох взвизгнул — и пропал. Пятно разрасталось, свет становился нестерпимым. Он резал даже сквозь закрытые глаза. Стенки полусферы вдруг стали видны, за ними колебались какие-то тени. Окружающий купол начал вибрировать.

— Держитесь, мужики,— Ирил узнал приближающееся ощущение, и оно ему не понравилось.— Командир, ты просил, чтобы тебя отсюда вытащили? Пожалуйст...

Пятно полыхнуло, и Ланью накрыла волна знакомой боли, выворачивающей наизнанку.

Глава 23

— Мужики, вы как? — На сей раз волна боли прокатилась как-то быстро, не оставив после себя безумного шлейфа. Ирил открыл глаза в полном сознании и довольно приличном самочувствии. Всё, в принципе, было нормально, только какая-то черная точка перед глазами мешала сосредоточиться и встать. Ланья моргнул. Точка превратилась в дырку. Он моргнул еще раз, и дырка привязалась, наконец, к общей картине мира.

— Не двигаться! — Черная дырка оказалась дульным срезом автомата (Сержант перед выходом показывал оружие землян). За ней маячило смуглое лицо. Земная база смогла отбиться от аталь.

— Не двигаюсь,— Ирилу стало смешно.

— Медленно встать на колени, руки на затылок, ноги скрестить! — Понятная, благодаря хальер, речь, несколько сбивала с

толку: мелодичность голоса явно контрастировала с резкостью приказа.

— Как скажете,— фыркнул Ланья.

Парню, наверное, кажется, что так неудобно стоять и что ничего Ланья сделать не сможет. Ошибка. Вставать из такого положения и правда неудобно, но зачем вставать? Ирил и так ему в любой момент мог воткнуть что-нибудь острое в живот. Ладно, не будем раньше времени Тварей полошить, сначала надо узнать, что с остальными.

— Назови себя.

— Ирил Ланья.

— Что ирил ланья? — не понял голос сзади.

— Меня так зовут, Ирил Ланья,— терпеливо пояснил Ирил и повернул голову: в нескольких шагах от него в такой же позе с каменным лицом стоял Сержант.

И тут же получил болезненный удар в бок:

— Я сказал: не двигаться.

— Еще раз так сделаешь, я тебе что-нибудь сломаю,— прошипел Ланья, морщась от боли.

— Еще раз что-нибудь вякнешь, я тебя пристрелю,— злобно рявкнул голос в ответ.

Судя по звенящим интонациям, парень и вправду мог пальнуть. Это пока в планы Ирила не входило, и он решил промолчать, отложив на время наказание наглеца.

— Кто вы такие и что здесь делаете?

— Не знаю,— честно ответил Ланья и получил еще один удар в то же место.

Это было лишним. Шипя от злости, он прянул вбок... И кубарем полетел по земле, получив по голове чем-то твердым. Когда зрение немного прояснилось, прямо перед глазами Ирила расцвел огненный цветок. Раздавшийся грохот оглушил и почти вернул Ланью в исходное состояние.

— Это последнее предупреждение, потом пристрелю,— смуглое лицо нависло над Ирилом.

— Сначала нейтрализуй его, Шакти,— раздался недалеко властный голос.— Они все здесь маги.

Ланья скосил глаза: над ними стоял человек с таким же смуглым лицом. На голове у него красовалась какая-то тряпка, намотанная в несколько слоев.

— Есть, сэр,— Шакти грубо рванул Ланью за плечо.— Встать. Надевай.

Поначалу Ирил посмеивался над несуразными штуками, в которые запихивали его руки и ноги, но под конец он понял, что вой-

на с аталь не прошла для землян зря. Валяясь на земле в крайне неудобной позе, Ланья не мог пошевелить ничем. Хитрые распялки, в которые его обрядили, обездвиживали намертво. Даже пальцем не пошевелить: на них специальные твердые перчатки. А в довершение всего на него повесили амулет. Машинально потянувшись к магическим линиям, Ланья осознал, для чего он нужен. Линии не брались. Вот они, видны как на ладони, а взять никак. Ирил даже восхитился мастерством землян. Хитро придумали.

— Несите их,— распорядился землянин с тряпкой на голове.

Ланью подняли и понесли. Ирил огляделся. Судя по всему, мох не врал. Они оставались на том же месте, где Ирил пытался взорвать амулеты аталь. Да вот и они сами. Желтые Стрелки сломанными куклами валялись на склоне холма. На-халь лежал поодаль. Вернее, Ирил догадался, что это на-халь: верхняя половина туловища лежащего трупа была просто сожжена.

Перевалив через вершину холма, носильщики двинулись в сторону разрушенной базы. Мерная тряска даже несколько успокаивала. Когда она закончилась, и Ланью, как мешок, бросили на землю, он попытался оглядеться. Увиденное наполнило его даже некоторой гордостью: все-таки базу они разнесли качественно. Вокруг не было ни одного целого предмета. Разорванные палатки, разломанные ящики, перемешанные с землей продукты. Запах незнакомых специй наполнял воздух.

— Итак,— в поле зрения появился давешний начальник с тряпкой на голове. С одного взгляда определив старшего, он остановился перед Сержантом.— Кто вы такие и что здесь делаете?

— Патруль Братства Магов Земли,— Сержант говорил громко и четко, чтобы слышно было всем и не получалось разночтений.— Получив информацию о том, что здесь дерутся, мы направились сюда. На холме нас атаковали аталь. В ходе боя наш маг,— он слегка кивнул в сторону Ланьи,— начал ломать боевой узор нахаль. Силы оказались равными. В результате узор трансформировался во что-то непонятное. Что стало с аталь — неизвестно. Мы оказались где-то в параллельном пространстве. Вытащили нас оттуда вы. Всё.

Тряпкоголовый огляделся, судя по всему остро сожалея о том, что начал разговор в присутствии всех. Ирил хмыкнул про себя: да уж, Ищущего из него не получилось. А теперь уж поздно остальных терзать — все будут твердить одно и то же.

— А это что? — Землянин, видимо, решил не тратить время на страдания по поводу упущенных возможностей. Он махнул рукой куда-то вбок. Ланья вместе со всеми повернулся, куда показывали.

На относительно чистом пятачке красовалось темно-синее яйцо. Иногда по нему пробегали сполохи, но в целом оно оставалось неподвижным. Вокруг задумчиво похаживали двое землян, явно не военного вида.

— Понятия не имеем,— честно пожал плечами Сержант.— Это уже ваше произведение.

— Не наше,— покачал головой землянин.— Вы сидели в таком же. Но ваш вскрылся, когда мы амулеты на-халь разделили, а этот остался.

— Сова! — вырвалось у Ланьи.

— Кто это? — развернулся к нему землянин.

— Еще один наш боец,— Сержант поспешил ответить, пока Ланья не начал болтать.— Мы думали, он пропал, а оказалось, нет.

— Сэр, там сдвиг линий по спирали идет,— доложил один из исследователей.— Нечто похожее наблюдалось у них,— он кивнул в сторону спеленатых магов,— но тут все мельче. Четче, но мельче. Очень аккуратная работа. И взять не за что, нет входов и выходов линий, как у этих.

Сержант глянул на Ирила с каким-то странным выражением. Землянин перехватил этот взгляд и нахмурился:

— Вскрывайте.

Ирил напрягся. Что получится из этого «вскрытия», предположить сложно, но если с Совой хоть что-то случится, то лучше бы этим ребятам было сидеть дома.

— Но, сэр,— запротестовал один из них,— здесь весь узор переплетен так, что можно повредить его весь. Опасно.

Командир поднял бровь, демонстративно недоумевая.

— Не для нас,— поправился тот.— Для того, кто внутри.

Ланья тут же преисполнился симпатии к говорящему. А что, вполне приятный парень. Молодой, но с серьезными глазами. Плечи узковаты, кожа темновата, так и что с того? Тахор вон тоже красотой не блещет, а вполне уважаемый гражданин.

— Ничего страшного,— припечатал командир.

— Как это ничего страшного?! — сорвался Ирил. Вырвавшись из держащих его рук, он покатился по земле. Конвойный опять попытался его остановить с помощью приклада, но тут уже шутки кончились. Свою боль Ланья был готов терпеть очень долго, но Сова... — А если с ней что-то случится?!

— И что? — вцепился в него взглядом землянин.— Какое мне дело до того, что станет с каким-то вольдом? Вы пришли к нам, разгромили нашу базу, убили наших людей, а теперь просите о сочувствии?

— Да никуда мы не приходили! — Ланья не отпускал взглядом землянина, одновременно уворачиваясь от конвойного, тот все еще пытался достать его прикладом, не соображая, что не получится.— Мы патруль Братства, шли мимо, увидели драку, попытались разобраться, а тут аталь. Да отвяжись ты,— Ирил пнул совершенно ошалевшего от бесплодных попыток конвойного в колено и другой ногой свалил его.— Мы же убивали ваших врагов, посмотрите!

— Тут еще надо разобраться, кто кого убивал,— прищурился командир.— Отставить, Шакти,— остановил поднявшегося на ноги конвойного.— Да, аталь нападали на нас. Но я не уверен в том, что атаку на базу начали именно они.

Его взгляд стал прожигающим. Не то чтобы Ирил запаниковал, но колени предательски дрогнули. Если земляне их срисовали вначале, то пощады ждать не приходится. А самое обидное, что они-то как раз никого и не тронули. Но сейчас главное не допустить ни капли неуверенности, иначе им всем конец прямо здесь.

— Вот там,— Ланья повернул голову в сторону, откуда их принесли,— лежат шестеро аталь. Вы с ними воевали, мы их убили. Что еще? Кто на вас еще нападал, это вы сами разбирайтесь. Мы здесь ни при чем. Братство не воюет с Землей. Почему вы нас держите за врагов?

Блефовать так блефовать. Краем глаза Ирил заметил одобряющие кивки Сержанта, но смотрел он на землян. Теперь — на тех двоих, которые должны были открывать кокон с Совой. Повисла тишина.

Маятник на секунду замер — и качнулся. Тряпкоголовый землянин принял решение и открыл рот, чтобы...

— Тревога! — раздалось сразу несколько голосов.— Тревога!

Ирил завертел головой, пытаясь понять, что происходит, но с земли видно было плохо. Командир землян явно понял больше. Лающим голосом он начал отдавать приказы. Линии хальер вокруг напряглись. Понять, какой узор строят земляне, из-за амулета не получалось, но вскоре все стало понятно и так. Сверкающая стрела промелькнула над головами, вонзившись в одну из куч мусора. Из нее тут же выскочил человек с автоматом. Стрела попала ему в плечо, и теперь он вертелся волчком, пытаясь ее вытащить. Земляне явно уже с таким сталкивались.

— Ложись!

«Уже»,— хмыкнул про себя Ланья, и тут стрела взорвалась, заливая все вокруг ослепительным светом. Куски того, что было че-

ловеком, разлетелись вокруг. Один упал прямо возле ноги Ирила. Показалось или он шевелится?

— Не прикасаться! — каркнул командир.

— И не собираюсь,— Ланья опасливо откатился от шевелящегося куска мяса. Что аталь туда прицепили?

— Купол! — скомандовал землянин.

Они успели. Следующая стрела, мелькнув в воздухе, бессильно скользнула по невидимой стене.

— Огонь без команды!

База ожила. Грохот выстрелов заглушил все звуки. Но и аталь не дремали. Купол, судя по всему, закрывал не всю базу, людей уже не хватало, и то тут, то там вокруг держащих защиту магов начали вспыхивать маленькие костерки, в которых сгорали солдаты Земли.

Оскалившись, командир и один из тех, кто хотел вытащить Сову из кокона, тот щупленький, пытались атаковать аталь в ответ. Ирилу не было видно результата, но обреченное выражение их лиц говорило само за себя.

— Освободите нас,— Ирил повернул голову и увидел Сержанта, пытающегося встать в распялках.— Мы с вами.

— Лежать! — не поворачивая головы, выплюнул землянин.

— Мы боевые маги, все! — Встать у Сержанта не получалось, но он не оставлял попыток.— Они хотели нас убить точно так же, как вас. Освободите нас. Вам что, четыре бойца лишними будут?

Пучок сверкающих стрел ударился о купол, сделав его на секунду видимым. Раздался недовольный гул. Один из земных магов, держащих купол, упал на колени.

— Да снимите с нас эти палки! — Сержант катался по земле, но хитроумная конструкция держала надежно.— Они вас сомнут, это же ясно. Мы люди, и мы с вами. Братство не воюет против людей.

Ирил тоже попытался освободиться, но быстро понял, что это дохлый номер. Неведомые изобретатели постарались на славу, без посторонней помощи выбраться из этих колодок невозможно. Вот будет зрелище, если аталь сомнут землян и возьмут их тепленькими. Даже убить себя не получится. Ланье стало неуютно. Он посмотрел на остальных, пытаясь увидеть новые идеи. С идеями было туго. Демчи, как и Сержант, катался по земле и тоже без видимого успеха. Шатун лежал неподвижно, уставясь в небо. Просчитывает что-то?

Стрелы били в купол уже непрерывно. Он гудел, мерцал, и в его мерцании начали угадываться пробелы. Этого еще не хватало.

Стоящий на коленях землянин ткнулся лицом в землю, и командир решился.

— Освободи их,— кивнул он напарнику и бросился к заваливающемуся магу — удерживать купол.

Напарник командира, немного испуганно оглянувшись через плечо, опустился на корточки возле Сержанта, развязывая руки.

— Дальше я сам,— рыкнул тот, первым делом срывая с шеи амулет-блокиратор.— К остальным иди.

Почему-то тот начал не с Ирила, лежащего практически рядом, а рванул к неподвижному Шатуну. Лицо Ирила доверия не вызывает, что ли? Но, как бы то ни было, а Ланье оставалось только наблюдать. Сержант, освободившись, первым делом не к Ирилу или Демчи бросился, а схватился за свою сумку, которая валялась в общей куче.

Добыв оттуда какой-то магиприпас, Сержант рванул тесьму. Жаркая волна прокатилась по базе. Купол немного раздвинулся и перестал гудеть и мерцать. Держащие его маги дружно вздохнули с облегчением. Прищурившись, Сержант начал накрывать каким-то узором бойца, ведущего огонь из укрытия почти рядом с куполом.

— Отзови его,— крикнул он пристально наблюдающему за его движениями командиру.

— Сераван, под купол,— отреагировал тот.

Боец, не прекращая огня, медленно вылез из своей норы и двинулся к куполу. Аталь оценили ситуацию мгновенно: в бойца немедленно воткнулось штук десять стрел. Вернее, хотело воткнуться, Сержант прикрыл его надежно. Стрелы ушли в землю, но приключения Серавана на этом не кончились. Где-то высоко в небе вспыхнула яркая точка и понеслась к земле, все увеличиваясь в размерах. Все произошло мгновенно. Сержант успел только набрать воздуха в грудь, как искрящийся сгусток ударил в бойца, уже практически входящего под защитный купол. Досталось всем. Под куполом раздался многоголосый вопль боли, земляне повалились на землю, как кегли. Сержанта же придавило к земле, а потом подняло в воздух и швырнуло в сторону. Уже на лету в его груди начала разгораться точно такая же точка. Все еще спеленатый Ирил зажмурился. Раздалось звучное «Х-хек». Ланья открыл глаза. Летящего Сержанта принял на себя подоспевший Шатун. Обняв его, как ребенка, Шатун повалился на землю, прижимая бьющееся в конвульсиях тело. Даже не чувствуя линий, Ирил мог сказать, что он собрался делать. Шатун обволакивал разворачивающийся узор, лишая его подпитки. Но узор выходил не из простых. Теперь уже обоих колотила дрожь.

— А-а-э-э-а!!! — третьим этажом запрыгнул на них Демчи.

Что получилось, Ирил не увидел, перед ним вырос землянин, сноровисто (как же, уже четвертого распеленывает) освобождавший ему руки. Ирил так долго ждал этого момента, что оказалось достаточно лишь ослабить путы. Рывок — и Ланья подпрыгнул на ноги. Дохлые Твари, больно-то как. Затекшая нога не вовремя подломилась, и Ирил рухнул на землю. Откуда-то донесся полустон. Похоже, Демчи. Ланья, не задумываясь, прямо с земли прыгнул в ту сторону, врезавшись в кучу тел. Мама дорогая, вот это узорчик. Конечно, куда там его потушить, чудо, что они его просто сдерживают. Сверху навалился еще кто-то. Землянин? Спасибо тебе, родной, конечно, за помощь, но неужели ты думаешь, что просто устроить кучу-малу достаточно, чтобы вырубить эту гадость. Чего делать-то собрался? Полежать? Премного благодарны.

Ланья вывернулся из кучи тел и начал бешено осматриваться, в надежде зацепиться хоть за что-то. Вот он, канал подпитки. А что ж ты не рвешься? А-а-а... Узор Сержанта, прикрывавший бойца, впечатался в общий купол. От него шла уверенная линия, скрывавшаяся под барахтающимися телами, стрелы аталь били в нее регулярно. А порвать? Ирил протянул и тут же отдернул руку. Ага, сейчас. Порвать он порвет, но тогда узор пойдет по всему куполу, и вот тут-то землянам мало не покажется. Что делать? А если?.. Ну, готовьтесь, ребята.

Ланья прищурился, прикидывая место, где пульсировал узор Сержанта, «оделся» в свой защитный узор и с диким воплем прыгнул туда. Удар! Что такое? Опять распялка. В скрюченной позе Ирил влип в купол. А узор? Хвала Несуществующим, выбил. Ланья вынес пораженный узор как кирпич из стенки. Он теперь бессильно вертелся неподалеку, истаивая на глазах уже безвредными для людей искрами. Так, теперь обратно. А как? Ирил дернулся. Без толку. Узор купола держал его, как смола муху. Замечательно. А если аталь атакуют? А что это там вдалеке, на холмах? Туда их через гнилое бревно, конечно, аталь атакуют. Похожее на недавний узор пятно стартовало откуда-то из холмов, так же неумолимо приближаясь. Еще раз такое проходить? Ф-ф-ух, вроде не такой же. Держим? Куда деваться, держим. Ой, сейчас больно бу-удет.

Неожиданно перед его узором появился еще один слой. Что это? И еще один, и еще. И еще один, чахленький. Откуда? Свои-и-и!!! Мужикии-и!!! Ланья благостно улыбнулся, и тут его с замершей на лице улыбкой и вбило в узор. Искорка долетела до купола. Бом-м-м.

Тишина. Темнота. Хорошо. Что?! Опять?! Нет, только не это. Да что же это такое? Чуть что — и он проваливается Твари знают куда. Так нечестно. Темнота начала раскачиваться, тишина сменилась легким шипением. Ну хоть какое-то разнообразие. Резкий свет ударил по глазам. Быстро его вытащили, однако. Вот только по лицу бить не надо.

— Ирил, Ирил, Ирил,— Демчи сидел у него на груди, раскачивался и методично отвешивал пощечины. Судя по ощущениям лица, занимался он этим уже давно.

— Стоп,— Ланья с трудом поднял руку и перехватил Демчи.— Хватит.

— Живой! — подпрыгнул Демчи.— Мужики, живой!

— Не на... — не успел остановить никого Ирил.

Его обступили, начали тормошить, поздравлять, радоваться и Несуществующие еще знают чего делать. Шатун, земляне, Демчи опять появился. Спасительная темнота снова замаячила за спинами группы ликования.

— Всем разойтись! — Спасибо тебе, дядя Сержант.— По местам! Что, всё уже кончилось? Аталь сквозь землю провалились? Р-разойдись!

Толпа рассосалась. Остались только Сержант и командир землян. Землянин сложил руки перед грудью и слегка поклонился.

— Спасибо,— коротко поблагодарил он и, повернувшись, ушел, оставив Сержанта одного.

— Цел? — поинтересовался тот.

— Вроде да,— ощупал себя Ирил.— Что это было?

— То, что ты видел,— сообщил Сержант.— Ты выбил узор, за который он, собака,— Сержант погрозил кулаком куда-то за спину,— зацепился. Сам ты при этом встал в узор купола. А тебя новым ударом вбило внутрь. Мы успели, добавили тебе прочности. Досталось, правда, всем. И нам, и землянам,— Сержант с ухмылкой покосился в сторону.— И парнишка этот земной молодец. Узорчик у него был так себе, слабенький, однако вспомнил же, что под углом его ставить надо. Рикошетом ушло. А так бы приложило нас знатно.

— А что вообще происходит? — поинтересовался Ланья, с трудом ворочая гудящей головой.

— Аталь,— коротко сообщил Сержант.— Порталы-то они пообрывали перед атакой, уйти никто никуда не может. А земляне еще и добавили дури. Вместо того чтобы затаиться и сделать вид, что давно умерли и пахнут, они давай обстреливать отходящих аталь. Те сами тогда затаились. Земляне за нами пошли, интересно им, видишь ли, стало... А аталь тут как тут.

— А что за узор ты поймал? — Ирил вспомнил, с чего начался весь сыр-бор.

— Ха,— Сержант повертел головой, как будто ему жал воротник,— мерзкая штука. Серьезный там на-халь сидит. И не один, надо думать. Вирусный узор, как я его называю. Самоподдерживающийся и подпитывающийся из ближайших источников. «Вечерняя звезда».

— «Утренняя» скорее уж,— поправил его из-за спины подошедший Шатун.— «Вечерняя» подпитывается вообще всем, чем можно, а «Утренняя» — только из родственных. Поэтому у нас ее и получилось отбить,— пояснил он.— Пока она в куполе сидела, аталь ее подпитывали, молотя стрелами, а когда ты ее выбил, тут ей и конец пришел. И я думаю, что не на-халь там, а магипрепасы. «Утреннюю звезду» соорудить в Пестике — задача не из простых. На-халь должен был все тут вокруг перекорежить, очень емкий по энергетике узор.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно поинтересовался Сержант.

— Знаю,— пожал плечами Шатун.— Проходили.

— Как-то до хрена вы чего проходили,— нахмурился Сержант.— И «барабаны» эти, и звезды утренние и вечерние.

Шатун неопределенно пожал плечами.

— А что с ними делать, вам не говорили? — ядовито поинтересовался Сержант.

— Не-а,— мотнул головой Шатун.— Я же не волшебник еще,— выдал он любимую присказку Улитарта,— я ж только учусь.

— А тогда какого хрена ты, «не-волшебник», тут делаешь? Что, заняться нечем?

Ирил против воли поежился. В процессе подготовки к рейду эта фраза могла обещать многое.

— Доложить пришел,— Шатун вытянулся в струнку.— Аталь угомонились. Что-то у них происходит.

— То есть? — Сержант развернулся в сторону противника. Ирил, шипя и морщась, сделал то же.

— Атаки прекратились как-то сразу, и с кем-то они сцепились. Вон, сполохи из-за холма идут.

— Кто может на аталь напасть? — одновременно спросили Ирил и Сержант.

— Наши? — предположил Шатун.

— Земляне? — Сержант за недостатком информации предпочитал негативные сценарии.

Из-за холма раздалось нечто, похожее на автоматную очередь.

— Не наши — прокомментировал Сержант.— Ну что ж, посмотрим...

Договорить у него не получилось.

— Руки вверх, и не двигаться,— раздалось из-за спины.

Все трое обернулись на голос. Перед ними стоял тряпкоголовый, рядом с ним один из бойцов приставлял пистолет к голове Демчи.

— И туда гляньте,— посоветовал землянин.

Скосив глаза, Ирил увидел еще одного солдата, держащего круглую железяку над коконом с Совой. «Граната»,— вспомнил он.

— Ты что ж, сука такая, творишь?! — начал закипать Сержант.

— Не двигаться! — Автоматная очередь вспорола землю перед ними. Одно неправильное движение — и они покойники.

Ирил замер, прикидывая, долетят ли осколки гранаты, взорванной сейчас, до Совы, которая позже. Не факт, но вдруг? Вдруг они сейчас рванут, а потом повисят-повисят, да и дождутся, когда будет «позже». А Сова, кстати, позже или все-таки раньше? Эх, зря они моха не слушали...

— Мы же с вами, Твари гнойные, вместе сражались,— продолжал разоряться Сержант.

— И что? — поинтересовался тряпкоголовый.— Вы свою жизнь спасали. Согласен, вместе с нашими, но это ничего не значит. И я до конца еще не разобрался, кто первый на нашу базу напал. Стоять! — еще раз повторил он и махнул рукой.— Взять их.

— Нет! — Между магами Братства и землянами вырос давешний паренек, который Сову хотел аккуратно вытащить.— Мы не имеем права так поступать. Они нам жизнь спасли.

— В сторону,— прорычал командир. Ситуация начала накаляться. Парень маячил между ними и автоматами, перекрывая обзор. Солдат, держащий Демчи, еще сильнее вдавил пистолет ему в голову, напоминая.

— Спасибо, братишка,— как можно размереннее, поблагодарил Сержант.— Только ты тут ничего не сделаешь. Отойди. Он же тебя пристрелит.

И правда, рука землянина сжала рукоять пистолета, висящего на поясе.

— И пусть! — Парнишка совсем зеленый, еще в справедливость верит. И не военный совсем. Как же командир приказ-то отменит? Тем более такой. А дальше что? — Пусть! На его совести всё будет!

— Какая совесть на войне? — грустно улыбнулся Сержант.

Парень хотел что-то ответить, даже повернулся к магам Братства, но тут же полетел кубарем, сбитый с ног мощным ударом кого-то из солдат.

— Этого под арест,— распорядился сквозь зубы командир.— Этих взять!

Ненавистные распялки опять пошли в дело. Ирил посмотрел на Демчи, а тот вдруг скосил глаза на стоящего рядом с ним бойца, а потом прикрыл их. Давай, мол, вали их. А-а-а, вот это уже другой разговор. Ну, только бы граната до «позже» не добралась. Если с Совой что случится...

Ирил расслабил напряженную руку, как будто перестав бороться с солдатом, упаковывающим его. Тот и сам расслабился. Зря, приятель, расслабленную руку проще выдернуть. Ланья сделал вдох...

— О, вот и наши,— тряпкоголовый повернулся чуть в сторону.

Из-за разорванной палатки, смятой кучей валяющейся на краю площадки, которая выходила на крутой склон, появился земной солдат. Что-то не то было в его виде, но что, Ирил сразу не разобрал.

— Бахдари, пропуст... — начал было командир.

Ирил не успел. Никто не успел, и в первую очередь не успели земляне. Уже когда все началось, Ирил понял, что «не то» было в облике солдата: оружие. Откуда, скажите, у земного солдата в руке меч?

Неведомый Бахдари только успел чуть ослабить узор купола со своей стороны, как одновременно произошло много движений.

Земной солдат в надвинутой на глаза каске выбросил вперед руку, и купол с оглушающим треском начал расходиться.

Землянин заорал чуть ли не громче купола, но было поздно.

Ирил выдернул руку у солдата, вломил ему обратным движением локтя в переносицу и рванул к Демчи.

Демчи мягко стек вниз, на секунду уйдя с линии выстрела. Ошеломленный происходящим солдат так и не догадался нажать на спуск, а потом стало уже и не до того. Ирил, набрав скорость, подлетел вплотную. «Не зря Тахор недолюбливает огнестрельное оружие, как и все вольды»,— мелькнуло в голове у Ланьи. Пока солдат соображал, как лучше встретить летящего Ирила, руками закрыться или пистолет поднять, Ланья проскочил мимо, выбросив руку и рубанув внутренней частью ладони по открытому горлу. Готов, Демчи дальше сам справится. Теперь Сова.

Так же ничего еще не соображающий солдат стоял над коконом, сжимая гранату. Ирил поймал его взгляд и вцепился в него, как абарат-убийца, всеми присосками, которые в голове нашлись.

— Нет, нет, нет, даже не думай, нет, не делай, стой, стой, не двигайся, не надо. Стой, жди.— Всем, чем можно, повторял Ланья,

продираясь сквозь ставшее вдруг непослушным пространство. То ли с перепугу он так разогнался, то ли солдат совсем голову потерял от стремительно развивающейся непонятной ситуации, но с гранатой он так ничего сделать и не успел. Ланья вцепился в ненавистный кругляш, как в последнюю в своей жизни надежду. Солдат было попытался сопротивляться, но куда там... Пусть спасибо скажет, что руку ему не оторвали. Ирил отобрал гранату, сжал ее со всех сторон и завертел головой, в поисках места, куда бы ее сплавить. Твари ее знают, от чего она взрывается. Рядом не вовремя напомнил о себе заворочавшийся солдат. Ногой слегка в пах и, пока сгибается, коленом в лицо. Некрасиво, конечно, и по-свински (по-хорошему, не заслужил парнишка такого), но ты прости, друг, очень уж страшно рядом с Совой с гранатами вашими играть. Сержант, помнится, показывал, что от них бывает. Немного поколебавшись, Ирил повернулся в сторону, откуда их принесли, там вроде никого не должно быть, и со всей силы запулил железный кругляш, стараясь попасть в какую-нибудь ложбинку. Попал. Из неприметного углубления полыхнул огненный цветок. Вот уроды, они на самом деле хотели ее убить.

Ланья вспомнил наконец о землянах и стал высматривать, что же произошло. А немного произошло-то. Единственным изменением в пейзаже был тряпкоголовый командир. Он не стоял, а лежал. Ланья присмотрелся. Ага, зарубленный. Лжесолдат неуловимо знакомой походкой двигался, как и положено, по кругу, контролируя оставшихся. Хотя нужды в контроле уже не было. Самые активные, похоже, были задействованы в аресте магов Братства и первыми попали под раздачу.

— Чисто,— Сержант поднял руку. Вокруг лежали трое.

— Чисто,— отозвался Шатун, аккуратно укладывая своего визави на землю.

— Чисто,— Демчи, похоже, не столько воевал, сколько спасал своего конвойного после удара Ирила. Ну извините.

Площадка потихоньку начала заполняться вольдами. Земляне складывали оружие, никто не хотел воевать с людьми, которые только что играючи уделали их противников. Ирил улыбнулся во весь рот, он узнал лжесолдата.

— Чисто,— во всю глотку гаркнул он, вытянувшись в струнку.

— Вот у меня он так никогда не делал,— пожаловался Сержант снимающему каску Тахору Гумануч-он.

— Ты, наверное, его посолить перед употреблением забывал,— улыбнулся торк.

— А надо было? — поинтересовался тот.

Когда они встали рядом, вот так, плечом к плечу, Ирил поймал себя на мысли, что Сержант не такой уж и грозный командир, каким всегда представал. И не страшный вовсе. И даже где-то симпатичный. По сравнению с Тахором.

— Ну что? — сварливо поинтересовался Тахор.— У вас все в порядке?

Ирил захотел тут же оглядеться. Впечатление, что учитель поймал его мальчишкой в погребе с вареньем, было полное.

— Да вроде все,— пожал он плечами.

— А что так неуверенно, солдат? — встрял Сержант.

— Так точно, все в порядке,— встал во фрунт Ланья.

— То-то.

Тахор значимо поднял брови. Вот, мол, как оно всё серьезно у вас. Ирил прыснул.

— А это что? — Торк посмотрел на кокон, и хорошее настроение Ланьи испарилось мгновенно.

— Сова,— упавшим голосом доложил он.

— Так что ж ты мне тут сказки рассказываешь? — Добродушная маска слетела с Тахора в одно мгновение.— Как она туда попала? Она что, тоже как ты?..

— Нет,— поник Ирил,— это я.

— Что — ты? — не понял Тахор.— Ты ее туда засунул?

— Нет, то есть да, то есть она сама... — Ланья окончательно запутался.

— Ничего не понимаю, ты можешь внятно разговаривать?

— Могу,— Ирил поднял голову, но договорить не получилось.

— Аталь! — в который раз за сегодня разнесся вокруг предупреждающий крик.

— Купол,— скомандовал кто-то из вольдов.

Оп-паньки, а Тахор-то тут не главный. А кто?

— Пелоц, проверьте, кто пожаловал,— три вольда скользнули вниз по холму. Командир повернулся в их сторону, и Ирил не смог сдержать улыбку. Ну кто еще может прийти их вытаскивать, как не Тооргандо.

Тооргандо заметил Ирила, улыбнулся одними глазами и снова вернулся к организации обороны.

— А как вы здесь очутились, учитель? — тихо поинтересовался Ланья.

— Конкретно я или группа спасения? — так же тихо поинтересовался в ответ Тахор.

— И то и то.

— После завершения операции пропали без вести две группы. Вы и Тибара. Ты его, наверное, не знаешь, он на юге больше известен.

Ирил пожал плечами. Действительно, имя Тибара ничего ему не говорило.

— Мастер Ацекато, похоже, не на шутку обиделся и на аталь, и на этих,— торк качнул головой в сторону сгрудившихся посередине площадки землян.— Но сначала решил окончательно разобраться с потерями и, если получится, вытащить кого сможем. Понятно, когда выяснилось, что пропали вы с Совой, то я просто пришел и сказал, что без меня они вообще никуда не попадут.

Теплая волна разлилась в груди Ланьи. Дурацкая улыбка сама собой выползла на лицо.

— Са-Сефара тоже волновалась,— улыбнулся Тахор.

Ирил расплылся еще больше. Было здорово, хотя к его-то возрасту пора было уже и выучить привычки учителя.

— Но мы никак не могли представить, что ты не уследишь за Совой,— голос торка заскрежетал как заржавленный меч по камню.— Тебя одного-то отпускать страшно, а уж с кем-то...

— Да я... — вскинулся было Ланья, но вдруг споткнулся на всем ходу, вспомнив, с чего все началось.

Сержант за спиной Тахора удовлетворенно кивнул. Торк присмотрелся к Ланье и приглашающе поднял брови: давай, мол, выкладывай.

Делиться произошедшим Ирил сейчас готов не был. А спас его от публичной порки... Тооргандо.

— Чего сидим? — У Тора в походной сумке Тварей не наблюдалось, он мог себе позволить легкость общения.— Привет, Сержант. Мастер Тахор, вы не посмотрите, что там принес Пелоц?

Торк текучим движением поднялся и, не говоря ни слова, отправился смотреть, с чем вернулся с рекогносцировки Пелоц.

— Что случилось? — не заметить выражение лица Ланьи было невозможно.

Ирил молча кивнул на слабо мерцающий кокон.

— Что там? — не понял Тооргандо.

— Сова,— коротко пояснил Ирил.

— В смысле?

— В прямом. Она там, внутри.

— Это что, такой же, в каком ты сидел? — Тооргандо одним прыжком оказался рядом с коконом.

— Примерно.

— А как вытаскивать?

Ланья пожал плечами.

— То есть? — не понял Тор.

— То есть я не знаю, как ее оттуда вытаскивать.

— А пробовал?

Этот вопрос оказался той самой каплей, которая переполнила чашу терпения. Ланья вскочил на ноги.

— Нет! — отчеканил он.— Не пробовал. С того момента, как мы из такого же вывалились, у нас ни минуты не было, чтобы нас кто-нибудь либо убить, либо в плен взять не хотел. Мы тут, знаешь ли, не дош в тенечке попивали.

Говорить так с командиром группы спасения не следовало категорически.

— Что-то незаметно,— ощерился в ответ Тооргандо.

Ланья задохнулся от накатившей ярости. Понятно, Тооргандо здесь вообще ни при чем, как ни крути, без них их бы всех положили, но держаться дальше не было сил.

— Да что ты вообще знаешь?..

— Мне вот этого достаточно,— Тор положил руку на кокон.— И я помню, каким и как тебя оттуда доставали. А теперь там Сова. И ты был тут,— он обвиняюще выставил палец.

— Да ты... — в другой ситуации, может, и обошлось бы, но Ланья опять начал искать контраргументы — и опять наткнулся на исходное происшествие, с которого начались их проблемы. Безысходность лишь добавила ярости.

Ланья с Тооргандо, набычившись, смотрели друг на друга, не находя других слов, кроме обвинений. Оторопевший Сержант, на глазах которого практически из ничего начиналась драка, переводил взгляд с одного на другого. Не разобравшись до конца, он решил исправить ситуацию, как мог.

— Смирно, солдат! — гаркнул он.— Ты как разговариваешь со старшим по званию?!

Ланья перевел невидящий взгляд на него и...

— Кончили базар,— в тихом голосе Тахора было столько напряженности, что все мгновенно заткнулись.— У нас проблемы. Командир, можно тебя?

Тооргандо, бросив напоследок уничтожающий взгляд, отошел с Тахором, а Сержант, так и не вникнув в происходящее, начал накачку:

— Ты что, не понимаешь, что творишь? Ничего что он тебе командир?

— Мне никто не командир,— Ланью несло, и останавливаться он не собирался.— Я сам по себе... У меня тут Сова в коконе, из которого ее никак не вытащить, а вы только сопли разбрасываете.

Где-то далеко-далеко в голове мир начинал подергиваться белой дымкой. Ирил и сам уже перепугался, но Сержант только подлил масла в огонь:

— Бунт на корабле?! Ты, солдат, совсем страх потерял?!

Глаза Ирила заволокло:

— Да по...

Руку сжало выше локтя как тисками. Боль прострелила аж до копчика. Ланья дернулся, но тиски и не думали разжиматься. Он развернулся всем корпусом к обидчику... Только для того, чтобы столкнуться взглядом с Тахором. Торк был страшен. Белое безумие, испуганно пискнув, исчезло, как не было. Ирил моргнул, возвращаясь в нормальный мир.

— Ты не девочка,— прошипел торк, буравя Ирила взглядом,— чтобы устраивать тут истерики потому, что кому-то из твоих плохо, а у тебя выдался тяжелый день. У нас сейчас вокруг ветвь Желтых Стрелков, а ты своих командиров к Тварям посылаешь. Знаешь что с такими, как ты, у нас в горах делают?

Ланья замотал головой. В смысле, не знал и знать не хотел.

— Тебя, по уму, надо молча зарубить — и всё. От таких, как ты, только беды случаются (Ланья в восьмисотый раз вспомнил злополучный магиприпас). Это твое счастье, что Братство своих не бросает, но на выходе ты готовься, разговор с тобой будет.

Обида мутной болотной водой бултыхнулась внутри. И опять... И не сказать ничего. Кругом виноват. Да идите вы...

Ланья молча медленно вытащил руку из клещей Тахора, кивнул ему и, повернувшись к Сержанту, отдал честь.

Торк с Сержантом кивнули в ответ, принимая извинения. Ирил пошел искать Тооргандо, а Тахор повернулся к Сержанту:

— Ты присматривай за ним.

— Конечно, мастер Тахор.

— Нет, я не про это. Беречь его не надо, не ребенок, но рассчитывать, что он вот так просто извинился и считает нас правыми, не приходится. Ничего он не понял. Я его знаю. Так что ты имей в виду, он опять может взбрыкнуть. И извини,— торк пожал плечами,— за такой тебе подарок.

— Ясно,— поскреб затылок Сержант.— Буду иметь в виду. А насчет «подарка» вы не переживайте. Ирил далеко не худший вари-

ант. Парнишка может далеко пойти. Ему только дисциплину и уважение к старшим привить, и всё получится.

— Я двенадцать сахашей на это положил,— ухмыльнулся Тахор.— Ничего не получилось. Бойца вырастил хорошего, а солдата — никакого.

— Поживем — увидим,— Сержант нагнулся и сорвал одинокую травинку, невесть как уцелевшую на вытоптанной вершине.— Что вы про аталь говорили?

— Ветвь Желтых Стрелков.

— Это я слышал. А что они тут делали? Откуда взялись? В резерве стояли? По нашу душу, по вашу, за землянами пришли?

— Ну ты спрашиваешь,— ухмыльнулся Тахор.— Откуда же я знаю? Вот за язык кого-нибудь возьмем, тогда и решим. А сейчас пошли готовиться. Мало нам точно не будет.

На вершине холма было тесно. Земляне сгрудились возле кучи тряпья, некогда бывшей штабной палаткой. Оружие у них отобрали, но — больше для проформы. Тооргандо, как мог, объяснил им количество аталь, которое жаждет немедленной крови неподалеку, поэтому их скорее можно было рассматривать как союзников.

— Поцапался? — Шатун подошел к Ланье, тупо пялящемуся на ненавистный кокон.

— Да так, ничего,— отмахнулся тот.

— Ты не накручивай себя,— посоветовал Шатун.— Нам сейчас подраться хорошо придется, так что лучше, чтобы ты всех любил.

— А я и так всех люблю,— Ирилу стало смешно.

— А меня, наверное, сильнее всех? — Демчи вывернулся откуда-то сбоку.

— Тебя, понятное дело, надо любить сильнее всех и активнее,— развел руками Шатун.— А то ты такое натворишь...

— Ты еще и не знаешь, что я могу натворить,— нарочито низким голосом игриво протянул Демчи и задергал бровями.

— И знать не хочу, чур меня,— Шатун сделал испуганные глаза и отодвинулся.

— Ну тогда как знаешь,— Демчи вытащил из кармана какой-то кристалл на веревочке.— Тогда я тебе самое интересное и не покажу.

— И пожалуйста,— согласился Шатун.— Не очень-то и хотелось. А что это?

— О-о-о,— закатил глаза Демчи,— это такая штука, знаете ли...

— Такая хрень у меня на шее висела, когда нас земляне упаковывали,— вспомнил Ирил.

— Именно,— поднял палец Демчи.— Я всегда знал, что ты умный, в отличие от некоторых. Пестик всегда отличался особым умом.

— Угу,— кивнул Шатун,— задним и крепким. И зачем ты нам эту дрянь показываешь?

— А я тут подумал, а что, если эту гадость,— он качнул амулетом,— в кокон запихнуть?

— Зачем? — Ирил с Шатуном отреагировали одновременно.

— Посмотреть, что получится.

— В задницу себе запихни,— набычился Ирил,— и посмотри, что получится. Ты в своем уме?

— А что?

— Да ничего. Представь, что он сработает.

— Ну.

— Баранки гну,— подключился Шатун.— Вот он попал на кокон и начал нейтрализовывать нашего моха. В итоге правая рука Совы окажется сейчас, а остальное все останется позже.

— Раньше,— рассеянно поправил его Ирил.

— Позже.

— Точно?

— Нет.

— Вы опять этим бредом занимаетесь? — Сержант подошел, волоча за собой походные мешки троицы.— Собирайтесь, сейчас всё начнется, зеленые зашевелились.

Все тут же повернулись в сторону аталь. Действительно, смутные фигурки начали спускаться с вершин дальних холмом, пропадая в густой траве.

— Откуда их столько взялось? — Ирил осторожно глянул на Сержанта.

— Видно, что-то важное тут, на базе,— Сержант ответил спокойно, как будто не было недавней перепалки, и у Ланьи немного отлегло от сердца.— Тооргандо говорит, что остались только две базы: эта и русская. Но там всё получше.

— Там тоже бой идет?

— Не знаю,— пожал плечами Сержант. Оттуда группу вытащили, поэтому, что там творится, никто не знает. Сюда же они только за нами пришли.

Резкий свист заставил магов подпрыгнуть и рвануть за Сержантом. Время разговоров кончилось.

Глава 24

— Упорные ребята,— Сержант вытер пот и уселся на землю.— Три раза подряд, это даже для меня многовато.

Солнце палило нещадно. Сверкающая лента реки внизу манила к себе, но выскакивать за защитный купол не рекомендовалось категорически.

— Ирил, бросай, ты чего там завис? — Запыленный Шатун с дорожками пота на лице достал сигарету.— Ты живой?

— Живой,— монотонно отозвался Ланья, стоящий во весь рост с закрытыми глазами.

— Ты только опять не провались никуда, ладно? — Шатун пыхнул дымом.

— А что это с ним? — поинтересовался Сержант.— Я пропустил.

— Да он с каким-то халь сцепился на расстоянии в самом начале, никак разойтись не могут,— пояснил лежащий неподалеку Демчи.

Ланья застонал и немного пригнулся.

— Н-на, получай.

Махнув рукой, как будто доставая невидимого противника, Ланья удовлетворенно хмыкнул, и тут же его голова начала раскачиваться из стороны в сторону как под ударами. Стон стал громче.

— Давайте его оттуда вытаскивать,— забеспокоился Шатун.

Но Ланья справился сам. Два резких удара в воздух, прыжок — и двумя ладонями вперед. Ирил замер, потом медленно провел руками по лицу, стирая транс.

— Вот так вот,— он тяжело опустился на землю рядом с остальными. Потрогал бок, челюсть, поморщился.— Пусть знает, тварь.

— Сделал его? — поинтересовался Сержант.

— Нет,— покачал головой Ирил.— Ничья. Но силен, зараза. Как он только умудряется тут нормально функционировать?

— А вот это не факт, что силен,— Шатун насмешливо выпустил вертикальную струю дыма.— Там запросто может сидеть и до-халь. Такой же как ты, которого хлебом не корми, дай подраться. На-халь запросто может весь наш холм снести.

— А кстати,— Демчи потянулся и сел,— и правда, а чего они с нами возятся? Одного на-халь сюда, узор помощнее — и все. Нет базы.

— Тут не всегда можно рассчитать силу узора,— поднял палец Сержант.— Его еще отправить нужно. И если что-то недодумаешь, запросто можно и себя угробить. Рванет на месте, то-то весело будет. А вообще, ты прав. Тут что-то не вяжется. Смотри, они как будто нас берегут, ни одного погибшего.

— Живыми взять хотят? — удивился Шатун.— Зачем? Нет, про меня, например, все понятно. Такой кадр, как я, всем нужен. А вот этот охламон, например,— он несильно пихнул Демчи,— на кой кому сдался?

— Сам ты охламон,— возмутился Демчи.

— Дети,— горестно вздохнул Сержант.— Как на вас посмотришь, так порадуешься, что не женат.

Ирил не ответил, он смотрел на приближающегося Тооргандо.

— Ну что, мужики, дела хреновые,— бодро доложился гемар, присаживаясь рядом с Сержантом.— Магиприпасы на нуле, а личными силами много не продержимся. Часа через три точно измотают. Мысли есть, что делать?

— Пора прощаться, я так думаю,— Сержант поджал губы.— Всё всем показали, пора и честь знать.

— А оторвемся? — засомневался Шатун.

Тооргандо неопределенно пожал плечами.

— А земляне? — подал голос Ирил.

— С нами,— еще раз пожал плечами Тооргандо.

— А пойдут?

— А давай спросим.

— А вот интересно, аталь нас отпустят? — задумчиво проговорил Сержант.— Судя по тому, как они нас берегут, от нас им ничего не надо. Соответственно, они либо за место бьются, либо им кто-то с Земли нужен.

— Предлагаешь их спросить? — улыбнулся Тооргандо.

— Тор,— Пелоц, такой же пропотевший и запыленный, подбежал, поднимая небольшие пыльные облачка.— Тор, порталы заработали. Можем рвать хоть сейчас.

— Вот это дело,— обрадовался Тооргандо.— Ну что, собираемся, пока наши друзья опять какую-нибудь пакость не учинили.

Гладко не получилось.

— Атака! — раздался крик дозорного.

— А, дохлые Твари,— выругался Тооргандо.— Подъем! Демчи, Шатун, на вас портал. Валим отсюда. Сержант, Ирил, вы со мной.

Ланья с Сержантом бросились за гемаром. По пути Тор перебросил их на Тахора, ткнув рукой в склон.

— Тут держим,— торк явно понял больше.— И, по возможности, не убивайте никого. Они до сих пор кровь не пускали, так что и нам не резон первыми начинать. Поехали.

У подножия холма опять появилось несколько фигур Желтых Стрелков. Сержант с Тахором говорили правду. Все как и до этого. Мечи в ножнах, луки за плечами. Они что, в «царя горы» поиграть пришли? Фигуры начали карабкаться вверх. Ладно. Ирил пожал плечами и начал раскачиваться, входя в боевой транс. Годными руками тоже можно много чего сделать.

Пятеро против троих. Посмотрим. На амулетах? Конечно. Вам куда? Наверх? Извините. Первый аталь добрался до Ирила. Незамысловатый пинок — и аталь скатывается вниз. Справа один. Хватает за руку. Отвали. Удар. Еще один внизу. Ой. Такой же пинок Ланья получил сзади. Кто-то прорвался? Вокруг трое. Опять за руку хватают. Да что ж вам подержаться не за кого? Н-на. Подножка. Удар. А транс быстрее амулетов, вы не знали? Наверх. Кто там? А, Тахор. А Сержант? Вон он. Все в порядке. Что, вы опять? И правда, игра какая-то получается. Кажется или Стрелок улыбается? Нашел себе шутку. Хотя и вправду весело. Если никого не убивать.

Б-бах, б-бах, б-б-а-бах!!!

Череда громких хлопков, сопровождающаяся оглушительным треском, пробилась даже через вату транса. Это еще что? Аталь остановились. На лицах недоумение. Ланья начал замедляться, выходя из транса.

Тра-та-та-та! Тра-та-та! Что это?! Автоматные очереди?

Аталь, стоящие перед ними, начали медленно-медленно один за другим валиться на траву, пятная ее красной краской, выплескивающейся из появляющихся точек на одежде. Как это, что это? Сказали же, не убивать. Ирил вынырнул из транса, и царящая вокруг какофония на секунду оглушила его. Грохот выстрелов, отрывистые команды, резкие окрики. Что-то ему общая тональность напоминает. Тахор мягко опустился на траву. Что с ним?

Ирил поймал успокаивающий взгляд торка. Все в порядке.

— Эй, вы там, двое,— прокричал чей-то голос.— Медленно наверх, руки на виду. Двигаем!

Ирил переглянулся с Сержантом. Опять земляне? Эти-то откуда? И опять распялки?! Где-то слева застучал автомат. Замолчал. Грохнул взрыв. Шипящий огненный шар сорвался с вершины соседнего холма, долетел до базы и бессильно рассыпался яркими брызгами. В ответ с базы тут же стартовал похожий шар огня, только летящий заметно быстрее. Не магический. И взрывающийся сильнее, отметил Ланья, наблюдая, как мечутся охваченные пламенем фигурки аталь. Почему-то их стало немного жаль.

На базе тем временем закончили разбираться что почем. Освобожденные индусы натягивали отобранное снаряжение, вольды

сгрудились поодаль. Видимого насилия не чинили, но и на прием дорогих гостей тоже не походило. В целом со стороны было видно, что порядка на базе стало больше.

Плечистый солдат, на котором чего только из снаряжения не было надето, держа Сержанта с Ирилом под прицелом автомата, указал на небольшую площадку рядом с собой. Распялок видно не было, и это внушало некоторый оптимизм.

Ирил присмотрелся, в небольшой толпе из землян и вольдов, заполнившей бывшую базу, отчетливо просматривался центр. Высокий человек с яркой проседью сразу выделялся как главный. Издалека его можно было принять за главу одной из Ветвей Зеленого Лепестка. Царственная осанка, уверенные жесты.

— Начальство прибыло,— Сержант тоже оценил нового командира землян.

То, что новоприбывшие качественно отличаются от индусов, видно было и без командира. Бойцы действовали гораздо более слаженно. Четко, без лишней суеты, они взяли под контроль не только саму базу, но и ближние высоты, без труда выбив оттуда не готовых к такому повороту событий аталь. Теперь, как оценил Ирил, почти каждый метр склонов перед базой простреливался как минимум с двух сторон. Если бы индусы с самого начала выстроили такую оборону, ни о каких успехах аталь (а может, и их самих) речи бы не шло. Интересно, а кто это?

Боец тем временем, не опуская автомата, стволом показал на стоящих в отдалении вольдов.

— Тахор? — не двигая губами, спросил Тооргандо, когда они смешались с остальными.

— Ушел,— так же ответил Ирил.

— Понял,— прикрыл глаза Тор.— Стоим, ждем, смотрим, что происходит. Без команды даже не вздумай дернуться.

Ланья хотел было обидеться, но передумал:

— Есть.

Тооргандо удовлетворенно кивнул.

— Кто старший? — Командир-аристократ подошел к группе вольдов.

— Я,— Тооргандо неспешно вышел вперед.— Гемар Братьев Находящих Тооргандо. Братство Магов Земли.

— Тооргандо? — Землянин чуть сощурился.— Наслышан, наслышан.

— Я рад,— сухо прокомментировал Тооргандо.— Назовите себя.

— Успеется,— выражение лица землянина начало напоминать зимние океанские шторма.— Что вы делаете на территории земной базы?

— Защищаем ее от аталь,— не сдержал улыбку Тооргандо.

— Зачем?

— Что — зачем? — Неожиданная постановка вопроса несколько сбила чопорность с Тора.

— Зачем вы защищаете ее от аталь?

— Ну, потому, что они на нее нападают,— развел руками Тооргандо.

— Вы всегда защищаете землян от атак нелюдей?

— Старших Рас,— поправил Тооргандо.

— Несущественно,— мотнул головой землянин.

— Существенно,— с нажимом возразил Тор. К нему вернулась уверенность.— Мы являемся оперативной группой Братства, направленной на помощь одному из наших патрулей, который подвергся нападению сначала со стороны землян,— Тооргандо обвиняюще уставился на своего визави,— а потом со стороны аталь.

Тор уже успел пообщаться с Сержантом, отметил про себя Ирил и восхитился. Надо же уметь так вдохновенно врать. У него, к примеру, не получилось бы.

Землянин неожиданно хитро усмехнулся:

— Угу, со стороны землян, значит. Ну что ж, примем как версию,— и посерьезнел.— А зачем потребовалось убивать командира базы?

Это был тонкий момент, и голос Тооргандо зазвенел:

— Он хотел убить наших патрульных.

— У меня другая информация.

— Ну извините,— развел руками Тооргандо.— Больше порадовать ничем не могу.

— Я несколько старше вас по возрасту, молодой человек,— бесстрастно произнес землянин,— и попрошу вас придерживаться некоторых форм приличия.

— А что я такого сказал? — удивился Тор.

— Кто убил командира базы? — проигнорировал его удивление землянин.

— Несущественно,— вернул комментарий Тооргандо.

— Существенно,— землянин тоже умел играть в переброску словами.— Вы находитесь на территории земной базы и совершили убийство гражданина Земли. Повторяю вопрос: кто это сделал?

— Вся ответственность лежит полностью на мне,— задрал подбородок Тооргандо.— Ваш командир напал на наших патрульных

в то время, когда мы защищали себя и ваших людей от нападения аталь. Если бы мы этого не сделали, то вам сейчас пришлось бы спасать вас самих. Аталь, вырезав нас, приготовили бы вам очень теплую встречу.

— Разберемся. Вы отправитесь с нами и дадите все необходимые комментарии,— землянин не запнулся ни на секунду.— А это что такое?

Он указал рукой на кокон. Тооргандо мгновение промедлил, соображая, на что в первую очередь реагировать: возмущаться, что его берут в плен, или отвечать на вопрос.

— Что это такое? — дожал его землянин.

— Там находится один из наших патрульных.

— Как он там оказался?

— Назовите себя,— уперся Тооргандо.— Я не собираюсь подчиняться вашим приказам и не желаю отвечать на ваши вопросы, не зная, с кем имею дело.

Командир позволил себе легкую улыбку.

— В узких кругах я известен как Гермес,— он помедлил.— Седьмой. Я полагаю, теперь вы сможете отвечать на мои вопросы?

Вольды загудели. Тот самый Гермес? Собственной персоной? Здесь?

— А что вы тут делаете? — Вопрос у Тора вырвался сам собой.

— Защищаю своих людей,— чуть наклонил голову набок Гермес.— Достаточное основание?

— А почему здесь?

— Позвольте вам напомнить, что в силу сложившихся обстоятельств вопросы тут задаю я,— звякнувший в голосе Гермеса металл напрочь отмел видимую вежливость формулировки.— Повторяю вопрос: как он там оказался?

Если командира базы Тооргандо ликвидировал без малейшего колебания, то вступать в конфликт с прямым представителем Земли в Пестике в планы гемара не входило.

— При отражении атаки на-халь его накрыло узором,— угрюмо доложил он.

— То есть?

— А зачем вам это надо?

— Я хочу понять, оставлять ли это чудо магической мысли здесь, или все-таки захватить с собой,— обманчиво мягко проговорил Гермес.— И если вы меня не убедите, что вот это представляет собой хоть какую-то ценность, то я оставлю его тут. Пусть аталь, которые не преминут появиться по моим следам, сами с ним разбираются.

— Там находится наш человек,— на челюстях Тора заиграли желваки.

— Это представляет ценность для вас,— сделал приглашающий жест Гермес.

Тооргандо внял.

— Сержант,— позвал он.

— Ирил,— тут же отреагировал Сержант.

Ланья протолкался вперед.

— Вы имеете какое-то отношение к этой конструкции? — Вблизи легендарный Гермес не выглядел таким уж неприступным и грозным. Человек как человек.

— Да,— откашлялся Ирил.— Я ломал амулеты на-халь и Стрелков, и нас накрыло откатом. Потом каким-то образом они,— Ланья указал на стоящих неподалеку индусов,— нас вытащили, а она осталась.

— Она?

Ланья кивнул.

— Угу,— пожевал губами Гермес.— Амулеты, я так полагаю, штатные для Стрелков. А почему она осталась?

— Она отпустила линии чуть раньше — и оказалась в каком-то другом узоре,— пожал плечами Ирил.

— Угу,— еще раз задумчиво повторил Гермес.— Сдвиг по линиям лаши,— негромко пробормотал он, но Ирил услышал:

— Вы знаете про эти коконы? — он подался вперед.

— Слышал краем уха,— улыбнулся Гермес.— А вот откуда про них знаешь ты?

— Ну... — замялся Ланья.— Тоже слышал. Краем уха...

— Понятно,— согласился Гермес.— В общем, так, кокон я забираю...

— Я его не отдам! — рванулся вперед Ирил и тут же чувствительно получил по ребрам от охранника.

— А вас, молодой человек, я приглашаю к нам присоединиться,— в уголках глаз Гермеса появились лукавые морщинки.— Обсудим сдвиг лаши. А заодно решим, как будем вашу подругу доставать. Принимается?

— Ну,— Ланья не был готов к такому повороту событий. Да и Гермес не выглядел совсем уж людоедом.— Наверное, да...

— И замечательно,— Гермес повернулся к кому-то из своих — Капитан, готовьте портал...

— Нет! — Зато Тооргандо был готов ко всему. Одарив Ланью ледяным взглядом, он выступил вперед.— Он никуда не пойдет!

— Здесь я решаю, кто и куда идет,— Гермес не удостоил Тора даже взгляда.— Тем более что вы все отправляетесь со мной. А личное мнение я спрашивал только у молодого человека, Ирила, кажется?

Ланья против воли кивнул в спину Гермеса, за что получил еще один ледяной взгляд от Тора.

— На каком основании... — начал было Тооргандо.

— По праву сильного,— отрезал Гермес и подал знак автоматчикам. Вольдов начали подталкивать к одному из земных магов, занимающихся созданием портала.— Не расстраивайтесь,— добавил он через плечо.— Через некоторое время верну вас Мастеру Ацекато целыми и невредимыми.

— Мы,— вскинулся Тооргандо...

Оглушающий хруст, разодравший небо напополам, заставил всех пригнуться и схватиться за уши. Практически одновременно ожили автоматы землян. Грохнул взрыв, второй, третий. Но все эти звуки разом перекрыл дикий вой атакующих аталь.

Из открывавшихся прямо над холмами порталов, как зерно из распоротого мешка, посыпались воины. Изумрудный купол накрыл вершину одного из соседних холмов, откуда вела огонь группа землян. Огонь оттуда сразу же прекратился.

— Порталы! — рявкнул Гермес.— Быстрее!

Один за другим на краю базы начали появляться мерцающие прямоугольники порталов. Шестеро бойцов подхватили кокон и почти волоком потащили его к первому из открывшихся порталов. Ирил, поколебавшись, двинулся за ним. Тооргандо попытался сопротивляться, однако двое охранников бережно, но непреклонно подхватили его под руки и повлекли за остальными. Портал для вольдов остался в отдалении, из охранников при нем осталось человек семь. И это оказалось ошибкой.

После открытия порталов боевые группы землян начали отступать к вершине холма, которую земные маги прикрыли защитным куполом, составленным из целой батареи магиприпасов. Треск автоматных очередей перемежался криками атакующих Стрелков и звоном мечей. Портал, предназначенный для магов Братства, наконец открылся, и охрана начала подталкивать к нему вольдов, полностью сосредоточившись на них. В грохоте выстрелов и мельтешении полыхающих узоров никто не обратил внимания на невысокую тень, материализовавшуюся за спинами землян. Два взмаха — и два бойца сунулись лицами в вытоптанную уже до каменной твердости землю базы. Остальные отреагировали мгновенно, развер-

нулись к противнику... Только для того, чтобы тут же рухнуть так же, как и первые. Маги Братства — тоже бойцы непоследнего разбора.

— Пелоц, портал домой,— отрывисто скомандовал Тахор, и Пелоц тут же вывалился из толпы и скрючился неподалеку, рисуя узор перехода.

— Этих — в портал,— торк ткнул в неподвижных землян,— я надеюсь, они все живые?

— Обижаете, сараси Тахор,— развел руками Сержант.

Солдат быстренько покидали в портал (не в океан же они его открывали, чай разберутся), телепортиста отправили последним, сопроводив увесистым пинком, Шатун выдернул земной амулет из узора, гася портал. Неподалеку уже светился переход Пелоца. Секунды текли, но еще никто из землян не обернулся, чтобы увидеть происходящее. Тахор крутанулся на месте, оценивая ситуацию, и стелящейся над землей тенью метнулся вслед уводимому Тооргандо.

Подтянулась очередная группа, оглушающий шквал боя вдруг разорвался секундой тишины, но этой секунды хватило охранникам, чтобы услышать почти неразличимый шелест шагов торка: все-таки Гермеса охранять абы кого не возьмут. На Тахора глянули два ствола. Тооргандо среагировал мгновенно: короткий удар снизу вверх, в челюсть каждой рукой. Не нокаут, но прицел сбить хватит, а торк уже рядом. Короткая возня, и еще два землянина опускаются на землю.

Ирил шел, опустив глаза в землю, не в силах даже осознать, что в итоге происходит. Гермес, кокон, Сова, земляне, аталь — все это настолько перегрузило сознание, и без того натерпевшееся за день, что новая информация обрабатывалась с трудом. Вернее, никак не обрабатывалась. Услышав невнятный шум, Ланья поднял глаза... И столкнулся с бешеным взглядом Гермеса. Оцепенев, Ирил не сразу понял, что тот смотрит куда-то за его спину. Резко развернувшись, он остолбенел: в пяти шагах от него пятился Тор, прикрывающий Тахора. Перед ними мерцала полупрозрачная пелена. Волна пронесшегося мимо жара взъерошила волосы на голове. Пелена перед торком заискрилась. Ирил пригляделся. На заднем фоне виднелись вольды, мерцал открытый портал. Охранников не наблюдалось.

— Ирил, сюда! — пробился сквозь непослушное сознание голос Тооргандо.

— Ко мне! — это Тахор.

Торк с гемаром медленно пятились, принимая на себя узоры, раз за разом бьющиеся в пелену. Ланья сделал шаг вперед и остановился.

— Быстрее! — Лицо Тора исказила гримаса.

— Нет,— вдруг остановился Ирил.— Там Сова, я не брошу ее.

Гримаса Тооргандо стала еще болезненнее.

— Вы не пленник, молодой человек,— неожиданно раздался сзади голос Гермеса. Ланья чуть не подпрыгнул.— Я пригласил вас, и у меня не было стремления причинить хоть какие-либо неудобства как вам, так и магам Братства. Мы не воюем с вами.

На последних словах голос Гермеса сорвался, еще один узор впечатался в пелену перед Тахором. Вдалеке кто-то из вольдов не устоял на ногах, видимо, поддерживал узор и принял на себя «подарок» Гермеса. Но нет, поднялся.

— Ирил, не удержу! — Тооргандо шаг за шагом отступал.

— Я остаюсь,— кто это говорит? Так это же он сам. Ланья сделал шаг назад.— Я не брошу Сову.

— Прекратить огонь! — Гермес оценил диспозицию. Вольдов уже не удержать, так что нет смысла тратить силы на бессмысленное противостояние.— Уходите. Передайте Ацекато, что я жду комментариев.

Пелена перед Тахором опять стала почти прозрачной, атаки прекратились.

— Уходим! — Тахор начал пятиться назад, почти приблизившись к исчезающим в портале вольдам.

Тооргандо... остался стоять на месте. А потом рванул вперед, встав вровень с Ирилом.

— Доволен? — углом рта прошипел он, глядя в лицо откровенно улыбающемуся Гермесу.

— Тебя никто не звал,— так же прошипел Ланья.— За какими Тварями ты приперся?!

— Думаешь, ты один за Сову переживаешь? — Тооргандо стиснул зубы и сделал шаг вперед.

Мир качнулся вокруг Ланьи. Догнав Тора, он схватил его за рукав:

— В каком смысле?

— В том самом, мне, что ли, хочется ее бросать? — Тор выдернул руку.

— Что ты имеешь в виду?..

— Вперед оба,— голос Гермеса подействовал как ушат холодной воды.— Здесь сейчас будут аталь.

Лучше бы он этого не говорил. Тут же между ними и двумя оставшимися порталами, как с неба спрыгнули, выросли шестеро

воинов. Двоих тут же снесло в сторону (а Гермес-то боевой маг хоть куда), но оставшиеся трое мгновенно выстроились клином, прикрывая четвертого. Халь! Ланья выбросил обе руки вперед. Линии быстро не зацепить, они и так перенапряжены дальше некуда. Вот она когда пригождается, личная хальер. Но не хватает, слишком далеко этот халь, да и Стрелки знают свое дело, не достать. Тооргандо упал на одно колено, подстраиваясь под узор Ирила. Ругались они там, не ругались, потом выяснять будем. Сейчас бой. «Подставка». В руках у Ланьи полыхнул костер, Тор щедро делился такой же своей личной хальер. А ты знаешь, Тор, что у горных торков это может считаться кровным братством? Потом. Халь успел первым. Во всю силушку, задарма отмеренную для нелюдей Пестиком, аталь врезал по наглым людишкам. Мироздание гулко ухнуло вокруг столкнувшихся сил. Рукотворная шаровая молния зажглась между давящими друг друга магами. Два человека против одного аталь в Пестике. Кто кого? А аталь торопиться некуда, он еще пару минут простоит, а там и остальные подоспеют — на куски покромсают; земляне и вольды-то давно в порталах. Давии-и-и-и-и!

Стенка. Плюющийся искрами шар не сдвинулся ни на миллиметр. «Силен, гад»,— мелькнуло в голове у Ирила. Между Стрелками мелькнуло красное от напряжения лицо халь. Удивленное донельзя. Что, не ожидал, что против тебя выстоим? Выстоим? И тут в «подставку» Тооргандо вплелась еще одна линия хальер. Нет, не линия, мощная струя. Шипящая молния сдвинулась и, набирая скорость, поплыла к аталь. Они, похоже, так и не поняли, что случилось, когда бело-желтая вспышка накрыла их. Ирил, кстати, тоже не понял, пока не проморгался.

— Не спим! — схватив гемара Тооргандо и бойца Ланью за шиворотыи, как котят, Гермес Седьмой просто зашвырнул их в последний оставшийся за время их схватки портал и сам нырнул следом. Грохнувший над их головами залп оглушил. Стреляло... много народу. И упала тишина...

— Опять?!!! — уже не сдерживаясь, завопил Ланья.

Глава 25

Зеленоватое солнце Пестика лениво падало в озеро, уже жалея света для всего вокруг и освещая только то, чему повезло оказаться на пути сонно зевающих лучей. Ирилу повезло. Или не повезло, как

посмотреть. Кто сказал, что беду рисуют темным? Беда может стоять рядом с тобой в самый солнечный из дней, и он от этого мрачнее не станет. В нормальной жизни Ланья растекся бы в такой вечер блаженной лужицей и ни о чем бы не думал. Но так то в нормальной жизни. Где она осталась? В Хайаре? На мысе Хакони? В Улитарте? Иногда Ирилу казалось, что самая нормальная жизнь у него была в двух местах: в гостях у моха и в холмах перед земной базой. Там, по крайней мере, думать не надо было. Считать, прикидывать, оценивать, решать. Либо лежи спокойно, либо дерись. Ни за кого не отвечаешь, ни перед кем дураком не выходишь. Чем не нормальная жизнь?

Маленький камешек плюхнулся в воду перед ним, сломав замершую красоту. Утомленные лучи недовольно закачались на разбегающихся кругами волнах.

— Страдаешь?

Иван Андреевич Рябоцкий, добродушный, немного одутловатый крепыш с хитринкой в маленьких умных глазах, успешно прячущихся над пухлыми щеками, без видимого усилия перемахнул через приличных размеров валун и точно приземлился рядом с Ланьей. Он прямо-таки лучился хорошим настроением. Ирил даже покосился на него: с чего бы вдруг, не вместе, что ли, недавно ушли несолоно хлебавши?

— Нет,— не нашел он ничего лучшего.

— Не ври,— Рябоцкий достал сигарету и покосился на Ланью.— Я закурю?

— Конечно.

Рябоцкий был единственным человеком на свете, кто спрашивал у Ирила разрешения закурить, искренне переживая, не мешает ли ему дым. За что Ланья ему был безмерно благодарен. Белый дым потек над водой, смешиваясь с закатным светом. Молчание тяготило, и Ланья, чтобы не касаться больной темы, схватился за лежащую на поверхности банальность:

— А почему базу назвали Красным Замком?

Рябоцкий оглянулся назад. Наполовину возведенные стены, окружающие базу сплошным кольцом и придающие ей сходство со средневековым замком, полыхали в вечернем солнце всеми оттенками зелени.

— Красный — это цвет боевого красного знамени,— наставительно произнес он.— Поэтому как же можно было назвать форпост Земли в Клевере по-другому? Если б мы Зеленым его обозвали, чем бы мы тогда от аталь отличались?

Он хитро подмигнул и залихватски выпустил струю дыма. Хорошее настроение из него так и перло. Ирил хорошего в сегодняш-

нем дне не находил ничего, поэтому упорно не желал дальнейшего обсуждения. Уж лучше опять про Красный Замок.

— А почему Замок?

Вообще-то он эту историю в разных вариациях уже раз пять слышал, но как отвлекающая тема — вполне подойдет. Тем более что у Рябоцкого может быть своя, отличная от других версия.

— Хозяин сказал, что наш дом — наша крепость. Красная Крепость — это как-то несерьезно. Без размаха. А Замок — самое то.

Рябоцкий был большим специалистом по части хохмочек и смешных терминов, и его прозвища и обозначения почему-то всегда прилипали. Термин «Хозяин Красного Замка», который намертво приклеился к Гермесу, придумал именно он. Ирил бы не удивился, узнав, что и сам Красный Замок — его творение. И, кстати, иерархия тоже. В смысле звания.

— А почему рыцари?

— А кто должен жить в замке? — натурально удивился Рябоцкий.— Только рыцари. С гроссмейстером во главе. Но «гроссмейстер» — долго выговаривать,— улыбнулся он.

— Это на Земле были рыцари? — поинтересовался Ирил.

— Ага.

— И дилонги и трилонги?

— Не-а,— расхохотался Рябоцкий. Кстати, носящий звание «рыцарь-дилонг».— Это-то я сам придумал. Хозяин как-то попросил придумать иерархическую градацию, а мне лень думать было. Я и выдал: улонг, дилонг, трилонг. Дальше — Хозяин. Прижилось,— даже с каким-то удивлением констатировал он.

— А почему вы — дилонг?

— А у меня на Земле вот тут,— он показал пальцами где,— две звездочки на погонах было. Так и решил оставить.

— А трилонгом будете?

— Не знаю,— пожал плечами Рябоцкий.— А зачем? Все, что надо, у меня и так есть. К чему эта мышиная возня? — Он щелчком выбросил окурок.— Ты чего меня всякой ерундой грузишь? — небрежно поинтересовался рыцарь-дилонг.— Не хочешь о сегодняшнем поговорить?

Ланья мысленно застонал. Кого-то другого еще можно было послать подальше — и поглубже затвориться в собственном страдании, но рыцарь-дилонг Рябоцкий являлся советником Гермеса по вопросам безопасности и информации, и поэтому на его вопросы хочешь не хочешь, а ответы искать приходилось. Тем более что, невзирая на ранг и должность, Рябоцкий-то как раз был одним из двоих людей на базе, с кем Ирил был почти всегда готов погово-

рить по душам: чем-то он напоминал Тахора. Но сейчас Ирил не был готов общаться вообще ни с кем.

— Не о чем говорить,— отрезал он и попытался отвернуться.

— Как хочешь,— делано безразлично оттопырил губу Рябоцкий и аккуратно причесал последнюю прядь на внушительной залысине, успешно отвоевывающей голову у оставшихся волос.— Я думал, тебе интересно будет, что Земля сказала по поводу сегодняшних результатов.

— Что? — Ирил со скрипом душевным развернулся, ногами заталкивая обратно надежду, высунувшую было голову из своей глубокой норы.

— По самой попытке как раз ничего нового,— душевно поведал Рябоцкий.— А вот по тем эскизам, которые ты набросал, тут вроде народ разобрался.

— Ну? — осторожно спросил Ланья.

— Ха,— подбоченился рыцарь-дилонг,— спорим, что даже в вашем Улитарте не воссоздали бы набор амулетов, который ты описал?

— Не знаю,— протянул Ланья,— про Улитарт так сразу ничего сказать нельзя. Там такое могут выдать при случае...

— Именно что при случае,— поднял палец Рябоцкий,— а тут система работает. Понял? Сис-те-ма.

— Да понял я, понял,— терпеливо вздохнул Ирил.— Я уже двести раз говорил, что жесткая земная система мне больше нравится, чем неконтролируемые фонтаны идей в Улитарте. Дальше-то чего?

— А дальше всё просто. Чтобы получать правильные результаты, надо отдавать правильные приказы. Хозяин поставил задачу, и где-то накопали точно такое же описание набора амулетов. Хальто твой не вольный художник — регулярные войска, и набор амулетов у него штатный. Так неужели же толпа благородных донов, которые восемнадцать зеленых собак у аталь отобрали во время «Конкистадора», не вычислит, кто тебе попался? Сис-те-ма,— с удовольствием повторил он.— Короче, завтра с утра Гермес нас ждет. Будем моделировать всё наоборот.

— Это как? — не понял Ланья.

— Это значит, в другую дырку будем заглядывать. В пищеварительную, не как обычно,— доходчиво объяснил Рябоцкий.

— А почему не сейчас? — смирился с непонятным Ирил.

— А потому, что так старший приказал,— душевно поведал Иван Андреевич.— Ты на себя посмотри, куда тебе сейчас думать, ты и так весь день узоры чуть не в одиночку крутил. Там работа не на час и не на два.

— Я готов,— вскинулся Ланья.

— Это распоряжение Хозяина,— напомнил Рябоцкий.— Тем более что его на месте нет. Поверь старику, пойди выспись,— Ирил выразительно посмотрел на еще не закатившееся солнце, но Рябоцкий и глазом не моргнул.— Выспись-выспись, завтра пригодится. Или головой отдохни, вон, с ребятами пообщайся, что ли. Тооргандо-то вообще не оторвать от них.— Посмотрев на враз окаменевшее лицо Ланьи, он вздохнул: — Я иногда путаюсь, кого из вас с Тором в плен взяли, а кого в гости пригласили.

Ирил закаменел еще больше.

— Прости,— еще раз вздохнул Рябоцкий.— Но уж больно ты неласковый. Нельзя же все время заниматься только работой или тренировками.

Ирил пожал плечами:

— Я привык.

Он не кривил душой. На последней, вернее, единственной оставшейся земной базе Ланья неожиданно для себя обрел тот душевный комфорт, которого ему недоставало все это время. Здесь он мог жить по-настоящему уединенно, как бы парадоксально это ни звучало в условиях ограниченности пространства острова, который занимал Красный Замок.

— Я не очень люблю восторженных щенков,— осторожно, чтобы не обидеть Рябоцкого, добавил он.— В Улитарте таких полно.

Рябоцкий только хмыкнул. Половина этих «щенков» была лет на пять старше самого Ланьи. Хотя... В чем-то он прав. Наверное...

— Эти щенки вырастут и станут волками. Во всяком случае, некоторые из них. И тебе придется с ними общаться.

— Пообщаемся,— еще раз пожал плечами Ланья.— Мой учитель говорил, что настоящее мастерство не требует подтверждения.

— Иногда мне очень хочется с ним встретиться,— пробурчал Рябоцкий.

— Пожалуйста, Земля ведь не воюет с Братством. А Улитарт вообще для всех открыт, кто с добром идет.

— Там посмотрим,— туманно пообещал рыцарь-дилонг и поднялся.— Ладненько, солнышко спать пошло, ну и я пойду. По делам. А тебе всё же рекомендую или выспаться, или расслабиться. День завтра будет сложный, но интересный. И наоборот.

Ирил посмотрел в уходящую спину Рябоцкого и еще раз подивился схожести рыцаря-дилонга и Тахора. Оба вроде неспешно ногами перебирают, а раз-раз — и нету их, жди подарка из-за спины. С той разницей, что Тахор был похож на уродливую тварюшку с кривыми многосуставчатыми ногами, а Рябоцкий — одни об-

воды с земным зверьком-хомяком, живет такой у одного из землян. Всё же остальное — один в один. Но ни тварюшке той, ни хомяку этому на зуб не попадайся — костей не оставят. Рябоцкий, помимо остальных достоинств, был еще более чем приличным боевым магом. И рукопашником, как успел заметить на тренировках Ирил, тоже очень неплохим.

Что ж, солнце и правда село, делать на берегу нечего. Ланья поднялся и неспешно побрел мимо недостроенных корпусов базы к себе. Откуда-то сбоку, с тренировочной площадки, раздался лязг оружия и фирменный вопль Тооргандо, неправдоподобно четкий в неподвижном вечернем воздухе. Ирил поморщился. Что с ними произошло? Как получилось, что они с Тором вроде вместе, а на самом деле всё дальше и дальше друг от друга?

Гемар Тооргандо, несмотря на свой эфемерный статус «военнопленного», как он сам себя обозвал, вписался в жизнь нового города Пестика, как ключ в замок, мгновенно став своим для всех обитателей Красного Замка, заведя кучу новых друзей, разрекламировав Улитарт и активно перенимая новые правила жизни, привезенные с Земли. Ланья же, которого непосредственно Гермес предпочел видеть в качестве официально приглашенного гостя и, может быть, официального члена вновь образованной общины, наоборот, остался для всех чужим. Единственными родственными душами для него оказались сам Гермес и рыцарь-дилонг Рябоцкий. Всё это, впрочем, Ирила нимало не тяготило.

Проходящий мимо рыцарь-улонг отдал честь на земной манер, Ирил автоматически ответил тем же и уже даже не удивился, насколько естественно у него это вышло. Ему здесь нравится? Нравилось бы... Ланья поднял голову и осознал, куда привели его ноги. Мастерские Замка. Комплекс зданий, который возвели в самом начале. Земле нужна была магия, все остальные вопросы отодвигались на второй план. Лаборатории, полигоны, мастерские амулетов и магиприпасов, учебные классы — это все выросло на острове, отданном под земную базу, в первую очередь. Во вторую Гермес распорядился отстроить стены и жилье для «рыцарей». Собственную резиденцию, равно как и резиденции всей администрации, Хозяин Красного Замка пока не планировал вообще.

Нагретая солнцем стена была теплой и шершавой. Ирил ткнулся в нее лбом и замер. Как бы ни лучился оптимизмом Рябоцкий, факт остается фактом: четвертый месяц за этой стеной лежит кокон, с которым никто ничего не может сделать. Сова остается недоступной. Сколько он сам был в таком же коконе? Неделю? Две?

А она? Есть ли с ней рядом мох? Сможет ли он ей помочь? «Если не поможет,— решил про себя Ланья,— найду и загрызу».

Вопреки тяжести на сердце стало вдруг смешно.

— Всё,— Ирил отлепился от стены, кинул прощальный взгляд на высокое зарешеченное (а как еще в замке?) окно и доложился непонятно кому,— Рябоцкий прав. Подготовиться и спать. Утро вечера мудренее.

Глава 26

Приземистое здание в конце центральной площади Красного Замка, плаца, как его называли обитатели, не очень походило на резиденцию главы представительства Земли. Впрочем, это только пока. Гермес распорядился возвести первый этаж, чтобы было где работать ему и его замам, и на этом остановился. Какой будет резиденция, когда ее закончат, можно было только догадываться. Сейчас все силы строителей были брошены на стены и склады. Без этого о нормальном функционировании базы можно было забыть. Где-то наверху взвизгнула пила, посыпалась каменная пыль. Ирил чихнул, но его чих потерялся в скрипах, стуках, визгах, грохоте, которыми сопровождался каждый день жизни Красного Замка. Что поделать, стройка. Тишина наступала только вечером. Но до вечера еще было далеко, и, каким он будет, зависит только от него. Нет, поправил он сам себя. Не только от него, а еще от Гермеса, Тоорандо с Рябоцким и трех добровольцев, которые напросились помогать в исследованиях. «Исследованиях»,— Ланью передернуло. Кому мерещились лавры первооткрывателей, а кому и светлые волосы, пушистым облаком обрамляющие родное лицо. Хотя, если задуматься, то еще вопрос, кого Ирил Ланья хотел бы видеть в напарниках-спасителях: трех влюбленных по уши энтузиастов или всё же сухих прагматиков, которые намертво зациклены на конечном результате?

«Тьфу, Тварьи норы»,— помотал головой Ирил, они ни на полшага вперед не продвинулись, а он тут выбирает, этих хочу, не этих. Да хоть бы кто-нибудь помог...

— Не напрягайся раньше времени,— идущий чуть впереди Рябоцкий неправильно истолковал жест Ланьи.

— Справимся,— а вот без этого комментария Тора Ирил бы точно обошелся.

Что-то такое промелькнуло, видимо, на его лице — Тооргандо обиделся и замолчал. Ирил только вздохнул: вот как раз сейчас он и не хотел никого обижать. Но что поделаешь...

Огромный лист фанеры, заменяющий будущую створку двери, пронзительно скрипнул, пропуская трех магов. В обширном холле, заваленном строительным мусором, было пусто, отчего звуки стройки, доносящиеся сверху, становились апокалиптическими. Казалось, наверху идет переустройство мира. А может, это Ланье опять в голову всякая дичь лезет?

Без стука Рябоцкий открыл дверь кабинета Гермеса.

— Ваше Магичество,— Рябоцкий непринужденно перенял манеру обращения к магам, принятую в Пестике. Не иначе как с подачи Тора.— Вы бы дверь приказали починить, а то, ей-богу, каждый раз с Кондратием здороваешься.

— И не подумаю,— Гермес сидел за неимоверных размеров столом, заваленным бумагами. Головы он не поднял.— Где я еще такую сигнализацию замечательную найду? Да еще с акустическим ударом... Пришли? — Он поднял голову.— Посидите пару минут, я тут закончу.

Маги расселись на разнокалиберных стульях, в беспорядке расставленных по всему немаленькому кабинету, чинно сложили руки, приготовились ждать.

— Фф-ух,— Гермес, наконец, поднял голову и повел плечами.— Закончил.— Он несколько раз сжал и разжал пальцы, разминая затекшие кисти.— Слушайте, а Ацекато тоже столько времени проводит за писаниной? — хитро поинтересовался он у Тора с Ирилом.

— Не знаем,— пожал плечами Тооргандо.— Он это делает вдали от нас.

Ланья промолчал.

— Вряд ли,— улыбнулся Гермес.— Иначе бы ему точно не хватало времени, чтобы следить за всякими коконами.

Вот тут внимание Ирила полностью сосредоточилось на происходящем. Какое отношение имеет Мастер Ацекато к кокону?

— Братство Магов Земли по-братски,— немного неуклюже скаламбурил Хозяин Красного Замка,— поделилось лучшим, по крайней мере меня так заверили, что оно имеет.

Точилинов не раз и не два просил вернуть Братству его собственность. Гермес тонко намекал в ответ, что двух магов трудно именовать собственностью. Ацекато изменил формулировку на «военнопленные». Гермес опять уклонился, отписав, что гемар

Тооргандо, по результатам проведенного расследования, никоим образом не является военнопленным и может в любой момент покинуть Красный Замок. Ирил Ланья формально вообще не является членом Братства Магов Земли и волен находиться там, где пожелает. А что касается некоей Совы, которая предположительно заключена в магический узор, расположенный на территории земной базы, то, в соответствии с заключением врачей и прочих специалистов, перемещение данного узора не является желательным во избежание нанесения ущерба здоровью упомянутой Совы. Точилинов заверил, что ущерба не будет. В итоге Гермесу надоела эта игра в дипломатические ухищрения, и он заявил, что ущерб будет, так что кокон останется в Красном Замке.

После недолгого молчания Мастер Ацекато, оценив расклад сил и ценность спорного имущества, прислал Тооргандо командировочное удостоверение, где было написано, что он является куратором проекта «Кокон» и должен находиться при Сове до полного выздоровления. А Гермесу направил целый пакет предложений по развитию сотрудничества, как сам Гермес это обозвал.

По-видимому, что-то из предложенного все-таки заинтересовало Хозяина Красного Замка.

— Пригласите,— проговорил Гермес в черную трубку, лежащую у него на столе.

Тооргандо с завистью покосился на нее. Как он объяснял в самом начале Ирилу, это был аналог ком-кристаллов Братства, только работающий без участия магии. Что-то там какие-то волны делали, Ланья не понял. Но то, что при наличии таких трубок проблем со связью в холмах бы не было, это Тор до Ирила донес. Тот и не вникал, ему и так было хорошо. Тем более, что трубки очень быстро разряжались. Сзади негромко, по сравнению со входной, скрипнула дверь.

— Позвольте вам представить,— Гермес расплылся в довольной улыбке,— двух ведущих магов Улитарта в сфере темпоральных изменений. Хотя, по-моему, вы уже где-то встречались.

— Было дело,— Ирил не узнал этот ехидный голос только потому, что никак не готов был его услышать.— До сих пор с ужасом вспоминаем.

— И потому считаем своей приоритетной задачей раз и навсегда решить вопрос неконтролируемого перемещения по темпоральным направляющим.— А вот этот немного вальяжный, но не менее ехидный голос всё расставил на свои места.

— А Сержанта вы случайно с собой не захватили? — расплылся в счастливой улыбке Тооргандо, поворачиваясь к гостям.

— Нет,— с абсолютно серьезным лицом доложил Демчи, обойдя застывшего в дверях Шатуна.— Он, конечно же, изъявлял неодолимое желание, но мы с коллегой решили, что уровень подготовки ему еще не позволяет заниматься такими серьезными вещами.

— Мне страшно подумать, что при этом решил сам Сержант,— хмыкнул Ирил. Странно, этой парочке он обрадовался как родным.

— Он пообещал фейерверк дезинтеграции в случае невыполнения поставленной задачи,— сообщил от двери так и не сдвинувшийся с места Шатун.— Привет, Ирил.

— Привет,— радостно улыбнулся в ответ Ланья.

— Вы, молодой человек, землянин, судя по терминологии? — уточнил поверх голов Гермес.

— Я член Братства Магов Земли, гражданин Улитарта,— нейтрально ответил Шатун, проигнорировав негромкое «чересчур активный» от Демчи.— Место моего биологического происхождения действительно Земля, но не думаю, что это имеет значение.

— Там на четверть бывший наш народ... — со вздохом прокомментировал Гермес.

— Гораздо больше,— аккуратно поправил его Ланья. Гермес невнятно отмахнулся.

— Ну что,— немного возвысил голос он, когда восторги от встречи несколько поулеглись.— Вернемся к нашей проблеме?

Собравшиеся посерьезнели.

— Итак,— Хозяин Красного Замка достал из стола пухлую папку.— На основании информации, которую вы мне предоставили, я сделал запрос на Землю с просьбой идентифицировать вашего противника и по возможности восстановить набор амулетов, который он мог при себе иметь.

Гермес прищурился в сторону новичков и Ланьи:

— Интересно, кого вы завалили?

Ирил не пошевелился, Демчи скривил губы, и только Шатун кивнул в ответ.

— Не столько интересно, сколько хочется понять, как мы в том коконе сами оказались.

— Надо же,— ухмыльнулся Гермес,— можно подумать, у вас в каждом кармане по связке скальпов на-халь.

— Мы не гордимся военными победами,— ответил за всех Тооргандо.— Мы убиваем только в ответ на агрессию и в случае крайней необходимости. Каждый убитый — это целый мир, мы с

удовольствием бы вообще не создавали Находящих и не дрались бы ни с кем. В Улитарте и так есть чем заняться.

Гермес оглядел серьезные лица магов Пестика и уважительно кивнул.

— Мои поздравления Мастеру Ацекато. С такими настроениями у Братства все шансы жить долго и счастливо. Тогда,— вернулся он к папке,— займемся делом, тем более что и у меня времени не так много. Халь, с которым вы сцепились, с высокой долей вероятности принадлежал к Ветви Лесных Троп. Он имел отношение к созданию или настройке шаруфа,— Ирил поднял голову и посмотрел на Шатуна,— поэтому ранг его на-халь. На-халь в Пестик отправляются только от Лесных Троп, как наименее сильные. Боевая магия — не главное направление этой Ветви. Соответственно, штатный набор амулетов и магиприпасов, который должен иметь при себе на-халь в этой ситуации, следующий,— Гермес передал Рябоцкому стопку листов, тот немедленно распределил ее между магами.— Просмотрите и прокомментируйте.

Нам также передали весь набор, так скажем, живьем. Он находится в лаборатории, там все готово для эксперимента. Детали озвучит рыцарь-дилонг Рябоцкий. Он же назначается старшим при проведении любых работ в отношении кокона. После совещания вы направляетесь туда и начинаете готовиться. У меня всё. Вопросы?

Вопросов, в принципе, не было. В общих чертах о предстоящей работе знали и Тор, и Ирил, и тем более Рябоцкий. Шатуну с Демчи гораздо более доходчиво всё расскажут на месте. Выждав несколько секунд, Гермес начал было подниматься: — Ну, тогда... Да, господин Шатун?

— Скажите, Ваше Магичество,— поднялся тот,— если я правильно понимаю, то вы достаточно много времени уделяете данной проблеме.

— Именно так,— кивнул Гермес.— Проекту «Кокон» присвоен максимальный приоритет.

— Почему?

— Что — почему? — не понял Гермес.

— Почему вы, Хозяин Красного Замка, первое лицо Земли в Пестике, чрезвычайно занятой человек, уделяете такое внимание спасению бойца Братства, затрачивая столько усилий и ресурсов только что созданной базы?

Хозяин Красного Замка, чрезвычайно занятой человек, внимательно посмотрел на Шатуна.

— Кто это спросил? — поинтересовался он.

— Шатун,— просто ответил тот, явно поняв суть вопроса.

— И Демчи,— подал голос, явно не до конца всё понявший Демчи.

— Естественно,— тонко улыбнулся за спину Шатун.

Гермес улыбнулся в ответ, но его улыбка вышла несколько иной. Ланья затруднился бы описать ее.

— Дети,— покачал головой Гермес.— Дети Братства, Пестика и Улитарта. Я еще раз вынужден поаплодировать Мастеру Ацекато. Правда, исключительно как духовной личности. С оценкой государственного деятеля я затрудняюсь.— Он немного помолчал.— Я готов допустить, что маги Красного Замка,— он кивнул в сторону Рябоцкого,— вместе с вами искренне переживают за судьбу вашей Совы.

Ланья напрягся, ему не понравился ход мысли Гермеса.

— Но Земля,— Гермес поднял палец вверх,— рассматривает данный проект исключительно как возможность исследования путешествия во времени.

Он усмехнулся, глядя на разницу чувств, появившихся на лицах магов. От удивления Демчи до угрюмости Ланьи.

— За все время существования цивилизаций Клевера ни в одной науке,— он сделал паузу, привлекая внимание,— ни у одной расы: ни земной, основанной на принципах математики и физики, ни науки, использующей хальер,— не появилась возможность даже приблизиться к изучению времени. А тут... — Гермес со значением поднял увесистую папку и вздохнул.— Земле вообще наплевать, достанем мы кого-нибудь из этого кокона или нет. Ей главное — получить материал для дальнейших исследований. Первое в истории настоящее путешествие во времени. Пусть маленькое, но — лиха беда начало. Согласен,— выставил он руки вперед, предупреждая возмущенные возгласы.— Предпочтительнее, чтобы объект исследования остался жив. Но, увы, непринципиально. Я вообще удивляюсь, почему Ацекато не схватился сразу за такое. Состоялось путешествие во времени, а главное действующее лицо спокойно участвует себе в боевых действиях,— Гермес почти возмущенно фыркнул.— Это еще нелюди не знают про ваши «прогулки».

— Старшие Расы,— автоматически поправил его Тооргандо. Гермес проигнорировал замечание.

— Там Земля, здесь Пестик,— задумчиво проговорил Шатун.— А где вы, Ваше Магичество?

Рябоцкий звучно крякнул, показывая, что Шатун начинает заходить слишком далеко в своих вопросах, но Гермес ответил:

— Я? Я командир земной базы в Пестике,— он смотрел прямо в глаза Шатуну.— Как вы думаете, где я могу находиться?

— Не знаю,— не отрывая взгляда, ответил Шатун.

— Я посередине,— припечатал Гермес.— Стараюсь соблюсти интересы всех участвующих сторон.

— Но не во вред Земле,— не вовремя подал голос Демчи.

Гермес только пожал плечами:

— Я ответил на ваш вопрос?

Шатун медленно кивнул.

— Тогда я вас больше не задерживаю,— попрощался Гермес, и маги потянулись на выход из вдруг ставшего очень официальным кабинета Хозяина Красного Замка.

Закрывая дверь, Ирил все же нашел в себе силы посмотреть на Гермеса. Тот сидел прямо и смотрел в глаза Ланье. Секунду они смотрели друг на друга, а потом дверь захлопнулась. Показалось или он все же увидел сочувствие в глазах Гермеса?

— Вот как дал бы сейчас,— Шатун обозначил подзатыльник, когда они достаточно отошли от двери.— Какого хрена ты влезаешь со своими замечаниями?

— Сам такой,— набычился Демчи.— Что, уже спросить нельзя?

— И спрашивал бы в свою очередь... Что? — резко обернулся он к Ланье, положившему друзьям руки на плечи.

— Вы приехать не успели, уже собачитесь,— примирительно проговорил Ирил.

— Он собачится,— ткнул пальцем Демчи.

— Я в курсе,— согласился Ланья.— А ты человечишься. Давайте заканчивать, у нас еще дел сегодня...

— В лаборатории всё готово,— Рябоцкий тоже был за то, чтобы обойтись без лишних склок.— Прошу за мной.

Глава 27

Лаборатория, где проводились эксперименты над злосчастным коконом, являла собой разительный контраст со всей огромной стройкой под названием «Красный Замок». Почти стерильная чистота, белоснежные, недавно покрашенные стены, блеск хромированных инструментов (Ланья до сих пор не понимал, зачем они нужны магам). И три фигуры в белоснежных же халатах, увлеченно рассматривающие что-то, лежащее на столе.

— Товарищи рыцари,— Тооргандо уже перенял все любимые примочки базы и с удовольствием ими пользовался.

Троица подпрыгнула как ужаленная и вытянулась по стойке «смирно», наблюдая Рябоцкого, входящего в лабораторию.

— Что случилось? — поинтересовался тот, наблюдая, в общем-то, нехарактерную картину.

— Ничего,— отозвался один их лаборантов.

— А что это вы как на параде?

— По двери не надо ногами стучать,— пробурчал один из белых халатов.

— Это верно,— согласился Рябоцкий, Тооргандо действительно «приоткрыл» дверь с ноги.— Только не верю я, что вы такие пугливые. Давайте, колитесь, где набедокурили.

— Да, собственно... — отодвинулся один из лаборантов от стола, на котором были разложены амулеты.

У Ирила что-то оборвалось внутри. Те самые? С Земли, от аталь? Для Совы? Сломали?!

— Я надеюсь, они все целы? — ровно, как он считал, поинтересовался Ланья.

— Нет, что ты, Ирил, всё в порядке,— теперь испуганно отодвинулись оставшиеся двое.

Ланья давно заметил, что его тихое недовольство иногда пугает людей больше криков начальства. С чего бы это?

— Спокойней, сломали, еще привезут,— обернулся к нему Рябоцкий. И повернулся обратно.— Ну, что там с ними?

— Да всё в порядке,— немного возмущенно начал рассказывать первый.— Пришли амулеты, мы решили посмотреть. Тут вы. Всё.

— И ничего не сломали? — дурашливо нахмурился Тооргандо.

Лаборант не удостоил его ответом.

— Тогда к чему базар? — нахмурил бровь Рябоцкий.— Начинаем. Позвольте представить вам двух наших новых сотрудников...

Все готово. Задача проста и понятна: смоделировать еще один кокон, а там видно будет. Либо к Сове пробиться получится, либо просто станет понятен сам принцип формирования кокона. Амулеты активизированы и повешены на манекен. Для пущего сходства с на-халь Тор прицепил на «голову» манекена с каждой стороны по какой-то висюльке. «Серьги»,— сказал он. Ланья только плечами пожал. Ему все равно было. Опутанный проводами, как паутиной, Ирил покосился на Рябоцкого.

— Мешает? — поинтересовался тот.

— Угу.

— Терпи. Сколько раз тебе говорить, это страховка. Если тебя засосет, будет шанс хоть как-то с тобой связаться. А если... — он замялся.— Короче, учебник для следующего.

— Ну что, все помнят, кто что делает?

Нестройный хор голосов подтвердил, что помнят.

— Поехали. Давай, Ирил.

Давай. Ну! И... И — что? Просто сказать «давай». Занятый приготовлениями, Ирил как-то не слишком задумывался, а что, собственно, надо будет делать. Ломать амулеты. Ну да. А как? О!

Он столько ждал, и вот теперь пришло время вспомнить все, что терзало и мучило его. Время расплаты и воздаяния. Томительная минута ожидания счастья, когда он и Сова... Бред какой-то, короче, получается.

Ланья тупо смотрел на деревянную куклу, увешанную пульсирующими точками амулетов, и в упор не понимал, с какого конца начинать эти амулеты ломать. Там, в холмах, перед индийской базой, было всё просто. Или он, или его, вернее их. И там не надо было искать в себе силы для свершения. А сейчас? Дохлые Твари, там Сова четвертый месяц загибается, а он тут душевных сил в себе найти не может. Ирил разозлился, но злость ничего не добавила. Перевитый проводами Ланья стоял перед манекеном и пялился на проклятую деревяшку.

— Ирил? — осторожно спросили откуда-то сбоку.

Ланья помотал головой.

— Не получается? — сбоку возник Рябоцкий.

— Я еще не начинал,— сквозь зубы прошипел Ланья. Появление «помощников» никак не способствовало обретению нужного настроя.

Прошло еще несколько минут, за которые ничего не изменилось.

— В прошлый раз всё получилось гораздо быстрее,— прокомментировал Шатун.

Ирил хотел уже было обрезать шутника, но тут одновременно произошло несколько событий.

Демчи устал ждать и со словами: «А может, вот так попробовать?» — потянулся к амулету.

Рябоцкий с Тооргандо бросились на перехват.

Ничего не понимающий лаборант перебросил рубильник, возле которого он был поставлен на случай непредвиденных обстоятельств, и комнату наполнил гул заработавшего генератора. Не сказать чтобы Ланью обрадовало покалывание, побежавшее по всему телу.

Демчи дотянулся до слабо мерцающего амулета. Полыхнула вспышка. Демчи вытянулся в струнку, но руку не отнял. Вернее, это амулет не дал оторвать руку. Еще бы, схватиться за активированный амулет...

Тооргандо, столкнувшись с Рябоцким, врезался в содрогающегося Демчи и прилип к нему. Энергией разбега их вместе с манекеном развернуло и приложило об стол, на котором были в образцовом порядке разложены те самые непонятные инструменты. Раздавшийся вопль боли оглушил всех в комнате. Рябоцкий, мгновенно оценив ситуацию, со всей силы пнул Тооргандо, отрывая его от Демчи. Тор отлетел в сторону. Демчи затрясся еще сильнее. Вместе с манекеном он рухнул на пол, на манекене, в куче смешавшихся амулетов, начала разгораться темно-красная точка непонятного узора.

— Ирил! — Рябоцкий понял, что дело худо.

— Понял,— ну вот и вдохновение. Просили? Пожалуйста.

Ланья потянулся к увеличивающейся точке и вдруг отпрянул. Точка обжигала, как раскаленное железо. В комнате становилось трудно дышать. Один из лаборантов попробовал сам потянуться к линиям хальер, все туже закручивающимся вокруг лежащего манекена. Его отшвырнуло, как куклу.

— Ирил!!!

Всё. Больше некому. Ну, обожжемся так обожжемся. И хорошо, что он весь этими проводами опутан. Спасибо Ивану Андреевичу. Осознание того, что, даже если он погибнет, даже это даст информацию следующему, кто за ним пойдет, освобождало. Если не руки, то голову точно.

Так, точку не взять, хватаемся рядом. Ух ты, а тут тоже горячо. Оборвать. Нет, не берется. А этот, с чем он связан. Куда?! Не-ет, дружок, вплавиться в общий узор уже не получится. В сторону, с тобой позже разберемся. Дохлые Твари, не удержал. Амулет притянулся к точке и исчез в ней. Стало ощутимо жарче. Так, нельзя давать амулетам попадать в эту топку. Еще один. Стоять. Стоять! Кто ты у нас. А-а, старый знакомый. А что, в штатном оснащении на-халь стоят торкские усилители? У-у, некрасиво, господа, некрасиво. Ну, такие мы с Са-Сефарой на раз щелкали. Иди сюда. Х-хэк, есть. Нет! Что, опять? Разъятый амулет вновь воссоединился и продолжил свое путешествие к точке. А кто это там орет, как резаный? Демчи. Тьфу ты, он еще тут. Ну что ж, делать нечего. Ловить каждый амулет — это не выход. Тем более что главный-то узор и не берется. А вот мы его сейчас и возьмем. Твари с ней, со своей головой.

Ланья прицелился в самый центр раскручивающегося узора. В голове зажглось маленькое солнце, которое с каждой секундой все больше и больше испепеляло всё внутри. Мыслей не осталось практически сразу. Только одно дикое желание избавиться от этого жара. А как? Три пути у тебя, дружок. Расслабься. Это не жар, это тепло, это счастье и отдых. Иди в него — и всё кончится. Соблазнительно-то как. Нет. Так — нельзя. Нельзя, потому что где-то рядом кричит и кричит Демчи. Только бы он не сгорел. Тогда — вбок? Уйди, не лезь, это не по силам тебе. Да и никому. Никто ничего не скажет. Не в силах это человеческих. Этот узор не берется.

И Ирил неожиданно узнал точку. Са-Сефара рассказывала. Ха, дилетанты они все-таки. Все. И Пестик, и Красный Замок. «Сис-те-ма» у них, видите ли, вспомнил Ланья похвальбу Рябоцкого. Аталь совершенствовали свои знания многие тысячелетия. Куда выскочкам-людям в одночасье познать всё? Этот узор называется «последний бой». Как раз для таких ситуаций и придуман. Когда на-халь уже убит или взят в плен, достаточно просто перемешать амулеты, и они, оставшись без единой линии привязки в виде хозяина, начинают сами вертеть вот такую точку. А если вспомнить все, чему учила Са-Сефара, то не точку, а воронку. Ой, мама! Ланья испугался даже сквозь боевой настрой. Если эта точка вырастет, как задумано, то... Красный Замок, скорее всего, останется. Тем более что построено-то всего ничего. Еще раз начнут, делов-то. А вот им несладко придется. Лаборатория первой пойдет.... Лаборатория! Кокон! Сова!!!

Больше Ланье ничего не нужно было. Пульсирующая точка, в которой уже угадывался будущий смерч, вдруг прыгнула вперед как будто сама собой. Глаза не выдержали жара. Ланья отвернулся. Ничего это не изменило. Точка уже здесь, и уйти от нее не удастся. Да и не надо. Демчи только отпустить, и все. Бледное пятно сбоку все еще дергалось, пытаясь освободиться. Жив? Хорошо. Свободен: Ланья оторвал линию одного из амулетов, уже почти вросшую в это пятно, и развернулся к центру. Всё, вперед.

Сбоку задергалось что-то. Не получилось с Демчи. Линия срослась опять. Нет, ну надо же, какой живучий узор попался. Сам о себе заботится. Интересно, с кого это они, на Земле, его сняли?

И вдруг Ланье стало жарче от стыда, чем от точки. Балбес, нет, вот балбес-то, одно слово. Вот бы Тахор ему холку намылил. Одно из первых правил боя. Думай, прежде чем хватать чужое ору-

жие. На нем столько может сторожевиков висеть, что лучше бы ты вообще голым на бой выходил, всё бы больше шансов было. А тут амулеты... Чьи они?! Ой, стыдоби-и-ища. Их ведь не иначе как в Зеленом Лепестке трофеем взяли. С на-халь сняли. А разность потенциалов между Зеленым Лепестком и Пестиком? Кто-нибудь об этом подумал? Ой, что здесь сейчас буде-е-ет...

— Аа-а-а-а! — заорал Ирил в отчаянии.

Поздно орать. Что теперь делать? Ничего. Бери и дави. Ни хрена не получается искусство применить. Голая сила. Как всегда. Интересно, как бы его Са-Сефара обозвала?..

И тут интересно быть перестало. Очередной амулет упал в точку, и жар стал нестерпимым. Он обволакивал, жег, разнимал на части, но не давал блаженного обморока. Боль. Боль стала такой же всеобъемлющей, как жар. Красные сполохи танцевали вокруг Ланьи, приглашая идти с ними. Он бы пошел, но жалкое бренное тело не пускало. Прочь, прочь отсюда. Я хочу с ними! Туда, в безумный круговорот огня. Жар, солнце, языки пламени и голубая струя прохлады... Струя прохлады?

Сквозь блаженную боль пробилось что-то. Еще одна линия, не похожая на мир вокруг. Что это? И почему мир качается? Ирил не сразу осознал, что это его тело, от которого он так старался убежать, раскачивается из стороны в сторону. Куда? Кто? Зачем?

Неимоверным усилием воли Ирил Ланья нашел в вихре огня самого себя. А найдя, расстроился. Боль оказалась не наслаждением. А болью. БОЛЬЮ. И пришла память. Зачем он здесь? Амулеты. Точка. Лаборатория. Пестик. Сова. Голубая прохлада стала чуть больше — и опала. «Подставка»! Кто-то пытается помочь! Радужные сполохи уже не манили к себе. Они выжигали мир вокруг вместе с Ирилом. Но это уже только помогало. Где она, точка фокуса? Вот. Не чувствуя ничего вокруг, спасаясь только тоненькой голубой нитью, не дающей соскользнуть в зарождающуюся воронку, Ланья схватился за пульсирующий центр и начал опять, в который раз за эту сумасшедшую жизнь тянуть. Несуществующие, как же это достало.

И — центр оказался не закрепленным. Хозяина-то узора нет. Сверкающая воронка радостно потянулась к новому владельцу, вот только владелец собирался сделать вовсе не то, что должен был. Глаз бури приблизился вплотную, завис, маня, и Ланья, двумя руками вцепившись в мягкие, податливые линии, разорвал безупречно складывающийся узор. Пок!

В упавшей темноте Ирил даже нашел силы улыбнуться. «Привет, свои».

Глава 28

Погода выдалась, прямо скажем, не очень. Злой ветер прижимал плотные облака к вершинам невысоких гор, пики же были спрятаны в них так, будто их не существовало вовсе. Мелкий колючий снег бился в прозрачный узор окна, смазывая весь мир в одно сероватое пятно. Мрачные контуры скал навевали мысли о бренности бытия, причем в самой депрессивной его форме.

Партанато иригламм Тагаррит, созвавший в связи с последними событиями Временный Совет Клевера, молча стоял у окна и смотрел, как вечер скрывает безрадостные краски ненастного дня. Впрочем, ему погода не доставляла каких-либо неудобств. Вырубленное прямо в теле скалы и поднятое к вершине жилище Тагаррита, над созданием которого трудились лучшие пространственники Серого Лепестка, как раз в такую погоду лучше всего подчеркивала незыблемость мира глеммов. К тому же Тагаррит просто любил плохую погоду.

Чего нельзя было сказать о его гостях. Юхнан Непобедимый принадлежал к одному из племен равнинных торков, которые от века враждовали с горными. Ему любить горы было не с чего. Второй же гость, Принц Лианы зол-италь Сандель, один из наиболее одиозных представителей расы аталь, как и любой его сородич, в принципе не переносил любой пейзаж, где отсутствовала растительность.

— Вы не могли бы не курить в моем присутствии, сараси Юхнан? — поинтересовался зол-италь Сандель.

— Трубка — это знак сараси, хаталин Сандель,— невозмутимо повернулся к нему торк.— Я не думаю, что готов на продолжительное время лишиться своей привилегии. Впрочем, если запах дыма доставляет вам неудобства, вы можете использовать узор, помогающий вам избежать его. Если гла-Тагаррит не будет против.

Сандель и Юхнан посмотрели на Тагаррита. Тот сделал легкий жест рукой.

— Пожалуйста.

Вообще говоря, использовать личные защитные узоры в присутствии другой расы Клевера — проявления неуважения, но раз Юхнан предложил...

Принц Лианы зол-италь Сандель небрежно шевельнул пальцами — и в комнате повеяло лесной свежестью. Халь уровня Санде-

ля для сотворения узора необязательно было вообще что-либо делать, это был жест уважения к собеседникам.

— Итак,— Тагаррит отвернулся от беснующегося в сумерках снегопада. Он сегодня хозяин встречи, ему и начинать.— Я предлагаю обсудить последние известия из Пестика. Вы получили мои сообщения?

Удобно устроившиеся в огромных креслах гости неспешно кивнули. В этой комнате, широким раструбом выходящей на обзорную сторону, вся мебель была выполнена в историческом стиле глеммов. Огромная, неподъемная даже на вид, она, тем не менее, была очень удобна в использовании и перемещалась буквально по мановению руки. Но сейчас Тагаррит предпочел бы, чтобы она была менее удобна. Приятное расслабление — это было не совсем то, что требовалось сегодня вечером.

— На мой взгляд,— Тагаррит тоже устроился в кресле и взял в руку чашку с дошем,— пришло время действий. Мы получили более чем достаточно сигналов о том, что люди перешли ту грань, за которой начинается угроза всему Клеверу.

— Если вы говорите о группе, вышедшей в Территории с одной из баз перед нашей атакой, то это пока не является сколько-нибудь значимым сигналом,— Юхнан Непобедимый выпустил большой клуб ароматного дыма.— Возможное внимание людей к одному из звеньев Цепи Света также не призывает нас к немедленным действиям.

Тагаррит покосился на Юхнана. В ходе совместной работы он всё ближе знакомился с коллегами, и каждый раз открывал их для себя с совершенно неожиданных сторон. Огромный торк обладал в Клевере однозначной репутацией недалекого тупого громилы, впрочем, довольно удачливого. Сейчас же, слушая замечания и предложения Юхнана, Тагаррит никак не мог согласиться с такой оценкой. Перед ним сидел тонкий и умный политик, признанный вождь и достаточно хитрый воин. Торк продолжил:

— В таких условиях начало каких-либо действий в Пестике, где наши возможности, в принципе, ограничены, не представляется первоочередной задачей.

— На мой взгляд, коллега прав,— негромко поддержал Юхнана Принц Лианы.— Разве что у гла-Тагаррита появилась принципиально новая информация.

Сандель тоже оказался далеко не таким упертым ксенофобом, каким его рисовали в Клевере. Людей он, конечно, ненавидел истово, но Тагаррит в глубине души его понимал. Если бы эти варвары прошлись по Серому Лепестку так, как они сделали это в Зеленом,

он бы, наверное, тоже их ненавидел. Радовало то, что эта ненависть не мешала Принцу Лианы здраво мыслить и принимать правильные решения.

— Конечно, появилась,— позволил себе невеселую усмешку Тагаррит.— Наши специалисты сняли со Стены Вероятностей узор, который, возможно, напомнит вам некоторые забытые страницы нашей общей истории.

— Сняли узор? — недоверчиво переспросил Юхнан.

— Я полагаю, специалистам Серого Лепестка можно доверять,— Сандель остался убийственно серьезным.

И правильно. Прогностам глеммов всегда заслуживали доверия. Если в создании новых узоров в Клевере не было равных аталь, за уничтожением любого создания хальер, будь то узор или полуматериальная сущность, лучше всего было обращаться к торкам, то глеммы заслуженно считались непревзойденными мастерами составления прогнозов и предсказаний. А некоторые наиболее осведомленные личности, вроде Принца Лианы, знали также, что не менее сильной стороной специалистов Стены Вероятностей является надзор за работой линий хальер, а также возможность дистанционного обнаружения создаваемых узоров.

— Если позволите, мы вернемся к этому позже,— Тагаррит достал кристалл с записью последних событий.— Сейчас я предлагаю просто слушать. Хочу особо отметить, что действие происходит в Пестике, на земной базе, которую они называют «Красный Замок».

— Мне нужно будет получить копию, чтобы мои специалисты провели свой анализ.

Юхнан недоволен. Конечно, а кто будет доволен, оказавшись в положении младшего школьника перед старшими товарищами. Это было не очень профессионально, но Тагаррит не удержался от шпильки. Иногда зазнавшихся надо легко шлепать по носу.

— Если вам лично будет нужен этот узор, я, вне всякого сомнения, смогу вам его предоставить, но дополнительной идентификации не требуется. В свое время Шаманерия уже его получала, он есть в ваших архивах.

Сдержался. Молодец.

— В таком случае я прошу дополнительно объяснить мне, в чем суть вашего беспокойства.

— Извольте,— Тагаррит сделал приглашающий жест в сторону кресел.— Узор, о котором идет речь, имеет название «Оборот лаши». Что такое лаша, сейчас доподлинно неизвестно, узор да-

тируется еще временами Ататидов, но это не существенно. Существенно то, что данный узор является одним из всего лишь двух существующих узоров, относящихся к сфере перемещения во времени.

Сделав паузу, Тагаррит раскурил свою короткую трубку. Юхнан, помешкав, присоединился к нему.

— Второй узор называется «Ветер времени» и является боевым.

— Замечание, если позволите,— зол-италь Сандель отставил чашку с дошем.— На самом деле «Ветер времени» только условно относится к перемещениям во времени, поскольку подтверждений того, что после его применения пораженный объект переносится на некоторое время позже, нет.

— Но маркеры... — попробовал возразить Тагаррит.

— При описании маркеров обычно берут значения последней трети и совершенно не учитывают фазу спада,— доверительно сообщил Сандель.— А напрасно, потому что если искать перемещение во времени, то ты его найдешь.

— То есть? — не понял Юхнан.

— То есть при описании «Ветра времени» все исходят из того, что это узор группы перемещения, поскольку это было заявлено изначально. А это не совсем так.

— А откуда вам известны такие подробности? — поинтересовался Тагаррит.

— Авторство этого узора принадлежит Ветви Лианы,— слегка улыбнулся зол-италь Сандель.— И восходит этот узор к временам Исхода и попыток обнаружить следы Ататидов.

— О,— только и нашелся Тагаррит.— Тогда давайте вернемся к нашему узору.

Сандель склонил голову, соглашаясь.

— Обычно для создания «Оборота» требуется специфический набор амулетов,— продолжил глемм,— но в этот раз мы столкнулись с чем-то новым. Отпечаток узора в целом повторяется классический, но другой. А энергетической основой для его создания послужили... — Тагаррит сделал паузу и внимательно посмотрел на собеседников.— Распадающиеся амулеты.

— То есть? — не понял Принц Лианы.

— Откуда это следует? — А вот как раз Юхнан всё понял. Уничтожение амулетов являлось прерогативой торков, и появление конкурентов их, естественно, расстроит. Несуществующие, да в данном контексте это может расстроить весь Клевер разом.

— Я не буду раскрывать всю специфику нашей работы,— Тагаррит сделал затяжку,— но поверьте, данные об использовании амулетов совершенно точные. Достаточно точный перечень был в информации, которую я вам передал перед встречей. Вы просматривали его?

— Просматривали,— кивнул Юхнан.— К сожалению, я почерпнул из него только эмоции. Три амулета нашей работы, которые считались невскрываемыми.

— Их и не вскрывали,— уточнил Тагаррит.— Их уничтожили.

— А у меня информации оказалось больше,— Сандель поудобнее устроился в кресле.— Данный набор амулетов, за небольшим дополнением, является штатным набором на-халь, участвующих в боевых действиях при усилении Стрелков. Желтых или Изумрудных. В случае с Пестиком имеется в виду только халь Ветви Лесных Троп, как наименее подготовленных.

— То есть...— задумчиво проговорил глемм.

— То есть это трофеи, доставшиеся людям, как ни неприятно мне об этом говорить,— припечатал Принц Лианы.

— Где они могли получить эти трофеи? — включился Юхнан.

— Либо в Зеленом Лепестке, либо в Пестике,— пожал плечами Сандель.

— Еще в Огненном Лепестке,— напомнил Тагаррит о неудачной попытке аталь вторгнуться на Землю на плечах отступающего Экспедиционного Корпуса.

— Это эпизод Войны Листьев,— отмахнулся Сандель.

— То есть мы можем сделать вывод о том, что люди, основав в Пестике свою базу, вплотную занялись изучением возможности перемещения во времени,— подытожил Юхнан.— И, связывая этот факт с поспешной отправкой некой группы в Территории, а также с чьим-то интересом к запечатанной Двери, получаем не очень приятную картину. Люди активизировались в своем стремлении открыть Дверь и запустить в Клевер проклятие Ататидов? Согласен, это повод для серьезного обдумывания ситуации, но не для немедленных действий. Или гла-Тагаррит обладает еще какой-либо информацией?

Тагаррит слегка улыбнулся одними губами, показывая, что он оценил тонкость мышления собеседника.

— Увы, да,— согласился он.— Учитывая необычность узора, я попросил поднять всю историю использования данных узоров за последние сто оборотов.

Аталь и торк напряженно смотрели на Тагаррита, ожидая продолжения.

— Два случая применения аналогичных узоров,— поднял два пальца глемм.— Оба в Пестике. Один буквально недавно. По времени совпадает с нашим нападением на земные базы...

— Мы потеряли там несколько на-халь от Лесных Троп,— кивнул Принц Лианы, подтверждая сказанное.

— И еще один несколько оборотов назад.

— Где? — уточнил Юхнан.

— Вы слишком высокого мнения о наших прогностах,— невесело усмехнулся глемм.— В Пестике. Точнее сказать невозможно.

— Братство? — тут же отреагировал Сандель.

— Возможно,— пожал плечами Тагаррит.— Но это случилось после того, как люди заключили соглашение с ними и нами о создании баз Огненного Лепестка в Пестике.

Повисло недолгое молчание.

— Итак,— Принц Лианы коснулся лба тонкой рукой.— Нам предстоит решить, является ли использование данных узоров угрозой для всего Клевера...

— Кроме Огненного Лепестка,— заметил Юхнан.— Проклятие Ататидов не будет иметь силы в нем из-за отсутствия хальер.

— Именно так,— согласился Сандель.— А также определить, кто именно проводит изыскания в этой области. Только лишь Огненный Лепесток или вместе с Братством? — пояснил он, ловя взгляды собеседников.

— Чтобы решить, кого именно нам следует уничтожить,— ровно сказал Юхнан.

Тагаррит покосился на него. Что взять, торки и есть торки: им лишь бы подраться.

— Чтобы решить, есть ли необходимость в применении силы, и где именно нам следует ее применять,— осторожно, чтобы не обидеть собеседника, поправил он.

— Все равно в итоге придется драться,— невесело хохотнул Юхнан.— Драться приходится в итоге всегда, вы уж поверьте моему опыту.

Иригламм Тагаррит открыл было рот, но потом передумал. В чем-то торк был прав.

— Вы перескочили в самый конец развития событий, коллега, минуя промежуточные действия,— Сандель остался невозмутимым,— но в целом я с вами согласен. Предлагаю начать обсуждение.

— Поддерживаю,— Тагаррит сделал приглашающий жест, и в дополнение к креслам в комнате появился массивный стол. В конце концов, Партанато тоже может позволить себе лучших мебельщиков Лепестка.— Прошу, коллеги. Дош?

— С удовольствием,— принял предложение Юхнан.

Глава 29

— Мох! Мо-о-ох!

Наполнив глаза черной пустотой, уже практически родной и домашней, Ирил первым делом вспомнил о гиде:

— Мох! Ты здесь?!

— Чего ты орешь? — Недовольный голос меньше всего походил на скрипучие интонации местного жителя, но Ланья все равно решил поинтересоваться.

— Мох, ты?

— Ты знаешь, учитывая, сколько времени я тут начинаю проводить, скоро можно будет сказать, что да.

— А-а, это ты,— разочарованно протянул Ирил.

— То есть ты не рад и предпочел бы оказаться здесь в одиночку? — удивился Шатун

— Нет, извини,— из Ланьи как будто выдернули стержень.— Хотя, наверное, да. Одному было бы проще.

— Чем это?

— Не знаю,— Ирил понял вдруг, что неимоверно устал, и опустился на пол.— Что произошло?

— Я же говорил этому балбесу,— с полоборота завелся Шатун,— не трогай ничего без разрешения. Не лезь никуда. Так разве он слушается? Убил бы,— с чувством добавил он.

— Может, и без тебя уже справились,— Ирил вспомнил, что произошло, и с кряхтением поднялся.— Давай посмотрим, куда нас на сей раз занесло.

Кокон оказался таким же, как и в прошлый раз, только несколько поменьше.

— Это из-за размеров помещения? — поинтересовался Ланья.

— Ну ты спросил,— фыркнул Шатун.— Может, да, может, нет. Кто знает?

— Ты же вроде крупнейший специалист Братства по этим, темпо-пальным... — не справился с незнакомым словом Ирил.

— Сам дурак,— в стиле Демчи отреагировал Шатун.— Ты лучше скажи, а провода на тебе остались?

— Остались,— Ланья удивленно схватился за сохранившиеся каким-то чудом ниточки.— Я про них и забыл.

— Отлично,— сарказма в голосе Шатуна хватило бы на двоих.— И работают?

— Да Твари их знают,— Ирил осторожно подергал за проводки. Куда-то они уходили ведь... — Это у Рябоцкого спрашивать надо.

— Надо бы,— вздохнул Шатун — А где он? Ладно, давай, что ли, свет организуем.

Бледный круг выхватил из темноты фигуры магов. Линии работали, как и в предыдущем случае.

— Демчи! — задрав голову, проорал Шатун.

— Мох! — вторил ему Ирил.

Тишина.

— Ай,— подпрыгнул вдруг Ирил.— Жжется.

Один из проводков вдруг начал чувствительно покалывать ногу, к которой был прикреплен.

— Рябоцкий! — обрадованно подпрыгнул Шатун.— Сигнал идет. Ура!

— И что? — завертелся Ланья, пытаясь увидеть, где именно проходит этот проводок.— Долго мне это терпеть? Ай-я-яй.

Ирил сорвал с себя неожиданно раскалившийся проводок и бросил его на пол. Тот полежал немного, пульсируя яркой точкой, и исчез, растворившись в окружающей черноте.

— Нет Рябоцкого,— грустно констатировал Шатун.

Больше никакие телодвижения ничего не дали, и Ирил с Шатуном молча устроились на полу, дожидаясь непонятно чего.

— Привет,— чирикнула вдруг чернота.

— Мох! — Ирила подбросило.— Где тебя носило?

— За наши деньги,— не очень понятно пробурчал Шатун.

— Везде,— удивилась чернота.— А вы кто?

— Как кто? — замялся Ланья.— Мы это мы, ты что, не узнаешь?

— Да я вас и не знаю,— и только сейчас до Ланьи дошло, что голос не совсем похож на тот, который сопровождал их последний раз.— А вы тут часто бываете?

— Регулярно,— убийственным тоном сообщил Шатун.— Слушай, а как тебя зовут, раз уж вы тут стадами ходите?

— Стадами? — не понял голос.— Мы по лаше ходим, не стадами. А я Дампа. А вы кто?

— Шатун и Ирил,— представился Шатун.— Слушай, а мы недавно с кем-то другим общались, с каким-то мохом. Не знаешь, кто еще здесь был?

— Не знаю,— Дампа явно обладал более жизнерадостным характером.— Я тоже мох. Мы все мохи. А кто к вам приходил, не знаю. Много наших тут.

Ирил с Шатуном переглянулись.

— А таких, как вы, я раньше не видел,— чирикнул Дампа уже откуда-то из-под пола. Подвижностью он явно превосходил своего предшественника.— Вы когда?

— Всегда,— мрачно отозвался Шатун.— Ты скажи, а таких, как мы, ты сейчас не видишь?

— Не,— отозвался Дампа с потолка.— Наши говорили, что когда-то были такие, как вы, с острыми ушами, но я не видел.

— Аталь? — не поверил своим ушам Ланья.— Когда?

— Раньше,— честно ответил Дампа.— Я не видел.

— Посмотри, пожалуйста,— вклинился Шатун,— а нет где-нибудь рядом таких же, как мы. Раньше или позже.

— А что, вас много? — обрадовался Дампа.

— Мало нас,— вздохнул Шатун.— Вот и мечемся по лаше туда-сюда.

— Здорово,— восхитился Дампа.— Я посмотрю.

Он исчез. Ирил не успел открыть рот, как бодрый голос с потолка позвал:

— Нашел, пошли покажу. Есть там один ваш.

— Стоп,— скомандовал Шатун.— Мы не пойдем.

— Почему?

— Мы не можем.

— Не можете? — недоверчиво переспросил Дампа.— А... ага. А-а-а, вот как. А как вы сюда попали? — В звонком голосе зазвучало недоумение.— Вы ведь без лаши.

— Так получилось,— вздохнул Шатун.— А ты скажи, этот наш, который там, он живой?

— Вроде да,— подтвердил Дампа. Ирил с Шатуном дружно выдохнули.— Бегает, ругается. Я его спросил, он кто, а он меня послал куда-то. Я не понял куда.

— Э-э, в другую сторону,— сдавленно хрюкнул Шатун.— Еще одного искать.

— А еще есть? — заинтересовался Дампа.

— Да,— Ланья подался вперед.— Ты посмотри, пожалуйста, раньше, совсем раньше. Там еще один из наших должен быть. Давно уже тут.

— А давайте,— согласился Дампа и опять пропал.

— Этот какой-то более общительный, ты не находишь? — поинтересовался Шатун.

Ланья не ответил. Затаив дыхание, он ждал появления моха. А тот как назло не появлялся и не появлялся.

— Ты меня слы... — начал было Шатун, не разобравшийся в ситуации, но его перебил вынырнувший из темноты голос:

— Нашел. Там она.

Ирил сжался в комок. Интонации Дампы были не совсем веселыми. Странными какими-то. Про Демчи он бодрее докладывал.

— Что случилось? — своим «ровным» тоном спросил Ланья.

Шатун немного отодвинулся, и даже голос Дампы стал немного глуше. Тоже отодвинулся?

— День какой-то сегодня странный. Ругаются все. Этот ваш ругается. Темпа ругается.

— Кто такой Темпа? — мгновенно встрял Шатун.

— Мох,— пояснил Дампа,— который с вашей этой сидит.

— Она жива? — От еще более «ровного» тона Шатун отодвинулся еще дальше.

— Жива,— отозвался мох.— Только Темпа говорит, что он от нее отойти не может, чтобы ее лаша не забрала. Говорит, долго уже сидит.

«Не загрызу»,— с облегчением подумал Ирил.

— Он еще ругается и говорит, что пора ее оттуда забирать, а то ей плохо будет... И ему тоже,— с непонятным удивлением добавил Дампа.

— Дохлые Твари, да как нам ее оттуда забирать, мы бы забрали,— сорвался Ланья.— Что нам делать?

— Не знаю, спрошу,— Дампа исчез.

— Н-ненавижу,— сквозь зубы процедил Ланья.

— Ждать и догонять хуже всего,— сочувственно отозвался Шатун.

— Темпа спрашивает, это не вы недавно сидели у речки, и не ты давно лежал, пока тебя не унесли? — Раздавшийся над самым ухом голос моха, заставил Ланью с Шатуном подпрыгнуть на месте.

— Мы,— подтвердил Ирил,— и я.

— Ага,— обрадовался Дампа.— Тогда он хочет, чтобы ты ее накрыл еще одним куполом, а потом оба сразу снял. Тогда ее вытащишь.

Шатун зашелся в приступе дикого хохота и повалился на пол. Сам Ланья ничего смешного не увидел.

— А ничего больше Темпа не хочет? — прошипел Ирил сквозь стиснутые от бешенства зубы.— Сигарету там или доша в постель?

— Нет,— удивился Дампа.— Зачем ему?

— Примерно за тем же, зачем мы здесь сидим,— желчно отозвался Ланья.— Как я какой-то купол сделаю, когда я отсюда-то выбраться не могу. Он меня часом не за Ататида принимает?

— Не знаю, я спрошу,— пообещал Дампа и опять пропал.

— Стой, зараза,— не успел перехватить его Ланья, разозлился еще больше и напустился на хрюкающего от смеха Шатуна.— А ты чего развеселился?

— Изви-ни,— прерывающимся голосом отозвался тот.— Но уж больно смешно.

Он залился еще громче.

— Ко-кон, е-му,— смех начал становиться истеричным.— Говно вопрос, начать и кон-чить, ха-ха-ха. Хрен ли, ха-ха, нам эти коконы. Мы их по, ха-ха, три штуки за зав-тра-ком...

— Иди ты,— смех Шатуна оказался заразным, Ирил против воли улыбнулся, чем вызвал еще один приступ.

— Всё в порядке,— бодро доложился появившийся Дампа.— Я ваш купол осмотрел, понял, что делать.

— Я-сен хрен,— хохот Шатуна начал переходить в хрип.— Делов то, у-ха-ха...

— Кончай балаган,— что-то проскользнуло в голосе Ланьи такое, что Шатун успокоился, вытер слезы.

— Это не истерика, просто правда смешно,— пояснил он.

— Оборжаться,— хмыкнул Ланья и завертел головой в поисках моха.— Эй, Дампа, и что нам делать?

Он показал кулак опять надувающемуся от смеха Шатуну.

— Вон там, сбоку, у вас торчит что-то,— сообщил Дампа.

— С какого боку? — поинтересовался Ирил, оглядывая круглый купол.— Шатун, я тебя точно прибью.

— С правого,— прошептал уже вконец обессилевший от хохота Шатун.— Или с левого, там тоже можно.

— Да пошел ты,— борясь с заразным хихиканьем, Ланья поинтересовался у моха: — Ты извини, Дампа, но я плохо представляю, где у купола бок. Он же круглый.

— Да вон же,— судя по голосу, мох нетерпеливо подпрыгивал на месте.— Вон перед тобой прямо, ниже смотри.

— Это, что ли? — Ирил нагнулся.

У самого пола из невидимой в темноте стены торчало два проводка. Те самые, от Рябоцкого доставшиеся.

— Во,— обрадовался Дампа.— Точно. Теперь возьмись за них, они куда-то позже идут, и тяни по ним. Только без лаши.

— Спасибо,— саркастично поблагодарил Ланья.— Как я разберусь, с лашей или без я буду тянуть? И что тянуть?

— Увидишь,— пообещал мох.— Давай, берись за них.

— И что? — Два проводка в руках Ланьи так и остались проводками.

— Тяни.

— Что и куда? — начал закипать Ирил.

— Подожди,— отстранил его Шатун.— Вот так? — Поинтересовался он у невидимого Дампы.

— Ага,— обрадовался мох.— Так, давай, тяни. Только без лаши... Давай, давай, дава...

Яркая вспышка, рассыпавшаяся цветным конфетти, больно ударила по глазам.

— Шатун, мы где? — попробовал спросить Ланья, но сильнейший удар чуть не сбил его с ног. Что-то огромное обхватило его и стиснуло так, что затрещали кости.

Ирил рванулся изо всех сил. Что-то не отпускало. От страха Ланья чуть не потерял голову. Присесть. Поворот. Хватка ослабевает. Н-на. Удар. Ногой. Хватка исчезла, раздался какой-то грохот. Шум. В этом шуме начали проявляться отдельные голоса. Кто это? Голоса знакомые.

— Стой! Ирил! Стой! Свои!

Только через несколько секунд Ирил обрел способность осмысливать происходящее. Цветное конфетти исчезло, Ланья проморгался.

Три белых пятна. Трое лаборантов. Тооргандо, бледный, но улыбающийся. Перевернутые столы, разбросанные инструменты. Из дальнего угла рассерженным медведем выбирается... Рябоцкий.

— Силен ты, парень,— прохрипел он, потирая грудь.— Мало не убил.

— Извините,— у Ирила от облегчения задрожали ноги, но тут же выпрямились.— Шатун!

— Здесь я, здесь,— проскрипело сзади.— Живой. Вроде...

Ланья резко развернулся. Шатун сидел на полу, скрючившись, и безуспешно пытался встать.

— Что?

— Не, все нормально,— помахал он рукой.— Отхожу помаленьку.

Он осторожно поднял голову, оперся на руку Ланьи, встал.

— Злой яд,— прокомментировал он.— Ух.

Маги зашумели, поздравляя. Ланье что-то царапало глаз, но он никак не мог в суматохе понять, что именно.

— Ничего, что я занудничаю? — От облегчения Тор начал язвить.— Но вас, мужики, посылали кокон убрать, а не наоборот.

И тут Ирил понял, что ему царапало глаз,— в лаборатории вместо одного кокона красовалось два.

— Демчи! — Ланья с нетвердо стоящим на ногах Шатуном бросились к ближнему.

— Ура! — плюхнулся на пол Шатун.— Смотри.

Ланья опустил глаза и тоже расплылся в улыбке — возле самого пола из вновь образованного кокона торчала тонкая ниточка. Шнурок от амулета, который Демчи невольно прихватил с собой. Маги переглянулись.

— Только после трех чашек доша,— непререкаемым тоном отчеканил Шатун и растянулся на полу во весь рост.

Глава 30

— Совсем чуть-чуть не хватило,— Дампа получал искреннее удовольствие от участия.

— Опя-ать. Да сколько можно,— долго выдохнул Шатун.

Его можно было понять. Шестая попытка попасть на кокон Совы закончилась неудачей, так же, как и предыдущие пять. Что с ним было не так, никто понять не мог, включая Темпу, который весь уже извелся, не имея возможности лично сделать что-нибудь. Дампа регулярно сообщал, что он ругается. Сильно. Если поначалу это даже немного развлекало, то к шестой попытке Ирил с Шатуном сами выражались в стиле Темпы.

— Ну что ему надо? — Ирил уселся на пол.— Почему Демчи мы сразу вытащили, а тут никак?

— Демчи, считай, сам вылез,— напомнил Шатун.— Мы ж его по шнурку вытащили.

— Не вытащили, а кокон взломали,— поправил Ланья.— А раз он, считай, сам вылез, значит, опыт есть. Чего бы ему свой кокон не попробовать? Может, лучше получится?

— Это ты от усталости? — поинтересовался Шатун.— Нет уж, халявы не будет. Ты кокон строишь, я из него вылезаю. Больше ни у кого не получится. Во всяком случае, сегодня.

Он вздохнул и похлопал рукой по упругой стенке.

— Дампа, поехали.

— Есть «поехали»,— к шестому разу мох перешел на сленг Шатуна.

Взрыв цветного конфетти, белые стены лаборатории и ненавистное мерцание проклятого кокона.

— Дош? — Тооргандо протянул поднос с дымящимися чашками.

— Нет, спасибо,— повертел головой Ирил.— Меня уже тошнит от него.

— Устали? Перерыв? — Рябоцкий, как встал в самом начале возле стены, так и не шелохнулся все это время, участвуя только советами.

— Нет,— вскинулся Ланья.— Я еще могу. Шатун?

— Нормально,— Шатун качнулся.— Чашка доша — и я готов.

— Это последняя попытка,— непререкаемым тоном заявил Рябоцкий, внимательно осмотрев обоих.— На вас лица нет.

— Будет,— заверил Шатун.— А что у нас с амулетами?

При каждой попытке они сжигали по шесть амулетов за раз. Ирил плохо себе представлял, сколько денег они сегодня угробили. Амулеты-то не простые. Простые не работают.

— Это приказ,— ровно ответил Рябоцкий.— А за амулеты не беспокойтесь. И есть, и еще заказали. Будут. Мы за сегодня столько наворотили, что Земля нас амулетами хоть каждую минуту снабжать будет.

— Начали? — отлепился от стула Ирил.— Шатун, встань-ка подальше. Хочу попробовать одну штуку.

Ланья аккуратно разложил очередной набор амулетов на лабораторном столе и отошел от кокона, стоящего посредине комнаты.

— Можно я с ним? — Тооргандо, первым догадавшийся, подскочил к Шатуну.— Мало ли, помощь потребуется.

— Давай,— кивнул Ирил,— только ты тоже чем-нибудь обвяжись.

— Не понял,— Рябоцкий даже покинул свою позицию.

— Смотрите.

Ланья зажмурился, седьмая попытка давалась с трудом. Горка амулетов подернулась дымкой, зашипела. Пара штук сдвинулась со своего места, словно не желая заканчивать существование. Тор вцепился в Шатуна. Раздалось негромкое «пок» и...

— Получилось! — пять голосов разом заставили Ланью открыть глаза.

В лаборатории по-прежнему находился один кокон. Только он стал больше и заиграл всеми цветами радуги.

— Шнур! — Ланья вцепился в исчезающий конец соединительного шнура, привязанного к Тору.

— Провода! — Демчи уцепился за провода, тянущиеся от Шатуна.

— Вяжи,— Рябоцкий догадался, что происходит.

Маги тут же начали наращивать уходящие в мерцающее яйцо контакты. Шнур исчезал метр за метром в зыбкой разноцветной мути. Еще, еще, еще. Да сколько можно?..

Крра-к! Крра-к!Тррумб!

Резкие хлопки, даже приглушенные толстыми стенами лаборатории, подозрительно сильно напоминали...

— Порталы? — недоуменно оторвался от разматывающегося провода Рябоцкий.

Шнур и провод остановились одновременно.

Крра-к! Крра-к! Трр-р-р! Пок! Пок! Пок!

— Что это, сколько их? — Ланья услышал то же самое, что и Рябоцкий.

Кокон заходил ходуном. Раздулся и опал. Вытянулся. Вернулся обратно.

— Держим,— подпрыгнул Ланья, но кокон замер. Прошло несколько секунд, видимых изменений не произошло. Шнур и провода замерли, как приклеенные.

— Ну же,— несильно дернул за свой конец Ирил.

— Ай-й-йя!!!

Даже без раздавшихся тут же выстрелов, звона мечей и оглушающего воя сирены всё мгновенно стало ясно. Ланья воткнулся в бешеный взгляд рыцаря-трилонга:

— Аталь! Атака!

— Держать! — Ирил бросил конец шнура ближайшему лаборанту, Рябоцкий сделал то же самое. Выстрелы замолчали как по мановению волшебной палочки. Так и есть — узор-блокиратор горения! Лязг мечей раздался чуть ли не над головами магов. Ланья рванулся к двери, на полсекунды отстав от Рябоцкого и судорожно соображая, куда он дел меч. Чуть сзади тенью скользнул Демчи. Теперь главное — удержать базу, а о Сове есть кому позаботиться.

Два висящих в воздухе «окна» с лицами двоих вельмож в них подрагивали и расплывались. Межлепестковая связь с образами — занятие безумно затратное и сложное, но Тагарриту не самому же линии держать, а ситуация не терпит отлагательств.

— Хаталин Сандель, сараси Юхнан,— не совсем правильное титулование, но сейчас не до церемоний.— В связи с нашими последними договоренностями я имею сообщить следующее. Только что я получил сообщение от группы, следящей за Красным Замком. Там отмечены многократные, я повторяю, многократные случаи использования узора «Оборот лаши». Счет уничтожаемых амулетов идет на десятки. Наши предположения начинают оправдываться.

— Не начинают, а уже оправдались. Они делают длинный пробой во времени,— из-за расстояния голос Юхнана звучал глухо.

— Достаточно сильный зазор позволит блокировать большую часть из практически всех известных узоров,— начал Сандель.— Дверь...

— И без Двери будет достаточно проблем,— перебил его Юхнан, но Принц Лианы промолчал. Сейчас не время скрупулезного исполнения этикета.— Я не знаю, что можно придумать на базе этого построения, но оставлять это знание людям нельзя.

— Согласен,— кивнуло моргающее изображение аталь.— Вариант «четыре».

— Именно это я и хотел предложить,— поддержал коллег Тагаррит.— У меня готов к выходу ди-хорд и звено иривальяда.

— Половина навахи из личного резерва,— коротко сообщил Юхнан.

— Двадцать пятерок Желтых Стрелков с на-халь и до-халь готовы сейчас. В течение трех часов — десять Изумрудных. В этих же рамках — ард Красных Стрелков,— к бою с людьми Сандель как всегда был готов лучше всех.

— Жду вас на моей площадке, координаты направляю немедленно. Мы уже готовим порталы непосредственно на Красный Замок,— подытожил Тагаррит и посмотрел на собеседников.

— Принимаю. Жду координат,— Принц Лианы моргнул и отключился.

— Принимаю. К выходу готов,— торк кивнул и тоже пропал.

Весеннее утро играло всеми красками жизни. Сад готовился расцветать во всю мощь. Мелкие птахи соревновались с цветами в яркости красок, а друг с другом — в мелодичности пения. Купы свежей зелени деревьев обещали приятную прохладу в грядущем жарком дне. В воздухе носилось юношеское желание свершений, путешествий, обещание непременного счастья. Весна в Ацете — это здорово. Точилинов улыбнулся непонятно чему, прицелился взглядом на цветок, венчающий трехметровый куст, и прыгнул. Немного магии, и — вот он. Ай, а земля тоже уже близко. Семен не рассчитал и покатился по нежной молоденькой траве, хохоча во все горло. Хорошее настроение рвалось наружу и требовало выхода.

— Семен, у нас проблема,— Сибейра выскочил из-за дикой изгороди, как чертик из табакерки.

— За-да-ча, дружище,— весело поправил его Точилинов и осекся, глядя на напряженное лицо. Юношеское настроение сделало неловкое лицо, извинилось и тихо-тихо убралось поглубже. Точилинов чуть не расплакался от расстройства. Фигурально, конечно.

— Я до конца так и не разобрался в твоей градации,— дон Антонио поддержал шутку, но, ей-богу, лучше бы он этого не делал,— по мне так проблема.

— Делись,— Мастер Ацекато, не глядя, сунул в карман только что сорванный цветок.

— Старшие Расы начали массированную атаку на Красный Замок.

К таким новостям приготовиться не получается никогда, голова просто не способна сразу охватить всю картину, и ты либо сваливаешься в панику, либо делаешь вид, что жизнь идет своим чередом. Точилинов остался абсолютно спокойным.

— Старшие Расы? Не аталь?

— Старшие Расы,— подтвердил Сибейра.

— Подробности.

— Пока нет, информация пришла лично от Гермеса. Мы только что выслали группы.

Справа шелохнулась ветка.

— О,— из-за дерева неслышно появился огромный силуэт,— ты уже здесь.

— Гермес?..— повернулся к Муритаю Семен.

— Да.

— Пошли смотреть. Антонио всех вызвал.

— Так точно, через несколько минут будут.

«...существующими ресурсами долго нам не продержаться. Красный Замок просит Братство Магов Земли о помощи».

Неподвижное изображение Гермеса Седьмого пропало. Точилинов подкинул ком-кристалл на руке и посмотрел на напряженные лица собравшихся магов.

— Какие мысли?

— Нет вариантов,— Агатьев сидел прямой как стрела. Обе руки ладонями вниз лежат на столе, сжатые в линию губы, между бровей складка.— Я объявил боевую готовность. Вольды оповещены, ждут нашего решения. Если говорим, что это вторжение,— они с нами, если нет — идем только мы.

— Антонио? — Мастер Ацекато посмотрел на Сибейру.

— Находящие готовы, Ищущих пока не трогаю.

— Шаман?

— Клич кинули,— Шаман взъерошил и без того лохматые волосы.— Горячих голов будет хоть отбавляй. Я думаю фильтровать их через Ищущих, а то такая получится банда, не поймешь кого от кого спасать.

— Муритай.

— Саша все сказал,— пожал плечам и торк.— Приказ — и поехали.

— Я правильно понимаю,— Точилинов (обвёл сидящих) тяжелым взглядом,— все присутствующие за то, чтобы поддержать Красный Замок и начать боевые действия против Старших Рас?

— А что такого? — прогудел ван Брюккен.— Когда Земля нарушила договор и аталь начали атаку, мы не шелохнулись. Они были в своем праве. Сейчас это уже наглость. Пестик — не провинция какого-нибудь Лепестка. И прежде чем начинать тут бучу, неплохо было бы оповестить нас об этом.

— Корону сними,— фыркнул Точилинов,— за потолок цепляется. Мы что, правительство Пестика, оповещать нас перед силовой операцией? Красный Замок отдельное государство. Перед нами никто не должен отчитываться, да и не отчитывается.

— Зря ты так. Отчитывались ведь. А нет, так заодно и научим,— Директор разгладил складку между бровями. В предстоящей драке появился смысл помимо чужой войны. Это... Радовало?

— Так что, выступаем? — нахмурился Мастер Ацекато.

— Есть, мой генерал,— Шаман будет дурачиться и на том свете. То-то чертям повезет.

— К пустой башке руку не прикладывают,— сурово сообщил Точилинов.— Так, прения закончили. Определяю. Мы выступаем на стороне Красного Замка. Подразделения Директории и Находящих выдвигаются на исходные позиции. Командует операцией ван Брюккен. Я, Сибейра, Агатьев, Шаман — на местах. Координация — через меня. По Братству объявляю боевую тревогу. Оставаться на местах, никто не двигается до особого распоряжения. Клаус, выйдешь на район, доведи до всех координаты. Настроить порталы туда. Связь непрерывная. Задействовать рации, полученные из Красного Замка: Старшие Расы опять могут зачистить линии связи и порталы. Всё. Поехали.

Глава 31

— Ложись,— Рябоцкий мощным толчком сбил с ног Ирила. За ним сбитой кеглей покатился Демчи.

Над головой свистнули несколько арбалетных болтов — и воткнулись в каменную стену, как в мешок с соломой.

— Глеммы,— выдохнул Ланья, отползая за угол. Он высунул голову и тут же спрятался, стрела ударила рядом.

— Аталь,— это Демчи.

— Глеммы,— уверенно ответил Ирил.— Стрелять не умеют. Аталь так просто не отпустили бы.

Рябоцкий для проверки вытащил из кармана железный кругляш гранаты, выдернул проволочку, забросил за угол. Ничего не произошло.

— Заблокировали,— кивнул он сам себе.— Как в Зеленом Лепестке.

— Вы там были? — поинтересовался Демчи.

— Был,— коротко ответил Рябоцкий.— Не болтаем. Перебежками назад, в оружейную.

Поставив на пол трубочку магиприпаса, теперь уже с узором, рыцарь-дилонг активизировал его. В коридоре вспух багровый шар.

— Блокираторы,— напомнил Демчи.

— Через него не пройдут,— заверил Рябоцкий,— блокираторы — это пассивная защита, ломать купола они не умеют.

Демчи сконфуженно замолчал.

— Вскроют,— заметил Ирил.

— Конечно, вскроют,— согласился Рябоцкий.— Со временем. И не за пять минут. Я ж не запечатывал, нам еще обратно идти придется.

— Не продержимся,— Ирил не паниковал, он старался трезво оценивать происходящее.— Ваше оружие не стреляет, а на мечах не выстоим, их слишком много, и каждый на блокираторах магии еще к тому же.

— Посмотрим,— Рябоцкий набрал приличный темп.— Мы тоже все это время не картинки из бумаги вырезали. В оружейке много чего есть. На каждый блокиратор винтом есть магиприпас с нарезкой.

— Зачем? — не понял Ланья.

— Ввинчивать,— несмотря на серьезность ситуации, Рябоцкий ухмыльнулся.— Осторожно, голову береги.

Посреди коридора ни к селу ни к городу красовался переходник, суживающий проход до небольшой двери. Через такие переходники, натыканные по всем коридорам Красного Замка, приходилось пробираться по одному, низко наклоняя голову. Ланья всегда недоумевал, зачем это надо, а сейчас вдруг понял.

Рябоцкий добежал до двери, увешанной грозными табличками, и рванул дверь. Внутри раздался лязг оружия.

— Свои! — он нырнул внутрь. Демчи с Ланьей — за ним.

В большой комнате, уставленной стеллажами с различным оружием, четверо «рыцарей» быстро, но без суеты натягивали на себя жилеты, увешанные различными магиприпасами.

— Экипируемся железом, амулеты я сам подберу,— отрывисто скомандовал Рябоцкий и повернулся к землянам: — Что у вас, Олег?

— Перемычку между мастерскими и складами держим,— начал коротко докладывать один из них.— Баррикада из кирпичей. Пока автоматы стреляли, мы завалили двух халь. Они сейчас без них. Там и аталь, и глеммы, и торки. Друг другу мешают. Полчаса удержим и так. Смену пришлю, экипируемся все, станем мертво. Там козырек, мы под ним. Крыши они захватили, аталь сверху простреливают всё, так что на открытое место не суйтесь. Сейчас сложно сказать, но ощущение, что они идут от периметра и по крышам.

— Ага,— кивнул Рябоцкий.— То-то порталы над головой хлопали. Отчаянные ребята.

Слушая доклад, он одновременно влезал в такую же сбрую, что и остальные, в бешеном темпе рассовывая по карманам амулеты и магиприпасы.

— Гермеса окружили? — поинтересовался он, вертя головой по стеллажам.— Ага, вот она.

Привстав на цыпочки, он кончиками пальцев столкнул с полки черную коробочку рации.

— Не знаю,— пожал плечами Олег,— я только про нас могу говорить, больше ничего не видел. А еще там такая есть?

— Посмотри сам,— Рябоцкий повернулся к другому стеллажу и начал сгребать магиприпасы в небольшую коробку.

— Демчи, Ирил,— позвал он, протягивая ее магам,— разбирайте. Что не поймете — спрашивайте, я объясню.

Демчи первым оказался возле коробочки, сортируя магиприпасы и деля их поровну. Из оружия он взял только короткий меч. Ланья подошел к вопросу вооружения более тщательно. Метательные ножи, кинжал, тонкий меч, удобный для боя в коридорах, легкий круглый шлем, налокотники. Подумал — и прихватил небольшой нагрудник. Пристроив это все на себя, Ирил посмотрел, как Рябоцкий достает из высокого шкафа короткий автомат.

— Олег,— позвал Рябоцкий,— «виктория» где?

— Внизу,— отозвался тот, проверяя, как сидит снаряжение. Оба его спутника, уже готовые к бою, терпеливо ждали.

— Иван Андреевич,— поинтересовался Ланья,— а автомат вам зачем? Он же не стреляет.

— Кому поведется, у того и петух несется,— улыбнулся Рябоцкий.— Там поглядим.

Он вытащил с нижней полки какую-то коробку, достал из нее небольшой цилиндрик с ленточками и примотал его к рукоятке автомата. С удовольствием лязгнул затвором. Ссыпал себе в карман горсть таких же цилиндриков.

— Теперь стреляет,— удовлетворенно пояснил Рябоцкий и тут же поправился: — Правда, недолго. Но на этот случай... — он выразительно похлопал себя по карману.— Двигаем потихоньку, по пути всё расскажу. Олег, удачи.

Рябоцкий выглянул в коридор, прислушался и махнул рукой. Ирил тенью выскочил за ним, держа в одной руке меч, в другой метательный нож. Демчи хмыкнул, пристроил меч за спиной и взял в каждую руку по магиприпасу.

— Успели,— прокомментировал Рябоцкий.— Теперь они долго нас отсюда будут выковыривать.

Неширокую дверь проходника запечатывала полупрозрачная пелена. Пробив ее, глеммам придется по одному протискиваться в дверь, наклоняя голову. И вот тут их уже готовился встречать Ирил, пристроившийся за широким косяком. Демчи в двух шагах сзади раскладывал на полу набор магиприпасов и клятвенно заверял, что ни одна нечеловеческая зараза просто так узор сюда не закинет. Рябоцкий пристроился за вторым косяком, сжимая автомат.

— Иван Андреевич,— поинтересовался Ланья,— а он точно стреляет?

— Сейчас нет,— покачал головой Рябоцкий. Для наглядности он высунул автомат за дверь и нажал на спуск. Автомат молчал.— А вот если эту ниточку,— он пропустил сквозь пальцы ленту от прикрученного магипри́паса,— дернуть, то будет. Так что ребятам будет чему поудивляться.

— Деблокиратор? — со знанием дела поинтересовался Демчи.

— По сути — да, по принципу — нет.

— А что? — тут же заинтересовался Ирил.

— Военная тайна,— сделал страшные глаза Рябоцкий.— Да и не время — подходят.

И без его напоминания становилось ясно, что подходят. Ровный негромкий лязг потихоньку начал заполнять коридор. Ирил

высунулся. Железная стена щитов, полностью запечатывающая весь проход, казалось, двигается сама по себе. Ничего из-за нее видно не было.

Увидели перегораживающую коридор дверь. Остановились.

— Вскрывать будут,— шепотом сообщил Рябоцкий.— Демчи, как договорились.

Демчи сосредоточенно кивнул, еще раз дотронувшись до каждого магиприпаса, проверяя все ли на месте.

— Ирил, ты — скорая помощь,— напомнил Рябоцкий.— Не высовываешься, пока не пробьют нас. Понял?

— Понял,— Ланья перебрал пальцами по рукояти меча.

О том, что глеммы начали, Ирил догадался лишь по враз покрасневшему лицу Демчи. Попробовал линии — они гудели как струны. Потекли мгновения, складывающиеся в минуты. Одна, другая.

— Все,— просипел Демчи.— Не могу больше.

— Отпускай,— рубанул рукой воздух Рябоцкий.

По зыбкой поверхности пелены начали пробегать искры. Немного, больше, еще больше. Вот она уже вся искрится. Пок! Мембрана лопнула, и тут же в проем начали влетать арбалетные болты, не давая никому высунуться. А и незачем. Рябоцкий нехорошо осклабился, дернул ленточку магиприпаса на автомате. Магиприпас зарделся алым. Припав на колено, Рябоцкий высунул ствол автомата в проем, не высовываясь, и нажал на спуск.

Тра-та-та-та-та! Плюющийся огнем автомат бил по ушам, заставляя морщиться, но он казался музыкой на фоне звуков, раздающихся с той стороны.

Звон, крики, грохот падающего железа. Ирил рискнул на секунду высунуться. Железной стены больше не существовало. Три тела в доспехах валялись на полу, еще пара ног торчала из-под валяющегося щита. Ланья отпрянул и посмотрел на рыцаря-дилонга. Алая точка на автомате начала тускнеть. Быстро. И как только она погасла, автомат замолчал. Топот ног за стеной не оставлял сомнений в выбранной глеммами тактике.

— Демчи, давай! — Рябоцкий в бешеном темпе заменил магазин и теперь приматывал другой магиприпас взамен использованного.

Топот бил в уши уже практически перед самой дверью. В проем полетела колба, и Демчи зашипел рассерженной змеей. Уже знакомая багровая пелена заволокла проем.

— Есть,— доложился Демчи.

— Понял,— Рябоцкий дернул ленту магиприпаса и опять высунул ствол.

На сей раз патроны кончились раньше, чем резерв магиприпаса. Ирил сглотнул, пытаясь избавиться от пленки в ушах. Тишина казалась неправдоподобной. Высовываться было страшно, но пришлось.

Семеро глеммов лежали вповалку по всему коридору. Больше никого не наблюдалось

— Никого нет,— отпрянул он.

— Не высовывайся,— Рябоцкий опять сменил патроны и магиприпас.

Выпрыгнув из-за косяка, он молниеносно начал расстреливать лежащие тела.

Та-та. Та-та. Та-та...

Ирил зажмурился. Крови он не боялся, но вот так хладнокровно добивать... А ведь Тахор поступил бы точно так же. Глаза раскрылись сами собой. Что, Ирил Ланья, за тебя воевать другие будут? Он выскочил в коридор, сжимая в руке меч.

— Чего выпрыгнул? — не оборачиваясь, спросил Рябоцкий.— Твое место где? А если бы меня положили?

Ирила в очередной раз обжег стыд.

— Извините,— пробормотал он, возвращаясь на место.

— Чисто,— запрыгнул обратно рыцарь-дилонг.— Все в легких доспехах. Не ждали нас.— Он похлопал рукой по автомату и хищно улыбнулся.— Теперь ждем следующих, а пока неплохо бы узнать, что в мире происходит.

Он вытащил из кармана рацию и принялся ее настраивать. Щелк, щелк, щелк. Треск, тишина, треск...

— ...слева трое.

Ш-ш-ш.

— Пятый, держись, помощь идет.

Ш-ш-ш.

— Седьмой, еще портал на крыше.

Ш-ш-ш.

— Габор, на крышу, на усиление двойке,— сквозь шипение прорезался голос Гермеса.

— Седьмой, ответьте Третьему,— Рябоцкий отпустил клавишу рации.

— Ваня! — Гермес не скрывал радости.— Живой! Где ты?

— Три прохода этажом ниже от лаборатории,— доложил Рябоцкий.— Со мной Ирил и Демчи. Тооргандо и Шатун в коконе, доставали Сову. Остались в лаборатории. С ними трое лаборантов.

Мы дошли до оружейки. Только что положили перед переходником семерку глеммов. Пока больше никого. Ждем распоряжений. Тебя там как, не совсем окружили? — улыбнулся он.

— Меня — нет,— сообщил Гермес,— а вот вас, похоже,— да. Атака идет только на мастерские. От периметра внутрь и с крыши. У вас там что, медом намазано?

Ш-ш-ш.

— У нас там темпоральными перемещениями намазано,— мрачно ответил внезапно осознавший реальность Рябоцкий.— Позже доложу. Ты сглазил. Они, судя по всему, что-то почуяли. Правда, ума не приложу, как. В лабораторию рвутся.

Ш-ш-ш.

— Понял,— тон Гермеса тоже помрачнел.— Вот, значит, как. Тогда держитесь. Я перестрою схему, но вас отрезали. Пока еще прорвемся. К ним постоянно подкрепление подходит.

— А к нам? — Рябоцкий даже наклонил голову, чтобы лучше слышать.

Ш-ш-ш.

— Земля обещала. Вот-вот начнут перебрасывать. Я попросил также Братство. Они вроде уже тут. Не знаю, впишутся или нет.

— Как это не впишутся?! — вскинулся Демчи, но Рябоцкий оборвал его взмахом руки.

— Понял,— проговорил он в рацию.— Мы тогда выдвигаемся поближе к лаборатории, там закрепимся. Ты тех, кто на связи, тогда к нам гони, будем линию обороны вокруг лаборатории держать.

— Понял,— отозвался Гермес.

— Да, и еще,— Рябоцкий позволил себе улыбку.— А «виктория»-то работает. Всех семерых я положил.

— Ну хоть что-то приятное,— фыркнул в рацию Гермес.— Ладно, двигайте. Удачи.

— Не подойти — торки,— сообщил Реваш, вернувшийся с рекогносцировки.— Линии заблокированы по всему пути, не зря порталы раньше не открывались. А над самим Замком линии работают. Регулярно открываются порталы — и оттуда кто-то прыгает. Количество точно оценить невозможно, но народу нагнали много — всё побережье перекрыто.

— Всё побережье или только с нашей стороны? — Клаус ван Брюккен нахмурил брови.

— До всего не дошел, но сколько видел — везде дозоры. Прямо перед нами торки, причем сарасит сплошной, дальше — глеммы.

— Не иривальяд? — поинтересовался Се Ляо Юй, отправившийся с ван Брюккеном.

— Непохоже,— покачал головой Реваш.— Доспехи без знаков различия, а иривальяд без своего серо-черного шабука шагу не сделает. Пугает.

— И то сказать, что иривальяду в охранении делать,— пожал плечами голландец.— Они если и есть, то внутри. А по самому Замку что?

— Не видно ничего. Стрелять, слышно, стреляют, а снаружи — ничего.

— Хорошо,— ван Брюккен принял решение.— Выдвигаемся как можно ближе. Несколько групп по центру на вид поставьте, но осторожно. Только чтобы дать понять, что мы Братство и что мы здесь. Там посмотрим. И прикройте их по максимуму. Айонки.

— Тут,— отозвался Айонки, направленный к ван Брюккену в качестве координатора Находящих.

— Шесть групп приготовь за первой линией на правом фланге. По приказу будут прорывать дозоры и закрепляться на берегу. Вася, с тебя переправа, как определили.

— Понял,— козырнул Тетраков, до этого тихо стоявший рядом.

— Двинулись,— махнул рукой голландец.

— Мы поставили на виду несколько групп,— там, куда они дошли, линии уже сбоили, поэтому вместо живой картинки висело неподвижное изображение ван Брюккена.— Нас остановили, сказали, что Старшие Расы проводят локальную операцию. Просьба не вмешиваться.

— Ни хрена себе «локальная операция» на нашей территории! — от возмущения не сдержался Мастер Ацекато.— Совсем обнаглели!

— Мы можем начать в любой момент.

— Ждем,— сдал назад Точилинов.— Я уже говорил с Гермесом, тот слезно взывает о помощи, но я хочу услышать просьбу от самой Земли. Мне прошлого раза хватило. Больше «за так» работать не будем. Договор — значит, договор. А то они до сих пор необъявленными сидят.

— Там наши Тооргандо, Ланья, Шатун, Демчи и Сова,— напомнил голландец.

— Я помню,— брови Точилинова сошлись на переносице.— Не надо мне напоминать.

— Я не совесть имел в виду,— осторожно ответил ван Брюккен.— Я напоминаю, что мы имеем право вмешаться.

— Оставь, пожалуйста,— поморщился Семен.— Имеем не имеем, какая разница. Мы либо вмешиваемся, либо нет. Кто наши объяснения слушать будет? Там сейчас реализуется только одно право — право сильного. Кто победит, тот и будет о правах рассуждать.

— Извини, Семен,— голос ван Брюккена изменился.— У меня, кажется, парламентеры от Старших Рас. Как закончим, я появлюсь.

— Давай, жду,— Мастер Ацекато откинулся на спинку кресла, невидяще уставясь на тающий в воздухе портрет голландца. Однако долго ему так просидеть не удалось.

— Мастар, вызав,— в дверь просунулась голова Арубая.

— Кто?

— Сибайра говорит, Земля.

— Иду,— Точилинов рывком поднялся из кресла.

— ...они, конечно, стараются делать вид, что не пропустят нас, а при случае задавят, но это блеф. Мы разведали диспозицию — прорвем оборону мгновенно. Выйдем на берег, а там останется только переправиться. Не самое приятное занятие, но берег тут близко, прикрытия должно хватить. И, что самое интересное, они сами это понимают, но усилиться не могут. Что-то у них в Замке не заладилось. И порталы над ним перестали открываться.

— Спасибо, неплохо,— поблагодарил Точилинов.— У меня тоже новости. Пока ты там по душам беседовал, проявилась Земля. Красный Замок действительно держится. А они еще и подкрепление туда наладили. Говорят, своими силами справятся внутри. Нас просят только лишь не пускать никого с берега.

— Всего-то,— фыркнуло неподвижное изображение ван Брюккена.— А если они все же начнут?

— Смотри по месту, Клаус,— Ацекато откашлялся.— Но я пообещал, так что это, считай, приказ.

— Есть,— ровно отозвался ван Брюккен.— А что отжал, если не секрет?

— Полный пакет признания, дружбы и т. д. и т. п. Вернешься, расскажу. То, что хотел, короче. Прижало, видно, их.

— Здорово,— отреагировал голландец.— А они не сказали, из-за чего весь сыр-бор?

— Представляешь, сказали,— улыбнулся картинке Точилинов.— Они какой-то узор новый открыли. Обещали поделиться по завершении всего.

— Узор?! — не поверил ван Брюккен.— Вот это все из-за какого-то нового узора?!

— Говорят, да,— сообщил Семен.

— Это должно быть что-то совсем особенное,— Точилинов и без сигнала увидел, как голландец недоверчиво вертит головой.— И они этим супероткрытием просто так с нами поделятся?

— Там Тооргандо сотоварищи,— теперь Семен напомнил ван Брюккену расклад сил.— Сложно сейчас сказать, но, если наши принимали участие в разработках — а я думаю, что всё вокруг этого кокона вертится,— то им уже никак концы не спрятать будет. Так что, по сути, ничем они не рискуют. Ты давай, осторожно там, но чтоб ни одна зараза и помыслить не смогла...

— Сделаем,— ухмыльнулся ван Брюккен.— Это уже в разы легче. До связи.

— Демчи, сколько у нас магиприпасов осталось? — Рябоцкий спрятался за стенку переходника и уже затверженным движением содрал цилиндрик «виктории», меняя его на новый.

— Такими темпами — на час,— Демчи заглянул в изрядно полегчавшую за последние часы сумку.— Что-то они как-то пободрее стали. Поужинали, что ли?

— Может быть,— пожал плечами Ланья, привалившийся к противоположной перегородке.— А вот мы-то нет.

— Перетопчемся,— Рябоцкий с клацаньем вставил магазин в автомат.— Они туда народу насовали немерено. Так что нам этот ужин может боком выйти. А по мне, так даже и лучше,— подмигнул он.— Волк должен быть голодным.

— Не все же время,— пробурчал Ланья.

Но про ужин и вправду можно было забыть. Тем более что еде взяться было совсем неоткуда: кухня к мастерским не примыкала. Хорошо хоть оружейка была доступна некоторое время. Но все хорошее долго не длится. Непрекращающиеся атаки выдавили Рябоцкого и еще две уцелевшие группы практически к лаборатории. Теперь сомнений не оставалось ни у кого — нелюди рвались к кокону. А что все это время происходило — неизвестно, отойти не было ни малейшей возможности. Ланья кинул тоскующий взгляд по коридору: как там Сова? Что с Тором, Шатуном? До лаборатории остался один переходник, дальше отступать будет некуда.

— Не переживай, если бы там прорвались, нам бы уже всё равно было. Да и им тоже,— «успокоил» перехвативший его взгляд Рябоцкий.

— Спасибо. Сразу стало легче,— слегка поклонился Ланья.

Рябоцкий улыбнулся, оценив иронию.

— Ты лучше делом занимайся, а то наши друзь... Внимание! — резко крикнул он.

Ланья, не задумываясь, полоснул мечом вдоль полотна двери. Уже слегка иззубренный меч коротко свистнул, и на пол, звякнув, упал железный наконечник. Багор. Опять.

Вначале по коридорам замка в основном путешествовали глеммы, предоставив аталь с торками зачищать базу на открытом пространстве, но отсутствие результатов дало о себе знать, и на помощь глеммам начали подтягиваться торки. Более длиннорукие и бесшабашные, нежели привыкшие к академическому строю глеммы, торки привнесли новую тактику. Перехода два назад, когда магов только оттеснили от оружейки, из недавно очищенного проема, когда атаки никто не ждал, вдруг высунулся странно изогнутый крюк. Не надень Ланья нагрудника, висеть бы ему пришпиленным, как бабочка на стене. Но доспех был, и у Ланьи оказался шанс. Схватившись руками за воткнувшуюся в грудь железяку, Ирил остановил на секунду острое жало, грозившее проткнуть легкий доспех. Долго бы он не продержался: Рябоцкий еще не успел сменить магиприпас, так что спас Демчи. В проеме переходника вспух обжигающий шар, с той стороны раздался вопль, и хватка ослабла. Ланья выдернул багор, отбросив его вперед. Рябоцкий, наконец, перезарядился и высунул ствол, поливая всё за дверью. В итоге двое изобретательных торков остались лежать, а Ирил заработал огромный синяк во всю грудь и рефлекс рубить всё, что показывается в проеме.

— Опять пошли? — Ланья повернул голову к Демчи.

— Счас посмотрим,— отозвался тот.

По мере продвижения тактика совершенствовалась не только у Старших Рас. Когда Ланья в очередной раз чуть не получил арбалетный болт в голову, Демчи придумал неожиданно простое решение. Решение получилось и теперь путешествовало вместе с ним.

— Делаю, смотри! — Демчи раскинул руки.

Коридор перегородила глянцевая пелена. Ничего особенного, обыкновенный декоративный узор, тем более недолговечный — такие использовались на праздниках как мишура; но сейчас в нем, как в зеркале, отражалось все происходящее с той стороны перегородки. К сожалению, не только для Ланьи.

— Всё, снимай,— Ирил поглубже вжался в угол и перехватил поудобнее рукоять меча.— Два торка.

Он вопросительно глянул на Рябоцкого, тот покачал головой. Все ясно, магиприпасов и патронов осталось чуть-чуть, тратить их

на двоих бойцов было неразумно. Ланье предлагалось справляться самому. Он вдохнул поглубже и приготовился.

В чистом поле против двух огромных торков-мечников Ирил бы трижды подумал, прежде чем выходить, но узкий проем переходника (спасибо тому, кто об этом подумал) давал неплохой шанс.

Демчи на пробу запулил два узора в проход. Полыхнуло раз, другой. Ничего. Прошла минута. Ланья изготовился к драке и кивнул Демчи: давай еще зеркало. Заблестела мишура, и Ланья расслабился.

— Никого.

— Что, обоих положил? — удивился Демчи. До этого ни один подобный узор никого не убил: амулеты на нападавших были хороши.

— Нет,— покачал головой Ирил.— Ушли. Странно.

Трр-р! Тр-рр! Пок. Пок. Пок. Здание вдруг сотрясла череда тресков и хлопков.

— Порталы,— поднял глаза к потолку Рябоцкий.— Опять. Да сколько же их?

Это не радовало никак. А раздавшийся в коридоре лязг лишь усугубил настроение. Демчи привычно раскинул сверкающую мишуру. Которую тут же изрешетили белооперенные стрелы.

— Аталь? — удивился Рябоцкий.

— Прикрывают глеммов,— хмуро пояснил разглядевший в зеркале новых противников Ланья.

И тут из дальнего конца коридора, оттуда, куда улетели стрелы, потянуло холодом.

— Демчи! — хором рявкнули Ирил с Рябоцким.

В первый раз это было страшно. Тогда они все едва не погибли под ядовитым туманом, быстро заволакивающим коридор. А сейчас это всего лишь эпизод атаки. Демчи раздавил ногой лежащий как раз на такой случай на полу магиприпас, и коридор перегородил защитный купол. Правда, стоящий чуть дальше от них: если прикрывать точно по месту, то аталь вскроют в момент. А так — очень даже и ничего.

В проем переходника затарабанил дождь из стрел, не дающий высунуть даже палец. Лязг с той стороны перешел в мерную железную поступь, ускоряющуюся с каждой секундой.

— Пошли,— прокричал Ирил без особой надобности: Рябоцкий и так все понял.

Когда ливень стрел стал стихать и железная стена щитов уже перекрывала линию огня, рыцарь-дилонг счел, что пора.

Две гранаты с намертво прикрученными цилиндрами «виктории» улетели в проем. Одну из них Рябоцкий даже поднаправил повыше нехитрым узором. Два взрыва. Грохот, крики, проклятия на глеммдале и аталите. Рябоцкий высунул ствол и начал собирать очередной смертельный урожай. Выстрелы стихли... и Ирил чуть не пропустил влетевшего в проем глемма. Со страху он рубанул так, что боль отдалась по всей руке. Глемм рухнул плашмя и замер. Ланья скосил глаза на первого противника, упавшего с его стороны, и помертвел. По всей длине матовых серых доспехов шла широкая черная полоса. Ириваль‍яд! Испугаться дальше не получилось: в проем влетело два узора. Черная пасть воронки открылась... и закрылась. Рябоцкий не только стрелять умел. Со вторым узором разобрался Демчи.

А в проеме уже маячил следующий глемм, прикрывающийся сверху щитом и пытающийся достать Ирила в ноги мечом. Хвала Несуществующим, проход узкий, щит широкий: глемму не хватило места для удара. А Ирилу — вполне.

Тело упавшего перегораживало проход недолго. Утащили. Влетело еще два узора. Накрыли. Рябоцкий, бешено вращая глазами, ждал передышки, чтобы перезарядиться. Ему не дали. Длинная гибкая тень, распластавшись в прыжке, влетела в проем. Аталь. Ланья только и успел, что воткнуть меч в незащищенную спину. До конца не убил. Желтый Стрелок, пуская кровавые пузыри перекошенным ртом, рванул тесьму магиприпаса. Узор Демчи стенка в стенку столкнулся с узором аталь. Полыхнуло так, что Ирил на секунду ослеп. Не глядя, он махнул вдоль перехода мечом, стараясь ударить посильнее. Не зря. Меч встретил кого-то. Короткий вскрик — и секунда передышки, чтобы проморгаться.

Храброго Стрелка больше нет. В проеме застряло тело еще одного. Его дергают, но пока не вытащить. Закопченный Демчи судорожно хватает воздух, но похоже, цел. Ирил перевел взгляд на Рябоцкого и замер: рыцарь-дилонг лежал у стены и не шевелился. Тело Стрелка из прохода утащили.

Не задумываясь, Ланья начал напрессовывать в проем все известные ему статические узоры. Потом разберемся, какие. Сейчас главное — передышка. Хоть минута!

Нет! Его узоры лопались один за другим. С той стороны стоял опытный маг. И не такой усталый, как Ирил. Наверное, поужинал. Не удержать.

Демчи, так и не наглотавшийся воздуха, сполз по стене. Ланья остался один. Узоры дергались в руках, умирая, и с ними в душу

Ирила заползало отчаяние. То самое обессиливающее, заставляющее опускать руки и склонять голову. Твари с вами, убивайте. Сил нет. Делайте что хотите.

И тут наверху, возле лаборатории, прогремел взрыв. Грохот пробил все стены и заставил даже атакующих аталь на полсекунды остановиться. Внутренним заполошным взглядом, проникающим через все барьеры, Ирил как будто воочию увидел лабораторию. Кокона нет! А что есть?! Туда!

Удар по предпоследнему узору, закрывающему проход, вернул Ирила обратно в коридор. Аталь! Глеммы! Не уйти! А ТАМ СОВА!

И обессиливающая усталость, щедро политая раздражением, переродилась. Давно Ирил Ланья не гулял по этим дорожкам.

Белое поле простерлось перед ним. Тонкие ниточки стен не скрывали вообще ничего. Сколько вас? Пятеро?! А, вот вы где. Яркие точки амулетов рисовали контуры врагов. Первый не понял вообще ничего. Ставшая стальной линия хальер перерубила светящийся контур напополам. Четверо! Второй схватился за горло, и Ланья торжествующе заорал. Трое! Белое поле закачалось, теряя четкость. Вы ко мне? Убить? Да пожалуйста. Пойдем вместе. Широкая петля намертво связала Ланью с оставшимися аталь. Не ждали?! Ну, кто кого перетянет? А может, отдадите амулеты? Кокон посреди коридора для прочности не помешает. Мох ему еще и обрадуется. Дикий хохот ускользающего разума Ланьи заставил аталь содрогнуться. Секунда слабости, такой, как была у него. И что?

Нет, гляди-ка, держатся.

А я, ребята, ведь не шутил про смерть вместе...

Четыре контура начали шататься. Слабеть. Умирать. Не сдавались, но умирали. И вместе с ними умирал Ланья. Не будет кокона. Будет взрыв. Ну что ж, может, после него тоже не пройдут по коридору? Да какая разница. Прощай, Со...

Три, два, один.... Контуры попадали один за другим, оставив Ирила одного качаться на волнах белых линий. Где вы? Лежите? А я? Оказывается, их жизнь его питала.

Нет врагов. Нет магии. Нет сил. Ирил Ланья зашатался и рухнул на пол прямо перед выскочившими из узкой двери переходника солдатами в непривычных одеждах. И уже отключаясь, он счастливо улыбнулся: в руках у солдат были автоматы.

Глава 32

Проклятая духота вытаскивала все силы, ноги вязли в липкой грязи, водяная пленка покрывала лица, заставляя звереть от каждого препятствия, которое не заметил. Еда кончалась, невзирая на то что среди живности, водящейся в Территориях, попадались съедобные экземпляры, вольды не соврали. С водой было полегче — ручейков вокруг хватало. Но тоже до поры: пока оставались дезинфицирующие таблетки и пока никто не травануся. Каждый новый день, казалось, был еще серее и душнее предыдущего. Заметно полегчавшие мешки расстраивали своей худобой: патронов тоже взять было негде. Приходилось экономить, а количество всевозможных Тварей, непрерывно пытающихся пообедать чужаками, никак не уменьшалось. Скорее, наоборот...

Но они шли. Шли вперед уже которые сутки. Шли, потому что маленький огонек на подвешенном ромбике поискового амулета с каждым пройденным переходом разгорался все ярче и ярче. Там впереди была цель. ЦЕЛЬ! Та самая, ради которой Земля и устроила все это представление с базами.

— Атака справа!

Крик дозорного резанул по ушам, стряхивая душную одурь. Группа прыснула в сторону от дороги, размазываясь по придорожным деревьям. Хрустнуло, и на дорогу выбралась гигантская жаба о восьми ногах и при длинном хвосте, заканчивающемся набором внушительных шипов.

— Огонь! — Майор, ведущий группу, скомандовал больше для проформы, все и так знали что делать. А чего делать никак нельзя. Например, тратить бесценные боеприпасы на инертную тушу, у которой все мало-мальски важные органы запрятаны так, что за два дня не раскопаешь.

Ф-р-р, ш-ш-ш...

Огненная комета ушла в сторону жабы, рассыпая снопы ослепительных искр. Вспышка. Тварь очумело замотала головой, пытаясь проморгаться: яркостью магический взрыв легко затмевал ненавистную зеленую лепешку, висящую в небе вместо нормального солнца.

Бах! Бах! Ба-бах! Два выстрела из снайперской винтовки и один — из гранатомета. Все, больше и не надо, им ее не есть.

— Обходим! — Майор первым поднялся на ноги и пошел в обход ревущей горы мяса, только что лишившейся обоих глаз и по-

лучившей дырку вместо носа. Пока эта пакость хоть как-то очухается, они уже за тридевять земель будут. Вернее, за тридевять болот...

— Леха, как думаешь, долго нам еще от этих отбиваться? — Старший прапорщик Игорь Фомых, коренастый крепыш, поглубже напялил перепачканную вездесущей грязью шапочку.

— Пока не сдохнем, товарищ старший прапорщик,— хмыкнул Леха, он же прапорщик Алексей Головенко.

— Типун тебе в самую дырку... — возмутился было Фомых, но его прервали.

— Что за пораженческие настроения, товарищи два прапорщика? — Майор Федун, командир группы, проходя, несильно подтолкнул Головенко плечом.— Для страданий есть начальство, им и можно грустные лица делать. А младшим положено улыбаться и радоваться. Понятно вам, двое из ларца, одинаковых с яйца?

— Так точно! — бодро доложились оба «младших».

Фомых с Головенко были единственными прапорщиками в группе, остальные — сплошь офицеры, и только ленивый, беззлобно подтрунивая, не прошелся еще по этому поводу.

— И в самом деле, молодой человек, не надо стягивать на себя отрицательные эманации,— Денис Евгеньевич, «Профессор», как его окрестили в группе, был как раз одним из трех «ленивых», которые в общих шутках не участвовали. Они вообще нигде не участвовали. Трех магов, приданных группе, оберегали как зеницу ока. Впрочем, именно им придали группу, а не наоборот. С задачей довести эту блаженную троицу до мифической «Двери». Маги, понятно, тоже были при погонах (на Земле любой маг обязательно числился по какому-нибудь спецведомству), но при всем при этом на военных они походили как курица на штурмовик.

— И правда, Леша, не зови лихо почем зря,— дядя Вася, классический дед-лесовик, не отстал от «профессора».

— Да я-то чего... — развел руками Головенко и посмотрел на третьего мага, молчаливого и сосредоточенного бербера, с невозмутимым лицом перебирающегося через лужу. «Хоттабыч», окрещенный так скучающими остряками, говорил мало, но если вступал, то любое его слово падало весомо и твердо. На сей раз он промолчал, даже не удостоив взгляда удивленного прапорщика.

— Пошли,— Фомых хлопнул по плечу Головенко.— Нечего нам тут торчать.

Когда вечернее небо расцвело созвездиями, Федун, наконец, разрешил устроиться на отдых. Жаба осталась далеко позади,

вместе с еще парочкой «подружек». Разную мелочь, то и дело пытавшуюся напакостить проходящим мимо бойцам, уже и считать перестали.

— Мне показалось или сегодня как-то тише прошли? — поинтересовался Головенко, плюхаясь возле костра и принимая от Игоря разогретую банку консервов.

— Тьфу на тебя,— возмутился тот,— точно дядя Вася говорит, ты языком как помелом мелешь. Да, сегодня три больших было вместо пяти. И что? Что, уже пришли? Еще чапать и чапать. Накаркаешь — придушу.

Обещание, если смотреть со стороны, было чисто символическим, Фомых размерами явно уступал здоровяку Лехе. Но это — если не знать Игоря.

— И звезд сегодня больше,— Головенко задрал голову, рассматривая крупные огоньки, удивительно яркие и чистые после серой, мутной дневной духоты.

— В гору пошли, деревья редеют,— не разделил его романтики Степан.— И вообще, мне это сильно джунгли напоминает.

— Какие?

— Наши,— Фомых сплюнул попавшую в рот соринку.— Там и там духота, дезориентация и сдохнуть можешь в каждый момент. Тут Твари, там «бабуины». С той только разницей, что эти нас хотят всего лишь сожрать. И ей-богу, они мне больше нравятся.

— И правильно,— дядя Вася, как и положено настоящему лешему, соткался из стремительно чернеющей ночи.— Всякую Божью тварь надо любить, ибо она для чего-то да придумана.

— Скажете тоже,— Леха чуть не подавился сухпаем.— Какие же они божьи?

— Всякая тварь да с разрешения Господа существует,— дядя Вася невесомо уселся на землю и повернул морщинистое лицо к прапорщику.— И эти, и мы, и орки ваши с эльфами. Раз они есть, значит, Господу для чего-то да нужны. И не нам решать, что правильно, а что нет. Наше дело — уважительно относиться к всякой вещи в мире.

— То есть это нам надо было перед жабой извиниться, что мешаем ей спокойно на попе сидеть, и попробовать пойти дальше? А если она уж пообедать решит, так и с поклоном ей «пожалуйста»? — развеселился Головенко.

— Господь всем дает свое умение,— в темноте дядя Вася походил на старого, изборожденного всеми ветрами языческого идола,

что совсем не вязалось с его словами.— И если твое умение лучше, то так тому и быть.

— Ага,— не сдавался Леха,— так, значит, то, что мы идем к этой «Двери», это правильно? Ну, раз нам туда разрешают идти.

— Господь за тебя ничего делать не будет. А чтобы ты от тех же зверюг местных отличался,— дядя Вася собрал все морщины на лице в одно хитрое печеное яблоко,— он тебе еще и право выбора дает. Решай сам, что правильно, а что нет.

— Рулетка,— подытожил Головенко.— Угадал — будет тебе благословение, не угадал — извини.

— Ты не в карты играешь,— усмехнулось печеное яблоко, подсвеченное неровным светом костра,— и в том и в другом случае ты что-то да получишь, Господь, если очень попросить, всегда дает. А вот уж дальше твое дело, что с этим делать. Если по совести живешь, то и выбор у тебя будет правильный. А если за корыстью или гордыней пойдешь, то тебя эта дорожка только к ним и приведет. И не скажешь ведь ничего — сам всё сделал.

— Так ведь не по совести тогда получается,— приподнялся на локте до этого момента лежащий на земле Фомых.— Не мы строили эту «Дверь», не нам ее и ломать.

— А кто тебе сказал, что мы ее ломать станем? — удивился дядя Вася.— Мне, например, очень интересно просто на нее посмотреть. Что там за ней, что она вообще такое? Ну а уж по ходу дела и будем решать, что у кого с совестью и как нам ее на всех делить.— По-старчески покряхтывая, он поднялся на ноги и прищурился куда-то в темноту.— О, что-то там наш Денис Евгеньевич углядел в ромбике, пойду тоже посмотрю.

Когда старик исчез в темноте с другой стороны костра, Головенко повернулся к Игорю:

— Ну и что это все значило? Ни фига я не понял. Как по-правильному-то будет? По совести?

— А для того, чтобы решать, как оно по совести будет,— сварливо отозвался Игорь, укладываясь поудобнее и отворачиваясь от Головенко,— сначала этой совести надо хоть немного где-то набрать. А у тебя ее совсем нет, мне с утра на дежурство, а ты тут антимонии разводишь. Спи давай. Или мне хоть дай поспать, совестливый ты наш.

И уже закрывая глаза под хоровод кружащихся чужих созвездий, Головенко тихо пробормотал:

— А мне тоже интересно посмотреть. Просто посмотреть.

Подмигнул звездам, улыбнулся — и мгновенно уснул. Впереди был еще один тяжелый день.

Тяжелый день превратился в два, а потом в три. Но переносилось это все гораздо легче, поскольку поисковый ромбик, болтающийся на шнурке у «профессора», уже практически весь расцвел огоньками. Маги хором уверяли, что они почти пришли. И правда, тварей становилось день ото дня, час от часу все меньше и меньше. Даже мелочь перестала досаждать последние полдня. Зато появилось нечто другое. Что-то разлитое в воздухе. Не страх, не напряжение — нет. Но нечто, заставляющее благоговейно склонять голову и с каждым шагом ступать все осторожнее и осторожнее, чтобы не потревожить что-то великое, что почивало неподалеку. Бойцы переглядывались, каждый пытался по товарищам определить, что происходит, но тщетно. Все чувствовали одно и то же и никак не могли это объяснить.

И только маги рвались вперед, как легавые, почувствовавшие добычу. У всегда величавого и степенного «профессора» раздувались крылья носа. Он чуть не подпрыгивал на месте от нетерпения, как мальчишка. Дядя Вася, казалось, помолодел лет на двадцать, у него даже его знаменитые морщины разгладились. И даже всегда невозмутимый как статуя Хоттабыч, внешне сохраняя полную индиферрентность, суетливо дергал руками и все время пытался забежать вперед, регулярно обгоняя головной дозор и жутко при этом смущаясь.

К вечеру ощущение величественного храма, распростершегося вокруг, уже стало нестерпимым. Но отторжения не было, наоборот, несмотря на нарастающее напряжение, никого уже это не волновало ни капельки. Все безудержно рвались вперед, практически не обращая внимания на мир вокруг. Появись сейчас любая из тварей, которых группа оставила вдоль своего следа, то-то бы ей славный вышел ужин: в ее сторону никто бы даже головы не повернул. Но тварей не было. Ни одной. Поредевший лес будто вымер. Ни звука, ни шороха. И только изредка группа пересекала широкие просеки из поваленных деревьев, будто здесь проползала огромная гусеница. Но всем было не до того. Вот-вот, вот-вот...

— Стой! Внимание! — Федун остановил группу по знаку дозорных. Куда-то они всё-таки пришли.

Плюнув на безопасность, все сгрудились вокруг майора, до боли в глазах вглядываясь в фигуры дозорных, которые, так же наплевав на скрытность, остервенело махали руками с вершины небольшого холма, подзывая остальных.

— Пошли,— скомандовал Федун, срывая группу с места.— Посмотрим, куда вы нас привели, товарищи маги.

Редкая цепочка людей выстроилась на вершине холма, завороженно вглядываясь в нечто, раскинувшееся внизу. Прошла минута, другая. Никто не шевелился. Майор опомнился, лишь зацепившись за ускользающую многолетнюю привычку исполнять полученные приказы.

— Головенко,— враз охрипший голос выдернул Леху из благоговейного транса.— Настраивай аппаратуру. Дядя Вася, вы обещались магией помочь. Где амулеты? Пора доклад делать.

И опять развернулся вниз, завороженный увиденным.

Дядя Вася, двигаясь как во сне, достал передающий амулет и дернул за свисающую тесьму, активируя его. Благо амулет как раз на такой случай и был рассчитан, в автономном режиме всё происходящее начало передаваться по линиям хальер, а там кто-нибудь да подхватит. На большее его уже не хватило. Как кукла, ведомая на веревочке, старик повернулся в сторону чарующего нечто и сделал шаг вперед. За ним качнулись все остальные.

Тех же самых военных рефлексов, что и у Федуна, Головенко хватило, чтобы включить передатчик, настроенный на базу, перекинуть тумблер включения налобной камеры, которая уже два дня беспрестанно красовалась у него на голове, и затихающим голосом пробормотать: «Мы идем туда, там здорово».

После этого он выпрямился и, набирая скорость, бросился догонять группу уже спустившихся с холма людей, которые не отрывали взглядов от картины впереди. Их ждало...

Огромное тело текло прямо по деревьям, не замечая их. И правда, что ему какие-то травинки? Обычно он проходил по ним, когда хотел развлечься, но не сейчас. Сейчас он был голоден. Очень хотелось есть, и еда была впереди. Там где всегда. Всегда. Всегда...

Огромный бронированный змей недоуменно поднял голову, почуяв неведомое. Мир изменился. Здесь, в его владениях, где никогда ничто не менялось, вдруг появилось нечто. Нечто, некто, нечто... Он не понимал. Он никогда ничего подобного не видел. Тиххин, могучая бронированная лента, питающаяся магией, замер, недоуменно рассматривая странные следы. Нет, не на земле, на земле неинтересно, мало ли что и откуда могло упасть. В магии. В прозрачных нитях, пронизывающих мир, появилось нечто новое. Они не были уже такими, как прежде. Гладкие и ровные, такие вкусные, особенно там, в центре, теперь они были как будто слегка... поцарапаны. Что-то или кто-то прошелся по ним, немного, совсем чуть-чуть изменив. И появилось еще одно. Вот та, по кото-

рой он всё мог слышать и видеть... Она какая-то не такая. Разделенная. Измененная.

Тиххин присмотрелся. Разделенная линия уходила... в центр. К самым вкусным линиям. Не то чтобы он разозлился, он не знал этого чувства, он просто-напросто никогда с таким не сталкивался. Да чего там, вкусного много. Хватит всем, если к самому центру не подбираться. Там-то, хоть и вкусно, но больно, очень больно. Но это новое...

Интересно. Да, именно так, интересно. Тиххин посмотрел на себя и мир другими глазами. Интересно?! Здорово! Тогда пойдем, посмотрим, где оно. У центра? Пойдем, пойдем, пойдем...

А внизу его ждал еще один сюрприз. Центра не было. Вернее, он был, но какой-то другой. Открытый. Маленькие букашки одна за одной исчезали в этой дыре, а он так на них и не посмотрел! А как же «интересно»?! За ними!

И уже рванувшись вперед, летя, чтобы успеть хоть чуть-чуть, одним глазком, посмотреть на это новое, интересное, змей остановился. Уперся всем, чем мог упереться, вздыбив тело и подняв огромную тучу пыли на сухом краю лесной поляны.

НЕТ! НЕТ! Это невкусно! Это неинтересно! НАЗАД! НАЗАД! НАЗАД!!!

Центр линий, тот самый центр линий, который всегда давал ему столько вкусного, вдруг изменился. Из открытого пятна, оттуда, где вкусные линии свивались в тугой клубок, тот самый, где вкусно, но больно, вдруг пахнуло так, что все естество огромного, практически неуязвимого монстра мгновенно превратилось в маленького беззащитного червячка, единственным желанием которого стало убежать. Убежать отсюда, спрятаться — и больше никогда не видеть, не слышать и не чувствовать того, что пряталось в центре. А он-то, он-то... А там страх, животный ужас, противный самому существованию линий! Как могло такое прятаться там, где вкусно?! А эти букашки! Невкусно! Неинтересно! Назад!

Последняя букашка скрылась в этом средоточии ужаса — и все кончилось. Центр опять стал вкусным. Мир стал прежним. Страх ушел. Тиххин замер, оглянулся по сторонам, не заметил больше ничего необычного и... поскользил прочь. К этому вкусному он еще долго не подойдет. Ох уж эти букашки. Хорошо, что их больше нет.

Далеко-далеко в Пестике, посреди изумрудного в свете заходящего солнца острова, в замке, прозванном Красным, рыцарь-связист тяжело откинулся на спинку кресла, стянул сеткой опуты-

вающие голову амулеты, провел рукой по лицу, оставляя красные полосы, и хрипло попросил стоящих рядом:

— Передайте Хозяину, есть информация по группе «А». Мы их потеряли.— И тихо добавил: — Но свою задачу они выполнили. Всё есть, и всё работает.

Глава 33

От вида белого потолка Ирила уже начинало тошнить. Не так, как тогда, когда он только открыл глаза и перепугался, что все произошедшее ему просто приснилось и он опять в палате у Шамана, но тоже ничего радостного. Медики категорически запрещали ему вставать, и их предписаниям пришлось в итоге подчиниться. После визита Гермеса. Да и без него Ланья понимал, что еще даже не начал толком восстанавливаться. Белое безумие высосало из него почти всю жизнь. На сей раз никаким коконом и никаким Темпой дело бы не кончилось. Ирила уже всерьез ждал суд Несуществующих, но его вытащил Рябоцкий. Очнись тот минутой позже, не сообрази, что у него в сумке есть «первая помощь» — лежать бы Ланье где-нибудь в окрестностях Улитарта в почетной могилке. Но Рябоцкий был далеко не новичком на войне и в магии, и выбрал он из всего арсенала амулетов единственно верный. И самый жестокий в придачу. «Некроматик» одномоментно вбрасывает в пострадавшего заряд магии, поддерживающий жизнедеятельность, и тут же консервирует его, удерживая внутри тела, на время, необходимое для прочистки каналов ариль и восстановления организма. Очень эффективная штука, если вовремя приложить. И безумно болезненная. Два часа непрерывных воплей — такого Ирил от себя не ожидал. Улитартские магипрепасы все же более щадящи: Шатун так не орал, когда его в холмах «реанимировали». А когда отпустило, Ланья вдруг понял, что не может пошевелить и пальцем.

Врач долго качал головой, сокрушаясь, но вроде пообещал, что последствий не будет. И правда, постепенно, через две недели, к парализованным конечностям начала возвращаться чувствительность, и Ирил уже даже мог немного стоять на подгибающихся ногах. Но тут вышла незадача.

Про героя, закрывшего собой Рябоцкого, лабораторию, и даже, как выяснилось, толпу раненых, спешно эвакуированных туда,

в Красном Замке не слышал только глухой. От благодарных в палате было не протолкнуться, так что умереть от скуки Ланье не светило. Но и личной жизни при этом не оставалось совсем. В любой момент времени кто-то да толкался возле него, помогая (на самом деле), заботясь, искренне (вот уж воистину преданный дурак хуже пистолета) переживая за его состояние и вызывая медперсонал по каждому его чиху. Ирилу, всегда тяжело переносившему большие скопления народа, эти визиты были как нож острый. Спас его Тооргандо, вовремя сообразивший, что от одиночества Ланья только выиграет. Ну и, конечно же, Сова...

В ее присутствии Ирил растекался блаженной лужицей, купаясь в умиротворении и благодати. Она была рядом — и это всё, что Ланье было надо. Даже паралич, казалось, при ней стеснялся показываться.

Она вот-вот должна была прийти, и Ирил уже начинал потихоньку нервничать. Ну где же? И солнце вон уже на второй половине...

— Тук-тук. Можно? — Родной голос разгладил складки на лбу у Ланьи.

— Конечно, куда тебе нельзя? — во весь рот улыбнулся он.

— Ну не знаю,— Сова поправила упавший на лицо локон.— Наверное, все же в туалет за тобой бы я не пошла.

— А во все остальные места пошла бы? — Ланья раздулся как воздушный шарик.

— Посмотрим еще,— улыбнулась Сова и провела рукой по его волосам.— Ты для начала причешись хотя бы.

Ирил судорожно начал приглаживать торчащие во все стороны лохмы. Он считал, что у него получалось, но по взгляду Совы выходило, что не очень.

— Ладно,— смилостивилась она,— сойдет. В конце концов, ты тут не на смотринах.— Она покопалась в сумке.— Гляди, чего тебе принесла.

Ланья вытянул шею, присмотрелся и тайком скривился. Горы фруктов, которые ему регулярно притаскивали, уже успели порядком надоесть. Да и вообще, еда как таковая развлечением уже не являлась. Кормили тут и так достаточно вкусно, а если целыми днями валяться в кровати и есть всё, что тебе приносят, очень скоро не сможешь пройти в дверь.

Сова повернулась, и Ирил засветился лучезарнейшей из улыбок.

— Будешь? — Она протянула ярко-синий плод чего-то южного. Ланья так и не вспомнил, как он назывался.

— Да, спасибо,— он вгрызся в противную приторную мякоть, благодарно кивая головой.— Жво дам ш хохонами?

— Чего? — рассмеялась Сова. Звонкие колокольчики рассыпались по палате.

Ланья улыбнулся до ушей, тут же подавился паразитским фруктом, закашлялся, развеселился еще больше и раскашлялся опять. Пока он пытался отдышаться, Сова подошла к окну.

— Как ты сидишь в этой духоте? — удивилась она и раскрыла окно.

В комнату ворвался свежий ветер с озера, немедленно разбросавший все бумажки, которые в палате были. Девушка подставила ветру лицо, потянулась. На улице даже крики, кажется, стихли... Ветер, похоже, тоже был не прочь поиграть с ней. Зачерпывая солнце пригоршнями, он принялся бросать его в комнату. Развевающиеся волосы Совы, платье, облегающее точеную фигуру, солнечный свет, заливающий комнату...

Ирил поймал себя на мысли, что сидит с отрытым ртом и недоеденным синим фруктом. Торопливо поискав, куда бы его сплавить, Ланья не нашел ничего лучше, как засунуть его под подушку. И вытереть руки о наволочку. Которая тут же стала в синюю полосочку. Плюнув с досады, Ирил перевернул подушку — на обратной стороне, естественно, красовался отпечаток раздавленного злополучного фрукта. Тьфу, пропасть, Ланья накинул сверху одеяло и повернулся к окну как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сова борется с верхней защелкой второй створки окна.

В сочетании с озорным ветром и солнцем, насквозь пронизывающим тонкое платье, картина получилась та еще. Ирил немедленно решил, что с параличом надо завязывать. Тем более что он и сам прошел. Вон... все эти... признаки... уже налицо, в общем-то.

Сова наконец справилась с защелкой и повернулась к нему. Признаки пришлось срочно прятать.

— Что случилось? — поинтересовалась Сова, усаживаясь на стул и поправляя волосы, растрепавшиеся во время борьбы с окном.

— Кхм, кха... Ничего,— справился с горлом Ланья.— А как там дела в лаборатории? Что с коконами?

Ему ни в какие Твари не уперлись ни эта лаборатория, ни эти коконы, но не сидеть же как идиотик, расплывшись в блаженной улыбке, и любоваться Совой, пуская слюни на воротник.

— Ой, там дел невпроворот,— легко повелась на новую тему Сова.— Коконы уже научились строить сами. Темпа скоро гостиницу откроет — столько народу хочет у него побывать. Тор гово-

рит, что нащупал какие-то закономерности во входе и выходе, так что, может, еще и мохов сюда вытащит. Представляешь, оказывается, коконы можно перемещать и изнутри. Тор говорит, что если попробовать запихнуть узор построения в магиприпас, то, может, и получится что-то. Только здесь этого никак,— она сморщила носик,— теоретическая база слабенькая. Тор говорит, надо в Улитарт перебираться. И Шаман зовет всё время. Представляешь, он уже всё приготовил, нас ждет. И народ озадачил. Всем интересно. Тор говорит, надо ехать. Чего уже тут сидеть? Здесь, конечно, здорово, но надо домой.

Ланья мрачнел на глазах. Улитарт, Шаман, народ, коконы, работа... А он-то там где? Опять приблудный сын Безумного Города? Что он будет там делать? Отшивать кобелей, вьющихся вокруг Совы?

— Тор говорит...

— Да что ты все «Тор говорит», «Тор говорит»,— неожиданно сорвался Ланья. Посмотрел в испуганное лицо Совы и тут же поправился: — Ведь не один Тор в Красном Замке. Что Рябоцкий? Гермес? Шатун с Демчи?

— Шатун? Ой, что я тебе расскажу,— хихикнула Сова, переключаясь. Ирил выдохнул. Кажется, пронесло.— Представляешь, Шатун влюбился...

— Представляю,— сардонически ухмыльнулся Ирил, старательно пряча желание громко заорать, что не один Шатун тут такой.— И кто избранница?

Сова сделала заговорщицкое лицо и наклонилась поближе. Ирилу тут же стало абсолютно наплевать на избранницу Шатуна, но пришлось изобразить внимание.

— Мышка.

— Какая мышка? — моргнул Ланья.

— Ну наша Мышка, ай, да ты же ее не знаешь, она после нападения пришла. Лена Мышецкая. Она специалист по упаковке.

— По какой упаковке? — У Ирила появилось чувство, что он не до конца осознает реальность. Может, опять последствия удара?

— А,— досадливо поморщилась Сова,— ты тоже не в курсе. Это все появилось после того, как ты, тебя... — она смешалась.— В общем, после коконов. Тут же открылось-то много чего. Не только темпоральные сдвиги. Там еще и подпотоки хальер, которые на подпути влияют. И с порталами еще... Новые возможности передачи информации... Про людей еще думают. Ну и сжатие информации появилось. То, над чем еще Мастер Ацекато вначале бился. Теперь всё по-другому можно делать. Ты, вообще, молодец, ты своими коконами так всех вперед двинул. О-го-го. Так вот, сжатие

информации и есть «упаковка». Вот Леночка сюда и приехала. Так тихая-тихая, а тут на вечеринку вышла, так такая краля... — Сова закатила глаза.— Ну, все кобели и попадали.— Помолчала и добавила не в тему: — А я, между прочим, с начала всей этой истории ни одной кофточки даже себе не заказала. И прическа...

Она обвиняюще уставилась на Ланью, как будто это он лично был виноват, что в Красном Замке не найти вечерних платьев. Но молчала она недолго.

— Так там-то Шатун наш и попался. И, надо отдать ему должное, быстренько сумел общий язык с ней найти. Ну, ты ж его знаешь, болтун тот еще...

Ланья криво ухмыльнулся, соглашаясь. Сова продолжала говорить, подшучивая, рассказывая, улыбаясь, а Ирил смотрел перед собой и пытался хоть как-то зацепиться за жизнь. Получалось плохо.

Вечеринки, работа, сжатие информации, новые люди, разработки в Улитарте, солнце, ветер, жизнь, Сова... Тор. Сова. Тор и Сова. Все проходит мимо, а он тупо лежит на кровати и изображает из себя памятник герою. Будь проклят этот паралич!

— Что с тобой? — Сова наконец заметила, что с лицом у него что-то не так.— Тебе плохо?

— Да,— кивнул Ланья. Даже ненавистные врачи сейчас лучше, чем эта безвыходность. Пусть хоть что-нибудь делают. Пусть лечат, гады. И пусть Сова уйдет. Смотреть на нее и слушать все эти рассказы про веселую жизнь, проходящую мимо, выше его сил.— Что-то не по себе стало.

— Я сейчас позову кого-нибудь,— вскинулась она.— Потерпи, потерпи немного.

Сова убежала.

«Потерпи немного,— грустно хмыкнул про себя Ирил.— Спасибо, доктор». Немного. Твари бы их всех побрали! Непонятно, на кого разозлился Ирил. Да где вы там, делайте же хоть что-нибудь. Он со всего размаха врезал кулаком по ни в чем неповинной кровати. Спинка треснула. Пришла боль, но ничего не поменялось, к боли всего лишь добавилась усталость. Все-таки он не тот, что прежде. Ланья в изнеможении откинулся на подушки.

С грохотом распахнулась дверь, в палату влетела команда по спасению «героя».

За окном вечерело, зеленоватые сумерки потихоньку завоевывали комнату, но Ланья не хотел зажигать свет. Незачем. Что со светом, что без — всё одно плохо. А так хоть не видно этой пала-

ты. Врачи колдовали над ним весь день, и даже вроде чего-то там нашли и вылечили. Процедуры, лекарства, амулеты заняли почти весь остаток дня, но так и не дали Ирилу главного. Он так и остался получеловеком. И никакие заверения врачей, что через пару-тройку месяцев он будет как новенький, уже не действовали. Жизнь проходила мимо, и Ланья уже с ней попрощался.

— Можно? — В дверь постучали.

— Да,— за пару часов молчания горло пересохло и голос охрип. Ирил даже не стал вдаваться в такие мелочи.

— Страдаем? — В проеме двери показался Рябоцкий. Для разнообразия без всяких там пакетов с осточертевшими фруктами и сладостями.

Ланья пожал плечами.

— Не против, если я хоть светильник зажгу, а то еще навернусь тут в темноте ненароком? — под мерный говорок Рябоцкий, не дожидаясь никакого разрешения, потянулся к выключателю.

Щелк. Нестерпимо яркий после ватных сумерек свет резанул по глазам. Ирил поморщился.

— Извини,— без тени сожаления сообщил Рябоцкий и уселся на стул возле кровати.— Я поболтать пришел, есть время?

Ланья поджал губы. Он издевается?

— Значит, есть,— удовлетворенно кивнул Рябоцкий. Он уселся поудобнее.— Ну что, всё? Прощаешься с проходящей мимо жизнью?

— С чего вы взяли? — разлепил вдруг сведенные судорогой челюсти Ирил.

— Я Сову видел,— доверительно поведал Рябоцкий.

— Что она вам сказала? — вскинулся Ланья.

— Да ничего особенного,— успокоил его рыцарь-дилонг.— Мне не надо много говорить, чтобы понять, что с тобой происходит.

Ланья угрюмо скорчился в углу кровати. Рябоцкий вдруг встал со стула, повернулся к нему спиной и начал задирать рубашку. Не ожидавший ничего подобного Ирил с изумлением наблюдал за ним.

— Э-э, Иван Андреевич...

— Видишь? — спросил Рябоцкий.

— Что? — осторожно поинтересовался Ланья.

— Шрам на спине.

Рябоцкий стоял как раз на границе светового круга, пришлось приглядываться. Пригляделся — и вздрогнул. Прямо по позвоночнику, почти по всей спине у Рябоцкого змеился старый заживший шрам. Даже сейчас он внушал уважение, а уж каким он был в самом начале?..

— Где это вас? — На секунду Ланья даже забыл о собственном страдании.

— Было дело, был я молод,— хитро ухмыльнулся Рябоцкий, поворачиваясь.— Вопрос не в том, где, а в том, что было потом.

— А что было? — Ланья выпрямился.— Как у меня, да?

— Почти,— вздохнул рыцарь-дилонг.— Только ко мне не приходили толпы сочувствующих поклонников. Ко мне вообще никто не приходил,— он помолчал, пристально глядя в глаза Ирилу, и тихо добавил: — Никто, даже любимая женщина.

Во взгляде Рябоцкого на секунду мелькнула такая боль, что Ланье стало нестерпимо стыдно за свое размазанное состояние. Рябоцкий ничего не сказал, не пожаловался, но Ирил вдруг на короткое мгновение ощутил, что кроется за серьезным взглядом.

— Больно было? — неловко поинтересовался он.

— Нет,— грустно улыбнулся рыцарь-дилонг.— Не было. Я вообще ничего не чувствовал.— Он достал пачку сигарет и заговорщически огляделся.— Давай окно откроем, я покурю, ладно? А то эти паразиты курить тут не разрешают.

— Да конечно, Иван Андреевич,— Ланья спрыгнул с кровати, чтобы открыть форточку.

Непослушные ноги тут же напомнили о себе, но Ирил собрал в кулак все, что можно было собрать, и твердым, почти строевым шагом добрался до окна, честно открыл его и вернулся на место, с довольной улыбкой ровно усевшись на кровати.

— Ну вот, а то все придуривался,— пыхнул прикуренной сигаретой Рябоцкий.— Сказано — выздоравливаешь, значит, выздоравливаешь.

— А вы тоже не сразу восстановились? — воодушевленно спросил Ланья. Трюк с окном прибавил сил.

— Я вообще не восстанавливался,— спрятался за клубом дыма Рябоцкий.— Это тебе обещают прежнее здоровье со временем, а я лежал парализованный, под себя ходил, и врачи на вопрос, что со мной будет, только глаза отводили. И сбежать старались побыстрее.

Через подсвеченный сигаретный дым на Ланью опять глянуло былое страдание. Ирил прикинул на свои ощущения, если бы ему такое заявили, и вздрогнул.

— Но вы ходите.

— Хожу,— согласился рыцарь-дилонг.— Но это отдельная песня. А так валялся я, как Илья Муромец, без малого три года. Вообще без шансов.

Ирил задумался. Потекли минуты. Рябоцкий спокойно курил, постепенно заполняя комнату дымом, никак тот не желал выветриваться.

— Иван Андреевич,— тихо позвал, наконец, Ланья.

— Аюшки,— хмыкнул тот.

— Я, кажется, понял. Я постараюсь не депрессовать больше.

— Ни фига ты не понял,— улыбнулся Рябоцкий.— Я тебя не личным примером пришел воспитывать. Я тебе просто показываю, что шансы у тебя есть.— Он провел рукой вдоль тела.— А депрессовать ты все равно будешь. На моей памяти еще никто толком на чужих ошибках не выучивался. Только когда своим хребтом прочувствуешь, тогда и запомнишь. А так... — он махнул рукой.— Короче, сейчас спать. И попробуй только не подчиниться. А завтра я тебя на свет белый выволоку.

— То есть? — не понял Ланья.

— То есть спать здесь пока будешь,— пояснил рыцарь-дилонг,— а днем я тебя из этой богадельни забираю. Не хрен, они живого в гроб загонят.

— Так я же через двор не перейду,— отчаялся Ирил.

— Что?! — с до боли знакомой уничижительной интонацией переспросил Рябоцкий.— Что ты сказал?!

— Никак нет,— тут же поправился Ланья. Он вспомнил интонацию. В такой постановке вопроса Тахору перечить было бесполезно.— Перейду.

— Именно,— удовлетворенно кивнул Рябоцкий.— Всё, утром жди.— Он встал, дошел до двери и обернулся на пороге: — И попробуй мне только не выспаться. Пожалеешь.

Пожалел.

— ...Иван Андреевич...

— Отставить разговоры, бегом, солдат!

— Я не солдат.

— Бегом, м-мать твою...

— Сорок четыре, сорок пять, сорок шесть...

— Рыцарь-дилонг...

— Рот закрыть!

— Не могу.

— Увеличиваем до шестидесяти.

— Так, почти закончили.
— Почти?!
— Теперь еще пару кругов — и можно немного передохнуть.
— Опять?!
— Что?! Четыре круга! Не слышу ответа!
— Ес-с-сть...

Банг! Выбитый меч отлетел далеко в сторону, Ирил обозначил обезоруженному улонгу финальный удар и согнулся, пытаясь выровнять дыхание. Полный бой — это еще не для него.

— Здорово ты меня,— улонг подобрал меч.— Как это получилось? Ты ж на ногах еле стоишь.

— Мой учитель... говорил... что руки и ноги... а-ах, ф-фу... только носят... — Ланья попробовал присесть, стало только хуже, он попробовал снова выпрямиться.— Воюет... а-ха, а-ха, ф-фу... всегда голова.

— Покажешь? — с надеждой поинтересовался улонг.

Ирил оглянулся на Рябоцкого, тот демонстративно глянул на часы. Тренироваться еще час.

— Покажу,— наконец отдышался Ланья.— Вставай давай.

— Я же утону, Учитель,— Ланья захлебывался. Невысокая волна накрывала его с головой, руки немели и не слушались.

— Я тебе не учитель,— невозмутимо комментировал с лодки Рябоцкий.— А насчет утонуть, так с чего бы это? Ты что, не на море вырос?

— Я же... — Ирил на секунду скрылся под водой.— Руки не держат.

— Утонешь — достанем,— издевательски улыбнулся Рябоцкий.— Помрешь — еще раз «некроматиком» шарахнем.

Он покачал продолговатой колбочкой на витом шнурке. Ланья содрогнулся всем телом.

— И сколько вы уже так занимаетесь? — вежливо поинтересовалась Мышецкая.

— Два месяца,— сокрушенно ответил Ланья.

— Каждый день?!

— Угу.

— Ни сна ни отдыха измученной душе,— встрял Шатун, не собиравшийся отдавать инициативу разговора кому бы то ни было.— Зато теперь он почти здоров. А обещали что-то вроде года.

— Что ты сказал? — вскинулся Ланья.

— Около года, мне говорили,— недоумевающе развел руками Шатун.— А что?

— Мне шесть месяцев давали.

— Ну не знаю,— открестился Шатун.— Сам думай.

— Отстаньте вы от него,— вступилась за обескураженного Ирила Сова.— Давайте просто посидим, смотрите, какой вечер.

И правда, вечер выдался великолепный. Импровизированная вечеринка, которую в очередной раз устроила молодежь Красного Замка (естественно, с разрешения Хозяина), уже кончилась. Парочки начали разбредаться по всем укромным уголкам острова, и Ирил с Совой решили спокойно посидеть на берегу, полюбоваться закатом. В смысле, это Ирил решил, а у Совы на этот счет было свое мнение. Когда она громогласно пригласила всех желающих составить им компанию, Ланья чуть не вспомнил об арсенале боевого мага. Тооргандо, первым откликнувшийся на приглашение, и вправду рисковал схлопотать по морде. Спасло его (или Ирила) только явление Шатуна, ни на секунду не выпускающего руку Мышецкой. Ну а Демчи уже до кучи сошел запросто.

Ланья, бессовестно пользуясь славой недужного, подхватил под руку Сову. Поставил рядом влюбленную парочку, спросив Шатуна о какой-то глупости. И отправил Тооргандо с Демчи в арьергард, благо у Демчи с собой что-то там булькало в приличных количествах. Так они добрались до берега, не без труда отыскали незанятое уютное местечко и вот теперь вшестером сидели и любовались неподвижным закатом. Зеленое солнце Пестика уже почти скрылось за кромкой леса, обрамляющего огромное озеро вокруг Красного Замка, но даже эти последние лучи все равно придавали замершему вечеру тихое умиротворение. Хотя Ланье было наплевать на красоты заката. Без «соратников» он готов был сидеть здесь с Совой хоть в ураган.

— И правда, вечер хоть куда,— всунулся Демчи.— Давай стакан.

Демчи то ли не везло, то ли он принципиально не знакомился с земными девушками, но по Красному Замку шлялся он всегда один. А на вечеринках предпочитал роль виночерпия.

— И мне,— потянулся Ланья.

— А тебе стакан молока и баиньки,— ухмыльнулся Демчи.— У тебя курс лечения еще не закончился.

— Давно вечером не купался? — с шутливой угрозой поинтересовался Ирил.

— Даже не думай,— Демчи спрятал за спину бутылку.— Мне Рябоцкий голову оторвет. Сам с ним разбирайся.

— Да меня уже послезавтра выписывают,— обиделся Ланья.

— И замечательно,— подал голос Тооргандо, решивший присоединиться ко всеобщему веселью.— Вот тогда и залейся. А то Иван Андреевич всех накрепко предупредил о последствиях, если тебе кто нальет. Я сам слышал, как врач снимал с себя всю ответственность, если ты режим нарушишь. Хоть на один день.

— Паразит,— с чувством выругался Ланья.

— За что ты так? — сложила брови домиком Сова.— Тор о тебе заботится.

— Да я не про него,— отмахнулся Ирил.— А Тор лучше пусть о себе заботится.

— Позабочусь, не беспокойся,— Тооргандо улегся на землю, руки за голову.

— И позаботься.

— Мужики, вы это... — начал было Шатун, переводя непонимающий взгляд с одного на другого.

Но ссоре не суждено было начаться.

— Эй, там, на коряге, болящий мой не у вас? — поинтересовался вдалеке знакомый голос.

— Нет, Иван Андреевич, дальше они пошли.

— А, ну-ну, занимайтесь,— благословил кого-то Рябоцкий и демонстративно похрустел по песку в их сторону.

— Я ж говорил: молоко и спать,— хихикнул Демчи, не подозревая, что стоит в шаге от инвалидности.

— Мне пора,— Ланья смотрел только на Сову, стараясь улыбаться не очень криво.— Рябоцкий с живого не слезет.

— Давай,— она тепло улыбнулась, но с места не сдвинулась.— Завтра увидимся.

Перечить Рябоцкому и вправду было бесполезно, и Ланья послушно поплелся за ним обратно, в палату. Отойдя на пару десятков шагов от берега, он обернулся. На его месте сидел Тооргандо и что-то увлеченно рассказывал. Всем было весело.

Ланья скрипнул зубами так, что чуть не стер их до пеньков. Глянул на удаляющуюся спину Рябоцкого, сжал кулак и со всей силы рубанул им по воздуху. Рябоцкий впереди чуть слышно вздохнул.

Глава 34

— Да ну тебя,— Точилинов расстроенно отодвинул шахматную доску.— Даже неинтересно с тобой играть.

Муритай, только что в очередной раз разгромивший Мастера Ацекато, пожал могучими плечами. А что тут скажешь? Точилинов тем временем расстроился еще больше.

— Сколько ты в шахматы играешь? Год. И надо же так...

Он еще раз наклонился, внимательно изучил мат при полной доске фигур и развел руками.

— Ну я не знаю. Как так можно? Я, конечно, не гроссмейстер, но и не первоклашка... Но чтобы меня вот так... И, самое главное, что, в первый раз, что ли?

Муритай слегка показал клыки в усмешке.

— Я не первый год в такое играю. У нас тоже есть похожая игра. Сар-ван, называется. Игра вождей.

— Из чего следует, что способностей вождя у меня нет,— раздраженно бросил Точилинов.

— Мы считаем, что это не просто игра,— Муритай откинулся на стуле и пригубил давным-давно остывший дош.— Это жизнь. Воина сразу видно за игрой. Кто как играет, кто как проигрывает. Когда он сильнее, когда слабее. Никогда, Мастер, не играйте в нее ни с кем, кроме близких. Она про вас все расскажет.

— Да? — сварливо поинтересовался Точилинов.— И что она тебе про меня рассказала?

— А посмотри, Семен,— когда начинались личные разговоры, торк уходил от официального обращения.— Ты заметил, что я у тебя всегда выигрываю в — как это называется — миттельшпиле?

— Ну,— не понял Точилинов.

— А вот такой ты и есть. Тебя бесполезно ловить в начале — там ты всегда собран, сосредоточен, тебе море по колено, ты всех порвешь. И в конце, если заметил. Ты придумал себе схему, и, если ты ее выстроишь — всё, с тобой играть бесполезно, ты выиграешь. Твои схемы почти всегда работают. И ты умеешь извлекать из них максимальную пользу. А вот в середине ты проваливаешься.

Муритай хитро посмотрел на озадаченного Мастера Ацекато.

— Э-э... — протянул Семен, ревизуя только что проведенную партию и всю остальную жизнь заодно.— Поясни.

— Да особо и нечего пояснять. Тебе просто неинтересно возиться с деталями. Ты придумал себе инструмент, запустил, а по-

том приходишь и пользуешься с наибольшей выгодой. А как этот инструмент производится — тебе не очень интересно. Важно — да, ты не отпускаешь процесс,— Муритай кивнул на доску,— но неинтересно. Ты просто контролируешь процесс. Без огонька. И если в этот момент появится кто-то, похожий на тебя по калибру, то поймать тебя на этом этапе — проще простого.

Торк взял двумя пальцами ферзя, покачал им и поставил на ход назад.

— Я ведь далеко не мастер этой игры,— сообщил он.— Что здесь, что дома был.

— Я представляю, какие у вас тогда мастера,— содрогнулся Точилинов.

— Хорошие,— наклонил огромную голову Муритай, соглашаясь.— Так вот. Я не мастер, я — воин. Увидел вот эту твою особенность и не разбрасываюсь по мелочам. Бью только в слабое место. И получается. Вспомни, выигрывал я у тебя хоть раз в эндшпиле?

Точилинов поджал губы. Действительно, если партия доходила до конца, победа всегда оставалась за ним. Проблема была в том, что с каждым разом становилось все труднее и труднее довести партию до этого самого конца. Семен искоса глянул на торка.

— Еще партию?

Но подтверждение теории Муритая пришлось отложить. Дверь библиотеки, где располагались игроки, содрогнулась от могучего удара и гулким голосом Арубая возвестила:

— Сибайра, Мастар!

— С чем это он? — подозрительно поинтересовался Точилинов у торка.

— Не знаю,— развел тот руками.— Но боюсь, это начало очередной партии.

— Ладушки, буду держать миттельшпиль,— пообещал Точилинов и поднялся из кресла.— Пошли, послушаем.

— ...вольды называют их «могильники». Я пытался узнать, что в них захоронено, но так ничего толком и не добился. То ли там вправду кто-то или что-то захоронено, то ли там какая-то гадость, которая тебя к могиле приведет. Да и вообще, все, что связано с так называемой «Цепью Света», все какое-то мутное, непонятное и страшноватое.

— Так группа в итоге изучила его или нет? — Брови у Точилинова как сошлись над переносицей в начале доклада, так и не расходились.

Шутка ли, экспедиция Земли добралась до одного из самых непонятных явлений в Пестике, разворошила муравейник Тварей, оставила для любого мало-мальски знакомого с магией подробный отчет о «проделанной работе», отпечатавшийся в линиях хальер,— и исчезла. И Твари бы с ними, с землянами, пусть изучают, что хотят. Но после штурма Красного Замка, который, в нарушение всех договоренностей, атаковали Старшие Расы по одному только подозрению в исследовании темпоральных сдвигов, Точилинов почти не сомневался, что очередную выходку Земле не спустят. И Братству заодно. И добро бы они хоть что-то добыли. Так нет. Пропали как не было.

— Нет данных. След идет до могильника, а дальше нет. Кстати, каждый объект охраняют, по-другому не могу сказать, определенные Твари. В нашем случае там был тиххин. Большой.

— Был? — При воспоминаниях о тиххине у Семена вспотели ладони. Судя по виду Муритая, у него тоже.

— Он ушел оттуда. Навсегда или нет, не знаю, но он бросил объект и ушел.

— И что ты по поводу всего этого думаешь? — поинтересовался Мастер Ацекато после молчания.

— Дело ясное, что дело темное,— вздохнул Сибейра.— Информации кот наплакал. Ясно только одно: нас, похоже, против воли втягивают в изучение «Цепи Света». Без этого мы попадем под раздачу, как кролики.

— А если дистанцироваться от происходящего? — Мастер Ацекато не отказывался ни от чего, он прорабатывал варианты.

Сибейра задумался.

— Совет надо собирать, я сам решение не готов выдать.

— Не получится,— неожиданно подал голос Муритай, который обычно на всех встречах сидел тихо и молчал.

— Почему? — повернулся к нему Точилинов.

— После Красного Замка нас в покое не оставят.

— Да ладно тебе,— протянул Сибейра.— Мы вообще там ничего не сделали. Если уж совсем честно, то даже Старшие Расы на себя не оттянули. Просто рядом постояли.

— Не просто,— веско ответил Муритай.— Мы там были и никаких потерь не понесли. Соответственно, мы вышли из этой истории чистыми.

— Не очень понятно пока, ты уж извини,— Точилинов не мог уследить за логическими построениями торка.

— Победил Огненный Лепесток,— терпеливо пояснил Муритай.— Мы почти выступили на его стороне и продолжаем с ним

общаться. Там даже живут наши люди,— он помолчал и добавил: — И там продолжаются темпоральные исследования.

— И что из этого? — удивился Сибейра.— Ладно, мы для Лепестков все еще враги, с этим согласен. Но при чем тут экспедиция? Будет еще одна атака на Красный Замок. И за исследования, и за экспедицию. А нас-то за что ненавидеть?

— Муритай прав,— Точилинов откинулся на спинку стула.— Могильник уже вскрыт, и Земля будет стараться узнать, что произошло. И мы будем стараться, чтобы не остаться слепыми. Если это представляет хоть какую-то ценность для Старших Рас, а оно представляет, то они постараются от этой проблемы избавиться.

— Да ладно,— не поверил Сибейра.— Уничтожить Братство в том виде, в каком оно есть, только за то, что мы вскрываем древние могильники в Территориях? Не очень верится, извините. Красный Замок — еще куда ни шло, но полномасштабная война в Пестике из-за древних захоронений? Вы сами-то в это верите?

— Только на это и надежда,— вздохнул Семен и повернулся к Муритаю: — Что скажешь?

Торк повел могучими плечами: — Делать лучше, чем не делать. Надо для начала хоть узнать, что же там такое.— И неожиданно широко ухмыльнулся, продемонстрировав все клыки: — И еще: лапинаэира вы, Мастер, уделали, тиххина добывали, Паука мы притащили. Дохлые Твари, загадка могильников будет отлично смотреться в вашем списке побед.

— Вольд, блин,— расхохотался Точилинов.— Торк-вольд. Что он еще может пожелать? Угораздило же меня с тобой связаться...

Вода с тихим журчанием струилась по прозрачной стене. За скользящим водным зеркалом угадывался уходящий вдаль парк. Гирлянды цветов обрамляли водопад. В вырастающих прямо из пола креслах сидеть было очень удобно. Неназойливый аромат цветущего луга, тихий шелест листьев — умиротворение было здесь везде. Только Партанато Тагарриту было не до спокойствия. Полулежащего в кресле Юхнана, казалось, устраивало всё, еще бы, что ему, торку, до растений, а вот Тагаррит чувствовал себя неуютно. Вода в штольнях — это беда, а не украшение. Запах растений для глемма — это плесень. А повод, по которому они собрались, располагал к чему угодно, но не к расслабленной медитации.

Впрочем, хозяин сегодняшней встречи, Принц Лианы золиталь Сандель, тоже не выглядел расслабленным. Да и Юхнан всего лишь играл.

— Что могло привлечь людей в Цепи Света? — Тагаррит покосился на журчащую стену.

— Очевидно,— Сандель пригубил бокал с каким-то пряным травяным напитком. Тагаррит это пойло пить не смог, попросил доша.— Конечная цель — уничтожение Цепи и открытие Двери. Затем в Клевер впускаются Они, а Огненный Лепесток замечательно отсиживается в стороне, пока нас уничтожают одного за другим.

— Я не был бы столько категоричен,— Юхнан сел прямее.— Безусловно, Огненный Лепесток рассчитывает получить в Цепи Света нечто, что может усилить его позиции, но я не до конца уверен, что открытие Двери является их целью. Во-первых, даже Они до сих пор не в состоянии открыть Дверь, а во-вторых...

Юхнан замолчал, раскуривая трубку. Если он хотел показать свое пренебрежение к собеседникам, то у него получилось. Принц Лианы сжал бокал чуть сильнее, на пальцах проступили белые полосы.

— Пфух,— выдохнул клуб дыма Юхнан.— Во-вторых, вспомните Умиротворение Желтого Лепестка. Торквинию. Вашего деда.

Тагаррит усмехнулся про себя. Все понятно с раздражением. Действительно, торк Юхнан не мог не пнуть аталь Санделя при упоминании о Торквинии. В Клевер гламмы пришли в качестве вассалов аталь, а торки — в качестве незваных гостей, тут же поплатившись своей независимостью. И лишь потом, спустя долгое время, обе расы сумели получить свободу. И обошлась она им не в пример дороже, чем людям. Аталь не привыкли церемониться с низшими. И не собирались отказываться от этой привычки в будущем, несмотря на то что были за это биты не раз и не два. Операция в Торквинии считалась одним из ярчайших примеров жестокости аталь.

— Я помню,— ровно ответил Принц Лианы.— И что?

— Мы тогда всерьез старались разрушить Цепь Света,— Юхнан смотрел прямо в глаза Санделю.— Туда были брошены лучшие силы Шаманерии.

— И что? — Тагаррит счел уместным напомнить о своем присутствии, пока тут не началось выяснение межрасовых отношений.

— Ничего,— как ни в чем не бывало, повернулся к нему Юхнан.— С огромным трудом добравшись до одного из звеньев, мы не смогли сделать ровным счетом ничего. Я видел отчеты. И это были лучшие шаманы. Поверьте, они старались.

— Верю,— чуть наклонил голову Тагаррит.— Таким образом, тезис об уничтожении Цепи Света и открытии Двери нивелируется.

— Именно,— подтвердил торк.— Они просто не смогут ничего сделать ни с одним из звеньев, имея те силы, которыми они располагают.

— Если вы пытались меня убедить в том, что недоучкам из Огненного Лепестка не под силу даже приблизиться к Двери, то в этом не было нужды,— усмехнулся Принц Лианы.— Я осведомлен об этом.

— Но тогда как понять ваше высказывание? — поднял брови Тагаррит.

— Я сказал, что открытие Двери является конечной целью людей, но не говорил, что они смогут ее достичь,— чуть улыбнулся Сандель.— И вот на этом их можно и до́лжно поймать.

— Не стоит недооценивать противника,— подал голос Юхнан.— Открытие Двери может быть вторым или третьим приоритетом. А может не быть в планах вообще. Если люди узнали о Двери, то они должны были узнать и о том отношении к ней, которое существует у Старших Рас. Слишком рискованный трюк — ополчить против себя весь Клевер ради сомнительного удовольствия наблюдать у своих дверей Проклятие Ататидов.

— А сейчас они пребывают в мире со всем Клевером? — нарочито удивленно переспросил Принц Лианы.

— Полноте,— небрежно отмахнулся торк.— Если не брать в расчет политические заявления, а опираться лишь на факты, то на сегодняшний момент в состоянии войны находятся только Огненный и Зеленый Лепестки. Ни нам, ни глеммам,— он слегка поклонился в сторону Тагаррита,— полномасштабная война не нужна. Разминка, обкатка новых идей, краткосрочные преференции — пожалуйста. Но воевать, как это было в Зеленом Лепестке, я полагаю, сейчас уже никто не хочет. И с течением времени эта тенденция будет лишь углубляться.

— Вы полагаете, что я утрирую угрозу, исходящую от данной проблемы? — голос Санделя стал опасно ровным.

— Ни в коей мере,— Юхнан сделал затяжку,— я полагаю, что интерес людей к Двери и Цепи Света, безусловно, нужно ограничить, но считаю преждевременным начало полномасштабных боевых действий. Тем более что не так давно вольды и Братство доказали, что они, как минимум, являются достаточно неудобными противниками.

— Я поддерживаю мнение коллеги,— вставил слово Тагаррит, прежде чем багровеющий Сандель смог высказать какую-нибудь резкость.— Кроме того, я, как и в случае с людьми, не вижу конеч-

ной цели нашего силового вмешательства. Иными словами, а что, уважаемые, мы хотим получить в итоге силовой операции?

Сандель открыл рот и тут же его закрыл. Комментариев не было. Зато поднял руку Юхнан.

— Я говорил о полномасштабных боевых действиях. Локальная операция, как, например, в Красном Замке, на мой взгляд, является более чем необходимой,— он чуть наклонил голову в сторону Принца Лианы.— Если мне будет позволено предложить, то именно на такой случай у меня есть один сценарий...

Глава 35

— Приветик,— Демчи не стал себя утруждать стуком в дверь.— Чем занимаешься?

— В лабораторию собираюсь,— пожал плечами Ирил.— А ты, что ли, нет?

— Не-а,— помотал головой Демчи и уселся в единственное кресло во всей комнате.— Слушай, я всегда удивлялся, а почему у тебя так мало вещей? Всё по карманам уместится.

— Именно так,— ровно подтвердил Ланья.— Меня Тахор натаскивал, что в любой момент воин должен быть способен рассовать все как раз по карманам и быть готовым уйти. Может, навсегда. Зачем мне вещи? А ты чего пришел, собственно?

— А я как раз про уйти и про навсегда. Ну, почти.

— Не понял,— помотал головой Ланья.— Куда это ты навсегда собрался?

— Мы,— поднял палец Демчи.— Мы собрались. Мастер Ацекато домой зовет. Гермесу официальное письмо пришло. Наших уже оповестили, пакуются. Так что давай, рассовывай по карманам. В лабораторию уже к Шаману пойдем.

— Подожди, не понял,— Ирил пытался уложить в голове новость, но она никак не укладывалась.— Что значит «официальное письмо»? Кого оповестили? Как это — пакуются?

— Вот так,— развел руками Демчи.— Кончилась наша командировка. Братство официально прекращает наше пребывание здесь. Оповестили меня, Сову, Тооргандо, Шатуна, ну и тебя вот оповещаю. А пакуются — это значит, собирают вещи. Вечером выход порталом. Странно, кстати, что тебе не сообщили.

— Куда выход? — И дураку понятно, куда, но Ирил к такому повороту событий оказался совершенно не готовым. Нет! Только не сейчас! А когда?

— В Улитарт, солнце мое,— Демчи постучал по ручке кресла.— Домой. Хватит, нагулялись, затянулся наш выход, не находишь? — Он завертел головой: — Слушай, а у тебя дош есть, а то вчера я как-то не соотнес количество и качество...

— Нет у меня доша,— рассеянно отозвался Ланья.— Вода вон есть, попей.

В голове у него всё вертелось каким-то непонятным хороводом. Домой? А где его дом? В Улитарте? В Хайаре? Он оглядел комнату. А это что же — не дом? Гермес, Рябоцкий, лаборатория, Устав, тренировки, выздоровление, коконы... Сова... Сова!

— А где Сова?

— У себя, собирается. А где ей еще быть? — удивился Демчи, наливая себе воды.— Это ж женщина, ее комнату по карманам не рассуешь. Она еще и к вечеру не успеет.

— Мне надо... — Ланья рванулся из комнаты.

— Куда ты? — Демчи рванулся за ним, разлил воду, дернулся подхватывать, не поймал и бестолково заметался вокруг лужи.— А собираться?

— Соберусь,— пообещал Ланья из коридора.

Сова, где она?! Ланья летел по коридорам замка, но просто так пробраться не удалось.

— Ирил, подожди,— заворачивая за один из углов, Ланья споткнулся о голос Рябоцкого.

— Извините, Иван Андреевич, я спешу.

— Подожди, пожалуйста,— в другой бы раз Ланья извинился и дальше полетел, но было что-то в голосе рыцаря-дилонга, что заставило его остановиться. Что-то, раньше ему не свойственное. Странное что-то.

— Тебе уже сказали? — поинтересовался Рябоцкий, отводя взгляд.

— Угу,— мрачно подтвердил Ирил, тоже стараясь не глядеть в глаза. Ни в чем он виноват не был, но этот разговор ни с того ни с сего оказался настолько тягостным, что Ланья просто потерялся.

— Собираешься? — поинтересовался Рябоцкий.

— И да и нет,— честно пожал плечами Ирил.— Мне только что сказали, я даже не успел толком понять, что происходит. С чего вдруг?

— Ну, все рано или поздно заканчивается,— невесело усмехнулся Рябоцкий.— Почему не сейчас?

— Я, я... я как-то не готов вот так вот взять — и в один момент всё бросить,— неожиданно для себя признался Ланья.

Рябоцкий посмотрел на него долгим взглядом:

— Я тоже, сынок.

Ирил вздрогнул. Второй раз в жизни его называли «сынок», и второй раз это был человек, от которого Ирил был не против это услышать. Какое-то решение начало формироваться у него внутри, но додумать до конца не получилось, Рябоцкий перебил ход мысли.

— Не хочешь зайти к Гермесу? — спросил он.

— Зачем? — удивился Ланья.— Он меня не вызывал.

— Тебя сейчас никто никуда вызывать не может,— хмыкнул Рябоцкий.— Просто так зайди, попрощайся со стариком. Чай, уже не чужие люди друг другу.

— Да? — изумился Ирил. Вот уж никогда бы не подумал, что он не чужой Хозяину Красного Замка.

— Зайди,— посоветовал рыцарь-дилонг.— Старику приятно будет.

Называть Гермеса стариком Ланья бы не стал, но, если умный человек советует, лучше послушать.

— Зайду,— кивнул он.— Только я сейчас спешу, можно попозже?

— Кто же тебе может указывать, ты теперь вольная птица,— улыбнулся Рябоцкий, и у Ланьи стало как-то не очень уютно на душе.

Он постоял секунду на месте, раздумывая, не добавить ли чего, потом вспомнил, куда бежал, и рванулся с места. Рябоцкий проводил его долгим взглядом.

Спешил Ланья, как выяснилось, совершенно зря.

— Здорово! — нарочито радостно приветствовал его сидящий в кресле посреди захламленной комнаты Тооргандо.

— Здорово,— пробурчал Ирил, окидывая взглядом комнату. Где-то за кучами разбросанной одежды угадывалось движение и мелькали светлые волосы.

— Привет,— Сова высунулась совершенно не в том месте, где намеревался ее найти Ланья.— Тебе уже сказали?

— Угу, Демчи оповестил,— сухо кивнул Ирил.

— Какой-то ты нерадостный,— критично заметил Тооргандо.— Не заболел?

— Нет,— мотнул головой Ланья.— А ты что, уже собрался?

— Нищему собраться — только подпоясаться,— бодро хохотнул гемар Находящих.— У тебя научился. Раз, два — и готово.

— А-а,— только и выдавил из себя Ланья. Когда это он его учил?

— Ты готов уже? — Тооргандо был полностью доволен жизнью.

— Практически,— отрезал Ирил и повернулся к светлым волосам, мелькавшим по комнате.— Сова, мне надо с тобой поговорить.

— Говори,— Сова увлеченно искала что-то в шкафу.

— Наедине.

— Оп-па? — удивленно поднял брови Тооргандо.

Ланья резко развернулся к нему:

— Можно? Мне? Поговорить?

— А с чего вдруг такая секретность? — ехидно улыбнулся Тооргандо, и Ланье захотелось его стукнуть.

— И правда, Ирил, что случилось? — Сова вынырнула из шкафа и удивленно посмотрела на Ланью.

Ирил начал медленно звереть, но от постыдной вспышки его спас появившийся в дверях рыцарь-улонг.

— Гемара Находящих Тооргандо просит к себе Хозяин Красного Замка,— вытянувшись во фрунт, возвестил он.

— Иду,— вздохнул Тор, выбираясь из кресла.— Как я могу отказать Хозяину Красного Замка? — И уже в дверях он обернулся с ехидной усмешкой: — Всего вам....

Ланья еле-еле не запустил в него чем-нибудь тяжелым.

В комнате повисло молчание. Ирил не знал, с чего начать. Когда он летел сюда, у него была только одна мысль: поговорить с ней. И вот он тут. Молчание. С каждой секундой оно становилось все тягостнее и тягостнее. Чуть помедлив, Сова опять нырнула в шкаф, скрывая неловкость.

— Тилуи,— ни с того ни с сего Ланье вдруг вспомнилось ее настоящее имя.

— Не надо, Ирил! — тихо отозвалась она.

— Что — не надо? — переспросил Ланья, чувствуя, как внутри все обрывается.

— Ничего не надо. Давай отложим этот разговор.

— На когда? — обреченно опустил глаза Ирил.

— На потом.

— А он будет, этот «потом»?

— Будет,— Сова тихо выбралась из своего убежища и села на стул в углу, полускрытая висящей одеждой. Ланья видел только часть профиля да пушистые волосы, снящиеся ему по ночам.— Наверное.

— А нужен тебе этот разговор? — обреченно спросил он.

— Нет,— неподъемной глыбой упало слово.— Пока... Наверное... Я не знаю...

Вот и все. Ланья почувствовал, что мир вокруг начинает рассыпаться по кусочкам. И каждый кусочек кричит на все лады. Этот звон заполнял всю голову, отвлекал, мешал думать. Не давал говорить. Хотя что тут говорить? О чем? Надо ли? Но он не смог молчать, молчание было невыносимым.

— Сова,— выпалил он,— давай останемся. Ты и я.

— Останемся? — изумленно переспросила она.— Зачем?

— Как зачем? — на всем ходу споткнулся Ирил.— Здесь же у нас всё... И лаборатория... И тренировки... И...

Несуществующие, что он несет?! При чем здесь тренировки, лаборатория и все остальное?! Он пришел говорить совсем о другом.

— А зачем нам тренировки? — Сова тоже не поняла ход его мыслей. Еще бы, он сам его не понимал.

— Да нет, я не про то хотел сказать... Просто... тут все понятно... туда пошел, там всё... готово, что ли. Земля тут... А про изучение еще Рябоцкий говорил... Коконы... исследования...

Ирил сбивался, глотал слова, приходя в ужас от того, что и как он говорит, но его уже несло:

— ...ну что там в Улитарте? Там же народу много... все бегают... делают что-то... Непонятное... Неуютно...

Несуществующие, какое там «неуютно»! Сове?! В Улитарте?! Дохлые Твари, что он несет?! Остановись, Ирил, остановись!

— Ирил, что с тобой? — Сова вообще ничего не понимала.

Что с ним? Что с ним?! И Ланью прорвало:

— Сова, я люблю тебя.

Все. Сказано. Обратно уже не затолкаешь.

Повисло молчание. Сова спряталась за одежду, как за единственное спасение. Ланья ждал, чувствуя, как уходит его жизнь.

— Прости, Ирил,— тихо, почти на грани слышимости прошептала она.

Банг! Разваливающийся на куски мир взорвался с оглушительным грохотом. «Прости». Страшное слово. Убивающее, разрушающее... «Прости».

— Я... — Ланья не узнавал свой голос.— Я... знал, что я тебе... не нужен.

— Нет,— Сова выскочила из своего убежища.— Нужен. Нужен, но не так, как ты думаешь. Ты часть моей жизни. Огромная часть. Без тебя эта жизнь будет неполной. Но... я не могу тебе ничем ответить. Я всё видела, ты думаешь, я слепая? Но ты по-

старайся понять... Ты всегда был рядом со мной. Всегда. Ты мне как брат...

— Брат?! — У Ланьи перехватило горло.— Понять?! Что понять? Что при мне можно вот так запросто... Тор!

Кипящее отчаяние требовало выхода, и оно его нашло.

— Конечно, очень просто, имея рядом брата...

— Да что ты несешь? — вдруг разозлилась Сова.— Что я вам, игрушка? Один, второй...

— Второй? — Ирила качнуло на стуле.— Так все-таки...

— Несуществующие,— воздела руки Сова,— вы хоть немного дальше своего носа можете посмотреть? Если не с тобой, так с ним? А про меня никто не подумал? Я что, не могу хотеть жить своей жизнью?

— Что — про тебя? — Ланье уже было все равно, что она скажет. Сова потеряна. Потеряна из-за его болезни, неуклюжести, неразговорчивости, да мало ли из-за чего. Она не хочет быть с ним.

— Чтó про меня? С чего вы все решили, что непременно должна быть при ком-то? Если не с тобой, то с ним, если не с ним, то с тобой. Я сама хочу решать, когда и куда я буду приходить и с кем оставаться.

— А я? — бестолково и беспомощно спросил Ланья.

— Да что «ты»? — Сова сжала кулаки.— При чем тут ты? Я говорю про себя.

— То есть мне нет места в твоем мире? — до чего же ты жалок, Ирил Ланья.

Сова уткнулась в какую-то кофту и разрыдалась. Секунду Ланья смотрел на нее, потом сделал только одно движение, чтобы дотянуться, дотронуться...

— Что тут происходит? — На пороге открывшейся двери стоял тот, кого Ланье хотелось убить больше всего.

— Уйдите,— всхлипнула Сова.— Уйдите все. Я не могу...

— Ты что с ней сделал? — подался вперед Тооргандо.

— Да пошел ты... — Ирил не мог его ударить. Очень хотел, но не мог. Зато мог толкнуть. Несильно. Так, чтобы он впечатался в стену, да так в ней и остался. Не знаю, какой ты маг, гемар Находящих, но в рукопашную лучше не лезь.— Оставляю вас одних. Пользуйся.

Шипя, как разъяренный тиххин, Ланья добрался до двери и вспомнил... Вот кто бы знал, что придется копировать. Он обернулся на пороге:

— Всего вам....

Ответом ему стало рыдание Совы. Ирил со всей силы саданул дверью.

— Вот так,— Тооргандо с сожалением пожал плечами.— Лишаемся лучших кадров.

— Это всё? — Шаман, вместе с Агатьевым принимавший доклад вернувшейся команды, проницательно посмотрел на Тооргандо.

— Всё,— развел руками гемар.— А что тут еще добавить? Он теперь на службе в Красном Замке, я так полагаю.

— Ну что ж,— вздохнул Директор.— Это жизнь. Тут уж ничего не поделаешь. Ладно, а с Шатуном-то что случилось?

— Любовь,— расплылся в улыбке Тооргандо.— Не брошу, говорит, ни за что. Как я без нее жить буду? У меня даже язык не повернулся ему хоть что-то сказать.

— И не надо,— успокоил его Шаман.— Без толку.— Он повернулся к насупившемуся Агатьеву.— Наш прокол. Планировалось, что это мы будем невестами их кадры сюда заманивать, а не наоборот.

— Еще не вечер,— пообещал Директор.— Там посмотрим, кто кого.— Он посмотрел на Тооргандо: — Ладно, гемар. Благодарю за службу.

Тооргандо выпрямился на стуле.

— Две недели отдыха, а потом — награда за хорошую работу.

— Новая работа,— угадал Тооргандо.

— Именно. Мастер Ацекато планирует выход в Территории. И ты, как крупный специалист по земным вопросам, там будешь необходим. С командой.

— В Территориях? — подозрительно переспросил Тооргандо.

— Детали позже,— отрезал Агатьев.— Доведут в части, тебя касающейся. А пока отдыхай. Имеешь право. Только, чур, без вреда для здоровья.

— Есть,— улыбнулся Тор.

— И о нашем разговоре никому ни слова. Свободен.

Глава 36

Блок, удар, разворот. На кончике клинка вспыхивает рукотворная звезда. Удар. Клинок вязнет в чучеле, набитом глиной для пущей правдоподобности. Узор — и огромная туша взрывается,

разлетаясь во все стороны комьями грязи. В следующий раз надо будет себя прикрыть, чтобы не отплевываться...

— Ирил, к вам гости,— рыцарь-улонг, почтительно глядя на разорванную в клочья имитацию немаленькой Твари, указал за спину.

— Кто? — нейтральным тоном поинтересовался Ланья.

— Опять с жизнью воюешь? — раздался знакомый скрипучий голос.— С каждым разом все сильнее?

— Учитель?! — Вот уж кого-кого, а Тахора он никак не ожидал увидеть. И вспомнил, кто он теперь такой.— Вы...

— В гости зашел,— Тахор оскалился в одной из своих улыбок, показывая, что он добрый — дальше некуда. Непривычный к подобной мимике улонг слегка отодвинулся.— Есть время поболтать?

— Для вас всегда,— слегка поклонился Ланья.

— Ну-ну,— окинул его оценивающим взглядом торк. И покосился на насупившегося улонга.— Пойдем выйдем отсюда, а то, я чувствую, мне не совсем здесь рады.

— Да уж,— не сдержавшись, хихикнул Ирил.

И то сказать, с чего бы землянам, живущим в Красном Замке, радоваться визиту торка? К мысли, что вольды, вне зависимости от того, какой формы у них голова, не являются врагами, и даже наоборот, обитателям Красного Замка еще предстоит привыкнуть. А сейчас действительно лучше выбраться за пределы стен.

Ланья отправил меч в ножны и постарался как мог отряхнуть одежду. Взорвавшееся чучело испятнало его с ног до головы. Зайти переодеться? Нехорошо заставлять Тахора ждать. Ирил запустил мелкий бытовой узор, очищающий одежду.

С мелкими узорами в Пестике всегда была проблема. Это дом снести или Тварь взорвать — проблем нет, а вот каждую складочку на одежде прочистить — тут у земных магов, что в Братстве, что в Красном Замке, начинались сложности. Бытовые амулеты Лепестков не работали опять же по причине разности потенциалов (они скорее на роль гранат подходили), а земные маги еще не вышли на поточное производство. Вернее, вышли, да и в Улитарте много чего придумывалось, и молодежь Красного Замка начала втягиваться, но всеми этими изобретениями нужно было пользоваться с особой осторожностью.

Ланья полыхнул как хороший фейерверк. От одежды явственно запахло паленым.

— Все воюешь,— вздохнул Тахор.

Ирил дернулся объяснить, что это просто узор так сработал из-за... И понял, что торк опять глянул вглубь. Переусердствовал он с интенсивностью. Но объяснять что-либо никакого желания не было. В отличие от Улитарта, здесь он чувствовал себя в своей тарелке.

— Зато одежда чистая,— Ланья вздернул нос.

— А-а,— понимающе протянул Тахор.— Тогда ладно.

Ланья прыснул.

— Ну, рассказывай, как дела,— Тахор пыхнул неизменной трубкой, когда они уселись на берегу озера. В Красном Замке места мало, все на виду, поэтому умельцы давно заставили наиболее живописные места на берегах острова различными скамейками, беседочками, павильончиками. Сейчас Ланья с Тахором сидели как раз в одной из таких открытых беседочек.

— Да как,— пожал плечами Ирил.— Живу, тренируюсь, помогаю, учусь. Здесь тоже есть чему поучиться.

Тахор внимательно посмотрел на него, достал какой-то мешочек, начал вертеть его в руках.

— Нравится? — поинтересовался он.

— Не знаю,— поджал губы Ланья.— Я здесь тоже пока ни пришей ни пристегни, но хоть понимаю, что я могу для них сделать. Делаю, что могу. Учу, рассказываю. И они за это мне благодарны.

Торк помолчал немного, пыхтя трубкой, а потом неуловимым движением бросил Ирилу мешочек, который вертел в руках.

— Лови.

Ланья плавно выхватил мешочек из воздуха, чуть сопроводив его полет. У Тахора потеплели глаза, лицо пошло морщинами. Неподготовленного это зрелище могло испугать до колик, каждая гримаса торка лишь усиливала его уродливость, но Ирил хорошо знал учителя.

— Я рад, сынок, что ты нашел себя,— Тахор был доволен.

Ланья даже спрашивать ничего не стал. Тахор, как обычно, по одному его движению составил полную картину внутреннего мира.

Помолчали. Легкий озерный ветер ерошил волосы Ирила. Облака неспешно проплывали над озером, отражаясь по очереди в гладкой воде. О чем говорить ученику и учителю, внезапно оказавшимся по разные стороны баррикады? Хотя какие там «разные стороны»! Везде одни и те же маги. Одни и те же проблемы и задачи. Один Пестик на всех. Откуда взялось это отчуждение?..

— Учитель, а я могу изредка вас навещать? — ни с того ни с сего вырвалось у Ланьи.

Тахор расхохотался:

— А почему нет? Ты что, в тюрьме? Кто кому запрещает по Пестику ходить? Ты что себе напридумывал?

— Да нет, я так... просто... — смутился Ирил. И правда, чего это он? Вот же Тахор, пришел, сидит, никто его не трогает. Кто Ланье запрещает появляться в Улитарте? Гермес, Рябоцкий, Земля? Нет. Ирил Ланья? Да!

Ирил сжался. Это он не может появляться в Улитарте. Не может — и всё. Нечего ему там делать. А в остальном Братстве? В Пестике? Да пожалуйста. Только что ему делать там? Домой? А где его дом? Мать давно уехала к родственникам, денег, хвала Несуществующим, Ланья своими занятиями заработал достаточно, ей хватит. Дом на мысе Хакони давно сгорел. А в других местах и того нет. Кому нужен угрюмый бездомный боец-одиночка, умеющий ломать торкские амулеты?

И Ланья расправил плечи. Решение не принято, потому что его и не надо принимать. Его место здесь. Тахор, внимательно наблюдавший все это время за меняющимся лицом Ирила, всё понял правильно. Ему, как обычно, ничего не надо было договаривать.

— Ты прав, сынок,— опередив открывающего рот Ланью, проскрипел торк.— Ты нашел себя, и теперь тебе надо идти дальше. И ты сам со временем разберешься, кто друзья, кто враги, а кто просто случайно оказался рядом. Ты сейчас немного осмотришься, а потом обязательно поброди по Пестику. Поброди-поброди, увидишь много интересного. Воевать всю жизнь — это... неправильно. Тем более что воевать-то особо и не с кем.

— Учитель... — начал было Ирил, но торк остановил его жестом.

— Но, как бы то ни было, ты знай,— выражение лица Тахора классификации не поддавалось.— В Пестике всегда есть старый торк, гхм,— он откашлялся и поправился: — Два старых торка, которые тебя всегда ждут. И помни, как бы жизнь ни повернулась, мы как минимум тебя всегда выслушаем. Не говори ничего,— остановил он опять открывшего рот Ланью.— Сейчас не надо ничего говорить. Я всё увидел, что хотел, и я спокоен за тебя. Потом. Потом, когда ты найдешь себя. Ты потом меня найди.

Он замолчал, глядя на оторопевшего от такого поворота Ланью.

— А сейчас иди, иди, там тебя ждут. Иди, сынок.

Тахор несильно подтолкнул Ланью к выходу из беседки. Ирил в который раз открыл рот, чтобы спросить, попросить, уточнить... И опять ничего не сказал. Потому что Учитель был прав. Не время

сейчас. Не время. Потом. Потом. Правда, потом. И уже отойдя от беседки далеко, так, что Тахор казался неприметной точкой, Ирил обернулся. Рывком, чтобы увидеть....

Торк стоял на том же месте, отдавая воинский салют своему ученику.

— Поговорил? — участливо спросил Рябоцкий, неслышно подошедший к сидящему на тренировочном бревне Ирилу. В это время тренировок не было, и Ланья побрел именно сюда, потому что другого места для одиночества в переполненном Красном Замке не было. А к себе почему-то идти не хотелось. Он еще не до конца нашел этого «себя».— Что-то не так?

— Да нет,— неожиданно рассмеялся Ирил.— Как раз всё так. Тахор, как обычно, все наружу вытащил и заставил разобрать, проверить и почистить. И, когда на место все поставил, выяснилось, что на самом-то деле все правильно.

— Я понимаю,— улыбнулся Рябоцкий. Он действительно понимал.— И что думаешь делать?

— Ни-че-го,— широко улыбнувшись, отчеканил Ирил. Рябоцкий стал последним кирпичиком в завершенной стене нового мира Ирила Ланьи.— Думать вредно, как говорит Шатун. Готов к исполнению приказов.

Он дурашливо вытянулся по стойке «смирно».

— Ну раз так,— Рябоцкий тоже был рад, что все хорошо,— тогда давай-ка, отправляйся к Гермесу. И Шатуна прихвати, он на обеде. Есть одно задание, где без вас, ребята, нам никак не обойтись. Вперед, солдат.

— Я не солдат,— почесал нос Ланья.

— Какие твои годы,— рассмеялся рыцарь-дилонг.— Будешь. Давай, нечего рассиживаться. Родина в опасности.

И Ланья побежал. Нет, сначала он отдал честь на земной манер, а потом побежал.

— Так что основная задача — обеспечение безопасности земных специалистов.— Гермес оглядел собравшихся. Если что-нибудь поймете сами — замечательно. Мало того, крайне желательно. Особенно это к вам относится,— он посмотрел на Шатуна с Ланьей.— Чует мое сердце, есть там что-то по вашей тематике. Но повторяю: даже если ничего сделать не сможете — не беда. А вот тех, кого Земля пришлет,— домой отправить любой ценой.

— Может, портал передвижной подготовить? — подал голос Ланья.— Они, конечно, в Территориях работают ненадежно, но

все-таки... Настроить его на Красный Замок и в случае чего землян туда отправить.

— А почему не всем вместе? — поинтересовался дилонг Швайцер, командир группы.

— Передвижные порталы и так вещь ненадежная, а в Территориях — вдвойне,— повернулся к нему Ланья.— Часть может уйти, а часть остаться. Закроется портал — и все. А первое правило выживания в Территориях — команда. Как пришли, так и уходить должны. В одиночку оттуда не выйдешь, разве что изначально маршрут готовился на одного-двоих. А я так понимаю, пойдем мы по самым гиблым местам.

— Не выйдет с порталами,— остановил развитие мысли Гермес.— Нет у нас, к сожалению, еще технологий передвижных порталов. Да и вообще, рунная магия на Земле далеко не двинулась. Тут еще работать и работать.

— У Братства попросить,— Шатун проблемы здесь не видел.— Они не откажут. А надо, так я у своих в Улитарте попрошу. Они что угодно сделают.

— Не надо «что угодно»,— испугался Ирил.— Они, конечно, сделают, но я не пойду в Территории, надеясь на узор портала, созданный с нуля в Улитарте. Ты, я думаю, тоже.

— Ну, вообще говоря, да,— почесал затылок Шатун.— Значит, у Братства попросить.

— Нет,— сухо отреагировал Гермес.— В случае с этим выходом мы не можем просить помощи у Братства. Мало того, если я хоть что-то понимаю в ситуации, то, скорее всего, мы там запросто можем с ними встретиться.

— В бою? — посерьезнел Ланья.

— Нет, что ты,— махнул рукой Гермес.— Ни о каком бое между нами и Братством и речи быть не может, но то, что они захотят проделать ту же работу, что и мы,— это однозначно.

— Они заинтересованы в том, чтобы противодействовать нам? — уточнил Швайцер.

— Скорее всего, нет,— пожевал губами Гермес.— Не исключено, что даже могут помочь или поделятся частью информации. Но всё равно, просить помощи у них мы не можем. Да и вообще, в силу целого ряда причин я хотел бы, чтобы о подготовке группы, о выходе и обо всей операции вообще знало как можно меньше народа. Понятно, шила в мешке не утаишь, тем более в таком маленьком, как наш, но всё же... Итак, я планирую выход, опираясь только на собственные силы. Сможем?

Все посмотрели на Ланью. Даже Шатун, знающий Пестик, оставался всего лишь одаренным магом, не более того. Ирил был единственным, кто знал Территории.

— Сможем,— он спокойно пожал плечами.— Почему нет. Если из Такатака выйдем, то там идти не так уж и далеко. Единственное, о чем всех попрошу,— к вольдам не задирайтесь. Надо уйти от мысли, что любой, кто не человек,— враг. Пестик нейтрален. Мало того, любой, кто нас в баронствах попробует обидеть, получит по полной, потому что мы изначально считаемся такими же вольдами. А если мы вольды, то в Такатаке мы еще и помощь найдем.

— Во-во,— поддакнул Шатун.— Избавляйтесь, господа рыцари, от сепаратистской психологии. А то вон, когда Тахор пришел, от него чуть не всем замком отбиваться готовились. Улонгов сбежалось, как мух. Как же, торк пришел, давайте его убивать. Кому это приятно?

Ланья сдавленно хрюкнул, представив толпу улонгов, которые пытаются убивать Тахора Гумануч-он. Воины, туда их...

— И правда,— добавил он,— вы поосторожнее с вольдами. Они разные бывают. Напав на того же Тахора, можно запросто человек двадцать потерять.

— Так,— остановил дискуссию Гермес.— Перед выходом ты проинструктируешь всех, как надо общаться с вольдами, да и вообще, как себя вести за пределами Красного Замка. Вы правы, пора выходить из-за крепостных стен, иначе мы ничего не добьемся. Всё, конкретику получите уже ближе к выходу, сейчас идите, готовьтесь. Удачи.

Глава 37

— Ты вот это где взял? — Ланья наклонился над одним из бойцов, вертящим в руках разноцветную колбочку магиприпаса.

— Дали,— поднял голову тот. Углядел недовольство Ирила и испуганно начал оправдываться,— вы же сами сказали с вольдами дружить, я и подружился, они мне дали, сказали, если будет совсем плохо — дерни.

— Знаешь за что себя дерни, если плохо будет?..— рассерженной Тварью зашипел Ланья.— Ты же взрослый человек, маг. Ты представляешь, что ты в руках держишь?

«Взрослый человек», маг лет двадцати, начал потихоньку отползать от закипающего Ирила. Надо признать, причины для расстройства у того были.

Началось всё еще в баронствах. Рекомендации «дружить» с вольдами полувоенный народ из Красного Замка воспринял несколько вольно, поэтому по утрам матерящийся Швайцер собирал непутевую команду с большим трудом. Естественно, все баронства оказались в курсе, что грядет первый выход в Территории команды Красного Замка, так что провожали их чуть не с цветами и бубнами, предварительно одарив всем, чем только можно. От умных и не очень советов до вот таких вот «спасательных кругов» на все случаи жизни.

В подобных случаях Шатун едва не падал от хохота, Швайцер мертвел при мысли о нарушении режима секретности, и все заботы по подготовке полностью легли на Ланью. Лежки Тварей, фон хальер, нарушения хоженых троп — все это нужно было узнать, проговорить, учесть. Да еще наложить это на совершенно неподготовленную команду. Иногда он жалел, что ввязался в эту историю и попал в Красный Замок вообще. Да, половина людей Швайцера состояла из проверенных бойцов, прошедших свои, земные Территории, с этими проблем не было. Бывалые вояки и с вольдами общий язык находили мгновенно, и суетливостью не страдали. А проблема заключалась в том, что вторая половина команды состояла из магов. Четверо землян и трое улонгов Красного Замка. Телепортист, связист и «боевой» маг Степа. Пройти по Территориям без них было можно, а вот выполнить задание — никак. Приходилось вводить их в жизнь в экстренном порядке. Благо за два дня пути все подтянулись, и теперь команда более или менее походила на единый организм. Вблизи баронств Твари не лютовали, на сегодняшний день были всего две стычки, и то с мелочью, так что потихоньку все втягивались. Но сюрпризы все равно случались, задерганный Ланья, на которого в Территориях легло еще одно бремя — разведка и предупреждение, начинал потихоньку звереть. Благо все всё понимали и видели, и за то, что команда до сих пор никого не потеряла, ему прощалось практически все.

— А что я держу? — тот самый «боевой маг» Степа вытянул руку с магиприпасом.

— Так ты еще и не знаешь, за что схватился? — Несмотря на злость, Ирил вспомнил выговоры Тахора и улыбнулся про себя.— Зачем тогда хватал?

— Дали.

— Придурок,— не сдержался Ланья.— А если бы тебе Тварь спящую дали, тоже бы взял?

— Нет,— замотал головой Степа.

— Так какого...

— Извини,— втиснулся в разговор Шатун.— Можно я? А то ты его сейчас в землю вгонишь.

И, не давая Ланье разораться во весь голос, наклонился к Степе:

— Слушай, балбес, ты когда за что-то хватаешься, сначала узнай, что это такое, да? Может, это вообще с тобой несовместимо. Вот ты сказал «когда станет плохо», а что для тебя значит «плохо»? Что для вольдов значит «плохо»? Может, это рвотное. Тебе на вечеринке плохо стало, дергаешь и блевать начинаешь, чтобы полегчало. А теперь прикинь — ты в бою его дергаешь...

Степа, завороженно кивая в такт мерному журчанию Шатуна, опомнился:

— Да я понял, сейчас все выкину.

Он размахнулся и задергался в железной хватке Ланьи.

— Я тебя сейчас самого выкину,— Ирил подтащил Степу вплотную к себе.— А если это ударный узор? Перебудишь всю округу.— Он отобрал магиприпас и перекинул его Шатуну.— Разберись, что это такое. А ты,— он повернулся к Степе,— марш под купол, к Швайцеру, и ни шагу оттуда. Стой,— вспомнил он,— еще «подарки» есть?

Степа замахал руками:

— Нету.

— Свободен.

Ланья вздохнул и отправился туда, куда собирался с самого начала,— осматривать окрестности. Южные Территории он знал хуже, но принципы оставались неизменными: всё просмотреть, всё зачистить, на виду не стоять, к удобным местам не приближаться. Чем уютнее и приятнее кажется место — тем больше вероятность, что ты идешь в гости к Твари. Хотя поправки, конечно, были. Например, нынешнее место ночевки на севере Ирил не выбрал бы никогда. Еще бы, одиноко стоящее дерево, накрывающее ветвями, как куполом, всё до самой земли. В Хайаре это значило одно — ловушка. Здесь вольды объяснили: да, ловушка, но Твари тут помельче. Деревьев таких в округе видимо-невидимо, и сидят на них плетельщики, которые ночью тебя лианами с этого же дерева и упакуют. Но они в темноте от своих деревьев не отходят, и если их засветло выжечь, то один ночлег тебе обеспечен. К таким деревьям по ночам никто соваться не рискует. Утром, конечно, набегут, но тут уйти не проблема.

Хруст справа. Ланья присел. Нет, ничего серьезного, мелочь. Так, канава. Чья? Ирил проверил стенки, слизь запеклась. Старая. Хорошо. Круг закончен, можно обратно. Подходя к стоянке, Ирил заметил какой-то бугорок. Ну, бугорок себе и бугорок, ничего особенного. Но вбитые рефлексы требовали: если глаз за что-то зацепился — мимо не проходи, проверь. Ланья осторожно ткнул в него веткой. Бугорок вдруг зашевелился... и Ланья еле успел сдержать меч перед самым лицом оторопевшего часового.

— Фу ты,— выдохнул Ирил.— Жить надоело?

— Да я ж не знал,— ошалело выдохнул тот.

— Что ты не знал: что надо атаковать все, что движется? Или что оповещать надо?

— Мы не думали, что вы заметите,— раздался сзади тихий голос второго.

Ланья обернулся, поискал взглядом, но ничего не увидел.

— Прячетесь вы хорошо,— остывая, выдохнул он,— но видите же, человек идет. Хоть окликните. Ладно, это я был, а вольды бы на вас набрели? Зарубили бы не глядя. Ладно, давайте, несите службу.

Он направился к дереву, из-под ветвей которого пробивался неверный свет. Пробравшись сквозь свисающие ветки, он подошел к небольшому костерку, затепленному у корней.

— Поменьше сделайте,— попросил он,— видно со стороны.

— Садись,— протянул ему походную миску с чем-то горячим Швайцер.— Поешь. Сделаем.

Ланья взял миску и начал есть, оглядывая сидящих бойцов. Н-да, командочка. Маги, уже наевшись, устроились у ствола, мирно посапывая. Четверо пожилых землян, присланных для выполнения задания, и так не блистали особыми воинскими талантами, а уж в качестве партнеров по выходу так и вовсе никуда не годились. Их бы до места дотащить, про возвращение и думать пока нечего.

— Ирил,— позвал Швайцер.— Расскажи, что у нас завтра.

— Завтра? — моргнул Ланья, сосредоточиваясь.

Иохан Швайцер, среднего роста крепыш, с круглыми ушами и редким цыплячьим пухом по всей голове, довольно удачно совмещал в себе военного и мага. Кем он был на Земле, Ирил не знал, но глядя, как Швайцер справляется со своими новыми обязанностями, решил: со старшим группы ему, скорее, повезло. Если оставить в стороне бестолковое метание по баронствам, где все вели себя как дети в зоопарке, никаких претензий даже у вольда Ланьи к Иохану не было. Педантично и настойчиво он выполнял все рекомендации — и заставлял других. Ему ничего не надо было повторять

два раза. Даже сейчас, всего через два дня, Ирил мог сказать, что Швайцер смотрелся бы очень прилично в большинстве вольдовских Команд. Да и организатор неплохой. Дозоры и охранение всегда были более чем достойными.

— Завтра будет такой же переход. Но я планирую все-таки несколько стычек. Всё, безопасные места сегодня кончились. И так два дня идем спокойно. Для Территорий это много. Кто-нибудь да выскочит.

— Смотри, накаркаешь,— предупредил сбоку Шатун.

— Да брось,— отмахнулся Ланья.— Тут каркай не каркай, всё равно тебя найдут. Если бы все так просто было, здесь бы не Территории были, а парк для прогулок. Так что завтра три-четыре стычки будут, готовимся. Как и предупреждал, на больших патроны не тратим, обходимся магией. Ну да что повторять.

Действительно, повторять смысла не было. Сейчас только голову забивать, а возможные схемы боя Ирил заставил раз по двести отработать еще в Замке. Ну а дальше — как повезет. В Территориях без везения никуда.

— Узоры наготове с самого утра, магов в центр.

— А кто выскочить может, как думаете? — поинтересовался один из бойцов, оторвавшись от чистки оружия.

— Не угадаешь,— покачал головой Ланья.— Сколько ни пытались предсказывать появление Тварей, никогда ничего не получалось. Если у них и есть какая-то система, то ее никто пока не увидел. Я же уже говорил. Тут всё просто: первый, кто увидел, должен классифицировать по способу нападения. Их четыре: контакт, бросок, газ, магия. А дальше отрабатывается одна из схем. Вольды бóльшую часть времени в баронствах тем и занимаются, что отрабатывают различные схемы. Чем опытнее и слаженнее Команда, тем больше у нее схем. У Команд из числа Старших Совета вольдов, Теренса например, может быть для каждой отдельной Твари своя схема припасена и отработана. Ну а для нас, необученных, остаются только максимально простые шаблоны, чтобы не запутаться. И везение еще...

— А если не повезет? — поинтересовался телепортист.

— А вот такие вещи спрашивать у вольдов никогда нельзя,— посуровел Ирил.— А на выходе — тем более. Если не повезет, то следующей ночевки может и не быть. А чтобы всякая дурь в голову не лезла, ты бы лучше узоры проверил. Не приведи Несуществующие, завтра что произойдет, а у тебя портал не готов. Кстати, учти на будущее, случится такая беда — домой лучше не показывайся.

Телепортист (видимо, Ланья попал в точку) мгновенно заткнулся и начал что-то искать у себя в сумке. Ирил вздохнул и показал Швайцеру на него глазами. Тот кивнул, мол, понял, проверим. Остальные, тоже вынеся для себя что-то из короткого разговора, вернулись к своим делам. Ирил доел и пересел поближе к Шатуну, копающемуся в амулетах.

— Ну что, разобрался с «подарком»?

— Да ну его, дебила,— чуть не сплюнул Шатун.— Не, ну нормально? Это ж светограната.

— Света... чего? — не понял Ланья.

— Светограната,— пояснил Шатун.— Бросаешь — и вспышка яркого света: все вокруг слепые минут на пять, гарантированно.

— А неплохая штука,— в Ириле проснулся торк.

— Хорошая,— язвительно процедил Шатун.— Если все вокруг в курсе. А прикинь, посередь рубилова с вельяном, например... Бабах, и всем привет. И еще лучше с соттом, чтоб поздоровее. Все в жмурки играют, а сотт водит. На кого наступит, тому и счастье. Прикинь, красота.

— Прикидываю,— торк внутри уснул крепче прежнего.— И это наш боевой маг.

Он поднял голову, высматривая Степу. Тот прятался, как мог, но, когда все-таки Ирил его выцепил взглядом, распахнул глаза, округлил рот, оттопырил уши и отчаянно замотал головой. Я не я и жопа не моя, простите дяденька засранца, иногда так больше не буду.

— Несуществующие, и угораздило же меня,— расстроенно выдохнул Ланья, плюхаясь обратно.

— Сержанта бы на него,— хмыкнул Шатун.

— Ну да,— фыркнул Ирил,— нам здесь только трупов подчиненных не хватало.

— Н-да,— Шатун еще раз посмотрел на конфискованный магиприпас,— за такое он и вправду мог убить. И, что самое интересное, был бы абсолютно прав. Что там такое?

Откуда-то издалека донесся невнятный шум. Ирил тоже навострил уши, подобрался, прислушался.

— Швайцер,— бросил он.— Поднимай людей. Тревога! Только тихо, и костер потушить.

— Кто там, Ирил? — У Шатуна выходов в Территории было раз, два и обчелся, он мог спрашивать.

— Не знаю,— Ланья бросил взгляд на затоптанный костер и двинулся к выходу. Шум снаружи немного усилился.— Но там не одна Тварь. А группами ходят либо вельяны, либо...

— Тревога! — Между ветвями просочился часовой.— Идут. Много идут, не один.

— Доклад,— это Швайцер. Вокруг просыпались маги, собирались бойцы.

— Идет кто-то большой. Судя по звукам, не один. В темноте не видно. До нас пока никто не добрался,— коротко сообщил часовой.

— Сотт,— оценил Ланья.— Ночью, большой и с компанией. Больше некому. Шатун, зараза, вот кто у нас накаркал.— Он оглядел купол из ветвей. Остановился взглядом на Швайцере: — Так, Иохан, часовых внутрь, оборону держим по периметру, без приказа не стрелять. После команды — стрелять во всё, что движется. Магов — ко мне.

Швайцер исчез в темноте, раздавая приказы вполголоса. К Ланье начали протискиваться маги.

— Внимание, на нас идет сотт-топтун,— начал распоряжаться Ирил.— Тварь здоровая и сильная. Наша защита для него — раз плюнуть. Но проблема не в нем. Сотт хоть и здоровый, но трусливый. Он всё здесь порушит, а доделывать за него будет «свита», он потом придет, на готовое. А со свитой другая история: Твари небольшие и тоже трусливые, привыкли за соттом добивать слабых, так что палить всем, что есть. Одна проблема — ничего не видно. Кто может поляну подсветить?

— Я,— высунулся Шатун.— Как раз подарочек пригодится.

— До него еще дело дойдет,— отмахнулся Ланья.— Мне надо, чтобы долго светилось. Если учуют, нам уже всё равно будет. Твари в темноте видят, так что нам от демаскировки ни холодно ни жарко. Так кто может подсветить?

— Я сделаю,— спокойно поднял руку один из землян.

— Хорошо,— Ланья переключился на следующее задание: — Купол защитный или порог высокий хотя бы — кто может?

— Я,— отозвался еще один земной специалист.

— Отлично,— кивнул Ирил.— Мастера Тварей есть?

— Что это? — поинтересовались из темноты.

— Тварей кто-нибудь умеет делать?

Молчание.

— Ладно, на этом всё,— подытожил Ланья.— Теперь о технике: свет и полог ставим только по моей команде. До приказа ничего не вешать. Как только скомандую «огонь»,— тут уж всё на ваше усмотрение, только не бросайте самонаводящиеся узоры, это дерево — тоже часть Тварей, узор может на него перекинуться. И последнее: у Шатуна есть светограната, знаете, что такое?

Из темноты раздались смешки: конечно, знаем.

— Отлично. Как он заорет, всем закрыть глаза. Узор там и так мощный, а магиприпас еще и в Улитарте сделан. Что туда намешано — Несуществующие и те не знают. Ясно? Хорошо. Вперед. Рассредоточиться. Двум магам вместе не стоять. Иохан!

Подошел Швайцер. Ланья кратко обрисовал ему диспозицию, не забыв про светогранату. Внимательно выслушав Ирила, тот коротко кивнул и опять исчез в темноте.

Всё. Все встали наконец по местам. Наступила тишина, нарушаемая лишь приближающимся хрустом. К нему потихоньку начали добавляться какие-то писки, шуршание и потрескивания. Люди замерли.

Ланья, высунув уголок глаза, осматривал поляну. С соттом вот так, на победу, ему еще не доводилось встречаться. Впереди, в неясном свете звезд качнулось дерево. Другое. С оглушительным треском упал ствол. Огромная туша, чернеющая даже на фоне ночных деревьев, пробивала себе дорогу по лесу. Сотт шел по касательной. Может, не заметит? Так, а вот и свита. Низкая, стелющаяся по земле тень скользнула меж дальних деревьев, уйдя вперед. По сторонам не посмотрела, Твари были не на охоте. Уже легче. Между деревьями замелькали другие тени, свита торопилась за своим господином, проходящим мимо группы деревьев. И то правда, что им с плетельщиками делить? Сотт уже почти прошел, когда из-за дерева, стоящего неподалеку, вышла невысокая собака с длинным, почти крысиным хвостом. Принюхалась, опустила нос к земле и начала описывать широкий круг, цепляя лёжку часовых.

— Вот за что я коссади ненавижу,— процедил сквозь зубы Ланья,— так это за подлючесть их противную.

Еще бы, обидно-то как. Ведь все почти прошли, так нет, надо этим гадам было зацепиться. Коссади тем временем нашел носом место, где лежал один из часовых, и тут же проследил направление, куда он двинулся. Два мерцающих в темноте глаза уставились точно на Ирила. Коссади издал полусвист-полушипение и запрокинул голову, чтобы завыть.

Ш-шух, туф. Тяжелый лесной нож, брошенный Ланьей вошел точно в горло. Тварь свалилась на землю, засипела пробитым горлом, засучила ногами. Вообще-то, смысла убивать коссади вот так, тратя нож, не было, но уж больно Ланье, обидно стало. Вокруг бьющейся Твари тут же собралась небольшая толпа. И другие коссади, и мелочь. Кто-то догонял, а кто-то и вернулся. Шуршащая и пищащая куча несколько секунд помешкала, выясняя что к чему, а

потом, как по команде, повернулась в сторону дерева. Всё, попались. Теперь Тварям осталось только выяснить, кто именно попался. Куча качнулась вперед.

— Свет, полог! — скомандовал Ирил.

Десяток шаров повисли вокруг дерева, освещая поляну, как солнце. Стала видна каждая ворсинка на шкуре коссади. «Неплохо»,— отметил Ирил для себя работу земного мага. Если и защитный купол будет таким же, то шансы увеличиваются.

— Передать по цепочке: сотта полог не остановит, на него магия плохо действует. Бить по глазам, хоботу, когтям, ушам — и по заднице. Если чувствительно ударить и долго бить, он уйдет. Сотт долго боль терпеть не будет. Купол держать.

Ирил рванулся вбок, сотт выходил немного левее. Вокруг загомонили люди, передавая информацию. Ирил нашел мага, держащего купол.

— Он купол прорвет, но ты все равно держи, мелочь тоже опасна. А с соттом разберемся.

Маг кивнул, понимая. Купол его тоже оказался сделанным на совесть. Твари с разбегу налетели на невидимую преграду и бестолково забились о нее, как мошки о стекло. Не пройти. Ланья тем временем всматривался в огромный силуэт, продирающийся сквозь деревья. Ну давай, иди, мы тебя встретим.

Из-за огромных размеров движения Твари казались неторопливыми и ленивыми. Глядя со стороны, могло показаться: ему еще идти и идти. Ан нет. Несколько секунд — и сотт пролетел поляну, со всей дури влепившись в поддерживаемый купол. Краем глаза Ирил заметил, как мотнуло земного мага, принявшего удар. На ногах он не устоял, но, к чести его, узор не выпустил. И тут Ланья еще раз подивился способностям внешне невзрачных и ленивых землян. Сотт, огромный сотт-топтун, разрывающий в клочья любой защитный узор, влип в купол, как муха в варенье. Нет, земной узор его не отбросил, но и проскочить вперед, освобождая дорогу злобной орде сопровождения, у сотта не получилось. Через купол пробился только хобот, усеянный острыми зубами, часть морды и одно ухо. Все остальное застряло. Тварь заверещала на пределе слышимости и рванулась вперед. Маг побагровел, но узор не отпустил. Сотт надавил. Землянин покачнулся, его тут же подхватили под руки. Второе ухо показалось из-за купола. Из-под этого уха, извиваясь и протискиваясь, высунулось что-то длинное и скользкое. Мощный хобот заметался, стараясь достать хоть кого-нибудь. Длинная тварюшка почти выбралась из-под застрявшего уха.

— По сотту огонь! — надсаживась, заорал Ланья.

В ограниченном пространстве грохнуло так, что Ланья чуть не оглох. За уши схватились все. Но больше всего досталось сотту. Магия, оружие — все пошло в дело. Яркие вспышки узоров чередовались с автоматными очередями. Мелкую Тварь спалили практически в один миг. Сотт на секунду замер, продемонстрировав всем обожженную морду, испятнанную дырками от пуль, а потом издал вопль, от которого люди чуть не попадали в обморок, и рванулся назад.

Не тут-то было. Купол, построенный земным магом, не только не давал Твари пройти вперед. Вырваться из него оказалось тоже совсем не простым делом. Сотт застрял.

— Огонь! — надрывался Ланья.

Еще одна порция смертельного огня. Хобот со страшными зубами уже не метался по сторонам, а бессильно свисал старой тряпкой. Сотт дергался всем телом, пытаясь вырваться из ужасной ловушки, которую подстроили эти безобидные на вид козявки. У него не получалось.

— Патроны беречь! — пролаял Ирил.— Только магия.

Вспышка, вспышка, вспышка. И-и-и-и-и-и-и!!!!! Вдруг тонко заверещал сотт. Морду-то он вытащил, а вот хобот остался в схлопнувшемся за ним куполе и теперь торчал, как непонятная трубка. Маги, не переставая, лупили в него всем арсеналом таранных узоров. Ланье даже стало жалко сотта. Надо же так попасть, бедолаге. Сходил за хлебушком, как любит приговаривать Шатун. Это ведь уже даже не бой, это издевательство получается. Бессмысленное причинение боли. Оторвав хобот, сотта не убьешь, так зачем мучить попавшего в ловушку врага? Ему и так хватит.

— Отпустите его,— повернулся к землянину Ирил.— Пусть уходит.

Маг прикрыл глаза, принимая команду, и купол звучно чмокнул, выпуская злополучного сотта. С воплем, отчетливо слышным на всю округу, огромная туша развернулась и, не разбирая дороги, круша всё на своем пути, включая незадачливых «свитских», рванулась подальше от ужасного места. Куча-мала из мелких Тварей рванулась следом. Если уж хозяин не справился, то делать здесь точно нечего.

Повисла тишина. Удаляющиеся крики покалеченного сотта стихли, но никто не шевелился. Все ждали чего-то. Минута, другая.

— Свет убрать,— скомандовал Ланья.— Всё, похоже, отбились.

Люди загомонили, выплескивая радость. Перекрывая шум, Ирил распорядился:

— Костер запалите, после такого к нам вряд ли кто сунется. Иохан.

— Здесь,— вынырнул из радующейся кучи Швайцер.

— Часовых всё-таки поставь обратно. Я понимаю, сейчас тяжело людям, но мало ли что.

— Есть,— с неподдельным уважением Швайцер отдал честь и нырнул обратно.

— Ф-ф-ух,— Ланья доковылял до Шатуна и устало опустился рядом.— Никогда не думал, что с соттом можно так расправиться. А неплохо, скажи?

— Мне трудно оценивать легкость, я с соттами не очень часто сталкивался,— Шатун и на суде Несуществующих будет иронизировать,— но если все драки с твоими Тварями будут такими, то я думаю, что по Территориям вполне можно устраивать прогулки.

— Все не будут,— вздохнул Ирил.— Дальше будет только хуже. Ладно,— поднялся он,— ты прав, что напомнил: победа победой, а завтра всё равно рано вставать. Таких, как сотт, в Территориях еще много. И чует моя душа, подраться еще придется. Пойду всех по местам загонять.

И он устало поковылял по кругу, денек выдался тот еще, и то ли еще будет.

— Злой ты,— фыркнул ему вдогонку Шатун.— У людей радость, а ты со своим занудством. Злой, одно слово.

— Зато живой пока,— Ирил вспомнил давнее выражение Тахора.— И намереваюсь эту тенденцию сохранять в дальнейшем. Иохан, где ты? Давай всех спать загоняй, во сне отпразднуем.

Глава 38

— Странно как-то,— Тооргандо повертел головой, высматривая еще противников.— И всё, что ли? Они что, одни шли?

Малая стая коссади полегла полностью. Мешать они не мешали, но неписаное правило вольдов гласило: мимо коссади проходить нельзя. Они столько крови вольдовской попили, что любой, кто был в силах, непременно отвлекался на то, чтобы изничтожить десяток-другой этих сторожевиков-стукачей. Хотя, сколько их ни круши, меньше не становилось: плодились как комары.

Но после трех необычно легких, почти прогулочных дней в Территориях полная команда Братства, да еще усиленная четырь-

мя магами, в число которых входили такие ребята, как Кащей, Аойнки, Колобок и сам Шаман, просто не могла пройти мимо нагло пересекающей ей путь стаи коссади. Накрыв всю стаю куполом, как загоном, вольды начали избиение. Тор все время вертел головой, ожидая кого-нибудь серьезного, кого сопровождали коссади, но никто так и не появился. Действительно странно.

— Что не так? — поинтересовался Шаман, подходя к вертящему головой Тору.

— Всё не так,— тот пожал плечами.— Такое впечатление, что мы не в Территориях, а на детском празднике для начинающих вольдов. Ни одной серьезной стычки за три дня. Кому-то рассказать: сами ищем, с кем бы подраться.

— И что это может означать?

— Ума не приложу,— развел руками гемар.— От полного счастья, означающего, что нас признали невкусными и охотиться на нас не будут, до мысли о том, что нас заманивают в ловушку. Первый вариант больше смахивает на откровенный бред, а вот на ловушку это всё очень начинает походить. Спросить бы кого... Айонки.

— Я тебя слушаю,— вольд появился откуда-то сзади.

— На твоей памяти Твари хоть кому-нибудь ловушку устраивали? Заманивали толпой?

Айонки задумался:

— Нет, не помню. Ситуация действительно странная. Чтобы столько ходить — и никого? Нет, такого не было на моей памяти. Мы ведь уже глубоко, да и в стороне от очищенных троп. Здесь Твари должны кишмя кишеть...

— Может, наши друзья на себя оттянули? — предположил Шаман.

Недавний выход в Территории команды Красного Замка широко обсуждался в баронствах. Правда, всё больше с оттенком сожаления.

— Может,— пожал плечами Тооргандо.— Но в этом случае — мир их праху. Стянуть на себя Тварей всей округи — это верная смерть.

— Вряд ли при таком сценарии они уже умерли,— заметил Шаман.— А то Твари бы вернулись.

— Тоже верно,— Айонки достал сигарету.— Ну что, перекур — и двинулись?

— Да,— согласился Тооргандо.— Надо двигаться, все-таки у нас задача — не с Тварями подраться.

Закончив перекур, вольды и маги походным порядком начали втягиваться в утренний лес. Солнце заливало свободные участки веселым зеленоватым светом, всякая мелочь беззаботно резвилась между

деревьями, не обращая никакого внимания на проскальзывающих мимо чужаков. И то сказать, что от них шарахаться? Не Твари — это точно, идут, никого не трогают, и ладно. Команда Братства и в самом деле старалась двигаться как можно быстрее. Притертые друг к другу бойцы Тооргандо идеально держали порядок, да и маги, как выяснилось, в Улитарте не только научными изысканиями занимались. Поначалу Тор сильно беспокоился за троицу Шаман — Кащей — Колобок, но быстро выяснилось, что зря. Нескладные Шаман с Кащеем мерили своими длинными ногами километр за километром без каких-либо признаков усталости. Колобкин поначалу обливался потом, ни слова, правда, при этом не говоря. Но на второй день втянулся. Темп получалось выдерживать достаточно приличный, так что Тооргандо даже стал подумывать о том, что они могут и обогнать посланцев Красного Замка, вышедших за три дня до них. Появись Братство в Такатаке на пару дней раньше, и они вполне могли встретиться. Только зачем Братству подготовка в Такатаке? Своя база ничуть не хуже, а порталы в баронство настроены давным-давно.

— Стой! — шепотом скомандовал Тооргандо, увидев, как идущий первым Пелоц присел, раскинув руки. Ладонь назад — всем отойти, круговое движение ладонью — кто-то большой. Тооргандо начал медленно пятиться, высматривая ложбинку, где можно было спрятаться. Нашел.

— Кто там? — спросил он, вернувшегося Пелоца.

— Не понял,— помотал головой тот.— Вешены, штук пять. Что они делают тут всего впятером — непонятно. Гнать никого не гонят, услышали бы. Сопровождают сотта или за багираном идут? Так где он? Мелочь бы вокруг так не резвилась. Да и странные они какие-то. Рыщут без системы, как будто ищут сами не знают что.

— А вешены — это кто? — не к месту влез Шаман.

— Вам не попадались,— объяснил Тооргандо.— Они мелкие, бестолковые и несамостоятельные, потому их и не промышляют. По отдельности вреда от них никакого, только и могут, что какого-нибудь мышонка прихватить.

Раздавшийся истошный визг попавшегося зверька подтвердил слова гемара.

— Не понял,— удивился Пелоц.— Они что, на самом деле охотятся? Впятером?

— Похоже,— отозвался Тооргандо.— Ну и что нам делать? Сидеть и ждать, пока они пообедают? Так, по звуку судя, там обедать-то нечем. Скорее всего, они дальше пойдут искать.

— А тут мы,— пожевал губами Пелоц.— Ты прав, надо их сейчас накрывать — и ноги в руки.

— Двинулись,— гемар вытащил из ножен меч и метательный нож.— Пока без магии, непонятно еще, кто вокруг болтается.

Чисто сработать не получилось. Подвел сам Тор. Пущенный его рукой нож перерубил горло последнему вешену не до конца, тот успел громко вякнуть.

— Дохлые Твари,— выругался Тооргандо.— Уходим.

— Стоп,— прицелился глазом в кого-то Шаман.— Поехали, можно.

Тооргандо обернулся, между двумя деревьями медленно заваливался на бок обожженный коссади.

— А-а... Твари,— еще больше разозлился гемар.— Всё, попались, там еще свора. Ну, теперь ходу. Бегом! — Гаркнул он, уже не таясь. Прятаться было бессмысленно. Между деревьями замелькали крысиные хвосты остальных коссади.

Группа рванула с места в хорошем темпе. Тооргандо поминутно оглядывался, ища противников, но их не было. Коссади как будто отстали. Ни справа, ни слева никто не просматривался.

— Сзади идут,— пропыхтел поравнявшийся с ним Пелоц.

— Зачем? — коротко поинтересовался гемар.

— Не знаю. То ли боятся, то ли еще что.

— Может, примем бой? — прикинул Тор.

— Рано, силы еще есть,— мотнул головой Пелоц.— Да и непонятно, с кем они. Там ведь даже не Малая стая. Не рискнули бы они одни за нами бежать в таком количестве.

Деревья стали чуточку реже. Впереди проглядывалась поляна.

— Обходим, нам... — начал было Тооргандо, но тут сзади, как из-под земли, выскочили коссади. Первый чуть не прихватил зубами бегущего Колобка. Уклон шел немного вправо, но, как только первый боец повернул туда голову, внизу тут же замаячили знакомые силуэты. Налево? Там то же самое. Времени на раздумье не осталось, и Тооргандо скаканул вперед, на поляну. Остальные последовали за ним.

— Оп-па,— оторопел Пелоц, вылетевший на открытое пространство вместе с Тооргандо.

Н-да, ситуация. Посреди поляны огромной глыбой возвышался сотт-топтун, вокруг него кишели Твари сопровождения.

— Авианосная группа, ни дать ни взять,— пробормотал Колобок, выкатившийся на поляну.— Да отвяжитесь вы...

Досадливо отмахнувшись, он бросил назад, туда, где коссади повизгивали от нетерпения добраться до добычи, какой-то узор. Волна холодного пламени, обтекая деревья, промчалась по подлеску. Повизгивание коссади превратилось в вопль боли.

— Чего теперь-то уже,— досадливо отмахнулся Колобок от неодобрительных взглядов.

И тут произошло невероятное. Сотт, присмотревшийся к новой добыче, вдруг заверещал, как молочный поросенок, вздыбился, показав брюхо в грязных разводах, замотал головой со странно болтающимся хоботом и, развернувшись, бросился прочь, пробивая широкую просеку в густеющем лесу. Свита, шипя и толкаясь, рванула за ним. Коссади исчезли, как не было.

Команда Братства застыла в изумлении на несколько минут.

— Ни хрена себе,— выдавил из себя потрясенный Пелоц.

— Чего это он? — непонимающе спросил воздух Колобок.

— Дожили,— блаженно возвестил Тооргандо.— Вот это и есть счастье: выходишь на поляну, а там сотт. На тебя глянул — и бежать. Только видом жуткий страх нагонять научились. Мы что вчера ели, мужики?

— Ничего не понимаю,— затряс головой Шаман.— Он что, не должен был так делать?

— Он должен был нас на куски разнести,— пояснил гемар.— Или хотя бы попробовать. А чтобы здоровый — да и не здоровый — сотт-топтун при полной свите бежал при появлении только одной Команды — такого, я думаю, никто не припомнит. Во дела в Пестике творятся. И ведь не расскажешь никому — не поверят.

— Господа,— вступил Кащей,— а ни у кого с собой какой-нибудь новинки из Улитарта нет? Может, мы чего изобрели, а он этого испугался?

— Ха,— развеселился Тооргандо.— Амулет, отпугивающий Тварей? За такую штуку вольды последнюю рубашку снимут. А что, давайте проверим.

Несколько минут ушло на вытряхивание карманов и вещмешков.

— Ничего нового,— расстроенно резюмировал гемар.— Чудес не бывает. А жаль. А то бы... Э-эх...

— Гемар Тооргандо,— строгим голосом напомнил Шаман.— Позвольте обратить ваше внимание на тот факт, что мы здесь оказались совершенно не за этим.

— Точно,— спохватился Тор.— Давайте-ка отсюда двигать, да побыстрее, пока кто-нибудь менее пугливый на нас не набрел.

Команда подобралась, осмотрела поляну, убедилась в отсутствии нежелательных гостей и попутчиков и опять нырнула в лес. Полуденное солнце равнодушно смотрело сверху. И только временами на марше раздавались смешки:

— Прикинь, Пелоц, выскакиваешь на поляну: бу-у, и вельян ходу от тебя...

— Дети, честное слово,— повернулся Шаман к шагающему рядом Кащею.

Тот секунду посмотрел на серьезного Шамана, а потом заливисто расхохотался, тут же схлопотав несильный подзатыльник от бредущего следом Айонки.

— Сколько можно? — Степа обессиленно привалился к стволу дерева, сжимая бесполезный автомат.

— Сколько придется,— Ланья протер лезвие меча.— А на сейчас — минус еще один. Ты молодец,— похлопал он по плечу мага,— быстро учишься. Если б сейчас не успел, троих бы недосчитались.

Недосчитались к этому моменту они уже двоих. Одного из бойцов и телепортиста. Причем телепортиста — только что. Выскочивший вельян огреб положенное от группы, но инерция разгона протащила его вперед, туда, где, как назло, замешкался телепортист. Бедолагу просто размазало по земле. Причем вельян был еще жив, развернулся и попытался атаковать. И если бы не Степа, который одним узором вскрыл бронированную каплю, первой тройки во главе со Швайцером уже бы не существовало — огнестрельное оружие на Тварь, похоже, не действовало вообще.

— Не переживай,— Ирил жизнерадостно улыбнулся,— все равно по тому шороху, который мы навели, обратно нам хода нет.

Хода обратно на самом деле не было. Группа уже пятые сутки не вылезала из драки. Пять дней подряд Твари атаковали людей. Короткие перерывы случались только во второй половине ночи. Почему-то под утро Твари пропадали, как будто тоже шли отдыхать. В эти моменты измотанные люди просто падали на землю и засыпали где придется. Даже железный Швайцер перестал выделять часовых, оставив только сторожевые узоры. Иначе бойцы просто сломались бы.

— А сколько нам еще идти? — хрипло поинтересовался Степа.

— Не знаю,— пожал плечами Ирил.— Это у полковника надо спрашивать.

Старший из землян, тот самый, который держал полог во время стычки с соттом, просил обращаться к нему не иначе, как «товарищ полковник». Земные бойцы в этом обращении не видели ничего необычного, а Ланье слух резало. Да и магическая молодежь усматривала в этом лишь повод для шуток. Шутки кончились, когда начался марафон с Тварями, и здесь земные маги в очередной раз преподнесли сюрприз. Вельяны, уташи, терраки, еще один сотт, компайи — все виды Тварей выметались как метлой. Для каждого находился свой узор. Ударные, испепеляющие, парализующие.

Один раз даже землю разъяли перед атакующим вельяном. Он так и ухнул во внезапно появившуюся яму. Добить его сверху было делом пяти минут. Но даже эти магические гении не справлялись с количеством Тварей, обрушившихся на группу. Остальным тоже работы хватало. Запасы патронов таяли просто на глазах.

— Он говорит, пару дней,— пожаловался Степа.— А мы столько не продержимся.

— Ты еще расплачься тут,— посуровел голосом Ирил.— Что предлагаешь, остаться здесь? За нами уже идут. Смотри — наш приятель опять появился.

— Где? — вздрогнул Степа, вертя головой.

«Черная рука», как прозвали непонятную Тварь земляне, появилась три дня назад. После двух дней непрерывных боев группа остановилась на берегу только что перейденной речушки. Внезапно, на другом берегу, где остался труп только что убитого уташа, появилось непроницаемо черное бесформенное покрывало. Накрыв уташа, покрывало заворочалось, вспухло и опало. Туши убиенного уташа под ним больше не просматривалось. Без всякой команды по покрывалу врезали всем, что было. Еще бы, наблюдать вблизи Тварь, за несколько секунд оприходовавшую несколько центнеров мяса, не хотелось никому.

Никакой реакции. Все узоры, пули, гранаты, магиприпасы — все исчезло в глухой черноте, как не было. Народ перепугался. Несмотря на усталость, группа подпрыгнула и понеслась вперед. К концу ближайшей же стоянки покрывало появилось снова. Благо отдохнуть немного успели. Побежали дальше. Нарвались на группу компайи. Вся стычка заняла минут сорок. Когда закончили, покрывало было тут как тут. Мгновенно оприходовав убитых Тварей, покрывало направилось к последней, с перебитым позвоночником. Ланья за этот выход наслушался всяких криков, но, чтобы живое существо так орало, он даже представить себе не мог. Видимо, что-то компайи знал про этого монстра. Ну а дальше, как в дурацкой земной страшилке, на ходу рассказанной Ирилу: «Девочка, девочка, Черная рука уже на твоей улице. Девочка, девочка, Черная рука уже в твоем доме. Девочка, девочка, Черная рука уже в твоей квартире...» Покрывало не отставало от группы больше, чем на несколько часов. Трупы убитых Тварей, кои в огромном количестве оставляли за собой земляне, ее, конечно, задерживали, но ненадолго. И вот она появилась опять.— Пойдем отсюда,— Степа отлепился от дерева и начал искать свой изрядно похудевший мешок. Нашел, надел и потащил за руку Ланью:

— Пошли быстрее, да что они как черепахи беременные.

Очень он «черную руку» боялся. А Ирилу Тварь даже чем-то нравилась. По крайней мере она задавала землянам достаточно приличный темп.

Когда группа тронулась, Ланья догнал старшего из земных магов:

— Товарищ полковник.

— Да? — повернул к нему голову землянин.

— Сколько примерно нам еще идти? — поинтересовался Ланья. Посмотрел на полковника, которому этот вопрос задавали уже в восьмисотый, наверное, раз, и добавил, чтобы не выглядеть идиотом: — Лес меняется. Становится реже. Если нам долго идти по открытому пространству, то надо подготовиться. По полю ходить надо по-другому.

Полковник пожевал губами и достал небольшой ромбик, с которым он постоянно сверялся при выборе пути. Ромбик, на котором вначале еле теплился маленький огонек, сейчас светился россыпью точек.

— Дня два,— прокомментировал он.— Может, полтора. Но не меньше.

— Понял,— кивнул Ирил.— Будем думать.

Час прошел в молчании и беге. А потом из-за стены плотных кустов посыпались человекообразные монстры с уродливыми головами.

— Атака справа! — заорал дозорный.

Группа дружно рухнула в левую канаву, открыв огонь из автоматов. После вельянов — чего там пугаться-то. Люди практически — дело привычное. Первый приземлился только для того, чтобы поймать пулю. Второго очередь прошила наискосок. Третий, четвертый. Глаза Тварей горели бешенством, но они явно не дотягивались до обороняющихся. Так, тут все ясно. Ланья развернулся назад, чтобы понять, а в чем, собственно, они оборону держат. И лоб в лоб столкнулся с еще одной такой Тварью. Не с одной. За ней маячил еще десяток. Засада.

— Хайя! — даже не поднимаясь с колен, Ирил срубил первого.

Тот свалился, не издав ни звука. Три прыжка в сторону. Присесть. Прыжки обратно. Если кто и наблюдал за Ирилом, он все равно бы ничего не понял. Как не поняли Твари. А это был боевой транс. Линии стали смазанными, но силуэты Тварей все равно угадывались. Достать ближнего. Есть. Так, а ты куда? К нашему? А без лапы остаться не хочешь? Н-на. Все равно живой? И сбоку двое? Ланья завертелся волчком. Меч дергался, находя препятствия, но Ирила это не волновало. Транс был песней боя. Некоторые торки сознательно лезли в драку, лишь бы побывать в трансе. Ланья к

ним не относился, но транс любил все равно. Транс — это не работа, транс — это удовольствие. Танец, песня, искусство боя в чистом, концентрированном виде.

Остановился Ирил только тогда, когда понял, что меч стал с трудом пробивать препятствия и он уже начинает рубить деревья. Пора выходить. Пируэт, мысленный крик — и на Ланью обрушивается лавина ощущений. Запахи, звуки. Ф-фух, кончилось. Ничего себе он убежал. Выскочивший из-за дерева дозорный мало не схлопотал мечом. У Ирила все еще дергались руки.

— Потери? — коротко бросил Ланья, подойдя к Швайцеру.

— Нет,— покачал головой тот.

— «Черная рука»?

— Не появлялась.

— Хорошо. Не стоим,— Ланья помотал головой, отгоняя мутную одурь остатков транса.

Группа двинулась дальше, петляя меж редеющих деревьев. О-хо-хо, что-то ждет дальше.

Глава 39

Мерное потрескивание туго натянутых линий успокаивало. Все на месте. Ничего не пропало, не изменилось. Он тут не был давно, очень давно. Кто был тут без него?

Огромный змей возвращался домой. Он прошелся по лесу, пожирая всех, кто попадался на его пути. Кто-то молчал, кто-то пытался сопротивляться. Один даже почти добрался до его шкуры. Он был быстр. Очень быстр и очень зол. Но все они все равно отдали свои линии тиххину. Невкусные. Неинтересные. Простые. И линии у них простые. Не то что дома. Тиххин шел домой.

И только в одном месте магический змей не добился успеха. Линии. Там были почти такие же линии, как и дома, только висели они по кругу. Но непонятные. Непонятные линии. Все остальные линии тиххин видел насквозь. Он мог их забрать себе, мог изменить. Он понимал, что они такое. А эти — нет. Они не такие. Они висели по кругу. И не пустили его. Не пустили! И он ничего не смог с ними сделать. Нет, он бы их порвал, но за этими линиями сидел Другой. Тоже непонятный. И страшный. Как там, дома, когда эти козявки открыли центр. Этот Другой, он сам был центром.

Сначала Другой ничего не делал. Он просто был. Но когда тиххин захотел порвать его линии, Другой зашевелился. Он открыл все свои глаза, много глаз. Зашевелил своими длинными лапами, много лап. И открылся. Как центр. И оттуда глянуло то же, что из центра. Страх!

Тиххин захотел уйти. Но Другой вдруг бросил свои линии, и они оплели его всего. Он почти перестал двигаться. Но страх оказался сильнее. Тиххин рванулся — и ушел. Унес немного «других» линий и ушел. Если центр пришел сюда, если страх пришел сюда, значит, его дома нет. И можно идти домой. А он и не знал, что страх ходит по лесу. А теперь тиххин шел домой. И снова хотел есть. А его ждали линии. Много. Вкусные. А страха он больше не хочет. И козявок больше не хочет. Они тоже страшные.

— Долго нам еще идти? — поинтересовался Колобок, прихлебывая горячий дош. Ответа не последовало. Вольды и маги отдыхали.

Команда уютно устроилась на обрыве над небольшой речушкой, весело катящейся по своим делам куда-то вглубь Территорий. По ней бы и идти: она мелкая, значит, опасных Тварей в ней нет, но — увы. Идти по берегу получилось всего полдня. Затем речушка круто сворачивала, а магам нужно было дальше.

Вообще, выход получился странно легким. За все время пути они не встретили ни одного мало-мальски серьезного противника, не считая того перепуганного сотта. Твари как будто сами убирались с их дороги. Никого крупнее коссади в лесу не было. Только один раз вчера они наткнулись на одинокого вельяна, но и там пронесло. Тварь явно куда-то спешила, по сторонам не смотрела и, промелькнув на приличном расстоянии, скрылась в лесу. Вольды даже позубоскалили по этому поводу. Мол, сбываются предсказания Тооргандо. Скоро при одном упоминании Команды Твари будут разбегаться и прятаться.

— Может, кто-нибудь все-таки ответит? — Колобкин посмотрел на Шамана.

— Так,— потянулся тот.— Кто еще меня не спросил про это? Слушайте все, больше повторять не буду, надоело. Таким темпом, по моим расчетам, нам идти завтра и полдня послезавтра. Гемар Тооргандо подтверждает. Подтверждаешь? — Шаман посмотрел на Тора. Тот кивнул.— Именно. Поэтому сегодня еще переход, вечером спать, завтра еще побегать, а потом будем серьезно готовиться. Всё, и больше ко мне не приставайте.

— Понятно,— Колобок хлюпнул горячим дошем.— А знаете, я тут регулярно проверяю линии на предмет того, чтобы можно было без проблем домой уйти, так вот что я вам скажу.

Колобкин сделал большой глоток доша и потянулся за сигаретой.

— Да не тяни ты,— Кащей только повернулся к нему, ждать он был не готов.

— Не тяну,— пыхнул сигаретой Колобок.— Линии стали ярче и крепче. Если так пойдет дальше, то возле объекта либо придется прорубать портал без гарантий качественной работы, либо добро пожаловать обратно.

— Ты маркер оставь на том месте, где ты портал еще построить сможешь, а дальше — нет. Чтобы мы понимали,— отозвался Шаман.

— Оставлю,— согласился Колобок.— А ты что, планируешь обратно без меня идти?

— Я обратно вообще не планирую пока,— Шаман сдвинул брови к переносице и стал похож на расстроенного сенбернара.— Обратно можем запросто без любого отправиться. А можем и вовсе не отправиться. Так что любые закладки лишними точно не будут.

— Что случилось, Пелоц? — поднял вдруг голову Тооргандо, увидев подходящего напарника.

— Не могу сказать точно,— хмурый Пелоц подошел к костру и налил себе немного доша из походного котелка.— Но что-то такое в воздухе носится. Нехорошее. Где-то у нас справа что-то происходит. Не чувствуете?

Маги замолчали, стараясь внимательно просмотреть окружающий их фон.

— Действительно,— первым отреагировал Кащей.— Что-то такое на грани восприятия. Если не ошибаюсь, очень много страха, злости. И это все клубком как-то висит.

— И линии гудят, прислушайтесь,— поднял палец Колобок.

— Давайте-ка собираться,— поднялся Тооргандо.— А то как бы этот клубок до нас не докатился.

— Ложись! — Ланья подсек одного из земных магов, и тот мешком свалился на землю. Над ними пронесся сгусток слизи.

Та-да. Та-да-да-дах. Раздалась сбоку автоматная очередь.

Сучковатое бревно, стоящее вертикально, шустро повернулось в сторону стрелка и плюнуло таким же сгустком. Не попало.

Та-да-дах. Полетели щепки, один из сучков отвалился и упал на землю, извиваясь. Еще один плевок.

Про такую пакость Ирил и слышал-то всего лишь однажды, а уж видеть... Сухое дерево, стоящее возле звериной тропы, внимания дозорных не привлекло. Что это такое, все поняли только тогда, когда в спину одному из проходящих мимо бойцов попал как раз вот такой сгусток. Парень растаял просто на глазах. Взвин-

ченные за последние дни нервы сослужили группе добрую службу. Все мгновенно попрятались за настоящие деревья, и больше никто не пострадал. Пока. Если не считать Степу. Как только Тварь себя обнаружила, Степа тут же отоварил ее чем-то из своих запасов... И покатился по земле, воя от боли, сжимая руками голову. Ланья потянулся к линиям и замер. С магией к этой Твари лучше было не подходить. Она вся так и щетинилась наростами на коконе из линий, в который она была завернута. Наросты шевелились, набухали, опадали, раскачивались из стороны в сторону и готовы были схватить любое магическое образование, появляющееся рядом.

Один из землян пустил простенький узор. Как только он приблизился к Твари, сразу несколько наростов рванулось на перехват. Поймав узор, они тут же выстрелили чем-то донельзя отвратительным вдоль линии, подпитывающей его. Землянин дернулся, как от удара током, а Тварь, мгновенно развернувшись, тут же плюнула в него своим сгустком. Но к нему успел Ланья.

— Уходим,— воевать тут было бесполезно.

А вот и нет. Тварь, даром что дерево деревом, а переместилась мгновенно, перекрывая путь. Плевок, еще плевок. Стволы деревьев, за которыми прятались люди начали истаивать, исходя гнилым дымком. Пришлось перебегать. Тварь тут же этим воспользовалась. Швайцер, летящий кувырком между деревьями, чуть не поймал порцию мутной кислоты.

— У-и-и-и!

Компайя. Этот-то как здесь оказался? За ними шел? Ну да неважно. Все равно его уже нет. Сгусток слизи облепил Тварь с головы до ног. Контуры тела ее тут же поплыли, смазались, начали истаивать. Ирил пригляделся, что происходит с магией, и нахмурился: к умирающему компайе присосалось сразу с десяток наростов. Они вздрагивали, перекачивая что-то в дерево. «Бревно» на минуту замерло.

— Йохан, врассыпную! — прокричал Ирил прячущемуся Швайцеру.— Сбор впереди через километр.

Швайцер поднял ладонь и два раза сжал и разжал ее. Принято.

Стараясь укрываться между деревьями — лес как назло проредился — Ирил начал отползать. Остальные поступили так же. Тварь поняла маневр и заметалась, стараясь поймать в прицел кого-нибудь. Плевок, плевок, плевок. Да откуда в сухой деревяшке столько кислоты?

Группа рассыпалась по лесу, исчезая в дыму истаивающих деревьев.

— Иохан.

— Тут.

— Все на месте?

— Степы нет.

— Кто нес?

— Вот они!

Меж деревьев показались двое бойцов, несущих постанывающего Степу.

— Двинулись, двинулись! Привал через километр.

Когда обессиленная группа вповалку улеглась в подходящем овражке, Ланья всё же заставил себя отправиться вперед на рекогносцировку. Лучше бы он этого не делал. Оглядывая след огромного змея, тянущийся насколько хватало глаз, Ирил только и смог, что с силой провести по волосам ото лба к затылку. Вот только тиххина им сейчас и не хватало. Всё, высшая лига. Дальше только Паук. Но им и тиххина хватит за глаза и за уши. Они сюда-то чудом добрались, потеряв всего троих.

— Так,— Ланья аккуратно спустился в овраг.— Сейчас немного отдохнем, а потом очень быстро перебираемся через след тиххина, который впереди. На самом деле быстро. Кто такой тиххин, помните?

Нестройный хор заверил, что нет, не помнят, но да, конечно же, все помнят.

— Ясно,— вздохнул Ирил.— На лекцию времени нет, но вкратце так: тиххин — полумагическая Тварь, питающаяся исключительно магией. Хотя любое живое существо может и проглотить. Если не съест, то убьет точно. По виду — огромная змея. Чешуя не берется ничем. За всю историю победили тиххина лишь однажды. Отличился Мастер Ацекато с командой Теренса. Тиххин их проглотил, но они чего-то там в животе у него сотворили, и он их выплюнул. А потом сдох.

— Прям Иона в животе кита,— хмыкнул один из земдян.

Ланья пропустил мимо ушей незнакомое высказывание.

— Но Мастера Ацекато здесь нет,— он покосился на магов, не обидел ли, кто их знает,— а мы и близко не команда Теренса. Если нас тиххин увидит — прощайтесь с жизнью. Разве что наши уважаемые маги придумают нечто особенное. Я, например, пас. Мне тиххину противопоставить нечего. Поэтому,— он сделал паузу, привлекая внимание,— поэтому определяю,— вспомнил он словечко Сержанта,— после отдыха выбираемся отсюда и двигаемся максимально быстро.

Его прервал тихий стон. Стонали все. За последние дни еще не было и часа, чтобы они двигались медленно. Люди просто ломались.

— Напоминаю,— сжал зубы Ланья.— Мы в дне пути от объекта. А встреча с тиххином — это гарантированная смерть.

Тут он немного поправил себя: встречи с большинством Тварей, которых они оставили сзади, по всем канонам вольдов тоже были верной смертью. Ничего, живы до сих пор. Даже странно. Но поправил он себя исключительно внутри. А снаружи его вид всё же убедил группу.

С тяжелыми вздохами люди начали в который раз проверять снаряжение, подгонять его и внутренне настраиваться на еще один бросок. Ланья поймал взгляд Швайцера и прикрыл глаза: «держись». Тот в ответ слегка повел плечами: «держусь». За все это время они мало разговаривали не по делу, но Ирил почувствовал к старшему определенную симпатию. Если получится выжить, они могли бы стать друзьями. Он улыбнулся и побрел к Шатуну.

— Жив?

— С переменным успехом,— флегматично отозвался тот. Снаряжение Шатун никогда не разбрасывал, так что его сбор представлял собой всего лишь проверку наличия.— Сыграем в Мастера Ацекато?

— Типун тебе на язык,— перепугался Ланья.— Вот болтун. Ты бы делом занялся.

— Каким? — поинтересовался Шатун.

— Нужным,— съязвил Ирил.— Ты с землянами общался на предмет того, что будем делать, когда дойдем?

— Последние несколько дней нет, как ты понимаешь,— улыбнулся Шатун.— Времени не было. А до этого пытался. Как раз перед соттом. Угадай, куда меня послали?

— По лесу прогуляться,— хмыкнул Ланья.— Да уж, необщительные нам попались попутчики.

— Что ты,— потянулся всем телом Шатун.— Секрет на секрете, не подходи. Здорово, да? Вроде мы и часть Земли, а вроде и нет. Так что мое дело, да и твое, просто смотреть, что и как они делают. Если разрешат.

— Куда денутся,— фыркнул Ирил.— Охранять кто будет?

— Вряд ли им нужна охрана,— задумчиво протянул Шатун.— Ты, может, за всей этой беготней не заметил, но выжили мы исключительно благодаря им. Они в драку не лезли, подключались только тогда, когда бойцы проваливались. Но если они вступали, то тут Тварям и конец приходил. Очень подготовленные ребята.

Ланья задумался, припоминая. А ведь Шатун прав. За всей напряженностью последних дней Ирил и не обратил внимания на то, как и когда действовали земные маги.

— Думаю, по подготовленности они с Шаманом или Мастером Ацекато могут потягаться. Недолго, но могут.

— И с Васей,— задумчиво проговорил Ланья.

— Вряд ли,— не согласился с ним Шатун.— Они все-таки не бойцы, а Вася на драку настроен постоянно. У него это естественное состояние. Но если ты имеешь в виду потенциал, то — да.

— Ладно,— Ирил оглядел почти готовую к выходу группу.— На месте будем разбираться, кто что делает. Сейчас нам дойти надо. Не нравится мне этот тиххин.

— Он вообще мало кому нравится, доложу я тебе,— Шатун с кряхтением поднялся.

След они пересекли на удивление спокойно. Ни одной Твари вокруг. Ну хоть какая-то польза от страшного соседа. Деревьев вокруг становилось все меньше, а часа через два вообще началось редколесье, просматриваемое со всех сторон. Ланья не позволял останавливаться ни на секунду. Вперед, вперед, вперед.

Наконец начало темнеть. Ирил объявил привал. Выбора особого не было, пришлось останавливаться на ночевку прямо посреди леса, срубив несколько деревьев и устроив импровизированные баррикады из поваленных стволов. Защита, конечно, слабая, но хоть что-то.

— А вы заметили, что после следа не появилось ни одной Твари? — поинтересовался отошедший от удара Степа, когда все уже устроились, а маленький костерок весело потрескивал в вырытой яме, разогревая долгожданные консервы.

— Угу. И даже «Черная рука» куда-то делась,— с набитым ртом отозвался связист.

— Испугались тиххина? — предположил Шатун, глядя на полковника.

— И это тоже,— неспешно кивнул он.— Но я думаю, дело в объекте. Посмотрите линии, ничего не чувствуете?

Маги начали изучать напряженные линии хальер.

— Странные они какие-то,— оторвался от созерцания Степа.— Неприятные.

— Именно,— снисходительно улыбнулся полковник.— А что в них неприятного? Попробуй объяснить.

— Они вроде крепкие, натянутые, но... — Степа приглядел-ся,— есть в них какая-то дрожь. Внутри.

— Правильно,— удовлетворенно поднял палец полковник.— Дрожь. Поэтому-то здесь никого и нет. Мы, люди, к магии слабо чувствительны, нам эти колебания только с четвертой попытки

разглядеть получается. Конечно, чувствуем что-то. Вот, к примеру, кому-нибудь спать хочется?

Группа удивленно загалдела. Действительно, несмотря на безумную неделю, несмотря на изматывающий день, спать и вправду никому не хотелось, хотя предыдущие дни все валились как убитые.

— Так вот,— продолжил лекцию полковник.— Мы только на подсознательном уровне что-то ощущаем. А Твари, особенно те, которые используют магию или хоть чуть-чуть состоят из магии, они этот диссонанс чувствуют очень хорошо, вот и не суются сюда. Страшненькие-то линии на самом деле. Как будто на том конце сидит что-то. Держит линии и не отпускает. Но вот-вот отпустит.

— Наши? — предположил связист и смешался от собственной глупости. Но полковник не стал тыкать его носом.

— Посмотрим. За тем сюда и идем. Но я полагаю, что всё гораздо сложнее.

— А почему тогда на расстоянии дрожь не чувствуется? — серьезно спросил Шатун.— Ведь эти линии идут далеко, по всем Территориям, а может, и по всему Пестику.

— Не знаю,— честно признался полковник.— Может, затухающие колебания? Хотя, по идее, что-то да должно дойти и на дальние расстояния.

— А может, на том конце и нет ничего? — предположил Степа.— Может, это просто место, откуда они все выходят?

— Место, где рождается магия? — негромко рассмеялся полковник.— Извини, но это было бы слишком просто. Нет, там что-то другое.

— А тиххин? — напомнил Ланья.— Тиххин почему не боится? Он-то вообще почти весь из магии состоит.

— Тоже нет ответа,— вздохнул полковник.— Я этого тиххина пока не видел, ничего не могу сказать. Может, он сам по себе порождение этих линий. Или еще что-нибудь. Исследовать надо.

— Да уж,— проворчал Ланья.— Его исследуешь.

После этого разговор завял, и, несмотря на всеобщие заявления о том, что спать никому не хочется, лагерь все же угомонился.

Следующие полдня прошли без приключений. Совсем. Группа, привыкшая к беспрерывным атакам, даже немного напряглась. Слишком резко все прекратилось. Лес вокруг редел, но не кончался. Жизни не наблюдалось никакой. На фоне прошлых дней это всерьез било по напряженным нервам. Много сладкого портит фигуру, втолковывал всем Шатун.

— Никто ничего не чувствует? — Степа непрерывно вертел головой, как будто ему жал воротник.— Душно.

— Душно? — рассеянно переспросил полковник.— Нет, тут холодно.

— Какое там холодно,— прохрипел один из землян, лысоватый толстячок, обливаясь потом.— Да тут как в бане.

Ланья с тревогой посмотрел на группу. В глазах у каждого появилось нечто странное. Как будто все попробовали тех грибов, которые на севере используют для расслабления. Ирил помнил любителей этого блюда. Рассеянный взгляд, бессвязная речь, абсолютное пренебрежение к окружающему миру. Нечто похожее просматривалось и сейчас. С чего бы? Ланья проверил свои ощущения. Ничего. Усталости, правда, и в помине нет, а должна была бы быть. Интересно, что там впереди, но не более.

— Шатун.

— Да,— Шатун смотрел на мочку правого уха Ирила.— Что случилось.

— С тобой все в порядке?

— Отлично,— заверил его Шатун, хотя Ланья не был бы столь категоричен. Да что такое?

— Шатун, очнись,— Ирил схватил его за плечо и немного встряхнул.

— Не трогай меня,— вырвался Шатун.

— Да что с тобой?! — Ланья еще раз чувствительно встряхнул друга. Тот мотнул головой — и ничего не произошло. В отчаянии Ирил залепил Шатуну пощечину. Подумал и добавил еще пару раз.

— Отвали! — возмущенно задергался тот.— Сдурел?!

— Хвала Несуществующим, проснулся,— выдохнул Ланья. Из глаз Шатуна действительно ушла отстраненность.

— Что с тобой?

— Не со мной, а с тобой,— Ланья развернул приятеля к мерно шагающей группе.— И с ними. Посмотри сам:

— Э, а что-то тут не так,— прищурился Шатун.

— Да что ты? — съязвил Ирил.— Сам такой только что был. Эй, не спать.

Он опять встряхнул за плечи Шатуна.

— Слушай, что происходит? — испуганно спросил вернувшийся обратно в свою голову Шатун.— Я плыву. Я одновременно и там и тут. Не могу, уплываю.

— Сумку давай,— Шатун опять свалился в транс, и Ланья от всей души опять врезал ему по щеке.— «Демаг» у тебя есть?

— Есть,— Шатун мотал головой, отгоняя наваждение. Врезал себе по лицу раз, еще.— Синий. Ты там сам глянь, не справляюсь больше.

И опять пропал. Осталась кукла, шагающая за остальным стадом. Ланья судорожно схватился за оставленную сумку. Чего тут только нет?! Да, запасливый товарищ попался. И где этот синий? Синих амулетов набралось пять. Какой из них?! Это? Нет, заморозка. Этот? Опять нет, лекарство, вон написано. Три. Два одинаковых, один нет. Один — это что? Ланья принюхался. Гадость какая-то, блокиратор магии так не пахнет, видел он его. Значит — оставшиеся два.

Долой крышку. Активатор. Амулет — на шею Шатуну. Только бы это не граната очередная оказалась. Амулет вспыхнул и погас. Не работает?

— Ирил, что это было?

— Да Твари его знают,— Ланья чуть в обморок не грохнулся от облегчения.— Держи второй.

— Сам держи,— отмахнулся Шатун.— Как у меня крыша поедет, сразу вешай. Жуть.

— Что чувствовал?

— Да ничего особенного. Там впереди всё интересно, там здорово. Усталости никакой, вперед, вперед и вперед.

— А куда вперед?

— Да черт его знает,— развел руками Шатун.— Слушай, а ты тоже на «демаге»?

— Нет,— покачал головой Ланья.

— А как же тогда?..— поразился Шатун.

— Не знаю. Само так получилось. Мне тоже очень интересно, что там за холмами, и усталости нет и в помине, но ноги сами никуда не несут.

— За холмами? — удивился Шатун.— Какими холмами?

Они огляделись по сторонам. Лес, сколько ни смотри.

— Я тоже был уверен, что за холмами,— тихо подтвердил Шатун.— И в том отчете было.

Его голос упал до шепота.

— По-моему, мы в какую-то ловушку попали,— Ланья напрягся.— У кого еще в комплекте «демаги» были? Вспоминай.

— Не знаю,— растерялся Шатун.— Степа?

— Где его сумка?

— У него.

— За ним.

Они рванули вслед уже далеко утопавшей группе.

— Не Степа,— на бегу выдохнул Шатун.— На полковника вешай.

Ирил догнал полковника, идущего вторым, запустил амулет и набросил на шею землянину.

— Где мы? — завертел головой полковник.— Где холмы?

— Нет холмов,— выпалил добежавший Шатун.— Нас накрыло каким-то узором. «Демаги» справляются, но их надолго не хватит. Не берет только Ланью.

— Почему? — остро глянул полковник.

— Откуда я знаю,— развел руками Ирил.

— Так,— землянин перекинул на живот свою сумку.— У меня есть несколько штук. Держи,— протянул он один амулет Ирилу.— Буди Петровича.

— Кого? — не понял Ланья.

— Петровича, толстяка нашего,— пояснил полковник.

— Почему только его? — спросил Шатун.— А остальные?

— Остальных он сам разбудит.

— У него «демаги»,— понял Ирил.

— Петровичу не нужны «демаги»,— ухмыльнулся полковник и, не дожидаясь дальнейших расспросов, пояснил: — Это он «демаг» и придумал.

Ирил так с разинутым ртом и побежал догонять Петровича, путаясь в жухнущей траве. Ай да землянин! Ай да толстячок! Похожий на «демаг» узор еще даже Улитарт не доделал до конца. А тут Петрович. Который и в Пестике-то до этого не был. Дела-а.

Петрович на удивление легко вышел из транса. Мгновенно поняв задачу, он отправил Ланью обратно к полковнику, а сам занялся приготовлением своего узора. Полковник стоял прислушиваясь к чему-то.

— Слышишь? — без перехода спросил он Ланью.

Ирил прислушался. В шум деревьев вплеталось какое-то потрескивание.

— Треск какой-то.

— Что скажешь?

— Что-то приближается,— выдал Ланья.

— Гениально,— Шатуна ерничать не отучат ни магия, ни Твари.— И как ты до этого дошел?

— Ногами,— огрызнулся Ирил.— Я не знаю, что это за потрескивание. Если знаешь — скажи.

— Я боюсь, что мы очень скоро это без всяких подсказок узнаем,— мрачно напророчил Шатун.

— Я гляжу, Петрович уже справился,— присмотрелся к происходящему неподалеку действу полковник.— Пойдем-ка, послушаем.

Расколдованная группа потерянно топталась на месте. Никто не вышел из транса так легко, как полковник и Петрович. Маги

держались за головы, аутично раскачиваясь из стороны в сторону, бойцы просто сидели на земле без сил.

— Доклад,— бросил полковник.

— Вокруг метров на двадцать купол-демаг,— начал Петрович. Ланья чуть челюсть не потерял, во дает толстячок.— Продержу сколько надо. Тут хорошие опорные линии. Потерь нет. Эти,— он показал рукой на группу,— через полчаса отойдут. Плохо то, что не могу разобрать, как нас накрыли. Не видно узора. И если бы не Ирил,— Петрович слегка поклонился Ланье,— нас бы уже как баранов перерезали. Или что там они собирались сделать. Судя по интенсивности и направленности воздействия, жалеть нас не стали бы. С первой группой, похоже, можно проститься.

— Выводы? — поинтересовался полковник.

— Пока нет, Сережа, дай отдышаться,— взмолился Петрович.

— Отдышишься, а потом?

— Ты прав,— вздохнул Петрович,— потом ничего. С демагом на шее не поколдуешь, а без демага накрывает. Не знаю,— пожал плечами он.

Полковник повернулся к Ланье. Минуту он задумчиво разглядывал его, а потом вздохнул:

— Вот черт, ты ведь даже не из Красного Замка.

— Интересно,— возмутился Ирил,— откуда же тогда я?!

— Я не про то,— досадливо отмахнулся полковник.— Ладно, выхода все равно нет. Слушай сюда. Раз тебя эта зараза не берет, то придется, малыш, тебе одному все проверять. Я тебе сейчас методику покажу и амулет дам, просканируешь все вокруг. А потом будем разбираться что к чему.

Ланья решил пока пропустить мимо ушей «малыша».

— А к чему эти сожаления по поводу Красного Замка?

— А к тому,— проникновенно поведал полковник,— что методика эта сильно секретная. Ни у нелюдей, ни у Братства такой нет. И нам очень не хочется, чтобы она у кого-нибудь появилась.

— Почему? — не понял Ирил.— Ладно Лепестки, а Братство-то тут при чем? Не свои, что ли?

— Где были эти свои, когда нелюди атаковали Красный Замок? — жестко спросил полковник.— Ты там тоже, между прочим, погибал, а ван Брюккен в это время сидел на берегу озера и ждал, чем все закончится. И где твое Братство сейчас? — Он обвел рукой окрестности.— А ведь Ацекато знает, что у нас группа пропала.

Ланья смотрел на невысокого человека, который из заносчивого мага, члена команды, стремительно превратился в кого-то другого. Смотрел — и не знал, что ответить. В словах землянина была правда.

— Так люди же... — только и нашелся Ирил.

— А я не говорю, что мы теперь друг друга знать не хотим,— прищурился полковник.— Просто есть вещи, которые не должны до времени становиться достоянием общества. Ты не забыл, что Земля все еще воюет с Лепестками? И что затишье длится только потому, что нелюди не знают, как до нас добраться? А что будет, если я новый узор в Улитарте представлю?

Ланья опять открыл было рот, подумал и закрыл.

— Что будет? Скажи,— настаивал полковник.

— Через неделю его сможет изучить любой желающий. А еще через несколько месяцев его научатся запихивать в магиприпасы,— тихо ответил Ирил.

— Именно,— припечатал землянин.— Будет нужда — мы без колебаний придем на помощь Братству, но разбазаривать драгоценные знания, добытые пóтом и кровью наших солдат, мы не хотим. И поэтому я с тебя возьму клятву, что ты никогда и никому не расскажешь о том, чему я тебя сейчас научу. А по приходе на базу ты пообщаешься с Рябоцким, и он тебе детально разъяснит всё, о чем у меня сейчас времени нет говорить. Ну что, идешь сканировать?

— Можно подумать, у меня выбор есть,— огрызнулся Ирил, но сделал это исключительно из вредности.

Полковник понял:

— Тогда смотри сюда,— он открыл сумку.

— ...так что, спасибо Ирилу, теперь знаем, что происходит,— полковник поджал губы и выразительно оглядел столпившихся вокруг людей.— Мысли есть умные?

— Одновременно и хорошо и плохо,— глубокомысленно выдал Степа.— Хорошо, что это просто общий фон, и нет конкретного врага. То есть, если мы что-нибудь придумаем, планы менять не придется. А плохо,— он вздохнул,— тоже что нет конкретного врага, которого убил — и все проблемы кончились.

Полковник, внимательно слушавший эту сентенцию и честно пытавшийся найти в ней рациональное зерно, несколько секунд жевал губами, явно сдерживаясь.

— Молодой человек,— наконец с трудом родил он,— в дальнейшем я попрошу вас и всех остальных,— он поднял голову,— воздержаться от качественных оценок происходящего. У нас нет конкретного врага, у нас есть конкретная задача — добраться до объекта. Он там, а мы здесь, и выйти из-под купола-демага мы не можем. Я хочу услышать предложения на тему «что делать»,— последнее слово землянин выделил голосом.

— А почему не можем выйти? — подал голос Ирил.— Можем. Ну попадем все под узор, то есть этот общий фон. И что? Он так и так заставляет нас идти к объекту. Вот и пойдем. Просто снабдим сараси Петровича,— он проигнорировал смешки,— амулетами, я пойду рядом для подстраховки. А на подходе опять накроем всех демагом.

— Мысль дельная, в принципе,— задумчиво протянул полковник.— Но есть недочеты. Идти нам долго, а по мере приближения, я полагаю, интенсивность фона будет только возрастать. Мы сейчас-то, на подступах, по полчаса очухиваемся от этой гадости, а перед объектом можем и целый день в лазарет играть. Петрович,— повернулся он к толстяку,— ты точно не сможешь купол перемещать?

Петрович отрицательно замотал головой.

— А сутки демаг держать сможешь?

— Смогу, наверное,— отозвался тот.— По тому же принципу. Это уже здесь линии хорошо подходят как опорные для купола, а там можно будет крепость строить. Вот только удержит ли демаг напряжение поля такой силы?

— Не принимается даже как версия,— отмел последний вопрос полковник.— Если это хоть на минуту допустить, то нам прямо сейчас надо домой поворачивать. Ты готов?

— Нет,— вздохнул Петрович.

— Тогда давайте еще думать.

«Еще» думали около часа, но ничего лучше варианта, предложенного Ирилом, не придумали.

— Ну что,— подвел черту под дебатами полковник,— решили? Начинаем.— Он посмотрел на Ланью.— Только разбуди меня, сынок, прямо перед куполом. Еще раз добровольно нырять в эту гадость не хочется. Ладно?

«Я вам не сынок»,— хотел было ответить Ирил, но обижать полковника было не за что. А потом стало еще и некогда.

Глава 40

— Уже все? — морщась от боли, спросил полковник.— Пришли? — Он огляделся и недоуменно посмотрел на Ланью.— А где объект?

— Нет объекта,— Ирил сжал челюсти.— Я принял решение остановить и разбудить группу.

К чести полковника, он не стал тратить время на всякую ерунду, вроде явления начальственного гнева и требования объяснений. Раз остановил — значит, надо.

— Что случилось?

Ланья обвел пальцем круг в воздухе:

— Прислушайтесь.

Тот честно, превозмогая боль (прогнозы относительно увеличения интенсивности поля сбывались), постарался прислушаться, но ничего не вышло. Вокруг стонала от боли вся группа.

— Ч-черт,— замотал головой полковник, пытаясь вытрясти из головы мутную дурь. И тут же скривился еще сильнее, движение оказалось лишним.

— Сюда подойдите,— Ланья, как ребенка, взял его за руку и подвел к краю купола-демага, вновь раскинутого Петровичем.— Слышите?

— Да,— ответил полковник, забывая про головную боль,— теперь слышу.

И действительно, не услышать давешнее потрескивание сейчас было невозможно. Оно не было громким или оглушающим, оно просто заполоняло все вокруг. От него невозможно было укрыться, даже зажав уши. Оно все равно вползало в голову, наполняя ее электрическим шумом, от которого невозможно укрыться.

— Что это? — Полковник посмотрел на Ланью.

— Если я ничего не путаю,— мрачно ответил Ирил,— то к нам приближается тиххин.

— Та самая Тварь, про которую столько говорили? — уточнил полковник.

— Именно.

— И что ты собираешься делать?

Именно так: что «ты» собираешься делать. Потому, что никому из группы из-под купола не выйти. Хотя почему не выйти?

— Надо определиться с количеством демагов и с наличием боеприпасов. Я попробую что-нибудь сделать с куполом снаружи, чтобы понимать, насколько мы уязвимы. Вас я попрошу подготовить оружие, особенно гранаты, и что у вас там есть еще, что может поразить огромную змею. След вы видели, можете судить о размерах.

Полковник внимательно выслушал Ланью, потом кивнул, соглашаясь:

— Принято, делай.

Развернулся и пошел к группе выполнять распоряжение. Ланья секунду посмотрел ему вслед, потом вздохнул и побрел из-под купола. Надо и правда посмотреть, что с ним можно сделать.

Ирил стоял в десяти метрах от черты, за которой начинался купол, тупо смотрел перед собой. Что он делает? Зачем? Воевать в таком составе против тиххина — самоубийство. С одной стороны. А с другой — что, кто-то предлагает выбор? Или то, что они сюда дошли, не было самоубийством? Все равно больше ничего не остается. Ирил встряхнулся и посмотрел на предупрежденного Петровича. Тот поднял большой палец: всё готово.

А вот и хорошая новость. Для разнообразия. Купол не брался. Никак. Таранные узоры, энергетические, расплетающие, «трояны», как их почему-то называл Шатун,— ничто его не брало. Ирил опять посмотрел на Петровича. Тот покачал головой: ничего не чувствую. Ирил постарался рассмотреть купол в плетении линий, лелея робкую надежду. Может, он просто невиден, и тиххин не заметит его? Как же. Демаг зиял, как большая дыра посреди поляны. Пройти мимо такого зрелища не сможет никто. Н-да, ничего не остается, как тихо дожидаться гостей. И либо добавить к рассказам про победы еще и описание победы над тиххином (хотя им и так хватит подвигов), либо уже никому ничего не рассказать. Вот обидно, столько пройти, чтобы в конце сдохнуть. Хотя — когда дохнуть не обидно?

Ирил доковылял до купола. Люди потихоньку отходили от очередного удара, стоны стали значительно тише. Ланья подошел к Петровичу и уселся рядом с ним на свой мешок. Все равно там уже ничего стоящего не осталось.

— Сараси Петрович,— позвал он.

— Да,— со смешком отозвался тот.— Только не зови меня больше «сараси», ты ж человек.

Ланья вздохнул. Как объяснить, что не принято обращаться по одному имени к незнакомому существу старше тебя по возрасту.

— Я хотел спросить,— поинтересовался Ирил.— А вот вы ставите демаг, правильно?

— Ну,— Петрович не очень понял, куда Ирил клонит.— Ставлю.

— И держите, а потом снимаете. А как вы это делаете без магии?

— В смысле — без магии? — не понял Петрович.

— Ну, демаг, он же блокирует магию. Под ним нельзя плести узоры. Как же вы тогда это делаете?

— Кто тебе сказал, что нельзя? — удивился Петрович.— Ты пробовал?

— Нет,— ошарашенно ответил Ланья.

— Попробуй,— хохотнул Петрович.— Много нового узнаешь.

Ланья потянулся к линиям. Есть. Сплести из них узор. Получилось. Он поднял удивленные глаза на землянина:

— А как же это?..

— Сынок,— улыбнулся Петрович.— Демаг не топор. Он не обрубает линии. Это скорее резиновый сальник и амортизатор. Он выпрямляет линии, возвращая их в естественное состояние. Посмотри сам. Снаружи — та самая дрожь, из-за которой все в кому впадают. А внутри ее нет. Демаг — зеркало, мягкое зеркало, внутри которого просто воссоздается естественное состояние всех линий. При прохождении через него искусственные изменения убираются. Ведь что такое узор — насильственное придание линиям несвойственной им формы. А демаг это все выравнивает так, что внутри купола можно точно так же колдовать, как и везде.

— А наружу мой узор выйдет? — заинтересовался Ирил, не обращая внимания на режущее ухо словечко «колдовать», которое использовали все земляне.

— Не-а,— покачал головой Петрович.— Демаг выравнивает все линии, через него проходящие.

— Понятно,— задумчиво протянул Ланья.— А я думал, что он линии обрезает.

— Ну да,— фыркнул Петрович.— Поди попробуй, обрежь линию. Как ты себе это представляешь?

Ланья пожал плечами.

— Или ты имел в виду построение чужеродного объекта, который будет существовать вне линий и раздвигать их, освобождая место?..

— Ага,— закивал Ланья.

— Ну, такие разработки тоже ведутся, но у них есть два больших минуса.

— Какие? — С Петровичем было интересно разговаривать. И от тиххина отвлекает, да еще и каждое его слово звучит как откровение. Все учителя Ирила преподавали ему предмет магии исключительно на практике. По-другому. Вот тебе узор, смотри, что с ним и с похожими можно сделать. Петрович же простыми словами описывал первооснову создания узоров.

— Первое: это очень затратная штука в плане энергии. Безумно тяжело вставить в магию кусочек безмагии. Заметь, ни в одном блокираторе не предусматривается полное отсутствие линий. Не видел? Обрати внимание при случае. И второе: лично я считаю это направление абсолютно бесперспективным.

— Почему? — удивился Ланья.

— А зачем оно нужно? — улыбнулся Петрович.— В повседневной жизни безмагия имеет только одну практическую ценность — прикрытие больших площадей при магической атаке. В этом слу-

чае обычное вооружение становится преимуществом. Всё. Во всех остальных случаях гораздо проще и дешевле усовершенствовать имеющиеся блокирующие или деблокирующие узоры. Да и при работе на больших площадях эффективнее и дешевле нанять небольшую армию, оснащенную магиприпасами. Всё равно она там будет присутствовать для обороны этих площадей. И еще одно,— он хитро улыбнулся,— магия очень удобна в повседневной жизни. Без нее плохо. А пользоваться ею в зоне безмагии — замучаешься. Это же каждый раз надо снимать и ставить блокирующий узор.

— Угу,— задумался Ланья. Толстяк Петрович открывал ему жизнь с совершенно другой стороны.

Но как следует поразмыслить не вышло.

— Смотрите, смотрите,— раздались крики со всех сторон.

Ирил подпрыгнул на месте, ища взглядом, что произошло. Нашел...

Меж дальних деревьев, где проходя между ними, а где и по ним, ломая стволы, будто сухую траву, неспешно посверкивая серебристой броней чешуи, вытекало тело огромной змеи. Ирил замер. Он знал, что тиххин большой, но что он велик настолько, даже предположить не мог.

Огромная голова неспешно поворачивалась из стороны в сторону, осматривая свои владения. Повернувшись в сторону людей, она на секунду замерла. Два глаза моргнули и уже не отпустили странное образование, расположенное как раз по ходу движения змея.

— Попали,— услышал Ирил тихий голос одного из бойцов.

Боец рефлекторно поднял автомат, единственную, хоть и призрачную защиту, и передернул затвор. Лязг оружия как будто бы пробудил людей. Все подпрыгнули, заметались. Но тут мгновенно вступил полковник.

— Стоять! — гаркнул он, надсаживаясь.— По местам! Старшие, обеспечить выполнение полученных приказаний.

Швайцер тут же рявкнул что-то не менее грозное. Ирил, тоже вспомнив полученные инструкции, начал собирать магов. Минута прошла в суете, после чего все заняли свои позиции. Бойцы — по периметру. Маги, во главе с полковником и Ланьей,— вокруг Петровича, удерживающего купол-демаг.

Тиххин медленно приближался.

Опять след этих козявок. Невкусный. И опять линии дрожат. Что они принесли с собой?

Тиххин медленно вползал в свои владения, оставленные на время. Никого. Как и должно быть. Линии. Свои. Вкусные. Тиххин

наслаждался привычным покоем и вкусом линий. Но что-то примешивалось к издавна заведенному порядку. Всё было одновременно и так и не так. Что?

Он сделал круг. Другой. Нет, ничего не поменялось. Линии? Такие же. А ближе к центру? Там, где всегда были самые вкусные линии? Стоп. Что это? Опять испорченные линии. Опять эти козявки. Вот он, след. Разлохмаченные линии тянутся дальше. Туда, к центру. Там, где вкусно. Опять?! Нет! Остановить. Убить. Только не страх. Не опять страх!

Тиххин заструился вдоль поврежденных линий, идя по следу. Что это? В одном месте нарушение линий не так заметно. Они стали лучше. Все равно дрожат, но стали лучше. А дальше? Дальше опять. За ними!

Тиххин тек, не обращая внимания на окружающий мир. Перед ним стояла одна цель. Не пустить козявок к центру. Страх. Этот страх он больше не хочет переживать. Тогда догнать. Догнать. Догнать. Где же они? Что это?

Зеркально черное пятно стояло прямо на следе козявок. А где они сами? Что это такое? Тиххин удивленно обозревал не виданное ранее пятно. Гладкое. Тиххин принюхался. Не пахнет. Не пахнет? Совсем? Совсем. Как? А где линии? Поврежденные линии доходили до пятна, пропадали, а потом появлялись снова. Хорошие. Оно делает вкусными линии? Тиххин заинтересовался. Подошел к вкусной стороне. Обтек линии. Попробовал их на вкус. Хорошие. Эти идут к центру, их не заберешь целиком. Но вкусные. Интересно. И непонятно. Тиххин решил обдумать это пятно. Он обвился вокруг него, положил голову рядом со вкусными линиями — и замер. Ему спешить было некуда.

— Стой, внимание,— на сей раз Тооргандо шел первым. Первым он и увидел огромную просеку, тянущуюся через лес.

Команда присела, оглядываясь по сторонам. Абсолютно лишние движения. Точно так же, как лишними были все меры предосторожности, принимаемые в последнее время. Вообще никого из Тварей вокруг. Что такое творится в обитаемом Пестике?

Тооргандо, озираясь по сторонам, вернулся к группе:

— Или я чего-то не понимаю, или впереди след тиххина.

— Большой? — мгновенно поинтересовался Пелоц.

— Не маленький,— проворчал гемар.— Откуда он здесь взялся? Он же уходил.

— Значит, вернулся,— прокомментировал Айонки. Информация про то, что тиххин ушел, поступила от его ведомства, и Айонки вступился за корпоративную честь.

— Отлично,— проворчал Кащей.— Получить приятную прогулку лишь для того, чтобы под конец драться с тиххином.

— А ты рассчитывал прийти, спокойно покопаться в одном из самых загадочных мест в Территориях и просто так уйти? — фыркнул Шаман.— Ты радуйся, что это только след, а не сам тиххин.

— Надо переходить,— задумчиво почесал нос Тооргандо.— Проверимся еще раз — и пошли.

— Зачем проверяться? — спросил Колобок.

— До этого мы шли просто по Территориям,— пояснил гемар,— а после этого следа мы пойдем по владениям тиххина. Помнишь, что говорилось в отчете? — Тооргандо кивнул на Айонки.— Он здесь живет.

— Повезло тебе,— хмыкнул Колобок, улыбнувшись Айонки.— В живописном месте живешь.

— Нам сейчас всем повезет,— не повелся на подначку тот.— Тор прав. Надо подготовиться и проверить всё еще раз. До могильника около суток, завтра можем быть уже там. И я думаю, времени на раскачку у нас за эти сутки не будет. Если тиххин и вправду вернулся, то нам надо очень быстро бегать, чтобы хоть как-то вернуться домой.

— Осмотрелись и поехали,— скинул мешок Тооргандо.— Привал позже устроим. Тут не самое лучшее место.

— А что, ничего прогулка получается,— бодро возвестил Шаман, со своими длинными ногами выбравшийся вперед колонны.— Как думаешь, Кащей?

— Неплохо,— так же бодро отозвался тот.— Может, не будем привал делать? Как-то полегче идти стало, а?

— И правда,— удивился Тооргандо.— Как будто и не ходили до этого. Это могильник так сил прибавляет? Ай, ты как думаешь?

Айонки, молча меряющий шагами жухлую траву, поднял голову:

— Что? А, да, легко получается,— он глянул на Тооргандо и вновь уткнулся в землю.

Что-то во взгляде вольда не понравилось гемару, но тут подоспел Пелоц:

— Все чисто, даже линии не шелохнутся. Они только странные какие-то, шероховатые. Но вроде все спокойно. Сколько нам еще топать?

— Шаман,— позвал Тооргандо,— как думаешь, таким темпом быстрее дойдем?

— Конечно,— оптимистичный голос Шамана разнесся вокруг.— До холмов не так уж и далеко, а там уж рукой подать. Ш-шевелись,

немочь бледная,— вдруг гаркнул он и прибавил шагу, сшибая подвернувшейся под руку палкой листья на нижних ветках редких деревьев.

— Холмов? — тихо переспросил себя Тооргандо.— Каких холмов? Лес вокруг.— Он моргнул несколько раз, потряс головой, потом задумался и негромко ответил так же сам себе.— А, ну да, собственно. Он и есть за холмами.— Еще раз потряс головой и припустил вперед.— Шаман, да не гони ты, народ не успевает. Все равно уже почти пришли. Вот зараза длинноногая.

— Чего это он? — поинтересовался Шатун, не отводя взгляда от замершего змея.

— Не знаю,— медленно покачал головой Ланья.— Я не специалист по поведению тиххинов.

— Ирония — это мой профиль,— немедленно отреагировал Шатун, все так же глядя на огромную голову с неподвижно смотрящими куда-то на купол глазами.— Тебе полагается молча все знать и нам рассказывать.

— Шутки в сторону,— полковник медленно, как будто боясь спугнуть змея, подобрался в Ирилу.— Можешь сказать что-нибудь?

— Только одно,— Ланья сам внимательно рассматривал неподвижного тиххина.— Похоже, он нас не видит.

— Тогда почему он вокруг купола улегся?

— Не купол — купол-то как раз виден очень хорошо, мимо не пройдешь. Он нас в куполе не видит. Проверил демаг, не понял ничего, решил полежать, посмотреть, что будет.

— И долго он будет так лежать? — присоединился к расспросам Петрович.

— Понятия не имею,— пожал плечами Ирил.— Я тиххина в первый раз вижу. Его вообще мало кто видел. А большинство тех, кто близко с ним общался, уже никому ничего не расскажут.

— Вряд ли он просто так уйдет,— подал голос третий земной маг.— Штурмовать, может, и не будет, но проверить что это такое внутри, обязательно проверит. Петрович, мы можем внутри купола сделать еще один, защитный?

— Попробуй,— пожал плечами Петрович.— Мне мешать не будет, а за демаг ты так и так не выйдешь.

Линии чуть напряглись, в замкнутом пространстве это лучше чувствовалось. Появился второй купол.

Несколько минут прошло в неподвижности и молчании. Тихин не двигался.

— Так и будем стоять? — первым, как и положено, голос подал полковник, старший по званию.

— Давайте сядем,— согласился Ирил.— Только не все сразу. Посмотрим, как он на движение реагирует.

Тиххин не отреагировал никак.

— Так, садимся все, отдыхаем,— прокомментировал неподвижность змея полковник.— Вещи не распаковываем, оружие и магиприпасы держать рядом.

Люди начали аккуратно усаживаться на землю, наблюдая за реакцией тиххина.

— Петрович, Рустам,— позвал полковник магов, держащих купола,— узоры без команды не отпускать. Остальные маги!

— Тут,— нестройно отозвались маги.

— При любых движениях змея — тут же бегом на подстраховку куполов. Разберитесь, кто кого поддерживает. Ну что, ждем?

В неподвижном созерцании бронированных боков тиххина прошло три часа. Разговоры стали громче, движения свободнее. Змей не двигался. Купол — тоже. Люди потихоньку начали доставать еду из мешков.

— Надо думать, что будем делать,— полковник посмотрел на магов.— Скоро мы тут от вони сами, без всякого тиххина сдохнем.

Проблема на самом деле встала неожиданно остро. Выйти из-под купола никак, а в туалет, простите? Яму, конечно, в сторонке выкопали и походными антисептиками забросали, но народу-то много... Запах мало-помалу становился назойливым. Полковник прав. Еще несколько часов — и он станет непереносимым. Не то чтобы тут неженки собрались, но пары аммиака нелучшим образом действуют на организм.

— Ирил,— вдруг подал голос Швайцер.— Иди сюда. Тебе лучше на это самому посмотреть.

— Змей проснулся! — заорали с другой стороны.

Ланья заметался, не зная, куда бежать. Решил, что к тиххину. Что бы там снаружи ни было, ему еще надо через змея перебраться, а тиххин — вон он, рядышком.

Развернувшись в сторону Твари, Ирил понял, что два явления взаимосвязаны. И это что-то, как минимум, мимо не пройдет. Тиххин приподнял голову в извечном змеином движении. Раскачивающийся набалдашник на длинной шее смотрел куда угодно, но не на купол. А куда? Из-за вскочивших на ноги людей ничего видно не было, и Ланья начал проталкиваться к Швайцеру, может, его информация все и объяснит?

Объяснила. Ланья замер, шокированный увиденным. Меж дальними деревьями недлинной змейкой пробиралась группа людей. Вольды! Что они тут делают? Кто это? Идущая первой длин-

ная фигура показалась Ланье странно знакомой. Вот налетевший порыв ветра бросил идущему на лицо прядь волос. Фигура нескладным жестом, скорее разлохмачивая прическу, нежели поправляя, убрала волосы, и Ланью как током ударило узнавание. Шаман. Шаман?! Сам Шаман? Здесь, в лесу? А следующий? Блеснула гладкая лысина. Кащей?! И дальше вспышками покатилось узнавание. Колобок. Айонки. Пелоц. Пелоц? И... Пятым шел гемар Находящих Тооргандо. Все ясно, остальные — его Команда.

Ирил пригляделся тщательнее. Странно они шли. Не осторожным вольдовским шагом, а во весь рост, расправив плечи, размахивая руками. Шаман, похоже, еще и рассказывал чего-то, поминутно оборачиваясь. Что с ними? Что? Сам подумай, осенило Ирила. У них-то нет такого, как он, чтобы накинуть демаг на шею. Они все под кайфом. Идут в свои «холмы». Краем глаза Ланья отметил серебристое движение.

Ага, а придут они прямо в пасть тиххину.

— Сараси полковник,— бросился назад Ирил.— Это Братство. Команду ведет Шаман.

— Тот самый? — подобрался полковник.

— Да.

— И куда они идут? — Ланья услышал знакомые подозрительные интонации.

— В холмы,— выпучивая глаза, почти прокричал Ланья.— Они все невменяемые. Они ничего не видят. И тиххина не видят.

Полковник прикрыл глаза. Ланья почти воочию увидел, как в голове у него ворочаются мысли, просчитывающие ситуацию. Кем бы ни приходился Ирилу Ланье гемар Тооргандо, но вот так, запросто, он бросить его не мог.

— Идем на помощь,— открыл глаза полковник, так и не понявший, что другого решения для него просто не существовало.— Ирил, собираешь десять демагов и бежишь к ним. Задача — надеть на каждого и затащить всех под купол. Надо будет, попробуем двинуть к тебе. На тиххина не смотри, его берем на себя. Понял?

Ланья кивнул.

— Вперед,— полковник повернулся в другую сторону: — Петрович, Рустам.

— Здесь,— тут же отозвались маги.

— По команде снимаем купол и атакуем тиххина. По команде — ставим обратно.

— Есть.

— Швайцер, после снятия купола — огонь по змею из всего, что стреляет. Задача — отвлечь его от Ирила и команды Братства.

— Есть.

— Ирил, начинаешь ты, мы пляшем от тебя. Будешь готов, скажи. Поехали!

В суматохе на Ланью посыпался просто дождь из демагов. Надо же, а он думал, что их почти нет. Накидали штук тридцать. Ирил подхватил дюжину, остальные вернул. Аккуратно разложил по самым удобным карманам, чтобы было легко доставать, попрыгал, проверяя, не высыплется ли чего, повертел головой, разминая затекшую вдруг шею, и посмотрел на полковника:

— Готов.

— Ну,— полковник сделал какое-то движение, как будто крест на себе рисовал,— с Богом. Раз, два три... Пош-шел!

Движение. Тиххин поднял голову и, если бы умел, оторопел. Вдали между деревьями, нисколько не скрываясь, шли козявки. Те самые козявки, которые портили линии. Нет, не те, другие, но линии тоже портят. Линии их вели сами, от каждого шла тоненькая ниточка, соединяющая его с одной из линий. Не с простой, а с той единственной, которой сам тиххин всегда избегал. Она была странная. Не очень вкусная. И вела точно в центр, даже не делая спиралей вокруг. И сразу за козявками линии переставали быть гладкими, начинали топорщиться. Вот кто портит ему весь дом! Убить! Змей приподнял голову, чтобы лучше оценить направление, сжался, как пружина, и заскользил вперед. Сегодня он их до центра не допустит.

Круглую блестючку пока оставим, никуда она не денется, тем более что она хорошая, она линии разглаживает, а этих...

Ш-ш-сь-сь-сссь. Тиххин не умел кричать. Он умел только свистеть. И сейчас как мог, так и засвистел. От боли, от неожиданности, от страха. Хвост и заднюю часть туловища обожгло. Он никогда не испытывал такого, поэтому не мог сказать, что это больно. Это просто... было. И это ему не нравилось. Что случилось? Кто там? Змей развернулся. Для одного дня это было слишком. Не привыкшая получать так много нового голова просто не хотела больше думать.

Хорошей блестючки больше не было. На ее месте были... козявки! Еще одни. Одна из козявок отделилась от остальных и побежала куда-то в сторону. Тиххин не обратил на нее никакого внимания. Позже. А остальные...

А от остальных в него летели всякие неприятные вещи. Какие-то светлячки, некрасиво скрученные линии, твердые куски металла. Ай, опять это самое... больно. Ладно скрученные линии. Это не

страшно, их даже есть можно, хоть и невкусно. Светлячки — неприятно. Кусочки металла — больно, но не очень. А что же больно? Ай. А первые козявки? Тиххин обернулся. Та мелкая козявка, убежавшая от блестючки, добежала до первых и что-то начала с ними делать. Что? Поводки, соединяющие линии с козявками, рвались один за другим. Линии... разглаживались. Она что, хорошая, эта козявка? Но подумать не получилось. От бывшей блестючки опять стало больно. Ш-ш-ш-ш... Змей развернулся, чтобы атаковать. Заскользил вперед. Стоп.

Перед ним опять была блестючка. Нет. У змея, привыкшего к размеренной жизни, в которой никогда ничего не менялось, все эти последние события и так плохо приживались в голове, а драка вообще выбила из нее все мысли. Блестючка, козявки, другие козявки. Боль. Козявки. И опять блестючка...

Тиххин просто не понимал, что происходит. Не знал как быть. И из этого незнания потихоньку начинал рождаться страх.

— Ирил, ты? — только и смог выдавить из себя скривившийся от боли Шаман.

— Я,— Ланья набросил активированный демаг на Кащея.

— Ирил, ты?

— Где мы?

Кащей с Шаманом спросили одновременно.

— Потом,— отмахнулся Ланья.

— Ирил, ты? — скривился Айонки.

— Где мы? — не успел ничего понять Кащей.

— Где холмы? — не смог остановиться Шаман.

Ланья даже не стал реагировать. Скорее, скорее, скорее! Достать демаг, активировать, накинуть. Достать, активировать, накинуть.

— Ты?! — Тооргандо оказался последним.

— Я,— Ирил развернулся к стонущим от боли вольдам и магам: — Слушайте все. Вы попали под какой-то узор. Или общий фон. Сейчас до конца непонятно. Но то, что вы видели про холмы,— иллюзия. На вас сейчас демаги, поэтому узор не действует.

— Что сейчас на нас? — не понял Шаман.

— Демаги,— терпеливо пояснил Ланья.— Магиприпасы, блокирующие действие узора. Пока они на нас, всё в порядке.

— А на тебе почему нет? — Тооргандо оказался глазастее всех. Или он внимательнее всех его рассматривал?

— А на меня этот узор не действует. Вернее, действует, но очень-очень слабо.

— Почему?

— Да откуда, дохлые Твари, я знаю почему? — взорвался Ирил.— Не действует — и все. Сейчас важно не это.

— А что? — кривясь от боли, поинтересовался Айонки.

— Туда посмотрите,— Ланья вытянул руку.

— Мама моя,— ахнул Шаман.— Тиххин. А что он там делает?

— Атакует кого-то,— присмотрелся Тооргандо.— Кто там?

— Там группа из Красного Замка,— объяснил Ирил.— Демаги — оттуда.

— А почему тиххин кругами ходит вокруг них? — нахмурился Пелоц.

— Он их не видит,— Ланья устал объяснять.— Купол-демаг видит, он непрозрачный, а людей под ним — нет.

— Все чудесатее и чудесатее,— пробормотал Шаман, вертя в руках демаг.

— Мы под ним сидели, прятались,— Ирил решил немного объяснить, кто здесь хороший, а кто — не очень.— Пока вы не пришли. Вы летели прямо на тиххина, он уже к вам направился. Ну, пришлось себя показать. Я за вами отправился, а остальные остались.

— Почему? — резко спросил Айонки.

— Демагов мало,— доходчиво пояснил Ланья.— На вас набрали — и пошли. А поскольку на меня узор не действует, то я и отправился.

— Отогнав при этом тиххина,— съязвил Тооргандо.

— Нет,— так же желчно отозвался Ланья.— Тиххина отогнал не я. Его выманили они,— он показал пальцем себе за спину.— И теперь они от него отбиваются, пока мы здесь языки чистим.

— То есть мы им теперь должны,— полуутвердительно подвел черту Айонки.

— Да какая, к Тварям, разница, кто кому должен,— окончательно разозлился Ланья.— Есть две команды и один тиххин. Мы драться будем или вы по своим делам, а мы по своим?

— Не кипятись, Ирил,— попросил Шаман, все еще держащийся за виски.— Никто никуда не побежит. Просто, убей меня бог, я не представляю, с какой стороны нам подойти к тиххину. Дай хоть минуту подумать. Они-то под куполом, мы-то — нет.

— У тебя связь с ними есть? — спросил Колобок. Ну еще бы, кто про что, Колобок про связь.

— Нет,— покачал головой Ланья.

— А если с двух сторон по нему ударить? — У Пелоца все просто.

— Не получится, они не могут из-под купола выйти, сразу фоном накрывает, опять холмы начинают мерещиться. А демагов ма-

ло. Да,— вспомнил он,— и узоры творить под демагом не выходит. Вас тоже касается.

— Отлично,— не выдержал Тооргандо.— Магии нет, ходить половина не может. Что теперь, на тиххина с мечами бросаться?

— Остановись, Тор,— прикрикнул Шаман.— Что с тобой творится? Ирил,— повернулся он к Ланье, бешено буравящему взглядом Тооргандо.— А ты когда к нам бежал, у тебя план был?

— Был,— выдохнул Ланья.— Нам всем надо под купол пробираться. С таким количеством магов и бойцов в одном месте все же легче воевать. Тем более, мы все-таки там прикрыты. Видите, тиххин в купол-то не лезет.

— Так,— пожевал губами Шаман.— Теперь осталось понять, как нам в купол пробраться на глазах у тиххина. Угу. Давайте-ка, братцы, вытряхивайте мешки, посмотрим, у кого что из магиприпасов есть, и как это можно использовать в данной ситуации. Кащей, подумай, как можно твой разум на эту зверюгу пристроить.

— Мой разум — никак,— сварливо отшутился Кащей.— А узор разума я попробую к чему-нибудь привесить.

Блестючка стояла как ни в чем не бывало. Как будто и не было жалящих козявок на ее месте. Тиххин описывал круг за кругом, пытаясь понять, что с ней делать, но решение не приходило. Наконец он решил дотронуться до нее. Несильно, хвостом. А-й-й-й. Неприятно! Хвост прошел через блестючку, не заметив препятствия, но ощущения тиххину не понравились. Хвост как будто исчез на мгновение. Р-раз, и нет хвоста. Он потом опять появился, но потеря части себя еще больше напугала Тварь. Что делать?

Тиххин обернулся посмотреть, что с остальными козявками. И тут его ждал очередной сюрприз. Сотт. Огромная зверюга рыла землю неподалеку от группы... Опять блестючки? Козявок не было. Вернее была, но одна. А вокруг нее сверкала россыпь блестящих камушков. Нет, это было совсем лишним. Но тут взревел сотт, тиххин видел исходящую от него злость, которую нельзя было проигнорировать. Ну что же, мир снова приобрел привычные формы. Вот он враг. Вот он. Вперед!

— Ходу, ходу,— пыхтел Шаман, но подгонять никого не надо было.

Тиххин пошел рвать на куски фантом сотта, но фантом и есть фантом, каким его можно сделать из магиприпаса? Долго он не продержится. Вернее, вообще нисколько не продержится. А узор вызывающей агрессии, которым дополнил его Кащей, тоже исчезнет вместе с ним. Приходилось торопиться.

— Успели! — Ланья на полном ходу врезался в еле успевшего подхватить его Швайцера.

Под купол по одному вбегали вольды.

Ты пришел, тебе и представляться.

— Шаман,— протянул руку Шаман, безошибочно разглядев в полковнике старшего.

— Тот самый? — полковник пожал протянутую руку.

— Тот самый,— подтвердил Шаман.— Распорядитель Улитарта.

Группа Красного Замка загудела. Еще бы, сам Шаман из Улитарта, про которого ходит столько баек. Здесь, в Территориях, под куполом.

— Очень приятно,— ровно ответил полковник.— Полковник Щербин Сергей Александрович, Земля.

Шаман только бровь поднял.

— Я должен поблагодарить вас за наше спасение,— официально наклонил голову он.— Насколько я понимаю, без вашей помощи мы либо достались бы тиххину, либо попали в еще более неприятное положение возле могильника.

Щербин — вот как, оказывается, звали полковника — степенно кивнул, принимая благодарность.

— Вы направляетесь к могильнику? — таким же светским тоном осведомился он.

— Именно,— подтвердил Шаман.— Если позволите, с удовольствием составим вам компанию. Всё же одно дело делаем.

— Да? — делано удивленно поднял брови Щербин.— А вы не думали помочь с самого начала?

Ланья напрягся. Это был тот самый вопрос, который мучил его до сих пор.

— А вы просили? — обезоруживающе ответил вопросом на вопрос Шаман.— Про пропавшую группу мы узнали абсолютно случайно, а о вашем выходе — вообще только в Такатаке, через два дня после выхода.

Щербин сбился. На мгновение, но Ланье хватило. Цепкая рука, сжимающая что-то внутри, немного разжалась. Ненадолго. До тех пор, пока он не услышал громогласные приветствия Тооргандо, обнимающегося со старыми знакомцами. Лязгнув, опять опустилось забрало.

— Тиххин, сараси маги,— напомнил он.

Распри тут же были забыты, все повернулись в сторону Твари, которая, расправившись с несчастным фантомом, направлялась к куполу. Все начиналось сначала.

Но не совсем.

— Ни у кого не сложилось впечатления, что он напуган? — поинтересовался Кащей, возвышаясь над толпой.

— Есть немного,— Петрович с момента появления Кащея не сводил с него глаз, присматриваясь. Видимо, узрел что-то родственное.— Неуверенный он какой-то. Как будто не знает, что с нами делать.

— Угу,— встрял Тооргандо.— На сотта бросился, как на родного. Нашел отдушину.

— Может, нам его еще больше испугать? — предложил Кащей.— А то нам в этом выходе везет. Одного настоящего сотта уже испугали, ух как он от нас драпал. Да и вообще Твари что-то нас сторонились. Не поверите.

Тут Кащей немного сбился, глядя на лица землян.

— Поверим,— мрачно отозвался Швайцер.— И про сотта, и про Тварей... Про все поверим.

— Гхм,— постарался перевести разговор в более конструктивное русло Ирил.— Кащей, собственно, дело говорит. Он в Улитарте мастер разума, так что, может, и вправду что-то получится.

— Обязательно получится,— из-за спины Ланьи прокомментировал Шаман.— Господин полковник,— позвал он Щербина,— я хотел бы вам показать некоторые вещи из нашего арсенала, присмотритесь, быть может, совместными усилиями мы больше добьемся?

Щербин промедлил секунду с ответом, а потом наклонил голову:

— Я не сомневаюсь. Давайте смотреть, что у нас есть.

Люди обрадованно зашумели. Вокруг купола выписывал круги тиххин.

Глава 41

— И вот это оно? То, из-за чего все это заварилось? — неверяще повернулся Степа.— Скажите мне, что это не так.

— Уймись,— протолкался вперед Ланья.— Дай посмотреть.

Тиххин всё-таки испугался. Или решил не связываться, не суть. Покружив несколько часов вокруг купола, съев несколько хитрых амулетов, которые ему выбрасывали то Шаман, то Щербин, он ушел. Просто уполз. Повернулся — и исчез между деревьями, оставив людей в полном недоумении. Хоть и надеялись все, что так будет, все равно это произошло слишком неожиданно.

А объединенная команда от поляны с тиххином до могильника добиралась не сутки, как предполагалось, а двое. И дело было не в неверном расчете, а, наоборот,— в ювелирной работе Петровича, переставлявшего купола-демаги один за другим так, чтобы люди не попадали под действие фона. В итоге вышло в два раза дольше, зато никто не маялся головной болью и не копил никакого воздействия, о котором осторожно начал предупреждать Кащей, все глубже и глубже вникающий в механизм этого треклятого фона. И вот они здесь. Ирил отодвинул замершего Степу.

И что? Открывшаяся картина не представляла собой ничего экстраординарного. Ни в ту ни в другую сторону. Ни тебе черных подземелий, забитых ужасными чудовищами (хотя куда там сказочным чудовищам до реальных Тварей), ни умилительной пасторали под ясным небом. Довольно большая поляна, заросшая высокой, по пояс, травой. От ветра по всему полю из края в край гуляют самые настоящие травяные волны. Ничего выдающегося. А где могильник? А-а, вон он, родной. Посредине поляны, едва видимый из травы, торчал обширный невысокий холм, сверху абсолютно плоский.

— Ну и чего ты возмущаешься? — не понял Ланья.

— Как чего? И ради этой вшивой кучи земли мы прошли через все то, что было?

— Ты не беги быстрее Тварей,— погрозил пальцем Ирил.— Сначала внутрь загляни, а потом будешь решать, нравится тебе или нет.

— Во-во,— куда же без Шатуна? — Я ему тоже сколько раз говорил. Загляни. И обязательно внутрь, да поглубже. Потом и решишь, нравится или нет. А он — любовь, любовь. Ничему не учится.

Он фальшиво вздохнул. Вокруг прокатились смешки.

— Хорошее настроение перед ответственной работой — это здорово. Но я все равно попрошу вас посторониться,— раздался откуда-то из-за спин голос Шамана.

— Дорогу,— Щербин был более лаконичен.

С немалым трудом двое старших протолкались вперед и обозрели окрестности.

— Разведку вышлем? — не отрываясь от поляны, бросил Шаман.

— Угу,— кивнул в ответ Щербин.— Ланью и еще троих с демагами: две группы по двое. Пусть посмотрят в округе, как дела обстоят. Сканирующие амулеты Швайцер даст.

Эта парочка спелась на удивление легко и непринужденно. Теперь даже пустяковое распоряжение предварялось рефреном «мы решили».

— Привал,— огласил начальственную волю Шаман.— Ирил со следопытом налево, Тор с Пелоцем — направо. Каждые по полному кругу делают. Ждем вас и идем дальше.

Ничего. Совсем. Обе рекогносцировочные пары вернулись ни с чем. Девственный лес. Даже давних следов тиххина не наблюдалось. Следов от пропавшей группы, кстати, не было тоже.

— Ну что, двинулись? — Щербин оглянулся на Шамана. Тот высмотрел Кащея. Кащей придирчиво изучил амулет, выданный им Ирилу перед рекогносцировкой, и кивнул. Всё в порядке.

— Давай.

Петрович выставил очередной демаг вперед... И сразу же пошли проблемы. Как только купол коснулся травы. В месте соприкосновения заплясало фиолетовое пламя.

— Не удержу,— заорал вдруг Петрович.

Пламя сделало полный круг по контуру нового купола и перекинулось на старый, так как Петрович ставил купола, чтобы они пересекались. Тут уж струхнули все.

Петровича сзади подхватил третий земной маг, выстраивая «подставку» под его узор. Колобок с Кащеем схватились за края купола, пытаясь удержать.

— А, ч-черт,— оба с проклятиями отскочили — фиолетовое пламя обжигало ничуть не хуже обыкновенного.

Шаман со Щербиным дружно раскачивались из стороны в сторону, рисуя какой-то узор. Правда, без видимого эффекта. В ставшем вдруг мутным куполе появились первые дырки. И, видимо, интенсивность фона здесь действительно была высокой, шум тут же смолк. В глазах у людей начало появляться то самое выражение, которое Ирил наблюдал в самом начале. Перед ними начали брезжить холмы.

Ланья повертел головой. Плохо дело. Личных демагов на всех не хватит. Поистратились в дороге. А если купола не будет, то с кем-то придется проститься. Что делать? Ирил постарался присмотреться поближе к странному пламени. Узор. Нет, не узор. Ни на что не похожая дымка, стелющаяся над землей. Вернее, над травой. Из-за исчезающего купола стало видно, что рождающая пламя муть заканчивается ровно там, где песчаная почва резко сдается перед высокой сочной травой. Которая, кстати, никогда не вымахает такого размера на такой почве. И — вывод?..

Ирил рванулся вперед, по пути опрокинув уже впавшего в созерцание неведомых холмов Айонки. Прыжок, и он на траве. Ноги защекотало. Ирил посмотрел вниз. Ничего особенного, трава

как трава. Сорвал пучок. Ничего. Купол из-за появляющихся дырок уже напоминал старое гнилое одеяло. Не очень понимая, зачем, Ланья, тем не менее, начал остервенело вырывать траву, соприкасающуюся с куполом. Не нравилась она ему. Вызывала какой-то безотчетный страх.

Руки начало жечь, но это только придало сил. Полоска чистой земли становилась все шире.

— Еще, молодец, давай,— донеслось до Ланьи.

Петрович. Упакованный в персональный демаг для страховки, Петрович до последнего не выпускал узор. Ланья поднял голову. Показалось или дырки стали меньше?

— Не останавливайся!

Ирил с еще большим остервенением вернулся к траве. Пучки разлетались в разные стороны. Ну, теперь можно?

— Все, умница, давай назад,— воззвал Петрович.— Хватай демаги и лови этих обдолбанных.

Кого? Ланья огляделся. Мамочки! Шестеро магов уже успели пройти треть пути до могильника. Остальных, судя по всему, перехватили те, на ком были надеты демаги. Отчаянным прыжком Ланья влетел под восстанавливающийся купол, схватил протянутую связку амулетов и рванул вслед уходящим.

Последним, прилично отставая от первой пятерки, ковылял Тооргандо. Ланья пролетел мимо, Тор подождет, ему еще идти и идти. Главное — первый.

Первым голенасто вышагивал Шаман, за ним семенил Щербин. Ирил, уже было приготовившийся накинуть демаг на длинную шею Шамана, вдруг опустил руку и еще быстрее побежал вперед. От купола донесся вопль ужаса.

Выиграв у неторопливо бредущих магов метров пятьдесят, Ланья начал бешено расчищать от травы пятачок вокруг себя. Конечно, а то что получится? Он на Шамана демаг набросит, а фиолетовая дымка тут же этот демаг и сожжет. «Не-етушки, не дождетесь»,— позлорадствовал Ирил непонятно над кем.

Трава не хотела умирать. Жесткие стебли впивались в руки, обжигали, умирая. Мечом, конечно, было бы проще, но Ирил не просто полол сорную траву — он рвал злые выверенные линии чужого узора, а тут меч не годится. Руками, маг, только руками.

Рассчитал он верно. Пятак был готов как раз к подходу Шамана. Надеваем.

— На траву не вступать! — рявкнул Ланья на потерянно моргающего Шамана.— Остальных держи.

Второй демаг, третий, четвертый, пятый. Ф-фу, успел. Места хватило, никто из пятерки на траву не встал.

— Ждать,— взмахом руки оборвал он начинающиеся вопросы, к пятаку подбредал Тооргандо. В руке у него бестолково болтались демаги.

Он, скорее всего, стал жертвой травы. Рванувшись за уходящими, Тор понадеялся на амулет, а он-то как раз и подвел. Хоп, получите амулет.

— Стой, дальше нельзя,— перехватил его Ирил.

— А теперь рассказывай, спаситель,— Шаман и так слишком долго ждал комментариев. Целую минуту.

— Особо нечего рассказывать,— Ланья вытер мокрое от пота лицо.— На траве лежит какой-то узор, съедающий демаг. Когда я траву вокруг купола вырвал, узор исчез. Купол Петрович восстановил. Вы к тому времени уже убрели, пришлось догонять. Трава, пока растет, держит узор. Пример — вон он,— Ирил кивнул на Тооргандо.— Тор за вами пошел, трава его личный демаг тоже сожрала. Так что, либо выкашиваем дорогу назад... Я выкашиваю,— обреченно поправился он.— Либо ждем, пока в куполе до чего-нибудь додумаются.

— Нет уж, давай-ка назад,— тут же отреагировал Щербин и сожалеюще развел руками.— Извини.

— Да ладно,— вздохнул Ланья.

— Да здравствуют маги-сенокосцы,— бодро приветствовал его Шатун, когда Ланья, проделав в густой, действительно густой, траве небольшую тропинку, ввалился без сил под купол.

— Пошел ты... — Ирил мутным взглядом посмотрел на шутника.

— Извини. Дурацкая шутка,— тут же подхватил его Шатун и протянул банку с каким-то напитком.— Держи в качестве извинения. Тонизирует.

Ланья отхлебнул, пить и правда хотелось зверски. Солнце на открытом пространстве палило нещадно.

— С возвращением,— Кащей стоял в первых рядах.— А мы тут плюшками балуемся.

— Рассказывай,— с ходу взял быка за рога Шаман.

— Все просто,— развел руками Кащей.— Кто могильник ставил?

— Аталь,— Щербин лишил Кащея удовольствия поиграть в загадки.— И что?

— Трава — их произведение. Никто лучше них не мог поставить такую охрану от любого блокиратора. Двойная страховка.

Сверху — общий фон могильника, когда холмы мерещатся, а снизу — трава, перемалывающая любой блокиратор или оберег. Причем как тонко сделано,— Кащей поднял палец, восхищаясь мастерством противника.— Узора как такового нет. Будешь сканировать — ничего не найдешь.

— А что тогда? — нахмурился Шаман.

— А трава и есть живой узор,— проникновенно поведал Кащей.— Большие мастера работали. Я не знаю, сейчас есть ли такие. Переплетено все: и создание, и изменение, и живая материя, и линии. Даже немного по моей части есть.

— По твоей части здесь половина,— наставительно произнес Шаман.— И если ты из похода ничего нового не принесешь, я твою лавочку прикрою. Обещаю.

— Принесу. Я тут уже такого насмотрелся — на год работы хватит,— благодушно пообещал Кащей и подытожил: — Так что в общих чертах понятно, с чем столкнулись.

— И — выход? — не удовлетворился одним описанием Щербин.

— Вот он,— Кащей широким жестом показал на созданную Ланьей тропу.

— Нет,— возопил прислушивающийся к докладу Ирил.— Только не это.

— Еще варианты? — не обратил на него никакого внимания Щербин.

— Без вариантов,— посерьезнел Кащей.— Я не смогу за час или даже за день составить узор, могущий противодействовать системе. Тут работали мастера, готовившиеся черт знает сколько. И не просто мастера — художники. Ловушка-то практически идеальная. Всё, что от них зависело, они продумали. И только Ирила предусмотреть не мог никто.

— Ирил,— вслед за Щербиным к Ланье повернулись все.

Возмущение умерло у него на языке.

— Что делать,— развел он руками.— Никуда не денешься. Сейчас, отдохну немного и начну.

— Петрович,— Щербин подумал не только о физической работе.— Ты сможешь сделать купол тонким и длинным?

— Не знаю,— неуверенно отозвался Петрович.

— Сараси Петрович,— умоляюще округлил глаза Ирил.— Сделайте, пожалуйста. Вы представляете, сколько времени я буду пробивать дорогу шириной с купол?

Маги грохнули дружным хохотом.

— Извини,— Петрович вытер слезящиеся глаза.— Сделаю, конечно. Ты там по своему плану начинай, а я пока покумекаю.

Когда Ирил вышел на исходную позицию, за его спиной тут же пристроился Швайцер с автоматом в руках и демагом на шее.

— Ты куда? — не понял Ланья.

— Тебя прикрывать,— пояснил тот.— Мало ли что.

— А-а,— протянул Ирил.— Давай. Только приготовься долго прикрывать.

Он прикинул расстояние до могильника, вздохнул и присел на корточки.

«Видел бы меня Тахор»...

Вблизи могильник не поменялся совершенно. Невысокий, по пояс, длинный холм. На плоской высохшей вершине ни травинки. Пологий склон и черная, никак не облагороженная дыра входа. Все.

Расчищенная площадка перед дырой, купол демага и обессиленный Ланья.

— Пришли,— задумчиво смотрел на эту дыру Шаман.— Но непонятно, рады ли мы этому.

— Так, долго рассиживаться не будем,— взял быка за рога Щербин.— Петрович, тебе не повезло. Остаешься здесь и держишь купол. Бойцы занимают оборону, маги — вниз. Иохан, двоих выдели с нами.

— Тор, то же самое,— поддакнул Шаман.

— Ирил,— полковник повернулся к Ланье.— Ты уж извини, я все понимаю, но отдохнуть тебе не придется. С нами идешь. Кто знает, какие там гадости впереди. Все демаги заберешь и чуть что... Ну да тебя учить — только портить.

В нормальной жизни Ирил, наверное, получил бы от похвалы немалое удовольствие, но сейчас его хватило только на кивок.

— Ладушки,— удовлетворенно кивнул в ответ Щербин.— Так, всем полчаса покурить, оправиться — потом выходим.

— Что ж они, аталь, таких ловушек понаставили, мастеров понагнали, а подсветку сделать не смогли? — в сердцах выругался Кащей, в очередной раз приложившись лысиной о невысокий потолок.

— Вряд ли сюда планировали водить экскурсии,— хмыкнул идущий перед ним Шаман.— Скорее, наоборот. Чем меньше тут народа будет шляться, тем лучше.

Он сам, хоть и сложившись почти пополам, тем не менее, потолка счастливо избегал. Кащей что-то неразборчиво пробурчал — и замолк. В зеленоватой тишине, подсвеченной одним-единственным светящимся шариком Ланьи, раздавалось только сопение пробирающихся людей. Ирил шел вторым, после Тооргандо, непрерывно

проверяя линии. Из-за демагов никто колдовать толком не мог, а магиприпасы решили поберечь на крайний случай. Ланья в очередной раз приостановился, просматривая линии. Ничего необычного, если не считать силу и толщину. По мере углубления, линии из толстенных канатов превращались в огромные балки, уходящие куда-то внутрь могильника. Но ничего подозрительного, можно идти. Ланья сделал два шага и воткнулся в спину замершего Тора.

— Что?

— Развилка,— задумчиво ответил Тооргандо, рассматривая две черные дыры тоннелей.— Нам куда?

— Направо,— не задумываясь, ответил Ланья.

— Почему? — тут же поинтересовался откуда-то сзади Щербин.

— Линии смещаются вправо. Несильно, но заметно.

— А слева тогда что? — сам себя спросил Тооргандо.

— Хозчасть,— хмыкнул из темноты Шаман.— Грабли, косы там для уборки травы. Лопаты да кирки для того, кому потолок низкий.

— Ха-ха-ха,— саркастически каркнул в ответ Кащей.

— Проверять пока не будем,— определил Щербин.— Идем направо, только передайте предпоследнему, пусть пометит как-нибудь развилку, а последний пусть дует наверх, предупредит, а потом обратно.

— У меня бечевка есть,— сообщил Швайцер.

— Отлично, передай назад эту свою нить Ариадны, и пошли.

Развилок больше не встретилось, и Тооргандо, уже почти привыкший к темноте, набрал приличный темп, когда Ирил схватил его сзади за куртку:

— Стой.

— Что? — замер гемар.

— Стена.

— Нету,— Тор помахал перед собой руками.

— Да не та,— досадливо отмахнулся Ланья.— Стена из линий. Непрозрачная. Что дальше, не видно.

— Что там? — позвал Шаман.

Ланья доложил обстановку. Сгрудившиеся в проходе маги начали активно обсуждать ситуацию. Вообще, Ирилу их даже немного жалко стало. Признанные мастера своего дела, они были вынуждены полагаться всего лишь на слова какого-то бойца, обладающего невеликими способностями. Проделать такой путь, чтобы стоять тут в подземелье, стреноженным. Обидно...

— Идти все равно кому-то придется, не стоять же здесь,— пожал в итоге плечами Ирил.— Давайте я попробую пройти.

— Вторым,— остановил его Щербин.— Ты все-таки единственный наш костыль. Если с тобой что случится, нам туго придется. Так что сначала кто-то из нас попробует.

— Тогда я пошел,— подал голос Тооргандо.— Все равно я уже первым шел. Если и жертвовать, так мной. А Ирил в случае чего вытащит. Если будет что вытаскивать.

Маги замолчали. Как приказать человеку сунуть голову в петлю?

— С Богом,— кому-то все равно пришлось бы говорить, Щербин в силу военного прошлого (а может, и настоящего) не раз бывал в таких ситуациях.— Всем приготовиться.

Тооргандо размял плечи, потряс непонятно зачем кистями, поправил меч, вдохнул... и молча шагнул в невидимую стену. Несколько секунд ничего не происходило, а потом...

Тооргандо появился снова. Только странный какой-то.

— Ничего не случилось,— пробормотал он и медленно начал поворачиваться. Ирил вгляделся в его лицо и неожиданно узнал владеющее им состояние.

— Где демаг? — только и успел крикнуть он перед тем, как Тооргандо, развернувшись, опять скрылся за стеной.

Ланья, не задумываясь, прыгнул за ним. Линии вокруг зашуршали, как настоящий полог. Что-то хрустнуло сбоку, но Ланья ничего не почувствовал. Прошел.

В неярком рассеянном свете сразу за пологом маячила фигура гемара.

— Тор, что с тобой? — Ланья схватил фигуру за плечо.

— Ничего,— Тооргандо усиленно моргал и мотал головой, пытаясь избавиться от чего-то.— Ничего себе фон у вас. Только зашел — сразу накрыло.

— Ты в порядке? — Ирил ничего не понимал.

— Да в порядке я, в порядке. В полном,— Тор протер руками глаза.— Здесь как раз все хорошо. А вот когда вернулся обратно, чтобы вам рассказать, то тут-то меня и накрыло. Как водой из ведра. Только вышел за полог — ба-бах, и пятна какие-то.

— Не холмы?

— Нет,— удивленно ответил гемар.— Не холмы. Хотя, подожди, какие холмы, мы же уже внутри, тут что-то другое должно мерещиться.

— А почему тебя накрыло? — не понял Ланья.— Где твой демаг?

— Вот он... — Тор схватился за шнурок, на котором одиноко болталось кольцо от амулета.— Нету.

— Еще амулеты есть?

— В сумке,— Тооргандо сбросил с плеча походную сумку, запустил в нее руку и вытащил горсть трухи.— Нет амулетов. Ни одного. И магиприпасы все в пыль...

Ланья точно так же полез к себе. То же самое. Ни одного амулета.

— Во-от оно что-о,— протянул Тооргандо.— Это какая-то система очистки. Никто дальше ничего магического не пронесет.

— А почему фона нет? — задумался Ирил.

— А хрен его знает. Может, тут он уже и не нужен.

— Надо думать. Крепко думать,— поджал губы Ланья.— И желательно, не в одиночку.

— Правильно,— кивнул Тор.— Пошли за остальными.

— Я пойду,— остановил его Ирил.— А ты здесь останешься. Туда-сюда прыгать, никаких демагов не напасешься.

— И то верно,— одумался Тооргандо.

— Ты только с места не двигайся,— предупредил Ланья.— А то Твари его знают, что может произойти. Сначала давай всех сюда загоним.

— Не двинусь,— заверил гемар.

— Как хорошо себя снова человеком ощущать,— Шаман зажег на пальце маленький красноватый огонек.— И линии тут работают как положено.

— Странно как-то это все,— Кащей огляделся.

— Я думаю, что как раз ничего странного в этом нет,— Щербин внимательно всматривался в короткий коридор, за которым угадывалось помещение.— Сюда, должно быть, невозможно пройти, не имея паролей на вход, но работать тут должно быть абсолютно комфортно. Мало ли что может случиться с могильником. Если, к примеру, придется что-то чинить, как ты будешь тут в демагах копаться?

— А зачем Старшим Расам демаги? — удивился Кащей.

— Ты полагаешь, что защита стоит только от людей? — вопросом на вопрос парировал Щербин.— Лечи манию величия. Этому сооружению неимоверное количество лет, если верить тем же аталь. Когда его сооружали, про людей вообще никто не думал. Местная защита настроена вообще на всё, что может двигаться. Заметь, в округе даже Тварей нет. Все в округе, что может представлять теоретическую угрозу, тут же загоняется в холмы.

— А кстати,— подал голос один из землян.— А где все же первая группа?

— В холмах,— хмыкнул вместо Щербина Шаман.— Идем вперед, там и посмотрим, кто у нас и где.

Коридор кончился выходом в довольно большое помещение. Поначалу все разочарованно вздохнули, обнаружив еще одну пустую комнату, но через секунду все маги как один уставились на узор, парящий в центре.

— Ничего себе,— потрясенно выдохнул кто-то.

Посмотреть действительно было на что. Даже Ланья с его невеликими способностями четко видел висящее нечто, нарушающее все законы магии, известные в Пестике.

Перекресток линий, висящий ровно по центру, одновременно был и нормальным, и невозможным. Три направления линий просматривались достаточно хорошо. Линии, но какие! Из еще одного входа в помещение протягивалась питающая линия. Неимоверно толстая, непонятно откуда берущаяся (не было нигде на подходах отмечен такой силы поток), все же с виду она была обыкновенной линией. Все вроде как положено, но вот состав этой линии не поддавался никакой классификации. Дикая смесь всевозможных и взаимоисключающих потоков. И воздушные линии, и биологические, и линии земли, воды, даже от каких-то Тварей примешивалось что-то. Нигде в природе они вместе, в одном канале, не сходились. Здесь же все шло общей массой, поддерживая узор.

В перекрестье линий пульсировало какое-то переплетение узоров, внешне однозначно не определяемое. Функция его просматривалась достаточно четко, стоило лишь перевести взгляд на две линии, отходящие в стороны от узора. Прямо в стены помещения уходили два потока чистой энергии. Два слабо светящихся магических столба исчезали в стенах, прошивая их насквозь. Очень было похоже на поддерживающие какой-то большой узор компоненты. Но это было далеко не всё.

Четвертая линия, выходящая из узора (а то, что она вела на выход, становилось очевидно при первом же взгляде)... не вела никуда. Оборванный конец просто-напросто исчезал через несколько метров. А вот такого не бывает. Просто не бывает в природе. Линия не может не вести никуда. Линия может быть зацикленной, как стихийные. С отростками для подпитки. Может быть конечной — из одной точки в другую. Подпитывая или забирая. Может уходить вовне Пестика, связывая Лепестки между собой. Да что угодно с ней может быть. Кроме одного. Она не может просто висеть в воздухе и качать энергию в никуда.

Эта — могла...

— Сергей,— позвал Шаман Щербина, завороженно глядящего на эту невозможность. Они уже перешли на «ты».

— Что? — не отрывая взгляда от переплетения линий, отозвался полковник.

— По-моему, самое время рассказать, зачем вы вообще сюда полезли,— сообщил Шаман.— Вы ж ведь не просто ради чистой науки сюда группу отправили.

Щербин оторвался от узора и немного замялся.

— Сережа,— укоризненно посмотрел на него распорядитель Улитарта.— Мы уже столько насмотрелись, что Мастер Ацекато с Гермеса с живого не слезет, пока тот ему все не расскажет. Мы-то вышли просто попытаться понять, что происходит, чтобы дураками не выходить перед всем Клевером. А вот вы сюда за чем-то конкретным шли. И если хочешь нашего полного содействия, эффективного содействия, то надо хоть чем-то поделиться. Тем более что через неделю после выхода отсюда мы будем знать очень много, просто расспросив вольдов. Проблема в том, что нам всем это надо прямо сейчас.

Щербин задумался, Ланья опять почти воочию увидел, как в голове полковника ворочаются шестерни, просчитывающие ситуацию.

— Это называется Цепь Света,— с натугой вздохнул, наконец, он.— Цепь объектов, поддерживающих существование некой Двери.

— Некой? — хмыкнул вольд Айонки, но Щербин не обратил на него никакого внимания.

— Старшие Расы,— полковник ушел от привычного «нелюди»,— войдя в Клевер, оставили за спиной нечто. Точно неизвестно: врага, проклятие, вселенский катаклизм... В общем, они сюда не по своей воле вышли. В их истории это зовется «проклятием Ататидов», по имени последней династии правителей аталь. И, чтобы это нечто за ними не проникло, вход, по которому они пришли, аталь запечатали. Эта печать и есть Дверь. Объекты,— Щербин обвел рукой помещение,— соединены в единое целое. Каким-то образом они подпитывают друг друга и Дверь. И вот что происходит внутри этой Цепи Света, и как она взаимодействует с Дверью, мы и хотим выяснить. Так яснее?

— Яснее,— медленно отозвался Шаман.

Остальные маги потрясенно молчали. Земляне проникались значимостью миссии, а маги Братства укладывали в голове информацию, которая давала ответы на многие вопросы, так и не решенные до сих пор.

— Вольды бьются над этой информацией Твари знают сколько лет,— откашлялся Айонки,— а Земля за такой короткий промежуток смогла все вызнать?

Недоверчивость его тона была вполне объяснима.

— Мы просто знали, кого спрашивать,— улыбку полковника трудно было назвать доброй.— И как спрашивать. Если у вас нет желания принимать мои слова на веру, я не настаиваю.

— Извините,— Айонки сбавил обороты.— Просто это все несколько... неожиданно.

— Да пожалуйста,— светски улыбнулся Щербин.

— Подожди, так получается, что Клевер осваивался с Пестика? — удивленно поднял брови Шаман. А Твари откуда? И что такое Территории?

— Ты слишком много хочешь,— развел руками полковник.— Если бы мы все знали, нужды в этой экспедиции не было бы.

— Ну да, собственно,— почесал затылок Шаман.— И что делаем?

— Пытаемся понять, что это такое. И как оно работает. Берем образец, у меня приготовлен контейнер, и домой. Одна из проблем заключается в том, что контейнер там,— Щербин показал пальцем за спину. Туда, где за пологом остались бойцы, охраняющие оставленные амулеты.

— Аналогично,— криво ухмыльнулся Шаман.

— Ладно,— вздохнул полковник,— давайте сначала разберемся в природе этого чуда магической мысли.

— Так все же очевидно,— Колобок быстрее всех сориентировался в обстановке.— Подпитка, соединение с остальными и выход на Дверь. Узор-то несложный сам по себе. Вот только с каналом на Дверь не очень понятно.

— Угу,— кивнул Щербин.— Все правильно. Теперь осталось всего-навсего разобраться в механизме. Делов-то: начать и кончить. Ну что, приступим?

Глава 42

— Зарр-аза, не тянется,— Тооргандо пыхтел, как рассерженный сотт. Рядом пыхтели все остальные, за исключением Щербина и Шамана. Линия изгибалась, понемногу вытягиваясь из канала, но до полога, где ждали контейнеры, способные удержать кусочек неизвестной энергии, не хватало нескольких метров. Они сюда-то еле дотянули, но не бросать же.

Жаждущие познаний маги разобрали мерно гудящий поток чуть ли не по молекулам. При детальном рассмотрении многое

становилось понятным. Все потоки оказались не однородными, а сплетенными из множества мелких линий. Как канат. И так же, как из туго натянутого каната, из сплетения этих линий вытащить хоть одну, не повреждая весь поток, возможным не представлялось. А повредить поток, наверное, не смогло бы всё Братство вместе с Красным Замком.

Решение неожиданно нашел Колобок, как специалист по связи. Внимательно рассмотрев центральный узор, он объявил, что это не что иное, как простой распределитель с преобразователем. А поскольку для преобразования толстый канат, естественно, не подходит, то где-то на входе линии должны разделяться и немного ослабевать. А перед выходом к Двери они должны смешиваться. Так и оказалось. Ювелирно всунувшись в поток, неимоверными усилиями магам все же удалось подхватить две линии, которые и были нужны для изучения. Соединение объектов и подпитка Двери. И теперь объединенными усилиями маги пытались вытащить линии за полог, к контейнерам. Эта попытка была седьмой.

— Да здесь лебедка нужна,— пропыхтел Степа, скользя ногами по полу.

— Лебедка! — подпрыгнул на месте Колобок, чуть не выпустив линию.— Степа, ты гений. Если гора не идет к Магомету, то ее нужно заставить. Держите, не отпускайте, я счас.

И под оглушительный мат покинутых магов Колобок рванул к пологу.

— Шаман, полковник!

— Чего? — Из-за магического полога высунулись две головы.

— Берем линию полога и тянем навстречу.

— Взяли,— мгновенно сориентировавшись в ситуации, оба мага подставили «полочку» ухватившемуся за одну из линий Колобку.

— Есть, гнется,— обрадованно заорал тот.— Мужики, держитесь. Тянем лебедку.

В нескольких метрах от них «мужики» постарались удержать ускользающие линии. Метр, другой, третий...

— Как мы будем одну за другую заводить? — прохрипел Тооргандо в ухо спиной к нему стоящему Колобку.

— Моя эластичнее, ее петлей обернем и за петлю потянем,— точно таким же хрипом ответил тот.— Будем надеяться, что ее желание вернуться с нашей помощью окажется сильнее. Не спим, еще немного.

Эластичности хватило, линия полога обернулась вокруг энергетического потока Цепи Света.

— Только бы они не перемешались,— запоздало испугался Кащей.

Не перемешались. Линии нагрелись, стали почти видны глазом, но держались. Маги подналегли. Немного, еще чуть-чуть. Сантиметр за сантиметром линия полога стала на свое место. Теперь в тонком пологе короткими стежками светились две черточки. Шаман и Щербин, как две голодные Твари, стояли с раскрытыми коробочками хранилищ. И каждый, жутко смущаясь, прятал свою от другого.

— Быстрее,— прошипел Колобок.— Я плыть начинаю.

Демаг на него, естественно, нацепить не успели.

Клац, клац. Одновременно схлопнулись крышки хранилищ. П-пок! С громким хлопком линии центрального узора лопнули. Яркая вспышка резанула по глазам, магов разбросало, как сухие ветки. Шаман с трудом протер глаза, когда Колобок уже скрылся за пологом, ведомый неизвестной программой.

— Что наши?! — Шаман рванулся вперед, но тут же был остановлен железной рукой Щербина:

— Куда? Контейнер оставь.

— О, спасибо,— смутился Шаман.

Оба мага оставили контейнеры под присмотром очухивающихся бойцов, все это время так и просидевших на одном месте, и нырнули за полог.

Колобок, уже немного оклемавшийся, стоял посреди коридора. Один. Все остальные валялись на полу. К счастью, живые — в коридоре нарастал громкий мат.

— Отставить ругаться,— с улыбкой скомандовал Щербин.— Рассказываю: все молодцы. У нас получилось. Теперь решить последний вопрос — и вперед.

— Еще один? — со стоном начал подниматься Степа.

— Еще один,— неумолимо подтвердил Щербин.— Маленький.

— И какой? — Тооргандо с подозрением смотрел на полковника.

— Выяснить, что случилось с первой группой.

— Убили их, на хрен, надоели они всем,— пробурчал Шатун, стоящий на четвереньках.— С такими развлечениями я не удивлюсь.

Щербин неодобрительно посмотрел на почти подчиненного, перевел взгляд на откровенно ухмыляющегося Шамана, но решил не усугублять.

— Кто убил? — проигнорировал он плохое настроение Шатуна.— Сколько мы уже здесь? Сколько наворотили? Хоть один черт пришел нас убивать? Программа четко ведет сюда, но за пологом программа кончается. Соответственно, группа, как минимум, сюда дошла. Попала к узору...

Он замолчал.

— И что дальше? — завороженно поинтересовался Степа.

— Я не летописец,— поморщился Щербин.— Я вопрос задаю. Что дальше? Куда они делись? Кто-нибудь хоть один труп видел? Или следы боя?

Маги дружно заверили, что нет, не видели.

— Вот и я о том же,— вздохнул полковник.

— Тогда пошли узор еще раз смотреть,— предложил Шаман.

— Что его смотреть? — Колобок, наконец, вытряхнул из головы остатки наваждения.— Уже вдоль и поперек иссмотрен.

— А теперь мы будем смотреть по-другому,— улыбнулся Шаман.— В правильном направлении.

— Это как? — поинтересовался обретший равновесие Кащей.

— Это очень просто,— пояснил Шаман.— Группа сюда пришла, считаем это за факт. Драки не было, нигде больше ее нет. Вывод?

— Хорошо спрятались? — предположил Шатун.

Шаман продемонстрировал внушительный кулак. Ланья даже подивился: Шаман нескладный-нескладный, а кулаки у него о-го-го.

— Сам искать пойдешь в таком случае,— пригрозил он. Шатун сделал испуганное лицо и заткнулся.

— Так все-таки?..— подтолкнул Шамана Щербин.

— Они или сами ушли, или вывели их отсюда,— он нежно посмотрел на мерно гудящий узор.— Други мои, порталы искать надо. На крайний случай, следы порталов.

— А-а-а,— дошло до магов.

— Фас,— ухмыльнулся Шаман.

— Вз-з-з-з,— разошедшиеся по комнате маги как один развернулись в сторону узора. Возле канала, предположительно ведущего к Двери, в позе лотоса сидел Колобок. Перед ним мерцал открытый прямоугольник портала.

— Ур-ра-а! — раздался дружный вопль. Маги бросились к порталу, но тут Колобок вскочил на ноги:

— Стоять, даже не приближайтесь.

— Что такое? — протолкался к нему Щербин.

— Туда нельзя входить,— выставил руки Колобкин.— Там какая-то гадость висит, не чувствуете?

По одному маги аккуратно заглянули в слабо светящийся прямоугольник.

— Ничего не чувствую,— выразил общее мнение Щербин.

— А Колобок прав,— вдруг подал голос Кащей.— Что-то там черненькое белеется.— Он прищурился, вглядываясь в неверное

мерцание.— Как ты это углядел? — поинтересовался он через минуту.— Я, зная, что там что-то есть, и то еле увидел. Причем это как раз по моей части, но настолько тонко, что мне до этого уровня расти и расти.

— Я ж его делал,— пояснил Колобкин.— А когда он проявляться начал, на меня как пахнуло чем-то. Пахнуло и пропало. Но тут уж я копать начал и в самой структуре нашел закладки. Исправления моего узора. Что бы это ни было, но на той стороне райские кущи нас не ждут, это точно.

— Нас за наши проделки райские кущи в принципе нигде не ждут,— нахмурился Шаман.

— Напрасно ты так,— неожиданно раздался голос Щербина.— Ты покайся, Бог, он все видит.

Шаман развернулся, ища шутку, но Щербин остался абсолютно серьезным.

— Может быть, позже,— неуверенно пожал плечами Шаман.— Нам сейчас выбираться отсюда надо.

— Позже так позже,— согласился полковник,— а выбираться действительно надо. С группой понятно уже,— он вздохнул,— мир их праху. А нам домой надо. Еще кто-нибудь что-нибудь хочет изучить?

Маги переглянулись. Всем хватило информации.

— Тогда выбираемся,— решил Щербин и посмотрел на Шамана.— Ты как?

— Домой,— выдохнул тот.

Тоннель никак не хотел кончаться. Почему-то путь обратно вышел гораздо длиннее. Маги топали, казалось, уже целую вечность. И вдруг впереди показался человек.

— О,— обрадовался первым возвращающийся Кащей,— свои. Пришли уже?

В круг света влетел запыхавшийся боец:

— Где полковник?!

— Что случилось? — заморгал не ожидавший сюрпризов Кащей.

— Нелюди! — боец перевел дух.— Где полковник?

— Что? — протолкался вперед Щербин. За ним появился Шаман.

— Отряд нелюдей на краю поляны,— начал быстро докладывать боец.— Появились только что. Численность определить сложно, в лесу не рассмотреть, но то, что видно — около двухсот.

По магам пронесся легкий гул. Двести бойцов Старших Рас — это серьезно. А они все вне игры. Демаг не снимешь.

— Их действия? — коротко поинтересовался Щербин.

— Пока стоят на краю поляны, на траву никто не сунулся.

— Ясно,— кивнул полковник.— Стоять тут не будем. Бегом вперед.

Маги ускорились, и буквально через пару десятков метров впереди замаячило светлое пятно выхода.

— Швайцер, диспозицию,— бросил Щербин, вылетая из дыры.

— Вон,— Иохан указал на дальний край поляны, противоположный тому, откуда они пришли.— Вся диспозиция. Появились и стоят, не двигаются. Аталь, торки, глеммы. Весь комплект.

Маги все как один посмотрели в том направлении. На краю поляны темнел четкий строй. В первых рядах, сверкая начищенной броней, стояли глеммы. Стена щитов, забрала опущены, копья держат ровный частокол, не подпускающий никого. Как будто на них кто-то нападать собирался. За строем глеммов виднелись султаны Стрелков аталь. На флангах толпились в видимом беспорядке высоченные торки.

— Насколько смогли оценить численность,— спокойно доложил Швайцер,— около двухсот. Никаких действий не предпринимают, не перегруппировываются. Стоят не двигаясь.

— Узоров не готовят,— включился в доклад Петрович.— Магов мало, похоже, только на крайний случай, либо они все тоже под аналогом демагов.

— Патронов маловато,— продолжил Швайцер,— но, в принципе, должно хватить. Плюс магиприпасы и амулеты. Вывод: если организовать оборону в данном месте или внутри, то силы примерно равны. Но это только если у них нет магии.

— Вода, питание? — Щербин прав, война — это не только и не столько патроны и бойцы, сколько продовольствие и тыл.

— С этим хуже,— поджал губы Швайцер.— Еды дней на пять, а вот с водой плохо. Один, максимум два дня.

— Так,— определился Щербин,— организуем оборону. Пока демаг работает, маги что им, что нам без толку. Остаются бойцы. Двоих наверх, чтобы с холма никто не спрыгнул.

— Уже окопались,— кивнул Швайцер.

— Молодец. Остальные занимаем оборону тут,— он повернулся к Шаману: — Чистые маги внутрь, чтобы не мешать. Рукопашники у входа. Вступят, если начнется. Остальные занимают оборону на пятачке. Да, объясните рукопашникам, как пользоваться автоматами. Это, конечно, несерьезно, но придет нужда — и они пойдут. Всё, выполнять.

Чистых магов набралось двое землян и Колобок. Вольды столпились у входа, бойцы из Красного Замка начали готовиться воевать.

Ланья, как рукопашник, оказался не при деле, но, чтобы не сидеть просто так, поднялся на холм, где в неглубоких окопах залегли двое бойцов Швайцера. Вид сверху не слишком отличался от вида с земли, но кое-что Ирил смог заметить.

— Сараси полковник,— он скатился со склона.— Там по рядам ходит халь, раздает какое-то питье.

— Что за питье? — не понял Щербин.

— Непонятно,— пожал плечами Ирил.— Но вряд ли халь будет просто напитки разносить.

— Аналог демага, судя по всему,— прокомментировал сбоку Шаман.— Усовершенствованный. И против фона, и против травы. К атаке готовятся.

— Ну что ж,— упрямо наклонил голову Щербин.— Нам ничего не остается, как только ждать. Будем встречать дорогих гостей.

Он долго ждал. Он кружил по лесу, пытаясь понять, что же происходит. Никогда раньше он не встречался с таким. Теперь столкнулся. Мир для него уже не будет прежним, милым и уютным. Со вкусными линиями, с развлечениями в окрестных лесах, с блаженным отдыхом возле мягких узоров центра. Теперь он знал, что такое страх. Что такое боль. Что такое неуверенность. Он знал, что его тоже могут поранить. И эти все новые знания не улучшали его мир. Да, прежнего уже не будет, он теперь всегда будет оглядываться на вкусный центр, зная, что оттуда в любой момент может показаться Страх. Но подобие прежнего мира вернуть все же можно. Без этого огромный магический змей просто не знал, как жить дальше. Тем более что все, что нужно сделать,— это убить всех этих козявок. И блестючку уничтожить. Пусть ничего нового не будет в его владениях. И теперь все новое он тоже будет уничтожать. Хватит. Тиххин принял решение — и теперь скользил к центру. Туда, куда ушли эти непонятные козявки. Один раз они его напугали, запутали и заставили уйти. Теперь ничего подобного не случится. Уничтожить. Он больше не будет думать и больше не будет бояться.

Вот только что так жжется сбоку? Там, где его коснулись эти линии, которые бросал многоногий. Который похож на Страх из центра. Чем ближе тиххин приближался к центру, тем сильнее становилось жжение. А, пустяки, он же решил, что больше не будет бояться.

А вот и центр. Что такое? Тиххин на секунду остановился, замер в изумлении. Нет, только не это. Опять козявки? Много. Блестючка прилепилась к центру и не двигается, как тогда. А эти новые стоят недалеко. И линии! Вся дорога за и перед новыми

козявками топорщилась перекореженными линиями. Противно. Можно есть линии, можно гнуть их, как делали те. Но нельзя обращаться с линиями ТАК. И они теперь будут всегда ходить. Им всем нужен центр. Им всем нужен Страх. Будут новые и новые козявки. Они будут приходить сюда всегда. И не будет больше центра. Будет Страх, один только Страх.

Нет, этого тиххин допустить не мог. Он долго, очень долго думал и страдал последнее время. Он больше не хочет. Он больше не хочет, чтобы кто-то был в его мире. Тут не будет никого. Совсем никого.

Колебания были отброшены. Коротко прошипев, магический змей бросился в атаку. Защищать свой мир. Сначала эти, новые, а потом и до блестючки доберемся.

Ирил опять забрался на плоскую вершину холма. Два бойца в своих окопах оживленно переговаривались, обсуждая отбитую атаку. Сверху все простреливалось замечательно, а дальность стрельбы у автомата все же больше, чем у луков аталь. Хотя были моменты, когда пришлось поволноваться.

Внизу тоже всё было в порядке, не считая одного парня, который не вовремя высунулся, выцеливая командира приближающихся глеммов. Стрелков аталь нейтрализовали, но парень словил арбалетный болт от глеммов, из-за стены щитов. Больше потерь не было. Сверкающую броней стену так и не подпустили на дистанцию рукопашной. По одному выбивая из автоматов первый ряд, земляне разрешили подойти глеммам лишь на расстояние броска гранаты, после чего тем пришлось остановиться. Торкам, соответственно, тоже, у них брони, считай, совсем нет. Атака захлебнулась. Сейчас, судя по всему, Старшие Расы готовили следующую. И вряд ли все пройдет так же гладко. Дураков там нет, а учатся Старшие Расы быстро.

Глеммы опять построились, аталь подобрались, торки чуть раздвинулись в стороны. Будут заставлять землян растягивать оборону. Плохо. Ланья вздохнул и посмотрел на лес, ему почудилось там какое-то движение. Ирил присмотрелся и оторопел.

— Тиххин, смотрите, тиххин! — заорал он, свешиваясь с холма.

Суета внизу внезапно прекратилась. Во все глаза люди смотрели, как между деревьев все ближе и ближе мелькает серебристое тело лесного змея. Вот он выполз на открытое пространство, покрытое травой. На секунду замер, поводя поднятой головой.

Остановился взглядом на людях. Группа замерла, люди даже дышать перестали.

Тиххин медленно, очень медленно перевел взгляд на точно так же замерший строй Старших Рас. Минута раздумья, за которую каждый из магов потерял килограмма по два веса, и тиххин, издав злобное шипение, от которого содрогнулись все деревья вокруг поляны, заскользил к сверкающему на солнце строю.

Надо отдать нелюдям должное, строй не дрогнул, не побежал ни один. Над неподвижной стеной щитов взвилась туча стрел, половина из которых оставляла за собой еле уловимое свечение. Магиприпасы. Ни одна стрела даром не пропала. Попали все. Некоторые даже воткнулись, и от сработавших магиприпасов на гладкой серебристой шкуре тиххина начали появляться уродливые проплешины. Большинство из них тут же затягивалось, но две или три все же остались. Тиххину это, казалось, только прибавило сил.

Но взять обороняющихся глеммов было не так просто. Как только бронированное тело приблизилось к неколебимо стоящему строю, откуда-то из задних рядов в змея полетели магические заряды. Строй заволокло дымом, от которого змей отпрянул, не решаясь в него войти. Торки прижались поближе к тяжелой пехоте, закрывая двоих шаманов, которые творили какой-то узор. Есть. Один из шаманов выпрямился, воздевая руки. Дым, окутывавший строй, изогнулся, принял форму такой же огромной змеи и сам бросился в атаку. Дымный хвост стеганул по Твари, и тиххин закричал. Не зашипел, не засвистел, а именно закричал. На серебристом боку явственно обозначилась вмятина.

— Вот это да,— прошептал Степа.— Вот бы нам так.

— Молчи,— толкнул его в бок Тооргандо.— Смотри и запоминай, второго такого раза не будет.

Дымная змея бросилась в атаку повторно, но тиххина было уже не остановить. Не переставая кричать, змей бросился напрямик, через дымное тело, прямо туда, где раскачивались в трансе шаманы. Перед ним сомкнулась стена щитов, ощетинившаяся копьями, но это было все равно что пытаться остановить горный обвал. Тиххин разметал строй, как груду песка, и со всей силы обрушился на шаманов. Удар огромной головы был страшен. На месте шаманов осталось только кровавое пятно.

— Давай, давай, давай,— как заведенный повторял подпрыгивающий на месте Степа.

Тиххин дал. Бросок вправо, и группа щитоносцев уже никого не прикроет. Просвистело несколько стрел. Змей тут же, с виду совсем несильно, сунулся в ту сторону. Короткий вопль — и Стрелков стало на пару десятков меньше. Нелюди метались по лесу, постепенно теряя даже подобие порядка. Торки скакали по од-

ному между деревьев, пытаясь рубить бронированные бока. Аталь выцеливали глаза Твари. Глеммы... оборонялись. Как могли и как получалось. Но все это было совершенно бессмысленно. Тиххин вертелся, круша все, до чего мог дотянуться. Ударная группа Старших Рас доживала последние минуты.

И тут на самом краю травы, в некотором отдалении от места, где озверевшая Тварь добивала последних бойцов, величаво поднялась тонкая фигура. Причудливый шлем скрывал зеленоватые волосы. Плотный нагрудник из амулетов мог заменить собой хорошую кирасу. По прихотливой серьге в каждом заостренном ухе. На-халь Зеленого Лепестка начал свой последний бой.

— Убьется ведь,— прошептал кто-то, кажется Пелоц.

— Он своих спасает,— севшим голосом ответил ему Айонки.

Халь тем временем, совершенно не обращая внимания на беснующегося тиххина, выпрямился во весь рост и застыл, запрокинув голову и глядя в безоблачное небо.

— Колдует,— со знанием дела прокомментировал Степа.

— Прощается,— грустно ответил ему Шаман. Степа сконфуженно заткнулся.

Но вот халь сказал Несуществующим всё, что хотел сказать. Резким движением он раскинул руки, охватывая невидимые нити хальер. Вокруг ощутимо напряглось мироздание. Люди завороженно смотрели на силу, вступающую в пределы Пестика. Тиххин тоже почувствовал. Остановившись в своем безудержном стремлении размазать по земле все живое, он замер, пристально глядя на замершего халь. Тот начал сводить руки вместе. Поначалу движение было ровным, но, по мере сближения рук, некая сила начала противодействие. Каждый миллиметр давался аталь с огромным трудом. Тиххин тоже поначалу не шевелился, а потом медленно начал двигаться вокруг борющегося халь, постепенно ускоряясь. Аталь не сдавался. Миллиметр, еще, еще... Тиххин тоже ускорялся, как будто это его кружение и не давало халь закончить узор. Еще миллиметр, еще... Кружение тиххина слилось в одну сверкающую полосу. Даже возле могильника люди почувствовали дурноту от мощи, вложенной в это кружение. Оставшиеся в живых бойцы Старших Рас, стоявшие куда ближе к Твари, просто попадали на землю без движения. Стоял один халь, и никто не мог сказать, чего это ему стоило. И он не просто стоял, он заканчивал свой узор.

Люди возле могильника, затаив дыхание, наблюдали за схваткой. Кто кого?

— Ну же, давай, еще немного,— непонятно кого подбодрил Степа.

Движение тиххина смазалось, исчезло, превратившись в одну сплошную стену летящего серебра. Оно скрыло стоящего халь, и теперь оставалось только ждать.

Внезапно картинка окружающего мира дрогнула, смазалась. Откуда-то сверху раздался глухой гул, усиливающийся с каждой секундой. Тиххин сбился. Его движения стали не такими плавными, исчезла серебряная стена. В перерывах между бросками стал виден халь... Сомкнувший руки и удерживающий в этих руках нечто похожее на смерч. Вот он развернулся, стали видны даже безумные глаза. Аталь поднял руки...

— Ложии-и-и-сь!!! — дико заорал Щербин, бросаясь на землю. Мироздание содрогнулось. Ударная волна прошлась по поляне, таща за собой поваленные деревья, вырывая пласты земли и корежа тело замершего тиххина. В руках у аталь вспыхнуло нестерпимо яркое черное солнце. Люди зажмурились, и по могильнику хлестнул последний узор умирающего халь.

— Люди, лю-у-уди, есть кто живо-о-ой... — донесся до Ланьи полувсхлип-полустон.

Выкарабкавшись из-под кучи земли, Ирил встал на четвереньки и постарался помотать головой, чтобы вытрясти звон, заполнявший ее. Получилось плохо. Вместе с головой закачался весь мир, к горлу подступила тошнота. Ланья замер.

— Лю-уди... — стон перешел в хрип.

Ирил поднял голову и постарался сфокусировать плывущее сознание. У входа в могильник, вернее у того, что раньше было входом, привалившись к стене, сидела фигура, засыпанная землей. Куча не давала ей двинуться, и фигура хрипела, вытягивая шею, чтобы не задохнуться от земли, сыплющейся сверху.

— Лю-уди!

— Иду,— Ланья как был, на четвереньках, начал пробираться к сидящему.

Он хотел было встать, но не получилось. Пришлось так, попростому. Добравшись до почти уже засыпанной фигуры, Ирил начал разгребать землю возле лица. Макушка, лоб, брови, безумные глаза. Лицо перепачкано так, что не разберешь, кто это. Нос, щеки, подбородок.

— Петрович!

— Его в душу ни маму через восемь рыл в самое дуло,— ругань вылетела изо рта Петровича вместе с приличной порцией земли.— Спасибо, Ирил. Я уж думал, всё, конец мне.

— Руку давайте,— хрипел Ланья не хуже самого Петровича.

— Не могу,— Петрович помотал головой.— Я же узор держу, а то нас опять за полог утянет.

— Ну вы даете,— восхитился Ирил.— Вас не задело?

— Нет, блин, не задело,— расхохотался, кашляя, Петрович.— Просто по стене размазало — и всё. А так не задело.

— Сейчас,— Ланья положительно отупел после удара.— Сейчас разгребу.— Освободив Петровича из-под кучи земли, Ирил протянул руку.— Давайте помогу.

— Нет уж,— Петрович посмотрел на него снизу вверх.— Я лучше просто посижу. Мне главное было не задохнуться. Пойди посмотри, что с остальными.

— Пойду,— согласился Ланья.— А что это было?

— Атака халь,— пояснил Петрович.— Ты помнишь, почему в Пестике нет халь Лепестков?

— Помню,— кивнул Ирил.— Потому что им слишком тяжело управляться с таким количеством силы.

— Именно,— Петрович поднялся повыше и поморщился.— Но когда приходит черный день, любой халь в Пестике превращается в бомбу. Ты узор не узнал?

Ланья помотал головой.

— Ничего особенного. Обыкновенная воронка ветра. Но сила, полученная халь, превращает ее в нечто инфернальное.

— Во что? — не понял Ланья.

— Неважно,— помотал головой Петрович и опять поморщился.— Смертельная штука получается. Причем для всех. Видел, как он точку фокуса не удержал?

— Нет,— Ирил почувствовал себя первоклашкой.

— Ну, он ее, собственно, и не старался удержать. Всё равно не получилось бы. Ладно, иди помоги остальным, я посижу...

Ирил поднялся и побрел смотреть, что с кем случилось.

— Шаман! Шаман! Очнись! — Щербин тряс неподвижного Шамана как куклу.

Огромное бревно, вырванное из земли прощальным узором халь, воткнулось во вход, смяв стоящих там магов. Шаман стоял ближе всех ко входу, и ему досталось больше всех. В довершение всего невысокий потолок тоннеля обрушился, и маги были погребены под кучей земли. Петровичу, который попал в такую же передрягу, повезло — Ирил очнулся первым и выкопал его достаточно оперативно. Колобку сотоварищи пришлось выбираться самим. И только выбравшись, они поняли, что недосчитались Шамана.

Полуживые маги, скликая на помощь всех, кого только можно, бросились раскапывать кучу в поисках старшего. Шамана вытащили минут через десять, но уже по одному его виду становилось понятно, что дела плохи. На залепленном землей лице не двигалась ни одна мышца. Пульс не прощупывался, дыхание уловить не удалось. У магов опустились руки, но тут внезапно в толпу врезался Щербин. Разбросав магов, как котят, он буквально прыгнул к неподвижному Шаману, и воздух заискрился от количества творимых узоров.

Без толку.

— Шаман! Очнись!

Ланья, завороженно смотрящий на это действо — на всё про всё не ушло и двух минут,— вздрогнул и начал судорожно копаться в сумке. Вытряхнул ее, ничего не нашел. Схватил за плечо еле стоящего на ногах Шатуна, сорвал с его плеча сумку с магиприпасами и вывернул наизнанку и ее.

— Есть! — подпрыгнул он, сжимая в руке магиприпас на витом шнурке.— В сторону!

Отпихнув плечом ничего не понимающего Щербина, Ирил прицелился и со всего размаха влепил хрустнувшую колбочку в измазанный лоб Шамана.

Темное пятно мелькнуло и пропало, всосавшись в кожу. Прошла секунда, и «покойник» Шаман выгнулся дугой, забившись в жестоких судорогах. Ланья, немного даже испугавшись, отошел назад. Так вот как он выглядел, когда его вытаскивали из-под амулетов аталь.

— Что это? — схватил его за рукав Щербин.

— «Некроматик».

— Господи, конечно,— хлопнул себя по лбу полковник.— А я-то, старый дурак...

Шаман перестал биться, задышал, но выглядел всё равно хреново.

— Швайцер,— выворачивая голову назад, позвал Щербин.

— Тут.

— Потери есть?

— Никак нет.

— Тяжелораненые?

— Никак нет.

— Нелюди?

— Движение практически не просматривается. Халь с тиххином не всех положили, но непохоже, чтобы кто-то чувствовал себя лучше нас. Скорее, хуже. Еле шевелятся.

— Так,— почесал затылок полковник.— Что с ним?

— Не здóрово,— отозвался осматривающий Шамана Кащей.— Жив, спасибо Ирилу, но лучше бы его как можно быстрее в стационар. Здесь, боюсь, ничего у меня не выйдет. Только поддержать состояние. И то надо как можно быстрее выходить из-под фона. Магиприпасов всего ничего осталось.

— Понял,— кивнул Щербин. И повернулся к пошатывающимся группам: — Внимание, слушай мою команду. Самое время уходить. Выход через пятнадцать минут. Собрать все снаряжение. Стрелки — передвижная оборона со стороны нелюдей. Шамана — в центр. Мечники: половина впереди, половина сзади. Петрович, готов перемещаться?

— Всегда готов,— покачнулся Петрович.— Два раза могу туда и обратно.

— А потом можно и белые тапочки примерять,— невесело пошутил Шатун.

— Надо будет, и примерим,— с ощутимой угрозой отреагировал Щербин.— Всё. Приказ получили? Исполнять.

Через пятнадцать минут инвалидная команда, в которую превратились обе группы, матерясь и пошатываясь, начала движение по узкой тропинке, выкошенной Ирилом по пути в могильник. Слева стрелки, ощетинившись стволами автоматов, прикрывали ковыляющих магов. Пробежки не получалось: идти напротив бывших боевых порядков Старших Рас, придется долго. А на середине пути, на самой тропе еще к тому же валяется огромный кусок разорванного тела тиххина. И его еще обходить. Ланья присмотрелся и вздохнул: опять косцом работать.

Группа прошла пару десятков метров и почти поравнялась с местом гибели пожертвовавшего собой халь, когда на новообразованной пустоши поднялось бледное подобие стены щитов, красовавшейся там еще не так давно. Даже с одного взгляда становилось понятно, чего это стоило нелюдям. Им досталось гораздо сильнее, чем людям, но они всё равно не сдавались. Поддерживающие друг друга глеммы выстроили, как могли, боевой порядок. Похожий, правда, больше на карточный домик, но все же... Три Стрелка аталь выстроились в ряд за линией щитов. Непонятно, правда, зачем: луков у них в руках все равно не было, они остались в круговерти магической битвы. А с краю, символизируя несгибаемую решимость выполнить приказ, нечеловеческим усилием воли стоял одинокий торк. Его мотало из стороны в сторону, на израненное лицо было больно смотреть, но он стоял. Стоял и смотрел на проходящих мимо людей. Уже было давно понятно, что они не смогут

ничем помешать относительно целой группе, сохранившей все вооружение. Но они стояли. Стояли и смотрели.

Медленно-медленно, черепашьим шагом, люди проползли мимо израненных противников. И уже уходя, ковыляющий последним Тооргандо обернулся. Глядя прямо в глаза из последних сил держащемуся торку, гемар вытащил меч, поднял его и приложил ко лбу, отдавая салют мужеству врагов. Группа прошла. А когда через несколько минут Тооргандо обернулся вновь, мощной фигуры торка уже не было видно.

Трава как будто стала в три раза толще. Каждый пучок приходилось выдирать прилагая неимоверные усилия. Ирил уже отчаялся прикидывать, сколько ему еще осталось. Он просто рвал, рвал и рвал ненавистную траву, понемногу обходя исходящий желтоватым маревом кусок лесного змея.

Люди терпеливо ждали, пока он закончит работу. Никто даже не задумался о том, чтобы присесть отдохнуть. Тут сядешь, потом не встанешь, сил не хватит. Лучше так помаяться.

— Что такое? — вдруг недоуменно завертел головой стоящий возле неподвижного Шамана Кащей, пытаясь заглянуть себе за спину.

Он скинул сумку, доставшуюся от Шамана, и начал что-то искать в ее недрах. Нашел и с удивлением вытащил наружу контейнер с образцами линий могильника.

— И что тебе надо? — вопросил он, глядя на нее.

— У тебя тоже пульсирует? — подошел к нему Щербин.

— Угу. И ваш?

Полковник кивнул

— Что бы это значило?

— Не понимаю,— пожал плечами Кащей. Может, дело в тиххине?

— Давай посмотрим. Ты в ту сторону иди, я в эту.

Маги разошлись в разные стороны.

— У меня меньше,— сообщил через несколько шагов Щербин.

— А у меня наоборот,— отозвался Кащей.— Идите сюда.

— Что там? — поинтересовался полковник, подходя к Кащею, внимательно рассматривающему изъязвленный участок брони тиххина.

— Не очень понимаю, но именно тут она начинает прямо-таки зудеть. Не чувствуете?

— Чувствую,— согласился Щербин.— И что это такое?

— Не знаю, надо у вольдов поспрашивать. Мужики,— позвал он,— кто-нибудь знает, что это такое?

Вольды по одному протискивались к поврежденному боку, качали головами и отходили. Последним присмотрелся к тиххину Айонки.

— Странно,— пробормотал он.

— Что? — хором спросили Щербин с Кащеем.

— Это похоже на шрам от удара Паука,— задумчиво наморщил лоб Айонки,— мне однажды доводилось видеть... А это тогда,— он указал на плотный длинный нарост на броне, не повторяющий естественные формы чешуи,— это тогда... кусок паутины. Похоже.

Щербин поднес контейнер к самому наросту.

— Ого,— удивился он, повернувшись к Кащею.— Вот оно. Попробуй.

Кащей последовал совету и удивленно вскинул брови.

— И правда. Они либо жестокие антагонисты друг другу, либо близкие родственники.

— Вряд ли антагонисты,— с сомнением протянул Щербин.— Чувствуешь, как притягиваются?

— Да,— подтвердил Кащей.

— Готово,— из-за куска тиххина вывалился измочаленный Ланья.— Можно идти. Пробил дорогу.

— Давай тогда отдерем эту штуку,— предложил Щербин Кащею,— распилим и с собой заберем. Дома поизучаем этих «родственников». Есть еще контейнер?

— Есть,— согласился Кащей.— Давай. Ирил, ты пока несколько минут отдохни. Мы тут закончим и двинемся. Ладно?

— Ладно,— со смешком ответил Ланья.— Я-то хоть до утра могу отдыхать.

Он выразительно потряс покрасневшими кистями.

Огромный след почившего тиххина практически не изменился. Та же канава. Перейдя его, Петрович наконец скинул узор купола и минут десять клятвенно обещал всем Территориям никогда больше не прикасаться к узорам, демагам, Тварям и могильникам. Попадавшая от усталости группа молча внимала. Маги тоже содрали с себя амулеты и теперь наслаждались вновь обретенным могуществом. После могильника, Старших Рас и тиххина грядущие на обратном пути Твари казались чем-то мягким, плюшевым и добродушным. Настроение у всех было замечательное.

Но Кащей, как и положено главному злодею, осмотрев бледного Шамана, выдал вердикт: «Надо спешить». И отдых был зарублен на корню. Щербин после беседы с Кащеем дал на отдых все-

го полчаса, по прошествии которых безжалостно поднял-молящих о пощаде магов и погнал вперед. Их ждали Твари.

Не ждали...

— Это что, маршрут какой-то особенный? — на второй день пути громогласно поинтересовался Тооргандо.— Туда шли — никого не встретили. Обратно идем как по Такатаку. Что происходит, господа?

Вопрос был далеко не праздный. Группа шла второй день, ощетинившись всеми видами оружия и узоров, которые только могла выставить. И — никого. Никого! Всего лишь два раза они замечали вдалеке смутные тени каких-то Тварей, готовились к бою, но те почему-то, вместо того чтобы немедленно попытаться сожрать полуживых людишек, старались как можно быстрее убраться в сторону.

— Я, кажется, знаю,— подал голос Кащей.

Все эти два дня он ходил странно задумчивый, не выпуская из рук контейнеры с образцами. Присматривался, изучал, сравнивал, зачем-то подносил друг к другу и окружающим растениям. И вот теперь, кажется, разродился.

— Они боятся вот этих штук,— Кащей показал на контейнеры.— Не знаю, правда, боятся ли, но связываться точно не хотят.

— А ведь похоже,— удивился Щербин. Он тоже все это время шел в глубокой задумчивости, предоставив Швайцеру с Тооргандо вести группы. Правда, экспериментов над контейнерами не производил.

— И что это значит? — поинтересовался внимательно прислушивающийся к разговору Шатун.

— В перспективе это значит, что у нас есть над чем подумать,— глубокомысленно ответил Кащей.— А сейчас это означает, что лучше бы нам ускориться.

— Еще ускориться?! — возмутился Тооргандо.— Зачем?

— В свое время этот тезис высказывал Мастер Ацекато,— прищурился Кащей.— Примем как вероятность, что природа линий Паука и могильника идентична. А теперь подумай, ты бежишь по Территориям с факелом из шкуры Паука. Отреагирует ли кто-нибудь на это?

— Э-э,— задумался Тор.— Наверное.

— А если отреагирует, то кто? — надавил Кащей.— Оставим в покое разбегающихся Тварей.

— Э-э... — тут у Тооргандо пошел сбой.

— Либо еще один тиххин, жаждущий подраться с Пауком,— подсказал молчащий до этого Ланья.— Либо какой-нибудь Паук, желающий выяснить, кто это с его родственником разобрался.

— Ой,— не стал скрывать свои эмоции Тор.

— Ускоряемся,— из-за спин магов быстрым шагом выдвинулся Колобок и демонстративно пошел впереди группы.

В Такатак, где группу уже ждала горячая встреча вольдов, жаждущих чествовать героев, добравшихся до одной из загадок Территорий, маги влетели поминутно оглядываясь.

Но развеселому празднику гудящей вольницы не суждено было состояться. Прямо возле пятачка, куда выходили все команды, возвращающиеся из Территорий, светились два портала. Невозмутимые автоматчики Красного Замка искоса поглядывали на внешне расслабленных магов Братства.

Вышедшие команды остановились ровно посередине пятачка. По кругу плотным кольцом стояли любопытствующие вольды. Встречающие телепортисты подались вперед. А группы замерли...

Они столько дней рвались вместе сюда в Такатак, столько отдавали друг другу. Помогали друг другу... И вот так за несколько секунд разойтись? А ведь некуда деться... Их ждут. Еще как ждут. От порталов замахали руками...

Люди растерялись. Повисло неловкое, нехорошее молчание. А потом Шатун подошел к Пелоцу и протянул руку:

— Сейчас с этой бедой закончим, я в Улитарт выберусь, сходим, посидим где-нибудь. Скажем так, в ночь со среды на пятницу. У меня пара мест есть...

— Да что ж мы, место не найдем, в самом-то деле,— расплылся в улыбке Пелоц, пожимая протянутую руку.

Шатун, не выпуская руки Пелоца, повернулся к Тооргандо:

— А ты мне, между прочим, бутылку должен. Помнишь, за что?

— Появляйся,— расхохотался Тор.— Я тебе восемнадцать бутылок выкачу.

— Ты сказал,— прищурился Шатун.

Неловкость пропала, как не было. Люди загомонили, прощаясь, обещая встретиться, называя места, даты.

— Передайте Шаману, что, если он когда-нибудь решит навестить Красный Замок, то я всегда буду к его услугам,— негромко сказал Кащею подошедший Щербин.— Ко всем остальным, включая вас лично, это тоже, естественно, относится в полной мере.

— Аналогично,— расплылся в улыбке Кащей.— Вы, ей-богу, тоже заходите как-нибудь. Такое покажем... У вас, конечно, тоже есть чем удивить, но творения Улитарта — это нечто. Приходите. Улитарт сам по себе стоит того, чтобы его увидеть.

— Приду,— негромко пообещал Щербин, кивая головой. А потом широко улыбнулся и, плюнув на все, обнял Кащея.— Обязательно приду. Там разберемся, кто первый к кому.

Ланья стоял не зная, куда себя деть, пока все прощались. А потом вольды и маги Братства по одному начали подходить и жать руку.

— Спасибо, Ирил.

— Спасибо, без тебя бы мы не вышли. Будешь в Улитарте — заходи.

— Спасибо...

— Спасибо...

— Хорошо, что ты у нас был,— подмигнул Айонки.— Надумаешь возвращаться, мы всегда ждем.

— Не зря, молодой человек, мы вас тогда вытаскивали,— над Ланьей навис оскалившийся в улыбке череп Кащея.— Для меня была честь работать с вами. Двери моей лаборатории всегда для вас открыты.

Ирил кивнул, а потом вспомнил, кого еще он может встретить в лаборатории Кащея, и сжался. И сжался еще больше, рассматривая подходящего Тооргандо.

Гемар замер перед Ланьей. Молча посмотрел ему в глаза. Два друга просто стояли и не говорили ни слова. Тор поднял руку, сжатую в кулак, и несильно толкнул Ирила в плечо.

— Не вышли бы мы без тебя,— он покачал головой.— Нет, не вышли бы. Ты, считай, вообще всех спас. И не только потому, что на тебя этот фон не действовал... — Тор замолчал на секунду.— Так что с меня причитается. И крупно. Разберешься, кто ты есть, появись, ладно? Чем отлиться, найдем. Хоть воды наколдую. Появляйся.

Тооргандо немного криво улыбнулся, смягчая неловкую шутку.

— Ты тоже,— с непонятным чувством ответил Ланья.— Стакан молока для тебя всегда найду.

— Молока,— хмыкнул Тооргандо. Он еще раз хлопнул Ирила по плечу, развернулся и медленно побрел к порталу, запрокинув голову и разглядывая медленно плывущие по небу облака.

Ирил посмотрел ему вслед и вздохнул.

Эпилог

— Они как с цепи сорвались после вашего возвращения,— Реваш, вытирая пот, опустился на камень рядом с Тооргандо.— Что вы такое там раскопали?

Две пятерки аталь перехватили в ущелье. Тооргандо держался до тех пор, пока не подошел поднятый по тревоге Реваш. А появление третьей группы окончательно определило исход боя. К счастью, на этот раз обошлось без потерь.

— Что надо, то и раскопали,— Тооргандо перетягивал бинтом кровоточащую руку.

— Ты чего такой злой? — поинтересовался Реваш.— Чем я тебя обидел?

— Ничем, извини,— Тор закончил перевязку.— Просто аталь могли выйти из этого ущелья в любой момент. Сам посмотри.

Реваш прикинул диспозицию и задумчиво нахмурился:

— Но они остались даже тогда, когда подошли мы. Почему?

— Потому,— передразнил его Тооргандо.

— Они что, за вами пришли? — поразился Реваш.

— Похоже, да,— вздохнул Тооргандо.

— Так надо Сибейре сказать.

— Скажу,— со вздохом пообещал гемар.— Вот только когда.

— Точно,— Реваш положил на землю снятый шлем и взлохматил мокрые от пота волосы.— Продохнуть не дают. Атака за атакой. В Красном Замке то же самое?

— Насколько я знаю, да,— Тор неловко натягивал рукав на раненую руку.— Но им проще. У них территория, которую надо оборонять, значительно меньше. Хотя... У нас есть Улитарт.

— Угу,— усмехнулся Реваш.— Есть. Но вот интересно, когда все это кончится?

— Я был лучшего мнения о шаманах Желтого Лепестка,— Партанато Тагаррит невозмутимо наполнил чашку дошем, стоя спиной к собравшимся коллегам.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Юхнан в спину Тагарриту.

— Люди, в отличие от Шаманерии, преуспели возле Звена Цепи Света.

Торк на секунду сбился, собираясь с мыслями, хотя возразить тут действительно было трудно. Простое перечисление фактов.

Прошло два дня после известия о том, что задача, поставленная перед объединенной группой Лепестков в Пестике, провалена. Ошметки, выбравшиеся из Территорий — два глемма и один Стрелок,— рассказали о произошедшем. К сожалению, ни один халь или шаман не выжил, поэтому комментарии были неполными. Да что там неполными, их не было вообще. После боя с Тварью и исхода людей в живых остался только один халь из числа глеммов, но Территории внесли свои коррективы. Он не вышел.

И теперь совет троих вельмож пребывал в некоторой растерянности. Лепестки получили пощечину, не получили никакой информации, а самое неприятное заключалось в том, что всю необходимую информацию получили люди. Ситуацию нужно было срочно исправлять.

— Я не был бы столько категоричен в отношении наших коллег,— Принц Лианы решил, что ссора сейчас ни к чему.— Несмотря на некоторые противоречия, которые существуют у нас с коллегой,— Сандель чуть повернул голову к нахохлившемуся Юхнану,— я хотел бы заметить, что упрекать Шаманерию в неэффективности несколько, э-э... преждевременно. Мне нечем подкрепить свои слова, но постарайтесь поверить мне, гла-Тагаррит, что халь Серого Лепестка точно так же потерпели бы неудачу у любого из звеньев Цепи Света. Поставленный барьер был почти совершенным. Я говорю «почти» лишь потому, что людям все же удалось его преодолеть. Ума не приложу, как. Наши специалисты за эти два дня уже сломали все головы, но решение не просматривается. Защита была поставлена с расчетом на то, что, не имея ключа, ни одно живое существо не может пройти через полосу отчуждения. И она, кстати, работает до сих пор. Люди всего лишь перелезли через забор, если можно так выразиться, они не сломали замок.

«Ключ? — мелькнуло в голове у Тагаррита.— Малый Ключ»? Это предстояло обдумать.

— Блокираторы линий хальер? — поинтересовался Юхнан. Ну еще бы, в каком направлении может мыслить торк.

— Имеющиеся образцы крайне неудобны в повседневной жизни,— задумчиво ответил Сандель,— поэтому вряд ли они шли через Территории в блокираторах. А раз так, то никто просто не должен был успеть даже подумать о защите. Вы видели принцип действия узора?

Тагаррит и Юхнан одновременно кивнули, уважительно скривив губы. Ловушка аталь на самом деле была изумительно выполнена.

— А потом трава должна была сожрать любой блокиратор.

— Они обошли это,— напомнил Юхнан.

— Да. Я знаю,— поджал губы Сандель.— Но как они справились с Поводырем?

— С кем? — навострил уши Тагаррит.

— С Поводырем,— повторил Принц Лианы, иронично улыбаясь.— Вот об этом не знал никто.

Он выпрямился в кресле, торк с глеммом смотрели на него, не отрываясь.

— Если вы все же преодолели всю защиту, вошли внутрь звена и хотите попасть к центральному узору, то это у вас наверняка получится,— тонко улыбнулся Сандель.— Вот только войдете вы туда полностью очищенными от хальер. Первые несколько секунд вы не сможете нарисовать и одного, самого простого, узора. И вот тут вас должен встретить Поводырь. И проводить... — он сделал паузу, посмотрев на замерших коллег, и закончил: — В одно не очень приятное место.

— Они смогли победить Поводыря? — поинтересовался торк.

Зол-италь Сандель немного снисходительно улыбнулся: торки, как у них все просто.

— Поводырь не входит в число явлений, которые можно победить,— немного туманно пояснил он.— Бороться с ним бессмысленно и бесполезно. Если люди все же вернулись оттуда, то вывод можно сделать только один: Поводыря там не было.

— Куда же он делся? — поднял бровь Тагаррит.

— Единственное, что может прийти на ум, это некая связь отсутствия Поводыря с визитом первой группы людей. Но в тот раз защита сработала, сейчас я в этом абсолютно уверен.

— Тогда что произошло? — непонимающе нахмурился Тагаррит.

— Не знаю,— впервые сквозь броню невозмутимости и снисходительности Принца Лианы проглянула злая неуверенность.

Появилась и исчезла.— Но хочу узнать. А сделать это можно только одним способом — поговорить с очевидцем.

— Меры принимаются,— кивнул Юхнан.

— Я в курсе,— подтвердил Сандель,— но я считаю необходимым усилить наши старания по захвату участников экспедиции.

— Это не так просто,— вздохнул Тагаррит.— Красный Замок заблокировал группу внутри, и не исключено, что уже отправил на Землю. А Братство предпринимает беспрецедентные меры безопасности.

— И что? — изогнул тонкую бровь Сандель.

— Попытки не прекращаются,— твердо ответил Тагаррит.— Но они нам обходятся все дороже и дороже. Мы теряем слишком много подготовленных специалистов. Позиции Братства в Пестике сильнее.

— И что? — с угрозой переспросил Принц Лианы.

— Не надо подталкивать меня в спину,— Партанато Тагаррит не являлся подчиненным Принца Лианы, и он тоже умел давить.

— Уважаемые, ссора — нелучшее решение данной проблемы.— Юхнан, оставшийся в стороне от выплескиваемых эмоций, спокойно пыхнул раскуренной трубкой.— Быть может, стоит усилить защиту Цепи Света?

Сандель резко развернулся к торку, мгновение буравил его взглядом, но справился с собой. Раздражение ушло, как не бывало. Перед торком сидел прежний Принц Лианы. Ироничный и невозмутимый.

— К сожалению, сараси Юхнан, это не представляется возможным.

— Для аталь? — удивился Тагаррит, прекращая пикировку.

— Увы,— Сандель отстраненно посмотрел сквозь глемма.— Со времени создания Цепи Света изменилось многое. Появились Территории, появился обитаемый Пестик, появились Твари,— он скривил губы, намекая на недавний бой.— А самое главное... — Взгляд Принца Лианы стал полностью отсутствующим.— У нас у всех не осталось духа.

— Что это означает? — не понял Юхнан.

— Это означает, что в Клевере больше нет халь, способных на самопожертвование,— лицо Санделя стало жестким. Через вечно юное лицо проглянул усталый старик.— Мы не готовы к такому. Создателями Двери и Цепи Света двигал ужас перед бурой мглой Проклятия Ататидов. Ужас. И еще ответственность перед оставшимися в живых. Они отдали все, чтобы защитить свой народ. А для нас сейчас Проклятие — это сказка, которой мы пугаем до-

халь, чтобы быстрее учились, и детей, чтобы лучше слушались. Клевер забыл о своем прошлом.

Он взял со стола бокал и сделал глоток.

— А люди, по неведению, хотят сделать эту сказку явью. Страшной явью.

Голос аталь упал до шепота. Тагаррит против воли вздрогнул, Юхнан выглядел... напряженным.

— И поэтому мы должны любой ценой разобраться в произошедшем. Вы согласны?

Глемм и торк кивнули.

— Тогда предлагаю усилить процесс поиска очевидцев.— И, уже провожая гостей, Принц Лианы тихо спросил, глядя на обоих коллег.— Господа, а вам не кажется, что мы занимаемся локальной проблемой, решение которой, в принципе, нам ничего не даст?

Тагаррит нахмурился.

— Вы предлагаете?..

— Я предлагаю внимательнее посмотреть на Огненный Лепесток, вместо того чтобы бороться с его проявлениями в виде Братства и Красного Замка. Нужно убрать саму необходимость изучения Двери, вы не находите? Я прошу вас подумать над этим.

Глемм и торк, оба в глубочайшей задумчивости, скрылись в порталах.

Кабинет не изменился, дорогой костюм тоже, а вот хозяин кабинета выглядел неважно. Внешне всё то же самое, но добавилась усталость. Йенсен присмотрелся внимательнее. «И недосыпание,— решил он,— хроническое».

В подтверждение его мыслей Третий потер лицо руками.

— Извините,— попросил прощения он.— Третьи сутки на ногах.

Гермес коротко кивнул.

— Итак,— если не считать покрасневших глаз, хозяин кабинета был собран и сосредоточен.— Ваши выводы?

Все выводы Гермес уже написал в подробнейшем отчете, но Третий всегда предпочитал лично выслушивать мнения сотрудников. Йенсен знал это и подготовился соответственно.

— Энергетическая направленность, присутствующая в линиях Цепи Света и Двери, с высокой долей вероятности враждебна магии Старших Рас,— начал четко и емко докладывать Гермес.— Идентичность полученных образцов линий объекта и субстанции «Паутина» лишь подтверждает эту версию. Тварь «Паук» является единственной живой формой, безусловно враждебной всем

организмам Пестика. Изучена она мало, но вся информация, которую мы смогли получить, свидетельствует в пользу этого. Что бы ни скрывалось за «Дверью», это пугает Старшие Расы. Похоже, под мифами о Проклятии Атадидов, заставившем Старшие Расы покинуть привычные им обитаемые миры, есть реальная основа. Конструкция самой Цепи Света лишь подтверждает эту версию. Она является, по сути, произведением искусства с огромным энергетическим потенциалом. Строить такое сложное сооружение, да еще в условиях несбалансированного магического состояния Пестика,— для этого нужно было иметь очень вескую причину.

— Мы можем выпустить эту энергию из контуров Цепи? — поинтересовался Третий.

— Теоретически, то, что один человек построил, другой всегда сломать может,— задумчиво начал Гермес, потом посмотрел на усталое лицо Третьего и решил сократить свою речь: — При постановке конкретной задачи, скорее всего, сможем, но ни сроков, ни оценки произведенного эффекта я дать не смогу.

— Понятно, дальше,— попросил Третий.

— Энергия линий Цепи также оказывает негативное влияние на живые организмы Территорий. Другими словами, Твари их боятся. Также отмечено стремление образцов воссоединиться с линиями при первой возможности. Микрочастицы линий, выпущенные из-под контроля, тут же исчезали в направлении объекта.

— Что нам может это дать? — тут же отреагировал Третий.

— Пока непонятно,— пожал плечами Гермес.— Я просто сообщаю данные исследований.

— Данных много,— Третий внимательно посмотрел на Йенсена.— Но вы говорите именно про это. Почему?

— Это может в будущем дать ответ на вопрос о размыкании контуров Цепи.

— Понятно,— кивнул Гермес.— Что еще?

— Нелюди многократно усилили атакующую активность. Нападения случаются практически каждый день. Теракты, диверсионные вылазки. Попытки взять пленных, чего раньше никогда не было.

— Пытаются узнать, какую именно информацию мы получили,— сказал Третий.

— Похоже, что так. В отношении Братства Магов Земли выбрана та же политика. Нелюди несут потери постоянно, но атаки не прекращаются.

— И — конечные выводы? — Хозяин кабинета взглянул на часы.

— Использование энергетического потенциала Цепи Света, равно как и его воздействие на механизм Двери, представляется достаточно мощным сдерживающим фактором в отношениях со Старшими Расами. Последствия подобного шага еще предстоит оценить, но то, что нелюди на самом деле серьезно относятся к разработке ситуации с Проклятием Ататидов, сомнению не подлежит.

— Спасибо,— Третий поднял на Гермеса усталые глаза, но теперь к усталости добавилось еще что-то. Удовлетворение? — Именно это я и хотел услышать. Продолжайте исследования. Всё необходимое содействие будет вам оказано. Проекту присваивается повышенный приоритет.— Он помолчал и добавил.— А за полученные результаты и качественное выполнение задания я хотел бы лично поблагодарить вас. Это была хорошая работа. Всё, можете идти.

Странно, но удостоиться невыразительной похвалы от молчаливого усталого человека в дорогом костюме оказалось неожиданно приятно. Йенсен встал, отдал честь и почти строевым шагом вышел из кабинета.

— И что нам это даст? — непонимающе нахмурился Агатьев.

Встреча Совета продолжалась уже несколько часов. Доклады, итоги исследований, мнения, обсуждения. Но, похоже, к самой сути они начали подбираться только сейчас.

— Это нам ничего не даст,— мягко улыбнулся Шаман.— Я говорю сейчас вот что: если начать исследования в этой области, то теоретически мы сможем отвести некий канал от энергетического контура Цепи Света. Как от провода под напряжением отвести еще один провод. И если эта перемычка будет заканчиваться на Земле, где магия не держится, то, опять же сугубо теоретически, можно «обесточить» Цепь. «Заземлить» Цепь Света во всех смыслах,— он хихикнул над придуманным каламбуром.

— Так,— достаточно долго молчавший до этого Мастер Ацекато взял слово.— У меня за все это время появилось три вопроса, ответы на которые, собственно, и будут резюмировать нашу встречу. Первое. Правильно ли я понимаю, если исследования в области изменения контура Цепи Света успешно завершатся, то мы получаем шанс приступить к открытию этой мифической Двери? Так?

Шаман с некоторой натугой кивнул:

— Н-ну да.

— Второй вопрос. Сможет ли Земля сделать аналогичный вывод из имеющихся у них данных? — Он внимательно посмотрел на Шамана. Тот не задумался ни на секунду.

— Не то чтобы сможет, а, скорее всего, сделает. Если уже не сделала. Как выясняется, с теоретической базой у них всё хорошо. Не лучше, чем у нас, но зачастую ничуть не хуже.

— Понятно,— вздохнул Точилинов.— Ну и третий вопрос: смотрите, что получается, раз пошли разговоры, что Цепь можно «обесточить», а Дверь отрыть, значит, эта технология рано или поздно, но появится.

— Не факт,— вскинулся Шаман.

— Факт, факт,— грустно улыбнулся Семен и посмотрел на Се Ляо Юя.— Помнишь, как связь на шесть километров делали?

Китаец расплылся в улыбке и кивнул в ответ:

— Помню. Ты прав, очень похоже.

— Так вот,— вернулся к теме Точилинов,— примем как данность, что технология будет. Тем более что Земле она необходима — в качестве защиты, например.

— То есть? — не понял ван Брюккен.

— Элемент шантажа,— пояснил молчавший всю встречу Сибейра.— Делаешь отвод, ставишь на него «кран» и оповещаешь Старшие Расы, что в случае чего,— дон Антонио сделал пальцами движение, как будто открывал невидимый кран.— Рычаг давления.

— Ага,— озадаченно откинулся на спинку стула ван Брюккен.

— Вот именно, что «ага»,— вернул себе слово Точилинов.— Причем, в отличие от нас, они на самом деле могут осуществить эту угрозу.

— Почему «в отличие от нас»?

— Клаус, да что с тобой сегодня? — Мастер Ацекато улыбнулся.— Информации много? Потому что если дойдет до настоящего открытия Двери, то в этом случае Проклятие Ататидов (а никто не сомневается, что оно существует на самом деле) пройдется по всему Клеверу. Кроме... — он сделал многозначительную паузу.

— Земли,— понимающе протянул ван Брюккен.

— Именно. На Земле нет магии, им не страшно.

— Вот все-таки не факт,— упрямо влез Шаман.— Что там за Дверью, не знает никто. И если эта штука основывается не только на магии, то Земля вместе со всеми может попасть под раздачу.

— Да,— коротко кивнул Точилинов.— Но, согласись, шансы Земли выглядят предпочтительнее.

Шаман проворчал что-то невразумительное.

— Так вот,— упрямо вернулся к теме Мастер Ацекато.— Получается, что для обеспечения собственной безопасности нам надо, как минимум, эту технологию тоже иметь. Хотя бы для того, чтобы знать, как ей противодействовать.

— Противодействовать? — переспросил Сибейра.

— Противодействовать,— подтвердил Точилинов.— Открытие Двери — это угроза существования всех Лепестков, тут Земля рискует нарваться. И во всей этой четырехсторонней каше: Земля, Лепестки, Проклятие и мы — у нас позиция самая хреновая. Дверь откроется у нас. Лепестки постараются как минимум не выпустить эту гадость из Пестика. Основная драка будет здесь. Да плюс ко всему мы еще и люди. Так что нам надо вырабатывать эту клятую технологию, и как можно быстрее. Либо мы сами начнем давить на Старшие Расы, либо поймем, как можно приостановить Землю.

Он замолчал и взлохматил волосы, и без того пребывавшие в некоем творческом беспорядке.

— А третий вопрос-то где? — поинтересовался ван Брюккен.

Точилинов ухмыльнулся, придал волосам подобие порядка и обвел взглядом притихших магов:

— А вопрос простой: когда приступаем?

— Да, сараси Тагаррит,— если принц Лианы и был удивлен неурочным вызовом, то внешне это не проявлялось.— Я слушаю вас.

— Приношу свои извинения,— изображение Тагаррита на висящем в воздухе экране межлепестковой связи вежливо улыбнулось.— Но я счел, что появившаяся информация может вас заинтересовать.

Сандель немного наклонил голову, показывая, что он готов выслушать собеседника.

— Мы можем остановить наши попытки захватить участников экспедиции к Цепи Света,— глемм решил не ходить вокруг да около.— Только что мне сообщили, что в Серый Лепесток вышли два халь из нашей группы, которые считались погибшими. Я переговорил с ними мельком, но уже понятно главное: мы знаем, что именно получили люди... — он немного помолчал,— и чем нам всем это грозит...

Содержание

Маги Клевера 3

Воины Клевера 353

Литературно-художественное издание

Максим Волосатый

МАГИ КЛЕВЕРА

ВОИНЫ КЛЕВЕРА

Ведущий редактор *А. В. Мазин*
Художественный редактор *Ю. С. Межова*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Верстка *Т. Ю. Алиевой*
Корректор *В. Н. Леснова*

ООО «Издательство АСТ».
141100, Россия, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб».
198096, Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская, д. 11, лит. А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

Четверо крутых парней, владеющих мастерством древнего боевого искусства «панкратион», уходя от преследующей их банды наркоторговцев, попадают в Древний Рим.

Великие баталии, гладиаторская арена, любовные приключения и тайные заговоры — все это в историко-фантастическом боевике Валерия Большакова «Преторианец».

Начало второго века. Древний Рим, провинция Египет. Амбициозный и владеющий тайнами магии египетский жрец готовит восстание против римского владычества. Он вооружает и «зомбирует» разбойников, беглых рабов и прочих нехороших парней, а попутно ищет сокровищницу древнего египетского бога. Славная четверка выходцев из двадцатого века, выполняющая особые поручения для древнеримской «спецслужбы», направляется в Египет, чтобы не допустить этого безобразия.

ЗАКОН МЕЧА

Крепкий парень Олег Сухов, кузнец и «игровик», случайно стал жертвой темпорального эксперимента и вместе с молодым доктором Шуркой Пончиком угодил прямо в девятый век...

Где их обоих моментально определили в рабское сословие. А вокруг кипит бурная средневековая жизнь. Свирепые викинги так и норовят обидеть правильных варягов. И сами варяги тоже на месте не сидят: ходят набегами и в Париж, и в Севилью... Путей же к свободе у Олега два: выкупиться за деньги или — добыть волю ратным подвигом. Герой выбирает первый вариант, но Судьба распоряжается по-своему...

МЕЧЕНОСЕЦ

Личный квест Олега Сухова продолжается. Попав в девятый век, он не просто выжил, а добился уважения в дружине конунга Рюрика. И вот новая напасть — некая сила будто стремится вернуть Сухова обратно, в «родное время».

Жаль, не добрасывает — Олег с другом Шуркой Пончиком оказываются в веке десятом. Без оружия, без друзей, без возлюбленных.

И вновь Олег Сухов все начинает с нуля, пробивается наверх, добывая мечом славу и золото, влюбляется до безумия и отправляется в поход на Константинополь...

Суровый мир древних викингов не терпит чужих. Маленькому Дагу повезло. Его не убили. И не сделали рабом. Его усыновил богатый свейский кузнец Олав Северянин. Дагу из клана Топоров не суждено стать кузнецом. В семь лет он уже знает, что станет воином. Херсиром-вождем.

Он должен был стать великим воином, но его похитили. Финская колдунья увезла его на север, чтобы юный Даг из племени Топоров стал колдуном, которому нет равных. Однако Дагу дорога колдуна не по вкусу. Он хочет стать воином. Лучшим из лучших. Но прежде ему предстоит узнать, что самые лучшие, самые страшные, самые беспощадные воины севера — это воины-«оборотни». Берсерки...

МИР УРШАДА

Этот мир — чужой. Костры инквизиции и работорговля, упыри в ночном небе над спящими городами и миражи, уводящие путников в ад. Здесь не знают милосердия и не ждут пощады. Но где-то остался потерянный рай — земля любви и гармонии, «Четвертая Твердь». Там живут в мире люди и боги. На поиски этой земли отправляются Женщина-Гроза, неистовая Марта Ивачич, и Рахмани Саади — человек, побратавшийся с огнем. А в дороге их направит магический Камень Пути, подарок Уршада — безликого демона...

ЗОВ УРШАДА

Мир Уршада, породивший Ловца Тьмы Рахмани и Женщину-Грозу Марту Ивачич. Эти двое оживили драгоценный Камень Пути, который привел их на таинственную «Четвертую Твердь»... оказавшуюся нашей Землей. Привел не куда-нибудь в дебри Амазонки, а прямо в Санкт-Петербург.

Рахмани и Марта желают встретиться с императором «Четвертой Тверди». И готовы бороться с любыми трудностями. А если «трудности» возражают, то в ход идет оружие и магия. И горе тем, кто вовремя не уберется с дороги!

ДЕТЕКТИВ С ЛЫСОЙ ГОРЫ

Алекс Каховский предпочел бы раскрывать преступления, не выходя из своего кабинета. Но детективов и волков, как всем известно, кормят ноги. А в мире ведьм и чудовищ ему вдобавок приходится то и дело пускать в дело меч и арбалет.

И все же детектив Алекс считает, что жизнь прекрасна. Во-первых, потому что вокруг столько симпатичных женщин, во-вторых, он все еще жив. Что при его профессии и характере можно считать признаком большой удачливости

СПЕЦНАЗ ЛЫСОЙ ГОРЫ

Его дом — на полпути между Лысой Горой и Княжеским Замком.

Его любовница — ведьма.

Его друзья — гвардейцы Великого Князя.

Его враги... Не стоит завидовать его врагам, даже если у них есть танки и ракеты средней дальности.

Знакомьтесь: Алекс Каховский. Герой. Работа такая.

О грядущем Конце света слыхали?

Это из его биографии.

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ

Максим ВОЛОСАТЫЙ

МАГИ КЛЕВЕРА

На планете Земля открывают магические врата в чужой мир. Превосходный мир с восхитительной экологией. Правда, там уже обитают разумные существа — аталь, маги, немного похожие на эльфов. И им очень не нравится, что какие-то посторонние недочеловечки используют их мир как базу для пикников. Начинается война. Магия против современной военной техники. Сначала побеждают люди, а потом… Потом магия.
И спастись удается только очень маленькой группе землян. Тоже магов. Слабеньких магов, но есть в Мире Клевера место, где их слабость может обернуться настоящим могуществом…

ВОИНЫ КЛЕВЕРА

Попав в Мир Клевера, где магия убивает не хуже пули, а меч на поясе немыслим без амулета на груди, бывшие ученые и военные очень быстро поверили в его реальность.
Конечно, им помогли. Если считать помощью искреннюю ненависть трех Старших Рас, странно похожих на эльфов, гномов и орков из земных преданий.
Маги Земли научились жить в Мире Клевера.
Но победить здесь могут только Воины.

АСТРЕЛЬ СПб
ISBN 978-5-17-072904-3
www.astrel-spb.ru